Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
(ИИАЭ ДВО РАН)

На правах рукописи

Авилов Роман Сергеевич

РУССКАЯ АРМИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1904 ГГ.)

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Владивосток – 2023

Оглавление

Введение …….. 4

Глава 1. Русская армия на Дальнем Востоке в 1865–1881 гг.
Восточный Сибирский военный округ …….. 48

1.1. Третий этап военно-окружной реформы в Российской империи:
создание Восточного Сибирского военного округа …….. 48

1.2. Военные кризисы на российском Дальнем Востоке в 1865–1878 гг.:
от Манзовской войны 1868 г. до британской угрозы 1876–1878 гг. …….. 59

1.3. Корректировка военного управления в 1868–1881 гг.:
предложения, дискуссии, меры …….. 74

1.4. Развитие группировки войск в регионе: программы, дискуссии, меры ……. 90

1.5. Обучение и боевая подготовка войск ……... 115

1.6. Кульджинский кризис 1879–1881 гг. и зарождение
военного планирования для Дальневосточного ТВД …… 132

Глава 2. Русская армия на Дальнем Востоке в 1882–1895 гг.
Становление Приамурского военного округа ……..... 147

2.1. Военная тревога: «Савеловский вопрос» 1882–1886 г. и
Афганский кризис 1885 г. …….. 147

2.2. Создание Приамурского военного округа в 1882–1884 гг.:
мнения и решения …….. 172

2.3. Совершенствование военно-административной системы
Приамурского военного округа: проблемы и решения …….. 189

2.4. Усиление обороноспособности российского Дальнего Востока:
программы, дискуссии, меры …… 204

2.5. Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона ……. 237

2.6. Обучение и боевая подготовка войск Приамурского военного округа …… 252

2.7. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и мобилизация
Приамурского военного округа в 1895 г. …… 269

Глава 3. Русская армия на Дальнем Востоке в 1896–1900 гг.
Первый этап подготовки к войне с Японией …….. 300

3.1. Управленческие итоги мобилизации 1895 г. и проблема
«переустройства Азиатских военных округов» ……... 300

3.2. Усиление обороноспособности в 1896–1899 гг.: дискуссии, планы, меры …….. 307

3.3. Мобилизационная готовность: планы и возможности
обороны региона в 1896–1900 гг. …….. 337
3.4. Обучение и боевая подготовка войск …….. 366
3.5. Русские войска в 1900 г.: мобилизация, импровизации, выводы …….. 383
Глава 4. Русская армия на Дальнем Востоке в 1901–1904 гг.
Второй этап подготовки к войне с Японией …… 421
4.1. Создание Дальневосточного Наместничества: проблемы управляемости
и координации ……..... 421
4.2. Усиление обороноспособности в 1901–ноябре 1903 гг.:
стратегические просчеты и тактические ошибки …… 436
4.3. Обучение и боевая подготовка войск ……... 471
4.4. Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны
региона в 1901–1904 гг. …… 479
4.5. Провал непосредственной подготовки к войне с Японией …… 517
Заключение ……..548
Список сокращений …….. 563
Список использованных источников и литературы …….. 565
Приложение 1. Дислокация русских войск на Дальнем Востоке в 1866–1904 гг. …….. 619
Приложение 2. Списочный состав русских войск в
Восточном Сибирском военном округе в 1865–1883 гг. …… 638
Приложение 3. Списочный состав русских войск в
Приамурском военном округе в 1884–1903 гг. …… 640
Приложение 4. Сравнительный анализ динамики изменения штатного состава
войск на российском Дальнем Востоке и в Варшавском военном округе
в 1883–1902 гг. …… 642
Приложение 5. Сравнительный анализ государственных доходов и расходов
на оборону российского Дальнего Востока и Варшавского военного округа
в 1883–1902 гг. …… 644
Приложение 6. Готовность частей войск Приамурского военного округа
к выступлению в поход во время мобилизации 1895 г. …… 647
Приложение 7. Командующие войсками Восточного Сибирского и
Приамурского военных округов…… 649

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена современной ситуацией, сложившейся в отечественной и мировой исторической науке, внешнеполитической обстановкой и продолжающимся процессом преобразований и усиления вооруженных сил Российской Федерации.

Недостаточная степень разработанности военной истории российского Дальнего Востока в целом, и истории русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг.[1] в частности, продолжает оставаться серьезной проблемой для исторической науки, поскольку делает невозможным объективную оценку военной политики Российской империи, роли армии и системы военного управления в освоении, развитии и защите региона. По сути, это одна из самых слабоизученных страниц региональной истории. Достаточно сказать, что в литературе практически отсутствуют точные данные о причинах, целях, задачах и процессе формирования военной политики Российской империи на Дальнем Востоке, об обсуждении, разработке и реализации программ усиления войск, а также их численности, штатном, списочном и наличном составе. Проблема военного планирования в 1895–1904 гг. для Дальневосточного ТВД последний раз специально исследовалось в 1910 г., а для 1865–1894 гг. – не исследовалась вовсе. Проблема обучения и боевой подготовки войск Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о., а также Дальневосточного Наместничества не изучалась, а единственное серьезное исследование подготовки русской армии к Русско-японской войне 1904–1905 гг. было проведено более ста лет назад[2], и не в полной мере беспристрастно, т.к. было выполнено по распоряжению Николая II. Тем не менее, именно оно лежит в основе всей научной традиции изучения этой проблемы как в России, так и за ее пределами, а для иностранных исследователей служит еще и основным источником фактологических данных.

Подобная ситуация вызвана прежде всего серьезными ограничениями на исследование этих вопросов, существовавшими не только в СССР, но и в Российской империи. Причем кроме идеологических соображений исследователи вынуждены были считаться с отсутствием доступа к документам по многим вопросам внешней и оборонной политики страны на Дальнем Востоке, а также ряду периодических изданий. В настоящее время большая часть существовавших ранее ограничений снята и тема доступна для исследования.

---

[1] Все даты в диссертации приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В случаях, когда речь идет о международных событиях, в скобках приведена и дата по григорианскому календарю, т.е. новому стилю.

[2] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. 857 с.

В то же время в мире по нарастающей идет процесс политизации истории. Борьба за мировое господство все еще остается на повестке дня в некоторых западных столицах, а изменение установленных в 1945 г. границ – в восточных. В результате, в последнее время исторические данные стали все чаще использоваться в политике, и речь идет не только о событиях Второй мировой войны. Благодаря возрожденным клише британских русофобов викторианской эпохи, в трудах даже самых уважаемых зарубежных авторов указывается, например, что во второй половине XIX–начале XX в., «вопреки всеобщему впечатлению, Великобритания не была самым ненасытным империалистом в Китае» и на Дальнем Востоке, поскольку «эта честь принадлежит России»[3]. Задачу им существенно облегчает то, что значительная часть сведений о русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг., необходимых для опровержения этих концепций (точные данные о военном планировании для Дальневосточного ТВД, состав и численность войск, характер их обучения) не введены в научный оборот даже в России, не говоря уже об англоязычной литературе. В этих обстоятельствах серьезное исследование русской армии в регионе в 1865–1904 гг. приобретает и определенное политическое значение, особенно с учетом того, что многие обсуждаемые в настоящее время проблемы межгосударственных отношений на Дальнем Востоке уходят корнями как раз во вторую половину XIX–начало XX в.

Трудность и противоречивость военных реформ в России в последние 20 лет свидетельствуют о сложности поиска оптимальных решений для развития вооруженных сил Российской Федерации на современном этапе: их численности, состава и системы управления, необходимых для обеспечения безопасности государства и в Европе и в Азии при ограниченных возможностях экономики и, как следствие, государственного бюджета. Ситуация заметно осложняется неуклонным нарастанием внешнеполитической и военной напряженности в мире. В этих условиях возрастает необходимость обращения к историческому опыту, чтобы иметь четкое представление о том, с какими проблемами военного строительства (в широком смысле этого слова) российские власти уже сталкивались на Дальнем Востоке в прошлом, как происходил сбор информации, необходимой для оценки ситуации, по каким направлениям велись дискуссии, как работал механизм принятия решений и их последующей реализации. Наиболее важными представляются вопросы взаимодействия центральных и местных органов военного управления, разграничения на всех уровнях прав и полномочий военной администрации, военной и гражданской администраций и их взаимодействия в условиях форс-мажорных обстоятельств, а также приспособления типовых структур военного управления к специфическим условиям того или иного региона. Не менее ценным в стране, расположенной сразу в двух частях света, может оказаться и практически

[3] Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. New York, 2010. P. 308.

неисследованный опыт обучения и боевой подготовки войск Приам. в.о. и Дальневосточного Наместничества к ведению войны в условиях совершенно непривычной для европейца географической, климатической и цивилизационной реальности. Использование этого опыта вполне позволило бы избежать уже неоднократно совершенных в прошлом ошибок и, наоборот, снова внедрить на очередном этапе исторического развития положительно зарекомендовавшие себя в прошлом решения или их элементы.

Таким образом, налицо необходимость возвращения на качественно новом уровне к исследованию истории русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. и, прежде всего, событий полностью оставшихся за пределами внимания историков или не рассматривавшихся более века.

Степень изученности проблемы. Проблема истории русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. затрагивается практически во всех работах, посвященных истории этого региона, внешней политики России во второй половине XIX–начале XX в., российско-китайским территориальным проблемам, Китайскому походу 1900–1901 гг., Японо-китайской 1894–1895 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг. войнам. Литература по каждому из этих направлений, несмотря на наличие серьезных историографических работ[4], вполне может стать темой самостоятельного диссертационного исследования. Однако, ни одной работы, в которой бы заявленная тема исследовалась специально, до сих пор нет, хотя ее историография насчитывает уже более ста лет.

Для анализа литературы по теме вполне применима традиционная схема выделения в историографии трех периодов: дореволюционного 1860-е–1917 гг., советского 1918–1990 гг. и современного (российского) 1991–настоящее время.

В период с 1860-х по 1917 г. было опубликовано всего две работы, в которых серьезно рассматривалась история русских войск на Дальнем Востоке, однако полностью периода с 1865 по 1904 г. ни одна из них не охватывает. Первая, это книга Генерального Штаба подполковника А.Ф. Рагоза, посвященная присоединению к России территории Приамурья и Уссурийского края и начальному этапу их военной истории (до конца 80-х гг. XIX в.)[5]. Написанная на опубликованной к тому времени литературе, воспоминаниях некоторых участников описываемых событий, а главное – документах архива штаба Приам. в.о., она содержит ценный фактологический материал. При этом почти полное незнакомство автора с

---

[4] См., напр.: Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). Историография. М., 1973. 208 с.; Забровская Л.В. Историографические проблемы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток, 1993. 124 с.; Лучинин В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках. М., 1939. 144 с.; Изучение Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. II. М., 2004. С. 344–411; Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2018. 294 с.

[5] Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. 153 с.

материалами делопроизводства центрального аппарата Военного министерства привело к тому, что события в книге были изложены не всегда последовательно, имелся ряд неточностей и ошибок. Однако это не снижает важности оценок самого автора, который долго служил в системе военного управления на Дальнем Востоке и хорошо знал ситуацию изнутри. Обратной стороной последнего обстоятельства явилась некоторая тенденциозность издания. Например, основным героем последних разделов книги стал действующий Командующий войсками округа А.Н. Корф, а имя последнего Командующего войсками Вост. Сиб. в.о. Д.Г. Анучина, сделавшего для усиления обороны региона не меньше, в ней не упоминается ни разу. Работа писалась для ознакомления служивших в Приам. в.о. офицеров с его историей и, отчасти, для повышения авторитета командования в их среде.

Второе, куда более сильное исследование, это первый том работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг., подготовленный П.Н. Симанским[6]. Специально посвященный предвоенной ситуации на Дальнем Востоке, он охватывает период с 1884 г. до начала войны с Японией и содержит главы по истории усиления русских войск и военному планированию в регионе, а также подготовке к войне в инженерном, артиллерийском, интендантском, крепостном и транспортном отношении. Серьезных недостатков у этой работы всего два. С учетом поставленных комиссии задач, автор рассматривал практически все события сквозь призму последствий и интерпретировал исключительно исходя из конечного результата, т.е. поражения в войне. Если А.Ф. Рагоза практически не был знаком с центральным делопроизводством, то П.Н. Симанский имел свободный доступ к архивам военного, морского и дипломатического ведомств (но не личным архивам императора), однако не работал с документами местного делопроизводства, не дошедшими до Петербурга. Таким образом, в обоих случаях всестороннего взгляда на проблему достичь не удалось. Более того, обе книги не содержат крайне неудобных для командования разделов по обучению и боевой подготовке войск на Дальнем Востоке.

Наиболее сильные работы общего плана по истории русской армии в этот период – это многотомные издания: «Столетие Военного министерства»[7], «Исторический очерк деятельности военного управления в России» в 1855–1880 гг.[8] и «Очерк деятельности Военного министерства» 1881–1890 гг.[9]. Не превзойденные до сих пор, они дают тот исторический контекст общих процессов развития российской императорской армии, который, при всей специфичности региона, необходимо учитывать и при исследовании истории

---

[6] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. 857 с.
[7] Столетие Военного министерства 1802–1902. Ч. 1–13. СПб., 1902–1914.
[8] Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг.: в 6 т. СПб., 1879–1881.
[9] Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича. 1881–1890. СПб., 1892. 323 с.

русских войск на Дальнем Востоке.

Исследовались в имперский период и отдельные проблемы, имевшие непосредственное отношение к оборонной политике России в регионе. Были опубликованы труды по истории каждого из казачьих войск: Забайкальского[10], Амурского[11] и Уссурийского[12], наиболее сильными из которых являются написанные с привлечением материалов местных и центральных архивов работы А.П. Васильева и Р.С. Иванова по ЗКВ и АКВ. Вступительными статьями предварялись публикации сборников документов. В частности сборник материалов по земельному и экономическому положению АКВ и УКВ снабжен достаточно сильной вступительной статьей-справкой исторической направленности[13]. Выводы авторов, стремившихся выявить причины социально-экономических проблем казачества и выработать способы их преодоления, свидетельствуют о том, что социально-экономическая политика государства оказывала значительное влияние на боеспособность иррегулярных войск, не отвечая при этом их объективным потребностям.

В 1909 г. Н.М. Тихменевым была начата разработка истории Манзовской войны 1868 г.[14], в результате чего статья о ней попала даже в военную энциклопедию[15]. В 90-е гг. XIX в. была заложена традиция изучения Японо-китайской войны 1894–1895 гг., однако какие-либо данные по организации обороны Дальнего Востока на случай начала войны с Японией в публикациях того времени отсутствуют по соображениям секретности[16]. После подавления Боксерского восстания сравнительно хорошо была разработана история Китайского похода 1900–1901 гг. и участия в нем русских войск[17]. Историография Русско-японской войны 1904–1905 гг. тоже весьма обширна и неоднократно становилась предметом внимания

---

[10] Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889. 75 с.; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. 3. 348 с.

[11] Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. 221 с.

[12] Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 1908. 20 с.

[13] Материалы относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902. С. 1–60.

[14] Тихменев Н.М. Манзовская война (Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 году) // Военный сборник. 1909. № 2. С. 23–40; № 3. С. 29–50; № 4. С. 19–32; № 5. С. 43–60; № 6. С. 53–70; № 7. С. 29–46.

[15] Манзовская война // Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165–167.

[16] Ржевуский И.В. Японско-китайская война 1894–1895 гг. СПб., 1896. 79 с.; Сборник материалов по военно-морским вопросам. Вып. 1. Японско-Китайская война / сост. под ред. кап. 1-го ранга Доможирова. СПб., 1896. 442 с.; Симанский П.Н. Японско-Китайская война. 1894–1895: Пер. с нем. [брош. Мюллера “Der Krieg zwischen China und Japan”], доп. новыми главами и примечаниями, сделанными по другим источникам. / Сост. Ген. штаба кап. Симанский. СПб., 1896. 284 с.; Кладо Н.Л. Военные действия на море во время Японо-китайской войны. СПб., 1896. 66 с.; Война между Китаем и Японией в 1894–95 гг. Пер. с фр. Новгород, 1896. 137 с. и др.

[17] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. I. Сост. генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. СПб., 1904. 433 с.; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. Сост. генерал-майор Овсяный. СПб., 1910. 300 с.; Кирхнер А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Благовещенск, 1900. 206 с.; Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового времени» на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб.–Порт-Артур, 1903. 617 с.; Военные события в Китае (1900–1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского Генерального штаба. СПб., 1902. 179 с. и др.

исследователей[18], однако подавляющее число авторов как имперского, так и позднейшего периодов не углублялись в военную предысторию конфликта, ограничиваясь использованием материалов из работы П.Н. Симанского. Им же была заложена и традиция изучения дипломатической предыстории войны, важной для понимания внешнеполитического контекста развития русской армии на Дальнем Востоке в 1895–1904 гг.[19].

Не менее важны для раскрытия темы и общие работы той эпохи по истории освоения и развития региона[20], важнейшая из которых – написанная П.Ф. Унтербергером книга «Приморская область 1856–1898 гг.». Рассматривая историю возникновения и последующего развития области (крупнейшей в Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о.), свидетелем которого он был, авторитетный дальневосточный администратор приводит ряд ценных данных по истории русских войск в регионе[21]. Другим направлением была публикация полковых историй, которые часто писались служившими в полках офицерами и периодически содержали не только справочные сведения об истории формирования части[22]. В имперский период были заложены основы изучения региона в военно-топографическом отношении[23], изучения истории городов[24], а также опубликованы ряд специализированных учебников, в определенной степени касавшихся исследуемых вопросов[25].

Таким образом, в период с 1860-х по 1917 г. хотя и был заложен фундамент научной традиции по исследованию ряда важнейших проблем истории Дальнего Востока, однако комплексных работ посвященных изучению истории русской армии в военной политике Российской империи за весь период 1865–1904 гг. не было. Более того, значительная часть работ писалась людьми, находящимися на государственной службе (военные и чиновники), а

---

[18] Лучинин В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках. М., 1939. 144 с.; Изучение Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. II. М., 2004. С. 344–411; Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2018. 294 с.

[19] Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910. Работа была отпечатана тиражом всего 7 экземпляров и, будучи засекреченной еще в Российской империи, оставалась таковой до распада СССР. Переиздание: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. 583 с.

[20] См., напр.: Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. С картою и рисунками. СПб., 1872. 116 с.; Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. СПб., 1892. 64 с.; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. 468 с. и др.

[21] Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. СПб., 1900. 324 с.

[22] Алферьев Н.П. Записная книжка 12-го Сибирского стрелкового ЕИВ Наследника Цесаревича полка. Брянск, б.г. 33 с.; Гантимуров М. Памятка стрелка 21 Восточно-Сибирского стрелкового Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. Благовещенск, 1907. 103 с.; Маковкин А.Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк. СПб., 1907. 212 с.; Мокринский. Памятка 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (1890–1907 гг). Никольск-Уссурийский, 1907. 76 с.; Стрелковая памятка 12-го Сибирского Стрелкового Е.И.В. Наследника Цесаревича полка. Владивосток, 1911. 8 с.

[23] де-Ливрон В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. СПб., 1880. 130 с.

[24] Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток, 1910. 192 с.; Калинин В.А. Исторический очерк города Никольска-Уссурийского. Никольск-Уссурийский, 1913. 86 с.; Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска: Ист. справка о муницип. жизни города. Хабаровск, 1913. 285 с. и др.

[25] Золотарев А.М. Записки военной статистики России. Курс старшего класса Николаевской академии Генерального штаба. В 2 т. 2-е изд. СПб., 1894; Учебник для солдата-охотника. Сост. Вл. Данилов и В. Ползиков охотники Лейб-Гвардии Егерского полка. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 1897. 54 с.

иногда и вовсе по заказу отдельных лиц и ведомств. Это вело к определенной специфике в подаче материала и пристрастности анализа, в тех случаях, когда он присутствовал. Не являясь в большинстве своем историческими исследованиями в полном смысле этого слова, работы эти содержат богатый фактический материал и авторские оценки, людей, бывших свидетелями и участниками описываемых событий. Таким образом, специальных исследований заявленной темы в дореволюционный период не проводилось, хотя ввод в научный оборот некоторых фактических данных имеет серьезное научное значение.

Ранняя советская историография не касалась рассматриваемой проблемы по идеологическим и военно-политическим соображениям. С одной стороны, положительный опыт, накопленный русской армией на Дальнем Востоке в вопросах реагирования на внешние угрозы, организации обучения и боевой подготовки войск, а также функционирования системы военного управления совершенно не укладывался в насаждавшуюся сверху концепцию «прогнившего царизма», и армии «с бездарными генералами», в которой «происходит нарастание революционной ситуации» из-за постоянного «угнетения солдат». С другой, после революции октября 1917 г. основное внимание пришлось переключить с анализа военного опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг. на изучение более поздних: Первой мировой 1914–1918 гг. и Гражданской 1918–1922 гг. войн, в целях последующего использования обобщенных данных советскими вооруженными силами. При этом специфика Гражданской войны на Дальнем Востоке, начало с 1931 г. японского вторжения в Маньчжурию с возрастанием угрозы советской территории и последующими событиями у оз. Хасан, а также общая нестабильная внешнеполитическая ситуация в Азии и вовсе сделали тему военной истории региона закрытой. Любые исследования по истории армии и войн следовало сопровождать стратегическим анализом, объясняющим причины дислокации частей в тех или иных пунктах, возможности и радиус их боевого применения. Публикация же этих данных, а также сведений о военно-транспортной инфраструктуре, была невозможна по соображениям секретности, т.к. они с дореволюционных времен мало изменились, сохраняли военное значение и могли быть использованы потенциальным противником, например, Японией. Более того, наработки имперских специалистов в области организации обороны российского Дальнего Востока (противодесантная оборона Владивостока, оборона низовьев и устья р. Амур, проблемы военного планирования и др.) активно использовались и в советское время, равно как и сами специалисты[26].

После окончания Второй мировой войны, ликвидации японской угрозы и некоторого смягчения режима, вследствие смерти И.В. Сталина, с конца 50-х гг. XX в. изучение истории

---

[26] См., напр.: Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток, 2015. С. 11–40.

Дальнего Востока России стало возрождаться как одно из важнейших направлений научных исследований[27]. Эту тенденцию в определенной степени закрепил период хрущевской «оттепели». Активно стали изучаться общие проблемы истории открытия, освоения и развития этих территорий. Возобновились попытки рассмотреть внешнеполитическую сторону процесса присоединения Приамурья и Приморья (П.И. Кабанов)[28]. И хотя роль военных в этом процессе освещена в работе крайне слабо – присутствуют лишь некоторые сведения о численности частей и наиболее яркие эпизоды их деятельности, эта монография лежит в основе советской исторической традиции исследования данной темы. Позднее начинают появляться работы А.И. Алексеева, в которых рассматривается широкий круг проблем освоения этих территорий: от анализа деятельности Амурской экспедиции, Г.И. Невельского и его сподвижников, до возникновения Владивостока[29]. Эти работы сформировали общее представление о процессе присоединения и освоения территорий Приамурья и Приморья, что принципиально важно для понимания истории русской армии и военной политики в регионе.

Заметный вклад в исследование российского Дальнего Востока внесли ученые, занимавшиеся отдельными аспектами истории этого региона. Классическим примером являются демографические работы В.М. Кабузана по заселению Дальнего Востока, где он собрал, систематизировал и проанализировал колоссальный статистический материал[30]. Наибольший интерес представляют данные о численности и характере переселения казаков, сформировавших АКВ, выводы о динамике изменения этих показателей. В то же время, личный состав регулярных войск часто не вносился в общие списки населения территорий, что сказывается на точности цифр. Впрочем, такие случаи отмечены автором в примечаниях.

В середине 80-х гг. направление военно-исторических исследований дореволюционного периода начало складываться в г. Новосибирск[31]. В г. Владивосток, благодаря книге и многочисленным статьям О.И. Сергеева, работающего над темой более 40

---

[27] Историографию вопроса см.: Изучение истории Дальнего Востока России (период капитализма) // История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917 г.). М., 1990. С. 203–211.

[28] Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. 256 с.

[29] Алексеев А.И. Сподвижники Г.И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967. 143 с.; Его же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982. 287 с.; Его же. Геннадий Иванович Невельской (1813–1876). М., 1984. 192 с.; Его же. Как начинался Владивосток. Владивосток, 1985. 224 с. и др.

[30] Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII в. начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. 260 с.; Его же. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII–начало XX вв.). Хабаровск, 1973. 192 с.

[31] Баяндин В.И. Армейские части в Сибири в годы Первой русской революции: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 256 с.; Его же. Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения (Новосибирск, 1 января–31 декабря 1984 г.): межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 150–159; Его же. Революционные выступления в воинских частях сибирских военных округов в 1905–1907 гг. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 149–168; Его же. Государственное ополчение в Сибири в годы русско-японской войны и первой российской революции (1904–1906 гг.) // Революция и общественное движение в Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 96–106; Баяндин В.И., Островский И.В. Попытка использования военнослужащих маньчжурской армии в земледельческом освоении Сибири // Участие крестьянства в освоение восточных окраин России (конец XVII–нач. XX вв.): межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 141–148.

лет, начала возрождаться история дальневосточного казачества. Начиная исследовать роль казачества в истории региона еще в советское время, он вынужден был сосредоточиться в первую очередь на социально-экономических проблемах казачества, минимизировав привлечение документов, связанных с военной сферой их деятельности. Данные о местах дислокации казачьих частей и соединений, системе подчинения, обеспечения, вооружении и боевом применении в работах того периода либо вообще не приводятся, либо носят предельно упрощенный характер[32]. Результатом всех этих исследований стала публикация крупного обобщающего труда по истории российского Дальнего Востока, в котором проблемам военной истории нашлось сравнительно немного места[33].

Несколько активнее изучалась в советский период история международных отношений России, в том числе и в Азии. Это одно из редких исторических направлений, в котором в 1917 г. традиция не была прервана, причем во многом благодаря работам Б.А. Романова[34], заложившим фундамент исследования внешней политики России на Дальнем Востоке уже в советской науке. Существенную роль сыграла и публикация в 1960 г. работы Ф.А. Ротштейна[35] и в 1963 г. «Истории дипломатии»[36], в которых были четко обозначены основные узлы международных противоречий в регионе, а значит – и перспективные направления исследований. Характерная особенность написанного В.М. Хвостовым второго тома «Истории дипломатии», равно как и фундаментальной монографии А.Л. Нарочницкого[37], состоит в том, что они не содержат ошибочного утверждения, что в 80–90 гг. XIX в. единственным и наиболее вероятным потенциальным противником России на Дальневосточном ТВД был Китай, против которого в регионе и держались все войска. Причина кроется в том, что книги были опубликованы в 1963 г. и 1956 г. соответственно, т.е. еще до событий 1969 г. на о. Даманский. Несмотря на характерный язык и методологические изыски эпохи, работа А.Л. Нарочницкого остается наиболее подробной из тех, где анализируется внешнеполитическая и затрагивается военно-стратегическая ситуация в регионе. Именно в ней была обоснована целесообразность выделения 1895 г., – года окончания Японо-китайской войны, как поворотного пункта истории Дальнего Востока. Опубликованы в книге и некоторые отрывочные сведения о развитии русских войск на

---

[32] Сергеев О.И. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII–XIX вв.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1979. 254 с.; Его же. Социально-экономическое положение забайкальского и дальневосточного казачества на рубеже XIX–XX вв. // Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX–XX вв. Владивосток 1979. С. 105–123; Его же. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. 327 с.; и др.

[33] История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917 г.). М., 1990. 471 с.

[34] Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 606 с.; Его же. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.–Л., 1947. 475 с. (2-е изд. испр. и доп.: М.–Л., 1955. 695 с.).

[35] Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.–Л., 1960. 705 с.

[36] История дипломатии. Т. II. М., 1963. 820 с.

[37] Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956. 895 с.

Дальнем Востоке и их влиянии на ситуацию в регионе. Эти работы позволяют выявить взгляд советской историографии на внешнеполитическую обстановку в регионе, цели и задачи отдельных государств и некоторые военные преобразования.

В дальнейшем, в исследованиях по истории международных отношений в Азии, русской дипломатии и сопредельных стран, войскам и военно-стратегической ситуации внимания уделялось все меньше[38]. При этом, как и большинство работ, писавшихся советскими исследователями в условиях холодной войны, они отличаются минимализмом в источниковой базе и фактологии, изобилуют достаточно специфическими оценками и практически не содержат данных о войсках и их роли в исследуемых событиях. Например, в статьях из сборника, направленного против фальсификации истории, ничего не упоминается о связи Кульджинского кризиса с Дальним Востоком[39], а в написанной на широкой источниковой базе книге Г.А. Хидоятова о Пендинском кризисе, нет ни единого упоминания о ситуации с занятием британским флотом «Порта Гамильтон» в 1885 г.[40].

Другим направлением исследований, существовавшим в имперский период, но возродившимся только в начале 50-х гг. XX в., стало изучение общих вопросов военной истории России во 2-й половине XIX–начале XX в. Это, прежде всего, монографии П.А. Зайончковского по военным реформам 1860–1870 и 1880–1890 гг.[41], и Л.Г. Бескровного по общему процессу преобразования вооруженных сил России в XIX и начале XX в.[42]. Подготовленные, во многом, на основе многотомных дореволюционных изданий[43], они также касаются русских войск и военно-административной системы на Дальнем Востоке лишь вскользь, осмысляя общую картину реформ и развития русской армии в рамках более критически настроенной марксистско-ленинской методологии.

Изучение истории Манзовской войны, Китайского похода 1900–1901 гг. (за исключением работы Н.М. Калюжной[44]) и написание работ по истории отдельных войсковых частей в советский период так и не возобновилось, а единственная работа по Японо-китайской войне 1894–1895 гг.[45] стала существенным шагом назад по сравнению с имперскими

---

[38] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. (с конца XVI в. до 1917 г.). М.: Мысль, 1973.; Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в.–70-е гг. XIX в.) М., 1982. 110 с.; История Северо-Восточного Китая. XVII–XX века. Т. 1. Владивосток, 1987. 424 с.; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. 383 с. и др.

[39] Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 427–459.

[40] Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент, 1981. 212 с.

[41] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. 361 с.; Его же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973. 351 с.

[42] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. 615 с.; Его же. Русская армия и флот в начале XX века. М., 1986. 238 с.

[43] Сравн., напр.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. 361 с. и Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг.: в 6 т. СПб., 1879–1881.

[44] Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.). М., 1978. 363 с.

[45] Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М., 1939. 104 с.

публикациями. Зато активно изучалась Русско-японская война 1904–1905 гг. – важная веха на пути к краху «царского режима» в советских идеологических построениях. Причем как в рамках многотомных обобщающих исследований[46], так и специализированных монографий[47], наиболее важной из которых стало издание под редакцией И.И. Ростунова[48]. При этом анализ событий в них начинается в лучшем случае с дипломатической предыстории войны или краткой характеристики Приам. в.о., не выходя за рамки изложенного в первом томе работы военно-исторической комиссии по описанию войны. Ничего сопоставимого с многотомными изданиями имперского периода[49] советским ученым сделать не удалось.

Таким образом, опубликованные в 1918–1990 гг. работы внесли несомненный вклад в изучение процессов присоединения к России, освоения и развития Приамурья и Приморья, историю международных отношений на Дальнем Востоке, казачества и исследование военных реформ в России в XIX–начале XX в. Однако их авторы не имели возможности всерьез заниматься проблемами оборонной политики России на Дальнем Востоке, историей русской армии и военного управления в регионе. В результате сформулированные еще в имперский период направления исследований почти 70 лет оставались без дальнейшей разработки.

С распадом СССР политика России в регионе стала более активной, влияние на нее идеологии заметно снизилось, но из-за сохранения территориальных претензий со стороны соседей и общей нестабильности в мире, проблема безопасности российского Дальнего Востока никуда не исчезла, а необходимость изучения исторических корней современных противоречий только возросла. В силу этого возрос и интерес к вопросам территориального размежевания России с Китаем, Кореей и Японией, военной истории Дальнего Востока, роли в ней казачества и т.п. В свою очередь открытие библиотечных спецхранов, рассекречивание архивных фондов и развитие международных связей дало возможность заниматься исследованием этих проблем, открыв тем самым новый, современный, период историографии проблемы. Он характеризуется резким ростом публикационной активности, возрождением формировавшихся еще в Российской империи, развитием существовавших в СССР и складыванием новых направлений исследований.

Еще в 90-х гг. XX в., на базе наработок имперских и советских ученых, возобновилась работа над обобщающими исследованиями по истории русской армии во 2-й половине XIX–начале XX в. В вышедшей в 1998 г. работе О. Леонова и И. Ульянова была сделана попытка

---

[46] Строков А.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 5. С. 34–152; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.–Л.: Госиздат, 1928. С. 449–523.

[47] Добровольский С.К. Русско-японская война 1904–1905 гг. Исследование операций на отдаленном своеобразном театре военных действий. М., 1930. 114 с.; Скляров Д.М. Экономическая политика японского империализма в Манчжурии. М.–Л., 1932. 103 с.; Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935. 383 с.; Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1952. 272 с. и др.

[48] История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. 381 с.

[49] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1–9; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Кн. 1–7. СПб.–Пг., 1912–1917.

детального анализа истории русской регулярной пехоты[50]. Затем стали появляться работы по военной политике на Дальнем Востоке[51], истории Военного министерства[52] и роли армии и флота в геополитических интересах России[53].

Активизировалось изучение истории внешней политики Российской империи, что привело к появлению новых серьезных работ по целому ряду направлений: русско-китайским[54], русско-корейским[55] и русско-японским[56] отношениям, русско-британскому соперничеству[57], внешней политике России на Дальнем Востоке[58] и международным отношениям в конце XIX–начале XX в.[59]. В результате, к концу 90-х гг. XX в. в рамках новой обобщающей работы по истории русской внешней политики с XV в. по 1917 г., была сделана попытка пересмотреть часть выводов советской школы, в том числе относительно Дальнего Востока. Однако авторам так и не удалось уйти от советской традиции сведения внешней политики к истории дипломатии[60]. Позднее эту проблему в значительной мере решил О.Р. Айрапетов, удачно проанализировавший влияние совокупности стратегических, экономических и идеологических факторов на формирование внешнеполитического курса

---

[50] Ульянов Э.И., Леонов О. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. 288 с.

[51] Мартыненко Ю.А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. 215 с.; Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX–начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897 и др.

[52] Двухсотлетие военного министерства. 1802–2002. Очерки истории Военного министерства. М., 2003. 696 с.

[53] Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И.С. Рыбаченок. М., 2019. 368 с.

[54] Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, 1997. 544 с.; Ткаченко Б.И. Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков. Владивосток, 1998. 160 с.; Ткаченко Б.И. Россия–Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999. 376 с.; Дацышен В.Г. Очерки Истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX–начале XX веков. Кызыл, 2001. 144 с.; Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX–начале XX веков. М., 2014. 593 с.; Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX- начало XIX вв.). Владивосток, 2011. 474 с.; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны М., 2004. 511 с.; Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. 441 с.; Границы Китая: история формирования / Под ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. 469 с.; Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.). Барнаул, 2003. 346 с.; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX–нач. XX вв.) Благовещенск, 2003. 302 с.; Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003. 960 с. и др.

[55] Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 1. 1860–1888. М.–Иркутск–СПб., 2004. 244 с.; Ее же. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897. М., 2004. 272 с.; Ее же. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М., 2013. 400 с.; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004. 250 с.; Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898 гг. М., 1993. 181 с.; Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. 278 с. и др.

[56] Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. 369 с.; Его же. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006. 447 с.; Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток, 2014. 310 с.; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. 704 с. и др.

[57] Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М., 1998. 230 с.; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с. и др.

[58] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб., 2008. 668 с.; Курас Л.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. / Л.В. Курас, Л.В. Кальмина, А.В. Михалев. Иркутск, 2018. 112 с. и др.

[59] Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы М., 2012. 582 с. и др.

[60] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира до русско-французского союза). М., 1997. 384 с.; История внешней политики России. Конец XIX–начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. 672 с.

России в XIX–начале XX в.[61].

В 90-е гг. XX в. возобновилось исследование происходивших на Дальнем Востоке военных конфликтов: Манзовской войны 1868 г.[62], Китайского похода 1900–1901 гг.[63], а также борьбы с хунхузами[64], в работах о которых затрагивались вопросы боевого применения русских войск. С появлением доступа к иноязычной литературе и японским архивным материалам, существенно продвинулось вперед исследование Русско-японской войны 1904–1905 гг.[65]. Впервые с дореволюционных времен было начато изучение истории разведки в странах Дальнего Востока[66], появились серьезные труды по истории русского военного востоковедения[67] и военно-топографическому исследованию региона[68].

Во Владивостоке были опубликованы тезисные работы В.Н. Зуева, посвященные линейным батальонам в Восточной Сибири[69], активизировалось изучение истории казачества[70]. Примерно в то же время начался бум региональных исследований военной истории Сибири. Ученые из г. Новосибирск не только продолжили изучение проблем административно-территориального устройства империи[71], но и активизировали исследование роли Западной Сибири в войнах начала XX в.[72], в результате чего были опубликованы две

---

[61] Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. 668 с.; Его же. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. М., 2017–2018.

[62] Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868 г. СПб., 2004. 143 с. и др.

[63] Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996. 144 с.; Его же. Русско-китайская война 1900 г.: Поход на Пекин. СПб., 1999. 157 с.; Его же. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск, 2001. 336 с.; Его же. Война в Приамурье // Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск, 2008. С. 160–280.

[64] Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. 254 с. и др.

[65] Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. 656 с.; Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга I–II. М., 2004; Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. 416 с.; Уткин А.И. Русско-японская война: в начале всех бед. М., 2005. 493 с.; Шацилло В.К. Русско-японская война. 1904–1905. М., 2004. 468 с.; Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М., 2015. 496 с.; Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток, 2009. 472 с. и др.

[66] Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I–II. М., 1998; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 139–161; Павлов Д.Б. Д.В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае // Труды института Российской истории РАН. 2019. № 15. С. 120–154; Его же. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. 464 с.; Павлов Д., Павлова Н. Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. 118–126; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М., 2010. 219 с. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.; Жабицкий А.К. Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае: конец XIX–начало XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 238 с.; Полутов А.В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 272 с. и др.

[67] Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. 632 с.

[68] Захаренко И.А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая: середина XVII–начало XX в.: дис. … д-ра геогр. наук. М., 2009. 424 с.; Смагин Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX–начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 366 с.

[69] Зуев В.Н. Линейные батальоны – фактор освоения Дальнего Востока России // Исторический опыт освоения восточных районов России: материалы междунар. науч. конф. (тезисы докл. и сообщ.). Владивосток, 1993. С. 38–40.

[70] Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. 204 с.; Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 2–5. Хабаровск, 2009–2016. и др.

[71] Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI–XXI в.). Новосибирск, 2018. 347 с. и др.

[72] Фабрика Ю.А. Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо…: (к 100-летию русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Новосибирский архивный вестник. 2004. № 14. С. 129–134; Баяндин В.И. Новобранцы Томской губернии в начале XX века // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 70–74;

монографии по истории Сиб. в.о.[73]. Другим центром военно-исторических исследований стал г. Барнаул в Алтайском крае, где сосредоточились на исследовании участия сибиряков, выходцев из Западной Сибири, в войнах начала XX в.[74]. Параллельно, этими же проблемами занимались и в г. Кемерово[75]. Исследование военной истории Восточной Сибири было сосредоточено в г. Иркутск, где была опубликована первая монография по истории Иркут. в.о. (часть показателей анализировалась в сравнении с Приам. в.о.)[76], а также серьезные работы по воинским частям и соединениям Восточной Сибири в войнах 1-й четверти XX в.[77].

Его же. Питание русского солдата во второй половине XIX–начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–75; Его же. Российская армия в конце XIX–начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 24–29; Его же. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7–12; Его же. Военное управление в Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX веков: Материалы региональной научной конф. 18–19 декабря 1997 г. Новосибирск, 1997. С. 39–43; Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с. и др.

[73] Копылов В.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милюхин, Ю.А. Фабрика. Новосибирск, 1995. 266 с.; Фабрика Ю.А. Пример служения России. Сибирский военный округ в русско-японской войне 1904–1905 гг. Новосибирск, 2015. 464 с.

[74] Ростов Н.Д., Ширшов М.А. IV Сибирский армейский корпус в русско-японской войне 1904–1905 гг. Барнаул, 2019. 224 с.; Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул, 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 241 с.; Ростов Н.Д. Земли алтайской верные сыны… Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Изд. 2-е доп. и перераб. Барнаул, 2005. 304 с.; Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы русско–японской войны 1904–1905 гг. // Воен.-ист. журнал. 2019. № 9. С. 53–60; Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. № 2. С. 177–185; Ростов Н.Д., Панченко И.Я. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам Известий Иркутской городской думы) // Известия лаборатории древних технологий. 2018. № 4. С. 137–147; Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 96–104; Ростов Н.Д. Поверочные сборы нижних запасных чинов в Сибирском и Приамурском военных округах в 1896, 1897 и 1899 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 143–148; Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Влияние пьянства на состояние воинской дисциплины в воинских частях Сибирского военного округа в годы русско–японской войны 1904–1905 гг. // Там же. С. 160–165; Ростов Н.Д. Мобилизация людских ресурсов Омского военного округа в 1914 году // Материалы науч.-прак. конф. «Алтай и Первая мировая война». 14–15 октября 2014. г. Барнаул: сб. материалов науч.-практич. конф., к 100-летию нач. Первой мировой войны. Барнаул, 2014. С. 24–34; Его же. Отмобилизование и отправка на фронт сибирских воинских частей в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Материалы Всерос. науч.–практ. конф. 31 октября 2014. Кемерово, 2014. С. 228−233; Ширшов М.А. Воинские формирования Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 326 с.

[75] Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 386 с.; Его же. Вклад сибиряков в защиту Отечества в войнах начала XX века: дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 502 с.

[76] Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ, 1884–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 1999. 305 с.; Его же. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. 207 с.

[77] Новиков П.А. Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2009. 584 с.; Его же. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 275 с.; Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX вв.). Иркутск, 2009. 352 с.; Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. Иркутск, 2014. 448 с.; Новиков П.А. Казарменный фонд Иркутского военного округа: государственные затраты в 1906–1917 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008. С. 142–146; Его же. Гарнизоны Сибирских стрелков в 1906–1914 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 8 (80). С. 301–308; Его же. Развитие местных войск Восточной Сибири // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. Иркутск, 2014. С. 101–108; Его же. Местные команды Иркутского военного округа: офицерский состав и бытовые условия по состоянию на 1912 // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Иркутск, 2017. С. 195–215; Кунжаров Е.М. Подготовка офицерских кадров в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве в XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 220 с.; Голято В.Н. Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX–начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 251 с.; Кузнецов М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918 гг.): дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2020. 339 с.; Его же. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3 (28). С. 136–149; Его же. Красноярский и Иркутский резервные батальоны. Организация, подготовка и служебные функции (1882–1900 гг.) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т.

В качестве самостоятельного направления в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске и Владивостоке развивалось изучение истории административно-территориального деления империи и системы местного гражданского управления, в том числе на Дальнем Востоке[78]. Однако работы, в которых отмечается значительность влияния военных на деятельность местных органов управления региона остаются единичными[79]. В 2004 г. вышла ставшая классической монография А.В. Ремнева, где были подведены итоги многолетних исследований системы административного управления на Дальнем Востоке и сформулировано его понимание понятия «география власти»[80]. Несмотря на скрупулезность исследования процессов формирования, эволюции и функционирования системы органов местного управления, связь этих процессов с общим внешнеполитическим курсом Российской империи и проблемой «окраинных территорий», автор, в традициях советской исторической школы, глубоко исследовал гражданскую составляющую административной системы. Задача исследовать военную составляющую им даже не ставилась. Затем стали появляться работы и по Дальневосточному Наместничеству[81].

Задача исследования морской политики России на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX в. была в значительной степени решена С.А. Гладких, А.В. Чистым и Р.В. Кондратенко[82].

К 2001 г. во Владивостоке окончательно сформировалось в качестве нового направления исследование истории Владивостокской крепости. Две монографии, подготовленные членами одноименного военно-исторического клуба при ОИАК – ПКО РГО на широчайшем архивном материале, не только внесли существенный вклад в изучение истории оборонительного строительства на Дальнем Востоке, но и содержат некоторые сведения о военных частях и соединениях, дислоцировавшихся на территории крепости, и служивших в ней офицерах. Однако, основное внимание авторов все-таки было сосредоточено именно на истории фортификации[83].

В 2000-х годах произошел кратковременный всплеск исследовательского интереса и к

---

3. № 2. С. 44–58; Его же. Иркутская дисциплинарная рота в 1879–1884 гг. // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Т. 1. Иркутск, 2019. С. 58–63 и др.

[78] Подробнее см.: Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в.–февраль 1917 г.): дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 47–49, 53–55.

[79] Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.А. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX–начале XX в.: очерки истории. Владивосток, 2002. 296 с.

[80] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков. Омск, 2004. 552 с.

[81] Милежик А.В. Дальневосточное Наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 212 с.; Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий… 601 с. и др.

[82] Гладких С.А. Русский военно-морской флот на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг.: дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. 234 с.; Чистый А.В. Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2002. 200 с.; Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. 344 с.

[83] Крепость Владивосток / Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин, С.А. Воробьев, Н.В. Гаврилкин. СПб., 2001. 264 с.; Владивостокская Крепость / Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин, С.А. Воробьев, Н.В. Гаврилкин. Владивосток, 2006. 336 с. Таким образом, история Владивостокской крепости будет затрагиваться в диссертационном исследовании лишь в той мере, в какой это необходимо для анализа изучаемых процессов.

истории Приам. в.о. В 2003 г. вышло из печати четвертое издание истории Краснознаменного Дальневосточного в.о., в котором впервые появился раздел о дореволюционной истории округа, написанный В.М. Петренко[84]. После этого почти одновременно вышли несколько статей Р.С. Авилова[85], В.М. Петренко[86] и И.С. Рудакова[87] по истории русских сухопутных сил и территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке, а затем были защищены диссертации[88]. В 2012 г. была опубликована единственная специальная работа, по истории военно-окружной системы в Российской империи в 1862–1917 гг. Однако, исследование посвящено в основном округам Европейской России и содержит лишь один параграф полностью посвященный военно-окружной системе на Дальнем Востоке[89].

Открытие доступа к архивам и возможность работать с эмигрантскими документальными собраниями привели к росту количества биографических исследований, как по столичным[90], так и по дальневосточным военным администраторам[91]. Появился и ряд уникальных справочных изданий по биографиям служивших на Дальнем Востоке морских

---

[84] Краснознаменный Дальневосточный. Военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. 4-е изд. испр. и доп. Хабаровск, 2003. С. 11–71.

[85] Авилов Р.С. Роль регулярных войск в занятии территории Приамурья и Приморья (50-е гг. XIX в.–1884 г.) // Известия РГИА ДВ. Сб. научн. трудов. Владивосток, 2007. Т. X. С. 196–208; Его же. История создания регулярной кавалерии на восточных рубежах России или 34 года на границе (1869–1903 гг.) // Известия Восточного института. 2008. № 15. С. 82–98; Его же. От Порт-Артура до Риги. Из истории 3-й Сибирской стрелковой дивизии // BALTFORT. 2009. № 2 (07). С. 34–39; Его же. Вклад Н.Н. Муравьева-Амурского в создание регулярной артиллерии на Дальнем Востоке России // Записки общества изучения Амурского края. Третьи Муравьевские чтения. Владивосток, 2009. Т. 39. С. 63–66; Его же. Приамурский военный округ в 1884–1887 гг.: особенности состава и дислокации войск // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток, 2010. С. 320–332.

[86] Петренко В.М. Развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX века // Воен.-ист. журнал. 2007. № 7. С. 3–9; Его же. Развитие русских сухопутных сил на Дальнем Востоке (конец 40-х–середина 80-х годов XIX века) // Воен.-ист. журнал. 2009. № 5. С. 10–15; Его же. Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903 гг.) // Воен.-ист. журнал. 2010. № 2. С. 3–9; Его же. Изменения в организации и составе русских сухопутных сил на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903) // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток, 2010. С. 308–319.

[87] Рудаков И.С. Начало формирования воинских подразделений в областях Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. 2007. № 4. С. 151–155; Его же. Создание структур управления и военной организации Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4 (41). С. 141–149; Его же. Амурская речная флотилия // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 5–13.

[88] Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.; Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук Хабаровск, 2010. 200 с.; Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.).: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.

[89] Война на Дальнем Востоке и военно-окружная система // Безугольный А.Ю. История военно-окружной системы в России. 1862–1918 / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Ковалевский, В.Е. Ковалев. М., 2012. С. 279–294.

[90] Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. 320 с.; Айрапетов О.Р. Генерал-Адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. 496 с.; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны 1903–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб, 2015. 354 с.; Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография. СПб., 2018. 370 с.; Глушков В.В. Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф. М., 2007. 144 с. и др.

[91] Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998. 428 с.; Александровская Л.В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане. Владивосток, 2007. 334 с.; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001. 352 с.; Ее же. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Хабаровск, 2008. 400 с. и др.

офицеров[92], офицерскому составу Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск[93], командному и военно-административному составу регулярных и казачьих войск Амурской области[94], исследователей Дальнего Востока[95] и русским военным востоковедам до 1917 г., многие из которых в разное время служили в Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о.[96].

Практически параллельно шел процесс развития краеведения и популяризации региональной истории. Появляются работы «местного уровня», в которых при рассмотрении истории того или иного города, района или области, авторы касаются истории военного управления изучаемой территории и вклада военных частей в ее развитие. Наиболее информативны с точки зрения военной тематики благовещенские публикации, посвященные истории Амурской области и казачьего войска[97], работы по истории городов Владивостока[98], Уссурийска[99] и Хабаровска[100].

Таким образом, хотя современные российские ученые и вернулись к изучению истории русской армии во второй половине XIX–начале XX в., в том числе и в Сибири, но для Дальнего Востока комплексных исследований не проводилось.

Теперь остановимся на кратком анализе зарубежных историографических тенденций в изучении проблем, так или иначе связанных с историей русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг., хотя подробное рассмотрение историографии каждого из этих вопросов заслуживает отдельного диссертационного исследования. Это, эпизод обострения русско-английских противоречий, сопровождавшийся занятием британским ВМФ «Порта Гамильтон» в 1885–1887 гг., Кульджинский кризис в русско-китайских отношениях и история Японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Оценка действий Великобритании на Дальнем Востоке (занятие флотом «Порта Гамильтон» в 1885–1887 гг.) в связи с Мервским кризисов изменилась за более чем 100 лет

---

[92] Морской биографический справочник Дальнего Востока и Русской Америки: XVII–начало XX вв. / Сост. Б.Н. Болгурцев. Владивосток, 1998. 232 с.

[93] Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск, 2018. 768 с.

[94] Господа офицеры… Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Биографический справочник. Благовещенск, 2016. 480 с.

[95] Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока. (Материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1 (1639–1939). Владивосток, 2007. 667 с. и др.

[96] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь. М., 2005. 295 с.

[97] Шиндялов Н.А. История Благовещенска 1856–1907. Очерки, документы, материалы. Благовещенск, 2006. 168 с.; Рудковский Н.П. Приамурье: люди, судьбы, память. Исторические очерки. Благовещенск, 2006. 160 с.; Амурские казаки. Приамурье из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. В 2 т. Благовещенск, 2008; Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск, 2008. 311 с.; История Благовещенска. 1856–1917 гг. (в 2-х томах). Благовещенск, 2009 и др.

[98] Старый Владивосток. Альбом. Владивосток, 1992. 211 с.; Стратиевский О.Б. Русский остров (страницы истории). Владивосток, 2013. 488 с.; Хисамутдинов А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. 352.; Его же. Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. 328 с.; Его же. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001. 218 с. и др.

[99] Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. 224 с. и др.

[100] Наволочкин Н.Д. Главное дело капитана Дьяченко. Хабаровск, 2007. 64 с.; Лысунец В.А., Фокин А.М. Дальневосточные версты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах. Хабаровск, 2014. 200 с. и др.

изучения до противоположной. Так Р.С. Гандри[101] и другие современники воспринимали их в рамках первоначальной концепции Г. Паркса как попытку противодействия возможной оккупации этих островов или другого порта в Корее русским флотом. Однако уже в 1930-е гг. Е.В.Г. Кирнан, подробно изучив этот вопрос в тесной связи с общими задачами внешней политики Британской империи в Китае в 1880–1885 г. и проблемами англо-русского разграничения сфер влияния в Афганистане в 1885 г., более осторожно охарактеризовал сложившуюся политическую ситуацию, как неоднозначную и вызывавшую серьезные опасения лондонского кабинета[102]. В свою очередь А.В. Гамильтон в 80-х гг. XX в. оценивал занятие «Порта Гамильтон» уже исключительно как меру, инициированную Г. Парксом в результате всплеска русофобии, и направленную на подготовку высадки десанта во Владивостоке или зал. Посьета на случай возможного выхода русских войск через территории Средней Азии к границам Британской Индии[103].

Историю Кульджинского кризиса, с проблемами военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке связывали лишь некоторые современники и редкие исследователи, например тот же Е.В.Г. Кирнан и Э.Г. Билоф[104]. Остальные, как правило, рассматривают его изолированно или вскользь. В целом же история русско-китайских пограничных взаимоотношений изучена сравнительно неплохо, в т.ч. и китайскими исследователями[105].

Современники прекрасно понимали огромное значение Японо-китайской войны 1894–1895 гг., и последовавших за ней дипломатических переговоров – каждый из присутствовавших при этих переговорах или хорошо осведомленных о них иностранных дипломатических представителей оставил подробные воспоминания[106] или эпистолярное наследие[107] со своими оценками. Зарубежная историография как войны, так и самих переговоров специально исследовалась Л.В. Забровской[108]. Принципиально важным является то, что мобилизация войск Приам. в.о. в 1895 г. и ее влияние на ход Симоносекских мирных переговоров иностранными авторами никогда не исследовалась. Даже в последней

---

[101] Gundry R.S. China and her neighbours. London, 1893. P. 268–294.
[102] Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885. Cambridge, 1939. P. 188–207.
[103] Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair // Korea Journal. 1982. No. 6. P. 20–33; Hamilton A.W. British interest in Korea, 1866–1884 // Korea Journal. 1982. No. 1. P. 24–41.
[104] Brandt M. von. Dreiunddreissig Jahre in Ost-Asien. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Band I–III. Leipzig, 1901; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 38–72; Bilof E.G. China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 // Military Affairs. 1982. Vol. 46. No. 2. P. 69–75.
[105] Подробнее см.: Историография пограничнo-территориальных проблем Китая: от традиционных подходов к современной интерпретации // Границы Китая: история формирования… С. 8–49; Китайские исследователи конца XX в. о пограничнo-территориальных проблемах и русско-китайских отношениях // Там же. С. 50–82; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье… С. 12–13.
[106] Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and New York., 1909. Vol. 2. P. 127–146; Brandt M. von. Drei Jahre ostasiatischer Politik 1894–1897. Stuttgart, 1898. S. 75–111; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897. Paris, 1918. P. 32–40; The secret memoirs of count Tadasu Hayashi / Ed. by A.M. Pooley. New York, 1915. P. 37–60, 77–85.
[107] The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910: The Observations of Baron Albert d'Anethan, Belgian Minister Plenipotentiary and Dean of the Diplomatic Corps / Ed. by G.A. Lensen. Tokyo, 1967. P. 17–52.
[108] Забровская Л.В. Историографические проблемы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток, 1993. 124 с.

обобщающей работе С. Пэйн[109] по истории этой войны, и книге Д. Схиммельпенника Ван дер Ойе[110] о дальневосточной политике России в 1891–1904 гг., об этой мобилизации упоминается лишь вскользь и всегда с опорой на многократно процитированные данные военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. При этом, очевидно, что именно угроза войны с тремя великими державами, и в том числе с Россией, заставила Японию отказаться от ряда предъявленных Китаю требований, спровоцировав дальнейшее ухудшение русско-японских отношений и гонку вооружений в регионе.

Зарубежная историография внешней политики России на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. тщательно исследована И.В. Лукояновым[111], японская традиция изучения дипломатической предыстории войны с возложением вины за нее на Россию и оправданием открытия боевых действий до официального объявления войны была заложена еще Нагао Арига в 1908 г.[112] и претерпела к настоящему времени мало изменений[113].

Что касается непосредственно войны, то до лета 1914 г. иностранных военных историков интересовало прежде всего обобщение опыта ведения боевых действий (в первую очередь влияние технического прогресса предыдущих 30 лет на тактику и стратегию), с целью его возможного использования в надвигавшемся европейском конфликте. Следствием было подавляющее доминирование в историографии обзоров хода боевых действий на суше и на море[114], причем не только в исследованиях, но и в мемуарной литературе. Анализом

---

[109] Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… 412 p.

[110] Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 421 с.

[111] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» … С. 40–67, 223–228, 343–344, 413–414, 573–576.

[112] Nagao Ariga. La guerre Russo-Japonaise au point du vue continentale et le droit international d'après les document officiels du grand état-major japonais (selection historique de la guerre de 1904–1905). Paris, 1908. 587 p.

[113] Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне. Военные аспекты // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие… С. 43–47, 53–58; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне. М.: Центрполлиграф, 2003. 320 с.

[114] *В Германии*: Immanuel F. Der russisch-japanische Krieg. In militärischer und politischer Beziehung dargestellt. H. 1–6. Berlin, 1904–1906; Aubert F. Der russisch-japanische Krieg. Bd. 1–2. Berlin, 1905–1906; Gädke R. Japans Krieg und Sieg. Politisch-militärische Beschreibung des russisch-japanischen Kriegs. Berlin, 1907. 347 s.; Höcker C. Russland und Japan im Kampf um die Macht in Ostasien. Bd. 1–2. Liepzig, s.a.; von Kalinowski W.E. Der Krieg zwischen Russland und Japan. Auf Grund Zuverlässiger Quellen bearb. von Walter Erdmann von Kalinowsky. H. 1–6. Berlin, 1904–1905; von Lignitz F. Der japanisch-russische Krieg. Mit kriegsgeschichtlichen Vergleichen und Betrachtungen über den Krieg. Bd. 1–4. Berlan, 1908–1911; Reventlow E. Der russisch-japanische Krieg. Nebst einer Beschreibung von Japan, Korea, Russisch-Asien und einer Geschichte dieser Länder von Dr. H. Döring. Bd. 1–3. Berlin–Schöneberg, 1905–1906; Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. H. 11, 37–49. Berlin, 1906–1913; von Freytag-Loringhofen H. Betrachtungen über den russisch-japanischen Krieg. H. 1–2. Berlin, 1913. 154 s., etc. *В Австро-Венгрии*: Einzelschriften über den russisch-japanischen Krieg. Bd. 1–8. Wien, 1906–1913; von Bulow H. Das russisch-japanische Konflikt. Wien, 1904. 96 s.; Meister J. Der russisch-japanische Krieg. Ein Studienbehelf. 2 Aufl. Wien, 1911. 410 s. *В Великобритании*: The official history of the Russo-Japanese War. Prepared by the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. Part. 1–5. London, 1904; Official history (naval and military) of the Russo-Japanese War. Vol. 1–3. London, 1910–1920; Cassell's History. History of Russo-Japanese War. Vol. 1–3. London, 1904–1905; Grew E. Sharpe. War in the Far East. A history of the Russo-Japanese struggle. Vol. 1–4. London, 1911–1913; Sedgweek F.R. The Russo-Japanese War on the Land. A brief account of the strategy and major tactics of the war. London, 1906. 170 p.; Brunker H.M.E. Story of the russo-japanese war 1904–1905. Part 1–2. London, 1909–1911. *Во Франции*: A.N. La guerre russo-japonaise. Par le comm. A.N. Vol. 1–3. Paris, 1907–1908; Galli. La guerre en Extrême-Orient. Russes et japonais. Vol. 1–2. Paris, 1904–1905; Bujac E. La guerre russo-japonaise. Paris, 1907. 496 p.; Donnet G. Histoire de la guerre russo-japonaise. Vol. 1–2. Paris, 1904–1905; Guionic G. Réflexions sur la guerre de Mandchourie. Paris, 1907. 116 p.; Meunier R. La guerre russo-japonaise. Historiques enseignement. Paris–Nancy, 1906. 686 p.; de Saligny. Essai sur la guerre russo-japonaise. Paris, 1913. 480 p. *В США*: Reports of military observers attached to the armies in Manchuria during the Russo-Japanese War. Part.

подготовки России к ведению боевых действий на Дальневосточном ТВД никто специально не занимался[115]. После Первой мировой войны 1914–1918 гг., в зарубежной историографии наблюдались те же тенденции, что и в советской – исследователи переключились на обобщение военного опыта уже этой войны. Впрочем, несмотря на возобновление интереса к теме уже после Второй мировой войны 1939–1945 гг., даже последние исследования по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. лишь в минимальной степени затрагивают процесс подготовки России к войне в военном отношении[116]. Исследований по истории русской армии в 1861–1914 гг. тоже очень немного и лучшей обобщающей работой до сих пор остается книга Б.В. Меннинга, вышедшая в 1992 г.[117].

Исследований собственно истории русской армии на Дальнем Востоке во 2-й половине XIX–начале XX в. в зарубежной историографии обнаружить не удалось, что в условиях закрытости источников закономерно. Материалы такого рода в архивах европейских стран и Японии были недоступны до Второй мировой войны, т.к. представляли собой добытые разведкой сведения о военном потенциале Российской империи в регионе, сохранявшие определенное военное значение. В СССР же работа иностранных исследователей была практически сведена к нулю, а наиболее информативные материалы по теме рассекретили только после распада Союза. В результате, основным источником по истории русской армии в военной политике на Дальнем Востоке для иностранных исследователей все еще остается первый том работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны[118].

Таким образом, можно констатировать, что зарубежные авторы, уделив внимание русской армии во 2-й половине XIX–начале XX в. в целом, ключевым проблемам истории международных отношений, так или иначе влиявшим на развитие русской армии на Дальнем Востоке, и военной политике Российской империи, изучением непосредственно исследуемых в диссертации проблем специально не занимались.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на неослабевающий интерес к проблемам истории российского Дальнего Востока в целом, вопросы военной истории региона в 1865–1904 гг. не являются предметом постоянного внимания историков. Полностью отсутствуют специальные монографии по данной теме. В значительной степени

1–5. Washington, 1906–1907; Unger F.W. Russia and Japan. A complete history of the war in the Far East. Washington, 1905, etc.

[115] Аналогичные тенденции, за редким исключением, наблюдались после Гражданской войны 1918–1922 гг. и в русской эмигрантской историографии. См., напр.: Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 53–116.

[116] The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. Ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpennick van der Oye, D. Wolf, Shinji Yokote. Leiden–Boston, 2005. 671 p.; The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. Vol. II. Ed. by D. Wolf, S.G. Marks, B.W. Menning, D. Schimmelpennick van der Oye, J.W. Steinberg, Shinji Yokote. Leiden–Boston, 2007. 583 p.

[117] Menning B.W. Bayonets before bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. 334 p.; см. также: Keep J.L.N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. 432 p., etc.

[118] См.: напр.: Menning B.W. Bayonets before bullets… P. 152–199, 296–300. Причем, достаточно часто в пересказе советских авторов: Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне. Военные аспекты // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие… С. 40, 59.

неисследованной остается история Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о., специфика развития и функционирования военного управления, процесс усиления войск и формирования военной инфраструктуры, особенности обучения и боевой подготовки войск, вопросы военного планирования и методы военного реагирования на возникающие внешнеполитические угрозы.

Цель данного исследования – изучить русскую армию на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. в контексте внутриполитических процессов, внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе.

Для ее достижения были поставлены следующие ***задачи***:

– выявить специфику развития и функционирования военного управления, как важнейшего и системообразующего элемента имперского управления на российском Дальнем Востоке;

– определить характер процесса усиления русских войск, формирования военных запасов и создания военной инфраструктуры в регионе;

– раскрыть особенности обучения и боевой подготовки войск к ведению войны на Дальневосточном ТВД, т.е. в условиях географической, климатической и цивилизационной реальности отличной от стандартов Европейской России;

– определить методы оценки потенциальных угроз в регионе командованием округов и центральным аппаратом Военного министерства, с последующей характеристикой этих оценок и результатов их практического использования;

– установить условия, причины, цели и результаты военного планирования проводимого как на центральном, так и на региональном уровне для Дальневосточного ТВД, а также дать характеристику подготовленным военным планам.

Объект диссертационного исследования – русская армия на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи.

Предмет исследования – процесс усиления, под влиянием внешнеполитических кризисов и в рамках корректировки военной политики Российской империи, русской армии на Дальнем Востоке, включающий в себя рост численности войск, их обучение, боевую подготовку, совершенствование системы военного управления и военное планирование.

Хронологические рамки охватывают период с 1865 по январь 1904 г. Нижняя граница определяется годом создания в рамках общероссийской военной реформы Вост. Сиб. в.о. и преобразования войск, что почти совпало с окончанием «муравьевского века» на Амуре (1861 г.) и продажей Аляски (1867 г.), существенно изменившей политический расклад на Тихом океане. Верхней границей принят январь 1904 г., когда на Дальнем Востоке началась Русско-японская война 1904–1905 гг., кардинально изменившая расклад сил в регионе, оценку российским руководством военного потенциала вероятных противников и собственных

возможностей по обеспечению безопасности дальневосточных территорий империи.

Территориальные рамки работы охватывают пространство российского Дальнего Востока в дореволюционном понимании этого термина, т.е. территорию Приамурского генерал-губернаторства/военного округа в границах 1884–1906 гг.[119] (это территория современного Дальневосточного федерального округа без Якутии[120]), а также Квантунского полуострова и Маньчжурии для периода 1898–1904 гг.

Методологическая основа исследования характеризуется комплексностью подходов, поскольку диссертационное исследование выполнено фактически на стыке трех традиционных направлений исторических исследований: отечественной истории, военной истории и истории внешней политики, что предполагает как синтез выводов, полученных по каждому из этих направлений, так и использование различных теоретических наработок отечественных и зарубежных ученых.

Изучение истории войск и, отчасти, военного управления, во многом велось в рамках традиции военно-исторических исследований, сложившейся еще в Российской империи[121]. Причем она была не только сформирована эмпирически, но и вышла на достаточно высокий уровень методологического осмысления. Справедливо отмечалось, что общественные науки, в числе которых и военная история, в отличие от наук математических и естественных, «они науки выводов, а не предсказаний» и тезис Огюста Конта «Знать для того чтобы предсказывать» (“Savoir pour prévoir”), «к ним применим лишь в крайне условной степени»[122]. Много лет занимаясь вопросами военной стратегии, начальник Николаевской академии Генерального штаба Г.А. Леер указывал, на важность выявления исторического факта, путь индуктивной обработки которого «заключается в воспроизведении *полной обстановки* каждого частного случая; оттого – и возможность уловить действие *всех причин*, проявившихся в данном факте, вплоть до неуловимых для теории всякого рода мелких *трений*»[123]. Он же обращал внимание на важность в исследовании установления причин, обусловивших те или иные решения, принятые людьми, творившими историю[124]. Несколько доработанные, эти принципы нашли практическое воплощение в трудах уже советских

---

[119] Общая площадь территории составляет 53.808,23 кв. миль (139.299,413 км^2). Приамурский военный округ // Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1893. Т. 6. С. 168.

[120] Современные: Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская и Еврейская автономная области и Чукотский автономный округ.

[121] Наиболее полное практическое выражение она нашла в фундаментальных исследованиях: Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1–13. СПб., 1902–1904; Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг.: в 6 т. СПб., 1879–1881; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1–9.

[122] Леер Г.А. Метод военных наук (Стратегии, тактики и военной истории). Печатано по распоряжению начальника Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб., 1894. С. 64–65.

[123] Там же. С. 70.

[124] Там же. С. 67–68.

историков, прежде всего П.А. Зайончковского и Л.Г. Бескровного[125]. Таким образом, несмотря на смену в стране политического режима, преемственность научной традиции была в значительной степени сохранена.

Это привело к пониманию военной истории в современной отечественной историографии не только как «процесса развития военного дела с древнейших времен до современности», но, прежде всего, как «*дисциплины классической исторической науки*, изучающей такие практики существования человеческого общества, как ведение войн, строительство и развитие вооруженных сил»[126]. Последние в Российской империи определялись практически также, как и в настоящее время, а именно, как «совокупность всех сухопутных и морских войсковых контингентов, которые государство может иметь в своем распоряжении как для ведения внешней войны, так и для поддержания порядка в стране»[127]. В фокусе данной работы находится история на Дальнем Востоке русской армии, как важнейшей составляющей вооруженных сил Российской империи и ее роли в военной политике, определяемой как «совокупность действий и мер органов власти, институтов и структур государства по предотвращению войны, военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов, сдерживанию агрессии, отражению вооруженных нападений и разгрому агрессора, организации военного строительства и подготовки вооруженных сил, населения и экономики страны к защите ее национальных интересов»[128]. На современном этапе в изучении армии находит применение и институциональный подход, рассматривающий армию как особый государственный и социальный институт, задействованный в реализации не только военной, но также внешней и, отчасти, внутренней политики государства.

Специфика изучаемого региона (удаленный, пограничный, слабозаселенный и т.п.) обусловила необходимость применения для исследования системы военно-административного управления управленческо-регионального подхода, тщательно разработанного А.В. Ремневым. Применяемое им понятие имперской «географии власти», предполагает особый подход к исследованию государственных институтов на периферии России, поскольку «империя вынуждена больше, чем внутренним губерниям, своему государственному и национальному ядру, уделять внимание окраинам, где она соприкасается с другими империями, где она имеет возможности для своего расширения и откуда ей грозит опасность»[129]. В связи с чем справедливо указывалось, что внимание историка должно быть направлено не только на анализ развития властных институтов как таковых, но и на целый

---

[125] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. …; Его же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий…; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке…
[126] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 49.
[127] Вооруженные силы // Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1911. С. 38.
[128] Военная политика // Военный энциклопедический словарь МО РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14609@morfDictionary (Дата обращения 06.12.2021).
[129] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 10.

комплекс влиявших на этот процесс причин, в т.ч. внешнеполитических и военно-стратегических, характерных именно для азиатской части империи[130].

В то же время, как сам подход, так и методы его практического применения пришлось существенно адаптировать для военно-исторического исследования, т.к. изначально они хотя и были заявлены как универсальные, но разрабатывались и использовались в первую очередь для исследования гражданских органов (или гражданских функций органов) государственного управления на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Однако там, в большинстве случаев, системы гражданского и военного управления просто сливались между собой (Приамурский генерал-губернатор и Командующий войсками Приам. в.о., военные губернаторы Забайкальской, Амурской и Приморской областей и т.д.). При этом, несмотря на фундаментальность исследования, сам А.В. Ремнев, *de facto* исследовал лишь гражданскую составляющую системы управления российским Дальним Востоком, почти полностью исключив составляющую военную[131]. Впоследствии большинство исследователей шли именно этим путем[132]. При этом привлечение широкого круга ранее не введенных в научный оборот источников позволяет констатировать, что армия и военная составляющая системы управления регионом играли важнейшую роль в процессе освоения, развития, и обороны дальневосточных территорий империи, действуя не менее, а часто – более эффективно, чем гражданская составляющая системы управления.

Для комплексного анализа проблем внешней политики на Дальнем Востоке и в Средней Азии отчасти применялась концепция «Большой Игры» (Great Game), понимаемая как процесс противоборства и взаимодействия Британской и Российской империй на просторах Центральной и Восточной Азии во второй половине XIX–начале XX в.[133] Она разрабатывалась сначала зарубежными[134], а в последнее время и российскими учеными для объяснения процесса соперничества двух империй в Средней Азии. Согласно этой теории Дальний Восток рассматривается как периферийная часть единого пространства «Большой игры», растянувшегося от Черного моря до Тихого океана. Такой подход позволяет фиксировать влияние процессов, происходивших далеко за пределами Дальнего Востока, на изменение внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе[135].

Важно отметить, что в последнее время в отечественной историографии наметился отход от «традиции написания истории внешней политики государства как преимущественно

---

[130] Там же. С. 13–20.
[131] Там же. С. 1–552.
[132] См., напр.: Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий… 601 с.
[133] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг. … С. 4–23.
[134] Edwards M. Playing the Great Game: A Victorian Cold War. London, 1975. 167 p.; Gillard D. The struggle for Asia, 1828–1914. A study in British and Russian Imperialism. London, 1977. 214 p.; Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. London, 1981. 264 p; Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. Oxford, 1991. 562 p., etc.
[135] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг. … С. 4–23.

истории его дипломатического ведомства», в сторону понимания того, что «область реальной политики, рождавшейся на грани усилий дипломатов и военных, учета финансовых возможностей, потенциала нашей страны, ее союзников и противников» куда менее изучена[136]. Как точно подметил О.Р. Айрапетов, в России XIX–начала XX в. «в процессе принятия решений по внешнеполитическим вопросам были задействованы самые различные ведомства и силы, следовательно, при изучении истории внешней политики империи необходимо учитывать и их. Немаловажное значение имеют фон и контекст того или иного внешнеполитического действия страны – военная, военно-морская, финансовая и внутриполитическая составляющие, причем речь идет не только о собственно русском потенциале, но и о возможностях партнеров и противников России в каждом конкретном случае»[137].

Следовательно, именно использование системного подхода дало возможность проанализировать взаимосвязь происходивших в русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг. процессов, с общим ходом реформ в русской армии, событиями в регионе и с международной обстановкой в целом. Это позволило выявить предпосылки, причины, условия и последствия военных мероприятий, проведенных в Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о. в исследуемый период.

Цели и задачи исследования предопределили использование методов общенаучных (дедукция, индукция, анализ и синтез) и специальных исторических (сравнительно-исторический, историко-генетический, контент-анализ и типологический), при соблюдении основополагающих принципов объективности и историзма. Сравнительно-исторический метод был использован в работе при рассмотрении процесса разработки, обсуждения и реализации программ усиления русских войск в Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о., анализе военного планирования и общих принципов, лежащих в основе концепции обороны региона, а также исследовании процессов формирования, развития, функционирования и постепенного приспособления к местным условиям военно-окружной системы на российском Дальнем Востоке, в сравнении с аналогичными процессами на других территориях империи. В частности расчеты динамики роста численности войск и финансирования Приам. в.о. в 1884–1903 гг. были выполнены в сравнении с другим пограничным военным округом – Варшавским.

Для выявления предпосылок, причин, условий процесса развития группировки русских войск на Дальнем Востоке, а также рассмотрения всего комплекса реализуемых по повышению обороноспособности региона мероприятий применялся историко-генетический метод. Следует отметить, что логическое сопоставление данных при критическом анализе

---

[136] Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914… Т. 1… С. 8.
[137] Там же. С. 10.

имеющихся источников и литературы, позволило достаточно полно воссоздать картину проведения военно-административных преобразований, реализации мер по усилению войск в регионе, совершенствованию процесса их обучения и боевой подготовки, а также организации военного планирования. Типологический метод применялся в работе, главным образом, для изучения особенных, «дальневосточных» военно-административных решений, органов управления (Южно-Уссурийский военный отдел, Временный военный штаб Наместника ЕИВ на ДВ) и военных частей (Уссурийские и Приморские конные сотни, Западно-Сибирские и Восточно-Сибирские линейные батальоны, и т.д.) и соединений (Десантный корпус во Владивостоке), имевших ряд существенных отличий или вообще являвшихся уникальными.

Источниковая база исследования это комплекс неопубликованных и опубликованных источников разных типов: письменные (материалы законодательства, документы центрального и местного делопроизводства, периодическая печать, источники личного происхождения) и изобразительные (карты).

Неопубликованные источники представлены документами из фондов трех федеральных архивов: Российского государственно военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ); регионального архива – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК); Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). В общей сложности было обследовано 53 архивных фонда. В работе также использовалась коллекция документов и материалов генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга из Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва) и документы семейного архива Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).

Специфика Российской империи состояла в многократном дублировании документов по целым направлениям документооборота. Так, например, приказы и приказания по войскам округа печатались типографским способом и после этого рассылались не только во все дислоцировавшиеся в округе части, но также в Главный штаб, все Главные управления Военного министерства и все остальные военные округа империи[138]. Несмотря на то, что подобная практика несколько тормозит исследовательский процесс (имеет место частое дублирование документов в делах), она позволяет минимизировать утраты в области фактологического материала, т.к. даже в случае гибели оригинала документа при пожаре, его копии сохраняются в собраниях других органов. Например, в Иркутских пожарах 22 и 24 июня 1879 г. был уничтожен почти весь архив Вост. Сиб. в.о. (штаба, всех окружных

[138] Это, в свою очередь, делает затруднительным однозначное причисление их к опубликованным или неопубликованным источникам, т.к. они встречаются как в фондах и научно-справочных библиотеках архивов, так и в общих (книжных) фондах библиотек.

управлений), в 1892 г. пожар уничтожил все дела Штаба войск Южно-Уссурийского отдела[139], а в 1908 г. сгорел архив Управления Никольск-Уссурийского воинского начальника[140]. Тем не менее, наиболее ценные документы в виде исходящих копий сохранились и находятся в настоящее время в фондах РГВИА.

Чтобы максимально точно восстановить механизм выработки, принятия и реализации решений по обороне российского Дальнего Востока, при проведении исследования анализ делопроизводства велся комплексно. Прорабатывались документы всех уровней вертикали военной власти, от императора и центрального аппарата Военного министерства до штабов командующих войсками в областях, а в необходимых случаях – и уровня конкретных военных частей и соединений.

Наибольшее количество материалов было выявлено в РГВИА – основном месте хранения документов по военной истории России периода империи.

Материалы, связанные с обороной территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока в 50–начале 60-х гг. XIX в. (до создания Азиатской части Главного штаба), отложились в фонде Департамента Генерального Штаба (Ф. 38. Оп. 4, 5, 8). Там сохранились дела о военно-административных преобразованиях и их проектах, а также дислокации, квартирном расположении и передвижении войск в Восточной Сибири в 1860–1866 гг.

Для 1866–1904 гг. принципиальные для понимания процессов организации русской армии в Восточной Сибири на Дальнем Востоке и обороны региона документы центрального аппарата Военного министерства сосредоточены в Азиатской части Главного штаба (Ф. 400. Оп. 1). Именно там находится большая часть дел по программам усиления русских войск в регионе, организации и реформам системы военного управления (данные комиссий И.С. Лутковского и И.Г. Сколкова, журналы и материалы Особых Совещаний по Амурским делам, комплекс документов по созданию Приам. в.о. и др.), переписка о формировании военных частей и соединений, казачеству и инфраструктуре. Там же находится основная часть отчетной документации по Манзовской войне 1868 г., подготовке Дальневосточного ТВД к возможному вступлению Англии в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., Шитэулинскому инциденту 1879 г., Кульджинскому кризису 1879–1881 гг. и часть документов по военному планированию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1879–1895 гг.

В этом же фонде сохранился комплекс направляемых в столицу с мест отчетных документов об организации и устройстве местных войск и артиллерии Вост. Сиб. в.о. (Ф. 400. Оп. 2). Документы, связанные с дислокацией, казарменным строительством, созданием военной инфраструктуры, перевозкой и дислокацией войск сохранились в делах строевого

---

[139] Приказ по войскам Приам. в.о. № 55 от 27 февраля 1892 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1333. Л. 71 об.
[140] Приказание войскам Приам. в.о. № 271 от 25 октября 1911 г. // Там же. Ед. хр. 1549.

отделения Главного штаба (Ф. 400. Оп. 3). Документы 1891–1905 гг. по оперативному управлению войск и разработке вопросов связанных с их стратегическим назначением, распределением и обеспечением отложились в делах генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (Ф. 400. Оп. 4). В документах мобилизационного отдела Главного штаба (Ф. 400. Оп. 6) имеются подробные сведения о мобилизации и демобилизации войск Приам. в.о. в 1900–1901 гг. в связи с Боксерским восстанием, подготовке и проведении мобилизации вызванной началом Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Сопоставимым по важности документов, для реконструкции происходивших событий, является фонд Военно-ученого архива (Ф. 846). Именно там сосредоточена значительная часть поступавших в Военное министерство из разных источников сведений о международных отношениях на Дальнем Востоке, а также документы по Савеловскому кризису 1882 г. (Ф. 846. Оп. 1); материалы по Китаю, Корее и отчасти Японии, накопление сведений о которых имело большое значение для организации военного планирования (Ф. 846. Оп. 2). Там же находится большая часть не сохранившихся в фонде Азиатской части Главного штаба документов о мерах по усилению военного положения в Приамурском крае в 1879–1890 гг., еще один блок документации по влиянию Кульджинского кризиса 1879–1881 гг. на обстановку на Дальнем Востоке, практически весь комплекс документов по военным приготовлениям России в регионе во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. (в т.ч. подготовке войск Приам. в.о. к возможной войне с Японией и мобилизации войск в 1895 г.), отчеты по мобилизации войск в 1900 г., а также материалы по усилению русских войск в регионе в 1900–1903 гг. и часть документов по военному планированию в этот период (Ф. 846. Оп. 3). В этом же фонде собраны донесения русских военных агентов в Китае и Японии, необходимые для понимания источников поступления и качества информации, использовавшейся затем в военном планировании (Ф. 846. Оп. 5); материалы по Китайскому походу 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. (Ф. 846. Оп. 6), организации военных перевозок и обеспечению безопасности КВЖД (Ф. 846. Оп. 8).

Колоссальные по объему материалы, собранные и систематизированные военно-исторической комиссией по описанию Русско-японской войны тоже сосредоточены в этом фонде (Ф. 846. Оп. 16. Т. 4). Наибольшую ценность для проведенного исследования имел сохранившийся там комплекс документов по военному планированию на Дальнем Востоке в 1900–1903 гг., которое велось в Порт-Артуре, материалы по усилению русских войск в регионе, их переформированию и дислокации в 1901–1904 гг., а также непосредственной подготовке к Русско-японской войне 1904–1905 гг. (в том числе телеграфная переписка этого периода между военными штабами в Порт-Артуре, Хабаровске и Петербурге).

Эти материалы существенно дополняются отдельными коллекциями документов по

Китаю (Ф. 447), Корее (Ф. 448), Японии (Ф. 451), военным действиям в Китае в 1900–1901 гг. (Ф. 486) и Русско-японской войне 1904–1905 гг. (Ф. 487).

Материалы текущего делопроизводства Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о. сохранились в фондах различных органов и областей, входящих в состав этих округов. Из-за гибели большей части документов в Иркутском пожаре 1879 г., фонд штаба Вост. Сиб. в.о. (Ф. 1447. Оп. 1, 2) беден и малоинформативен. Напротив, фонд Окружного штаба Приам. в.о. (Ф. 1558) сохранился достаточно неплохо. Отложившиеся в нем документы мобилизационного (Ф. 1558. Оп. 2), военно-статистического (Ф. 1558. Оп. 4), отчетного (Ф. 1558. Оп. 5) и инспекторского (Ф. 1558. Оп. 6) отделений позволяют составить представление о работе, производившейся там по всем основным направлениям. Выявленные в них сведения существенно дополнялись данными из фондов Управления войсками Приморской области (Ф. 1096), Управления войсками Амурской области (Ф. 1110), Окружных интендантского (Ф. 1560) и артиллерийского (Ф. 1561) управлений.

С 1867 г. и до начала Первой мировой войны в каждом военном округе ежегодно готовился по специальной форме всеподданнейший отчет по управлению округом. Он представлял собой итоговые отчетные материалы за год и охватывал все основные события в жизни округа, сгруппированные по направлениям. Почти все всеподданнейшие отчеты по военному управлению Вост. Сиб. в.о. (1867–1883 гг.) и по управлению Приам. в.о. (1884–1912 гг.) отложились в материалах канцелярии Военного министерства (Ф. 1. Оп. 2) и являются ценнейшим источником по военной истории региона. Однако, при их использовании следует учитывать, что готовили их с некоторым опозданием. В результате в периоды внешнеполитических кризисов приведенные в них данные носят на себе отпечаток позднейших событий, а в обычное время сведения в них (например, о качестве боевой подготовки войск) подавались в «приглаженном», более приятном для восприятия высшего начальства виде. В этой связи их использование возможно лишь в комплексе с материалами текущего делопроизводства военных округов, на основании которых эти отчеты и писались.

Огромную важность для раскрытия темы представляет личный фонд А.Н. Куропаткина (Ф. 165), где отложились не только его колоссальные по фактологической насыщенности дневники, большая часть которых до настоящего времени не опубликована, но и целый комплекс документов, связанных с управлением Военным министерством, событиями Китайского похода 1900–1901 гг. и подготовкой к войне с Японией. Там сохранились рукописи с разбором «военных» записок А.М. Безобразова, разные аналитические и статистические материалы по Дальнему Востоку, изучавшиеся военным министром, копии наиболее важной части его телеграфной переписки с Е.И. Алексеевым. Причем научную ценность представляет не только содержание документов, но, прежде всего, множественные

пометки на них самого А.Н. Куропаткина, позволяющие восстановить ход его мыслей, выявить глубинные причины тех или иных решений, связанных с Дальним Востоком. Куда менее информативны личные фонды А.И. Пантелеева (Ф. 88) и П.Ф. Унтербергера (Ф. 99).

Определенный интерес представляют и документы более позднего периода, поскольку предпосылки, причины и ошибки, приведшие к поражению России в войне с Японией, продолжали обсуждаться в военном ведомстве вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. одновременно с разработкой новых программ усиления русских войск на Дальнем Востоке и оборонительных планов. Наиболее ценны в этом отношении документы существовавшего в 1905–1908 гг. и созданного под влиянием неудач Русско-японской войны 1904–1905 гг. для разработки вопросов реорганизации вооруженных сил Российской империи, объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений Совета Государственной обороны (Ф. 830): журналы СГО и подготовительные материалы, всеподданнейшие доклады председателя великого князя Николая Николаевича-мл., а также весь комплекс материалов текущей деятельности ГУГШ по организации обороны региона в 1906–1914 гг. (Ф. 2000. Оп. 1, 2, 3); данные по специальной артиллерийской (Ф. 9734) и инженерной подготовке войск (Ф. 14982).

В ГА РФ необходимые для исследования документы отложились прежде всего в личных фондах. Документальное собрание В.Н. Ламздорфа (Ф. 568), много лет проработавшего в центральном аппарате МИДа, содержит огромное количество материалов по внешней политике России на Дальнем Востоке в 1895–1904 гг., включая копии значительной части дипломатической переписки с Е.И. Алексеевым и русскими дипломатами в Китае и Корее, документы по дискуссии о выводе русских войск из Маньчжурии в 1901–1903 гг., оценке китайской и японской угроз. Дипломатические документы, в той или иной степени затрагивающие изменение внешнеполитического и военно-стратегического положения в регионе, выявлены в фондах служивших в странах Дальнего Востока дипломатов Г.А. Плансона (Ф. 818), П.А. Дмитриевского (Ф. 918), будущего министра иностранных дел А.П. Извольского (Ф. 559).

Несколько ценных документов об организации обороны Уссурийского края в 1880–1881 гг. удалось разыскать в личном фонде Н.П. Игнатьева (Ф. 730). Документы, связанные с оборонной политикой России на Дальнем Востоке, сохранились и в императорских фондах: Александра II (Ф. 678), Александра III (Ф. 677) и Николая II (Ф. 601). Количество документов сравнительно не велико, однако следует подчеркнуть, что некоторые из них более нигде выявить не удалось.

Особое место занимает Ф. 543 «Коллекция рукописей Царскосельского дворца», по сути представляющий собой собрание разнородных документов по самым разнообразным

вопросам. Это материалы, которые императоры оставляли у себя на рассмотрение и по каким-либо причинам затем не возвращали. Здесь сохранились важнейшие документы по проблемам обороны российского Дальнего Востока и империи в целом, активизации внешней политики России в регионе в 1895–1904 гг., Китайскому походу 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и последующим дискуссиям о поиске виновных, т.к. каждый стремился оправдаться, донеся свою «правду» до Николая II. В последнем отношении интересен личный фонд лидера партии Октябристов А.И. Гучкова (Ф. 555), использовавшего в политической борьбе данные о просчетах русских военных накануне и во время войны с Японией.

РГИА ДВ хотя и дает материал, необходимый для понятия общеисторического контекста в рамках исследования данной темы (Ф. 1 и 702), однако сравнительно беден документами по военной истории. Тем не менее, именно в нем удалось выявить отсутствующие даже в РГВИА наиболее подробные, местные «квартирные росписания войск Приамурского военного округа» за 1885, 1887 и 1895 гг., в которых дислокация батальонов расписана поротно (Ф. 702); отсутствующие в центральных архивах документы по Манзовской войне 1868 г. и Шитэулинскому инциденту 1879 г. (Ф. 1). Здесь же находится ряд мобилизационных документов, относящихся к организации обороны Южно-Уссурийского края в последний год перед Русско-японской войной 1904–1905 гг. (Ф. 1615).

В ОР РГБ материалы по теме исследований были выявлены в фонде Генерального Штаба (Ф. 68), причем наибольшую ценность имеет рукописный «Отчет о рекогносцировке кратчайших путей соединяющих Порт-Артур с Приамурским военным округом», подготовленный по итогам экспедиции Генерального Штаба подполковника В.А. Орановского в 1898–1899 гг. Отдельные документы обнаружены и в собрании отдела рукописей (Ф. 218). При этом наиболее значимые материалы, как и в ГА РФ, были выявлены в личных фондах. Это коллекция документов первого Командующего войсками Вост. Сиб. в.о. М.С. Корсакова (Ф. 137), в числе которых – практически полный комплект отпечатанных соображений, заключений и описаний, подготовленных комиссией И.Г. Сколкова в 1869–1870 гг. с критическими пометками М.С. Корсакова, различные проекты административно-территориальных преобразований и ряд документов стратегического характера. В фонде Д.А. Милютина (Ф. 169) кроме материалов, посвященных общим вопросам военных реформ и обороноспособности империи, сохранились документы, имеющие непосредственное отношение к исследуемому региону, наиболее ценный из которых – всеподданнейший отчет А.Н. Куропаткина об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сиб. в.о. во время его поездки по Сибири в 1899 г. Уникальным документом, нигде более не обнаруженным, является «Докладная записка по замечаниям генерал-майора А.А. Тимофеева о состоянии войск Приморской области в результате смотра их в 1872 г.», сохранившаяся в фонде М.И.

Венюкова (Ф. 363). В архиве семьи Симанских (Ф. 271) сохранилось больше количество копий дипломатических и военных документов, сделанных членом военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны П.Н. Симанским. Они не только содержат важные сведения, но и позволяют проанализировать как велась работа по написанию первого тома «Русско-японской войны». Некоторые сведения общего характера можно почерпнуть и из переписки с супругой отправившегося в 1904 г. на войну М.В. Алексеева (Ф. 855).

В ГАХК была обследована «Коллекция документов по истории армии на Дальнем Востоке» (Ф. Р-768), сохранившиеся материалы по истории Хабаровского окружного арсенала Приам. в.о. (Ф. И-39), документы органов управления ЗКВ, АКВ и УКВ (Ф. И-286), сохранившаяся часть архива Никольск-Уссурийского уездного воинского начальника (Ф. И-206) и Амурского казачьего генерала графа Муравьева-Амурского полка (Ф. И-199), а также сохранившийся в научно-справочной библиотеке почти полный комплект подшивок приказов и приказаний по войскам Приам. в.о.

Определенные сведения о характере функционирования системы военного управления и общей обстановке в регионе удалось почерпнуть также из написанных в эмиграции воспоминаний В.Е. Флуга[141], долгое время служившего на Дальнем Востоке. Сходные по типу данные дипломатического характера отражены в подробных дневниках чиновника по дипломатическим вопросам при Наместнике ЕИВ на ДВ Г.А. Плансона[142], а также дневниках служившего на дипломатических должностях в Корее и в Китае в 1890-е гг. П.А. Дмитриевского[143].

В процессе подготовки диссертационного исследования были проработаны и опубликованы некоторые ценнейшие источники личного происхождения, не введенные ранее в научный оборот. Это рукопись[144] воспоминаний А.П. Будберга, бывшего в 1904–1913 гг. начальником штаба Владивостокской крепости: «Из Сибирских воспоминаний. Постройка Владивостокской крепости». Также были впервые изданы в России с научным комментарием его «Сибирские воспоминания»[145]. Кроме того, изучены воспоминания родного сына П.Ф. Унтербергера (в 1888–1897 гг. военный губернатор Приморской области, а в 1905–1910 гг. – Приамурский генерал-губернатор и Командующий войсками Приам. в.о.) военного инженера

---

[141] Воспоминания В.Е. Флуга за период 1896–1904 гг. см.: ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 1в, 2, 3, 4, 5.
[142] Дневники Порт-Артурского периода его службы см.: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 211, 212.
[143] Дневник П.А. Дмитриевского // ГА РФ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2, 3.
[144] Оригинал рукописи хранится в фондах Музея русской культуры в Сан-Франциско (Калифорния, США). Ее любезно предоставил вице-президент Музея господин Ив Франкьен (Yves Franquien) и от имени всех членов Правления Музея разрешил ее публикацию.
[145] Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток, 2017. 434 с.; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток, 2014. С. 323–373.

П.П. Унтербергера «Между двух стульев»[146]. Две главы этих воспоминаний были впервые переведены при участии Р.С. Авилова на русский язык и изданы в России[147], после чего был опубликован и первый их том целиком[148].

Опубликованные источники представлены несколькими крупными группами. Прежде всего это материалы законодательства и нормативно-правовые документы, представленные во втором и третьем Полном Собрании законов Российской Империи (ПСЗ РИ II и III)[149], Своде Военных Постановлений[150] и издававшемся с определенной периодичностью «Сборнике Правительственных распоряжений по казачьим войскам»[151]. Поскольку окончательное решение по всем важнейшим вопросам в стране оставалось за императором, то практически все подготовленные в центральном аппарате военного ведомства документы по усилению войск, формированию военных частей и соединений, военно-административным преобразованиям утверждались царем по всеподданнейшим докладам и, в виде различных указов, положений Военного совета и т.п. документов, приобретали характер закона и впоследствии попадали в соответствующие издания. Представленные в хронологической последовательности эти документы создают достаточно полную картину отражения процесса преобразования русских войск и системы военного управления в имперском законодательстве и облегчают ориентирование в текущем делопроизводстве Военного министерства.

После высочайшего утверждения документы возвращались обратно в канцелярию Военного министерства, откуда передавались в ответственные органы для исполнения. Кроме того, они в форме отпечатанных типографским способом приказов по военному ведомству направлялись во все «подлежащие части, управления и заведения», в том числе и военные округа. Министерские экземпляры брошюровались в подшивки по годам[152], к которым впоследствии подготавливались и тоже печатались алфавитные и хронологические указатели за каждый год, что существенно облегчает поиск нужных документов[153]. Периодически

---

[146] «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев» Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера) // Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).

[147] Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток, 2015. С. 166–244.

[148] Унтербергер П.П. Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера. Ч. 1. «Детство, отрочество, юность» / Пер. с нем. Л.Е. Корнилова; Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. В.И. Калинин, Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин. Владивосток, 2021. 396 с.

[149] Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб., 1850–1881. Т. 25–54; ПСЗ РИ III: в 33 т. СПб., 1881–1895. Т. 1–7. См. также: Дальний Восток в материалах законодательства 1862–1870 гг. Владивосток, 2004. 224 с.; Дальний Восток в материалах законодательства 1871–1880 гг. Владивосток, 2004. 404 с.; Дальний Восток в материалах законодательства 1881–1889 гг. Владивосток, 2005. 260 с.; Дальний Восток в материалах законодательства 1890–1895 гг. Владивосток, 2006. 320 с.; Дальний Восток в материалах законодательства 1896–1899 гг. Владивосток, 2007. 344 с.; Дальний Восток в материалах законодательства 1900–1902 гг. Владивосток, 2009. 320 с.

[150] Свод военных постановлений 1869 г. СПб., 1869–1911. Ч. 1–6.

[151] Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1–40. СПб., 1870–1905.

[152] Приказы по военному ведомству за 1865–1904 гг. СПб., 1865–1904.

[153] Алфавитные указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1904 гг.; Хронологические указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1904 гг.

издавались и различные справочники[154].

В свою очередь, на окружном уровне издавались уже приказы и приказания по войскам соответствующего округа, по которым можно проследить ход всех преобразований на месте. В них же можно встретить данные по обучению, передислокации и иным сторонам жизни и службы войск[155]. Время юридического, но далеко не всегда – окончательного, завершения преобразований отражалось в «Циркулярах Главного Штаба», которые тоже печатали и рассылали[156]. Однако точность сведений из них всегда требует проверки по документам текущего делопроизводства военного округа.

Важнейшим источником, дающим хотя и не полное, по причине секретности некоторых данных, но зато комплексное представление об общем состоянии русской армии и месте войск на Дальнем Востоке в процессе совершенствования обороны государства дают «Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства», издававшиеся обычно с опозданием в 2 года[157].

Использование этого комплекса документов позволяет воссоздать историю русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг. на всех уровнях, начиная с дискуссий и механизма принятия решений по всем вопросам и заканчивая реализацией этих решений на низовом уровне.

С этой же целью использовался материал из дореволюционных[158], советских[159] и

---

[154] См., напр.: Н.Б. Указатель приказов военного министра с 1859 г. по 1 июня 1867 г. СПб., 1867. 330 с.; Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, за время с 1 января 1869 г. по 1 октября 1882 г. Сост. генерал-майор В.Д. Коссинский. СПб., 1883. 1336 с.; Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, за время с 1 января 1869 г. по 1 января 1887 г. Сост. генерал-майор В.Д. Коссинский. СПб., 1887. 1987 с.; Патин К.А. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и прочих главных управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам за 52 года, с 1859 по 1911 г.: настольная книга для штабов, канцелярий, управлений, учреждений и заведений. Под ред. Л. Васильева. 3-е изд., доп. СПб., 1906–1913; Мартьянов. Указатель Высочайших повелений и распоряжений Военного министерства, воспоследовавших в дополнение, изменение и отмену свода штатов военно-сухопутного ведомства. С 1 января 1870 г. по 1 марта 1872 г. СПб., 1872. 239 с.; Мау. Полный систематический указатель приказов по военному ведомству 1869–1873 гг. СПб., 1873. 160 с.; Гольмдорф М. Указатель-сборник распоряжений по артиллерии за 20 лет. Приказы, приказания и циркуляры с 1855 по 1875 г. СПб., 1875. 205 с.; Кохно П.А. Указатель распоряжений по артиллерии за семь лет (приказы и циркуляры) с 1881 по 1888 г. СПб., 1888. 176 с.; Настольный хронологический указатель постановлений относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550–1890 / Сост. генерал-лейтенант барон В. Штейнгель. СПб., 1890. 206 с.

[155] Приказы по войскам Восточного Сибирского военного округа за 1865–1884 гг. Иркутск, 1865–1884; Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. Хабаровка/Хабаровск, 1884–1904; Приказания по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. Хабаровка/Хабаровск, 1884–1904. Они отложились во многих местах: комплект Главного штаба – в РНБ, Амурской контрольной палаты – в ГАХК НСБ, отдельные подшивки имеются в РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6 и РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1.

[156] Циркуляры Главного штаба за 1881–1904 гг. СПб., 1881–1904.

[157] Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за 1865–1904 гг. СПб., 1867–1906.

[158] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. I–II; Т. VIII. Иркутск, 1884; Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам, составленный в военном министерстве. СПб., 1862. 380 с.; Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Т. 1–8. СПб., 1902–1908; Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 2. Депеши, отправленные Военным министром и Главным штабом. Т. 1–6. СПб., 1902–1907; Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 3. Депеши, полученные Военным министром и Главным штабом. Т. 1–8. СПб., 1902–1908; Материалы относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902. 267 с.

современных[160] сборников документов, в которых опубликованы материалы самой различной тематики: от истории отдельных населенных пунктов, до освоения Квантуна и строительства г. Дальний. При изучении вопросов истории международных отношений на Дальнем Востоке применялись как официальные, так и неофициальные отечественные и иностранные публикации договоров, конвенций и дипломатических документов[161].

Для получения данных о составе и дислокации войск использовались справочные издания, важнейшее место среди которых занимают издававшиеся ежемесячно Главным штабом «Краткие росписания сухопутных войск» и «Росписания сухопутных войск», т.е. фактически полные перечни всех соединений и частей российской императорской армии, как регулярных, так и иррегулярных (пехотных, кавалерийских, артиллерийских, инженерных и т.д.), содержащие данные о вхождении их в состав того или иного корпуса и дивизии, а также о расположении на территории военного округа, с указанием мест квартирования и командиров. Отличались они, прежде всего, степенью подробности приведенных данных. Если в «Росписаниях…» дислокация и командиры указаны вплоть до отдельных батальонов и

---

[159] Владивосток. Сборник исторических документов. Владивосток, 1960. 219 с.; Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 1. М., 1955. 952 с.; Макаров С.О. Документы. Т. 1. М., 1953 575 с.; Т. 2. М., 1960. 783 с.; Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. док., воспоминаний статей и писем / Предисл., заключение, коммент. сост. Б.П. Полевого. 2-е изд. доп. Петропавловск-Камчатский, 1989. 270 с. и др.

[160] Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Док. и матер. / Под общ. ред. В.Ф. Некрасова. М., 2002. 576 с.; Амурские губернаторы 1856–1971. Сб. док. и матер. Благовещенск, 2006. 152 с.; Дальний Восток России: из истории системы управления. Док. и матер. К 115-летию Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. 233 с.; Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги. Док. и матер. Владивосток, 2011. 156 с.; Из истории сел Посьетского района: Док. и матер. Владивосток, 2004. 104 с.; Маршрутами губернаторов: Док. и матер. Владивосток, 2004. 104 с.; Никольск-Уссурийский: страницы истории. Док. и матер. Владивосток, 2003. 180 с.; Из истории заселения Анучинского района: док. и матер. Владивосток, 2009. 220 с.; Из истории заселения Дальнереченского района: док и матер. Владивосток, 2005. 136 с.; Из истории заселения Кировского района: док и матер. Владивосток, 2007. 164 с.; Из истории заселения Ханкайского района: док. и матер. Владивосток, 2009. 242 с.; Из истории заселения Чугуевского района: док. и матер. Владивосток, 2018. 180 с.; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов. Сб. арх. док. / Сост. Т.Н. Загородникова. М., 2014. 359 с.; Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Порт-Артур. Т. 1–2. Сб. док. / Под ред. В.П. Козлова; сост. И.В. Карпеев и др. М., 2008; Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сб. док. / Сост. авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018. 522 с. и др.

[161] Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 219 с.; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб., 1906. 763 с.; Сборник договоров России с Китаем 1869–1881. СПб., 1889. 271 с.; Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Издано по распоряжению г. Министра иностранных дел. Т. II. 2-е изд. СПб., 1906. 675 с.; Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). Варшава, 1906. 585 с.; Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. 470 с.; Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. Shanghai, 1902. 332 p.; Treaties &c., between Great Britain and China; and between China and Foreign Powers; and orders in council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, and notifications affecting British and China. In force on the 1st January, 1896. London, 1896. Vol. II. P. 423–764; Korea, treaties and agreements. Washington, 1921. 68 p.; Treaties and agreements with and concerning China. 1894–1919. Vol. I. New York, 1921. 928 p.; Die Grosse Pilitik der Europäischen Kabinette. 1874–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1–19. Berlin, 1922–1927; Document diplomatiques français, relatifs aux origine de la guerre de 1914. 1871–1914. 1ère Série (1871–1900), 16 volume. 2ème Série (1901–1911), 15 volume; 3ème Série (1911–1914), 11 volume / Ministère des affaires étrangères. Paris, 1929–1959; L'Affaire du Tonkin. Histoire diplomatique de l'etablissement de notre protectorat sur l'Annam et de notre conflit avec la Chine. 1882–1885. Paris, 1888. 430 p.; Korea and Manchuria between Russia and Japan 1895–1904. The observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906). Selected and edited with a historical introduction by G.A. Lensen. Tokyo, 1968. 296 p.

батарей, то в «Кратких росписаниях…» – в основном, только до полкового уровня. Публиковались они ежемесячно, отражая, соответственно, все произошедшие изменения в количественном и качественном составе частей и соединений, а также в их командовании. Причем, поскольку эти издания делались путем сведе́ния воедино и обработки материалов, поступающих из штабов соответствующих военных округов, то они в целом отражают объективно существовавшую ситуацию[162].

Подробными справочниками по истории каждого из родов войск, с приведением основных дат и событий являются «Справочные книжки императорской Главной квартиры»[163]. Однако приведенные в них данные требуют постоянной перепроверки по источникам из-за наличия неточностей и фактологических ошибок. Для идентификации генералов, офицеров и установления основных вех их служебной биографии использовались регулярно издававшиеся специализированные справочные издания по личному составу русской армии[164].

Использовался в работе и материал различных справочных изданий, посвященных непосредственно Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о.[165], а также Приамурью и Приморью[166], изданных ГУГШ, Императорской Главной Квартирой и штабом Приам. в.о., в которых содержится немалое количество ценных и полезных сведений. Например, описание Дальневосточного ТВД, выполненные как для российской, с указанием всех наиболее уязвимых мест округа, путей сообщения, численности населения и т.д.[167], так и для сопредельных территорий Китая[168], Кореи[169] и Японии[170].

---

[162] Росписания сухопутных войск. СПб., 1866–1904; Краткие росписания сухопутных войск. СПб., 1866–1904.

[163] Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Под ред. В.К. Шенк. Сост. В.Х. Казин. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912; Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). Изд. 3-е. Под ред. В.К. Шенк. Перераб. Н.К. Модзалевский. По 1 июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1914; Инженерные и железнодорожные войска. Изд. 2-е. Исправ. и дополн. под ред. В.К. Шенк. По 20 мая 1909 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1909; Хроника батарей пешей и конной артиллерии и артиллерийских парков. Издано по распоряжению ГАУ. СПб., 1896. Ч. 1–3; Настольный хронологический указатель постановлений относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550–1890. Сост. генерал-лейтенант барон В. Штейнгель. СПб., 1890 и др.

[164] Списки генералам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб., 1865–1914; Списки полковникам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб.,1865–1914; Списки подполковникам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб., 1865–1914; Списки Генерального Штаба. 1864–1914. СПб., 1864–1914. и др.

[165] Общий состав управлений Восточного Сибирского военного округа. Исправлено по 25 октября 1876 г. Иркутск, 1876. 34 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 января 1892 г. Хабаровка, 1892. 25 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 января 1893 г. Хабаровка, 1893. 25 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 июля 1901 г. Хабаровск, 1901. 107 с. и др.

[166] Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области. Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-Календаря г. Владивостока и проч. СПб., 1891; Памятные книжки и адрес-календари Приморской области за 1896–1905 гг. Издания Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1896–1905; Памятные книжки Амурской области за 1896–1905 гг. Издания Амурского областного статистического комитета. Иркутск, 1896–1905; Памятные книжки Забайкальской области за 1871–1905 гг. Издания Забайкальского областного статистического комитета. Иркутск, 1871–1905; Памятные книжки Квантунской области за 1900–1903 гг. Порт-Артур, 1900–1903 и др.

[167] Дальний Восток. Пути сообщения. СПб., 1911. Т. 1–2; Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Сев. Манчжурии и Сев. Кореи. Военно-географический и статистический обзоры в 3-х отделах. Хабаровск, 1912 и др. Следует отметить, что развитие военно-транспортной инфраструктуры на российском Дальнем Востоке во 2-й половине XIX–начале XX в. по причине крайне низкой изученности, является темой отдельного, самостоятельного исследования, и в рамках данной работы детально рассматриваться не будет.

[168] Свиягин Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения. СПб., 1897. 94 с.; Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального штаба капитана Э. Вейль в 1897–1898 гг. Ч. 1. Краткий

Уникальным справочным изданием является написанный священником Г.А. Цитовичем двухтомный труд «Храмы армии и флота», изданный в Пятигорске в 1913 г.[171]. В нем рассмотрена история всех военных и морских церквей, сохранившихся до 1913 г., с приведением краткой истории соответствующих военных частей.

Отдельно следует отметить крупнейшие дореволюционные справочные издания по военно-исторической тематике. Это «Военный энциклопедический лексикон»[172], «Энциклопедия военных и морских наук», под ред. Г.А. Леера[173] и «Военная энциклопедия» издания «товарищества И.Д. Сытина»[174]. В них объясняется вышедшая из употребления военная терминология 2-й половины XIX в., содержатся обширные материалы по истории военных частей, биографии офицеров и справочные данные по военным округам. К сожалению, из запланированных 25 томов «Сытинской» военной энциклопедии вышло лишь 18. Статья же «Приамурский военный округ» должна была быть в 19 томе. По той же причине отсутствуют статьи по Сибирским стрелковым батальонам и полкам и ряд других материалов.

Серьезным подспорьем в деле анализа процесса выработки решений по различным вопросам военных преобразований оказались органы официальной военной периодики, на страницы которых время от времени выносились разные внутренние дискуссий. Периодически в них публиковались и статьи по дальневосточной тематике. Это в первую очередь журналы: «Военный сборник», «Морской сборник», «Артиллерийский журнал» и «Инженерный журнал», а также газета «Русский инвалид». Издававшийся с 1892 г. журнал «Разведчик» ценен тем, что он не был официальным печатным органом военного ведомства, в силу чего дискуссии на его страницах шли куда более оживленно, а материалы, присылаемые корреспондентами с Дальнего Востока, в ярких красках, а часто и с горькой сатирой

военно-статистический очерк. Хабаровск, 1899; Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1898. 347 с.; Богаевский. Сан-Синское фудутунство. Хабаровск, 1903. 74 с.; Богданов [А.Ф.] Ансехинское фудутунство. Т. 1–2 (Ч. 1–3). Хабаровск, 1902; Дуров [Н.Н.]. Цицикарское фудутунство. Хабаровск, 1903. 93 с.; Зигель. Гиринское фудутунство. Хабаровск, 1903. 194 с.; Ижицкий. Мергенское фудутунство. Хабаровск, 1902; Карликов К. Нингутинское фудутунство. Хабаровск, 1903. 325 с.; Лисовский. Гиринское фудутунство. Хабаровск, 1903; Лишин. Хунчунское фудутунство. Хабаровск, 1903; Люпов [С.Н.] Хуланьское фудутунство Хей-лун-цзянской провинции. Ч. 1–2. Хабаровск, 1903; Мельгунов. Бутхасское фудутунство. Хабаровск, 1903; Тихменев [Н.М.] Чань-чунь-фу и фудутунство Бодунэ–Хайлар. Хабаровск, 1903. 198 с.; Щедрин. Айгунское фудутунство (западная часть). Хабаровск, 1903. 41 с.; Цихович [Я.К.] Военный обзор Гиринской провинции и Северной Маньчжурии. СПб., 1904. 282 с.; Доброловский И.А. Хейлунцзянская провинция Маньчжурии. Краткий очерк географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения. Харбин, 1906. 195 с. и др.

[169] См., напр.: Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военный обзор Северной Кореи. СПб., 1904. 256 с., 5 л. карт; Звегинцов А.И. Описание Желтого и Японского морей и Корейского пролива, как районов военных действий. СПб., 1904. 24 с., 1 л. карт.; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Северная Корея: Сборник описаний позиций (Труды Осенней экспедиции 1898 г.). СПб., 1901. 89 с.; Северная Корея. Сборник маршрутов. Труды Осенней экспедиции 1898 г. Под ред. подполковника барона [Н.А.] Корф. СПб., 1901. 314 с.; Звегинцов А.И., Корф Н.А. Алфавитный указатель к карте Северной Кореи. 3-е изд., доп. СПб., 1904. 19 с., 1 л. карт. и др.

[170] Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Япония. СПб., 1903. 54 с.; Сведения о вооруженных силах Японии и Кореи. СПб., 1904. 76 с.; Богуславский Н.Д. Япония. Военно-географическое и статистическое обозрение. СПб., 1904. 415 с.; Ермилов Н. Японская армия и флот. СПб., 1904. 47 с.

[171] Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск, 1913. Ч. 1–2.

[172] Военный энциклопедический лексикон издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 1–14. СПб., 1837–1850.

[173] Энциклопедия военных и морских наук… СПб., 1883–1895. Т. 1–8.

[174] Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. 1–18.

описывали, к каким проблемам для войск приводили те или иные решения принятые в столичных канцеляриях и совершенно не учитывавшие региональную специфику. В свою очередь «Ежегодник Русской армии», важен не только как издание, в котором приведено большое количество военно-статистических данных, но и как печатный орган, сравнение материалов которого с материалами внутреннего делопроизводства военного ведомства позволяет установить, какие сведения считалось возможным опубликовать, а какие, по соображениям секретности, – нет. Ценнейшую информацию о потенциальных противниках России в регионе содержит «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» – специальное секретное информационно-аналитическое издание о военно-географической, военно-политической и военно-стратегической обстановке в странах Азии, публикуемое Главным штабом для служебного пользования ограниченным тиражом. Анализ этих материалов позволил выявить отношение некоторых офицеров Генерального Штаба к существовавшим внешнеполитическим угрозам, и степень внимания Военного министерства к проблемам безопасности дальневосточных территорий империи[175]. Ряд интересных материалов публиковался также в гражданских журналах, таких как «Русская старина», «Исторический вестник» и «Вестник Европы». Кроме того, благодаря существовавшему в 20-е – 1-й половине 30-х гг. XX в. курсу на разоблачение царской политики, достаточно важные документы были опубликованы в журнале «Красный архив».

В процессе работы были привлечены и опубликованные источники личного происхождения: воспоминания и дневники участников и свидетелей рассматриваемых событий. Используя в качестве критерия род деятельности автора (военная или дипломатическая служба, стороннее наблюдение и др.), степень его осведомленности об описываемых событиях и влияния на них (действующее лицо, наблюдать и др.) и место нахождения (в регионе или за его пределами) можно выделить следующие группы:

1. Офицеры русской армии, служившие в исследуемый период на Дальнем Востоке и оставившие наиболее ценные данные и личные впечатления о системе военного управления на местах, войсках и военно-стратегической ситуации в регионе: А.П. Будберг[176], М.И.

---

[175] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883–1896. Т. 1–70.

[176] Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ). 1930. № 54–55. С. 25–28; 1931. № 56. С. 14–20; № 57. С. 14–17; № 58. С. 12–17; № 59–60. С. 28–33; № 61–62. С. 17–23; № 63. С. 25–29; № 64. С. 13–18; № 65–66. С. 23–31; № 67. С. 24–29; 1932. № 68–69. С. 28–34; № 70. С. 18–21; № 71–72. С. 29–33; № 73. С. 19–23; № 74. С. 14–18; № 75. С. 18–22; № 76. С. 19–22; № 77. С. 20–24; 1933. № 80. С. 16–22; № 81–82. С. 30–36; № 83. С. 21–25; № 85. С. 14–20; № 86. С. 18–27; № 87–88. С. 21–31; № 89–90. С. 24–31; № 91. С. 19–24; 1934. № 92. С. 15–22; № 93–94. С. 27–36; № 95–96. С. 37–46; № 98–99. С. 26–35; № 101–103. С. 48–55; 1935. № 104–105. С. 26–34; № 109. С. 17–24; № 110. С. 23–28; № 111–112. С. 31–38; № 113–115. С. 51–55. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1905) // Вестник ОРВВВ. 1936. № 116–117. С. 35–41; № 118–119. С. 28–36; № 121–122. С. 40–42; № 125–127. С. 42–50; 1937. № 128–129. С. 26–31; № 130–132. С. 50–56; № 137–139. С. 38б–48; 1938. № 140–142. С. 27–42; № 143–144. С. 25–36; № 147–149. С. 36–51. Российское издание: Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток, 2017. 434 с.

Венюков[177], Б.Л. Громбчевский[178], М.В. Грулев[179], М.М. Иванов[180], Е.А. Никольский[181] и Н.М. Пржевальский[182].

2. Представители высшего военного управления Российской империи, определявшие ход проводимых военных реформ и политику государства в области вооруженных сил и лица хорошо с этим процессом знакомые: Д.А. Милютин[183], А.Н. Куропаткин[184], А.Ф. Редигер[185] и Н.А. Епанчин[186].

3. Российские и зарубежные дипломаты, описывавшие вопросы, связанные с историей внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке, механизмами принятия внешнеполитических решений: В.Н. Ламздорф[187], Ю.Я. Соловьев[188], Г.А. Плансон[189], А.П. Извольский[190], М. фон-Брандт (M. von Brandt)[191], Дж. Фостер (J.W. Foster)[192], О. Жерар (A. Gérard)[193], Тадасу Хаяши (Tadasu Hayashi)[194] и Кикудзиро Исии[195].

4. Лица императорской фамилии и представители высшего гражданского управления Российской империи: Николай II[196], С.Ю. Витте[197], А.Н. Куломзин[198] и А.А. Половцов[199].

5. Родственники военных и гражданских лиц, служивших на российском Дальнем

---

[177] Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. 235 с.
[178] Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний. М., 2016. 264 с.
[179] Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. 272 с.; Его же. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908. 367 с.
[180] Иванов М.М. Воспоминания генерала Российской армии: 1861–1919 / предисл. и коммент. А.В. Марыняка. М., 2016. 448 с.
[181] Никольский Е.А. Записки о прошлом / Сост. и подог. текста Д.Г. Браунса. М., 2007. 288 с.
[182] Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870. 297 с.
[183] Дневник Д.А. Милютина. Т. 1–4. М., 1947–1950.
[184] Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 16. С 17 ноября 1902 г. по 6 марта 1903 г.; [Тетрадь] № 17. С 7 марта 1903 г. по 19 августа 1903 г.; [Тетрадь] № 18. С 21 августа 1903 г. по 27 ноября 1903 г.; [Тетрадь] № 19. С 28 ноября 1903 г. по 7 февраля 1904 г. // КА. 1922. Т. 2. С. 9–117; Дневник А.Н. Куропаткина (С 14 февраля 1904 по 25 марта 1904 г.) [Тетрадь не указана] // КА. 1924. Т. 5. С. 82–101; Из дневника А.Н. Куропаткина (С 23 окт. по 23 дек. 1905 г. [Тетрадь] № 27) // КА. 1924. Т. 7. С. 55–69; Из дневника А.Н. Куропаткина (С 23 декабря 1905 г. по 12 марта 1906 г.). [Тетрадь не указана] // КА. 1925. № 1 (Т. 8). С. 70–100; Дневник А.Н. Куропаткина. С 31 марта–21 ноября 1904. Тетрадь № 21 // КА. 1935. № 1 (Т. 68). С. 65–96; Дневник А.Н. Куропаткина (31 марта–20 ноября 1904). Тетрадь № 22 // КА. 1935. № 2 (Т. 69–70). С. 101–126. Переизданы в: Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М.Н. Покровского. Б.м., 1923. 140 с.; Русско-японская война. Из Дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. С предисловием М.Н. Покровского. Л., 1925. 190 с.; Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина / вступ. ст. О.Р. Айрапетова; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2010. 455 с.; Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.). Публикация Е.Ю. Сергеева и И.В. Карпеева // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 393–444.
[185] Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999.
[186] Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. 573 с.
[187] Ламздорф В.Н. Дневник 1886–1890. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. 400 с.; Его же. Дневник. 1891–1892. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. 416 с.; Его же. Дневник. 1894–1896. М., 1991. 456 с.
[188] Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1939. 415 с.
[189] В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона // КА. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 148–204.
[190] Извольский А.П. Воспоминания: Пер. с англ. 2-е изд. М., 1989. 192 с.
[191] Brandt M. von. Dreiunddreissig Jahre in Ost-Asien…; Brandt M. von. Drei Jahre ostasiatischer Politik 1894–1897… 263 s.
[192] Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. …
[193] Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897...347 p.; Gérard A. Ma mission au Japon (1907–1914).Paris, 1919. 410 p.
[194] The secret memoirs of count Tadasu Hayashi… 331 p.
[195] Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942. 236 с.
[196] Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013.
[197] Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. 2-е изд. Минск, 2017.
[198] Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. 1038 с.
[199] Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 2005.

Востоке – В.Ф. Духовская[200].

6. Российские и иностранные путешественники, исследователи и публицисты, посещавшие российский Дальний Восток и жившие на его территории: Д.Г. Янчевецкий[201], Элеонора Прей[202], Г. Норманн[203] и И. Бишоп[204].

Особую важность для проводимого исследования имели картографические материалы, представленные как целыми атласами, так и отдельными картами[205]. Они наглядно подтверждают и иллюстрируют имеющийся документальный материал. Более того, значительная часть всеподданнейших докладов военного министра по вопросам реформы военного управления, изменения дислокации войск, усиления войск или разрешения кризисных ситуаций на Дальнем Востоке сопровождалась картой, чтобы император имел возможность получить наглядное представление о планируемых преобразованиях. Без привлечения военных карт изучаемой эпохи совершенно немыслим анализ документов военного планирования, данных о потенциальных противниках и состоянии собственной военной инфраструктуры. Поэтому все данные, приведенные в военных планах, квартирных, мобилизационных и боевых росписаниях войск, документах по их дислокации, а также все программы усиления войск в регионе анализировались с привлечением картографического материала, в т.ч. и приложенного непосредственно к документам (карты вшиты в дело).

Таким образом, широкий круг использованных источников вполне позволил решить поставленные в исследовании задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведено исследование русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. в контексте внутриполитических процессов в Российской империи, внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе. Рассекречивание в 1991–1993 гг. огромного массива документов, связанных с обеспечением безопасности российского Дальнего Востока

---

[200] Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Ч. I–II. СПб., 1900.

[201] Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового времени» на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб.–Порт-Артур, 1903. 617 с.

[202] Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930) / Под ред. Б. Ингермансон. Владивосток, 2008. 448 с.

[203] Norman H. The peoples and politics of the Far East. London, 1895. 608 p.

[204] Bishop I.B. Korea and Her Neighbors. London, 1898. 261 p.

[205] 10-ти верстная карта Южно-Уссурийского края и пограничных районов Северной Маньчжурии и Северной Кореи составленная в 1905 г. Военно-Топографическим Отделом Штаба Приамурского воен. Округа из материалов прежних мест и дополненная по рекогносцировкам 1905 г. офицеров: Генерального Штаба, Корпуса Военных Топографов и строевых. Масштаб 1:420000 вер.; Атлас Азиатской России. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914; Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями. Составлена при военно-топографическом отделе Главного штаба. 1884 г. Масштаб 100 верст в дюйме; Карта Азиатской России. Составлена по сведениям Генерального Штаба полковником Ильиным. Исправлена по 1 апреля 1868 г. Масштаб в английском дюйме 250 верст, 1:10500000; Карта Дальнего Востока. Составил Л. Бородовский. 1904 г. Масштаб в одном дюйме 80 верст; Карта линий Китайской Восточной железной дороги. 1903 г.; Карта путей сообщения Азиатской России. Издание Министерства путей сообщения. 1901 г. Масштаб 1:4200000. В дюйме 100 верст; Карта Уссурийского края. Составлена по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изданной в Иркутске чинами Генерального Штаба, в 1866 г.; Новая карта театра военных действий. Маньчжурия и Корея. С алфавитным указателем и с дополнительными картами 1) Квантунской области, 2) Порт-Артура и 3) Владивостока. СПб., 1904; Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов. 70 карт. СПб., 1871. и др.

в дореволюционный период, позволило привлечь для исследования качественно новую источниковую базу, ранее недоступную ни отечественным, ни тем более зарубежным учеными (в 1993–2020 гг. лишь незначительная часть этих документов была введена в научный оборот). В результате была не только существенно дополнена созданная ранее картина военной истории региона, скорректированы оценки дореволюционных, советских и некоторых современных авторов, но и получено качественно новое знание и выводы по заявленной теме.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Военное управление – важнейший и системообразующий элемент имперского управления на российском Дальнем Востоке в 1865–1904 гг., постепенно, на протяжении 2-й половины XIX–начала XX в., отделяемый от управления гражданского. В результате проведенной в 1865 г. в Восточной Сибири военно-окружной реформы, была закреплена система, при которой высшие функции военного и гражданского управления регионом были сосредоточены в руках одного лица, занимавшего одновременно должности Командующего войсками военного округа и генерал-губернатора, что в условиях окраинной территории обеспечивало высокий уровень координации различных ведомств на местах и лучшее качество управления, в т.ч. в военной сфере. Важную роль играла необходимость объединения руководства войсками и системой военного управления Дальневосточным ТВД в руках одного лица как в мирное, так и в военное время. При создании в 1884 г. Приам. в.о. подобная практика была сохранена, однако попытка включения в состав системы управления регионом в 1898 г. новых территорий (Квантунской области), и начало проработки идеи создания еще одного округа, сначала Маньчжурского, а затем Квантунского, привели к разбалансировке сложившейся и достаточно хорошо отлаженной системы. Единство военного управления на Дальневосточном ТВД было потеряно. Создание в 1903 г. Дальневосточного Наместничества, вопреки ожиданиям, не улучшило, а ухудшило ситуацию. Придание Наместнику еще и функций по управлению флотом на Тихом океане, привело к перегрузке самого Наместника и имеющихся в его распоряжении органов управления, в т.ч. военного. Поставленные перед Наместником задачи по координации действий армии и флота не были решены, в то время как существенная разбалансировка системы управления регионом привела к частичной потере управляемости и снижению обороноспособности российского Дальнего Востока как раз накануне начала войны с Японией.

2. Для всего периода 1865–1904 гг. установлен догоняющий, по сравнению с потенциальными противниками, характер процесса усиления русских войск, формирования военных запасов и создания военной и военно-транспортной инфраструктуры в регионе. Из-за слабости экономики Российской империи, не способной финансово обеспечить

полномасштабную подготовку империи к войне одновременно на нескольких ТВД, предпочтение из культурно-цивилизационных соображений («защитить сердце империи») отдавалось Европейскому, Кавказскому и Туркестанскому ТВД. Подготовка Дальневосточного ТВД обеспечивалась по остаточному принципу; ни одна программа усиления русских войск в регионе не была ориентирована на экспансию и не предусматривала опережающих темпов милитаризации региона. Подобная политика спровоцировала серьезное отставание развития оборонительного потенциала российского Дальнего Востока от наступательного потенциала вероятных противников, которое оказалось невозможно ликвидировать не только экстренно, для реакции на события Японо-китайской войны 1894–1895 гг., но и планово в условиях подготовки к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

3. Своеобразный Дальневосточный ТВД требовал специфического характера обучения войск и их подготовки к ведению войны в условиях иной географической, климатической и цивилизационной реальности. Впервые командование войск в регионе столкнулось с этим во время Манзовской войны 1868 г., к 1880 г. проблема была осознана, после чего в обучении войск начали ориентироваться не только на уставы и поступавшую из министерства нормативно-правовую документацию, но и на постепенно нарабатываемый местный опыт. Отсутствие такой подготовки у частей и соединений русской армии, дислоцировавшихся за пределами дальневосточных территорий империи, во многом обусловило более низкий уровень эффективности их использования во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., по сравнению с войсками Дальневосточного Наместничества, имевшими за плечами не только опыт службы в специфических условиях региона, несколько отличавшуюся от практиковавшейся войсках Европейской России выучку, но и ценнейший опыт ведения боевых действий в Китае в 1900–1901 гг.

4. Общий недостаток в 1865–1904 гг. знаний о Дальнем Востоке на всех уровнях власти и отсутствие необходимых сведений о потенциальных противниках России приводили к постоянным ошибкам в оценке потенциальных угроз и пробелам в военном планировании. В 1865–1894 гг. основными и наиболее вероятными противниками России в регионе признавались Китай и Британская империя, однако весной 1895 г. пришлось аврально готовиться к войне с Японией, которая до этого времени в аналитических и мобилизационных документах даже не упоминалась. После 1895 г. основным и наиболее вероятным противником была признана Япония, к войне с которой и начали готовиться, полностью прекратив планирование военных операций против Китая. В результате Китайский поход 1900–1901 гг. пришлось начинать при полном отсутствии плана войны с Китаем, используя для этого элементы плана противодействия японской армии в Маньчжурии, разработанного весной 1895 г. Только после 1901 гг., когда был накоплен определенный объем сведений,

военное планирование начали вести более сбалансировано, ориентируясь на все потенциальные угрозы.

5. Доказано полное отсутствие в 1865–1904 гг. планов, рассчитанных на начало войны со стороны России и направленных на противоборство с государствами Дальнего Востока в целях отторжения от них каких-либо территорий для последующего присоединения к Российской империи. Все планы, разработанные для Дальневосточного ТВД в Окружных штабах Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о., Дальневосточного Наместничества и в Главном штабе носили оборонительный характер и предусматривали военный ответ на случай объявления войны России со стороны одного или нескольких иностранных государств (Британская империя, Китай, Япония). В этом российская внешняя политика (как официальная, так и неофициальная) в регионе в 1898–1904 гг. входила в противоречие с работой по военному планированию. Даже в период активного продвижения военным министром А.Н. Куропаткиным идеи присоединения к России территории Северной Маньчжурии, каких-либо работ, направленных на разработку планов ведения войны с Китаем для отторжения этой территории, в центральном аппарате Военного министерства, штабе Приам. в.о. и временном военном штабе Наместника не велось. Таким образом, сформулированный британскими русофобами во 2-й половине XIX в. и периодически используемый до наших дней тезис о наличии у России в этот период *планов* военной экспансии на Дальнем Востоке фактами не подтверждается и представляется несостоятельным.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов, а также введенных в научный оборот данных, для дальнейшего изучения на качественно новом уровне процессов освоения, развития и защиты дальневосточных территорий Российской империи, исследования методов военного и дипломатического реагирования на внешние угрозы, военного планирования и обучения войск. Введение в научный оборот значительного количества данных, в т.ч. статистических, по численности и составу русских войск позволит не только серьезно скорректировать многие устоявшиеся в историографии положения о роли войск в истории региона и формировании внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке, но и с успехом противодействовать идеологически ангажированным теориям иностранных авторов, не имеющих возможности, а часто и желания, проводить серьезные военно-исторические исследования с привлечением документов, отложившихся в российских архивах.

Обобщенные данные по методикам подготовки личного состава войск Приам. в.о. и Дальневосточного Наместничества к ведению боевых действий в условиях специфических природно-климатических и цивилизационных условий Дальнего Востока, а также опыту противодействия распространению во время летнего обучения войск занесенных на

российскую территорию из северо-восточного Китая эпидемических и эпизоотических заболеваний могут быть с успехом применены и в современных вооруженных силах.

Более того, накопленный военным ведомством в регионе опыт был во многом положительным, что дает широкий простор для его использования в культурно просветительской, воспитательной и военно-патриотической работе. Это позволит сделать российскую военную историю менее «европоцентричной», а значит более интересной жителям регионов, в том числе ДФО, способствуя тем самым развитию патриотизма, основанного на глубоком знании и интересе. Введенные в научный оборот данные с успехом применялись в 2019–2022 гг. при создании Государственного Музея-заповедника «Владивостокская крепость», а с 2022 г. – в Государственном объединенном музее-заповеднике истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, в состав которого он вошел.

Выводы и материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении проблем истории освоения и развития российского Дальнего Востока, внешней политики России в регионе и истории русской армии во 2-й половине XIX–начале XX в., при создании обобщающих трудов, учебников и учебных пособий нового поколения по этим трем направлениям, а также при подготовке учебных курсов в образовательных учреждениях различного уровня, в т.ч. военных.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были изложены автором на 14 международных, 8 всероссийских и 12 региональных конференциях; отражены в 86 публикациях, в числе которых 25 статей в журналах, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов научных исследований, 7 статей в журналах WoS, 5 монографий, 20 статей в отечественных и зарубежных журналах и 28 статей в научных сборниках.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Последние включают статистические данные по численности и казарменному расположению войск Вост. Сиб. в.о. и Приам. в.о., показатели государственных расходов на оборону региона в 1883–1902 гг., данные по срокам готовности частей войск по мобилизации 1895 г. и др. материалы.

Глава 1. Русская армия на Дальнем Востоке в 1865–1881 гг. Восточный Сибирский военный округ

1.1. Третий этап военно-окружной реформы в Российской империи: создание Восточного Сибирского военного округа[1]

Восшествие на престол в 1855 г. императора – Александра II положило начало эпохе Великих реформ в России. Являвшиеся их частью военные реформы 1860–1870 гг., часто называемые по фамилии осуществившего их военного министра «милютинскими», были одними из немногих, действительно комплексных военных реформ за всю историю Российской империи. Затронув все сферы военного дела и военного быта, они до неузнаваемости изменили облик русской армии, что отмечают не только отечественные[2], но и зарубежные исследователи[3]. Военные реформы хотя и вызвали дискуссии в процессе подготовки, но проводились не хаотично, а в четком соответствии с утвержденным планом, предполагавшим системные изменения. И хотя внешнеполитическая обстановка вносила свои коррективы в процесс его реализации, она не затрагивала его принципиальных основ.

Наиболее четко это прослеживается на материале военно-окружной реформы, одной из базовых составляющих «милютинских» военных реформ, элементы которой просуществовали до 2010 г. Она изначально входила в комплексный план преобразований русской армии, доложенный императору Александру II военным министром Д.А. Милютиным во время всеподданнейшего доклада 15 января 1862 г. План этот предполагал: 1) полностью преобразовать систему центрального военного управления, 2) создать систему военно-окружных управлений на местах, 3) преобразовать строевые управления русской армии, согласовав круг их деятельности с военно-окружными управлениями, 4) устроить на новых началах почти все местные управления, 5) разработать положения для управления армиями, корпусами и отрядами, формируемыми в военное время[4].

Основной идеей всех преобразований была децентрализация и упрощение системы

---

[1] Эта проблема впервые исследовалась в: Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа // Вестник ЧелГУ. 2012. Вып. 51. № 16. С. 18–25; Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. Владивосток, 2013. С. 44–45; Авилов Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории // Воен.-ист. журнал. 2015. № 4. С. 3–5.

[2] См., напр.: Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг. Т. 1–6. СПб., 1879–1881; Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 491–529; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. 369 с. и др.

[3] Keep J.L.N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. P. 351–381; Menning B.W. “Bayonets before bullets”. The Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington, 1992. P. 6–50.

[4] Исторический очерк деятельности военного управления в России… Т. 4. С. 8–9.

военного управления, поскольку существовавшее в России «устройство военного управления, по мнению Военного министерства, отличалось крайнею централизацией, которая уничтожала всякую инициативу административных органов, стесняла их мелочною опекою высших властей и лишала эти последние возможности неопустительного надзора и фактического контроля за действиями подчиненных лиц и установлений»[5]. Введение военно-окружной системы позволяло распределить часть власти и обязанностей, как центрального аппарата Военного министерства, так и самого военного министра между военно-окружными штабами и командующими войсками в округах. Система военно-окружных управлений позволила бы, привести в порядок сильно запущенное снабжение и обеспечение войск, т.к. контролировать деятельность профильных военно-окружных управлений из Главного управления было значительно проще, чем всю военно-административную вертикаль.

В дореформенный период войска и в мирное время оставались объединенными в дивизии, корпуса и армии, что обуславливало постоянное содержание их штабов, от дивизионного штаба, до штаба армии, включительно. Однако на практике не только армии, но и корпуса крайне редко действовали в составе мирного времени. Крымская война 1853–1856 гг. показала, что в полном составе мирного времени не остался ни один корпус. На этом основании было принято впоследствии оказавшееся ошибочным решение, о возможности ликвидации корпусных штабов на период мирного времени без ущерба для будущих военных действий и с некоторой пользой для казны.

«Предположения» Военного министерства были одобрены императором 15 января 1862 г. и началась планомерная разработка «Положения о военно-окружных управлениях», которое должно было лечь в основу всех создаваемых в России военных округов. Однако вмешался внешнеполитический фактор – начались волнения в Варшаве, переросшие затем в Польское восстание 1863 г., и военно-окружную реформу пришлось начать еще до завершения этого основополагающего документа.

В настоящее время периодизация внедрения военно-окружной системы в России выглядит следующим образом[6].

1-й этап (июль 1862 г. – апрель 1864 г.) – экстренное начало создания военных округов: в июле 1862 г. – Варшавского, Виленского и Киевского, в декабре – Одесского и в апреле 1864 г. – Рижского, характеризовавшееся постепенным утверждением и введением в действие всех нормативно-правовых документов и, соответственно, неодновременным созданием

---

[5] Там же. С. 5.

[6] Впервые опубликована в: Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов… С. 18–25. См. также.: Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дисс. … канд. ист. наук. … С. 44–45; Авилов Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.)… С. 3–5.

органов, составляющих систему военно-окружного управления[7]. Несмотря на незапланированность указанных мероприятий, преждевременное начало внедрения военно-окружной системы имело больше плюсов, чем минусов, поскольку позволило провести апробацию новой системы в буквальном смысле в боевых условиях. Значительная часть выявленных при этом недостатков была устранена при завершении работ над «Положением…», что сделало этот документ более прагматичным.

2-й этап (август 1864 г. – начало 1865 г.) – введение 6 августа 1864 г. в действие «Положения…», по которому были созданы еще 5 военных округов: Петербургский, Финляндский, Харьковский, Московский и Казанский, а также начата унификация системы управления уже существовавших военных округов[8]. При этом доработка «Положения…» для применения его к остальным территориям империи, еще неохваченным военно-окружной системой, продолжалась.

3-й этап (вторая половина 1865 г.)[9] – 6 августа 1865 г. Александр II утвердил дополнения к «Положению о военно-окружных управлениях», издав указ «об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов», что стало началом внедрения системы военно-окружного управления на оставшейся, наиболее специфической, части территории Российской империи[10]. Следует подчеркнуть, что из-за существенных стратегических, территориальных, административных, этнографических и экономических отличий данных территорий «к образованию последних четырех округов было предположено приступить лишь по окончательном устройстве округов Европейской России»[11].

Таким образом, создание Вост. Сиб. в.о. было проведено в рамках общероссийской военно-окружной реформы, подготовленной под руководством Д.А. Милютина, и не обусловливалось какими-либо местными процессами[12]. Скорее наоборот, поскольку в записке

---

[7] Высочайше утвержденное 6 июля 1862 г. Положение о Главном Управлении войсками, входящими ныне в состав 1-й армии // ПСЗ РИ II. Т. 37. № 38452; Приказы военного министра № 170 от 6 июля и № 270 от 30 сентября 1862 г. // Приказы военного министра за 1862 г. СПб., 1862; Высочайше утвержденное 10 декабря 1862 г. Положение о Главном Управлении войсками, входящими в состав 5-го Армейского и Сводного Кавалерийского корпусов // ПСЗ РИ II. Т. 37. № 39021; Приказ военного министра № 352 от 12 декабря 1862 г. // Приказы военного министра за 1862 г. СПб., 1862; Приказы военного министра № 91 от 21 марта, № 277 от 31 июля и № 325 от 13 сентября 1863 г. // Приказы военного министра за 1863 г. СПб., 1863; Высочайшее повеление от 30 апреля 1864 г. об образовании Рижского в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 39. № 40827; Приказ военного министра № 135 от 30 апреля 1864 г. // Приказы военного министра за 1864 г. СПб., 1864.

[8] Высочайше утвержденное 6 августа 1864 г. Положение о Военно-Окружных Управлениях // ПСЗ РИ II. Т. 39. № 41162; Приказ военного министра № 228 от 10 августа 1864 г. // Приказы военного министра за 1864 г. СПб., 1864.

[9] Корпус подготовительных материалов «Об образовании военно-окружных управлений в Оренбургском крае, в Западной и Восточной Сибири» сохранился достаточно хорошо: РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–89.

[10] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; Приказы военного министра № 278 и № 279 от 6 августа 1865 г. // Приказы военного министра за 1865 г. СПб., 1865. Проекты приказов военного министра см.: РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–10.

[11] Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1. … С. 492; Объяснительная записка к дополнительным Положениям и штатам, по применению военно-окружного устройства к округам: Кавказскому, Оренбургскому, Западному и Восточному Сибирским // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368.

[12] Рассмотрение отдельными исследователями создания этого округа, как некоего независимого процесса (Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. С. 36) или процесса, вызванного тем, что «в середине 1860-х

Военного министра «Главные основания предполагаемого устройства военного управления по округам», представленной императору в начале мая 1862 г., прямо указывалось, что «естественная необходимость децентрализации до некоторой степени высказалась у нас уже тем, что окраины Империи: Кавказ, Оренбургский край, Западная и Восточная Сибирь, образовывали особые территории, как бы округа, с самостоятельными управлениями, до известной степени освобожденными от мелочной опеки министерства»[13]. Иными словами, отчасти именно система управления окраинами, в том числе Восточной Сибирью, как раз и лежала в основе планируемых реформ. Впоследствии количество и границы военных округов в России, в т.ч. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, под воздействием внешне- и внутриполитических факторов периодически менялись.

После введения 6 августа 1864 г. в действие «Положения…», в Военном министерстве приступили к рассмотрению вопроса о применении его к Кавказу. К концу года проект варианта положения для Кавказа был доложен императору и, по его распоряжению, направлен Главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу для доработки непосредственно на месте[14].

Параллельно шла работа по адаптации положения для Сибири и Дальнего Востока. В одном из рабочих документов, разработанных в процессе подготовки преобразования, отмечалось: «Вопрос об организации военного управления в Оренбургском крае, Западной и Восточной Сибири на общих основаниях, выработанных новою военно-административною системою для открытых уже 10ти военных округов Империи, имеет по отношению к сим краям первостепенную важность и особое значение, как для пользы войск и их службы, так равно и для вящего успеха военных целей Правительства, в этих отдаленнейших странах Империи. Необходимость скорейшего разрешения этого вопроса там, более чем где либо ощутительная, ибо при отдаленности края все недостатки старого военно-административного устройства и все причины, побудившие к новой реформе, приводят здесь к более важным неудобствам и более вредным последствиям, чем внутри Империи, – в местах ближе расположенных к центру Правительственной деятельности. Главными основаниями новой административной системы приняты:

во 1х, ответственная самостоятельность разных отраслей местного управления, достигаемая расширением передаваемой им от Министерства исполнительной власти;

гг. структура системы территориальных органов военного управлении в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве уже не соответствовала структуре и составу имевшихся здесь войск, значительно изменившихся с присоединением территорий Приамурья и Приморья», а «генерал-губернатор и аппарат военного управления Восточной Сибири испытывали большие трудности в руководстве войсками, которые были разбросаны вдоль русско-китайской границы от Забайкалья до Приморья» (Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. С. 63) не подтверждается сохранившимися документами.

[13] Цит. по: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. … С. 85–86.

[14] Объяснительная записка… // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368.

во 2х, единство и полная связь хозяйственных распоряжений, достигаемые специализированием отделов военно-окружных управлений и сосредоточением их в окружном совете;

в 3х, возможность фактического местного контроля над действиями разных мест и лиц подведомственных окружным управлениям и сосредоточение общего направления и главного контроля в Военном Министерстве.

Ни один из Военных Округов Империи не представляет тех местных условий, как отдаленный Оренбургский край и Сибирь, где так существенно и так резко выказывалась-бы необходимость и польза применения этих основных начал нового административного устройства. Отдаленность от средоточия Министерской власти, громадные расстояния местных окружных районов, отделяющие расположение войск и военных учреждений, а также производство хозяйственных операций от центров главного местного управления, и наконец зависимость как распорядительных, так и исполнительных действий, от разнообразных и имеющих исключительный характер местных обстоятельств края, – составляют главные условия, при которых самостоятельность и расширение власти местных управлений становятся в этих краях более чем где либо необходимыми для успеха и пользы дела, а ответственность, нераздельная с самостоятельностью, – единственным средством для возможности на таких огромных пространствах должного направления и контроля.

Необходимость эта давно уже выразилась с одной стороны беспристанными представлениями Командующих войсками, а с другой, последовательно возникшими в разное время законоположениями, которые хотя и неимели систематической связи между собою, будучи вызываемы отдельными случаями и потребностями, но всегда вели к общей цели – расширению власти местных военных управлений»[15].

Вскоре после утверждения, исходное «Положение…» направили и генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову в Иркутск, для адаптации к местным условиям. «По применении к Восточной Сибири общих положений Высочайше утвержденных 6го Августа 1864 г. для десяти вновь образованных военных округов внутри Империи, в той мере, в какой это оказалось возможным по местным условиям и особенностям управления края, в начале 1865 г. были представлены Военному Министру полные проекты и штаты как по устройству в Восточной Сибири Военно-окружного Управления, так и по организации находящихся здесь местных войск»[16]. Причем М.С. Корсаков прибыл в столицу со всеми материалами лично.

Поскольку в начале 1865 г. в Петербурге находились также Командующие войсками:

---

[15] РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 91. Л. 42–43 об.
[16] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 55 об.

Оренбургского края генерал-адъютант А.П. Безак и Западной Сибири генерал от инфантерии А.О. Дюгамель, то Д.А. Милютин передал им проект М.С. Корсакова[17]. К 17 марта 1865 г.[18]: «По соглашении всех заявленных при этом мнений, составлены были проекты общих для трех округов: Оренбургского, Западного Сибирского и Восточного Сибирского, дополнительных правил о порядке применения к этим округам местного военного управления, введенного общим Положением 6 августа 1864 г., и штатов всех управлений»[19], а также «расчеты стоимости вновь учреждаемых округов». Эти документы, вместе с присланным с Кавказа доработанным проектом положения и штатов для Кавказского в.о. и всеми полученными на них отзывами, были переданы для итоговой доработки и согласования с уже существующими общими постановлениями в Военно-кодификационную комиссию, где и были выработаны окончательные редакции положения для четырех формируемых военных округов[20].

6 августа 1865 г. Александр II «Высочайше повелеть соизволил: для местного управления военными силами и учреждениями на Кавказе, в Оренбурге, Восточной и Западной Сибири, образовать военные округа: Кавказский, Оренбургский, Восточный и Западный Сибирские»[21]. «Для войск и управлений Восточной Сибири, 1865 г. был эпохой коренных преобразований», – докладывал М.С. Корсаков императору[22].

Вост. Сиб. в.о. территориально совпадал с Восточно-Сибирским генерал-губернаторством, в состав которого входили Иркутская и Енисейская губернии, Якутская, Приморская, Амурская и Забайкальская области, а также о. Сахалин. Характернейшей особенностью нового округа стали его размеры. В результате вхождения в его состав огромных и слабозаселенных территорий, он оказался по площади приблизительно равен всем остальным военным округам Российской империи вместе взятым!

В основе структуры его управления лежала типовая структура в.о., воспроизводившая административную систему центрального аппарата Военного министерства в миниатюре, но с некоторыми изменениями, обусловленными спецификой местных условий[23]. Во главе созданного округа стоял *Командующий войсками Вост. Сиб. в.о.*, он же генерал-губернатор Восточной Сибири, назначавшийся и подчинявшийся непосредственно императору. Командующему войсками были подчинены все постоянно и временно находящиеся в округе

---

[17] Объяснительная записка… // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368.
[18] РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–1 об.
[19] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 56; РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 91. Л. 26–42.
[20] Объяснительная записка… // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368.
[21] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; ПВВ № 279 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 56–57.
[22] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 55–55 об.
[23] Подробнее см.: Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов… С. 18–25; Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дис. … канд. ист. наук… С. 44–45.

войска[24]. Состав военно-окружного управления Вост. Сиб. в.о. был практически идентичен с системой, применявшейся в округах Европейской России, за исключением отсутствия должности Окружного инспектора военных госпиталей, обязанности которого, «вследствие громадности расстояний, на которых разбросаны госпитали», были возложены «на Начальников местных войск в губерниях и областях», т.е. в Забайкальской, Амурской и Приморской области – на военных губернаторов этих областей, а в Якутской области, Енисейской и Иркутской губерниях – непосредственно на начальника Окружного штаба[25]. Одновременно с внедрением новой системы военно-окружного управления, в Восточной Сибири должны были прекратить свое существование большая часть старых органов военного управления[26].

22 июля 1865 г. генерал-лейтенант М.С. Корсаков вернулся из столицы в г. Иркутск – центр нового округа, а 29 августа, с опубликованием приказа № 403 по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о., реформа началась на местах. В нем, и в различных к нему приложениях были перепечатаны все утвержденные императором 6 августа 1865 г. основные документы, на базе которых создавался новый округ[27]. Предполагалось, что реформа будет проведена в кратчайшие сроки и вся система начнет функционировать в соответствии с новой нормативно-правовой документацией уже к 1 сентября 1865 г. Анализ местного военного делопроизводства показывает, что с юридической точки зрения М.С. Корсаков эти сроки выдержал: 31 августа он издал приказ по последним временным назначениям в формируемые

---

[24] Высочайше утвержденное 6 августа 1864 г. Положение о Военно-Окружных Управлениях // ПСЗ РИ II. Т. 39. № 41162; В отзыве на проект военно-окружной реформы Н.Н. Муравьев-Амурский писал о пользе, которую принесет совмещение этих должностей для отдаленных районов империи: «В Сибири, Оренбурге и на Кавказе звания эти необходимы по смыслу самих учреждений, для тех стран существующих и по географическому положению этих стран, там генерал-губернаторы наместники и не нося этого звания, поэтому в них там и соединяется власть военная с гражданскою, и в этом только смысле звание генерал-губернатора может быть понятно и полезно; внутри же империи звания и права генерал-губернаторские в гражданском отношении только стеснительны и нарушают законность, если же правительство признавало еще нужным оставить генерал-губернаторов в некоторых местах для целей политических, то с удержанием главных окружных начальников и эта причина устраняется, ибо не только нет никакого затруднения, но даже прилично возложить эти политические обязанности на главных военно-окружных начальников». Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам, составленный в военном министерстве. СПб., 1862. С. 71.

[25] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 56 об.–57.

[26] Штаб войск Восточной Сибири с продовольственным отделением, Управление начальника артиллерии Восточной Сибири, Управление начальника инженеров Восточной Сибири, Иркутская Полевая провиантская комиссия с управлением дистанционных смотрителей, Иркутская комиссариатская комиссия.

[27] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г., Дополнение к положению о военно-окружных управлениях по применению онаго к военным округам: Оренбургскому и Сибирским: Западному и Восточному, Дополнение к нормальному штату военно-окружных управлений, штат провиантских магазинов в Киргизской степи Западной Сибири и в Областях: Амурской и Приморской (Восточной Сибири), штат Оренбургского, Омского и Иркутского Интендантских складов, штат управления Главного смотрителя провиантских магазинов Приамурского края в Вост. Сиб. в.о., штат Управления Главного смотрителя провиантских магазинов Забайкальской области в Вост. Сиб. в.о., Объяснительная записка к дополнительным положениям и штатам, по применению военно-окружного устройства к округам: Кавказскому, Оренбургскому, Западному и Восточному Сибирским, а также список всех должностных лиц, которым надлежало возглавить структуры и подразделения нового округа. Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 403 от 29 августа 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865.

инстанции, а с 1 сентября начал в округе преобразование войск[28]. «1го сентября 1865 г. все части Военно-Окружного Управления открыли свое действие, а к 1му Января 1866 г. были уже открыты и прочие вновь учрежденные и преобразованные управления…», – докладывал он Александру II[29]. Реформу провели сравнительно мягко[30]. Из-за огромных размеров округа порядок управления вошедшими в его состав областями: Забайкальской, Амурской и Приморской остался прежний – через военных губернаторов этих областей, подчиненных по военной части Командующему войсками новым округом. Якутская область, Енисейская и Иркутская губернии управлялись, как и до этого, только гражданской администрацией. Был изменен лишь «Штат управлений войск Амурской и Приморской областей», утвержденный Александром II вместе с документами о создании Вост. Сиб. в.о. 6 августа 1865 г.[31].

Важно отметить, что в 1864 г. практически на всей территории страны (за исключением Москвы и Петербурга) военные губернаторы были освобождены от заведования военной частью и переименованы в губернаторов, а к 1867 г. кроме Восточной Сибири и Дальнего Востока должность военного губернатора осталась только в нескольких губерниях на Кавказе, а также в областях в Оренбургском, Туркестанском и Зап. Сиб. в.о.[32].

В трех дальневосточных областях для непосредственного управления местными войсками военным губернаторам Забайкальской и Амурской областей были присвоены права и обязанности как начальников местных войск, так и губернских воинских начальников. Делопроизводство по этим вопросам сосредотачивалось: в Забайкальской области – в специально созданном при военном губернаторе Управлении начальника местных войск[33], а в Амурской и Приморской областях – в штабах областей. При этом, в Приморской области права и обязанности губернского воинского начальника были присвоены начальнику штаба области, через посредство которого местные войска и подчинялись военному губернатору, которому были присвоены права и обязанности начальника местных войск. Должность

---

[28] Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 405 от 31 августа 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 1 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865.

[29] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 59.

[30] Так, было предписано «чинам, которые при назначении в состав вновь учреждаемых Управлений получили бы меньший оклад содержания, или поступили бы на должность низшего класса, сохранить получаемые ими ныне оклады, равно и все права по классу и разряду пенсии прежних должностей, впредь до поступления сих чинов на должности высшего класса и оклада». Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 403 от 29 августа 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865.

[31] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О штате Управления войск Амурской и Приморской областей // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42370; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 2 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 58 об.

[32] Приказ военного министра № 275 от 1 сентября 1864 г. // Приказы военного министра за 1864 г. СПб., 1864; Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1. … С. 525.

[33] Просуществовало до 1872 г., когда был создан штаб войск Забайкальской области, где и сосредоточили все делопроизводство по местным войскам. Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. Положение о воинской повинности Забайкальского казачьего войска // ПСЗ РИ II. Т. 47. № 50822.

Инспектора линейных батальонов в Приморской области была при этом упразднена[34].

В первые 2 года существования, т.е. до Манзовской войны 1868 г., созданная система военного управления себя вполне оправдывала, а вносившиеся в нее изменения не носили принципиального значения. Например, Высочайшим повелением от 14 апреля 1867 г. при штабе Вост. Сиб. в.о. был образован Военно-топографический отдел (открыл действия 1 августа), «значительно увеличивший средства для топографических работ и картографии, имеющих особенно важное значение и обширную потребность в Амурском крае»[35].

При этом практически сразу проявились и некоторые неудобства. Так, во всеподданнейшем отчете за 1867 г. М.С. Корсаков, говоря об о. Сахалин, отмечал, что уже «внесены ныне в военное и морское министерства предположения об организации на острове надлежащего управления, усилении войск и снабжении их для большей самостоятельности морскими судами»[36]. Однако эта комплексная программа освоения и развития о. Сахалин, предусматривавшая и создание там местного управления, в т.ч. военного, по-прежнему находилась на рассмотрении в Петербурге. Тот же М.С. Корсаков указывал, что с каждым годом становится настоятельнее необходимость перенесения центрального управления Приморской областью из г. Николаевск в другое, «более соответствующее место», поскольку вся хозяйственная и военная деятельность в последние годы сосредотачивалась в Южно-Уссурийском крае. В качестве наиболее подходящего пункта он указывал с. Хабаровка, как удобно расположенный центральный пункт Приморской области[37].

* * *

Если не считать отмены телесных наказаний, как меры уголовного наказания (за исключением приговоров рецедивистам-каторжникам) законом 17 апреля 1863 г.[38], и

---

[34] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 1 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865; Высочайше утвержденные 6 августа 1864 г. Положения: I) Об управлении местными войсками военного округа, II) о губернских батальонах и уездных командах и III) о резервных батальонах пехотных и стрелковых // ПСЗ РИ II. Т. 39. № 41166. В том же 1865 г. Приморская область была поделена на три «постовых округи»: Новгородскую, Александровскую (Де-Кастри) и Ольгинскую, каждую из которых, в свою очередь, поделили на участки. Руководство округами и участками было вверено строевым офицерам, которые заведовали как военной, так и гражданской частью. Кондратенко Р.В. Манзовская война… С. 66–67; Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке… С. 72.

[35] Высочайше утвержденное 24 декабря 1866 г. Положение Военного Совета Об учреждении военно-топографических отделов в военных округах: Оренбургском, Западном и Восточном Сибирских и о преобразовании Военно-топографического отдела Кавказского в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 41. № 44052; Приказ военного министра № 134 от 14 апреля 1867 г. // Приказы военного министра за 1867 г. СПб., 1867; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 107; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 3–3 об.

[36] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 70 об.–71.

[37] Там же. Л. 111 об., 115–115 об.

[38] В армии этим законом были отменены наказания шпицрутенами, в т.ч. в наиболее жестокой форме «прогнания сквозь строй». Последнее на практике часто превращалось в смертную казнь нижних чинов за проступки по произволу командира части или соединения, причем разрешенную законом в завуалированной форме (Именной указ от 17 апреля 1863 г. О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных // ПСЗ РИ II. Т. 38. № 39504), что впоследствии было признано официально (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 12. Кн. 1. Ч. II. Главное военно-судное управление. Ист. очерк. СПб., 1914. С. 239). В связи с этим 6 июля 1863 г. было введено

преобразования местных войск[39], военно-окружная реформа оказалась единственной из всего комплекса военных реформ Д.А. Милютина[40], которая затронула российский Дальний Восток в полной мере и была проведена там почти одновременно с преобразованиями на остальной территории империи. Введение 1 января 1874 г. всесословной воинской повинности первое время тоже оказывало на русские регулярные войска на Дальнем Востоке минимальное влияние, поскольку население Приморской и Амурской областей от отбывания этой повинности было освобождено[41], причем эта норма сохранялась до 1909 г.[42]. Реформа военно-учебных заведений регион не затронула по причине отсутствия в нем этих заведений. Изменения численности, штатов и состава войск в большей степени определялись местными военными потребностями, чем ходом общероссийской военной реформы. Действие же принятого 15 мая 1867 г. военно-судебного устава[43], который должен был создать и, постепенно создал, новую отечественную военно-судебную систему[44], было распространено уже на Иркутский и Приамурский в.о. только с 1 октября 1889 г., т.е. 22 года спустя после начала военно-судебной реформы[45].

Таким образом, внедрение в Восточной Сибири системы военно-окружного управления явилось третьим этапом военно-окружной реформы в Российской империи в целом, а не было вызвано какими-либо региональными сложностями и процессами. Более того, при незавершенности дискуссии по новому административно-территориальному делению Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, ее ввели единственным способом, который позволял избежать многолетних дискуссий между ведомствами военным, морским и внутренних дел, а именно: наложив территориально новую систему военно-

---

«Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных» (Высочайше утвержденное 6 июля 1863 г. Положение об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных // ПСЗ РИ II. Т. 44. № 39830; ПВВ № 249 от 6 июля 1863 г. // ПВВ за 1863 г. СПб., 1863) носившее временный характер и замененное в 1869 г. разработанным на его основе новым Дисциплинарным уставом. Высочайше утвержденный 7 июля 1869 г. Дисциплинарный Устав (по военно-сухопутному ведомству) // ПСЗ РИ II. Т. 44. № 47287; ПВВ № 248 от 10 июля 1869 г. // ПВВ за 1869 г. СПб., 1869.

[39] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865.

[40] Наиболее полно они исследовались в: Исторический очерк деятельности военного управления в России… Т. 1–6; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. … 369 с.; Menning B.W. “Bayonets before bullets”. The Imperial Russian Army, 1861–1914… P. 6–50.

[41] Манифест о введении всеобщей воинской повинности. 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ II. Т. 49. № 52982; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о введении общей воинской повинности, Указ Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ II. Т. 49. № 52983.

[42] Высочайше утвержденный 18 марта 1909 г. одобренный Государственным Советом и Государственною Думою закон о привлечении населения Амурской и Приморской областей к отбыванию воинской повинности // ПСЗ РИ III. Т. 29. № 31622; Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1909 г. СПб., 1911. Прил. 2. Отчет по ГУГШ. С. 33.

[43] Вводил в империи 3 рода военно-судебных инстанций: полковые суды, военно-окружные суды и Главный военный суд в Петербурге. Высочайше утвержденный 15 мая 1867 г. Военно-Судебный устав // ПСЗ РИ II. Т. 42 № 44575.

[44] Подробнее об этом см.: Военно-судебная реформа // Военный сборник. 1867. № 8. С. 223–242; Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 12. Кн. 1. Ч. II. … С. 209–430.

[45] Высочайше утвержденное 25 апреля 1889 г. Положение о порядке применения и введения в действие Военно-судебного устава в войсках Иркут. и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 5943; ПВВ № 106 от 28 апреля 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; Приказ по войскам Приам. в.о. № 83 от 11 августа 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.

окружного управления на уже существовавшую систему управления через генерал-губернаторов и военных губернаторов. Это обстоятельство, а также необходимость управления огромными территориями Вост. Сиб. в.о., стали причиной того, что порядок управления вошедшими в состав округа Забайкальской, Амурской и Приморской областями остался прежний – через военных губернаторов областей, подчиненных по военной части Командующему войсками округа. Некоторой модернизации подвергся лишь штат управления войск областей. На остальной же части империи в 60-е гг. XIX в. быстрыми темпами шел обратный процесс – освобождение военных губернаторов от «заведования военной частью».

Следует подчеркнуть, что именно система военного управления, сформировавшаяся в Восточной Сибири в период генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского и ставшая широко известной в стране благодаря его решительной и эффективной внутренней и внешней политике, во многом лежала в основе разработанного в 60-х гг. XIX в. русского варианта системы военных округов. Последний отличался от наиболее близкой к нему французской системы военных округов как раз большей широтой власти и степенью самостоятельности как самого Командующего войсками округа, так и органов военно-окружного управления[46].

Сформированный в 1865 г. Вост. Сиб. в.о. отличался рядом существенных особенностей не только от военных округов центральной части империи, но и от других округов периферии – Кавказского, Оренбургского и Зап. Сиб., с которыми формировался одновременно. Ключевым в данном случае явился географический фактор: Вост. Сиб. в.о. стал самым большим в России. Важно и то, что в разработке проекта его нормативно-правовой базы непосредственное участие принял генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков. Именно привезенные им в Петербург штаты и проекты устройства системы местного военного управления ускорили работу над «Дополнительными правилами…».

Свои особенности имела и система управления новым округом, в основе которой лежала типовая структура военно-окружного управления. В округе отсутствовал Окружной инспектор военных госпиталей, права Военно-окружного совета были значительно шире, чем в любом другом военном округе, что позволяло существенно сократить переписку с центральным аппаратом Военного министерства, повысив тем самым эффективность военно-хозяйственной деятельности. Особенности Окружного штаба на момент его формирования также обуславливались спецификой округа, в котором имелись как «морские силы», так и два

---

[46] Военный министр Д.А. Милютин писал в 1882 г.: «Для создания военных округов мы имели уже готовый образец не в иностранных государствах, но в устройстве наших же окраин, где с давнего времени существовала местная военная власть, достаточно самостоятельная не только для обычного в мирное время ведения дел, но и для распоряжений военного времени, не обращаясь по всякой мелочи к центральной власти в Петербурге, – власть, объединяющая в себе начальствование и над войсками, полевыми и местными, и над местными органами хозяйственными. Приходилось только регулировать то, что уже существовало, т.е. выработать такие положения, которые точнее и правильнее определили бы власть и круг действий как главного начальника округа, так и подчиненных ему специальных отделов окружного управления: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского, и т.д.». Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. 1882. Т. 1 (93). С. 26.

казачьих войска. В дальнейшем штаб удалось освободить от излишних функций, главным образом путем постепенного реформирования системы управления ЗКВ и АКВ. Другой особенностью Окружного штаба была крайняя значимость и загруженность его военно-топографического отдела, который занимался изучением и картографированием практически неисследованных территорий, причем данные эти впоследствии использовались не только военными, но и гражданскими специалистами и ведомствами. Особенности Окружного интендантства, такие как наличие особых Главных смотрителей провиантских магазинов Амурской и Приморской областей тоже обуславливались необычайными масштабами созданного округа. Существенно были расширены права и возможности Окружного инженерного управления, лишенного мелочной опеки Главного инженерного управления, что, как предполагалось, позволит оперативнее и эффективнее решать вопросы казарменного и оборонительного строительства в условиях отсутствия необходимой инфраструктуры, недостатка строительных материалов и рабочих рук. Главным положительным результатом реформы стала унификация в максимально возможной степени системы военного управления в Восточной Сибири и остальной части империи. Недостатки же нового округа были связанны с географическими особенностями региона и отсутствием единой и четко сформулированной позиции по его дальнейшему развитию, месту и роли в составе государства.

1.2. Военные кризисы на российском Дальнем Востоке в 1865–1878 гг.: от Манзовской войны 1868 г. до британской угрозы 1876–1878 гг.

До 1879 г. систематического военного планирования на случай возникновения конфликтов на Дальнем Востоке в России не велось ни в центральном аппарате Военного министерства, ни на уровне Вост. Сиб. в.о. В результате, каждый раз в угрожаемый период или, как в случае с Манзовской войной 1868 г., уже непосредственно во время конфликта, решения приходилось принимать сходу, в зависимости от ситуации. Естественно, в таком случае все меры носили ярко выраженный импровизационный характер, а их успешность во многом зависела от мастерства местных властей и непосредственных исполнителей, поскольку при огромных расстояниях Восточной Сибири, в случае непредвиденных ситуаций, руководящая роль центра округа в Иркутске неизменно снижалась.

Манзовская война 1868 г., официально определявшаяся в Российской империи как «восстание китайцев (манз) в Южно-Уссурийском крае в 1868 г.»[47], к настоящему времени хотя и оценивается исследователями по-разному, но в целом изучена достаточно хорошо[48].

---

[47] Манзовская война // Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165.

[48] Тихменев Н.М. Манзовская война (Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 году) // Военный сборник. 1909. № 2. С. 23–40; № 3. С. 29–50; № 4. С. 19–32; № 5. С. 43–60; № 6. С. 53–70; № 7. С. 29–46; Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб., 2004. 143 с.; Петров А.И. История

Поэтому она будет рассмотрена лишь в общих чертах. В 1865 г. значительная часть земель на российском Дальнем Востоке впервые вошла в состав удельного ведомства. В их числе был и небольшой о. Аскольд. В конце 1867 г., шхуна «Алеут» следуя из г. Николаевск в зал. Посьета обнаружила на острове группу китайцев, занимавшихся незаконной добычей золота. Капитан приказал им покинуть остров, доложил об увиденном военному губернатору Приморской области, который распорядился выставить для наблюдения за прол. Стрелок военный пост в бух. Разбойник. Последнему была придана шлюпка и поставлена задача наблюдать за проливом. Для той же цели был усилен отряд в посту Находка (зал. Америка). Впоследствии, когда зимой 1867–1868 гг. «показали неповиновение и буйство» китайцы живущие в долине р. Сучан, туда был отправлен отряд из двух рот Вост.-Сиб. лин. батальонов и 2-х горных орудий под командованием подполковника Я.В. Дьяченко. Порядок был восстановлен достаточно быстро, двое зачинщиков – арестованы, что усыпило бдительность русских властей.

В апреле 1868 г. шхуна «Алеут» снова осматривала о. Аскольд, но на этот раз, как только члены команды на шлюпке высадились на остров, по ним был открыт огонь из стрелкового оружия. Три матроса были убиты на месте, еще 10 чел. – ранены и группа ретировалась на шхуну. В ходе дальнейшего крейсерства вокруг острова, было уничтожено много манзовских лодок, однако 27 апреля рейд пришлось прекратить и вернуться во Владивосток, т.к. на борту подходило к концу топливо[49]. Этим воспользовались незаконные старатели, сумевшие покинуть остров.

В ночь на 26 апреля жившие в районе р. Цимухе манзы, «считавшиеся нам преданными», пользуясь густым туманом атаковали пост Стрелок, 2 чел. убили. 39–30 апреля они, уже вместе с манзами с о. Аскольд, атаковали находящуюся на той же реке дер. Шкотова, которая была сожжена и разграблена. Высланные из Владивостока военные отряды прибыли уже на пепелище. Тем временем, две группы манз – цимухинские и с о. Аскольд, соединились в один отряд, а затем снова разделились. Одна часть направилась большими партиями к границе с Маньчжурией, намереваясь скрыться на территории Китая; другая – «разбрелась небольшими партиями по краю». Первая партия по пути внезапно напала на с. Никольское, которое тоже было сожжено. Жители, под прикрытием небольшого отряда от одного из Вост.-Сиб. лин. батальонов вынуждены были отступать к посту Камень-Рыболов, где дислоцировались две роты 3-го Вост.-Сиб. лин. батальона[50].

Как только сведения об этом дошли до военного губернатора Приморской области, контр-адмирал И.В. Фуругельм немедленно распорядился «принять необходимые меры для

китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003. С. 208–218; Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. С. 47–73 и др.

[49] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 129–130 об.

[50] Там же. Л. 131–131 об.

подавления восстания». В первых числах мая в район действий манз был отправлен на пароходе вверх по р. Уссури сводный стр. полубатальон (около 300 чел.) из стрелков лин. батальонов, расположенных в низовьях р. Амур, и из людей стрелковой школы, а также сформирован отряд из 160 казаков. Для обеспечения отрядов продовольствием в станице Буссе на р. Уссури был устроен временный провиантский магазин, а «для обеспечения единства действий и сосредоточения всех распоряжений» командирован начальник штаба войск Приморской области полковник М.П. Тихменев. По прибытии в Южно-Уссурийский край он и принял на себя общее командование всеми находившимися там войсками[51].

Движение русских отрядов было организовано, по местным меркам, достаточно быстро, но они изначально находились в роли преследователей, а преимущество в скорости, знании местности и времени было всецело на стороне манзовских отрядов. Первый эшелон сводного стр. батальона выступил из Николаевска 8 мая на буксире парохода «Константин», имея с собой амуницию, запас провианта и боеприпасов. 16 мая в Хабаровке к нему присоединился второй эшелон, а 20 мая весь батальон прибыл в станицу Буссе. Оттуда, по приказу М.П. Тихменева 2 роты под начальством капитана В.Н. Флоренского были направлены вверх по рекам Уссури и Дауби, «чтобы очистить Даубинскую долину и обеспечив спокойствие по Уссури перейти на Лефу и соединиться с отрядом, имеющим двинуться из поста Камень-Рыболов». Последний отряд был собран из 150 уссурийских казаков, усиленных небольшой командой от 3-го Вост.-Сиб. лин. батальона и подчинен командиру Уссурийского пешего батальона подполковнику Н.Ф. Маркову, которому было предписано по соединении с отрядом В.Н. Флоренского, «теснить разбойников со стороны рр. Лефу и Суйфуна»[52]. Для обеспечения связи этих двух колонн были использованы небольшие отряды, а подполковнику Я.В. Дьяченко с отрядом людей 1-го Вост.-Сиб. лин. батальона и двумя горными орудиями «предписано было двигаться с юга, на тот же путь сообщения и занять станцию Лоренцову, дабы таким образом сосредоточить силы по направлению движения шаек»[53].

К 29 мая основной отряд манз отходил от Никольского по Камень-Рыболовской дороге к посту Дубинскому, куда в тот же день но с другой стороны, по направлению от Утесного, т.е. навстречу противнику вытягивался отряд подполковника Н.Ф. Маркова. Этот отряд обнаружил хунхузов на расстоянии около версты от Дубинского на достаточно сильной позиции. Тем не менее, высланная вперед цепь открыла по ним огонь. Отмечалось, что «занятие позиции неприятелем было не без искусства и с появлением наших стрелков манзы выставили также по опушке леса густую цепь, впрочем большею частью безуспешно

---

[51] Там же. Л. 132 об.–133 об.
[52] Там же. Л. 134–134 об.
[53] Там же. Л. 135.

стрелявшую по нашей»[54]. После шестичасовой перестрелки, заметив утомление неприятеля, подполковник Н.Ф. Марков приказал подпоручику Дубинину с охотниками в числе 40 чел. обойти левый фланг и очистить штыками занимаемую манзами высоту. Группа Дубинина, подготовив атаку ружейным огнем с близкой дистанции, бросилась в штыки и обратила манз в бегство. Видя это Н.Ф. Марков двинулся со своим отрядом всем фронтом через овраг и после того как неприятель был окончательно сбит с позиции преследовал его по направлению к р. Суйфун до наступления темноты, т.е. около полутора часов[55].

Причем поскольку часть роты уссурийских казаков была оставлена наблюдательным постом на дороге от Камень-Рыболова, весь отряд Н.Ф. Маркова состоял всего из 175 чел., в то время как хунхузов насчитали не менее 400. Потери составили с русской стороны 1 казак убитым и 2 – ранеными, со стороны противника – более 50 чел. убитыми, причем отходя они оставили «значок, часть обоза, быков и два ручных фальконета». На следующий день, отряду был дан отдых, после которого Н.Ф. Марков продолжил преследование хунхузов еще 8 дней, в результате чего «окончательно рассеял раздробившееся на мелкие шайки скопище, действуя сначала по р. Суйфуну, а потом по верховьям р. Мо. К этому времени остальные отряды, руководимые М.П. Тихменевым, были стянуты к с. Никольское и провели «несколько рекогносцировок местностей лежавших в окрестных горах, в стороне от проезжих дорог». После этого было констатировано военное поражение манз и отданы распоряжения о возвращении Никольских крестьян к их домам и «вскоре за сим прекращено военное положение войск, так как после разбития главной шайки повсюду последовало замирение восставших манз»[56].

Впоследствии причины случившегося и степень виновности участвовавших лиц разбирали несколько комиссий. «Манзы оказавшиеся по расследовании виновными, из числа проявивших сопротивление, были сосланы на остров Сахалин на каменно-угольные работы в Дуэ, другие из них по некотором выдержании на постах под арестом были водворены на местах жительства, – и наконец, некоторые из арестованных с первого раза манз, по удостоверении впоследствии в неучастии их в возмущении и неимеющие в крае домообзаведения, переданы были в ведение китайского пограничного начальства…»[57].

Манзовская война 1868 г. стала серьезным стимулом к развитию военно-сухопутных сил на территории Южно-Уссурийского края. Войска, хоть и менее, чем было необходимо, но все-таки были усилены, их дислокация – скорректирована, а сеть пограничных постов стала более густой. Решить же основную проблему – поставить под контроль все находившееся на

---

[54] Там же. Л. 135–135 об.
[55] Там же. Л. 135 об.–136.
[56] Там же. Л. 136 об.–137 об.
[57] Там же. Л. 137 об.–138 об.; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 160. Л. 1–12 об.

дальневосточных территориях империи китайское население и полностью закрыть границу для перехода шаек хунхузов, у русских властей тогда не было ни сил, ни возможностей. В результате, 6 лет спустя, в 1874 г., чуть не случился рецидив Манзовской войны. Однако на этот раз резкая активизация хунхузов не стала сюрпризом для русских военных властей. Опыт борьбы с разбойниками у войск уже имелся, и главной задачей на этот раз было не повторять ошибок предыдущей кампании, т.е. действовать на опережение, а не все время опаздывать. Благодаря своевременно принятым решениям и быстроте передвижения военных отрядов очередного конфликта в Южно-Уссурийском крае удалось избежать, причем ни человеческих жертв, ни заметного урона хозяйству нанесено не было[58].

* * *

Период относительной внешнеполитической стабильности на российских дальневосточных границах в 1869–1876 гг. сменился новым обострением. К весне 1877 г. ситуация на Балканском полуострове накалилась настолько, что стало очевидно: войны с Османской империей России не миновать. 12 апреля 1877 г. Российская империя объявила войну Турции, началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Внешнеполитическая обстановка на момент начала конфликта была достаточно благоприятной. С Австро-Венгрией имелась договоренность о нейтралитете, Франция восстанавливалась после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., Германия внимательно следила за этим процессом восстановления, опасаясь реванша, а Британская империя была заинтересована в ослаблении России, но не в очередной войне с ней[59].

Однако опыт Крымской войны 1853–1856 гг. подсказывал военным, что лучше перестраховаться, т.к. по мере достижения успехов русской армией позиция Великобритании, имевшей серьезные торговые и стратегические интересы в Турции, должна была становиться все более жесткой. Реальной возможности нанести России ощутимые удары в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы Британская империя не имела. Британская армия была в первую очередь предназначена для ведения колониальных войн и противостоять русской в одиночку, без серьезных союзников, как это было в Крымскую войну 1853–1856 гг., не могла. Флот, в свою очередь, не мог оказать существенного влияния на ведение боевых действий на суше. Тем не менее, оставалась возможность повторения сценария Крымской войны 1853–1856 гг., когда англо-французская эскадра сначала сделала попытку высадить

---

[58] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 461. Л. 25 об.–29. Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. «Изготовиться к выступлению по первому требованию…»: попытка рецидива Манзовской войны в Южно-Уссурийском крае (1874 г.) // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. № 2 (Т. 27). С. 24–34.

[59] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С. 165–167; История дипломатии. М., 1963. Т. II. С. 174–194; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 209–218; Айрапетов О.Р. Генерал-Адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. С. 149–225; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 3. М., 2018. С. 285–371.

десант в порту Петропавловск на п-ове Камчатка, а затем и в зал. Де-Кастри[60]. Таким образом, угроза удара британского ВМФ была вполне реальной, а активные действия англичан на слабозаселенных дальневосточных окраинах империи могли нанести ущерб имиджу России на международной арене и привести к малопредсказуемым последствиям.

К войне с Британской империей на Дальнем Востоке начали готовиться за полгода до начала войны с Турцией[61]. Уже 29 октября 1876 г. в г. Иркутск была получена шифрованная депеша Д.А. Милютина, в которой указывалось: «Разрыв с Англией возможен, а потому осторожнее принять заблаговременно меры обороны»[62]. Морское министерство, активно отстаивавшее свои права и привилегии в управлении дальневосточными территориями, решило готовиться к войне просто уведя корабли. Впоследствии П.А. Фредерикс докладывал Александру II, что «от главного Командира портов этого [т.е. Восточного. – Р.А.] океана получено было известие, что Морское Министерство, не надеясь на боевую силу наших судов в Восточном океане, то есть ни на суда Сибирской флотилии, ни на Тихоокеанскую эскадру, сделало распоряжение, чтобы суда флотилии, были отправлены в Америку»[63].

«Сухопутчиков» такой подход озадачил. В г. Иркутск было незамедлительно собрано совещание, участники которого констатировали, что «с приведением в исполнение последних распоряжений, все наше прибрежье в Великом океане предоставлялось обороне сухопутных войск, расположенных в Приморской области и что во время обсуждения вопроса о наилучшей обороне означенного прибрежья совершенно невозможно было предвидеть, какого рода нападению оно могло подвергнуться, потому, что в точности неизвестен был даже предполагаемый неприятель и те средства, коими он будет располагать…». Поэтому решено было «не входя в оценку каких-либо комбинаций, обсудить: 1) вероятные пункты, на которые неприятель может произвести нападение в Приморской области и 2) количество тех боевых частей, которыми можно воспользоваться для обороны этих пунктов, а также передвижение этих частей в означенные пункты»[64].

По первому пункту пришли к выводу, что «на первом плане стоят: Владивосток, как сосредоточие наших морских учреждений в этом океане и Николаевск, как областной город и наиболее значительный торговый пункт прибрежья, расположенный к тому в устьях р. Амура, единственного удобного пути во внутрь страны; следовательно оборона этих пунктов должна составлять предмет первой заботы. Затем весьма важное значение имеет залив Посьет с

---

[60] Об этом подробнее см.: Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. документов, воспоминаний статей и писем. 2-е изд. Петропавловск-Камчатский, 1989. 270 с.

[61] Датировка начала процесса подготовки к возможной войне с Великобританией февралем 1878 г., причем только в составе коалиции европейских держав (Алпеев О.Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. ст. М., 2019. С. 120–136), представляется ошибочной.

[62] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 4; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 8 об.–9.

[63] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 102 об.; См. также: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–2.

[64] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 102 об.–103 об.

бухтами Новгородскою и Экспедиции, у которых лежит пост Новгородский и урочище Новокиевское. В случае оставления нами залива Посьета, неприятель может совершенно безнаказанно занять прилежащий к этому заливу берег и, пользуясь густым Корейским населением на р. Янчи-Хе, а также близостью Китайского города Хунчуна пополнять свои продовольственные запасы не расходуя для этой цели своих морских сил, которые, следовательно, всецело могут быть им употреблены не только для опустошения нашего прибрежья, но при энергии противника небольшие отряды его могут беспокоить наши поселения, расположенные в глубине страны. Сверх означенных пунктов, можно ожидать нападение неприятеля на посты Корсаковский и Дуэ, находящиеся на острове Сахалине и на пост Александровский, лежащий при заливе Де-Кастри, в верстах 60 к востоку от г. Софийска»[65]. Со вторым вопросом все было намного проще – это были те части, которые либо уже находились в Приморской области, либо могли быть туда переброшены в обозримом будущем из других регионов Вост. Сиб. в.о.[66].

Далее был выработан комплекс мер по обороне побережья, включавший: «1) приведение тех частей войск, на которые предполагалось возложить оборону прибрежных пунктов Восточного океана к штатам военного времени и снабжение их лошадьми; 2) приведение в точную известность боевых средств имеющихся в Приамурском крае и могущих служить для обороны его; 3) заготовление для войск продовольствия и госпитальных принадлежностей; 4) снабжение чинов, призываемых из запаса, обмундированием и аммуницией; 5) обеспечение войск Приморской области медицинским персоналом, а также средствами для сохранения здоровья войск; 6) усиление береговой обороны минными заграждениями и укреплениями, с размещением в последних орудий»[67].

Имея ввиду первостепенную важность г. Владивостока решено было защиту этого города возложить на 1-й и 3-й Вост. Сиб. лин. батальоны и два взвода горной батареи, как ближайшие к нему по квартирному расположению; «оборону Николаевска предоставить находящемуся там 6му батальону и местной команде; п. Корсаковский – 4му батальону (кроме стрелковой роты расположенной в п. Дуэ) и взводу горной батареи; п. Дуэ – стрелковой роте 4го батальона и местной команде; поста Александровского – находящейся там местной команде, в помощь которой направить стрелковую роту 5го линейного батальона. Что же касается п. Новгородского, то для защиты как его, так и урочища Новокиевского решено было вызвать со льготы Уссурийский пеший казачий батальон, который и направить в этот последний пункт. Остальные четыре роты 5го линейного батальона предположено оставить в г. Софийске, откуда они могут быть двинуты, смотря по надобности, или в г. Николаевск, или в

[65] Там же. Л. 104 об.–105 об.
[66] Там же. Л. 105 об.–106.
[67] Там же. Л. 103 об.–104 об.

г. Владивосток, или, наконец, в п. Александровский; передвижение означенных рот в летнее время как в Николаевск, так и во Владивосток по рекам Амурского бассейна не может представить затруднений, пост же Александровский отстоит от г. Софийска, всего приблизительно на 60 верст»[68].

С артиллерией и казаками было несколько сложнее. «Принимая во внимание, – продолжал П.А. Фредерикс, – что орудия горной батареи, расположенной в Приморской области не обладают необходимою дальность и самая действительность выстрелов их незначительна, одни же линейные батальоны, без содействия полевой артиллерии, могут оказаться весьма недостаточными для серьезной обороны, а между тем 1я и 2я батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады были расположены весьма далеко: 1я батарея в г. Верхнеудинск Забайкальской области, а 2я в г. Благовещенск Амурской области, было решено произвести передвижение обеих полевых батарей в Приамурский край. Но в виду того, что в случае появления неприятеля на нашем побережье Великого океана, военные действия прежде всего могут начаться во Владивостоке, где море освобождается ото льда в Марте, а иногда и в конце Февраля, было сделано распоряжение о перемещении 2й батареи из г. Благовещенска в Владивосток зимою по льду рек Амура и Уссури. Так как на передвижение батарей обыкновенным походным порядком из первого пункта во второй требовалось не менее 100 дней, или с лишком 3 месяца, то для того, чтобы 2я батарея могла прибыть во Владивосток своевременно, т.е. к началу навигации, приказано было, чтобы батарея эта выступила из г. Благовещенска 1 Декабря. Выступление же в поход 1й батареи из г. Верхнеудинска было рассчитано так, чтобы она в конце Апреля 1877 года могла отплыть из с. Стретенского в г. Благовещенск и далее в г. Николаевск или в составе целой батареи, или же в составе полубатареи, оставив другую полубатарею, в виде резерва, в Благовещенске, где и размещение ее в свободных казармах 2й батареи будет удобнее, чем в других каких-либо пунктах Приамурского края. В г. Николаевск 1я батарея всегда прибудет своевременно, так как бывший Николаевский порт освобождается ото льда не ранее начала Июня».

Что же касается залива Посьета, то, принимая во внимание, что и в нем навигация открывается не позже начала марта, решено было Уссурийский пеший казачий батальон собрать со льготы в конце декабря и, немедленно по сформировании, направить в ур. Новокиевское. Для производства разведывательной службы при отрядах Владивостокском и Николаевском – вызвать со льготы две конные сотни АКВ и направить одну из них в г. Владивосток, в первой половине декабря по льду рек Амур и Уссури, вслед за 2-й батареей, а другую, с открытием навигации, – в г. Николаевск[69].

---

[68] Там же. Л. 106–107 об.
[69] Там же. Л. 107 об.–110.

19 ноября эту программу телеграфировали Д.А. Милютину, для представления на одобрение императору, указав, что на экстренные военные надобности потребуется 100 тыс. руб. и усиление соответствующих кредитов по Окружным управлениям. 20 ноября военный министр телеграфировал, что Александр II предположения утвердил, причем сделано также распоряжение об ассигновании испрашивавшихся денег[70].

При этом, часть необходимых распоряжений Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. отдал еще 15 ноября. В том же году 2-я батарея Вос.-Сиб. арт. бриг. была укомплектована до штата военного времени. На случай приведения войск на военное положение были сделаны все предварительные распоряжения по сбору нижних чинов запаса, проживающих в губерниях и областях Восточной Сибири. Расчеты показывали, что их должно быть вполне достаточно для укомплектования до штатов военного времени войск Приморской области, но самих сборов запасных в 1876 г. не проводили[71]. Начато было стягивание сил к наиболее угрожаемым пунктам на побережье и, прежде всего, Владивостоку. Туда были временно отправлены 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон из поста Камень-Рыболов, а также с. Никольского и постов Раздольного и Барановского, где располагались его 2-я, 3-я, 4-я и стр. роты. Бригадное управление и 2-я батарея Вост.-Сиб. арти. бриг., перебрасываемые туда же из г. Благовещенск «дошли только до с. Хабаровки, вследствие небывалого глубокого снега на Амуре и Уссури, где и задержаны до открытия навигации». Остальные меры осуществили уже в 1877 г.[72].

В связи с британской угрозой пришлось в срочном порядке исправлять и допущенную тремя годами ранее центральным аппаратом Военного министерства ошибку, когда по докладам военного министра, император 3 апреля 1873 г. и 22 июля 1874 г. отдал повеление «о прекращении работ по возведению в устье р. Амура береговых батарей на мысах Чныррах и Мео и о распределении имущества Николаевской крепостной артиллерии». В результате все вооружение, назначавшееся для этих батарей в течение 1875 и 1876 гг. было перемещено в с. Хабаровка «для хранения в том пункте на случай необходимости в устройстве временных батарей для воспрепятствования движению неприятельских судов вверх по р. Амуру, или для защиты каких-либо приморских пунктов прибрежья Восточного океана». «По случаю ожидавшейся высадки в устье р. Амура морского неприятеля», по представлению П.А. Фредерикса «о мерах по обороне нашего побережья», опять-таки, утвержденному императором, было получено разрешение «на возведение двух береговых батарей: одной во Владивостоке и другой на мысе Чныррах, к востоку от г. Николаевска…». Орудия, принадлежности и прислугу пришлось вести туда обратно из Хабаровки[73].

---

[70] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 26–27; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 121 об.–122 об.
[71] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 8 об.–9, 12.
[72] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 36–36 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 36–36 об., 38–38 об.
[73] Там же. Л. 92–94.

Прямым следствием обострения ситуации на Балканах стала активизация боевой подготовки войск Вост. Сиб. в.о. Так, летние сборы войск округа, решение о которых принималось в марте 1877 г., т.е. менее чем за месяц до начала войны, предполагалось провести на достаточно серьезном уровне. В своем приказе от 19 марта Командующий войсками округа П.А. Фредерикс настаивал на том, что «все части, назначенные в сборы, должны выйти в оные в *полном составе*». В рамках их проведения во Владивостоке, важнейшем стратегическом пункте России на побережье Тихого океана, в мае–июле должны были быть сосредоточены 1-й и 3-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, а также 2-я и горная батареи Вост.-Сиб. арт. бриг. Особо отмечалось, что практическая стрельба и фронтовые учения во 2-й и горной батареях Вост.-Сиб. арт. бриг., расположенных во Владивостоке, должны быть окончены с таким расчетом времени, чтобы батареи, в последние 15 дней сборов, могли принять участие в совместных учениях с 1-м и 3-м Вост.-Сиб. лин. батальонами.

Барон П.А. Фредерикс обращал особое внимание командиров частей, «что совместное обучение разных родов оружия знакомит с отличительными свойствами каждого из них», а это являлось желательным для подготовки к согласованным действиям непосредственно в боевых условиях. Поэтому он распорядился образовать во Владивостоке, из находящихся там частей, специальный «*учебный отряд* для маневров и двухсторонних учений, с применением к местности». Эти мероприятия надлежало провести как раз в последние 15 дней сборов, по окончании курса стрельбы и обучения в составе отдельно каждого батальона и батареи[74]. Это были вообще первые сборы войск Вост. Сиб. в.о. с момента его формирования в 1865 г., приближавшиеся по масштабам к общим, когда собранные в одном месте несколько лин. батальонов и артиллерия проводили двухсторонние учения с применением к местности[75].

1-й Вост.-Сиб. лин. батальон прибыл во Владивосток из ур. Новокиевское в начале февраля 1877 г. Выдвинувшись в середине марта из г. Верхнеудинск, в первых числах мая в г. Благовещенск добралась 1-я батарея Вост.-Сиб. арт. бриг. При этом 2-я батарея, выдвинувшаяся из г. Благовещенск во Владивосток еще в декабре 1876 г., но застрявшая в с. Хабаровка и станице Казакевичевой из-за снежных заносов, к началу мая 1877 г. все-таки добралась до с. Никольское. Из числа находившихся в ур. Новокиевское четырех орудий 3-й горной батареи, одно орудие в конце февраля было переброшено во Владивосток, куда в то же время был перемещен и взвод этой батареи из поста Камень-Рыболов[76]. В начале марта 1877 г., «для обороны нашего восточного прибережья, на случай разрыва с морскими державами», и в помощь учебному отряду, во Владивосток была переброшена еще и кавалерия из поста

---

[74] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 74 от 19 марта и № 108 от 6 мая 1877 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1877 г. Иркутск, 1877.
[75] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 41–41 об.
[76] Там же. Л. 14–14 об., 18–19.

Камень-Рыболов – Уссурийская конная казачья сотня. Последняя находилась во Владивостоке до сентября 1877 г., когда была отправлена обратно[77]. Кроме того, был мобилизован и Уссурийский пеший батальон АКВ, отпущенный обратно на льготу в октябре 1877 г.[78]. Как только большая часть войск Южно-Уссурийского края была стянута к побережью, на границе немедленно активизировались хунхузы. Это привело к окончательному решению вопроса о постановке на границе постоянных караулов, что обсуждалось с 1875 г.[79].

Началось спешное усиление береговой обороны города: для защиты входа в бух. Золотой Рог построили земляные батареи на мысах Голдобина и Эгершельда, входы в бухты Диомид и Золотой Рог были перегорожены минными заграждениями. В 1878 г., для противодействия высадке десанта на Семёновском покосе, построили батарею на м. Бурный, возвели батарею Золотого Рога для продольного обстрела входного фарватера в бухту и усилили батареи на мысах Голдобина и Эгершельда[80]. Возобновилось строительство батарей для обороны низовьев и устья р. Амур[81].

Характерно, что, несмотря на обстановку, П.А. Фредерикс 28 апреля 1877 г. отправился в высочайше разрешенный «заграничный отпуск, для восстановления расстроенного здоровья», возложив командование на Иркутского военного губернатора генерал-лейтенанта К.Н. Шелашникова[82].

Имевшиеся в Военном министерстве сведения о британских планах ведения операций против российского Дальнего Востока ограничивались единственным донесением русского военного агента в этой стране генерал-майора А.П. Горлова от 1 (13) ноября 1877 г. Впрочем, и оно было основано на анализе результатов публичного обсуждения этого вопроса «в особом военном обществе в Лондоне, называющемся Royal United Service Institution», где 25 и 29 мая сначала состоялась лекция на тему «Развитие России в северной части Тихого океана и наше там морское и военное положение», а затем и продолжительная дискуссия[83]. Сообщив содержание как лекции, так и дискуссии, А.П. Горлов сформулировал несколько собственных рекомендаций по действиям на Дальнем Востоке в случае начала войны с Англией. Значительная часть их имела ярко выраженный наступательный характер и слабо вязалась с возможностями России в регионе, однако некоторые, касавшиеся вопросов обороны,

---

[77] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 20; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 18 от 19 января 1879 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. Иркутск, 1879; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 210 от 27 сентября 1877 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1877 г. Иркутск, 1877.

[78] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 60.

[79] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 31–33.

[80] Оборона Владивостока во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. специально исследовалась в: Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. “Назло надменному соседу”. 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. С. 18–26. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 94–107.

[81] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 57–58; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 94–97, 107–109 об.

[82] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 34; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 103 от 28 апреля 1877 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1877 г. Иркутск, 1877.

[83] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 64–77.

указывали на ошибочность действий морского министерства, и представляли определенный интерес, в сравнении с мерами, уже принятыми командованием Вост. Сиб. в.о.[84].

«Когда по ходу политических событий выяснилось, что нашему прибрежью Восточного океана опасности неприятельского нападения не угрожает, были вновь произведены некоторые изменения в дислокации войск Южно-Уссурийского края…». 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон, переброшенный во Владивосток в октябре 1876 г. из поста Камень-Рыболов и сел Никольского, Барановского и Раздольного, был возвращен обратно, за исключением стр. роты, которую вместо Раздольного отправили в Турий Рог (1-ю и стр. роту – в мае, остальные – в октябре). Три орудия 3-й горной батареи, находившиеся в ур. Новокиевское для обороны зал. Посьета, в октябре отправили во Владивосток на присоединение к своей батарее, а Уссурийская казачья конная сотня была передвинута в июне из г. Владивосток обратно в сел. Камень-Рыболов[85].

Однако затишье оказалось недолгим. К январю 1878 г., когда русские войска начали стремительно приближаться к Константинополю, Лондон принялся грозить России разрывом дипломатических отношений. 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией, однако напряженности в отношениях европейских держав и России это не сняло[86]. Поэтому меры по подготовке Дальнего Востока России к отражению возможного английского удара пришлось активизировать. Весной 1878 г. было Высочайше повелено вновь принять все меры для обороны берегов Восточной Сибири: «Для обороны Владивостока сосредоточить в этом пункте 1й и 3й линейные батальоны, 2ю пешую батарею, 4 орудия горной батареи и Уссурийскую казачью сотню. В Посьете – местную команду, Уссурийский казачий батальон и 2 горных орудия. В Южно-Уссурийском крае – пеший батальон и пешую сотню Амурского казачьего войска. В Николаевске – 6й линейный батальон, местную команду и конную сотню

---

[84] Британцами предполагалось: «Наблюдать за русской эскадрой еще до объявления войны; тотчас по объявлении войны стараться заблокировать ее в С. Франциско или в Владивостоке, и во что бы то ни стало не дозволить ей выйти из гавани в море. Затем конечно полагается употребить все усилия, чтобы взять Владивосток, которому они рассчитывают нанести большой вред одною уже блокадою, вследствие того, что он не имеет сколько нибудь удобных путей сообщения с внутренностью страны. Если же удастся, то полагают прорваться во внутрь гаваней ограничивающих Владивосток с двух сторон и за тем тотчас же отрезать город от материка и следовательно уничтожить его со всеми его запасами. Николаевск, гавань Св. Ольги, и другие прибрежные пункты полагают за тем в свое время атаковать и уничтожить». В связи с этим он предлагал «сосредоточить в руках одного начальника всю военную власть сухопутную и морскую в Восточной Сибири», организовать наблюдение за британским флотом на Тихом океане, для обеспечения его точными сведениями о противнике, «недозволить ни под каким предлогом заблокировать нашу эскадру в каком-нибудь из портов, но выслать ее в море лишь только объявится война». Кроме того, «если же вполне надежная защита гавани Владивостока невозможна, то оставить вовсе Владивосток, перенеся его учреждения на более надежное место, напр.: где-либо во внутренней бухте Новгородской гавани; также придется оставить Николаевск, гавань Св. Ольги и другие маленькие военные пограничные посты». Там же. Л. 75–77.

[85] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 20–21 об.

[86] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)… С. 206–215; История дипломатии… Т. II. С. 117–126; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова… С. 231–247; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 3… С. 476–509.

Амурского казачьего войска. В Де-Кастри – местную команду и роту 5го линейного батальона. В Софийске – 4 роты 5го линейного батальона. В Благовещенске – оставить в виде резерва 1 пешую батарею. В виду невозможности заградить Меосский фарватер ряжами и ненадежности мин, предположено возвести на правом берегу Амура батарею, вооружив ее 12 фун. нарезными пушками из Хабаровского склада. Войска назначенные для обороны предположено было немедленно усилить призывом запаса. Казачьи войска, назначавшиеся в наряд, предположено было двинуть, как только будет открыта навигация»[87].

Этой же весной было впервые мобилизовано АКВ, выставившее две сводные сотни от Амурской конной бриг., из Амурского пешего батальона был сформирован действующий 4-ротный батальон, а из Уссурийского – 3-ротный. С началом навигации сотни и Амурский батальон были переброшены в пост Камень-Рыболов, окрестности зал. Посьета и Владивосток[88]. В свою очередь, Уссурийская казачья конная сотня из поста Камень-Рыболов снова двинулась во Владивосток[89].

К апрелю 1878 г. значительная часть имевшихся в Южно-Уссурийском крае войск была стянута к побережью, наиболее важным и в то же время уязвимым пунктом которого на тот момент считали Владивосток. Там и сосредоточили значительную часть имевшихся в наличии сил: 1-й Вост.-Сиб. лин. батальон (550 чел.), 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон (440 чел.), Сибирский флотский экипаж (808 чел.), отряд от Уссурийской казачьей конной сотни (60 сабель), 2-ю батарею Вост.-Сиб. арт. бриг. и три взвода горной артиллерии той же бригады. Отряд был подчинен Командующему войсками (военному губернатору) Приморской области контр-адмиралу Г.Ф. Эрдману[90]. 9 апреля 1878 г. в городской думе Владивостока рассматривались вопросы о выплате пособий семействам, предназначенным к выселению из города на случай возможного вторжения неприятеля, и строительстве жителями временных бараков в окрестностях города «собственным попечением»[91].

30 мая 1878 г. П.А. Фредерикс доложил в Военное министерство, что предназначенные к переброске в прибрежные пункты части регулярных войск находятся уже на местах: 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон, 2-я пешая батарея Вост.-Сиб. арт. бриг. и Уссурийская казачья конная сотня прибыли во Владивосток в середине апреля; стр. рота 5-го Вост.-Сиб. лин. батальона – в пост Александровский 8 апреля. Вызванные на службу части АКВ уже выступили со сборных пунктов на судах Товарищества Амурского пароходства и находятся на пути к местам, назначенным для их расположения. Для приведения войск в усиленный

---

[87] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 131–132 об.
[88] Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 160–161.
[89] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 18 от 19 января 1879 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. Иркутск, 1879.
[90] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 198 от 16 октября 1878 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1878 г. Иркутск, 1878.
[91] Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток, 1910. С. 69–70, 75–76.

мирный состав 10 мая в Приморскую область были отправлены из г. Благовещенск недостающие запасные нижние чины в количестве 417 чел. «Все оборонительные работы во Владивостоке можно считать оконченными. Батареи к действию готовы, прислуга обучена. Мин установлено три линии; четвертая устанавливается в Николаевске. Чныррахская батарея совершенно готова, Меосская доведена до такого состояния, что можно было-бы немедленно приступить к ее вооружению, но последнее еще не прибыло. Мины будут приведены в порядок с прибытием в Николаевск командированного из Петербурга саперного офицера»[92].

С окончанием мобилизации казаков, в Южно-Уссурийском крае в районе поста Камень-Рыболов и с. Никольское расположились Амурский пеший казачий батальон АКВ (4-ротного состава) и одна конная сотня; в Новгородском посту в зал. Посьета и на р. Янчихе – общий отряд, состоявший из Уссурийского пешего казачьего батальона АКВ (3-ротного состава) и Новгородско-Уссурийской местной команды с одним взводом (2 орудия) 3-й горной батареи Вост.-Сиб. арт. бриг.[93].

Задаче возможной обороны дальневосточных владений империи от вероятного английского десанта были подчинены и планы военно-учебных мероприятий 1878 г. Так, Уссурийская конная казачья сотня снова должна была участвовать в них в мае–июле в с. Никольское, вместе с 3-м Вост.-Сиб. лин. батальоном и 2-й батареей Вост.-Сиб. арт. бриг. Этим трем частям было предписано в течение двух недель производить совместные учения с применением к местности, под руководством командира 3-го Вост.-Сиб. лин. батальона[94].

1 (13) июля 1878 г. в столице Германской империи был подписан Берлинский трактат, поставивший точку в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[95], и русские войска на далекой окраине вернули в места своей постоянной дислокации, постепенно перевели с усиленно-мирного состава в обыкновенный, а казачьи – распустили на льготу[96]. Проводившиеся оборонительные мероприятия не прошли для них даром – части получили ценнейший опыт сосредоточения для обороны важнейших прибрежных пунктов Южно-Уссурийского края от предполагаемого десанта противника и быстрого передвижения в условиях крайне пересеченной местности при почти полном отсутствии военно-транспортной инфраструктуры; чины военного управления – навык организации подобных передвижений. Опыт этот в дальнейшем был использован при сосредоточении войск Приам. в.о. в 1885 г., во время

---

[92] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 129–130.
[93] Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. … С. 21.
[94] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 58 от 18 марта 1878 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1878 г. Иркутск, 1878; Росписание летних сборов войск Вост. Сиб. в.о. в 1878 г. Приложение к Приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 58 от 18 марта 1878 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1878 г. Иркутск, 1878.
[95] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)… С. 215–218; История дипломатии… Т. II. С. 126–132; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова… С. 251–274; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 3… С. 509–514.
[96] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 139–139 об.

очередного обострения англо-русских отношений.

Однако, если подписание Берлинского трактата способствовало ослаблению политического напряжения в Европе, на время стабилизировав отношения с Британской империей, и сняло угрозу английского десанта, то параллельно, из-за застарелых проблем, начали заметно охлаждаться отношения России с Китаем. Причем дело было не в произошедшем летом 1879 г. на российско-китайской границе «Шитэулинском инциденте», переговоры по которому прошли достаточно успешно[97], а в том, что на Дальнем Востоке начал сказываться так называемый Кульджинский вопрос. И если Русско-турецкая война 1877–1878 гг. впервые поставила вопрос о необходимости организации в империи военного планирования на случай начала войны с внешним противником на Дальневосточном ТВД, но не привела к каким-либо серьезным шагам в этом направлении, то Кульджинский кризис уже заставил незамедлительно приступить к решению этого вопроса.

Итак, к моменту формирования в 1865 г. Вост. Сиб. в.о. внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке практически не вызывала каких-либо опасений ни местных, ни центральных властей. Крымская война 1853–1856 гг. и Вторая опиумная (англо-франко-китайская) война 1856–1860 гг. к этому времени уже завершились. Это заметно снизило как степень влияния на дальневосточную политику Великих держав комплекса проблем т.н. «Восточного вопроса», так и британскую активность у русских границ в регионе. «Большая игра» и ситуация в Средней Азии, а также на всем протяжении русско-китайской границы, тоже не давали существенных поводов для беспокойства. Тем более, что все еще продолжавшееся восстание тайпинов приковывало внимание и силы Пекина к юго-восточной части страны, снижая активность Китая на севере.

Наиболее сложной, но до конца не осознанной в России, проблемой было находившееся на территории Южно-Уссурийского края и практически неподконтрольное ни русским, ни китайским властям китайское население, отказывавшееся признать суверенитет Российской империи над этой территорией и соблюдать установленный порядок и законность, а также банды хунхузов, периодически проникавшие в край из сопредельной Маньчжурии. Манзовская война 1868 г. всерьез обратила внимание на эту ситуацию как местных, так и центральных российских военных и гражданских властей. Однако недостаток сил, средств и упорства местных властей, растянули окончательное разрешение этой проблемы на долгие десятилетия, в течение которых китайский этнический бандитизм оставался в регионе серьезной проблемой. При этом активизация деятельности японцев на о. Сахалин во 2-й пол. 60-х – 1-й пол. 70-х гг. XIX в. хотя и приводила к определенным трениям между русскими и

---

[97] Его история специально исследовалась в: Авилов Р.С. Из истории русско-китайской границы: «Шитэулинский инцидент» 1879 года // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XI. М., 2012. С. 101–147.

японцами в южной части острова, что вызывало опасения военных властей, но никогда не переходила в стадию вооруженного противоборства. В 1875 г. имевшиеся противоречия были успешно разрешены подписанием между Россией и Японией двустороннего Петербургского договора. Во 2-й пол. 70-х XIX в. влияние «Восточного вопроса» на политику в регионе снова начало расти, а затем активизировалась и политика Китая на северных границах. В результате, в 1878 г. ситуация на Дальнем Востоке чуть было не переросла в боевые действия с Британской империей, поскольку в случае ее вступления в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. удар по тихоокеанскому побережью России был неизбежен, а в 1879 г. – в войну с Китаем.

Однако постоянной работы, как по изучению потенциального противника, так и по подготовке планов войны с ним для дальневосточного региона в тот период не велось ни в Главном штабе, ни в Окружном. В результате и действия во время Манзовской войны 1868 г., и подготовка к войне с Англией в 1876–1878 гг. носили ярко выраженный импровизационный характер. Причем если вторая велась в условиях угрожаемого периода, то в первом случае – оценивать ситуацию и разрабатывать план ведения боевых действий пришлось, когда последние уже начались, к чему местные власти оказались абсолютно не готовы.

1.3. Корректировка военного управления в 1868–1881 гг.: предложения, дискуссии, меры

В отчете за 1867 г. М.С. Корсаков отмечал, что «последние беспорядки в Южно-Уссурийском крае, произведенные китайскими манзами, указали на необходимость некоторых преобразований в составе, дислокации и управлении войск там находящихся»[98]. Поэтому вскоре после окончания Манзовской войны 1868 г. под его руководством была разработана целая программа, включавшая в себя комплекс мер по обеспечению безопасности региона, которую представили на рассмотрение в столицу летом 1868 г. Часть мер касалась военно-административных вопросов. Так, для поддержания порядка в Южно-Уссурийском крае, «в виду значительности пространства этого края, разбросанности в нем населения равно как и для поддержания порядка на будущее время», предлагалось разделить его на 5 округ: Уссурийскую, Ханкайскую, Суйфунскую, Сучанскую и Аввакумовскую, а население каждой – подчинить особому Окружному Начальнику, из числа начальников частей войск, там находящихся, с правами, определенными положением о губернских воинских начальниках[99]. Программа содержала и обоснованное ранее предложение о перенесении областного центра Приморской области с гражданским и военным управлением из Николаевска в Хабаровку.

---

[98] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 115 об.–116.

[99] Эту меру М.С. Корсаков привел в исполнение собственной властью «как экстренную немедленно по восстановлении спокойствия, нарушенного беспорядками произведенными китайскими манзами», еще до получения «особого распоряжения» из Петербурга. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–5.

Кроме того, предлагалось учредить в Южно-Уссурийском крае должность пограничного комиссара для заведования сношениями с иностранными пограничными властями[100].

К концу года в столицу прибыли и новые предложения М.С. Корсакова по общим вопросам изменения административно-территориального деления Восточной Сибири и российского Дальнего Востока[101]. При неуверенности императора, второй комплекс предложений убил первый – вместо принятия оперативных решений по действительно срочным вопросам корректировки местного военного управления, акцент дискуссии в столице сместился на проблему административно-территориального деления[102]. Дискуссии по ней шли со времен Н.Н. Муравьева-Амурского, показывали полное отсутствие единого подхода между различными ведомствами к обсуждаемой проблеме, слабое знание участниками самого дела и осложнялись аппаратными войнами между Военным и Морским министерствами[103].

В результате, по указанию Александра II, в Петербурге сначала была образована комиссия «для рассмотрения предположений генерал-губернатора Восточной Сибири по устройству и управлению Приморской области», под председательством генерал-адъютанта И.С. Лутковского, из лиц, многие из которых бывали в крае и хорошо представляли его положение и нужды[104]. Когда оказалось, что значительная часть вопросов «не могут быть приведены в исполнение без коренного преобразования управления края и не требуют неотложного решения», комиссия положила свои заседания прекратить. После этого, по инициативе министра финансов, поддержанной великим князем Константином Николаевичем и одобренной императором, была создана еще одна межведомственная комиссия, которую и отправили на Дальний Восток[105]. Таким образом «вопрос о разделении Уссурийского края на округа, по Высочайшему повелению», т.к. «вопрос этот находится в связи с общим преобразованием управления этого края», был отложен до получения и рассмотрения результатов работы комиссии, под председательством генерал-адъютанта И.Г. Сколкова, командированной в 1869 г. по Высочайшему повелению на два года на Амур «для изучения на месте потребностей и нужд края»[106].

Поэтому лишь один административный вопрос из программы М.С. Корсакова 1868 г.

---

[100] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 5 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 90. Л. 69; Там же. Д. 162. Л. 4–19 об.; см. также: Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. С. 126–127.

[101] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 4–19 об.; Подробнее см.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 227–232.

[102] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 4–3 об.

[103] Гражданская составляющая дискуссии о необходимости реформы административно-территориального деления российского Дальнего Востока была подробно изучена А.В. Ремневым (Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 223–266). Поэтому в рамках данной работы будет рассмотрена преимущественно военная составляющая этих дискуссий, практически не затронутая указанным исследователем.

[104] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 35–36 об. См. также: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 232–236.

[105] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 51–59 об.; Там же. Д. 178. Л. 2–3; 5–8; 26–38 об.

[106] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 6 об.

был решен оперативно[107]. 12 ноября 1869 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета об учреждении, «впредь до общего преобразования управления Приморскою областью», управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Сам комиссар и управление должны были находиться недалеко от зал. Посьета, подчиняться военному губернатору Приморской области, а по дипломатическим вопросам обращаться напрямую к генерал-губернатору Восточной Сибири[108]. Впоследствии пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае теснейшим образом взаимодействовал с военными, причем не только во время внешнеполитических кризисов и пограничных инцидентов.

Вместо двух лет комиссия проработала на месте год и уже в начале 1870 г. ее председатель представил Александру II рапорт о результатах своей командировки[109]. Несколько позднее подготовили и основную отчетную документацию. Он была отпечатана и направлена в т.ч. М.С. Корсакову, который отнесся к ней с большим интересом и еще бóльшим скепсисом[110].

По вопросу об устройстве управления, в т.ч. военного, Приамурским краем комиссия И.Г. Сколкова констатировала невозможность его адекватного осуществления из Иркутска, в связи с чем указала на необходимость изъять его из подчинения генерал-губернатора Восточной Сибири. При этом при суммарной численности населения Амурской и Приморской областей всего в 50 тыс. чел. и войск – в 6 тыс., деление региона на две области было признано излишним. Поэтому было предложено Амурскую и Приморскую области объединить в одну, с переносом управления из Николаевска в более центральный пункт – Хабаровку. При этом «по малочисленности войск в Приамурской области, управление ими должно быть упрощено. С этой целью нет надобности учреждать военный округ, а возложить звание командующего войсками на Военного Губернатора и учредить при нем штаб, в котором и сосредоточить различные отрасли военного управления». А поскольку начальник области будет при этом удален от моря на значительное расстояние, то на побережье и на островах Тихого океана рекомендовалось создать систему самостоятельного управления по линии Морского министерства, которое бы возглавил Главный командир портов Восточного океана. По вопросу о подчинении оставшихся на этой территории войск члены комиссии к

---

[107] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 69 об.–70, 72 об.

[108] Обязанности его определялись особой инструкцией генерал-губернатора Восточной Сибири, согласованной с МИДом. Высочайше утвержденное 12 ноября 1869 г. мнение Государственного Совета Об учреждении управления пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае // ПСЗ РИ II. Т. 44. № 47653. Подробнее о нем см.: Нестерова Е.И. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х – начало 70-х годов XIX века) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 118–126.

[109] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 44–44 об.

[110] ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 2. Л. 1–72 об.; Там же. Ед. хр. 3. Л. 1–34, 35–40 об., 41–43 об., 45–46 об.; Там же. Ед. хр. 5. Л. 1–9, 11–12 об.; Там же. Ед. хр. 9. Л. 1–24 об., 25–26 об.; Там же. Ед. хр. 10. Л. 1–15, 16–17 об., Л. 18–21 об.

единому мнению не пришли[111].

В целом же результаты деятельности комиссии оказались вполне предсказуемыми – ее члены, представлявшие интересы разных ведомств, тоже не смогли прийти к полному согласию и кроме общих заключений комиссии, по каждому вопросу имелись и особые мнения[112]. В результате 5 января 1870 г. Александр II распорядился «о рассмотрении в особом Совещании результатов обозрения При-Амурского края, произведенного Комиссиею…»[113].

Результаты работы комиссии И.Г. Сколкова обсуждались на Особом Совещании 25 мая 1870 г. под председательством великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича. На заседании отталкивались от официальных решений комиссии. Отсутствовавшего в столице Д.А. Милютина замещал Ф.Л. Гейден, который, «объяснив, что при сознанной уже необходимости отделения При-Амурского края от Генерал-Губернаторства Восточной Сибири, представляются два удобоисполнимых соображения об устройстве этого края:

1. Учредить из трех областей – Забайкальской, Амурской и Приморской Генерал-Губернаторство и отдельный военный округ, с разделением Генерал-Губернаторства на две области и с соединением в лице Генерал-Губернатора и звания Командующего округом. В таком случае Начальник морской части в крае должен быть подчинен Генерал-Губернатору и Командующему округом; местопребыванием Генерал-Губернатора назначить Благовещенск, а местопребыванием Губернаторов – Читу и Хабаровку.

или 2. Приморскую область и часть Амурской соединить в одну область и вверить управление ею лицу Морского ведомства, которому передать в командование и полное распоряжение все сухопутные и морские силы, при чем перевести из Военного Министерства в Морское все войска и учреждения на тех основаниях, как Аральская флотилия передана в Военное Министерство. Остальная часть Амурской области и Забайкалье и войска в них расположенные остались бы по прежнему в ведении Генерал-губернатора Восточной Сибири»[114]. Сам Ф.Л. Гейден высказался за первый вариант, но отметил, что «образование При-Амурского военного округа, если не касаться расходов на управление Генерал-Губернатора, потребует […] 40/т. руб.»[115].

14 лет спустя оказалось, что первое предложение Ф.Л. Гейдена было оптимальным, и именно оно легло в основу концепции создания Приам. в.о. Однако тогда, после бурных обсуждений, участники Совещания пришли к иным выводам, постановив: 1. Гражданское управление Приамурским краем изъять из подчинения находящегося в Иркутске

---

[111] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 4 об.–5; ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 3. Л. 1–34, 35–40 об. См. также: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 236–241.
[112] См., напр.: ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 3. Л. 41–43 об., 45–46 об.; Там же. Ед. хр. 10. Л. 18–21 об.
[113] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 4; ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 11. Л. 1–22 об.
[114] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 5–6.
[115] Там же. Л. 6.

центрального управления Восточной Сибири.

2. Оставив Забайкальскую область по-прежнему в составе генерал-губернаторства Восточной Сибири, из существующих областей Приморской и Амурской образовать одну под названием Амурская область, в ведении начальника области. Местопребыванием Областного управления назначить Хабаровку. «К этой области применить общие губернские учреждения не в полном их развитии, но в упрощенном виде, соответственно местным потребностям».

3. Из полуострова Муравьева-Амурского с о. Русским и г. Владивосток, морского побережья от Владивостока до зал. Де-Кастри, округов Петропавловского, Гижигинского и Удского, островов Сахалина, Командорских и Курильских образовать особое управление в ведение Главного командира портов и островов Восточного океана. Морские учреждения перенести из Николаевска во Владивосток, где назначить пребывание Главному Командиру. Степень власти этого должностного лица в морском отношении применить к власти Главного командира портов Европейской России; в военном же и гражданском отношении – к правам военного губернатора.

4. «Не выделяя При-Амурского военного управления из ведения военного округа Восточной Сибири, начальствование войсками во вновь учреждаемой Амурской области поручить Начальнику бригады, с тем, чтобы по командованию права его были расширены сравнительно с принадлежащими этой должности по общему положению; в хозяйственном же отношении он был бы подчинен военному управлению в Иркутске».

5. «Войска, находящиеся в местах, подлежащих управлению Главного Командира, предоставить в ведение сего последнего, как в командном, так и в хозяйственном отношениях. При сем сообразить не может ли быть организован из переданных таким образом команд особый морской батальон».

6. Для надобностей порта и для удовлетворения требований в стратегическом отношении, о. Русский, разделяемый от Владивостока прол. Босфор Восточный, «полезно было бы передать из Удельного в Морское ведомство, с вознаграждением Удельного ведомства соответствующим участком земли в Южно-Уссурийском крае, по соглашению подлежащих ведомств, если это может быть сделано без особых неудобств».

7. Дальнейшую разработку положений на основании этих главных начал произвести соответствующих в министерствах, с тем, чтобы окончательно выработанные проекты положений и штатов были вновь внесены на рассмотрение Совещания, и затем уже «поступили на окончательное утверждение Высочайшей власти, по свойству предметов, через Государственный Совет, Комитет Министров или Всеподданнейшими докладами»[116].

Итак, в отсутствии военного министра, Особое Совещание постановило

[116] Там же. Л. 7 об.–8 об.

реформировать систему гражданского и военно-морского управления, сохранив при этом все недостатки системы военного управления, а именно: необходимость управления войсками на Дальнем Востоке из Иркутска. Очевидно, что Д.А. Милютина этот вариант не устроил и, несмотря на то, что журнал был утвержден Александром II 13 июля, реализация большей части предложенных мер остановилась на стадии п. 7.

30 октября того же года Особое Совещание собрали снова. Присутствовавший на этот раз военный министр подверг резкой критике журнал предыдущего заседания, вместе с утвержденным проектом[117], который помимо радикального усиления на Дальнем Востоке морского ведомства в ущерб военному, а значит и всей обороне региона, вообще не стыковался с военно-окружной системой, о существовании которой по ходу дискуссий по прежнему продолжали забывать. По сути, он настаивал на возвращении к первому предложению Ф.Л. Гейдена – «не упраздняя Восточно-Сибирского Генерал-губернаторства, образовать из областей: Забайкальской, Амурской и Приморской особое Генерал-Губернаторство с центром управления в Благовещенске или Стретенске. В ведение же главного Командира не выделять особой территории, но возложить на него исключительно лишь начальство над морскими средствами и учреждениями»[118].

На следующем заседании Совещания, 10 февраля 1871 г., постановили: «1) Сообщить вновь назначенным Генерал-Губернатору Восточной Сибири и Военному Губернатору Приморской области, вышеозначенные мнения по преобразованию военной и гражданской части в При-Амурском крае, поручить каждому из них доставить в годичный срок, по содержанию этих предположений, свой отзыв; причем ближайшим образом сообразить на месте о более соответственном местным условиям направлении границы, долженствующей разделять Приморскую область от Амурской, во всяком случае, войдет ли При-Амурский край в состав особого Генерал-Губернаторства, или нет. До окончательного же преобразования Амурского края, по рассмотрении полученных таким образом отзывов, устройство военной и гражданской части в нем оставить на прежнем основании

и 2) Предоставить Министру Внутренних Дел, по соглашению с Военным Министром, в течение того же годичного срока, разработать и за тем внести в Совещание предположения о новом переустройстве всего Сибирского края в связи с Туркестанским и Оренбургским Генерал-Губернаторствами». 16 февраля 1871 г. Александр II это мнение утвердил[119]. Активное противоборство Военного и Морского министерств продолжилось. Причем про систему военно-окружного управления, существовавшую параллельно с системой гражданского управления, выстроенной по линии МВД, и морского – по линии морского

---

[117] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 243–244.
[118] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264. Л. 219, 320.
[119] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 188–188 об.

ведомства через Главного командира портов Восточного океана, в ходе дискуссий почти не вспоминали[120].

Назначенный новым генерал-губернатором Н.П. Синельников за 3 года представил в столицу 3 совершенно разных «мнения» об административном разделении Приамурского края. В свою очередь, Главный командир портов Восточного океана А.Е. Кроун 30 июня 1872 г. настаивал на передаче всей прибрежной полосы в юрисдикцию морского ведомства вместе с расположенными в Приморской области Вост.-Сиб. лин. батальонами, которые предлагал «наименовать морскими десантными стрелковыми батальонами», что было для Д.А. Милютина заведомо неприемлемо, равно как и предложения из записки В.Д. Карпова, подготовленной по распоряжению министра внутренних дел А.Е. Тимашева. При этом во всеподданнейшем отчете за 1872 г. Н.П. Синельников ходатайствовал, «чтобы дело о разделении Сибири, от которого терпит управление всего края, было приведено к окончанию»[121]. Таким образом приемлемого решения проблемы опять выработано не было и «разработку вопроса об административном делении Азиатской России» передали в очередную комиссию (ее возглавил А.И. Деспот-Зенович), образованную в марте 1873 г., на этот раз при МВД, и проработавшую по май 1874 г.[122].

* * *

При этом военное управление Приморской области – наиболее динамично развивавшейся, но в то же время и наиболее отдаленной от центра округа и генерал-губернаторства в Иркутске, начинало давать сбои уже тогда. В начале 1870 г. М.С. Корсаков констатировал: «Сосредоточение в Управлении войск Приморской области делопроизводства по самым разнородным вопросам, касающимся устройства края, при некомплекте чинов Управления и отсутствии офицера Генерального Штаба, было причиною не вполне успешной деятельности означенного Управления в 1869 году»[123].

Сбои давали и некоторые основные элементы созданной Д.А. Милютиным системы военно-окружного управления. Так, назначение в Военно-Окружной Совет члена от Военного министерства, совершенно незнакомого с условиями Вост. Сиб. в.о., приводило к тому, что он не понимал причин подготовки некоторых решений, а иногда даже принимал их за злоупотребления. Это заметно сказывалось на эффективности деятельности Военно-Окружного Совета. Тот же М.С. Корсаков докладывал императору, что «нельзя не заметить, что близкое ознакомление члена от Военного Министерства с разнообразными условиями Приамурского края, без сомнения, полезно отразилось бы на деятельности Окружного Совета

---

[120] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 249–255.
[121] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264. Л. 220 об.
[122] Подробнее см.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 255–262.
[123] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 32–32 об.

в тех случаях, когда исключительность условий названного края вызывают необходимость некоторых отступлений от прямых указаний закона»[124].

Смена командования округа во второй половине 1870 – начале 1871 г. не привела к серьезным изменениям в системе управления. Поскольку дискуссии по этой проблеме в столице еще продолжались, новое командование сосредоточилось на наведении порядка в уже сформированной системе, что отчасти и удалось. Правда только в наиболее развитой западной части округа: было приведено «в более удовлетворительное состояние делопроизводства и отчетности по сравнению с предыдущими годами» состояние Окружного штаба, обращено особое внимание на приведение в удовлетворительное состояние делопроизводства в Управлении Воинских начальников Иркутской и Енисейской губерний, так что «деятельность этих управлений, подобно деятельности остальных военных управлений Округа, за исключением Приморской области», была довольно успешна.

«Что же касается управления войск Приморской области, – констатировал в 1871 г. уже новый Командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.П. Синельников, – то, не смотря на принятые меры, деятельность его не может быть признана удовлетворительною, по особенности условий, в которое оно поставлено; вследствие этого предположено произвесть коренные изменения в организации этого управления»[125]. Впрочем, для последнего требовался хотя бы минимальный консенсус между ответственными лицами в столице, а его не было. Поэтому командованию округа, для начала, пришлось ограничиться ревизией делопроизводства управления войск Приморской области, которую в 1871 г. произвел лично начальник штаба округа генерал-майор М.Н. Черкесов. После этого в работе управления «замечено было более успешности», но, как указывал Н.П. Синельников, «она не может быть признана удовлетворительною, потому, что на Управлении этом лежат обязанности, несоответствующие прямой цели назначения его»[126].

По сути, единственным решением Совещания 25 мая 1870 г.[127], которое удалось привести в жизнь, стал перенос в 1871 г. главной базы Сибирской флотилии со всеми ее учреждениями из Николаевска во Владивосток. Тогда же ее управление полностью вывели из подчинения Командующему войсками Вост. Сиб. в.о. и передали в ведение Морского министерства. Командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана было присвоено звание Главного командира портов Восточного океана, при нем было создано особое управление, а существующий штат канцелярии Морского министерства усилили одним старшим делопроизводителем, для заведования сибирскими делами. Все морские

---

[124] Там же. Л. 33 об.–34.
[125] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 24–25 об.
[126] Там же. Л. 39–39 об.
[127] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 7 об.–8 об.

составляющие военно-окружного управления Вост. Сиб. в.о., как то: Иркутское морское отделение Окружного интендантского управления и морское управление при Окружном штабе упразднялись «со дня получения настоящего приказа в Иркутске»[128].

При этом в Военном министерстве был допущен существенный стратегический просчет, который потом пришлось аврально исправлять, уже во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в 1870 г. по заключению комиссии И.Г. Сколкова в Петербурге решили, что «с предположенным перенесением Управления Морскими силами в этом крае из Николаевска в Владивосток, едва ли будет основание к дальнейшему укреплению устьев Амура»[129].

* * *

Задуманная в комиссии А.И. Деспот-Зеновича реформа была амбициозной по обоснованию, грандиозной по масштабу, спорной по сути и невыполнимой с т.з. практики, как минимум по причине нехватки в бюджете империи достаточных средств для столь кардинальной ломки устоявшейся системы, тем более без веских на то оснований. В общих чертах заключение комиссии сводилось следующему:

«I. Губернии: Оренбургскую, Уфимскую, Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую, область Якутскую и земли Букеевской орды вовсе изъять из Генерал-Губернаторского Управления и передать в прямое ведение министерств. При чем область Якутскую оставить под непосредственным наблюдением Иркутского Губернатора, а земли Букеевской орды оставить в составе Астраханской губернии.

II. Из прочих зауральских провинций образовать три Генерал-Губернаторства:

1) Степное – с центром в Омске, из областей: Уральской, Орской, ныне Тургайской (с землею Оренбургских казаков), Омской ныне Акмолинской, и Семипалатинской.

2) Туркестанское – с центром в Ташкенте из областей Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Отделов Тяньшаньского и Аму-Дарьинского.

3) Амурское – с центром в Благовещенске, из губерний Забайкальской (ныне области) и области При-Амурской (ныне областей Амурской и Приморской)»[130].

Вопросом о том, что в этом случае вероятнее всего придется реформировать всю созданную 11 лет назад в Сибири военно-окружную систему и как это сделать, в созданной на базе МВД комиссии вообще не задавались, хотя изначально речь шла о составлении в комиссии «нового росписания провинций по генерал-губернаторствам и военным округам…»[131]. Более того, роль самого факта введения военно-окружной системы в стране так и осталась для комиссии до конца не осознанной, поскольку на заседаниях происходило

---

[128] Именной указ, объявленный 16/22 февраля 1871 г. Сенату Управляющим Морским Министерством О штате Управления портов Восточного океана // ПСЗ РИ II. Т. 46. № 49259.
[129] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 46.
[130] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 496. Л. 2 об.–3; подробнее см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264. Л. 350–362.
[131] Там же. Л. 230.

рассмотрение в т.ч. и проектов административно-территориального деления, разработанных еще до 1865 г. и даже в «муравьевскую эпоху», когда не было необходимости стыковать между собой две фактически параллельно существовавшие системы управления: гражданскую и военную[132].

В разгромном заключении Главного штаба, где анализировали предложения комиссии, до этого даже не дошли – настолько далекими от реальности показались военным теоретические посылки, лежащие в основе ее выводов, и нежелание ее членов принимать в расчет внешнеполитические и военно-стратегические соображения, в т.ч. обстановку в сопредельных государствах. Это определило дальнейшую позицию Военного министерства по этому проекту. Даже министр внутренних дел А.Е. Тимашев признал реализацию решений комиссии затруднительным[133].

Предложениями столичных теоретиков оказались недовольны и все местные начальники, однако здесь следует рассмотреть подробно лишь мнение П.А. Фредерикса. Последний умудрился 20 ноября 1874 г. направить соображения по изменению гражданского административного устройства только министру внутренних дел[134], а военного – только военному министру[135]. В результате А.Е. Тимашеву и Д.А. Милютину пришлось переписываться между собой, чтобы получить полный комплект документов[136].

Встречные предложения П.А. Фредерикса, помимо ярко выраженного стремления сохранить значительную часть власти по управлению Восточной Сибирью в своих руках

---

[132] Подробнее см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264. Л. 230–368.

[133] Там же. Л. 377–386; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 496. Л. 4–5.

[134] «1) Власть Генерал-Губернатора в губерниях Иркутской, Енисейской и Якутской области необходима еще по крайней мере до введения в них земских учреждений. 2) Нет оснований к отделению от Генерал-Губернатора Восточной Сибири Забайкалья и При-Амурского края, и образованию из них особого Генерал-Губернаторства. 3) Нет препятствия к присоединению Енисейской губернии к Западной Сибири, а Тобольской к губерниям Европейской России. 4) Согласно с предположениями бывшей, под председательством Тайного Советника Деспота-Зеновича, Комиссии – Забайкальскую область можно преобразовать в губернию. 5) Амурскую и Приморскую области соединить в одну, подведомственную одному Губернатору всего Амурского края, с отделением флота и портов Приморской области в исключительное ведение Главного Командира, подведомственного одному Морскому Министерству. Центром При-Амурской области назначить Благовещенск, а Хабаровку избрать местом для устройства большей части военных учреждений и складов для При-Амурского края и учредить управление Командира Восточной Сибирской Линейной бригады». Там же. Л. 3–3 об. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 393. Л. 19–27, 28–34 об., Л. 35–44.

[135] «Сущность военного проекта Генерал-Адъютанта Барона Фредерикса заключается в следующем: 1) Принимая в основание всего преобразования соединение нынешних областей Амурской и Приморской в одну область При-Амурскую, проект полагает в будущей области соединить военное управление с гражданским в лице Военного Губернатора, которому в отношении войск присвоить звание “Командующего войсками При-Амурской области”. 2) Командующему войсками Области вверить управление и всем казачьим населением Амурского края, на правах Наказного Атамана Амурского казачьего войска. 3) Военно-гражданское управление в Амурском крае должно быть совершенно отделено от морского, присвоенного Главному Командиру портов Восточного океана. 4) Для военного управления при Командующем войсками образовать “Штаб войск При-Амурской области”, а для ближайшего заведования линейными батальонами и местными командами, а равно и для заведования местными военными учреждениями артиллерийского, инженерного и интендантского ведомств, содержать подлежащие военные управления. 5) Местопребывание Начальника новой области Генерал-Адъютант Барон Фредерикс полагал бы назначить в г. Благовещенске, как потому, что пункт этот лежит в центре русских поселений по среднему Амуру и Нижней Зее и в соседстве с манджурскими населенными местностями, в особенности с Айгунтом, где имеет местопребывание Амбань, так и потому, что в этом городе имеется более готовых для управления помещений нежели в Хабаровке, куда по прежним проектам полагалось перенести областное управление». Там же. Л. 12–17.

[136] Переписку по этому вопросу см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 393. Л. 11–44.

(невозможность оперативного управления войсками на Дальнем Востоке из г. Иркутск стала очевидной уже во время Манзовской войны 1868 г.) были логичными в том, что их реализация позволяла: не ломать устоявшуюся систему из двух военных округов на всю Сибирь, найти компромисс с моряками, передав под их контроль побережье с портами, и улучшить качество управления войсками в Приамурском крае.

А поскольку комиссия А.И. Деспот-Зеновича сама не смогла прийти к однозначному решению, и кроме базового заключения, на выходе имелись и множество особых мнений ее членов по самым разным вопросам[137], то пришлось опять собирать Особое Совещание из высших сановников империи, заседание которого и состоялось 15 марта 1876 г. Председательствовал великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич. Присутствовали на нем министры: военный Д.А. Милютин, финансов М.Х. Рейтерн, внутренних дел А.Е. Тимашев, путей сообщения К.Н. Посьет, а также управляющий Морским министерством С.С. Лесовский, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс и главный начальник III-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Достаточно быстро «присутствующие пришли к заключению о несвоевременности принятия теперь тех коренных изменений в административном устройстве Сибири, какие предлагает Комиссия Тайного Советника Деспота-Зеновича», находя необходимым «остановиться теперь лишь на преобразованиях, касающихся более удовлетворительного устройства администрации собственно в При-Амурском крае»[138]. Эта проблема снова вызвала бурные дискуссии[139], однако поскольку после 5 лет обсуждения какое-то решение все-таки нужно было принять, минимально приемлемый для всех сторон компромисс был найден, и «для наиболее удовлетворительного устройства При-Амурского края» Совещание рекомендовало принять следующие меры:

«1. Из областей Амурской и Приморской, в их настоящих границах, образовать особое Генерал-Губернаторство, с центром в Благовещенске. Штат нового Генерал-Губернаторства образовать в самом ограниченном размере.

2. Гражданское управление Приморской области изъять из ведения Главного Командира портов Восточного океана, назначить отдельного Военного Губернатора области и административным центром избрать Хабаровку, куда и перевести из Николаевска областное правление Приморской Области.

3. В ведении Главного Командира портов Восточного океана оставить одну морскую часть, но присвоить ему звание Военного Губернатора Владивостока.

4. Владивосток возвести на степень города, с присоединением к нему некоторой

---

[137] См., напр.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 264. Л. 261, 295–299 об., 300–303 об., 311–311 об., 364–365.
[138] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 496. Л. 5–5 об.
[139] Запись 15 марта // Дневник Д.А. Милютина. М., 1949. Т. 2. С. 29; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 264.

территории по примеру Севастополя.

5. Предоставить Министерствам Внутренних Дел, Военному и Морскому, по принадлежности, выработать положение о новом Амурском Генерал-Губернаторстве, о командующем войсками в областях Амурской и Приморской и о Военном Губернаторе или Градоначальнике Владивостока, которые и представить на Высочайшее утверждение…»[140].

Пункт 5-й свидетельствует о том, что предполагалось не только создание нового Амурского генерал-губернаторства, но и нового военного округа. 5 апреля 1876 г. Александр II начертал на журнале «Исполнить»[141]. Этот журнал стал первым с 1865 г. утвержденным императором документом, предполагавшим внесение существенных изменений в систему военно-окружного управления в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а именно выделение из Вост. Сиб. в.о. нового в.о. Примечательно, что прообраз будущего Приам. в.о. не должен был включать в свой состав Забайкалье, охватывая лишь территории Амурской и Приморской областей.

Дальше началась проработка практической реализации принятых решений по линии каждого из министерств. Причем первое, что сделал А.Е. Тимашев, это предложил по финансовым соображениям, реализацию указанных мер проводить «лишь постепенно», на что военное ведомство ответило категорическим отказом[142]. Участники всех этих комиссий, а затем и обсуждавших результаты их работы Особых Совещаний, в жарких дискуссиях обсудили почти все вопросы, в той или иной степени относящиеся к освоению и управлению Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. Причем мнения представителей военного и морского ведомств чаще всего расходились в прямо противоположные стороны, и если «сухопутчики» совместно с МВД периодически предлагали действительно удачные управленческие решения, то позиция моряков сводилась исключительно к сохранению части управления под своим контролем и расширению сферы влияния. Парадоксально, но единственным вопросом, который ни разу не был поднят, оказался вопрос о координации деятельности Военного и Морского министерств как в центре, так и на местах, в случае возникновения серьезной внешней угрозы русским владениям на Тихом океане! Министры более интересовались противоборством друг с другом, чем с внешним врагом.

Результат получился достаточно оригинальный. Когда в связи с нарастанием угрозы новой войны с Турцией, а значит – и с Англией, 29 октября 1876 г. в г. Иркутск была получена шифрованная депеша Д.А. Милютина, в которой указывалось: «Разрыв с Англией возможен, а потому осторожнее принять заблаговременно меры обороны»[143], Командующий войсками

---

[140] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 496. Л. 5 об.–8.
[141] Там же. Л. 2.
[142] Там же. Л. 9–19 об., 76–84.
[143] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 4; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 8 об.–9.

округа П.А. Фредерикс с удивлением обнаружил, что Морское министерство, столь ревниво отстаивавшее свои права и привилегии в управлении дальневосточными территориями империи, вообще не собиралось принимать участие в их защите, о чем он и доложил Александру II[144]. Репутационные потери Морского министерства от такого решения оказались колоссальными. Императору стало очевидно, что жесткая позиция моряков во всех предыдущих комиссиях и Особых Совещаниях действительно была проявлением борьбы за сферы влияния в системе управления империей, а не стремлением принести максимальную пользу в деле развития Дальнего Востока. Это существенно подорвало позиции моряков во все еще продолжавшейся дискуссии по реформе системы как гражданского, так и военного управления регионом. И хотя никакого неудовольствия занимавшему в это время должность военного губернатора Приморской области контр-адмиралу Г.Ф. Эрдману высказано не было, он оказался последним моряком во главе этой области. С 1880 г. ей управляли только выходцы из военного ведомства. Морякам в качестве «вотчины» временно создали Владивостокское военное губернаторство, просуществовавшее только 8 лет – после кризисов 1882–1887 гг. ликвидировали и его.

Несмотря на активную подготовку к войне с Турцией, к 31 марта 1877 г. в Военном министерстве закончили разработку «Соображений об устройстве военного управления в Амурском крае», включавших в себя записку и «проекты штатов будущих Амурского и Восточного Сибирского (нового состава) военных округов». На следующий день Д.А. Милютин одобрил их «в общих чертах», распорядившись отправить их во все Главные управления министерства на согласование и разработку штатов окружных управлений, что и было сделано[145]. Это был первый проработанный проект в.о., создававшегося исключительно на дальневосточных территориях империи – прообраз будущего Приам. в.о., созданного в 1884 г.

Основным недостатком проекта была его предельная урезка по финансовым соображениям. Начальник штаба Вост. Сиб. в.о. Генерального Штаба генерал-майор Н.Н. Мосолов отмечал: «Штат Окружного Штаба Восточного Сибирского Военного Округа (в новом составе) обрезан до такого минимума, при котором становится учреждением совершенно бесполезным и во всяком случае не имеющим никакого основания называться Штабом Окружным»[146]. Однако дальше завершенного проекта дело опять не пошло – 12 (24) апреля 1877 г. страна вступила в войну с Турцией, и министрам было уже не до административной реформы в Восточной Сибири. Впрочем, значение этого проекта было огромным. Впоследствии, уже во время обострения Кульджинского кризиса, именно с этими

---

[144] Там же. Л. 102 об.; См. также: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–2.
[145] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д 496. Л. 20–21, 22–31 об., 32–40, 41–59, 61–75 об., 85–99 об., 112–119.
[146] Там же. Л. 100–101 об.

наработками Д.А. Милютин отправился на Особое Совещание 14 апреля 1880 г.[147].

При этом изменения в систему управления Забайкальским и Амурским казачьими войсками вносились в 70-е гг. XIX в. независимо от хода этих дискуссий, поскольку в значительной степени были вызваны необходимостью унификации системы управления казачьими войсками на территории империи[148].

К более серьезным управленческим вопросам пришлось вернуться снова в 1879 г., когда высшие правительственные круги были вновь обеспокоены безопасностью российского Дальнего Востока в связи с угрозой войны с Китаем из-за Кульджинского вопроса. Началось очередное обсуждение проблемы упрочения российских позиций в регионе. Находившийся весной 1880 г. в Петербурге Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. Д.Г. Анучин написал 22 марта Д.А. Милютину письмо с просьбой инициировать до его отъезда в Иркутск заседание Особого Совещания по Амурским делам, специально посвященное вопросам обороны Южно-Уссурийского края[149]. Это заседание, под председательством великого князя Константина Николаевича, состоялось 14 апреля 1880 г. Присутствовали: военный министр Д.А. Милютин, министр финансов С.А. Грейг, министр внутренних дел Л.С. Марков, управляющий Морским министерством С.С. Лесовский, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс и генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин.

Открывавший заседание великий князь объяснил, «что в виду настоящих недоразумений с Китайским правительством, он обсуждал с Военным Министром меры, которые необходимо принять к обеспечению безопасности При-Амурского края, в случае неприязненных действий со стороны Китая. При этом обсуждении выяснилась еще более необходимость некоторых изменений в административном устройстве Приморской области»

---

[147] Там же. Л. 124–126 об.

[148] В 1872 г., во время реформирования ЗКВ было введено в действие новое «Положение о воинской повинности Забайкальского казачьего войска», первый пункт которого предусматривал упразднение управления начальника местных войск Забайкальской области по ЗКВ, а все делопроизводство по военному управлению теперь надлежало сосредоточить в Областном штабе, а по хозяйственной части – в войсковом хозяйственном правлении ЗКВ, что существенно улучшило всю систему управления забайкальскими казаками (Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. Положение о воинской повинности Забайкальского казачьего войска // ПСЗ РИ II. Т. 47. № 50822; ПВВ № 180 от 19 июня 1872 г. // ПВВ за 1872 г. СПб., 1872; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 195 от 26 июля, № 213 от 1 августа и № 271 от 9 октября 1872 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1872 г. Иркутск, 1872. См. также: Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Т. 3. Чита, 1918. С. 185–188). Реформа АКВ в 1879 г. также привела к некоторым изменениям в военно-административной системе. «Положение о военной службе казаков Амурского войска» присвоило военному губернатору Амурской области с 1 января 1880 г. права, обязанности и звание Наказного Атамана АКВ, ликвидировав давние трения в вопросе о правах по управлению войском между военными губернаторами Амурской и Приморской областей. Делопроизводство по военному и хозяйственному управлению войска из военных управлений обеих областей надлежало передать в формируемое Войсковое правление АКВ. Аппарат военного управления при военном губернаторе Амурской области был при этом значительно сокращен. Высочайше утвержденное 3 ноября 1879 г. положение о военной службе казаков Амурского войска // ПСЗ РИ II. Т. 54. № 60140; ПВВ № 313 от 29 ноября 1879 г. // ПВВ за 1879 г. СПб., 1879; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 20 от 4 февраля 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880).

[149] Письмо Командующего войсками округа военному министру от 22 марта 1880 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Издается по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. Т. I. Вып. II. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками округа за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления военного. Иркутск, 1884. С. 32–33.

указанных уже в высочайше утвержденном 5 апреля 1876 г. журнале Особого Совещания по Амурским делам, но не приведенных в исполнение. После непродолжительной, но бурной дискуссии, члены Совещания пришли к следующим выводам, относительно военно-административных преобразований:

«1) Изъять из ведения главного командира портов Восточного Океана гражданское управление Приморскою областию и командование сухопутными войсками, в области расположенными.

2) С званием главного командира портов Восточного Океана соединить звание Военного Губернатора Владивостока, который возвести на степень города, с присоединением к нему всего полуострова Муравьев-Амурский и острова Русского. Образовать при Владивостокском Военном Губернаторе, по примеру Кронштадта и Николаевска на Черном море, особую канцелярию, в которой сосредоточить, при несложности гражданского управления в малонаселенном городе и подчинении войск, находящихся во Владивостоке, Военному Губернатору лишь в наружном отношении, все дела, как гражданские, так и военные. Управление этою канцеляриею поручить, на правах начальника дивизионного штаба, офицеру Генерального Штаба, который по своему военно-специальному образованию может быть в особенности полезен Военному Губернатору в случае мероприятий, относящихся до военной обороны Владивостока. Организовать во Владивостоке городское полицейское управление.

3) Учредить должность особого Военного Губернатора Приморской области и Командующего войсками в области расположенными и местопребыванием ему назначить Хабаровку, куда перевести из Николаевска штаб войск, областное правление и окружной суд области. Хабаровку возвести на степень города, открыть в ней окружное казначейство и организовать городское полицейское управление. При этом, в виду возможности разрыва с Китаем и отдаленности Иркутска, предоставить командующему войсками Приморской области временно права Командира неотдельного корпуса…» Решения эти были утверждены Александром II 28 апреля 1880 г.[150]. Причем Д.Г. Анучин настаивал на скорейшем переводе из Николаевска в Хабаровку всех учреждений, и, в первую очередь – штаба со всем имуществом. Летом того же года началась их реализация[151]. Тогда же было решено, «во избежание недоразумений», предоставить командующему войсками Приморской области, права Командира неотдельного корпуса, не временно, а постоянно. Права и обязанности управления

---

[150] Журнал Особого совещания по делам Приамурского края. Заседание 14 апреля 1880 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. VIII. Ч. I. Иркутск, 1884. С. 1–6; Высочайшее повеление от 28 апреля 1880 г. объявленное Управляющим Морским Министерством О некоторых изменениях в административном устройстве Приморской области // ПСЗ РИ II. Т. 55. № 60851; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 168–168 об.

[151] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 79–80, 166.

войск Приморской области тоже были несколько расширены[152].

Военным губернатором Приморской области и Командующим в ней войсками был назначен генерал-майор М.П. Тихменев, который немедленно, еще находясь в столице, ходатайствовал о выделении ему денег «на экстраординарные расходы, вызываемые потребностью наблюдать за военными приготовлениями китайцев и положением пограничных частей Китая», т.е. на организацию разведки, что и было разрешено[153].

Принятие всех вышеперечисленных мер являлось прямым следствием возникновения внешней военной угрозы – Кульджинский кризис 1879–1881 гг. стал своего рода катализатором, ускорившим проведение хотя бы части столь необходимых региону военно-административных преобразований, дискуссии по которым велись с середины 60-х гг. XIX в. И хотя преобразования осуществлялись экстренно и особым порядком, они, тем не менее, внесли существенный вклад в развитие структуры военного и гражданского управления российским Дальним Востоком. Однако принятые меры, хотя и совершенствовали военно-административную систему Вост. Сиб. в.о., но не решили главной проблемы, а именно оперативного управления войсками и военными учреждениями на дальневосточных территориях, что было возможно лишь при условии создания отдельного в.о.

Таким образом, недостатки созданной в Восточной Сибири в 1865 г., в ходе военно-окружной реформы, системы военного управления проявились уже через 3 года, во время Манзовской войны 1868 г. Как и следовало ожидать, основной проблемой Вост. Сиб. в.о. оказались его чрезвычайно большие размеры и дисбаланс в размещении органов военно-окружного управления, располагавшихся в Иркутске, и самих войск, бóльшая часть которых находилась в Приморской, Амурской и Забайкальской областях, т.е. на другом конце округа. При слабой степени освоения территории, неразвитости средств связи и малочисленности населения, оперативное управление из Иркутска войсками на российском Дальнем Востоке оказалось практически невозможным. Так, в 1868 г. Командующий войсками округа не имел возможности ни быстро узнать о том, что происходит в Южно-Уссурийском крае, ни своевременно отдать необходимые распоряжения.

Тем не менее, созданная в Восточной Сибири система военного управления оказалась достаточно стабильной и, с периодически вносимыми частными изменениями, просуществовала до 1884 г., т.е. почти 19 лет. Причина заключалась в том, что Вост. Сиб. в.о. территориально совпадал с генерал-губернаторством (на отдаленных территориях империи должности главного гражданского и военного начальников предполагалось обязательно объединять для удобства управления и во избежание конфронтации между лицами,

---

[152] Там же. Л. 120–121, 136–146.
[153] Там же. Л. 111–113 об., 126, 129–131.

занимающими эти должности), а значит произвести его масштабную реорганизацию или разделение можно было только в рамках общей административной реформы в Восточной Сибири. Последнее требовало достижения согласия между министерствами: Военным, Морским, Финансов и Внутренних дел, что при постоянных аппаратных войнах между первыми двумя из них, заняло более четверти века.

Несмотря на то, что в Военном министерстве проект создания на территории Амурской и Приморской областей отдельного военного округа был подробно разработан еще до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в 1876 г., понадобилось еще 6 лет, чтобы обсуждение вопроса о создании нового в.о. перешло в практическую плоскость. Только резкое ухудшение внешнеполитической ситуации на дальневосточных границах России и череда последовательных внешнеполитических кризисов: угроза новой войны с Британской империей на Дальнем Востоке в 1877–1878 гг., обострение Кульджинского кризиса в 1879–1881 гг. в отношениях с Китаем и начало нового русско-китайского «Савеловского кризиса» в 1882 г. привели к осознанию в Петербурге неуклонного роста значения Дальневосточного ТВД и, как следствие, – созданию Приам. в.о. и генерал-губернаторства.

1.4. Развитие группировки войск в регионе: программы, дискуссии, меры

Вся нормативно-правовая база по необходимым преобразованиям в войсках, расположенных на территории Восточной Сибири, была утверждена императором вместе с комплексом документов по созданию Вост. Сиб. в.о. 6 августа 1865 г.[154]. Поэтому М.С. Корсаков занялся реформой войск практически на следующий день после «юридического» образования округа – 1 сентября 1865 г.[155]. Высочайшее повеление «О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири»[156] представляло собой фактически основные положения комплексной реформы местных войск на данной территории, направленной на их унификацию с местными войсками в остальной части империи. Об этом свидетельствует то, что резервные пех. батальоны приказано было формировать на основании «Положения о резервных батальонах», утвержденного Александром II 6 августа 1864 г.[157] в рамках общероссийской реформы резервных войск[158], а губернские батальоны и местные

---

[154] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; Именной указ от 6 августа 1865 г., объявленный в приказе Военного Министра О преобразовании Сибирских и Оренбургских лин. батальонов // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42371; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 56–59.

[155] Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 405 от 31 августа № 1 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865.

[156] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865.

[157] Высочайше утвержденные 6 августа 1864 г. Положения: I) Об управлении местными войсками в.о., II) о губернских батальонах и уездных командах и III) о резервных батальонах пех. и стр. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 41166.

[158] Подробнее см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. … С. 77–78; Menning B.W. “Bayonets before bullets”. The Imperial Russian Army, 1861–1914… P. 23–29.

команды – на основании принятого тогда же «Положения о губернских батальонах и уездных командах»[159]. На эти батальоны и команды должно было после упразднения Отдельного корпуса внутренней стражи лечь «исполнение гарнизонной службы в городах и охранение внутреннего спокойствия и порядка, при пособии полевых войск, где последние будут находиться»[160]. Поскольку эта реформа происходила практически синхронно с военно-окружной, почти на всей территории Европейской России она была проведена в 1864 г., а в Восточной Сибири к ней приступили лишь в 1865 г. При этом преобразования в войсках Восточной Сибири предусматривали ряд особенностей[161].

В округе, «применяясь к общему устройству местных войск в империи и соображаясь с некоторыми особенностями местной воинской службы в Восточной Сибири, для отправления местной службы (кроме лежащей на отрядах от местных казачьих войск)»[162] были сформированы: 72-й пех. резервный батальон (в г. Иркутск) и 2 губернских батальона 4-ротного состава, которым были присвоены номера, наравне со всеми губернскими батальонами в России – 52-й и 53-й, соответственно[163]. При этом Иркутскую и Красноярскую местные команды упразднили.

В рамках преобразования управления местными войсками в Западной и Восточной Сибири, было принято и новое расписание местных, этапных, крепостной и постовых команд, по которому, после окончания преобразований в Вост. Сиб. в.о. должны были остаться: 1 креп. команда[164] и 5 постовых[165] – в Приморской области, 10 местных команд[166], 28 этапных[167] – в Иркутской и Енисейской губерниях и Забайкальской области. Были утверждены и внедрены новые штаты пех. резервных и губернских батальонов, а также всех местных, этапных, креп. и постовых команд[168]. В задачи местных команд входили как полицейские функции, так и первоначальная оборона ряда стратегически важных населенных пунктов. Креп. команда

---

[159] Высочайше утвержденные 6 августа 1864 г. Положения: I) Об управлении местными войсками военного округа, II) о губернских батальонах и уездных командах и III) о резервных батальонах пех. и стр. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 41166.
[160] ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г. // ПВВ за 1864 г. СПб., 1864.
[161] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865.
[162] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 57 об.–58.
[163] Практически во всей литературе по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока они фигурируют под названием по местам дислокации: Красноярский и Иркутский губернские батальоны. Причем, характерно, что именно оно было вынесено и в заголовок штатов, по которым их надлежало формировать – очевидно, во избежание путаницы.
[164] Впервые созданная – Николаевская, в Приморской области, в Николаевске-на-Амуре.
[165] Дуйская, Новгородская, Александровская, Ольгинская и Владивостокская – все в Приморской области.
[166] Ачинская, Енисейская и Минусинская – в *Енисейской губернии*; Канская, Нижнеудинская и Киренская – в *Иркутской губернии*; Читинская, Верхнеудинская, Троицкосавская и Нерчинская – в *Забайкальской области*.
[167] Ачинская, Козульская, Малокемчукская, Кускунская, Уярская, Ключевская, Каннская, Малоингамская и Ключинская – в *Енисейской губернии*; Бирюсинская, Разгонная, Алгашедская, Уковская, Нижнеудинская, Худоеланская, Курзанская, Шарагульская, Куйтунская, Кимильтейская, Тыретская, Кутуликская, Половинная, Биликтуйская, Тальцинская и Лиственничная – в *Иркутской губернии*; 1-я Забайкальская, 2-я Забайкальская и 3-я Забайкальская – в *Забайкальской области*.
[168] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42369; ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 1 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 57 об.–58 об.

была создана специально для поддержания в должном состоянии укреплений Николаевска-на-Амуре и противодействия возможному проникновению в р. Амур неприятельских кораблей. Постовые – для занятия ряда важнейших пунктов Южно-Уссурийского края с целью демонстрации там русского военного присутствия и первоначальной обороны в случае нападения противника. Этапные команды предназначались для конвоирования заключенных и были разбросаны по населенным пунктам вдоль всей части Сибирского тракта, проходящей по территории округа[169].

Преобразования затронули и линейные батальоны Восточной Сибири[170]. В соответствии с Высочайшим повелением от 6 августа 1865 г., по аналогии с войсками на остальной территории империи, им было присвоено три состава: обыкновенный мирный, усиленный мирный и военный, и новые штаты на все три варианта состава. При этом, исходя из военно-политической обстановки, эти батальоны в ходе реформы перевели на усиленный мирный состав. Сверх того, они были переименованы в Вост.-Сиб. лин. батальоны. В результате, например, линейный батальон Восточной Сибири № 1 получил наименование 1-й Вост.-Сиб. лин. батальон и т.д.[171].

На сформирование крепостной и постовых команд в Приморской области и местных команд в Забайкальской области было «предназначено употребить сверх комплект людей против новых штатов Линейных батальонов, кадр-же для резервных и двух губернских батальонов, а также местных и этапных команд Иркутской и Енисейской губерний взят был из войск Московского Военного округа, в количестве 1500 челов., которые к концу Ноября 1865 г. и были уже на местах своего назначения»[172]. К 1 января 1866 г. сформировали резервный и губернские батальоны, а также местные и этапные команды Иркутской и Енисейской губерний. «Формирование же прочих вновь образованных команд и переформирование по новым штатам Линейных батальонов, за отдаленностью их расположения должно было отложиться» до 1866 г.[173].

Казаков в 1865 г. реформа практически не коснулись[174]. Однако уже на следующий год М.С. Корсаков писал: «Казачьи войска Восточной Сибири ожидают в скором времени

---

[169] ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г. // ПВВ за 1864 г. СПб., 1864.

[170] «Линейные батальоны» в русской армии XIX в. – это особый вид пехотных частей, которые изначально несли службу в укрепленных оборонительных линиях, откуда и получили свое название. В дальнейшем они существовали вне зависимости от наличия «линии», и использовались преимущественно для охраны границ на периферии империи: в Финляндии, на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири и т.д. Линейные войска // Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XIV. С. 636.

[171] Именной указ от 6 августа 1865 г., объявленный в приказе Военного Министра О преобразовании Сибирских и Оренбургских лин. бат. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42371; ПВВ № 283 от 6 августа 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 3 от 1 сентября 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1865 г. Иркутск, 1865; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 58 об.

[172] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 58 об.–59.

[173] Там же. Л. 59–59 об.

[174] Именной указ от 23 декабря 1865 г., объявленный в приказе Военного Министра О переводе штаба 3 пешей бриг. ЗКВ из станицы Бянкиной в станицу Стретенскую, и о правах и обязанностях командира этой бригады // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42816; ПВВ № 461 от 23 декабря 1865 г. // ПВВ за 1865 г. СПб., 1865.

коренной реформы как в военном, так и в сословном отношении. В начале 1865 г. представлен в Военное Министерство полный проект нового законоположения для Забайкальского казачьего войска, выработанный под руководством Генерал-Губернатора, местным Кодификационным комитетом, на основании преподанных ему главных начал, имеющих целью уничтожение замкнутости казачьего сословия, предоставления ему значительных прав земского самоуправления и распространение на казаков многих благодетельных преобразований, дарованных прочим сословиям Государства. Проект этот в настоящее время находится на рассмотрении Центрального Кодификационного Комитета, учрежденного при Управлении Иррегулярных войск. Утверждение для Забайкальского казачьего войска нового положения, которое должно быть распространено и на Амурское казачье войско, положит прочное основание для будущего нравственного и материального развития этого класса сибирского населения»[175].

Таким образом, уже на момент создания Вост. Сиб. в.о. в нем находились как регулярные, так и иррегулярные, т.е. казачьи войска. По данным на декабрь 1865 г. – январь 1866 г. первые были представлены шестью батальонами *пехоты* (линейные батальоны Восточной Сибири №№ 1–6), одним *резервным* батальоном (72-й резервный пех. батальон), *губернскими* батальонами (Красноярский и при нем 4 местных и 9 этапных команд, Иркутский и при нем 2 местные и 16 этапных команд). В Забайкальской области было еще 4 местных и 3 этапных команды, а в Приморской – 1 крепостная и 5 постовых команд. Кроме того, в округе было 2 жандармские команды.

Полевая артиллерия в округе была представлена Забайкальской лин. арт. бригадой (батарейная батарея[176] с горным дивизионом и легкая батарея) и подвижным арт. полупарком, а в Николаевске находилась Николаевская креп. арт. команда. Имелся и арсенал. Регулярная кавалерия в округе отсутствовала.

Более многочисленными были требовавшие существенно меньших затрат на содержание казачьи войска. В ЗКВ: от 6 конных полков на службе состояли в общей сложности 17 сотен, от 12 пеших батальонов – 3 батальона, а также конно-арт. бриг. 2-батарейного состава. АКВ было меньшим по численности: от 2 его конных полков на службе состояли в общей сложности 5 сотен, а от 2 пеших батальонов – 3 роты[177]. Кроме того, в округе существовала бригада Иркутского и Енисейского казачьих конных полков: 2 полка 6-сотенного состава, а также находящиеся в подчинении гражданского начальства: Якутский городовой пеший полк – 2,5 сотни на действительной службе и Камчатская казачья команда –

---

[175] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 59 об.–61 об.

[176] В тот период времени арт. батареи по калибру орудий были разделены на легкие и батарейные, т.е. тяжелые. Энциклопедия военных и морских наук / Под гл. ред. Г.А. Леера. СПб., 1883. Т. 1. С. 364–365.

[177] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 62–63; Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1866 г. СПб., 1866. С. 227–228.

1 сотня[178].

Общая численность сухопутных войск на территории Вост. Сиб. в.о. определялась в *регулярных*: 9 батальонов, 1 роту, две батареи и горный дивизион, ½ арт. парка и 44 команды, и *иррегулярных*: 3¾ пеших батальона, 35 конных сотен, 16 орудий и 2½ пешие сотни[179] (см. прил. 2). Среднегодовой списочный состав нижних чинов регулярных войск округа в 1865 г. составлял 7.798 чел.[180] Всего в округе по спискам состояло в *регулярных войсках*: 294 штаб- и обер-офицера и классных чиновника и 10.071 нижних чинов строевых и нестроевых; в *казачьих*: 326 и 41.449, соответственно[181].

В рамках реформы 1865 г. была изменена и система снабжения войск в Восточной Сибири. На основании того же положения от 6 августа 1865 г. для хранения предметов вещевого довольствия войск и госпиталей Вост. Сиб. в.о. был учрежден Иркутский Интендантский склад на основании общего положения об интендантских складах и специально утвержденного для него штата[182]. «Ближайший надзор» за провиантскими магазинами Забайкальской, Амурской и Приморской областей был возложен на особых главных смотрителей провиантских магазинов, управления которых по специально утвержденным штатам сформировали в г. Чита и г. Николаевск. При этом, если для провиантских магазинов Иркутской и Енисейской губерний, а также Забайкальской и Якутской областей были применены штаты, определенные для магазинов внутренних округов империи, то для магазинов Амурской и Приморской областей – утвержден новый штат. При этом в ходе реформы в округе было открыто 2 новых провиантских магазина, а 33 – упразднено, причем большая часть – из числа тех, что существовали на этапах для довольствия воинских команд. Для обеспечения последних была допущена непосредственная поставка провианта от подрядчиков прямо войска[183].

Командованию округа также подчинялась Сибирская флотилия, состоявшая в 1865 г. из 11 судов морского и 24 речного плавания, комплектовавшихся командами от 24-го

---

[178] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 63; Подробнее об истории иркутского, енисейского и якутского казачества см.: Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX вв.). Иркутск, 2009. 352 с.

[179] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 62–63; Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1866 г. … С. 227–228.

[180] Ведомости о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Восточной Сибири. За 1864 г., январь–апрель 1865 г. Приложения к приказам по войскам сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири за 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири за 1865 г. Иркутск, 1865. – Подсчет Р.С. Авилова.

[181] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 62 об.–63.

[182] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 403 от 29 августа 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. Иркутск, 1865; Приказ военного министра № 278 от 6 августа 1865 г. // Приказы военного министра за 1865 г. СПб., 1865; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 57.

[183] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 403 от 29 августа 1865 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. Иркутск, 1865; Приказ военного министра № 278 от 6 августа 1865 г. // Приказы военного министра за 1865 г. СПб., 1865; ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 57–57 об.

флотского экипажа. Высочайшее повеление о создании Амурского флотского экипажа состоялось в октябре 1865 г., но «по отдаленности края» к его исполнению удалось приступить только в 1866 г.[184].

Итак, на момент формирования округа численность войск в нем была крайне низкой, и они были распылены на огромной территории от Иркутска до Владивостока. Система обеспечения войск по сути была рассчитана только на выполнение текущих задач по охране территории и взаимодействию с гражданскими ведомствами. Запасов на случай внезапного возникновения военного конфликта не имелось.

В период с 1866 г. и до Манзовской войны 1868 г. значительного изменения количественного и качественного состава войск в дальневосточной части Вост. Сиб. в.о. не наблюдалось, а проводимые мероприятия носили частный характер и существенного влияния на явно недостаточную степень защищенности российских дальневосточных владений не оказывали. За исключением усиления русских постов на острове летом 1866 г., «в связи с настойчивым стремлением Японского Правительства утвердиться на Сахалине»[185].

18 апреля 1867 г. Александр II, по всеподданнейшему докладу и представлению Командующего войсками Вост. Сиб. в.о. М.С. Корсакова[186], дал разрешение на изменение в составе и дислокации постовых команд на территории Приморской области. В результате Дуйская постовая команда на о. Сахалин была переведена из 1-го во 2-й разряд, в посту Владивосток приказали самостоятельной команды не иметь, выслав отряд от Новгородской постовой команды, а «взамен Владивостокской постовой команды (2 разряда) образовать постовую команду 1 разряда в Хабаровке на устье реки Уссури, присвоив ей наименование Хабаровской постовой команды»[187]. К ноябрю эти преобразования были завершены[188]. Продолжавшееся в этом году преобразование в округе местных команд не простиралось на восток далее Иркутской губернии[189]. При этом предложенная М.С. Корсаковым комплексная программа освоения и развития о. Сахалин, первым пунктом которой значилось увеличение на острове войск, по прежнему находилась на рассмотрении в Петербурге[190].

---

[184] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 86 об.–87.
[185] Там же. Л. 94–95.
[186] РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 88. Л. 82–83 об., 123–123 об.
[187] Именной указ от 18 апреля 1867 г., объявленный в приказе Военного Министра 23-го того же апреля Об изменении в расположении и составе постовых команд Приморской области // ПСЗ РИ II. Т. 42. № 44479; РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 88. Л. 125; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 3 об.–4.
[188] Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 ноября 1867 г. СПб., 1867. С. 69.
[189] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 4–5.
[190] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 111 об. Более того, он продолжал указывать «на необходимость коренного преобразования наших морских сил на Дальневосточном Океане», поскольку «в настоящем составе Сибирская флотилия, требуя значительно бóльших расходов чем нужно для потребностей края, далеко неудовлетворяет их и при том лишена всякого политического значения. Не имея возможности средствами Сибирской флотилии дать надлежащее морское снабжение остр. Сахалину и всем портам нашего прибрежья, мы в то же время содержим бесполезные для нас суда, а между тем не можем являть наш флаг в Китайских и Японских морях, где присутствие его так существенно необходимо для значения России на водах Тихого Океана в военном и политическом отношении». По его мнению следовало четко разделить транспортные и военные функции, оставив первые за Сибирской флотилией, а для вторых

12 декабря 1867 г., в связи с достаточно продолжительным периодом стабильной внешне- и внутриполитической ситуации на «дальневосточной окраине» в столице приняли решение 2-й, 3-й, 5-й и 6-й Вост.-Сиб. лин. батальоны привести из усиленного в обыкновенный мирный состав, а обоз содержать по обыкновенной мирной запряжке. Все это было произведено уже в 1868 г. и уменьшило численность линейных войск на 820 чел. как раз накануне Манзовской войны[191]. Всего в округе к 1 января 1868 г. было: *регулярных войск*: 395 штаб- и обер-офицеров и классных чиновников и 12.163 нижних чинов (строевых и нестроевых); *казачьих*: 297 и 41.740, соответственно[192].

Параллельно в столице продолжалось обсуждение нового положения для ЗКВ, внесенного в Военное министерство еще в 1865 г. Там оно поступило во временный Комитет для пересмотра казачьих законоположений, учрежденный при Главном Управлении Иррегулярных войск, в котором принимал участие в качестве депутата от ЗКВ, один из членов бывшего местного кодификационного комитета, разработавшего этот проект. Причем, предполагалось, что по новому положению АКВ, «как выделенное из среды Забайкальского», получит устройство на тех же основаниях, какие будут утверждены для ЗКВ[193].

Однако, Манзовская война 1868 г. продемонстрировала достаточно низкую степень боеспособности Вост.-Сиб. лин. батальонов (не занимавшихся систематической боевой подготовкой вследствие отсутствия времени, сил и возможностей, которые почти целиком уходили на хозяйственные дела)[194], крайний недостаток артиллерии и затруднительность быстрой переброски пех. частей к месту боев по причине их сильной рассредоточенности и практически полного отсутствия в крае дорог. «Кроме того последние беспорядки в Южно-Уссурийском крае, произведенные китайскими манзами, указали на необходимость некоторых преобразований в составе, дислокации и управлении войск там находящихся», – успел вставить М.С. Корсаков во всеподданнейший отчет за 1867 г., когда программа необходимых преобразований еще не была окончена[195].

Дислокацию скорректировали в том же 1868 г.[196], а поскольку Манзовская война со всей очевидностью показала слабость русских позиций в Южно-Уссурийском крае даже по сравнению с незаконно находившимися там вооруженными китайскими бандами, то под руководством М.С. Корсакова разработали целую программу. Она была представлена на

иметь полноценную военную эскадру в водах Тихого океана, которую подчинить для единства действий генерал-губернатору Восточной Сибири (Там же. Л. 112 об.–114). Каким образом предполагалось реализовывать последний тезис на практике, оставалось не ясным.

[191] Именной указ 12 декабря 1867 г., объявленный в приказе Военного Министра О приведении Вост.-Сиб. лин. батальонов 2, 3, 5 и 6 из усиленного в обыкновенный мирный состав // ПСЗ РИ II. Т. 42. № 43283; ПВВ № 404 от 17 декабря 1867 г. // ПВВ за 1867 г. СПб., 1867; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 5, 8; Там же. Д. 757. Л. 1а–2.

[192] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 54–58.

[193] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 77–77 об.

[194] Там же. Д. 757. Л. 59–66 об; 71–74 об., 76–76 об.

[195] ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 115 об.–116.

[196] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 46–48 об.

рассмотрение в столицу летом 1868 г. и предполагала комплекс мер по обеспечению безопасности региона. Заканчивалась она предложением «об устройстве конно-Уссурийского дивизиона и о реорганизации войск в Приморской области» в целом. «Оба последние представления мои, – докладывал М.С. Корсаков императору – были последствием событий в Уссурийском крае и того положения, которое видимо начинает принимать Японское правительство по отношению к нам в делах общего владения островом Сахалином»[197].

Наиболее курьезным следует признать ходатайство «об устройстве отдельного Уссурийского стрелкового батальона на общем основании, при чем признается возможным сократить число линейных батальонов до пяти, употребив предположенные к упразднению части на сформирование названного стрелкового батальона и переформирование постовых команд и Николаевской крепостной команды»[198]. Оно было мотивированно полнейшей невозможностью наладить обучение и боевую подготовку Вост.-Сиб. лин. батальонов, постоянно занятых «освоением края». При этом оставалось непонятным, почему ситуация с новым стр. батальоном должна оказаться лучше, чем со старыми линейными, если в первый же год существования ему самому пришлось бы строить себе все помещения и заготавливать большую часть необходимых запасов (дрова, фураж и т.п.). В Военном министерстве сначала решили рассмотреть это ходатайство вместе с другими предложениями по преобразованиям войск и военного управления Вост. Сиб. в.о., но в дальнейшем вовсе отказались от этой идеи. Однако следует подчеркнуть, что это было первое указание на необходимость формирования в Южно-Уссурийском крае именно стрелковых, а не линейных частей. К этой идее пришлось вернуться 11 лет спустя, во время обострения Кульджинского кризиса 1879–1881 гг.

Наиболее удачными были 2 пункта программы М.С. Корсакова 1868 г., предусматривавшие формирование «конно-Уссурийского дивизиона» для обеспечения безопасности границ Южно-Уссурийского края[199], и создание в этом крае пограничного комиссарства. Эти меры, с условием замены дивизиона конной сотней, оказались единственными, одобренными комиссией И.С. Лутковского, утвержденные 5 мая 1869 г. великим князем Константином Николаевичем, а следовательно – рекомендованными к исполнению до получения результатов работы другой комиссии – И.Г. Сколкова[200]. Действительно, создание такой воинской части казалось наиболее простым, быстрым и не требующим больших финансовых затрат выходом из сложившейся ситуации: недостаток артиллерии можно было ликвидировать лишь путем переброски арт. частей из Европейской России, кардинальное изменение дислокации имевшихся на Дальнем Востоке войск было

---

[197] Там же. Л. 5 об.
[198] Там же. Л. 73 об.
[199] Там же. Л. 5 об., 73 об.
[200] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 2–3, 18–38 об.

невозможно по стратегическим соображениям из-за их чрезвычайно малого количества, а улучшить транспортную инфраструктуру в ближайшие годы, если не десятилетия, имевшимися силами вообще не представлялось возможным. Однако на целый дивизион денег в бюджете не хватило и 24 мая 1869 г. Александр II повелел «для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать Уссурийскую казачью конную сотню»[201], что и было завершено к лету 1870 г.[202]. Будучи организованной «как регулярная кавалерийская часть», она стала первой русской регулярной конной частью на Дальнем Востоке[203]. Местом ее дислокации сразу же был определен пост Камень-Рыболов, где она вместе с 3-м Вост.-Сиб. лин. батальоном составила ядро военных сил России, охранявших обширную территорию к западу и юго-западу от оз. Ханка[204].

Тогда же началось усиление в округе артиллерии, недостаточность которой в Южно-Уссурийском крае тоже наглядно проявилась в ходе Манзовской войны 1868 г. Весной 1869 г. было утверждено положение «о переформировании батарей линейной Забайкальской бригады в 4-х фунтовые и о сформировании из состоящих при них горных дивизионов горной батареи». Инициатива исходила снизу – в округе прекрасно понимали, что артиллерии здесь критически мало. Предполагалось из состоящих при батареях бригады горных дивизионов сформировать горную батарею по обыкновенному мирному составу, а затем обе оставшиеся батареи переформировать в батареи с 4-х фунтовыми пушками, и присвоить бригаде наименование Вост.-Сиб. арт. бриг.[205]. 8-орудийную горную батарею, вооруженную 3-фунт. нарезными казнозарядными орудиями сформировали летом 1869 г., отправив 2 старых горных орудия вместе с прислугой и 4-м Вост.-Сиб. лин. батальоном на о. Сахалин. Понимая, что перемещение большей части артиллерии округа в Приморскую область делает бессмысленным нахождение Окружного арсенала в Чите, «где деятельность его в настоящее время весьма ограничена, для развития на будущее время работ его», в округе был подготовлен проект перевода этого учреждения в Хабаровку. Отмечалось, что «местные условия вызывают необходимость устройства при арсенале и оружейной мастерской»[206].

После обсуждения этого вопроса в Военно-Окружном Совете, в мае 1869 г. проект был

---

[201] Именной указ от 24 мая 1869 г., объявленный по Военному Ведомству 26-го того же мая О сформировании Уссурийской казачьей конной сотни // ПСЗ РИ II. Т. 44. № 47118; ПВВ № 203 от 26 мая 1869 г. // ПВВ за 1869 г. СПб., 1869; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 206 от 30 июня 1869 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1869 г. Иркутск, 1869.

[202] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 3 об.; Там же. Д. 759. Л. 2. История ее создания и службы была подробно исследована в: Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток, 2011. 181 с.

[203] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 6.

[204] Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 марта 1870 г. СПб., 1870. С. 183.

[205] Высочайше утвержденное 29 марта 1869 г. положение Военного Совета О переформировании батарей линейной Забайкальской бригады в 4-х фунтовые и о сформировании из состоящих при них горных дивизионов горной батареи // ПСЗ РИ II. Т. 44. № 46915; ПВВ № 123 от 6 апреля 1869 г. // ПВВ за 1869 г. СПб., 1869; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 171 от 26 мая 1869 г. // Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1869 г. Иркутск, 1869; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 113 об.; Там же. Д. 758. Л. 3–3 об.

[206] Там же. Д. 757. Л. 113 об.– 116.

передан на рассмотрение Военного министерства. Документ был одобрен Военным Советом и в 1871 г. предполагалось приступить к его реализации. Правда в дальнейшем Военный Совет, в связи с планировавшейся реорганизацией местных арт. парков Восточной Сибири был вынужден рассмотреть этот вопрос во второй раз, и в 1870–1872 гг. проект продолжали обсуждать в военном ведомстве[207].

Проблема устарелой организации арт. парков тоже давно назрела к началу Манзовской войны 1868 г. В округе, как отмечал М.С. Корсаков, было всего 3 местных парка (Иркутский, Верхнеудинский и Читинский), учрежденные в 1855 г., «оставались и остаются до сих пор, без изменения, между тем представляется настоятельная необходимость в переорганизации их, соображаясь с новым преобразованием хозяйственных артиллерийских учреждений Империи, а также вследствие изменения дислокации и числительности войск Округа (по сравнению с 1855 год[ом].)»[208]. Особенно с учетом того, что большая часть артиллерии находилась к этому времени в Приморской области, а точнее – в Уссурийском крае.

В этой связи в 1869 г. было сделано представление о преобразовании трех местных парков Вост. Сиб. в.о. в два склада (Хабаровский и Читинский) и одно отделение (в Иркутске)[209]. Соображение относительно реорганизации парков начальник артиллерии округа представил в ГАУ в 1870 г., но решить вопрос оперативно не удалось. Это очень беспокоило М.С. Корсакова, который будучи еще и генерал-губернатором докладывал императору: «Говоря о местных парках, необходимо упомянуть, что в 1869 году, подобно предшествовавшим годам, кроме снабжения войск всеми припасами, они служили и для удовлетворения потребности зверопромышленников края; в отчетном году из местных парков было продано в частные руки 1607 п. 15 ф. пороха и 17 п. 10 ф. свинца, причем порох продавался по Высочайше утвержденной таксе, а свинец по действительной стоимости»[210].

Однако поскольку реформу соответствующих учреждений предполагалось проводить в общеимперском масштабе, в Военном министерстве доложили Александру II: «Выработанное в 1867 году Положение о местных складах и об артиллерийских парках, вследствие совершающегося перевооружения нашей армии, должно потерпеть коренные перемены. В настоящее время в Военном Министерстве производится переработка этого положения; причем также будут решены вопросы о перенесении арсенала из Читы в Хабаровку, об учреждении окружной мастерской и вообще о переорганизации местных парков Восточной Сибири»[211]. Причем в 1870–1874 гг. вопрос продолжали обсуждать[212].

---

[207] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 41–42;Там же. Д. 759. Л. 35 об.; Там же. Д. 760. Л. 55–55 об.; Там же. Д. 761. Л. 50 об.
[208] Там же. Д. 758. Л. 42 об.
[209] Там же. Л. 42 об.–43; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 55 об.–56.
[210] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 42 об.–43 об.
[211] Там же. Л. 43 об.
[212] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 35 об.; Там же. Д. 760. Л. 55 об.–56; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 461. Л. 61–62.

Ситуация с подвижным полупарком была несколько сложнее. Командование округа еще в 1867 г. внесло в Военный Совет доклад с предположением переформировать его в летучий, чтобы в замен положенных 64 колесных повозок, иметь 34 зарядных ящика, 2 парковые повозки и 1 походную кузницу. Императору доложили, что «Военное Министерство имеет ввиду эту замену, которая по настоящее время не была произведена за недостатком денежных средств», однако в округ о состоянии дела не сообщили[213], и следующие несколько лет командование округа напоминало императору об этой проблеме[214].

К концу 1869 г. в Вост. Сиб. в.о. был выработан еще один «проект новой организации и дислокации войск, расположенных в Приморской области». На этот раз – «в виду предположенного перенесения военного порта из Николаевска в одну из гаваней Южно-Уссурийского края». К концу 1869 г. он был представлен военному министру. Однако в 1870 г. никаких существенных организационных изменений в войсках округа не было. Был только изменен штат постовых команд Приморской области[215]. В 1872 г. изменения ограничились уменьшением штата Благовещенской местной команды[216]. После перевода в 1871 г., под давлением моряков, главной базы Сибирской флотилии со всеми учреждениями из Николаевска во Владивосток[217], внимание к обороне низовьев и устья р. Амур в столице снизилось. Еще в процессе подготовки этой меры, в 1870 г. в Петербурге решили, что «с предположенным перенесением Управления Морскими силами в этом крае из Николаевска в Владивосток, едва ли будет основание к дальнейшему укреплению устьев Амура»[218]. К 1872 г. в столице дошли до того, то предложили всю Николаевскую креп. артиллерию упразднить, а имущество Артиллерийского ведомства перевезти в Хабаровку[219].

Характерно, что в 70-х гг. XIX в. на Дальнем Востоке мероприятия по изменению количественного и качественного состава войск, вызванные исключительно местной необходимостью, к которым относились формирование Уссурийской казачьей конной сотни и создание Вост.-Сиб. арт. бриг., перемежались преобразованиями, проводимыми в рамках все еще продолжавшихся в стране «милютинских» военных реформ. Так, в связи с ликвидацией в 1873 г. в русской армии всех резервных батальонов[220] 72-резервный пех. батальон был переформирован в 72-й Благовещенский губернский батальон[221] и переведен из Иркутска в

---

[213] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 43 об.–44.
[214] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 36–36 об.; Там же. Д. 760. Л. 56 об.
[215] Там же. Д. 758. Л. 19 об.; Там же. Д. 759. Л. 2.
[216] ПВВ № 102 от 13 апреля 1872 г. // ПВВ за 1872 г. СПб., 1872; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 6 об.
[217] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 226. Л. 7 об.–8 об.; Именной указ, объявленный 16/22 февраля 1871 г. Сенату Управляющим Морским Министерством О штате Управления портов Восточного океана // ПСЗ РИ II. Т. 46. № 49259.
[218] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 46.
[219] Там же. Д. 761. Л. 51 об.
[220] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. … С. 276–277; Menning B.W. “Bayonets before bullets”. The Imperial Russian Army, 1861–1914… P. 23–29.
[221] Именной указ, объявленный 21 июля 1873 г. в приказе по военному ведомству 24-го того же июля Об упразднении резервных пехотных батальонов // ПСЗ РИ II. Т. 48. № 52495; ПВВ № 219 от 24 июля 1873 г. // ПВВ за 1873 г. СПб.,

Благовещенск, куда прибыл в 1874 г.[222], а в январе 1876 г. был переименован в Благовещенский местный батальон[223]. Таким образом, Благовещенск стал местом квартирования первого и единственного, до развертывания войск в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., местного батальона на территории российского Дальнего Востока. Аналогичным образом в 1876 г., все постовые, этапные и уездные команды и губернские батальоны в Вост. Сиб. в.о. переименовали в местные команды и местные батальоны, соответственно[224]. Кроме того, Николаевскую креп. команду переформировали в местную, с присвоением ей штата местной команды 1-го разряда. Вследствие этого, штатный состав нижних чинов в ней уменьшился на 40 чел.[225].

Однако к началу 1876 г. на процесс преобразования русских войск на Дальнем Востоке все большее влияние оказывала внешнеполитическая ситуация. Обострение к середине 70-х гг. XIX в. Восточного вопроса и все более нараставшее на Балканах национально-освободительное движение вызывало серьезное опасение не только в центральном аппарате министерств Военного и Иностранных дел, но и у Командующего войсками округа П.А. Фредерикса, поскольку в случае начала очередной русско-турецкой войны и вступления в нее Британской империи на стороне Турции, действия английского флота против Тихоокеанского побережья Российской империи становились весьма вероятными. Это заставило Петербург снова обратить внимание на обороноспособность дальневосточных границ. В январе 1876 г. было предписано «Новгородскую постовую команду именовать впредь Владивостокскою местною»[226], уже 25 марта Александр II утвердил новые предположения Командующего войсками округа о некотором изменении состава и дислокации войск в Южно-Уссурийском крае. Последние предполагали перевод Владивостокской местной команды в бух. Новгородская, с переименованием ее в Новгородскую местную команду[227], – то есть, по сути, возвращение ее в прежнее качество и замену ей перебрасываемого во Владивосток батальона, который как раз и дислоцировался в ур. Новокиевское недалеко от Новгородского поста. В приказе по войскам округа, П.А. Фредерикс указывал, что сам определит сроки и порядок

1873; Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. № 192 от 12 сентября, № 219 от 27 октября и № 273 от 24 ноября 1873 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1873 г. Иркутск, 1873; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 461. Л. 20.

[222] ГА РФ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 461. Л. 20.

[223] Именной указ 6 января 1876 г., объявленный в ПВВ 14-го того же января О переименовании губернских батальонов, уездных, этапных и постовых команд, отдаленных округов в местные батальоны и команды // ПСЗ РИ II. Т. 51. № 55451; ПВВ № 12 от 14 января 1876 г. // ПВВ за 1876 г. СПб., 1876; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 56 от 28 февраля 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 6 об.–7.

[224] Именной указ 6 января 1876 г., объявленный в ПВВ 14-го того же января О переименовании губернских батальонов, уездных, этапных и постовых команд, отдаленных округов в местные батальоны и команды // ПСЗ РИ II. Т. 51. № 55451; ПВВ № 12 от 14 января 1876 г. // ПВВ за 1876 г. СПб., 1876; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 56 от 28 февраля 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 6 об.–7.

[225] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 6 об.–7.

[226] ПВВ № 12 от 14 января 1876 г. // ПВВ за 1876 г. СПб., 1876; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 56 от 24 февраля 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.

[227] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 27 об.–29; Там же. Д. 765. Л. 7 об.

проведения этой передислокации[228]. В результате, из-за местных условий и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Владивостокская местная команда даже после возвращения в Новгородский пост, официально сохраняла прежнее название до 7 сентября 1877 г., когда все-таки была переименована в Новгородско-Уссурийскую местную команду[229].

В 1876 г. в Вост. Сиб. в.о. была расформирована Николаевская креп. артиллерия[230] и состоялась долгожданная реформа арсенала и арт. парков[231], о необходимости которой впервые ходатайствовал еще М.С. Корсаков в 1869 г.[232]. 23 июня 1875 г. Александр II утвердил положение Военного Совета[233], на основании которого в феврале 1876 г. Иркутский, Верхнеудинский и Читинские местные парки и Читинский Окружной арсенал были упразднены, «с обращением чинов и имущества их, а также упраздненной на основании того же положения Николаевской крепостной артиллерии, на сформирование артиллерийских складов: 1) в с. Хабаровке, с артиллерийскою и лабораторною при нем мастерскими и с соответствующими подвижными мастерскими; 2) в г. Чите и 3) отдела склада в г. Иркутске». При этом имевшийся в округе подвижной полупарк, сформированный еще в 1855 г. на случай движения войск против неприятеля, изменениям не подвергся. Читинский арт. склад, с отделом в г. Иркутске, открыл свои действия 15 февраля, а Хабаровский (с лабораторной мастерской) – 4 марта 1876 г. Причем на сформирование первого были определены чины из упраздненных Иркутского, Верхнеудинского и Читинского местных парков, а также частью из Николаевской креп. артиллерии, а Хабаровского – чины из бывшей Николаевской креп. артиллерии и Читинского арсенала[234].

После этого П.А. Фредерикс стал ходатайствовать об аналогичном решении проблемы со снабжением вещевым довольствием, которое велось из Иркутского интендантского склада, признавая «необходимым учреждение для войск Приамурского края особого склада в селении Хабаровке, как пункте, лежащем в центре трех водных путей в упомянутом крае»[235]. Однако проблему решили только в 1888 г., т.е. 12 лет спустя, уже для Приам. в.о., когда был создан Хабаровский вещевой интендантский склад с завозным магазином во Владивостоке[236].

Всего в округе к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (данные на 1 января

---

[228] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 120 от 22 мая 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.
[229] ПВВ № 350 от 7 сентября 1877 г. // ПВВ за 1877 г. СПб., 1877; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 234 от 21 октября 1877 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1877 г. Иркутск, 1877; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 21–21 об.
[230] ПВВ № 185 от 9 июля 1875 г. // ПВВ за 1875 г. СПб., 1875; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 8.
[231] Высочайше утвержденное 23 июня 1875 г. положение Военного Совета О преобразовании артиллерийских хозяйственных учреждений в Вост. Сиб. в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 50. № 54856; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 83–84; Там же. Д. 765. Л. 8–8 об.
[232] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 42 об.–43.
[233] Высочайше утвержденное 23 июня 1875 г. положение Военного Совета О преобразовании артиллерийских хозяйственных учреждений в Вост. Сиб. в.о. // ПСЗ РИ II. Т. 50. № 54856; ПВВ № 185 от 9 июля 1875 г. // ПВВ за 1875 г. СПб., 1875.
[234] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 83–84; Там же. Д. 765. Л. 8, 90.
[235] Там же. Д. 765. Л. 35 об.
[236] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 4.

1877 г.) по спискам состояло в регулярных войсках: 9 генералов, 354 штаб- и обер-офицера, 208 классных чиновников и 12.179 нижних чинов[237]. В целом же в округе наблюдался крайне медленный рост списочного состава нижних чинов. Этот показатель составлял по данным на 1 января каждого года: в 1868 г. – 11.759 чел., 1870 г. – 10.965, 1871 г. – 12.886, 1872 г. – 13.128, 1875 г. – 13.514, 1876 г. – 12.169, 1877 г. – 12.179, 1878 г. – 12.528[238] чел.[239] (см.: прил. 2) Анализ изменения среднегодового списочного состава нижних чинов регулярных войск округа в этот период по данным военно-медицинской статистики, хотя и дает несколько иные цифры, но демонстрирует ту же динамику: в 1868 г. этот показатель составлял порядка 11.898 чел., 1870 г. – 12.052, 1873 г. – 12.657, 1878 г. – 12.693 чел.[240]. Отдельной статистики для территории российского Дальнего Востока в Военном министерстве до 1884 г. не велось.

Происходили изменения и в казачьих войсках. В 1871 г. две конные батареи ЗКВ из 2-орудийного состава были приведены в 4-орудийный состав по штату мирного времени[241]. В 1872 г. было утверждено новое «Положение о воинской повинности» ЗКВ, которое теперь должно было в военное время выставлять 6 конных полков (№№ 1–6), 9 пеших батальонов (№№ 1–9) и 2-е конно-арт. батареи (№№ 1–2), а в мирное время 2-е учебные части (конный дивизион и пеший батальон) и 2-е конно-арт. батареи (№№ 1–2), а также отдельные команды по требованию командующего войском. Причем для всех этих частей были приняты новые штаты[242]. Однако уже в 1878 г. войско подверглось новым преобразованиям. В связи с утверждением Александром II 4 апреля «Положения о военной службе казаков Забайкальского войска», которое распространило на него «Устав о воинской повинности войска Донского», выставляемые войском части, как и его состав, были снова изменены. Теперь оно должно было выставлять в военное время: 3 конных полка 6-сотенного состава (№№ 1–3), 6 пеших батальонов 5-сотенного состава (№№ 1–6) и 3 конно-арт. батареи 6-орудийного состава (№№ 1–3), а в мирное время: 1 полк (6 сотен), 2 батальона (5 сотен) и 2 конно-арт. батареи 4-орудийного состава[243].

---

[237] Там же. Д. 766. Л. 1а.

[238] Там же. Д. 757. Л. 2; Там же. Д. 758. Л. 1–1 об.; Там же. Д. 759. Л. 1а–1а об.; Там же. Д. 760. Л. 1–2; Там же. Д. 764. Л. 1–1 об.; Там же. Д. 765. Л. 1–1 об.; Там же. Д. 766. Л. 1а.–1а об.

[239] Данных за 1873 г. не сохранилось – цифра «ушла» под переплет отчета за 1872 г. См.: РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 1–1 об. Данных на 1 января 1874 г. тоже не имеется т.к. за этот год не сохранился отчет.

[240] Ведомости о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Восточной Сибири. За январь, март, апрель 1868 г., январь–декабрь 1870 г., за 1874 г., за 1878 г. Приложения к приказам по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1868–1879 гг. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1868–1879 гг. Иркутск, 1868–1879. – Подсчет Р.С. Авилова.

[241] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 2 об.

[242] Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. Положение о воинской повинности ЗКВ // ПСЗ РИ II. Т. 47. № 50822; ПВВ № 180 от 19 июня 1872 г. // ПВВ за 1872 г. СПб., 1872; Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. № 195 от 26 июля и № 271 от 9 октября 1872 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1872 г. Иркутск, 1872. Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 184; Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889. С. 12–14; Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество. М., 2008. С. 59–62; Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. С. 60–61.

[243] Высочайше утвержденное 4 апреля 1878 г. Положение о военной службе казаков Забайкальского войска // ПСЗ РИ II. Т. 53. № 58365; ПВВ № 109 от 19 апреля 1878 г. // ПВВ за 1878 г. СПб., 1878; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. №

Проведенные в связи с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. оборонительные мероприятия заставили местные военные власти обратить более серьезное внимание на уровень боеспособности дальневосточных войск и начать решать застарелые проблемы. К числу последних относилась и общая ситуация в АКВ. Меры по ее улучшению обсуждались со времени визита в регион комиссии И.Г. Сколкова в 1869 г.[244], но до 1874 г. дело не двигалось с места. Став Командующим войсками округа П.А. Фредерикс, практически сразу распорядился исследовать этот вопрос, для чего был образован особый комитет из начальников отдельных частей АКВ[245].

Итогом стало Высочайше утвержденное 22 мая 1879 г. «мнение Государственного Совета об улучшении быта Амурского казачьего войска», которое предусматривало исключение из его состава «900 нижних чинов, приселенных в оное из бывшего корпуса внутренней стражи», как основного разлагающего элемента, к тому же насильно туда включенного, списание долгов и взысканий, числящихся на частях войска, а казакам его «не имеющим вовсе оседлости… предоставить избрать места для постоянного водворения при настоящих поселениях войска, … или же переселиться в Южно-Уссурийский край, на избранные для того местным начальством места»[246]. В результате проведенного в 1879 г. массового переселения казаков в Южно-Уссурийский край туда переселилось 391 семейство, в которых было 1.409 мужчин, образовавшие 10 новых поселков между с. Воронежское (у Турьего-Рога) и р. Суйфун. Это переселение имело самые благоприятные последствия для всего казачьего населения. Казаки, переселившиеся на хорошие земли повысили свое материальное благосостояние, а главное – заняли русским населением стратегически важные приграничные территории, до этого практически безлюдные[247].

В том же году было утверждено новое «Положение о военной службе казаков Амурского войска», которым формируемые войском части были переименованы согласно действительной способности выставлять людей. Теперь войско должно было выставлять в военное время Амурский конный полк № 1 (6-сотенного состава), а вместо Амурских и Уссурийских пеших батальонов – пешие полубатальоны (3-сотенного состава) того же названия. В мирное время на действительной службе находились две конные сотни от Амурского конного полка и две пешие сотни от Амурского и Уссурийского пеших

---

124 от 12 июня 1878 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1878 г. Иркутск, 1878; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Под ред. В.К. Шенк. Сост. В.Х. Казин. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры, 1912. С. 295; Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 199–200; Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско… С. 14–15; Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество… С. 64–67; Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. … С. 60–61.

[244] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 178. Л. 143–166 об.; ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 210. Ед. хр. 9. Л. 25–26 об.

[245] Материалы относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. СПб., 1902. С. 20–21.

[246] Там же. С. 73–74; Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 161–165.

[247] Материалы относящиеся до земельного и экономического положения... С. 26; Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края… С. 117.

полубатальонов[248].

Произошедший на российско-китайской границе летом 1879 г. «Шитэулинский инцидент» практически никак не повлиял на состав и численность русских войск[249], однако уже в сентябре 1879 г. резкое обострение Кульджинского кризиса и отказ Китая ратифицировать Ливадийский договор привели к крайнему обострению ситуации на границе. Оба государства фактически начали готовиться к войне, усиливая свои войска вдоль границ и разрабатывая планы предстоящих боевых действий. Всего в округе к началу Кульджинского кризиса 1879–1881 гг. (данные на 1 января 1879 г.) по спискам состояло в регулярных войсках: 7 генералов, 339 штаб- и обер-офицеров, 217 классных чиновников и 12.616 нижних чинов[250]. При этом, для подготовки к возможному военному столкновению и разработке вопросов реформирования системы местного военного управления и усиления войск в округе нужно было, прежде всего, располагать не формально-официальными, а максимально точными данными о дислокации и состоянии уже имевшихся частей. Положение осложнялось еще и тем, что 7 декабря 1879 г. в Восточную Сибирь был назначен новый генерал-губернатор и Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. – бывший Радомский губернатор, Генерального Штаба генерал-лейтенант Д.Г. Анучин[251].

Новый начальник не имел возможности принять от своего предшественника значительную часть дел касающихся гражданского и военного управления. Все они сгорели в иркутских пожарах 22 и 24 июня 1879 г. В этой ситуации весьма своевременными оказались данные, собранные Начальником штаба округа генерал-майором А.Н. Голенковским во время специальной поездки весной–летом 1879 г. по Забайкальской, Амурской и Приморской областям. По итогам поездки А.Н. Голенковский подготовил отчет, в котором подробно расписано реальное состояние войск в этих областях, их дислокация, численность и боеспособность. Вывод из отчета мог быть только один: без кардинального усиления группировки русских войск и радикального повышения уровня их боевой подготовки вступать в серьезный военный конфликт в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, при абсолютной невозможности оперативной переброски подкреплений из Европейской России, не только бесперспективно, но и рискованно. Под вопросом была не только возможность ведения боевых действий на территории потенциального противника (например, в северной

---

[248] Примечательно, что вопреки устоявшемуся в историографии мнению, реализация этих мероприятий на месте происходила не в 1879 г., а начиная с 4 февраля 1880 г. Высочайше утвержденное 3 ноября 1879 г. положение о военной службе казаков Амурского войска // ПСЗ РИ II. Т. 54. № 60140; ПВВ № 313 от 29 ноября 1879 г. // ПВВ за 1879 г. СПб., 1879; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 20 от 4 февраля 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880; Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 161–165; Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. … С. 60–61.

[249] Авилов Р.С. Из истории русско-китайской границы: «Шитэулинский инцидент» 1879 года… С. 101–147.

[250] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 1.

[251] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 5 от 14 января 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880.

Маньчжурии), но и оборона собственной территории в случае нападения хорошо подготовленного и/или многочисленного противника[252].

В марте–апреле 1880 г. сам Д.Г. Анучин находился за пределами округа, в Петербурге, где пробивал необходимые для обороны края меры, а на месте распоряжался, активно при этом импровизируя, Временно Командующий войсками округа генерал-лейтенант К.Н. Шелашников. Сознавая, что оборона обширного участка границы западнее оз. Ханка, одного из вероятных направлений вторжения китайских войск, силами одной лишь Уссурийской казачьей конной сотни невозможна, он уже в апреле санкционировал вызов на службу в пост Камень-Рыболов отряда в 120 чел. от Уссурийского пешего казачьего полубатальона[253].

Сам Д.Г. Анучин действовал по двум направлениям. С одной стороны, он пытался провести через министерство, комплексную программу усиления войск Вост. Сиб. в.о. вообще и Южно-Уссурийского края в частности. С другой, он сумел получить разрешение на переброску в Южно-Уссурийский край двух конных сотен 1-го конного полка ЗКВ. Проблема заключалась в том, что две сотни этого полка уже находились на службе в Семипалатинской области, а остальные несли службу в Забайкалье, которое при сложившейся внешнеполитической ситуации нельзя было оставлять без прикрытия. Таким образом, перебросить на р. Уссури две казачьи сотни раньше возвращения двух других сотен из Семипалатинской области в г. Чита было невозможно. 29 апреля 1880 г. Александр II санкционировал переброску семипалатинских сотен с занимаемых ими пограничных пунктов Западной Сибири не позднее 20 мая, чтобы они прибыли в Читу к ноябрю 1880 г. В свою очередь две сотни, сформированные из казаков находящихся при штабе, не дожидаясь прибытия Семипалатинского дивизиона, направлены были из Читы в Южно-Уссурийский край с таким расчетом, чтобы прибыть на место до прекращения навигации[254], а еще до прихода этих сотен в Южно-Уссурийский край, Уссурийская конная казачья сотня была усилена специальным отрядом в 58 чел. от Амурского конного полка АКВ[255].

Однако переброска Забайкальских казаков в Южно-Уссурийский край ненамного улучшила ситуацию. Командированный по Высочайшему повелению причисленный к Главному штабу генерал-майор М.П. Тихменев[256], осматривавший в октябре 1879 г. войска в

---

[252] Отчет Начальника штаба Вост. Сиб. в.о., об осмотре частей войск, учреждений и заведений в областях: Забайкальской, Амурской и Приморской в 1879 году. Б.м., б.г. С. 1–46.
[253] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 69 от 18 апреля 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880.
[254] Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 209–210.
[255] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 132 от 6 июля 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880.
[256] По рассмотрении представленных им материалов и соображений, М.П. Тихменев будет назначен в 1880 г. Военным губернатором Приморской области. Оставил эту должность в 1881 г. по собственному желанию.

крае[257], и направивший свой собственный проект усиления войск на Дальнем Востоке Д.Г. Анучину и Д.А. Милютину, среди прочего указывал, что «одна Уссурийская и две Забайкальские конные сотни положительно не могли прикрывать даже слабым кордоном границу пятисотверстного протяжения, постоянно прорываемую разбойничьими шайками хунхузов»[258], что стало еще одним аргументом Д.Г. Анучина в борьбе за формирование 2-й Уссурийской казачьей конной сотни.

22 марта 1880 г. Д.Г. Анучин написал Д.А. Милютину, что «настоящие отношения с Китаем могут повлечь к недоразумениям и пожалуй вооруженному столкновению на границе Восточной Сибири. Южно-Уссурийскому краю грозит нападение если не регулярных китайских войск, то толпы тех разбойников, которые, к сожалению, в наших пределах могут найти себе сообщников в весьма значительном китайском населении, сидящем между Владивостоком и озером Ханка. Не говоря уже об усложнении вопроса нападением китайцев на Владивосток с моря. Для защиты этого края у нас имеется всего четыре батальона, вооруженных не вполне соответственно современным требованиям науки. Может случиться, что китайские войска, отчасти, будут вооружены даже лучше чем наши»[259]. Поэтому он предлагал воспользоваться предстоящим отплытием военных кораблей на Дальний Восток, для отправки воинских частей на усиление группировки в крае, оружия, артиллерии, боеприпасов и снаряжения, а также, пока он еще в Петербурге, созвать для обсуждения этих вопросов Особое Совещание[260]. Как отмечено выше (см.: 1.3.), его заседание состоялось уже 14 апреля 1880 г., и на нем был принят ряд важнейших военно-административных решений.

Активность Д.Г. Анучина в столице не прошла даром. Тщательно проанализировав всю полученную с местного уровня информацию, в Главном штабе к 23 апреля 1880 г. подготовили на Высочайшее имя доклад «О мерах защиты Приамурского края и усиления войск Восточно-Сибирского военного округа», который содержал подробные выкладки о количестве и качестве имевшихся на Тихоокеанском побережье России военно-сухопутных сил, о том, какое количество войск было необходимо для обороны, и предусматривал проведение целого комплекса мер по увеличению численности войск в Приамурском крае, а также их полному обеспечению вооружением, боеприпасами, амуницией, продовольствием и казармами. 24 апреля император утвердил все предложенные в нем меры. При этом Д.А. Милютин указал, что «желательно было бы не публиковать всех подробностей предстоящих переформирований войск в Приамурском крае», которые стали «бы драгоценным для наших

---

[257] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 14.
[258] Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 210.
[259] Письмо Командующего войсками округа военному министру от 22 марта 1880 года // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 32–33.
[260] Там же.

противников указанием тех сил, которые они могут встретить при вторжении в наши пределы», в связи с чем соответствующие Высочайшие приказы вышли достаточно лаконичными[261], телеграмма А.И. Голенковскому в г. Иркутск – несколько более подробной[262], а письменное предписание ему же – наоборот, исключительно детальным.

В предписании указывалось: для усиления войск округа сформировать из 2-го, 3-го и 5-го, а также одной роты 4-го Вост.-Сиб. лин. батальонов, четыре Вост.-Сиб. стр. батальона (1-й, 2-й, 3-й и 4-й), образовав из них Вост.-Сиб. стр. бриг. Взамен 2-го и 3-го Вост.-Сиб. лин. батальонов, поступающих в состав бригады, сформировать два новых лин. батальона тех же номеров, использовав для сформирования 3-го батальона – Хабаровскую местную команду, а 2-го – Благовещенский местный батальон. 4-й Вост.-Сиб. лин. батальон упразднить, использовав остальные четыре его роты для сформирования трех новых местных команд на острове Сахалине, а батальону № 6 присвоить № 4. Сформировать Вост.-Сиб. сап. роту, Владивостокскую креп. арт. роту и Николаевскую креп. арт. команду. Образовать во Владивостоке креп. арт. управление.

1-й Вост.-Сиб. стр. батальон сформировать из четырех рот 5-го Вост.-Сиб. лин. батальона; 2-й стр. батальон – из четырех рот 2-го лин. батальона; 3-й стр. батальон – из четырех рот 3-го лин. батальона, а 4-й стр. батальон – из остальных трех рот 2-го, 3-го и 5-го лин. батальонов и из одной роты 4 лин. батальона.

1-й Вост.-Сиб. лин. батальон переформировать из 5-ротного состава в 4-ротный, и содержать по военному составу. Новые 2-й, 3-й и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальоны содержать в 4-ротном составе, но по мирному составу. За выделением одной роты 4-го Вост.-Сиб. лин. батальона в состав формируемого 4-го стр. батальона, из остальных четырех рот образовать на о. Сахалин, 3 местные команды: Корсаковскую в 200 чел., а также Тымовскую и Александровскую в 150 чел. каждая. Существующую Дуйскую местную команду усилить до 300 нижних чинов. Усть-Кутскую местную команду перевести из Иркутска в Троицкосавск, наименовав ее Троицкосавскою местной командой, и усилить до состава в 300 рядовых.

1-ю и 2-ю батареи Вост.-Сиб. арт. бриг., независимо от полевых орудий, снабдить каждую 4 горными орудиями и иметь запряженными по 4 полевых орудия при двух зарядных ящиках на батарею и по 4 горных орудия с полным количеством ящиков. В 3-й же горной батарее той же бриг. содержать лошадей на все орудия и ящики. Должность бригадного командира Вост.-Сиб. арт. бриг. отделить от должности командира батареи, с предоставлением ему, по отношению к арт. частям и заведениям в Приморской области и во Владивостоке, прав начальника артиллерии корпуса.

---

[261] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 1–14 об., 29, 31; Там же. Оп. 2. Д. 4069. Л. 24, 26, 28, 30.
[262] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 32–33.

Расширить права военно-административной власти Приморской области, предоставив командующему ее войсками, права Командира неотдельного корпуса и подчинив ему, временно, до окончательного выяснения ситуации с Китаем, все войска, расположенные в Амурской области и во Владивостоке. Назначить в его распоряжение одного офицера Генерального Штаба для поручений, а также назначить особого штаб-офицера для общего заведования сотнями Южно-Уссурийского края, на правах полкового командира, в командном отношении[263].

Военный министр особо подчеркивал, что при реализации этих мер следует обратить особенное внимание на обеспечение хорошего выбора людей, как нижних чинов, так и офицеров, для отправки в Приморскую область[264]. Вся необходимая документация, в т.ч. штаты принимались очень быстро[265], в результате большая часть этой программы была приведена в исполнение в том же 1880 г.[266]. Причем предложенная Д.Г. Анучиным дислокация формируемых частей была утверждена центром хотя и как временная, но без малейших изменений[267].

Впрочем, уже 22 октября 1880 г. Д.Г. Анучин телеграфировал Д.А. Милютину в Ливадию, ходатайствуя «безотлагательно [о] сформировании второй конной Уссурийской сотни, считая вопрос неотлагательным, ибо при настоящем положении одна Уссурийская и две Забайкальские конные сотни положительно не могут прикрывать даже слабым кордоном границу пятисотверстного протяжения, через которую постоянно прорываются разбойничьи шайки хунхузов». Поскольку развитие Уссурийской казачьей конной сотни в дивизион было предусмотрено Докладом по Главному штабу от 23 апреля 1880 г., то, по докладе телеграммы 23 октября императору, было получено разрешение[268] на формирование «в помощь Амурскому казачьему войску, *из охотников Восточно-Сибирских линейных батальонов*» 2-й Уссурийской казачьей конной сотни. Формировалась она уже полностью из солдат регулярных войск[269].

15 ноября 1880 г. Д.Г. Анучин приказал «существующую Уссурийскую конную казачью сотню именовать *1-ю Уссурийскою конною казачьею сотнею*, а вновь формируемую – *2-ю Уссурийскою конною казачьею сотнею*»[270], 6 января 1881 г. было Высочайше повелено

---

[263] Там же. Л. 33–40.
[264] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 41–41 об.
[265] Переписку об этом см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 42–62, 69–76 об., 81–110.
[266] Там же. Л. 199–203 об.; Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 65–67.
[267] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 63–63 об.; Там же. Л. 65–65 об.
[268] Там же. Л. 217–218 об. История 2-й Уссурийской казачьей конной сотни специально исследовалась в: Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*»… 181 с.
[269] Кавалерия (кроме гвардейских и казачьих частей). Изд. 3-е. По 1-е июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. СПб., 1914. С. 90; Казачьи войска… С. 312; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 205 от 30 октября 1880 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 4069. Л. 168–169 об., 189–190 об.
[270] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 215 от 15 ноября 1880 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 4069. Л. 170, 191.

«Уссурийскую конную казачью сотню, комплектуемую нижними чинами по общему Уставу о воинской повинности, впредь именовать “Уссурийскою конною сотнею” и изъять из ведения Главного управления казачьих войск», а в марте чины обеих сотен были окончательно переименованы в регулярные[271]. К концу весны 1881 г. 2-ю Уссурийскую конную сотню окончательно сформировали в Чите, откуда с открытием навигации отправили в Южно-Уссурийский край[272]. Параллельно с этим, по предписанию военного министра «с указанием способов обороны устьев Амура и Владивостока», в этих пунктах производились масштабные оборонительные работы[273]. Все возможное содействие военно-сухопутному ведомству оказал ВМФ и Доброфлот, на который, в условиях отсутствия железнодорожного сообщения центральных районов империи с территориями Дальнего Востока, ложилась вся тяжесть военных перевозок. Более того, морским ведомством был поднят вопрос об усилении российского военно-морского присутствия в водах Тихого океана, а также начата разработка планов ведения войны против Китая, вплоть до высадки десанта в районе восточнее Пекина, с целью нанесения удара по коммуникациям войск Ли Хунчжана[274].

Обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться взрывоопасной. 20 декабря 1880 г. Д.Г. Анучин снова телеграфировал Д.А. Милютину о «самых неотложных мерах защиты края», указывал на необходимость: 1) все Восточно-Сибирские стрелковые и линейные батальоны привести и постоянно содержать в 48-рядном составе, «ибо призыв запасных по местным условиям нисколько не обеспечивает скорой мобилизации». В Приморской области их было всего 128, и на развертывание там частей пришлось бы высылать людей «даже из Иркутска, которые прибудут через полгода»; 2) в соответствии с предложением М.П. Тихменева увеличить количество батальонов в Южно-Уссурийском крае с четырех до восьми (один Вост.-Сиб. стр. батальон перебросить из Хабаровки, а еще три сформировать), «тем более, что он основывал расчеты преимущественно против хунхузов, а теперь дело в отпоре Китайской армии»; 3) в Хабаровке сформировать резервный (кадровый) батальон 42-рядного состава (для развертывания в военное время в 2-батальонный полк); 4) в Амурской области, «по особой важности Благовещенска и занятия нами низовья Сунгари, независимо существующих казачьих войск и линейного батальона», сформировать резервный (кадровый) батальон 36-рядного состава в Благовещенске (для развертывания в военное время

---

[271] Высочайшее повеление от 6 января 1881 г., объявленное Военным Министром Об именовании впредь Уссурийской конной казачьей сотни «Уссурийскою конною сотнею» и об изъятии таковой из ведения Главного Управления Казачьих войск // ПСЗ РИ II. Т. 55. № 61736; ПВВ № 12 от 19 января и № 75 от 25 марта 1881 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 4069. Л. 176, 199.

[272] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1880 год // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 67.

[273] Предписание Военного министра Командующему войсками округа № 5048 от 9 мая 1880 г., с указанием способов обороны устьев Амура и Владивостока // Там же. С. 56–63.

[274] О деятельности ВМФ и Доброфлота в период Кульджинского кризиса подробнее см.: Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 33–60.

в 2-батальонный полк) и лин. батальон военного состава для операций в районе р. Сунгари; 5) Иркутский и Красноярский батальоны преобразовать в резервные (кадровые) батальоны (для развертывания в военное время первого из них в 4-батальонный, а второго – в 2-батальонный полк); 6) «для охраны тыла и коммуникаций в Южно-Уссурийском крае и безопасности от массы туземных китайцев сформировать местные команды Бельцовскую и Сучанскую по 100 человек и третью Уссурийскую конную сотню»; 7) укрепить Владивосток и другие важнейшие пункты Южно-Уссурийского края, прислав туда до 40 орудий и 300 артиллеристов; 8) переформировать Троицкосавскую местную команду в лин. батальон 42-рядного состава; 9) создать на Амуре флотилию хотя бы из четырех вооруженных канонерок. «Если возможность столкновения с Китаем к весне будущего года не устранится, то перечисленные меры безусловно необходимо привести в исполнение неотлагательно», – резюмировал Д.Г. Анучин[275].

23 декабря 1880 г. Д.А. Милютин попросил «представить соображения Главного штаба. Если все исчисленные меры признаются неотлагательными на случай скорого разрыва с Китаем, то опасаюсь, что мы не будем иметь достаточно времени для приведения их в исполнение». В Главном штабе подготовили записку от 31 декабря 1880 г., в целом одобрявшую предложенные Д.Г. Анучиным временные меры, «не рассчитывая вовсе на присылку людей из Европейской России». Что же касается принятия постоянных мер обороны границы, соответственно усилению вооруженных сил Китая, то вопрос этот предлагалось обсудить по получении ожидаемых подробных соображений[276].

С учетом финансового положения страны, внешнеполитической ситуации в Европе и многолетних мирных и добрососедских отношений с Китаем, желания воевать с этой страной не было ни у императора, ни в военном ведомстве. По ознакомлении с запиской и докладе ее Александру II, Д.А. Милютин наложил на ней резолюцию: «Высочайше повелено исполнить как предположено, но с подтверждением, чтобы к приведению в исполнение предначертанных мер не приступать до получения особого повеления. В случае, если еще существуют … надежды на мирный исход возникших с Китаем недоразумений». 8 января 1881 г. Д.Г. Анучину телеграфировали в Иркутск, что «Высочайше повелено произвести усиление войск округа согласно предоставленного Вами плана лишь по получении Вами особого уведомления о неизбежности разрыва с Китаем…»[277]. При этом 6 января состоялось Высочайшее повеление «о составлении полного плана будущего устройства пограничных с Китаем трех округов, Туркестанского и обоих Сибирских, соответственно предпринятому Китаем обширному вооружению», о чем телеграфировали Командующим войсками в этих

[275] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 5–7 об.
[276] Там же. Л. 4, 8–18.
[277] Там же. Л. 8, 20–20 об.

округах[278].

Однако Д.Г. Анучин настаивал (и оказался прав), что колонизация северной Маньчжурии и обширное развитие там военных сил Китая «не будет прекращено даже в случае мирной развязки, а напротив, продолжится». Поэтому просил на основании сообщенного ему «Высочайшего повеления об усилении войск округа по представленному […] плану, сделать теперь же такие распоряжения, которые никоим способом нельзя будет выполнить в тот неизбежно слишком короткий промежуток времени, который пройдет между предуведомлением о неизбежности разрыва с Китаем и объявлением войны», т.е. осуществить на практике большую часть предположенных мер[279].

При этом телеграмма военного министра от 11 января 1881 г. с требованием «представления полного плана будущего устройства края, соответственно предпринятому Китаем обширному развитию военных сил», вообще не была получена в Иркутске и 16 января ее пришлось повторить. Без этого плана в Главном штабе продолжали колебаться относительно необходимости реализации некоторых мер по усилению региона, периодически корректируя их с одобрения Д.А. Милютина. 6 февраля 1881 г. у Д.Г. Анучина запросили, когда в столицу прибудут все планы усиления войск, пограничных пунктов и оборонительного строительства во Владивостоке, заодно сообщив, что «о канонерках на Амуре сообщено Морскому Министерству»[280]. Последнее похоронило эту идею на 30 лет[281].

Часть документов легла на стол военному министру 17 марта 1881 г.[282]. Остальные получили только 22 марта. Несмотря на то, что все подсчеты были выполнены с расчетом на силы только одного противника – Китая, рапорт Д.Г. Анучина «с соображениями о прочной обороне границ Восточной Сибири и о соответственном усилении военных средств края» был программным документом, нацеленным не только на ближайшую перспективу. И хотя лишь некоторые из указанных в нем мер осуществили немедленно, рапорт в значительной степени определил все будущие стратегические выкладки: анализ направлений возможных ударов противника, концепцию размещения русских войск в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, основные мероприятия по изменению структуры и численности этих войск[283]. Например, именно в нем была обоснована необходимость создания в Южно-Уссурийском крае 4-эскадронного драгунского полка, реализованная лишь 17 лет спустя, уже после Японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Ознакомившись с этими соображениями, Д.А. Милютин 22 марта отметил, «что это

---

[278] Там же. Л. 27; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 37. Л. 136–136 об.
[279] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 30–31 об.
[280] Там же. Л. 64–81 об.
[281] Переписку между Военным и Морским министерствами см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 82–83 об., 88–90 об.
[282] Там же. Л. 102–106 об., 109, 111–121 об., 122–128.
[283] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 40. Л. 1–100 об.

работа дельная, заслуживающая полного внимания»[284]. К этому времени были получены соображения и от командующих остальных пограничных с Китаем военных округов – Туркестанского и Зап. Сиб., поэтому он приказал начальнику Главного штаба продолжить проработку вопроса уже в его ведомстве и в Главных управлениях министерства «для всестороннего обсуждения сообщенных нам предположений по всем трем сопредельным с Китаем округам». Для начала же «составить одну общую обстоятельную записку, в которой изложить: 1) соображения, по которым оказывается настоятельно нужным усилить наши войска, средства в названных округах; выставить государственную важность этого вопроса; опасность угрожающую нам в случае нашего бездействия и оставления наших Азиатских окраин в прежнем виде. Затем 2) Разделение всей нашей границы на части в стратегическом отношении. 3) Предположения выработать в каждом из трех округов. 4) Общий свод этих предположений и заключений Главного штаба, и 5) Итог тех средств, которые потребуются от государства для приведения в исполнение всех предположенных мер, с указанием постепенности их в более или менее продолжительный срок. Часть этой работы уже подготовлена Ген. М. Соболевым; надобно только пересмотреть этот материал и только можно сделать редакцию. Когда записка будет составлена, можно будет налитографировать ее, сообщить по принадлежности в разные Управления, а затем уже обсудить совместно в Особом Совещании»[285].

В июне основная часть работы была проведена тем же Л.Н. Соболевым и «записку по вопросу о преобразовании войск трех соседних с Китаем округов»[286] представили военному министру, особо подчеркнув, что «предполагаемое в заключении устройство вооруженной силы трех округов, не ослабляя нашего военного могущества в Азии, уменьшит расходы Государственного Казначейства слишкóм на один миллион рублей. Большая часть этой суммы падет на Туркестанский военный округ…»[287]. Этот документ представлял собой первую в российской истории комплексную программу мер по усилению обороноспособности России на всем протяжении русско-китайской границы на случай войны с Дайцинской империей[288].

О важности этой работы свидетельствует тот факт, что будучи начатой еще при

---

[284] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 37. Л. 8.
[285] Там же. Л. 8 об.–9.
[286] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 37. Л. 34–127. Фрагмент переписанного набело текста см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 53. Л. 1–78.
[287] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 37. Л. 32–33.
[288] Он состоял из девяти больших разделов: «I. О необходимости усилить наши военные средства на границах с Китаем», «II. Разделение Китайской границы на части в стратегическом отношении», «III. Основания организации военных сил Сибирских и Туркестанского военных округов», «IV. Устройство военных сил Туркестанского военного округа», «V. Устройство военной силы в Западно-Сибирском военном округе», «VI. Устройство военной силы в Восточно-Сибирском военном округе», «VII. Предварительное соображение о стоимости предположенных преобразований и мер», «VIII. Заключение Главного Штаба», «IX. Общее количество войск в Туркестанском и Сибирских военных округах в мирное и военное время». Там же. Л. 34–127.

Александре II и Д.А. Милютине, она со сменой императора и военного министра не прекратилась, и была благополучно продолжена при Александре III и П.С. Ванновском[289]. Подготовленный на основе записки одноименный всеподданнейший доклад был утвержден Александром III уже 3 августа 1882 г.[290], когда Кульджинский кризис был далеко позади, а на Дальнем Востоке уже начал разворачиваться кризис Савеловский. Подписанный 12 февраля 1881 г. Санкт-Петербургский договор лишь на некоторое время нормализовал русско-китайские отношения.

Пересылая в столицу документы по необходимому усилению русских войск в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, Д.Г. Анучин отмечал 23 февраля 1881 г. в письме Д.А. Милютину, что в соображениях «в расчет были взяты только силы одного Китая, при условии, что флот его еще надолго будет гораздо слабее наших морских сил в Тихом океане, а военно-сухопутные армии его еще не скоро примут вид благоустроенного войска». Если же вместе с Китаем придется вести войну против державы, обладающей сильным флотом, например Британской империи, «положение наше изменится и того усиления здешних средств, какое можно признать удовлетворительным теперь, окажется вполне недостаточным»[291]. Описанная ситуация возникла уже через год, в 1882 г., и к обсуждению вопроса об усилении русских войск в регионе пришлось вернуться снова.

Данные статистики свидетельствуют, что списочный состав нижних чинов регулярных войск Вост. Сиб. в.о. составлял на 1 января каждого года: в 1879 г. – 12.616 чел., 1880 г. – 12.852, 1881 г. – 16.435 и 1882 г. – 16.019[292] (см.: прил. 2). Таким образом, в период обострения Кульджинского кризиса в 1879–1881 гг. списочный состав нижних чинов регулярных войск на Дальнем Востоке, хотя и возрос примерно на 27%, однако в абсолютных цифрах рост этот составил всего около 3.500 чел., т.е. продолжал оставаться незначительным. Сходную динамику, при несколько иных цифрах, показывает и анализ изменения среднегодового списочного состава нижних чинов регулярных войск округа по данным военно-медицинской статистики: в 1879 г. этот показатель составлял порядка 12.281 чел., 1880 г. – 14.409, 1881 г. – 15.416 чел. и 1882 г. – 15.435[293]. Именно поэтому, несмотря на

---

[289] Там же. Л. 136–136 об.

[290] Высочайше утвержденный доклад Главного штаба № 19 от 31 июля 1882 г. Об устройстве вооруженной силы в военных округах Туркестанском, Омск. и Вост.-Сиб. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 233–272.

[291] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 102–106 об.;

[292] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 1; Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. // Там же. С. 64; Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1881 г. // Там же. С. 208; Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1882 г. // Там же. С. 273.

[293] Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Вост. Сиб. в.о. За 1879 г. Приложение к приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 147 от 28 июля 1880 г.; Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Вост. Сиб. в.о. За 1880 г. Приложение к приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 181 от 16 сентября 1881 г.; Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Вост. Сиб. в.о. За 1882 г.

завершение внешнеполитического кризиса, командование округа продолжало настаивать на окончании разработки и начале реализации очередного комплекса мер по усилению русских войск на Дальнем Востоке.

1.5. Обучение и боевая подготовка войск

Создание Вост. Сиб. в.о. не внесло резких и радикальных изменений в сложившуюся в предшествующие годы систему обучения войск в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке. В Иркутской и Енисейской губерниях, и, отчасти, Забайкальской области, оно велось с серьезной оглядкой на требования внутренней службы – в первую очередь обеспечения нужд пенитенциарной системы: охраны каторги и организации передвижения заключенных, а также общего обеспечения порядка и стабильности в сложном и удаленном регионе. В Якутской области войск почти не было. В Приморской, Амурской и, до некоторой степени, Забайкальской областях, в «муравьевскую эпоху» сложилась ситуация, при которой войска (в первую очередь – пехота) использовались, главным образом, не как вооруженная сила, а как инструмент хозяйственного освоения. За отсутствием у местной власти каких-либо иных людских ресурсов, войска использовали в качестве бесплатной рабочей силы для решения любых стоявших перед руководством задач. Ни о каком специализированном военном обучении войск в этих условиях речи вообще не шло. Таким образом, уже на момент введения в регионе военно-окружной системы, на лицо были ярко выраженные различия во взглядах на роль войск в собственно сибирской и дальневосточной частях Вост. Сиб. в.о.

Наглядно эта ситуация проявилась в 1867 г., когда впервые начали готовить общие отчетные данные по «строевым и учебным занятиям» войск в Восточной Сибири. В более ранние периоды такие данные вообще на регулярной основе не анализировались и в центральный аппарат Военного министерства не передавались. Генерал-лейтенант М.С. Корсаков отмечал: «Укомплектование войск Восточного Сибирского Военного округа и ни чем не нарушенный в течении года нормальный порядок отправления ими службы, представили возможность дать в 1867 г. сравнительно с минувшим 1866 г., бóльшее развитие занятиям по строевой и стрелковой части. Тем не менее условия ставящие войска означенного Округа в исключительное положение и затрудняющие доведение строевых познаний войск до требуемого уровня, продолжали существовать по прежнему. К числу этих препятствующих причин должны быть отнесены как главнейшие: усиленная караульная служба при политических преступниках в Иркутской и Енисейской губерниях и Забайкальской области, производство местных и государственных работ в Амурском крае и недостаток в частях войск

Приложение к приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 156 от 22 сентября 1883 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1879–1883 гг. Иркутск, 1879–1883.

офицеров, знакомых с современным состоянием строевого образования»[294].

Иркутский и Красноярский губернские батальоны к концу 1867 г. едва удалось довести до штатного состава, укомплектовав их контингентом молодых солдат набранных с Восточной и Западной Сибири и доставив к месту службы маршевые команды из внутренних округов империи. Это «дало возможность уделить больше времени на распространение в этих частях строевых познаний и грамотности; хотя ближайшим результатом увеличения наличного числительного состава этих батальонов, было приведение в более нормальное соотношение их служебных трудов к времени необходимому для отдыха, и следовательно, облегчение в некоторой степени их службы, падавшей дотоле на них слишком тяжелым бременем». Что же касается малочисленных местных войск округа – местных и этапных команд, «то отнесение ими прямых обязанностей своих, состоящих в конвоировании арестантских партий и содержании караулов, почти сполна поглощало их деятельность»[295].

72-й пех. резервный батальон, относительно строевого образования, представлял собой «полное исключение. Предназначенный специально для образования молодых солдат, он ревностно и успешно исполнял свое назначение, как относительно усовершенствования кадрового состава, так и в деле обучения рекрут. Постоянный состав сего батальона, сформированный в 1865 году преимущественно из лучших унтер-офицеров и ефрейторов 1й Гренадерской Дивизии, представляет образцовый кадр, знающий с полною основательностью все предметы строевого образования и вполне усвоивший себе все приемы обучения рекрут. Молодые солдаты переменного состава батальона были представлены в Июне месяце на смотре в батальонном строю, весьма удовлетворительно обученными ружейным приемам, движениям в сомкнутом и рассыпном строю, стрельбе в цель, гимнастике, фехтованию и грамоте», – констатировал Командующий войсками округа[296].

Близкая по результатам, но иная по причинам ситуация с обучением войск была на дальневосточных территориях империи. «Войска расположенные в Амурской и Приморской областях не находятся в более благоприятных для строевых учебных занятий условиях, чем местные войска Иркутской и Енисейской губерний. Если они и не несут подобно последним обременительной караульной службы, то с другой стороны положение их в малонаселенных местностях вновь устраиваемого края, где они составляют главную основу и опору колонизации, часто обращает их в рабочую силу, отвлекая от боевого назначения и необходимой для сего подготовки»[297].

И действительно, практически все государственные работы в Приморской области в

---

[294] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 18–19.
[295] Там же. Л. 19–21.
[296] Там же. Л. 21–21 об.
[297] Там же. Л. 22–22 об.

1867 г. равно как и в предшествовавшие годы производились в основном войсками. «Все они вызваны правительственными целями по устройству Амурской страны, в особенности Южно-Уссурийского края и проводятся в исполнение почти исключительно Линейными батальонами и прочими воинскими командами там расположенными»[298]. Масштаб этой деятельности был огромен и поглощал практически полностью все свободное время частей[299]. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, еще в 1865 г. «в видах возможного усиления средств для строевого образования Линейных батальонов» была сформирована в г. Николаевск[300] временная стрелковая команда. Ее назначение состояло в подготовке для лин. батальонов хорошо обученных инструкторов, по части строевой и специально-стрелковой, а также учителей «для посильного распространения между нижними чинами грамотности». Команда эта «успешно занималась своим делом и по всей вероятности принесет в будущем в отношении развития в войсках военных познаний должную пользу», – докладывал М.С. Корсаков Александру II[301]. Однако, он ошибся. Весной 1869 г. в виду того, что, за недостатком людей, нижних чинов стрелковой команды, по необходимости, тоже отправляли на казенные работы, команду эту пришлось упразднить, откомандировав состоящих в ней нижних чинов в свои части[302].

В арт. частях ситуация была менее удручающая. «Артиллерия Округа как пешая так и конная, относительно строевого образования находится в исключительно счастливых по сравнению с другими войсками условиях. Занятия ее, не прерываемые и не отягощаемые ни караульной службой, ни работами, ведены в правильной системе и ставят артиллерийские части, в совершенно нормальные условия требуемого боевого развития их. И если встречаются в этом отношении некоторые неудобства, то они происходят от разбросанности

---

[298] Там же. Л. 25–25 об.

[299] «Кроме заготовления строительных материалов продолжения и окончания некоторых начатых в прежнее время построек и сооружений, главнейшие производившиеся войсками в 1867 году новые работы по устройству Амурского края были следующие: а) Устройство помещения для 1го Восточно-Сибирского Линейного батальона, на месте нового квартирного расположения его, близ Новгородского поста на р. Янчихе, произведенное 3ю ротою сего батальона. б) Устройство дороги и расчистка фарватера верховьев р. Уссури до устья р. Дауби, произведенные двумя ротами того же батальона, на походе к месту нового квартирного расположения оного. в) Ремонтные работы по телеграфной линии от Хабаровки до ст. Орловской и работы по устройству Хабаровки, произведенные остальными двумя ротами того же батальона, последние с участием Хабаровской постовой команды. г) Устройство бичевника по р. Суйфуну и почтовых станков по новой Южно-Уссурийской дороге от поста Раздольного до стан. Верхне-Романовской, произведены 3м Восточно-Сибирским Линейным батальоном. д) Работы по устройству Николаевского порта и грузовые в порту, произведены 4м Восточно-Сибирским линейным батальоном. е) Ремонтные работы по телеграфной линии от ст. Орловской до Николаевска, – 5м Восточно-Сибирским Линейным батальоном. ж) Работы по устройству дороги от Софийска до гавани де-Кастри и заготовление строевого леса для казарм в Софийске, производились тем же батальоном. з) Инженерные работы по постройке Чныррахских батарей, производились 6м Восточно-Сибирским Линейным батальоном. и) Александровская, Дуйская Хабаровская и Новгородская постовые команды, производили разные работы по устройству постов, пристаней, казарм, лазаретов, ботов для перевозки провианта, окрестных дорог, мостов на них и т.п. і) Нижние чины крепостной артиллерии были заняты постройкою и ремонтировкою казарменных помещений для себя и артиллерийских складов. к) 2й Восточно-Сибирский Линейный батальон занимался береговыми работами и постройкою казарменных помещений в Благовещенске». Там же. Л. 25 об.–28.

[300] В дальнейшем переведена в г. Хабаровка». Там же. Л. 22 об.

[301] Там же. Л. 22 об.–23.

[302] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 25 об.

на громадных расстояниях, одной части от другой, представляющей затруднения для сбора на время лета батарей в один учебный лагерь и невозможность соединить их для учений с соответствующими частями пехоты. Но отсутствие лагерных сборов, не препятствовало батареям на местах своих квартир, выполнить с должною старательностью и успехом, положенную для них артиллерийскую учебную практику»[303]. Для подготовки фейерверкеров в 1866 г. была учреждена Окружная фейерверкерская школа. При испытании в 1869 г. обучавшихся в этой школе, оказалось, что ученики основательно усвоили пройденные ими предметы и, на все предложенные вопросы, отвечали сознательно. Кроме нее в каждой арт. части, учреждены были батарейные школы, однако результаты обучения в них нижних чинов оказались в 1869 г. не вполне успешными[304].

Что касается казаков, то «в казачьих войсках по существу действующих войсковых положений, необходимо было ограничиться для привития к ним строевых познаний, одними лишь кратковременными летними лагерными сборами при батальонных штабах и сотенных дворах», на чем их обучение и заканчивалось[305]. В то же время, казаки, состоящие на действительной службе по наряду, в численности «строго ограниченной действительными лишь потребностями караульной службы, конвоирования преступников, надзора за рабочими на заводах и золотых приисках, наблюдения за государственною границею и т.п.», должны были «обратить всю свою деятельность, на исключительное выполнение возложенных служебных обязанностей»[306].

Таким образом, специфика Вост. Сиб. в.о. существенно влияла на характер обучения войск. В сибирской части округа пехота, за исключением 72-го резервного пех. батальона, не могла полностью пройти программу зимнего периода обучения, т.к. была занята внутренней и караульной службой; в дальневосточной части – по недостатку казарменных помещений, где можно было производить обучение, не говоря уже о манежах, проблема отсутствия которых на Дальнем Востоке не была решена даже к началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. Летний период обучения в сибирской части округа в значительной степени редуцировался по тем же причинам, что и зимний, а в дальневосточной – поскольку полностью совпадал со строительным сезоном и государственными работами. В этих условия, ни о каком практическом обучении войск и, тем более, летних лагерных сборах и совместном обучении частей войск разных родов оружия, речи вообще не шло. Естественно при такой организации обучения низким оставался и уровень подготовки офицерского состава. Все это отрицательно влияло на качество боевой подготовки пех. частей округа, которая оставалась критически

---

[303] Там же. Д. 756. Л. 23–24.
[304] Там же. Д. 758. Л. 26–26 об.
[305] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 24–24 об.; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 116 от 2 июня 1870 г. и приложение к нему: Росписание летних сборов в частях ЗКВ // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1870 г. Иркутск, 1870.
[306] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 756. Л. 24 об.–25.

низкой. В выигрышном положении оказывалась артиллерия. Она не только была лучше обеспечена помещениями, что давало возможность качественнее вести обучение зимой, но и освобождена от «трудовой повинности» – личный состав ее не привлекался к государственным, в т.ч. и строительным работам – в результате чего удавалось пройти и программу летнего периода обучения. В целом, уровень боевой подготовки войск округа существенно отставал от показателей округов Европейской России, однако до Манзовской войны 1868 г. командование округа подобная ситуация не беспокоила. Особенно с учетом того, что из-за удаленности от столицы, различные ревизоры до него просто не доезжали.

Произошедший в Южно-Уссурийском крае в 1868 г. конфликт показал, что в любой момент может возникнуть необходимость использования войск не только для нужд внутренней службы и хозяйственного освоения региона, но и для выполнения их прямых обязанностей, к чему они были совершенно не готовы. «Условия жизни крайне разнообразные на громадном протяжении территории Восточной Сибири, служебная деятельность и положение войск в зависимости [от] личного состава корпуса офицеров и вообще начальников, отражаясь вообще на средствах, коими можно было бы располагать для воинского образования, поставили вопрос об обучении нижних чинов в довольно невыгодную обстановку и оставляют в этом отношении желать еще многого. Воинское образование по всем частям находится в наилучшем положении в артиллерийских частях и затем в резервном и губернских батальонах. В массе же линейных батальонов и команд местных войск воинское образование довольно слабо», – докладывал М.С. Корсаков императору[307].

Посетив в том же году Южно-Уссурийский край[308], М.С. Корсаков лично убедился «в отсталости линейных рот в отношении строевого развития» и увидел недостаточно усвоенное военное образование в стрелковых ротах. Боеспособность частей нужно было поднимать, но как это сделать оставалось неясным. Поэтому он прибег к полумерам и, не находя возможным окончательно освободить лин. батальоны от непрерывных хозяйственных работ, ограничился распоряжением «образовать в среде общей массы расположенных в крае войск несколько частей, в которых строевое развитие было бы поставлено на должную степень и тем иметь на будущее время хоть незначительную числом, но твердую в боевом отношении, пехотную часть». Он приказал освободить стр. роты Вост.-Сиб. лин. батальонов от всякого рода работы, укомплектовать наиболее способными нижними чинами, назначить лучших офицеров, посвятить все время «исключительно обучению стрельбе и фронту, а также поднять уровень одиночного развития нижних чинов в умственном отношении». Мера эта полностью провалилась по «малочисленности рабочих рук» и громадности количества труда «требуемого

---

[307] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 66 об.–67.

[308] Приказ по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. № 152 от 23 апреля 1868 г. // Приказы по войскам сухопутным и морским Вост. Сиб. в.о. за 1868 г. Иркутск, 1868.

краем, малонаселенным и только что устраивающимся»[309].

Корсаков вынес убеждение, что успех занятий в стр. ротах был бы выше, если бы эти роты были окончательно освобождены от работ, собраны в один пункт и подчинены одному командиру стр. батальона. Однако он понимал, что откомандирование по 1 роте от каждого Вост.-Сиб. лин. батальона с целью создания одного сводного стр. батальона привело бы к усложнению организации батальонов и расстройству всей материальной части, поэтому роты были оставлены при своих частях[310]. При этом понимания, что мера эта заведомо обречена на провал, т.к. созданному таким образом сводному стр. батальону пришлось бы вместо обучения немедленно, по сформировании, приступить к возведению для себя казарм, не было.

Итак, принятие после Манзовской войны 1868 г. быстрых и кардинальных мер, направленных на повышение качества боевой подготовки русских войск на Дальнем Востоке оказалось невозможным. В результате на инспекторских смотрах, произведенных в 1869 г. помощником начальника Окружного штаба, генерал-майором Е.А. Симоновым, командированным для инспекции войск, расположенных в Уссурийском крае, картина оказалась идентичной той, что увидел М.С. Корсаков годом ранее. Оказалось, что «ни одна из отраслей военного образования в осмотренных частях не достигла удовлетворительного состояния, и что войска не представляют даже вполне надежной боевой силы»[311].

В этом же году, после ликвидации в с. Хабаровка стр. учебной команды, для поддержания в войсках стрелкового дела, было категорически запрещено употреблять стр. роты на работах «с тем, чтобы дать им возможность заниматься, как должно, строевым образованием». Мера эта привела к удовлетворительным результатам в плане подготовки стр. рот, но крайне неблагоприятно отразилась на остальных ротах тех же частей, которым пришлось вести хозяйственные работы и за эти роты. Успех обучения в ротных школах, существовавших во всех пех. частях округа, тоже оказался «весьма неудовлетворителен, вследствие недостатка свободного времени, которое может быть уделено на обучение»[312].

В 1870 г., «озабочиваясь приведением войск Приморской области в то состояние, при котором они могли бы вполне удовлетворять главной цели своего назначения», в Южно-Уссурийский край снова отправился сам М.С. Корсаков. Несмотря на то, что им было обращено особое внимание на устранение, по возможности, причин, влияющих неблагоприятно на успешный ход воинского образования, он обреченно докладывал Александру II, что «все эти меры не могут привести к удовлетворительным результатам до тех пор, пока в Уссурийском крае не будет устроена почтовая часть, не приведется к

---

[309] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 72–72 об.
[310] Там же. Л. 72 об.
[311] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 23 об.–24.
[312] Там же. Л. 25 об.–26 об.

окончанию постройка проектированных дорог, а также не будет ассигновано добавочных сумм на снаряжение Амурско-Уссурийской телеграфной линии…»[313]. В том же году впервые удалось в теплое время года собрать 2-й Вост.-Сиб. лин. батальон и, отчасти, стр. роты остальных батальонов в полном составе для обучения, при этом «успешное… обучение войск в холодное время года было невозможно, по неимению манежей»[314].

В 1871 г., «признавая необходимость поставить войска в названных краях в такие условия, при которых они могли бы удовлетворять главной цели своего назначения», уже новый Командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.П. Синельников, при объезде Амурского края, обратил «внимание на устранение причин лишающих войска возможности заниматься воинским образованием», попытавшись сократить употребление войск на работы и командирование нижних чинов в посторонние ведомства. Тогда же он с удивлением обнаружил, что за исключением Иркутского и Красноярского губернских батальонов, ни при одной из пех. частей вверенного ему округа нет учебных команд, хотя потребность в них, в особенности для войск Амурского края, была налицо. Синельников приказал немедленно организовать такие команды при лин. батальонах, и попытаться все-таки наладить обучение. Тем более, что успехи обучения людей в учебных командах, уже существовавших в каждой арт. батарее и креп. арт. роте, были «вполне удовлетворительны»[315].

После собственной поездки по краю и ознакомления с докладом начальника Окружного штаба о результатах уже его поездки с теми же целями в 1871 г., Н.П. Синельникову тоже стало очевидно, что «военное образование пехотных частей войск Приморской Области находится не в удовлетворительной степени развития и что, для приведения их в состояние, должного благоустройства необходимо службу и быт войск поставить в иные условия. Все меры употребляемые к развитию военного образования в этих войсках не принесут существенной пользы пока, с одной стороны, войска будут составлять единственную рабочую силу края и наполнять собою недостаточность штатов различных учреждений Гражданского ведомства, а с другой стороны, пока Начальствование этими войсками не будет поручено особому Военному Губернатору с подчинением ему сухопутных войск в Области и Гражданской в оной части. Только при таком условии управления Приамурскою Областью можно рассчитывать, что если иногда по необходимости и придется жертвовать интересами войск для пользы края, то со стороны Главного местного Начальника это будет делаться с крайнею осмотрительностью и не будет приносить вреда благоустройству войск»[316]. Однако сделать снова ничего не удалось и в 1872 г. опять ни один

---

[313] Там же. Л. 24–24 об.
[314] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 17 об.–18.
[315] Там же. Л. 18–18 об., 19.
[316] Там же. Л. 27 об.–29 об.

из Вост.-Сиб. лин. батальонов не был в состоянии заняться строевыми учениями, ни в полном своем составе, ни даже поротно. К тому же эти войска, ради своевременности укомплектования, были пополнены в том году тремя статьями рекрут, не окончивших полного курса обучения, что только ухудшило ситуацию[317]. При этом меры, направленные на постепенное повышение качества обучения войск продолжали приниматься. В 1872 г., кроме уже существующих, были созданы учебные команды при Дуйской и Новгородской постовых и Николаевской креп. командах. Их организация вызывалась, во-первых, хроническим некомплектом унтер-офицеров в войсках Приморской области, и, во-вторых, тем что изначально наличие учебных команд при постовых и креп. командах вообще не предусматривалось, что вело к пополнению их унтер-офицерами из лин. батальонов, где их и так не хватало, причем не однократно возникали жалобы на их не достаточную подготовку. А поскольку обучения людей в учебных командах как пех. частей, так и артиллерии признавалось удовлетворительным, меру эту признали полезной[318].

Артиллерия же, напротив, стояла «на одной высоте с образованием строевых частей Европейской России» и обучение ее продолжало совершенствоваться. Проверка качества ее подготовки действительно показала высокие результаты: «Учение с запряженною артиллериею производятся спокойно, без суеты, с полным знанием дела, но нельзя не заметить, что верховая езда фейерверкеров несколько слаба»[319]. В 1872 г. в батареях в первый раз были произведены земляные работы, имеющие целью устройство закрытий для артиллерии. Более того, в каждой батарее были сформированы саперные команды в числе 10 чел., которые под руководством особых офицеров, изучали, кроме заготовления разного рода материалов для сап. работ, устройство земляных укреплений против артиллерии и возведение необходимых хозяйственных построек при расположении бивуаком или лагерем. Начальник артиллерии округа полагал, что начавшееся обучение артиллеристов саперному делу, «судя по достигнутым результатам, должно весьма скоро привести батареи к практическому ознакомлению с постройкою полевых укреплений и необходимейшими из полевых инженерных работ», что имело большое значения в условиях изменения характера войны[320]. К этому времени артиллерия Вост. Сиб. в.о. комплектовалась уже исключительно фейерверкерами, выпущенными из Окружной фейерверкерской школы, занятия в которой признавались вполне успешными, т.к. батарейные командиры не заявили ни одной жалобы на качество их подготовки[321].

---

[317] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 27; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 112 от 29 апреля 1872 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1872 г. Иркутск, 1872.
[318] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 30–31.
[319] Там же. Л. 28 об.–29.
[320] Там же. Л. 29–30.
[321] Там же. Л. 31–31 об.

В 1872 г., в рамках реформы ЗКВ было предусмотрено, что в мирное время войско выставляет две учебные части (конный дивизион и пеший батальон), на базе которых будет происходить подготовка казаков. Обе части состояли из постоянного кадра и сменного состава обучавшихся казаков[322]. При этом, только три года спустя, в конце 1875 г. было, наконец, разрешено штаб- и обер-офицеров кадрового состава учебных: дивизиона и батальона ЗКВ содержать сверх комплекта офицеров, положенных штатом для конных полков и для батальонов этого войска[323]. Все малолетки, зачисленные в служилый разряд, по истечении льготного года, проходили годичный курс строевого образования в учебных строевых частях[324]. Аналогичным образом должно было происходить и обучение казаков в АКВ, однако там даже летние сборы регулярно отменялись из-за наводнений, вызванных разливом р. Амур[325].

В 1872 г. в округ впервые был направлен ревизор из столицы. Им стал командированный по Высочайшему повелению для осмотра частей войск округа, Свиты Его Императорского Величества генерал-майор А.А. Тимофеев. Он произвел подробные смотры войск как в сибирской, так и в дальневосточной частях округа и оказался крайне разочарован увиденным[326]. Кроме выявленных множественных нарушений по хозяйственной и делопроизводственной отраслям управления, которые во многих случаях вообще не имели ничего общего с утвержденными в империи законоположениями и существовали каким-то своим собственным, традиционным порядком, не позволявшим даже выявлять и юридически фиксировать многочисленные нарушения и злоупотребления, оказалось, что «по особым условиям края», местных сборов для регулярных войск округа в нем вообще не производится[327]! При этом для смотра генерал-майора А.А. Тимофеева, впервые за всю историю их существования, была сделана попытка собрать при своих батальонных штабах целиком 1-й, 3-й, 5-й и 6-й Вост.-Сиб. лин. батальоны. В результате, «за невозможностью

---

[322] Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. Положение о воинской повинности ЗКВ // ПСЗ РИ II. Т. 47. № 50822; ПВВ № 180 от 19 июня 1872 г. // ПВВ за 1872 г. СПб., 1872; Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. № 195 от 26 июля и № 271 от 9 октября 1872 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1872 г. Иркутск, 1872. Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 185–187.

[323] ПВВ № 349 от 22 декабря 1875 г. // ПВВ за 1875 г. СПб., 1875; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 33 от 7 февраля 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.

[324] А.П. Васильев отмечал: «Зачислялись и сменялись они по особому наряду. Лучшие из казаков оставались в кадре учебных частей в качестве учителей. За это они получали следующие преимущества: пребывание в учебных строевых частях зачислялось в срок действительной полевой службы; сверх того за каждый год службы в кадрах вычитывалось 2 года из срока службы в разряде внутреннослужащих; прослужившие в кадрах 4 года увольнялись в отставку без перечисления на внутреннюю службу. В кадре учебного батальона было 113 строевых нижних чинов (фельдфебеля, урядники и приказные) и 11 нестроевых, а в кадре конного дивизиона 57 строевых (вахмистры, урядники, приказные и трубачи) и 12 нестроевых». Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 186.

[325] См., напр.: Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 145.

[326] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 32 об.–34.

[327] В Сибирской части округа, к этому времени обучение войск уже более менее удалось наладить. Так, в 1872 г., во время визита А.А. Тимофеева, местные батальоны, два губернских и резервный, занимались летом ротным и батальонным ученьем в полном их составе и с применением к местности, а Красноярский губернский батальон, был сверх того выведен на лето в лагерные бараки. Там же. Л. 34 об.

собрать всех командированных чинов, батальоны эти и представились на смотре в половинном почти составе»[328], где и была констатирована их полная небоеспособность. Не многим лучше обстояло дело и в АКВ[329].

Скандал получился оглушительный. Подробный отчет о результатах произведенного осмотра войск Вост. Сиб. в.о. был в том же году доложен императору. В сентябре Н.П. Синельникову, по приказанию военного министра, сообщили выписку из этого отчета, с категорическим требованием навести порядок. В результате Командующему войсками округа пришлось принимать срочные меры[330]. Тщательным анализом замечаний А.А. Тимофеева, причин сложившейся в войсках Приморской области ситуации, а главное – подготовкой рекомендаций по решению данной проблемы занимался хорошо знакомый с Дальним Востоком М.И. Венюков, трудившийся в то время Главном штабе. Он подготовил обширную докладную записку, в которой полностью согласился с выводами столичного ревизора и сформулировал свои рекомендации. Основная, по сути, была только одна: войска необходимо как можно скорее превратить из главной и единственной движущей силы освоения региона обратно в военную силу, а заодно привести в полный порядок все войсковое хозяйство и делопроизводство. В противном случае, ни о каком их боевом применении не могло быть и речи[331]. Эти два документа легли в основу тяжелой многолетней работы по постепенному приведению русских войск на Дальнем Востоке в боеспособное состояние.

Для устранения указанных в отчете «беспорядков в управлениях и войсках Округа, в особенности в Приморской Области», туда летом следующего, 1873 г., был командирован состоящий при Н.П. Синельникове для поручений генерал-майор Е.А. Симонов для нового осмотра войск, и, независимо от него, старший адъютант Окружного штаба подполковник Н.В. Веревкин для разбора на месте и, по возможности, удовлетворения многочисленных претензий, заявленных чинами войск Приморской области генералу А.А. Тимофееву[332].

14 декабря 1873 г. Н.П. Синельникова на посту Командующего войсками округа сменил генерал-лейтенант П.А. Фредерикс[333], в распоряжение которого, по Высочайшему повелению, был командирован «для содействия к благоустройству войск» А.А. Тимофеев, который второй год подряд осматривал войска «во всей подробности». В 1875 г. войска округа проинспектировал и сам П.А. Фредерикс. Работа развернулась по нескольким основным направлениям. Для *повышения качества офицерского состава* «было обращено внимание на офицеров и те из них которые не обещали пользы для службы были постепенно

---

[328] Там же. Л. 34.
[329] Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 139–141.
[330] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 32 об.–34.
[331] ОР РГБ. Ф. 363. Карт. 7. Ед. хр. 10. Л. 1–56 об.
[332] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 32 об.–34.
[333] Список генералам по старшинству. Исправлено по 15 февраля 1875 г. СПб., 1875. С. 459–460.

удаляемы и наоборот, те которые замечены были как отличающиеся своею полезною служебною деятельностью и неуклонным исполнением лежащих на них служебных обязанностей, по мере возможности не были оставляемы без поощрения»[334]. А поскольку для большего распространения между офицерами военных познаний, в 1875 г. во всей империи были ведены в войсках систематические упражнения офицеров в решении письменных и устных тактических задач на планах, практические упражнения в поле и занятия военной игрой[335], с оставшимися в округе офицерами начали проводить занятия под руководством начальников частей. «В течение зимнего времени, в частях артиллерии офицеры упражнялись в решениях тактических задач на планах и отчасти занимались военною игрою, в линейных же батальонах занятия эти ограничивались сборами офицеров для изучения уставов, слабое знание которых офицерами постоянно прежде замечалось»[336]. Во время летних сборов в некоторых частях полевых войск округа и артиллерии офицеры упражнялись в решении тактических задач на местности, занимались производством глазомерных съемок и рекогносцировок. Однако, как отмечал П.А. Фредерикс, «неимение опытных руководителей много стесняет успешное ведение тактических занятий в линейных батальонах. Для руководства этими занятиями я вынужден был в настоящем году командировать в войска офицеров Генерального Штаба и надеюсь, что дело это пойдет с успехом». В местных войсках подобные занятия не производились, как по значительности караульной службы, так и потому, что, за исключением трех губернских батальонов, войска эти состояли из отдельных команд, «в которых кроме начальника, по большей части других офицеров не имеется». Зато решать тактические задачи на время сборов было предписано офицерам казачьих войск[337].

Деятельность офицеров Генерального Штаба, еще более активизировалась, причем «по исключительности положения округа», она не состояла «единственно в исполнении ими прямых обязанностей по занимаемым должностям, но на них возлагались поручения, крайне разнообразные по своему содержанию, которые давали им солидную практику по многим отраслям их специальности». По сути, для их полноценной подготовки не хватало только ежегодных общих сборов войск. В дальнейшем внимание к подготовке офицерского состава только усиливалось[338].

Куда сложнее было с нижними чинами, постоянно перегруженными посторонними работами. Здесь новый Командующий войсками на первое время удовлетворился тем, что

---

[334] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 11 об., 12.
[335] ПВВ № 28 от 28 января 1875 г. // ПВВ за 1875 г. СПб., 1875; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 84 от 15 марта 1875 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1875 г. Иркутск, 1875; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 17 об.
[336] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 13 об.–14.
[337] Там же. Л. 14–15, 54–54 об.; ПВВ № 28 от 28 января 1875 г. // ПВВ за 1875 г. СПб., 1875.
[338] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 15–15 об.; Там же. Д. 765. Л. 17 об.–22.

запретил рыбную ловлю[339]. Активизированы были занятия строевой подготовкой, стрельбой, фехтованием, гимнастикой[340], а также обучение людей грамотности. Особое внимание обращалось на то, чтобы занятия эти велись систематически[341]. Стимулировали подготовку унтер-офицерского состава, мало отличавшегося в лин. батальонах от рядовых. 31 января 1876 г. последовало Высочайшее повеление об усилении курса в учебных командах частей войск, расположенных в отдаленных областях Вост. Сиб. в.о. с одного на два года, что «вследствие крайне незначительного числа грамотных, поступающих в эти войска несомненно окажет благотворное влияние на возвышение уровня образования в них унтер-офицеров»[342].

После первого визита А.А. Тимофеева в округе начали проводиться *летние лагерные сборы*, правда сперва только частные и отдельными частями[343], да и войска Приморской области и ЗКВ в 1873 г. в них участия не приняли, но начало было положено[344]. Причем активизировались и сборы, проводимые для казачьих частей. В 1875 г. Вост.-Сиб. лин. батальоны, расположенные в Приморской области, находились на сборе при батальонных штаб-квартирах от 2 до 2,5 месяцев. Вообще, в этом году в округе впервые строевые занятия во всех частях войск начаты были с одиночного обучения нижних чинов и окончены: в пехоте – батальонными, а в кавалерии – дивизионными учениями. Во время сборов, независимо от строевых учений, в пехоте занимались аванпостной службой, прошли курс стрельбы, а последние дни сборов были использованы для производства небольших двухсторонних маневров. В конных частях АКВ и в Уссурийской сотне, кроме строевых учений, особенное внимание было обращено на разведочную службу[345]. Таким образом, войскам впервые удалось более-менее пройти весь годовой цикл обучения, а не отдельные его фрагменты, как

---

[339] «В последнем отношении особенно были вредны существовавшие в войсках Приморской области посылки нижних чинов целыми командами на рыбные ловли для потребностей ротного хозяйства во время которых нижние чины предавались обыкновенно пьянству на деньги, вырученные от тайной продажи части наловленной ими рыбы. В отчетном году эти рыбные ловли как не вызываемые действительною необходимостью мною уничтожены», – докладывал П.А. Фредерикс Александру II. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 19.

[340] В 1873 г. в русской армии и войсках округа был введен в виде опыта, на два года, новый способ обучения гимнастике предложенный коллежским секретарем К.А. Шмидтом. ПВВ № 181 от 16 июня 1873 г. // ПВВ за 1873 г. СПб., 1873; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 173 от 18 августа 1873 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1873 г. Иркутск, 1873.

[341] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 38 об.–39.

[342] Там же. Л. 43 об.–44; Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. № 84 от 27 марта и № 186 от 24 июля 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876; Программы занятий в 1-м и 2-м классах учебных команд Линейных и Благовещенского местного батальонов. Приложения к Приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 186 от 24 июня 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.

[343] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 14; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 100 от 22 марта 1875 г. и приложение к нему: Росписание летних сборов войск Вост. Сиб. в.о. в 1875 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1875 г. Иркутск, 1875.

[344] В 1873 г. Н.П. Синельников приказал в Приморской области «летних сборов линейным батальонам не делать» по случаю «предположенного в настоящем году значительного наряда от войск на инженерные работы», а в АКВ летних сборов также не проводить «по случаю бывшего в прошедшем году большого наводнения, причинившего жителям большие убытки». Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 80 от 21 апреля 1873 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1873 г. Иркутск, 1873.

[345] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 100 от 22 марта 1875 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1875 г. Иркутск, 1875; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 50 об.–53.

было ранее. Этой схемы и старались придерживаться в дальнейшем[346].

Более того, с 1 мая по 15 июня в посту Камень-Рыболов был собран 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон, занимавшийся совместными учениями с Уссурийской конной казачьей сотней и взводом горной батареи Вост.-Сиб. арт. бриг., дислоцировавшимися в том же посту[347]. Это были пусть и небольшие, но первые на Дальнем Востоке плановые совместные учения нескольких родов войск, ставшие в последующие годы регулярными. С этого же года во всех Вост.-Сиб. лин. батальонах и арт. батареях началось обучение саперному делу. На первых порах в каждом батальоне обучалось сап. делу 20, а в каждой батарее – 10 нижних чинов[348]. В дальнейшем этот вид подготовки систематически велся во всех регулярных пех., арт. и кавалерийских частях войск Вост. Сиб., а затем и Приам. в.о. вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Предпринятые усилия начали приносить плоды уже через несколько лет. Осматривая войска в Приморской, Амурской и Забайкальской областях летом 1875 г., П.А. Фредерикс с удовлетворением отмечал, что «принимая во внимание крайне неудовлетворительное состояние строевого образования, в каком по общим отзывам и донесениям лиц, инспектировавших в предшествовавшие года, находились многие из частей этих войск, я пришел к отрадному заключению о значительных успехах, сделанных в последнее время этими войсками в деле воинской подготовки»[349]. Порадовали его и положительные изменения в Вост.-Сиб. лин. батальонах, и вид осмотренных на сборах Амурского пешего казачьего батальона АКВ и учебных частей ЗКВ[350].

Из образовательных новаций следующего, 1876 г., стоит отметить начало подготовки в Вост.-Сиб. лин. батальонах нижних чинов, способных к замещению в военное время артиллерийской прислуги[351]. С этой целью были образованы с начала апреля особые команды в тех Вост.-Сиб. лин. батальонах, которые дислоцировались совместно с артиллерией. В остальных лин. батальонах команды эти были сформированы на время летних сборов арт. частей и прикомандированы к ближайшим к ним батареям. «В каждом батальоне число нижних чинов, обученных обращению с артиллерийскими орудиями, равнялось числу номеров прислуги при одном орудии; все чины означенных команд в течение двух недель

---

[346] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 65–69 об.; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 262 от 27 сентября 1875 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1875 г. Иркутск, 1875.

[347] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 50 об.–51.

[348] Там же. Л. 53–53 об. Изначально предполагалось, что обучение саперному делу в Вост.-Сиб. лин. батальонах начнется с 1874 г. ПВВ № 199 от 10 июля 1873 г. // ПВВ за 1873 г. СПб., 1873; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 182 от 25 августа 1873 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1873 г. Иркутск, 1873.

[349] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 39 об.–40 об.

[350] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 40 об.–43, 46–46 об., 49 об.–50. В работе Р.С. Иванова визит П.А. Фредерикса на Амур ошибочно датирован 1876 г. (Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 157), когда он смог осмотреть войска только в Забайкалье. Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 147 от 12 июня 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 47–51, 70–73.

[351] ПВВ № 13 от 16 января 1876 г. // ПВВ за 1876 г., 1876; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 63 от 6 марта 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.

принимали участие в практической стрельбе артиллерийских частей»[352]. В дальнейшем, этот вид подготовки[353], наряду с обучением пех., арт. и кавалерийских частей саперному делу, велся систематически.

Не имея возможности лично проехать весь Дальний Восток для оценки реальной, а не «канцелярской» боеспособности войск, П.А. Фредерикс в 1876 г. посетил лишь Забайкалье[354], а в Амурскую и Приморскую области командировал помощника начальника Окружного штаба Генерального Штаба генерал-майора А.И. Манькина-Невструева, который должен был за лето проинспектировать войска и представить отчет об их состоянии и боеготовности. Несмотря на все принятые после инспекции А.А. Тимофеева 1872 г. меры, последняя, на взгляд нового на Дальнем Востоке человека, оказалась близкой к катастрофической. Постоянные наряды на караулы и хозяйственные работы делали эффективное обучение войск невозможным. Так, прицельная стрельба, за малыми исключениями, «в пехотных и кавалерийских частях находится в неудовлетворительном состоянии», а в Вост.-Сиб. лин. батальонах – «немного выше или ниже посредственной», хотя и значительно улучшилась по сравнению с результатами 1874 г. Фехтование «во всех батальонах посредственно», грамотность почти нигде не относилась к предметам обязательного обучения, что делало невозможным нормальное усвоение уставов. «Одиночное развитие солдата, то есть твердое усвоение каждым нижним чином своих прав и обязанностей», знание теории стрельбы, умение обращаться с оружием и титуловать начальство, тоже было «не вполне удовлетворительно». На смотре обнаружилось, что в 3-м и 5-м Вост.-Сиб. лин. батальонах люди не умели титуловать даже особ Императорской Фамилии. Что касается вооружения, то если с винтовками системы Карле дела обстояли достаточно благополучно, то с револьверами проблемы были налицо: во время смотров тех же Вост.-Сиб. лин. батальонов оказалось, что «у многих офицеров, а в 3-м линейном батальоне почти у всех, нет вовсе револьверов, а взамен их деревянные чушки», а у нижних чинов они «держатся для формы и к употреблению почти негодны»[355]. Радовало лишь то, что оба устроенных А.И. Манькиным-Невструевым односторонних маневра продемонстрировали достаточно хорошую слаженность войск[356].

«Подобные успехи в новом деле тактического развития и обучения войск округа,

---

[352] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 68–68 об.

[353] Правила по обучению нижних чинов пех. и кавалерийских войск действию из арт. орудий уже вводились в русской армии в 1858 и 1861 гг. (ПВВ № 274 от 29 ноября 1858 г. // ПВВ за 1858 г. СПб., 1858; ПВВ № 238 от 14 ноября 1861 г. // ПВВ за 1861 г. СПб., 1861), но затем этот вид подготовки был сильно сокращен. Приказ по войскам: сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири № 9 от 8 января 1865 г. // Приказ по войскам: сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири за 1865 г. Иркутск, 1865.

[354] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 147 от 12 июня 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.

[355] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 247 от 9 октября 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876. В несколько смягченном, но в целом достаточно точном виде эти выводы были доложены и Александру II: РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 47–51 об., 70–73.

[356] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 71 об.–72 об.

приводят к убеждению, что при дальнейшем стремлении ближайших начальников неослабно и систематично вести учебные занятия, и в отношении боевой подготовки войска округа в близком будущем могут сравняться с полевыми войсками Европейской России»[357], – констатировал, прочитав отчет, П.А. Фредерикс и тут же отдал ряд распоряжений о принятии мер «к устранению всех указанных в отчете беспорядков и упущений»[358]. Сам он увиденными в Забайкалье маневрами тоже остался доволен[359].

Параллельно с этим, в Окружном штабе приступили к разработке планов возможной обороны побережья Южно-Уссурийского края от вторжения противника с моря, которые и были приведены в действие весной, после начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., во многом – силами тех же войск. Несмотря на переброску некоторых частей из мест постоянного квартирования в угрожаемые пункты и использование их в качестве рабочей силы, вместо прохождения планового цикла занятий, подготовка к возможной войне с Британской империей на Дальнем Востоке в 1877–1878 гг. пошла войскам на пользу. Командование осознало, что регион может снова стать ареной боевых действий, офицеры почувствовали живое дело, да и во Владивостоке, где в 1877 г. было сосредоточено значительное (по местным меркам) количество войск, впервые прошли «двухсторонние учения с применением к местности»[360], – прообраз будущих общих сборов войск Приам. в.о.

Следует подчеркнуть, что при общей ситуации с обучением войск на российском Дальнем Востоке, смена уставов, программ обучения и прочие меры, проводившиеся в рамках общероссийских военных реформ 60–70-х гг. XIX в.[361], *de facto* оказывали на него первое время минимальное воздействие. При этом *de jure* все эти нововведения, пусть и с некоторым опозданием относительно войск Европейской России, но все-таки активно внедрялись в Вост. Сиб. в.о. Более того, даже введение всесословной воинской повинности уставом 1 января 1874 г., на первых порах оказало на русские регулярные войска на Дальнем Востоке минимальное влияние. Во-первых, население Приморской и Амурской областей, наряду с некоторыми другими отдаленными местностями империи, было освобождено от отбывания воинской повинности (ст. 1, п. 2 Указа Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г.)[362], что было вызвано крайне низкой численностью населения этих областей, небольшим количеством войск, которые, как тогда казалось, не было необходимости разворачивать в военное время, и

---

[357] Там же. Л. 72 об.–73.
[358] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 247 от 9 октября 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.
[359] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 152 от 23 июня 1876 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. Иркутск, 1876.
[360] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 41–41 об.
[361] Подробнее о них см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. … С. 181–219; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1977. С. 144–170.
[362] Манифест о введении всеобщей воинской повинности. 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ II. Т. 49. № 52982; Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о введении общей воинской повинности, Указ Правительствующему Сенату от 1 января 1874 г. // ПСЗ РИ II. Т. 49. № 52983.

превалированием интересов хозяйственного освоения региона над оборонительными задачами. Во-вторых, при существовавшей в то время достаточно архаичной транспортной инфраструктуре, призывников приходилось доставлять на Дальний Восток из Сибири «пешим порядком», а затем «сплавами по рекам» Амур и Уссури. В результате они прибывали со значительным опозданием, и первый год их обучения все равно получался неполным. В-третьих, большая часть уволенных со службы нижних чинов возвращалась на родину, поэтому накопления обученного запаса на Дальнем Востоке практически не происходило.

С казачьими войсками ситуация была несколько иной. Всеобщую воинскую повинность распространили на ЗКВ только в 1878 г.[363]. После этого, формально, все казаки 1-го разряда должны были проходить через части, находящиеся в мирное время на действительной службе, где и обучаться военному делу. Однако на практике, при постоянном превышении числа казаков, достигших 21 года, над числом казаков, требовавшихся для укомплектования частей, выставлявшихся в мирное время, значительная часть казаков на службу не попадала и, в лучшем случае, привлекалась в первый год к учебному сбору[364]. Аналогичным образом велось обучение казаков и в АКВ[365].

После очередной смены Командующего войсками округа, на должность которого 7 декабря 1879 г. был назначен генерал-лейтенант Д.Г. Анучин[366], и в условиях начавшегося в том же году обострения Кульджинского кризиса встал вопрос: насколько принятые П.А. Фредериксом меры по повышению боевой готовности русских войск на Дальнем Востоке были эффективны, и какова реальная боеспособность этих войск? Собранные начальником Окружного штаба генерал-майором А.Н. Голенковским во время специальной поездки весной–летом 1879 г. по Забайкальской, Амурской и Приморской областям сведения опять говорили в пользу необходимости принятия немедленных и самых решительных мер. Оказалось, что хотя принятые в предшествующие 7 лет меры и принесли определенные плоды, но поскольку основные причины, влиявшие отрицательно на обучение войск так и не были устранены, переломить ситуацию не удалось. *De facto* увиденные А.Н. Голенковским войска не были готовы к военному столкновению ни с серьезным и хорошо обученным, ни даже с

---

[363] Высочайше утвержденное 4 апреля 1878 г. Положение о военной службе казаков Забайкальского войска // ПСЗ РИ II. Т. 53. № 58365; ПВВ № 109 от 19 апреля 1878 г. // ПВВ за 1878 г. СПб., 1878; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 124 от 12 июня 1878 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1878 г. Иркутск, 1878; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Под редакцией В.К. Шенк. Составил В.Х. Казин. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры, 1912. С. 295; Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 199–200; Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско… С. 14–15.

[364] Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 202–203.

[365] Высочайше утвержденное 3 ноября 1879 г. положение о военной службе казаков Амурского войска // ПСЗ РИ II. Т. 54. № 60140; ПВВ № 313 от 29 ноября 1879 г. // ПВВ за 1879 г. СПб., 1879; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 20 от 4 февраля 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880; Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска… С. 161–165.

[366] Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 5 от 14 января 1880 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. Иркутск, 1880.

просто численно превосходящим противником[367].

И хотя императору по итогам 1879 г. было доложено, что «воинское образование в войсках округа удовлетворительно», в реальности, на протяжении всего Кульджинского кризиса, в 1879–1881 гг., в вопросе обучения войск, усилия командования округа и начальства Приморской области были направлены в первую очередь на максимально быструю ликвидацию выявленных А.Н. Голенковским пробелов в обучении. Упор был сделан на летние и зимние занятия «с целью поддержания специально-военных знаний между офицерами», «одиночное развитие молодых солдат с начала поступления их в части», занятия стрельбой, гимнастикой и фехтованием. Все активнее проводились общие сборы войск и все шире внедрялась практика окончания их учениями «с применением к местности, первоначально поротно, а затем побатальонно», и, где представлялось возможным, проведение совместных учений пех. и арт. частей[368].

В 1880 г. вследствие переформирования, передвижения и перевооружения войск, закончившихся лишь к поздней осени, «с величайшей энергией и настойчивостью велось дело строевой и боевой подготовки, чтобы сплотить вновь составленные части и быть готовыми к ожидавшемуся военному походу». Однако сборы и летние занятия были проведены не во всех частях, а совокупные летние занятия, – вообще только в с. Никольское[369]. С другой стороны, как докладывал Александру II Д.Г. Анучин: «Переустройство войск Приамурского края обусловило значительный прилив в части войск округа офицеров из Европейской России, большею частью окончивших курс в Военных училищах и с отличием служивших в последнюю войну в стрелковых и гвардейских частях, что несомненно окажет благодетельное влияние на возвышение уровня нравственного, умственного и служебного развития корпуса офицеров округа»[370].

В 1881 г. нормальный цикл обучения войск удалось восстановить, причем сразу в четырех пунктах, где располагались одновременно пех. и арт. части (Хабаровка, Никольское, Посьет и Благовещенск), войска производили совместные занятия до середины сентября. Лишь «кавалерийские части Приморской области, по случаю сибирской язвы, появившейся в Южно-Уссурийском крае, в совокупных занятиях с другими войсками не участвовали». Это

---

[367] В Приморской области более-менее удовлетворительное качество выучки показали лишь 1-й, 3-й, 5-й и 6-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, расположенные во Владивостоке, Никольском, Софийске и Николаевске, т.е. те части, которые активно готовили к возможной войне с Британской империей в 1877–1878 гг., а также традиционно хорошо обученные арт. части. Однако их разбросанность на огромной территории, а значит сравнительная малочисленность по сравнению с потенциальным противником на каждом направлении возможного удара, ставила их в очень невыгодное положение сразу же после начала боевых действий. Состояние остальных войск было куда хуже. Отчет Начальника штаба Вост. Сиб. в.о., об осмотре частей войск, учреждений и заведений в областях: Забайкальской, Амурской и Приморской в 1879 году. Б.м., б.г. С. 1–46.

[368] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 3, 10–14.

[369] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. // Сборник главнейших официальных документов… Т. I. Вып. II. С. 76–79.

[370] Там же. С. 67.

был первый, но далеко не последний случай, когда эпизоотия сорвала на Дальнем Востоке обучение кавалерии. В этом году войска Амурской и Приморской областей были осмотрены лично Д.Г. Анучиным и найдены «в весьма удовлетворительном состоянии», а некоторые – даже «в блестящем виде». Правда метко стрелять пехота так и не научилась[371].

В целом же, за 18 лет существования Вост. Сиб. в.о., в нем так и не удалось переломить сложившееся еще в «муравьевскую эпоху» отношение к войскам, как в первую очередь рабочей силе для освоения и развития Дальнего Востока, а также нормально организовать их быт, снабжение и размещение. Подобная ситуация делала невозможным полноценное и систематическое обучение войск, полное прохождение ими всего годового цикла обучения. В результате, уровень выучки и боевой подготовки русских войск в регионе в целом стабильно уступал аналогичным показателям для войск Европейской России.

1.6. Кульджинский кризис 1879–1881 гг. и зарождение военного планирования для Дальневосточного ТВД

Положение в Илийском (Кульджинском) крае[372] начало оказывать влияние на обстановку на Дальнем Востоке еще в конце 60-х–начале 70-х гг. XIX в. Мусульманское население пограничных с Россией районов Западного Китая, неоднократно поднимало восстания против цинских властей. Это существенно дестабилизировало обстановку в прилегающих к границе российских владениях и осложняло русско-китайскую торговлю через Синьцзян. Очередное восстание произошло в 60-х гг. XIX в. К 1865 г. масштабы его стали столь крупными, что Китай вынужден был обратиться к русскому правительству с просьбой о помощи в его подавлении. В Петербурге заняли выжидательную позицию, однако действия кашгарского правителя Якуб-бека стали угрожать интересам Российской империи: он при посредстве англичан установил контакты с турецким султаном, пожаловавшим ему титул эмира и наставлявшим в духе объединения всех мусульманских властителей против

---

[371] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1881 г. // Там же. С. 209–210, 215–218; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 190 от 26 сентября 1881 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1881 г. Иркутск, 1881.

[372] В отечественной литературе оба названия применяются как синонимы, т.к. город Кульджа был центром Илийского края и наиболее важным населенным пунктом на его территории. Кульджинский (Илийский) кризис, и в первую очередь его дипломатическая составляющая, изучены достаточно хорошо: Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. 441 с.; Воскресенский А.Д. «Илийский кризис» в русско-китайских отношениях II пол. XIX в.: новое время – новые оценки // Новое в изучении Китая. Ч. 5. Китай в системе международных отношений (прошлое и настоящее) М., 1990. С. 16–25; Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 427–459; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. … Т. 3. С. 532–554; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)… С. 165–167; История дипломатии… Т. II. С. 62–63; История Востока: В 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII–начало XIX в.): Кн. 2. М., 2005. С. 230; Международные отношения на Дальнем Востоке: в 2 кн. Кн. 1 (с конца XVI в. до 1917 г.) М., 1973. С. 140–143; Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.). Барнаул, 2003. С. 116–226; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860–1895. М., 1956. С. 227–237; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 159–176; Hsü C.Y. The Ili crisis. A study of Sino-Russian diplomacy 1871–1881. Oxford, 1965. 230 p. и др.

России, а также создал условия для деятельности англичан по изучению территории и рекогносцировке дорог к российским границам.

Находясь перед угрозой дестабилизации ситуации в среднеазиатских владениях империи, и активизации деятельности англичан в соседних с ними областях, Александр II в 1871 г. санкционировал оккупацию Кульджинского края. Русские войска заняли Илийский край и его центр – Кульджу. Пекин поставили в известность, что войска будут выведены лишь тогда, когда Китай сам сможет оборонять эти территории, а Кульджу предполагалось удерживать, пока восстание в Западном Китае не будет подавлено.

В 1876 г., на Особом Совещании под председательством военного министра Д.А. Милютина, было решено вернуть Кульджу Китаю после подавления им восстания, а взамен потребовать ряд торговых преимуществ и часть территории Илийской долины (важнейшие в военно-стратегическом отношении долину р. Текес и Музартский проход из Илийского края в Китайский Туркестан). Восстание в Джунгарии было подавлено в 1878 г. и вопрос о возвращении Кульджи снова встал на повестку дня. В Россию для переговоров был направлен специальный китайский посол Чун Хоу, и 20 сентября 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор. Его условия практически совпали с решениями Особого Совещания: Кульджа возвращалась Китаю, а Россия получала небольшой участок Илийского края, долину р. Текес и Музартский проход. Российской торговле был предоставлен ряд льгот в Западном Китае, русские купцы получили право беспошлинной торговли в Монголии и на р. Сунгари в Маньчжурии. За расходы по управлению краем и содержание там русских войск Дайцинская империя должна была выплатить России 5 млн. руб. Однако официальный Пекин выразил резкое недовольство действиями своего представителя и итоговым текстом договора, что привело к крайнему обострению ситуации на границе двух государств. Фактически, Российская и Дайцинская империи начали готовиться к войне, усиливая свои войска вдоль границ и разрабатывая планы предстоящих боевых действий. Тем не менее 23 июля (4 августа) 1880 г. начались новые переговоры, уже в Петербурге[373].

Добравшийся в июле до Иркутска Д.Г. Анучин обнаружил, что все отданные распоряжения по переформированию и передвижению войск Приморской области «были своевременно предписаны к исполнению или уже исполнены», о чем и доложил Д.А. Милютину[374]. Последний, будучи хорошо осведомленным о ходе переговоров, смотрел в будущее с куда большим оптимизмом: «Судя по настоящему положению дел с Китайским Правительством можно надеяться, что все обойдется миролюбиво и что потому не придется

---

[373] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)… С. 165–167; История дипломатии… Т. II. С. 62–63; Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года… С. 74–120, 160–162; Hsü C.Y. The Ili crisis… P. 16–163.

[374] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 199–203 об.

принимать предположенных на случай войны с Китаем чрезвычайных временных мер. Изложенные в прилагаемой при сем записке предположения надобно отложить до окончательного разъяснения вопроса, а между тем заняться ныне же другими соображениями – на тот случай, если дела с Китаем окончательно уладятся, какие распоряжения следует сделать неотлагательно для прекращения усиленного положения, в котором находятся до сих пор войска и управления в Округах Туркестанском, Западно и Восточно-Сибирских, так чтобы по первому Высочайшему повелению, можно было поспешно исполнить все, что признается возможным для уменьшения расходов и облегчения положения войск.

Вместе с тем надобно решить и организацию войск в означенных трех округах на будущее время, взяв за исходный пункт переформирование линейных батальонов из 5-ротного состава в 4-ротный и сформирование резервных кадровых батальонов на общем основании т.е. таким образом, чтобы каждый раз, когда приходится усиливать войска в Средней Азии можно было в непродолжительное время развить первый кадровый батальон в 4ре или 5ть батальонов призывом людей из запаса. Пункты расположения этих резервных батальонов в мирное время должны быть определены именно сообразно изложенному назначению этих частей, при них же должны находиться и склады неприкосновенных запасов одежды, амуниции и оружия. Запасы эти уже имеются на лицо, надобно только решить где хранить их на будущее время»[375].

На первом этапе переговоры быстро зашли в тупик, и до начала войны с Китаем оставалось совсем немного, когда на Особом Совещании по вопросу о Кульдже в сентябре 1880 г. министр финансов А.А. Абаза заявил, что для России выгоднее отказаться от торговых преимуществ Ливадийского договора, чем начинать войну с Китаем. Эту точку зрения разделял и Д.А. Милютин. Мирные переговоры возобновились, однако чтобы вывести их из тупика требовалось время. Наибольшей остроты обстановка достигла к октябрю 1880 г. когда переговоры еще находились в тупике, а ситуация продолжала скатываться к войне[376]. Именно в это время в России зародилось военное планирование для Дальневосточного ТВД[377], которое впервые начали вести системно и на регулярной основе. Тогда были подготовлены первые аналитические записки, соображения по ведению боевых действий с Китаем и мобилизационное росписание для войск Восточной Сибири. Особенность процесса заключалась в том, что на начальном этапе работа велась в нескольких центрах: в Петербурге и в Восточной Сибири. И лишь с 28 декабря 1880 г., когда из столицы в Иркутск ушли первые

---

[375] Там же. Л. 207–208.

[376] Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года… С. 162–216.

[377] В зарубежной историографии существует только одна работа, посвященная этому вопросу, однако она написана на опубликованных источниках и носит достаточно поверхностный характер. See: Bilof E.G. China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 // Military Affairs. 1982. Vol. 46. No. 2. P. 69–75.

указания по военному планированию, деятельность двух этих центров начали хоть как-то координировать.

В столице работу вел прикомандированный к Главному штабу генерал-майор Л.Н. Соболев. «Обширные военные приготовления Китайского правительства и не сговорчивость Маркиза Ценги с новою силою возбуждают вопрос о возможной войне с Китаем», – докладывал он своему начальнику Ф.Л. Гейдену 27 октября 1880 г., и «в виду уяснения общего характера борьбы» представил ему некоторые соображения по этому вопросу вместе с заметкой «Война Англии и Франции с Китаем в 1857–1860 гг.». Начальник Главного штаба представил их военному министру, который 14 декабря 1880 г. констатировал: «Обе […] записки нахожу нужным переделать. Мысли мои по этому предмету желал бы передать лично Ген. М. Соболеву…» которому и было предложено лично посетить Д.А. Милютина[378].

В представленных документах Л.Н. Соболев тщательно проанализировал опыт Второй опиумной войны 1856–1860 гг., и отметил, что для европейцев «кампания эта должна быть отнесена к числу в высшей степени рискованных и чрезвычайно счастливых предприятий», причем главным образом – по причине полной неготовности к противоборству Китая. Только последнее обстоятельство, по его мнению позволило легко взять Пекин в 1860 г. После этого Китай заметно усилился, что делало попытку повторения подобной операции весьма рискованной и не гарантирующей успеха, а значит от нее следовало отказаться[379]. «Вообще было бы осторожнее рассматривать борьбу с Китаем с более серьезной точки зрения и не увлекаться легкостью победы»[380]. Соболев полагал, что против Китая можно действовать на шести театрах: Кашгарском, Джунгарском, Монгольском, Маньчжурском, долины Пейхо и Шанхайском. Он проанализировал значение и выгоды каждого из них, завершив записку общим стратегическим обзором[381].

Первый предполагал действие войск из Туркестанского в.о., второй – Туркестанского и Зап. Сиб., третий – Зап. и Вост. Сиб., четвертый – из Вост. Сиб., а два последних можно было атаковать только с моря при наличии сильной эскадры и десанта. Расчеты были сделаны для ведения войны на каждом из этих театров, кроме последних двух. Указывалось, что удар на Кашгарском и Джунгарском направлениях не вызовет в Китае «чувство непосредственной опасности, которое только и может заставить на серьезные уступки»; Монгольский «театр войны в военно-стратегическом отношении не имеет никакого значения». Основное значение придавалось Маньчжурскому и двум последним направлениям, на которых действительно можно было нанести Китаю серьезный ущерб. При этом Л.Н. Соболев склонялся к тому, что

---

[378] РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 3–44.
[379] Там же. Л. 14 об.–17.
[380] Он явно намекал на растиражированные идеи М.Н. Пржевальского. Там же. Л. 17.
[381] Там же. Л. 17 об.–39.

действовать придется в основном именно на Маньчжурском театре, т.к. морские и десантные операции по последним двум направлениям требуют большого военного и транспортного флота, которого у страны на Тихом океане не было, а отправка его создавала бы угрозу на Балтике и в Черном море[382]. Именно действия на Маньчжурском направлении были разработаны наиболее тщательно: «Здесь могут быть достигнуты некоторые важные результаты, которые хотя и не дадут права полагать, что вследствие их Китай согласится на все, что ему предложат, но судя по некоторым данным, несомненно можно думать, что занятие городов Хайлара, Цицикара, Гирина, Нингуты и Сянь-Сина устрашит Китайское правительство и вызовет в нем желание вступить в серьезные отношения»[383]. Действовать предполагалось двумя отрядами: Забайкальским – из Цурухайтуя на Хайлар и Цицикар, и Приамурским (значительная часть остается для обеспечения внутренней безопасности Приморской области) – из с. Никольское на Нингуту и далее к Гирину. Достижение этой задачи потребовало бы не только использования большей части полевых войск Вост. Сиб. в.о., призыва там всего запаса и казачьего населения, но и предварительного усиления войск Приморской области «по меньшей мере до одной пехотной бригады, т.е. 8 батальонов и двух горных батарей»[384]. Таким образом, он *de facto* поддержал ходатайства Д.Г. Анучина о необходимости серьезного усиления войск в регионе до начала военных действий с Китаем.

Военный министр распорядился записку доработать, причем с учетом материалов, полученных от Морского ведомства по оборонительному строительству во Владивостоке, результатам прошедшего там же 26 сентября 1880 г. совещания М.П. Тихменева и С.С. Лесовского и общей обстановки в регионе[385].

Ситуация постепенно обострялась. 18 октября 1880 г. Д.А. Милютин приказал начальнику Главного штаба графу Ф.Л. Гейдену телеграммами запросить командующих войсками пограничных с Китаем военных округов «о мерах к прочному обеспечению наших сухопутных границ»[386]. 17 декабря 1880 г. Д.А. Милютин отмечал: «Странно, что до сих пор мы не имеем никаких известий от Ген. М. Тихменева о том, в каком положении нашел он дела в крае…». К этому времени в министерстве имелся только протокол совещания 4 октября во Владивостоке, который свидетельствовал о том, что М.П. Тихменеву нужны были еще 8 тыс. пехоты, хотя он «должен в своих действиях соображаться с теми только средствами, которые уже дали ему»[387]. Задержка объяснялась тем, что все бумаги от М.П. Тихменева шли не напрямую в Петербург, а сначала через Сибирь в Иркутск, где их рассматривали и

---

[382] Там же. Л. 4–44.
[383] Там же. Л. 29–29 об.
[384] Там же. Л. 29 об., 31–34.
[385] РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 46, 49–53 об., 62–68 об.
[386] Там же. Оп. 3. Д. 36. Л. 8.
[387] Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 46–47.

прорабатывали в Окружном штабе, а уже затем от Д.Г. Анучина – в столицу.

В ответ на запрос военного министра, Д.Г. Анучин 20 декабря 1880 г. сообщал: «По получении ожидаемых от Командующих войсками в областях письменных сведений, в дополнение сообщенных телеграммами, будет представлено подробное соображение, обнимающее все элементы прочной обороны края; усиление войск, пути сообщения и опорные пункты…». В рамках подготовленной программы усиления войск он указывал на важность усиления обороны Южно-Уссурийского края, необходимость «приведения казачьих частей в большую боевую готовность имея виду не только оборону Забайкалья, но и действия отсюда на Цици-кар и Ургу»[388].

Не менее активно шла подготовка к войне на местах. Адмирал С.С. Лесовский и М.П. Тихменев условились встретиться во Владивостоке 20 сентября, но последний был вынужден задержаться на р. Амур для руководства спасательной операцией. Во время транспортировки из-за тайфуна затонули баржи с перевозимыми из Кронштадта ружьями, но груз удалось поднять и спасти. Во Владивосток М.П. Тихменев прибыл только 25 сентября. На следующий день состоялось совещание с С.С. Лесовским и высшими военными и военно-морскими начальниками по проблеме «нашего положения относительно Китая и предстоящих флоту и сухопутным войскам военных действий, в случае разрыва с Китайским правительством»[389].

Констатировав, что возможность разрыва еще не миновала, а Китай ведет интенсивную подготовку к войне, было решено, что «наши приготовления к войне должны быть настойчивы и чем скорее мы будем готовы на нашей сухопутной границе, как для активных операций, так и для защиты нашего населения, тем Правительство сможет быть решительнее при ведении переговоров»[390]. В случае начала войны энергичными сухопутными операциями предполагалось занять те пункты Маньчжурии, удержание которых гарантировало бы безопасность коммуникационной линии по рекам Амуру и Уссури («активно-оборонительные действия»). Обеспечить безопасность от хунхузов и китайского населения Южно-Уссурийского края. Затем провести операции вглубь страны к Мукдену – «наступательные действия», что возможно было только после усиления русских войск на Дальнем Востоке. Войска для первого этапа должны были быть готовы к ноябрю. Эскадра Тихого океана должна была оказать содействие в обороне Владивостока и Николаевска-на-Амуре «демонстрациями в Печилийском заливе с целью удержать армии Лихунчана у Пейхо и Нючжуанга и тем самым затруднить посылку из этой армии подкреплений в войска действующие в Маньчжурии и, наконец, конвоированием войсковых транспортов в том случае, если будут отправлены в Приморскую область необходимые подкрепления», а также

---

[388] Там же. Оп. 3. Д. 36. Л. 5, 7.
[389] Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 54 об.–55.
[390] Там же. Л. 63–63 об.

действиями на китайские порты с целью удержать там китайский флот. «Так как эти операции могут только временно задержать армию Лихунчана, то дабы совершенно лишить его возможности высылать подкрепления в Маньчжурию, признается необходимым иметь десант на пути сообщений между Пекином и Ючуангом». Далее указывалось на необходимость присылки подкреплений в Приморскую область, причем до разрыва с Китаем[391].

Таким образом направление военной мысли Л.Н. Соболева и местных военных властей в целом совпадали, однако разработанные во Владивостоке соображения были более точными, реалистичными и исполнимыми. Общим было осознание невозможности ведения серьезных операций против Китая до усиления войск.

Активно велась работа и в Окружном штабе. 17 ноября 1880 г. Д.Г. Анучин утвердил первое в истории мобилизационное «рописание» для войск Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также расчет укомплектования частей войск округа нижними чинами запаса армии, проживающими в Восточной Сибири[392]. Проводился комплекс мероприятий по перевооружению войск и организации обеспечения их лошадьми в случае мобилизации[393]. Однако Командующий войсками округа прекрасно понимал, что самостоятельно представить в Петербург соображения о тех постоянных мерах, которые «были бы достаточными для защиты границ его и особенно Южно-Уссурийского края и Владивостока, в соответствии с предпринятым Китаем значительным развитием вооруженных сил» он не может, о чем честно доложил впоследствии Д.А. Милютину: «Вследствие обширности Восточного Сибирского округа и разнообразия условий, в которых находятся различные его области, я признал наиболее целесообразным возложить разработку соображений, отдельно по обороне каждой пограничной области, на Командующих войсками в областях, тем более, что как я сам, так и Начальник Окружного Штаба и наличные офицеры Генерального Штаба, находясь в Восточной Сибири всего несколько месяцев, не имели еще возможности лично изучить своеобразные его окраины, с которыми даже кабинетное ознакомление затруднительно истреблением во время Иркутского пожара всех картографических, статистических и военно-административных сведений и материалов»[394].

Командующий войсками Приморской области М.П. Тихменев отправил в Иркутск рапорт со всеми стратегическими соображениями по обороне границы и письмо, поясняющее его взгляды на наиболее важные вопросы, и ряд других материалов только 6 декабря 1880 г.[395]. 17 декабря он же утвердил и приказал принять «к руководству и точному исполнению» разработанный в штабе области «План подготовки войск Приморской Области к военному

---

[391] Там же. Л. 63–68 об.
[392] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 55–62.
[393] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 626. Л. 223–226.
[394] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 40. Л. 1–2.
[395] Там же. Л. 102–143, 162–184, 190–195

походу в пределах наличных средств»[396]. Командующий войсками Амурской области Генерального Штаба генерал-майор И.Г. Баранов тоже представил подробные соображения и план обороны вверенной ему области на случай войны с Китаем. В том же декабре были отправлены в Иркутск и все соображения по обороне Забайкальской области, подготовленные под руководством ее военного губернатора и Командующего войсками Генерального Штаба генерал-майора Л.И. Ильяшевича[397].

На основании этого комплекса документов в начале 1881 г. в Окружном штабе Вост. Сиб. в.о. под руководством Д.Г. Анучина была разработана итоговая программа обороны Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, и усиления войск в регионе. Оформленная в виде рапорта, она была отправлена в столицу только в конце февраля 1881 г. Причем сами документы в копиях отослали вместе с ней, поскольку, как отмечал Д.Г. Анучин, «представляемое […] соображение об обороне всего округа и потребном для сего усилении вооруженных сил, имеет главным образом характер общего заключения, в которое не введены, поэтому, подробные стратегические обзоры пограничной нашей полосы и сопредельных с нами китайских провинций Восточной Монголии и Маньчжурии. Сравнительно с требованиями частных соображений об усилении войск, оно представляет весьма значительные сокращения, но не потому, чтобы я считал эти требования чрезмерными, по сравнению с громадными китайскими вооружениями, в уровень которых мы никогда не можем стать на отдаленной нашей окраине, а единственно только в видах всемерного сокращения тяжких жертв, требуемых при увлечении вооруженных сил, содержание которых в Восточной Сибири в особенности дорого и затруднительно»[398].

Таким образом, к концу осени 1880 г. процесс военного планирования для Дальневосточного ТВД уже был запущен и в Восточной Сибири, и непосредственно на Дальнем Востоке, и даже в центральном аппарате Военного министерства. Наиболее успешно эта работа велась именно на местах, а не в столице, где не менее остро, чем в Иркутске после пожаров 1879 г., ощущалось отсутствие фактических данных и хорошо разбиравшихся в специфике региона профессионалов.

Однако в Главном штабе, не дожидаясь итоговых результатов работ в округе, уже к 21 декабря 1880 г., на базе наработок Л.Н. Соболева была подготовлена сравнительно короткая «Записка об общих мерах на случай разрыва с Китаем», подписанная Ф.Л. Гейденом. Достаточно общая и сырая, она явно готовилась в спешке и представляла собой улучшенную и сокращенную версию записки 27 октября, в которую включили соображения Владивостокского совещания 26 сентября, данные о котором уже были в Главном штабе. 23

---

[396] Там же. Л. 145–160.
[397] Там же. Л. 197–229, 231–256 об., 258–284, 289–315.
[398] Там же. Л. 1 об.–2 об.

декабря она была одобрена Александром II[399]. В ней отмечалось, что новый договор вероятно будет подписан, но не было уверенности в его ратификации Пекином, поэтому «следовало быть готовыми встретить всякие случайности». Подчеркивалось: «Война с Китаем это одна из самых трудных политических и военных задач, так как невозможно окончить ее одним ударом». Последний требовал большого количества войск, сильного флота и удара непосредственно с моря и на Пекин, что было невозможно. Транспортного флота для этого не имелось, да и войска нужны были в Европе.

В записке была несколько иная нарезка ТВД: «Западный театр войны, соприкасающийся с Туркестанским и Западно-Сибирским военными округами» (Кашгария и Джунгария), «Восточный театр войны» (Монголия и Маньчжурия) и «Морской театр войны». Задачи и описание характера действий на Восточном ТВД были почти полностью заимствованы из журнала Владивостокского совещания 26 сентября, за исключением соболевского указания об использовании только одного операционного пути – водного, т.е. переброски войск по рекам. Заключительная часть записки представляла собой директивные указания желательных действий в случае начала войны[400].

Военный министр распорядился направить копии с этой записки Командующим войсками всех трех азиатских в.о., чтобы каждый из них руководствовался изложенными соображениями при подробной разработке исполнительного плана действий, а также в морское ведомство. Однако Ф.Л. Гейден указав, что при плохих сообщениях они доберутся до Ташкента и Иркутска не ранее конца февраля – начала марта 1881 г., предложил отправить выжимку из документа телеграфом, на что Д.А. Милютин согласился. Телеграммы в Ташкент, Омск и Иркутск ушли 28 декабря 1880 г.[401].

В тот же день в Иркутске ознакомились с кратким военно-стратегическим анализом позиций империи на границе с Китаем и предписанием в случае начала войны «со стороны Туркестанского и Западно-Сибирского военных округов держаться активно-оборонительной цели: защищать Кульджу, стараться нанести военное поражение Китайцам где-либо по близости границы, отнюдь не предпринимая дальних и продолжительных экспедиций и употребить все усилия к созданию в Западном Китае Дунганского и Кашгарского Мусульманских государств», «со стороны Восточной Сибири держаться активной обороны, стараясь нанести Китайцам, по возможности, чувствительный удар занятием Гирина или другого какого-либо значительного города», «со стороны моря, блокировать Китайские берега, бомбардировать города, нанося возможно больший вред Приморским областям». При этом особо отмечалось, что «в виду того, что война затянется, особенно серьезно должны быть

[399] РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 70–85 об.
[400] Там же. Л. 70 об.–85 об.
[401] РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 86–87 об., 89 об.

обсуждены меры к ведению оной с наименьшими затратами войск и материальных средств. Этому условию наиболее всего, по видимому, удовлетворяют наши действия со стороны Южно-Уссурийского края и Амура, где, при богатстве соседней Китайской страны, и при возможности пользоваться дешевыми речными сообщениями в самой глубине края, может быть ведена борьба без особенного для государства отягощения»[402].

Документ, предусматривавший экономию средств вместо подкреплений и сокращение операционных путей вызвал серьезные расхождения во взглядах между местными и центральными властями. 4 января 1881 г. Д.Г. Анучин сообщил в столицу, что «в сознании необходимости основывать соображения по обороне границ, главным образом на данных о силах противника, употреблены возможные усилия и средства на разведки в пределах Китая». Последние заключались в отправке разведывательных и рекогносцировочных экспедиций. Полученные данные свидетельствовали о наращивании Китаем сил на сопредельных территориях Маньчжурии, доставке артиллерии и активизации усилий по обучению личного состава, т.е. активной подготовке к возможной войне с Россией на Дальневосточном ТВД, с перспективой удара по Южно-Уссурийскому краю и Амурской области. К этому времени Д.А. Милютин уже знал, что китайский посол «объявил официально, что Китайское Правительство соглашается на подписание того договора, который был нами предложен окончательно взамен прежнего Ливадийского договора», а значит, войны удастся избежать. Поэтому к полученным разведданным он отнесся достаточно спокойно[403].

6 января 1881 г. Командующим войсками Туркестанского, Зап. Сиб. и Вост. Сиб. в.о. была послана одинаковая телеграмма: «Вследствие сообщенного Вам от Министерства Иностранных Дел известия о согласии Китайского Правительства на заключение предложенного нами мирного договора, Высочайше повелено приостановить всякие новые военные меры сопряженные с расходом и нужные только на случай предполагавшегося близкого разрыва с Китаем, а не в видах будущего военного устройства края. Благоволите сообщить, какие именно распоряжения полагаете ныне сделать, и потом представить полный план будущего устройства края соответственно предпринятому Китаем обширному развитию военных сил»[404].

В ответ Д.Г. Анучин указал, что т.к. все реализуемые им меры идут в рамках общего усиления войск, приостанавливать ему нечего, а поскольку успокоительные депеши из Петербурга не подтверждались данными с мест, продолжил настаивать на усилении войск и подготовке к войне[405]. Относительно концепции ведения боевых действий он указывал, «что

---

[402] Там же. Л. 89 об.–103.
[403] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 24–25 об., 26–28 об.
[404] Там же. Д. 37. Л. 1–1 об.
[405] Там же. Д. 36. Л. 30–34 об.

при малочисленности наших сил, для обеспечения за нами успеха необходимо перенесение военных действий в пределы Маньчжурии тотчас же по объявлении войны, к чему мы имеем возможность в случае боевой готовности войск, при существовании у нас телеграфа и отсутствии такового в Маньчжурии, через что наши войска могут получить на много ранее сведения о разрыве и застигнуть китайские войска не вполне подготовленными к отпору»[406].

Рассматривая остальные пункты сообщенных ему предположений, он указывал, что десантная стр. бриг. может принести пользу «при том лишь условии, если войска эти будут находиться во Владивостоке ранее наступления разрыва. В таком только случае они вместе с четырьмя батальонами Южно-Уссурийского края будут в состоянии предупредить близкую опасность на сухопутной границе этого края и тотчас же открыть военные действия; впоследствии же смотря по обстоятельствам, могут быть употреблены в составе всей бригады или части ее в виде десанта, при операциях флота на Китайском побережье»[407].

Более того, «указания о предназначенной Забайкальскому [казачьему] войску активной роли, в случае войны с Китаем» Д.Г. Анучин принял к исполнению. При этом он подчеркивал, что «прочная оборона Приамурского края отнюдь не может основываться на предположенной экспедиции из Забайкальской области восьми-тысячного отряда: на один сбор войска потребуется не менее трех месяцев, при чем первоочередные части будут в полном составе позднее других; на сплав потребуется […] до двух месяцев, а за все это время участь слабого пограничного кордона войск в Приамурском крае может быть уже решена. Забайкальское войско, не имеющее для льготных частей ни кадров, ни офицеров, ни запасов, без боевого опыта и военных традиций, способно к обороне своей земли, но для дальней и весьма сложной операции вглубь самой воинственной провинции Китая ненадежно. Часть мобилизованного войска необходимо оставить в областях для полицейской службы, окарауливания рудников с каторжными и охраны границы, в случае беззащитности коей соседние Монголы проникнут в край для легкого грабежа»[408].

Большая часть войска, по первоначальным предположениям Д.Г. Анучина предназначалась «для содействия войскам Приамурского края к вторжению в Маньчжурию». Он считал более простым направить экспедицию не по рекам, а «прямо на Цицикар сухим путем от Цурухайтуй, которым до Цицикара до 540 верст, тогда как водой 1600 верст – Амуром и потом еще подниматься 1000 верст вверх по Сунгари…». При этом сообщение по рекам 7 месяцев в году было невозможно, а оставление в стороне Цицикара, «где сосредоточены главные вооружения Северной Маньчжурии крайне рискованно». Отряды из Амурской и Приморской областей предполагалось тоже двинуть вперед, как для прикрытия

---

[406] Там же. Л. 31 об.–32.
[407] Там же. Л. 32–32 об.
[408] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 32 об.–33 об.

коммуникационной и операционной базы по Амуру, так и для нанесения таких ударов Китаю, которые будут для него особенно чувствительными[409].

В Главном штабе к критике их предположений отнеслись с большим скепсисом. Военному министру было доложено, что мнение Командующего войсками округа на роль десантной бриг. во Владивостоке «не отвечает Высочайше утвержденному соображению, так как согласно сему последнему десантную бригаду предположено употребить главным образом, как морскую пехоту, для действий против прибрежных пунктов наиболее населенных Китайских берегов», а не для обороны сухопутной границы как указывал Д.Г. Анучин[410]. Отказ от вторжения в Маньчжурию Забайкальского отряда по одной операционной линии – по рекам в пользу сухого пути, да еще и с ударом «ненадежными» казаками на Цицикар, казался Главному штабу «несравнено рискованнее, чем движение его к устьям Сунгари, где он сближается с войсками Приамурского края. Нельзя не обратить внимание также на крупное противоречие в соображениях Главного Начальника Восточной Сибири, касающихся плана военных действий. В одном месте, когда он отвергает полезность направления Забайкальского отряда по Амуру, он говорит что пока этот отряд будет двигаться к Сунгари, участь слабого кордона Приамурского края может быть уже решена, когда же он доказывает о необходимости направить Забайкальский отряд сухим путем на Цицикар, он полагает возможным двинуть отряд из Амурской и Приморской областей вперед… […] По видимому нам бы не следовало пренебрегать богатыми речными сообщениями Восточной Сибири и следовало бы воспользоваться ими подобно тому, как пользовались Северо-американские штаты во время междоусобной войны, когда значительные военные операции опирались на водные сообщения. При этом нельзя не заметить, что в видах уменьшения расходов по заведению большого обоза, а следовательно уменьшения издержек войны, полагалось бы направить в Маньчжурию экспедицию по рекам, нежели направлять ее сухопутными путем»[411].

Таким образом, если окружное командование, опиралось, прежде всего, на стратегические соображения и собранные в предыдущие несколько лет данные о Маньчжурии, то Военное министерство – на финансовые, и опыт кампаний в Европе и США. Последний, как показали дальнейшие события, вообще был малоприменим в Азии. Указания Д.Г. Анучина о невозможности вести операции по рекам в силу не только их гидрологических условий, но и отсутствия канонерской флотилии для прикрытия этих операций даже на р. Амур, и достаточного количества речных транспортных средств, не были приняты во внимание. Ошибочность этих заключений Главного штаба впоследствии наглядно проявилась

---

[409] Там же. Л. 33 об.–34.
[410] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 74–75.
[411] Там же. Л. 75–78 об.

во время Китайского похода 1900–1901 гг., когда почти все военные операции в Маньчжурии были проведены по сухопутным путям сообщения.

Уверенности в собственной правоте у сотрудников Главного штаба не было, поэтому Ф.Л. Гейден рекомендовал военному министру запросить у Д.Г. Анучина, когда будут, наконец, присланы указанные им подробные соображения. Если быстро – то действовать с опорой на них, если «запоздают» – то самостоятельно, и впредь до ратификации Пекинским правительством согласованного договора не увольнять в запас нижних чинов, задержанных в войсках Вост. Сиб. в.о.[412]. 6 февраля 1881 г. у Д.Г. Анучина запросили, к какому времени будут доставлены в Петербург подробные соображения об обороне края и усилении войск, а также будут ли включены в эти соображения предположения об улучшении обороны Владивостока и укреплении пограничных пунктов[413].

Часть документов легла на стол Д.А. Милютину 17 марта 1881 г.[414]. Остальные – только 22 марта[415]. Анучин докладывал: «Работа эта потребовала серьезного изучения дела и тем больших трудов, что необходимые для нее сведения пришлось собирать вновь, так как все бывшее до сего в здешнем Окружном Штабе сгорело в пожаре 1879 года». В соображениях в расчет были взяты силы только одного Китая, «при условии, что флот его еще на долго будет гораздо слабее наших морских сил в Тихом Океане, а военно-сухопутные его армии еще не скоро примут вид благоустроенного войска»[416]. Ошибочность всех трех тезисов выяснилась уже во время кризиса 1882–1887 гг. «При таких условиях, – продолжал он, – имея ввиду легкость получить все нужное для Южно-Уссурийского края, – вероятного театра войны, посредством флота, я в соображениях принял за базу наших действий г. Владивосток. Очевидно, что это возможно только в данном случае, т.е. при разрыве с одним Китаем. При всяких же других комбинациях, когда к Китаю присоединятся другие державы, обладающие сильным флотом, положение наше изменится и того усиления здешних средств, какое можно признать удовлетворительным теперь, окажется вполне недостаточным, да и самую базу нашу придется изменить. Это обстоятельство, – весьма возможное в будущем, заставляет высказать теперь же, что все меры, принятые к усилению обороны здешнего края, ныне испрашиваемые, будут в сущности только началом тех реформ, которые придется сделать в Восточной Сибири, получающей, с пробуждением Китая, важное стратегическое значение. Во всяком случае, однако, какое бы усиление войск не было сделано, положение их здесь при существовании громадной коммуникационной линии, идущей на большом своем пространстве по самой пограничной черте, будет затруднительно. Рассчитывать на своевременность доставки

---

[412] Там же. Л. 80–80 об.
[413] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 81–81 об.
[414] Там же. Л. 102–106 об., 109, 111–121 об., Л. 122–128.
[415] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 40. Л. 1–100 об.
[416] Там же. Д. 36. Л. 102–103 об.

подкреплений, запасов и вообще всего нужного, невозможно. Придется действующие на Амуре войска предоставить средствам тамошнего края.

Для возможного уничтожения вредного влияния таких […] причин, необходимо признать неотложным рассмотрение двух насущных для Восточной Сибири вопросов, – заселения Приамурского края и проведение здесь железной дороги. Каких бы затрат два эти предприятия не потребовали, они вполне оправдываются серьезною опасностью, грозящей этой окраине на случай войны с коалициею нескольких держав и без сомнения окупятся если не материально, то нравственно, доставив России уверенность, что в тяжкую годину политических недоразумений и вооруженного столкновения с врагом, лучшие части этого края и действующие в нем войска не будут предоставлены собственным средствам»[417].

Таким образом, дальневосточный опыт Крымской войны 1853–1856 гг. и подготовки к войне с Британской империей в 1876–1878 гг., был полностью проигнорирован (прежде всего, по финансовым соображениям), как командованием Вост. Сиб. в.о., так и сотрудниками центрального аппарата Военного министерства. Это стало явной ошибкой, проявившейся спустя несколько лет. Выбор Владивостока оказался правильным, но для обороны против морской державы его впоследствии пришлось серьезно укрепить. Что же касается двух последних предложений, то они имели далеко идущие последствия. Железную дорогу успели провести только к Русско-японской войне 1904–1905 гг., что обеспечило России саму возможность ведения этой войны. Вопрос заселения региона не решен до сих пор.

12 (24) февраля 1881 г. Санкт-Петербургский договор был, наконец, подписан. Илийский край возвращался Китаю, за исключением незначительной части территории в его западной оконечности. Небольшое исправление границы предполагалось произвести в верховьях Черного Иртыша. При этом сумма выплат российской стороне возрастала с 5 до 8 млн. руб., а льготы для русских купцов были существенно расширены[418].

Уже после заключения 12 февраля 1881 г. русско-китайского договора, Военный губернатор Приморской области М.П. Тихменев и Д.Г. Анучин продолжали сообщать в военное ведомство о напряженной ситуации на границе как минимум до 16 марта 1881 г., указывая, что китайцы не верят в возможность мира, и поведение китайского населения на территории Южно-Уссурийского края отчетливо свидетельствует об ожидании войны[419]. Позиция Д.А. Милютина оставалось сдержанной, но твердой. «Опасения генерала Тихменева о разрыве с Китаем вероятно вскоре рассеются. В дополнение данных Вами указаний

---

[417] Там же. Л. 103 об.–105 об.

[418] История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза)… С. 165–167; История дипломатии… Т. II. С. 62–63; Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года… С. 236–262; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 236–237; Hsü C.Y. The Ili crisis… P. 171–188.

[419] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 82–82 об., 96–98.

Тихменеву, – телеграфировал он Д.Г. Анучину, – прошу предложить ему принять твердые меры к охранению границ, отнюдь не допуская беспорядков на нашей территории, строго следить за приходящим из Китая населением и ни под каким видом не дозволять провоза оружия»[420]. К этому времени в военном ведомстве уже полностью осознали, что полное подчинение находящегося на территории Уссурийского края китайского населения русским законам не только необходимо, но и юридически вполне возможно. Оставалось лишь сосредоточить необходимые для этого силы[421].

Напряженность на границе несколько спала только после официальной ратификации договора китайской стороной 3 мая 1881 г. «Согласен. Радует, что, наконец, дождались столь утешительного результата», – написал на докладе военного министра уже новый император – Александр III[422]. 10 мая Д.А. Милютин телеграфировал Д.Г. Анучину: «Китайское Правительство утвердило договор, заключенный в Петербурге. Поэтому все военные приготовления окончательно отменяются, отряды следует расформировать, людей запаса уволить и вообще все привести на мирное положение»[423].

Таким образом, Кульджинский кризис 1879–1881 гг., стал толчком к началу систематических работ по военному планированию для Дальневосточного ТВД как на местах, в штабах Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Вост. Сиб. в.о., так и в центре, в Главном штабе Военного министерства. Однако мнения местных и центральных властей по плану возможной военной кампании тут же разошлись. Причем в Главном штабе, по началу, были склонны в большей степени доверять собственным стратегическим выкладкам, основанным на старых и неточных данных о Китае и Маньчжурии и экстраполяции опыта войн в Европе и Северной Америке на Китай, чем новым сведениям, получаемым с мест. Дискуссия затянулась. В итоге кризис кончился раньше, чем местным и центральным властям удалось согласовать и утвердить окончательный план войны. А поскольку в столице полагали, что Петербургский договор 12 февраля 1881 г. надолго решит основные проблемы русско-китайских отношений, все дискуссии по этому плану достаточно быстро сошли на нет и возобновились только с началом Савеловского кризиса в 1882 г., к которому Российская империя опять подошла без четкого и утвержденного плана ведения войны на Дальнем Востоке на случай начала конфликта с Китаем или какой-либо иной страной. Таким образом, возникновение в Российской империи систематического военного планирования для Дальневосточного ТВД, было результатом постоянных внешних и внутренних угроз в регионе, а не какой-либо экспансионистской программы или завоевательной политики.

---

[420] Там же. Л. 93.
[421] Там же. Л. 94–95 об.
[422] Там же. Л. 151–151 об.
[423] Там же. Л. 150.

Глава 2. Русская армия на Дальнем Востоке в 1882–1895 гг. Становление Приамурского военного округа

2.1. Военная тревога: «Савеловский вопрос» 1882–1886 г. и Афганский кризис 1885 г.

Надежды на то, что Санкт-Петербургский договор 1881 г. надолго снимет напряженность в отношениях между Российской и Дайцинской империями не оправдались. Русские власти в регионе настораживало продолжение начатой Китаем еще во время обострения Кульджинского кризиса 1879–1881 гг. политики по наращиванию количества войск в пограничных с Россией провинциях, результаты которой постоянно фиксировал пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнин. Он же исправно докладывал о проводимых в Маньчжурии реформах, направленных на китаизацию и освоение территорий, где ранее был законсервирован старый маньчжурский порядок[1].

Все бóльшие опасения российского военного ведомства вызывали и военные мероприятия китайских властей: расширение в Гирине корабельных верфей, создание арсенала и порохового завода[2], ввод в Маньчжурию китайских регулярных войск из числа обученных и вооруженных по европейскому образцу, постепенное перевооружение маньчжурских частей, активизация ремонта и прокладки имевших стратегическое значение дорог, создание новых гарнизонов в непосредственной близости от границы (в Удагоу – против зал. Славянка и в Санчакоу – против Полтавского караула)[3]. Таким образом, в Маньчжурии отчетливо фиксировалась активность по подготовке не только оборонительных, но и наступательных действий, что грозило в случае русско-китайского конфликта поставить войска в Южно-Уссурийском крае в критическое положение и привести к потере территорий.

Однако из-за убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II, восшествия на престол Александра III и смены значительной части министров и высших сановников империи, внимание в столице было сосредоточено в первую очередь на вопросах внутренней политики. В результате начавшийся в 1882 г. новый виток напряженности в русско-китайских отношениях опять стал для Петербурга полной неожиданностью[4].

---

[1] РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 885. Л. 28–41.
[2] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 36. Л. 175–179.
[3] РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 4069. Л. 240–241 об.
[4] Роль внешнеполитического фактора в проведении военных реформ в 80-х гг. XIX в. на российском Дальнем Востоке, создании Приам. в.о. и строительстве Владивостокской крепости исследовалась в: Авилов Р.С. Создание Приамурского военного округа: внешнеполитический фактор (1882–1887 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3 (15). 2011. С. 48–52; Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России

Поводом стал т.н. «Савеловский вопрос» – пограничный спор местных русских и китайских властей из-за принадлежности дер. Савеловка и небольшого участка территории, где она располагалась, который привел к притязаниям властей Гиринской провинции на часть территории русского побережья в районе зал. Посьета, в т.ч. на весь участок русско-корейской границы. Деревню из корейских переселенцев организовал в 1875 г. командир дислоцировавшегося в ур. Новокиевское 1-го Вост.-Сиб. лин. батальона подполковник М.В. Савелов для обеспечения батальона продовольствием. Когда его, уже в июле 1883 г., попросили указать точное место расположения деревни, он затруднился, отметив лишь, что ни у него, ни у Н.Г. Матюнина «никогда не являлось даже сомнения, что это место может быть спорным»[5].

В августе 1882 г., неожиданно для русских властей, Лицзин-юн написал письмо Н.Г. Матюнину, потребовал скорейшего снятия с Савеловского поста караула и заявил, что взамен не найденного им на р. Тумене пограничного столба, он поставил новый столб, причем не на том месте, т.е. не в 22, а в 10 верстах от моря, а заявление о «ненайденном» столбе показалось русским властям совершенно безосновательным. Поскольку все пограничные вопросы должны были решаться государствами совместно, Н.Г. Матюнин сообщил об инциденте военному губернатору Приморской области И.Г. Баранову, тот – генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину, а последний – русскому посланнику в Пекине. Русский посланник в Пекине Е.К. Бюцов начал переписку по линии МИДа, но ситуация обострилась.

19 декабря 1882 г. Н.Г. Матюнин встретился с генералом У, который потребовал немедленной передать дер. Савеловка и приказал начальнику дислоцировавшихся Хунчуне войск расположить в ней китайский караул, основывается на якобы имеющейся у него карте, «где граница спускаясь по Янчихе упирается [в] бухту Экспедицию, отрезывая в пользу Китая весь южный берег». Он же заявил, что, китайское правительство в виду неправильной будто бы карты приложенной к договору 1860 г., «намеренно настаивать на пересмотре границы и возврате залива Посьета, без которого У считает невозможным развитие Маньчжурии…»[6].

В тот же день Н.Г. Матюнин телеграфировал об этом в Хабаровку И.Г. Баранову, который, не считая возможным уступить дер. Савеловка до проверки границы, т.к. «немедленная уступка дискредитировала бы нашу власть», и допустить самоуправство генерала У на спорной территории, распорядился немедленно отправить в дер. Савеловка две роты 1-го Вост.-Сиб. стр. бат., 2 горных орудия и наличных людей 4-ой Забайкальской сотни.

(1869–1914 гг.). Владивосток, 2011. С. 47–69; Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2013. С. 91–105; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. “Назло надменному соседу”. 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. С. 48–57.

[5] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 75. Л. 85–89 об.; «Савеловский вопрос» специально исследовался в: Дацышен В.Г. Очерки Истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX – начале XX веков. Кызыл, 2001. С. 58–62.

[6] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 75. Л. 3–4, 19–20.

Значительность отряда объяснялась возможностью оперативной переброски в деревню китайских войск из Хунчуна. Начальнику отряда была предписана «строжайшая осторожность и разрешено прибегнуть к оружию только для отражения нападения китайцев…»[7]. Затем И.Г. Баранов получил от Н.Г. Матюнина еще две телеграммы: о постановке в дер. Савеловка китайского караула и инциденте между поручиком отправленного туда русского батальона и конвойными генерала У.

Баранов, принял меры, а 21 и 22 декабря 1882 г., информируя об инциденте Д.Г. Анучина в Иркутске, указал, что в виду выезда У из дер. Савеловка предписал Н.Г. Матюнину отправиться к нему в Хунчун, потребовать наказания виновных в инциденте китайцев и сообщить, что до разъяснения вопроса о принадлежности этой деревни китайский караул из нее будет удален, она будет занята русским отрядом, а всякий прибывший туда китайский чиновник будет арестован. Анучин одобрил распоряжение об отправке отряда в дер. Савеловка, его составе и инструкциях его командиру, настаивая предписать «ему еще раз всемерно избегать столкновений, разрешив прибегнуть к оружию только в случае насильственных действий китайцев, допустить которые было бы несовместно с достоинством России». Указал, что вопрос о принадлежности деревни может быть решен только по изучении всех обстоятельств на месте назначенными от обеих стран чинами. Самовольных распоряжений У приказал не допускать, претензии генерала переадресовать в Пекин, в объяснения о не «неправильности карты приложенной к трактату 1860 года и возврате залива Посьета» не вступать и ходатайствовать перед Пекином о замене Даотая У другим лицом[8].

Анучин переслал телеграфом всю переписку военному министру П.С. Ванновскому, министру иностранных дел Н.К. Гирсу, а копии – почтой в Пекин русскому посланнику. Военный министр направил копии товарищу министра иностранных дел А.Г. Влангали, а оригиналы представил императору, который написал на докладе: «Переговорите с Влангали и представьте ваше заключение»[9]. Ответ на телеграмму Д.Г. Анучина был послан только 29 декабря. Все распоряжения были одобрены, и ему рекомендовалось быть и впредь в отношении китайцев настойчивыми, но избегать малейших поводов к возбуждению неприязненных действий. «Если бы китайцы отважились даже на нападение с оружием в руках следует отбить их, но не дозволять увлекаться ни войскам ни начальствующим. В настоящее время особенно нежелательно быть вовлеченными в войну с Китаем»[10]. За это время в столице подняли все документы из архивов Военного министерства и МИДа, но разобраться где находится Савеловка не смогли. Параллельно продолжалась переписка по

---

[7] Там же. Л. 4.
[8] Там же. Л. 4–6.
[9] Там же. Л. 1–2, 3–6.
[10] Там же. Л. 12.

этому вопросу между центральным аппаратом МИДа, русским посланником в Пекине и одним из консулов в Корее[11].

К середине января стало ясно, что пограничная проблема действительно существует и 22 января Д.Г. Анучин сообщил П.С. Ванновскому и Н.К. Гирсу «полное убеждение генерала Баранова, что Савеловка находится на китайской земле». При этом возникла идея переселить оттуда корейцев вглубь Южно-Уссурийского края, но землю, занимаемую дер. Савеловка передать китайцам только после инструментальной поверки границы летом 1883 г. особой комиссий, тем более, что о необходимости такой проверки заявили сами китайцы[12].

И снова русские военные и дипломаты верно оценили назревавшую на Дальнем Востоке ситуацию. Поэтому подготовка к демаркации границы, и к возможному военному столкновению с Китаем велась практически синхронно, и в основном – именно военным ведомством. В начале остановимся на первой проблеме, а также военный мерах, принятых обоими государствами непосредственно на границе. К 25 января 1883 г. была сформулирована и направлена Д.Г. Анучину официальная позиция МИДа: «Полагаем необходимым не возбуждать вопроса о передаче Савеловки, до тех пор, пока мы не переселим окончательно все население ее на нашу территорию; и пока само Пекинское правительство не обратится к нашему по вопросу о передаче неправильно занятой нами местности». Саму деревню после выселения жителей предписывалось занять войсками[13]. Таким образом, военное и внешнеполитическое ведомство были едины во мнении, что нужно не только сохранить лицо и избежать военного конфликта, но и использовать имеющийся повод для полной проверки границы Южно-Уссурийского края с Китаем от зал. Посьета до оз. Ханка.

При этом китайцы продолжали планомерное усиление войск на границе с Южно-Уссурийским краем. 24 марта Д.Г. Анучин сообщал, что в этой связи И.Г. Баранов просит категорических указаний: «первое – какую граничную черту впереди Савеловки должны отстаивать, для того чтобы защищать собственно Савеловку, не допустить окружить себя китайскими отрядами и очутиться в блокаде; второе – разрешается ли, в случае необходимости быстрой поддержки посьетского отряда, передвинуть морем линейный батальон из Владивостока в Посьет, третий стрелковый из Никольского во Владивосток; как поступить в случае подавляющего превосходства китайских сил». Причем сам Д.Г. Анучин приказал И.Г. Баранову «не вызывая китайцев, удержать Савеловку, отражая нападения силою, недозволяя нам увлекаться. Окружать себя в Савеловке недозволять, отстаивая граничную черту Хунчунского караула Савеловку до Туменьула», а переброску войск на

---

[11] Там же. Л. 12, 19–20.
[12] Там же. Л. 26–29, 30.
[13] Там же. Л. 26–32, 37.

усиление одобрил в принципе[14].

Управляющий Морским министерством И.А. Шестаков и Н.К. Гирс полностью одобрили действия Д.Г. Анучина, а Александр III написал 25 марта на записке: «Чрезвычайно неприятно, но я думаю нам следует их проучить, чтобы они более не требовали»[15]. Поверенному в делах в Пекине было предписано «заявить Правительству Богдохана, что, в случае открытия неприязненных действий китайскими войсками, наши войска дадут им отпор и что последствия столкновения падут на ответственность сказанного Правительства»[16].

На следующий день Д.Г. Анучин по просьбе И.Г. Баранова запросил для него право самостоятельно перебрасывать подкрепления к дер. Савеловка, «если дела тяжело обойдутся […] распоряжаться самостоятельно, сообразно обстоятельствам», и в предвидение дальнейших осложнений – испросить о вызове по телеграфу эскадры адмирала Н.В. Копытова из Нагасаки и Иокагамы в Посьет»[17]. В результате, командиру фрегата «Герцог Эдинбургский» было приказано, «соблюдая на переходе военные предосторожности», идти из Нагасаки во Владивосток в распоряжение Главного командира портов Восточного океана, а последнему оказывать полное содействие сухопутным войскам. Самому Д.Г. Анучину сообщили, что распоряжения его одобрены, а МИДом приняты меры, чтобы остановить китайцев. Поэтому И.Г. Баранов должен сохранять спокойствие и «воздерживаться от всяких вызывательных действий. Но если бы по нашим войскам последовал хотя бы один выстрел, Баранову предоставляется самым решительным образом отразить нападающих»[18]. Полковник Г.Г. Лейдениус, оценив численность войск противника, запросил у И.Г. Баранова подкреплений, после чего 2 роты 1-го Вост.-Сиб. лин. батальона и полурота сапер были переброшены в Посьет. Начальник Посьетского отряда и сам И.Г. Баранов полагали, что чем сильнее будет его отряд, тем больше шансов, что китайцы не решатся на силовые действия. Разведывательная работа на территории противника свидетельствовала об усиленном стягивании военных сил из центральных пунктов Маньчжурии (Гирин, Нингута) к русским границам[19], что нервировало Д.Г. Анучина, П.С. Ванновского и Н.К. Гирса.

Принятые меры принесли плоды к началу мая, когда Д.Г. Анучин сообщил, что после усиления отряда в Посьете, на встрече в ур. Новокиевское Н.Г. Матюнина и Фудутуна, последний «выразил самые дружественные отношения, но и дела принимают тот же характер». Александр III, которому немедленно представили копию документа, написал на

---

[14] Там же. Л. 38, 42–43.
[15] Там же. Л. 41.
[16] Там же. Л. 49.
[17] Там же. Л. 48–48 об.
[18] Там же. Л. 55.
[19] Там же. Л. 56–57 об., 61–62 об.

ней: «Это очень утешительно»[20]. После этого у И.Г. Баранова, 21 мая, запросили, стоит ли содержать отряд в Посьете, и на чьей все-таки территории стоит дер. Савеловка. К 6 июня он уже успел побывать в ней и убедился, что она находится на китайской земле. В ур. Новокиевское он встретился с китайским Фудутуном, который не мог взять в толк, почему русские никак не назначат со своей стороны комиссию для решения возникшего спора, без предварительного согласия двух столиц[21]. Необходимость проверки границы была осознана с обеих сторон. И если китайцы, на словах, практически сразу заявили о готовности приступить к работе, то русская сторона решила сначала поднять все материалы и тщательно изучить местность. К началу 1884 г. в г. Иркутск, а затем в г. Хабаровка и ур. Новокиевское переправили из МИДа копии всех имевшихся документов по разграничению 1860 г.

Вся тяжесть работ по подготовке к проверке границы легла на военных: командование сначала Вост. Сиб., а с мая 1884 г. – Приам. в.о., военного губернатора Приморской области И.Г. Баранова и военно-топографический отдел при штабе Вост. Сиб. в.о., во главе с его начальником генерал-майором В.М. Шульгиным. Последнему Д.Г. Анучин поручил изучить все документы, и составить соображения по спорным вопросам. После этого в Иркутске состоялось совещание, а затем все документы были направлены И.Г. Баранову. Причем Д.Г. Анучин предполагал ограничиться в этом году «проложением границы лишь только на участке от Хунчунского караула до устья р. Тумень-улы», но сделать это качественно. И В.М. Шульгин, и Д.Г. Анучин были противниками возвращения Савеловки Китаю, а И.Г. Баранов – наоборот не сомневался в необходимости этого шага[22]. Большую пользу принесло налаженное напрямую взаимодействие местных военных властей и Русской императорской миссии в Пекине. Роль центрального аппарата МИДа в Петербурге была минимальна и сводилась, в основном, к розыску и представлению в распоряжение комиссии копий всех материалов по разграничению на границе Китая и Южно-Уссурийского края в 1860 г.; центрального аппарата Военного министерства – к одобрению уже принятых местными властями мер.

Сами работы должны были начаться весной 1884 г. Председателем русской комиссии был назначен начальник штаба войск Приморской области Генерального Штаба генерал-майор Я.Ф. Барабаш[23]. Русская комиссия в 1884 г. констатировала, что «местность Савеловки принадлежит Китаю и с нашей стороны заявлена была полная готовность к передаче таковой по принадлежности, но вследствие отказа китайских комиссаров подписать протоколы произведенной в том году проверки части границы, местность эта осталась занятою нашим

---

[20] Там же. Л. 69, 71–71 об.
[21] Там же. Л. 73–74, 79–80.
[22] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 891. Л. 11–12.
[23] Там же. Л. 3–6 об.

военным отрядом»[24]. Петербург и Пекин договорились только в начале 1885 г., а комиссия приступила к работе в 1886 г. Поэтому со 2-й половины 1883 г. по начало 1886 г., обстановка на границе оставалась нервозной, но стабильной, что в условиях внезапно обострившихся весной 1885 г. отношений с Британской империей было принципиально важно.

Иначе обстояло дело с разработкой вопросов усиления в регионе войск и военно-административной реформой. Необходимость и того и другого наглядно показало обсуждение «Савеловского вопроса», когда защищать русские интересы в крае оказалось некому и нечем, а система управления явно не справлялась со своими функциями: многократное дублирование срочной переписки запутывало дело, особенно при использовании разными ведомствами разных шифров, и затягивало принятие решений. Это стало решающим фактором в деле запуска обсуждавшейся уже более 20 лет военно-административной реформы на Дальнем Востоке. Причем финальное обсуждение обоих вопросов происходило параллельно.

Проработка мер по усилению войск была завершена к середине лета 1882 г. В Докладе по Главному штабу от 31 июля 1882 г. констатировалось, что «предпринятые в последнее время Китайскою империею обширные вооружения вынудили нас, вслед за мирным окончанием переговоров о Кульджинском вопросе, обратить внимание на более соответственное обстоятельствам переустройство наших вооруженных сил на границе этого государства»[25]. Был разработан комплекс мер по усилению обороноспособности России на всем протяжении границы с Китаем, который предполагалось провести одновременно в Туркестанском, Омск. и Вост. Сиб. в.о.[26]. Планы усиления последнего разрабатывались в русле анучинских предложений 1880–1881 гг., однако их доработка характеризовалась заметными урезаниями по финансовым соображениям. В результате было решено Иркутский и Красноярский местные батальоны переформировать в 5-ротные резервные (кадровые), Троицкосавскую и Верхоленскую местные команды переформировать в лин. батальон, 2-й Вост.-Сиб. стр. батальон передислоцировать в Южно-Уссурийский край, перебросив на его место в Хабаровку из г. Николаевск 4-й Вост.-Сиб. лин. батальон. Оборонительные возможности Владивостока следовало усилить путем перевооружения более современной артиллерией уже существовавших батарей и строительства новых. Предполагалось также «снабдить винтовками Карле и патронами к ним население Южно-Уссурийского края, как казачье, так и крестьянское – для предоставления ему средств к самозащите от китайских бродяг и разбойников»[27]. Все эти меры были реализованы в том же 1882 г.[28].

---

[24] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 51–53.
[25] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 783. Л. 19.
[26] Там же. Л. 19–50.
[27] Там же. Л. 37 об.–50.
[28] Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Издается по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Д.Г.

13 апреля 1883 г. Д.Г. Анучин доносил, что ситуация очень серьезная и просил о немедленном усилении войск в Южно-Уссурийском крае путем создания 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. для обороны района зал. Посьета и о присылке для нее двух батальонов из Европейской России. Он обосновал необходимость изменения дислокации уже имевшихся на территории округа войск и настаивал на реализации хотя бы части предложенных им ранее мер. 3 мая 1883 г. П.С. Ванновский доложил императору всю сложность внешнеполитической, военной и управленческой ситуации на Дальнем Востоке, констатировав, что решение этих проблем находится в компетенции не только Военного министерства. Он убедил Александра III принять два решения. Во-первых, в виду настоятельной необходимости усиления войск Приморской области, немедленно провести небольшую часть предложенного Д.Г. Анучиным усиления войск Южно-Уссурийского края: довести 3-й и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальоны до 42-х рядного состава, отправив для этого 800 чел. морем из Европейской России, а 4-й Вост.-Сиб. лин. батальон немедленно перевести из г. Николаевск в окрестности зал. Посьета. Во вторых, образовать особое совещание из высших правительственных лиц для всестороннего обсуждения военного и политического положения «на прибрежье Великого Океана и в Приморском крае для выяснения предстоящих нам на этих окраинах Государственных задач, а также военных, гражданских и экономических мер для упрочения там нашего положения». Далее, в виду тесной связи общих политических задач и организации гражданского и военного управления регионом, разрешить обсудить в том же совещании «в главных основаниях», вопрос о преобразовании управления Восточной Сибири, с учреждением отдельного самостоятельного административного и военного центра для Приамурского края[29].

Уже на первом заседании 18 июня 1883 г. Особое Совещание, под руководством председателя департамента государственной экономии Государственного совета графа Э.Т. Баранова приступило к обсуждению вопроса об усилении войск Южно-Уссурийского края, которое было быстро одобрено как «настоятельно необходимое»[30]. В итоге, Высочайшим приказом от 30 октября 1883 г. было объявлено об усилении пехоты[31]. Кроме того, в Вост.-Сиб. арт. бриг. появилась новая – 4-я батарея, которая была окончательно сформирована лишь

Анучина. Т. I. Вып. II. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками округа за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления военного. Иркутск, 1884. С. 274–275.

[29] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 844. Л. 9–22 об., 39–52, 101–103.

[30] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856. Л. 94–104 об., 111–123 об.

[31] Сформированы 3 новых Вост.-Сиб. стр. батальона: №№ 1, 7–8. Новгородская местная команда, переформировывалась в Сучанскую, 1-й Вост.-Сиб. стр. батальон, расположенный в ур. Новокиевское, и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальон, перемещаемый туда же из г. Николаевск, переименовывались в 5-й и 6-й Вост.-Сиб. стр. батальоны. Так была сформирована 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг., со штаб-квартирой в ур. Новокиевское. В то же время 5-му Вост.-Сиб. лин. батальону был присвоен № 4, а Вост.-Сиб. лин. батальон № 5 сформирован вновь. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 844. Л. 262; ПВВ № 278 от 30 октября 1883 г. // Там же. Л. 268–269 об.; Приказ по войскам Вост. Сиб. в.о. № 182 от 3 ноября 1883 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1883 г. Иркутск, 1883.

в следующем 1884 г.[32] (См.: прил. 1).

Констатировав, что Приамурский край, включая побережье Японского моря, представляет для России большое политическое значение, а в будущем – возможно еще и экономическое, участники совещания перешли к обсуждению вопроса о преобразовании высшего управления Восточной Сибири, с учреждением отдельного самостоятельного административного и военного центра для Приамурского края, вызвавшем бурные дискуссии. Вопрос об административных преобразованиях рассматривался на двух заседаниях Особого Совещания (18 июня 1883 г. и 10 января 1884 г.[33]), 31 декабря 1883 г. – в Комитете Министров, и 26 мая 1884 г. – на заседании Государственного совета[34], где он и был окончательно решен. Вост. Сиб. в.о. с одноименным генерал-губернаторством предстояло разделить, создав на Дальнем Востоке территориально совпадавшие Приам. в.о. и Приамурское генерал-губернаторство.

Принятые меры оказались очень своевременными, т.к. китайские пограничные власти в 1882–1885 гг. развили совершенно несвойственную им активность по подготовке к войне, а до генерал-адъютанта А.Н. Корфа, назначенного Командующим войсками Приам. в.о. и Приамурским генерал-губернатором, доходили сведения, что англичане обещали Китаю содействовать занятию р. Тумень-Ула до самого устья, при условии, что он не будет противостоять их операции по занятию «Порта Гамильтон»[35].

Весной 1885 г. стало ясно, что проведенные военные приготовления будут полезны в случае военного столкновения не только с Китаем, но и с Британской империей. Уже в середине XIX в. мир стал настолько тесным, что в тех случаях, когда дело касалось великих держав, изменение внешнеполитической ситуации в одном регионе, влекло за собой изменения и во всех остальных. В 80-е гг. XIX в. это стало ощущаться достаточно остро, особенно когда речь шла о четырех наиболее выраженных узлах противоречий: Ближневосточном, Среднеазиатском, Дальневосточном и еще одном – в Юго-Восточной Азии. Поэтому начавшийся Мервский кризис 1885 г.[36] немедленно отразился на британской политике на Дальнем Востоке, наложившись на еще не решенный «Савеловский вопрос». При этом на дальневосточную политику Британской империи влияло большее количество факторов, чем на политику в этом регионе России. К 80-м гг. XIX в. продолжавшаяся уже

---

[32] Созданная таким образом 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг. прикрыла наиболее угрожаемый участок российской границы в районе зал. Посьета. 5-й (бывший 1-й) Вост.-Сиб. стр. батальон расположился в ур. Новокиевское, 6-й (бывший 4-й лин.) Вост.-Сиб. стр. батальон и 7-й Вост.-Сиб. стр. батальон расположились в посту Новгородском, а 8-й Вост.-Сиб. стр. батальон к 25 декабря 1883 г. находился еще «в стадии формирования временно в с. Никольском». Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 декабря 1883 г. СПб., 1883. С. 63.

[33] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856. Л. 94–104 об., 111–123 об., 323–339 об.

[34] Там же. Д. 853. Л. 94–99 об.

[35] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 13–13 об. Именно под таким названием вошла в историю группа островов Комундо, лежащая у южного побережья Корейского полуострова (34° с.ш., 127° в.д.).

[36] В отечественной и зарубежной литературе фигурирует под названиями: Мервский, Афганский, Гератский и Пендинский кризис 1885 г.

более 20 лет борьба Российской и Британской империй за стратегические позиции и рынки сбыта в Средней Азии сосредоточилась вокруг судьбы Мервского и Пендинского оазисов, ведь именно через них лежал кратчайший путь из Средней Азии в Индию[37]. Английские политики боялись, что эти территории попадут под российское влияние, могущее распространиться и на Индию, или, попав под контроль России, стать плацдармом для возможного удара по Британской Индии[38]. Поэтому продолжавшееся присоединение к Российской империи территорий в Средней Азии все более настораживало их.

31 января 1884 г. к России был официально присоединен Мерв. Русские войска находились уже на землях, непосредственно прилегающих к Афганистану, границы которого на этом участке, от персидских владений на западе до р. Аму-Дарья на востоке, не были точно определены. Великобритания попыталась остановить продвижение русских войск руками эмира Афганистана Абдуррахман-хана, который по требованию англичан отправил свои войска занять Пендинский оазис, куда направлялись русские войска. Русская и афганская армии расположились по левому и правому берегу р. Кушка. 18 марта 1885 г. афганская армия, при которой находились и английские офицеры, перешла на левый берег реки, что привело к Кушкинскому бою[39], результатом которого стало спешное отступление афганских частей к Герату. Теперь в Британском Форин офис всерьез опасались, что русские войска на достигнутом не остановятся и двинутся дальше[40]. Англо-русские отношения накалились до предела, и обе стороны признавали, что балансируют на грани войны.

В свою очередь, на Дальнем Востоке происходил еще ряд накладывавшихся друг на друга событий, существенно осложнявших ситуацию в регионе. Продолжалась Франко-китайская война 1884–1885 гг. из-за Вьетнама, которая оттягивала на юг значительные военные силы Китая[41] вплоть до подписания 28 мая (9 июня) 1885 г. Тяньцзинского мирного договора между Китаем и Францией, которым был признан французский протекторат над

---

[37] Подробнее см.: Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент, 1981. В этом классическом исследовании нет ни единого упоминания о дальневосточных отголосках этого кризиса и ситуации с занятием британским флотом «Порта Гамильтон» (Там же. С. 116–211). См. также: Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86–126; Шеманский А.Д. Бой на Кушке и его 25 летний юбилей 18/III 1885–18/III 1910 г. СПб., 1910. 80 с.; Тихомиров М.Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 168–172; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 153–185; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 3. М., 2018. С. 573–592.

[38] Подробнее см.: Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода на Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский Сборник: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга. М., 2018. Т. 26. С. 320–387; Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. … С. 86–126; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. арх. док. М., 2014. 359 с.

[39] Завоевание Средней Азии. Очерк Генерального штаба полковника А.Д. Шеманского // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 12. С. 178–184.

[40] Басханов М.К. Гератский кризис 1885 г. … С. 89.

[41] L'Affaire du Tonkin. Histoire diplomatique de l'etablissement de notre protectorat sur l'Annam et de notre conflit avec la Chine. 1882–1885. Paris, 1888. P. 1–170; Cordier H. Le Conflit entre la France et la Chine. Étude d'histoire coloniale et de droit international. Paris, 1883. 48 p.; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885. Cambridge, 1939. P. 86–100, 125–159. См. также: История дипломатии. Т. II. М., 1963. С. 226–232.

Вьетнамом[42]. Еще одним поводом для беспокойства британских политиков были ходившие с 1884 г. слухи о том, что Корея намекает России на желательность установления над ней протектората. Из-за японо-китайского противоборства внутриполитическая ситуация в этой стране менялась с невероятной быстротой, но когда корейские власти негласно предложили России закрепить «особый характер» отношений, Россия вежливо отказалась, заключив 25 июня (7 июля) 1884 г. с Кореей торговый договор и установив дипломатические отношения. Япония, еще не готовая в тот период к крупномасштабной войне с Китаем из-за Кореи, и боявшаяся вмешательства России, была вынуждена сесть с Китаем за стол переговоров[43]. Завершились они 6 (18) апреля 1885 г. подписанием Тяньцзинской конвенции, предусматривавшей обоюдный вывод войск в 4-месячный срок с территории Кореи. Причем ввести их снова можно было только «при потрясениях серьезного характера» внутри самого королевства и после предварительного письменного уведомления друг друга[44].

Итак, причин для беспокойства в марте 1885 г. у английских политиков хватало. Русские войска в Средней Азии могли не остановиться на достигнутом и начать угрожать Британским владениям в Индии. Россия имела реальную политическую возможность установить протекторат над Кореей, реализовав давнее желание и приобрести незамерзающий порт на Тихом океане для своего ВМФ в «Порту Лазарев» (Гензан) или в «Порту Гамильтон», создав тем самым угрозу крейсерской войны против английского торгового судоходства. Поскольку в 1861 г. уже был прецедент, когда русский флот попытался занять о. Цусима[45], угроза казалась вполне реальной. Россия могла присоединить часть территории Китая, войска которого в значительной степени были оттянуты во Вьетнам. Похожая ситуация наблюдалась в 1860 г., когда Цинская империя вела с Англией и Францией Вторую опиумную войну, а Россия, смогла договориться о вхождении в ее состав Южно-Уссурийского края.

Британским политикам действительно было чего опасаться, но для правильной оценки ситуации им не хватило информации. Точными данными о реальной численности русских войск в ргеионе они не располагали, а между тем их не хватало даже для защиты собственных территорий от одного Китая, не говоря уже о противодействии нескольким противникам или захвате новых земель[46]. Русский флот не был готов ни к крейсерской войне с Англией, ни к

---

[42] L'Affaire du Tonkin… P. 171–184; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 125–159, 172–187.

[43] Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., 1918. P. 9–12; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 73–85, 101–112, 160–171; Nahm A.C. Korea and the Tsarist Russia: Russian interests, and involvement in Korea, 1884–1904 // Korea Journal. 1982. No. 6. P. 4–8; Seung Kwon Synn. The Russo-Korean Relations in the 1880s // Korea Journal. 1980. No. 9. P. 26–34; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898): дис. … док. ист. наук. М., 2006. С. 116–152; Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М., 2013. С. 30–48; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 121–137; Договор с Кореей. 25 июня 1884 г. // Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). Варшава, 1906. С. 220–228.

[44] Convention of Tientsin. April 18, 1885 // Korea, treaties and agreements. Washington, 1921. P. 7–8.

[45] Подробнее см.: Болгурцев Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860–1861 гг.). Пекинский договор и Цусимский инцидент. Владивосток, 1996. 136 с.

[46] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1–16, 103.

занятию новых портов – денег едва хватало на финансирование плановых заграничных походов. И хотя в Морском министерстве с завидным постоянством строили планы по приобретению незамерзающего порта на Тихом океане, но, за исключением Цусимского инцидента, до 1898 г. подобные проекты дальше кабинетных обсуждений не шли[47].

В британском правительстве понимали, что дипломатическое давление на Россию будет малоэффективно. Оставалось пытаться договориться, готовиться к силовому решению, либо проводить обе линии одновременно. Выбрана была последняя стратегия. Как подметил Е.В.Г. Кирнан: «Трудность с Россией всегда была в том, где по ней можно ударить»[48]. Когда 28 мая (9 июня) 1885 г. первые слухи о русских притязаниях на Порт Лазарева достигли Лондона, реакцией лорда Нортбрука, первого лорда Адмиралтейства, на это известие была констатация факта, что в случае войны было бы достаточно удобно, если бы для атаки имелся какой-нибудь вражеский аванпост ближе, чем Владивосток[49].

Вести войну с Россией через территорию Афганистана или на Европейском ТВД Великобритания не могла. Первое было бы слишком накладно, а второе просто невозможно. Альтернативой являлся удар по русскому черноморскому или тихоокеанскому побережью. Оба варианта прошли апробацию в Крымскую войну 1853–1856 гг., но черноморский был предпочтительнее, т.к. его апробация оказалась успешной, в отличие от действий на Тихом океане, да и флота на Черном море, способного противостоять английскому, Россия не имела[50]. Ввод английских кораблей в Черное море и высадка десанта на кавказском побережье или действия против Одессы, вместе с возможными акциями Турции на Закавказском театре, стали бы серьезной проблемой для России. Однако эту угрозу удалось ликвидировать русским дипломатам, которые в апреле 1885 г. обратились к Германскому правительству с просьбой в соответствии с 3-й статьей русско-австро-германского договора 1881 г., продленного в 1884 г. еще на три года, воздействовать на Турцию с целью заставить султана соблюдать принцип закрытия проливов. Канцлер О. фон-Бисмарк, стараясь, чтобы Россия ни в коем случае не пошла на компромисс с Англией, мобилизовал для воздействия на Турцию не только Австро-Венгрию, но и не участвовавшую в договоре Италию. Подключилась к действиям и Франция, недовольная захватом англичанами Египта. В результате Черноморское побережье оказалось недоступным для Британской империи[51].

Оставался удар по дальневосточным владениям России, для чего требовалось наличие

---

[47] Подробнее см.: Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 175–202.
[48] Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 199.
[49] Ibid. P. 198–199.
[50] Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века… С. 195–196.
[51] Die Grosse Pilitik der Europäischen Kabinette. 1874–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 4. Berlin, 1922. S. 111–128. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.–Л., 1960. С. 123–124; История дипломатии… Т. II. С. 203–204; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С. 127; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии… 1981. С. 170–172.

выгодно расположенной военно-морской базы. Гонконг находился значительно южнее русских владений, а севернее у британского флота не было даже угольной станции. Тогда была реанимирована идея сэра Г. Паркса[52] образца 1875 г. о занятии «Порта Гамильтон», опираясь на который можно было действовать как по наиболее важным и уязвимым пунктам российского тихоокеанского побережья (Владивосток и зал. Посьета), так и по корейскому берегу, при попытке русских «приобрести там незамерзающий порт»[53].

Об этих проблемах в Хабаровке узнали 20 марта 1885 г., когда А.Н. Корф получил телеграмму начальника Главного штаба Н.Н. Обручева: «По сведениям министерства иностранных дел Лондонским Адмиралтейством предписано Английскому Адмиралу в Гон-Конге сделать все необходимые приготовления в виду возможной войны с Россиею»[54]. У него запросили и предположения по обороне Владивостока и других мерах, которые необходимо принять в Приморской области в случае разрыва с Англией[55]. 1 апреля ему сообщили Высочайшее повеление от 30 марта задержать на службе нижних чинов округа, которые подлежали отправке в запас. Нижних чинов срока службы 1879 г., отслуживших к 1 января 1885 г. 6 лет, оказалось всего 1.600 чел. Их и задержали на службе до конца июня 1885 г.[56].

Находящийся в Хабаровке А.Н. Корф запросил, что думает о необходимых мерах Главный командир портов Восточного океана А.В. Фельдгаузен и узнал, что часть мер уже приводится в жизнь без согласования с ним. 1 апреля, в Петербурге получили депешу А.Н. Корфа от 31 марта в которой тот сетовал, что управляющий Морским министерством без его ведома приказал А.В. Фельдгаузену ставить во Владивостоке минные заграждения, вооружать миноноски. «Такая двойственность власти не только с открытием военных действий, но даже при военных приготовлениях не может быть допущена без серьезного ущерба делу. Безусловно необходимо сухопутные и морские силы соединить в одних руках», – отмечал он. Для приведения во временную боевую готовность Владивостокских батарей требовалось более трех недель и до 50 тыс. руб. В случае угрозы разрыва следовало приостановить увольнение до двух тысяч отпускных, которое должно начаться в середине апреля[57].

1 апреля П.С. Ванновский приказал подготовить необходимые документы для представления всеподданнейших докладов по испрошенным кредитам, а деньги выделить не дожидаясь Высочайшего утверждения, что и было сделано. Параллельно управляющего Морским министерством запросили по поводу принятых во Владивостоке мер и «двоевластия,

---

[52] В 1865–1883 гг. британский посланник в Японии, с 1883 г. и до самой смерти 10 (22) марта 1885 г. британский посол в Пекине.
[53] Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 190–191; Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair // Korea Journal. 1982. No. 6. P. 20–22; Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton // Asian affairs. 1986. No. 3. P. 300–302; Hoare J.E. Britain and Korea: 1883–1983 // Korea Journal. 1984. No. 4. P. 5.
[54] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 1.
[55] Там же. Л. 2.
[56] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 176.
[57] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 4–4 об.

признав безусловно необходимым единовластие» Командующего войсками округа[58]. Однако И.А. Шестаков, ответил, что относительно обороны Владивостока Морским министерством сделано было лишь одно распоряжение[59], причем Главному командиру портов Восточного океана, предписано известить генерал-губернатора как о делаемых приготовлениях, так и о планируемых мерах, а чего-либо еще он «без ведома Морского Министерства не мог сделать, так как все подобные меры обусловлены ассигнованием сумм, зависящих от министерства». По ключевому вопросу И.А. Шестаков признал «совершенно правильным чтобы морские средства Владивостока находились в распоряжении Генерал-Адъютанта Барона Корфа», но без контроля за кораблями Тихоокеанской эскадры, действия которой направлялись непосредственно И.А. Шестаковым. Он же запрашивал: «Так как Англичане могут иметь целью только Владивосток, не найдете ли нужным, чтобы Генерал-Губернатор там и находился в это тревожное время?». Барона А.Н. Корфа поставили в известность о принятых решениях 7 апреля[60].

В день переписки между П.С. Ванновским и И.А. Шестаковым о единоначалии на Дальнем Востоке, в Петербурге получили и телеграмму А.Н. Корфа, отправленную 4 апреля: «Адмирал Фельдгаузен телеграфирует: “Английский адмирал вышел из Нагасаки с 3мя судами, надо рассчитывать, что к нему присоединится еще 9 судов, вероятно назначение их Владивосток. Адмирал Кроун уйдет в Славянку или другие близ лежащие бухты, чтобы иметь свободу действий. Внутренние рейды покрыты еще льдом, минные заграждения ставить нельзя, запретить войти на рейд нельзя… Прошу указания и подкрепления войск; необходимо иметь на русском острове батальон, чтобы защитить батареи, в смысле защиты положение беспомощное. Фельдгаузен”». Он же сообщил, что для обстрела входов в бух. Золотой Рог стоят всего 5 орудий (4 – со стороны Амурского залива), ассигнования на вооружение батарей получены, 1-й Вост.-Сиб. стр. батальон отправлен во Владивосток (прибудет 7 апреля), а остальным войскам приказано приготовиться к выступлению. «Существенно необходимо воспретить англичанам вход во Владивосток и Посьет, под предлогом заграждения минами. Англичане могут прибыть 7го; полагал бы запретить нашей линии передавать телеграммы английской эскадры»[61].

Адмирал А.В. Фельдгаузен ошибся. 2 (14) апреля 1885 г. командующему английской

---

[58] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 5, 6–6 об., 7–7 об., 8–9.

[59] Еще 28 марта А.В. Фельдгаузен, в ответ на сообщение информации о возможном конфликте с Британской империей и запрос справки о времени, необходимом для постановки минного заграждения, телеграфировал управляющему Морским министерством, что «минное заграждение трех линий и изготовление миноносок потребует две недели. Если положение дела угрожающее, прошу разрешения к вооружению» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 12). Указание начальника ГМШ вице-адмирала Н.М. Чихачева были достаточно оригинальные: «Можете ставить минное заграждение, но без торопливости, весьма тщательно; равно изготовляйте миноноски. О вооружениях известите Генерал-Губернатора, какие еще вооружения Вы предполагаете» Там же. Л. 12.

[60] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 10–11, 13.

[61] Там же. Л. 14–14 об.

эскадрой в Китае вице-адмиралу У. Доуэллу (W. Dowell) был отдан приказ: «занять Порт Гамильтон и доложить об исполнении», что означало принятие английским правительством решения о подготовке возможного удара по Владивостоку или району зал. Посьета. На следующий день адмирал ответил: «*Agamemnon*, *Pegasus* и *Firebrand* отправляются немедленно в Порт Гамильтон для занятия бухты. Флаг до получения дальнейших приказаний не поднимают, если не зайдут российские военные корабли»[62]. Поэтому британские корабли действительно вышли 3 (15) апреля 1885 г. из Нагасаки, однако взяли курс не на Владивосток, а на «Порт Гамильтон», куда и прибыли на следующий день – 4 (16) апреля[63]. Угроза нанесения удара по дальневосточным владениям Российской империи становилась вполне реальной. При этом, обороноспособность Владивостока была минимальна и вызывала опасения – береговой артиллерии, способной противостоять орудиям кораблей противника там не было, а отправленное из с. Раздольное подкрепление (1-го Вост.-Сиб. стр. батальон) могло прибыть во Владивосток вообще одновременно с неприятельской эскадрой. В этой ситуации противника попробовали обмануть, запретив ему вход во Владивосток под предлогом наличия минных заграждений, которые еще даже не начинали ставить.

5 апреля П.С. Ванновский распорядился запросить заключения Н.К. Гирса и И.А. Шестакова «относительно воспрещения англичанам входить в Владивосток и Посьет, и относительно непередачи анг. телеграмм по нашей линии», подготовить данные для представления императору, а также направить копии телеграммы во все заинтересованные Главные управления Военного министерства, что было сделано[64].

В ГМШ к предложению А.Н. Корфа отнеслись скептически. Полагая, что чтобы запретить англичанам вход в какую-либо бухту, надо быть готовым поддержать запрещение силой, что хоть как-то возможно во Владивостоке, но не в других бухтах побережья. «А потому не лучше ли не вызывать Англичан на какие-либо неприязненные действия вне Владивостока»[65]. Поэтому А.Н. Корфу телеграфировали о запрете английским военным судам входить на Владивостокский рейд и об объявлении им, что вход минирован, а также вопрос: «Не признаете ли удобный шаг при настоящих обстоятельствах быть ближе к Владивостоку»? Корф уточнил: «Если не послушают запрещения можно ли употребить оружие; нельзя ли распространить тоже на бухту Новгородскую, там большие склады провианта. Я давно бы был уже во Владивостоке если бы было какое-либо сообщение кроме телеграфного. Ожидаю дней через 12 вскрытия Уссури и надеюсь тогда как-нибудь пробраться»[66].

Реакция военного министра оказалась необоснованно жесткой: «Ген.-Ад. Барон Корф

---

[62] Gundry R.S. China and her neighbours. London, 1893. P. 272–274.
[63] Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton… P. 301–302.
[64] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 15, 16, 17, 18, 19.
[65] Там же. Л. 21–21 об.
[66] Там же. Л. 23, 31.

по-видимому опасается ответственности; в его положении надо иметь решимость; как понимать, что меры им принятые не могут иметь таких последствий, коль меры указаны Министром. Отвечать надо, что я ему указал цель и надеюсь, что Командующий войсками округа сумеет выбрать средства»[67]. При этом от ответственности стремился уйти именно П.С. Ванновский, поскольку попытка английского флота посетить под каким-нибудь благовидным предлогом Владивосток еще не могла рассматриваться как объявление войны, а МИД вообще не послал в Хабаровку ни одной телеграммы о состоянии русско-английских отношений. Это понял Н.Н. Обручев, оправивший на следующий день А.Н. Корфу четкие и однозначные инструкции по обороне побережья: на случай войны с Англией: «Защищать твердо только укрепленные пункты, кои, имея верки с крепостными орудиями и будучи усилены минными заграждениями, миноносками или другими судами, могут оказать сопротивление неприятельскому флоту. Остальные же пункты побережья не имеющие средств бороться с морскою артиллериею, охранять полевыми войсками лишь от неприятельских десантов, кои, по малочисленности сухопутных средств, едва ли могут быть произведены в сколько-нибудь значительных силах. […] запрещен и должен быть защищен вход в Владивосток…»[68].

Параллельно 6 апреля шла переписка по вопросу внешнеполитической ситуации поскольку у А.Н. Корфа не было никаких официальных данных о том, на сколько возможен и близок разрыв с Англией. Поэтому он телеграфировал П.С. Ванновскому только о закупке хлеба, вооружении батарей и задержании отпускных. При этом при небольших военных силах, «для приведения войск Уссурийского края в полный подвижной военный состав потребовалось бы более трех тысяч лошадей, много времени на покупку и привод их из Забайкалья и явилось бы большое затруднение в содержании их». Командующий войсками предлагал минимально необходимое число лошадей купить на месте и завести в войсках неформенных обоз, а также довести «до военного состава войска Хабаровские и Благовещенские; оружие, снаряжение, обмундирование имеется на все вышеуказанное число людей; также следует призвать части второй очереди Амурского казачьего войска». Военный министр распорядился немедленно подготовить всеподданнейший доклад об испрошении на эти нужды чрезвычайного сверхсметного ассигнования[69].

Корфу ответил Н.Н. Обручев: «Положение натянуто, но переговоры продолжаются. Кредиты на лошадей разрешены. С прибытием новобранцев кои готовы стать в строй, войск будет у Вас достаточно, ибо больших высадок ожидать нельзя. Призыв запасных может неблагоприятно отразиться на будущности края и привлечение поселенцев по этому Его Величество признавал бы эту меру крайнею. Благоволите предварительно телеграфировать

---

[67] Там же. Л. 31.
[68] Там же. Л. 33–34.
[69] Там же. Л. 25–25 об., 27–28

какой расход потребуется для призыва запасных, и их передвижение а также призыв с льготы казаков»[70]. Ознакомившись с последней депешей, Приамурский генерал-губернатор понял, что военном ведомстве слабо представляли себе ситуацию на Дальнем Востоке[71]. 9 апреля П.С. Ванновский доложил эту переписку Александру III, который «не изволил признать необходимым мобилизацию войск Приамурского военного округа, кроме уже сделанных распоряжений по артиллерии, обозу и Амурскому каз. войску. Остальное Его ВЕЛИЧЕСТВО одобрил»[72]. Далее копии со всех телеграмм отправили Н.К. Гирсу.

Телеграмму А.Н. Корфа о начале реализации развернутых указаний Н.Н. Обручева, в Петербурге получили 8 апреля. В тот же день генерал-майор А.А. Карганов сообщил в Главный штаб, что во Владивосток «эшелон новобранцев 777 человек: 61 женщин, 39 детей сегодня благополучно прибыли и сданы; в пути умер один новобранец»[73].

9 апреля, докладывая военному министру текущую ситуацию А.Н. Корф, предполагал распределить войска, назначенные в Южно-Уссурийский край для обороны Владивостока и наблюдения за десантами на п-ове Муравьеве-Амурского и западном побережье Амурского залива до берегов зал. Посьета и р. Тумень-ула. Последние два пункта он считал особенно важными «как по близости границы так и желанию китайцев владеть ими, как единственными выходами Маньчжурии к морю. Команды, находящиеся в Сучане, Ольге и Декастри будут отражать попытки десанта, иметь отступление внутрь края. Николаевск имеет слабо вооруженные батареи и двести человек команды и может воспрепятствовать невероятной попытке прорыва в Амур. С Сахалином всякие сообщения, даже телеграфные переговоры возобновятся не скоро. Объявление войны может не дойти особенно в Корсаковское, стараюсь сообщить Генералу Гинце приказание: по его усмотрению или противодействовать десанту или с каторжными удалиться в глубь острова. Все прочее пустынное побережье не может быть обороняемо»[74].

В Морском министерстве 4–5 апреля получили телеграмму А.В. Фельдгаузена, который просил разрешения заградить сфероконическими минами Герца восточный вход в прол. Босфор Восточный. О том, что «внутренние рейды покрыты еще льдом [и] минные заграждения ставить нельзя», он умолчал. Однако начальник ГМШ вице-адмирал Н.М. Чихачев посчитал эту меру преждевременной, поскольку на владивостокских складах хранилось всего 240 мин, ставились они быстро, и, по его мнению, их следовало приберечь на крайний случай. Только после согласования всех вопросов П.С. Ванновским и И.А.

---

[70] Там же. Л. 29.
[71] «Призыв запасных не может отразиться на переселенцах, – докладывал он, – так как в Забайкальской области переселенцев нет, а Амурские и Приморские запасные все из уволенных здесь от службы солдат; если число их в будущем уменьшится край ничего не потерпит». Там же. Л. 35–35 об.
[72] Там же. Л. 37–37 об., 38.
[73] Там же. Л. 35–35 об., 39.
[74] Там же. Л. 44–44 об.

Шестаковым, в ночь на 6 апреля совет А.Н. Корфа обмануть англичан был передан А.В. Фельдгаузену вместе с разрешением ставить мины Герца. К 10 апреля стараниями последнего сообщение о минировании Владивостока поступило консулам в Нагасаки, Шанхае, Сингапуре и Гонконге, а также посольствам в Пекине и Токио. К этому времени окончили лишь начатую 4 апреля постановку сетевого заграждения из гальванических мин в восточном проходе пролива, а покрытый льдом западный, заграждали до 24 апреля. К постановке сфероконических мин приступили только 11-го. Три из шести миноносок Владивостокского порта начали кампанию 9 апреля, а остальные – 12-го, но лишь 23-го завершилась подготовка всех 18 боевых мин Уайтхеда, и отряд стал пристреливать их[75].

Вскоре после этого морякам удалось, наконец, разобраться, куда делся британский флот, вышедший еще 3 (15) апреля из Нагасаки – командующий английской эскадрой в Китае вице-адмирал У. Доуэлл телеграфировал 30 апреля (12 мая) в Адмиралтейство: «Корабль российского Добровольного флота *Владивосток* посетил Порт Гамильтон 10 мая [н. ст. – *Р.А.*], пробыл 24 часа. Государственный флаг Соединенного Королевства поднят на острове. Образуемая [тремя вышеуказанными островами. – *Р.А.*] бухта минируется и производятся остальные оборонительные мероприятия»[76]. В июле 1885 г. английская пресса и дипломаты пустили в ход версию, что «Порт Гамильтон» занят британским флотом для «защиты» Кореи от посягательств России на порт Лазарева (Гензан) и от попыток установить российский протекторат над Кореей, причем вероятнее всего британцы сами верили в эти слухи[77]. Россия же на тот момент если и собиралась занимать какой-либо порт в Корее, то только в случае оставления «Порта Гамильтон» за Англией, а от подобных корейских предложений (если они вообще были), а равно предложений по защите Кореи в случае войны между Японией и Китаем, вежливо отказывалась[78]. По сведениям А.Н. Корфа, гиринские власти сосредотачивали войска на хунчунском направлении. Туда же подвозились и английские орудия, а британские инженеры начали проводить телеграфную линию от Тянь-цзиня на Гирин, намереваясь довести ее до Хунчуна[79]. Ситуация оставалась напряженной. Англия давила на Китай с целью окончательной передачи под ее контроль «Порта Гамильтон». В Китае же опасались, что Англия желает использовать его для конфликта с Россией в своих

---

[75] Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века… С. 191, 195.
[76] Gundry R.S. China and her neighbours… P. 274–275; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 191; Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair… P. 22; Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton… P. 302.
[77] Gundry R.S. China and her neighbours… P. 272–274; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 192–193, 197–198; Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton… P. 302–303.
[78] Seung Kwon Synn. The Russo-Korean Relations in the 1880s … P. 28–30. Подробнее см.: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898)… С. 153–219.
[79] Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956. С. 391–392.

интересах. Под давлением России и, отчасти, Японии, он отклонил требования Англии[80].

Владивосток был объявлен на военном положении. На береговые батареи ставились орудия, готовилась эвакуации жителей[81]. В начале апреля провели сосредоточение 1-й Вост.-Сиб. стр. бриг. к Владивостоку[82], 2-й – к зал. Посьета. Сосредоточились быстро, несмотря на распутицу[83]. Определенные приготовления к возможному военному конфликту с Британской империей, были предприняты и русским флотом[84].

15 апреля А.Н. Корф сообщил, что «вооружение Владивостока идет гораздо быстрее, чем возможно было ожидать, совсем готовых к бою вчера 15, завтра еще 15, к 21-му Бог даст все 45 орудий. Сильные ветры замедляют заграждение минами. Полевые батареи, войсковые обозы готовы; обе стрелковые бригады, 24 орудия, 5 сотен придвинуты к Амурскому заливу. Восемь орудий из Благовещенска в Хабаровку придут в навигацию. Посьетский отряд имеет провиант на 16 месяцев, патронов двойной комплект. Купленный в Японии хлеб ожидаю 20-го. Приготовлено к открытию 1400 мест больным. Местный Красный Крест вызван к деятельности». 21 апреля А.Н. Корф доложил П.С. Ванновскому: «Во Владивостоке минные заграждения, миноноски и суда полной боевой готовности, береговые батареи встретят неприятеля, вход в бухты залива Посьета Новгородскую, и Экспедиции заграждены и минированы, […] приведение Владивостока и Посьета в оборонительное положение окончено […]. Лед на Амуре тронулся; надеюсь дня через два выехать [в] Владивосток»[85].

Уже в пути, на ст. Графской его догнала телеграмма из МИДа «о возможности рассчитывать на мирный исход затруднений». Он тут же отменил сплав батарей из Благовещенска и Хабаровки в Южно-Уссурийский край и запросил одобрение П.С. Ванновского не приводить в исполнение распоряжений сопряженных с расходом, хотя бы и необходимых в случае военных действий. Последний сразу согласился[86]. В начале мая А.Н. Корф добрался до Владивостока, осмотрев по пути большую часть войск, расположенных в Приморской области от г. Хабаровка до г. Владивосток[87]. 9 мая он телеграфировал П.С. Ванновскому из Владивостока, что нашел их «в отличном состоянии, больных почти нет, дух превосходный… Обоз готов, вполне целесообразен. Во Владивостоке осмотрел батареи, работы окончены; входы в бухту заграждены минами, обстреливаются каждый 16 орудиями большого калибра. […] Положение Сахалина сильно озабочивает. Выезжаю туда 11-го на пять

---

[80] Gundry R.S. China and her neighbours… P. 275–283; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 192–207; Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair… P. 23–30; Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton… P. 302–305.
[81] Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток, 1910. С. 110–111.
[82] 1-й батальон – из с. Раздольное, 2-й – из ур. Анучино, 3-й и 4-й – из с. Никольское.
[83] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 49–49 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 37–38 об.; Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. С. 143.
[84] Подробнее см.: Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века… С. 175–202.
[85] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 49–49 об., 50, 54–54 об.
[86] Там же. Л. 55, 56.
[87] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 37–38 об.

дней, сдав командование войсками во Владивостоке Адмиралу Фельдгаузену, побережье Генералу Баранову. Признаете ли Ваше Высокопревосходительство мирный исход настолько вероятным, что я могу, оставаясь в телеграфном сообщении, отлучиться в более дальний настоятельно необходимый объезд края»? Корфу с одобрения Александра III ответили, что на Сахалин ехать можно, но не дальше[88].

Оценивая принятые меры в целом, Командующий войсками округа мрачно констатировал, что для снаряжения незначительного отряда в 8 стр. батальонов, 3 батареи и 6 сотен до состояния, позволявшего войскам оперировать лишь на небольших расстояния от их штаб-квартир, были израсходованы все местные средства Уссурийского края[89]. 3 июля 1885 г., уже в Хабаровке ему сообщили, что «Высочайше разрешено теперь же уволить запас из войск Приморской области задержанных на службе нижних чинов, если люди эти успеют воспользоваться перевозкою водою». При этом роспуск самих отрядов санкционирован не был[90]. Только в начале августа стало очевидно, что русско-английские переговоры продвигаются успешно, войны удастся избежать[91] и Н.Н. Обручев запросил А.Н. Корфа, о возможности роспуска отрядов[92]. 29 августа (10 сентября) 1885 г. был подписан окончательный протокол по разграничению русской и английской сфер влияния в Афганистане, несколько улучшивший отношения двух стран[93], и 9 сентября А.Н. Корф согласился на роспуск отрядов. 19 сентября мера эта была одобрена Александром III, что и сообщили 24 сентября А.Н. Корфу[94].

Однако угроза военного конфликта никуда не исчезла – оставалось решить затянувшийся пограничный спор с Китаем и добиться ухода британского флота из «Порта Гамильтон». Причем оба вопроса были теснейшим образом связаны между собой. 24 августа А.Н. Корф телеграфировал П.С. Ванновскому: «В Нингуту ожидают на днях китайского Генерала Учин-Цой, под предлогом его смотров стягивают войска… Генерал этот назначен председателем пограничной комиссии, которая должна была собраться для окончательного проведения нашей границы, но в этом году за поздним временем года не соберется, что за медленностью почтовых сообщений еще не известно ни Китайскому Правительству ни Генералу Учин-Цою. Знаю из достоверного источника, что Англичане обещали Китаю за непротиводействие занятию Гамильтона содействовать занятию Китаем Тюмень-улы до устья; […] продолжаю думать, что Китайское Правительство будет всевозможными путями

---

[88] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 57–57 об., 59.
[89] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 2.
[90] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 60–61.
[91] Подробнее см.: Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. Ч. II. СПб., 1886. С. 365–377; Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии… С. 179–207.
[92] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 64.
[93] Протокол от 29 августа (10 сентября) 1885 г. Об определении границы Афганистана от Ходжа-Салеха до Герируда // Афганское разграничение… Ч. II. С. 378–381.
[94] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 64. Л. 61, 67, 68–68 об., 69.

настойчиво добиваться выхода в Японское море, без которого развитие Маньчжурии не возможно и что было бы нам крайне невыгодно…»[95].

Таким образом, если отношения с Великобританией удалось урегулировать, то вопрос чем завершатся русско-китайские пограничные переговоры и начнутся ли они вообще, оставался открытым. Барона А.Н. Корфа по-прежнему настораживали поступавшие сведения о стягивании китайцами значительного количества войск к границам Южно-Уссурийского края. Более того, вопреки обычной практике источники почти не противоречили друг другу. Было очевидно, что Китай уже второй год готовится к военным действиям в этом районе, но ясности идет ли речь об обороне в случае нападения со стороны России или, наоборот, о подготовке к силовому решению пограничного спора, в Хабаровке не было.

24 января 1886 г. последовало Высочайшее разрешение на увольнение в запас из войск Приам. в.о. нижних чинов срока службы 1880 г. выслуживших к 1 января 1886 г. 6 лет, всего около 2.000 чел.[96]. Как оказалось, поторопились. 28 марта 1886 г. А.Н. Корф телеграфировал военному министру, что в 1 мая съедутся наша и китайская пограничные комиссии. «Председатель китайской Генерал Учинсай, тот самый, который заселял Манчжурию и поднял Савеловский вопрос, уже прибыл на границу. Перед выездом из Пекина, передал через Министра иностранных дел нашему послу свои взгляды, главный – отрезать нас от Кореи и проложить Манчжурии путь к морю, отобрав часть нашего посьетского участка, после признал это несогласным дополнительным договором, что сообщил китайскому правительству. […] Председатель нашей комиссии Генерал Баранов получил самую миролюбивую инструкцию, опытен в сношениях с китайцами, очень осторожен, но не знаю, удастся ли ему убедить Учинсая, в чем тот не захочет убедиться. Идти более на уступки против решения комиссии 1884 года невозможно»[97]. На следующий день ее копию направили в МИД А.Г. Влангали.

31 марта 1886 г. от А.Н. Корфа последовали некоторые уточнения по военным приготовлениям Китая в Маньчжурии, причем часть слухов ему удалось проверить через русского посла в Пекине, получив более-менее точные данные. Ванновский ознакомился с ними 1 апреля и распорядился отправить копии депеши в МИД и Морское министерство, а 1 апреля ее сообщили Александру III[98]. Предыдущую телеграмму императору сообщили только 7 апреля, разобравшись что за решение комиссии 1884 г. имел ввиду А.Н. Корф, и подготовив к этому времени доклад с двумя экстренными мерами по усилению войск округа на случай возможного пограничного конфликта с Китаем. Александр III написал: «Разделяю

---

[95] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 13–13 об.
[96] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 176–177.
[97] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 15–15 об., 21.
[98] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 167–168, 171–172 об.

высказанное мнение»[99].

Было решено: «Ныне же при разграничении нашем в Южно-Уссурийском крае в виду могущих возникнуть политических осложнений с Китаем, а также по случаю предстоящего сформирования в Приамурском военном Округе новых частей войск…

1) Задержать, впредь до особого распоряжения, на службе, во всех частях войск, управлениях и заведениях Приамурского военного Округа, нижних чинов срока службы 1880 года, чем не будет нарушен установленный законом срок действительной службы, который для войск сего округа определен в 7мь лет.

2) Ныне-же сформировать при войсках Харьковского военного Округа 5й Восточно-Сибирский линейный батальон […], с тем, чтобы формирование это исполнено было в течение настоящего Апреля месяца, – а в будущем Мае, батальон этот смог-бы быть отправлен из Одессы, на пароходах Добровольного флота кругосветно во Владивосток». Вторая мера требовала единовременного расхода в 404.300 руб., который отнесли на остаток от особого чрезвычайного кредита, ассигнованного в 1885 г. «по случаю политических осложнений в Средней Азии»[100]. Обе меры были реализованы в том же году.

Проверив все имевшиеся данные по «спорному» участку в районе зал. Посьета, в Азиатском департаменте МИДа к 3 апреля окончательно пришли к выводу, что в Пекине «правительство Богдохана никогда не заявляло открыто притязаний на сказанный участок, а лишь высказывалось в пользу необходимости проверить всю границу Южно-Уссурийского края до устья реки Тумень-Цзяна…». Поэтому начальнику Главного штаба сообщили, что «покуда не имеется достаточных поводов предполагать, чтобы Китайцы решились прибегнуть к какому-либо враждебному относительно нас действию…»[101].

Как во время Кульджинского кризиса 1879–1881 гг., отсутствие нормально организованной в странах Дальнего Востока разведки постоянно напоминало о себе. Военные, в том числе в Петербурге, вынуждены были довольствоваться отрывочными данными, непроверенными слухами и домыслами[102]. 22 апреля 1886 г. А.Г. Влангали направил П.С. Ванновскому (с просьбой передать Приамурскому генерал-губернатору) копию телеграммы русского поверенного в делах в Пекине Н.Ф. Ладыженского, который сообщал, «что Китайцы намерены будто-бы занять правый берег Тумыня с целью добыть путь к морю и отделить нас от Кореи. Переговоры ведутся с Кореей. […] Если Корейцы добровольно не согласятся, займут полосу силою. […] Не придавая безусловной веры этому слуху, считаю долгом, в виду важности его, донести о нем. С своей стороны должен присовокупить, что, при нынешнем

---

[99] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 17–18.
[100] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 176–177; РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 17–18.
[101] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 24–25.
[102] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 170–170 об.

настроении Китая, возможны всякие случайности и что не лишне заранее принять меры предосторожности». Военный министр написал на письме: «Хорошо, что мы принимаем меры; но беда что вновь формируемый батальон не будет отправлен ранее Августа месяца…». Корфу сообщили это с вопросом: какие он «полагает принять меры воспрепятствовать крайне невыгодному для нас стремлению китайцев»[103]?

27 апреля А.Н. Корф ответил П.С. Ванновскому, что стратегический обзор края с изложением плана кампании будет получен им около 10 мая. «Если будет признана возможность необходимости употребить силу, то признаю безотлагательно необходимым следующее: начало столкновения с Китаем можно ожидать всего вероятнее в Мае–Июне, а потому должно тотчас призвать забайкальских запасных, сосредоточив в Стретенске, что потребует месяц, а Приморских, Амурских успеется, когда более выяснится положение. Немедленно пеший батальон, две конные сотни и батарею перевести из Читы в Стретенск; теперь возможно сплавить полноводием, что гораздо дешевле, быстрее. Когда понадобится можно в неделю сплавить в Благовещенск, имеющий только кадровый батальон, дивизион артиллерии и две сотни, а находится в большой опасности, имея в нескольких верстах на нашем берегу 14/т[ыс]. враждебных манчжур, и на том берегу Айгун, соединенный хорошею дорогою с Цицикаром. Призвать вторую очередь пешего забайкальского отдела для замены Читинского гарнизона. Один батальон в Благовещенске. Теперь-же ассигновать, но расходовать только по особому приказанию, деньги на покупку подъемных лошадей, приблизительно в прошлогоднем размере […]. Вторую батарею мобилизовать тотчас».

Это давало возможность, оставив часть войск для обороны границы, собрать в Посьетском участке, «для вытеснения китайцев из Кореи, до трех с половиной тысяч штыков, 2 сотни, 8 легких и 8 горных орудий: цифры сами говорят о крайней настоятельности подкрепления. Казаки 2^{й} и 3^{й} очереди не надежны. Совсем нет офицеров. Вновь прошу присылки новых частей; если она теперь решительно невозможна, то по крайней мере – укомплектование из Европейской России до военного состава офицерами и нижними чинами всех частей округа и сформирование Уссурийской конной сотни и конно-горной батареи для которой орудия и запряжка имеются здесь. Здешние запасы и новобранцы пойдут на пополнение убыли и сформирование команд для охраны батальонных штабов и жителей»[104].

Предыдущую телеграмму А.Н. Корфа от 25 апреля в Военном министерстве получили уже после цитированной выше. Он сообщал, что пограничная комиссия выехала, на границе будет 6 мая. Сведения Н.Ф. Ладыженского желательно безотлагательно проверить в Сеуле (к чему он возможности не имеет), поскольку они важны и вызывают необходимость

---

[103] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 185–186 об., 187.
[104] Там же. Л. 203–204.

заблаговременно точно, твердо определить, что делать, если они оправдаются, с тем чтобы потом уже не отступать от принятого решения, чтобы не потерять лицо в глазах Китая. «При решении вопроса должно иметь ввиду, что война с настойчивым, упорным, трудно чувствительно уязвимым Китаем продолжится вероятно годы, потребует громадных расходов. С ничтожными силами, имеющимися в моем распоряжении, нельзя не только надеяться на быстрые успехи, но даже рискованно начинать войну. Тем не менее могут встретиться обстоятельства, на которые нельзя отвечать иначе как войною, или уронить значение Государства и уступчивостью усилить требовательность и заносчивость китайцев до того, что вооруженное столкновение сделается все-таки неизбежным. К таким обстоятельствам относится вооруженное нарушение Китайцами нашей границы. Что касается занятия Китайцами правого берега Тумыня, то он отдает Корею в руки Китая и значительно усиливает его против нас, так как затрудняет наши наступательные действия, всегда оставаясь на нашем фланге. […] Необходимо теперь же взвесить стоит ли из-за всего этого начинать войну, которую, впрочем, как я думаю, при всевозможных усилиях мы можем только отодвинуть на время, но избежать которой, не доказав Китаю нашей силы, невозможно. Если будет признана возможность, что кажется было бы весьма нежелательным, допустить занятие Китайцами правого берега Тумыня, то я полагал-бы, вовсе не затрагивая этого вопроса, игнорировать его, как совсем нас не интересующий. Если будет признано обратное, то […], предъявить ультиматум и затем выгнать Китайцев из Кореи силою, что надеюсь сделать даже имеющимися у меня силами, если только не дать переговорами время Китайцам усилиться и если я буду иметь ввиду скорый подход резервов. Дальнейшее будет зависеть от средств, которые я буду иметь и которые для успеха должны быть не малы. Прошу категорические указания: при нарушении границы отвечать-ли немедленно силою, при занятии Китайцами правого берега Тумыня что делать?»[105].

По прочтении этой телеграммы П.С. Ванновский написал: «1. что уступать китайцам что-либо из нашей территории не следует, почему и всякое вступление китайцев в наши владения (буде не послушают слов) должно быть отражено силою. и 2. что не следовало бы допускать китайцев и в смежную с нами территорию Кореи, но вытеснение оттуда китайских войск должно быть произведено не иначе, как с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения после посланного от Министра Иностранных Дел ультиматума»[106]. О чем 1 мая Н.Н. Обручев сообщил в МИД, с просьбой сообщить это мнение вместе с заключением Н.К. Гирса императору и дать А.Н. Корфу «полноценную инструкцию». Военный министр представил эту телеграмму императору 30 апреля, а Александр III написал на ней: «Я думаю, что у Корфа

[105] Там же. Л. 217–219, 222–223 об.
[106] Там же. Л. 211–211 об., 224–224 об.

от страха глаза велики и что в настоящую минуту Китайцы не намерены воевать». Тем не менее, часть «наиболее важных и неотлагательных мер» было решено выполнить[107].

На практике, вопреки опасениям, прагматизм победил амбиции и деятельность русско-китайской пограничной комиссии сразу пошла в мирном и рабочем ключе[108]. В результате, русско-китайские переговоры сравнительно быстро завершились подписанием 22 июня (4 июля) 1886 г. в ур. Новокиевское общего протокола[109]. В день выезда в столицу, 16 августа 1886 г., А.Н. Корф телеграфировал военному министру, что «пограничные переговоры заключены благополучно, остается обменяться планами, которые усиленно снимаются; окончат в конце месяца»[110]. В июне-октябре были подписаны протоколы-описания границ по участкам[111]. Примечательно, что во время работы комиссии, 2 августа 1886 г., состоялся первый в истории китайского ВМФ визит в Россию. Владивосток посетили 2 броненосца и 3 крейсера[112]. 3 октября 1886 г. руководитель русской делегации в пограничной комиссии И.Г. Баранов телеграфировал военному министру об успешном окончании проверки границы[113]. Таким образом, опасность русско-китайского пограничного конфликта была устранена.

После этого оставалось поставить все точки над i в русско-китайских отношениях по корейскому вопросу и добиться ухода британского флота из «Порта Гамильтон». Причем задачи предстояло решать именно в таком порядке.

2 (14) октября 1886 г. представители Китая и России Ли Хунчжан и Н.Ф. Ладыженский обсудили в Тяньцзине корейский вопрос и договорились «не изменять существующего положения Кореи и никогда не занимать территорию, принадлежащую этому королевству». Другими словами, Россия не собиралась принимать на себя протекторат над Кореей и претендовать на морскую базу на ее побережье. Китай же, в свою очередь, как показалось Н.Ф. Ладыженскому, обязывался не занимать ее своими войсками. Таким образом, Россия и Китай решили этот вопрос без участия Англии. Теперь основной задачей Российской и Дайцинской империй было удаление английского ВМФ из «Порта Гамильтон». Однако соглашение было устным – Ли Хунчжан включил в проект письменных нот упоминание о сюзеренитете Китая над Кореей, что для русского МИДа было нежелательным. Форин офис же хотел иметь на руках не устное заявление, а письменную ноту, с гарантиями от Цзунлиямыня. 24 октября (5

---

[107] Там же. Л. 224 об.–225, 230–239, 244–246.
[108] РГВИА. Ф.846. Оп. 1. Д. 83. Л. 33–33 об.
[109] Подробнее см.: Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи. СПб., 1888. Прил. 1. С. 3–8; Границы Китая: история формирования / Под ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 119–125; Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX–начале XX веков. М., 2014. С. 106–111.
[110] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 204.
[111] Границы Китая: история формирования… С. 120–124.
[112] Киселев Д.В. Бронепалубный крейсер «Цзиюань» // Морская кампания. 2011. № 6. С. 8–12.
[113] РГВИА. Ф.846. Оп. 1. Д. 83. Л. 47–47 об.

ноября) 1886 г. такой документ был получен[114].

На российскую сторону, сами того не ведая, встали британские адмиралы, в том числе командующий британским ВМФ в Китае вице-адмирал Р.В. Гамильтон (R.W. Hamilton), которые выступали категорически против как строительства военно-морской базы в крайне неудобном для этого «Порту Гамильтон», так и против каких-либо ударов по Владивостоку[115]. В результате британское правительство и Форин офис оказались под перекрестным дипломатическим давлением Китая, России, Японии и Кореи, сопровождаемым недовольством командования собственного ВМФ в китайских водах. В итоге, согласие на эвакуацию «Порта Гамильтон» было дано, т.к. Адмиралтейство нашло укрепление его гавани слишком дорогостоящим. 15 февраля (27 февраля) 1887 г. «Порт Гамильтон» был оставлен английским флотом[116]. Таким образом, угроза военного конфликта на территории Приам. в.о. и высадки десанта в окрестностях Владивостока была ликвидирована.

События 1882–1887 гг. имели большое значение для оборонной политики России на Дальнем Востоке. Хотя оба кризиса были успешно разрешены мирным путем, в сознании представителей военного, морского и дипломатического ведомств Британская империя и Китай надолго закрепились в качестве основной и наиболее вероятной угрозы российскому Дальнему Востоку. Это предопределило недостаточное внимание к военным реформам, внешней и внутренней политике Японии, а значит – и непонимание целей, задач и возможностей реализации этой политики, как на текущий момент, так и в перспективе, в т.ч. отдаленной. Суть спора 1883–1885 гг. между Японией и Китаем по Корее в Петербурге в полной мере не осознали. В результате переход Японии к активной внешней политике пропустили, Японо-китайскую войну спрогнозировать не смогли и к новому витку напряженности на Дальнем Востоке, начавшему раскручиваться в 1894 г., оказались совершенно не готовы.

2.2. Создание Приамурского военного округа в 1882–1884 гг.: мнения и решения

С окончанием Кульджинского кризиса 1879–1881 гг. внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке, казалось, нормализовалась, зато внутриполитическая ситуация в

---

[114] Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 394–395; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 166–169; Пак Б.Б. Новые материалы о соглашении Ли Хунчжана – Н.Ф. Ладыженского. 1886 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 125–148; Seung Kwon Synn. The Russo-Korean Relations in the 1880s … P. 34–36; Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair… P. 27.

[115] Nish I. Politics, Trade and Communications in East Asia: Thoughts on Anglo-Russian Relations, 1861–1907 // Modern Asian Studies, Vol. 21. No. 4 (1987). P. 672.

[116] Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair… P. 30; Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885… P. 207; Nish I. Politics, Trade and Communications in East Asia: Thoughts on Anglo-Russian Relations, 1861–1907 // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 672–673; Hoare J.E. Komundo–Port-Hamilton… P. 305; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 395–396.

Российской империи резко обострилась. Убийство императора Александра II 1 марта 1881 г. и восшествие на престол Александра III привели к смене руководства нескольких министерств и Государственного Совета. В результате расстановка сил в верхах империи изменилась кардинально. Лишился своих постов и полностью потерял влияние на дальневосточные дела главный многолетний лоббист интересов морского ведомства на российском Дальнем Востоке, фактически блокировавший проведение административно-территориальной реформы в регионе в любом варианте кроме перевода всего побережья и большей части Приморской области под контроль моряков, великий князь Константин Николаевич[117]. 13 июля 1881 г. на посту генерал-адмирала, главного начальника флота и Морского министерства его сменил великий князь Алексей Александрович[118], практически не интересовавшийся внутренней политикой. При этом 11 января 1882 г. в Морском министерстве сменился еще и управляющий – эту должность вместо адмирала А.А. Пещурова (управлявшего министерством с момента ухода С.С. Лесовского 23 июня 1880 г.) занял адмирал И.А. Шестаков. Таким образом позиции этого ведомства в обсуждении дел Дальнего Востока заметно ослабели. В 1881 г. Константин Николаевич потерял и пост председателя Государственного Совета, который возглавил великий князь Михаил Николаевич[119] – тоже представитель армейских кругов, участник нескольких войн и генерал-фельдцейхмейстер. МВД 30 мая 1882 г. возглавил граф Д.А. Толстой, не имевший отношения к дальневосточным дискуссиям прошлых лет[120].

Сменилось и руководство Военного министерства. 21 мая 1881 г. ушел в отставку Д.А. Милютин. На следующий день министром был назначен более пассивный и консервативный П.С. Ванновский. Начальником Главного штаба стал один из ближайших соратников бывшего министра – Н.Н. Обручев, являвшийся сторонником продолжения реформ и доведения до логического завершения некоторых уже начатых. Именно он, при смене в июне 1882 г. еще и начальника Азиатской части Главного штаба[121], обеспечил хоть какую-то преемственность политики военного ведомства, в том числе и в вопросе преобразования военного управления в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке. Впрочем, обсуждение последнего, в связи с указанными обстоятельствами, в 1881 г. тихо сошло на нет.

В начале 1882 г. в столицу вернулся из поездки в Сибирь и на о. Сахалин начальник

---

[117] Второй сын императора Николая I, младший брат императора Александра II.
[118] Четвертый сын Александра II и младший брат Александра III. Высшие и центральные государственные учреждения в России. 1801–1917. В 4 т. СПб., 2004. Т. 4. С. 203.
[119] Четвертый сын Николая I и младший брат Александра II.
[120] Высшие и центральные государственные учреждения в России… Т. 1. С. 22; Т. 2. С. 13; Т. 4. С. 105, 203.
[121] Там же. Т. 4. С. 37, 128, 130.

Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враский[122]. Он подготовил всеподданнейший отчет и настаивал на «необходимости образования отдельного, от Восточно-Сибирского, Генерал-Губернаторства на Амуре, и хотя собственно в видах тюремных – высказал по этому поводу: “что осуществление помянутого предположения действительно должно иметь обширные и весьма важные практические последствия для устройства и развития каторги на Сахалине и в двух других предназначенных для каторги местах: в Нерчинском горном округе и на Карийских промыслах…”». Центром нового генерал-губернаторства он предлагал сделать г. Благовещенск[123]. Выводы эти были поддержаны советом по тюремным делам, и доложены министру внутренних дел. Граф Д.А. Толстой, имевший достаточно смутное представление о предыдущих дискуссиях по данному вопросу, но осознававший весомость аргументов М.Н. Галкина-Враского, обратился напрямую к П.С. Ванновскому, коротко введя его в суть дела и изложив предложения начальника Главного тюремного управления[124].

С одной стороны, с учетом начавшегося в августе 1882 г. «Савеловского кризиса», в военном ведомстве эти предложения пришлись как нельзя вовремя. Вопрос об изменении в регионе системы военного и гражданского управления уже давно стоял на повестке дня. Было очевидно, что образованный еще в 1865 г., в ходе военно-окружной реформы, Вост. Сиб. в.о., в начале 80-х гг. XIX в., совершенно не отвечал требованиям времени. При этом, поскольку территория военного округа совпадала с территорией одноименного генерал-губернаторства, неудобства, связанные с руководством из Иркутска восточными окраинами России, сказывались и на военном, и на гражданском управлении. Увеличившаяся численность населения, постепенное хозяйственное развитие и возросшая стратегическая роль Приморской области все чаще требовали именно оперативного принятия решений. Последнее могло происходить на месте или при быстром получении соответствующих распоряжений из Иркутска, что было невозможно из-за крайне слабой степени развития транспортной инфраструктуры и постоянных перебоев в работе телеграфа.

С другой стороны, все предшествующие обсуждения этого вопроса происходили еще при предыдущем военном министре, поэтому П.С. Ванновский затребовал от Н.Н. Обручева справку и просчитанный проект того, в каком варианте всю эту реформу хотело бы видеть военное ведомство. Разработку этого вопроса и подготовку всего комплекса необходимых документов Главному штабу удалось завершить только в апреле следующего, 1883 г.[125]. К этому времени под руководством Н.Н. Обручева, на базе первого проекта создания Амурского

---

[122] Подробнее см.: Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. СПб., 1901. 50 с.; Он же. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского // Русская старина. 1901. Т. 105. № 1. С. 147–196.
[123] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 1–2.
[124] Там же. Л. 3 об.–4.
[125] Там же. Л. 6–35.

в.о., разработанного еще в 1876 г. при Д.А. Милютине и Ф.Л. Гейдене, был разработан новый проект изменения системы как гражданского, так и военно-окружного управления в регионе[126]. Концептуально он отличался от предыдущего включением Забайкалья в состав предполагавшегося к формированию на Дальнем Востоке нового военного округа. В деталях его пришлось переработать под новые реалии, существенно возросшую с 1876 г. численность войск, и заново просчитать все финансовые соображения, лежащие в основе реформы.

Изначально в Главном штабе проработали два варианта проведения реформы, которые Н.Н. Обручев и доложил П.С. Ванновскому: «1) При отделении При-Амурского края в самостоятельный административный район, все говорит в пользу присоединения к нему Забайкалья[127]. В этом случае вопрос об устройстве военного управления решается перенесением ныне существующего Восточно-Сибирского Военно-Окружного Управления на Амур (с некоторыми сокращениями в его штатах, а также и в штатах управления войск Приморской области) и организацией вышеуказанных Управлений для местных войск Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области. Но при этом потребуется значительный единовременный расход[128] на устройство помещений для Военно-Окружных Управлений в Благовещенске. Постоянные расходы по содержанию Военно-Окружного Управления на Амуре будут простираться до 124.794 и Управлений для местных войск губерний: Енисейской и Иркутской и Якутской области до 21.396 рублей, всего 146.190 р., по сравнению с ныне действующими штатами[129] менее на 20.176 р. Сбережение от упразднения управления Командующего войсками Амурской области[130] 10.949 р., от упразднения Амурской Инженерной дистанции 2.182 р.; всего 13.131 руб.

2) При отделении от Восточной Сибири только нынешних Приморской и Амурской области, явится необходимость в двух военно-окружных управлениях, одного на Амуре, а другого в Иркутске. При этом в виду: а) незначительности населения означенных областей, всего до 100/т[ыс]. душ обоего пола, б) того обстоятельства, что все почти войска При-Амурского края расположены в нынешней Приморской области и что образованное таким образом новое Генерал-Губернаторство представляет из себя нынешнюю Приморскую область, к которой присоединена Амурская с своим 40/т[ыс]. населением, оседлая часть которого живет вдоль рек Амура и Уссури, в) предположенного отделения Камчатки и Сахалина, что облегчит в известной степени Губернатора области долженствующей образоваться из Приморской и Амурской, казалось бы возможным преобразовать ныне

---

[126] Там же. Л. 6–66.
[127] Подчеркнуто П.С. Ванновским. – Р.А.
[128] На полях пометка П.С. Ванновского: «Мне кажется можно было бы сохранить название В[осточно] С[ибирского] округа». – Р.А.
[129] Военно-Окружное Управление (166.366 р.). – Прим. док.
[130] Присоединяется к Приморской. – Прим. док.

существующее Управление войск Приморской области в военно-окружное, возложив на губернатора новой области звание Генерал-губернатора по отношению ко всему краю имеющему отойти от Восточной Сибири и Командующего войсками При-Амурского военного округа. Центром новой области, Восточного Округа и Генерал-Губернаторства может быть Благовещенск или Хабаровка; при чем с точки зрения Военного ведомства выгоднее было бы иметь центр в Хабаровке. Расход на устройство дополнительных помещений для управлений гражданских и военных потребуется менее значительный, чем в первом случае, т.е. перенесении (с присоединением Забайкалья к Амурскому краю) Военно-Окружного Управления из Иркутска в Благовещенск и при необходимости сохранить при том звание Военного Губернатора и Командующего войсками для соединенных областей Амурской и Приморской. Постоянные штатные расходы по содержанию двух небольших военно-окружных управлений одного на Амуре, а другого в Иркутске, будут простираться до 199.225 р., расходы на содержание управления линейной бригады будут 14.434 р., весь расход будет 213.659 р., по сравнению с ныне действующими штатами Восточно Сибирского военного Округа более на 47.293 руб. Действительный расход уменьшится, если принять в расчет сбережения, которые получаются от упразднения управления Командующего войсками Амурской области 10.949 р.; от упразднения управления Командующего войсками Приморской области 15.890 р.; от упразднения Амурской Инженерной дистанции 2.182 р., от упразднения должности командира артиллерийской бригады через соединение его с Окружным артиллерийским управлением и Главного смотрителя провиантских магазинов в Приморской области 9.791 руб.; всего предстоит сбережений 38.812 руб.»[131].

2 мая 1883 г. основные положения этого документа сообщили Д.А. Толстому. Сам военный министр не был уверен в правильности такого решения, указывая, что нужно рассмотреть также вопрос о самостоятельном военном управлении о. Сахалин, более тщательно продумать состав формируемого на Дальнем Востоке округа исходя из стратегических соображений и рассмотреть, нельзя ли оставшиеся при его выделении территории Иркутского генерал-губернаторства поделить между Омским и Амурским в.о.[132]. Проблему в очередной раз пришлось обсуждать на Особом Совещании. Однако теперь весь процесс обсуждения и принятия решений контролировался Военным министерством, при молчаливой поддержке Министерства финансов и МВД. По всеподданнейшему докладу П.С. Ванновского от 2 мая 1883 г. Александр III согласился на формирование Особого Совещания по Амурским делам, причем разработка административных мер происходила одновременно с утверждением части мер сугубо военных[133].

---

[131] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 30 об.–35.
[132] Там же. Л. 6, 67–71 об.
[133] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 844. Л. 39–52.

Его председателем на этот раз стал председатель Департамента государственной экономии Государственного Совета Э.Т. Баранов, который хотя и являлся в большей степени представителем придворных кругов и входил в ближайший круг императоров Александра II и Александра III, но был генералом от инфантерии, т.е. изначально строил карьеру по линии военного ведомства. Причем о назначении Э.Т. Баранов узнал от военного министра[134]. Совещанию предстояло выработать комплексный ответ на потенциальную военную угрозу со стороны Китая. Именно военный фактор – высокая вероятность втягивания страны в вооруженный конфликт с Китаем, при неясной позиции Великобритании и опасения потери дальневосточных территорий, заставили власти перейти от более чем 20-летнего обсуждения проблемы реформы военного управления в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, к ее решению. Только военная угроза помогла осознать необходимость создания адекватной внешним угрозам системы, прежде всего, *военно-административного* управления[135].

В Особое Совещание вошли как министры, так и приглашенные эксперты, хорошо знавшие Дальний Восток[136]. Всем предварительно были разосланы для ознакомления необходимые материалы[137]. Разрешить предстояло два вопроса. Первый – фундаментальный: «В каких пределах могут быть признаны настоятельными и целесообразными, с общей государственной точки, те пожертвования и денежные затраты, на которые вызывается Россия изменением в последние годы политики Китая и усиленным развитием его средств в пограничных с нами частях Манджурии. Возможно ли относительно увеличения войск, флота и населения, идти нам на отдаленном побережье Великого океана в параллель с Китаем, или развитие их должно быть ограничено теми средствами, которые могут быть уделены

---

[134] П.С. Ванновский писал: «В виду изменившейся за последние годы относительно нас политики Китая, – энергически развивающего военные средства в Маньчжурии и развивающего свое положение вблизи наших границ, куда направляется значительная масса переселенцев и где сосредотачиваются войска, возводятся укрепления и новые города, Генерал-Губернатор Восточной Сибири признал наше положение […] затруднительным и даже опасным, ходатайствует о немедленном увеличении там числа войск и заявляет о настоятельной необходимости принятия и других мер к усилению положения на берегах Великого Океана, для ограждения достоинства и чести России». РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856. Л. 2–3 об.

[135] Тщательное изучение материалов РГВИА позволило в полной мере подтвердить выдвинутый ранее тезис, что в 1883–1884 гг. создавали в первую очередь именно систему военного управления, подстраивая под нее управление гражданское (Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.)… С. 111–112, 120–121), а не наоборот, как считалось ранее. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 227–264.

[136] В качестве постоянных членов на первом заседании 18 июня 1883 г. присутствовали: министр внутренних дел граф Д.А. Толстой, вице-адмирал С.С. Лесовский (занимал пост управляющего Морским министерством в 1876–1880 гг.), военный министр П.С. Ванновский, управляющий Морским министерством И.А. Шестаков, министр иностранных дел Н.К. Гирс, начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, начальник Главного интендантского управления Военного министерства генерал-лейтенант Н.Н. Скворцов, министр финансов Н.Х. Бунге, товарищ министра иностранных дел А.Г. Влангали, начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враский, директор Азиатского департамента МИДа И.А. Зиновьев, К.В. Струве; в качестве приглашенных экспертов генерал-майор В.Г. Золотарев, д.с.с. Попов, А.И. Кояндер и делопроизводитель генерал-майор Н.И. Петров. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856. Л. 111; Высшие и центральные государственные учреждения в России. 1801–1917. … Т. 1. С 46.

[137] Сначала, 4 июня 1883 г. – записка об изменении административного устройства Восточной Сибири (Записки и черновые письма участникам Совещания от 4 июня 1883 г. см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 856. Л. 36–46). Затем: карта Южно-Уссурийского края, копия с рапорта Д.Г. Анучина № 43 об усилении войск в Приморской области, извлечение из записки о Маньчжурии полковника Я.Ф. Барабаша, записка о положении и нуждах Южно-Уссурийского края и записка председателя Особого Совещания по Амурским делам. Там же. Л. 50.

государством, без особенного ущерба для политического могущества для него в Европе». Второй – практический: «Какие могут быть приняты меры, для улучшения нашего положения на берегах Японского моря и в Приамурском крае» в отношении администрации, войск, флота и колонизации Уссурийского края[138]. Наиболее сложным оказался вопрос об административных преобразованиях который, в итоге, обсуждали на двух заседаниях Особого Совещания по Амурским делам: 18 июня 1883 г., когда были согласованы основные вопросы, и 10 января 1884 г., когда решали вопрос о судьбе Забайкальской области, а затем и на заседании Государственного совета 26 мая 1884 г., когда решение о разделении Вост. Сиб. в.о. на Иркутский и Приамурский все-таки было принято.

Уже на первом заседании 18 июня 1883 г. придерживаться Высочайше утвержденной программы не стали, одобрив, как «настоятельно необходимое», усиление войск Южно-Уссурийского края. После этого, констатировав между делом, что «Приамурский край, включая в него принадлежащее нам побережье Японского моря, представляет для России высокое государственное значение в политическом отношении», а в будущем – возможно еще и торговом, и полностью проигнорировав весь глубинный смысл первого вопроса, участники Совещания перешли к обсуждению более сложного вопроса о преобразовании высшего управления Восточной Сибири, с учреждением отдельного самостоятельного административного и военного центра для Приамурского края, вызвавшего бурные дискуссии[139]. Большинство членов Особого Совещания поддержали создание Приамурского генерал-губернаторства и военного округа, но признали Приморскую область слишком большой по размерам, неоднородной в социальном, экономическом и военном отношении. Все это могло серьезно затруднить управление новым генерал-губернаторством и военным округом. Поэтому было предложено разделить ее на две самостоятельные области: Камчатскую (Камчатка, Сахалин и Командорские острова) и Уссурийскую (г. Владивосток и Уссурийский край). Оставшуюся же часть предполагалось присоединить к Амурской области. Таким образом, в новое генерал-губернаторство должны были войти: Забайкальская (областной центр – г. Чита), Амурская (г. Хабаровка), Уссурийская (г. Владивосток) области и отдельные управления на о. Сахалин (с. Александровское) и п-ове Камчатка (г. Петропавловск). Центром планировалось сделать г. Благовещенск, где уже имелись здания для размещения всего гражданского и военного управления.

Против этого решительно возражал И.А. Шестаков, считавший, что административным центром должен стать г. Владивосток, а само генерал-губернаторство – иметь прежде всего военно-морское значение. В качестве компромисса вопрос о выборе столицы будущего

---

[138] Там же. Л. 55–56 об.
[139] Там же. Л. 94–104, 111–123 об.

генерал-губернаторства решили оставить на усмотрение самого генерал-губернатора[140].

Граф Э.Т. Баранов доложил заключения Совещания, вместе с протестами И.А. Шестакова[141], императору, согласившемуся с мнением большинства[142]. Характерно, что ни журнал, ни заключения Совещания практически не содержат данных по формируемому военному округу – Венное министерство не было заинтересовано в обсуждении частностей с другими ведомствами. Военного министра и начальника Главного штаба интересовал только принципиальный вопрос о входящих в состав генерал-губернаторства и военного округа территориях, от чего зависел расчет штатов нового округа и все военное планирование на Дальневосточном ТВД. Принятое решение позволяло немедленно приступить и в сжатые сроки завершить детальную проработку всей необходимой документации.

Изначально предполагалось, что заседание 18 июня 1883 г. станет последним, т.к. его участникам вроде бы удалось прийти к соглашению по основным положениям реформы[143]. Поэтому журналы обоих заседаний были отпечатаны и разосланы во все министерства, и отправлены генерал-губернатору Восточной Сибири в г. Иркутск. Когда о его результатах узнал Д.Г. Анучин, он принял титанические усилия, чтобы воспрепятствовать включению в состав создаваемого Приамурского генерал-губернаторства и Приам. в.о. Забайкальской области. Не ограничившись протестами по линии каждого из министерств, он написал еще один «всеподданнейший отчет Генерал-Губернатора Восточной Сибири за 1882 год», целиком посвященный этому вопросу и направил его 12 октября 1883 г. императору, Э.Т. Баранову и министрам – участникам Совещания[144]. Упорно, но со старыми и неоднократно обсужденными в столице аргументами, он развивал мысль «о неудобстве включения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства». Александр III начертал на

---

[140] Там же. Л. 98 об.–104, 118 об.–123 об.

[141] «Заключение Совещания по IIму вопросу. 1. Образовать Приамурское генерал-губернаторство в составе трех областей: Забайкальской (областной центр г. Чита); Амурской (центр гор. Хабаровка) и Уссурийской (центр Владивосток) и двух отдельных управлений на остр. Сахалин (центр село Александровское) и в Камчатке (центр Петропавловск). 2. признав в принципе, что центром нового Генерал-губернаторства должен быть Благовещенск, предоставить окончательное решение этого вопроса соглашению Министров Военного и Внутренних дел с Управляющим Морским Министерством, с тем, чтобы принята была во внимание большая или меньшая стоимость размещения административных органов в различных пунктах края. 3. В видах скорейшего разрешения вопроса о переустройстве Управления Восточной Сибири предоставить Министру Внутренних Дел, по сношении с подлежащими Министрами, проектировать штаты новых четырех губернаторств и выяснить расход, потребный на осуществление этого предположения, с таким расчетом, чтобы, по предварительном рассмотрении этого дела Совещанием, представление по сему предмету могло быть внесено Министром Внутренних Дел в Государственный Совет в начале сессии текущего года. 4. При разработке проекта о новом административном Управлении Восточною Сибирью иметь в виду расширить власть губернаторов в такой степени, чтобы предоставить им достаточную самостоятельность, сообразно с характером предстоящей им организаторской деятельности и местными условиями, отличающимися большим разнообразием. Управляющий Морским Министерством не счел возможным согласиться с вышеприведенным заключением Совещания по настоящему вопросу, полагая более соответственным выделить из состава Восточной Сибири одну Приморскую область, о чем и представил, уже после заседания, особую записку, приложенную к журналу». Там же. Л. 102 об.–104.

[142] Там же. Л. 94–109.

[143] На заседании 24 июня 1883 г. вопросы административно-территориального деления уже не обсуждались. Там же. Л. 124–129.

[144] Там же. Л. 242–257 об.

документе: «Это надо еще раз обсудить в Комитете Министров», где его рассмотрели 31 декабря 1883 г. и постановили передать в Особое Совещание[145].

Отчет со всеми приложениями был немедленно отпечатан и разослан членам Совещания для ознакомления[146]. Было затребовано и объяснение от военного губернатора Забайкальской области и Командующего войсками в ней расположенными Генерального Штаба генерал-майора Л.И. Ильяшевича, находящегося в Петербурге. Представленная последним справка была написана на грани бюрократических приличий и уничтожала по пунктам все аргументы Д.Г. Анучина[147]. Справку тоже отпечатали и разослали.

Не менее бурную деятельность развил И.А. Шестаков, представивший 27 июня Александру III всеподданнейший доклад, в котором доказывал, что «на Уссурийский край и побережье нужно смотреть, не как на продолжение русских губерний, а как на заокеанское владение, как на возникающую колонию», что «твердо убежден, что край разовьется быстро, если будет вне общих государственных учреждений» и требовал на этом основании… «выделить Приморскую область из ведомства Министерства Внутренних дел и подчинить ведению Генерал-Адмирала, который вносил бы свои предположения в Комитет Министров и Государственный Совет». Документ вместе с царской резолюцией был отправлен Н.Н. Обручеву в Главный штаб[148]. По сути, управляющий Морским министерством, продолжая аппаратную войну в условиях внешней угрозы, фактически проводил вместо государственной линии антигосударственную, настаивая на трех тезисах: дайте флоту больше власти, дайте флоту больше денег и флот сам решит, что и как делать. При этом про опыт Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда моряки приняли решение вообще не заниматься обороной тихоокеанского побережья и отправили все корабли в Америку он не вспоминал.

Особое Совещание пришлось собрать на еще одно заседание, состоявшееся 10 января 1884 г. На него было приглашено еще больше знакомых с Дальним Востоком людей, в том числе и еще живые сподвижники Н.Н. Муравьева-Амурского: Н.П. Игнатьев и П.В. Казакевич. Все наиболее важные документы и в этот раз были отпечатаны типографским способом и заранее разосланы членам Совещания. При открытии заседания Э.Т. Баранов (председатель) «указал, что в настоящее время подлежат рассмотрению Совещания:

1) вносимая в Государственный Совет Министром Внутренних Дел записка об учреждении Приамурского генерал-губернаторства, согласно заключению о сем Совещания,

---

[145] Там же. Л. 244–254 об., 280, 413–413 об.
[146] Там же. Л. 278–283.
[147] Там же. Л. 284–287 об. «I. Генерал-губернатор заявляет, что *управлять Забайкальем* из Владивостока, или Благовещенска, – *немыслимо*, так как *два раза в году* генерал-губернатор будет отрезан от *Забайкалья*. Генерал-губернатор в настоящее время, ежегодно, два раза в год, отрезан от всего Амурского края и никогда, однако, не жаловался на это неудобство; напротив, находил даже, что выделять Амурский край в отдельное управление преждевременно». Там же. Л. 284.
[148] Там же. Л. 130–137 об.

изложенного в журнале, от 18 Июня прошлого года, удостоившегося Высочайшего одобрения, и

2) переданный из Комитета Министров, по Высочайшему повелению, всеподданнейший отчет Генерал-Губернатора Восточной Сибири за 1882 г., для обсуждения приведенных в оном возражений генерала Анучина противу включения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства»[149].

Начали со второго пункта, причем председатель сразу поставил вопрос ребром: признавать ли доводы Д.Г. Анучина «уважительными», или, с учетом данных Л.И. Ильяшевича, «Совещание признает необходимым остаться при прежнем своем решении»[150]? Затем он предложил высказаться тем, кого не было на заседании 18 июня 1883 г. Генерал-адъютант П.В. Казакевич «указал, что приводимый Генерал-Губернатором Восточной Сибири в годовом отчете за 1882 г. взгляд о неудобстве включения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства вполне сходится со взглядом графа Муравьева-Амурского, впервые возбудившего вопрос о необходимости образования Приамурского генерал-губернаторства, но с ограничением его одною Приморскою областью. Взгляд этот […] остается и ныне правильным, так как нельзя усмотреть тесной связи между Забайкальем и Приамурским краем и нет необходимости в соединении высшего управления этою громадною территориею в одних руках». После чего пустился в разбор экономических отношений и переселенческой политики, отметив под конец, что «следовало бы выделить из состава нынешнего генерал-губернаторства Восточной Сибири одну Приморскую область» и что он предоставит по этому поводу «особую записку»[151]. Стало очевидно, что переведенный на Балтийский флот в 1865 г. П.В. Казакевич оперировал данными, а в еще большей степени – личным служебным опытом, более чем 18-летней давности, крайне слабо представлял современную ситуацию на Дальнем Востоке и не ознакомиться с присланными ему заранее материалами, где на десятках страниц обосновывалась необходимость координации оборонительных мероприятий на всем Дальневосточном ТВД из одного центра и одним человеком.

Не менее оригинальным оказалось выступление поддержавшего его адмирала К.Н. Посьета, тоже не ознакомившегося с присланными ему документами. Заявлением: «Смотря на эту страну как на колонию, необходимо, по примеру других государств, владеющих колониями, прежде всего позаботиться о гражданском ее развитии, а не ставить на первый план интересы военные и политические…», он не только разом опроверг всю мировую практику колониального строительства, но и продемонстрировал абсолютную неосведомленность о текущей внешнеполитической ситуации в регионе, а в конце предложил

---

[149] Там же. Л. 323 об.–324.
[150] Там же. Л. 324–324 об.
[151] Там же. Л. 325–326.

создать на Дальнем Востоке 3 параллельные системы управления: гражданскую, военную и военно-морскую, причем с тремя разными центрами[152]!

После этого член Государственного Совета М.Е. Ковалевский, напомнил присутствовавшим, что «основная цель, достижение которой имеется в виду при образовании особого Приамурского генерал-губернаторства, – это улучшить административное управление этим обширным краем, для упрочения его за нами, при изменившихся отношениях к Китаю. Этому условию может удовлетворять только власть сильная, облеченная особым доверием и полномочием Верховной власти, – такою представляется только генерал-губернаторская власть. С другой стороны, хотя для усиления власти желательно, чтобы деятельность Генерал-Губернатора не раскидывалась на огромное пространство, и в этом отношении было бы выгоднее не включать Забайкалье в состав Приамурского генерал-губернаторства, но тем не менее решение этого вопроса должно быть поставлено в полную зависимость от военных и политических требований, которые в данном случае имеют первенствующее значение. Если по этим соображениям необходимо, чтобы на всем протяжении нашей границы от Забайкалья до Великого океана военная власть находилась в одних руках и не представляется возможным отделить там высшее управление военное от гражданского, то он присоединяется к прежнему постановлению Совещания о включении Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства…»[153].

Граф Н.П. Игнатьев, архитектор Пекинского договора 1860 г. и соратник Н.Н. Муравьева-Амурского, заметил, что обсуждал с последним это вопрос еще в 1860 г. и что «хотя граф Муравьев действительно имел ввиду удержать Забайкалье в составе Иркутского генерал-губернаторства, но это вызывалось побочными обстоятельствами временного характера…». После этого, обсуждать было по сути нечего. Министр внутренних дел А.Д. Толстой согласился, что «в случае же войны не может быть сомнений, что тут нужен один главнокомандующий; а если это так, то для обеспечения успеха, ему же должно быть вверено военное управление этим краем в мирное время…»[154]. Министр государственных имуществ М.Н. Островский тоже признал, «что в разбираемом вопросе на первый план должны быть поставлены интересы политические и военные», поэтому решающее значение должен иметь взгляд МИДа. Товарищ министра иностранных дел А.Г. Влангали поддержал позицию военного ведомства, указав на необходимость единства внешней политики на всем Дальнем Востоке, для чего недостаточно одних инструкций МИДа. Военный министр П.С. Ванновский отметил: «Взгляд Военного Министерства на военные операции в этом районе вполне разделяется генералом Анучиным и потому Военное Министерство и ныне остается при

[152] Там же. Л. 326–328.
[153] Там же. Л. 328–329.
[154] Там же. Л. 329 об.–330 об., 332–332 об.

высказанном им мнении о необходимости включения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства, для которого оно представляет единственно надежную базу и источник для ведения войны». Даже государственный контролер Д.М. Сольский полностью поддержал лежащие в основе реформы военно-стратегические соображения, продемонстрировав высокий уровень знакомства с темой. Оставшись в явном меньшинстве, И.А. Шестаков выступать не стал, а Совещание «положило: остаться при выраженном им в журнале от 18 Июня прошлого года мнении о необходимости включения Забайкалья в состав Приамурского генерал-губернаторства», и одобрило представление министра внутренних дел в Государственный Совет, указав на необходимость доработать некоторые частности[155].

11 февраля 1884 г. Э.Т. Баранов доложил о результатах Совещания Александру III, который начертал на докладе «согласен», а на журнале Совещания – «исполнить»[156]. Оставалось только провести реформу через Государственный Совет. На заседание 26 мая 1884 г. Соединенных департаментов Законов и Государственной экономии, для рассмотрения этого дела был приглашен, в том числе, и Н.Н. Обручев, хотя дискуссии по военным вопросам там уже не предполагалось[157] – в представлении МВД военная подноготная вопроса была прописана в максимально возможной степени[158]. Отзывы по этому делу министра финансов и государственного контролера были направлены ему 24 мая[159], вместе с «дополнительными бумагами по делу об учреждении Приамурского генерал-губернаторства»[160]. Однако, усилиями И.А. Шестакова, случился скандал. Опоздав на заседание Государственного Совета он «потребовал, чтобы военное губернаторство в Уссурийской области было соединено с главным командирством». Естественно, Н.Н. Обручев сразу выступил против, но управляющий Морским министерством категорически стоял на своем[161].

Этот рецидив аппаратной войны имел достаточно печальные последствия, но в первую очередь для гражданского управления регионом, поскольку в результате Государственный Совет отнесся к планам административных преобразований на Дальнем Востоке более осторожно. Забайкалье в состав Приамурского генерал-губернаторства все-таки вошло, а вот с расчленением Приморской области решили не торопиться. Ни Уссурийской области, ни, что намного хуже, «отдельных управлений» на о. Сахалин и п-ове Камчатка, предположенных

---

[155] Там же. Л. 332 об.–339.
[156] Там же. Л. 323, 342–344 об.
[157] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 76.
[158] Там же. Д. 856. Л. 416–427.
[159] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 78, 79.
[160] Комплект включал 4 отпечатанных типографским способом документа: «1) Копия журнала заседания Особого Высочайше учрежденного Совещания по Амурским делам 10 января 1884 г. 2) Копия с всеподданнейшего отчета Генерал-Губернатора Восточной Сибири за 1882 год. 3) Выписка из журнала Комитета Министров 13 декабря 1883 г., сообщенная Управляющим делами Комитета Министров Министру Внутренних Дел, от 21 декабря 1883 г. за № 2529. 4) Перечень преобразованиям и административным мерам по Приамурскому краю, совершенным и заявленным за время с 1880 по 1 октября 1883 года». Там же. Л. 81–99 об.
[161] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 280–281.

Особым Совещанием на заседании 18 июня 1883 г., так и не было создано[162].

Ошибки моряков исправляли почти до Первой мировой войны. Реорганизацию управления войсками на о. Сахалин А.Н. Корф начал пробивать сразу по прибытии на Дальний Восток в 1884 г. и ему это удалось. 27 ноября 1884 г., было положено обязанности начальника местных войск на о. Сахалин возложить на начальника острова, подчинив его непосредственно Командующему войсками Приам. в.о. При нем создавалось особое управление, в котором сосредотачивалась вся военно-административная деятельность на острове. Проект штата управления вступал в действие с 1 января 1885 г. К этому времени указанную структуру надлежало сформировать[163]. Таким образом, начальник о. Сахалин, по существу, исполнял две должности: по военному и по гражданскому ведомствам. Управление местных войск на о. Сахалин открыло свои действия 20 марта 1885 г., т.е. почти четыре месяца спустя после принятия нормативно-правовой базы[164]. В 1888 г. удалось ликвидировать явно лишнюю должность Владивостокского военного губернатора[165]. Однако, когда в 1886 г. А.Н. Корф инициировал проект гражданской административно-территориальной реформы, предусматривавшей выделение Камчатки из состава Приморской области и создание Камчатской области, Д.А. Толстой передал его «на благоусмотрение Государственного Совета»[166], который похоронил его более чем на 20 лет. Камчатскую область создали благодаря П.Ф. Унтербергеру только в 1909 г.[167].

Военная составляющая реформы 1884 г. практически не пострадала. 20 мая 1884 г. император утвердил «Положение Военного совета об образовании из Восточного Сибирского военного округа двух военных округов – Иркутского и Приамурского» со всеми необходимыми штатами[168]. При этом «мнение Государственного Совета» об учреждении Приамурского генерал-губернаторства Александр III утвердил почти месяц спустя – 16 июня 1884 г.[169]. Официально сведения о создании нового военного округа обнародовали 14 июля 1884 г.[170], а начать функционировать обе структуры должны были одновременно. Итак,

---

[162] Государственный секретарь А.А. Половцов в своем дневнике отмечал: «В соединенных департаментах обсуждение проекта Приамурского генерал-губернаторства. Неполнота сведений поразительна. Решено назначить генерал-губернатора (бар. Корфа), а уже ему предоставить подробное представление об атрибутах своей должности и в особенности территориально-административной перетасовке». Запись 26 мая 1884 г. // Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1. 1883–1886. М., 2005. С. 246.

[163] Высочайше утвержденное 27 ноября 1884 г. мнение Государственного Совета Об управлении местными войсками на острове Сахалине // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2549.

[164] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 28.

[165] Высочайше утвержденное 9 июня 1888 г. мнение Государственного Совета Об изменениях в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5316.

[166] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 126–157; 161–164.

[167] Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина. 17 июня 1909 г. // ПСЗ РИ III. Т. 29. № 32146.

[168] Высочайше утвержденное 20 мая 1884 г. положение Военного Совета Об образовании из Вост. Сиб. в.о. двух военных округов – Иркутского и Приамурского // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2245.

[169] Высочайше утвержденное 16 июня 1884 г. мнение Государственного Совета Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2324.

[170] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 101–101 об., 102–105.

следовало из «областей: Забайкальской, Амурской, Приморской, Владивостокского военного губернаторства и острова Сахалина образовать новый военный округ – Приамурский, подчинив все войска, военные управления и заведения, в названных местностях расположенные, Приамурскому генерал-губернатору на правах главного начальника военного округа»[171]. Наибольшее значение в военном ведомстве придавали именно Приам. в.о. Главную опасность видели в постепенно наращивавшем свои силы в Маньчжурии Китае, и в Британской империи – традиционном морском противнике России. Иркут. в.о. значение придавалось куда меньшее[172].

Поэтому все существовавшие военно-окружные управления Вост. Сиб. в.о. преобразовывались для создаваемого Приам. в.о., на территории которого оставалась основная часть войск упраздняемого округа. В Иркут. в.о. «по незначительности числа войск и хозяйственных операций» Военно-окружного совета было повелено не создавать, «а предоставить командующему войсками по делам военного хозяйства особые права…», что было приемлемо лишь в условиях сравнительно небольшого количества войск. Аналогичными соображениями руководствовались и при распределении финансирования округов[173]. При этом часть финансовой составляющей реформы была утверждена императорам только 8 июля 1884 г.[174].

В основе структуры Приам. в.о. лежала все та же типовая структура военных округов, разработанная еще в период 1863–1864 гг. Наиболее крупным отличием структуры военно-окружного управления Приам. в.о. было унаследованное от Вост. Сиб. в.о. отсутствие окружного инспектора военных госпиталей, обязанности которого так и остались возложенными на военных губернаторов Забайкальской, Амурской и Приморской областей[175]. Совмещение должностей Командующего войсками округа и генерал-губернатора, кроме очевидных плюсов в плане управления дальневосточными территориями, имело еще и существенный минус – нагрузка на лицо, исполнявшее обе эти должности, была очень большой, и постоянно росла по мере заселения и освоения края. Эту проблему с 1885 г. начали решать постепенным увеличением числа адъютантов при Командующем войсками

---

[171] Там же. Л. 101–101 об.

[172] История этого округа специально исследовалась в: Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Воен.-ист. журнал. 2014. № 12. С. 26–32. См. также: Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. 207 с.

[173] «Из 10000 руб., отпускаемых ныне в распоряжение командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, на усиление содержания чинов военно-окружного управления… назначить в распоряжение главного начальника Приамурского военного округа 7000 руб., а в распоряжение командующего войсками Иркутского военного округа – 3000 руб.». Высочайше утвержденное 20 мая 1884 г. положение Военного Совета Об образовании из Вост. Сиб. в.о. двух военных округов – Иркутского и Приамурского // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2245; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 101–101 об.

[174] Высочайше утвержденное 8 июля 1884 г. мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета О расходе на содержание учреждений Иркут. и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2354.

[175] Высочайшее повеление от 6 августа 1865 г. Об образовании Кавказского, Оренбургского и Сибирских военных округов // ПСЗ РИ II. Т. 40. № 42368.

Приам. в.о.[176] и чиновников особых поручений при генерал-губернаторе[177], что прослеживается и в дальнейшем[178].

Первым Приамурским генерал-губернатором и Командующим войсками Приам. в.о. стал генерал-адъютант барон Андрей Николаевич Корф, занимавший этот пост до самой смерти в 1893 г. Талантливый генерал, имевший опыт командования отрядами, крупными военными частями и работы в штабах военных округов после военно-окружной реформы, он обладал большим административным талантом и широкими познаниями в различных как военных, так и гражданских областях, а главное имевший невероятное чутье на подбор кадров. Он стал одним из лучших администраторов имперского периода на Дальнем Востоке. Единственный его недостаток как командующего войсками – отсутствие высшего военного образования, полностью компенсировался опытом и дельными сотрудниками[179].

Официально, деятельность нового военного округа и всех его управлений считалась открытой с момента прибытия на его территорию Командующего войсками округа, т.е. с 18 сентября 1884 г. когда добравшись до с. Боярское Забайкальской области, А.Н. Корф отдал свой первый приказ в новой должности[180]. Центром округа стал г. Хабаровка, где и расположился Окружной штаб и управления[181]. Окружному арт. управлению подчинялись окружные арт. склады[182]; Окружному инженерному управлению – инженерные дистанции[183]; Окружному военно-медицинскому управлению – полугоспитали[184], все местные войсковые лазареты[185] и войсковые больницы ЗКВ[186]; Окружному интендантскому управлению – прод. магазины[187]. Все чины аппарата военного управления созданного Приам. в.о., как отмечалось

---

[176] См., напр.: Высочайше утвержденное 1 июля 1885 г. положение Военного Совета Об увеличении числа личных адъютантов при Командующем войсками Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 5. № 3098.

[177] См. напр.: Высочайше утвержденное 5 ноября 1885 г. мнение Государственного Совета Об учреждении в Управлении Приамурского Генерал-Губернатора четырех должностей Чиновников особых поручений, сверх штата // ПСЗ РИ III. Т. 5. № 3254.

[178] Вообще, кадровый вопрос был одним из самых сложных на всем протяжении существования Приамурского военного округа. В силу Азиатского расположения, округ требовал наличия особых по уровню квалификации кадров, обладающих крепким здоровьем, обширными познаниями не только в военных, но и в «хозяйственных» областях и, желательно, владеющих восточными языками.

[179] Подробнее о биографии А.Н. Корфа см.: Корф Андрей Николаевич // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т.13. С. 210; Список генералам по старшинству. По 1 января 1892 г. СПб., 1892. С. 109.

[180] Он объявил, что вступает «в командование войсками Приамурского военного округа и в управление Приамурским Генерал-Губернаторством. Вместе с сим объявляю об открытии вышеназванных округа и Генерал-Губернаторства». Приказ по войскам Приам. в.о. № 1 от 18 сентября 1884 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1884 г. Хабаровка, 1884.

[181] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 84, 87.

[182] Читинский (г. Чита, Забайкальская область) и Хабаровский (г. Хабаровка, Приморская область) артиллерийские склады.

[183] Амурская и Владивостокская инженерные дистанции 1-го класса, находились в г. Хабаровка и Владивостоке соответственно. Там же. Л. 87.

[184] Читинский (г. Чита) и Хабаровский (г. Хабаровка) полугоспитали.

[185] Благовещенский на 100 кроватей (г. Благовещенск), Никольский на 115 кроватей (с. Никольское), при Уссурийском пешем казачьем полубатальоне АКВ (п. Камень-Рыболов), при Амурском пешем казачьем полубатальоне АКВ (ст. Михаило-Семеновская).

[186] «Для умалишенных» (г. Чита), Кударинская (ст. Кударинская), Акшинская (г. Акша), Шелопугинская (с. Шелопугинское). Там же. Л. 87 об.

[187] По данным на 1 июля 1885 г.: *1-го класса*: Благовещенский (г. Благовещенск), Николаевский (г. Николаевск), Новгородский (пост Новгородский), Хабаровский (г. Хабаровка), Мангугайский (ур. Барабаш), Владивостокский (г.

в его штате, «пользуются преимуществами службы, дарованными служащим Восточной Сибири»[188].

Характерными особенностями Приам. в.о. были огромная площадь[189], сильная меридиональная протяженность и наличие крупных островных территорий, прежде всего, Сахалина. Слабость транспортной инфраструктуры делала управление округом непосредственно из г. Хабаровка достаточно сложной задачей. Поэтому в новом округе была сохранена уже сложившаяся в Вост. Сиб. в.о. система, когда должность начальника местных войск области исполнялась ее военным губернатором. В результате непосредственное управление войсками в Забайкальской, Амурской и Приморской областях осуществляли военные губернаторы, которые по части военной подчинялись Командующему войсками округа, а по части гражданской – Приамурскому генерал-губернатору, т.е. одному и тому же лицу. Местные военные управления расположились, соответственно: Штаб войск Забайкальской области – в г. Чита, Управление войск Амурской области – г. Благовещенск, Управление войск Приморской области – г. Хабаровка[190].

В первые годы существования нового округа, в систему его управления вносили периодически различные изменения, необходимость в которых была следствием не только его экстренного формирования, но и специфики региона. Они касались, прежде всего, установленных для различных органов местного военного управления штатов, и права Командующего войсками округа и генерал-губернатора самому корректировать эти штаты по мере необходимости. Подвергались периодическим изменениям и штаты одного из важнейших, в условиях отсталости Дальнего Востока, военно-окружного управления – инженерного, где хронически не хватало кадров, выполнявших огромные по объему проектные и строительные работы[191].

Таким образом, в дискуссии военного и морского ведомств, верх одержала точка зрения первого, что в большей степени отвечало государственным интересам. Флота,

---

Владивосток), Никольский (с. Никольское) и Камень-Рыболовский (пост Камень-Рыболов); *2-го класса*: Читинский (г. Чита), Раздольнинский (с. Раздольное), Славянский (ур. Славянка), Анучинский (ур. Анучино) и Дуйский (пост Дуэ – на о. Сахалин); *3-го класса*: Стретенский (с. Стретенское), Троицкосавский (г. Троицкосавск) и Верхнеудинский (г. Верхнеудинск) продовольственные магазины. В дальнейшем их число и принадлежность к классу изменялись. Там же. Л. 87.

[188] Высочайше утвержденное 20 мая 1884 г. положение Военного Совета Об образовании из Вост. Сиб. в.о. двух военных округов – Иркутского и Приамурского // ПСЗ РИ III. Т. 4. № 2245; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 853. Л. 102–105.

[189] Колоссальные размеры округа и отсутствие развитой транспортной инфраструктуры обусловливали необходимость периодически выделять дополнительные средства чиновникам, чьи должностные обязанности были связаны с активными передвижениями. Так, например, Приамурскому окружному военно-медицинскому инспектору 5 июля 1885 г. «Военный совет разрешил отпускать разъездные деньги по 400 руб. в год». Высочайше утвержденное 5 июля 1885 г. положение Военного Совета Об отпуске Приамурскому Окружному Военно-Медицинскому Инспектору разъездных денег // ПСЗ РИ III. Т. 5. № 3115.

[190] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

[191] Высочайше утвержденное 16 ноября 1885 г. положение Военного Совета Об изменении в штатном составе Приамурского Окружного Инженерного Управления и подведомственных этому Управлению инженерных дистанций // ПСЗ РИ III. Т. 5. № 3287.

сопоставимого по силе с британским, у России на Тихом океане не было ни тогда, ни в дальнейшем. Интересы же Морского министерства, категорически настаивавшего на развитии флота и необходимости «морского» управления, никогда не простирались далее прибрежной полосы с удобными бухтами и якорными стоянками, в то время как начальнику Дальнего Востока предстояло, прежде всего, управлять огромными сухопутными пространствами и готовиться к войне именно на сухопутном ТВД, пусть и включающем в себя морское побережье. Все эти вопросы, в т.ч. и сугубо оборонительные, как показал опыт подготовки к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Дальнем Востоке, всецело находились за рамками компетенции, возможностей, а главное – понимания Морского министерства.

Решающее значение в деле создания Приам. в.о. сыграл внешнеполитический фактор. Угроза войны на Дальнем Востоке с Китаем, при высокой вероятности вмешательства в конфликт Британской империи, требовала молниеносных (по российским меркам) действий и заставила административный аппарат Российской империи работать значительно быстрее и слаженней чем обычно. В результате новый военный округ и генерал-губернаторство были созданы всего за полтора года, при предшествующих 20-летних дискуссиях. Сама адаптация структуры военного управления, ее утверждение и внедрение производились в экстренном порядке и шли лишь с незначительным запозданием относительно произведенного Военным министерством увеличения численности войск в регионе. Ключевым же является то, что округ изначально формировался в расчете на возможные военные столкновения с Китаем и Великобританией в отличие, например, от Иркут. в.о. Это наложило серьезный отпечаток на всю систему военного управления.

В целом преобразование военно-окружной системы на Дальнем Востоке было проведено достаточно удачно. Включение в состав Приам. в.о. Забайкалья сыграло огромную положительную роль в 1900 г., когда для организации обороны русско-китайской границы, а затем и проведения Китайского похода 1900–1901 гг., координация действий на всем Дальневосточном ТВД из единого центра оказалась жизненно необходимой. Границы Приам. в.о. оставались неизменными до 1906 г., когда для удобства подавления революционных выступлений Забайкальская область из него была выведена, что сразу породило проблему координации военного планирования для Дальневосточного ТВД. Заложенная же в Приам. в.о. концепция благополучно просуществовала до 1918 г. Более того, система управления Приам. в.о., несколько раз разворачивалась на случай ведения боевых действий в штаб военного отряда (в 1895, 1900 и 1904 гг.), как это изначально и предполагалось при проведении военно-окружной реформы, что в русской армии было явлением крайне редким.

2.3. Совершенствование военно-административной системы Приамурского военного округа: проблемы и решения

Несмотря на почти 20 лет предшествующего обсуждения, само создание Приам. в.о. в 1884 г. происходило в условиях кризисной ситуации, экстренным порядком. В результате, при разделении Вост. Сиб. в.о. и генерал-губернаторства, новую систему военно-окружного управления фактически наложили сверху на уже существовавшую систему управления дальневосточными территориями. Последняя формировалась в течение длительного времени, имела ряд особенностей, в том числе в вопросах военного управления, которые при создании округа не были учтены в полной мере. В результате, хотя в основу структуры Приам. в.о. была положена типовая структура системы военно-окружного управления, с рядом частных изменений, унаследованных от Вост. Сиб. в.о., на практике она быстро вступила в конфликт с созданной ранее системой военного управления Приморской областью. Оказалось, что функции двух систем просто дублировались, что приводило к серьезным сбоям в работе.

В Главном штабе обратили внимание на эту ситуацию, но уже после создания округа, а не на стадии проработки вопроса. 22 августа 1884 г. Н.Н. Обручев запросил Командующего войсками Приам. в.о., не найдет ли он своевременным возбудить ходатайство об отмене принятых в 1880 г. для начальствующих лиц Приморской области, «вследствие бывших осложнений на Китайской границе», особых прав по военно-административному управлению этой областью, поскольку с образованием Приам. в.о. главное местное управление перенесено в г. Хабаровку, т.е. Приморскую область, а «поэтому сама собою исчезла главная причина, вследствие которой начальству этой области необходимо было пользоваться исключительными правами, именно отдаленность области от Иркутска, где тогда имел местопребывание Главный Начальник Восточного Сибирского военного округа»[192].

28 декабря А.Н. Корф согласился, однако Н.Н. Обручев ответил, что необходимо войти «с ходатайством в установленном порядке, причем выяснить порядок подчинения стрелковых бригад Командующему войсками округа, а также высказать мнение на счет содержания Начальника Штаба области и офицеров Генерального Штаба»[193]. Это требовало серьезной проработки вопроса и подготовки на месте цельной программы военно-административных преобразований, направленных на очищение системы военного управления регионом от военно-административных рудиментов, оставшихся от предыдущих эпох, и лучшей адаптации военно-окружной системы к местным условиям. «Только что вступив тогда в управление округом и не будучи еще достаточно хорошо знаком с потребностями вверенного мне края, – писал А.Н. Корф, – я отложил представление по уже упомянутому вопросу до тех

---

[192] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1–1 об.
[193] Там же. Л. 1 об.

пор, пока не буду вполне основательно ознакомлен с местными условиями жизни края»[194].

Проект военно-административных преобразований разрабатывался в округе параллельно с программой усиления войск, и был направлен военному министру 10 июля 1886 г. (получен 19 сентября), и представлял собой уже достаточно хорошо разработанный комплекс мер. Барон А.Н. Корф писал, что вследствие Высочайшего повеления от 24 апреля 1880 г. Командующий войсками Приморской области пользовался властью командира неотдельного корпуса, имея право распоряжаться всеми находящимися в области войсками, учреждениями и заведениями военного ведомства. Следовательно в его непосредственном подчинении находились почти все военные средства Приам. в.о. Получалось, что по всем существенным вопросам «отделы Военно-Окружного Управления не имеют прямых непосредственных сношений с подведомственными им местами и лицами, а должны все свои предписания передавать через Командующего войсками Приморской области, в Управлении которого, таким образом, как бы концентрируются все распоряжения, исходящие от разных отделов Военно-Окружного Управления и уже оттуда распространяются по войскам, Управлениям и заведениям или крайне медленно или даже не в том виде, в каком распоряжения эти исходят от высшего начальства. Такое Управление войсками является совершенно лишнею промежуточною инстанциею, которая не только не приносит никакой пользы, но служит еще препятствием к быстрому приведению в исполнение распоряжений высшего военного начальства…».

Совмещение должности военного губернатора и звания Командующего войсками было невыгодно и в гражданском отношении, т.к. обязанности, лежавшие «на Военном Губернаторе Приморской области по части гражданского управления настолько обширны, что одному лицу очень трудно исполнять кроме их и обязанности Командующего войсками в области расположенными. Эти обязанности станут еще сложнее, когда с перемещением Военного Губернатора Приморской области во Владивосток, на него же перейдут права и обязанности Военного Губернатора города Владивостока».

Поэтому А.Н. Корф предлагал, сняв с военного губернатора Приморской области права и обязанности, предоставленные ему в апреле 1880 г. и звание Командующего войсками в этой области, оставить ему только права по заведованию выделяемым из состава Амурского казачьего войска населением Уссурийского пешего полубатальона на правах наказного атамана. В отношении же дислоцировавшихся в области регулярных войск – власть, соединенную со званием военного губернатора, создав для этого при нем небольшую канцелярию, а Управление войск Приморской области – упразднить. Обязанности по заведованию местными войсками и линейными батальонами, лежавшие на начальнике штаба,

---

[194] Там же. Л. 1 об.–2.

передать учреждаемому губернскому воинскому начальнику, а должность начальника Владивостокского гарнизона, обязанности которого вполне возможно передать старшему военному Начальнику, расположенному в городе – упразднить. «В виду же предполагаемого перемещения Военного Губернатора в помянутый город и учреждения там же вновь должности Губернского воинского начальника вышепомянутые обязанности можно передать тому или другому начальнику по усмотрению».

В результате, из всех войск, находящихся в Приморской области и соединенных в крупные тактические единицы: Вост.-Сиб. стр. бриг. будут подчинены непосредственно Командующему войсками округа, Вост.-Сиб. арт. бриг., командира которой оставить при его прямых обязанностях, сняв с него временно присвоенные ему права по заведованию вообще арт. частью в области – Командующему войсками округа через начальника артиллерии. Аналогичным образом поступить и с другими специальными войсками, управлениями и заведениями (саперная рота, крепостная артиллерия, арт., интендантские и медицинские заведения и учреждения), поставив их «в прямые отношения к начальникам соответствующих отделов Военно-Окружных Управлений». Остающиеся, затем местные команды, Вост. Сиб. лин. батальоны и конные сотни подчинить особому губернскому воинскому начальнику с правами и обязанностями начальников дивизий, не входящих в состав корпуса, подчинив его Командующему войсками округа. На этого же начальника возложить все обязанности по заведованию местной службой в области, придав ему управление однотипное с управлениями губернских воинских начальников тех сибирских губерний, где нет уездных воинских начальников.

При таких преобразованиях должно было остаться еще 16 тыс. руб. экономии, относительно ежегодных постоянных расходов, на которую А.Н. Корф предлагал добавить:

1. Второго штаб-офицера Генерального штаба для особых поручений при Командующем войсками округа. Оба в военное время станут начальниками штабов действующих отрядов.

2. В Окружной Штаб добавить еще одного старшего адъютанта Генерального штаба, для заведования инспекторским и мобилизационным отделениями, т.к. делопроизводство в штабе вследствие непосредственного подчинения бригад Командующему войсками округа неизбежно увеличится.

3. Для делопроизводства по делам военно-административным и хозяйственным, поступающим к Командующему войсками округа мне через наказных атаманов от войсковых правлений казачьих войск округа, образовать при Окружном штабе особое казачье отделение по штату, «составленному применительно к штату такового же отделения при Главном Управлении Восточной Сибири, существовавшего до 1875 года. […]. По недостаточности

штата Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, где всего семь чиновников, все казачьи дела Округа сосредоточены в Окружном Штабе Приамурского военного округа и чрезмерно обременяет все отделения помянутого Штаба. Окружному Штабу, при существующем составе онаго, положительно невозможно справляться со всеми казачьими делами, тем более, что большинство этих дел не имеет чисто военного характера, и суть скорее дела гражданские, требующие для удовлетворительного разрешения специальных знаний лиц компетентных».

На оставшиеся 9 тыс. руб., А.Н. Корф предлагал назначить Командующему войсками Амурской области 1 тыс. руб. столовых в добавок к содержанию, получаемому им по должности военного губернатора Амурской области, а остальные 8 тыс. руб. – на формирование во Владивостоке войскового правления Уссурийского казачьего войска»[195].

21 октября П.С. Ванновский наложил на этот рапорт резолюцию: «С основною мыслью я согласен. В подробностях надо обсудить как и что принять или изменить для наилучшего хода дел…»[196]. Переписка между различными управлениями Военного министерства, продолжалась до апреля 1887 г.[197], когда А.Н. Корф подал очередное ходатайство, запросив дополнительно «учреждение должности помощника Командующего войсками округа»[198]. 29 апреля ему сообщили, что военный министр ходатайству хода не дал, поскольку «должности Помощника Командующего войсками по закону полагаются лишь в тех округах, где главное начальствование принадлежит Особам Императорской фамилии»[199].

Оба рапорта А.Н. Корфа примечательны тем, что в них речь идет о подчинении дислоцировавшихся в Южно-Уссурийском крае войск напрямую ему, без каких-либо промежуточных инстанций. Именно этот вопрос вызвал больше всего дискуссий. С вариантом А.Н. Корфа не согласился Н.Н. Обручев, указавший на совещании 3 июля, «что управление Командующего войсками Приморской области является готовым отрядным органом для военного времени: окружной штаб будет ведать общими операциями, а штаб Приморской области операциями в Южно-Уссурийском крае». Поэтому он «полагал неудобным изъять из подчинения Командующего войсками области стрелковые бригады, так как войска и в мирное время должны знать своего отрядного начальника и быть у него в руках»[200]. Если

---

[195] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 2–5 об.
[196] Там же. Л. 1 об.
[197] Указанную переписку см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 6–30.
[198] Причины были достаточно веские: «Весьма частые и продолжительные мои отлучки из Хабаровки, вызываемые необходимостью объезжать обширный вверенный моему управлению край, останавливают на это время деятельность Военно-Окружного Совета, что очевидно, крайне неудобно, особенно при весьма медленном вообще течение дел, вследствие обширности Приамурского военного округа и крайней неудовлетворительности путей сообщения». Помощник, в случае отсутствия А.Н. Корфа председательствовал бы в Военно-окружном совете, а в военное время его можно было назначить для командования войсками в Южно-Уссурийском крае, представляющем самостоятельный ТВД. Там же. Л. 31–32.
[199] Там же. Л. 33–34.
[200] Там же. Л. 80 об.–81, Л. 69–69 об.

первоначальные предложения А.Н. Корфа были в большей степени ориентированы на ситуацию мирного времени, то Н.Н. Обручев справедливо указал, на неудобство предложенного административного решения в военное время. Мобилизация войск Приам. в.о. весной 1895 г. показала, что замечание было исключительно дельным. Записку с развернутой критикой проекта направили 24 июня А.Н. Корфу. Он вернул ее 29 июня, а 7 июля отправил Н.Н. Обручеву краткую, но точную критику. Последний ознакомившись с ней, назначил совещание в Главном штабе, где вопрос обсудили уже непосредственно с А.Н. Корфом[201].

На совещании 9 июля 1887 г. был разработан новый, компромиссный проект устройства управления войск Приморской области, максимально учитывавший мнения всех сторон. Его изложили в проекте докладной записки, однако Н.Н. Обручев не успел с ним ознакомиться до отъезда в отпуск, и ее представление П.С. Ванновскому пришлось отложить до сентября[202]. В этом документе отмечалось, что в случае войны на Дальнем Востоке, вероятно придется вести военные действия не только против Китая, но и против одной из европейских морских держав, которая сможет оказать поддержку Китаю отправкой части своего флота с десантом для действия против г. Владивостока. В этом случае Приморскую область придется защищать не только с суши (со стороны Маньчжурии), но и со стороны моря (Владивосток), а потому необходимо «заранее озаботиться организацией обороны с обеих сторон. Но так как командующий войсками области исполняющий в настоящее время также должность военного губернатора, не в состоянии даже в мирное время справиться с делами и военными и гражданскими, то поэтому признано необходимым должность Командующего войсками Приморской области упразднить, а взамен ее учредить должность Командующего войсками, расположенными в Южно-Уссурийском крае с правами Командира неотдельного корпуса. Местопребыванием ему назначить селение Никольское, как пункт более центральный для командования войсками, предназначенными действовать к стороне Маньчжурии. Военный же Губернатор, освобожденный от командования войсками, независимо от управления гражданскою частью, будет иметь на своей обязанности оборону Владивостока со стороны моря, для чего он будет пользоваться правами коменданта крепости. Соединяя в себе эти две обязанности Военный Губернатор Приморской области для защиты Владивостока будет иметь в своем распоряжении достаточно средств, чтобы в мирное время подготовить все то, что необходимо для успешного достижения цели в военное. Местопребыванием Военного Губернатора должен быть поэтому Владивосток. […] По осуществлении проектируемых преобразований Командир Владивостокского порта будет освобожден от исполняемых им ныне административных обязанностей по городу

---

[201] Там же. Л. 40–65.
[202] Там же. Л. 69–72, 81.

Владивостоку (т.е. Военного Губернатора) и будет подчиняться Коменданту крепости (он же Военный Губернатор Приморской области) на общих основаниях»[203].

Ознакомившись с новым вариантом преобразований П.С. Ванновский написал на нем 15 сентября: «Нельзя ли прочитать протоколы Совещания?»[204]. Сомнения министра вызвала странная идея совмещения гражданской и военной должностей: военного губернатора области и коменданта приморской крепости, вызванная стремлением любой ценой снизить финансовые расходы. 8 ноября 1887 г. «в видах достижения экономии потребной для образования […] Уссурийского казачьего войска во избежание новых расходов казны» А.Н. Корф представил Н.Н.Обручеву еще раз доработанный вариант преобразований, где спорный пункт значился в менее категоричной редакции. К 11 ноября в Главном штабе подготовили очередной вариант проекта реформы, который и представили 15 ноября П.С. Ванновскому. Последний наложил на нем резолюцию в 7 пунктов, частично скорректировав проект, в т.ч. запретив присвоение военному губернатору Приморской области части прав коменданта Владивостокской крепости. Правку внесли прямо в утвержденную министром «Докладную записку», которая и стала основой проведенных в 1888 г. в Приам. в.о. преобразований. 19 ноября 1887 г. А.Н. Корф с замечаниями согласился и предложил ввести преобразования с 1 июля 1888 г.[205].

Положение осложнялось тем, что параллельно А.Н. Корф продвигал проект гражданской административно-территориальной реформы, предусматривавшей выделение Камчатки из состава Приморской области и создание Камчатской области, и он тоже обсуждался в Петербурге[206]. Министр внутренних дел Д.А. Толстой запросил военное ведомство, «на сколько желательно в интересах Военного ведомства представляется перевод Военного Губернатора Приморской области во Владивосток и по каким именно причинам»[207], до окончания обсуждения вопроса о гражданских административных преобразованиях. Ванновский сомневался, но Д.А. Толстому необходимость переноса обосновали, тем, что при войне одновременно с сухопутным и морским противниками, руководство действиями на сухопутном направлении предполагалось возложить на командующего войсками Южно-Уссурийского отдела, а «оборону с моря возложить на Военного Губернатора Приморской области, в распоряжение коего будет своевременно выделено потребное для сего число войск, и местопребыванием ему назначить г. Владивосток, как наш важнейший приморский пункт. На него же предполагается возложить обязанности Наказного Атамана проектированного к

---

[203] Там же. Л. 71–82.
[204] Там же. Л. 71.
[205] Там же. Л. 94–115, 117, 189–191.
[206] Там же. Л. 126–157.
[207] Там же. Л. 125.

образованию Уссурийского казачьего войска»[208].

Д.А. Толстой запросил мнение министра финансов И.А. Вышнеградского. Тот выступил против, поскольку любая мера требовавшая расходов, а не ведшая к их сокращению автоматически воспринималась им как вредная, тем более, что он так и не понял, в чем заключалось отличие ситуации 1880 г., когда «в целях упорядочения управления Приморской областью» ее центром была избрана Хабаровка, а Владивосток с п-овом Муравьева-Амурского был выделен в самостоятельное Военное губернаторство, от ситуации весны 1886 г. В результате Д.А. Толстой, чтобы снять с себя ответственность, передал проекты А.Н. Корфа вместе с соображениями военного ведомства «на благоусмотрение Государственного Совета»[209]. Последний похоронил проект создания Камчатской области более чем на 20 лет[210], но на перенос резиденции военного губернатора Приморской области из Хабаровки во Владивосток согласился. Только 29 февраля 1888 г. подготовленное на основе утвержденного П.С. Ванновским доклада со всеми последующими исправлениями и дополнениями постановление «О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области» было внесено в Военный Совет, рассмотрено на нескольких заседаниях в марте[211] и 15 апреля утверждено императором[212].

Итак, до 1888 г. в округе проводились лишь преобразования, направленные на увеличение сильно оптимизированных по финансовым соображениям штатов созданных в разное время в на Дальнем Востоке военно-административных структур, поскольку нагрузка на представителей военной администрации часто оказывалась запредельной.

Из предложенных А.Н. Корфом мер меньше всего дискуссий вызвало предложение приступить к формированию в округе изначально отсутствовавшей в нем системы учета нижних чинов запаса. Поэтому еще до завершения обсуждения остальных вопросов Александр III 25 мая 1887 г. санкционировал учреждение управления Забайкальского воинского начальника[213], которое было сформировано и открыло свои действия в Чите 1 января 1889 г.[214]. Туда были переданы дела по учету чинов запаса, а также вся пересыльная часть, бывшая ранее в ведении штаба войск Забайкальской области, «через что деятельность последнего сосредоточилась в управлении регулярными и казачьими войсками». Учреждение Воинского начальника в Забайкалье должно было дать возможность установить более точный

---

[208] Там же. Л. 122–125 об., 157, 159–159 об.
[209] Там же. Л. 161–164.
[210] Высочайше утвержденный 17 июня 1909 г., одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина. // ПСЗ РИ III. Т. 29. № 32146.
[211] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 94–115, 184–206, 209–211.
[212] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148.
[213] Высочайше утвержденное 25 мая 1887 г. положение Военного Совета Об учреждении управления Забайкальского воинского начальника и об упразднении состоящей при областном штабе в городе Чите военно-судной комиссии // ПСЗ РИ III. Т. 7. № 4487; ПВВ № 28 от 31 января 1888 г. // ПВВ за 1888 г. СПб., 1888.
[214] ЦГШ № 44 от 23 февраля 1889 г. // ЦГШ за 1889 г. СПб., 1889.

учет запасных и правильность расчетов по удовлетворению громадного числа следующих через эту область больших партий новобранцев и сибирских запасных нижних чинов, однако отладить на должном уровне его работу удалось лишь через несколько лет[215]. Следует отметить, что процесс введения в округе системы учета нижних чинов запаса происходил постепенно, по областям и завершился только в начале 1895 г.

После того, как 15 апреля 1888 г. Александр III утвердил, «положение Военного совета о переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области»[216], и 3 мая был отдан соответствующий приказ[217], началась практическая реализация преобразований[218]. Важнейшим стало разделение военного и гражданского управления на уровне Приморской области, которое даже разнесли по разным центрам. Должности Командующего войсками Приморской области[219] и двух состоящих при нем штаб-офицеров для поручений были упразднены. Вместо этого учреждалась должность Командующего войсками Южно-Уссурийского отдела, которому, «на правах командира неотдельного корпуса», подчинили все расположенные в этом отделе войска. Местом его пребывания становилось с. Никольское – один из ключевых стратегических пунктов Южно-Уссурийского края. Туда же был переведен существовавший ранее Штаб войск Приморской области, переименованный в Штаб войск Южно-Уссурийского отдела и организованный по новым штатам. Его начальнику были присвоены «права и обязанности начальника корпусного штаба»[220]; ему же подчинили Заведующего конными сотнями, расположенными в Южно-Уссурийском крае, резиденцию которого также перенесли в Никольское[221]. При военном губернаторе Приморской области сформировали лишь «особую военную канцелярию для собрания и разработки подготовительных данных для обороны области», со штатом всего в два чел.[222].

Военное управление в Южно-Уссурийском крае, в результате, приобрело более

---

[215] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 2 об., 3 об.–4; Там же. Д. 858. Л. 3–4, 5.

[216] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148.

[217] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 204–206.

[218] Барон А.Н. Корф писал об этом: «Управление войсками Приморской области ожидало преобразование со времени разделения Восточно-Сибирского военного округа на Иркутский и Приамурский. С учреждением окружных управлений в Хабаровке, весь тот сложный механизм, разновременно введенный, в Управление Приморской области, находившейся в совершенно исключительном положении, вследствие отдаленности от Иркутска более чем на 3/т[ыс]. верст, утрачивал прежнее свое назначение. Кроме того, ввиду приобретаемого особого значения Южно-Уссурийского края, заключающем в себе Владивосток – опорный пункт наших владений Тихого океана, невозможно было оставлять за одним лицом и управление обширной Приморской областью и командование войсками, так как оно, будучи поглощено делами гражданскими, не в силах было надлежащим образом направлять деятельность сосредоточенных на юге области войск, числительность которых достигла почти до 15.000». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 2 об.–3.

[219] Исполнялась военным губернатором этой области.

[220] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 204–206; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 2 об.–3.

[221] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 195.

[222] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 204–206; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 3 об.

отвечающую реальным потребностям структуру, а перенос в с. Никольское приблизил его к району расположения основной группировки регулярных войск: 1-й Вост.-Сиб. стр. бриг. в районе с. Никольское – с. Раздольное и 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. в районе зал. Посьета. Это позволило повысить оперативность принятия решений, улучшить управление войсками, обеспечить качественный контроль за их обучением и приспособить систему военного управления в крае к условиям военного времени, фактически создав еще в мирное время штаб и все органы Уссурийского отряда, которых ранее не было. В условиях постоянных внешних угроз и не прекращавшейся борьбы с бандами хунхузов это решение было правильным.

Более того, с. Никольское, будучи важнейшим транспортным узлом края, через который к должна была пройти линия предполагавшейся к строительству железной дороги, более всего подходило для расположения штаба группировки войск в случае начала войны. Оно было одинаково удобно для координации действий войск как при отражении удара с суши (с территории Китая или Кореи), так и с моря (попытка высадки английского десанта в зал. Посьета, районе Владивостока, бух. Кангоуза и др.). Владивосток же, хотя и был близок к потенциальному ТВД, но для этих целей не подходил, поскольку, во-первых, юрисдикция управлявшего им Владивостокского военного губернатора распространялась лишь на территорию п-ова Муравьева-Амурского и подчинить ему дислоцировавшиеся за пределами этой территории войска было нельзя, а во-вторых, при высадке морского десанта город легко мог быть блокирован неприятелем, что делало невозможным управление оттуда войсками на остальной территории края. Никольское было удобно еще и потому, что в соответствии со стратегическими выкладками, в силу наиболее угрожаемого положения, именно на юге Уссурийского края предполагалось производить постепенное увеличение количества войск в рамках еще обсуждавшейся программы усиления Приам. в.о., разработанной А.Н. Корфом.

Особые права и обязанности, предоставленные командиру Вост.-Сиб. арт. бриг. 24 апреля 1881 г. отменили, а управление бригады из г. Хабаровка перевели в с. Никольское, с подчинением Командующему войсками Южно-Уссурийского отдела, что также отвечало логике проводимых преобразований: три батареи бригады дислоцировались в Южно-Уссурийском крае, а одна – непосредственно в с. Никольское[223]. В результате, бригадное управление было приближено к месту дислокации основных сил бригады[224].

В рамках преобразования центрального аппарата военно-окружного управления в Хабаровке, при Командующем войсками округа упразднили должность генерала для особых поручений, а части войск, расположенные в Хабаровке и ниже по течению р. Амур, вместе с

---

[223] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 204–206.

[224] Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 сентября 1888 г. СПб., 1888. С. 156.

Александровской (Де-Кастри) местной командой, подчинили начальнику Окружного штаба на правах начальника дивизии. В самом Окружном штабе, «для заведования инспекторским и мобилизационным отделением», в штат был добавлен один старший адъютант из штаб-офицеров Генерального Штаба и создано особое казачье отделение. Кроме того, во Владивостоке была упразднена отдельная должность и Управление начальника Владивостокского гарнизона. Все преобразования вступили в действие с 1 июля 1888 г.[225].

Поскольку дискуссия по реформе управления во Владивостоке и перенесению туда резиденции военного губернатора Приморской области из Хабаровки оказалась наиболее острой, решение по ней было принято с опозданием в 2 месяца. Только 9 июня 1888 г. Александр III утвердил «мнение Государственного Совета об изменении в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях». Должность военного губернатора г. Владивосток и состоящую при нем канцелярию предписывалось упразднить, а Владивосток, вместе с п-овом Муравьева-Амурского и о. Русский включить в состав Южно-Уссурийской округи Приморской области. Во Владивосток, кроме того, предполагалось перенести из Хабаровки и саму резиденцию военного губернатора области, что было сделано лишь в 1890 г.[226]. Причиной задержки снова стали географические особенности региона[227].

В 1889 г. на территории Приам. в.о. был введен в действие новый военно-судебный устав[228]. Военно-окружной суд предполагалось иметь в каждом военном округе, однако принятый в 1867 г. устав вводился в действие не во всей империи сразу, а постепенно[229]. Адаптация этого документа для специфических условий Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, с их размерами, нехваткой кадров, низким уровнем социально-экономического развития и слабой инфраструктурой, продолжалась почти 22 года. Только 25 апреля 1889 г. Александр III утвердил «Положение о порядке применения и введения в действие с 1 октября 1889 г. Военно-судебного устава в войсках Иркутского и Приамурского военных округов»[230]. С введением нового порядка военного судопроизводства, все должности

---

[225] Высочайше утвержденное 15 апреля 1888 г. положение Военного Совета О переустройстве управления войск, расположенных в Приморской области // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5148; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 62; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1112. Л. 204–206; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 2 об.–3, 29 об.

[226] Высочайше утвержденное 9 июня 1888 г. мнение Государственного Совета Об изменениях в устройстве управления в Приморской, Амурской и Забайкальской областях // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5316.

[227] Высочайшее повеление от 10 ноября 1888 г., объявленное Министром внутренних дел Об отсрочке упразднения должности Военного губернатора города Владивостока и состоящей при нем канцелярии // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5541.

[228] Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.)…

[229] Типовой военно-окружной суд должен был состоять из председателя, военных судей (от 3 до 9) и чинов канцелярии (секретарь, его помощники, а также, при необходимости и переводчики). Для участия в рассмотрении дел от войск в военно-окружной суд командировались: 4 временных члена (2 штаб- и 2 обер-офицера) и один – запасной (штаб-офицер), заменявшиеся новыми каждые 4 месяца. При суде состояли также военные следователи и военно-прокурорский надзор. Военно-окружной суд // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. VI. С. 524–525.

[230] Высочайше утвержденное 25 апреля 1889 г. Положение о порядке применения и введения в действие Военно-судебного устава в войсках Иркутского и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III Т. 9. № 5943; ПВВ № 106 от 28 апреля 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; Приказ по войскам Приам. в.о. № 83 от 11 августа 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.

аудиториатского ведомства в округе следовало постепенно упразднять «по мере окончания дел, производящихся в прежнем порядке военно-уголовного судопроизводства, но… с таким расчетом, чтобы к 1 января 1893 г. все означенные должности были упразднены»[231]. Процесс этот завершился в 1892 г.[232]. В дальнейшем, военно-судебная система на территории округа постоянно совершенствовалась[233].

Другим существенным нововведением в военно-административной системе Приам. в.о. стало создание системы управления новым – Уссурийским казачьим войском, «мнение Государственного совета» об образовании которого Александр III утвердил 26 июня 1889 г.[234]. В плане территорий, из земель, отведенных уссурийскому казачьему населению, предполагалось образовать особую «округу Уссурийского казачьего войска» и разделить ее на три участка, по ближайшему усмотрению Приамурского генерал-губернатора. «Заведование населением как войскового, так и невойскового сословий, в пределах означенной округи в полицейском и общеадминистративном отношениях возложить на начальника оной, должность которого соединить со званием командира той части, которую Уссурийское казачье войско выставляет в мирное время». По гражданскому управлению начальнику округи были присвоены права и обязанности, принадлежавшие окружным исправникам Приморской области. Подчинялся он военному губернатору и Приморскому областному правлению. В помощь начальнику округи «для ближайшего заведования ее участками» были специально назначены три офицера. Обязанности Наказного атамана войска были возложены на военного губернатора Приморской области[235].

14 июля 1889 г. Александр III утвердил положение Военного совета об управлении УКВ, которое детально регулировало систему его подчинения и управления: «В военно-административном и хозяйственном отношении Уссурийское казачье войско подчинить

---

[231] Положение о порядке применения и введения в действие Военно-судебного устава в войсках Иркутского и Приамурского военных округов // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 5943; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 115; ПВВ № 106 от 1 апреля 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889.

[232] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 3.

[233] См., напр.: Высочайшее повеление 16 июня 1890 г., объявленное Военным Министром, об изменении некоторых правил Высочайше утвержденного 25 апреля 1889 г. Положение о порядке применения и введения в действие Военно-судебного устава в войсках Иркут. и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6986; ПВВ № 158 от 19 июня 1890 г. // ПВВ за 1890 г. СПб., 1890; Высочайше утвержденное 21 мая 1891 г. мнение Государственного Совета Об установлении в военных округах Кавказском, Туркестанском, Омском, Иркутском и Приамурском, а также в Закаспийской области, подсудности лиц гражданского ведомства военному суду, за похищения, при участии военнослужащих, казенного оружия, патронов и пороха // ПСЗ РИ III. Т. 11. № 7705; ПВВ № 164 от 7 июня 1891 г. // ПВВ за 1891 г. СПб., 1891; Высочайше утвержденное 29 июля 1893 г. положение Военного Совета Об учреждении должностей заведующих судной частью в окружных штабах Иркут., Омск. и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 13. № 9901; ПВВ № 191 от 11 августа 1893 г. // ПВВ за 1891 г. СПб., 1891; Высочайшее повеление 21 июля 1895 г., объявленное Военным Министром, Об изменении § 5 Высочайше утвержденного 25 апреля 1889 г. Положения о порядке применения и введения в действие Военно-судебного устава в войсках Иркут. и Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11970; ПВВ № 181 от 26 июля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895.

[234] В данном разделе будут рассмотрены лишь управленческие решения, вызванные его формированием. – Р.А.

[235] Высочайше утвержденное 26 июня 1889 г. мнение Государственного Совета Об образовании Уссурийского казачьего войска // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6139; ПВВ № 182 от 3 августа 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 95;

военному губернатору Приморской области, предоставив ему те же права и обязанности, которые по отношению к Уссурийскому полубатальону были присвоены наказному атаману и войсковому правлению Амурского казачьего войска». Однако реализация этого положения на практике затянулась до 1890 г.[236]. Таким образом, количество казачьих войск в Приам. в.о. возросло до трех, что было явлением уникальным. Обычно, в Российской империи, на территории одного военного округа находилось не более 1–2 казачьих войск.

Еще одной крупной мерой по корректировке системы военного управления в регионе стало юридическое оформление статуса Владивостокской крепости. Последняя *de facto* существовала в ранге крепости 3-го разряда с 1887 г.[237]. Высочайшим приказом от 3 ноября 1887 г. был назначен комендант крепости, реально исполнявший свои функции до самой смерти, и начальник креп. артиллерии[238], но формирование органов управления крепости по полному штату задерживалось из-за дискуссий о военно-административных преобразованиях в округе в целом. Только окончательное утверждение и реализация планировавшихся преобразований, позволили вернуться к вопросу о статусе Владивостокской крепости.

30 августа 1889 г. барон А.Н. Корф телеграфировал из Владивостока П.С. Ванновскому: «Сегодня, после молебствия, поднят с подобающей торжественностью при параде гарнизону и салюте орудий флаг на крепости Владивосток. Войска, которым вручена охрана флага, твердо знают, где раз поднят русский флаг, там он никогда не должен быть спущен и, с помощью Божией, не посрамят России на ее далекой окраине». 6 сентября телеграмму доложили Александру III. «Дай Бог!», – написал на ее копии император, что и телеграфировали в ответ А.Н. Корфу[239]. Статус коменданта крепости еще год, до переезда во Владивосток военного губернатора Приморской области, оставался неопределенным. Вопрос этот решили только 8 июня 1890 г. подчинив его «как по управлению собственно крепостью, так и ее гарнизоном» непосредственно Командующему войсками Приам. в.о. «на правах начальника дивизии». В результате система управления Владивостокской крепостью была рационально вписана в общую структуру управления Приам. в.о.[240].

Этим же положением, при Командующем войсками Амурской области[241] была создана специальная должность обер-офицера Генерального Штаба для поручений, на которого легли

---

[236] Высочайше утвержденное 14 июля 1889 г. положение Военного Совета Об управлении Уссурийского казачьего войска // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6200; ПВВ № 182 от 3 августа 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; Приказ по войскам Приам. в.о. № 135 от 1 декабря 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.

[237] Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. … С. 61.

[238] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 120–122, 127–127 об.

[239] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 251–254.

[240] Высочайше утвержденное 8 июня 1890 г. положение Военного Совета О подчинении Коменданта крепости Владивостока Командующему войсками Приам. в.о., об упразднении Николаевской, Де-Кастринской, Ольгинской и Сучанской местных команд и об учреждении при Командующем войсками Амурской области должности обер-офицера Генерального Штаба для поручений // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6918; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 2. Л. 43; ПВВ № 158 от 19 июня 1890 г. // ПВВ за 1890 г. СПб., 1890; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 3.

[241] Он же военный губернатор этой области.

обязанности по сбору, систематизации и анализу данных, необходимых для обороны области. Тогда же в с. Никольское создали Управление местного воинского начальника для учета запасных чинов, проживающих в Южно-Уссурийском крае. Это должно было позволить, в условиях военного времени, разворачивать расположенные на территории отдела части за счет проживавших в крае запасных. Управление открыло свои действия с 1 января 1891 г.[242]. Два года спустя, 19 ноября 1892 г. оно было переименовано «в управление местного Приморской области воинского начальника», а его юрисдикция, расширена на территорию всей области[243]. После этого управление перестало справляться со своими обязанностями, т.к. состояло всего из 4 чел. и физически не могло действовать за пределами Южно-Уссурийского края. В 1891–1892 гг. А.Н. Корф ходатайствовал о создании должности областного воинского начальника в г. Благовещенск Амурской области, но безуспешно[244].

Только в начале 1895 г., уже во время Японо-китайской войны, предвидя возможную мобилизацию войск и военные действия против Японии, в округе, после утверждения в столице необходимой нормативно-правовой базы, начали приводить к единообразию систему учета нижних чинов запаса, от эффективной деятельности которой напрямую зависел успех возможной мобилизации. В соответствии с «мнением Государственного Совета о распространении на местности входящие в состав Иркутского, Приамурского и Туркестанского военных кругов, правил об учете и призыве на действительную службу нижних чинов запаса», предписывалось на указанных территориях начать ведение отчетности о нижних чинах запаса, а «определение того, какие именно установления и лица исполняют упомянутые обязанности в каждой местности, предоставить взаимному соглашению министров военного и внутренних дел с тем, чтобы все такового рода постановления объявлялись во всеобщее сведение посредством припечатания в Собрании узаконений и распоряжений правительства установленным порядком»[245]. Решение наиболее важных административных вопросов на периферийных территориях империи было весьма предусмотрительно отдано в ведение окружных военных властей, которые лучше ориентировались в местной обстановке, чем администраторы центрального аппарата Военного министерства. Таким образом, постепенно вводимая в действие на территории

---

[242] Высочайше утвержденное 8 июня 1890 г. положение Военного Совета О подчинении Коменданта крепости Владивостока Командующему войсками Приам. в.о., об упразднении Николаевской, Де-Кастринской, Ольгинской и Сучанской местных команд и об учреждении при Командующем войсками Амурской области должности обер-офицера Генерального Штаба для поручений // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6918; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 2. Л. 43; ПВВ № 158 от 19 июня 1890 г. // ПВВ за 1890 г. СПб., 1890; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л.3.

[243] Высочайшее повеление 19 ноября 1892 г., объявленное Военным Министром О переименовании управления местного воинского начальника в селении Никольском Приморской области в управление местного Приморской области воинского начальника // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 9057; ПВВ № 317 от 24 ноября 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892.

[244] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 3–4; Там же. Д. 864. Л. 2 об.

[245] Высочайше утвержденное 23 января 1895 г. мнение Государственного Совета О распространении на местности, входящие в состав Иркут., Приам. и Туркестанского в.о., правил об учете и призыве на действительную службу нижних чинов запаса // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11304; ПВВ № 19 от 5 февраля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895.

округа с 1887 г., когда было сформировано управление Забайкальского воинского начальника, система местных воинских начальников, должна была наконец заработать в полную силу в Забайкальской, Амурской и Приморской областях. Однако до мобилизации 1895 г. запустить ее целиком уже не успели.

Мобилизация показала, что и этого недостаточно. Поэтому, после утверждения Николаем II 25 ноября 1895 г. соответствующего положения Военного совета, была создана должность Хабаровского воинского начальника. В Хабаровске создавалось управление местного воинского начальника для учета запасных чинов, проживающих в Приморской области[246], по штату управления воинского начальника Амурской области. На него же возложили командование Хабаровской местной командой, исполнение обязанностей местного коменданта и заведование пересыльной частью. Из штата самой Хабаровской местной команды должность ее начальника исключили[247].

По мере роста численности войск и населения в регионе, все более актуальной в округе становилась проблема перегрузки его «главного начальника», А.Н. Корфа, не только занимавшегося гражданскими и военными делами, но и регулярно ездившего для их решения в Петербург. Во время одного из таких визитов он сумел продавить решение о создании должности помощника Приамурского генерал-губернатора, Командующего войсками Приам. в.о. и войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск, учрежденной в 1892 г.[248].

Весной 1893 г. в штабе Приам. в.о. образовали, наконец, и особое мобилизационное отделение (3 чел.), где сосредоточилась мобилизационная работа: разработка планов обороны округа, развертывания войск в военное время и т.д. Тогда же, в связи с созданием Уссурийской конной бриг. со своим командиром и управлением, была ликвидирована должность штаб-офицера, заведующего конными сотнями в Южно-Уссурийском крае[249].

Не осталась без внимания Военного министерства и транспортная проблема округа. Так, Военный Совет, рассмотрев представление Главного штаба, выработал ряд административных мер, которые должны были несколько улучшить ситуацию. В 1893 г. была учреждена должность штаб-офицера Генерального Штаба Заведующего передвижением войск в округе, два управления комендантов станций и пристаней: во Владивостоке (I разряда) и Стретенске (II разряда), а исполнение обязанностей комендантов станций в городах

---

[246] Кроме Южно-Уссурийского края, который находился в юрисдикции местного Приморской области воинского начальника в с. Никольское.

[247] Высочайше утвержденное 25 ноября 1895 г. положение Военного Совета Об учреждении должности Хабаровского воинского начальника // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 12183; ПВВ № 299 от 9 декабря 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337. Л. 2.

[248] Высочайшее повеление 2 апреля 1892 г., объявленное Министром внутренних дел, Об учреждении должности помощника Приамурского генерал-губернатора, Командующего войсками Приам. в.о. и войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 8485; ПВВ № 105 от 25 апреля 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892.

[249] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 65–65 об.; Высочайше утвержденное 11 ноября 1892 г. положение Военного Совета О частных изменениях в штатах частей войск, заведений и Управлений военного ведомства // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 9031; ПВВ № 356 от 23 декабря 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 5.

Николаевск, Хабаровка и Благовещенск возложили, по усмотрению Командующего войсками округа, на офицеров от частей войск или управлений, расположенных в этих городах[250]. 21 октября 1893 г. центр Приам. в.о. переименовали из г. Хабаровка в г. Хабаровск[251].

С началом в 1894 г. Японо-китайской войны стала очевидной возможность втягивания России в крупный военный конфликт на Дальнем Востоке. Подготовка к такому развитию событий заметно увеличила нагрузку на военные штабы, в которых рассматривался этот вопрос, и прежде всего на штаб Приам. в.о. По этой причине, в апреле 1895 г. было предписано учредить при штабе округа должность штаб-офицера Генерального Штаба для поручений[252]. В связи с ростом количества войск в округе постепенно возрастал и аппарат большей части военно-окружных управлений[253].

Таким образом, весь процесс совершенствования военно-административной системы Приам. в.о. в 1885 – начале 1895 гг. был направлен на решение пяти основных задач. 1. Ликвидация дублирования функций военно-окружного управления Приам. в.о. системой управления Приморской областью. 2. Необходимость адаптации системы военно-окружного управления к специфическим условиям российского Дальнего Востока и меняющейся внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе. 3. Введение военно-окружного суда. 4. Создание в округе системы учета запасных. 5. Кадровая проблема.

Первая из них была следствием экстренного формирования округа в 1884 г., когда новую систему военно-окружного управления фактически наложили сверху на уже существовавшую систему управления дальневосточными территориями империи, без внесения ряда необходимых изменений. Вторая и третья вызывались местными условиями: географическими и социально-экономическими особенностями региона, а также произошедшими в 1885–1894 гг. изменениями внешнеполитической и военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке. Четвертая – недостатком финансовых средств, в результате которого общероссийские нововведения внедрялись на периферийных территориях империи со значительным опозданием. При этом вообще все проводимые в это время в Приам. в.о. военно-административные преобразования испытывали, еще на стадии проработки, сильнейшее влияние бюджетного кризиса. В результате, мероприятия, которые следовало провести быстро и целиком, постоянно приходилось растягивать на длительный срок и

---

[250] Высочайше утвержденное 13 ноября 1892 г. положение Военного Совета Об учреждении в Приам. в.о. одной должности заведующего передвижением войск и двух управлений комендантов станций и пристаней // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 9040; ГАХК. НСБ. Ед. хр. № 1334. Л. 66–66 об.; ПВВ № 331 от 2 декабря 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 3 об.–4; Там же. Д. 865. Л. 5.

[251] Высочайшее повеление 21 октября 1893 г., объявленное Министром внутренних дел О переименовании города Хабаровки в город Хабаровск // ПСЗ РИ III. Т. 13. № 9984.

[252] Высочайше утвержденное 19 апреля 1895 г. положение Военного Совета Об учреждении должности штаб-офицера Генерального Штаба для поручений при штабе Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11561; ПВВ № 97 от 28 апреля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895.

[253] См., напр.: Высочайше утвержденное 23 декабря 1895 г. положение Военного Совета Об усилении штата Приамурского окружного арт. управления // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 12314.

сокращать «по недостатку бюджетных средств», а процесс их обсуждения порой порождал совершенно курьезные «оптимизационные» решения вроде предложения о ликвидации должности Командующего войсками Приморской области с одновременной передачей военному губернатору Приморской области, т.е. этому же лицу, функций коменданта Владивостокской крепости. Пятая – была типична для всех периферийных территорий Российской империи и с трудом поддавалась решению.

Столь выраженный процесс постепенного совершенствования системы военно-окружного управления, для ее адаптации к местным условиям региона и периодически меняющейся военно-стратегической обстановке на границе, происходящий уже после окончания военно-окружной реформы, был одной из ярчайших особенностей Приам. в.о., причем прослеживающейся вплоть до 1911 г. Ничего подобного в других военных округах Российской империи, за исключением Туркестанского, не было.

Острая нехватка в округе квалифицированных кадров военного управления, обострялась необходимостью иметь офицеров со знанием специфических местных условий и восточных языков. Меры, направленные на их привлечение, проводились с завидной регулярностью, однако кардинально положение не изменили.

2.4. Усиление обороноспособности российского Дальнего Востока: программы, дискуссии, меры

Разразившийся весной 1885 г. Мервский кризис, наложившийся на Дальнем Востоке на еще не разрешенный к этому времени Савеловский вопрос, поставил перед Командующим войсками Приам. в.о. А.Н. Корфом ребром вопрос об усилении обороноспособности округа. Предыдущее усиление войск было проведено в рамках реализации программы Д.Г. Анучина 1880 г. еще до разделения Вост. Сиб. в.о. на Иркут. и Приам. в 1884 г. В новых условиях этого было явно недостаточно. Последнее наглядно подтвердили импровизированные меры весны 1885 г. (См. 2.1). В связи с этим, той же весной, работа Окружного штаба по подготовке новой программы усиления войск на Дальнем Востоке была резко активизирована.

Материалами для разработки программы послужили наработки и стратегические выкладки, сделанные еще в 1879–1882 гг. при Д.Г. Анучине в штабах Забайкальской, Амурской и Приморской областей, Окружном штабе Вост. Сиб. в.о., а также документы центрального аппарата Военного министерства по их рассмотрению и реализации. Далее, А.Н. Корфу впервые, в рамках разработки «на местах» вопросов обороны российского Дальнего Востока, удалось наладить взаимодействие с русским военным агентом в Китае полковником Н.Я. Шнеуром, даже приезжавшим в г. Хабаровка. От него были получены если не точные, то, во всяком случае, достаточно свежие данные о состоянии китайских войск, а также оценка их

боевой готовности. С этого времени взаимодействие Приам. в.о. с русскими военными агентами в Китае, а впоследствии также в Корее и Японии не прерывалось вплоть до краха Российской империи в 1917 г. Для работы над новой программой привлекли и всех наиболее опытных офицеров, долгое время служивших в регионе и хорошо знавших как ТВД, со всеми его особенностями, так и потенциального противника. Наибольший вес имело мнение Командующего войсками Приморской области Генерального Штаба генерал-майора И.Г. Баранова[254]. По максимуму использовались накопленные в учреждениях Забайкальской, Амурской и Приморской областей сведения военного и разведывательного характера.

Основную работу завершили к началу осени 1885 г., после чего П.С. Ванновскому был направлен «Рапорт Командующего войсками Приамурского военного округа военному министру № 90 от 9 сентября 1885 г. с приложениями», который и являлся т.н. программой А.Н. Корфа по усилению русских войск на Дальнем Востоке[255]. Именно этот документ лежал в основе всех мероприятий по усилению Приам. в.о. вплоть до окончания в 1895 г. Японо-китайской войны. В его мотивационной части А.Н. Корф писал: «Со дня назначения моего Командующим войсками Приамурского военного округа, я обратил особенное внимание на боевую готовность округа, в зависимости от тех задач, решение которых вооруженною рукою может достаться на долю войск, расположенных в такой отдаленнейшей от центра восточной окраине, как вверенный мне Приамурский край. Задачи эти могут быть следующие: 1. оборона побережья Тихого океана, в случае войны с морскою державою; 2. оборона края, в случае войны с Китаем, и наконец, 3ª, наиболее трудная, задача, это оборона края, в случае одновременной войны с Китаем и какою-либо морскою державою. Уже с первого взгляда на имеющиеся здесь военные силы и средства, я пришел к убеждению в неготовности вверенного мне округа для удовлетворительного решения помянутых задач», что и подтвердилось в ходе сосредоточения войск округа в 1885 г.[256].

Он констатировал, что в округе имеются: 8 стр. батальонов, 4 лин. батальона, 6 пеших батальонов ЗКВ, Амурский и Уссурийский пешие полубатальоны АКВ, 2 регулярных сотни, 18 конных сотен ЗКВ, 6 конных сотен АКВ, 7 батарей и 2 полубатареи, имеющих 16 легких орудий, 16 горных орудий, 8 3-фунтовых и 18 конных орудий; всего 58 орудий. «Итого, значит, 19 батальонов, 26 сотен и 58 орудий, и это в том только случае, если призвать на службу все казачьи части, без исключения. Но показанное в этом перечислении число существует только на бумаге, потому что в действительности их всех собрать невозможно, так как то значило бы лишить казачье население возможности обрабатывать землю, что даже с чисто военной точки зрения крайне не расчетливо. […] Следовательно, в течение большей

[254] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8–9 об.
[255] Там же. Л. 1–16.
[256] Там же. Л. 1–1 об.

части войны, край должен рассчитывать исключительно на свои средства…»[257].

Эти выкладки были в основном сделаны еще при Д.Г. Анучине, однако, в отличие от последнего, А.Н. Корф, которому перед отъездом на Дальний Восток разъяснили, что серьезных финансовых вливаний ждать не стоит, предложил «ограничиться лишь удвоением, а не утроением казачьих частей мирного времени (кроме артиллерии)». Таким образом, в Приам. в.о. будет всего: 12 регулярных батальонов, 4 казачьих батальона и 2 полубатальона, 2 регулярных и 16 казачьих конных сотни и 58 орудий, из которых 24 горных. Всего 17 батальонов, 18 сотен и 58 орудий. При том, что «защищать 4000 верстное пограничное пространство» было «возможно только активно-оборонительным способом», т.е. сразу перенеся военные действия на территорию противника (Китая), такую численность войск можно было бы с большой натяжкой признать достаточной, только «если бы неприятель, с которым мы можем здесь столкнуться имел бы лишь толпы всякого сброда, вооруженные луками, стрелами и фитильными ружьями, – одним словом, если бы Китайцы находились в прежнем положении совершенно ничтожного в военном отношении государства. Но теперь Китай уже далеко не тот, чем он был 10–15 лет тому назад», что полностью подтверждалось иностранными данными и сведениями Н.Я. Шнеура[258].

Из этого А.Н. Корф делал несколько точных прогнозов, указывая, «что хотя, может быть, и есть преувеличение в частностях, но в общем дело реорганизации китайской армии значительно подвинулось вперед. Параллельно с развитием военных средств китайцев растет, и конечно будет еще расти, их притязательность по отношению вообще к европейцам и в особенности к нам, как их непосредственным соседям. […] Не нужно также забывать, что где бы, на протяжении 7.000 верстной границы нашей с Китаем, ни возникли затруднения, боевое разрешение их целиком ляжет на военные средства вверенного мне округа, так как, благодаря пустынности и малонаселенности тех пограничных полос Китайской Империи, которые прилегают к Туркестану, западной Сибири и Иркутскому Генерал Губернаторству, серьезные военные действия возможны только из Приамурского края»[259].

Таким образом, необходимость усиления войск Приам. в.о. осознавалась в полной мере. Открытым оставался вопрос о размерах усиления. Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. Д.Г. Анучин по итогам обострения Кульджинского кризиса в 1879–1881 гг., но еще до возникновения «Савеловского вопроса» и тем более Мервского кризиса 1885 г., признавал необходимым содержать во всем Вост. Сиб. в.о.: 8 стр. батальонов, 5 лин., 2 резервных, которые разворачивались бы каждый в 2-батальонный полк и составляли бы 4 резервных батальона в военное время, кавалерийский полк, 10 батарей, 3 креп. роты, 2 сап. роты, два

[257] Там же. Л. 4–5 об.
[258] Там же. Л. 5 об.–6 об.
[259] Там же. Л. 7 об.–8.

военно-телеграфных парка и 5 канонерок, а также казачьи части. Всего он полагал нужным иметь 23 батальона и 2 полубатальона, 28 сотен и эскадронов, 13 батарей, 3 креп. роты, 2 сап. и 2 военно-телеграфных парка и 5 канонерок. «Это если не считать других мелких частей, команд и тех резервов, которых он рассчитывал формировать в Иркутской и Енисейской губерниях». Позднее же он указывал, что для обороны одного только Владивостока нужен гарнизон в 15 батальонов[260].

Полковник Н.Я. Шнеур, находясь в Хабаровке, высказал лично А.Н. Корфу, что «для успешного противодействия Китаю» необходимо добавление «к существующим уже войскам, по крайней мере, целой дивизии пехоты, с артиллериею, целой кавалерийской дивизии с конными батареями, и устройства здесь порохового и патронного завода, а также и небольшого арсенала», на что в Петербурге гарантированно бы не согласились. Генерал И.Г. Баранов, давно живущий в крае, считал достаточным «содержать постоянно т.е. иметь на первое время по открытии кампании, 4 стрелковых бригады и добавить к ныне существующим две легкие батареи и четыре регулярные конные сотни, которые бы составили с двумя существующими сотнями один шестисотенный конный полк, сверх трех Забайкальских сотен, ныне расположенных в Южно-Уссурийском крае»[261].

Полковник Н.Я. Шнеур резонно возражал ему, что «ближайшие подкрепления из Европейской России подойдут уже тогда, когда китайцы успеют собрать против наших войск громадную массу, что тогда прибывших резервов окажется опять недостаточно и что таким образом война может затянуться на неопределенное время». Он настаивал, что «китайцев нужно бить в первые месяцы войны, когда они еще не успеют как следует приготовиться, на что для них потребно довольно много времени, а для исполнения сего необходимо пустить в дело сразу достаточное число войск, которое приходится, поэтому, постоянно содержать здесь в мирное время». Последнее признавал невозможным уже А.Н. Корф, т.к. это стоило бы слишком дорого, «да и прокормить было бы весьма трудно, в особенности по причине затруднительности иметь достаточное количество мяса». Он полагал необходимым «иметь здесь только […] авангард, который смог бы занять, с объявлением войны, выгодные позиции и продержаться на них до прихода из Забайкалья нужного для дальнейшего движения количества лошадей и подкреплений из Европейской России, т.е. год, а может быть и два. Авангард этот зато нужно держать постоянно в возможной готовности к походу и бою»[262]. Вероятно он считал, что спорные вопросы с Британской империей, могущие отразиться на Дальнем Востоке, урегулированы окончательно, т.к. все подсчеты минимально необходимого

---

[260] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8 об.–9. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 40. Л. 1–100 об.
[261] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8 об.–9 об.
[262] Там же. Л. 9 об –10 об.

количества сил были проведены им в расчете на военные действия с одним Китаем[263].

Итак, Командующий войсками округа считал настоятельно необходимым:

1. Перевести из Европейской России одну стр. бриг., доведя ее до 42-рядного состава. «Убавление войск, содержимых в Европейской России на незначительное, сравнительно, число из 600.000 мирного времени было бы положительно незаметно[264] и во всяком случае менее ощутительно, нежели прибавление того же числа войск здесь, где их так мало. В этом случае ежегодный расход для содержания здесь линейных батальонов составит лишь разницу между содержанием их в мирном составе в Европейской России и в военном здесь». Бригаду предполагалось расквартировать в с. Екатерино-Никольское и г. Хабаровка.

2. Сформировать 2 Вост.-Сиб. лин. батальона, которые содержать в кадровом составе и расквартировать в г. Благовещенске. Существующий 3-й Вост.-Сиб. лин. батальон содержать не в военном, как ранее, а в кадровом составе и перевести его во Владивосток, где 1-го Вост.-Сиб. лин. батальона не хватает в лагерное время для несения караульной службы, и в военное потребуется 8 рот для содержания караулов на батареях.

3. Два горных дивизиона, состоящих при 1 и 2 легких батареях Вост.-Сиб. арт. бриг., переформировать в легкую батарею, вооружив стальными легкими орудиями, которые должны быть высланы из Европейской России. Батарее этой присвоить название 3-й легкой батареи. 3-ю горную батарею переименовать в 5-ю горную, в 4-ю горную батарею передать 2½ дюймовые стальные орудия системы Барановского из существовавших горных дивизионов и сформировать 6-ю конно-горную батарею, передав на ее вооружение 6 3-фунтовых медных пушек из существующей 4-й горной батареи. Все три легкие батареи содержать по штату мирного времени (по четыре запряженных орудия), 4 и 5-ю горные батареи содержать в усиленной запряжке, а в конно-горной батарее иметь запряженными все 6 орудий.

4. Сформировать в Приморской области, дивизионный летучий арт. парк, в дополнение к существующему в Чите подвижному арт. полупарку.

5. Штат Владивостокской креп. артиллерии увеличить в соответствии с потребностями службы при предполагаемом расширении вооружений Владивостока, сформировав к существующей две новые крепостные роты.

6. В г. Хабаровка сформировать местную команду в 100 чел. в мирное время, разворачиваемую в военное время до 300 чел., для несения караульной и пересыльной службы. «Она, в то же время, служила бы как кадр для обучения милиции и для защиты города и жителей по Уссури и на нижнем течении Амура, на случай если стрелковые батальоны

---

[263] Он же подчеркивал: «Помянутого числа войск будет почти достаточно на первый год войны с одним Китаем. При одновременной же войне с Китаем и какою-нибудь европейскою морской державою и этого числа войск будет мало…». Там же. Л. 11 об.

[264] Этот фрагмент текста был подчеркнут, а на полях П.С. Ванновский наложил резолюцию: «Детское рассуждение». – Р.А.

выступят в поход[265]. Кроме того она в военное время, будет служить резервом для Николаевской местной команды, которая слишком слаба для защиты г. Николаевска в случае войны с морскою державою».

7. Добавить к существующим еще одну регулярную конную сотню, образовав из них 3-эскадронный Уссурийский драгунский полк, с прикомандированием к нему трех сотен ЗКВ и заменить заведующего сотнями командиром полка, с полковым штабом.

8. Для усиления обороны г. Благовещенск возвести укрепления полевой профили на берегах Зеи и Амура, вооружив их имеющимися в Хабаровском арт. складе старыми 4-фунтовыми орудиями. «Укрепления эти необходимы вследствие слабости гарнизона Благовещенска и опасности, которой подвергается этот город, по причине расположения его на самой границе, близости Китайского населения, живущего на нашем берегу Амура и близости Айгуна, соединенного внутреннею Маньчжурскою сравнительно хорошею, удобною для доставки войск дорогою».

9. Завести 3 речных паровых канонерских лодки, которые состояли бы в полном распоряжении Командующего войсками округа и могли бы ходить по р. Амур вверх, как минимум до Благовещенска и по р. Сунгари. Для этого они должны иметь осадку не более 2½ фут. «Желательно, чтобы лодки были вооружены 6ти дюймовыми орудиями в виду того, что для Гиринской провинции заказаны Китайским правительством 12 орудий большого калибра, которые неизвестно где будут поставлены[266]. Если нельзя будет вооружить их шести дюймовыми орудиями, то заменить таковые несколькими батарейными орудиями. Эти лодки принесут ту огромную пользу, что во-первых, они будут в состоянии препятствовать прерыву Китайцами наших сообщений по Амуру, во-вторых, могут оказать содействие сухопутным войскам бомбардированием прибрежных китайских городов[267] и, в-третьих, будут необходимы для конвоирования транспортов».

10. С объявлением войны направлять всех запасных и новобранцев Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губернии в войска Приам. в.о., т.к. только здесь возможны серьезные военные действия. «Хотя, может быть, многие из них и не дойдут в один год, но если война затянется, что почти несомненно, то они будут служить запасом для пополнения действующих частей».

11. Мундирную одежду и амуничные вещи отпускать в войска постоянно не только на текущий год, но еще и на следующий, а также иметь в интендантских запасах еще одну годовую пропорцию.

12. Необходимо иметь постоянно 24-месячный запас провианта, считая с 1 апреля, так

---

[265] Подчеркнуто П.С. Ванновским. – Р.А.
[266] Подчеркнуто П.С. Ванновским. – Р.А.
[267] Подчеркнуто П.С. Ванновским. – Р.А.

чтобы считая вместе с провиантом, который можно было подвезти из Забайкалья в течение навигации и местным урожаем войска были обеспечены продовольствием примерно на 3 года.

13. Иметь в арт. складах запасного ручного оружия – 25% и полевых орудий – до 15%, патронов и снарядов тройной боевой комплект.

14. Завести в Приам. в.о. 2 военно-телеграфных и 1 полевой инженерный парк.

«Обращаясь затем к защите мирных жителей на нашей территории, – продолжал А.Н. Корф, – нельзя не обратить внимание на то, что на огромном 4 тыс. верстном протяжении границы округа с Китаем – охрана жителей вверяется всего 6ти батальонам и 6 сотням. Для усиления этой охраны из всех жителей Амурской области и Уссурийского округа должна быть составлена поголовная милиция[268], которая в возрасте от 18 до 21 года в мирное время собиралась бы в своих поселениях для упражнения в стрельбе на одну неделю весною и на такое же время осенью, в свободное от полевых работ время.

Образование и содержание этой милиции ничего не стоило бы, так как оружие и патроны имеются для нее готовыми[269], а именно состоит свободными в округе сверх вооружения существующих частей по штатам военного времени: 3.721 малокалиберных пехотных, 1.420 казачьих, 22 драгунских винтовки и 361 револьверов и, сверх того, имеется 4.367 игольчатых винтовок. Ко всем ружьям и револьверам патронов имеется на долгое время достаточное число»[270].

Таким образом, вся программа изначально была предельно оптимизирована по финансовым соображениям и содержала лишь комплекс минимально необходимых мер на случай войны с одним Китаем, при том, что опыт предшествовавших 4 лет свидетельствовал о высокой степени вероятности войны на Дальневосточном ТВД с двумя государствами. Она содержала не только дальнейшее развитие уже предлагавшихся ранее мер по усилению войск в регионе[271], но и ряд принципиально новых предложений, среди которых: организация фортификационной обороны г. Благовещенск[272] и «милиции» из местного населения[273], создание канонерской флотилии на р. Амур[274].

Следует подчеркнуть, что при подготовке программы А.Н. Корфа соображения финансовой экономии всецело доминировали над стратегическими: «Из прилагаемого соображения видно, что вышесказанные добавления и преобразования потребуют сравнительно незначительного нового ежегодного расхода. И эта цифра с каждым годом

---

[268] Этот фрагмент текста П.С. Ванновский подчеркнул, а на полях написал: «По нашему – ополчение». – Р.А.
[269] Подчеркнуто П.С. Ванновским. – Р.А.
[270] Там же. Л. 12–15 об.
[271] Формирование новой стр. бриг., усиление артиллерии, необходимость драгунского полка.
[272] Никогда даже не прорабатывалась
[273] Будет активно использоваться в Амурской и Приморской областях в варианте «добровольческих дружин» в годы Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг.
[274] Амурская речная флотилия будет создана только после Русско-японской войны.

должна уменьшаться, потому что с увеличивающимся заселением края будет увеличиваться и его производительность, а вместе с тем будет уменьшаться стоимость продуктов первой потребности т.е. хлеба и мяса. Что касается до единовременного, довольно большого, расхода, то казалось бы, что цифра его все-таки не слишком значительна, особенно если иметь ввиду, что просимое мною есть не только самый minimum того, что крайне необходимо, но даже и этого еще не вполне[275] достаточно; и при осуществлении указанных преобразований, все-таки, избави Бог войны, а без того успешная оборона края положительно невозможна и потеря его неизбежна. Не прошу больше, хотя и сознаю недостаточность просимого, единственно в виду затруднительного положения Государственного Казначейства. Во всяком случае, я прошу менее, нежели кем бы то ни было просилось до сих пор[276]»[277].

Военный министр П.С. Ванновский ознакомился с этим документом 7 декабря 1885 г. и остался крайне недоволен его содержанием. «Требования значительные», но из этого рапорта выходило, что «и этого недостаточно, т.е. заведомо потребуются значительные затраты», – констатировал он и распорядился рассмотреть и доложить[278]. В столице работа сосредоточилась в Азиатской части Главного штаба. В Хабаровке же, получив свежие данные о военных приготовлениях Китая в окрестностях г. Хунчун и верховьях р. Потахеза, А.Н. Корф немедленно распорядился направить копию этих данных в Главный штаб[279], а сам написал еще одно письмо военному министру, в котором сообщал о новых косвенных подтверждениях его опасений о возможности совместного выступления против России на Дальнем Востоке Китая и Англии[280].

Только после такого напоминания, подготовленная на основе рапорта А.Н. Корфа «Всеподданнейшая записка военного министра о мерах по усилению нашего военного положения в Приамурском военном округе, предположенных Командующим войсками сего

---

[275] Этот фрагмент текста был подчеркнут, а на полях П.С. Ванновский наложил резолюцию: «Если недостаточны, значит заведомо потребуются затраты». – Р.А.

[276] Этот фрагмент текста был подчеркнут, а на полях П.С. Ванновский наложил резолюцию: «Те имели уверенность которой в настоящее время не существует». – Р.А.

[277] Там же. Л. 15 об.–16. К рапорту были приложены подробные расчеты на всю программу, за исключением двух вопросов: «обозного», который еще разрабатывала специальная комиссия, и усилению Владивостокской крепости, оборонительную силу которой Командующий войсками округа тоже находил «недостаточной». Результаты этих работ А.Н. Корф обещал представить военному министру «в непродолжительном времени». Там же. Л. 3 об.–4, 16–44 об.

[278] Там же. Л. 1–16 об. Приложенное к нему сопроводительное письмо А.Н. Корфа напоминало ультиматум: «По моему крайнему убеждению, если мое представление об увеличении боевых сил Приамурского Военного Округа, не будет уважено, то останется одно – уступить Китаю теперь же и добровольно, Амурскую и Приморскую области, потому что иначе он их у нас отберет силою и мы сверх потери края еще покроемся позором. Не думаю однако, чтобы было расчетливо отдавать побережье Великого океана, как раз в то время, когда все Европейские Державы усиливаются приобретая хоть клочки этого побережья». РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 92–93.

[279] Там же. Л. 98–99 об.

[280] «Я долго, много и всесторонне обсуждал этот вопрос, – писал он, – и чем более вдумываюсь в него, тем все более и более сомневаюсь; удастся ли мне с 18 тысячами удержать в течение 18 месяцев границу, равную по протяжению пространству от Торнео до Тифлиса, на которой нет почти никаких сообщений, и в то же время отбиваясь от высадок неприятеля с моря? Меня неотлучно упрекает совесть за то, что я просил слишком незначительного добавления войск, но как было просить большего, когда я знаю, что и просимое мною ложится едва посильным бременем на государственное казначейство». Там же. Л. 103.

округа», 10 февраля 1886 г. была доложена императору. Хотя в ней и содержались предложенные А.Н. Корфом меры, однако стратегический анализ сделанный в рапорте от 9 сентября 1885 г., был предельно сокращен, а мрачные заключения из сопроводительных писем, царю вообще не сообщали[281]. Этим была заложена традиция сообщать императору данные о потенциальных противниках России на Дальнем Востоке, их боевой готовности и военных приготовлениях, т.е. те самые сведения, на основе которых принимались решения об усилении или оставлении в прежнем составе группировки русских войск в регионе, лишь избирательно и в существенно сглаженном виде, что дало негативные последствия уже накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. Александр III наложил 12 февраля на записке резолюцию: «Действительно, желательно подкрепить Бар. Корфа войсками, чтобы он был более спокоен. Буду ждать соображений по этому Военного Министерства»[282].

Проработка их в Военном министерстве не останавливалась, «но принимая во внимание, что осуществление в короткое время всех предположений Генерала Корфа невозможно в виду сложности их и необходимости серьезного их обсуждения в зависимости от финансовых и военно-стратегических соображений, а также и невозможность при настоящем общем политическом положении дел передвинуть в целом составе какую-либо часть войск в Европейской России расположенных», решено было, воспользовавшись пребыванием в Петербурге известного путешественника Генерального Штаба генерал-майора Н.М. Пржевальского, обсудить в совещании при Главном штабе предположения А.Н. Корфа и срочные меры по усилению положения в Приамурском крае, «в зависимости от тех путей и театров военных действий, на которых мы неминуемо должны встретиться с китайцами»[283].

Ключевое обсуждение стратегических выкладок А.Н. Корфа и его программы состоялось на совещании 1 марта 1886 г., где оказалось, что в центральном аппарате Военного министерства не согласны не только с финансовой стороной предложенной программы, но с некоторыми стратегическими выкладками, лежавшими в ее основе. Поэтому в ходе заседания обсуждали одновременно и то и другое[284].

Из-за заметных разногласий по вопросу об усилении войск совещанию удалось лишь выработать единое «заключение», но отнюдь не принять решение. Поскольку в качестве наиболее предпочтительной базы для ведения наступательных операций против Пекина совещание остановилось на Забайкалье, а не на Южно-Уссурийском крае, то в «заключении» оно «признало соответственным ныне-же развить там как существующие местные военные

---

[281] Там же. Л. 104–111 об.
[282] Там же. Л. 104, 111 об.
[283] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 127 об.
[284] Там же. Л. 119–141. В заседании приняли участие бывший Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. Д.Г. Анучин, бывший начальник штаба того же округа генерал-майор Н.С. Петров, начальник Главного Управления Казачьих войск генерал-майор В.Г. Золотарев, состоящий в числе 4 генералов положенных по Главному штабу генерал-майор А.Н. Куропаткин и Н.М. Пржевальский. Там же. Л. 128.

средства, так и сформировать для Южно-Уссурийского края и Забайкалья новые части войск, отложив осуществление в полном объеме всех предположений Командующего войсками Приамурского военного округа до получения всех необходимых по сему разъяснений от местного начальства и хозяйственных управлений Военного Министерства. При этом однако совещание пришло к заключению, что усиление нашего военного положения на Востоке не может быть ни коим образом допущено на счет сокращения числа войск, в Европейской России расположенных, где численность их едва соответствует современному положению военных и политических дел в Европе. Почему требования, заявленные Генерал-Адъютантом Бароном Корфом, представляют совершенно новый расход не в сто тысяч, а свыше миллиона. Усиление одной стрелковой бригадой войск, расположенных в Южно-Уссурийском крае мало изменит положение там дел. Выручка Южно-Уссурийского отряда может быть достигнута только движением значительных сил из Забайкалья к Калгану и Пекину». Поэтому, из-за нехватки финансов, посчитали пока достаточным сформировать для Уссурийского края 5-й Вост.-Сиб. лин. батальон, привести в полный военный состав стр. батальоны, добавить регулярную конную сотню, усилить по возможности полевую и креп. артиллерию, завести 3 канонерки для рек Амур и Сунгари и затем обратить главное внимание на развитие военных средств Забайкалья и некоторое усиление войск, расположенных в Амурской области, для чего следовало сформировать в Забайкалье один резервный батальон, разворачивающийся в военное время в 5 батальонов и довести до 42 рядов в полуроте 2-й и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, расположенные в Благовещенске и Троицкосавске.

«Относительно же развития ныне существующих военных средств Забайкалья Совещание не могло согласиться со взглядом Барона Корфа на казачьи войска, как на производителей продовольственных запасов, необходимых для войск, имеющих быть собранными на нашей Приамурской окраине. По мнению Совещания соображение о том, чтобы в случае войны Забайкалье выставило лишь половинное число следуемых от него войсковых частей, а другая часть, оставаясь дома, занималась сельским хозяйством, – никоим образом не должно быть допускаемо: хлеб, хотя и по дорогой цене можно всегда получить через подрядчиков; войск-же, кроме населения, обязанного воинскою повинностью, никто не поставит. Засим Совещание […], пришло к заключению о возможности развития местных казачьих частей доформированием в Забайкалье одного конного полка, одного батальона и одной пешей батареи»[285].

Уровень знаний о российском Дальнем Востоке у некоторых участников совещания был крайне низким. В результате, в «заключениях» совещания вполне разумные соображения, заимствованные из программы А.Н. Корфа, соседствуют с абсурдными утверждениями о

[285] Там же. Л. 139–140.

возможности всегда получить хлеб «через подрядчиков» и совершенно неосуществимыми, при наличествовавших в Приамурском генерал-губернаторстве военных и полицейских силах, указаниями чтобы, «во избежание излишней траты военных сил» на охранение Уссурийского края, он «в случае войны с Китаем, еще в мирное время освободился от хунхузов»[286].

Переписка между разными Главными управлениями Военного министерства и Морским министерством по 14 пунктам предложений программы А.Н. Корфа, причем не только одобренных совещанием 1 марта 1886 г., продолжалась весь март[287]. 7 марта 1886 г. А.Н. Корфу была направлена телеграмма П.С. Ванновского с промежуточными результатами обсуждения его программы. 18 марта из Хабаровки был получен ответ, в котором А.Н. Корф лишь отчасти соглашался с сообщенными изменениями и настаивал на усилении войск исходя из совершенно других стратегических соображения. После этого переписка в министерстве активизировалась, причем вопросы вызывало усиление артиллерии, как наиболее дорогого рода войск[288]. Так, в записке ГАУ по усилению артиллерии Приам. в.о. предполагалось формирование значительно меньшего количества частей, по сравнению с запросом А.Н. Корфа[289]. Военный министр наложил на ней резолюцию: «Парк сформировать надо из местных средств, а в мирное время лошадей не держать; парк должен делиться на несколько отделений. Необходимо ли конно-горную батарею? Я все еще в этом сомневаюсь, прошу обсудить. Ванновский 16/III»[290]. Только при личной встрече товарищу Генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанту Л.П. Софиано удалось уговорить П.С. Ванновского на формирование в округе конно-горной батареи, о чем он 29 марта сообщил Н.Н. Обручеву[291].

7 апреля 1886 г. Александр III согласился на принятие двух экстренных мер в связи с обострением ситуации на Посьетском участке русско-китайской границы: «1) Задержать, впредь до особого распоряжения, на службе, во всех частях войск, управлениях и заведениях Приамурского военного Округа, нижних чинов срока службы 1880 года… 2) Ныне-же сформировать при войсках Харьковского военного Округа 5й Восточно-Сибирский линейный батальон 42х рядного в полуротах состава, тем-же порядком, как были сформированы осенью 1885 года, два Закаспийские стрелковые батальона, при войсках Московского и Харьковского военных Округов, – т.е. посредствам выделения по одной роте из каждой пехотной дивизии, входящих в состав 9 и 10 Армейских Корпусов, с тем, чтобы формирование это исполнено было в течение настоящего Апреля месяца, – а в будущем Мае, батальон этот смог-бы быть

---

[286] Там же. Л. 139–141.
[287] Переписку см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 142–148, 152–157.
[288] Там же. Л. 150–151 об., 158–166, 174–175, 180–184, 188–209.
[289] 1 конно-горной батареи (как запрашивалось) для преобразуемой Восто.-Сиб. арт. бриг., 1 роты Владивостокской креп. арт. вместо 2 (при ходатайстве имелся ввиду новый нормальный табель вооружения береговых батарей, которого на месте еще не было), и, кроме того, выражались серьезные сомнения в нужности дивизионного арт. парка.
[290] Там же. Л. 169–166.
[291] Там же. Л. 162–166.

отправлен из Одессы, на пароходах Добровольного флота кругосветно во Владивосток». Вторая мера требовала единовременного расхода в 404.300 руб., который отнесли на остаток от особого чрезвычайного кредита, ассигнованного в 1885 г. «по случаю политических осложнений в Средней Азии». Соображения о сформировании остальных новых частей предполагалось представить в особом докладе[292].

Таким образом, к выполнению половины второго пункта программы А.Н. Корфа приступили немедленно, и снова из-за обострения внешнеполитической ситуации. Когда к концу апреля ситуация на Посьетском участке русско-китайской границы стала совсем неопределенной, на запрос П.С. Ванновского об экстренных мерах, А.Н. Корф, кроме описания предполагавшегося к реализации непосредственно в округе, в очередной раз просил «присылки новых частей; если она теперь решительно невозможна, то по крайней мере – укомплектование из Европейской России до военного состава офицерами и нижними чинами всех частей округа и сформирование Уссурийской конной сотни и конно-горной батареи для которой орудия и запряжка имеются здесь. Здешние запасы и новобранцы пойдут на пополнение убыли и сформирование команд для охраны батальонных штабов и жителей»[293].

Понимая, что «время уходит», «с расчетами мы еще долго не разберемся», а решение нужно принимать быстро, Н.Н. Обучев предложил военному министру провести реализацию нескольких экстренных мер отдельным всеподданнейшим докладом, независимо от проработки всей остальной программы, с чем он и согласился[294]. Всеподданнейшая докладная записка была подготовлена к 29 апреля и состояла из 4 частей. В 1-й излагался список «наиболее важных и неотлагательных мер» в том виде, как он был сформулирован на совещании 1 марта 1886 г.; во 2-й напоминалось об экстренных мерах уже одобренных императором 7 апреля; в 3-й излагались экстренные меры, предложенные А.Н. Корфом в телеграмме № 74 от 27 апреля 1886 г.; и в 4-й – мнение Главного штаба, сводившееся к приведению в единую систему уже утвержденных 7 апреля и предложных 27 апреля мер (всего 12 пунктов). Последняя и выносилась на благовоззрение императора. Общая стоимость всех затрат определялась примерно в 1 млн. руб.[295]. Александр III наложил на ней резолюцию: «Если действительно это необходимо, то нечего делать придется это исполнить, но я до сих пор не убежден в этом»[296]. 5 мая записку докладывал лично П.С. Ванновский, в результате император разрешил «войти с особым докладом о приведении в исполнение по пунктам 2му,

---

[292] Там же. Л. 176–177.
[293] Там же. Л. 187, 203–204.
[294] Там же. Л. 205.
[295] Там же. Л. 230–239.
[296] Там же. Л. 230.

8му, 9му и 10му[297], и согласно сему исчислить и потребную сумму». Сам же военный министр, на основании императорской резолюции, распорядился рассмотреть с МИДом «степень настоятельности мероприятий, предположенных Воен. Мин., указав на расстояния и способ доставки подкреплений»[298].

Проработка программы А.Н. Корфа продолжилась параллельно с реализацией одобренных экстренных мер. 30 мая Н.Н. Обручев запросил А.Н. Корфа: «1) Какой признаете удобнейший способ приведения войск округа в военный состав: задержание запасных чинов до осени будущего года и получение весной же малоподготовленных новобранцев; или присылкой Вам осенью молодых солдат на весь тот некомплект какой получился за увольнением людей старших сроков. Найдется ли везде помещение для укомплектования частей. 2) Если тотчас будет двинут в Забайкалье второй Западно-Сибирский батальон, найдется ли для него помещение на зиму в Чите, имея в ввиду что в Нерчинске и Стретенске будет в тоже время формироваться резервный батальон. 3) Пополнение Благовещенского и Троицко-Савского батальона может быть сделано из Сибирских резервных батальонов, но каким числом рядов полагали бы ныне ограничить это пополнение»[299]. Командующий войсками округа ответил, что «первое удобнее довести до военного состава присылкою осенью молодых солдат, уволив старшие сроки по прибытии их, или по разрешении пограничного вопроса. Помещений за нынешнее лето прибавится. Обойдусь. 2. Временное помещения для второго Западно-Сибирского батальона в Чите и окрестностях будет, в будущем надо строить. 3. Троицкосавский и особенно Благовещенский батальоны необходимо пополнить до военного состава»[300].

После чего приступили к проработке этих мер, согласовывая по ходу детали с Командующими войсками Омск., Иркут. и Туркестанского в.о.[301]. По ее окончании, 3 июня 1886 г., военный министр представил императору доклад «О мерах по усилению нашего военного положения в Приамурском военном округе», в котором были тщательно разработаны и просчитаны меры из пунктов 2, 8, 9 и 10 записки от 26 апреля. Их реализация требовала единовременного расхода в 497.899 руб. и последующего ежегодного расхода в

---

[297] 2. Довести до военных составов: а) войска Приморской области: 1-й и 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и 1-й и 3-й Вост.-Сиб. лин. батальоны и б) Вост.-Сиб. бриг. – высылкою укомплектования из Европейской России в числе 2.172 чел. (1.962 пехотинца и 210 артиллеристов), в) войска Забайкальской и Амурской областей: 2-й и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальоны – за счет задержанных на службе на седьмой год нижних чинов этих батальонов и местных команд Забайкальской и Приморской областей (всего 350 чел.) с добавлением недостающих (до необходимого числа 1.043 чел.) 693 нижних чинов из запасных Забайкальской области. 8) Возвратить из Туркестан. в.о. в Семиреченскую область 7-й и 8-й Зап.-Сиб. лин. батальоны, передвинутые в Туркестан из-за осложнений с Англией 1885 г. 9) Направить 2-й Зап.-Сиб. лин. батальон, расположенный в Усть-Каменогорске и Семипалатинске в Забайкальскую область или сухим путем на подводах, или же частью водой (от Семипалатинска до Томска), на что потребуется около 110 дней. 10) Приступить к сформированию из Нерчинской и Стретенской местных команд кадрового резервного батальона, развертываемого по военным штатам в 5 батальонов. Там же. Л. 234 об.–235, 237–237 об.

[298] Там же. Л. 230.

[299] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 247–247 об.

[300] Там же. Л. 248.

[301] Подробную переписку см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 249–268; Там же. Д. 1049. Л. 1–3 об.

70.502 руб. Александр III доклад одобрил[302], после чего началось немедленное приведение в исполнение изложенных в нем мер. 6 июня об этом телеграфировали и направили почтой письма Командующим войсками: Приам., Иркут. и Омск. военных округов, а также министру финансов, 7 июня – Командующему войсками Туркестанского в.о., 8 июня – министру внутренних дел. Проблем с выделением 498 тыс. руб. на эти меры не возникло[303].

Обсуждение мер, предложенных в программе А.Н. Корфа, продолжалось. 3 июня в Главном штабе состоялось совещание «для обсуждения вопроса об усилении нашего положения» в Приам. в.о., куда были приглашены: А.Н. Куропаткин, Управляющий ВУК Главного штаба Ф.А. Фельдман, сверхштатный член ВУК Н.М. Пржевальский, Н.М. Петров, и.д. комитета по мобилизации войск генерал-майор О.Я. Гюббенет и Н.Я. Шнеур[304]. Мнение участников совещания разошлись на заседании настолько, что дискуссии пришлось посвятить еще и 5 июня. Совещание было в первую очередь посвящено стратегическим проблемам, а предмет обсуждения сводился к вопросам «свойств театров военных действий в случае войны с Китаем и цели действий, с тем чтобы в зависимости от сего определить в каком именно направлении и в каких размерах должны быть развиваемы наши военные средства для борьбы с Китаем»[305]. Иными словами, перед тем как усиливать войска Приам. в.о., в Военном министерстве решили, наконец, разобраться, где и как можно вести войну с Китаем, в случае возникновения подобной необходимости[306].

Несмотря на радикальное расхождение во взглядах Н.Я. Шнеура, Н.М. Пржевальского и А.Н. Куропаткина, по нескольким принципиальным вопросам им все-таки удалось прийти к соглашению. С одной стороны, было признано, что на случай войны с Китаем имеющихся в Туркестанском и Омск. в.о. сил и средств более чем достаточно[307]. С другой, констатировалось: «Хотя еще преждевременно напрягать все силы нашего государства теперь-же для полного развития военных средств на Восточно-Сибирской окраине, в виду тех тяжелых жертв, которые для этого потребуются, а также, в виду того, что это напряжение государственных сил должно быть в настоящее время направляемо для поддержания значения России в Европейских делах, но тем не менее, наши военные силы, находящиеся ныне в Приамурском военном округе, недостаточны даже для борьбы с одним Китаем при настоящих условиях и не соответствуют важности этого края для России, а потому должны быть усилены. […] В основу развития наших вооруженных сил на Восточно-Сибирской окраине, соответственно современному состоянию дел, независимо удовлетворения требованиям

---

[302] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 4–10 об.
[303] Там же. Л. 15–16, 18–24, 112–128 об., 132, 139–140, 152.
[304] Там же. Л. 25.
[305] Там же. Л. 29 об.
[306] Там же. Л. 26–70.
[307] Там же. Л. 66 об.

экономии должно быть положено, чтобы, в случае войны с Китаем, Сибирь по возможности обошлась тем, что будет собрано в ней в мирное время, чтобы доведение войск до надлежащей числительности могло быть исполнено главным образом на счет резервов и чтобы войска Приморской и Амурской областей получили возможность в случае разрыва с Китаем немедленно и самостоятельно, не стесняясь закрытием морского сообщения, выполнить лежащие на них задачи по занятию части Маньчжурии (Цицикар, Гирин, Нингута) и вообще по активной защите нашей территории, не требуя и не ожидая подкреплений из Забайкалья, которое само имеет перед собой исполнение важнейших операций, с которым к тому-же сообщение неудовлетворительно».

Основываясь на этом, совещание признало необходимым, независимо от уже реализуемых мер, осуществить по возможности в непродолжительном времени, следующее:

1. Усилить войска Южно-Уссурийского края еще двумя новыми лин. батальонами.

2. Сформировать новый лин. батальон для Амурской области, расположив его в г. Благовещенске.

3. Сформировать местную команду в Хабаровке, чтобы в случае войны освободить стоящий там лин. батальон.

4. Сформировать новую третью регулярную конную сотню для Приморской области.

5. Увеличить число частей, выставляемых ЗКВ, если возможно на один конный полк, пеший батальон и одну пешую батарею.

6. Два горных дивизиона, состоящие при 1-й и 2-й легких батареях Вост.-Сиб. арт. бриг., переформировать в легкую батарею, вооружив ее стальными легкими орудиями. Батарее этой присвоить название 3-й легкой батареи. 3-ю горную батарею переименовать в 5-ю горную батарею, в 4-ю горную батарею передать 2½-дюйм. стальные орудия системы Барановского из упраздненных горных дивизионов; сформировать 6-ю конно-горную батарею, передав на вооружение ее часть 3-фунт. медных пушек из существующей 4-й горной батареи. Все батареи содержать по штатам военного времени.

7. Завести в Приморской области дивизионный летучий арт. парк.

8. Владивостокскую креп. артиллерию усилить двумя новыми креп. ротами.

9. Воспользоваться запасом ратников, проживающих в Азиатской России для возможно большего развития Сибирских резервных батальонов и, соответственно усилению пехоты и развитию резервных батальонов, сформировать необходимое число резервных батарей.

10. Предоставить Приамурскому генерал-губернатору выработать соображение о вооружении русского населения Амурской и Приморской областей и обучении его владеть оружием на случай борьбы с манзами и хунхузами.

11. Для облегчения снабжения огнестрельными припасами войск и населения Сибири

устроить там пороховой завод.

12. Для усиления обороны Амура завести три речные канонерские паровые лодки с углублением не более 2½ футов и вооруженные 6-дюйм. или батарейными орудиями.

13. Сформировать для Приам. в.о. два военно-телеграфных и один инженерный парки.

14. «Усилить и ускорить на сколько возможно колонизацию Приамурского края, которая, способствуя в такой же степени как и военная сила закреплению за нами этой окраины, удешевит в то же время содержание там войск, дав им возможность все необходимое продовольствие приобретать на месте и освободив их от зависимости тех местностей (Корея и Япония), откуда они теперь снабжаются хлебом и мясом».

15. Решить вопрос об улучшении транспортной системы в Забайкалье для облегчения и ускорения сосредоточения войск по направлению к г. Стретенск и к Китайской границе.

16. Приступить к активному изучению путей Монгольского и Маньчжурского ТВД, ведущих от русской границы в Пекин и «к подготовлению в соответствующих окружных штабах всех необходимых данных и сведений для получения правильного понятия об экономическом состоянии наших окраин и сопредельных местностей Китая, а равно и для составления расчетов, относящихся до сосредоточения и передвижения войск как в наших, так и в Китайских пределах».

17. Иметь постоянно 24 месячный запас провианта.

18. Все «меры, в виду больших расходов ими вызываемых, привести в исполнение постепенно, рассрочив на несколько лет»[308].

Таким образом, совещание 3 и 5 июня 1886 г., несмотря на имевшиеся разногласия по стратегическим вопросам, не только признало необходимость усиления русских войск на Дальнем Востоке, но и по сути, разработало новую программу этого усиления, использовав все, что признавалось возможным, из программы А.Н. Корфа, его телеграмм и наработок Главного штаба за последний год. Далее уже эта программа была проработана Главным штабом, причем заключение было дано по каждой из предложенных мер[309]. Получалось, что реализация уже утвержденных императором в 1886 г. мер вместе с формированиями, рекомендованными совещанием 5 июня, обойдется примерно в 3.219.636 руб. единовременного расхода и 1.521.641 руб. (без летучего арт. парка) – ежегодного. Это было заметно дороже первоначальной программы А.Н. Корфа, поскольку: взамен предположенного им усиления округа перемещением туда стр. бриг. из Европейской России войска усиливались сформированием новых частей без ослабления войск расположенных внутри империи; все части войск, формируемые согласно заключению совещания 5 июня, должны были быть в

---

[308] Там же. Л. 67–70.
[309] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 71–108 об.

военном составе; и вследствие развития резервных войск Азиатской России, предполагавших формирование в военное время 30 батальонов и 8 батарей артиллерии, для чего в мирное время было решено образовать на месте необходимые запасы и 2 резервные батареи.

«Исполнение вышеуказанного, – отмечалось в соображениях Главного штаба, – проектировано в виду возможного постепенного усиления нашего положения в Приамурском военном округе. Но принимая во внимание: а) надежду на мирное разрешение недоразумений наших с Китаем и на возможность если не отклонить совсем военное столкновение с ним, то по крайней мере отдалить на несколько лет эту нежелательную для нас борьбу и б) затруднительное положение нашего Государственного Казначейства и невозможность исполнить в будущем году на судах добровольного флота все предположенные перевозки, казалось бы следовало придти к заключению о необходимости распределить приведение в исполнение вышеупомянутых мер» на 3 года.

В 1887 г. сформировать: а) лин. батальон в Благовещенске в составе 24 рядов в полуроте из состава Зап.-Сиб. лин. батальонов, Хабаровскую местную команду (200 чел.), легкую и конную батареи, конную Уссурийскую сотню из сверх комплекта Приам. в.о. и б) новую крепостную роту для Владивостока; 2 телеграфных и 1 инженерный парки по мирному составу без лошадей. Людей для роты и парков, всего 14 офицеров, 500 нижних чинов, а также парковое имущество, отправить из Европейской России морским путем. Приступить к постройке помещений для двух лин. батальонов, предположенных к формированию в Южно-Уссурийском крае. Приобрести три канонерки для рек Амур и Сунгари.

В 1888 г. дослать укомплектование для лин. батальона в г. Благовещенск, легкой и конно-горной батарей, конной сотни и парков до штатного военного времени. Сформировать из 1-й и 5-й Вост.-Сиб. лин. батальонов два новых лин. батальона таким образом, чтобы при помощи 300 нижних чинов, которые могли-бы быть оправлены из Европейской России на образование этих батальонов, получились 4 лин. батальона в составе 36 рядов в полуроте каждый. Доассигновать деньги, нужные на окончание предположенной постройки помещений для этих батальонов. Привести все батареи в усиленную запряжку. Дослать укомплектование парков и доассигновать остальную часть суммы на постройку для них помещений.

В 1889 г. приступить к развитию резервов Азиатской России заготовлением запасов для всего числа предположенных к формированию батальонов и батарей. Сформировать две резервные батареи. Довести число лошадей Вост.-Сиб. арт. бриг., телеграфных и инженерных парков до штатов военного времени[310].

Таким образом, поддержав почти все меры по усилению войск, Главный штаб полностью отказался от накопления в округе запасов на случай военного времени, на чем

[310] Там же. Л. 102–106 об.

активнее всех настаивал Н.Я. Шнеур[311]. Более того, в центральном аппарате министерства решили, что предположение А.Н. Корфа направлять с объявлением войны запасных и новобранцев Тобольской, Томской и Енисейской губерний в войска Приам. в.о., – удовлетворяется полнее и лучше формированием Стретенского резервного батальона и развитием резервных войск Азиатской России, при этом, в случае мобилизации, Приам. в.о. для своего усиления получит вполне организованные части, а не нештатные неспаянные команды новобранцев и запасных[312]. Дальнейшие события показали, что полный отказ от разработки этой идеи был серьезной ошибкой[313]. Однако даже эта программа Главного штаба имела в виду постепенное формирование частей, определенное время находящихся в крайне слабых составах, что, в случае внезапного начала войны, требовало для их развертывания до штатов военного времени запасных, которых в округе не хватало. Более того, со временем, от идеи содержать на Дальнем Востоке все части по штатам военного времени тоже отказались по финансовым соображениям. Зато начали строительство Великой Сибирской железной дороги. В результате, начиная с мобилизации 1900 г. и до начала Первой мировой войны в планах развертывания войск и мобилизационных росписаниях указывалось, что недостаток запасных в Приам. в.о. покрывается запасными, направляемыми из сибирских губерний.

Поскольку пограничные переговоры с Китаем практически благополучно завершились, чего нельзя было сказать о дискуссии по усилению войск округа, 16 августа 1886 г. А.Н. Корф сообщил, что передает командование генерал-майору И.Г. Баранову и выезжает в столицу. По прибытии в Петербург он принялся бомбардировать все министерства и ведомства ходатайствами по всем сторонам жизни вверенной ему территории. Более же всего – военное ведомство. В середине октября он напомнил П.С. Ванновскому о необходимости формирования канонерской флотилии на реках Амур и Сунгари. Предоставил ему же «Доклад о деятельности Окружных Управлений Приамурского военного Округа с сентября 1884 г. по август 1886 г.», после чего П.С. Ванновский потребовал объяснений по содержанию этого документа почти от всех Главных Управлений министерства. Ходатайствовал об усилении не только Владивостока, но и всей приморской обороны Приамурского края, включая район зал. Посьета, устья р. Амур, а также о. Сахалин (предложив возвести укрепления в постах Александровском, Дуйском и Корсаковском)[314].

Все это П.С. Ванновский распорядился обсудить в Главном штабе на очередном

---

[311] Там же. Л. 106 об.–108 об.
[312] Там же. Л. 106–106 об.
[313] Аргументация Главного штаба по этому вопросу выдерживала критику только в том случае, если: 1) все части Приам. в.о. содержались по военному составу, т.е. в военное время их не нужно было разворачивать со штатов мирного времени, для чего требовались запасные; 2) количество запасных в округе позволяло своевременно развернуть до штатов военного времени хотя бы имевшийся резервный батальон, а так было не всегда; 3) существовала нормальная связь сибирских губерний с российским Дальним Востоком, а она отсутствовала.
[314] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 204, 233–237, 240–255 об., 238–238 об., 292–307.

совещании по усилению обороны российского Дальнего Востока – первом, на которое Командующего войсками Приам. в.о. решили пригласить лично[315]. В совещание были переданы все дела по усилению обороны российского Дальнего Востока за предшествующие 6 лет. Заседаний было несколько. Первое – 12 ноября 1886 г., посвятили выбору «базы и пути наступления на случай войны нашей с Китаем», т.е. вопросам стратегического планирования. Второе, 28 ноября, вопросам укрепления Владивостока как с моря, так и с суши, а также увеличения численности гарнизона минимум до 4 батальонов. 19 декабря участники совещания обсуждали «оборону прочих пунктов Приморской области» и дорожного строительства, подтвердив необходимость создания речной флотилии на Амуре и Сунгари. 31 декабря дискутировали о численности в округе войск, необходимых для обороны побережья, и сухопутных операций. Занесенные в заключение 17 пунктов практически полностью повторяли выводы предыдущего совещания и заключения Главного штаба[316].

Реальное же усиление войск Приам. в.о. в 1886 г. оказалось незначительным, и свелось всего к четырем заметным мерам, реализованным в экстренном, а не плановом порядке.

1. 1-я и 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг., Вост.-Сиб. арт. бриг., 1-й и 3-й Вост.-Сиб. лин. батальоны дислоцировавшиеся в Приморской области, 2-й Вост.-Сиб. лин. батальон – в Амурской области и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальон – в Забайкальской были доведены до составов военного времени[317]. Для этого из войск Европейской России было отправлено из Одессы на зафрахтованном Обществом Добровольного флота пароходе «Париж» 1.545 нижних чинов срока 1886 г. при 3 офицерах и 2 врачах. В Забайкальскую область прибыли 470 чел. из Омск. и Иркут. в.о. В результате, произошло «увеличение общего числа нижних чинов почти на одну четвертую часть бывшего состава войск округа»[318].

2. Был сформирован 5-й Вост.-Сиб. лин. батальон, который полагалось содержать в одинаковом составе с 1-м и 3-м Вост.-Сиб. лин. батальонами. Формирование батальона

---

[315] Переписку об этом см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 259–261 об., 287, 289–290, 324–325, 337. В нем должны были принять участие: Н.Н. Обручев, А.Н. Корф, помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант М.Ф. Миркович, Д.Г. Анучин, генерал-губернатор Восточной Сибири и Командующий войсками Иркут. в.о. генерал-лейтенант граф А.П. Игнатьев, начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант В.Г. Золотарев, генерал-майор Ф.А. Фельдман, генерал-майор О.Я. Гюббенет, генерал-майор А.Н. Куропаткин, генерал-майор Н.С. Петров, Н.М. Пржевальский, начальник отделения в Главном управлении казачьих войск генерал-майор М.П. Хорошхин, полковник Н.Я. Шнеур, состоящий для особых поручений при Командующем войсками Приам. в.о. полковник А.Л. Гарнак, помощник начальника артиллерии Приам. в.о. полковник В.Я. Фриде, помощник заведующего Азиатской частью Главного штаба подполковник Д.В. Путята, состоящий для особых поручений при штабе Приам. в.о. подполковник Н.А. Волошинов, помощник старшего адъютанта штаба Приам. в.о. капитан Ф.М. Вебель и состоящий для особых поручений при штабе Приам. в.о. капитан И.А. Евтюгин. Там же. Л. 288.

[316] Там же. Л. 338–363 об.

[317] Там же. Л. 4–10 об.

[318] Если к 1 января 1886 г. в войсках и управлениях Приам. в.о. состояло: 13 генералов, 536 штаб- и обер-офицеров, 220 классных чиновников и 19.114 нижних чинов, то к 1 января 1887 г. их численность возросла до: 13 генералов, 645 штаб- и обер-офицеров, 235 классных чиновников и 23.642 нижних чинов. Таким образом, численность одних только нижних чинов за год возросла почти на 24%, в результате чего до полного укомплектования штатов в округе недоставало только: 4 штаб- и обер-офицеров, 28 классных чиновников и 640 нижних чинов. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 1–2.

происходило в Европейской России, завершилось в Харьковском в.о., после чего он был отправлен на Дальний Восток морем из Одессы[319]. Во Владивосток он прибыл 18 июля[320].

3. В результате сформирования к 23 сентября[321] 5-ротного Стретенского резервного (кадрового) батальона, который в военное время развертывался в 5-батальонный состав, в Приам. в.о. впервые появились резервные войска. Содержать его полагалось «по общему штату резервных кадровых батальонов»[322].

4. Из Омск. в.о. (г. Семипалатинск), по доведении до 42-рядного состава, был переведен в Забайкальскую область (г. Чита) 2-й Зап.-Сиб. лин. батальон, добравшийся туда к 26 сентября 1886 г. Увеличив тем самым, количество лин. батальонов в Приам. в.о. до 6[323]. Кроме того, в 1886 г. существовавшие в Забайкальской области 12 конвойных команд были преобразованы согласно вновь утвержденных штатов; в с. Александровском на о. Сахалин, вместо существовавшего там прод. склада, открыт прод. магазин 2-го класса, а Дуйский прод. магазин переведен из 2-го класса в 3-й[324].

В середине января А.Н. Корф в очередной раз напомнил Н.Н. Обручеву об усилении войск в округе, предложив последовательность реализации предположенных ранее мер на 1887–1889 гг. со всеми расчетами. 19 февраля 1887 г. состоялось очередное, на этот раз уже Особое Совещание[325]. Заседание получилось уникальное – военный министр полностью поддержал требования управляющего Морским министерством о необходимости усиления Тихоокеанской эскадры, в свою очередь И.А. Шестаков полностью поддержал требования П.С. Ванновского немедленно приступить к усилению войск Приам. в.о., после чего министр иностранных дел Н.К. Гирс полностью поддержал их обоих, указав, что эти требования вполне соответствуют текущей внешнеполитической обстановке[326]. Однако И.А. Вышнеградский категорически заявил, что плачевное состояние государственных финансов требует не только избегать любой ценой новых расходов, но и сокращать уже утвержденные, «увеличение которых может быть допущено только в случае наступления непредотвратимых

---

[319] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 176–177; Высочайшее повеление от 10 апреля 1886 г., объявленное Военным Министром О сформировании 5-го Вост.-Сиб. лин. батальона // ПСЗ РИ III. Т 6. № 3632; ПВВ № 95 от 25 апреля 1886 г. // ПВВ за 1886 г. СПб., 1886; Приказ по войскам Приам. в.о. за № 90 от 18 июля 1886 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 106–107; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 158; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 3.

[320] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 199.

[321] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 3; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 309–310 об.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 158.

[322] Первые две роты были сформированы из Нерчинской и Стретенской местных команд (сами команды упразднили), а для образования остальных трех – передвинуты по одной роте Тобольского, Томского и Красноярского резервных батальонов. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 154; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 122.

[323] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 4–10 об.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 161; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 309–310 об.; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 4.

[324] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 4.

[325] В нем приняли участие: Н.К. Гирс, П.С. Ванновский, И.А. Шестаков, товарищ министра иностранных дел А.Г. Влангали, начальник Азиатского департамента МИДа И.А. Зиновьев, управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский и А.Н. Корф. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 370–378.

[326] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1050. Л. 26–58 об.

обстоятельств, угрожающих целостности или чести и достоинству России»[327]. По сути, он готов был обсуждать вопрос о выделении средств только после начала на Дальнем Востоке войне, а не до, чтобы к ней приготовиться. Реальная вероятность потери Российской империей в этом случае ее дальневосточных владений главного финансиста не интересовала. После этого он разъяснил во всех подробностях П.С. Ванновскому, И.А. Шестакову и Н.К. Гирсу, что «немедленное усиление наших сил на Китайской границе скорее принесет вред, нежели пользу и что вместо сего усиления, невозможного при нынешнем финансовом положении, нам следует держаться относительно Китая самого дружественного образа действий, стараясь заслужить его доверие и приязнь…»[328]. Глава МИДа Н.К. Гирс лично доложил Александру III результаты Особого Совещания, однако тот наложил на докладе резолюцию, что считает необходимым отложить до осени решение вопроса о новых военных расходах[329].

Военный министр попробовал еще раз. К 27 февраля 1887 г. был подготовлен очередной всеподданнейший доклад «О мерах по усилению нашего военного положения в Приамурском крае». В нем были представлены сформулированные Главным штабом и одобренные всеми Совещаниями меры, причем с рассрочкой реализации (по финансовым соображениям) на 4 года – 1887–1890 гг.[330]. Александр III написал на нем: «Переговоривши с Управл. Мин. Финансов я решил отложить до осени окончательное ассигнование необходимых средств на все это. В принципе я совершенно согласен на все эти меры»[331].

Военному министру пришлось повиноваться, однако когда в июле месяце Н.Н. Обручев, «в виду приближения осеннего времени», запросил И.А. Вышнеградского о сумме ассигнований на текущий год, тот ответил, что финансирование необходимо «отложить до более благоприятного положения Государственного Казначейства». 27 августа П.С. Ванновский уже не напоминал, а требовал от И.А. Вышнеградского отпустить необходимые на мероприятия 1887 г. деньги, на что последний, игнорируя Высочайшее повеление, попросил военного министра сократить даже «существующие сметные назначения»[332]. Ванновский доложил об этом Александру III, который проявил совершенно несвойственную ему нерешительность и написал 5 октября на докладе: «Я в большом затруднении что тут делать когда Управл. Мин. Финансов положительно не находит возможности назначить этот отпуск»[333]. В результате, в то время как Китай активно наращивал свои силы, а в Японии приступили к реализации первого этапа программы усиления армии и флота[334], и без того

---

[327] Там же. Л. 45 об.
[328] Там же. Л. 49 об.–50.
[329] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1050. Л. 25–25 об.
[330] Там же. Л. 1–24.
[331] Там же. Л. 1.
[332] Там же. Л. 144–144 об., 149–150, 155–157 об.
[333] Там же. Л. 163–166.
[334] Fifty years of new Japan. Completed by Count Shigenobu Okuma, late Prime Minister and Minister for Foreign Affairs. English

крайне вялый процесс усиления Приам. в.о. встал еще на год.

26 октября уже из Министерства финансов запросили, какие суммы «на усиление нашего положения в Приамурском крае» внесены в смету Военного министерства на 1888 г., прозрачно намекая, что никаких сверхсметных ассигнований и в следующем году не будет и все необходимое усиление войск нужно каким-то образом втиснуть в предельный бюджет военного ведомства. Ответили, что никакие. Намек был понят и 30 ноября А.Н. Корфу приказали доработать меры из Всеподданнейшего доклада № 2 от 27 февраля 1887 г., растянув реализацию на более длительный срок, чтобы попытаться вставить их в предельный бюджет. Барон А.Н. Корф растянул проект Главного штаба от 6 марта 1887 г. еще на 2 года, по 1892 г. включительно[335]. Однако этого оказалось недостаточно и ему приказали «еще уменьшить расходы, или, по крайней мере, отсрочить их окончание на более длительный срок, с тем, чтобы довести ежегодные расходы до возможно меньшего предела»[336]. В Приам. в.о. растянули проект еще и на 1893 г., но 19 января 1888 г. А.Н. Корф доложил П.С. Ванновскому, что «при самом тщательном обсуждении вопроса оказалось, что дальнейшее уменьшение числа новых частей, предположенных к формированию в рапорте от 5го Декабря с.г. № 800, невозможно»[337]. Ванновскому не оставалось ничего, как распорядиться, чтобы эти суммы были введены «в общую ведомость военных потребностей на предстоящее пятилетие», т.е. втиснуты в предельный бюджет, что и сделали с одобрения Военного Совета[338]. Однако на проект представления в Государственный Совет, был получен отрицательный отзыв Министерства финансов – И.А. Вышнеградский был готов «в виду скорейшего исполнения предположений Военного Министерства (если таковые признаны будут безотлагательными)» обсуждать вопрос о включении части их в бюджет 1889 г., что уже выглядело как откровенное издевательство над здравым смыслом. «Все тот клин который где-то может привести – и приведет к катастрофе», – пророчески написал 23 апреля на документе П.С. Ванновский[339]. В результате, за весь 1887 г. в округе была сформирована только Владивостокская креп. жандармская команда 3-го класса[340].

Ситуация изменилась 13 мая 1888 г., когда Высочайшим повелением, на основании еще не утвержденных «главных оснований предельных бюджетов Военного Министерства», была определена погодная добавка к смете военного ведомства начиная с 1889 г. и на весь 5-летний период действия предельного бюджета, в общей сумме до 3.699.250 руб., из которых 1.177.000 руб. – на постоянные расходы для усиления войск на Дальнем Востоке. «Что же

---

version ed. by Marcus B. Huish. Vol. I. London, 1909. P. 205–216; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 201–202.
[335] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1050. Л. 183, 205, 217, 225–231 об.
[336] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 1–6 об.
[337] Там же. Л. 1–6 об.
[338] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 18.
[339] Там же. Л. 42–44 об.
[340] Имела в значительной степени контрразведывательные функции. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1050. Л. 187.

касается до расходов единовременных […] в общей сложности до 2½ мил. руб. то их предполагалось покрыть, по примеру прочих мероприятий по увеличению вооруженных сил в Европейской России, на счет случайных сметных остатков»[341]. Необходимость представления в Государственный Совет отпала, и ждали только новых расчетов от А.Н. Корфа. 24 мая 1888 г., удалось пробить первые 105 тыс. руб. предусмотренные программой «на строительные надобности по Приамурскому краю». Они были отпущены с разрешения Александра III как раз «из свободного остатка по интендантской смете за 1887 г.»[342].

21 июня А.Н. Корф прислал Н.Н. Обручеву все расчеты, указав, «что никаких еще больших сокращений расходов сделать положительно невозможно». На этот раз реализация программы была растянута им аж по 1896 г. включительно. «Это зависит от остатков смет, на которые лягут расходы единовременные. Но или выработать другой план и по нему действовать», – написал 23 июня П.С. Ванновский[343]. Однако на этот раз все удалось. Оставалось только дождаться утверждения императором новых правил предельных бюджетов Военного министерства, что и произошло 20 декабря 1888 г.[344]. 3 марта 1889 г. меры по усилению войск Приам. в.о., вместе с новыми финансовыми расчетами, были в очередной раз утверждены Военными Советом. Предполагалось: в 1889 г. сформировать 2-ю Владивостокскую креп. арт. роту; в 1890 г. – сформировать Уссурийский конный дивизион, 9-й и 10-й Вост.-Сиб. стр. батальоны; в 1891 г. – сформировать 6-й Вост.-Сиб. лин. батальон; в 1892 г. – сформировать 3-ю Владивостокскую креп. арт. роту и переформировать Вост.-Сиб. арт. бриг.; в 1893 г. – сформировать 7-й Вост.-Сиб. лин. батальон; в 1894 г. – сформировать 8-й Вост.-Сиб. лин. батальон, две местные команды и 2-й Забайкальский конный полк ЗКВ. Таким образом, организационные мероприятия предполагалось завершить в 1894 г., тогда как строительные – в 1896 г. 24 марта 1889 г. Н.Н. Обручев направил информацию об этом А.Н. Корфу[345]. Только после этого началась, наконец, планомерная реализация инициированных еще в 1885 г. мер.

Поскольку хронологически все мероприятия проводились в рамках утвержденного плана, рассмотрим их, для удобства, по родам войск. В рамках осуществления программы А.Н. Корфа, 30 ноября 1889 г. было Высочайше утверждено положение Военного совета о сформировании в Приам. в.о. двух новых стр. батальонов. Оно предписывало «сформировать не позже 1 декабря 1890 г.» два новых стр. батальона, по одному при каждой из существующих 1-й и 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. Батальону формировавшемуся при 1-й Вост.-

---

[341] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 156–157.
[342] Там же. Л. 59–59 об.
[343] Там же. Л. 79–84.
[344] Высочайше утвержденные 20 декабря 1888 г. Правила о порядке составления, рассмотрения и исполнения финансовых расходных смет Военного Министерства на пятилетие 1889–1893 годов // ПСЗ РИ. III. Т. 8. № 5661.
[345] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 156–166.

Сиб. стр. бриг. присвоили № 5. Батальон, уже носивший этот номер переименовали в 9-й, а батальону, формируемому при 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. присвоили № 10. В результате, количество батальонов в каждой Вост.-Сиб. стр. бриг. было доведено до 5[346].

Новый, 6-й Вост.-Сиб. лин. батальон, к 1 декабря 1890 г. уже сформировали из состава Николаевской, Александровской Де-Кастри, Ольгинской и Сучанской местных команд, упразднив последние. Местом постоянной дислокации батальона должен был стать г. Николаевск[347]. «В пунктах расположения упраздненных команд оставлены команды нижних чинов в числе, необходимом по заявлению Губернатора Приморской области для охранительной караульной службы; остальные люди будут перевезены к штабу батальона в г. Николаевск с открытием навигации весною 1891 г. на пароходе купца Шевелева Байкал»[348]. Так, с одной стороны, был сформирован новый лин. батальон, а с другой, продолжился объективный процесс ликвидации и переформирования местных команд, не являвшихся, по сути, полноценными боевыми частями. В данном случае, способ формирования новых частей из уже имевшихся иллюстрировал в первую очередь острую нехватку средств в бюджете.

В рамках программы происходило и усиление гарнизона Владивостокской крепости. В августе 1890 г. император утвердил положение Военного совета о формировании во Владивостоке, из состава войск Южно-Уссурийского отдела, не позднее 1 декабря 1891 г., 7-го Вост.-Сиб. лин. батальона (сформирован к 1 ноября)[349]. Следующим шагом стало исключение 30 апреля 1891 г., 2-го Зап.-Сиб. лин. батальона из состава Зап.-Сиб. лин. бриг. с переименованием его в 8-й Вост.-Сиб. лин. батальон[350]. Весной следующего, 1892 г. этот батальон был доведен до штатов военного времени[351]. 15 июня 1892 г. император

---

[346] Своеобразная же манипуляция с переименованием «старого» 5-го Вост.-Сиб. стр. батальона нужна была для того, чтобы не перебрасывать уже существующие части из состава одной бригады в другую. Высочайше утвержденное 30 ноября 1889 г. положение Военного Совета О сформировании в Приам. в.о. двух новых стр. батальонов // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6398; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 294; Там же. Л. 298; ГАХК. НСБ Ед. хр. 1342. Л. 129; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 60; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 2 об.; Подробную переписку по разработке этого мероприятия см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 230–241.

[347] Подробную переписку по формированию батальона см.: // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 4–98 об.; Высочайше утвержденное 8 июня 1890 г. положение Военного Совета О подчинении Коменданта крепости Владивостока Командующему войсками Приам. в.о., об упразднении Николаевской, Де-Кастринской, Ольгинской и Сучанской местных команд и об учреждении при Командующем войсками Амурской области обер-офицера Генерального Штаба для поручений // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6918; ПВВ № 158 от 19 июня 1890 г. // ПВВ за 1890 г. СПб., 1890; ЦГШ № 267 от 9 декабря 1890 г. // ЦГШ за 1890 г. СПб., 1890; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 3.

[348] Там же. Л. 3.

[349] Высочайше утвержденное 23 августа 1890 г. положение Военного Совета О сформировании в городе Владивостоке 7-го Вост.-Сиб. лин. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 7093; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 59; ЦГШ № 198 от 5 ноября 1891 г. // ЦГШ за 1891 г. СПб., 1891; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 1. Л 64–65; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 4.

[350] Этим была ликвидирована продолжавшаяся с 1886 г. совершенно ненормальная ситуация, когда постоянно находящийся на территории Приам. в.о. лин. батальон носил наименование Западно-Сибирского и формально числился в составе лин. бриг., находившейся от него за тысячи верст. Высочайшее повеление от 30 апреля 1891 г. О переименовании 2-го батальона Зап.-Сиб. лин. бриг. в 8 Вост.-Сиб. лин. батальон // ПСЗ РИ III. Т. 11. № 7660; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 1. Л. 244; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 4–5.

[351] Высочайше утвержденное 23 апреля 1892 г. положение Военного Совета О доведении 8-го Вост.-Сиб. батальона до штатов военного времени // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 8522; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 169; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 3–3 об.

санкционировал создание 9-го Вост.-Сиб. лин. батальона, формирование которого предполагалось произвести не позже 1 декабря 1893 г. во Владивостоке, для усиления гарнизона которого он и предназначался, и снова из «состава войск Южно-Уссурийского отдела». К 1 ноября 1893 г. батальон сформировали[352]. Еще через год, 29 июля 1893 г., Александр III санкционировал сформирование 10-го Вост.-Сиб. лин. батальона (в Хабаровске), а также Благовещенской и Хабаровской местных команд. Произвести его предполагалось не позднее 1 декабря 1894 г. из состава войск Приам. в.о., что и было сделано[353]. Таким образом, количество Вост.-Сиб. лин. батальонов в Приам. в.о. было доведено до 10, а местных команд – до 9[354].

Начавшаяся в 1894 г. Японо-китайская война, показавшая к зиме 1894–1895 гг. всю мощь молодой военной машины Японии, заставила Военное (и не только) министерство обратить, наконец, внимание на далекую окраину и начать активно импровизировать. Прежде всего, нужно было подготовить лин. батальоны к возможному боевому применению наравне со стрелковыми, и к постепенному переформированию либо в стр. батальоны, либо – в стр. полки, в зависимости от ситуации. С этой целью, новый император Николай II 24 февраля 1895 г. утвердил положение Военного совета, предписывавшее немедленно создать в г. Хабаровск должность командира Вост.-Сиб. лин. бриг., с правами начальника дивизии, включив в состав этой бриг. 3-й, 6-й и 10-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, и подчинить ее командиру Хабаровскую местную команду и сотню Уссурийского конного казачьего дивизиона (после перевода в Хабаровск)[355]. В итоге, общее руководство всеми расположенными вдоль р. Амур лин. батальонами возложили на командира создаваемой бриг., что должно было позволить в боевых условиях лучше координировать действия этих частей. Ожидавшееся в ближайшие несколько лет формирование на базе этих батальонов стр. бриг. или дивизии тоже было проще производить путем переформирования лин. бриг. целиком, а не батальонов по отдельности.

Резервные войска были по-прежнему представлены в округе лишь Стретенским резервным (кадровым) батальоном 5-ротного состава, доведенным в 1892 г. до штатов

---

[352] Переписку о формировании батальона см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 147–151 об., 153–162 об., 187–190; Высочайше утвержденное 15 июня 1892 г. положение Военного Совета О сформировании 9-го Вост.-Сиб. лин. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 8709; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 188; ГАХК. НСБ. Ед. хр. № 1334. Л. 106, 233; ЦГШ № 240 от 5 мая 1893 г. // ЦГШ за 1893 г. СПб., 1893; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 4 об.

[353] Переписку об их формировании см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1053. Л. 19–34 об., 41–46; Высочайше утвержденное 29 июля 1893 г. положение Военного Совета О сформировании 10-го Вост.-Сиб. лин. батальона и Благовещенской и Хабаровской местных команд // ПСЗ РИ III. Т. 13. № 9902; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1053. Л. 43–43 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 94–96, 149; ЦГШ № 182 от 17 сентября 1894 г. // ЦГШ за 1894 г. СПб., 1894; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 6 об.

[354] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6 об.

[355] ГАХК. НСБ. Ед. хр. № 1336. Л. 92; Высочайше утвержденное 24 февраля 1895 г. положение Военного Совета О сведении Приморских сотен в Приморский конный дивизион и об образовании Управления Вост.-Сиб. лин. бриг. // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11403; ПВВ № 58 от 15 марта 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895; ЦГШ № 98 от 13 мая 1895 г. // ЦГШ за 1895 г. СПб., 1895.

Иркутского резервного батальона[356]. Кроме того, под юрисдикцией военного ведомства по-прежнему находились конвойные команды, в задачи которых входило сопровождение государственных преступников, отправляемых на каторгу. Их количество в рассматриваемый период сократилось на 1 (Стретенскую), причем была также упразднена Тайнинская конвойная команда и создана Газимурская. К 20 мая 1895 г. их было 11[357].

Значительным изменениям подверглась регулярная кавалерия[358]. 30 апреля 1891 г. было Высочайше повелено 1-ю и 2-ю Уссурийские конные сотни переименовать «в 1-ю и 2-ю Приморские таковые же»[359], что было вызвано необходимостью избежать путаницы после преобразования 3 февраля 1890 г. Уссурийского пешего батальона УКВ в конный дивизион[360]. В 1893 г. должность штаб-офицера, заведывающего конными сотнями в Южно-Уссурийском крае была упразднена. Вместо нее создали должность и управление командира Уссурийской конной бриг. (Приморский конный дивизион и 1-й Забайкальский казачий полк ЗКВ)[361].

Постепенные преобразования проводились в инженерных войсках. 20 июля 1892 г. последовал приказ о формировнии Владивостокской креп. минной роты аналогично штатам Кронштадтской креп. минной роты[362]. Рота формировалась в Европейской России и прибыла во Владивосток из Одессы весной следующего года[363]. В августе 1894 г., в рамках целого комплекса преобразований инженерных частей в русской армии, было принято решение о формировании на базе Вост.-Сиб. сап. роты нового Вост.-Сиб. сап. батальона в составе 2 сап. и 1 телеграфной рот[364]. Завершение в это время строительства уссурийского участка Транссиба вызвало необходимость появления в округе железнодорожных войск. 26 мая 1895 г. последовал приказ о формировании 1-го Уссурийского ж.д. батальона 4-ротного состава[365]. 27 августа 1895 г. формирование батальона, официальным местом квартирования которого на первое время стал Владивосток, было завершено[366].

---

[356] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 205.

[357] Баярская, Ильинская, Курбинская, Онинская, Укырская, Шакшинская, Турино-Поворотная, Размахинская, Нерчинская, Шелопугинская и Газимурская. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6 об.

[358] Об этом см.: Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*»… С. 77–79.

[359] Высочайшее повеление от 30 апреля 1891 г., объявленное Военным Министром О переименовании 1-й и 2-й Уссурийских конных сотен в Приморские таковые же сотни // ПСЗ РИ III. Т. 11. № 7658; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. I. Л. 165; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 5.

[360] Высочайше утвержденное 3 февраля 1890 г. положение Военного Совета О преобразовании Уссурийского пешего полубатальона в конный дивизион // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6569; ПВВ № 60 от 23 февраля 1890 г. // ПВВ за 1890 г. СПб., 1890; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 30.

[361] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 5.

[362] ПВВ № 197 от 20 июля 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892.

[363] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 4 об.–5.

[364] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 2–3 об; ПВВ № 200 от 27 августа 1894 г. и приложение к нему: Положение о составе и устройстве полевых инженерных войск // ПВВ за 1894 г. СПб., 1894. На практике создание батальона, местом постоянного квартирования которого определили г. Хабаровск, несколько затянулось и завершилось лишь к 14 июля 1895 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6 об.; ЦГШ № 153 от 1 августа 1895 г. // ЦГШ за 1895 г. СПб., 1895.

[365] Высочайшее поведение от 26 мая 1895 г. объявленное Военным Министром О сформировании для нужд Южно-Уссурийской железной дороги 1-го Уссурийского ж.д. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11721; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д.1897. Л. 49–50; ПВВ № 123 от 26 мая 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895.

[366] ЦГШ № 170 от 6 сентября 1895 г. // ЦГШ за 1895 г. СПб., 1895.

Изменения в регулярной артиллерии были связаны с присвоением Владивостоку статуса крепости, что привело к более активному развитию креп. артиллерии. 25 декабря 1889 г. креп. арт. рота во Владивостоке была переименована в 1-ю роту Владивостокской креп. артиллерии[367], а уже 28 августа 1889 г. было предписано не позже 1 декабря 1889 г. сформировать 2-ю роту Владивостокской креп. артиллерии[368], что сумели сделать только к 25 декабря этого года[369]. Через год, в конце декабря 1891 г. было утверждено сформирование 3-й роты Владивостокской креп. артиллерии. Начать предполагалось с 1 июля 1892 г.[370], однако, уже к 28 июня 1892 г. она была полностью сформирована[371]. В результате, Владивостокская креп. артиллерия увеличила свой состав до 3 рот, что повлекло за собой утверждение новых, усиленных, штатов ее управления[372]. Решение о формировании 4-й роты Владивостокской креп. артиллерии было принято 28 апреля 1895 г., т.е. как раз во время мобилизации войск округа, при непосредственной угрозе начала войны с Японией[373], став одним из первых мероприятий целого комплекса преобразований проводимых в войсках на Дальнем Востоке, в период между Японо-китайской и Русско-японской войнами.

Не осталась без внимания и Вост.-Сиб. арт. бриг. 28 февраля 1892 г. Александр III утвердил положение о переводе ее в 6-батарейный состав. Предполагалось сформировать в составе бригады 5-ю и 6-ю легкие батареи; существующие 3-ю и 4-ю горные батареи перевооружить легкими орудиями; всем легким батареям присвоить «нормальный штат действующей легкой батареи, содержа эти батареи в мирное время по означенному штату в военном составе с 5-м запасным взводом в усиленной запряжке на 8 орудий и 4 зарядных ящика»; находящимся при 1-й и 2-й легких батареях этой бригады горным полубатареям присвоить новый штат, «содержа эти полубатареи на будущее время при 2 и 3 легких батареях … в мирном составе и в таковой же запряжке»; расположенную в Благовещенске 1-ю легкую батарею «временно выделить из состава бригады», подчинив ее непосредственно начальнику артиллерии Приам. в.о.[374]. Все это завершили до конца 1892 г., в т.ч. 5-ю батарею

---

[367] Хроника рот крепостной и осадной артиллерии. Издание ГАУ. Сост. Я.Я. Вакар. СПб., 1908. С. 31.

[368] Высочайше утвержденное 28 августа 1889 г. положение Военного Совета О сформировании 2-й роты Владивостокской креп. артиллерии // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6249; ПВВ № 216 от 15 сентября 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; Приказ по войскам Приам. в.о. № 140 от 18 декабря 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.

[369] ЦГШ № 3 от 3 января 1890 г. // ЦГШ за 1890 г. СПб., 1890; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 204; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 8.

[370] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 291–291 об.; Высочайше утвержденное 21 декабря 1891 г. положение Военного Совета О сформировании 3-й креп. арт. роты Владивостокской креп. артиллерии // ПСЗ РИ III. Т. 11. № 8177; ПВВ № 11 от 15 января 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892.

[371] ГАХК. НСБ. Ед. хр. № 1333. Л. 213; ЦГШ № 164 от 16 сентября 1892 г. // ЦГШ за 1892 г. СПб., 1892; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 2 об.

[372] Высочайше утвержденное 27 сентября 1891 г. положение Военного Совета О присвоении Управлению Владивостокской креп. артиллерии нового штата // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 8928.

[373] ПВВ № 96 от 28 апреля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895.

[374] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 291–291 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1052. Л. 63–68 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. № 1333. Л. 203; Высочайше утвержденное 28 февраля 1891 г. положение Военного Совета О переформировании Вост.-

сформировали к 10 октября 1892 г., 6-ю – к 20 ноября[375]. Кроме того, до 15 мая 1895 г., вместе с расположенной в г. Благовещенск 1-й легкой батареей Вост.-Сиб. арт. бриг., из состава бригады была выведена и 6-я легкая батарея, дислоцировавшаяся в г. Хабаровск[376]. В результате, к маю 1895 г. не только удалось завершить начатые в феврале 1892 г. преобразования в дальневосточной артиллерии, но предпринять ряд подготовительных шагов для ожидавшегося формирования 2-й Вост.-Сиб. арт. бриг.

Следующим этапом усиления артиллерии в Приам. в.о., уже как следствие Японо-китайской войны 1894–1895 гг. было формирование 1-й и 2-й мортирных батарей при Вост.-Сиб. арт. бригаде. 28 апреля 1895 г. 1-я и 4-я мортирные батареи 2-го Арт. мортирного полка были переименованы в 1-ю и 2-ю мортирные батареи Вост.-Сиб. арт. бриг., соответственно[377], но к 15 мая 1895 г. они еще не успели прибыть на Дальний Восток из Европейской России. По аналогичной схеме параллельно создали Отдельный Забайкальский арт. дивизион: 28 апреля 1895 г. 4-я и 5-я батареи 35-й Арт. бригады были переименованы в 1-ю и 2-ю Забайкальские пешие арт. батареи Отдельного Забайкальского арт. дивизиона[378].

Таким образом, к 15 мая 1895 г. регулярная артиллерия в Приам. в.о. была представлена Вост.-Сиб. арт. бриг., в составе 2-й легкой батареи (с горной полубатареей при ней), 3-й легкой батареи (с горной полубатареей при ней), 4-й и 5-й легкими батареями. 1-я и 6-я легкие батареи были временно выведены из ее состава и подчинены непосредственно начальнику артиллерии округа. Существовала также Владивостокская креп. артиллерия 3-ротного состава и Николаевская креп. арт. команда для обслуживания орудий на береговых батареях. Подвижной арт. парк и склад находились в г. Чита[379]. Более кардинальное усиление артиллерии в округе произошло уже после отказа Японии от части базовых требований Симоносекского договора во второй половине 1895 г.

Слабым оставался уровень развития военной инфраструктуры округа. Несмотря на рост количества военных частей, количество прод. магазинов в округе сократилось с 17 в 1887 г. до 16 в 1895 г. Однако изменилась градация магазинов по классам (1-й, 2-й и 3-й). Если в 1887 г. в округе было 7 магазинов 1-го класса, 6 – 2-го и 4 – 3-го, то в 1895 г. количество магазинов 1-го класса осталось прежним (но не сами магазины), 2-го класса увеличилось до 4, а 3-го – до 5. При этом существенным изменениям подверглась принадлежность магазинов

Сиб. арт. бриг. в 6-ти-батарейный состав // ПСЗ РИ III. Т. 12. № 8370; ПВВ № 61 от 16 марта 1892 г. // ПВВ за 1892 г. СПб., 1892; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1053. Л. 18.

[375] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 2 об.–3.

[376] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6–6 об.

[377] ПВВ № 96 от 28 апреля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895; Хроника батарей пешей и конной артиллерии и артиллерийских парков. СПб., 1896. Ч. II. С. 138.

[378] ПВВ № 96 от 28 апреля 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895; Хроника батарей пешей и конной артиллерии… С. 138.

[379] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6 об.

внутри этой градации, а также и сами магазины[380]. В 1888 г. был создан Хабаровский вещевой интендантский склад с завозным магазином во Владивостоке (открыл действия 1 января 1889 г.), что обеспечило своевременное снабжение войск необходимыми предметами обмундирования, «вследствие возможности пополнить означенный склад вещами кругосветно из Европейской России, доставка которых этим способом обходится значительно дешевле, сравнительно с практиковавшеюся перевозкою вещевого довольствия через Сибирь, нередко представлявшую довольно большие затруднения»[381]. Существовавший ранее Иркутский вещевой склад упразднили, а его служащих перевели в Хабаровку[382]. Артиллерийские припасы содержались в двух Окружных арт. складах: Читинском и Хабаровском[383].

Существенным изменениям в рассматриваемый период подверглись в округе казачьи войска. Наиболее значимым событием стало создание нового казачьего войска – Уссурийского. 1-й пункт высочайше утвержденного 26 июня 1889 г. мнения Государственного Совета предписывал «казачье население Уссурийского полубатальона Амурского казачьего войска выделить из состава последнего и образовать из сего населения отдельное казачье войско». Причем существенной перестройке подверглось и местное военное управление[384]. (Об этом см.: 2.3). К концу 1889 г. «численный состав строевых частей и управлений» нового войска составлял 10 офицеров и 194 нижних чина[385]. Менее чем через месяц, 14 июля 1889 г., Александр III утвердил положение Военного совета об управлении новым войском, в котором указывалось, что «по отбыванию воинской повинности и хозяйственным частям» создаваемое войско будет руководствоваться уже существующей нормативно-правовой базой АКВ, а все делопроизводство Уссурийского пешего полубатальона надлежит передать из войскового правления АКВ в военную канцелярию военного губернатора Приморской области[386].

---

[380] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 90. Л. 11 об.; Там же. Д. 206. Л. 8.
[381] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 4.
[382] ПВВ № 248 от 22 ноября 1888 г. // ПВВ за 1888 г. СПб., 1888.
[383] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 90. Л. 11 об.; Там же. Д. 206. Л. 8.
[384] Высочайше утвержденное 26 июня 1889 г. мнение Государственного Совета об образовании Уссурийского казачьего войска // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6139; ПВВ № 182 от 3 августа 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 95; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 38.
[385] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 38–39.
[386] Высочайше утвержденное 14 июля 1889 г. положение Военного Совета Об управлении Уссурийского казачьего войска // ПСЗ РИ III. Т. 9. № 6200; ПВВ № 182 от 3 августа 1889 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; Приказ по войскам Приам. в.о. № 135 от 1 декабря 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889. Выделение Уссурийского пешего полубатальона из состава АКВ было давно назревшей и ожидаемой мерой. После мобилизации 1877–1878 гг. когда Уссурийский пеший тогда еще батальон не смог выставить нужное число людей и был переформирован в полубатальон (3 ноября 1879 г.), он по военной части подчинялся АКВ, а по гражданской – военному губернатору Приморской области, что было очень неудобно в связи с удаленностью командования. Создание самостоятельного казачьего войска с одной стороны, решало эту проблему, а с другой – отвечало общим интересам усиления группировки русских войск в Южно-Уссурийском крае. Барон А.Н. Корф еще в 1886 г. сообщал военному министру, что расположение АКВ в двух областях и подчинение двум начальникам создает массу неудобств, и просил о его разделении. Необходимость этой меры обусловливалась и тем, что население Уссурийского полубатальона владело «весьма обширной территорией в наиболее опасной и наиболее угрожаемой части нашей границы с Китаем…». Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 177.

3 февраля 1890 г. Александр III утвердил положение о преобразовании Уссурийского пешего полубатальона в конный дивизион, предписывавшее УКВ вместо пешего полубатальона, выставлять на службу «а) штаб казачьего конного дивизиона и б) в мирное время одну, а в военное – три казачьи конные сотни». В связи с переводом основной части войска из пехоты в кавалерию предписывалось, взамен действующих постановлений о пеших частях АКВ, новому войску руководствоваться постановлениями, определенными для конных частей этого же войска. Переформирование было завершено до конца 1890 г.[387]. 24 мая 1894 г. Уссурийский казачий конный дивизион был переименован в Уссурийский конный дивизион[388].

После осуществления этих преобразований АКВ уменьшилось и стало компактнее, располагаясь на территории только Амурской области. Дальнейшие преобразования в нем последовали весной 1895 г., после утверждения Николаем II 8 мая 1895 г. мнения Государственного Совета о некоторых изменениях в его устройстве. Предполагалось округ пешего полубатальона АКВ упразднить, а его территорию и население присоединить к составу округа конного полка. В свою очередь округ конного полка в новых границах получил наименование «округи Амурского казачьего войска», которая была разделена на три участка, в соответствии со взглядами Приамурского генерал-губернатора. Управление населением как войскового, так и невойскового сословий в пределах округи было возложено «в полицейском и общеадминистративном отношениях» на ее начальника, должность которого предполагалось соединить со званием командира Амурского казачьего полка. Был утвержден и проект штата управления округи АКВ в составе 5 чел.[389]. Все эти меры были лишь преддверием крупных и серьезных преобразований в АКВ, задуманных новым Командующим войсками Приам. в.о. С.М. Духовским[390]. Их масштабное осуществление началось в июне 1895 г.

Постепенно реформировали и ЗКВ. Еще в 1886 г. А.Н. Корф возбудил ходатайство об увеличении числа выставляемых войском конных полков. Из-за слабой населенности 1-го и 2-го военных отделов войска, которые к тому времени уже снабжали людьми конный полк и две конные батареи, было признано возможным сформировать лишь один новый конный казачий полк 4-сотенного состава. Затем его состав постепенно предполагалось довести до 6 сотен. Для создания в будущем еще одного конного полка А.Н. Корф предложил комплектовать как

---

[387] Высочайше утвержденное 3 февраля 1890 г. положение Военного Совета О преобразовании Уссурийского пешего полубатальона в конный дивизион // ПСЗ РИ III. Т. 10. № 6569; ПВВ № 60 от 23 февраля 1890 г. // ПВВ за 1889 г. СПб., 1889; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 30; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 3; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1051. Л. 200–260.

[388] ПВВ № 125 от 5 июня 1894 г. // ПВВ за 1894 г. СПб., 1894; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Под ред. В.К. Шенк. Составил В.Х. Казин. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка ИМПЕРАТОРСКОЙ Главной Квартиры. СПб., 1912. С. 319.

[389] Высочайше утвержденное 8 мая 1895 г. мнение Государственного Совета О некоторых изменениях в административном устройстве Амурского казачьего войска и об утверждении штата Управления округи того же войска // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11650.

[390] Эти меры начали прорабатывать в Военном министерстве в 1894 г. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1053. Л. 61–63, 69–97.

пешие, так и конные части казаками из всех трех отделов ЗКВ.

11 сентября 1887 г. он получил разрешение Главного управления иррегулярных войск на сформирование 2-го Забайкальского конного полка 4-сотенного состава, с последующим доведением его до 6-сотенного состава, а по возможности и сформированием 3-го конного полка. С этой целью, весной 1888 г. было отменено деление ЗКВ на пешие и конные отделы, а с 1890 г. вводилось и комплектование как конных, так и пеших частей из всех трех военных отделов, т.е. всем войском[391]. При этом «определение общего числа казаков, долженствующих от каждого войскового отдела выйти на службу пешими или конными, предоставлено власти Войскового Наказного Атамана Приамурских казачьих войск», а разверстка по отдельным станицам – Наказного атамана войска[392]. В результате, воинская повинность стала распределяться между казаками равномернее.

Новый, № 2-й конный полк ЗКВ 4-сотенного состава предполагалось сформировать в июле 1894 г., однако уже в июле 1893 г. новый Командующий войсками округа С.М. Духовской докладывал в центр, что это потребует одновременного призыва на действительную службу казаков четырех возрастов, никогда на ней не бывших, что может быть оправдано только чрезвычайными мерами. Причин к введению последних не наблюдалось, поэтому С.М. Духовской предложил формировать полк постепенно, в течение четырех лет, по следующей схеме: т.к. целью формирования нового полка было увеличение количества конницы в Южно-Уссурийском крае, без сокращения ее численности в Забайкалье, то три сотни (№1–3) № 1-го конного полка ЗКВ, расположенные в Забайкалье, поступили бы с 1 января 1894 г. в состав нового № 2-го полка и одновременно началось формирование его штаба в г. Чита. Остальные сотни № 1-го конного полка (№ 4–6), дислоцировавшиеся в Южно-Уссурийском крае, остались бы там в составе № 1-го конного полка, штаб которого, с началом навигации 1894 г. перебросили бы из г. Чита в с. Никольское. Затем, с 1894 по 1897 г. полки бы постепенно пополняли новобранцами, полностью укомплектовав их до штатного состава в 1897 г.

14 октября 1893 г. проект С.М. Духовского был одобрен Военным Советом, а 24 ноября утвержден императором. Число первоочередных частей ЗКВ увеличилось на один конный полк, а номера второочередных полков были изменены на № 3-й и № 4-й. Дальнейшее формирование полков и доведение их до штатного состава должно было происходить по плану С.М. Духовского. В соответствии с ним, в начале 1894 г. в г. Чита был сформирован штаб № 2-го Забайкальского конного полка из офицеров и чинов № 1-го полка, а штаб № 1-го конного полка отправили в навигацию 1894 г. вместе с молодыми казаками, назначенными на

---

[391] ПВВ № 117 от 31 мая 1888 г. // ПВВ за 1888 г. СПб., 1888.
[392] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 30.

укомплектовании полка, в с. Никольское. К 1-му января 1895 г. оба конных полка были доведены до 4-сотенного состава[393]. В дальнейшем доведение полков до штатного состава было ускорено мобилизацией весны 1895 г., когда они и были доукомплектованы.

В рассматриваемый период произошел еще ряд важнейших для ЗКВ событий. Так 24 мая 1894 г. было «установлено новое наименование строевых частей, без №, но с цифрой перед названием и без наименования: конный, пеший или конно-артиллерийский[394]. В результате, № 1-й и № 2-й конные полки ЗКВ стали именоваться 1-й и 2-й Забайкальские казачьи полки, № 1-й и № 2-й пешие батальоны ЗКВ – 1-м и 2-м Забайкальскими казачьими батальонами, а № 1-я и № 2-я Забайкальские конно-артиллерийские батареи – 1-й и 2-й Забайкальскими казачьими батареями.

В остальном, совершенствование войск, как регулярных, так и иррегулярных, происходило, главным образом, «по хозяйственной части».

Однако важнейшим шагом по усилению обороноспособности российского Дальнего Востока стало отнюдь не усиление войск. Еще в середине 80-х годов XIX в. военный министр П.С. Ванновский, по просьбе А.Н. Корфа, возбудил ходатайство «о постройке Томско-Иркутской, Забайкальской и Южно-Уссурийской железных дорог. Дороги эти, соединяя большие сибирские водные пути, дали бы возможность перевозить войска из Европейской России к берегам Тихого Океана при помощи пара»[395]. Александр III идею одобрил, изыскания по этим дорогам были проведены быстро и энергично, после чего работа над ними была оставлена, в связи с началом строительства единой Великой Сибирской железной дороги[396]. Министр финансов И.А. Вышнеградский активно боролся и против этого проекта, однако 25 февраля 1891 г. Александр III подписал указ о сооружении дороги и вскоре начались работы по строительству ее первых участков: 6 марта 1891 г. – от Миасса до Челябинска, 19 мая 1891 г. – от Владивостока до Хабаровска, и по изысканиям на всей остальной линии от Челябинска до Хабаровска[397]. Строительство стратегической ж.д. магистрали, сохраняющей свое военное значение до сих пор, началось.

* * *

Создание в 1894 г. 10-го Вост.-Сиб. лин. батальона, двух местных команд – Хабаровской и Благовещенской и № 2 конного полка ЗКВ завершили реализацию выработанной в 1885–1888 гг. программы усиления войск Приам. в.о. В целом, за время

---

[393] ПВВ № 286 от 11 декабря 1893 г. // ПВВ за 1893 г. СПб., 1893; Приказ по войскам Приам. в.о. № 39 от 24 февраля 1894 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 1–2; ЦГШ № 69 от 2 апреля 1894 г. // ЦГШ за 1894 г. СПб., 1894; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 6 об. См. также: Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Т. 3. Чита, 1918. С. 232–235; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск... С. 295.

[394] ПВВ № 125 от 5 июня 1894 г. // ПВВ за 1894 г. СПб., 1894; Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск... С. 295.

[395] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 857. Л. 2–2 об.

[396] Там же. Л. 2 об.–3.

[397] Лукоянов И.В. Великая Сибирская железная дорога // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М., 2004. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 127–128.

реализации доработанной Главным штабом программы А.Н. Корфа в период с 1887 г. по май 1895 г. в округе численность Вост.-Сиб. стр. батальонов возросла с 8 до 10, т.е. к концу периода их количество равнялось пяти в составе каждой Вост.-Сиб. стр. бриг. Количество Вост.-Сиб. лин. батальонов увеличилось с 6 до 10, и начато было формование Вост.-Сиб. лин. бриг. Возросло и количество регулярной артиллерии – число батарей в Вост.-Сиб. арт. бриг. увеличилось с 4 до 6. По мере возведения оборонительных сооружений крепости развивалась и Владивостокская креп. артиллерия, подверглись преобразованиям части регулярной кавалерии, а в составе иррегулярных войск появилось новое УКВ. В то же время общая численность войск в округе возросла незначительно и несоразмерно внешним угрозам. Если к 1 января 1884 г. на территории будущего Приам. в.о. было: 10 генералов, 334 штаб- и обер-офицера, 165 классных чиновников и 11.601 нижний чин, то к 1 января 1885 г.: 11 генералов, 354 штаб- и обер-офицеров, 156 классных чиновников и 13.827 нижних чинов, т.е. за первый год состав войск округа увеличился на 1 генерала, 20 штаб- и обер-офицеров и 2.226 нижних чинов[398]. По данным же на 1 января 1895 г. по спискам в округе состояло: 18 генералов, 809 штаб- и обер-офицеров, 241 классный чиновник и 32.885 нижних чинов[399]. Таким образом, за 10 лет существования Приам. в.о. его состав увеличился на 7 генералов, 455 штаб- и обер-офицеров и 19.058 нижних чинов (См.: прил. 3).

В Японии примерно за то же время были созданы: по немецкому образцу современная европейского типа армия численностью в 7 дивизий и 4 креп. арт. полка, всего: 80 батальонов, 20 эскадронов, 40 батарей, 7 инженерных и 7 обозных батальонов и 12 батальонов креп. артиллерии, в которых числилось в мирное время 4.353 офицера и 59.728 нижних чинов, а в военное – 4.721 и 166.671, соответственно; по британскому образцу – современный военно-морской и торговый флоты и мощная береговая оборона, с которыми страна и вступила в 1894 г. в войну с Китаем[400].

При этом заметно сокращенная и воплощаемая в течение 6 лет, после 2 лет дискуссий, программа предложенных в 1885 г. «неотложных» мер по усилению войск Приам. в.о. была реализована лишь накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Несоразмерная потенциальным угрозам российскому Дальнему Востоку даже в первоначальном варианте, без сокращений и урезаний, к 1894 г. она совершенно не отвечала требованиям времени и не обеспечивала даже в минимально необходимой степени обороноспособность российского Дальнего Востока. В округе катастрофически не хватало кавалерии. Отсутствие необходимых для ведения войны интендантских, арт. и прод. запасов, войскового обоза, различных транспортов, арт. парков и госпиталей делали совершенно немыслимыми использование этих

---

[398] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 1–2.
[399] Там же. Д. 866. Л. 1а.; Там же. Д. 867. Л. 1а.
[400] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 698. Л. 2–3.

войск для активных операций. Более того, значительная часть этих сил требовалась для защиты так и не усиленной в должной степени Владивостокской крепости, вооруженной большей частью устаревшими орудиями. Отсутствие же на Амуре канонерской флотилии, делало невозможным достаточный контроль в условиях военного времени р. Амур и его притоков, а значит, ставило под угрозу все снабжение Южно-Уссурийского края и транспортную связь большей части Приам. в.о. с Забайкальем.

2.5. Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона

В вопросах военного планирования именно Приам., а не Иркут. в.о. стал в 1885–1895 гг. правопреемником ликвидированного Вост. Сиб. в.о. Центром военного планирования стал Окружной штаб в г. Хабаровка, которому активно помогали некоторые генералы и офицеры, имевшие большой опыт службы на Дальнем Востоке и хорошо знавшие как регион, так и пограничные территории сопредельных стран. Прерванная процессом разделения Вост. Сиб. в.о. и, вызванной Мервским кризисом военной импровизацией весны 1885 г. систематическая работа по разработке новых планов ведения военных действий, возобновилась в Хабаровке как раз весной 1885 г., в рамках подготовки программы А.Н. Корфа по усилению русских войск на Дальнем Востоке. Впоследствии ее результаты вошли в этот документ[401].

Для определения необходимой численности и состава войск Приам. в.о. нужно было сначала определиться, хотя бы в общих чертах, с целями и задачами, стоящими перед округом и этими войсками, а также перспективами их возможного боевого применения. Цель была очевидна – сохранение указанных территорий в составе Российской империи. Задачи А.Н. Корф сформулировал три: «1. оборона побережья Тихого океана, в случае войны с морскою державою; 2. оборона края, в случае войны с Китаем, и наконец, 3я, наиболее трудная, задача, это оборона края, в случае одновременной войны с Китаем и какою-либо морскою державою»[402]. Под «морской державой», естественно, понималась в первую очередь Британская империя, а сами задачи практически не отличались от аналогичных, стоящих перед войсками Вост. Сиб. в.о. в 1879–1884 гг. (Подробнее см.: 1.6 и 2.1).

Сопоставление выводов, сделанных еще при Д.Г. Анучине, с современной обстановкой в регионе, полностью подтверждало их актуальность, по крайней мере в отношении 2-й задачи (1-я и 3-я в рапорте А.Н. Корфа разработаны не были). «Амурская и Приморская области, – докладывал Командующий войсками уже Приам. в.о. военному министру, – пограничное пространство которых в случае войны с Китаем, по всей вероятности, будет театром военных действий, окажутся в военное время ни чем иным как огромною

---

[401] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1–16 об.
[402] Там же. Л. 1.

блокированною крепостию с тою только разницею, что из крепости перед войною можно вывести лишние рты, что здесь, конечно, немыслимо. При одновременном разрыве с морскою державою, с моря подвоз сделается невозможным и для доставления продовольствия останется, значит, лишь крайне ненадежное водное сообщение по Шилке и Амуру. Зимою, по льду, […] следование больших транспортов невозможно, за недостатком корма, а летом плавание судов, сидящих более 1 фута, по Шилке иногда возможно лишь в течение каких-нибудь трех месяцев, как например это имело место в нынешнем году. Кроме того, китайские инородцы, за которыми на тысяче верстном протяжении усмотреть нельзя, могут легко завалить фарватер на некоторых наиболее опасных перекатах, существующих даже на Амуре и тем самым прекратить всякое сообщение. Для этого нужно только опустить на дно два или три небольших камня. Следовательно, в течение большей части войны, край должен рассчитывать исключительно на свои средства…»[403]. Единственным хорошо укрепленным морским портом на Тихом океане должен был стать Владивосток, оборону которого еще предстояло довести до необходимого уровня[404], а численность войск в округе оценивалась абсолютно всеми как недостаточная.

При таком раскладе, по мнению А.Н. Корфа, даже в случае значительного усиления войск, «защищать 4000 верстное пограничное пространство» было «возможно только активно-оборонительным способом», т.е. сразу перенеся военные действия на территорию противника (Китая). Правильность этого вывода подтверждал и русский военный агент в Китае полковник Н.Я. Шнеур[405]. Таким образом, постепенно складывавшаяся с 60-х гг. XIX в. концепция «активно-оборонительных действий», предполагавшая, в случае начала войны с Китаем, немедленное занятие некоторых наиболее важных стратегических пунктов (на какие хватало сил) на территории Маньчжурии и Монголии, с целью не допустить нанесение противником удара непосредственно по территории Российской империи, была взята на вооружение командованием Приам. в.о. Никуда не делись и существовавшие ранее ограничения для проведения этой операции. Какова бы ни была сила отправляемого в Поднебесную империю отряда, в любом случае необходимо было «оставить некоторую часть войск для окарауливания каторжных и вообще для несения караульной службы, для охраны сообщений, а также и для защиты мирных жителей от нападения мелких неприятельских партий и хунхузов, которых и в мирное время не мало в горах, а все это значительно ослабит и без того ничтожные наши военные средства. Так в Забайкальской области придется оставить для этих целей 2 батальона и 2 сотни, в Амурской 1½ батальона и 1 сотню и в Приморской 2½ батальона и 3 сотни. Всего, по самому скромному расчету, останется на

[403] Там же. Л. 4 об.–5 об.
[404] Там же. Л. 3 об.
[405] Там же. Л. 6 об., 9 об.

нашей территории 6 батальонов и 6 сотен»[406].

При этом, по имевшимся в Окружном штабе данным в северной Маньчжурии уже находились до 15 тыс. обученных по европейски регулярных китайских войск с артиллерией, а русский военный агент в Китае полковник Н.Я. Шнеур вообще пытался убедить командование округа, что «Китайцы могут выставить на любой театр войны двух сот или даже трех сот тысячную армии[407]». Эти данные были существенно завышены, однако А.Н. Корф полагал, что цифра Н.Я. Шнеура «не очень преувеличена» и что «пополнение убыли в этой армии, хотя и не совсем обученными солдатами, будет для Китая не затруднительно, благодаря огромной численности его населения»[408].

Однако куда большие опасения А.Н. Корфу внушали не войска, а глубинные процессы, происходившие внутри Китая[409]. «Не нужно также забывать, – докладывал он П.С. Ванновскому, – что где бы, на протяжении 7.000 верстной границы нашей с Китаем, ни возникли затруднения, боевое разрешение их целиком ляжет на военные средства вверенного мне округа, так как, благодаря пустынности и малонаселенности тех пограничных полос Китайской Империи, которые прилегают к Туркестану, западной Сибири и Иркутскому Генерал-Губернаторству, серьезные военные действия возможны только из Приамурского края. Это мнение не только мое, но также и Главного Штаба…»[410].

В Окружном штабе видели как минимум «два серьезных вопроса, могущих повести к раздору» с Китаем в обозримом будущем: не решенный Савеловский вопрос, т.е. упорное желание китайцев добиться выхода к Японскому морю в полосе, прилегающей к р. Тумень-ула, а, во-вторых, вопрос о преобладании в Корее[411].

Сложность заключалась в том, что сам Командующий войсками округа, вопреки настояниям Н.Я. Шнеура и Командующего войсками Приморской области И.Г. Баранова, не видел возможности иметь в округе достаточное количество войск: «Я же прихожу к заключению, что иметь здесь постоянно достаточное количество войск для нанесения немедленного по объявлении войны удара нет никакой возможности. Это стоило бы слишком дорого, да и прокормить было бы весьма трудно, в особенности по причине затруднительности иметь достаточное количество мяса. Я полагаю безусловно необходимым

---

[406] Там же. Л. 6.
[407] Из этого числа от 40 до 50 тысяч будут хорошо обученные войска из армии Ли-Хун-чжана, а может быть еще более. – Прим. док.
[408] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 8–8 об.
[409] «Войны, веденные Китаем с европейскими державами, показали китайцам насколько европейские войска превосходят их собственные и Китай сумел воспользоваться этими уроками. Китайская армия год от году улучшается под руководством иностранных, в большинстве немецких, офицеров… […] Руководимые европейскими офицерами и пользуясь своим центральным расположением, китайцы будут уметь нападать массами на наши войска, – которые, вследствие малочисленности, будут разбиты на малые отряды, и, притом, расположенные друг от друга на огромных расстояниях», – резюмировал А.Н. Корф. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 6 об.–7 об.
[410] Там же. Л. 7 об.–8.
[411] Там же. Л. 7 об.

иметь здесь только, так сказать, авангард, который смог бы занять, с объявлением войны, выгодные позиции и продержаться на них до прихода из Забайкалья нужного для дальнейшего движения количества лошадей и подкреплений из Европейской России, т.е. год, а может быть и два[412]. Авангард этот зато нужно держать постоянно в возможной готовности к походу и бою. Защищать линию Амура на самом Амуре, очевидно, невозможно, так как необходимая для этого кордонная линия потребовала бы гораздо большего числа войск, чем потребуется для наступательного движения в долину р. Нонни, к г. Мергеню, где находится узел дорог, ведущих из внутренней Маньчжурии к Амуру. Для защиты границы от устья Сунари до моря – также необходимо выдвинуться на линию Сян-Син–Нингута–Хунчун, потому что это уменьшит значительно ширину фронта обороняющего границу отряда и устранит возможность истребления наших пограничных селений, китайскими отрядами. Что касается до Монголии, то там следует занять лишь Ургу с целью изгнать оттуда Китайский гарнизон и вместе овладеть Гыгеном (Кутухта), чтобы обратить в свою пользу то огромное влияние, которым он пользуется на монгол».

По выполненным в штабе округа расчетам, эти операции требовали: для занятия Урги – 1 батальон, конную батарею и 3 сотни; для овладения Мергеном – 4 батальона, 4 сотни и 2 батареи; для занятия линии Сян-син–Нингута–Хунчун – 8 батальонов, 6 сотен и 5 батарей (из них 1 конно-горную); в общем резерве близ г. Хабаровка – 4 батальона и 1 батарея. Из этого резерва можно было послать часть по р. Сунгари для подкрепления Сянь-Синского отряда и устройства водного пути по реке, с целью облегчения подвоза продовольствия. Сверх того нужна была местная команда в г. Хабаровка в 100 чел. в мирное время. «Помянутого числа войск будет почти достаточно на первый год войны с одним Китаем. При одновременной же войне с Китаем и какою-нибудь европейскою морской державою и этого числа войск будет мало, так как наименьшее, что придется оставить на побережье залива Петра Великого – это 4 батальона для обеспечения тыла наших войск, обращенных фронтом к Китаю, хотя бы только небольшого неприятельского десанта, могущего быть высаженным на берег. Значит, в этом случае, весь резерв получит сразу назначение и мы лишимся возможности противодействовать могущим быть разным неблагоприятным случайностям»[413].

Эти стратегические расчеты и легли в основу показателей усиления войск, о которых ходатайствовал перед военным министром А.Н. Корф в рапорте от 9 сентября 1885 г.[414]. Таким образом, развитие военного планирования велось в Приам. в.о. практически полностью

---

[412] От ближайшего пункта Европейской России – города Казани, куда может быть сосредоточена 2ª пехотная дивизия, до г. Благовещенска почти 6700 верст. Полагая на марше приблизительно по 100 верст в неделю, так как водное сообщение по рекам не всегда возможно, движение от Казани до Благовещенска продолжится 67 недель, да если на мобилизацию и сбор дивизии к Казани положить 5 недель, то всего выйдет 72 недели т.е. 1 год и 5 месяцев… – Прим. док.

[413] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 10–11 об.

[414] Там же. Л. 1–16 об.

в рамках концепции «активно-оборонительных действий», тщательно разработанной еще в 1879–1884 гг. в Вост. Сиб. в.о., с опорой на постепенно накапливаемые в Окружном штабе хотя и не полные, но все-таки максимально свежие данные о потенциальном противнике на сухопутной границе (Китае). При сохранении большинства исходных посылок военного планирования, это было закономерно и полностью оправдано. Однако, то, что было очевидно на местах, вызвало серьезные дискуссии в центральном аппарате Военного министерства.

Основные стратегические выкладки, представленные А.Н. Корфом в рапорте от 9 сентября 1885 г., П.С. Ванновский доложил императору 10 февраля 1886 г. При этом стратегический анализ был во всеподданнейшей записке предельно сокращен[415]. Таким образом Александра III ознакомили с данными, лежавшими в основе не только военного планирования, но и всей оборонной политики России на Дальнем Востоке, лишь отчасти. При дальнейшем обсуждении представленных командованием Приам. в.о. соображений оказалось, что существенные расхождения во взглядах на то, как оборонять российский Дальний Восток, имеют место не только между Главным штабом и штабом Приам. в.о., но и среди членов центрального аппарата министерства и привлекаемых этим аппаратом экспертов. Последнее существенно осложняло процесс выработки и принятия решений.

Наиболее серьезное обсуждение стратегических выкладок А.Н. Корфа и его программы состоялось на совещании 1 марта 1886 г.[416]. После ознакомления участников совещания с программой А.Н. Корфа[417] всем было очевидно, что документ носил исключительно оборонительный характер и возник «в виду систематических мер, энергически и настойчиво приводимых в исполнение китайским правительством и клонящихся не только к обороне Маньчжурии, но и к возможности ведения решительных наступательных действий против нас, в особенности в Южно-Уссурийском крае»[418]. Поэтому обсуждение вопросов военного планирования свелось к рассмотрению возможных вариантов действий против Китая. Случаи войны «с морскою державою» и «одновременной войны с Китаем и какою-либо морскою державою» (т.е. 1-я и 3-я задачи из программы А.Н. Корфа) не рассматривались.

Первым слово предоставили приглашенному эксперту Н.М. Пржевальскому, что стало явной ошибкой, поскольку великий путешественник, оставался очень посредственным аналитиком, особенно в стратегических вопросах. Он говорил больше всех, однако сказать что-либо конкретное, кроме сведений и так хорошо известных остальным участникам совещания мог только по маршрутам своих путешествий, и то без лишних подробностей.

---

[415] В т.ч. полностью опущены данные по китайским войскам и сведения Н.Я. Шнеура. Там же. Л. 104–111 об.

[416] В нем участвовали бывший Командующий войсками Вост. Сиб. в.о. генерал-лейтенант Д.Г.Анучин, бывший начальник штаба того же округа генерал-майор Н.С. Петров, начальник Главного Управления Казачьих войск генерал-майор В.Г. Золотарев, генерал-майор А.Н. Куропаткин и Н.М. Пржевальский. Там же. Л. 128.

[417] Там же. Л. 119–129.

[418] Там же. Л. 120.

Постоянно находясь в экспедициях, он почти не знал текущей ситуации в русско-китайских отношениях на Дальнем Востоке, совершенно не был знаком с принятыми в предшествовавшие 10–15 лет мерами по усилению русских войск в регионе и, говоря об обороне Амурской и Приморской областей, оперировал данными времен своего последнего пребывания в Уссурийском крае в 1869 г., т.е. более чем 17 летней давности. Аналогичным образом он не только оценивал все китайские войска исключительно сквозь призму того, что видел на самых отдаленных окраинах Дайцынской империи, но и распространял эту оценку вообще на все азиатские народы. За эту ошибку Россия впоследствии заплатила очень дорого.

Итак, вместо обсуждения стратегических выкладок А.Н. Корфа «Генерал Пржевальский заявил, что он имеет ввиду сообщить совещанию главнейшие сведения о новом исследованном им пути во внутрь Китая. Путь этот по его мнению в случае войны с Китаем даст нам возможность с небольшими средствами, проникнув в глубь Китайского государства и подняв мусульманское население, достигнуть решительных результатов»[419]. Это было очевидной ошибкой. Никакой военной угрозы Российской империи мусульманские провинции Китая в то время не несли. Более того, поднятие восстания мусульманского населения в этих провинциях, удаленных от наиболее угрожаемого направления в Уссурийском крае на тысячи верст, не давало абсолютно никаких преимуществ в войне с Китаем на Дальнем Востоке и никак не влияло на обороноспособность Приам. в.о. Скорее наоборот, требовало заметных военных и финансовых ресурсов, которых и так не хватало. Тем не менее, Н.М. Пржевальского решили внимательно выслушать.

«Посему Генерал Пржевальский, сделав краткий очерк нашей границы с Китаем, остановился несколько продолжительнее на тех ее частях, которые неминуемо будут служить театром военных действий наших с Китаем, причем одновременно с сим им было высказано также и мнение о достоинствах китайской вооруженной силы»[420]. В заключение он указал, что

---

[419] Там же. Л. 128–128 об.

[420] Там же. Л. 128 об. По его мнению, «театром военных действий с Китаем будут служить: Южно-Уссурийский край, течение Амура, пространство от Забайкалья до Пекина, Кульджинский край и Восточный Туркестан. Южно-Уссурийский край и Амурская область по мнению этого Генерала никоим образом не могут с выгодою для нас служить главным театром военных действий, со стороны которого должны быть нанесены нами вполне тяжкие удары противнику». Поэтому «со стороны Южно-Уссурийского края и Амура нам при благоприятно сложившихся обстоятельствах могут предстоять только действия второстепенные, – активно-оборонительные и что действия наши в этих местностях не должны-бы простираться далее линии Цицикар, Гирин, Нингута. Находящихся в настоящее время там наших военных сухопутных сил достаточно, но нужно только поднять их качество, вместе с тем развить наши морские средства в Великом океане и построить несколько речных канонерок для Амура и Сунгари». В свою очередь «Забайкалье должно служить нам базою для нанесения главного удара по Китаю наступлением на Пекин. Забайкалье само имеет средства для снабжения продовольственными средствами и лошадьми значительных вооруженных сил. Оно ближе к центру Империи и имеет, хотя и длинный, но обеспеченный путь сообщения в течение целого года с внутренними частями России. Наступление отсюда на Пекин, надлежащим образом организованное, представляется по мнению Генерала Пржевальского предприятием вполне возможным, обеспечивающим при успехе достижение решительных результатов. […]. Но принимая во внимание малую подготовленность в настоящее время Забайкалья в смысле базы для обширного военного предприятия и недостаточность находящихся там войск в числительном и качественном отношениях, он приходит к заключению о необходимости доставить туда из других частей Империи не менее 25.000 человек войск в составе правильно организованных частей. Доставка этих войск и надлежащая подготовка базы и театра войны займет не менее одного года времени, в течение которого могут быть ведены военные

«успехи наши на окраинах китайского государства не побудят маньчжурское правительство к заключению мира на желательных для нас условиях. Для сего независимо движения к Пекину со стороны Забайкалья, движения требующего громадных средств и много времени для подготовки, следует […] после занятия Кашгарии предпринять наступление небольшого отряда (набег) на Синин…»[421]. После чего он, используя данные одного из своих путешествий, принялся рассуждать о наиболее удобном маршруте этого набега[422].

Что-же касается до Китайских войск, то, по его мнению, «нельзя много доверять сообщениям ни о большой числительности, по европейски обученных, солдат, ни о прекрасном состоянии их вооружения и обучения. Он видел только войска Западного Китая, которые на его взгляд ничего не стоят, так как состоят из всякого сброда, плохо обученного, или, лучше сказать совсем необученного согласно современным военным требованиям, из сброда без дисциплины, без чувства нравственного долга, без хороших начальников, так как китайские офицеры ни по военному образованию, ни по нравственным качествам не выше солдат. Обирание солдата широко развитое в китайских войсках, доводящее часто солдат до вооруженных восстаний, нарушает всякую нравственную связь начальников с подчиненными и лишает офицеров всякого влияния на подчиненных им людей. Генерал Пржевальский не отвергая возможности известного прогресса Китая в улучшении его военных средств, думает однако, что в настоящее время все эти успехи больше кажущиеся и относятся быть может только до небольшого числа войск, находящихся в окрестностях столицы…»[423].

Все участники совещания обратили внимание, что в своем выступлении Н.М. Пржевальский не касался ни подробностей плана военных действий с Китаем, ни определения точного числа войск, которые необходимо было выставить. «Им было только высказано мнение о предстоящих театрах военных действий с Китаем и указаны лишь в общих чертах направления, по которым должны действовать наши войска»[424].

После этого выступил наиболее осведомленный в дальневосточных делах участник совещания – Д.Г. Анучин, которому уже приходилось читать в 1881–1882 гг. разгромный анализ стратегических выкладок великого путешественника, сделанный штабами войск Забайкальской и Приморской областей[425]. Он, «отдавая полное предпочтение действиям против Пекина со стороны Забайкалья, допуская со стороны Южно-Уссурийского края и Амура лишь активно-оборонительные действия с целью, заняв Нингуту, Гирин и Цицикар, сократить линию обороны и прикрыть наши пределы и вообще соглашаясь с соображениями,

---

действия в Кульдже и Восточном Туркестане». Там же. Л. 128 об.–134.
[421] Там же. Л. 128 об.–134.
[422] Там же. Л. 124–137.
[423] Там же. Л. 137–138.
[424] Там же. Л. 128–128 об.
[425] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–5, 6–20.

высказанными Генералом Пржевальским, полагает однако, что одновременно с действиями по указанным направлениям следует направить отряды из Забайкалья на Ургу и из Иркутского округа на Улясутай. Занятие сих двух пунктов важно во-первых в том отношении, что они суть сосредоточия как административной деятельности по управлению Монголии, так и торговли, Урга-же сверх того имеет значение как местопребывание хутухты, главного духовного лица во всей Монголии»[426]. Эти уточнения полностью воспроизводили его взгляды и хорошо просчитанные выкладки штаба Вост. Сиб. в.о. 1879–1882 гг. – периода обострения Кульджинского кризиса и его последствий.

Генерал-майор А.Н. Куропаткин, в свою очередь, лишь «высказался в пользу решительных действий со стороны Южно-Уссурийского края, даже и в том случае, если бы пришлось усиливать тамошние войска посылкою подкреплений через Сибирь. Главными препятствиями для движения по степям Монголии тех значительных сил, которые потребуется направить на Пекин, он считает неблагоприятные климатические условия, недостаток воды, топлива и затруднительность сформировать, сохранять и комплектовать потребные громадные перевозочные средства, так как рассчитывать в этом отношении много на монголов нельзя»[427]. Остальные участники совещания каких-либо самостоятельных мыслей по обсуждаемой проблеме не высказывали.

«Засим совещание, остановившись на Забайкалье, как на базе более предпочтительной для главных действий наших против Пекина, по сравнению с Южно-Уссурийским краем…»[428], все выводы об усилении войск в Приам. в.о. сделало с опорой на это соображение. Подчеркивалось, что выручка Южно-Уссурийского отряда может быть достигнута только движением значительных сил из Забайкалья к Калгану и Пекину. Затем «Совещание признало нужным, независимо сформирования новых частей, обратить особое внимание на улучшение путей в Западной Сибири и водного сообщения до Иркутска, что, способствуя экономическому развитию Сибири и приливу туда населения, облегчит вместе с этим в весьма значительной степени, в случае надобности, подвоз к Забайкальской базе как резервов, так и всех предметов снабжения и избавит по сему правительство от необходимости содержания, сопряженного с многими неудобствами, лишних частей войск и складов в тамошних местностях»[429].

7 марта 1886 г. А.Н. Корфу была направлена телеграмма П.С. Ванновского, сообщавшая основные стратегические тезисы совещания 1 марта[430], и содержавшая просьбу

---

[426] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 138–138 об.
[427] Там же. Л. 138 об.–139.
[428] Там же. Л. 139.
[429] Там же. Л. 139 об.–141.
[430] А именно: что выручка Уссурийского отряда может быть достигнута только движением значительных сил из Забайкалья к Калгану и Пекину, поэтому базой основных действий следует сделать Забайкалье и все усиление войск

высказать мнение по этим вопросам[431]. 18 марта из Хабаровки был получен ответ, что еще до получения телеграммы № 285 в столицу был отправлен почтой подробный стратегический обзор, который дойдет в середине мая. «Здесь находятся три офицера, – телеграфировал А.Н. Корф, – объехавшие монгольские пути, по их настойчивым показаниям и по имеющимся маршрутам, движение даже несколько значительного отряда в Монголию решительно невозможно по недостатку воды и топлива, сверх того диверсия в этом направлении не облегчит обороны приморских пунктов (особенно при союзе Китая с европейскою державою) и активно оборонительной защиты сухопутной границы Уссурийского края, а потому Уссурийский отряд надо усилить на счет Забайкальского; необходима свобода действия стрелковых бригад, а потому не должно их приковывать к какому-либо пункту, а иметь для местной обороны самостоятельные части. Уссурийская местная оборона заключается в двух пунктах: Владивостоке и Новгородской бухте, последняя единственная гавань побережья для надежного укрытия неприятельского флота, из которой легко действовать против Владивостока и всего побережья. […] Хунхузы скрываются на огромном пространстве в горных трущобах, в которых не ступала нога европейца, если выгнать их и возможно, то они возвратятся немедленно, усмотреть за тем нет средств»[432].

Дальнейшее обсуждение различных вариантов действий на случай войны с Китаем происходило на совещаниях «для обсуждения вопроса об усилении нашего положения в Приамурском военном округе» 3 и 5 июня 1886 г. в Главном штабе, причем предполагалось, что в зависимости от выводов по стратегическим вопросам будет решаться судьба как первоначальной программы А.Н. Корфа, так и его дальнейших предложений, направленных по телеграфу[433]. Совещание было посвящено стратегическим проблемам, а предмет обсуждения сводился к вопросам «свойств театров военных действий в случае войны с Китаем и цели действий, с тем чтобы […] определить в каком именно направлении и в каких размерах должны быть развиваемы наши военные средства для борьбы с Китаем»[434].

В распоряжении участников находились все документы, с соображениями А.Н. Корфа по стратегическим вопросам, как первоначальные (рапорт № 90 от 9 сентября 1885 г.), так и те, в которых он критиковал соображения совещания 1 марта 1886 г. (телеграмма № 56 от 18

округа проводить исходя из этих соображений. Констатировалось, что улучшение путей в Западной Сибири и водного сообщения до Иркутска облегчает подвоз к Забайкальской базе как резервов, так и всех предметов снабжения, но конкретных данных о сроках этого улучшения не приводилось. Зато сообщалось о сомнительном выводе Н.М. Пржевальского, что «возможность энергического действия через мусульманские провинции Китая к самому его центру», может значительно ослабить опасность, грозящую Уссурийскому краю, а также совершенно невыполнимое требование, «чтобы самый сей край освободился еще в мирное время от хунхузов, дабы в случае войны они не тревожили бы наших войск».

[431] Там же. Л. 150–151 об.

[432] Там же. Л. 158–159.

[433] На совещание были приглашены: А.Н. Куропаткин, Управляющий ВУК Главного штаба Ф.А. Фельдман, Н.М. Пржевальский, Н.М. Петров, и.д. комитета по мобилизации войск генерал-майор О.Я. Гюббенет и Н.Я. Шнеур. Д.Г. Анучина на этот раз не было. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 25.

[434] Там же. Л. 29 об.

марта 1886 г.). Однако наибольшую ценность для участников имел тот самый рапорт Командующего войсками Приам. в.о. № 54 от 10 марта 1886 г. содержавший «стратегический и политический обзор театра военных действий со стороны этого округа при войне с Китаем», который в Петербурге получили только 20 мая[435]. Обзор был составлен «по тщательном обсуждении дела со всеми старшими начальниками и наличными офицерами Генерального Штаба». Наиболее известными из них были полковник, П.Ф. Унтербергер и Генерального Штаба капитан И.А. Евтюгин. Оба были лично знакомы с путями через Монголию к Пекину: П.Ф. Унтербергер знал почтовый тракт, идущий из Кяхты на Ургу, Калган и Пекин, а И.А. Евтюгин – восточные пути. К обзору прилагалась «особая записка о расчете сил при наступлении на Пекин». Записку «Новые соображения о войне с Китаем» представил в совещание, и явно неудовлетворенный решениями совещания 1 марта, Н.М. Пржевальский. Записку «О войне с Китаем» представил и военный агент в этой стране Н.Я. Шнеур[436]. Имелись в распоряжении совещания и уже утвержденные императором в 1886 г. документы по экстренному усилению войск в регионе.

Как и в совещании 1 марта сначала были тщательно рассмотрены все материалы предоставленные А.Н. Корфом. Основное внимание было уделено именно «Обзору…», и уже затем началась дискуссия. Несмотря на обилие представленных в совещание документов стратегического свойства, все обсуждение опять всецело велось в русле концепции А.Н. Корфа – обсуждали в первую очередь войну с Китаем, почти не касаясь возможности войны на Дальнем Востоке с «морской державой» или Китаем и Британской империей одновременно. В обзоре рассматривались два ТВД: Монгольский и Маньчжурский. Предпочтение, по совокупности факторов, отдавалось второму. Причем при подготовке этого документа в округе опирались и на рапорт Н.М. Пржевальского от 22 октября 1880 г., в котором тот во время обострения Кульджинского кризиса доказывал, что главный удар по Китаю необходимо наносить из Забайкалья через Монголию на Пекин, и что для этого достаточно 25 тыс. пехоты с артиллерией и 10 тыс. казаков[437]. Это изначально ставило великого путешественника в несколько неудобное положение.

Тщательно проанализировав все имевшиеся материалы А.Н. Корф и его сотрудники утверждали, что расчеты Н.М. Пржевальского ошибочны, что даже при усилении войск округа, при нынешнем уровне развития российского Дальнего Востока, знаниях о Китае и

---

[435] Этот обзор содержал несколько разделов: «а) Свойства театра военных действий с тем, чтобы определить главное направление, по которому должны быть ведены нами военные операции. б) Целей войны, достижение которых должно быть поставлено при успешном ходе борьбы с Китаем. в) Вопроса, – на сколько важно для России приобретение и удержание за собой Приамурского края. г) Вопроса, – что именно в будущем может повести нас к нежелательному военному столкновению с Китаем. д) Собственно похода на Пекин с целью выяснить, насколько это предприятие будет опасно и неудобоисполнимо. и е) Трех различных случаев, при которых может быть ведена война с Китаем, и средств, которые при этом потребуются». Там же. Л. 28 об.–29.

[436] Там же. Л. 29.

[437] Там же. Л. 29 об.–36. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 105–118.

внешнеполитической ситуации, операция по захвату Пекина немыслима в принципе, независимо от направления главного удара[438]. Корф указывал, что «нужно искать менее отдаленных целей действия, достижение которых представляло бы менее риска и хоть некоторые шансы на успех»[439]. Поэтому он предлагал ограничиться малым, но достижимым. «Прежде всего, при объявлении войны нам необходимо обеспечить наши пределы от вторжения китайцев для того, чтобы, во-первых, защитить жизнь и имущество населения, в виду варварского образа ведения войны китайцами, т.е. обычая вырезывать поголовно все население неприятельской страны, а во-вторых, чтобы прикрыть течение Амура и Уссури, как наш единственный путь сообщения с Забайкальем, а значит и с остальной Сибирью. Для сего необходимо немедленно выдвинуться с тем, что есть под руками на линию Хунчун, Нингута, Сянь-Син, Мергень. Дождавшись на этой линии подхода первых подкреплений и резервов, устроив свой обоз, на что потребуется до 6 месяцев, мы могли-бы наступать и далее. […] Твердо убедившись в том, что столкновение с какою-либо морскою державою невозможно, должно двинуться далее и овладеть Цицикаром и Гирином. Более углубляться в неприятельскую страну нам невыгодно, а следует ожидать, чтобы неприятель сам постарался нас выгнать из занятых нами укрепленных позиций, что вряд-ли ему удастся. […] Надо полагать, что неприятель, несколько раз неудачно повторив попытку нас выгнать и видя, что мы прочно водворились в занятых местах, наконец уступит и обратится к мирным переговорам. Конечно такой образ действий не приведет к быстрому окончанию войны, но не должно упускать из виду, что рассчитывать на быстрое окончание войны с Китаем нельзя и что именно поэтому-то, главным образом, она и нежелательна»[440].

В отсутствии Д.Г. Анучина, основные дискуссии на заседании развернулись между Н.Я. Шнеуром, Н.М. Пржевальским и, отчасти, А.Н. Куропаткиным, причем все трое еще и не были согласны с мнением, полученным с мест. Шнеур и Пржевальский настаивали, что только операция по захвату Пекина может привести к окончанию войны с Китаем. Разница была в том, что первый склонялся в пользу Маньчжурского направления, несколько переоценивал китайские силы и возможности, настаивая на ведении против Китая полномасштабной войны на суше и на море, с высадкой десанта «близ Таку», обстрелом флотом всего китайского побережья от Кантона до Порт-Артура и т.п. для чего предлагал усилить войска Приам. в.о. приданием «целой пехотной дивизии или 16 стрелковых батальонов и дивизии кавалерии с соответственной конной и пешей артиллерией» считая эту цифру минимальной, и сосредоточить там огромные военные запасы[441]. Второй же, повторив

---

[438] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 36–37.
[439] Там же. Л. 37.
[440] Там же. Л. 37 об.–39.
[441] Там же. Л. 41–48.

все прежние аргументы, опять «не находил возможным вдаваться в детальные соображения такой обширной военной операции, как война с Китаем» и предлагал ограничиться исключительно сухопутными операциями по направлениям, озвученным им на совещании 1 марта (основное – из Забайкалья через Монголию на Пекин), считал китайские войска ничтожными, но под давлением Н.Я. Шнеура вынужден был признать, «что китайские войска все-таки совершенствуются, в особенности за последние годы», и советовал вести на Пекин «не менее как пятидесятитысячную армию»[442]. По сути, Н.М. Пржевальский сводил войну против Китая к модели типичной военной операции по присоединению государства Средней Азии к Российской империи, которую следовало провести более значительными силами. Полковник Н.Я. Шнеур же предлагал нечто среднее между такой операцией и действиями англичан и французов в период Второй опиумной войны 1856–1860 гг.

Принципиально важных мыслей, которые они высказали относительно текущего положения дел, было всего две. Полковник Н.Я. Шнеур указал, что «Приамурскому военному округу, в случае войны, придется рассчитывать исключительно на те силы и средства, которые будут сосредоточены в нем еще в мирное время, не надеясь ни на какую помощь извне»[443], а Н.М. Пржевальский подчеркнул, что при таком раскладе, каковы бы ни были эти силы: «Но конечно всего более следует уповать на стойкость наших войск, которым выпадает славная доля показать миру, что русский дух и русская отвага равно сильны, – как в сердце самой России, так и на далеком востоке Азии»[444]. Наиболее рациональную мысль высказал А.Н. Куропаткин: «Вообще-же относительно возможного способа войны с Китаем следует заметить, что при современном состоянии наших знаний о пограничных театрах в китайском государстве средства нанесения удара еще не выяснились и необходимо поэтому принять деятельные меры к изучению этих театров в военно-стратегическом отношении»[445]. В результате, совещание 5 июня 1886 г. по стратегическим вопросам пришло к заключению[446]... уже сделанному совещанием 1 марта того же года, правда в другом составе членов.

Летом Н.М. Пржевальский сделал еще одну попытку продавить свою точку зрения, отправив в Главный штаб записку «Новые соображения о войне с Китаем» от 25 июня 1886 г.,

---

[442] Там же. Л. 49–60 об.
[443] Там же. Л. 41.
[444] Там же. Л. 58 об.
[445] Там же. Л. 65–65 об.
[446] «Совещание, бывшее 5 июня, не предрешая заранее по какому именно направлению должен быть нанесен главный удар Китаю, в случае войны с ним, остановилось на том, что нам следует принять за главную базу Забайкальскую область, представляющую по сравнению с Приамурским и Южно-Уссурийским краями неоспоримые в этом отношении выгоды: близость к сосредоточению сил Империи, полную безопасность как самой области, так и сообщений с центром государства, возможность найти на месте нужные продовольственные запасы и перевозочные средства, возможность из Забайкалья направить главный удар Китайскому государству или по прямым путям на Калган и Пекин, если дальнейшее ознакомление с сими путями подтвердит предположение о проходимости их для значительных военных сил, или в противном случае направление главных военных действий может быть с удобством перенесено в Маньчжурию, – занятием Цицикара и движением по путям, идущим от этого пункта на Пекин». Там же. Л. 66–66 об.

однако успеха не имел. В записке он выражал уверенность в победе русского оружия над Китаем при условии, что «морские державы» не придут ему на помощь[447]! В ситуации, когда британцы все еще занимали «Порт-Гамильтон» для возможной организации высадки десанта во Владивостоке или районе зал. Посьета[448], подобные умозаключения выглядели по меньшей мере странно.

Прибывший осенью 1886 г. в столицу А.Н. Корф привез с собой очередные документы, в том числе и стратегические, важнейшим из которых была «Записка об усилении Приморской обороны Приамурского края»[449]. Если во всех подготовленных ранее в штабе Приам. в.о. документах прорабатывались вопросы обороны российского Дальнего Востока с суши, то в этом – с моря. В качестве основного противника, имевшего возможность как обстреливать русские владения с моря, так и высаживать на них десант указывалась Англия и Китай, совершенствовавший в этот период не только сухопутные, но и морские силы. В качестве наиболее вероятного объекта действий противника – Владивосток, который «есть самая чувствительная точка на нашей восточной границе». Причина проста: «Владивосток, служа базой нашему военному флоту, открывает ему свободный выход во все моря, чего он не имеет ни в Балтийском, ни в Черном море. Это дает ему возможность постоянно грозить крайне серьезною опасностью не только ближним к Приамурскому краю Государствам: Китаю, Японии, Корее, но и колониям европейских Государств и их океанской торговле и тем, в мирное время, неминуемо возвысит наш голос в Европе, а в военное – повлияет на исход каждого нашего столкновения в какой-бы части света оно не случилось»[450]. В связи с этим в документе фактически обосновывалась необходимость создания в этом пункте сильной приморской крепости[451].

Вторым по важности пунктом побережья признавался район зал. Посьета с бух. Новгородской, который необходимо было удержать, чтобы не облегчать противнику операцию против Владивостока. Третьим – устье р. Амур, куда могли войти неприятельские мелкосидящие суда, и береговую оборону которого, соответственно, тоже нужно было сохранить хотя бы в уже существовавшем виде. «Все остальные бухты нашего побережья Восточного океана почти необитаемы, не сообщаются с внутренностью страны, а потому не имеют для нас никакого военного значения, и вряд-ли могут послужить предметом действий для неприятеля»[452]. Что касается о. Сахалин, то поскольку денег не было не только на

---

[447] Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 50–52, 56, 66–67.
[448] Kiernan E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885. Cambridge, 1939. P. 207; Hamilton A.W. The Kŏmundo Affair // Korea Journal. 1982. No. 6. P. 20–30.
[449] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 292–307.
[450] Там же. Л. 297 об.–298.
[451] Там же. Л. 292–305.
[452] Там же. Л. 306.

строительство там фортификационных сооружений, но даже на усиление гарнизона, «остается только один образ действий в случае нападения на Сахалин: отражать мелкие десантные партии, которые могли-бы быть высажены неприятелем на берег; в случае же высадки больших партий – отступать вглубь острова»[453].

Осенью 1886 г. в Главном штабе состоялось очередное заседание по вопросам обеспечения безопасности российского Дальнего Востока. Это было самое крупное совещание до 1895 г., а также первое и последнее, в котором принимал участие лично Командующей войсками Приам. в.о. А.Н. Корф. Более того, за исключением, пожалуй, П.Ф. Унтербергера и И.Г. Баранова, на нем присутствовали почти все специалисты того времени по вопросам обороны Восточной Сибири и Дальнего Востока[454].

Заседаний совещания было несколько. Первое, 12 ноября 1886 г., было посвящено выбору базы и пути наступления на случай войны с Китаем, т.е. вопросам стратегическим[455]. В совещание были переданы все дела по усилению обороны российского Дальнего Востока за предшествующие 6 лет, однако сведения о потенциальном противнике были недостаточны. При отсутствии нормально поставленной в регионе разведки приходилось оперировать слухами, домыслами и историческими параллелями, зачастую крайне сомнительного свойства[456].

Ход заседания мало чем отличался от предыдущих совещаний, за исключением значительно большего внимания к вопросам военно-транспортной инфраструктуры и необходимости организации нормальной сухопутной связи Европейской и Азиатской России. Прежде говорили лишь о невозможности оперативно перебросить на Дальний Восток подкрепления из Западной Сибири и Европейской России, а не о том, как решить эту проблему, и что ее вообще нужно решать[457]. В целом, на первом, стратегическом заседании,

---

[453] Там же. Л. 306 об.

[454] Н.Н. Обручев, А.Н. Корф, помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант М.Ф. Миркович, Д.Г. Анучин, генерал-губернатор Восточной Сибири и Командующий войсками Иркут. в.о. генерал-лейтенант граф А.П. Игнатьев, начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант В.Г. Золотарев, генерал-майор Ф.А. Фельдман, генерал-майор О.Я. Гюббенет, генерал-майор А.Н. Куропаткин, генерал-майор Н.С. Петров, генерал-майор Н.М. Пржевальский, начальник отделения в Главном управлении казачьих войск генерал-майор М.П. Хорошхин, полковник Н.Я. Шнеур, состоящий для особых поручений при Командующем войсками Приам. в.о. полковник А.Л. Гарнак, помощник начальника артиллерии Приам. в.о. полковник В.Я. Фриде, помощник заведующего Азиатской частью Главного штаба подполковник Д.В. Путята, состоящий для особых поручений при штабе Приам. в.о. подполковник Н.А. Волошинов, помощник старшего адъютанта штаба Приам. в.о. капитан Ф.М. Вебель и состоящий для особых поручений при штабе Приам. в.о. капитан И.А. Евтюгин. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 288.

[455] Там же. Л. 338–346 об.

[456] В качестве иллюстрации можно привести «Записку о движении армии Чингиз-хана и Угодая по Монгольскому плоскогорью», которая должна была помочь разрешить разногласия «о выборе пути действий, по Монголии или Маньчжурии, для движения русской армии при вооруженном столкновении с Китаем». Там же. Л. 326–328.

[457] Было констатировано, что «если […] по мере постепенного развития вооруженных сил Китая соответственно увеличивать и свои силы, находящиеся в Восточной Сибири, то в конце концов дойдем до невозможной цифры числительности войск, содержание которых падет тяжелым бременем на Государственное казначейство. Казалось бы более правильным теперь же приступить к улучшению путей сообщения, ведущих через Сибирь, каковое улучшение послужит и к развитию экономической жизни Сибири, к увеличению ее народонаселения и, вместе с тем, даст возможность своевременно доставить из Европейской России необходимое число войск, потребных для успешного ведения войны с Китаем». Там же. Л. 345–345 об.

совещание пришло к следующим выводам: «1) Чтобы окончить войну с Китаем скорее и не затянуть ее на многие годы – необходимо организовать наступление прямо на Пекин. 2) Отряд назначенный для этой цели численностью в 50/т[ыс]. человек должен быть собран в Забайкалье. 3) Относительно выбора пути наступления для этого отряда нельзя еще придти к окончательному заключению, по неимению достаточных данных, и придется отложить решение этого вопроса до тех пор, когда пути ведущие из Забайкалья к Пекину, будут тщательно исследованы. 4) В виду неудовлетворительности и необеспеченности сообщений Амурской и Приморской областей с остальною частью Сибири, а равно близости неприятеля, находящегося на самой границе, необходимо обеспечить самостоятельную оборону помянутых областей и в особенности города Владивостока. и 5) Так как успешный и своевременный сбор необходимого для наступления отряда не может быть достигнут без значительного уменьшения сибирских путей сообщения, то для этого прежде всего следует приступить к постройке железной дороги от Томска до Иркутска, чтобы соединить Забайкалье с Западно-Сибирскими водными путями»[458]. В качестве необходимой численности войск для похода на Пекин, совещанием была принята озвученная Н.М. Пржевальским на предыдущем совещании цифра в 50 тыс. чел., взятая фактически с потолка под давлением аргументов Н.Я. Шнеура[459].

Принципиально важно, что в период 1885–1894 гг. в качестве потенциальных противников России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, как командованием Приам. в.о., так и Главным штабом рассматривались только Китай и какая-либо европейская «морская держава». Под последней, в подавляющем большинстве случаев, имели ввиду Британскую империю, хотя держали в уме так же Францию, принимавшую участие в Крымской войне 1853–1856 гг. в том числе на Дальневосточном ТВД, и США, показавшие себя во время Опиумных войн в Китае и имевшие опыт «дипломатии канонерок». В качестве основного и наиболее вероятного противника рассматривались исключительно Британская и Дайцинская империи. Следует подчеркнуть, что ни в одном из документов по военному планированию этого периода Япония в качестве потенциального противника России не упоминается, а в большинстве документов – не упоминается вообще.

После этого совещания конца 1886 г. вопросы планирования войны на Дальнем Востоке на уровне Главного штаба до начала Японо-китайской войны 1894–1895 гг. более не поднимались. Что касается Окружного уровня, то в 1889 г. А.Н. Корф доложил военному министру: «В Штабе Округа собираются материалы для подготовления мобилизации и плана войны, на случай нашего столкновения на китайской границе, равно как и на морском

---

[458] Там же. Л. 346–346 об.
[459] Там же. Л. 339 об.

побережье. Общий план войны составлен и остается только окончить разработку подробностей. План мобилизации приводится тоже к концу. Работы эти будут представлены будущею весной»[460]. Каких-либо следов этого плана в РГВИА, ГА РФ и РГИА ДВ обнаружить не удалось, однако очевидно, что он полностью базировался на идеях, многократно озвученных А.Н. Корфом в столице и, в целом, одобренных на описанных выше совещаниях в Главном штабе.

С 1887 г. вся деятельность штаба Приам. в.о. сосредоточилась не на военном планировании, а как раз на исследовании территории потенциального противника (Китая) и своей собственной. До принятой совещанием цифры в 50 тыс. чел. войск, необходимых для похода на Пекин, численность войск Приам. в.о. недотягивала почти вдвое, поэтому разрабатывать детальный план похода в Китай, особенно в условиях вялотекущих хронических переформирований войск, было бессмысленно. Военно-исследовательскую задачу, в связи с критическим недостатком финансирования, в округе до весны 1895 г. в полной мере и не решили, детальный план войны с Китаем – не разработали, но собранный за это время обширный материал позволил весной 1895 г. в считанные дни сымпровизировать в штабе Приам. в.о. план войны с Японией на территории Маньчжурии, положив в его основу значительную часть наработок А.Н. Корфа, его сотрудников и участников совещаний 1885–1886 гг. в Главном штабе.

2.6. Обучение и боевая подготовка войск Приамурского военного округа

Кульджинский 1879–1881 гг., а затем и начавшийся в 1882 г. Савеловский кризисы резко повысившие внимание центрального аппарата Военного министерства к Дальнему Востоку, заставили по-иному взглянуть и на дислоцировавшиеся в регионе войска. Необходимость превращения их из инструмента освоения региона в надежную силу, обеспечивающую его безопасность в случае внешнеполитических осложнений, становилась очевидной. Понимал это и Командующий войсками созданного в 1884 г. Приам. в.о. А.Н. Корф. Поэтому, добравшись до места службы, он постарался в первый же год объехать большую часть территории округа и лично познакомиться с состоянием и уровнем боевой готовности вверенных ему войск[461]. Увиденное вызвало у него противоречивые чувства. С одной стороны, отчетливо бросались в глаза все недостатки в обучении и боевой подготовке, вызванные неустроенностью быта войск и их загруженностью решением посторонних задач – проблема, оставшаяся со времен Вост. Сиб. в.о.[462]. В своем первом отчете императору

---

[460] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 857. Л. 12 об.–13.
[461] В сентябре–октябре 1884 г. А.Н. Корф объехал Забайкальскую и Амурскую области, а в ноябре–декабре – Южно-Уссурийский край. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 6–8 об.
[462] Там же. Л. 6–8 об.

Александру III он указывал: «Степень умственного развития нижних чинов, в виду тяжелой караульной и конвойной службы и множества казенных работ, можно признать удовлетворительной, если мерилом этого развития считать более или менее сознательное отношение людей к исполнению лежащих на них обязанностей»[463]. При этом грамотными были в среднем лишь 40–50% всего числа нижних чинов в округе[464].

С другой стороны, комплекс мер по повышению боеготовности войск, принятый во время последних двух внешнеполитических кризисов, пошел частям и соединениям на пользу. «Не смотря на значительное отвлечение нижних чинов работами как на постройку своих казарм, их ремонтировку, так и другими казенными работами, – докладывал А.Н. Корф, – и за отсутствием в этой холодной стране каких бы не было теплых помещений для производства зимних занятий, строевое образование полевых войск находится, к крайнему моему изумлению, в удовлетворительном состоянии, в чем я лично убедился. Но того же нельзя сказать относительно местных и конвойных команд, которые совсем почти не имеют времени для строевых занятий»[465]. Состояние учебных команд было признано лишь удовлетворительным, и они явно не успевали готовить необходимое число «отвечающих своему назначению» унтер-офицеров[466]. Зато казачьи войска произвели на А.Н. Корфа самое благоприятное впечатление. Оставалась нерешенной и проблема с подбором командных кадров, из-за которой из двух регулярных кавалерийских частей в округе: 1-я Уссурийская казачья конная сотня «представилась в большом порядке», а 2-я – «во всех отношениях в неудовлетворительном состоянии»[467].

Общие сборы войск в первый год существования Приам. в.о. не проводились, а все части для летних занятий, росписание которых было утверждено еще в марте 1884 г. Командующим войсками Вост. Сиб. в.о. Д.Г. Анучиным, располагались лагерем в местах своего расквартирования. Занятия продолжались с 1 мая по 15 июля, после чего 1-й, 2-й, 6-й, 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. батальоны были заняты строительными работами. «Совокупные занятия войск» были только в г. Чита (в Забайкалье) с 15 августа по 15 сентября[468]. Кроме стандартного годового цикла обучения, реализуемого на практике с разной степени «отступлениями» по различным направлениям подготовки, вызванными спецификой службы на Дальнем Востоке, новый Командующий войсками обнаружил и несколько необычных форм обучения войск. Так, командир 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. полковник А.С. Беневский

---

[463] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 5.
[464] Там же. Л. 14.
[465] Там же. Л. 14. См. также: ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 6–8 об.
[466] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 14–15.
[467] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 7 об.–8.
[468] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 16; Росписание летних занятий войск Вост. Сиб. в.о. в 1884 г. Приложение к Приказу по войскам Вост. Сиб. в.о. № 36 от 13 марта 1884 г. // Приказы по войскам Вост. Сиб. в.о. за 1884 г. Иркутск, 1884.

доложил ему, что в конце 1884 г. «было положено начало общим военным охотам»[469]. В этом же году в войсках округа впервые начали практиковать состязательную стрельбу офицеров, проводившуюся впоследствии ежегодно[470].

Таким образом, несмотря на достигнутые успехи, необходимость совершенствования в системы обучения и боевой подготовки войск была налицо. В рамках существовавшей в тот период концепции обороны российского Дальнего Востока, при необходимости противостоять пусть хуже обученному и вооруженному, но куда более многочисленному противнику – армии Китая, при возможной поддержке ее сравнительно малочисленными, но хорошо обученными британскими колониальными войсками, уровень выучки и боевой готовности войск должен был быть не «удовлетворительным», а как минимум отличным.

Оперативно приступить к планомерному решению застарелых проблем обучения войск не удалось. Из-за англо-русского Афганского кризиса 1885 г. в текущий годовой цикл обучения пришлось вносить существенные изменения. В результате, утвержденное 7 марта «росписание летних занятий войск округа» было сорвано[471], а летний период обучения оказался приближен к реальной боевой обстановке. Приказ о сосредоточении на берега зал. Петра Великого войска получили 14 апреля, через 7 дней выступили, находились в местах сосредоточения до 20 сентября, а в места постоянного квартирования сумели вернуться только к 20 октября, т.е. уже во время следующего учебного цикла. Части, оставшиеся в местах постоянного квартирования, занимались возведением казарменных помещений, а те, что были сосредоточены для обороны побережья, получили «весьма хорошую подготовку и по отделу саперных занятий», приняв участие в усилении «занятых позиций возведением укрытий, батарей и траншей». Вост.-Сиб. сап. рота в это время была брошена на срочные оборонительные работы во Владивостоке, но даже в их осуществлении саперам помогали пехотные части. Сосредоточение войск Южно-Уссурийского края дало возможность «упражняться совокупными занятиями пехоты с артиллериею большему числу частей», став прообразом будущих общих сборов, которых в этом году в округе не проводили[472].

За 1885 г. смотры войскам произвели сначала Командующие войсками в областях, входивших в состав округа, а затем, и сам А.Н. Корф. Он осмотрел почти все войска в Амурской области, в Приморской – все за исключением местных команд, в Забайкальской – части квартирующие на Каре, в городах Стретенск, Нерчинск и Чита[473]. Строевое образование батальонов 1-й и 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. было признано «вполне удовлетворительным, хотя собственно в стрелковом деле они еще и не достигли желаемой высоты, что особенно заметно

---

[469] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 14–15.
[470] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 159, 233; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 181–182.
[471] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 24–25 об.
[472] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 17 об.–18, 20 об.–21.
[473] Там же. Л. 21–21 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1346. Л. 37–38 об., 53–53 об.

в частях, не имеющих помещений для ведения зимних занятий, составляющих основу стрелкового образования; однако успех и в этом отношении, по сравнению с предыдущим годом, заметен, и дает основание надеяться, что вскоре батальоны будут вполне тверды в своей специальности»[474]. Вост.-Сиб. лин. батальоны, «в отделах до ротного учения включительно, обучены очень хорошо; прохождение остальных отделов затруднено несением караульной службы, недозволяющим выводить части в батальонном составе». Из двух частей регулярной кавалерии 1-я Уссурийская казачья конная сотня представляла собой во всех отношениях «обученную основательно, и находящуюся в полном порядке, кавалерийскую часть», а во 2-й А.Н. Корф в срочном порядке еще в 1884 г. сменил командира «в виду несоответствия бывшего, для приведения этой сотни в надлежащее состояние»[475].

Все части артиллерии округа «по строевому образованию, как и во всех других отношениях», были поставлены «очень хорошо», а подготовка единственной в округе сап. части – Вост.-Сиб. сап. роты – по специальности находилась «на удовлетворительной высоте», а в строевом отношении за прошедший год даже «несколько отстала, так как, будучи отвлечена на работы по возведению батарей, не имела достаточно времени, для прохождения полного курса положенных занятий, за исключением практической стрельбы, вполне успешно оконченной». Строевое обучение местных и конвойных команд, даже «по условиям службы», было признано, за исключением Читинской команды, только «удовлетворительным»[476].

В этом же году А.Н. Корф укрепился во мнении, что находящиеся на действительной службе части ЗКВ и АКВ в полном порядке, однако и здесь есть застарелые проблемы. Например, как и в регулярных войсках, казачьи арт. части оказались обучены лучше, чем пехота и конница. Так, конные батареи ЗКВ, «по лихости и знанию дела нисколько не отличающиеся от Донских батарей», поскольку имели «преимущество в выборе для своего комплектования людей, которые находятся в продолжении всего срока службы в своих частях, тогда как пешие и конные части на столько обременены нарядами в различные командировки, […] что большинство казаков, из четырехлетнего своего пребывания на действительной службе, остаются в своих частях часто не более года»[477].

Командующий войсками округа немного лукавил, когда докладывал Александру III: «Благодаря врожденным качествам казачьего населения, отличающегося как и вообще Сибирские уроженцы, хорошим физическим сложением и сравнительною умственною развитостью, столь короткий срок нахождения во фронте своей части, не оказывает особенно вредного влияния на строевое состояние, которое в Амурском и Уссурийском пеших

---

[474] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 19 об.
[475] Там же. Л. 19 об.–20 об.
[476] Там же. Л. 19 об.–21.
[477] Там же. Л. 25 об.–26.

полубатальонах находится на отличной степени. Конные части обеих войск отличаются надлежащею лихостью и способностью к самостоятельным одиночным действиям»[478]. Во-первых, в обоих казачьих войсках имелись проблемы с конским составом – малорослые местные лошади хотя и были способны делать длительные переходы, но не выносили больших тяжестей. Во-вторых, из-за многочисленных командировок казаков в наряды и на посты, наличный состав частей оказывался очень низким, что не давало возможности нормально вести обучение и «достаточно упражняться в маневрировании целыми частями». И чем больше часть была задействована для выполнения небоевых задач, тем худший уровень боевой подготовки она демонстрировала. Между тем, в 1885 г., из строевых частей в различные командировки было отправлено в АКВ до 46% и в ЗКВ (не считая «Карийского батальона») – до 65% всего штатного состава этих частей[479].

Подобная ситуация сказывалась на качестве обучения казачьего войска в целом, т.к. части, содержавшиеся на действительной службе в мирное время служили «кадром», т.е. центрами подготовки, через которые должно было пройти вооружаемое при мобилизации население. Части эти, по мнению А.Н. Корфа, должны бы быть всегда в отличном состоянии, что при большом расходе людей на выполнение полицейских функций было невозможно. В связи с этим он предполагал постепенно сокращать работы на Карийских промыслах и менять систему охраны каторги[480].

В этом же году А.Н. Корф отменил установленные прежними положениями учебные сборы казаков старшего возраста приготовительного разряда в ЗКВ. Сборы эти полагалось проходить с 15 апреля по 15 сентября предшествующего поступлению на службу года и, по окончании 4-месячного обучения, «малолетки» распускались по домам с тем, чтобы подлежащие зачислению в строевые части снова прибыли на сборный пункт к 1 января будущего года. «Столь короткий промежуток времени между окончанием учебного сбора и зачислением на службу, – отмечал он, – не принося никакой пользы самим казакам, большинство которых не могло успеть даже побывать дома, вызывал излишние издержки для войска на путевое довольствие казаков при роспуске со сбора и проследование на действительную службу, да и кроме того, период этих сборов захватывал самую горячую рабочую пору, в которую отрывал население от обработки земли»[481]. Это было невыгодно и с финансовой, и с хозяйственной сторон, поэтому Командующий войсками округа сделал представление «о сборе всех малолетков, по достижении таковыми 21 летнего возраста, к 1му января, с тем, чтобы подлежавшие оставлению в частях, по окончании своего строевого

---

[478] Там же. Л. 26–26 об.
[479] Там же. Л. 26 об.–27 об.
[480] Там же. Л. 26 об.–27.
[481] Там же. Л. 28–28 об.

образования, были увольняемы домой», что экономило войску деньги и даволо возможность молодым казакам принять участие в полевых работах того же года. Мера эта была одобрена[482], и в первый раз применена в ЗКВ уже в 1886 г.[483].

Побывал в этом году А.Н. Корф и на о. Сахалин, где «был произведен смотр трем командам, находящимся в постах Дуэ и Корсаковском и сел. Александровском, найденным как в строевом, так и в остальных отношениях в весьма удовлетворительном положении»[484].

Возвращение в конце 1885 г. большей части войск округа в места постоянного квартирования позволило восстановить годовой цикл обучения личного состава в ранее существовавшем объеме, а затем наращивать усилия по повышению боеспособности войск. Этому способствовало как осознание серьезности китайской угрозы в условиях активизации деятельности Дайцинской империи по освоению сопредельных территорий Маньчжурии, так и усилия, направленные на разрешение всего комплекса застарелых проблем мешавших поднять обучение русских войск на Дальнем Востоке на должный уровень.

Новации в обучении войск, долгое время воспринимавшихся в первую очередь как сила хозяйственного освоения региона, вводились хотя и медленно, но очень настойчиво. В 1886 г. был установлен строгий порядок ведения учебных занятий, «с требованием обязательного участия в них офицеров»[485]. Приняты меры к ограничению командировок, вызываемых особыми условиями края, а также регулированием нарядов от войск на строительные и др. работы. Поскольку из-за отсутствия альтернативной рабочей силы сразу отказаться от использования нижних чинов в работах по казарменному строительству было невозможно, при составлении «росписания для летних занятий войск округа» в этом году было жестко установлено, что Вост.-Сиб. стр. батальоны до 20 мая, а прочие части – до 15 июня обязаны заниматься исключительно строевыми занятиями и стрельбой, и только после этих дат до 15 сентября производить работы по постройке казарм[486]. Мера дала положительный эффект уже к концу года[487].

В стр. батальонах, кроме строевого образования, которое заметно подтянулось в предшествующие годы, было обращено внимание на маневрирование частей, остававшееся «за малою практикою в учениях с тактическою целью», наиболее слабой стороной обучения. Командирам частей было указано на необходимость более основательного изучения офицерами инструкции для действия роты и батальона, а также устава о полевой службе. Сложнее было с лин. батальонами, в большей степени обремененными караульной службой,

---

[482] Там же. Л. 28 об.–29; ПВВ № 248 от 21 октября 1885 г. // ПВВ за 1885 г. СПб., 1885.
[483] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 32–33.
[484] Там же. Д. 849. Л. 21–21 об.
[485] Там же. Д. 853. Л. 5.
[486] Там же. Л. 21–22; Приказ по войскам Приам. в.о. № 40 от 24 марта 1886 г. и приложения к нему // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1886 г. Хабаровка, 1886.
[487] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 22.

но и их начали постепенно подтягивать. Подтянули и сильно запущенную в предыдущие годы 2-ю Уссурийскую конную сотню, где занятия велись «с возможным успехом», несмотря на постоянные и значительные наряды и командировки. Уровень боевой подготовки артиллерии оставался, по местным меркам, стабильно высоким, что подтверждали ежегодные практические стрельбы. Проблему составляло обучение перегруженных различными нарядами и командировками местных команд, в т.ч. на о. Сахалин, в которых далее одиночного обучения нижних чинов дело обычно не шло. Хорошо налаженная в предыдущие подготовка унтер-офицерских кадров в учебных командах велась вполне успешно[488], однако с приведением войск округа в 1886 г. в военный состав, оказалось, что выпуск унтер-офицеров недостаточен, и пополнить их нехватку в войсках удастся только по истечении двух лет[489].

Одной из главных новацией 1887 г. стало формирование во всех частях округа т.н. охотничьих команд[490]. Традиционно в русской армии, для проведения операций особой сложности, вызывались люди, умевшие не только хорошо воевать, но и думать, быстро принимая в бою правильное решение. Для выполнения таких заданий создавались отряды добровольцев – солдат, имевших «охоту», т.е. желание их выполнить. Формируемые по необходимости, они использовались уже в Крымскую войну 1853–1856 гг., во время Кавказских войн и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а солдат этих называли «охотниками». К середине 80-х гг. XIX в. необходимость подготовки таких команд еще в мирное время, а значит и юридического оформления их статуса, стала очевидной[491]. В результате, на основании Высочайшего повеления от 21 октября 1886 г., во всей русской армии должны были появиться особые охотничьи команды[492]. Цель – «в каждой отдельной части войск пехоты и кавалерии иметь некоторое число людей, заблаговременно подготовленных соответствующими упражнениями к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностию и требующих личной находчивости». Людей этих разрешалось «собирать … в особые при каждой отдельной части войск *охотничьи* команды». Изначально команда должна была составлять не более 4 чел. на роту, эскадрон, сотню или батарею. Ее состав, время сбора и порядок занятий определялись начальниками дивизий или лицами, равными им по власти, а с 1904 г. и командирами частей[493].

Времени на специальную подготовку охотникам не отводилось, а заниматься ей полагалось в дни свободные от общих занятий: по субботам, праздникам и в иное,

---

[488] Там же. Л. 22–26.
[489] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 44.
[490] Там же. Л. 44–45.
[491] Веселовский. Охотничьи команды // Военный сборник. 1897. Т. 235. С. 100–101.
[492] ПВВ № 260 от 21 октября 1886 г. // ПВВ за 1886 г. СПб., 1886.
[493] Там же.

«предоставленное для вольных работ», время[494]. Подобный подход не отвечал требованиям подготовки личного состава, не позволяя проводить занятия систематически и в нужном объеме. Вызывал он сразу отрицательное отношение и у солдат, как всякое мероприятие, отнимающее положенное им по уставу свободное время. Ситуацию исправили в 1891 г., когда для занятий охотников было отведено два дня в неделю. Предполагалось облегчить им несение караульной службы, предоставить начальнику команды верховую лошадь, а самой команде, на время «экскурсий», придавать артельную повозку[495].

В Приам. в.о. охотничьи команды были сформированы в 1887 г. «Выбор специальных занятий и способов их упражнений был согласован с местными условиями, но заключение об успешности занятий по краткости времени существования этих команд, сделать пока не представляется возможным», – докладывал А.Н. Корф Александру III[496]. Однако уже через год подготовка охотников была развернута в полной мере и начала давать неплохие результаты[497]. 29 февраля 1892 г. впервые были отданы специальные указания по подготовке охотничьих команд в Приам. в.о., позволившие максимально приблизить обучение охотников к нуждам возможной войны на Дальнем Востоке и регламентировать их практическое применение в условиях мирного времени[498]. В дальнейшем эти команды сыграли важную роль в истории региона, т.к. привлекались не только для выполнения специальных операций, но и для изучения российского Дальнего Востока и подготовки крестьянского переселения. Одной из таких команд руководил и известный впоследствии ученый В.К. Арсеньев.

Если в 1886 г. «необходимость закончить устройство казарменных помещений, не дозволяющая вывода батальонов и батарей в общие сборы, и недостаток времени для них, заставили отказаться от сосредоточения нескольких частей для совокупных занятий войск различных родов оружия…»[499], то в 1887 г. такие занятия «производились лишь в пяти местах совместного их расположения, при чем в двух из них, именно в г.г. Чите и Благовещенске, могли участвовать в этих занятиях все три рода оружия, а в остальных трех: сел. Никольском, Новокиевском и урочище Барабаш занятия велись пехотою и артиллериею»[500]. Однако А.Н. Корф решил, в будущем, для повышения навыка в маневрировании, регулярно «назначать, по мере возможности, сборы войск, в которых имелась бы возможность систематически вести совокупные занятия маневрированием всех трех родов оружия». Принципиальным было

---

[494] Там же.
[495] ЦГШ № 202 от 7 ноября 1891 г. // ЦГШ за 1891 г. СПб., 1891; Веселовский. Охотничьи команды // Военный сборник. 1897. Т. 235. С. 101.
[496] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 44–45. История охотничьих команд на российском Дальнем Востоке специально исследовалась в: Авилов Р.С. Из истории охотничьих команд в Приамурском военном округе // Россия–Восток–Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: материалы 4-й междунар. науч. конф., Владивосток, 2–4 апреля 2009 г. В 2 ч. Ч. II. Владивосток, 2009. С. 6–10.
[497] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 22–23 об.
[498] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1333. Л. 62–63 об.
[499] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 27.
[500] Там же. Д. 854. Л. 45–46.

привлечение к участию в них артиллерии, поскольку если строевое обучение арт. частей и так находилось в «весьма хорошем состоянии», то «привлечение их к совокупным занятиям пополнит боевую подготовку, надлежащею практикою в боевой стрельбе, при маневрировании с другими родами войск, которая до сих пор не могла производиться»[501]. Таким образом с 1888 г. предполагалось ввести в летний период обучение войск округа новый компонент – общие сборы.

И действительно, на следующий год период учебных сборов для войск Амурской и Приморской областей, был определен с 20 мая по 1 октября, а для войск Владивостокского гарнизона – с 1 мая. При этом в Приморской и Амурской областях с 15 сентября по 1 октября были назначены «совокупных занятия различных родов оружия, совместно квартирующих». В Забайкалье из-за меньшей продолжительности теплой погоды сборы были назначены только до 15 августа «с отделением для совокупных занятий последнего месяца». На время летних занятий войска выводились из казарм и располагались лагерем в окрестностях мест своего квартирования. В этом же году впервые была внедрена практика переброски частей из других мест дислокации в районы наибольшей концентрации войск, для участия в общих сборах совместно с другими частями. Так, Уссурийские конные сотни были «привлечены к совокупным занятиям в Новокиевске и Никольске, в составе свободных нижних чинов, остающихся в сотнях за отделением необходимого числа на содержание кордонной службы»[502]. Кульминацией сборов стали первые в истории Приам. в.о. двухсторонние маневры войск Южно-Уссурийского отдела, проведенные в районе поста Раздольный в присутствии А.Н. Корфа[503].

Однако имели место и непредвиденные обстоятельства, в результате которых в утвержденное заранее росписание сборов пришлось вносить изменения: 4-я горная батарея Вост.-Сиб. арт. бриг. «вследствие появившейся между лошадьми эпидемической болезни инфлюэнции, не могла принять участие в совокупных занятиях с другими родами оружия»[504]. Это был первый зафиксированный случай, когда эпизоотия оказала столь серьезное влияние на летний цикл обучения войск округа. В дальнейшем, несмотря на все усилия гражданских и военных властей, влияние эпидемической и эпизоотической ситуации на сопредельных территориях, и, прежде всего, в Маньчжурии, на расположенные на территории округа войска, будет ощущаться практически постоянно.

---

[501] Там же. Л. 42.
[502] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 24 об.–26 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 20–21 об.
[503] Впоследствии он докладывал императору, что «войска в составе 9 батальонов, 2 батарей, и 4 сотен, собрались скоро и в полном порядке; некоторым батальонам при этом пришлось пройти до 160 верст, но отсталых не оказалось. […] Маневр продолжался двое суток… […]. Особой похвалы заслуживает молодецкий дух, бодрость, любовь и преданность к делу, с которой войска этого отдела явились и действовали в продолжении всего маневра. В конце маневра мною был сделан подробный разбор действий обеих сторон и указаны замеченные ошибки, после же войска были распущены по квартирам». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 25 об.–26.
[504] Там же. Л. 21 об.

К этому времени стало очевидно, что выбор в качестве центра нового округа г. Хабаровка полностью себя оправдал. Центральное расположение этого пункта сделало возможным регулярные поездки лично Командующего войсками с инспекционными осмотрами вверенных ему войск. В 1886 г. А.Н. Корф во второй раз объехал все три входящие в состав округа области[505], в 1887 г. – был в столице[506], в 1888 г. – осмотрел войска Южно-Уссурийского отдела, Амурской и Забайкальской областей[507], в 1889 г. – все войска округа (за исключением конвойных и некоторых местных команд)[508], в 1890 г. – снова все войска округа[509], а в 1892 г. А.Н. Корф опять был в Петербурге и войска за него осмотрел Вр.-Командующий войсками округа генерал-майор Л.А. Юнаков[510]. Были поставлены на регулярную основу и инспекционные поездки командующих войсками в областях (военных губернаторов) и начальника местных войск о. Сахалин, имевшие возможность осматривать войска значительно чаще, чем Командующий войсками округа. Теперь они проводились ежегодно, а иногда и по несколько раз в год. С 1890 г. начались и инспекционные поездки начальника Окружного штаба. С 1887 г. А.Н. Корф ввел систему регулярных осмотров войск начальниками Окружных управлений. В результате уже в этом году значительная часть арт. батарей была осмотрена начальником артиллерии округа, а единственная инженерная часть – Вост.-Сиб. сап. рота – заведующим инженерной частью округа[511].

Не оставляла А.Н. Корфа и мысль о необходимости решить проблемы с местными командами, в связи с чем для их осмотра в Приморской области и на о. Сахалин был командирован помощник начальника Окружного штаба. В 1885–1886 гг. была организована и система ежегодного осмотра состояния оружия в частях войск округа специально командируемым для этого офицером, действовавшая впоследствии до начала Первой мировой войны[512]. В 1887 г. были осмотрены также склады оружия, хранящегося в отделах ЗКВ для вооружения формируемых в военное время казачьих частей 2-й и 3-й очереди. После второго, за долгий период, такого осмотра, «замечаний о найденных неисправностях» оказалось чрезвычайно много и А.Н. Корф обнародовал значительную часть из них, «с указанием о немедленном приведении оружия и принадлежности к нему в полную исправность»[513].

В этом же году в мае, июне и июле все Вост.-Сиб. стр. батальоны (кроме 8-го), Вост.-

---

[505] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 27–28; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 51–57, 77–77 об.
[506] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 46.
[507] Там же. Д. 856. Л. 25 об.–26; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 95–98.
[508] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 36–37; Приказ по войскам Приам. в.о. № 77 от 14/19 июня 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.
[509] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 21 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 136–136 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 141–142 об.
[510] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1333. Л. 220–222 об.
[511] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 28; Там же. Д. 854. Л. 46–47; Д. 859. Л. 21.
[512] Приказание по войскам Приам. в.о. № 21 от 5 мая 1886 г. и приложение к нему // Приказы и приказания по войскам Приам. в.о. за 1886 г. Хабаровка, 1886; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1344. Л. 65–68.
[513] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 46–47.

Сиб. лин. батальоны (кроме 4-го), Вост.-Сиб. сап. рота и казачьи части были осмотрены в местах квартирования командированным по Высочайшему повелению состоящим для особых поручений при инспекторе стрелковой части в войсках и совещательным членом оружейного отдела артиллерийского комитета ГАУ полковником Е.И. Тимофеевым. Им же произведены смотры и проверки стрельбы частей[514]. Новации в образовании казачьих войск ограничились предоставлением 10 сентября 1887 г. приамурским казакам права отправлять в офицерскую кавалерийскую школу ежегодно по 1 офицеру и в учебную кузницу – по 2 казака[515]. В 1888 г. А.Н. Корф добился, чтобы в этих войсках установленные для казаков старшего возраста приготовительного разряда учебные сборы с апреля по сентябрь в 1889, 1890 и 1891 гг. не проводились, а казаков младшего возраста, не зачисленных в штатный состав строевых частей ЗКВ, «по неимению вакансий», собирали для обучения с апреля по сентябрь при тех же частях, «довольствуя их на счет войсковых сумм»[516].

В 1888 г. А.Н. Корфу удалось добиться создания в г. Хабаровка Приготовительной Школы Сибирского Кадетского Корпуса – первого военного учебного заведения на территории Приам. в.о.[517]. Приготовительная школа была открыта 11 октября и на другой день начались классные занятия. «Такое позднее начало учебного курса произошло вследствие замедлившейся доставки в Хабаровку необходимой для школы обстановки, выписанной из С.-Петербурга». В первый год в школу было зачислено 27 детей[518]. Впоследствии правила приема в школу корректировались[519], был четко регламентирован порядок отправления воспитанников этих школ в Сибирский кадетский корпус[520]. Поскольку школа предназначалась в первую очередь для детей офицеров и чиновников, желавших получить военное образование[521], по мнению Командующего войсками округа это событие стало «самой существенной мерой в ряду других улучшений быта семейных офицеров»[522].

---

[514] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1343. Л. 34–34 об.; Там же. Ед. хр. 1344. Л. 234–235 об.; «Успехи по образованию войск оказавшиеся на означенных смотрах, – докладывал А.Н. Корф Александру III, – хотя оставляют желать еще многого, но и полученные уже результаты служат ручательством в том, что достижение должной высоты образования составляет вопрос весьма близкого будущего. В этом убеждает меня общее заключение Полковника Тимофеева, об успехах сделанных войсками со времени первого приезда его в 1883 году, успех который особенно ценен в виду трудности обучения при той обстановке, в какой войска здесь находятся». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 47–48.

[515] Высочайше утвержденное 10 сентября 1887 г. Положение об Офицерской кавалерийской школе // ПСЗ РИ III. Т. 7. № 4704; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 61.

[516] Высочайше утвержденное 25 марта 1888 г. положение Военного Совета Об изменении статей 13 и 86 Высочайше утвержденного, 1 апреля 1878 г., Положения о военной службе казаков Забайкальского войска // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5092; ПВВ № 81 от апреля 1888 г. // ПВВ за 1888 г. СПб., 1888; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 29 об.

[517] Высочайше утвержденное 1 февраля 1888 г. мнение Государственного Совета Об учреждении в городах Иркутске и Хабаровке Приготовительных школ Сибирского Кадетского Корпуса // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 4987; Приказ по войскам Приам. в.о. № 38 от 21 марта 1888 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1888 г. Хабаровка, 1888.

[518] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 7 об.

[519] Приказание по войскам Приам. в.о. № 1 от 13 января 1889 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.

[520] Высочайше утвержденное 25 января 1891 г. положение Военного Совета о порядке отправления воспитанников Хабаровской и Иркутской приготовительных школ в Сибирский Кадетский Корпус // ПСЗ РИ III. Т. 11. № 7401.

[521] Высочайше утвержденное 1 февраля 1888 г. мнение Государственного Совета Об учреждении в городах Иркутске и Хабаровке Приготовительных школ Сибирского Кадетского Корпуса // ПСЗ РИ III. Т. 8. № 4987.

[522] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 7 об.; Там же. Д. 861. Л. 11–11 об.

Причем уже через несколько лет стало ясно, что школу нужно существенно расширять, т.к. число заявлений от лиц, имевших законное право на принятие их детей, настолько превышало количество мест, что в 1892 г. А.Н. Корф вынужден был распорядиться принимать в нее только детей офицеров[523].

Начало проведения в округе общих сборов с маневрами выявило и недостатки в подготовке младшего офицерского состава. Барон А.Н. Корф докладывал императору, что им в особенности «обращено внимание командиров частей на младших офицеров, чтобы выработать в них вполне подготовленных и самостоятельных ротных командиров, т.е. установить ведение занятий так, чтобы они не имели характера механического исполнения известных требований, а были живым делом, в котором работало бы всегда сознание дела, а следовательно ум, воля и сердце. Достижение сказанного зависит от умения и энергии начальников частей, в усердии и преданности делу которых, нет сомнения». Тогда же он сформулировал еще один важный тезис в подходе к обучению войск Приам. в.о., который впоследствии (особенно после Русско-японской войны 1904–1905 гг.) станет доминирующим: «Служебные требования направлены в строгом соответствии закона и тех исключительных условий, в которых войскам Приамурского края придется действовать в случае войны»[524].

Не менее важным было и то, что обучение в формируемых в рамках программы А.Н. Корфа частях сразу удавалось поставить на должный уровень. Смотр 1888 г. показал, что созданный в 1886 г. Стретенский резервный (кадровый) батальон[525] представляет собой «часть основательно обученную. Офицеры и нижние чины при строевых упражнениях и на маневрах действуют спокойно и сознательно»[526]. Постепенно удалось немного подтянуть и местные команды, где к 1888 г. занятия уже велись «довольно систематически, нижние чины имеют вполне надлежащий военный вид; сомкнутый строй удовлетворительный». Слабую сторону команд по-прежнему составляли унтер-офицеры, которые, из-за частого нахождения в командировках не имели «надлежащей молодцеватости и навыка командовать в строю»[527].

В 1889 г., в связи с 5-летней годовщиной создания Приам. в.о., в Окружном штабе подготовили для военного министра П.С. Ванновского специальный обзор. В итоговом варианте этого документа, от лица А.Н. Корфа, подводились некоторые итоги работы по совершенствованию обучения и боевой подготовки войск округа[528]. Здесь же указывалось, что

---

[523] Там же. Д. 864. Л. 11 об.–12.
[524] Там же. Д. 856. Л. 4 об.
[525] Там же. Д. 853. Л. 3; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1049. Л. 309–310 об.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 58. Л. 158.
[526] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 22 об.
[527] Там же. Л. 22 об.
[528] «Вполне сознавая, что несоразмерность наших боевых сил с силами неприятеля […] может вознаградиться только качественными преимуществами, в Округе обращено возможно более строгое внимание на обучение и боевую подготовку частей. […] При учреждении Округа войска круглый год занимались постройкою казарм и на их образование уделялось лишь время, остававшееся свободным от строительных работ, при чем успехи в обучении были весьма незначительны; но стоило только строго установить требования относительно образования и разграничить

образование войск шло бы еще успешнее, если бы не чудовищная ротация кадров: начальниками двух Вост.-Сиб. стр. бриг. за 5 лет побывали 10 чел.; из командиров восьми Вост.-Сиб. стр. батальонов за то же время только трое остались неизменными, а в остальных пяти батальонах переменилось 19 командиров. «Такие частые перемены, конечно, не могли не отозваться как на строевом образовании войск, так и на хозяйственной части батальонов, а также и на офицерах»[529].

К 1889 г. в Приам. в.о. все отчетливее стали проявляться результаты резко активизированной в 1884 г. деятельности по общему развитию и заселению региона. Эти процессы, а также активное казарменное строительство, оказали заметное влияние на обучение войск. «Одновременно с заселением края идет быстрыми шагами общее его развитие и улучшается материальная обстановка офицеров и нижних чинов, что в свою очередь возвышает нравственное состояние войск, но что еще важнее, одновременно с этим становится возможным предъявлять войскам теперь уже такие служебные требования, о которых ранее нельзя было и думать», – докладывал А.Н. Корф императору[530].

Для подобного доклада были серьезные основания. Действительно, за этот год, впервые, всеми частями округа был пройден в полном объеме курс стрельбы, включая и боевую стрельбу целыми частями. Из 12 батальонов, в которых был произведен смотр стрельбы, 4 – дали результаты отличные, 5 – очень хорошие, остальные – хорошие, причем некоторые роты «стреляли вне разрядов не имея ни одной стрельбы ниже отличной»[531]. Ротные и батальонные учения этого года показали, что «первоначальная кропотливая работа одиночного образования и подготовительных упражнений, пройдена удовлетворительно и систематически. Рассыпной строй, маневрирование на местности и управление огнем, требуют еще настойчивой работы со стороны офицеров, но и в этом отношении оказались вполне удовлетворительными, служа примером для других». Более того, в этом году в округе впервые была внедрена новая форма подготовки частей – ночные маневры. Причем они были проведены во всех стр. батальонах. Успехом увенчался и первый опыт походного движения без дорог, по компасу, сводного отряда из частей Никольского гарнизона. «В виду особых местных условий, ознакомление войск с подобными передвижениями является здесь особенно полезным и даже необходимым», – подчеркивалось в отчете по округу[532].

Впервые началось обучение нижних чинов (их отбирали из призванных телеграфистов)

учебное время от рабочего, т.е. систематически вести занятия, и успехи в обучении пошли быстрыми шагами впредь, не задерживая, вместе с тем, возведение необходимых зданий. […] В настоящее время я смело могу доложить Вашему Превосходительству, что войска Приамурского военного Округа уже не рабочая, а хорошая, надежная боевая сила, хотя дальнейшее усовершенствование их образования, конечно, еще необходимо». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 857. Л. 3–4.

[529] Там же. Л. 4 об.

[530] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 11–12.

[531] Там же. Л. 29.

[532] Там же. Л. 30–32.

военно-телеграфному делу. Избранных для обучения от всех частей Южно-Уссурийского отдела собрали в с. Никольское, где занятия велись 3 месяца. Результаты оказались отличными. Для последующей практики, было решено периодически посылать войсковых телеграфистов на ближайшие телеграфные станции. Начатое еще в 1875 г. обучение офицеров и нижних чинов саперному делу, которое теперь велось в сводно-саперных командах на базе Вост.-Сиб. сап. роты уже не вызывало вопросов, да и сама рота во «всех отношениях представляет образец своего специального рода оружия». Во 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. получила широкое развитие практика употребления сигнализации и гелиографов[533].

Начало приносить плоды и существенное повышение в предыдущие годы требований к строевым частям казачьих войск. В ЗКВ А.Н. Корфа порадовало, что произведенные в некоторых станицах ученья казаков строевого разряда показали, что «приобретенные ими во время состояния на действительной службе познания сохранились на столько, что казаки могут тотчас же быть призваны на службу в строевых частях, не требуя предварительно подготовки. На смотр явились даже малолетки в возрасте от 10 до 17 лет […], из них казачата 1го и 2го военных отделов представились в составе взводов, обученных конному строю и джигитовке, исполненных с полным успехом. Вообще смотр показал, что Забайкальские казаки будут в состоянии, когда потребуется, выделить из своей среды нужное число вполне обученных боевых молодцов…»[534].

Продолжал совершенствоваться летний период обучения. Механизм проведения частных и общих сборов войск к этому времени был отлажен достаточно хорошо, поэтому течение всего сентября 1889 г. войска трех родов оружия Южно-Уссурийского отдела были сосредоточены для совокупных занятий в двух пунктах: в ур. Новокиевское и в с. Никольское, где проводились «совокупные маневрирования с боевою стрельбой», – прообраз будущих подвижных сборов войск округа[535].

Слабыми сторонами подготовки войск по-прежнему оставались: низкий уровень грамотности призывников (их приходилось доучивать до необходимого уровня знаний), тактические занятия с офицерами, которые велись во всех частях, но со «значительной шаткостью» (следствие в целом слабого состава офицеров в округе), недостаточная специально-кавалерийская подготовка Уссурийских конных сотен (следствие плохих лошадей), отсутствие практики взаимодействия при использовании больших масс войск[536].

В 1890 г. строительство казарм для уже имевшихся в округе войск было практически окончено, что позволило свести к долгожданному минимуму отвлечение войск на этот вид

---

[533] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 53–53 об.; Там же. Д. 858. Л. 31–32.
[534] Там же. Л. 39–41.
[535] Там же. Л. 35–36; Приказ по войскам Приам. в.о. № 35 от 15 марта 1889 г. и приложение к нему // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1889 г. Хабаровка, 1889.
[536] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 32–33.

«небоевой работы», и еще более повысить требования к обучению и боевой подготовке войск, выполнение которых прежде было заведомо невозможно. С упразднением конных постов от 1-й и 2-й Уссурийских конных сотен вдоль границы Южно-Уссурийского края и сосредоточением отдельных постовых команд от них ближе к штабам, сократилась кордонная служба, что наряду с началом ремонтирования их конским составом из Забайкальской области, позволило в большей степени сосредоточиться на их обучении именно как кавалерийских частей[537]. Для подготовки сперва для войск Южно-Уссурийского отдела, а затем и всего Приам. в.о. опытных кузнецов в с. Никольское была открыта учебная кузница[538].

Новацией в ведении тактических занятий с офицерами стало внедрение в местах квартирования нескольких частей войск «совокупных тактических занятий всех офицеров гарнизона» под руководством старших начальников, и военных бесед, темы для которых высылались из штабов областей и отдела. На эти занятия старались командировать офицеров Генерального Штаба, что «впрочем встречало препятствие в постоянном некомплекте в Округе этих офицеров». В дальнейшем эти беседы тоже стали регулярными[539].

Общие сборы в 1890 г. удалось провести только в Забайкальской и Амурской областях, т.к. «вследствие проливных дождей, последствием которых были во многих местах Уссурийского края наводнения, а также вследствие холерной эпидемии во Владивостоке, грозившей распространиться в Посьетском участке и даже на Север» общие сборы в лагерях: под с. Никольское, ур. Новокиевское и крепостью Владивосток пришлось сократить до 15–20 дней[540]. Реализовать эту программу удалось только на следующий год[541].

Зимний период обучения 1890–1891 гг. пришлось завершить раньше обычного. Он продолжался с октября только до конца апреля, т.к. в округе ожидали визита Цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Это, наряду с церемониальным характером использования войск во время визита, не могло не иметь отрицательного влияния на процесс обучения войск. «Духоподъемный» эффект от Высочайших смотров лишь отчасти компенсировал вынужденные пробелы в обучении[542]. Еще хуже было то, что из-за нехватки в крае рабочих рук для строительства Уссурийской железной дороги, которое символически открыл Цесаревич, сразу же начали привлекать войска. В первый же год было «наряжено от войск» 2.500 нижних чинов, которые, естественно, никакой боевой подготовкой при этом не

---

[537] Там же. Д. 859. Л. 3 об.–4, 16 об.
[538] Там же. Л. 19–19 об.; Приказ по войскам Приам. в.о. № 222 от 22 ноября 1891 г. и приложенные к нему: Инструкция кузницы в с. Никольском и Программы для преподавания нижним чинам учебной кузницы теории ковки // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1891 г. Хабаровка, 1891.
[539] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 19 об.–20; Д. 865. Л. 9–9 об.
[540] Там же. Д. 859. Л. 20–21. Подробнее о планировавшихся на этот год сборах см.: ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1342. Л. 35–37.
[541] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 47–49.
[542] Там же. Л. 14 об.–15, 50–51 об.

занимались[543]. Отвлечение личного состава на эти работы продолжалось и в дальнейшем[544], прекратившись лишь с окончанием строительства дороги.

При этом все больше проявлялась диспропорция в уровне боевой подготовки войск. На первом месте были войска Южно-Уссурийского отдела, затем Амурской области, остальной части Приморской области и Забайкалья. Сложной была ситуация во Владивостоке, где по мере роста крепости росло и количество различных постов и караулов. В результате, если в 1891 г. тактическая подготовка войск Южно-Уссурийского отдела (без крепости Владивосток) и Амурской области признавалась «вполне законченной», то на остальной территории округа она являлась «неполной, по незнакомству с совокупными действиями трех родов оружия»[545].

Новшеством в тактической подготовке офицеров стала впервые проведенная в конце сентября 1891 г., по окончании лагерных сборов при с. Никольское и ур. Новокиевское, полевая поездка со строевыми офицерами всех родов оружия (при участии офицеров Генерального Штаба) по юго-западной границе Южно-Уссурийского края, продолжавшаяся в течение 10 дней[546]. Поскольку этот вид подготовки не только давал офицерам практику в применении многих умений и навыков, но еще и знакомил их с ТВД, что для пограничного военного округа было особенно важно, такие поездки сразу стали ежегодными[547], а их количество со временем только росло[548]. В подготовке охотничьих команд новацией стало их постоянное командирование для поимки в тайге ссыльнокаторжных, бежавших с работ по строительству Уссурийской железной дороги[549].

В начале цикла зимних занятий 1891–1892 гг. войскам впервые были даны особые указания из 11-ти пунктов, касавшиеся организации и ведения зимних занятий. Офицеры должны были, прежде всего: рационально организовать ежедневный график обучения, при занятиях со старослужащими, воспитывать солдата, обратить внимание на выбор и подготовку учителей для молодых солдат, самих солдат обучать «рассказом и показом, последним по преимуществу», обратить внимание на подготовительные занятия к стрельбе, поддерживать уровень знаний унтер-офицеров и т.д. Регулировались не только уже неплохо поставленные в округе занятия в казарменных помещениях, но и на открытом воздухе[550]. В

---

[543] Приказ по войскам Приам. в.о. № 38 от 20 февраля 1891 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1891 г. Хабаровка, 1891.
[544] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1333. Л. 101–101 об., 122–122 об., 143; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 21–23; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 12–13; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 66–68 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 18–19 об., 22–22 об.
[545] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 14–15.
[546] Там же. Л. 15 об–15; Приказ по войскам Приам. в.о. № 150 от 20 августа 1891 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1891 г. Хабаровка, 1891.
[547] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 9 об.
[548] В 1893 г. было проведено 3 таких поездки: в окрестностях г. Чита, с. Никольское и крепости Владивосток (ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 96 об., 165–165 об.), в 1894 г. – 1 в окрестностях г. Чита и 2 на п-ове Муравьева-Амурского ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 32–33 об.
[549] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 45–45 об.
[550] Приказ по войскам Приам. в.о. № 188 от 3 октября 1891 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1891 г. Хабаровка, 1891.

последующие годы эти распоряжения неоднократно дополнялись и повторялись[551].

В 1892–1894 гг. заметных нововведений в системе обучения и боевой подготовке войск округа не происходило[552], за исключением постепенного внедрения обучения войск бегу на лыжах, начатому осенью 1894 г.[553]. Назначенный 9 марта, после внезапной смерти 7 февраля 1893 г. А.Н. Корфа, новым Командующим войсками округа генерал-лейтенант С.М. Духовской[554] лишь констатировал, что влияние на обучение войск всех тех отрицательных факторов, о которых докладывал его предместник, сохраняется, несмотря на все предпринимаемые усилия[555]. Более того, в 1893 г. снова пришлось вводить запрет на участие отдельных частей в общем сборе войск Южно-Уссурийского отдела из-за появления сибирской язвы у лошадей 8-го Вост.-Сиб. стр. батальона и 2-й Приморской конной сотни[556]. На следующий год ситуация повторилась. Сначала в Южно-Уссурийском крае развилась сибирская язва, уничтожившая у местного населения до 1.500 лошадей, и начавшая распространяться в войсках. Благодаря принятым мерам она «не приняла особенно больших размеров», но часть кавалерии и артиллерии округа не смогла принять участие в общих лагерных сборах. Затем в организацию лагерных сборов вмешалась уже погодная стихия. «Исключительно дождливое лето и необычайные разливы рек, затоплявших огромные пространства, – докладывал С.М. Духовской, – сильно затрудняли маневрирование войск, вынуждая ограничиваться незначительным числом учений и не дозволяла производить их на более значительных пространствах». В результате, хотя в округе в 1894 г. и производились одно- и двухсторонние маневры, а также маневрирования с боевой стрельбой в составе отрядов трех родов оружия[557], но их масштабы были далеки от запланированных[558]. При этом впервые провести на территории округа специально-артиллерийские сборы (в Забайкальской и Амурской областях) в этом году все-таки удалось, причем результаты оказались настолько успешными, что было решено сделать их в дальнейшем ежегодными[559].

Генерал-лейтенант С.М. Духовской, не менее активно, чем его предшественник, совершал поездки по округу и осматривал части и соединения, начиная с первого года службы в регионе[560]. Поэтому оценивая боеспособность войск к началу Японо-китайской войны 1894–

---

[551] См., напр.: ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 200–201.
[552] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 31–35 об. Там же. Д. 866. Л. 75–90 об.
[553] ГАХК. Ф. Р-768. Оп. 2. Д. 2. Л. 12–13 об., 34–35.
[554] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 16, Л. 68.
[555] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 37 об.–38.
[556] Там же. Л. 43 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 157.
[557] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 80–80 об., 87–90 об.
[558] Приказ по войскам Приам. в.о. № 30 от 16 февраля 1894 г. и приложенное к нему Росписание сборов войск в Приам. в.о. в 1894 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1894 г. Хабаровск, 1894.
[559] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 231–232.
[560] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 44–44 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 166–168 об., 171–171 об., 180–180 об., 189–189 об., 192; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 108–110 об., 126, 160–162; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 90. В 1893 г., пока он добирался на Дальний Восток, войска инспектировал Временно-Командующий войсками округа генерал-майор Н.В. Копанский. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1334. Л. 132–134 об.; Там же. Л. 317–318 об.

1895 гг. и весной 1895 г. накануне мобилизации, он располагал исчерпывающими сведениями, как официальными, так и личными, о качестве выучки и уровне боевой подготовки вверенных ему войск[561]. Таким образом, хотя к началу мобилизации 1895 г. войска и были значительно лучше обучены, чем накануне сосредоточения за 1885 г., но к столкновению с пусть и имевшей существенные недостатки, но, тем не менее, хорошо обученной, численно превосходящей и закаленной в боях японской армией, они явно не были готовы. Это во многом определило позицию С.М. Духовского во время кризиса.

Главные причины, отрицательно влиявшие на успех воинского образования, остались к весне 1895 г. те же, что были и на момент создания Приам. в.о. Добавились только отвлечение войск на работы по строительству железной дороги и рост числа эпидемий и эпизоотий. Тем не менее, всю зиму 1894–1895 гг. войска целенаправленно готовили к возможной войне с Японией, стараясь максимально подтянуть все виды подготовки, особенно стрелковую и тактическую. Более того, «в течение зимы во всех частях округа войска упражнялись в походных движениях с маневрированием, при чем испытывался новый обоз, который оказался удовлетворяющим условиям движения в здешнем крае»[562]. Зимние занятия войск продолжались с октября до начала мая и закончились мобилизацией, которой в планах занятий, естественно, не было. В результате в войсках пришлось сначала «поспешно проходить курс образования молодых солдат, а затем пополнять пробелы». Впрочем, мобилизация имела и огромный положительный эффект, поскольку удалось проверить на практике многое из того, что в обычной обстановке изучалось только в теории, а начало сосредоточения войск к границе позволило отработать координацию при движении значительных (по местным меркам) масс войск. Последнее было особенно ценно, т.к. запланированные большие маневры и подвижные сборы войск округа в 1895 г., вследствие появления холеры, так и не состоялись[563].

2.7. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и мобилизация Приамурского военного округа в 1895 г.[564]

Резкое обострение ситуации на Корейском полуострове весной 1894 г. застало русские власти врасплох. К войне Японии с Китаем в Петербурге никто не готовился, и само ее появление в обозримом будущем не прогнозировал. В оценке политики Японии и ее планов в

---

[561] «Состояние воинского образования в частях Округа может быть признано удовлетворительным, хотя, по местным условиям, соблюдение систематичности и правильности в ведении занятий крайне затруднительно и успех занятий достигается с большим трудом», – отмечалось в отчете по округу за 1895 г. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 22.

[562] Там же. Л. 23 об.

[563] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 43–49; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 22–28 об.

[564] Отдельные аспекты мобилизации войск Приам. в.о. в 1895 г. исследовалась в: Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.)… С. 149–157; Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*»… С. 93–101; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. … С. 98–107.

80-х–начале 90-х гг. XIX в. серьезно ошиблись не только в военном, но и в дипломатическом ведомстве. Сначала на Особом Совещании 26 апреля 1888 г. решили, что если кто-то и вынашивает планы захвата Корейского полуострова, то это Китай[565]. Затем эта мысль была развита в инструкции будущему российскому посланнику в Токио М.А. Хитрово, написанной в начале осени 1892 г. В документе проводилась мысль о возможности совместного с Японией противодействия «китайским захватам в Корее», с целью «поддержания ее самостоятельности», и указывалось на возможность использования японских портов для укрытия русского флота[566]. Япония и ее ВМФ рассматривались как противовес английскому господству на азиатских морях. Поэтому возможность сближения Страны восходящего солнца с Британской империей и Китаем не приветствовалась.

Возможную военную угрозу со стороны самой Японии пропустили, хотя идея захвата о. Формоза[567] и Кореи сформировалась в империи Микадо как минимум не позднее середины 1870-х гг. Реализация этих планов долгое время оставалась невозможной, поскольку для нее требовалось создать современные армию и ВМФ, да и процесс подготовки активных колониальных захватов шел в Японии практически одновременно с борьбой за пересмотр неравноправных Ансэйских договоров 1854–1858 гг. А поскольку, еще со времен внешнеполитических кризисов 1884–1887 гг., Англия рассматривала Китай как союзника в возможной войне с Россией, любое ухудшение японо-китайских отношений могло сказаться на отношениях англо-японских. Вооруженная же экспансия в Корее в перспективе неизменно вела к столкновению с Поднебесной. Таким образом, перейти от экономического к военному противостоянию с Китаем, в т.ч. по вопросу о Корее, Япония смогла только после решения вопроса о неравноправном договоре[568] хотя бы с Великобританией. 4 (16) июля 1894 г. англо-японский договор о торговле и мореплавании был заключен[569].

Удобным предлогом для ввода в Корею войск стало начавшееся на юге страны в 1894 г. восстание тонхаков. В высших кругах Японии верно рассчитали, что появление японских войск в Корее приведет к аналогичным действиям со стороны Китая, и повлечет за собой уже полномасштабную японо-китайскую войну[570]. Благодаря хорошо поставленной разведке, в

---

[565] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 12–21.
[566] Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 569.
[567] В настоящее время о. Тайвань.
[568] Подробнее см.: Fifty years of new Japan. Completed by Count Shigenobu Okuma, late Prime Minister and Minister for Foreign Affairs. English version ed. by Marcus B. Huish. Vol. I. Lnd, 1909. P. 102–107; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 560–588; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 195–207.
[569] Договор о торговле и мореплавании между Японией и Великобританией. 16 июня 1894 г. // Treaties and conventions between the Empire of Japan and the other Powers. Compiled by the Foreign Office. Tokio, 1899. P. 37–45.
[570] Подробнее см.: Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. N.Y., 2010. P. 112–132; Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. 1894–1911. N.Y., Bombay, Calcutta, 1918. P. 19–29; Fifty years of new Japan… P. 110–111; Seung Kwon Synn. Korean-Japanese Relations, 1894–1904 (I) // Korea Journal. 1981. No. 2. P. 12–25; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897. М., 2004. С. 61–87; Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М., 2013. С. 128–144; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004. С.

Японии имели исчерпывающие сведения о китайской армии и флоте[571], и в победе над соседом не сомневались. 28 мая (9 июня) 1894 г. началась высадка японских войск в Корее, положившая начало Японо-китайской войне 1894–1895 гг. Официальным предлогом для ее начала стала «защита независимости Кореи» от Китая[572]. Однако серьезные опасения японских элит вызывало и строительство Транссиба, которое связывалось с перспективой усиления русской экспансии на Дальнем Востоке, особенно в Китае[573]. «Для меня представляется непреложною истиною, что как бы китайцы ни действовали, они все равно потерпят неудачу в единоборстве с Японией», – прогнозировал итог еще не начавшейся войны 3 (15) июля 1894 г. русский военный агент в Китае К.И. Вогак[574].

Поскольку с момента ввода в Корею одновременно и китайских и японских войск дело явно шло к войне, Командующий войсками Приам. в.о. С.М. Духовской еще 2 июня 1894 г. запросил начальника Главного штаба Н.Н. Обручева: «Не последует ли указаний, относительно пункта, намеченного в Корее, для занятия нашим гарнизоном, [в] случае осложнений событий согласно постановления особого Совещания»[575]? Содержание телеграммы в Главном штабе вначале не поняли. Разобравшись, что имеется в виду Особое Совещание, состоявшееся по распоряжению министра иностранных дел Н.К. Гирса еще в 1888 г., в котором принимали участие предыдущий Командующий войсками округа А.Н. Корф и директор Азиатского департамента МИДа И.А. Зиновьев, выяснили, что журнал этого Совещания, имевшийся у С.М. Духовского, не был сообщен Военному министерству[576]. За подробностями обратились в МИД, откуда сообщили, что в 1888 г. было решено: «Пекинское Правительство может быть вынуждено временно отправить войска свои в Корею для

203–211; Пастухов А. Восстание тонхаков и начало Японо-китайской интервенции в Корею // Арсенал коллекция. 2013. № 4. С. 2–13; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 584–585; Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. С. 32–33; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., 1956. С. 37–154; The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi. Ed. by A.M. Pooley. N.Y., Lnd. 1915. P. 37–42; Тягай Г.Д. Крестьянское восстание в Корее 1893–1895 гг. М., 1953. С. 73–122.

[571] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 82. Л. 178 об.; Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874–1922 гг.: дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2020. С. 26–28.

[572] Телеграмма посланника в Токио министру иностранных дел от 27 мая (8 июня) 1894 г., депеши посланника в Токио министру иностранных дел № 31 и 32 от 27 мая (8 июня) и № 34 от 28 мая (9 июня) 1894 г., телеграмма посланника в Токио министру иностранных дел от 28 мая (9 июня) 1894 г. // КА. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 8–14; Nagao Ariga. La guerre Sino-Japonaise au point du vue du droit international. Paris, 1896. P. 10–12; Fifty years of new Japan… P. 110–111; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны… С. 116–130, 326–329; Забровская Л.В. Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг. М., 1987. С. 49; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897… С. 68–69; Пастухов А. Восстание тонхаков и начало Японо-китайской интервенции в Корею // Арсенал коллекция. 2013. № 4. С. 12–13.

[573] Asakawa K. The Russo-Japanese conflict. Its causes and issues. Westminster, 1904. P. 32–64; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 32–33; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 70.

[574] Донесение К.И. Вогака из Тяньцзиня от 3 (15) июля 1894 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. Извлечения из донесений Генерального Штаба Полковника Вогака. СПб., 1895. С. 67.

[575] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.

[576] Там же. Л. 2.

прекращения внутренних смут. Нам необходимо отклонить Китай от этой меры и, потребовав объяснения, дать ему понять, что мы рассчитываем на немедленное очищение Кореи, по исполнении возложенной на войска задачи. Если же обнаружится, что временное занятие есть только предмет для прочного утверждения в крае, то придется прибегнуть к мерам давления на Китай, в числе коих может быть или морская демонстрация в Китайских водах, или же занятие нами на Корейском побережье какого-либо пункта, по возможности близкого к границе нашей, с заявлением Китайскому Правительству, что занятую местность мы очистим, как только и оно, с своей стороны, выведет войска свои из Кореи». При этом в МИДе ошибочно полагали, что «восстание в Корее уже утихает», а значит Главному штабу нет «надобности обсуждать вопрос об избрании в Корее пункта для занятия нашими войсками», что и было доложено 4 июня военному министру П.С. Ванновскому. Последний распорядился запросить МИД как по телеграмме С.М. Духовского, так и «по несообщению» об этом Совещании ему, а 9 июня приказал представить ему записку по этому вопросу[577].

На посланный запрос Н.К. Гирс прислал единственную сохранившуюся в столице копию журнала Особого Совещания 26 апреля 1888 г., и пояснил, что занятие какого-либо пункта в Корее предполагалось в случае «намерения Китайского Правительства прочно утвердиться в Корее», а подозревать его в таком намерении нет никаких оснований. Скоординированная позиция двух министров была сообщена С.М. Духовскому[578].

Ознакомившись 19 июня 1894 г. с журналом, положения которого определяли политику Российской империи в Корее в предшествующие 6 лет[579], П.С. Ванновский констатировал, что для производства в Корее военной демонстрации можгут потребоваться «сравнительно значительные вооруженные силы, для сосредоточения коих необходимо известное время». В связи с чем он попросил Н.К. Гирса, «имея ввиду, что обстоятельства могут измениться и что, судя по донесениям нашего военного агента в Китае и Японии, положение дел в Корее в настоящее время представляется повидимому весьма серьезным, […] не отказать в заблаговременном уведомлении меня, если производство помянутой демонстрации признано будет желательным, как о пункте, который будет избран для занятия нашим гарнизоном […], чтобы своевременно можно было обсудить вопрос о численности потребных войск и сделать необходимые распоряжения по их сбору и снаряжению»[580].

Отсутствие нормально поставленной в странах Дальнего Востока разведки[581] и сложности с анализом даже тех скромных данных, которые поступали в центральный аппарат

---

[577] Там же. Л. 2–3, 5.
[578] Там же. Л. 4–4 об., 7–10.
[579] Копия с Высочайше одобренного журнала Особого Совещания 26 апреля 1888 г. // Там же. Л. 12–21. Впервые копия журнала, хранившаяся в МИДе была опубликована в: КА. 1932. Т. 3 (52). С. 54–61.
[580] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 22–22 об.
[581] Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 15–19; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 93–94, 102, 141–145.

министерства, привели к тому, что и летом 1894 г. в военном ведомстве продолжали жить прошлым, с трудом ориентируясь в происходивших на Дальнем Востоке событиях и допуская серьезные ошибки в выводах. Опасались утверждения в Корее Китая, не до конца понимая суть притязаний на эту страну Японии, и возможность оккупации ей Кореи. Переоценивали силу китайской армии и флота, даже не анализируя предпринятые с 1880-х гг. меры по усилению армии и флота Японии. Это вело к недооценке военного потенциала и опасности, исходящей от Страны восходящего солнца и уверенности в военной победе Китая.

Поэтому ответ на запрос П.С. Ванновского со стороны МИДа оказался достаточно неожиданным – 24 июля 1894 г. Н.К. Гирс отправил ему копию ноты японского посланника в России Ниси Токудзиро о формальном объявлении 20 июля (1 августа) Японией войны Китаю[582]. При этом боевые действия были открыты Японией еще 13 (25) июля[583], о чем в России узнали 14 (25) июля[584]. 30 июля П.С. Ванновскому направили копию телеграммы, отосланной из МИДа С.М. Духовскому, в которой указывалось, что «Императорское Правительство считает излишним особенное заявление о нейтралитете в виду войны между китайцами и японцами вследствие корейских замешательств, но не желает вмешиваться в войну. Инструкции в сказанном смысле препровождены нашим Дипломатическим Представителям». «Не густо»! – отметил 30 июля П.С. Ванновский[585]. В Главном штабе начали поднимать имевшиеся сведения о составе и дислокации войск Приам. в.о. Последние оказались весьма немногочисленны, и 1 августа было принято решение об их срочном перевооружении новейшими 3-лин. винтовками С.И. Мосина и отправке их во Владивосток в количестве около 20.250 шт. с 500 тыс. патронов[586]. Первую партию нового двуколочного обоза в количестве 504 хозяйственных двуколок отправят туда же только 19 августа[587].

Сложившаяся ситуация требовала скоординированных действий сразу четырех министерств: Иностранных дел, Военного, Морского и Финансов, поэтому Н.К. Гирс, с санкции императора, настаивал на совместном обсуждении ее министрами[588]. 9 (21) августа 1894 г. в столице собралось первое из трех состоявшихся за время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Особых Совещаний, призванных определить политику России на Дальнем Востоке[589]. Совещанию предстояло обсудить вопрос, «какого образа действий нам следует

---

[582] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 24–25.
[583] Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. … P. 23–25; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны… С. 308–339; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 132–135.
[584] Телеграмма посланника в Пекине Н.К. Гирсу от 14 (26) июля 1894 г. // КА. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 50.
[585] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 26–27.
[586] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 83. Л. 11–15, 17–17 об., 39. Пароходы прибыли 15 октября и 21 ноября 1894 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 18 об.–19.
[587] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 83. Л. 62.
[588] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 28–29.
[589] В нем приняли участие министр иностранных дел Н.К. Гирс, военный министр П.С. Ванновский, управляющий Морским министерством Н.М. Чихачев, министр финансов С.Ю. Витте, товарищ министра иностранных дел Н.П. Шишкин и директор Азиатского департамента МИДа Д.А. Капнист.

ныне держаться ввиду возникшей между Японией и Китаем войны и какое решение нам следовало бы принять в том случае, если бы одна из воюющих держав, оставшись победительницей, вознамерилась нарушить территориальную неприкосновенность Кореи»[590].

Сначала, на основе подготовленной заранее записки, Н.К. Гирс ознакомил коллег с неудачной попыткой повлиять на японское и китайское правительства с целью недопущения войны, а затем – с текущей обстановкой в регионе и позициями Великих держав, констатировав, что последние, в целом совпадают с русской. По его мнению, «не следовало бы вмешиваться в возгоревшуюся войну или каким-либо способом оказывать предпочтение той или другой из воюющих держав, но надлежало бы употреблять усилия, […], к тому, чтобы склонить противников прекратить военные действия и прийти дипломатическим путем к скорейшему мирному соглашению по Корейскому вопросу, положив в основание соглашения сохранение *status quo* в Корее. Корея, будучи сама по себе ничтожна, могла бы, благодаря своей слабости, обратиться в орудие враждебных для нас целей, если бы она подпала под владычество одной из воюющих Держав. Помимо этого, если бы Япония завладела южною частью Корейского полуострова, то пролив Броутон, отделяющий ныне Японскую территорию от Корейской и служащий почти единственным выходом из наших Восточно-Сибирских портов в открытый океан, оказался бы в руках Японии, что нам […] трудно было бы допустить»[591].

Министр финансов С.Ю. Витте политику невмешательства поддержал, указав, что «по окончании этой распри, когда одна из сторон окажется победительницею и пожелает воспользоваться плодами своих побед, в дело может вмешаться Великобритания, никогда не упускающая случая воспользоваться обстоятельствами, чтобы усилить свое положение на Дальнем Востоке. Вмешательство это не должно быть допущено, а потому нам следовало бы приготовиться дать отпор Англии…»[592]. Адмирал Н.М. Чихачев указал, что тогда «для нас не представилось бы затруднительным занять лежащий у Корейского материка и принадлежащий Корее о-в Гончарова[593], обладающий прекрасною якорною стоянкою к чему однако […], без особых побудительных причин приступать не следовало бы…»[594].

Тоже признавший, что «сохранение *status quo* в Корее должно служить главною задачею нашей настоящей политики на Дальнем Востоке», П.С. Ванновский обратил внимание что «для нас особенно невыгодно было бы завоевание Кореи Японцами. Япония, обладающая армиею, обученною по-европейски, и значительным военным флотом, сделалась

---

[590] Журнал Особого Совещания 9 августа 1894 г. (копия) // Там же. Л. 31–31 об.; копия этого журнала, сохранившаяся в архиве МИДа, была впервые опубликована в: КА. 1932. Т. 3 (52). С. 62–67.
[591] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 31об–34 об.
[592] Там же. Л. 34 об.–35.
[593] В настоящее время о. Маяндо, КНДР. – Р.А.
[594] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 35.

бы тогда опасным для нас соседом, в особенности в союзе с какою-либо Европейскою державою. Между тем, по видимому, Японцы в нынешней борьбе с Китайцами одерживают верх, каковое обстоятельство может заставить Китай, в конце концов, искать союза с Англиею». Исходя из этого он «полагал бы принять заблаговременно для ограждения наших интересов некоторые военные предосторожности, усилив, […] войска на нашей Южно-Уссурийской границе в смысле подготовки войск Южно-Уссурийского края к быстрому сосредоточению и активным действиям. Эта мера казалась бы тем более необходимою, что всякие военные приготовления на нашей Тихо-Океанской окраине потребуют значительного времени»[595]. Адмирал Н.М. Чихачев заметил на это, что «в случае каких-либо осложнений в будущем, не представится препятствий к усилению нашего флота в Тихом океане, для чего могут быть туда направлены суда нашей эскадры Средиземного моря»[596].

Однако Н.К. Гирс признаков угрозы со стороны Англии не наблюдал, а С.Ю. Витте не хотел тратиться и, «не усматривая в усилении войск на Корейской границе особенной необходимости в настоящее время, полагал бы, что нам лучше бы иметь оное лишь в виду, не прибегая к этой мере преждевременно, в видах избежания непроизводительных расходов». Так и не услышав мысль П.С. Ванновского о невозможности быстрого усиления русских войск в регионе, он заявил, что «в случае действительной надобности, он не встретит препятствий к открытию потребного кредита на материальное приготовление войск Уссурийского края к действию»[597].

Таким образом, за исключением П.С. Ванновского, участники Особого Совещания не поняли происходящего на Дальнем Востоке: Н.К. Гирс уверял, что и Япония и Китай «не желают нарушать территориальную неприкосновенность Кореи», С.Ю. Витте призывал «дать отпор» Англии, избежав при этом «непроизводительных расходов», Н.М. Чихачев допускал занять для этого порт Гончарова, даже не ставя вопрос о том, как это будет воспринято Японией[598]. Лишь военный министр, регулярно получавший донесения К.И. Вогака[599], имел более четкое представление о складывавшейся ситуации, но даже он недооценивал масштаб угрозы, опасаясь больше Англии, чем Японии. Поэтому, заключения Особого Совещания, одобренные 16 августа Александром III, в дипломатическом плане фиксировали

---

[595] Там же. Л. 35–35 об.
[596] Там же. Л. 36 об.
[597] Там же. Л. 35–36 об.
[598] Там же. Л. 31–36 об.
[599] Донесения эти см.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. … 204 с., прил.; Вып. 61. Извлечения из донесений Генерального Штаба Полковника Вогака. СПб., 1895. 111 с. Подробнее об этом см.: Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 20–24; Каширин В.Б. «Русский Мольтке» смотрит на восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 152–163.

выжидательную позицию, а в военном – отводили России роль стороннего наблюдателя[600]. Благодаря С.Ю. Витте, вместо планомерной и систематической работы по усилению русских войск в регионе было решено выделить средства только «в случае действительной надобности», т.е. прибегать к чрезвычайным мерам в чрезвычайной ситуации, когда время на подготовку будет гарантированно упущено[601]. Гирс же отдавал себе отчет в серьезности происходящего, поэтому с поступавшими на протяжении войны в центральный аппарат МИДа телеграммами от посланников в Токио и Пекине П.С. Ванновского знакомили[602].

10 августа 1894 г., по распоряжению П.С. Ванновского, С.М. Духовскому телеграфировали: «На случай могущих встретиться надобностей, в виду событий в Корее, необходимо иметь сведения: какой силы отряд может быть сформирован для движения, сколько времени потребуется для его сбора, что необходимо для снабжения обозом, провиантом, консервами. Трехлинейные винтовки будут доставлены во Владивосток в ноябре. Офицеры с учебными винтовками прибудут месяцем ранее. Сколько всего потребуется времени на подготовку, также на сосредоточение к границе. Что нужно выслать из Европейской России»[603]. Через 3 дня он ответил, что «на всякий случай составит соображение [о] мобилизации всех войск Южно-Уссурийского отдела», но для определения размера отряда и состава войск попросил сообщить «цель предмета, место действий, желаемый сборный пункт, ибо мне доселе политической комбинации совершенно неизвестно»[604]. В вопросе о численности отряда мнения Главного штаба и П.С. Ванновского существенно разошлись. В итоге 16 августа С.М. Духовскому сообщили: «В Корейском вопросе признано необходимым пока строго придерживаться сохранения настоящего положения и невмешательства. На случай же мирных переговоров и вмешательства иностранных держав необходимо, чтобы требования России были поддержаны вооруженной силой. Военный Министр требовал, […] лишь составления соображений, без приведения их в исполнение. Благоволите сообщить соображения о мобилизации отряда из всех десяти стрелковых батальонов, с соответствующим числом кавалерии и артиллерии, снабжения войск обозом колесным, или вьючным и продовольствием, времени, потребном на изготовление и сосредоточение отряда. Местом сбора может быть Новокиевское или другой пункт, по Вашему выбору, близкий к границе, удобный для посадки войск на суда, с целью доставки их в порт Шестакова или Лазарева»[605]. 7 сентября запрошенные сведения были телеграфированы в Военное

---

[600] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 31, 37–37 об.
[601] Эта ошибка была совершена трижды: во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг., т.е. накануне мобилизации войск Приам. в.о. 1895 г., в 1899–1900 гг. – накануне Китайского похода 1900–1901 гг. и в 1901–1903 гг. – накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., причем в последнем случае она привела к катастрофическим последствиям.
[602] См., напр.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 38–45, 48–50.
[603] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 83. Л. 22–22 об.
[604] Там же. Л. 24.
[605] Там же. Л. 26.

министерство, но оптимизма эти расчеты не внушали. После многолетней экономии, войска для похода следовало как минимум обеспечить всем необходимым. Министерство запросило конкретные данные по количеству, качеству и стоимости необходимого для отряда снабжения, которые и были предоставлены. В тот же день С.М. Духовской сообщил, что по его мнению любая десантная операция русских войск «требует безусловного преобладания нашего флота над Японским»[606], чего в тот момент еще не было.

16 сентября С.М. Духовскому сообщили о решении отправить во Владивосток обмундирования, снаряжения и провианта на 5 тыс. чел., чтобы можно было призвать запасных из Амурской и Приморской областей. В ответ из округа сообщили полный список всего, что требовалось для выступления в поход, и чего нельзя было приобрести на месте[607].

В августе–сентябре войска Приам. в.о. находились на летних лагерных сборах, а Командующий войсками совершал инспекционные поездки и проводил смотры, которые на этот раз были особенно тщательными[608]. Обстановка постепенно становилась нервозной. 12 сентября он телеграфировал из Владивостока Н.Н. Обручеву: «Не откажите держать меня [в] постоянной известности политических отношений наших [к] Европейским державам, особенно Англии. Необходимо для соображений по Владивостоку и вообще прибрежьям Тихого океана»[609]. В тот же день, после доклада П.С. Ванновскому, это ходатайство переадресовали в МИД, откуда ответили, что «настоящие политические отношения наши к иностранным Державам совершенно удовлетворительны, что же касается в частности Великобританского Правительства, то мы действуем с ним согласно и даже за одно в Корейском вопросе». О чем и сообщили С.М. Духовскому. Заключения Особого Совещания ему телеграфировали только 6 октября[610].

В сентябре резко активизировалась деятельность хунхузов в Маньчжурии, и вторжения их банд в Южно-Уссурийский край – участились. На запрос П.С. Ванновского, Н.К. Гирс прямо ответил, что «в виду существующей в настоящее время в Китае внутренней неурядицы, вызванной военными успехами Японцев […] Приамурской администрации нашей следовало бы самой озаботиться, на сколько возможно, принятием мер, к недопущению вторжения Китайских хунхузов на нашу территорию»[611]. В связи с этим П.С. Вановский разрешил выдать «пограничному населению» до 2 тыс. винтовок Бердана № 2 для самообороны[612]. Затем на сопредельных территориях стали циркулировать разного рода слухи. 29 сентября С.М. Духовской сообщал одновременно Н.Н. Обручеву и Д.А. Капнисту, что по данным

---

[606] Там же. Л. 41–42, 43–43 об., 51–51 об.
[607] Там же. Л. 70, 74–77.
[608] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 160–162.
[609] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 46.
[610] Там же. Л. 47, 51–53, 63–63 об.
[611] Там же. Л. 65–66.
[612] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 83. Л. 55.

пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, в китайском г. Хунчун «ожидают высадки Японцев в бухте Гашкевича для движения на Гирин». В военном ведомстве были уверены, что «слух этот едва ли заслуживает вероятия, ибо китайцы ныне всюду ждут высадки японцев», о чем 6 октября телеграфировали С.М. Духовскому, 8 – доложили, вместе с содержанием телеграммы, Александру III. Затем уже проверка по линии МИДа подтвердила правильность этого вывода[613].

Ко 2-й половине сентября 1894 г. стало очевидно, что бóльшую опасность для России представляет не Китай, а Япония, цели которой в Корее и Маньчжурии не были до конца ясны. Поступавшие в Петербург от К.И. Вогака сведения настораживали[614]. В связи с общей дестабилизацией ситуации на дальневосточных границах империи, к 25 сентября 1894 г. в Военном министерстве была завершена подготовка программы усиления войск Приам. в.о. В документе П.С. Ванновский подчеркивал: «Принимая во внимание, что с дальнейшим развитием помянутой войны, несомненно затронутся и наши государственные интересы, полагал бы весьма полезным стать на нашей дальней восточной окраине в такое положение, чтобы требования, которые могут быть заявлены Россиею, были бы, в случае надобности, поддержаны вооруженною силою»[615]. Ее реализация требовала 3–4 млн. руб. и была в основном запланирована на весну следующего, 1895 г., поскольку по условиям российского Дальнего Востока ведение там войны в зимний период признавалось маловероятным. «Нечего делать придется начать», – начертал на записке 2 октября Александр III, после чего об этом уведомили Н.К. Гирса и С.Ю. Витте[616]. Подготовка к возможной войне началась.

6 октября через МИД в военном ведомстве была получена депеша от К.И. Вогака: «Был принят на частной аудиенции Императором; Японцы чрезвычайно любезны и предупредительны. Каваками сказал ему, что искренно желает, чтобы Россия поверила боевой способности Японии и признала в ней заслуживающую внимания в будущем естественную союзницу на крайнем востоке, ибо общий враг – Англия». «Заигрывают», – резюмировал по прочтении П.С. Ванновский[617].

В середине октября С.М. Духовской уже интересовался у русского посланника в Китае, в «какой степени вероятны ожидаемые, по слухам, [в] Китае смуты, свержение династии, распадение государства». А поскольку А.П. Кассини ответил, что все «зависит от оборота

---

[613] Там же. Оп. 1. Д. 132. Л. 54, 56–60.

[614] «Я думаю, что в лице Японии мы имеем опасного соседа, с которым нам в будущем придется много считаться и который может наделать нам много хлопот и затруднений. До сих пор всегда думалось, что нам необходимо усилить свое положение на Дальнем Востоке, главным образом, против Китая и Англии. Теперь же дело представляется иначе. Япония является весьма серьезною данною здесь. В лице Японии народилась новая сила, которая будет иметь большое влияние на судьбы Дальнего Востока». Донесение К.И. Вогака из Токио от 22 сентября (4 октября) 1894 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. … С. 83.

[615] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 84. Л. 1.

[616] Там же. Л. 1–2 об., 3–3 об., 4–4 об.

[617] Там же. Л. 15–15 об.

войны», то 14 октября он запросил указания в Главном штабе и МИДе. Из последнего ответили, что при необходимости его уведомят[618], а мобилизацию Приам. и Иркут. в.о. признали «в настоящую минуту нежелательною»[619]. Впрочем, ее проведение в тот момент было затруднительно, т.к. росписание призыва запасных нижних чинов Приам. в.о. было подготовлено в г. Хабаровск и введено в действие только к началу зимы 1894 г.[620], а единое «росписание призыва нижних чинов запаса губерний и областей Омского, Иркутского и Приамурского военных округов» было сведено в Главном штабе и Высочайше утверждено только 10 декабря 1894 г.[621].

Тем не менее, в штабе Приам. в.о. кипела работа. Там были неплохо информированы о ситуации в Китае и Японии, поскольку регулярно получали донесения находящихся на ТВД полковника М.А. Соковнина, специально командированного туда из штаба округа, и российского военного агента в Китае К.И. Вогака[622]. Поэтому в Окружном штабе были убеждены, что в случае начала войны с Японией основной удар придется по Южно-Уссурийскому краю. «Для японской армии представлялось два способа действий: один при господстве на море, – предполагая союз с одной из Западно-европейских держав невозможным, – десантом в Южно-Уссурийский край, для овладения Владивостоком; другой – сухопутно из Южной Маньчжурии на Гирин и далее в наши пределы. В обеих случаях представлялось необходимым поддержать Южно-Уссурийские войска резервами из Забайкалья, что приводило к необходимости одновременной мобилизации всех войск округа, дабы не рисковать замедлением готовности дальних частей»[623]. Наиболее вероятным признавался второй вариант, т.к. он предполагал меньше рисков для японской армии и не был обусловлен необходимостью господства японского флота на море или союза с одной из морских европейских держав. На этом и строились расчеты, впоследствии приведшие к идее выдвинуть при мобилизации все возможные силы на Гирин, чтобы еще там остановить японскую армию не дав ей ударить по Южно-Уссурийскому краю.

Основная деятельность в округе с конца осени 1894 г. по март 1895 г. была направлена на подготовку необходимой для похода документации, прием высылаемого из Европейской России имущества, вооружения, боеприпасов, материалов и амуниции, а также подготовке к

---

618 РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 67–67 об., 70.
619 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 84. Л. 44–44 об.
620 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 5 об.–6 об. Общее число запасных нижних чинов составляло 9.121 чел. (4.660 – в Забайкальской, 1.102 – в Амурской и 3.363 – в Приморской областях), «а со скидкой в 20% на могущих не явиться» – 7.301. При этом потребность укомплектования войск округа составляла 9.890 чел., таким образом недоставало 2.589 чел., на пополнение которых предусматривалась отправка 3.200 чел. из Иркут. в.о. Офицеров запаса на учете оказалось только 37. Там же. Л. 84–84 об.
621 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 85. Л. 26–27 об.
622 Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Ч. II. СПб., 1900. С. 490–491; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 20–22, 203.
623 РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 4.

войне частей, соединений и всех органов военного управления[624]. В ноябре 1894 г., в рамках утвержденной императором 2 октября программы, в войсках округа приступили к сушке сухарей, готовя провиант для возможного похода. Своевременным оказалось и затеянное еще летом перераспределение между частями округа вьючного обоза[625]. В результате большую часть вьюков передали войскам Южно-Уссурийского отдела, от которых, в случае войны требовалась наибольшая маневренность[626].

20 октября 1894 г. скончался Александр III[627], и на престол вступил не готовый к управлению империей в столь сложной внутри- и внешнеполитической ситуации Николай II. 14 января 1895 г. умер и Н.К. Гирс[628], занимавший пост министра иностранных дел с 1882 г. До 26 февраля управляющим министерством стал Н.П. Шишкин, после чего новым министром был назначен А.Б. Лобанов-Ростовский[629]. К этому времени обстановка на Дальнем Востоке изменилась кардинально, а заключения Особого Совещания 9 августа 1894 г. безнадежно устарели. В письме от 7 декабря 1894 г. А.П. Кассини указал С.М. Духовскому, что «положение Китая становится день ото дня отчаяннее, предстоящее занятие неприятельскими войсками столицы, может быть даже в самом непродолжительном времени, нужно считать не подлежащим теперь ни малейшему сомнению, трудно представить все те последствия, которые [при] появлении Японцев будут иметь для Китайского государства, но едва ли оно пройдет без сильного внутреннего потрясения всего государственного строя Китая и без крупных народных волнений»[630].

В результате, 20 января 1895 г., через 6 дней после смерти Н.К. Гирса, собралось второе Особое Совещание. Председательствовал на нем главный начальник флота и морского ведомства великий князь Алексей Александрович. Состав его членов тоже претерпел изменения. В качестве управляющего МИДом участвовал Н.П. Шишкин, и были приглашены Н.Н. Обручев и начальник ГМШ О.К. Кремер. Для всех было очевидно, что Китай потерпел в войне сокрушительное поражение, поэтому предстояло обсудить меры, которые «следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке, как ввиду настоящего хода Китайско-Японской войны, так и в виду предстоящих переговоров Китая с Японией о заключении мира». Принципиальным оставался вопрос, следует ли «в настоящее время продолжать держаться в корейском деле образа действий, совместного с другими державами […], или нам следует перейти теперь к самостоятельному образу действий»[631].

---

[624] Подробнее см.: Там же. Л. 5 об.–19 об.
[625] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 55–58, 190.
[626] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 17 об.–18.
[627] Запись 20 октября 1894 г. // Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 75; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1335. Л. 176.
[628] Запись 14 января 1895 г. // Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896… С. 122.
[629] Высшие и центральные государственные учреждения в России. 1801–1917. В 4 т. СПб., 2004. Т. 4. С. 12.
[630] С.М. Духовской переслал их 31 января 1895 г. в Главный штаб. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 100–100 об.
[631] Там же. Л. 102–103. Впервые журнал, хранившийся в МИДе был опубликован в: КА. 1932. Т. 3 (52). С. 67–74.

Сразу оказалось, что сведений для принятия однозначных решений слишком мало, а участники Совещания ориентировались в них с трудом. Военный министр, ознакомившись с запиской МИДа о предстоящих японо-китайских переговорах, предложил «в крайности», на случай если бы их основания «нарушили явным образом наши интересы на Крайнем Востоке», занять какой-нибудь остров (например Каргодо) и устроить там что-то «наподобие английской военной станции Гон-Конг», для обеспечения гарантий свободного плавания по проливу Броутон, хотя военно-морские операции были вне его компетенции. Управляющий МИДом Н.П. Шишкин не смог сказать ничего конкретного ни об этом, ни о взглядах Великих держав на продолжавшуюся войну и наиболее вероятные требования Японии. Тогда Н.М. Чихачев «выразил желание узнать, будут ли наши интересы затронуты, если такие порты, как Артур и Вей-хай-вей, оказались бы в руках японцев, и чем вообще, по мнению министерства иностранных дел, могли бы быть нарушены интересы России на Крайнем Востоке»[632]. Оказалось, что в чем состоят эти интересы, за исключением необходимости недопущения завладения японцами Кореей, по сути никто не знает.

Алексей Александрович, справедливо заметил, что для занятия и удержания о. Каргодо необходимо иметь значительные военные силы, а Н.М. Чихачев считал что это «не повлекло бы за собой никаких пререканий с Японией», в отличие от занятия аналогичного пункта на самом Корейском полуострове. Он же указал, что лучше всего «было бы занять часть Маньчжурии, и тогда взятие японцами портов Артура и Вей-хай-вея не представляло бы для России значения». При этом П.С. Ванновский указал, что до проведения Сибирской железной дороги это затруднительно, и «вопрос этот еще впереди и в настоящее время не возбуждается», а Н.Н. Обручев, апеллируя к опыту прошлого, признавал, что «делать какие-либо захваты пока не следовало, чтобы не дать повода Англии к еще большим захватам»[633]. Более того, он обращал внимание, что «если бы Япония захотела оставить за собой некоторые китайские порты, с их территорией, то […] нам пришлось бы или совместно с другими Державами воспротивиться сему занятию, или искать для себя самостоятельных территориальных гарантий». Причем «занятие каких-либо Корейских островов, отрезанных и удаленных от континентальных русских владений, а следовательно, и крайне затруднительных для упорной защиты в случае войны, не даст надежного обеспечения нашим интересам»[634].

Министр финансов С.Ю. Витте справедливо заметил, что вообще трудно судить о необходимых мерах до выяснения аппетитов Японии и позиции Великих держав. Поэтому следует «держаться политики невмешательства», хотя в то же время «мы должны быть

---

[632] Там же. Л. 103–105.
[633] Там же. Л. 105–106.
[634] Там же. Л. 110–110 об.

готовыми встретить всякие случайности, для чего желательно еще увеличить наши морские силы в Тихом Океане». Сходного мнения придерживались Алексей Александрович и Н.М. Чихачев, заявивший, что «нам необходимо довести свои морские силы в Тихом океане до таких размеров, чтобы быть сильнее Японии»[635].

На этом Совещании Д.А. Капнист обосновал реализованную впоследствии идею совместного вмешательства нескольких Великих держав в ход японо-китайских переговоров, подчеркнув, что «едва ли мы располагаем в настоящее время достаточными средствами для авторитетного воздействия на Японию», а значит действовать нужно сообща и только в том случае, если японскими требованиями будут затронуты существенные интересы России. «Япония ныне уже напрягла все свои военные силы, а потому едва ли решится упорствовать в принятии советов умеренности, если таковые будут преподаны ей двумя державами, обладающими наиболее значительными эскадрами в Китайских водах». Вопрос о том, договариваться только с Англией или еще с Францией и иными державами был уже техническим и подлежал решению МИДа в рабочем порядке[636]. Вопрос о необходимости повышения обороноспособности империи на сухопутном направлении в Совещании даже не поднимался[637]. 31 января Николай II написал на журнале этого Совещания: «Читал»[638].

24 января 1895 г., через 4 дня после Совещания, кораблям русской Средиземноморской эскадры, под командованием контр-адмирала С.О. Макарова, был отдан приказ следовать на соединение с эскадрой Тихого океана на Дальний Восток (куда они и прибыли 6 апреля)[639]. В тот же день приказ об этом отправили командующему эскадрой Тихого океана вице-адмиралу С.П. Тыртову[640]. 21 февраля, вдогонку эскадре, была отправлена телеграфом инструкция Морского министерства, которую на кораблях получили только 11 марта[641].

---

[635] Там же. Л. 106–106 об., 112–112 об.
[636] Там же. Л. 107–109, 110 об.–112.
[637] В итоге решили: «1) увеличить нашу эскадру в водах Тихого Океана до таких размеров, чтобы наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее Японских. Предоставить Управляющему Морским Министерством войти в соглашение с Министром Финансов по предмету открытия потребного на то кредита. 2) Поручить Министру Иностранных Дел попытаться войти с Англией и другими Европейскими Державами, преимущественно же с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы Японское Правительство при заключении мира с Китаем, предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом Министерство Иностранных Дел должно иметь ввиду, что главная цель, которую мы должны преследовать – это сохранение независимости Кореи. 3) Если бы попытка соглашения с Англией и другими Европейскими Державами на вышеизложенных основаниях не увенчалась успехом и потребовалось бы допустить, примерно, совместную гарантию Корейской независимости иностранными Державами, то подвергнуть вопрос о нашем дальнейшем образе действий, ввиду происходивших на Крайнем Востоке событий, обсуждению в новом Совещании». Там же. Л. 113–114.
[638] Там же. Л. 102.
[639] Предписание Н.М. Чихачева С.О. Макарову № 136 от 24 января 1895 г. // Макаров С.О. Документы. М., 1960. Т. 2. С. 161.
[640] Макаров С.О. Документы… Т. 2. С. 169.
[641] «Усиление нашей эскадры в Тихом океане имеет целью поддержать наш авторитет при обсуждении условий мира между воюющими державами. Предсказать трудно, куда поведет нас отстаивание наших интересов на Востоке; во всяком случае нужно держать суда в готовности ко всяким случайностям, с полными запасами…». Телеграмма Н.М. Чихачева Командиру Владивостокского порта контр-адмиралу Ф.П. Энгельму с инструкцией командующему соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмиралу С.П. Тыртову о задачах соединенных эскадр № 309 от 21 февраля 1895 г. // Макаров С.О. Документы… Т. 2. С. 170–171.

К середине февраля 1895 г. Китай был окончательно разгромлен. 7 (19) марта китайская делегация прибыла в г. Симоносеки. Мирные переговоры между Японией и Китаем начались[642]. Сведения о японских требованиях к Китаю получили в МИДе в Петербурге от русского посланника в Пекине А.П. Кассини 22 марта (3 апреля)[643]. В Главном штабе – 25 марта от К.И. Вогака[644] и от С.М. Духовского со ссылкой на А.П. Кассини. «Для нас невыгодно», – написал на второй телеграмме военный министр[645]. В следующей телеграмме, К.И. Вогака уточнялось, что «Япония требует Южную Маньчжурию примерно до 41 параллели между реками Ялу и Ляохе. Холера в армии усиливается. Главный Штаб ожидает предстоящую кампанию на Пекин с беспокойством, боясь эпидемии и наводнений»[646]. Последняя новость внушала некоторый оптимизм относительно предстоящих переговоров, но требование Японии русские власти не устраивало.

С линией русской политики на Дальнем Востоке нужно было определиться. 25 марта 1895 г., новый министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский поставил перед молодым императором несколько принципиальных вопросов. Во-первых, если занятие японцами Ляодунского полуострова признается с т.з. русских интересов нежелательным, и они не согласятся от него отказаться, «должны ли мы прибегнуть к принудительным мерам и можем ли мы в таком случае рассчитывать на содействие других держав»? Последний вопрос оставался открытым, а ответ на первый требовался от императора[647]. Во-вторых, какой политики предполагается в дальнейшем придерживаться на Дальнем Востоке, пассивной или наступательной, и, соответственно, на кого делать ставку, на Китай или Японию? «Выбор между Китаем и Японией, как союзниц России в будущем, – докладывал А.Б. Лобанов-Ростовский, – совершенно зависит от того, какой политики мы предполагаем держаться по окончании китайско-японской войны: пассивной или более или менее наступательной». Первая требовала сохранения ориентации на Китай, «с которым у нас никогда не было вооруженных столкновений, не взирая на совершенно открытую сибирскую границу нашу и часто возникавшие недоразумения». Вторая, предполагавшая приобретение «незамерзающего порта на Тихом Океане и присоединение к нам некоторой части Маньчжурии, необходимой

---

[642] Подробнее о них см.: Словесные переговоры о заключении мира, веденные в Симоносеки уполномоченными Китая и Японии в марте 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 71. … С. 42–97; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны… С. 458–540; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 258–273; Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. … P. 42–47; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897. Paris, 1918. P. 32–40; Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and N.Y., 1909. Vol. 2. P. 127–146.

[643] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 135; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 43.

[644] Вместе с данными об окончании процесса сосредоточения в г. Хиросима Гвардейской и 4-й дивизий, которые вместе с Главной квартирой предполагалось отправить в Порт-Артур, что свидетельствовало о подготовке японцев к возможному продолжению боевых действий в случае срыва переговоров. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 118.

[645] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 1.

[646] Там же. Д. 132. Л. 118.

[647] Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 25 марта 1895 г. // КА. 1932. Т. 3 (52). С. 74–75.

для более удобного проведения Сибирской железной дороги», – договариваться с Японией[648].

Николай II одобрил второй вариант политики[649], но ставка при этом была сделана не на Японию, с ней даже не попытались договориться, а на Китай, причем император и министр продолжали считать, что «главный и самый опасный противник наш в Азии – бесспорно Англия»[650], что стало одной из роковых ошибок, приведших к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

30 марта 1895 г. С.М. Духовской запросил у Н.Н. Обручева, «как отнеслось наше и другие европейские правительства к постановленным Японией условиям мира, особенно к занятию части Маньчжурии»[651]. В тот же день, в столице собралось третье Особое Совещание[652]. После того как глава МИД ознакомил всех с текущей внешнеполитической ситуацией, Алексей Александрович заявил, что «мы должны выйти мирным путем из того затруднительного положения, в которое поставило нас китайско-японское столкновение», поскольку «нам необходимо сохранить хорошие отношения с Японией, так как она является сильной морской державой и по своему положению на Тихом океане всегда будет естественным врагом нашего врага – Англии». Он же указывал, что «до окончания Сибирской железной дороги занять порт Лазарева и полосу Маньчжурии по Амуру, без соглашения с Японией, было бы в высшей степени затруднительно»[653]. За попытку договориться высказался и П.С. Ванновский, признававший, что «необходимо потребовать от Японии обязательство, что она действительно очистит Корею», а занятие южной Маньчжурии несет прямую угрозу России. Его устраивал даже размен южной части Кореи на Маньчжурию[654]. Великий князь продолжал настаивать, что «действуя против Японии, мы наживем в лице ее вечного и притом сильного врага на Дальнем Востоке…», а А.Б. Лобанов-Ростовский – что «на дружбу Японии ни в коем случае нельзя рассчитывать»[655].

В свою очередь С.Ю. Витте, который еще 9 августа 1894 г. на заседании первого Особого Совещания не видел необходимости в усилении русских войск на Дальнем Востоке, теперь доказывал, что «предпринятая Японией война является следствием начатой нами

---

[648] Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 25 марта 1895 г. // Там же. С. 75–76.

[649] Он прямо написал на документе: «России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли. Также сообщить в.к. генерал-адмиралу». Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 25 марта 1895 г. // Там же. С. 76.

[650] Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 25 марта 1895 г. // Там же. С. 76.

[651] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 121.

[652] В нем приняли участие великий князь Алексей Александрович, А.Б. Лобанов-Ростовский, П.С. Ванновский, Н.М. Чихачев, С.Ю. Витте, Н.П. Шишкин и Н.Н. Обручев.

[653] Журнал Особого Совещания 30 марта 1895 г. // КА. 1932. Т. 3 (52). С. 79.

[654] «Необходимо поэтому попытаться дипломатическим путем убедить японское правительство отказаться от Маньчжурии; если же такая попытка окажется безуспешной, то прибегнуть к силе». На возможность военного столкновения с Японией он в это время смотрел еще сравнительно оптимистично: «Настоящее положение японской армии таково, что пока для действий против нее достаточно и 30 тысяч наших войск, а не более чем через шесть месяцев число это может быть доведено до 50 тысяч». Там же. С. 79–80.

[655] Там же. С. 79–80.

постройки Сибирской железной дороги», «враждебные действия Японии направлены главным образом против нас» и «получив с Китая контрибуцию в 600 миллионов рублей, японцы укрепятся в занятых ими местностях, привлекут на свою сторону весьма воинственных монголов и манчжур, а затем начнут новую войну». Поэтому он требовал любой ценой не допустить японцев в южную Маньчжурию, где они могли создать потенциальную угрозу спрямляемой им Сибирской железной дороге, настаивая на жестких действиях[656].

На уточняющий вопрос А.Б. Лобанова-Ростовского, «действительно ли мы располагаем достаточными сухопутными и морскими силами для начатия военных действий против Японии, военный министр заявил, что в данную минуту мы можем выдвинуть не более 12 или 15 тысяч человек, но что и японские сухопутные войска для нас в настоящее время безвредны, так как не имея ни достаточного обоза, ни кавалерии, они не могут сделать ни шага вперед». При этом «первые военные действия должны начаться со стороны флота, с тем, чтобы сухопутные войска в это время готовились и собирались». На это Н.М. Чихачев заметил, что «наша Тихоокеанская эскадра сильна и имеет нравственное превосходство над японским флотом, тем более, что она еще не тронута. Не рискуя вдаваться в большие операции, она может однако ныне же прервать японские сообщения…»[657].

После этого Алексей Александрович еще раз подчеркнул, что «нам ни в каком случае не следует начинать враждебных действий против Японии». Наиболее же активным сторонником мира оказался лучше всех осведомленный о состоянии русских войск и военного планирования на Дальнем Востоке Н.Н. Обручев, предлагавший «по соглашению с Японией […] занять северную Маньчжурию»[658]. В этом случае С.Ю. Витте опасался начала раздела Китая Великими державами, но продолжал настаивать: «Война чрезвычайно нежелательна, но если требования Японии будут существенно угрожать нашему спокойствию, нам выгоднее

---

[656] Там же. С. 79–81. «Если же, сверх ожидания, Япония не послушает наших дипломатических настояний, то следует предписать нашей эскадре, не занимая никаких пунктов, начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порта». Он доказывал участникам Совещания, что «победы японцев над китайцами еще не доказывают силу первых. В действительности, насколько известно, действующая японская армия не превышает 70 тысяч человек, причем она разбросана в Корее, в Маньчжурии и на юге. Если бы, паче чаяния, дело дошло до войны, то, вероятно, оказалось бы достаточно с нашей стороны и тех сил, которыми мы можем располагать в данную минуту. Притом можно было бы рассчитывать и на некоторое содействие китайцев, а также и корейцев, которые попрежнему относятся враждебно к японцам». Там же. С. 81.

[657] Там же. С. 81–82.

[658] «По мнению начальника Главного штаба, – отмечалось в журнале Совещания, – для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. Необходимо иметь ввиду, что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей 40 миллионов населения и весьма развитую промышленность. Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск, расположенных на огромной некультурной территории с населением не более полутора миллиона. Ближайшие войска могут прибыть к месту военных действий лишь через три месяца, а из Омска и Иркутска только через пять. Генерал-адъютант Обручев высказывает убеждение, что необходимо действовать дипломатическим путем; впутаться же ныне в войну, на которую нас будут, вероятно, наталкивать европейские державы, было бы для нас величайшим бедствием, тем более, что мы не обеспечены ни на западе, ни на Кавказе. Военный министр возразил на это, что, если даже предположить, что мы неготовы на западе, то мы всетаки не можем отказаться от действий на Дальнем Востоке, хотя у нас там только полтора миллиона жителей. Нельзя вести твердой политики с ручательством, что до войны не дойдет. Генерал-адъютант Обручев заявляет, что мы могли бы достигнуть всего, что нам нужно, в согласии с Японией, а Китай нам не страшен». Там же. С. 82.

решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо бóльшие жертвы»[659]. Позиция же А.Б. Лобанова-Ростовского сводилась к сомнению «в успехе мирных переговоров с Японией и в возможности вступить с ней в соглашение относительно Маньчжурии»[660].

Таким образом, наибольшую воинственность проявлял министр финансов, бравший на себя смелость не только требовать максимально жестко давить на Японию, но и оценивать качества японской армии и флота, при том, что генерал-адмирал, управляющий Морским министерством, военный министр и начальник Главного штаба в один голос требовали «ни под каким видом не впутываться в войну», а министр иностранных дел сомневался в возможности раздела сфер влияния с Японией, даже не попытавшись этого сделать. В результате все-таки было решено давить на Японию, сначала мягко, а если не получится – то сообразно интересам, что и записали в заключениях Совещания[661].

Прекрасно знавшего Европу, но ничего о Дальнем Востоке, А.Б. Лобанова-Ростовского столь воинственная редакция журнала не устраивала, и он передал его Николаю II только 3 апреля, предварительно переговорив с французским послом который предлагал не противодействовать Японии, а потребовать себе вознаграждения[662]. Император понял это в том смысле, «чтобы, по согласии с Франциею, не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, но во что бы то ни стало получить желаемые нами вознаграждения в виде свободного порта»[663].

4 апреля 1895 г. обсуждение этого вопроса продолжилось уже у императора. На этот раз были только Алексей Александрович, А.Б. Лобанов-Ростовский, П.С. Ванновский и С.Ю. Витте. Последний немедленно перешел в наступление и продавил свою точку зрения, исполнять которую пришлось МИДу[664]. Николай II записал в дневнике: «Решили настоять энергично на очищении японцами южной части Маньчжурии и Порт-Артура; если же они не послушаются совета, то принудить их к тому силой. Дай Бог, только не втянуться в войну!»[665]. В тот же день А.Б. Лобанов-Ростовский направил П.С. Ванновскому проект секретной телеграммы Командующему войсками Приам. в.о.: «Нами начаты переговоры с Японией об очищении ею Южной Маньчжурии. В виду могущих возникнуть усложнений, Вам надлежит быть готовым к действиям по получении дальнейших приказаний»[666]. Однако отправлена она не была, – проработка вопроса в военном ведомстве еще продолжалась.

---

[659] Там же. С. 83.
[660] Там же.
[661] Там же.
[662] Там же. С. 79.
[663] Всеподданнейшая записка министра иностранных дел от 2 апреля 1895 г. // КА. 1932. Т. 3 (52). С. 77.
[664] Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. 2-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 37.
[665] Дневник Николая II. 1894–1918. М., 2011. Т. 1. С. 195.
[666] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 31.

Анализ японских требований Китаю был проведен в Азиатской части Главного штаба. Важнейшими для России признавались сохранение независимости Кореи, поскольку нахождение там японских войск создавало прямую угрозу Южно-Уссурийскому краю, и невозможность уступки японцам южной Маньчжурии, т.к. это могло бы привести к ухудшению ситуации на русско-китайской границе и, давало возможность японцам «устроить здесь твердую базу для действий против нашего Амурского края и впоследствии предпринять отсюда наступление против нас в союзе с Китаем». Разрабатывавший этот вопрос начальник Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенант А.П. Проценко полагал, что действовать надо именно сейчас, пока Япония «находится еще в первоначальной стадии своего военного и политического развития», ибо впоследствии «когда Япония станет здесь прочною ногою, вытеснить ее из этой позиции будет не легким делом и для этого потребуется гораздо бóльших средств и жертв». При этом он полностью отдавал себе отчет в том, что «весьма невыгодно и нежелательно становиться в натянутые отношения с Японией, дабы не нажить в ней нового нашего врага, который неминуемо станет искать союза против нас среди европейских наших недругов и соперников и тем постоянно будет отвлекать наши силы на этот Дальний Восток в ущерб силе нашей на европейских границах»[667]. Поэтому предлагалось вступить в переговоры с Японией и, в крайнем случае, предложить ей размен: южную Маньчжурию на южную часть Кореи, допуская даже оставление за ней южной оконечности Ляодунского полуострова с Порт-Артуром[668]. В случае отказа, пользуясь сосредоточием русской эскадры в Китайском море, «произвести демонстрацию против морских сообщений Японии с передовыми ее армиями, и, в крайнем случае, даже прервать эти сообщения», приняв «необходимые военные меры на сухопутной нашей границе, с целью немедленного движения в пределы Маньчжурии, для удаления японцев из южных пределов этой страны, как только, по ходу переговоров, выяснится в этом надобность»[669].

Затем, по распоряжению П.С. Вановского, к 1 апреля им же была составлена записка «“О порядке производства военной экспедиции в Маньчжурию”, на случай, если в этой политической мере представится надобность». В ней уже сравнительно подробно прорабатывался общий план намеченной ранее операции в Маньчжурии. В основе записки лежали наработки, сделанные в 1879–1886 гг. в области военного планирования против Китая, и поскольку военные действия предполагалось вести на территории этой страны, часть

---

[667] Там же. Л. 2–2 об.

[668] Там же. Л. 2 об.

[669] Там же. Л. 3–3 об. Войска предполагалось вводить тремя отрядами: из Южно-Уссурийского края, Амурской и Забайкальской областей, с последующим сосредоточением в районе г. Мукден. Причем по крайне оптимистичным расчетам А.П. Проценко, в первое же время в Маньчжурию можно было направить: 18 батальонов, 13 конных сотен и 7 батарей. В результате не менее оптимистичных расчетов времени прибытия резервов из Омск. и Иркут. в.о., был сделан вывод о возможности через 6 месяцев сосредоточить на границе Маньчжурии 46 батальонов, 15 конных сотен и 7 батарей, всего около 50 тыс. чел. Там же. Л. 3 об.–4.

базовых расчетов была вполне применима. Однако утверждение о возможности доставить на границу Маньчжурии в сравнительно короткий срок все, что только можно собрать на всем пространстве от западных границ Омск. в.о. до Южно-Уссурийского края, образовав группировку войск численностью в 92–100 тыс. личного состава, представляется излишне оптимистичным. Слабо знакомый с условиями Дальневосточного ТВД, А.П. Проценко явно не учел всю его специфику, которая существенно усложнила бы практическую реализацию спланированной им операции. Документ был представлен П.С. Ванновскому 5 апреля, вместе со справкой «Боевая готовность в азиатских округах». Последняя содержала вывод, полностью подтверждавший слова П.С. Ванновского, сказанные С.Ю. Витте еще на Совещании 9 августа 1894 г., о том что войск в них едва хватает для обороны, а наступление требует заблаговременной подготовки[670], однако времени на раскачку уже не было.

5 (17) апреля 1895 г. между Китаем и Японией был заключен Симоносекский мирный договор, по которому Китай признавал «безусловную независимость и автономию Кореи», и уступал Японии южную часть провинции Мукден (Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур), о. Формоза (Тайвань) и Пескадорский архипелаг, а также обязался выплатить контрибуцию в 200 млн. лян (около 400 млн. руб. серебром)[671]. В тот же день Н.М. Чихачев, поставив в известность П.С. Ванновского, телеграфировал начальнику Соединенных эскадр в Тихом океане С.П. Тыртову, через Нагасаки: «Нами начаты переговоры с Японией об очищении Манджурии. В виду могущих возникнуть усложнений, вам надлежит быть готовым к действиям по получении дальнейших приказаний; при составлении плана действий благоразумнее не рассчитывать на содействие других наций»[672]. Обе соединенные эскадры тогда находились в трех японских портах: Нагасаки, Кобе и Иокогама[673].

Тем временем в Главном штабе записка А.П. Проценко «Военная экспедиция в Манджурию» была доработана (недостижимая численность группировки войск в 92–100 тыс. чел. при этом осталась), переименована в «Соображения на случай военной экспедиции в Маньчжурию», и доложена Николаю II, который прочитал ее 9 апреля[674]. В тот же день им была прочитана записка Н.Н. Обручева о задачах России на Дальнем Востоке[675], в которой начальник Главного штаба категорически настаивал на необходимости «никак не ссориться с

---

[670] Там же. Л. 6–15 об.

[671] Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки 5 (17) апреля 1895 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб., 1906. С. 1–13.

[672] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 124.

[673] За исключением стационеров. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 434. Л. 15.

[674] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 16–18 об.

[675] Копия этого документа была впервые выявлена и опубликована В.Б. Кашириным, однако о докладе записки императору он не знал. Каширин В.Б. «Русский Мольтке» смотрит на восток… // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие… С. 174–179.

Японией», просто сразу с ней договорившись[676]. Третьим документом, доложенным в тот день императору, стала записка А.Н. Куропаткина, требовавшего «воспользоваться первым случаем, чтобы при содействии прочих держав, лишить ее [Японию. – Р.А.] права (равно как и Китай) иметь военный флот. Дабы наши требования были исполнены, представляется необходимым: а) безотлагательно усилить нашу эскадру на Тихом океане частью Балтийского флота. б) Отвезти во Владивосток, под видом укомплектований 8 батальонов пехоты и 3 батареи, отобрав напр. четвертые батальоны от двух дивизий Петербургского в. округа. в) Усилить по возможности технические силы и средства, находящиеся в Приамурском Крае»[677]. На всех трех документах император оставил лишь пометку о прочтении, переложив на военного министра ответственность за решение, которое нужно было принять.

Реакция на Симоносекский договор России, Германии и Франции оказалась достаточно неожиданной для Японии и внешне единодушной, т.к. усиление ее позиций на континенте вызывало серьезные опасения. Три великие державы начали срочные дипломатические консультации. В результате, 11 (23) апреля 1895 г., через 6 дней после подписания договора, русский, немецкий и французский посланники в Токио вручили ноты с «дружеским советом» Японии отказаться от приобретения Ляодунского полуострова. Япония попыталась сманеврировать, стараясь сохранить в своих руках хотя бы Порт-Артур и Дальний[678]. На следующий день, 12 апреля 1895 г., С.М. Духовскому было телеграфировано распоряжение П.С. Ванновского о начале подготовки войск Приам. в.о. к возможной войне[679]. После этого,

---

[676] «Кой-что демонстративное мы можем еще сделать, – отмечал он, – но серьезного и прочного ничего. Ввязываться же ради демонстраций (коим на каждом шагу может мешать Англия) в войну с державой, удаленной от сосредоточия сил России на 10 т верст – слишком рискованно и разорительно. Допустив даже временный с нашей стороны успех, мы создадим себе из Японии злейшего врага и обратим ее всецело в Английское против нас орудие. У России достаточно уже врагов в Европе и Средней Азии, чтоб создавать ей еще нового могущественного противника на дальнем востоке, опирающегося на 40 миллионное население, на сильный флот, на хорошо организованную армию и на широко развитые культурные средства страны, тогда как у нас, при ничтожном населении всей Восточно-Сибирской территории, нет там еще и признаков заводской промышленности. У Японии все под рукою, в двух шагах от наших Тихоокеанский владений, у нас же все средства в другой части света…». РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 19–23.

[677] Там же. Л. 24–29 об.

[678] The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi… P. 50–60, 79–85; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897... P. 40–46; Foster J.W. Diplomatic Memoirs... Vol. 2. P. 150–151; Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. … P. 46–47; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 287–288; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. … С. 270–271, 274–289; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 43–47; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 700–701, 711–759.

[679] «В виду начатых переговоров с Японией об очищении южной Маньчжурии и возможных осложнений, ВЫСОЧАШЕ повелено ныне же принять следующие меры: 1) Предоставить Вашему Превосходительству привести войска вверенного Вам округа на военное положение, призвав запасных нижних чинов и льготных казаков, в частях края в сроки наиболее удобные по состоянию путей сообщения […]. 2) Приобрести, в мере крайней необходимости, лошадей для артиллерии, парков, войскового обоза и войсковых лазаретов и необходимое число повозок, отлагая во вторую очередь тыловые санитарные учреждения и другие, без которых, первое время, можно обойтись […]. 3) Привести Владивостокскую крепость в военное положение и обеспечить все Южно-Уссурийское побережье достаточными силами для воспрепятствования десанту. 4) Для воспособления этой цели сформировать, из местных запасных чинов и предстоящего, по прибытии новобранцев, сверхкомплекта, запасные батальоны, [в] числе по Вашему усмотрению, не трогая запасных, работающих на железной дороге, равно сформированного от войск отряда [для] охраны дороги, снабдив батальоны необходимым штатом офицеров и других чинов. 5) Образовать, по Вашему соображению, для предстоящих действий, полевые действующие отряды, со штабами, управлениями, необходимыми [в] первое время парками, транспортными санитарными учреждениями. 6) Составить соображения и подготовить средства для производства всеми свободными силами округа движения к Гирину, как сухопутно, так и водою, по

Н.Н. Обручев телеграфировал С.М. Духовскому основное содержание записки А.П. Проценко[680]. Исходя из этих двух документов, командованию Приам. в.о. и приходилось принимать все решения по подготовке к возможной войне с Японией. Поскольку основные стратегические выкладки были сделаны в Главном штабе на завершающем этапе Японо-китайской войны 1894–1895 гг. без согласования с округом, и телеграфированы с указанием, что они уже доложены императору, за С.М. Духовским и его подчиненными была оставлена лишь роль технических исполнителей уже принятых решений.

Телеграммы эти с распоряжением о начале мобилизации, посланные из Петербурга 12 апреля, были получены в Хабаровске, «вследствие повреждения телеграфной линии распутицею», только 17 апреля в 8 часов утра, т.е. с опозданием в 5 дней[681]. Впрочем, еще 16 апреля С.М. Духовской отдал приказ, в случае мобилизации применить к Приам. в.о. «Положение о полевом управлении войск», и секретно разослал «Записку о применении положения» и «Временные штаты»[682]. Объявление мобилизации «застало войска округа еще не вполне снабженными всеми предметами, столь изобильно присылаемыми из Европейской России […]: новый обоз еще не мог быть доставлен частям, вне Южно-уссурийского края расположенным, так как навигация только что открылась; новое оружие не могло быть по той

Амуру и Сунгари, выяснив все потребности этого движения и подготовить все настолько, чтобы движение начато было немедленно по получении приказания. 7) Относительно необходимого денежного кредита на положенные приготовления телеграфируйте, имея ввиду ВЫСОЧАЙШУЮ волю, чтобы расходы производились осмотрительно до выяснения результатов дипломатических переговоров». РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 32.

[680] «…при обсуждении предстоящих действий Приамурского округа имелись ввиду и доложены Государю Императору следующие соображения относительно экспедиции в Маньчжурию, если она потребуется. Военное движение в эту страну полагалось бы исполнить при дружественном соглашении с Китаем, а при известных обстоятельствах и по самостоятельному нашему решению. […]. Первою целью экспедиции должно быть занятие Гирина […]. Наступление к Гирину может быть исполнено как со стороны Южно-Уссурийского края, так и от среднего Амура и Забайкалья. Наступление из Южно-Уссурийского края полагается исполнить двумя колоннами: из Никольского – 5 батальонов, 3 конные сотни и 2 батареи, на Нингуту и Омосо; из Новокиевского – 5 батальонов, 2 казачьи сотни и 2 батареи, на Хунчун и Омосо. Отсюда же совокупно на Гирин. Для движения от среднего Амура был бы лучшим водный путь по Сунгари, если бы по состоянию воды оказалось удобным идти до Бодунэ и самого Гирина, собрав для сего необходимое число пароходов и барж. Средне-Амурский отряд на первое время образуется из войск, стоящих в Хабаровске и Благовещенске, в числе 3 батальонов, 4 казачьих сотен и 2 батарей. К ним могут быть присоединены и все те войска, которые будут изготовлены [в] Забайкалье и сплавлены по Амуру. Движение от среднего Амура и Южно-Уссурийского края можно рассчитать так, чтобы оба отряда приблизились к Гирину одновременно. В случае же надобности […], Амурский отряд может быть быстро направлен [в] Гирин для скорейшего его занятия. По соединению сих отрядов у Гирина образуется: 13 батальонов, 9 сотен, 6 батарей. Вслед за сим могут вступить в Маньчжурию остальные части Амурского и Уссурийского казачьих войск, выставляемые по военному положению, именно, 2 пешие и 6 конных сотен и те резервы из Забайкалья, которые первыми будут изготовлены и сплавлены по Амуру. Из Забайкалья, по мере готовности, рассчитывается направить 1 линейный батальон, 4 резервных и 4 пеших казачьих батальонов, 19 конных сотен и 3 конные батареи. […] Предполагается, что округ вообще может двинуть в Маньчжурию: 22 батальона, 24 конные сотни, 9 батарей. Из этих войск, оставив в тылу, на путях сообщения, примерно 3 батальона, 3 конные сотни, или сколько потребуется, остальные сосредоточатся у Гирина. Одновременно с движением к Гирину следует принять все меры к обеспечению Владивостока, Посьета и устья Амура, имея во Владивостоке наготове 1–2 батальона на случай десанта в порту Шестакова. На усиление войск округа буде понадобится, предполагается подготовить и двинуть из Иркутского округа 8 резервных батальонов, из Омского округа – 16 резервных батальонов, 4 казачьих полка и 2 батареи. На мобилизацию этих войск потребуется от 1 до 2 месяцев, передвижение их, на подводах, [в] Забайкалье тоже до 2 месяцев, следовательно, резервы эти начнут прибывать в Маньчжурию на 4-й или 5-й месяц […]. Казачьи части Сибирского и Семиреченского войск и Сибирские батареи предполагается двинуть без лошадей, но с полным снаряжением, до Забайкалья, где приобрести для них лошадей. По присоединении их, [в] Маньчжурии будут сосредоточены более 50 тыс. человек, не считая парков и обоза». Там же. Л. 33–34.

[681] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 3 об.

[682] Там же. Д. 82. Л. 235–245.

же причине доставлено в Амурскую область; предметы медицинского и госпитального довольствия большею частию еще не были отправлены из Европейской России»[683].

17 апреля С.М. Духовской приказал «впредь до выяснения обстоятельств», ограничиться реквизициями лошадей и повозок только для войсковых частей и состоящих при них лазаретов, отложив на вторую очередь приобретение лошадей для арт. парков, санитарных и интендантских учреждений. Владивостокскую крепость немедленно объявили на военном положении, приступив к приведению ее в полную боевую готовность. При этом составлявшие ее гарнизон Вост.-Сиб. лин. батальоны, «как не предназначавшиеся для полевой службы вне крепости», было решено вовсе не снабжать лошадьми. В округе приказали начать формирование запасных частей. Был объявлен призыв на службу запасных нижних чинов и льготных казаков ЗКВ, АКВ и УКВ. 17 апреля эти распоряжения были сообщены старшим войсковым начальникам и гражданским властям в областях. Первым днем мобилизации было назначено 20 апреля. Телеграфируя о принятых мерах П.С. Ванновскому, С.М. Духовской настаивал на «совершенной необходимости неотлагательной мобилизации войск Иркут. и Омск. в.о., в том числе Сибирских и Семиреченских казаков», как в виду поставленных целей, так и по расчетам предстоящих этим войскам передвижений, а также на необходимости присылки всех запасных нижних чинов Иркут. в.о., предназначенных на укомплектование войск и тыловых учреждений Забайкальской области[684]. Однако, поскольку переговоры еще продолжались, в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Мобилизация происходила по заранее намеченному плану лишь в той степени, насколько это позволяли условия Дальнего Востока. Слабость системы учета запасных привела к повышению роли полиции в деле призыва, с чем она справилась, но, в результате, в отчете о мобилизации вообще отсутствуют точные цифры количества призванных на действительную службу нижних чинов, со льготы – казаков, а также реквизированных лошадей, причем как по областям, так и сводные[685]. В справке Азиатской части Главного штаба в 1900 г. указывалось, что общее число призванных запасных нижних чинов составило около 8 тыс. чел.[686]. Войска Южно-Уссурийского отдела были готовы к выступлению: 1-я Вост.-Сиб. стр. бриг. – 28 апреля, 2-я – 8 мая, Уссурийская конная бриг. – 29 апреля, Вост.-Сиб. арт. бриг. – 3 мая. Гарнизон Владивостокской крепости был отмобилизован к 29 мая. Мобилизация войск Амурской области завершилась 15 мая, Забайкальские войска были

---

[683] Там же. Д. 86. Л. 20.
[684] Там же. Л. 4–5 об.
[685] Там же. Л. 22–28.
[686] Происхождение этой цифры неизвестно. Справка Азиатской части Главного штаба от 16 июня 1900 г. Доложена Николаю II 17 июня 1900 г. // Материалы для описания военных действий в Китае 1900–1901 гг. Отд. I. Кн. 1. СПб., 1902. С. 32–33.

готовы между 30 апреля и 14 мая[687] (См.: прил. 6). До 7 мая велась постановка минных заграждений в окрестностях Владивостока[688]. 28 апреля С.М. Духовской приказал сформировать при нем Полевой штаб Командующего войсками[689].

Сохранив спущенную сверху общую концепцию концентрического наступления на Гирин, в округе существенно доработали план сосредоточения войск в деталях, оставив более крупные силы, чем то предполагалось Главным штабом, для обеспечения безопасности собственной территории на случай вступления китайского населения или удара с моря. 27/28 апреля С.М. Духовской телеграфировал этот план Н.Н. Обручеву, и уже 29 апреля его доложили П.С. Ванновскому[690]. Войска предназначенные для наступления на Гирин были сведены в 2 отряда: 1-й – Южно-Уссурийский (12 батальонов, 6 сотен и 52 орудия) и 2-й – Забайкальский (10 батальонов, 20 сотен и 18 орудий).

Южно-Уссурийский отряд (генерал-майора К.Н. Кобылинского), сосредотачиваемый в г. Омосо, должен был состоять из трех колонн, названия которых определялись местом исходного сосредоточения. *Новокиевская* колонна (3 стр. батальона, 2 батареи [16 легких орудий] и 2 Приморские конные сотни) должна была следовать из ур. Новокиевское на г. Хунчун и г. Омосо; *Никольская* колонна (5 стр. батальонов, 2 батареи [16 легких], горная полубатарея [4 горных орудия], 4 сотни ЗКВ) должна была выступить из с. Никольское на Санчагоу и Нингуту и далее так же к Омосо. *Хабаровско–Благовещенской* колонне (4 лин. батальона и 2 батареи [16 легких орудий]) предстояло сначала водным путем по рекам Амур и Уссури, а затем и железнодорожным добраться до Никольского, а оттуда следовать по пути второй колонны, т.е. на г. Санчакоу и г. Нингуту и далее к г. Омосо.

Забайкальский отряд (генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова), сосредотачиваемый в г. Бодунэ, должен был состоять из четырех колонн: *генерал-майора Е.О. Мациевского* (3 казачьих пеших батальона, 3 конных полка, 2 конно-казачьих батареи) должна была, по «сосредоточении у Цурухайтуйска», двинуться на г. Хайлар, г. Цицикар и г. Бодунэ; *полковника В.Ф. Петрова* (4 сотни АКВ) выдвигалась из г. Благовещенск, на г. Мергень, г. Цицикар, на соединение с первой колонной; *полковника Волконского* (3 казачьих пеших батальона, 1 казачья батарея) – водным путем по рекам Амур и Сунгари до г. Бодунэ; *полковника А.Г. Кузьмина* (4 резервных батальона) – по рекам Амуру и Сунгари до г. Бодунэ.

Далее оба отряда, Южно-Уссурийский из г. Омосо и Забайкальский из г. Бодунэ – предполагалось выдвинуть к г. Гирин, где они должны были соединиться под общим начальством С.М. Духовского. Таким образом, в г. Гирин должны были сосредоточиться силы

---

[687] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 20 об.–22.
[688] Там же. Л. 37–38.
[689] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 82. Л. 246–247.
[690] Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 25–38 об.

общей численностью в 22 батальона, 26 конных сотен и 70 орудий, чего было явно недостаточно для противодействия японской армии.

На территории округа оставались: для защиты побережья, около зал. Посьета – 2 Вост.-Сиб. стр. батальона, 4 горных орудия, 1 сотня УКВ (один из батальонов предназначен на случай отправки десанта в Корею); в Забайкалье – 5-й Стретенский резервный батальон в Стретенске, одна сотня 2-го казачьего батальона ЗКВ, 2 казачьих сотни – в Троицкосавске и местные команды области; в Амурской области – Амурский пеший полубатальон АКВ у устья р. Сунгари, 2-ротный запасной батальон и местная команда в Благовещенске, а также 2 сотни Амурского полка АКВ; в Приморской области – 6-й Вост.-Сиб. лин. батальон в г. Николаевск, 2-ротный запасной батальон и местная команда в г. Хабаровск, одна Уссурийская сотня и ж.д. отряд в 1.500 чел. на Уссурийской железной дороге, 2 4-ротных запасных батальона по батальонным штаб-квартирам Южно-Уссурийского края и, наконец, во Владивостоке – 5 Вост.-Сиб. лин. батальонов, креп. артиллерия и одна Уссурийская конная сотня. Кроме того, из Хабаровского арт. склада – позиционная батарея для обороны устья р. Сунгари, пулеметная батарея в Хабаровске, шлюпочная и судовая артиллерия для вооружения судов на реках Амур и Уссури, горная полубатарея для Николаевска и вылазочная горная батарея во Владивостоке[691]. При этом вся подготовка к походу осложнялась постоянными изменениями как в составе войск на российском Дальнем Востоке, так и в системе их управления.

Численность армии противника оценивалась в 80 тыс. чел. хорошо обученных, закаленных в боях и достаточно хорошо экипированных[692]. Русский флот, в случае возобновления военных действий между Китаем и Японией, должен был «не допустить Японского десанта – находящегося в Талиенване – прорваться в Печилийский залив, чтобы высадиться где-либо и идти на Пекин». При этом прямая связь С.М. Духовского и С.П. Тыртова не поддерживалась, координации действий командования Приам. в.о. и эскадры не было, проведения десантной операции не предполагалось[693]. 21 апреля русские эскадры в полном составе покинули порты Японии, сосредоточившись 24 апреля в г. Чифу[694].

21 апреля Главный штаб, по согласованию с МИДом, сообщил С.М. Духовскому, что «Франция и Германия поддерживают наши требования к Японии отказаться от Маньчжурии. Англия отдалилась, но обещает быть нейтральною. Нашей эскадре предписано сосредоточиться и ожидать результатов переговоров. Ныне от Японского правительства получен ответ, который находится на рассмотрении правительства и вероятно будет найден

---

[691] Там же. Л. 39–40.
[692] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 3 об.
[693] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 434. Л. 21 об.
[694] «Такой внезапный и одновременный уход всех наших судов из Японии и появление их соединенно у ворот Печилийского залива, предстоящего места действий японцев, если бы ратификация трактата не произошла своевременно – произвело сугубое впечатление на всем крайнем Востоке. Всякому стало понятно, что Россия готова серьезно отстаивать свои права», – отмечал командующий эскадрой С.П. Тыртов. Там же. Л. 20.

неудовлетворительным»[695]. Япония не имела ни сил, ни желания вступать в конфликт с коалицией европейских держав, суммарный военный потенциал которых на Тихом океане значительно превосходил возможности островного государства[696]. Более того, Япония в то время не была готова даже к войне с Россией. Несмотря на неожиданно успешную кампанию против Китая, в организации действующей армии был выявлен ряд серьезных недостатков, в т.ч. фактическое отсутствие обоза, крайне слабое медицинское обеспечение[697]. Все острее чувствовалась усталость войск, в армии начала активно развиваться холера[698]. Спрогнозировать результат конфликта с Россией было затруднительно. С одной стороны, группировка японских войск в Китае по численности в несколько раз превосходила войска Приам. в.о., которых едва хватало для организации надежной обороны в случае начала войны, была хорошо организована, обучена, имела серьезный боевой опыт и высокий моральный дух. С другой, в условиях развившейся в армии холеры, и подавляющего превосходства русского флота, имевшего возможность прервать морскую коммуникационную линию, война с Россией виделась делом до крайности рискованным. Более того, в отличие от 1904 г., в 1895 г. в России не только ожидали возможного открытия Японией боевых действий без объявления войны, но и были к этому готовы. В этих условиях идти на продолжение конфликта означало для Японии ставить под угрозу все результаты достигнутой победы над Китаем.

Поэтому уже 23 апреля (5 мая) 1895 г. японские посланники в Петербурге, Берлине и Париже заявили правительствам России, Германии и Франции, что принимают требования держав о возвращении Ляодунского полуострова Китаю в обмен на более щедрую контрибуцию. При этом Япония ограничила свою уступку условием, что официально объявит об этом лишь после ратификации Симоносекского договора Китаем, которая должна была состояться 26 апреля (8 мая) 1895 г. в Чифу[699].

После истории с открытием боевых действий до официального объявления войны[700], уверенности в выполнении данного японскими дипломатами обещания не было. Поэтому ко времени предполагавшейся ратификации договора военные приготовления России достигли апогея. За день до 25 апреля – времени встречи японского и китайского представителей для обмена ратификационными грамотами – соединенная русская Тихоокеанская эскадра была

---

[695] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 129.

[696] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 45; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке… С. 701–704.

[697] Подробнее о японской армии в это время см.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. … 204 с., прил.; Там же. Вып. 61. … 111 с.

[698] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 118.

[699] Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. … P. 46–47; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897... P. 47–50; Foster J.W. Diplomatic Memoirs... Vol. 2. P. 150–151; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 47; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 288; Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. … С. 289; РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 131.

[700] Morse H.B. The international relations of the Chinese empire. Vol. III. … P. 23–25; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны… С. 308–339; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 132–135.

сосредоточена в Чифу, где ее демонстративно готовили к началу боевых действий[701]. Это позволяло России, в случае начала войны немедленно использовать свой флот по прямому назначению и оградить его от опасности внезапного нападения прямо в японских портах. Японии однозначно давали понять, что непринятие или невыполнение ей требований трех держав неизбежно приведет к войне, как минимум с Россией, причем немедленно.

Генерала С.М. Духовского о хитросплетениях политических комбинаций в известность не ставили, поэтому, узнав 28 апреля о ратификации договора, которая состоялась 26 апреля (8 мая) 1895 г.[702], он телеграфировал Н.Н. Обручеву в Петербург. «Ратификация допущена для удовлетворения самолюбия Японии и не означает поворота в уступке», – написал на депеше П.С. Ванновский[703]. 28 апреля (10 мая), вместе с официальной публикацией договора, был обнародован указ Мейдзи «о принятии совета дружественных Держав» и повышении контрибуции еще на 30 млн. лян[704]. Впрочем, 3 мая Н.Н. Обручев телеграфировал С.М. Духовскому, что, несмотря на «благоприятный оборот» японо-китайских переговоров, «Приамурский военный округ должен продолжать свою мобилизацию и привести войска [в] полную готовность к возможным действиям»[705].

4 мая С.М. Духовской телеграфировал в Главный штаб сначала содержание телеграммы А.П. Кассини, сообщавшего, что об условиях очищения японцами Ляодуна и вывода войск из Кореи пока ничего не известно, и полагавшего, что «вопрос еще далеко не кончен, новые осложнения возможны»[706]. Затем – М.А. Хитрово[707]. Из этого С.М. Духовской делал вывод, что «положение далеко не определилось, ни за что нельзя поручиться»[708]. 5 мая он доложил Н.Н. Обручеву, что распорядился к 15 мая завершить «сосредоточение в полной походной готовности»: в общих лагерях под с. Никольское всей 1-й Вост.-Сиб. стр. бриг. с артиллерией, казачьим полком, имея две сотни в с. Полтавка, и под ур. Новокиевское всей 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. с артиллерией и Приморским конным дивизионом, имея в Хунчунском карауле полсотни и полуроту пехоты. По сосредоточении было приказано продолжить

---

[701] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 434. Л. 20.
[702] Договор о мире, заключенный Японией и Китаем в Симоносеки 5 (17) апреля 1895 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. … С. 1–13; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897... P. 48–49; Foster J.W. Diplomatic Memoirs... Vol. 2. P. 151–152; Табохаси Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны… С. 554–564.
[703] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 130.
[704] Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895… P. 288; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897... P. 49–50; Asakawa K. The Russo-Japanese conflict. Its causes and issues… P. 76–77; Кутаков Л.Н. Россия и Япония… С. 227.
[705] Цит. по: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» … С. 201.
[706] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 132. Л. 136.
[707] «Вчера обнародован декрет Императора, коим он извещает, что в уважение совета дружественных держав и для обеспечения прочного мира он решил отказаться от Ляодунского полуострова; он призывает подданных к спокойствию и благоразумию. По слухам часть войск перевозится на Формозу, дальнейшие распоряжения еще не известны, осложнений не предвидится, но возбуждение сильно, ни за что нельзя поручиться и полагаю из предосторожности военные приготовления бросать было бы рано». Там же. Л. 137–137 об.
[708] Там же. Л. 138.

занятия стрельбой и начать прочие лагерные занятия[709].

Однако, в столице уже понимали, что войны с Японией не будет. Военный министр распорядился приготовиться к роспуску запасных, прекратить сосредоточение отрядов, устройство минных заграждений, остановить командирование предназначавшихся в край офицеров и врачей, для формирующихся казачьих и тыловых учреждений. К этому времени в округе уже были сформированы даже полевые штабы Командующего войсками, а также Южно-Уссурийского и Забайкальского отрядов[710]. Выявились и основные сложности проведения мобилизации на российском Дальнем Востоке, о которых в мирное время хотя и подозревали, но не смогли точно оценить масштаб. 7 мая С.М. Духовской сообщал о них в Главный штаб почти в отчаянии[711].

9 мая 1895 г. П.С. Ванновский доложил Николаю II, что «в виду принятия Японией предъявленных нами требований и вообще благоприятного направления переговоров по Японско-Китайскому вопросу», а также «во избежание излишних расходов казны и для освобождения призванных в войска запасных нижних чинов и льготных казаков, необходимых теперь в своих поселениях для производства полевых земледельческих работ, полагалось бы ныне же распустить как тех, так и других по домам»[712]. В тот же день в Приам. в.о. была объявлена демобилизация. К этому времени «мобилизационные приготовления были уже в полном ходу и приступлено было даже к сосредоточению отрядов на границе»[713]: одни части не успели еще до конца отмобилизоваться, в то время как некоторые уже даже дошли до границы[714]. К 20 мая демобилизация была официально завершена, все запасные нижние чины распущены по домам, а льготные казаки – по станицам. Однако развозка запасных была окончена только к 25 мая, а по Владивостокской крепости «разрешено было продолжать начатые работы не могущие остаться неоконченными»[715].

12 мая в г. Хабаровск получили (и в тот же день переслали в Главный штаб) донесение К.И. Вогака о возвращении 1-й дивизии обратно в Японию, 7-й – на о. Хоккайдо, а также

---

[709] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 82. Л. 2, 5–5 об.
[710] Там же. Л. 6–9, 11–13а.
[711] «Произведенный опыт мобилизации показал совершенную необходимость для Приморской, Амурской областей дополнительных льгот от призыва, также усиления мирного состава частей. Здесь воинская повинность среди населения еще не введена, вследствие чего все запасные принадлежат к семьям только что переселившимся или огромное большинство добровольно остались на временное жительство для специальных заработков. Очень опасаюсь, что нынешний призыв отобьет охоту добровольно оставаться, парализуя это важно-полезное для края дело, ибо на этих людях держится вся местная жизнь. Призыв грозил остановить движение пароходов, ибо более половины служащих льготные казаки и запасные солдаты; грозил остановить почтовые гоньбы, действие нескольких телеграфных станций; почти все присутственные места стали закрываться, ибо здесь временных заместителей нигде не достает. Мне пришлось дать отдельными разрешениями множество льгот, оставляя зачисленных в ряды войск временно при исправлении прежних обязанностей, не говоря о самом широком применении льгот железнодорожникам». Там же. Л. 25–25 об.
[712] Там же. Л. 1.
[713] Там же. Л. 1, 3.
[714] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 46–55 об.
[715] Там же. Д. 82. Л. 104; Там же. Д. 86. Л. 68 об.–70 об.

назначении дат отправки из Китая еще двух японских дивизий: 3-й – 23 мая и 5-й – 10 июня[716]. Однако, только 12 октября 1895 г. Временно Командующий войсками округа Н.И. Гродеков приказал командирам 1-й и 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг., коменданту крепости Владивосток и командиру Вост.-Сиб. лин. бриг., чтобы подведомственные им батальоны начали изготовленные для похода в Маньчжурию «сухари сверх 8-ми дневного запаса выпускать в расход на текущее довольствие с таким расчетом, чтобы сухари были израсходованы в течение предстоящей зимы до 1-го июня 1896 г.»[717].

Все время мобилизации С.М. Духовской осуществлял общее руководство войсками, проехал по Южно-Уссурийскому краю, где ознакомился с состоянием боевой готовности частей и соединений, которым остался удовлетворен[718]. Однако постоянная экономия на обороноспособности российского Дальнего Востока в предшествующие годы привела к тому, что тратиться пришлось уже во время кризиса, что вышло существенно дороже. В 1894–1895 гг. на расходы по усилению военного положения в Приам. в.о. и подготовке войск округа к активным действиям, на основании особых Высочайших поведений, испрошенных как П.С. Ванновским, так и С.Ю. Витте, были назначены 3 чрезвычайных кредита: 2 декабря 1894 г. – 970.000 руб., 10 марта 1895 г. – 955.000 руб. и 14 апреля 1895 г. – 4 млн. руб., всего 5.925.000 руб. До 8 мая 1895 г., когда было принято решение о демобилизации, было отпущено 5.469.097 руб. 81 коп. и осталось неизрасходованными 455.902 руб. 19 коп. Сверх того, по Высочайшему повелению от 2 мая 1895 г. на дальнейшие расходы по усилению боевой готовности войск Приам. в.о. был открыт еще один чрезвычайный кредит в 6 млн. руб., в который следовало также уложить все «издержки» по мобилизации[719] (см. прил. 5).

27 октября (8 ноября) 1895 г. представители Японии и Китая подписали «конвенцию о возвращении Ляодунского полуострова». Японское правительство действительно вернуло Китаю Ляодунский полуостров в обмен на дополнительные 30 млн. лян репараций[720]. На какое-то время на Дальнем Востоке наступило затишье, которое многими современниками воспринималось как затишье перед бурей. После ярких военных побед серьезное дипломатическое поражение, сопровождавшееся открытым военным давлением со стороны России, да еще и проведенным в оскорбительной для японского менталитета форме, были очень болезненно восприняты японской элитой и разогретой войной общественностью[721]. В Хабаровске, в отличие от Петербурга, отчетливо понимали, что война с Японией лишь

---

[716] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 82. Л. 87.
[717] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 192.
[718] Там же. Л. 127–132.
[719] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 82. Л. 70–71.
[720] Конвенция о возвращении Ляодунского полуострова, заключенная Китаем и Японией в Пекине 27 октября (8 ноября) 1895 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. … С. 89–93; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897... P. 50–51.
[721] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 45–47, 56.

отложена на неопределенный срок. Как оказалось впоследствии – до реализации очередных японских программ по усилению армии и флота, принятых, как раз, в 1895 г.[722].

Получение же Россией в 1898 г. арендных прав на Порт-Артур, на возвращении которого Китаю, под предлогом соблюдения его территориальной целостности, она настояла в 1895 г., и устройство там военно-морской базы (т.е. реализация планов Японии, ее основным потенциальным противником), лишь укрепили уверенность японских элит в правильности выбранного курса[723]. Слова Н.Н. Обручева оказались пророческими: временный успех обернулся для России появлением у нее на Тихом океане нового «злейшего врага», готового идти на союз с Англией[724].

На боеготовность дислоцировавшихся на российском Дальнем Востоке войск и Приам. в.о., мобилизация оказала положительное влияние. Была несколько усилена численность войск, получено большое количество военного имущества, которое Командующие войсками округа требовали десятилетиями. Части округа перевооружили на новейшую 3-лин. винтовку. За 21 день, который Приам. в.о. провел в состоянии мобилизации, во Владивосток, на всякий случай, было отправлено большое количество военного имущества и снаряжения. Возобновилась дискуссия о необходимости разработки новой программы усиления русских войск в регионе и повышения обороноспособности российского Дальнего Востока в целом. Подтвердилась и справедливость вывода о том, что любое обострение ситуации на русско-китайской границе сопровождается резкой активизацией деятельности хунхузов как на сопредельных территориях, так и в Южно-Уссурийском крае. Последнее приходилось учитывать при разработке военных планов, оставляя для обеспечения внутренней безопасности края сравнительно большое количество войск, вместо их активного использования против основного противника.

В полной мере была осознана невозможность ведения в регионе полномасштабной войны до окончания строительства Великой Сибирской железной дороги. Еще 8 апреля 1895 г. было решено, что работы по строительству Уссурийской железной дороги ни при каких обстоятельствах приостановлены не будут. Причем если С.М. Духовской распорядился «о формировании на предстоящее лето сводного отряда из 1500 рядовых, по 150 от каждого стрелкового батальона, для работ и охраны строящейся линии», то начальник Азиатской части Главного штаба А.П. Проценко рекомендовал П.С. Ванновскому приказать С.М. Духовскому «в случае мобилизации, немедленно снять наряд на железную дорогу, ибо успех военных

---

[722] Fifty years of new Japan… P. 212–217, 228–230; Кутаков Л.Н. Россия и Япония… С. 231; ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 1. Л. 11–23.
[723] Asakawa K. The Russo-Japanese conflict. Its causes and issues… P. 74–82, 110–134; Foster J.W. Diplomatic Memoirs... Vol. 2. P. 152; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. С. 172–181; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 95–97.
[724] РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 137. Л. 22 об.–23.

действий несравненно важнее успешности железнодорожных работ». В реальности же все обстояло в точности до наоборот. В результате, по докладу военного министра, Николай II распорядился «повременить снятием наряда войск с строящейся железной дороги – до выяснения переговоров»[725]. Более к этому вопросу не возвращались.

3 января 1896 г. в Главном штабе получили через штаб Приам. в.о. телеграмму К.И. Вогака из Токио, который сообщал, что «Правительство требует увеличения бюджета военному министерству на двадцать один, а морскому – на двадцать три миллиона»[726]. В Японии начали готовиться к войне с Россией.

[725] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 85. Л. 152–152 об.
[726] Там же. Д. 82. Л. 288–288 об.

Глава 3. Русская армия на Дальнем Востоке в 1896–1900 гг. Первый этап подготовки к войне с Японией

3.1. Управленческие итоги мобилизации 1895 г. и проблема «переустройства Азиатских военных округов»

Мобилизация 1895 г. выявила на Дальнем Востоке целый комплекс проблем связанных с системой военного управления и требовавших решения до начала серьезного конфликта в регионе. Одной из важнейших являлась застарелая проблема предельно сокращенных штатов практически всех органов системы военного управления, находящихся на территории Приам. в.о. Из-за хронической нехватки финансовых средств численность служащих и самих органов всегда рассчитывалась исходя из минимально возможного, а не достаточного или необходимого на перспективу. Поэтому, в Окружном штабе долгое время вообще не было мобилизационного и казачьего отделов, а начавшийся сразу после создания Приам. в.о. в 1884 г. процесс усиления его штатов продолжился и в 1896–1904 гг.

Усиление личного состава Окружного штаба в этот период обусловливалось ростом численности войск в округе, и ухудшением военно-стратегической ситуации в регионе. 24 июня 1896 г. Николай II утвердил положение о сформировании в этом штабе казачьего отдела, основу которого должно было составить уже существовавшее казачье отделение. Для заведования отделом создавалась должность 2-го помощника начальника Окружного штаба. Расширялось под новые задачи мобилизационное отделение штаба, создавалось отчетное, увеличивалась численность штаба в целом, и несколько возросло финансирование[1]. 1 августа 1897 г. было сформировано Временное Управление строителя Владивостокских укреплений[2], были усилены штаты Окружного артиллерийского управления[3], при Командующем войсками округа создали должность генерала для поручений, и усилили штат Окружного штаба[4]. Два переводчика: с японского и китайского языков, появились штате штаба Приам. в.о. только 1901 г.[5]. В 1897 г. утвердили новые штаты Хабаровского и Читинского окружных арт. складов,

---

[1] Высочайше утвержденное 24 июня 1896 г. положение Военного Совета об усилении штата штаба Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 16. № 13099; ПВВ № 161 от 28 июня 1896 г. // ПВВ за 1896 г. СПб., 1896.

[2] Высочайше утвержденное 28 марта 1897 г. положение Военного Совета об образовании Временного управления строителя Владивостокских укреплений и об утверждении штата означенного управления // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 13909; ПВВ № 102 от 8 апреля 1897 г. // ПВВ за 1897 г. СПб., 1897; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6. Д. 2. Л. 277.

[3] Высочайше утвержденное 21 февраля 1897 г. положение Военного Совета об изменении штата Приамурского окружного арт. управления // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 13782.

[4] Высочайше утвержденное 6 сентября 1897 г. положение Военного Совета об учреждении в Приам. в.о. четырех новых должностей из офицеров Генерального Штаба // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 14509.

[5] Высочайше утвержденное 27 апреля 1901 г. положение Военного Совета о дополнении штата Приамурского окружного штаба двумя должностями переводчиков // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20012.

в Хабаровске была создана окружная арт. мастерская, которую подчинили непосредственно начальнику артиллерии округа[6]. Рост количества войск потребовал в округе и развития военно-судебной системы[7].

Серьезным преобразованиям подверглась в округе система воинского учета запасных, несостоятельность которой проявилась в ходе мобилизации 1895 г. 16 января 1896 г. было сформировано и открыло свои действия управление Хабаровского местного воинского начальника, и одновременно была упразднена должность начальника Хабаровской местной команды, обязанности которого возложили на воинского начальника[8]. К последним относились: ведение учета и призыва нижних чинов запаса проживающих в Удской и Софийской округах Приморской области, г. Хабаровске, г. Николаевске, Уссурийском казачьем округе, а также запасных, работающих на постройке Уссурийской железной дороги в пределах Уссурийской казачьей округи. Впрочем, на него возложили еще и начальствование Хабаровской местной командой, исполнение обязанностей местного коменданта и заведывание пересыльной частью. В ведении местного Приморской области воинского начальника остались чины запаса, проживающие во Владивостоке и Южно-Уссурийском крае, где было сосредоточено основное количество войск Приам. в.о.[9]. Однако практика показала, что из-за обширной территории и слабо развитой инфраструктуры Хабаровский местный воинский начальник не мог в полной мере охватить своей деятельностью всю перешедшую под его юрисдикцию территорию. В результате 7 декабря 1902 г. было сформировано еще и управление Удского воинского начальника для г. Николаевск-на-Амуре и Удской округи, совершенно недоступных ни для Хабаровского, ни для Приморского местных воинских начальников[10].

В 1898 г. сходные преобразования прошли в Забайкальской области, где управление Забайкальского воинского начальника было разделено на два самостоятельных: управление Забайкальского воинского начальника переименовали в управление Читинского воинского начальника и сформировали новое – управление Верхнеудинского воинского начальника (открыло действия 1 августа 1898 г.), под контроль которого перешли Троицкосавский,

---

[6] Высочайше утвержденное 13 сентября 1897 г. положение Военного Совета об изменении штатов окружных арт. складов Приам. в.о., об учреждении в названном округе окружной арт. мастерской и об упразднении подвижного полупарка Восточной Сибири и утверждены штаты // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 14521.

[7] См., напр.: Высочайше утвержденное 10 сентября 1898 г. положение Военного Совета об увеличении штата Приамурского военно-окружного суда и прокурорского при нем надзора // ПСЗ РИ III. Т. 18. № 15918.

[8] ПВВ № 299 от 9 декабря 1895 г. // ПВВ за 1895 г. СПб., 1895; Приказы по войскам Приам. в.о. № 4 от 4 января 1896 г., № 64 от 22 февраля 1896 г. и Приказание войскам Приам. в.о. № 13 от 19 января 1896 г. // Приказы и приказания войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896; ЦГШ № 30 от 25 января 1896 г. // ЦГШ за 1896 г. СПб., 1896; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 4.

[9] Приказы по войскам Приам. в.о. № 6 от 9 января и № 64 от 22 февраля 1896 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.

[10] Высочайше утвержденное 26 августа 1902 г. положение Военного Совета об учреждении управления воинского начальника в городе Николаевске-на-Амуре // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21982; ПВВ № 336 от 7 сентября 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902; ЦГШ № 40 от 7 февраля 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903.

Селенгенский, Верхнеудинский и Баргузинский округа. Каждое из управлений должно было иметь одинаковый штат, аналогичный штату старого управления[11]. На этом проблема учета запасных была бы решена, если бы не аренда Квантунского полуострова, т.е. появление в составе империи новой территории, с не до конца определенным юридическим статусом. Первое время на Квантуне учет и призыв чинов запаса был возложен на штаб войск этого полуострова[12]. И только после Китайского похода 1900–1901 гг., 2 февраля 1902 г. Военный совет, по представлению Главного штаба, положил образовать в Порт-Артуре управление Квантунского воинского начальника[13].

В 1903 г. Командующий войсками округа Н.И. Гродеков ходатайствовал об учреждение должности Харбинского воинского начальника, поскольку Высочайшее соизволение от 30 марта 1902 г. разрешение нижним чинам запаса оставаться на временное жительство в Маньчжурии привлекло туда значительное число запасных, доходившее до 8–10 тыс. чел. Чтобы воспользоваться ими при мобилизации необходимо было ведение учета запасных. «В настоящее время это дело временно возложено на ближайших воинских начальников округа. Но вследствие огромных протяжений вновь созданных участков, вследствие отсутствия правильной организации полицейской власти в полосе отчуждения железной дороги, ведение учета запасных, проживающих в Маньчжурии, для воинских начальников округа является делом едва ли выполнимым. Отсюда выясняется, что для правильной организации учета запасных в Маньчжурии необходимо учредить управление воинского начальника, избрав пунктом этого Управления Харбин, как узел железнодорожных и водных путей, где придется пересоставлять команды при перевозках мирного и военного времени и организовать сборный этап в случае кампании»[14]. Разрешение «проработать» этот вопрос последовало из Главного штаба только 9 декабря 1903 г.[15], и решить эту проблему до начала войны уже не успели, что создало впоследствии ощутимые трудности.

Осенью 1898 г. в Приам. в.о. провели реформу системы административного управления АКВ и УКВ, имевшую в т.ч. и военный аспект. К 1 августа было сформировано и открыло свои действия войсковое правление УКВ, а канцелярия военного губернатора Приморской области по управлению Уссурийским войском и штаб Уссурийского казачьего конного дивизиона были упразднены. Заведование населением как войсковым, так и не

---

[11] Высочайше утвержденное 5 февраля 1898 г. положение Военного Совета, об учреждении, взамен существующего управления Забайкальского воинского начальника, двух управлений, воинских начальников в Чите и Верхнеудинске // ПСЗ РИ III. Т. 18. № 14994; ПВВ № 39 от 11 февраля 1898 г. // ПВВ за 1898 г. СПб., 1898; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 188.

[12] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 284.

[13] Высочайше утвержденное 17 июня 1902 г. положение Военного Совета о сформировании управления Квантунского воинского начальника // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21733; ПВВ № 252 от 29 июня 1902 г. и Штат управления Квантунского воинского начальника // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[14] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 1 а–2.

[15] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 348–348 об.

войсковым в полицейском и общеадминистративном отношении в Амурской округе было возложено на войсковое правление АКВ, Уссурийской – войсковое правление УКВ[16]. Затем первоочередная Уссурийская конная казачья сотня была преобразована, изъята из подчинения командиру 1-й Вост.-Сиб. лин. бриг. и включена в состав Уссурийской конной бриг.[17].

Важнейшим, для обеспечения безопасности Сибири и российского Дальнего Востока событием, в 1899 г. стало крупнейшее с 1884 г. преобразование там военно-окружной системы – объединение Омск. и Иркут. в.о. в единый Сиб. в.о.[18]. Работы по подготовке переустройства военных округов в Азиатской части империи начались под влиянием Японо-китайской войны 1894–1895 гг. еще при П.С. Ванновском[19]. Идея родилась в 1897 г., когда «вместо существующих ныне 4-х округов и Закаспийской области предположено образовать всего три: Приамурский, Сибирский и Туркестанский, с упразднением Иркутского и со включением в состав Туркестанского военного округа Семиреченской и Закаспийской областей». Получалось два боевых округа: Приамурский – против Китая и Японии, Туркестанский – обращенный широким фронтом к Персии, Афганистану и Британской Индии, а также «резервный» Сибирский, откуда можно было по необходимости перебрасывать подкрепления в оба округа. Принципиальное решение о проведении реформы приняли 26 декабря 1897 г., когда последовал Высочайший указ Правительствующему сенату, предписывавший военному министру определить сроки и подробности проведения предполагавшейся реформы[20]. Однако завершать начатые преобразования П.С. Ванновскому уже не пришлось – 1 января 1898 г. он вышел в отставку по состоянию здоровья[21].

Идею создать при передовых Туркестанском и Приам. в.о. единый тыловой Сиб. в.о. продолжили прорабатывать при его приемнике на посту военного министра – А.Н. Куропаткине. Причем, поскольку резкое усиление русского военного присутствия на Дальнем Востоке и, прежде всего, усиление войск Приам. в.о., а с 1898 г. – еще и занятие войсками Квантунского полуострова, требовало значительных финансовых средств, то на «тыловых»

---

[16] Высочайше утвержденное 2 февраля 1898 г. мнение Государственного Совета об изменении административного управления в Амурском и Уссурийском войсках и об утверждении штата войскового правления УКВ // ПСЗ РИ III. Т. 18. № 14985; ПВВ № 102 от 17 апреля 1898 г. // ПВВ за 1898 г. СПб., 1898; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 194; Приказ Приамурским казачьим войскам № 23 от 6 августа 1898 г. // Приказы Приамурским казачьим войскам за 1898 г. Хабаровск, 1898; ЦГШ № 242 от 20 октября 1898 г. // ЦГШ за 1898 г. СПб., 1898.

[17] Высочайше повеление 4 апреля 1898 г. объявленное управляющим Военным министерством, об изъятии первоочередной Уссурийской конной казачьей сотни из подчинения командиру 1-й Вост.-Сиб. лин. бриг. со включением ее в состав Уссурийской конной бриг. // ПСЗ РИ III. Т. 18. № 15246; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 79 об., 194.

[18] История этих округов специально исследовалась Р.С. Авиловым в: Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Воен.-ист. журнал. 2014. № 7. С. 15–21; Его же. Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Воен.-ист. журнал. 2015. № 8. С. 3–10.

[19] Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 635.

[20] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1897 г. СПб., 1899. Приложение 1. Отчет по Главному штабу за 1897 г. С. 49.

[21] Ванновский Петр Семенович // Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1911. С. 236.

округах, каковыми изначально мыслились Иркут. и Омск. в.о., решили немного сэкономить[22]. Разработку проекта продолжили в Азиатской части Главного штаба, где в 1898 г. сформулировали основные положения планировавшихся преобразований: упразднить иркутское окружное управление, а все расположенные на территории Иркут. в.о. войска подчинить Командующему войсками создаваемого Сиб. в.о., из ведения которого изъять войска Семиреческой области, переходившие под юрисдикцию Туркестанского в.о.[23]. Преобразования следовало провести одновременно в Сибири и Средней Азии.

12 июня 1899 г. Николай II утвердил положение «О военно-административной реформе в Сибири и в Средней Азии», предусматривавшее существенные преобразования как войск, так и военного управления на этих территориях. Положение предписывало из Омск. в.о., кроме Семиреченской области, и из Иркутского в.о. образовать один в.о., присвоив ему наименование Сибирского. Военно-окружные управления Иркутского в.о. упразднить, а военно-окружные управления Омского в.о. переименовать в Сибирские. Должность Степного генерал-губернатора и Командующего войсками Омск. в.о. переименовать в должность Степного генерал-губернатора и Командующего войсками Сиб. в.о. Иркутскому генерал-губернатору при этом присвоили «наименование Иркутского военного губернатора»[24].

Командованию нового округа были подчинены все имевшиеся в нем войска. Однако войска, располагавшиеся на территории бывшего Иркут. в.о., решили подчинить не напрямую Омску, что при больших расстояниях и слабой инфраструктуре неизбежно затруднило бы управление, а через посредство Иркутской местной бриг. Формировали ее специально для этой цели по образцу и штату Омской местной бриг. Ее командиру, на правах начальника див., подчинили все войска, дислоцировавшиеся в Енисейской и Иркутской губерниях, а также в Якутской области[25]. Окружной иркутский арт. склад упразднили, и только Иркутское юнкерское училище подчинили начальнику штаба Сиб. в.о. на общих основаниях[26]. Финансовая экономия от слияния двух военных округов должна была составить всего лишь 863 р. 34 коп.[27]. Приказ по военному ведомству о создании Сиб. в.о. был отдан 18 июня 1899 г., однако все новые положения вступали в силу только с 1 июля[28]. «Столицей» нового округа стал Омск – центр прежнего Омск. в.о. Именно там располагался Окружной штаб и все

---

[22] Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 1… С. 655–656.

[23] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1898 г. Приложение 1. Отчет по Главному штабу за 1898 г. СПб., 1900.С. 50.

[24] Высочайше утвержденное 12 июня 1899 г. Положение Военного Совета о военно-административной реформе в Сибири и в Средней Азии // ПСЗ РИ III. Т. 19. № 17214.

[25] Красноярский и Иркутский резервные пех. батальоны, местные и конвойные команды, Иркутскую дисциплинарную роту и находящиеся на подведомственных бригаде территориях казачьи части, а также управления воинских начальников и местные лазареты. Там же.

[26] Там же.

[27] Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003. С. 17–18.

[28] ПВВ № 161 от 18 июня 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899. С этого же дня прекращалась деятельность окружных управлений ликвидированного Иркут. в.о. ЦГШ № 148 от 3 июля 1899 г. // ЦГШ за 1899 г. СПб., 1899.

военно-окружные управления.

Таким образом, результат проведенной реформы получился прямо противоположный той идее, которая изначально была заложена в военно-окружную систему: вместо типовой и простой системы местного военного управления, в Сиб. в.о. получилась система громоздкая, неповоротливая, да еще и с частичным дублированием функций. На практике все эти недостатки проявились уже через год, во время подавления Боксерского восстания.

В том же 1899 г., на арендованной за год до этого у Китая территории, была создана Квантунская область со столицей в Порт-Артуре и достаточно оригинальной системой управления. Не вдаваясь в подробности истории ее формирования и особенностей функционирования, к настоящему времени хорошо изученных[29], остановимся на военном аспекте. Занятие Порт-Артура с арендой Квантуна, принятие решения о строительстве на нем крепости и переброска туда воинского контингента быстро поставили на повестку дня вопрос о том, кому должны подчиняться войска и будущая крепость[30]. Сначала управление Квантунским полуостровом попало под контроль моряков в лице Командующего Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Ф.В. Дубасова, которого Порт-Артур интересовал исключительно как база ВМФ[31], а переброшенные на полуостров войска продолжали числиться в составе Приам. в.о. и подчиняться Командующему его войсками, находившемуся в Хабаровске[32]. Последнее было крайне неудобно, поскольку Квантунский район представлял собой самостоятельное от округа операционное направление, оперативное управление которым из Хабаровска (во всех сферах, не только в военной) было весьма затруднительным, если не невозможным.

Поэтому дискуссия о подчинении района развивалась в двух плоскостях. С одной стороны, шло активное противоборство «армейских» и «флотских»[33], а с другой, центрального аппарата Военного министерства и командования Приам. в.о., т.е. лично А.Н. Куропаткина, считавшего, что всем должен руководить Н.И. Гродеков из Хабаровска, и самого Н.И. Гродекова, абсолютно уверенного, что это невозможно. Сначала победила т.з. военного министра и 17 августа 1898 г. начальником Квантунского полуострова и Командующим войсками в оном расположенными император назначил генерал-майора Д.И.

---

[29] Подробнее см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб., 2008. С. 509–518; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX в. Омск, 2004. С. 361–366; Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в.–февраль 1917 г.). Дис. … докт. ист. наук. СПб., 2015. 601 с. и др.

[30] Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. Порт-Артур: страницы истории русской крепости (1898–1905 гг.) // Воен.-ист. журнал. 2019. № 1. С. 20–28.

[31] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 510.

[32] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 1а.

[33] Военный министр А.Н. Куропаткин прямо указывал, что «в арендуемой территории мы должны быть полными хозяевами. Военное начальствование на суше и на море, т.е. над сухопутными войсками, флотом и всеми военными средствами, а равно и высшее гражданское управление территорией должно быть обязательно объединено в одном лице, облеченном высшими полномочиями». Цит. по: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 510–511.

Субботича, которому начальник Главного штаба тут же сообщил, что ему присвоены права: гражданские – военного губернатора и военные – корпусного командира, с подчинением Приамурскому генерал-губернатору и Командующему войсками Приам. в.о. Впрочем, нормальной организации управления из этого не получилось, поскольку уже следующим приказом, 2 дня спустя, Д.И. Субботич вынужден был объявить «для сведения и руководства, что, согласно телеграммы временно-управляющего Морским Министерством от 25 сего Августа, Командующий Тихоокеанской Эскадрой Контр-Адмирал Дубасов остается старшим начальником на Квантунском полуострове»[34].

В результате Н.И. Гродеков 30 ноября 1898 г. отправиться «по делам службы» на Квантунский полуостров лично знакомиться с ситуацией. Если состоянием войск, несмотря на все переносимые ими трудности, Н.И. Гродеков остался доволен[35], то относительно вопросов управления, он вынес из этого визита убежденность в абсолютной невозможности для себя руководить еще и этой территорией.

После очередных дискуссий в столице была принята достаточно сложная схема, в основе которой лежала система управления Туркестаном. Первенствующее положение в области было отдано на совещании 1 марта 1899 г. морякам, с подчинением главного начальника Квантуна военному министру, но при контроле соответствующих министерств над профильными для них сферами управления[36]. 16 августа 1899 г. Николай II утвердил Временное положение об управлении Квантунской области[37], после чего Главным начальником и командующим войсками Квантунского полуострова 19 августа был назначен вице-адмирал Е.И. Алексеев, бывший командующий Тихоокеанской эскадрой в 1895–1897 гг. У него, сразу по прибытии, случился конфликт с Д.И. Субботичем, который из-за назначения Е.И. Алексеева был понижен с должности начальника Квантунского полуострова и Командующего войсками на оном расположенными до помощника Командующего войсками Квантунской области и начальника штаба этой области[38]. В результате Е.И. Алексеев попросил А.Н. Куропаткина назначить ему нового помощника[39]. 7 февраля 1901 г. А.Н. Куропаткин перевел Д.И. Субботича с Квантуна «в распоряжение военного министра», 10 апреля назначил начальником Закаспийской области и командиром 2-го Туркестанского АК, а 2 ноября 1902 г. провел на должность следующего, после Н.И. Гродекова, Приамурского

---

[34] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1627. Л. 1, 2.
[35] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 273, 297, 299–300.
[36] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 512–515; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 362–363.
[37] Высочайше утвержденное 16 августа 1899 г. Временное положение об управлении Квантунской области // ПСЗ РИ III. Т. 19. № 17513.
[38] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 515; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 376; Список Генерального Штаба. Исправлен по 1 января 1904 г. СПб., 1904. С. 83.
[39] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 2257. Л. 4–5.

генерал-губернатора и Командующим войсками Приам. в.о.[40]. Из-за этой истории испортились отношения Е.И. Алексеева с А.Н. Куропаткиным, и военный министр стал относиться к поступавшим из Порт-Артура бумагам с изрядной долей предвзятости. Похожие отношения сложились у Е.И. Алексеева с В.Н. Ламздорфом.

15 декабря 1899 г. Н.И. Гродеков приказал: «За последовавшим ныне прибытием в Порт-Артур главного начальника Квантунского полуострова, Вице-Адмирала Алексеева, войска, военные управления и учреждения Квантуна выделяются из состава Приамурского военного округа…»[41]. Таким образом, «вследствие последовавшего отделения Квантунской области, войска, в оной расположенные, вышли из состава Приамурского военного округа»[42], и были подчинены напрямую Военному министерству. Это поставило вопрос о координации действий при разработке планов обороны дальневосточных территорий империи, т.к. для всех было очевидно, что держаться самостоятельно без помощи Приам. в.о. Порт-Артур не сможет еще долго, а руководить из Хабаровска войсками, отправленными на выручку этой крепости невозможно. В этой связи, наиболее простым из возможных решений казалось формирование единого центра управления непосредственно на Дальнем Востоке, с приданием ему широких полномочий, необходимых для военного управления регионом и организации его обороны на случай начала войны с Японией. Следовательно, над российским Дальним Востоком нависла угроза дальнейшей ломки системы военного управления, неплохо устоявшейся за четверть века (с 1884 г.) и вполне справлявшейся со стоящими перед ней задачами.

3.2. Усиление обороноспособности в 1896–1899 гг.: дискуссии, планы, меры

Кардинальное изменение военно-стратегической ситуации в регионе и возможность военного столкновения с Японией, продолжавшей высокими темпами наращивать вооруженные силы, должно было заставить Петербург обратить серьезное внимание на обороноспособность российского Дальнего Востока. В 1896–1899 гг. русская разведка постоянно фиксировала форсированное выполнение Японией военной и военно-морской программ[43]. Военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер писал в Азиатскую часть Главного штаба в апреле 1896 г., что необходимо «самым серьезным образом отнестись к совершившимся фактам и принять […] меры для укрепления нашего положения на Тихом океане настолько, чтобы быть готовым к разным случайностям», но избегать военных столкновений с Японией до окончания строительства Транссиба[44]. Российский посланник в

---

[40] Список Генерального Штаба. Исправлен по 1 января 1904 г. … С. 83.
[41] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6. Д. 3. Л. 713 об.–714.
[42] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 1а.; ЦГШ № 2 от 3 января 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.
[43] Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. Дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С. 55–56, 100–106; РГВИА. Ф. 846. Оп. 5. Д. 11. Л. 1–23 об.
[44] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2118. Л. 2, 34–36.

Японии барон Р.Р. Розен, отмечал, что «если в отношении военно-морском наше положение на крайнем Востоке представляется необеспеченным вследствие неимения у нас первоклассного порта, то в отношении наших военно-сухопутных сил в Приамурском крае положение наше едва-ли можно назвать более удовлетворительным», призывая одновременно пойти на союз с Японией и укреплять в достаточной мере русские вооруженные силы в регионе[45]. Путешественники и военный атташе сообщали о возбуждении, после событий 1895 г. японского общества против России[46], а князь А.М. Волконский – один из офицеров миссии князя Э.Э. Ухтомского в Китай в марте–августе 1897 г., подготовил по возвращении секретную записку «О необходимости усиления нашего стратегического положения на Дальнем Востоке» – документ удивительный по точности оценок и прогнозов[47]. «Все мною виденное во время этой поездки, – писал он, – навело меня на мысль, что вооруженное столкновение между Россией и Японией близко и неизбежно и что мы к нему не подготовлены». Верно оценив программу Японии как «наступательную», и нацеленную на закрепление контроля над Кореей, он правильно связал время начала войны с завершением японской военно-морской программы, заметив, что «если сравнивать медлительность нашей подготовки к ней с быстротой роста японских вооруженных сил, приходится сознаться, что мы находимся в состоянии летаргического сна»[48]. Его программа усиления стратегического положения в регионе, была сформулирована под влиянием общения с офицерами Приам. в.о., что объясняло схожесть предложенных им мер с позицией С.М. Духовского. Николаю II эту записку послал великий князь Александр Михайлович, писавший в 1896 г., что «пора и нам принять меры, чтобы к 1903 году быть готовыми ко всяким случайностям»[49].

В теории понимали это и в Военном министерстве. В преамбуле Всеподданнейшего доклада от 28 июля 1895 г. отмечалось: «Вследствие недавнего столкновения между Китаем и Японией, наше положение на азиатском востоке совершенно изменилось. Япония, считавшаяся до ныне страной миролюбивой, незатрагивающей ничьих интересов, оказалась государством воинственным, с многочисленной, хорошо устроенной армией, с сильным флотом, с значительно развитыми культурными средствами ее сорока миллионного населения, и, главное, с такими притязаниями, которые, в ограждение политического положения России, требуют серьезного подготовления средств к противодействию. С другой стороны и Китай,

---

[45] ОР РГБ. Ф. 271. К. 11. Ед. хр. 2. Л. 5–8, 25–29, 47–49.

[46] См., напр.: Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний. М., 2016. С. 130–131; РГВИА. Ф. 846. Оп. 5. Д. 11. Л. 16.

[47] В настоящее время известно 2 сохранившихся экземпляра записки, один (копия № 6) – в ГА РФ, другой (копия № 1) – в РГВИА. Причем если на первом нет Высочайших пометок, то на втором – пометок военного министра А.Н. Куропаткина. ГА РФ. Ф. 543. Оп.1. Д. 173. Л. 1–27; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 86–110. Экземпляр, сохранившийся в ГА РФ, был впервые опубликован И.С. Рыбаченок в: Источник. 1995. № 5. С. 5–14.

[48] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 86–91, 110; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–7, 27.

[49] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. С. 287, 788.

бывший так долго инертным, бездеятельным нашим соседом, конечно вынужден будет, после постигшего его поражения, приступить к радикальному преобразованию своего военного устройства и в будущем будет проявлять уже совершенно иные силы. Таким образом, гарантия почти полного спокойствия, которою мы пользовались до сих пор в восточной Азии, ныне более не существует. Ее заменила вероятность столкновения с несравненно более деятельными и сильнее организованными противниками. Поэтому нельзя казалось бы медлить принятием мер, которые отвечали бы этим новым условия, тем более, что приведение каждой из таких мер в исполнение неизбежно потребует от нас значительного времени»[50].

Поскольку реализация программы А.Н. Корфа была уже завершена, а экстренные меры, принятые в 1895 г. в связи с мобилизацией войск Приам. в.о., носили характер импровизации и не могли сделать его сопоставимым по силе с основным и наиболее вероятным противником, было принято решение о разработке нового плана усиления русских войск в регионе. В Военном министерстве действовали по стандартной схеме. Сначала запросили мнение Командующего войсками Приам. в.о. С.М. Духовского, которое выразилось в стратегической записке[51] и череде телеграмм, полученных в министерстве в мае–июне 1895 г. Их содержание можно свести к 12 основным пунктам: 1. Усиление Владивостокской крепости и ее гарнизона. Для этого переформировать дислоцировавшиеся там 1-й, 5-й и 8-й Вост.-Сиб. лин. батальоны в 2-батальонные креп. полки, усилить креп. артиллерию, сформировать креп. сап. роту, а управление крепости перевести из III во II класс. 2. Усилить полевые войска, образовав 3-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. из 1-го и 8-го Вост.-Сиб. стр., а также 7-го и 10-го Вост.-Сиб. лин. (считая их в качестве стрелковых) батальонов, и 3. Переформировать все 12 находящихся в округе Вост.-Сиб. стр. батальонов (т.е. 1-й–10-й, сведены по 5 в 1-ю и 2-ю Вост.-Сиб. стр. бриг., а также еще 7-й и 9-й Вост.-Сиб. лин. батальоны из состава гарнизона Владивостокской крепости) в 2-батальонные полки. 4. Переместить 2 резервных батальона из Иркутского или Омского в.о. в г. Нерчинск и г. Чита для усиления резервных войск Забайкалья. 5. Увеличить численность полевой артиллерии, «имея при этом ввиду, что местность требует горной артиллерии». Немедленно переформировать две имевшиеся горные полубатареи (при 2-й и 3-й батареях Вост.-Сиб. арт. бриг.) в батареи. 6. Преобразовать все пешие части ЗКВ в конные полки «развив конную казачью силу». 7. Немедленно создать речную казачью флотилию[52] по рекам Амур и Уссури, столь необходимую как для охраны границы от банд хунхузов, постоянно совершающих набеги на русскую территорию из Китая,

---

[50] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1898. Л. 2.

[51] В ней была проанализирована ситуация и намечены общие направления повышения обороноспособности российского Дальнего Востока, в т.ч. сформулирована идея первостепенной важности казачьих войск для защиты границы региона, с необходимостью реформы казачьих войск и выделения им огромных земельных пространств (будущий «отвод Духовского»). Там же. Д. 1908. Л. 1–36.

[52] Там же. Д. 1897. Л. 32–33 об.

так и «для обеспечения жизненной артерии всего края и естественной коммуникационной линии, связывающей Южно-Уссурийский край с Забайкальским»[53]. 8. Заблаговременно подготовить обозную, парковую, интендантскую, госпитальную и инженерную части «с хранением запасов в помещениях вполне обеспеченных от суровых условий здешнего климата и природы». 9. Принять несколько второстепенных мер в отношении о. Сахалин и Николаевска-на-Амуре. 10. Распространить «в непродолжительном времени воинскую повинность на население Приамурского края, в том числе на бурят, тунгусов и других инородцев», но сохранить десятилетнюю льготу переселенцам. «Эта мера со временем в значительной степени облегчит содержание войск в мирное время и их мобилизацию». 11. «Но более всего необходимо усиление внутренних ресурсов нашего пустынного, трудного края помощью усиленной колонизации, поднятия его производительных сил и наискорейшей постройки железной дороги»[54]. 12. Усилить офицерский состав «как в управлениях, так и в самих войсках»[55].

В Главном штабе согласились лишь на часть мер, но запросили первоначальные расчеты единовременных и постоянных расходов на все меры[56]. В дальнейшем расхождения позиций Главного штаба и командования округа, обусловленные, в основном, соображениями финансовой экономии, привели к бурной телеграфной дискуссии между Главным штабом и его Азиатской частью с одной стороны и Д.Г. Духовским с другой. Принятые решения согласовались с Командующими войсками Омск. и Иркут. в.о.[57].

В отличие от С.М. Духовского Главный штаб считал необходимым вместо трех 2-батальонных креп. полков сформировать во Владивостоке один 5-батальоннный креп. полк. Не понравилась и идея пустить на формирование полка 1-й, 5-й и 8-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, а 7-й и 9-й Вост.-Сиб. лин. батальоны переформировать в стрелковые, т.к. при подобном переформировании не оставалось войск для обороны побережья. В столице посчитали, что целесообразнее будет сохранить существующие лин. батальоны с целью возможного их использования для усиления крепости и береговой обороны[58]. На пожелание С.М. Духовского, чтобы предназначенные для развертывания Вост.-Сиб. стр. и лин. батальонов в полки батальоны формировались в Европейской России и прибывали готовыми, ему ответили, что «меры по усилению Приамурского округа, кроме двигаемых уже из Омского округа батальонов, батарей[59] предполагается осуществить не позже 4 лет, путем высылки ежегодно увеличенного числа новобранцев». Осознав, что его программа встретила

---

[53] Там же. Д. 1908. Л. 15.
[54] Там же. Д. 1897. Л. 32–33 об.; Там же. Д. 1908. Л. 15–25 об.
[55] Там же. Д. 1898. Л. 3 об.
[56] Там же. Д. 1897. Л. 34–34 об.
[57] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1897. Л. 32–209, 220–226, 231–233, 241–251.
[58] Там же. Л. 34–34 об., 138–142 об., 185–185 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1898. Л. 2–8 об.
[59] Имеются ввиду 4-й и 8-й Зап.-Сиб. лин. батальоны и 1-я и 4-я батареи Зап.-Сиб. арт. бриг. Там же. Л. 110.

серьезное сопротивление, С.М. Духовской 29 июня 1895 г. запросил: в чем заключаются предложения самого Главного штаба? 2 июля он еще раз обратился в Главный штаб с указанным ходатайством, приводил множество аргументов, указывая на трудность формирования частей на месте и просил «придать особенное значение всегдашней готовности нашей на случай войны, легко могущей здесь вспыхнуть в ближайшие годы внезапно»[60].

5 июля последовало уточнение уже непосредственно от начальника Главного штаба Н.Н. Обручева, что «никаких готовых батальонов из России дать нельзя, почему и развертывание стрелков может быть произведено лишь последовательным усилением их состава на месте», а на следующий день уже начальник Азиатской части Главного штаба А.П. Проценко уведомил, что «при всем желании Главного штаба исполнить усиление войск согласно плану Командующего войсками округа встретились крайние затруднения формированию в Европейской России целых батальонов, полевые войска трогать нельзя, резервные уже заняты новыми формированиями»[61].

В третий раз С.М. Духовской поднял этот вопрос 12 июля, категорически прося о присылке с будущими новобранцами одновременно и офицеров поскольку «нет сил обходиться наличностью офицеров для предстоящих умножающихся требований»[62]. Ответ Н.Н. Обручева был категоричен: «Присылка готовых частей войск невозможна, так как это расстраивает организацию европейских войск. Как в Европе, так и на Амуре, новые части образуются путем постепенного накопления обученных людей из новобранцев, также необходимо поступить и в настоящее время. Ходатайство о своевременной присылке офицеров будет удовлетворено»[63]. Остальные соображения, поступившие с Дальнего Востока, были в основном «приняты во внимание», и уже летом 1895 г. в Главном штабе разработали комплекс мер по усилению военного положения в военных округах Сибири и Дальнего Востока[64], предполагавший:

А. По усилению пехоты.

1) Для формирования Владивостокского креп. полка назначить, как кадр, 8-й Вост.-Сиб. лин. батальон, отправив в 1896 г. из Европейской России 16 рот кадрового состава, которые, вместе с 4-мя ротами этого батальона, образуют 5-батальонный полк 39 рядного состава, который в последующие годы будет доведен до военного состава. «Мера эта, осуществленная в будущем же году, удовлетворит сразу главной потребности края – обороне Владивостока».

2) Развернуть все 10 Вост.-Сиб. стр. батальонов в 2-батальонные стр. полки, оставляя

---

[60] Там же. Д. 1897. Л. 108–108 об., 109, 122, 132–135.
[61] Там же. Л. 142–142 об., 148–148 об., 149–149 об.
[62] Он подчеркивал, что особенности службы в регионе «затрудняли строевое обучение Приамурских войск, особенно же затруднения увеличивались с бывшими в течение последнего пятилетия сверхштатными людьми, назначавшимися для новых частей». Там же. Л. 201–204.
[63] Там же. Л. 205.
[64] Там же. Д. 1898. Л. 2–8 об.

их в составе 2 стр. бригад, по 5 полков в каждой. Переформирование стр. батальонов в полки произвести ежегодным назначением усиленного числа новобранцев в таком размере, чтобы в первые два года (1896 и 1897) формировалось при каждом батальоне по 1 роте, а в 1898 г. образовались 2-батальонные полки, которые в оставшиеся два года будут доведены до штатов военного времени. «Эти 20 батальонов, составляющие и в мирное время компактную массу, могут быть всегда свободно употреблены для активных действий».

3) Образовать из находящихся в Южно-Уссурийском районе 4 лин. батальонов 2-ю Вост.-Сиб. лин. бриг., с управлением в г. Владивостоке и включением в ее состав одного или обоих Зап.-Сиб. лин. батальонов, направляемых в Приамурский военный округ.

4) Довести до военного состава 6-й Вост.-Сиб. лин. батальон и оба Зап.-Сиб. лин. батальона, подобно всем прочим линейным батальонам Приамурского округа.

Б. По усилению кавалерии.

1) Переформировать Приморский 2-сотенный конный дивизион, как регулярную часть, в 6-эскадронный драгунский полк, в результате чего в Уссурийской конной бриг. будет 2 конных полка – один 6-эскадронный драгунский и один 6-сотенный казачий. «Меру эту полагалось бы произвести постепенным доформировнаием дивизиона до состава драгунского полка ежегодным назначением увеличенного числа новобранцев…».

2) Переформировать оба пеших батальона ЗКВ в конные полки, вследствие чего число первоочередных полков войска увеличится с 2 до 4, и образовать одно или два новых управления военных отделов. «Хотя местное начальство ходатайствовало, кроме того, о сформировании вновь 5-го первоочередного полка того же войска, но в виду того, что еще неизвестно хватит ли для сего казачьего населения, полагалось бы одобрить эту меру лишь в принципе, впредь до выяснения возможности ее осуществления».

В. По усилению артиллерии.

1) Усиление артиллерийского вооружения Владивостокской крепости, замена старых орудий, находящихся в устье Амура, орудиями современных систем и образование хотя бы 1 или 2 береговых дальнобойных батарей в зал. Посьета. «Новая табель вооружения Владивостока уже выработана и дело останавливается лишь за неимением готовых орудий».

2) Для усиления во Владивостоке малочисленной прислуги крепостной артиллерии, предлагалось образовать 5-ю и 6-ю Владивостокские креп. арт. роты: 5-ю отправить в 1896 г. из Европейской России, а 6-ю – сформировать впоследствии на месте, путем ежегодного назначения увеличенного числа новобранцев. Для будущих же береговых батарей Посьета сформировать там креп. арт. команду, по штату Николаевской.

3) Образовать по опыту мобилизации 1895 г. во Владивостоке вылазочную батарею.

4) Развернуть уже существовавшие 2 горные полубатареи Вост.-Сиб. арт. бриг.,

каждую в батарею и содержать их наравне с остальными батареями этой бригады, в военном составе. «Батареи Южно-Уссурийского края (4 легкие, 2 мортирных и 2 горных) составят одну артиллерийскую бригаду; направляемые из Омского округа две легкие батареи, вместе с двумя батареями, расположенными на Амуре (в Хабаровске и Благовещенске) составят вторую бригаду и, наконец, следующие из Московского округа две легкие батареи образуют отдельный Забайкальский артиллерийский дивизион».

5) «Принимая во внимание, что ныне в Забайкалье содержатся в мирное время две конных казачьих батареи, а на льготе всего лишь одна батарея […], образовать и вторую льготную казачью батарею, с тем, чтобы впоследствии, когда это, по обстоятельствам, признано будет удобным, устроить и две третье-очередных конных батареи» ЗКВ.

Г. По усилению инженерных войск.

Обратить серьезное внимание и на подготовку Владивостокской крепости «в оборонительном отношении не только с моря, но и с сухого пути, причем возвести Владивостокскую крепость из 3-го класса во 2-й». Поскольку уже было решено разместить в г. Хабаровск доставленный из Европейской России Вост.-Сиб. сап. батальон, в состав которого должна была войти и существовавшая Вост.-Сиб. сап. рота, предлагалось сформировать для Владивостока особую крепостную саперную роту, для чего «обратить в сию роту ныне существующую саперную роту, а пополнение Восточно-Сибирского саперного батальона произвести ежегодным назначением увеличенного числа новобранцев».

Д. По усилению резерва.

Усилить и резервы Приам. в.о. формированием в г. Чита, в Забайкалье, в добавок к Стретенскому резервному батальону, выставляющему в военное время 5 батальонов, еще одного резервного батальона, который бы выставлял, в военное время, еще 5 батальонов, а в мирное время содержался по штату Стретенского резервного батальона.

Е. По усилению управления.

Одновременно с мерами по усилению войск, предполагалось усилить и личный состав Окружных управлений в соответствии с новой численностью войск. Усилить личный состав Окружного штаба образованием второго помощника начальника Окружного штаба, 2 штаб-офицеров для поручений Генерального Штаба, 3 помощников старшего адъютанта, 8 писарей. Усилить Военно-топографический отдел «хотя бы десятью топографами»[65].

После осуществления этих мер численность войск в Приам. в.о. должна была составить: 47 батальонов, 8 рот, 90 эскадронов и сотен и 140 орудий, не считая креп. артиллерии Владивостока и Николаевска-на-Амуре. «Нет сомнения, – докладывал императору Н.Н. Обручев, – что принятие вышеизложенных мер уже даст возможность войскам Приамурского

[65] Там же. Л. 4 об.–6.

округа бодро встретить всякие случайности на Дальнем Востоке и с успехом продержаться до прибытия подкреплений»[66]. Эта же программа предполагала и мероприятия по Сибирским округам, поскольку существовавшая организация резервных войск Иркут. и Омск. в.о. не давала возможности в полной мере воспользоваться численностью запасных в этих округах (до 70 тыс. чел.) – после развертывания имевшихся 2 резервных батальонов Иркут. и 4 Омск. в.о., оставалось еще свыше 25 тыс. запасных. Чтобы в военное время можно было использовать и их предполагалось:

1) При всех 6 резервных батальонах этих округов образовать кадры для запасных батальонов, чтобы резервные батальоны развивали, кроме 6 4-батальонных полков и стольких же отдельных батальонов, еще каждый по одному запасному батальону, для несения местной караульной службы и подготовки укомплектования. Это давало от каждого резервного батальона 5 батальонов, которые «могут быть назначены для подкрепления в Приамурский округ, или куда потребуется». Добавить также и неприкосновенные запасы на 6 предположенных батальонов, обоз для полков и батальонов, предназначенных к наступлению.

2) Переформировать Барнаульскую местную команду (500 нижних чинов), в резервный батальон по штату Томского батальона, с запасным кадром и обозом для 5 батальонов.

3) Для усиления артиллерии образовать в Омск. в.о. 2 резервных батареи, которые разворачивались бы в военное время в 2 арт. бриг., расположив их «в пункте наиболее близком к богатой пригодным для артиллерии коневым составом Томской губернии. Мера эта явится заменою возникавшего прежде предположения о сформировании двух резервных батарей в Забайкалье».

4) Упразднить Зап.-Сиб. конно-горную батарею, передав материальную часть в Туркестанский в.о.

5) «Озабочиваясь дальнейшим развитием резервов, которые могут быть выставлены, без особенного обременения населения, одними азиатскими военными округами, не трогая Европейскую Россию», переформировать 5 из Туркестанских лин. батальонов в резервные, чтобы «исчерпать по возможности средства, предоставляемые местностями азиатскими для азиатских же потребностей». В Главном штабе полагали, что это «в значительной степени обеспечит нас от расстройства европейских наших сил, в случае возникновения осложнений, для разрешения коих не будет надобности в развитии значительных военных средств»[67]. Кроме того, Военное министерство «сознавая всю важность изучения, еще в мирное время, вооруженных сил соседних государств, а также вероятных театров войны, полагало бы принять меры к тщательному изучению Китая, Японии и Кореи, где мы содержим ныне всего

---

[66] Там же. Л. 6 об.
[67] Там же. Л. 6 об.–7 об.

одного военного агента, живущего в Тянь-цзине и посещающего Японию раз в год»[68].

В финансовой части доклада отмечалось, что в прилагаемых ведомостях показаны еще и расходы на уже принятые и Высочайше разрешенные меры, требующие около 3,5 млн руб. единовременных затрат[69] и затем более 900 тыс. руб. – ежегодных. Эти затраты в 1895 г. производились из экстраординарного кредита в 10 млн руб., отпущенного на расходы вызванные Японо-китайской войной 1894–1895 гг., а с 1896 г. должны были покрываться из «дополнительного кредита к нормальному бюджету Военного Министерства». На остальные меры, в случае утверждения доклада, требовалось единовременное ассигнование около 9 млн руб. и 6,5 млн руб. на строительство помещений для формируемых войск, и ежегодное – около 3,25 млн руб. С учетом рассрочки по годам, получалось что в 1895 г. военному ведомству требовалось еще около 900 тыс. руб. на запланированные меры и 500 тыс. руб. «в аванс на заготовление материалов для построек будущего года», т.е. всего 1,4 млн руб.[70].

Таблица 1

Расчеты финансовых затрат, необходимых на реализацию мер по усилению Сибирских военных округов предусмотренных всеподданнейшим докладом по Главному штабу № 19 от 28 июля 1895 г.

Год	Затраты (руб.)		
	Единовременные	Ежегодные	Всего
1896	7.164.661	2.194.844	9.359.505
1897	4.483.950	2.817.140	7.301.090
1898	4.406.573	3.732.637	8.139.210
1899	811.238	3.837.340	4.648.578
1900	882.045	4.227.787	5.109.832
Итого	17.748.467	16.809.748	34.558.215

Ист.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1899. Л. 253.

По финансовым соображениям усиление войск тыловых Омск. и Иркут. в.о. решили рассрочить на 3–5 лет[71], а передового Приам. в.о. – начать «безотлагательно», приступив к реализации мер намеченных на 1896 г. еще летом 1895 г. Необходимо было сделать распределение новобранцев по новому составу войск, обеспечить формируемые части казармами и всеми видами довольствия[72]. К «безотлагательным» мерам планируемым на 1896 г. отнесли: формирование Владивостокского креп. полка, 5-й Владивостокской креп. арт. роты, Владивостокской креп. сап. роты и Читинского резервного батальона ЗКВ, переформирование

---

[68] Там же. Л. 7 об.

[69] Не считая расходов по другим Главным Управлениям, примерно в сумме около 2,5 млн руб. на пополнение материальной части и запасов продовольствия, что вместе с указанными 3,5 млн руб. составляло уже 6 млн руб. Там же. Эти меры были просто вставлены в доклад как сводный документ. Там же. Л. 8.

[70] Там же. Л. 8.

[71] Там же. Л. 7 об.–8.

[72] Там же. Д. 1899. Л. 159–159 об.

двух горных полубатарей – в батареи, отправку на Дальний Восток усиленного числа новобранцев, обеспечение формируемых частей необходимым довольствием и возведение для них казарм[73]. К докладу прилагался примерный график реализации в 1896–1900 гг. предположенных мер и финансовые расчеты[74] (См. Таблица 1).

Трудность заключалась в том, что всеподданнейший доклад о преобразовании войск был представлен Н.Н. Обручевым Николаю II 29 июля, в то время как министр финансов С.Ю. Витте 28 июля уже отправился в 2-месячный отпуск, что делало невозможным согласование всех расходов ранее октября. Тогда Н.Н. Обручев доложил императору, что «насущнейшие из сих потребностей могли бы, в ожидании предстоящего осенью соглашения между Министрами, быть удовлетворены из остающихся еще свободными средств 10-миллионного кредита, уже ассигнованного Военному Министерству на вызванные Китайско-Японской войной надобности». Точно определить сумму военные тогда не смогли, но по прикидкам, от кредита в 10 млн руб. должно было остаться примерно 2,5–3 млн руб. Николай II утвердил и план[75], к реализации которого преступили немедленно. В тот же день Н.Н. Обручев телеграфировал С.М. Духовскому, что сообщенные ему ранее соображения Главного штаба о развитии войск округа одобрены императором. Поэтому следовало немедленно распорядиться о подготовке помещений для новых частей. Телеграмма заканчивалась фразой: «В деньгах не будет затруднения, лишь бы справились с организацией работ»[76].

По возвращении, С.Ю. Витте, 1 октября 1895 г. заверил П.С. Ванновского в понимании необходимости срочного усиления войск и сообщил, что «не встретит препятствий к совместному с ним испрошению Высочайшего соизволения на внесения необходимых на усиление войск сумм в сметы» начиная с 1897 г. (!), только если… запрошенные военными расходы будут уменьшены: единовременные – на 4,3 млн руб. и постоянные – на 1.028.000 руб. Последующие финансовые баталии завершили компромиссом только к 17 ноября 1895 г., когда был Высочайше утвержден совместный всеподданнейший доклад министров военного и финансов, которым, для реализации указанных предположений, испрашивались ежегодные добавки к предельному бюджету Военного министерства в 1896, 1897 и 1898 гг. по 7 млн руб. (на 1896 г. – 4 млн по докладу и еще 3 – остатком от чрезвычайного кредита в 10.955.000 руб.[77], ассигнованного в 1895 г. из особых ресурсов Государственного Казначейства), а в 1899 и 1900 гг. – по 6 млн. руб., т.е. всего 33 млн. руб., а также на покрытие новых постоянных

---

[73] Там же. Д. 1898. Л. 8–7 об., 78; Там же. Д. 1899. Л. 219.
[74] Там же. Д. 1898. Л. 10–18 об.; Там же. Д. 1899. Л. 253
[75] Там же. Л. 159 об.–160 об.
[76] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1898. Л. 1, 20.
[77] Там же. Д. 1899. Л. 2–3 об., 12 об–13, 154–191, 277. В литературе также приводится цифра 10.995.000 руб. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 790.

расходов – по 4 млн руб. в год, начиная с 1901 г.[78].

Таким образом, полгода было потеряно на согласование только финансовой стороны вопроса. Итоговый комплекс мероприятий был утвержден императором, с предоставлением военному министру права «делать в нем изменения и к нему дополнения, вызываемые обстоятельствами», только 30 декабря 1895 г.[79], причем представлял собой не комплекс новых мер, а единый свод уже одобренных императором и частично реализуемых разрозненных мероприятий, лишь отчасти дополненный несколькими новыми мерами и согласованный с министром финансов. В целом, он предусматривал:

1. Усилить полевую и резервную пехоту Приам. в.о. переформированием 10 Вост.-Сиб. стр. батальонов в 2-батальонные полки, сформированием Владивостокского креп. пех. полка и Читинского резервного батальона и доведением 6-го Вост.-Сиб. лин. батальона, а также переводимых в Приам. в.о. 4-го и 8-го Зап.-Сиб. лин. батальонов до штатов военного времени, со включением двух последних батальонов одного в 1-ю, а другого в создаваемую 2-ю[80] Вост.-Сиб. лин. бригады.

2. Усилить кавалерию округа переформированием Приморского конного дивизиона в драгунский полк, переформированием обоих пеших Забайкальских казачьих батальонов в конные полки[81] и сформированием вновь 5-го первоочередного Забайкальского конного полка, причем последняя мера «была одобрена лишь в принципе, так как не существовало уверенности в том, что для исполнения сего хватит казачьего населения, а также образованием двух новых управлений казачьих военных отделов».

3. Увеличить в округе артиллерию, путем усиления арт. вооружения Владивостокской крепости, заменой старых орудий, находящихся в устье р. Амур, орудиями новых систем, образованием одной или двух береговых батарей в зал. Посьета, формированием 5-й и 6-й Владивостокских креп. арт. рот и Посьетской креп. арт. команды, устройством во Владивостоке вылазочной батареи, переформированием двух горных полубатарей в батареи, доведением переводимых в Приам. в.о. двух Западно-Сибирских батарей до военного состава и сформированием одной льготной конной батареи ЗКВ.

4. Усилить инженерную оборону Владивостокской крепости с моря и с суши, перечислив ее из 3-го во 2-й класс и сформировать Владивостокскую креп. сап. роту.

5. Усилить личный состав Окружного штаба и Военно-топографического отдела.

6. Увеличить в остальных азиатских военных округах численность выставляемых ими

---

[78] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1899. Л. 250–251, 253–255; Там же. Д. 1900. Л. 3.
[79] Там же. Д. 1900. Л. 2–3 об.
[80] Во 2-ю Вост.-Сиб. лин. бриг. предполагалось свести квартирующие в Южно-Уссурийском крае четыре (1-й, 5-й, 7-й и 9-й) Вост.-Сиб. лин. батальона.
[81] Предполагалось производить постепенно. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1899. Л. 286 об.; Там же. Д. 1900. Л. 173–175, 181–181 об.; Там же. Д. 1901. Л. 19–26; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. 3. С. 253–257; Подробнее см.: Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 253–257.

резервов, добавлением к резервным батальона Иркут. и Омск. в.о. кадров запасных батальонов, переформированием Барнаульской местной команды в резервный батальон, сформированием в Омск. в.о. 2 резервных батарей и переформированием 5-ти Туркестанских лин. батальонов в кадровые.

7) Принять меры к тщательному изучению Китая, Японии и Кореи путем развития военной агентуры в сих странах[82].

Еще перед первым Высочайшим утверждением этих мер 29 июля 1895 г. были составлены «примерные соображения о порядке и способах приведения их в исполнение» и предварительные финансовые расчеты с распределением необходимых кредитов на 1896–1900 гг. Некоторые меры, «за невыяснением обстоятельств, не были тогда распределены погодно». К 30 декабря выяснились не только эти обстоятельства, но и необходимость сформировать еще 2 минные роты малого состава для минной обороны устьев р. Амур и зал. Посьета, ввести в план кредиты на устройство парковой и военно-санитарной частей, а также на содержание создаваемых управлений – Вост.-Сиб. арт. бриг. и Хабаровского воинского начальника, на усиление Приамурского окружного арт. управления. «Вместе с сим оказалось, что к сформированию 5-го Забайкальского конного казачьего полка действительно представляются серьезные препятствия, почему необходимый для сего кредит был исключен из плана на предстоящее пятилетие…»[83]. К этому времени министерства Военное и Финансов окончательно согласовали все необходимые расходы[84] (См. Таблицы 2, 3).

Получившуюся экономию в 351.013 руб. предполагалось использовать на заведение имущества для врачебных заведений военного времени[85]. Все финансирование программы усиления сибирских войск шло за счет средств, отпускаемых сверх предельного бюджета Военного министерства[86].

Военный министр полагал приводить эти меры в исполнение постепенно, не выходя из определенного графика и финансового лимита[87]. После осуществления плана численность войск в Приам. в.о. должна была составить: 57 батальонов, 10 рот, 2 команды, 90 эскадронов и сотен и 19 батарей или 140 орудий, не считая крепостной артиллерии Владивостока и

---

[82] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1900. Л. 2–2 об. Последней цели до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. достигнуть так и не удалось. Подробнее см.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 93–94, 102, 131–132, 134–135, 141–145; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 15–39, 56–71.

[83] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1900. Л. 2 об.

[84] Там же. Л. 3.

[85] Там же. Л. 3.

[86] Там же. Д. 1899.Л. 161–191. Из этих сумм 3 млн руб. предназначались на усиление инженерной обороны тихоокеанского побережья (крепость Владивосток, укрепление западного побережья Амурского залива у зал. Посьета и бух. Славянка, укрепления на р. Амур), но отпускались они тоже постепенно: в 1896 г. – 800 тыс. руб., в 1897 г. – 600 тыс., 1898 г. – 470 тыс., 1899 г. – 645 тыс., 1900 г. – 485 тыс. руб. Сверх этого, в инженерной смете был предусмотрен ежегодный отпуск 150 тыс. руб. (т.е. 750 тыс. руб. за 5 лет) на крепостные работы во Владивостоке. Всего же на инженерную подготовку Дальневосточного ТВД отпускалось 3.750.000 руб. Там же. Л. 97–97 об., 166; Там же. Д. 1908. Л. 65–66 об.

[87] Там же. Д. 1900. Л. 3 об.

Николаевска-на-Амуре. Из них в Уссурийском крае: 31 батальон, 9 рот, 1 команда, 14 эскадронов и сотен и 9 батарей; на р. Амур: 6 батальонов, 1 рота, 1 команда, 16 сотен и 4 батареи, и в Забайкалье (с учетом перебрасываемых туда в военное время из Иркут. в.о. 10 резервных батальонов): 20 батальонов, 60 сотен и 6 батарей[88].

Таблица 2

Расчеты финансовых затрат, необходимых на реализацию мер по усилению обороноспособности российского Дальнего Востока предусмотренных всеподданнейшим докладом по Главному штабу № 36 от 30 декабря 1895 г.

Год	Требовалось по предварительным расчетам с последующими добавками (руб.)	Отпущено средств (руб.)	Ныне требуется (руб.)
1896	9.359.505	7.000.000	6.996.238
1897	7.301.090	7.000.000	6.995.760
1898	8.139.210	7.000.000	6.995.770
1899	4.648.578	6.000.000	5.998.814
1900	5.109.832	6.000.000	5.662.405
Итого	34.558.215	33.000.000	32.648.987

Ист.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1900. Л. 3.

Таблица 3

Единовременные и постоянные расходы необходимые на реализацию мер усилению обороноспособности российского Дальнего Востока предусмотренных всеподданнейшим докладом по Главному штабу № 36 от 30 декабря 1895 г.

Год	Расходы (руб.)		
	Единовременные	Ежегодные	Всего
1896	4.861.668	2.134.570	6.996.238
1897	4.352.397	2.643.363	6.995.760
1898	3.600.502	3.395.268	6.995.770
1899	2.342.904	3.655.910	5.998.814
1900	1.679.996	3.982.409	5.662.405
Итого	16.837.467	15.811.520	32.648.987

Ист.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1899. Л. 293.

11 января 1896 г. в столице состоялось Особое совещание из представителей Главного штаба, Главного инженерного управления и командования Приам. в.о. при личном участии С.М. Духовского. Председательствовал Н.Н. Обручев. Рассмотрев соображения инженерного ведомства, решили направить 3.345.000 руб. на укрепление Владивостока, оборону зал. Посьета и устья р. Амур и 405 тыс. руб. оставить на непредвиденные расходы. При

[88] Там же. Д. 1899. Л. 211–212 об.

обсуждении вопроса об артиллерийском вооружении Владивостокской крепости было установлено, что для снабжения крепости недостающими орудиями с комплектами снарядов и на заготовление всех необходимых для стрельбы приборов, необходимо около 6 млн руб., а выделили всего 2 млн. Получить недостающую сумму можно было либо представив в Министерство финансов ходатайство об ассигновании еще 4 млн, но оно было обречено, либо приостановив заготовление для крепостей Европейской России, что признали недопустимым ввиду первостепенного значения Европейского ТВД. В итоге совещание постановило ограничиться имеющейся суммой «впредь до наступления более благоприятного времени»[89].

Главными недостатками всего плана были его минимализм и длительность[90]. Рассчитанный на 5 лет он явно не успевал за изменением обстановки в регионе, военными приготовлениями потенциальных противников и внешнеполитическими авантюрами в которые начал ввязываться на Дальнем Востоке Николай II. Сложности были и с его реализацией, поскольку исполняли не план целиком, а предусмотренные им меры по отдельности. Несмотря на Высочайшее утверждение плана в целом, ряд вошедших в него мер был утвержден Николаем II еще в 1895 г. а некоторые и раньше, т.е. до окончания работы над планом, в который их впоследствии просто включили. При этом, поскольку далеко не все предложения С.М. Духовского были приняты, некоторые приняты, но затем отложены, а план в целом представлял собой лишь наинеобходимейшие меры, отражавшие восприятие потенциальных противников по состоянию на осень 1895 г., С.М. Духовской и после утверждения плана продолжал направлять в столицу различные ходатайства, причем некоторые напрямую императору. Если последний накладывал одобрительную резолюцию, то мера уже считалась утвержденной и подлежала исполнению, что приводило к еще большей дезорганизации на всех уровнях. Впрочем, это был вообще единственный, после программы А.Н. Корфа, комплексный план, который не только начали реализовывать, но даже приводили в жизнь целых два года подряд, в 1896 и 1897. Все последующие планы, которые успели принять до Русско-японской войны, начинали пересматривать, дополнять и перерабатывать в течение максимум полугода после Высочайшего утверждения. Причины каждый раз были разные, а результат всегда один – более-менее проработанный план переставал существовать и функционировать как единое целое, превращаясь в набор мер, каждая из которых обсуждалась, реализовывалась, отменялась или дополнялась независимо от других.

Начало реализации этого плана пришлось на 1896 г.[91] За этот год в войска округа прибыло 10.168 новобранцев, из которых 5.877 пошли на укомплектование существовавших

---

[89] Там же. Д. 1908. Л. 65–66 об.; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 295–296, 790.
[90] Отмечал и начальник канцелярии Военного министерства П.Л. Лобко. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1899. Л. 43.
[91] Процесс подробно описан в: Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 296–298. Подробнее динамику роста численности штатного и списочного составов русских войск на Дальнем Востоке см.: Прил. 3.

частей войск и управлений и 4.291 на формирование новых частей. Из общего числа новобранцев 9.420 было перевезено на судах Добровольного флота, 748 сухопутно через Сибирь[92]. Уже в августе 1896 г. С.М. Духовской докладывал в Главный штаб, что в округе имелись: 31 батальон, 8 рот, 2 сотни, 1 команда и 108 орудий (не считая Уссурийского ж.д. батальона, а также Владивостокской и Амурской креп. минных рот), т.е. всего 32.563 чел. Полевых войск как таковых было 26.368 чел., а с учетом казаков (11.464 чел.), 9 местных команд (4 – на о-ве Сахалине) и 4 запасных батальонов (2 – стр. и 2 – лин.) всего выходило 47.093 чел. Несколько позднее к ним могли присоединиться 8 резервных батальонов из Иркут. и 4 резервных батальона из Омск. в.о., что составляло еще 10.908 чел.[93].

При этом за прошедший 1896 г. весь Высочайше утвержденный 30 декабря 1895 г. план на 1896–1900 гг. перестал соответствовать складывавшейся в регионе ситуации. Проработка основных положений плана происходила еще до решения вопроса о «спрямлении» Транссиба через территорию Китая, о чем при императоре Александре III не могло быть и речи – он был категорически против прокладки части стратегической железной дороги по чужой территории, о чем С.М. Духовской прекрасно знал. Однако С.Ю. Витте своей идеи 1892 г. не оставил, Александр III умер, а на трон взошел Николай II. В результате к концу 1895 г. министр финансов решил настаивать на наиболее радикальном «южном» направлении КВЖД – от Читы до Владивостока. 18 ноября 1895 г. глава МИДа А.Б. Лобанов-Ростовский поддержал идею С.Ю. Витте о необходимости немедленного начала переговоров с Китаем о получении «частной компанией» концессии на 80 лет для строительства этой дороги, а 21 ноября Николай II доклад министра утвердил[94]. Для С.М. Духовского эта новость стала громом среди ясного неба. С военной точки зрения строительство единственной стратегической железной дороги, соединяющей дальневосточные владения империи с европейскими по территории потенциального противника, каковым Китай проходил по всем военным планам с 1879 г., в зоне возможного сосредоточения и последующих операций армии наиболее вероятного противника – Японии, и на условиях, полностью исключавших возможность военной охраны дороги, было катастрофой. В штабе Приам. в.о. понимали, что с военной т.з. есть только два варианта решения проблемы: строить дорогу по первоначальному плану или присоединять к России Северную Маньчжурию, причем не потому, что она нужна, а потому, что по ней проложили стратегическую магистраль[95].

---

[92] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 2 об. Впрочем, при сравнении, по данным на 1 января 1896 г., наличного состава со штатным, оказывается, что в войсках округа был некомплект: в 270 штаб- и обер-офицеров, 10.125 нижних чинов, при сверхкомплекте классных чиновников в 32 чел. Там же. Л. 1–1 об.

[93] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 296–297, 791.

[94] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 83–84, 98–99.

[95] Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. 1931. № 65–66. С. 24–25; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовскаго, 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 16–17.

Пока русский посланник в Китае А.П. Кассини вел переговоры, С.М. Духовской представил Николаю II через министра иностранных дел 11 января 1896 г. записку, в которой в максимально осторожной форме ставил беспокоившие его вопросы и предлагал более безопасные для империи варианты железнодорожных авантюр в Китае[96]. Причем еще не зная, что Амурскую линию вообще строить не будут. Он констатировал, что относительно линии в Маньчжурии «не видно подробностей, гарантирующих наши строительные работы и впоследствии защиту пути». Проект концессии казался ему очень рискованным. В случае новой японо-китайской войны Россия вынуждена будет помогать слабому Китаю без очевидной выгоды для себя, а «если же поколеблются дружеские отношения России с Китаем, последнему представится много шансов прервать деятельность железной дороги»[97]. Прогноз С.М. Духовского сбылся уже через 4 года, когда в результате Боксерского восстания 1900 г., КВЖД пришлось строить заново, т.к. шпалы были сожжены, рельсы – украдены, а насыпи и технические сооружения – частично разрушены[98], что свело на нет «экономические преимущества» С.Ю. Витте.

Духовскй полагал, что проблему следовало обсудить со всеми заинтересованными ведомствами, в том числе и военным, поскольку «на Приамурский округ ляжет в значительной степени содействие этому крупному делу и ответственность за благополучный исход его», причем «в основание обсуждения должны быть положены данные о современном состоянии наших сил и средств в Приамурье и о положении вообще дел на Дальнем Востоке». Обстановку он считал тревожной, силы и средства, по опыту мобилизации 1895 г. – недостаточными, роль дипломатов – огромной, а средства предосторожности – настоятельно необходимыми. Ключевых вопросов связанных с КВЖД по мнению С.М. Духовского было два и в ответах на них он диаметрально расходился с С.Ю. Витте и царем[99], не веря ни в возможность нормально защитить железнодорожную линию в Маньчжурии хотя бы от банд хунхузов[100], ни в экономию от спрямления дороги, ни в правильность решения отказаться от строительства Амурской линии. Зато прекрасно понимал, что при такой внешнеполитической

---

[96] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4948. Л. 1. Копия записки направленной С.М. Духовским в Главный штаб для представления военному министру П.С. Ванновскому (Там же. Л. 2–12 об.). Текст записки направленной С.Ю. Витте был опубликован в советское время: Записка Приамурского генерал-губернатора Духовского. 11 января 1896 г. // КА. 1932. № 3(52). С. 83–91.

[97] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4948. Л. 2–3 об.

[98] Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Т. 1. 1896–1923. Харбин, 1923. С. 199–219.

[99] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4948. Л. 2 об.–3 об., 5 об.–8 об.

[100] О том, насколько он был прав в вопросе охраны дороги свидетельствует факт достаточно быстрого создания Охранной стражи КВЖД. Подробнее об ней см.: Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги… С. 503–522; Вишняков О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века (начало) // Воен.-ист. журнал. 2007. № 1. С. 55–57; Он же. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века (окончание) // Воен.-ист. журнал. 2007. № 2. С. 51–53; Он же. Деятельность Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке. Дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 248 с.

линии и обстановке войска Приам. в.о. настоятельно необходимо усиливать и дальше[101].

В ответной записке от 31 марта того же года С.Ю. Витте[102] просто проигнорировал все доводы С.М. Духовского о проблеме обеспечения безопасности стратегической железной дороги на территории сопредельного государства, куда к тому же нельзя вводить войска для ее охраны, лишь повторив очевидное: по КВЖД можно будет перебрасывать войска[103], вопрос об условиях «обеспечивающих охрану Маньчжурской линии во время постройки и эксплуатации, может быть окончательно выяснен лишь по получении подробных результатов изысканий на месте»[104]. И в Приам. в.о., и в Петербурге, вплоть до министерского уровня, многие понимали необходимость строить дорогу по собственной территории, однако продавить эту точку зрения при сильных позициях С.Ю. Витте не смогли. В результате и железную, и колесную дорогу пришлось все-таки провести и по собственной территории, однако уже после Китайский поход 1900–1901 гг. и Русско-японская война 1904–1905 гг.[105].

В следующем, 1897 г., несмотря на резко изменившуюся обстановку в регионе, плана на 1896–1900 гг. еще продолжали придерживаться. Поэтому переформирований войск в округе было очень мало. В войска округа прибыли 11.861 новобранец, из которых 7.806 были перевезены на судах Добровольного флота и 4.055 прибыли сухопутно. К 1 января 1898 г. в округе по прежнему был некомплект в 10.429 нижних чинов и 269 штаб- и обер-офицеров[106]. Важнейшей же из принятых в 1897 г. социальных мер, направленных на стимулирование притока в Приам. в.о. офицеров и их продолжительную службу в нем, стало введение особых пенсий за службу в Приморской и Амурской областях, назначаемых должностным лицам гражданского, военного и морского ведомств[107].

Всю вторую половину 1897 г. продолжались проработка и утверждение нормативно-правовой базы переформирований, предположенных на следующий год. Поскольку Высочайшим повелением от 13 сентября 1897 г. подвижной полупарк Восточной Сибири был ликвидирован[108], 3 июня 1897 г. Николай II утвердил положение Военного совета, по которому для обеспечения войск Приам. в.о. боевыми припасами к 1 января 1898 г.

---

[101] «На первом плане в числе подобных мер представляется командирование теперь же из Европейской России, примерно на 4 года, бригады пехоты из восьми батальонов военного состава на Забайкальскую железную дорогу, с тем чтобы войска […] лишь только потребуется, могли бы выступить боевой силой». РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4948. Л. 10–11.

[102] Копия 2-й части записки сохранилась в делах Главного штаба (Там же. Л. 13–23 об.). Текст 2-й части записки был опубликован в советское время: Записка министра финансов С.Ю. Витте. 31 марта 1896 г. // КА. 1932. № 3 (52). С. 91–102.

[103] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4948. Л. 13–13 об.

[104] Там же. Л. 13 об.–23 об.

[105] Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания… С. 194.

[106] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 1а–2 об.

[107] Высочайше утвержденное 17 февраля 1897 г. мнение Государственного Совета о дополнении и изменении правил, касающихся особых преимуществ службы в областях Амурской и Приморской, а также на острове Сахалине // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 13741.

[108] Высочайше утвержденное 13 сентября 1897 г. положение Военного Совета об изменении штатов окружных арт. складов Приам. в.о., об учреждении в названном округе окружной арт. мастерской и об упразднении подвижного полупарка Восточной Сибири // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 14521.

формировались 1-й и 2-й Вост.-Сиб. летучие арт. парки. В военное время они разворачивались в 1-ю и 2-ю Вост.-Сиб. летучие парковые арт. бриг.: 1-я в составе 4-х парков и 2-я – в составе 3-х парков. Парки в бригадах должны были именоваться 1, 2 и 3-м летучими парками 1-й Вост.-Сиб. летучей парковой арт. бриг., а 4-й горный парк – горным летучим парком 1-й Вост.-Сиб. летучей парковой арт. бриг. и т.д.[109]. Для нужд Уссурийской железной дороги собирались сформировать еще 2 роты военного состава в 1-м Уссурийском ж.д. батальоне[110].

К 1 января 1898 г. в Приам. в.о. было всего 42 батальона, 7 рот, 25 конных сотен, 14 пеших и 2 конных батареи, 25 команд и 1,5 арт. парков[111]. Всего во всех войсках было 60 тыс. чел. при 108 пеших и 18 конных орудиях, а считая только полевые войска – 56.200 чел. Получалось, что с весны 1894 г. по начало 1898 г. усиление регулярных войск округа свелось к увеличению числа лин. батальонов на 2, резервных батальонов – в мирное время на 1, в военное время – на 5, конницы на 1 сотню, креп. арт. – на 2 роты, числа орудий – на 52. Были сформированы также: 1 креп. полк (5-батальонный), 1 ж.д. и 1 сап. батальоны и 2 минные роты. Состав казачьих войск в мирное время был усилен на 23 сотни, но зато сократилось число пеших батальонов[112].

Это увеличение считали недостаточным в штабе Приам. в.о., в Главном штабе[113], а также военный агент в Японии Н.И. Янжул[114]. При этом с осени 1896 г. по весну 1898 г. разворачивалась деятельность русских военных инструкторов и финансового советника в Корее[115], под влиянием чего в Японии было принято решение втрое расширить программу вооружений, ассигновав громадные суммы на дальнейшее усиление армии и флота[116]. В русском Военном министерстве постепенно свыклись с мыслью, что по ее реализации Япония будет иметь более 200 тыс. штыков и сабель, а русские войска на Дальнем Востоке по реализации текущих планов к концу 1900 г. – только 60 тыс., на которые ложилась еще и новая задача – защита КВЖД в случае начала войны. Поэтому было решено снова обсудить возможные меры по обеспечению безопасности дальневосточных территорий. Грядущий 1898 г. был последним годом действовавшего предельного бюджета Военного министерства, поэтому предстояло выработать весь комплекс мероприятий по повышению

---

[109] Высочайше утвержденное 3 июня 1897 г. положение Военного Совета о сформировании 1-го и 2-го Вост.-Сиб. летучих арт. парков и приложенные штаты // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 14266.

[110] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1901. Л. 104–111; Высочайше повеление 23 декабря 1897 г., объявленное управляющим Военным министерством, об усилении состава 1-го Уссурийского ж.д. батальона двумя новыми ротами военного состава // ПСЗ РИ III. Т. 17. № 14813.

[111] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 1а.

[112] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 297–298.

[113] Там же. С. 298, 791.

[114] РГВИА. Ф. 846. Оп. 5. Д. 11. Л. 16–16 об.

[115] Подробнее см.: Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. С. 138–165; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 42–43; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 139–161; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 251–268; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд. М., 2004. С. 231–306; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897. М.:, 2004. С. 198–211.

[116] Fifty years of new Japan. Completed by Count Shigenobu Okuma. Vol. I. London, 1909. P. 215–217, 230.

обороноспособности империи на грядущее 5-летие. 12 марта 1897 г. П.С. Ванновский приказал всем Главным управлениям министерства немедленно приступить к подготовке плана мероприятий на 1899–1903 гг. Работы велись одновременно в центре и в штабе Приам. в.о., исходя из существовавших дальневосточных границ империи, внезапного изменения которых никто не ожидал. Поэтому С.М. Духовского более всего беспокоил вопрос обороны Южно-Уссурийского края и усиления Владивостокской крепости, в которой, по его мнению, нельзя было иметь меньше 12 пех. батальонов, а по факту наличествовало всего 7[117].

24 апреля 1897 г. он напоминал начальнику Главного штаба о своем ходатайстве еще 1895 г.: «Необходимо одновременно с ускорением работ по Владивостокским укреплениям усилить и гарнизон крепости… В виду замены Сибирской дороги Китайской и успешно начатых усилений японской армии положение наше рискованно…» и предлагал ряд мер для включения в 5-летний план. П.С. Ванновский отнесся как к этой телеграмме, так и к переданной ему министром иностранных дел М.Н. Муравьевым депеше российского посланника в Японии барона Р.Р. Розена о невозможности для России вести действия против Японии в Корее имевшимися силами вполне равнодушно, посчитав, что реализуемых по плану 1895 г. мер на 1896–1900 гг. достаточно, а в составленном на 1899–1903 гг. (следующее 5-летие) проекте плана усиления войск Приам. в.о. ничего менять не надо, поскольку размер этого усиления все равно будет определяться не планом, а отпущенными финансовыми средствами[118]. Сменивший его 1 января 1898 г. на посту военного министра А.Н. Куропаткин видел основную угрозу не в Японии на востоке, а в Германии и Австро-Венгрии на западе[119], поэтому с легкостью присоединился к мнению своего предшественника, написав 12 января 1898 г. М.Н. Муравьеву, что для успеха возможной борьбы с Японией он признавал бы необходимым скорейшее окончание Великого Сибирского железнодорожного пути[120].

Не особо надеясь убедить Главный штаб и военного министра, С.М. Духовской в конце 1897 г. подал уже напрямую императору записку, в которой, анализируя внешнеполитический расклад на Дальнем Востоке, докладывал не только о достижениях, но и о проблемах округа[121]; изложил ряд неотложных мер общего характера, необходимых для повышения обороноспособности российского Дальнего Востока, такие как создание в Маньчжурии особого органа для координации на месте деятельности всех ведомств имеющих отношение к строительству КВЖД[122], необходимость «неотлагательного устройства сухопутного,

---

[117] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 299–300, 791.
[118] Там же. Т. 1. С. 300–301, 791–792.
[119] Подробнее о противоречиях во взглядах А.Н. Куропаткина на внешнюю политику и угрозы см.: Субботин Ю.Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армии и флот в геополитических интересах России. М., 2019. С. 145–168.
[120] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 300, 792.
[121] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 1–17.
[122] Это место Николай II отчеркнул и наложил резолюцию: «Следует всесторонне обсудить». Там же. Л. 6

непрерывно круглый год действующего сообщения, в виде повозочной дороги от Стретенска до Хабаровска»[123], развить начатое усиление УКВ с распространением той же меры на АКВ[124], «не только создание местной военной силы помощью введения среди оседлого населения Амурского и Уссурийского края общей воинской повинности, но и привлечение к этой же повинности в соответствующей форме нашего бурятского и тунгусского населения», усилить средства округа «производить заграничные командировки своих агентов военного ведомства»[125], а также решить, наконец, проблему постоянно сбоившего телеграфа[126]. После этого он сформулировал «ближайшие необходимые усиления войск»[127]. Уловка С.М. Духовского сработала. Николай II подчеркнул половину седьмого пункта и наложил напротив него резолюцию: «Обратить на все 7 пунктов самое серьезное внимание. Я их одобряю»[128]. Это создало заметные трудности новому военному министру А.Н. Куропаткину.

Проработка мер началась в феврале 1898 г., а С.М. Духовского поставили в известность о Высочайших резолюциях[129]. В дальнейшем оказалось, что по мнению С.Ю. Витте «в виду будущего окончания формирования охранной стражи, нет основания предвидеть для Китайской Восточной железной дороги нужду в военной помощи регулярных сил», поэтому необходимости в создании в Маньчжурии особого органа для координации действий различных ведомств С.Ю. Витте он видел[130]. Вопрос о строительстве колесной дороги от Стретенска до Хабаровска уже был передан в подготовительную комиссию Комитета Сибирской железной дороги «для обсуждения», а предложенные С.М. Духовским 7 пунктов «ближайшее необходимых» усилений войск и расчеты по ним – внесены Главным штабом «в план формирований на будущее пятилетие», а по последнему пункту Главное

---

[123] Напротив этого места резолюция Николая II: «Да», а слова «весьма важный вопрос» в тексте подчеркнуты. Там же. Л. 6 об.

[124] Напротив этого места резолюция Николая II: «Обязательно». Там же. Л. 8.

[125] Напротив этого места резолюция Николая II: «Разделяю этот взгляд». Там же. Л. 9 об.

[126] Там же. Л. 7, 18–20.

[127] 1) Усилить гарнизон Владивостокской крепости: переформированием 7-го Вост.-Сиб. лин. батальона во 2-й Владивостокский креп. пех. полк 5-батальонного состава, сформированием 7-й и 8-й рот Владивостокской креп. арт. так, чтобы вся креп. арт. во Владивостоке получила 2-батальонную организацию, а также ускорить доставку всего необходимого для нее вооружения и запасов. 2) Переформировать 4 батальона 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг. в 2-батальонные полки для обороны побережья зал. Петра Великого. 3) Усилить артиллерию округа хотя бы 2 полевыми и 2 горными батареями, а также доформированием 5-й и 6-й конных льготных батарей ЗКВ. 4) С разрешением привлекать к отбыванию всеобщей воинской повинности бурят и тунгусов необходимо будет сформировать 2 Бурятских конных полка в Забайкалье. 5) Скорейшее утверждение представленных ранее штатов 5 запасных батальонов и их скорейшее формирование. 6) Ускорить присылку предположенных запасов интендантского ведомства на 11 запасных госпиталей, медицинского имущества и продовольствия. «7) В виду испрашиваемого развития войсковых сил Приамурского округа в ближайшее пятилетие необходимо вновь усилить отпуск средств на устройство помещений как для войск, так для запасов и лечебных заведений. Все эти меры необходимо включить в бюджет Военного Министерства на предстоящее пятилетие, ходатайства с чем представлены мной своевременно». РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 870. Л. 9 об.–12.

[128] Там же. Л. 12.

[129] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2411. Л. 1–9 об., 14.

[130] Там же. Л. 10–10 об. Более того, 17 марта 1898 г. начальник Главного штаба В.В. Сахаров поставил С.М. Духовского в известность: «Управляющий Военным Министерством покорнейше просит Ваше Превосходительство о невмешательстве со стороны Приамурских властей в дело постройки Маньчжурской железной дороги, дабы не сообщить этой постройке официального характера. По мнению Его Превосходительства, обстоятельства сами определят, когда вмешательство станет необходимым». Там же. Л. 16.

инженерное управление должно было представить А.Н. Куропаткину свои соображения. Предложения не вызвавшие интереса Николая II не прорабатывались[131].

Несмотря на постепенную реализацию плана 1896–1900 гг., к началу 1898 г. ситуация с обороноспособностью российского Дальнего Востока, из-за непродуманной, но активной внешней политики Николая II и приближенных к нему лиц имела явную тенденцию к ухудшению. К строительству КВЖД прибавилась еще и идея приобретения на территории Китая незамерзающего порта для русского ВМФ. С точки зрения командования Приам. в.о., положительное решение этого вопроса грозило катастрофой, поскольку военно-морскую базу на чужой территории безусловно пришлось бы оборонять, а войск не хватало даже для защиты собственных территорий. 11 марта 1898 г., еще до занятия Порт-Артура, С.М. Духовской написал военному министру письмо, в котором аргументировано доказывал, что «наши силы были не только слишком ничтожны для каких-либо активных наступательных действий, но едва ли даже отвечали и потребностям серьезной обороны» и требовал их усиления. Он считал необходимым восстановить в регионе баланс сил, уравновесив усиление японской армии эквивалентным усилением войск округа, как минимум до 1903 г., когда будет полностью пущено прямое железнодорожное сообщение Европейской России с Дальним Востоком, и появится возможность оперативной переброски подкреплений. Задач перед округом ставилось много, но ресурсов достаточных для их решения просто не было[132].

Основания для беспокойства у С.М. Духовского были более чем веские[133]. Поэтому вскоре в столице началась череда совещаний, где прорабатывался вопрос о дальнейших мерах по усилению обороноспособности российского Дальнего Востока, к которому с 15 марта 1898 г. относилась и территория арендованной на 25 лет Квантунской области с Порт-Артуром[134]. Сначала решили продолжить реализацию Высочайше утвержденного 30 декабря 1895 г. плана на 1896–1900 гг.[135], тем более, что предусмотренные в нем на 1898–1900 гг. меры были прописаны и в составленном еще при П.С. Ванновском проекте плана усиления войск Приам. в.о. на 1899–1903 гг. с которым А.Н. Куропаткин был согласен. Однако, поскольку этого было недостаточно, пришлось разрабатывать на основе рекомендаций С.М. Духовского еще и дополнительные меры. В условиях нарастания японской угрозы и перехода России к активной внешней политике в регионе, это было оправдано, но ставило крест на плане усиления войск

---

[131] Там же. Л. 10–11 об.

[132] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 302, 305–306, 792.

[133] Численность войск Приам. в.о. к 1903 г., при условии полной реализации 5-летнего плана на 1899–1903 гг. составила бы 90 тыс. чел. при 184 орудиях, в то время как расчетная численность японской армии, после окончания всех реформ, к этому же времени оценивалась в 394 тыс. чел. (с учетом территориальных войск, но без учета контингента, дислоцированного на о. Тайвань) при 1.014 орудиях, т.е. имела перевес в 300 тыс. чел. и 830 орудий. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 302, 792.

[134] В Приам. в.о. узнали о занятии Порт-Артура 24 марта из телеграммы адмирала Ф.В. Дубасова. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 69.

[135] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 304.

Приам. в.о. на 1899–1903 гг. как едином целом, т.к. его пересмотр начался еще до Высочайшего утверждения. Теперь речь шла не о мерах по усилению войск Приам. в.о. как такового, а об упрочении организации обороны российского Дальнего Востока (потенциальный ТВД) и Восточной Сибири (тыл и источник подкреплений) в комплексе. Итоговая программа действий сверх реализации вышеуказанного плана предполагала:

В Приам. в.о.: 1. В виду явного несоответствия гарнизона Владивостокской крепости длине крепостного обвода, сформировать 2-й Владивостокский креп. пех. полк 5-батальонного состава с обозом, для чего выслать из Европейской России 4 роты, которые вместе с 6 ротами Вост.-Сиб. лин. батальонов (по одной роте от 2-го, 3-го, 4-го, 6-го, 8-го и 10-го) образовали бы в 1899 г. 3-батальонный полк (12 рот) 42-рядного состава. В 1900 г. сформировать в нем 4-й батальон и перевести полк в 38-рядный состав, в 1901 г. – довести с прибытием новобранцев до 46-рядного, в 1902 г. – сформировать 5-й батальон, уменьшив состав до 43-рядного, в 1903 г. – довести полк до 50 рядов в полуроте.

2. Далее, «в видах более успешной обороны Тихоокеанского морского побережья», переформировать 5 батальонов 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг. в 2-батальонные полки. В 1899 г. в каждом батальоне сформировать 5-ю роту и все батальоны привести к 50-рядному составу, в 1900 г. – сформировать 6-е роты при 48-рядном составе батальонов, в 1901 г. – 7-е и 8-е роты, сформировав тем самым полки 2-батальонного состава (44 ряда в полуроте), в 1902 г. – довести состав до 48 рядов в полуроте и в 1903 г. – до 50.

3. В 1899 г. образовать кадры 5-ти запасных батальонов при всех 4-х Вост.-Сиб. стр. и лин. бриг., а также при 2-м Вост.-Сиб. лин. батальоне.

4. Если будет получено разрешение привлечь бурят к исполнению воинской повинности, сформировать 2 конных бурятских полка, что по мнению Главного штаба давало возможность наивыгоднейшим образом использовать природные качества бурятского населения – «естественных кавалеристов». В 1900 г. 2 конных полка ЗКВ должны были выделить по 1 сотне в качестве основы для создания будущих полков, и предполагалось сформировать их штабы, а затем до 1903 г. постепенно пополнять эти полки бурятами до штата конного 6-сотенного полка.

5. Довести 2-ю Вост.-Сиб. арт. бриг. до 8-батарейного состава путем формирования еще 2-х легких и 2-х горных батарей.

6. Сформировать во Владивостоке еще 3 креп. арт. роты, сведя затем их и 6 уже имевшихся в три Владивостокских креп. арт. батальона 3-ротного состава.

7. Сформировать 5-ю и 6-ю льготные батареи ЗКВ.

8. Поскольку обозных войск в Приам. в.о. не имелось совсем, что делало невозможным доставку продовольствия действующим отрядам, оперирующим за пределами территории

Округа, сформировать в 1899 г. отдельную обозную роту для развертывания ее в военное время в 5 интендантских транспортов.

В Сиб. в.о. сформировать 2 конных бурятских полка: в 1900 г. создать их штабы при Иркутской и Красноярской конных казачьих сотнях и далее постепенно до 1903 г. пополнять их бурятами до штата конного 6-сотенного полка[136].

По сравнению с этими, предложенными Главным штабом мерами, С.М. Духовской ходатайствовал о создании вместо 8-ми батальонов 12-ти, еще одной батареи, а главное – о доведении всех войсковых частей округа до полных штатов военного времени. Что касается остальных ходатайств, то они или уже были включены в старый план на 1896–1900 гг. (предполагались к осуществлению в 1899 и 1900 гг.), или в 5-летний план на 1899–1903 гг., или находились за переделами компетенции Военного министерства, или, по мнению Главного штаба, были совершенно невыполнимы. Получалось, что мнение С.М. Духовского не было учтено в полной мере даже Главным штабом. Впоследствии, уже предположения последнего были заметно урезаны по финансовым соображениям, и 7 декабря 1898 г. было решено усилить войска округа всего 6-ю батальонами пехоты (т.е. не 32, а 24 ротами) и 1-ой обозной ротой. Вместо двух Владивостокских креп. пех. полков (каждый 5-батальонного состава) – ограничиться двумя полками 3-батальонного состава, растянув их формирование до 1903 г. Решение о переформировании 5-ти батальонов 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг. в 2-батальонные полки осталось без изменений, равно как и схема переформирования, заложенная еще в план на 1896–1900 гг.[137]. Кроме того, Читинский и Стретенский батальоны Приам. в.о. должны были развертываться в военное время каждый в 4-батальонный полк и отдельный резервный батальон[138].

В Сиб. в.о. было решено переформировать Барнаульскую местную команду в резервный батальон, а при всех 7-ми дислоцировавшихся в округе резервных батальонах образовать кадры запасных батальонов, содержа их в мирное время в составе 7 обер-офицеров и 46 нижних чинов. В случае объявления войны каждый из этих батальонов должен был разворачиваться в 5-батальонный полк так, чтобы кадры формировали запасные батальоны и оставались в местах квартирования своих батальонов для местной службы и подготовки укомплектований для пополнения убыли личного состава в своих частях. От формирования бурятских полков и льготной батареи ЗКВ отказались[139].

Итак, в 1898–1899 гг. Приам. в.о. ожидали множественные переформирования уже имеющихся частей и соединений при сравнительно небольшом, а если сравнивать с ростом

---

[136] Там же. С. 304–305, 792.
[137] Там же. С. 306–307, 792–793.
[138] Там же. С. 307, 793; ПВВ № 303 от 30 октября 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899.
[139] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 306–307, 793.

военного потенциала Японии – незначительном их усилении. В 1898 г. в округ прибыло 11.589 новобранцев: 6.288 – на судах Добровольного флота и 5.301 – сухопутно. При этом в войсках округа сохранялся некомплект в 10.742 нижних чинов и 497 штаб- и обер-офицеров. В том же году была внедрена важнейшая в социальном плане мера, а именно разрешение для офицеров по истечении 5 лет службы в Амурской и Приморской областях и на о-ве Сахалин переводиться обратно в Европейскую России с переездом за казенный счет[140]. Следует отметить и переименование 3 апреля 1898 г. одного из крупнейших военных гарнизонов Приам. в.о. – с. Никольское в г. Никольск-Уссурийский[141].

В 1898 г. в Приморской и Амурской областях была проведена военно-конская перепись, показавшая наличие 15.001 годной для военной службы лошади в первой и 6.271 – во второй. В Забайкальской области переписи не было, но в Окружном штабе по ней были данные за 1891 г. – 503.976 годных лошадей. Таким образом, мобилизационная потребность войск округа в лошадях (12.413 голов) покрывалась местными средствами, но в Приморской области лошадей высших сортов не было, их доставляли из Амурской области[142].

В целом, в 1896–1898 гг. темпы роста численности русских войск на Дальнем Востоке были достаточно высокими в процентном отношении, однако в абсолютных цифрах численность войск оставалась по-прежнему низкой, сравнительно с силами наиболее вероятного противника. Из-за разных методик подсчета, применявшихся в Военном министерстве и неточностей статистики, цифры в разных документах и литературе несколько различаются. Наибольшее хождение в историографии имеют цифры, опубликованные П.Н. Симанским указавшим, что за 1896–1898 гг. *списочный* состав русских войск на Дальнем Востоке увеличился на 635 офицеров, 22.166 нижних чинов и 4.543 лошади[143]. *Штатная* численность войск Приам. в.о. увеличилась за то же время: в регулярных войсках на 742 офицера, 27.579 нижних чинов и 4.195 лошадей; в казачьих – на 21 офицера, 598 нижних чинов и 1.610 лошадей[144] (см. прил. 3, 4).

Несколько иные цифры *списочного* состава приведены во всеподданнейших отчетах. На 1 января 1895 г.: генералов – 18, штаб- и обер-офицеров – 809, классных чиновников – 192, нижних чинов – 32.885; 1 января 1896 г.: генералов – 21, штаб- и обер-офицеров – 1.060, классных чиновников – 202, нижних чинов – 29.594; 1 января 1899 г.: генералов – 29, штаб- и

---

[140] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 1а–3, 10–11.
[141] Высочайше утвержденное 3 апреля 1898 г. положение Комитета министров об образовании в Южно-Уссурийской округе Приморской области города под названием «Никольск-Уссурийский» // ПСЗ РИ III. Т. 18. № 15209.
[142] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 1а–3.
[143] К 1 апреля 1895 г. на Дальнем Востоке состояло по списку: 940 офицеров, 28.560 нижних чинов и 1.463 лошади – в регулярных войсках и 178 офицеров, 4.156 нижних чинов и 1.962 лошади – в казачьих войсках; к 1 января 1899 г. на Дальнем Востоке состояло по списку: 1.535 офицеров, 49.985 нижних чинов и 4.260 лошадей – в регулярных войсках и 218 офицеров, 4.897 нижних чинов и 3.708 лошадей – в казачьих войсках. Таким образом, увеличение составило: 595 офицеров, 21.425 нижних чинов и 2.797 лошадей – в регулярных войсках и 40 офицеров, 741 нижний чин и 1.746 лошадей – в казачьих войсках. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 308, 793.
[144] Там же. С. 308, 793.

обер-офицеров – 1.625, классных чиновников – 206, нижних чинов – 51.868[145]. Что показывает рост штатной численности за 1896–1898 гг. на: 8 генералов, 565 штаб- и обер-офицеров, 4 классных чиновника и 22.274 нижних чина, а за 1895–1898 гг. – на 11, 816, 14 и 18.983 чел. соответственно. В записке полковника А.А. Гулевича от 14 марта 1903 г. приведены несколько отличные цифры *штатного состава* войск Приам. в.о. (с 1898 г. вместе с Квантунской областью) на 1 января каждого года: 1896 г. – 38,2 тыс. нижних чинов, 1897 – 44,8 тыс., 1898 г. – 48,3 тыс. и 1899 г. – 61,3 тыс.[146], что дает рост *штатного* состава на 23,1 тыс. нижних чинов (60%). Следовательно, и численность и сила группировки русских войск на Дальнем Востоке существенно уступала даже той 75-тысячной японской армии, которая участвовала в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., не говоря уже о ее состоянии к 1899 г.[147]. К этому времени в Военном министерстве наконец осознали, что сделать войска Приам. в.о. и Квантунской области по численности и силе эквивалентными армии наиболее вероятного противника[148] невозможно по объективным причинам: на это просто не было денег, а степень хозяйственного освоения региона и развития в нем инфраструктуры была такова, что накормить, казарменно расположить, а главное – оперативно перемещать их просто не представлялось возможным. Из этого следовал вывод, что преобладающее положение в регионе останется за Японией, от чего вполне могут пострадать интересы России.

Причем на первое место вышел именно финансовый вопрос. Созданное 6 апреля 1898 г. для обсуждения расходов по обороне Квантуна Особое совещание под председательством председателя департамента государственной экономии Государственного Совета статс-секретаря Д.М. Сольского, в заседании 17 мая того же года пришло к выводу об отсутствии опасности для этой территории, тем более, что по заверению министра иностранных дел, «главная охрана Порт-Артура, с тех пор, как на нем был поднят русский флаг, заключается конечно не в тех войсковых частях и артиллерийских орудиях, которые там будут сосредоточены, а в сознании всех наций в том, что за этим пунктом стоит вся Россия и непреклонно заявленная воля Его Императорского Величества»[149].

Поняв бесперспективность дальнейшей «борьбы ходатайств» с Петербургом, С.М. Духовской перешел на службу Командующим войсками Туркестанского в.о. Его приемником 28 марта назначили его бывшего помощника – генерал-лейтенанта и известного военного

---

[145] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 1а–1; Там же. Д. 872. Л. 1а об. Подробнее см.: Прил. 3.

[146] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–1 об. Данные этой записки специально исследовались в: Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 40–50. Подробнее см.: Прил. 4.

[147] В апреле 1901 г. Главный штаб использовал при расчетах показатели численности японской армии мирного времени в 5.942 офицеров и 122.139 нижних чинов, и военного – 6.392 офицера, 191.017 нижних чинов и 169 тыс. чел. «запасных частей и территориальной армии». РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 698. Л. 2–3.

[148] Расчетное соотношение японской армии к русским войскам, разбросанным по всей огромной территории Приам. в.о. и Квантунской области, составляло к концу 1898 г. примерно 4:1, а боевая готовность Японии оценивалась как стоящая «неизмеримо выше нашей готовности». Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 308–309, 793.

[149] Там же. Т. 1. С. 308, 793; Т. 8. С. 43–45.

востоковеда Н.И. Гродекова[150], успевшего побывать в Японии и понимавшего к чему все идет. К большому раздражению А.Н. Куропаткина, преемственность Командующих войсками Приам. в.о. во взглядах на оборонный потенциал округа, внешнеполитическую ситуацию и угрозу русско-японской войны оказалась полной. Немедленно по вступлении в должность, Н.И. Гродеков засыпал столицу телеграммами, ходатайствами, рапортами и записками о необходимости срочного усиления войск Приам. в.о.

Уже 28 ноября 1898 г. в Главном штабе получили его ходатайство о скорейшей отправке в округ из Европейской России очередных подкреплений, которое было отклонено в связи с невозможностью их исполнения[151]. Поскольку А.Н. Куропаткин не имел ни желания, ни возможности бороться с С.Ю. Витте за выделение дополнительных финансовых средств, он оставил на ней красноречивую резолюцию: «Необходимо телеграфировать ген. Гродекову, что никаких новых средств на предстоящее пятилетие, кроме предположенных отпущено не будет. Что оборона Владивостока отнюдь не должна быть рассчитываема на силы, большие 6 креп. бат. и двух линейных, всего на 8 батальонов. При ближайшем рассмотрении всех укреплений Владивостока с суши, я понял, что мы растянули всю оборону без всяких сообразований с имеющимся гарнизоном…», в помощь которому было «должно вооружить все русское население Владивостока и подготовить для сего оружие и кадры», что и было сообщено Н.И. Гродекову 29 января 1899 г.[152]. Таким образом, военный министр вообще собирался вести войну с Японией отчасти методами партизанской борьбы.

Об отклонении ходатайства Н.И. Гродеков узнал 1 февраля 1899 г., и т.к. ему запретили требовать усиления гарнизона Владивостокской крепости, он начал настаивать на усилении всех остальных войск, расположенных на территории округа и Квантунского полуострова. Очередные мотивированные ходатайства были отправлены в столицу отношениями от 11 и 12 мая 1899 г.[153]. Причем, относительно Порт-Артура он настаивал на организации обороны на дальних подступах крепости и строительстве оборонительных позиций на Цзиньчжоуском перешейке[154]. Куропаткин получил эти соображения вместе с ходатайствами по тому же вопросу Командующего войсками Квантунского полуострова Д.И. Субботича и заведующего на Квантуне артиллерийской частью полковника Н.И. Холодовского. Субботич просил на усиление гарнизона Порт-Артура на 2 батальона больше Гродекова (не 4, а 6), но по мнению Главного штаба это «едва ли значительно усилит наше положение в Порт-Артуре, в виду численного превосходства войск противника и невыгодных

---

[150] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 70–71; Приказ Приамурским казачьим войскам № 8 от 29 марта 1898 г. // Приказы Приамурским казачьим войскам за 1898 г. Хабаровск, 1898.
[151] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. Л. 42, 73 об.–74; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 7 об.–8.
[152] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. Л. 75–76, 77–77 об.
[153] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 8.
[154] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 312, 794.

топографических условий оборонительной линии…»[155]. К 30 июля военный министр согласился лишь на формирование Квантунской креп. минной роты и создание запаса арт. орудий в Порт-Артуре. На формирование же в последнем 5-батальонного креп. полка или 2-х полков 3-батальонного состава он считал возможным использовать только один из дислоцировавшихся в г. Благовещенск Вост.-Сиб. лин. батальонов. При этом на перевод в г. Благовещенск одного из резервных батальонов с территории Сиб. в.о. он не согласился, поскольку все эти батальоны несли местную службу[156].

Не дождавшись ответа на вторую часть ходатайств 1899 г., Н.И. Гродеков направил в Военное министерство уже развернутую «Записку о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года», которая была отправлена в Петербург из Хабаровска почтой еще до получения указаний отданных А.Н. Куропаткиным 30 июля, а в столицу дошла уже после. В ней Н.И. Гродеков повторил все ходатайства, подробно проанализировал и описал внешнеполитическую и военно-стратегическую ситуацию в регионе, оценил военную готовность Приам. в.о. в сравнении с наиболее вероятным противником – Японией и выразил серьезные опасения за судьбу как округа, так и Квантунской области. «Увеличивая-же задачи Округа, слабого по силе и по условиям отдаленности от источников пополнения, необходимо восполнить его силы», – настаивал Н.И. Гродеков[157].

В Главном штабе это тоже понимали. Разбирая эту записку для военного министра Д.В. Путята, обреченно писал: «Необходимость усиления войск в округе давно осознана, но недостаток средств не позволяет выполнить в полной мере ходатайства местного начальства». К составленному документу прилагалась затребованная А.Н. Куропаткиным справка с перечислением мер по усилению войск в текущее пятилетие, которые уже утвердил Военный Совет и приведен перечень предположений относительно усиления положения в Порт-Артуре. «Дальнейшее развитие этих мер будет зависеть от состояния средств предельного бюджета Военного Министерства». 10 августа 1899 г. записку Н.И. Гродекова доложили Николаю II, но его резолюций на документе нет[158].

27 июля 1899 г. Гродеков направил очередной рапорт о необходимости формирования на Дальнем Востоке одного полевого инженерного парка с двумя корпусными отделениями, 9 октября – о добавлении в Вост.-Сиб. сап. батальоне одной телеграфной роты[159]. Однако до обострения русско-японских отношений в октябре-ноябре 1899 г. в связи с попыткой русского

---

[155] Докладная записка по Главному штабу от 12 июля 1899 г. // Цит. по: Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 312, 794.
[156] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 11–11 об.
[157] Там же. Л. 2–8 об., 7–7 об.
[158] Там же. Л. 2, 10, 11–11 об.
[159] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 313, 794.

ВМФ получить участок земли в корейском порту Мезампо[160] для создания угольной станции[161], и начатых в связи с этим в Японии военных приготовлений[162], ходатайства Н.И. Гродекова всерьез по-прежнему не воспринимались. Зато после инцидента, еще до конца 1899 г. удовлетворили ходатайство о формировании 2-го Владивостокского креп. пех. полка[163].

16 января 1899 г. Н.И. Гродеков приказал приступить к осуществлению всех намеченных на 1899 г. штатных изменений в частях войск округа[164], что и было исполнено в плановом режиме. В результате, в 1899 г. в округ прибыло 14.620 новобранцев, из которых проследовало через Сибирь 5.378 чел.[165]. Постепенно начали запускать и железную дорогу[166], по мере чего менялась вся логистика военных грузоперевозок в Приам. в.о.[167]. Приходилось догонять Японию в вопросах организации морских перевозок в военное время[168]. Более же всего беспокоил Н.И. Гродекова недостаток артиллерии, которой «в Округе, в настоящее время, имеется 126 полевых орудий, и на 1000 штыков полевых войск приходится 2,2 орудия (не считая мортир), т.е. значительно менее существующего ныне отношения артиллерии к пехоте в войсках Европейской России[169]. Наш вероятный противник – Япония, в настоящее время в случае войны рассчитывает выставить 108 действующих батарей (648 орудий), которые к концу текущего года, вероятно все, будут перевооружены скорострельными пушками, ибо перевооружение уже начато». Следовательно, артиллерия Приам. в.о. оказывалась не только в 5 раз малочисленнее артиллерии противника, но и несравненно слабее в техническом отношении. Поэтому Н.И. Гродеков ходатайствовал о перевооружении всех полевых и горных батарей округа скорострельными орудиями, одновременно с

---

[160] В настоящее время город и порт Масан, Республика Корея.

[161] Подробнее об инциденте в Мезампо см.: ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 2. Л. 132–257; Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX–начале XX века // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 97–98; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 276–278; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 179–189.

[162] В начале декабря 1899 г. в Японии продолжалась массовая переброска войск с восточного побережья на западное, энергичная деятельность в портах, и в первую очередь Сасебо, где работы шли круглосуточно, а 11 декабря граф А.П. Кассини (в то время посланник в США) сообщил, что японское правительство спешно заказало у англичан порох и снаряды. Кондратенко Р.В. Российские морские агенты… С. 98.

[163] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 313–314, 794.

[164] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6. Д. 3. Л. 29.

[165] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 9.

[166] 15 июля 1899 г. было открыто движение по Забайкальской железной дороге от Читы до Стретенска, а с 20 июля – правильное пассажирское движение между Стретенском и Читой с пересадкой в Нерчинске (РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6. Д. 3. Л. 474), 3 августа – временное движение, в т.ч. воинские перевозки, на участке Забайкальской железной дороги от Читы до Стретенска. ЦГШ № 173 от 13 августа 1899 г. // ЦГШ за 1899 г. СПб., 1899.

[167] Если с момента открытия движения по Уссурийской железной дороге предметы артиллерийского довольствия, отправляемые из складов Европейской России в Читинский окружной арт. склад, доставлялись сначала морем до Владивостока, далее железной дорогой до Хабаровска, а затем по рекам Амуру и Шилке до Стретенска, то с доведением к середине 1899 г. Сиб. железной дороги до Иркутска было принято решение доставлять артиллерийские грузы в Читу сначала по железной дороге до Иркутска, и далее – сухопутно по тракту. Так получалось уже быстрее и безопаснее. ЦГШ № 195 от 7 сентября 1899 г. // Там же.

[168] 12 мая 1899 г. для перевозки пассажиров между русскими и иностранными портами, преимущественно на Дальний Восток и обратно, было создано АО «Русское Восточно-Азиатское Пароходство», п. 12 Устава которого давал возможность государству использовать флот общества для военных перевозок в любое время. ЦГШ № 241 от 5 ноября 1899 г. // Там же.

[169] В Японии это отношение равно 4,5 орудия на 1000 штыков. – Прим. док.

батареями Европейской России и о доведении состава полевой артиллерии «до соотношения с пехотой, одинакового с таковым в войсках Европейской России», для чего предлагал сформировать в округе отдельный резервный арт. дивизион, из одной легкой и одной горной батарей, который в военное время развертывался бы в 4 легких и 3 горных батареи[170].

15 декабря 1899 г. Н.И. Гродеков приказал: «За последовавшим ныне прибытием в Порт-Артур главного начальника Квантунского полуострова, Вице-Адмирала Алексеева, войска, военные управления и учреждения Квантуна выделяются из состава Приамурского военного округа…»[171]. Таким образом, расположенные в Квантунской области войска вышли из состава Приам. в.о.[172], чем существенно его ослабили, вернув на повестку дня вопрос усиления всей группировки русских войск на Дальнем Востоке.

По данным всеподданнейшего отчета Н.И. Гродекова, к 1 января 1900 г., в Приам. в.о. было: 34 батальона (в том числе 7 батальонов 5-ротного состава), 27 эскадронов и сотен, 16 батарей, 2 арт. парка, 7 креп. арт. рот, 1 креп. арт. команда, 1 саперный и 1 ж.д. батальоны, 4 инженерные роты, 1 инженерная команда и 22 местные и конвойные команды[173].

В 1900 г. ходатайства с Дальнего Востока продолжились. 11 января начальнику Главного штаба было направлено отношение о необходимости сформировать 2-й Уссурийский ж.д. батальон и свести оба батальона в бригаду[174]. В апреле 1900 г. Командующий войсками и штаб округа направляют в столицу новую записку, еще более мрачную и тревожную[175]. Николай II прочитал ее уже после начала мобилизации войск Приам. в.о. в связи с Боксерским восстанием[176].

14 мая 1900 г., менее чем за месяц до начала Китайского похода, Н.И. Гродекову был направлен на заключение новый проект всеподданнейшего доклада об усилении военного положения России в регионе. Оценки в нем содержались достаточно пессимистичные. На этот раз в доклад были внесены все (!) указанные Командующим войсками округа меры[177]. В

---

[170] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 9.
[171] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 6. Д. 3. Л. 713 об.–714.
[172] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 1а.; ЦГШ № 2 от 3 января 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900
[173] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. д. 873. Л. 1а. По данным же военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны, в Приам. в.о. к 1 января 1900 г. было: 36 батальонов, 28 эскадронов и сотен, 11 рот и 120 орудий (не считая креп. артиллерии), т.е. всего до 33 тыс. штыков, 4 тыс. сабель и 120 орудий; в Квантунской области: 10 батальонов, 6 сотен, 1 рота и 24 орудия, т.е. всего до 9 тыс. штыков, 900 сабель и 24 орудия; в Сиб. в.о.: 7 батальонов и 8 сотен, т.е. всего 5 тыс. штыков и 1.100 сабель. Всего же в двух округах и на Квантуне было: 53 батальона, 42 эскадрона и сотни, 12 рот и 144 орудия (не считая креп. артиллерии), т.е. около 47 тыс. штыков, 6 тыс. сабель при 144 орудиях. В военное время к этому прибавлялись еще 36 резервных батальонов, формировавшихся при развертывании 7-ми резервных батальонов из Сиб. в.о. и 2-х – из Приам. в.о., 32 льготных казачьих сотни (Забайкальского, Амурского, Уссурийского и Сибирского казачьих войск), а также 56 пеших и 12 конных орудий в результате развертывания резервных и выставления льготных казачьих батарей. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 314, 794.
[174] Там же. С. 313, 794.
[175] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 12–21 об. Подробнее см.: Авилов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос…» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. // Исторический архив. 2018. № 4. С. 159–183.
[176] Телеграмму о мобилизации в Хабаровске получили 11 июня 1900 г., а 1-м днем мобилизации было приказано считать 12 июня 1900 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4.
[177] Там же. Д. 95. Л. 21–27 об.

центральном аппарате Военного министерства с огромным опозданием начали понимать, что все то, о чем докладывали предыдущие 4 года последовательно С.М. Духовской и Н.И. Гродеков, это не «алармизм», а трезвый анализ и точная оценка военно-стратегической ситуации[178]. В результате, в министерстве пришли к тому же выводу, что упорно докладывался командованием Приам. в.о. с весны 1898 г., что на Квантуне и в Приам. в.о. желательно иметь силы, которые были бы способны дать на первое время отпор противнику даже без поддержки войск Сиб. в.о., для чего посчитали необходимым реализовать целый комплекс мер по усилению войск в Сибири и на российском Дальнем Востоке[179].

Впрочем, и на этот раз в столице повторили прежнюю ошибку, сведя мероприятия в 5-летний план на 1902–1906 гг. и надеясь, что с его исполнением «мы будем иметь полное право рассчитывать, что японцы уже не предупредят нас с значительным превосходством в силах в Северной Маньчжурии»[180]. Однако надежды не оправдались. Военное министерство опять «плелось в хвосте» стремительно менявшейся внешнеполитической ситуации, и то, что нужно было успеть сделать в 1898–1899 гг., т.е. после занятия Порт-Артура, но до Боксерского восстания, было одобрено и принято к исполнению только перед самым началом Китайского похода 1900 г., к моменту окончания которого внешнеполитическая и военно-стратегическая ситуация в регионе снова изменились. Было принято решение об оставлении части русских войск в Северной Маньчжурии. На войска Приам. в.о., признанные весной 1900 г. даже А.Н. Куропаткиным недостаточными для обороны российского Дальнего Востока и Квантунской области с Порт-Артуром, неожиданно была возложена еще и задача по контролю территории Северной Маньчжурии. Ресурсов для одновременного исполнения всех трех задач у русской армии в регионе не было. Это привело к очередному витку дискуссий о необходимости усиления обороноспособности российского Дальнего Востока, а также арендованных и занятых территорий Китая.

---

[178] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 314, 794.

[179] *Сформировать*: еще один Вост.-Сиб. стр. полк 2-батальонного состава, креп. пех. батальон 5-ротного состава для Николаевской-на-Амуре крепости, Верхнеудинский и Нерчинский резервные батальоны, а также обозную роту и сап. батальон – в Забайкалье, резервный батальон – в г. Иркутск, сап. батальон – в г. Омск, новый первоочередной полк Сибирского казачьего войска, 2-е батареи в Сиб. в.о. и пех. полк 5-батальонного состава для Порт-Артура. *Переформировать*: 1-й и 2-й Владивостокские креп. пех. полки 3-батальонного состава в 5-батальонные, 6 Вост.-Сиб. лин. батальонов – в Вост.-Сиб. стр. полки 2-батальонного состава. *Свести*: все переформируемые и уже переформированные Вост.-Сиб. лин. батальоны, т.е. Вост.-Сиб. стр. полки 2-батальонного состава вместе с формируемым новым Вост.-Сиб. стр. полком в 3 Вост.-Сиб. стр. бригады (4-ю, 5-ю и 6-ю); формируемые в Забайкалье Верхнеудинский и Нерчинский резервные батальоны вместе с уже существующими Читинским и Стретенским резервными батальонами в одну резервную бригаду; 7 имеющихся в Сиб. в.о. резервных батальонов вместе с формируемым Иркутским резервным батальоном – в две резервные бриг.; первоочередной полк АКВ и 1-й Аргунский полк ЗКВ – в сводную казачью бригаду, которой придать 2 батареи, формируемые в Петербургском в.о. *Образовать*: в Приам. в.о. – 2-й Сиб. АК, придав ему обозную роту и сап. батальон, сформированные в Забайкалье; в Сиб. в.о. – из всех дислоцировавшихся там частей, но только в военное время – 3-й Сиб. АК, придав ему сап. батальон, предположенный к формированию в г. Омск. Там же. С. 315–316, 794.

[180] Там же.

3.3. Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона в 1896–1900 гг.[181]

Первые 2 года после окончания мобилизации войск Приам. в.о. весной 1895 г. никаких новых планов сосредоточения войск в Окружном штабе не разрабатывалось. На случай войны с Японией на территории Китая и непосредственно Приам. в.о. такой план был разработан еще перед мобилизацией 1895 г. (См.: 2.7), и в существенных коррективах не нуждался. Решение же вопроса о возможности ведения боевых действий с японской армией в Корее требовало серьезного изучения этого ТВД. Последнее было активизировано в 1896–1897 гг. посредством отправки в королевство различных рекогносцировочных партий[182], но в связи с необходимостью включения в систему обороны дальневосточных территорий Российской империи взятых в аренду на 25 лет Порт-Артура, Квантунского полуострова и началом работ по строительству ЮМЖД, ко 2-й пол. 1898 г. планы сосредоточения войск образца весны 1895 г. уже устарели. К этому же времени в Окружном штабе получили первые обновленные сведения о состоянии Корейского полуострова в военном отношении, что дало возможность приступить к разработке нового плана сосредоточения войск на случай войны с Японией.

Работы в Хабаровске велись постепенно, и их результаты отправлялись в Военное министерство по мере готовности. 18 ноября 1898 г. Командующий войсками Приам. в.о. Н.И. Гродеков одобрил «Руководящие положения по подготовке Приамурского военного округа к войне»[183]. В шести пунктах этого документа была сформулирована новая, существенно отличавшаяся от наработок в 1879–1895 гг., концепция обороны российского Дальнего Востока: «1. В роли неприятеля России, при современной обстановке общего политического положения на дальнем востоке, может явиться только Япония, одна, или в союзе с Англией...

2. Общественное настроение в Японии не в пользу России. Япония развивает свои вооруженные силы, стремясь довести численность до 300/т[ыс]. и заводит военный флот в 240/т[ыс]. тонн; все это очевидно не для мирных и культурных целей. Но и при настоящих условиях Япония превосходит числительностью своей армии войска Приамурского военного округа. Выгодность географического положения Японии по отношению к нашим владениям

---

[181] Эта проблема специально исследовалась в: Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 94–107; Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 2. Канун Китайского похода 1901–1903 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 128–141.

[182] Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу…»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 1 // Известия восточного института. 2018. № 1. С. 26–41; Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу…»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 2 // Там же. 2018. № 2. С. 99–112; Авилов Р.С. «Подробно исследовать пути от урочища Новокиевского в Порт-Артур долинами рек Тумень-ула и Ялу…»: Экспедиция подполковника В.А. Орановского в Корею и Маньчжурию в 1898–1899 гг. Ч. 3 // Там же. 2018. № 3. С. 44–57; Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 94–95.

[183] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 7–8 об.

на побережьях Тихого океана, громадные морские транспортные ее средства, дозволяющие поднять в один рейс от 3[x] до 4[x] дивизий и перебросить их быстро и почти внезапно на тот, или другой пункт наших владений, все это в связи с превосходством в силах, при благоприятных современных условиях времени, которые исчезнут с окончанием Восточно-Китайской железной дороги, обусловливают для неприятеля выгодность принятия инициативы нападения и активного плана действий с целью захвата, хотя-бы одного из наиболее важных пунктов нашего Тихоокеанского побережья, дабы нанести чувствительный удар нашему положению на Дальнем Востоке[184].

3. Из вышеизложенной обстановки явствует, что, до поры до времени, задача войскам Приамурского округа, должна быть поставлена исключительно оборонительного характера, состоящая в сосредоточении всех сил к угрожаемым пунктам, дабы затянуть оборону их до крайнего предела, замедлить развитие успеха неприятельского оружия до прибытия главных резервов, направляемых из России.

4. С другой стороны, принимая во внимание удаленность края от источников пополнения, отдаленность расположения подкреплений, высылаемых для усиления войск округа, плохие условия коммуникационных путей и, в общем, полную изолированность края, следует прежде всего избегать разбросанности сил и всю оборону основать на обороне главнейших пунктов, потеря коих влечет за собою потерю нашего положения на Дальнем Востоке. Таких пунктов еще в самом недалеком прошлом – был один – крепость Владивосток; но в настоящее время явился и другой – Квантунский полуостров. […]

5. Принимая во внимание, 1) что Япония в союзе с Англией может угрожать обоим поименованным пунктам одновременно, 2) что при этих условиях мы вряд-ли будем в состоянии господствовать на море, 3) что сухопутные сообщения между этими двумя пунктами разъединенными расстоянием в 1500 верст, крайне затруднительны и пользоваться ими для передвижения резервов невозможно, приходится в первый период военных действий, до подхода подкреплений из Сибири, сосредоточить войска округа в двух, приблизительно равных массах и в двух направлениях: к полуострову Муравьев-Амурский и к Ляодунскому полуострову, назначив в первое направление войска Южно-Уссурийского отдела и часть [войск] Приморской области, а для второго – остальную часть войск этой области и войска Амурской и Забайкальской областей.

6. Особое значение на Маньчжурском театре военных действий приобретает местность, примыкающая к среднему течению р. Сунгари, как обладающая всеми условиями для устройства базы для войск, действующих в направлении на Ляодунский полуостров или в

---

[184] Примечание: По донесению нашего военного агента в Японии план Начальника Главного Штаба Генерала Каваками и состоит в производстве десанта у Владивостока 4–5 дивизиями, при одновременной высадке менее значительных сил в Корее. – Прим. док.

направлении к Корее. В силу этого значения района средней Сунгари войска, прибывающие из Сибири, должны быть сосредоточены в этом районе. Таким расположением резервов достигается, вследствие центральности района средней Сунгари по отношению ко всему Маньчжурскому театру еще одно преимущество в навигационное время, а именно, – возможность в случае надобности, пользуясь речными сообщениями и Уссурийской железной дорогой, перебросить подкрепления в Южно-Уссурийский край»[185].

На основании этих положений началась разработка всех вопросов, необходимых для подготовки в Окружном штабе соображений на случай военных действий на Дальнем Востоке, т.е., по сути, плана действий, работа над которым была в общих чертах завершена к 27 ноября 1898 г. Впоследствии он постоянно дополнялся вплоть до начала летом 1900 г. Китайского похода. В случае войны с Японией в союзе с Англией: «Войска Приамурского Округа, в первый период военных действий, до сосредоточения всех резервов, прибывающих из Сибирского Округа, составляют два корпуса: Южно-Уссурийский и Маньчжурский.

Первому, сосредоточивающемуся в районе станции Надеждинской, Уссурийской железной дороги, предположено дать назначение: а) задерживать наступление противника, высадившегося в Амурском, или Уссурийском заливах; б) препятствовать обложению кр. Владивосток с сухого пути […]; в) отдельным порядком охранять побережье Посьетского участка до ур. Посьета включительно; г) прикрывать строящуюся железную дорогу до долины р. Муданьцзян включительно, занятием г. Нингуты особым конным отрядом и наблюдать дорогу Нингута–Хунчун, с установлением связи с Маньчжурским корпусом.

Второму предполагается поставить ближайшею целью: а) занятие северной и средней Маньчжурии и прикрытие строящейся Маньчжурской магистральной железной дороги от долины р. Мудан-цзян до Забайкалья, что достигается сосредоточением на оборонительной линии средней Сунгари–Бодунэ–Гирин, с превращением последнего в укрепленный пункт и занятие перекрестных путей, ведущих в обход этой оборонительной линии из Кореи и южной Маньчжурии (г. Омосо); б) дальнейшим же предметом действий Маньчжурского корпуса должны послужить операции против Японского корпуса в южной Маньчжурии и оказание поддержки Квантунскому отряду. Но выполнение этой задачи мыслимо лишь по прибытии резервов из Сибирского Округа, большую часть которых предполагается сосредоточить в районе средней Сунгари, вследствие центрального положения этого района на Маньчжурском театре, в видах удобства поддержания того, или другого корпуса, и, наконец, по соображениям продовольственным. Некоторую же часть резервов придется отправить прямо из Забайкалья на Хабаровск, для усиления Южно-Уссурийского корпуса. Имея в виду крайнее несоответствие сил Приамурского Округа с предстоящими к выполнению в военное время

[185] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 7–8 об.

задачами и в видах устранения разброски сил, предполагается из остальных имеющих значение пунктов оборонять лишь устье Амура»[186].

В соответствии с этими задачами войска Приам. в.о. должны были формировать:

I. Южно-Уссурийский корпус из войск Приморской области (всего: 23 батальона, 14 эскадронов, 76 орудий, 3,5 инженерных роты, 4 арт. парка, 2 лазарета, 9 госпиталей, 2 транспорта и 1 аптека), который делился на 3 отряда[187].

II. Маньчжурский корпус, преимущественно из войск Забайкальской и Амурской областей (всего: 14 батальонов, 27 сотен, 32 пеших и 18 конных орудий, 3 парка, 1,5 инженерных роты, 5 госпиталей, 1 транспорт и 1 хлебопекарня).

III. Николаевский отряд, из войск постоянно находившихся в г. Николаевск (всего: 1 батальона, 1 крепостная артиллерийская рота и 1 инженерная рота).

Предусматривалось и формирование полевых управлений: для управления отрядами и общих. Необходимость делить войска округа на две главные, разъединенные тысячеверстным расстоянием группы, особенности местных условий и крайняя ограниченность личного состава служащих, вынуждала заметно отступить от «Положения о полевом управлении войск». С одной стороны часть функций полевых учреждении возлагалась на Окружные управления, а с другой, полевым штабам и управлениям не придавалось того развития, которое требовалось по «Положению…». Командующему войсками округа присваивались права Командующего армией. Центральным органом управления становился Полевой штаб Командующего войсками, с функциями Штаба Главнокомандующего, во главе которого становился начальник Окружного штаба. Формирования особых отделов полевого управления не предполагалось, а их функции присваивались Окружным управлениям, с расширением прав их начальников. Следовательно, Окружные управления в военное время являлись бы органами не только исполнительными, но и распорядительными. Во главе них становился помощник Командующего войсками округа со званием начальника военно-окружных управлений, а сохранявшимся при этом Окружным штабом должен был руководить уже его помощник. Для корпусов органы управления формировались бы на основе предусмотренных для неотдельных корпусов, но с учетом региональных особенностей. Для «подчинения северной Маньчжурии требованиям наших военных соображений» предполагалось формирование Полевого управления военными сообщениями. Предполагалось и внесение частных изменений в военное управление Забайкальской области[188].

---

[186] Там же. Л. 1–1 об.

[187] а) Обсервационный отряд у ст. Надеждинская Уссурийской железной дороги: 18 батальонов, 8 эскадронов и сотен, 58 орудий и 2,5 инженерных рот, 4 арт. парка, 2 лазарета, 8 госпиталей, 2 транспорта и 1 аптека. б) Приморский Посьетский отряд: 5 батальонов, 2 сотни, 14 орудий, 1 инженерная рота и 1 госпиталь. в) Конный отряд в Нингуте: 4 сотни и 4 орудия.

[188] Там же. Л. 1 об.–6 об.

Таким образом, план носил оборонительных характер, совмещая сугубо оборонительную концепцию (действия Южно-Уссурийского корпуса и Николаевского отряда) с существенно переработанной прежней концепцией «активно-оборонительных действий» (действия Маньчжурского корпуса), предусматривавшей разгром основных сил противника – Японии на территории сопредельного государства – в Маньчжурии.

В Главном штабе эти соображения получили 31 декабря 1898 г., а уже 1 января следующего года с ними ознакомился начальник этого учреждения генерал-адъютант В.В. Сахаров. С рядом положений он был совершенно не согласен: «Мне представляется, что малочисленность наших войск требует большего сосредоточения, почему Маньчжурский корпус должен был быть, в особенности первое время, до прибытия подкреплений, придвинут ближе к Уссурийскому [корпусу – Р.А.]. Поддержка от Гирина Порт-Артура вряд ли возможна, в виду крайней слабости сил Маньчжурского корпуса и отдаленности его, а прикрытие постройки железной дороги является второстепенною задачею. Уссурийский корпус отнюдь не должен обращаться в гарнизон Владивостока, а должен быть предназначен для полевых действий, дабы при известной обстановке мог быть употреблен на том или другом театре. Выделение к Посьету 5 батальонов не слишком ли ослабит главные силы Уссурийского корпуса? Не будет ли правильнее ограничиться у Посьета одним лишь наблюдением, не задаваясь широкими боевыми целями?». Он же выказал недовольство и организацией полевых управлений, отмечая, что «войск – горсть, а управлений так много, что трудно разобраться. Выходит какая-то опереточная организация»[189].

С точки зрения военной науки его замечания были правильными, но с реальной обстановкой на Дальнем Востоке и политикой Военного министерства соотносились слабо. Маньчжурский и Уссурийский корпуса действительно были крайне малочисленны, поскольку ощутимого усиления войск командование округа за 14 лет добиться не смогло. Идея поддержки Порт-Артура малочисленным отрядом, перебрасываемым на огромное расстояние от Гирина, была скорее жестом отчаяния авторов плана, чем следствием реальных расчетов. Раскритиковав ее, В.В. Сахаров не ответил на вопрос: каким же образом следует помогать беззащитному Порт-Артуру, в случае быстрого занятия которого Япония получала сравнительно неплохо оборудованный военный порт, громкую славу и большой общественный резонанс. Абсолютное непонимание значения Владивостокской крепости и района зал. Посьета – стратегических ключей всего Южно-Уссурийского края, тоже весьма показательно. Во Владивостоке в то время уже был глубоководный порт, попадание которого в руки японцев обеспечивало им возможность быстрой высадки любого количества войск и артиллерии. В свою очередь контроль противника над побережьем от зал. Посьета до

[189] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–1 об.

Владивостока обеспечивал ему контроль над несколькими бухтами, позволявшими высаживать войска для последующих действий не только против сухопутного фронта Владивостокской крепости, но и против всего Уссурийского корпуса, разгром которого был равносилен переходу в руки противника всего Южно-Уссурийского края и полному оголению левого фланга Маньчжурского корпуса. Контроль над районом зал. Посьета позволял японцам перебрасывать на русскую территорию войска как по прибрежной дороге, идущей вдоль Корейского полуострова, в случае, если бы их высадка была произведена в Корее, так и из Маньчжурии по дороге, проходящей через китайский г. Хунчун. Следовательно, переход от обороны района зал. Посьета к наблюдению за постепенным занятием японскими войсками этой территории был равносилен добровольной передаче противнику плацдарма для ведения боевых действий в Южно-Уссурийском крае. Что же касается утверждения о «втростепенности» задачи по прикрытию КВЖД, то вся его абсурдность рельефно проявилась 2 года спустя, во время Китайского похода 1900–1901 гг. Понимания того, что все штаты полевых управлений рассчитывались командованием округа исходя из надежды, что в Военном министерстве все-таки начнут отвечающее поставленным задачам усиление войск округа начальник Главного штаба тоже не продемонстрировал.

28 ноября 1898 г. в Главный штаб были направлены соображения о сосредоточении в военное время формируемого Южно-Уссурийского корпуса к Владивостокской крепости, а также комплекс документов с анализом состояния крепости и данными как по уже принятым мерам, так и тем, что следует принять с открытием боевых действий для обеспечения безопасности крепости, Посьетского участки и Южно-Уссурийского края в целом[190]. В преамбуле документа Н.И. Гродеков указывал: «Не вполне обеспеченное положение главного нашего пункта на берегу Тихого океана – крепости Владивосток, вследствие малочисленности гарнизона, не имеющего всех необходимых средств для упорной обороны без подпитки извне, заставило меня ввести в мобилизационный план этого года ускоренную мобилизацию для некоторых частей войск […] Округа»[191]. Сама крепость тогда еще была укреплена слабо, и при длине оборонительного обвода в 50 верст, имевшегося гарнизона в 7 батальонов для ее защиты было недостаточно. Нормальная мобилизация не давала возможности быстро прийти им на выручку[192]. При такой мобилизации, согласно мобилизационному росписанию № 17 (в Приам. в.о. его эквивалентом было мобилизационное росписание № 3) они могли прибыть во

---

[190] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. Л. 38–61. Эти документы специально исследовались в: Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 95–98.

[191] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. Л. 38.

[192] Ближайшие к Владивостоку пехотные части, дислоцировавшиеся в гарнизонах с. Раздольное (1-й Вост.-Сиб. стр. полк), г. Никольск-Уссурийский (2-й, 3-й и 4-й Вост.-Сиб. стр. полки) и ур. Барабаш (8-й Вост.-Сиб. стр. полк).

Владивосток только через 9, 11 и 12 дней[193]. Другим аргументом, в пользу введения ускоренной мобилизации крепости и ближайших к ней войск стала оценка сил и средств вероятного противника – Японии, и проявленной ей в последнее время активности[194]. «При вышеизложенных обстоятельствах, открытие Японцами неприязненных против нас действий вызывает принятие заблаговременно всех мер для обеспечения важнейшего для нас пункта на Дальнем Востоке – Владивостока», – заключал Н.И. Гродеков. Для Владивостокской крепости, ее гарнизона, а также для укреплений Николаевска-на-Амуре и его гарнизона, было введено ускоренное приведение в боевую готовность и 6-часовая мобилизация. Для войск, назначенных «для первоначальной выручки Владивостока» – 8-часовая[195].

Вывод о том, что недостаточная обороноспособность Владивостокской крепости приковывает к ней, в случае начала действий неприятеля именно против этого пункта, все военные силы Южно-Уссурийского края, тоже был сообщен В.В. Сахарову. «Несоответствие сил крепости есть главная причина слабости обороны этого пункта», поскольку численный состав крепостной артиллерии не допускал назначения необходимого числа артиллерийской прислуги на батареи сухопутной обороны, т.е. на 132 9-фунтовые полевые пушки оставалось 7 фейерверкеров и 126 рядовых. Исходя из этого, Н.И. Гродеков формулировал очередные ходатайства по усилению Владивостокского гарнизона и артиллерии крепости, указывая, что только в случае их удовлетворения «можно будет считать Владивосток способным к самостоятельной обороне и явится возможность, если не всем войскам, расположенным в Приморской области, то хотя бы большей части их дать назначение резерва, способного быть направленным сообразно обстоятельствам на Маньчжурский или Южно-Уссурийский театр»[196]. Высвобождение войск требовало серьезной подготовки ТВД в инженерном отношении, чего заранее сделано не было. Поэтому, в сложившихся в регионе условиях, успешное выполнение всех стоящих перед округом задач Н.И. Гродеков[197] считал возможным

---

[193] Там же. Л. 38.

[194] В документе отмечалось: «По сведениям, имеющимся в Округе, Япония, в сравнительно весьма короткий срок, может мобилизовать, сосредоточить и выбросить на берега залива Петра Великого десант в 4–5 дивизий. Если же Япония станет мобилизоваться исподволь, и исподволь же сосредотачивать войска к пунктам посадки, то появление десанта под стенами Владивостока может случиться почти внезапно. Такой план нельзя считать невыполнимым, приняв в расчет значительное превосходство в силах Японии, громадные транспортные средства и выгодность географического положения ее владений, отстоящих всего на расстоянии 48 часов хода от Владивостока. С другой стороны Японии не может не быть известным, что мы во Владивостоке не имеем, за исключением Скрыплевского маяка, никаких средств для заблаговременного извещения о прибытии неприятельского флота; на содействие же обороне Владивостока со стороны нашего флота, казалось-бы, возможно рассчитывать только при исключительных обстоятельствах. […] С конца Января и в течение всего Февраля месяцев, стали поступать от агентов и коммерческих людей и проникать в печать сведения об усиленной деятельности в Японской армии и ее арсеналах, о заготовлении в бухтах Сасебо запасов угля и риса и о сосредоточении в этой бухте Японского флота, под предлогом морских маневров». Там же. Л. 38–38 об.

[195] Там же. Л. 38–39.

[196] Там же. Л. 40 об.–41 об., 42 об.

[197] «Через 5 лет – писал Н.И. Гродеков, – постройка Маньчжурской железной дороги настолько подвинется вперед, что положение наше в несколько раз будет сильнее настоящего, даже при сохранении существующей численности войск. Но надо пережить эти пять лет, надо в течение этого срока во что бы то ни стало прикрыть достраивающийся Великий Сибирский путь, надо, наконец, сохранить за собой Порт-Артур и отстаивать Владивосток». Выделенный фрагмент

лишь в случае значительного усиления и остальных войск, не входящих в состав гарнизона Владивостокской крепости. Он всерьез опасался, что неприятель, пользуясь превосходством сил, может начать военные действия одновременно и против Владивостока, и на Посьетском участке, что приведет к еще большему распылению и без того недостаточных сил. На помощь крепости можно будет отправить лишь 9.240 штыков[198].

Что же касается соображений «относительно организации военных операций на Маньчжурском театре, в целях оказания содействия крепости Порт-Артур», то они к 28 ноября 1898 г. еще не были закончены[199]. Завершили их только к 11 мая 1899 г., а 27 июля отзыв Н.И. Гродекова (по сути – план сосредоточения русских войск в Маньчжурии) со всеми приложениями был получен в Азиатской части Главного штаба[200]. Причем, если основные концептуальные соображения предполагаемой операции остались прежними, то ряд параметров, в частности состав Маньчжурского корпуса, уже были скорректированы.

К этому времени в империи сменился военный министр, что заметно осложнило ситуацию. А.Н. Куропаткин полагал, что разбирается в вопросах обороны российского Дальнего Востока лучше местного командования. В результате, документ, развивавший идеи «Руководящих положений по подготовке Приамурского военного округа к войне» и отзывов №№ 1527 и 1529 от 27 и 28 ноября 1898 г. был покрыт множеством пометок и резолюций министра, который не согласился с рядом базовых положений, лежащих в основе новой концепции обороны региона. Напротив утверждения, что из-за слабости Владивостокской крепости и необходимости защиты Посьетского участка, использование войск Южно-Уссурийского корпуса для занятия района среднего течения р. Сунгари или движения на выручку Квантунского полуострова «возможно лишь при исключительно благоприятных политических обстоятельствах», и брать их в расчет не следует, А.Н. Куропаткин написал: «Совершенно с этим взглядом не согласен». Утверждение, что район среднего течения р. Сунгари является «продовольственным базисом для всей восточной прибрежной к Тихому океану территории, образующей Южно-Уссурийский и Маньчжурский театры войны», без занятия которого воевать невозможно, а значит, при любом развитии событий, нужно выделить часть войск «для его прочного занятия» министру тоже не понравилось. «Все это разброска сил», – отметил он[201].

начальник Главного штаба подчеркнул и наложил резолюцию: «Задача весьма трудная». Там же. Л. 41 об.

[198] «Такое положение, конечно, не может считаться нормальным и полное несоотвествие сил Округа с современными для него задачами […] высказывается с полной очевидностью». Там же. Л. 42–42 об.

[199] Там же. Л. 42 об.

[200] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 9–27.

[201] Там же. Л. 9–10. Причем А.Н. Куропаткин проявил удивительную невнимательность при ознакомлении с этим документом. Так, напротив места, где было указано, что при возникновении военных действий на Дальнем Востоке, занятие района средней Сунгари является первостепенной целью действий», он, подчеркнув последние три слова, написал: «Противоречие с первою страницею, где указано Владивосток». Хотя в этом месте речь шла о действии войск Маньчжурского корпуса, а на 1-й странице – Южно-Уссурийского.

В округе отчетливо понимали всю сложность ведения боевых действий до окончания строительства железной дороги, при высокой зависимости скорости сосредоточения войск от навигации по рекам. В ледоход войска из г. Благовещенск вообще нельзя было куда-либо перемещать, а подкрепления из «Забайкалья должны будут остановиться у первой встретившейся на пути значительной реки». В летнее мелководье перевозка войск по рекам становилась очень медленной. Получалось, что если мобилизация будет объявлена с 25 апреля до первых чисел июля, то план перевозки выполним в полном объеме, если же мобилизация будет объявлена в конце июля, то последние эшелоны из Забайкалья не успеют отплыть из г. Стретенск до закрытия навигации. Вывод Н.И. Гродекова был неутешителен: «Все эти случайности и затруднения будут устранимы лишь по соединении района средней Сунгари сплошным рельсовым путем с Западной Сибирью, но только при условии безостановочности функционирования ж.д., ее достаточной провозоспособности и полной безопасности. События на Дальнем Востоке следуют с такой быстротой, что весьма вероятно придется стать на защиту наших интересов в Восточной Азии с оружием в руках ранее окончания сплошного рельсового пути и возможности его эксплуатировать в соответствии с потребностями военного времени»[202].

В заключение Н.И. Гродеков указывал, что нужно немедленно принять ряд мер, влияющих на ускорение мобилизации и на обеспечение сосредоточения и продовольствия войск Маньчжурского корпуса в пути и на базе[203]. Таким образом, впервые после разделения Вост. Сиб. в.о., был поставлен вопрос о необходимости координации действий сибирских и дальневосточных военных округов при подготовке к войне на Дальневосточном ТВД, т.к. без этого организовать своевременное прибытие подкреплений в нужный район невозможно. Последнее, при ожидавшемся подавляющем численном превосходстве войск противника, было для обороны региона критично.

Ко 2 июня 1899 г. основные соображения Н.И. Гродекова и Окружного штаба по плану обороны Дальнего Востока были суммированы вместе ходатайствами об усилении войск округа в специальной записке и отправлены в министерство[204]. В документе отмечалось: «Новая эра, наступившая на Дальнем Востоке после Японо-Китайской войны, выражается в

---

[202] Там же. Л. 13 об.–16.

[203] А именно: «1) Сокращения сроков мобилизационной готовности и прибытия Сибирских подкреплений; сводка их в крупные тактические единицы в период и на местах мобилизации и снабжение потребными тыловыми учреждениями. […] 2) Изменить, в видах ускорения мобилизации и сосредоточения, мирную дислокацию Сибирских резервных батальонов. Два из этих батальонов расположить в Забайкалье на линии ж.д. обратив их вместе со Стретенским и Читинским батальонами в резервные полки, образовать резервную бригаду. 3) Заблаговременное принятие мер по устройству с объявлением войны этапных линий по нашему Забайкалью и в Маньчжурии от Старого Цурухайтуя и Благовещенска к Цицикару и далее Бодуне и Гирину. 4) Скорейшее устройство дороги вдоль Шилки и Амура от Стретенска до ст. Черняевой (в обход перекатов и мелководий названных рек). 5) Предоставление мне права назначать реквизиции всех потребных для военных целей водоплавных средств. 6) Скорейшее разрешение организации Управления Военными Сообщениями Округа…». Там же. Л. 16–16 об.

[204] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 2–8 об.

том, что некоторые державы, преследуя торгово-экономические цели, стараются приобресть себе твердое положение на берегах Великого Океана и перенесли центр тяжести своей внешней колониальной политики на Дальний Восток. Проявление такого направления политики различных государств на Востоке выразилось: в занятии частей территории Китая, в стремлении получить право на постройку железных дрог и в желании захватить в свои руки преобладающее влияние на судьбу Небесной Империи, путем реорганизации вооруженных сил Китая, при помощи своих инструкторов. В ряду иностранных держав наиболее заинтересованы в получении преобладающего влияния в Китае – Англия и Япония; первая по количеству затраченных на различные предприятия капиталов (1½ миллиарда рублей), для последней-же является самым жизненным вопросом – стать прочно на материке, без чего она не может развиваться. Не взирая на финансовые затруднения, Японское правительство продолжает оставаться под давлением воинствующих элементов и упорно готовится к борьбе за преобладание на Дальнем Востоке»[205].

Поэтому, «в роли неприятеля России на Дальнем Востоке может явиться пока Япония – одна или в союзе с Англией, занявшей в недавнее время выгодную позицию на фланге нашего морского сообщения с Квантунским полуостровом. Будучи уязвима на границах Индии, Англия одна вряд-ли когда-нибудь рискнет вести с нами борьбу на Дальнем Востоке, отделенном от нее громадным расстоянием. Совершенно в других условиях находится Япония, неуязвимая для нас по своему островному положению и находящаяся всего в расстоянии трех дней ходу от наших владений. Общее настроение в Японии не в пользу России. Японское правительство стремится довести свою армию до числительности в 300.000, а боевой флот до 240.000 тонн. Хотя, в видах сокращения расходов, программа усиления армии и растянута на 10 лет, но более половины этой программы уже выполнено»[206], в результате чего сравнение наступательного потенциала Японии с оборонительным потенциалом российского Дальнего Востока было явно не в пользу последнего. Более того, фактор внезапности и транспортные условия тоже были на японской стороне, так что в Хабаровске были вынуждены исходить из того, что «неприятель может появиться у границ Приамурского Округа внезапно и совершенно неожиданно»[207].

---

[205] Там же. Л. 3.

[206] Там же. Л. 4–4 об.

[207] Расчеты велись на основе данных, что в 1898 г. Япония имела уже 13 дивизий (149 батальонов) с необходимым количеством артиллерии, а Приам. в.о.: 52 батальона (не считая креп. артиллерии, инженерных войск и запасных батальонов.), 46 сотен и 150 орудий, но из них: 17 батальонов, 7 сотен и 24 орудия составляли гарнизоны Владивостока, Порт-Артура и Николаевска. Поэтому для действий в поле оставалось: 35 батальонов, 39 сотен и 126 орудий. 25 батальонов и 42 сотни подкреплений из Сиб. в.о. могли подойти не ранее чем через 3 месяца после объявления мобилизации. Японская армия мобилизовалась на 8–10 день. На 4-й день в пунктах, назначенных для посадки войск на суда, могло быть сосредоточено 160 тыс. нижних чинов и 540 орудий. Паровой коммерческий флот Японии имел вместимость около 400 тыс. тонн и в любом из портов через неделю могло быть сосредоточено 75 пароходов (150 тыс. тонн), могущих поднять 30 тыс. нижних чинов с артиллерией, 6 тыс. лошадей и продовольствие на 2 недели. Япония уже имела господство на море, а в 1900 г. ее боевой флот должен был иметь 37 кораблей (171.331 тонн), не считая

У Н.И. Гродекова закрадывались подозрения, что несмотря на занятие Порт-Артура (его к этому времени еще не вывели из-под юрисдикции Хабаровска), в столице не поняли ни стратегического, ни символического значения этого пункта для России и Японии, равно как и состояние его обороноспособности[208]. Поэтому в записке он уже в 1899 г. продолжил методично отстаивать основания разработанного плана, объясняя значение Владивостока, Порт-Артура, среднего течения р. Сунгари, расчеты, лежавшие в основе подготовленного в округе плана кампании, а главное, что после занятия Порт-Артура у войск Приам. в.о. кроме двух старых задач – обороны Владивостокской крепости и прикрытия района среднего течения р. Сунгари, появилась еще и новая – выручать занятый без согласования с Хабаровском Порт-Артур. То, что находящийся на Квантунском полуострове отряд, при существующей численности войск, в случае начала войны держаться самостоятельно долго не сможет, было очевидно, так же, как и необходимость прикрывать строящуюся туда линию ЮМЖД. Все это делало положение малочисленных войск Приам. в.о. незавидным даже при том, что практическое решение некоторых задач в военных условиях частично совпадало[209].

Командованию Приам. в.о. уже весной 1899 г. было очевидно то, что в Петербурге не осознали даже к 1904 г., что выгодность географического положения Японии, по отношению к русским владениям на Тихом океана, ее громадные морские транспортные средства, в связи с общим превосходством сил, при благоприятных условиях времени «обусловливает для Японии выгоду принятия инициативы нападения и активного образа действий для захвата того или другого пункта. […] В настоящее время надо полагать, что главный удар японцы направят на Порт-Артур. […] Поэтому в настоящее время можно предполагать, что план японцев будет заключаться в высадке 4–5 дивизий (60–70/т[ыс]. и 270 орудий) на Ляодуне, при одновременном занятии Кореи. Этот способ действия не исключает возможности одновременной высадки значительных сил на берегу залива Петра Великого, с целью овладения Владивостоком»[210]. Нельзя не отметить точность этого прогноза.

Ближайшие к Порт-Артуру русские войска (достаточно малочисленные) находились в Южно-Уссурийском крае, откуда могли прийти на выручку крепости через 3 месяца, а Сибирские подкрепления – не ранее как через 7,5 месяцев. При этом те же войска должны были обеспечить оборону зал. Петра Великого и Владивостокской крепости, за пределами края – воспрепятствовать овладению неприятелем устья р. Амур, «дабы не дать ему даже

миноносцев и судов, неудовлетворяющих современным требованиям, а к 1903 г – 52 судна (233 тыс. тонн). Предполагалось, что в 1905 г., с окончанием реорганизации армии, в Японии будет 170 батальонов, 65 эскадронов и 120 батарей (720 орудий), что составляет 218 тыс. нижних чинов действующих войск, не считая войск резервных и территориальных. Там же. Л. 4 об.–5.

[208] Порт-Артур «еще не крепость и 11.000 гарнизон его далеко не достаточен для упорной и продолжительной защиты». Там же. Л. 5 об.–6, 7 об.–8.

[209] Там же. Л. 4 об.–7 об.

[210] Там же. Л. 5 об.–6.

нравственного перевеса в борьбе с нами». Сотрудникам центрального аппарата министерства также напоминали, что до окончания строительства русских железных дорог в Сибири, Маньчжурии и на Дальнем Востоке, все выкладки о времени и возможностях сосредоточения войск имели лишь гадательный характер[211]. Поэтому Н.И. Гродеков более всего опасался за безопасность российского Дальнего Востока именно в ближайшие годы: «Тревожные обстоятельства последнего времени показали, что на Востоке события идут с чрезвычайной быстротой и осложнения могут возникнуть внезапно. Через пять лет, надо полагать, постройка маньчжурской дороги будет окончена. Но надо пережить эти 5 лет; надо в течение их быть готовым ко всякого рода случайностям; надо отстоять наше теперешнее положение на Дальнем Востоке, во что-бы то ни стало удержать Порт-Артур, наконец – прикрыть строящуюся железную дорогу. Ближайшее пятилетие есть именно самый опасный для Приамурского Округа период». Поэтому все отправленные 11 мая 1899 г. в столицу выкладки сопровождались очередными ходатайствами по усилению войск[212].

В Главном штабе к анализу содержания поступившей записки приступили немедленно и в общем были вынуждены с ним согласиться. По мнению заведующего Азиатской частью Главного штаба генерал-майора Д.В. Путяты, ненадежность коммуникационных линий, о которой шла речь в записке, указывает «на необходимость держаться исключительно оборонительного способа действий, занимая в пределах наиболее вероятных объектов действий нашего противника на Дальнем Востоке сосредоточенное расположение»[213]. Относительно изолированности Квантуна и деятельности Квантунского отряда он был полностью согласен не с А.Н. Куропаткиным, а с Н.И. Гродековым[214], но высказался против занятия Сунгарийского плацдарма, указав что войска Приам. в.о., обороняющие побережье зал. Петра Великого должны держаться сосредоточенно, не отвлекаясь на второстепенную задачу занятия района среднего течения р. Сунгари, тем более, что денег на дальнейшее усиление войск в бюджете Военного министерства не было. Только после получения 5 августа 1899 г. разъяснений Главного штаба с запрошенными справками, военный министр 10 августа 1899 г. доложил гродековскую записку Николаю II[215]. Резолюций на документе император не оставил, но проработка высказанных в нем соображений в Главном штабе продолжилась.

---

[211] «Какова бы ни была боевая готовность войск и как бы ни были правильно составлены соображения по их сосредоточению, все расчеты могут быть нарушены одним весьма важным условием – огромностью расстояний и ненадежностью путей сообщения, передвижение по которым, завися от причин стихийных, не поддается никакому расчету. Указанное обстоятельство может значительно повлиять на успех военных операций войск Приамурского Округа». Там же. Л. 6–6 об.

[212] Там же. Л. 7 об.–8.

[213] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 9 об.

[214] Он отмечал, что «надлежит считать Квантунский полуостров совершенно изолированным, лишенным всякой поддержки как из Приамурского, так и из Сибирского военных округов. Три месяца для прибытия Приамурских подкреплений и 7½ месяцев для прибытия Сибирских составляют столь значительный срок, что подкрепления эти рискуют прибыть после окончания военных действий». Там же. Л. 9 об.

[215] Там же. Л. 2, 9–11 об..

Военный министр по-прежнему не соглашался с двумя основополагающими стратегическими выкладками Н.И. Гродекова – о полной изолированности Квантунского отряда в течение 7,5 месяцев из-за физической невозможности доставить туда подкрепления раньше и об узкоспециальной задаче этого отряда оборонять Квантунский полуостров и Порт-Артур. Куропаткин полагал, что не стоит привязывать Южно-Уссурийский отряд к обороне Владивостокской крепости или побережья, сделав его более мобильным для использования против неприятеля в поле, да и скорость его переброски к Порт-Артуру заметно возрастет после окончательного сооружения КВЖД и ЮМЖД уже в 1900 г. При этом таким же подвижным он считал возможным сделать и Квантунский отряд, допуская его переброску даже к Пекину или Мукдену[216]. Более же всего его волновала угроза на Европейском ТВД.

Поэтому еще 16 июня 1899 г. он приказал «составить всеподданнейшую стратегическую записку о предположениях Гродекова в случае мобилизации войск» Приам. в.о., рассмотрев два сценария. Первый, «что мы будем иметь противниками Англию, Японию и кроме того, без объявления нам войны, в Манджуриии военное восстание, противу нас направленное», и второй – предполагавший одновременное нападение на Европейском ТВД Германии. К 27 июня проект доклада был закончен Д.В. Путятой, 28 сентября доработанный вариант – представлен В.В. Сахарову, а итоговый от 6 ноября – прочитан 12 ноября А.Н. Куропаткиным[217]. Документ содержал 3 раздела[218]. Военное положение российского Дальнего Востока рисовалось в нем в очень мрачных красках, свидетельствуя, что в Главном штабе не только начинали осознавать угрозы, о которых с весны 1895 г. докладывали им С.М. Духовской и Н.И. Гродеков, но в гораздо большей степени опасались войны с коалицией держав, причем на два фронта[219]. Угроза войны на Европейском ТВД объективно не позволяла сосредоточить на Дальневосточном ТВД группировку войск, эквивалентную по силе потенциальному противнику. Из чего делался вывод, что «действия наши на Дальнем Востоке могут иметь, по крайней мере в первый период кампании, лишь оборонительный

---

[216] Там же. Д. 95. Л. 1–2.

[217] Там же. Л. 3–4, 6–20, 21–27 об. П.Н. Симанский ошибочно приписывает авторство В.В. Сахарову, лишь представившему документ А.Н. Куропаткину. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 182.

[218] «Наше политическое положение на Дальнем Востоке», «Борьба с Англией и Японией», «Борьба с Японией, Англией и Германией». РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 95. Л. 21–21 об.

[219] «Наше положение на Дальнем Востоке, ныне более прочное по сравнению с тем, что было лет 5 тому назад, не может все еще быть признано благоприятным. Быстрое развитие Японии, на которое долгое время мы смотрели без опасения, победоносная война ее с Китаем и начинающееся пробуждение желтой расы создали нам нового врага, не скрывающего свою враждебность... […] Таким образом, в случае возникновения военных действий на Дальнем Востоке, нам придется иметь дело с противником, за которым обеспечено полное господство на море и огромный численный перевес в силах. 250-тысячная Японская армия может почти вся принять участие в десантных операциях против нашего побережья, в виду островного, а, следовательно, безопасного положения Японской державы. […]. Еще менее благоприятно сложатся для нас обстоятельства, если мы будем одновременно вовлечены в войну на западе. В этом последнем случае содействие Германии позволит и европейскому десанту принять участие в операциях Японцев на Дальнем Востоке. Действительно, приковав наши войска к западной границе, Германия даст возможность Англии более свободно располагать своими сухопутными силами, и присоединение к Японской армии нескольких тысяч британцев (напр. из Индийских, Канадских или Австралийских войск) весьма вероятно». Там же. Л. 21–21 об.

характер, и что требуется весьма тщательная оценка нашей Восточной окраины, дабы не разбросать и без того малые наши силы»[220]. Была осознана важность для обороны Южно-Уссурийского края Посьетского участка. Отмечалось, что занятие противником г. Николаевск и устья р. Амур могло «иметь значение, исключительно, впрочем моральное», а занятие о-ва Сахалин, оборону которого признавалось возможным организовать исключительно имевшимися там командами, – не имело даже и его. «Впечатление будет большое», – пророчески написал на полях А.Н. Куропаткин[221].

Рассматривая возможность одновременной войны с Англией и Японией и критикуя предложения Н.И. Гродекова на этот случай, в Главном штабе исходили из недоказанного соображения, что «движение японских сил к Средней Сунгари, пока существует Уссурийский Корпус и Квантун в наших руках, маловероятно», поэтому оборонительная задача, возлагаемая Н.И. Гродековым на Маньчжурский корпус «может быть выполнена и меньшими силами. Для противодействия восстанию в Маньчжурии, даже поддерживаемому Китайцами, достаточно нескольких сотен, расположенных в важнейших пунктах края, для охранения же железной дороги имеется особая стража, которую предположено довести до 5.000 человек». Выполнение же задачи по оказанию помощи Порт-Артуру посредством наступления войск из района среднего течения р. Сунгари было признано «совершенно бесцельным», до окончания строительства ЮМЖД, поскольку от начала мобилизации до прибытия войск на Квантун по самым оптимистичным подсчетам получалось примерно полгода, «в течение которого обстановка может не раз измениться самым коренным образом». В связи с чем от формирования отдельного Маньчжурского корпуса, а значит и оказания помощи Порт-Артуру, было рекомендовано отказаться. «Нельзя утверждать так безусловно. Ныне некоторые участки дороги уже могут давать рабочие поезда. Мы должны готовиться выручить Порт-Артур», – отметил А.Н. Куропаткин[222].

В случае начала войны до окончания постройки железной дороги, Главным штабом предлагалось ограничиться формированием одного Уссурийского корпуса (будет оборонять Приморскую область, а операциями в поле содействовать гарнизону Владивостока в обороне крепости), 1 отряда и 2 крепостных гарнизонов[223]. Войска из Амурской области предполагалось направить: 2 батальона, 16 орудий и 0,5 сотни к Уссурийскому корпусу, 8 сотен – для занятия важнейших пунктов Маньчжурии, оставив незначительное количество для

---

[220] Там же. Л. 21 об.
[221] Там же. Л. 22.
[222] Там же. Л. 23–23 об.
[223] 1. Уссурийский корпус: 23¼ батальонов, 19 эскадронов и сотен и 82 орудия, главные силы которого (21¼ батальона, 17 эскадронов и сотен и 74 орудия) сосредотачивались у ст. Надеждинской, а особый отряд (2 батальона, 2 сотни и 8 орудий) «наблюдал участок побережья» южнее м. Славянский. 2. Николаевский отряд для обороны устья р. Амур: 1 батальон, 1 креп. арт. рота и 1 инженерная рота. 3. Гарнизон Владивостокской крепости 5 креп. и 2 лин. батальона. 4. Квантунские войска: 8 батальонов, 6 сотен и 3 батареи (24 орудия). Там же. Л. 23 об.–24.

караулов. Войска из Забайкальской области предполагалось сосредоточить либо к г. Стретенск (если речная навигация открыта), либо к г. Нерчинск (если навигация прекращена), откуда их можно водным или сухопутным путем направить, по обстановке, на Уссурийский или Маньчжурский театр. К г. Стретенск предполагалось перебрасывать и 25 батальонов и 42 сотни подкреплений из Сиб. в.о. «Надо направить их как рассчитывает Гродеков», – т.е. все-таки сформировать два корпуса с задачей Маньчжурскому – выручать Порт-Артур, неожиданно указал А.Н. Куропаткин, ранее признававший сосредоточение войск в районе среднего течения р. Сунгари разбрасыванием сил[224].

Автор записки надеялся, что присутствие 35 тыс. полевых войск в Южно-Уссурийском крае и возможность прибытия подкреплений из Сибири и с Волги, если Россия не втянута в европейскую войну, «имеет много вероятности на удержание Англо-Японцев от серьезных покушений против русской территории. Можно полагать […], что союзники, ограничившись демонстративной бомбардировкой Владивостока, направят все усилия к достижению более практических целей – утверждению Японского владычества в Корее и изгнанию русских из Квантуна»[225]. Причем в Главном штабе вполне отдавали себе отчет, что японская армия достаточно сильна, чтобы достигнуть и того и другого, даже и без содействия английских сухопутных сил, т.к. при островном положении государства смогут перебросить на ТВД почти всю армию, большая часть которой будет направлена против 8-батальонного гарнизона Порт-Артура. В Главном штабе полагали, что удержать его против имеющего минимум 5-кратное превосходство противника будет невозможно[226]. От переброски же для его спасения Уссурийского корпуса было рекомендовано отказаться, как от едва ли возможной и целесообразной. «Совершенно не согласен. – Написал А.Н. Куропаткин на полях. – Наш гарнизон может и теперь держаться столько времени, сколько будет запасов, если мы его усилим»[227]. Мысль, что гарнизон могут еще до израсходования запасов просто физически перебить при обстреле тяжелой осадной артиллерией в расчет не принималась, несмотря на полное отсутствие в Порт-Артуре во 2-й половине 1899 г. серьезных оборонительных сооружений[228]. Итак, в Главном штабе пришли к выводу, что даже при оптимистичном сценарии развития событий, до окончания строительства КВЖД и ЮМЖД Россия не может отстоять военными средствами свои политические интересы на Дальнем Востоке и защитить арендованные территории, но Н.И. Гродекова в известность об этом не поставили.

---

[224] Там же. Л. 25 об.–26.
[225] Там же. Л. 24.
[226] «Как бы геройски ни защищался этот отряд, но вне сферы чистых случайностей трудно допустить, чтобы даже при содействии судов береговой обороны ему удалось удержаться против в 5, если не более, раз сильнейшего противника в продолжение 3-х месяцев, т.е. того времени, которое потребовалось бы на подход сюда ближайших полевых войск Уссурийского корпуса…». Там же. Л. 24–24 об.
[227] Там же. Л. 24 об.–25.
[228] Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. Порт-Артур: страницы истории русской крепости (1898–1905 гг.) // Воен.-ист. журнал. 2019. № 1. С. 20–28.

Расчеты, проведенные на случай войны с теми же противниками после завершения железнодорожного строительства показали, что обстановка изменится к лучшему, но «насколько – еще вопрос будущего, так как за отсутствием должного военно-технического надзора, весьма возможно, что по открытии движения обнаружится, что провозоспособность ее не ответит тем требованиям, которые могут к ней быть предъявлены в военное время», что и оказалось в действительности[229]. В идеале же, с окончанием строительства линии Владивосток–Никольское–Порт-Артур должна была появиться возможность в 15 дней перевезти Уссурийский корпус (без Посьетского отряда) или к Мукдену, или на Квантун, что требовало в общей сложности 70 поездов.

При этом сил Уссурийского корпуса в 30 тыс. чел. для занятия войсками района г. Бицзыво, как предлагал Н.И. Гродеков, все равно оказывалось недостаточно, поскольку пришлось бы выделять отряды для охраны 1500-верстного участка железной дороги («независимо от существующей стражи») от возможного удара японцев со стороны р. Ялу. Поэтому в Главном штабе предложили сосредотачивать корпус не к Бицзыво, а к г. Мукден, где корпус, находясь в узле путей и прикрывая последний, сможет угрожать, японским силам у Квантуна и попыткам японцев наступать со стороны Корейского полуострова. Временную базу следовало организовать в г. Харбин, где и сосредоточить все подкрепления из Забайкальской и Амурской областей, чтобы эти резервы можно было оперативно перебросить к Мукдену или Владивостоку. Таким образом под Мукденом сосредотачивалось до 75 тыс. войск, которые при благоприятном стечении обстоятельств, могли даже перейти в наступление, с последующим развитием операций к югу от р. Ялу в направлении на Пеньян[230]. Предполагалось, что занятие Пеньяна и Сеула «понудят Японию к скорейшему заключению мира, что и было бы наиболее для нас желательным…»[231].

Наихудший, но наименее вероятный сценарий предусматривал вовлечение России одновременно в войну в Европе и Азии, с возможностью усилить войска на Дальневосточном ТВД только подкреплениями из Сибири, при подавляющем превосходстве в регионе войск и флотов противников. При таком развитии событий захват Владивостока признавался реальным, а Южно-Уссурийскому корпусу выпадала задача удерживать дальнейшее наступление противника, а в случае неудачи – отступать к Харбину на соединение с сибирскими подкреплениями[232].

Впрочем, кроме официальных мнений Главного штаба и командования Приам. в.о., существовала еще записка – «Опыт разработки вопроса о столкновении в будущем между

---

[229] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 95. Л. 26.
[230] В настоящее время г. Пхеньян, столица КНДР.
[231] Там же. Л. 26–27.
[232] Там же. Л. 27–27 об.

Россиею и Японией», автор которой проводил анализ с совершенно иных позиций[233]. Подготовленная Генерального Штаба полковником В.А. Альфтаном, служившим на Дальнем Востоке в 1893–1897 гг. и совершившим в декабре 1895–марте 1896 г. поездку с секретным поручением в Корею и Японию[234], она была направлена начальнику Азиатской части Главного штаба генерал-лейтенанту А.П. Проценко летом 1897 г. начальником штаба Приам. в.о. К.Н. Грибским по распоряжению С.М. Духовского[235]. Генерал К.Н. Грибский, отмечал: «Вообще вопросы, затронутые этою запискою, на столько существенны и неотлогательны, что было бы крайне желательно, чтобы Главный Штаб взял на себя общее руководство при решении некоторых, хотя бы только самых важных вопросов и затем уже вместе со своими общими указаниями передал бы в округ для дальнейшей разработки деталей»[236].

Автор очень точно определил цели и задачи Японии в Корее, констатировав, что занятие полуострова позволит ей господствовать в трех морях (Японском, Желтом и Китайском), даст ей необходимый плацдарм для дальнейшей экспансии на континент, рынок сбыта для дешевых, но некачественных товаров, полезные ископаемые, которых на японских островах нет и доступ к прибрежным рыбным богатствам. Настаивал на неизбежности столкновения по корейскому вопросу между Россией и Японией, к которому нужно тщательно подготовиться, «дабы события не застали нас врасплох». Что касается роли Англии в возможном конфликте, то В.А. Альфтан был уверен, что Англия, несомненно, сыграет свою роль в этом столкновении, но «по отдаленности от метрополии она ограничится лишь второстепенными операциями». При этом для развития России на Дальнем Востоке Корея может дать незамерзающий порт и инструмент влиянии на Пекин, в связи с чем она должна служить развитию России, а не Японии. «Для того, чтобы заставить Японию согласиться на поставленные нами условия имеется два средства: а) открыть военные действия на Японской территории и двигаться к столице ее; б) Занять Корею и здесь ожидать столкновения с Японскою армиею». А поскольку для реализации первого сценария нужно было как минимум тщательно исследовать Японию, то автор записки выступал за немедленное занятие Кореи, чтобы, лишив Японию плацдарма для продвижения на континент, навсегда решить проблему японской угрозы[237].

Достижение этой цели, по мнению В.А. Альфтана, можно было обеспечить только наличием в Приам. в.о. группировки войск, сопоставимой по численности и силе с Японской армией, развиваемой одновременно с развитием армии противника и не зависящей от времени

---

[233] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 4–82; 149–227.
[234] Поездка в Корею Ген. Шт. подполк. Альфтана в декабре 1895 и январе 1896 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб., 1896. С. 8–96.
[235] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 1–2 об.
[236] Там же. Л. 1 об.–2.
[237] Там же. Л. 5–5 об., 16–18.

прибытия подкреплений из Сибири и Европейской России. О том, что в Военном министерстве отказались от этой концепции за несколько лет до написания записки, он не знал. В документе были тщательно проанализированы экономические возможности ведения войны, по данным разведки приведена динамика роста численности японской армии, рассчитан объем необходимого усиления русских войск на Дальнем Востоке и даже составлен общий план русско-японской войны в Корее, содержащий целый набор действительно полезных рекомендаций, как лучше всего организовать ведение боевых действий[238].

В Японо-китайскую войну 1894–1895 гг. Япония выставила в поле 75 тыс. чел., поэтому на текущий момент для войны с ней требовалась группировка войск в 100–120 тыс. чел. К 1897 г., по данным разведки, число дивизий в Японии было удвоено, возросла численность артиллерии, инженерных войск и конницы, и в 1903 г. они рассчитывали иметь возможность выставить 184 тыс. действующих войск и 116 тыс. территориальной армии, т.е. всего 300 тыс. чел., для противодействия которым численность русских войск в регионе следовало довести примерно до 225 тыс. чел. Всего на действующую армию и оборону Приам. в.о.: 185 батальонов, 10–12 рот креп. арт., 60 батарей (41 горную и 19 полевых), 44 сотни, 6 сап. батальонов, 1 сап. роту, 1 телеграфную роту и 1 минную роту. По сравнению с имевшимися силами недоставало: 109 батальонов пехоты, 39 горных батарей и 5 сап. батальонов. Состав войск следовало, как это уже сделали японцы, максимально адаптировать к местным условиям – необходимости ведения войны в труднопроходимой гористой местности: наличие хорошо обученной горной пехоты, минимальное количество кавалерии (необходима только для разведки), артиллерия – почти исключительно горная (полевой немного и то облегченного типа), саперные и телеграфные части[239].

Образ действий – наступательный. Целью сосредоточенного удара была избрана Корея, как единственно возможный здесь ТВД, а вот продовольственной базой – Маньчжурия, а точнее, район Турий Рог–Сян-син–Бодунэ–Куанченцзы–Гирин–Омосо–Посьет. Для ее охраны необходимо было выделить 5 батальонов, 1 горную батарею и 4 сотни. Охрану главнейших центров Приам. в.о. обеспечивалась несколькими батальонами, командами и ротами, а остальные 160 батальонов, 30 сотен, 55 батарей (40 горных и 15 полевых) и 6 сап. батальонов предполагалось направить в Корею. Флот должен был обеспечить себе господство на море, поэтому $^{9}/_{10}$ всей армии В.А. Альфтан считал возможным доставить туда морем из Владивостока, а $^{1}/_{10}$ – отправить из ур. Новокиевское по береговой дороге. Сначала войска должны были выйти на линию Гензан–Пеньян, которую он считал возможным занять раньше противника исходя из того, что расстояние морем до Гензана от Владивостока и от Японии

---

[238] Там же. Л. 4–82.
[239] Там же. Л. 34 об.–48 об.

было одинаковым. Затем войска должны были выйти на линию Сеул–Чемульпо[240].

Хотя разделы записки по анализу ТВД и состава русских и японских войск представляли большую ценность, в целом проект слабо соотносился с реальными возможностями России. Уровень хозяйственного освоения Дальнего Востока едва ли позволял разместить там такое количество войск, тоннаж имевшегося транспортного флота – не позволял перебросить их морем в Корею, а состояние ВМФ на Тихом океане – обеспечить господство на море, без чего, как отмечал автор «наше положение станет безвыходным».

1 января 1899 г. А.Н. Куропаткин распорядился прислать ему справку о выводах автора[241]. Записка была к 25 февраля 1899 г. изучена в Главном штабе младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета подполковником В.Х. Роопом[242], написавшим напротив тезиса, что «несмотря на все крупные тактические и стратегические промахи Японская армия должна считаться на равных с лучшими армиями Европейских Государств» – «Не слишком ли сильно сказано?»[243], а ознакомившийся с ней 4 марта А.Н. Куропаткин характеризовал некоторые части записки как «совершенно опасную фантазию», а выводы как «странные и слабые»[244]. При этом несколько ключевых мыслей из этой записки В.Х. Рооп и А.Н. Куропаткин не заметили: необходимость обеспечения продовольственной безопасности Приам. в.о., который снабжался мясом пригоном скота из Кореи и Маньчжурии; необходимость иметь в округе войска способные воевать на Дальневосточном ТВД, т.е. совершенно другого состава и вооружения, чем на Европейском ТВД; указание, что для обеспечения военных действий в Маньчжурии, на КВЖД хотя бы участок Гирин–Хайчен должен быть двухколейным, или с пропускной способностью 12 пар поездов ежедневно и др.

Кризис в Мезанпо привел к корректировке плана развертывания войск Приам. в.о. в случае начала войны. 10 января 1900 г., в Окружном штабе Приам. в.о., под руководством уже нового начальника, генерал-майора А.Н. Селиванова, завершили «Записку о предполагаемых совместных действиях войск Приамурского и Сибирского военных округов на Дальнем Востоке». Генерал Н.И. Гродеков написал на ней: «Представить в Главный штаб», после чего ее отослали начальнику Главного штаба. В «Записке…» была в очередной раз проанализирована ситуация в регионе. Констатировано, что основным и наиболее вероятным противником остается Япония, при возможном союзе и совместных действиях с Британской империей. Основной целью экспансии Японии будет Корея, влияние в которой она стремится

---

[240] Там же. Л. 30, 48 об.–61.
[241] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 149.
[242] Подполковник В.Х. Рооп не был специалистом по Азии и Дальнему Востоку, а 1 мая 1900 г. был назначен военным агентом в Вену, в Австро-Венгерскую империю. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 января 1899 г. СПб., 1899. С. 170; Список Генерального штаба. Исправлен по 2 января 1901 г. СПб., 1901. С. 172.
[243] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2119. Л. 33 об.–34.
[244] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 188.

максимально увеличить, затем – Маньчжурия[245]. Сравнительный анализ военного потенциала японской армии и флота и оборонительного потенциала Приам. и Сиб. в.о. наглядно свидетельствовал о подавляющем численном перевесе войск противника, наличии у него транспортных возможностей по перевозке войск морем с последующим внезапным десантированием в любой выбранной точке корейского или китайского побережья[246].

У России на Дальнем Востоке было всего: 38 батальонов, 6 эскадронов, 41 сотня, 106 орудий, 12 мортир и 1 сап. батальон (причем считая с казачьими частями 2-й очереди), разбросанные на огромной территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей, а также в Сиб. в.о.: 36 батальонов, 42 сотни и 64 орудия (большая часть – разворачиваемые в военное время резервные части). Всего же: 74 батальона, 6 эскадронов, 83 сотни, 170 орудий, 12 мортир и 1 сап. батальон, из которых для действий в поле можно было выставить только: 61 батальон, 170 орудий, 6 эскадронов, 73 сотни и 1 сап. батальон[247]. Военный и транспортный флот на Тихом океане сильно уступал по численности и тоннажу японскому, транспортных средств для перевозки войск по рекам тоже не хватало.

Рассматривая вероятный образ действий японцев, в Окружном штабе просчитывали два варианта: «1) Япония одна и 2) Япония в союзе с другой большой державой. В первом случае японцы могут занять Корею и укрепиться в ней для обороны, не предпринимая других операций, или же одновременно с занятием Кореи оперировать на Артур или Владивосток. Во втором случае, захватив Корею, союзники могут действовать против обоих указанных пунктов, причем полуостров явится промежуточным базисом для операций, как на Артур, так и на Владивосток, а войска этого базиса будут связывать действующие корпуса и служить им резервом»[248]. Сравнивая возможные операции японцев в южной Маньчжурии с действиями против Южно-Уссурийского края, в Окружном штабе пришли к однозначному выводу, что противником будет выбрано первое направление[249]. Основной удар будет направлен «на Порт-Артур, и Ляодунский полуостров с южной Маньчжурией явится главным театром военных действий. Война начнется, вероятно, высадкой японцев в Фусане и борьбой флотов

---

[245] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 28–41.

[246] Численность японской армии определялась в: 140–144 батальона, 342 орудия, 26 эскадронов, 26 инженерных и 19 обозных рот, не считая 7-й дивизии, предназначенной для обороны о. Хоккайдо, а также резервных и территориальных войск. Армия мобилизуется на 8–10-й день без интендантских транспортов и на 14-й день с ними. Численность и тоннаж транспортного флота позволяли собрать к ее окончанию одновременно 75–100 пароходов, могущих поднять 2½–3 дивизии с обозом и запасом продовольствия на 14 дней. Там же. Л. 31 об.–32 об.

[247] По мобилизационному росписанию № 4 сроки готовности войск Приам. в.о. составляли: в Приморской области – на 21-й день по объявлении мобилизации, в Амурской – на 27-й, а в Забайкальской – на 48-й. Причем войска Сиб. в.о. «желательно иметь сосредоточенными в Забайкалье к открытию навигации, так как только при этом условии все эти войска могут быть с открытием навигации отправлены на вероятный театр военных действий». Там же. Л. 32 об.–33.

[248] Там же. Л. 32 об.–34.

[249] Поскольку «успех противника на Маньчжурском театре сразу уничтожит все наши труды, усилия и денежные затраты употребленные для преобладания и господства в Маньчжурии, для проведения через последнюю нашего Великого железного пути, вывода его оконечности к незамерзающему побережью Тихого океана и для оборудования и охраны этого выхода», в то время как «успех противника в Южно-Уссурийском крае даст ему сомнительные выгоды, а в то же время потребует огромных усилий и средств для ведения операций». Там же. Л. 33 об.–35.

на море, а от исхода этой борьбы будет зависеть дальнейшее развитие кампании. Во всяком случае боевому флоту будет принадлежать первенствующее значение…»[250].

С учетом позиции Военного министерства, расчеты сосредоточения мобилизованных войск были проведены для двух районов: Южно-Уссурийского края и района среднего течения р. Сунгари, – в зависимости от выбора операционного направления. Главным преимуществом первого варианта было отсутствие необходимости перевозки большого числа войск на начальном этапе, т.к. большинство частей Приморской области и так находилось в Южно-Уссурийском крае. Проблема возникала на втором этапе, т.к. войска Амурской и Забайкальской областей можно было перебрасывать только по рекам до Хабаровска, а далее – по железной дороге, при этом в зимний период войска из Амурской области могли подойти к с. Никольское только на 85-й день мобилизации. Расчет наличных транспортных средств показывал, что сосредоточение в крае одновременно также войск Забайкальской области и Сиб. в.о. в одну навигацию невозможно, а те, которые успеют собраться, будут испытывать трудности передвижения, действия большими отрядами и подвоза продовольствия. Последнее при прерванном морском сообщении, скудности ресурсов севера Кореи и возможных операциях японцев в Маньчжурии было почти неразрешимой задачей. В документе отмечалось: «Сосредотачивая войска в Южно-Уссурийском крае, мы надежно прикроем Владивосток и Приморскую область, но вместе с тем поставим все наши войска относительно Квантуна в такое положение, что они будут лишены возможности оказать ему своевременную помощь, т.е. сыграем в руку японцев и облегчим им достижение крайне нежелательного для нас успеха на Южно-Маньчжурском театре. Если для сосредоточения будет избрана северная Маньчжурия, занимающая центральное положение между нашими пограничными областями: Забайкальской, Амурской и Приморской, то мы будем иметь возможность в одну навигацию сосредоточить почти все наши войска. Наилучший район для сосредоточения заключает в себе часть средней Сунгари между г.г. Гирин–Бодуне–Харбин. Он будет служить основной базой для наступательных действий, а в крайнем случае и убежищем, где можно отстояться, поджидая подкреплений. Этот район заключает в себе узел дорог на Артур, Владивосток и Читу и судоходную реку Сунгари, дающую выход на Благовещенск, Хабаровск и Стретенск»[251]. Причем, в отличие от Южно-Уссурийского края, там собрать за одну навигацию все войска не только Приморской и Амурской, но также Забайкальской области и Сиб. в.о. было вполне реально. Правда для этого требовалось радикально увеличить речные транспортные средства.

В Хабаровске полагали, что с окончанием постройки КВЖД по ней, а также водами рек

---

[250] Там же. Л. 35–35 об.
[251] Там же. Л. 35 об.–37.

Амура и Сунгари, будет возможно подвозить войска к средней Сунгари с трех сторон, что значительно сократит время сосредоточения войск. Существенным недостатком такого сосредоточения будет его проведение в стране совершенно неподготовленной, «где с наступлением дождливого периода – июль и август месяцы, прекращается всякое движение; кроме того, требуется предварительный захват, если, конечно, не последует согласия китайского правительства[252], известного района, а затем и охрана его, как базы для обеспечения безостановочного наступления по окончании сосредоточения». Зато, сосредоточением всех войска на средней Сунгари обеспечивались наилучшие условия для действий войск на Дальнем Востоке, прикрывался узел железных и водных путей в Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, контролировался в узел путей на Владивосток, Сеул и Порт-Артур, занималось угрожающее положение по отношению всех вероятных операций противника и имелась возможность оказать помощь Порт-Артуру.

Для дальнейших действий предлагалось 3 операционных направления: 1) морское: Владивосток–Генсан или сухопутное: ур. Новокиевское–Генсан (624 верст)–Пинъян (816); 2) Никольск–Гирин (621)–Мукден (967)–устье Ялу (1.245 верст); 3) Харбин–Мукден (512)–устье Ялу (790 верст). В Окружном штабе признавали наиболее целесообразным «принятие операционных направлений: для войск Приморской области – Никольск–Гирин–Мукден–Ялу, а для всех остальных – Харбин–Мукден–Ялу». Тогда, заняв Маньчжурию и базируясь на среднюю Сунгари, можно было наступлением к Ляодуну попытаться заставить противника отказаться от операции на Порт-Артур и сохранить за собой Маньчжурию. К моменту завершения записки в Хабаровске были уже разработаны движения по двум направлениям: Никольск–Гирин–Мукден и Новокиевское–Кеншен–Генсан–Пинъян и приступили к разработке совместных действий Приамурских и Сибирских войск в Маньчжурии[253].

В отзыве Н.И. Гродеков сообщал, что проведение указанного в записке сосредоточения и военных операций возможно только при соблюдении двух условий: 1. Войска Приам. и Сиб. в.о. должны быть обеспечены 3-месячным провиантским и фуражным довольствием на время передвижения для сосредоточения, и 6-ти месячным довольствием на первый период кампании. 2. Они же для успешного и своевременного сосредоточения в Уссурийском районе или в районе р. Сунгари должны быть обеспечены речными перевозочными средствами для передвижения войск и запасов по рекам Шилке, Амуру и Сунгари, поскольку имевшееся число пароходов и барж было крайне незначительно. В Азиатской части Главного штаба оба

---

[252] Про существование русско-китайского секретного договора 1896 г. по сути являвшегося оборонительным союзом против Японии, и дававшего право на строительство КВЖД российский МИД местные власти в Хабаровске в известность не ставил. Впоследствии именно этот договор обеспечил нейтралитет Китая во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Подробнее см.: Союзный договор между Россией и Китаем 22 мая (3 июня) 1896 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М. 1952. С. 292–294; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 65–70; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 192–222.

[253] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 7. Л. 37–41.

документа были получены 13 марта, и прочитаны А.Н. Куропаткиным: отзыв – 6 июня 1900 г., т.е. за 6 дней до начала мобилизации войск Приам. в.о., записка – 18 июня, т.е. через 6 дней после ее начала[254], когда их содержание уже потеряло актуальность.

Последним до начала Китайского похода 1900–1901 гг. комплексным документом по вопросам военного планирования и необходимости усиления войск на Дальнем Востоке стала «Записка о мобилизационной и боевой готовности Приамурского военного округа в начале 1900 г.» от 12 апреля 1900 г. Н.И. Гродекова, где были сведены воедино и аргументировано изложены все приведенные выше положения по обстановке в регионе, потенциальным угрозам и планам действий в случае начала войны[255]. По получении в Петербурге и прочтении А.Н. Куропаткиным, записку представили Николю II, который закончил ее чтение 17 июня 1900 г.[256] – 5 дней спустя после начала мобилизации войск Приам. в.о. в связи с Боксерским восстанием[257], т.е. тех самых «осложнений» на Дальнем Востоке, о которых писал Н.И. Гродеков в предыдущей записке[258]. Итоговый план сосредоточения войск Приам. в.о. на случай новой войны закончить к этому времени так и не успели, хотя в штабе округа сохранился старый план, разработанный еще весной 1895 г., на случай войны с Японией.

Разработка планов кампании осложнялась постоянными изменениями во внешней политике, а значит и исходных посылках. Сначала было принято решение о строительстве КВЖД – русской стратегической железнодорожной линии на китайской территории, что поставило вопрос о необходимости защитить ее в случае войны. Затем был взят в аренду на 25 лет Квантунский полуостров с Порт-Артуром, который нужно было уже не только оборонять, но и выручать своевременной отправкой подкреплений из войск Приам. в.о., что в корне меняло все расчеты. А поскольку из-за недостатка финансирования и позиции А.Н. Куропаткина усиление русских войск на Дальнем Востоке проходило не планово-систематически, а спонтанно-хаотически, все расчеты приходилось постоянно корректировать в зависимости от текущего состава войск округа, убеждая в их правильности Петербург.

Китай в качестве самостоятельного военного противника России ни в одном из документов русского военного планирования периода 1895–1900 гг. не фигурировал, и проработки подобного сценария событий не велось ни в Окружном, ни в Главном штабе. Это объяснялось тем, что еще во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. командование Приам. в.о. осознало, что основным и наиболее вероятным противником России на Дальнем

---

[254] Там же. Л. 28–30.
[255] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 12–21 об. Документ был целиком опубликован и проанализирован в: Авилов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос…» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. // Исторический архив. 2018. № 4. С. 159–183.
[256] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 12–21 об.
[257] Телеграмму о мобилизации в Хабаровске получили 11 июня 1900 г., а 1-м днем мобилизации было приказано считать 12 июня 1900 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4.
[258] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 7 об.

Востоке будет Япония, к схватке с которой и нужно готовиться. При этом из-за отсутствия систематически поставленной в дальневосточных странах разведки, постепенное развитие антииностранных настроений, происходившее в Дайцинской империи с 1898 г. и вылившихся в 1900 г. в Боксерское восстание, в Хабаровске просто пропустили. События в Китае весной–летом 1900 г. стали полной неожиданностью, к которой совершенно не готовились.

* * *

Заметно лучше обстояло дело с мобилизационным росписанием. С 1898 г. в округе действовало мобилизационное росписание № 3, соответствовавшее росписанию Главного штаба № 17. Усовершенствованное в деталях мобилизационное росписание № 4 было введено в действие в мае 1899 г.[259]. Работа над составлением мобилизационного росписания № 5 для войск Приам. в.о. велась в Окружном штабе с 1 января по 14 февраля 1900 г. После окончания работы и рассылки в войска, оно было введено в действие 15 апреля 1900 г., т.е. буквально за 2 месяца до начала мобилизации 11 июня 1900 г., что сыграло огромную положительную роль при развертывании войск. В Главный штаб его представили при рапорте от 27 мая 1900 г. В соответствии с росписанием, каждая область Приам. в.о. «укомплектовывала своими средствами запаса по возможности все части войск, в ней квартирующие». Недостающее число добавлялось в тыловые части из Сиб. в.о. Забайкальская область, ввиду близости ее к Сиб. в.о., проведения Забайкальской железной дороги и недостатка запасных в области, получала укомплектование из Сиб. в.о. отчасти и для действующих частей[260].

В целом в Приморской области требовалось 13.189 чинов запаса, в том числе: 5.242 – для укомплектования действующих войск (все назначены из запаса своей области), 7.947 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 4.441 чел. или 56% – из своей области и 3.506 или 44% – из Сиб. в.о.). В Амурской области – 1.986 чинов запаса, в том числе: 80 – для укомплектования действующих войск (все назначены из запаса своей области), 1.906 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 1614 чел. или 84% – из своей области и 292 или 16% – из Сиб. в.о.). В Забайкальской области – 11.308 чинов запаса, в том числе: 9.506 – для укомплектования действующих войск (из них 4.600 чел. или 48% – из своей области и 4.906 или 52% – из Сиб. в.о.), 1.802 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 878 чел. или 49% – из своей области и 924 или 51% – из Сиб. в.о.). Всего в Приам. в.о. требовалось 26.483 запасных чина[261], в том числе: 14.828 – для укомплектования действующих войск (из них 9.922 чел. или 67% – из запаса своего округа и 4.906 или 33% – из Сиб. в.о.), 11.655 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 6.933 чел. или 60% – из запаса своего округа и 4.722 или 40% – из Сиб. в.о.). Из всего этого числа нижних

---

[259] Там же. Л. 5.
[260] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4–5.
[261] Из них 2759 чел. – в 5 запасных батальонов, предположенных к формированию в округе. Там же. Л. 4.

чинов запаса: 11.296 чел. (43%) – поступали в части на месте, 5.559 чел. (21%) – перевозились в районе своих областей и 9.628 чел. (36%) – перевозились из Сиб. в.о. Перевозок из одной области в другую не предполагалось.

На учете в областях Приам. в.о. к 1 января 1900 г. состояло 20.659 нижних чинов запаса. За исключением скидки в 25%, т.е. запасных, которые по каким-либо причинам освобождались от призыва, росписанием № 5 были распределены в действующие войска округа 14.896 чел., в запасные батальоны – 1.959. Всего – 16.885 чел. Остальные 9.628 чел., недостающие до потребности округа в 26.483 чел., были назначены распоряжением Главного штаба из Сиб. в.о. и распределялись по областям следующим образом: 60% сибирских запасных (5.830 чел.) – в Забайкальскую область, 3% (292 чел.) – в Амурскую область и 37% (3.506 чел.) – в Приморскую область. Наибольшие проблемы возникли с фельдшерами запаса, которых в Приам. в.о. оказалось на учете всего 303 чел., из которых, за скидкой в 20% были распределены росписанием 243 чел. Еще 332 чел., пришлось назначать из Сиб. в.о.[262].

Этим же документом регламентировался и порядок поставки от населения лошадей при объявлении мобилизации. По мобилизационному росписанию № 5 общая потребность в лошадях всех частей войск, управлений и заведений Приам. в.о. была определена в 12.977 голов, из которых 1.200 голов назначались в 3 отделения конского запаса, предположенные к формированию в г. Благовещенске. Лошадей у населения предполагалось брать по реквизиции, т.к. положение о военно-конской повинности еще не было распространено на Приам. в.о. А поскольку введение военно-конской повинности в округе было лишь вопросом времени, то производство реквизиции предполагалось произвести на тех же основаниях, на которых проводилась в империи поставка лошадей по военно-конской повинности. Сбор лошадей по реквизиции на сдаточных пунктах должен был начаться одновременно со сбором нижних чинов запаса на сборных пунктах округа[263].

При составлении документа возникли серьезные проблемы с подсчетом численности лошадей, имевшихся у населения. Поскольку нормальной военно-конской переписи в округе не проводилось, то основанием для производства разверстки наряда лошадей в областях между частями войск служили данные, полученные при производстве упрощенного подсчета лошадей в 1898 г. в частях Амурской и Приморской областей[264]. В Забайкальской области подсчета лошадей не проводилось и сведения о числе лошадей были взяты Окружным штабом из отзыва Забайкальского статистического комитета № 8 от 6 февраля 1891 г. На

---

[262] Там же. Л. 4–5.
[263] Там же. Л. 40–40 об.
[264] Эта мера была произведена в Амурской и Приморской областях в 1898 г. вместо военно-конской переписи, о производстве которой 23 мая 1898 г. ходатайствовал Окружной штаб, поскольку Главный штаб почитал достаточным «на первый раз произвести только предварительный упрощенный подсчет лошадей в полосе, ближайшей к линии железной дороги, и в других важнейших районах». Там же. Л. 40 об.–41.

основании этих данных, общее число лошадей в областях округа было определено в 543.591, из которых: 503.976 – в Забайкальской области, 21.865 – в Амурской и 17.750 – в Приморской области. При этом число лошадей, «годных к службе в войсках» было определено лишь в Амурской (в 1898 г. – 6.271 лошадь, т.е. 29% общего числа лошадей в области) и Приморской (в 1898 г. – 15.001 лошадь, т.е. 85%) областях, где производился упрощенный подсчет лошадей. Для Забайкальской области этот показатель известен не был[265].

В результате, мобилизационным росписанием № 5 было назначено к реквизиции у населения Приам. в.о. всего 12.977 лошадей: из Забайкальской области – 3.851, Амурской области – 2.236 (36% годных лошадей в этой области) и Приморской – 6.890 (45%). Из них в действующие части назначались 8.466 лошадей: из Забайкальской области – 3.246, Амурской – 674, Приморской – 4.546. В крепостные войска – 120 лошадей из Приморской области. В тыловые части 3.166 лошадей: из Забайкальской области – 600, Амурской – 357, Приморской – 2.209. В крепостные войска назначались 120 лошадей из Приморской области. В запасные – 1.225 лошадей: из Забайкальской области – 5, Амурской – 1.205, Приморской – 15.

Для сбора лошадей были намечены сдаточные пункты, причем взятых по реквизиции лошадей, также, как и мобилизованных нижних чинов запаса, не предполагалось перевозить из одной области в другую –каждая область укомплектовывала своими «коневыми средствами все части войск, в ней квартирующие»[266]. Итак, в отличие от нижних чинов запаса, недостаток которых для нужд мобилизации предполагалось покрывать населением Сиб. в.о., лошадей на территории округа в то время еще теоретически хватало на укомплектование военных частей, соединений, управлений и заведений по штатам военного времени.

Принципиально важно, что благодаря окончанию строительства Забайкальской и Сибирской железных дорог и более рациональному распределению запасных нижних чинов и лошадей, к весне 1900 г. удалось в значительной мере ускорить мобилизационную готовность войск Приам. в.о., подняв ее на 2–22 дня. К 15 апреля 1900 г. в округе вводилось новое мобилизационное росписание № 5, по которому войска мобилизовались в следующие сроки: гарнизон Владивостокской крепости – на 4-й день, Николаевской-на-Амуре крепости – на 5-й, войска Приморской области – 5–12-й, Амурской – 4–26-й[267], Забайкальской – 6–26-й день. При этом, благодаря введенной еще в 1898 г. ускоренной мобилизации, крепость Владивосток и Николаевские укрепления, при необходимости, могли быть готовы к действию через 6 часов. Еще более ускорить мобилизацию не позволяли малое число запасных в округе, а главное – неравномерность их размещения, при весьма трудном учете, громадных расстояниях и плохих

---

[265] Там же. Л. 40 об.
[266] Там же. Л. 41.
[267] Последний срок для казачьих частей Амурского войска, разбросанного по Амуру, от ст. Покровской до ст. Михайло-Семеновской.

путях сообщения. Аналогичным образом обстояло дело и с пополнением частей лошадьми по военно-конской повинности[268].

Что касается Сиб. в.о., то, как показал визит туда осенью 1899 г. А.Н. Куропаткина, мобилизационная готовность войск «весьма неудовлетворительна», «формирование обозов не обеспечено ни лошадьми, ни повозками, не приступлено к составлению плана мобилизации как Сибирской железной дороги, так и тех грунтовых и водных путей, коими придется пользоваться для сосредоточения мобилизованных войск. Равным образом не составлены расчеты по передвижению мобилизованных войск Округа в Приамурский или Туркестанский военные Округа, для коих войска Сибирского военного Округа служат резервом»[269].

Еще одним следствием Японо-китайской войны 1894–1895 гг. стало внедрение в Приам. в.о. системы постоянной проверки мобилизационной готовности войск – т.н. «поверочных», т.е. пробных мобилизаций. «Поверка мобилизационной готовности частей путем производства поверочных мобилизаций» была официально внедрена в русской армии на основании Высочайшего повеления от 7 мая 1894 г.[270], однако до окончания войны они в Приам. в.о. не проводились. Такие проверки представляли собой мобилизацию отдельных воинских частей с целью проверить как подготовительные к мобилизации работы, так и общую степень готовности части к выступлению в поход[271].

Особое внимание при такой проверке обращали на состояние всех необходимых документов, наиболее важными из которых были местные мобилизационные росписания. Они клались в основу мобилизационных планов, составляемых в войсках, управлениях и учреждениях, и содержащих подробный порядок всех мобилизационных работ и распределение их по времени. Эти планы составлялись на основе особых наставлений[272], включали в себя мобилизационную записку и мобилизационный дневник. Последний имел «чрезвычайно важное значение, потому что дает во времени перечень работ каждому лицу, принимающему участие в работах по мобилизации». Этот документ, в случае его качественного составления, позволял, по получении приказа о мобилизации, всем действовать по плану самостоятельно и быстро, не «испрашивая дополнительных указаний» и не тормозя весь мобилизационный процесс. На начальствующих лиц была возложена обязанность при

---

[268] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 15.

[269] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 35. Ед. хр. 6. Л. 27 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 8. Этот вопрос специально исследовался в: Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 7–20; Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологи. 2019. № 4. С. 157–176.

[270] Наставление для мобилизации пехоты. СПб., 1901. С. V, 97–98. При этом следует подчеркнуть, что поверочные мобилизации проводились и до этого, хотя и не были обязательными.

[271] Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 255. В настоящее время для наименования комплекса сходных по задачам мероприятий используется термин «неплановая проверка состояния войск».

[272] Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб., 1888. 68 с.

каждом удобном случае проверять, в том числе на практике, достаточно ли твердо и «сознательно» усвоены их подчиненными мобилизационные обязанности, находятся ли в полной готовности и исправности неприкосновенные запасы[273].

В период 1895–1900 гг., т.е. между мобилизацией 1895 г., вызванной угрозой войны с Японией, и мобилизацией 1900 г., вызванной последствиями набиравшего силу восстания ихэтуаней, подобные «поверочные» мобилизации отдельных частей округа стали проводиться регулярно и имели место: в 1896 г.[274], в 1897 г.[275], 1898 г.[276] и 1899 г.[277]. Первая «поверочная» мобилизация была проведена в войсках Приам. в.о. в 1896 г., через год после реальной мобилизации весны 1895 г. Поэтому отчетные документы о ее итогах позволяют увидеть насколько возросла мобилизационная готовность войск за прошедший год и удалось ли ликвидировать выявленные в 1895 г. недоработки. В отличие от реальной, она осуществлялась не единовременно во всех частях округа, а в виде нескольких независимых мероприятий, проведенных в апреле и июне 1896 г. в военных частях округа или группе частей, в случае нахождения их в непосредственной близости друг от друга в пределах одного населенного пункта. Список подлежащих такого рода проверке частей утверждался лично Командующим войсками Приам. в.о. Проверяли части, соединения и учреждения, расположенные в крупнейших и важнейших со стратегической точки зрения пунктах округа: г. Хабаровск, г. Благовещенск, с. Никольское, ур. Новокиевское[278].

Для ее проведения Окружным штабом в начале 1896 г. было издано специальное наставление, регламентировавшее весь порядок проведения мероприятия. На его основании, в каждой части была создана особая комиссия для наблюдения за ходом мобилизационных работ, в задачи которых входило представить Командующему войсками округа и в Окружной штаб подробные донесения о ходе работ и свои выводы о боеготовности мобилизованных частей, проанализировать выявленные недостатки и указать способы их устранения. Когда

---

[273] Василевский. Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. Испр. и доп. (по 1 февраля 1910 г.) Н. Ходорович. 7-е изд. СПб., 1910. С. 353; Мобилизация // Военная энциклопедия. Т. 16. СПб., 1914. С. 369.

[274] Приказ войскам Приам. в.о. № 368 от 31 октября 1896 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний из отчетов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896; Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. №№ 59–60. С. 31. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско. Эта поверочная мобилизация специально исследовалась Р.С. Авиловым в: Авилов Р.С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1. С. 159–168.

[275] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 143–146.

[276] Там же. Л. 162; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 28 об.

[277] Приказание войскам Приам. в.о. № 29 от 10 февраля 1900 г. и приложенные к нему Замечания Командующего войсками Приам. в.о., сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1900 г. Хабаровск, 1900.

[278] Приказ войскам Приам. в.о. № 368 от 31 октября 1896 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний из отчетов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.

результаты работы этих комиссий легли на стол С.М. Духовскому, он обнаружил, что «они составлены по крайне разнообразной форме, а главное – не в требуемой полноте, что чрезвычайно затрудняет общую их сводку и сравнение результатов, достигнутых разными частями войск»[279]. И это при том, что в работе как минимум одной из комиссий принимал участие лично Н.И. Гродеков, временно исполнявший тогда должность Командующего войсками Приам. в.о.[280]. В этой связи С.М. Духовской распорядился «впредь отчеты о пробных мобилизациях составлять по системе, принятой в “Наставлении для мобилизации частей действующей и резервной пехоты”, изд. 1888 г.[281] и соответствующих “Наставлений” для прочих родов оружия…»[282]. В дальнейшем, при проведении поверочных мобилизаций, в округе использовался именно такой порядок, и нареканий на работу комиссий более не было.

Типичными недостатками, выявленными в мобилизационной работе практически всех частей были: непорядок в мобилизационной документации или ее частичное отсутствие, слабая готовность чинов к проведению мобилизации, проблемы с обозом (неправильная укладка, некомплект, отсутствие ремонта транспортных средств и т.п.) и беспорядок в интендантской части. Продолжал ощущаться существовавший ранее перекос деятельности войск в хозяйственную сторону, отрицательно сказывавшийся на их боевой подготовке. «Общие результаты поверочных мобилизаций убеждают меня, – писал С.М. Духовской, – что в общем работа по подготовке частей к походу идет правильно, добросовестно и успешно. Уверен, что замеченные недостатки ныне уже исправлены и, что путем дружной работы, тщательного составления и своевременного освежения мобилизационных планов, путем фактической поверки всех мобилизационных расчетов, мобилизационная подготовка будет доведена до безукоризненного состояния»[283].

Многие из замеченных недостатков были следствием продолжавшегося использования войск для освоения региона. Поэтому, несмотря на то, что на исправление выявленных недостатков было обращено самое серьезное внимание, и мобилизационная готовность войск Приам. в.о. после 1895 г. постоянно повышалась, многие из них продолжали периодически всплывать в дальнейшем. Например, практически аналогичные недостатки были выявлены и при поверочной мобилизации 1897 г.[284], и при поверке зимой 1899 г. 8-ми часовой пробной

---

[279] Приказ войскам Приам. в.о. № 368 от 31 октября 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.
[280] С.М. Духовской отсутствовал в округе почти год; он выехал из Хабаровска в Санкт-Петербург еще 17 сентября 1895 г. и вернулся обратно только 31 июля 1896 г. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. №№ 59–60. С. 31. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 180; Приказ войскам Приам. в.о. № 277 от 4 августа 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.
[281] Имеется ввиду: Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб., 1888. 68 с.
[282] Приказ войскам Приам. в.о. № 368 от 31 октября 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.
[283] Приказ войскам Приам. в.о. № 368 от 31 октября 1896 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний из отчетов комиссий… в 1896 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1896 г. Хабаровск, 1896.
[284] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 143–146.

мобилизации в 6-м и 7-м Вост.-Сиб. стр. полках дислоцировавшихся в ур. Новокиевское[285].

В целом же, поверочные мобилизации оказались достаточно эффективным способом проверки и оценки мобилизационной готовности войск, позволяющим своевременно выявлять большую часть недоработок в этой сфере и хотя бы частично их устранить. В результате, даже имевшиеся недостатки не помешали войскам Приам. в.о. успешно отмобилизоваться в 1900 г. и прекрасно проявить себя в Китайском походе 1900–1901 гг.

3.4. Обучение и боевая подготовка войск

Успехи японской армии в войне против Китая в 1894–1895 гг. показали, что в случае возникновения русско-японского конфликта, войскам Приам. в.о. придется иметь дело не с многочисленным и плохо вооруженным противником, каким считалась армия Китая, или хорошо обученным и вооруженным, но сравнительно малочисленным британским десантом, а *de facto* с полноценной по-европейски обученной армией, к тому же численно превосходящей войска округа в несколько раз. К такому обороту событий на российском Дальнем Востоке не только не были готовы, но и никогда прежде не готовились. Поэтому, сразу после окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и последовавшей за этим мобилизации войск Приам. в.о. весной 1895 г., в Хабаровске начали активно поднимать перед Петербургом не только вопрос об усилении войск в регионе, но и о принятии серьезных мер по повышению их боевой готовности, в связи с чем новации в обучении войск округа стали почти ежегодными.

Командование округа понимало, что, перед тем как совершенствовать систему обучения войск, нужно ликвидировать причины, из-за которых она не давала желаемого эффекта, несмотря на то, что была практически идентична функционировавшей на остальной территории империи. Все обучение по-прежнему делилось на два периода: зимний (теоретический) и летний (практический), во время которого войска выводились на частные и общие лагерные сборы, где и оттачивали на практике полученные ранее знания, умения и навыки. Однако на Дальнем Востоке эта хорошо отработанная система продолжала давать сбои, поскольку военные части просто не могли целиком сосредоточиться на обучении и боевой подготовке. Ключевой оставалась проблема чрезвычайной загруженности войск решением небоевых задач, т.е. хозяйственной деятельностью.

Несмотря на резкий рост внешней угрозы региону после Японо-китайской войны 1894–1895 г., оперативно решить эту проблему не удалось. Командующий войсками округа С.М. Духовской докладывал Николаю II по итогам 1896 г.: «Не служебные занятия войск Округа весьма многочисленны. Они состоят в различных хозяйственных работах по постройке новых

---

[285] Замечания Командующего войсками Приам. в.о., сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 г. приложенные к Приказанию войскам Приам. в.о. № 29 от 10 февраля 1900 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1900 г. Хабаровск, 1900.

казарменных помещений, ремонте существующих, возведении различных хозяйственных построек и заготовке строительного материала, топлива и сена. Отнимая много времени и много людей, занятия эти также вредно отзываются на обучении войск Округа и борьба против этого явления пока безуспешна; только общее развитие жизни края может в будущем помочь делу»[286]. В округе практиковались и вольные работы, не имевшие большого развития, т.к. за массой собственных работ войска моли отправлять на вольные работы очень мало людей, а во многих гарнизонах спроса на такую рабочую силу почти не было. С 1891 г. войска привлекали к железнодорожному строительству[287] и использовали небольшими партиями для прикрытия военно-топографических работ вдоль проектированного направления КВЖД в Маньчжурии[288]. Свою лепту внесли и минеры Владивостокской креп. минной роты, командированные весной 1896 г. с целью ведения взрывных работ «для предохранения временного, деревянного железнодорожного моста на р. Иман от ударов больших льдин»[289].

Занятия офицерского состава войск округа, «по своему разнообразию и полезности», наоборот, обращали на себя особое внимание. Исполняя свои прямые служебные обязанности, многие офицеры выполняли различные служебные и общественные задачи, тесно связанные с интересами военного общества. Они принимали участие во многих рекогносцировках, как внутри края, так и в соседних странах: Китае, Корее и Японии, и кроме письменных отчетов, делали сообщения о результатах путешествий в Военных Собраниях[290]. Полевые поездки со строевыми офицерами были произведены в этом году шестью партиями[291]. Имели место также состязательные стрельбы офицеров Вост.-Сиб. лин. и Уссурийского ж.д. батальонов[292].

Однако ситуации в целом это не меняло. По заключению С.М. Духовского состояние воинского образования нижних чинов могло быть признано только удовлетворительным. Трудность ведения, вследствие местных условий, систематических и правильных занятий с нижними чинами не давала возможности развить это дело в необходимой степени. Главными причинами, отрицательно влиявшими на успех воинского образования признавались: многочисленные служебные и хозяйственные занятия войск, многочисленность неграмотных новобранцев (большинство – призваны из Сибири), не всегда своевременное их прибытие и

---

[286] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 19–19 об.

[287] Записка представителя Командующего войсками округа и Приамурского генерал-губернатора полковника А.А. Трусова «Рабочие элементы на постройке Уссурийской железной дороги». 10 февраля 1897 г. Хабаровск // Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги. Док. и матер. Владивосток, 2011. С. 106–107. В 1896 г. «особенно своеобразный характер имели работы войск на постройке Северного участка Уссурийской железной дороги», где работало «1200 человек, назначенных поровну от всех батальонов обеих Восточно-Сибирских стрелковых бригад». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 19 об.–20.

[288] Приказ войскам Приам. в.о. № 49 от 20 февраля 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897.

[289] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337. Л. 71.

[290] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 20.

[291] Производились в окрестностях: 1-я – ур. Новокиевское, 2-я – с. Никольское, 3-я – крепости Владивосток, 4-я – г. Хабаровск, 5-я – г. Благовещенск и 6-я – г. Чита. Была проведена и специально-кавалерийская поездка в окрестностях с. Никольское. Продолжительность каждой поездки – 10 дней. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337. Л. 154, 155, 224.

[292] Там же. Л. 543–544.

теснота большей части помещений, что, при суровости климатических условий[293] и невозможности производства занятий на открытом воздухе, сильно мешало делу. Недостаточность числа грамотных в войсках (менее 50%), существенно тормозила обучение, тем более, что решить эту проблему вследствие многочисленных посторонних занятий войск возможности не было. «Хотя год от году дело и улучшается, но еще много потребуется времени и усилий, чтобы довести подготовку войск Приамурских до той высоты, на которой должна она находиться в войсках, призванных быть передовыми»[294].

Строевое образование во всех родах оружия находилось во «вполне в удовлетворительном состоянии», состояние учебных команд – тоже[295]. В специальных войсках учебные команды поставлены хорошо. Оставляло желать лучшего состояние стрелкового дела – показатели стрельбы в Округе не превосходили оценку «очень хорошо», причем стрелковые части от линейных не отличались. Теснота помещений и суровость зимы не позволяли вести зимние подготовительные к стрельбе упражнения должным образом, а дождливое лето и постоянные сильные ветра, к которым часто присоединялись еще и туманы, мешали успешному прохождению курса стрельбы. Ощущалась и трудность своевременного получения и обновления учебных стрелковых пособий. Тактическая подготовка отдельных частей признавалась С.М. Духовским достаточной только в тех частях, которые принимали участие в больших общих лагерных сборах. «Дело это в Округе также трудно дается и главнейшими причинами служат: суровая и длинная зима и дождливое лето. В отчетном году, […] во всех частях Округа, в течение зимы упражнялись в походных движениях»[296].

Общие лагерные сборы войск округа в 1896 г. провели: в Амурской и Приморской областях с 15 августа по 15 сентября, а в Забайкальской области, с 15 июля по 15 августа. Всего в них приняли участие: 26 батальонов, 2 роты, 4 местные команды, 17 сотен и 16 батарей[297]. Причем при проведении сборов 1896 г. наглядно проявилась большая часть отрицательных факторов, о которых докладывал С.М. Духовской[298]. В рамках сборов, комиссией, под председательством помощника начальника артиллерии округа генерал-майора Е.С. Бобрикова, были проведены смотры стрельбы артиллерии: в Южно-Уссурийском крае –

---

[293] Для обучения войск навыкам ведения боя в суровых климатических условиях региона, периодически использовались даже зимние оттепели. Приказание войскам Приам. в.о. № 29 от 15 февраля 1896 г. // Там же. Л. 359 об.–360 об.

[294] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 21 об.–23 об.

[295] В 1896 г. была сформирована учебная команда в 1-м Уссурийском ж.д. батальоне.

[296] Там же. Л. 21 об.–23 об.

[297] Там же. Л. 24–24 об.; см. также: ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337. Л. 46–51, 126, 143.

[298] «Дожди и большие наводнения, имевшие место в отчетном году, в связи с перемещениями войск на новые штаб-квартиры и необходимостью начала новых построек были причиною того, что некоторые предположенные росписанием летние сборы были отменены, равно как и некоторые из предполагавшихся смотров Старших Начальников не могли состояться». В результате в общих сборах участия не принимали 6-й, 8-й и 11-й Вост.-Сиб. лин. батальоны, Владивостокская креп. арт., Николаевская креп. арт. команда, Владивостокская сап. и минная роты, 1 Уссурийский жд батальон, 3-я сотня 1-го Амурского казачьего полка, а также местные конвойные команды Забайкальской области, Амурской и Приморской областей и о. Сахалин. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 24 об.–25.

под с. Никольское и в Забайкалье – у пос. Шишкинский. Причем, арт. части показали неожиданно высокие результаты, что было прямым следствием роста внимания к обучению и боевой подготовке этого рода войск после мобилизации весны 1895 г.[299].

В следующем, 1897 г., С.М. Духовской, говоря о причинах, отрицательно влияющих на успех воинского образования в Приам. в.о., в очередной раз напомнил Николаю II, что до последнего времени войска округа в больших массах отвлекались на постройку железной дороги и для хозяйственных надобностей: заготовки дров, сена[300], смолы и т.п., но с 1898 г. все это должно прекратиться, а значит появиться возможность обратить более серьезное внимание на строевую подготовку войск. При этом «неслужебные занятия войск», состоящие в различных хозяйственных работах, продолжались «и представляют зло, с которым приходится мириться, как с неизбежным при настоящем положении Приамурского края»[301].

Добившись положительного решения одного вопроса, С.М. Духовской немедленно поднял следующие два: об обременительности и вредности для войск конвойной службы[302], а также о необходимости сокращения нарядов от войск[303]. Эти вопросы удалось решить, и то лишь отчасти, только после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Из всего многообразия «отвлечений войск», пользу их боевой подготовке приносили только командировки «для содействия гражданской власти», в борьбе с шайками хунхузов. Наряду с экспедициями по тайге это был один из лучших способов тренировки охотничьих команд, который не встречался более нигде, кроме Приам. в.о. В 1897 г. таких случаев было несколько[304].

В самых тяжелых условиях в деле обучения нижних чинов, правильного ведения занятий с офицерами и рационального ведении хозяйства оказалась Владивостокская креп. арт., поскольку количество штатных офицерских должностей было в ней столь мизерным[305], что за выделением из строя необходимого числа офицеров для хозяйственных надобностей, адъютантских обязанностей и заведования различными отраслями артиллерийского дела, для обучения нижних чинов оставался 1 офицер на 416 человек. При существовавшем полном

---

[299] Там же. Л. 25–25 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337. Л. 123.

[300] Так, Главный интендант телеграммами № 657 и 696 от 8 и 16 мая 1898 г. сообщил в Хабаровск, что Военный Совет с 1 июня 1898 г. «отменил существовавший в Амурской и Приморской областях способ заготовки сена нарядом на кошение нижних чинов, оставив этот способ еще на 2 года лишь для некоторых пехотных частей, находящихся в Приморской области». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 24.

[301] Там же. Л. 24, 28 об.

[302] Там же. Л. 22–22 об.

[303] В 1897 г. войска направлялись: «1) Для содержания пограничных постов и застав. 2) В распоряжение Пограничных Комиссаров для сопровождения командируемых за границу лиц и переводчиков. 3) В пограничные карантины. 4) Для охранения транспортов (оказии), следующих в пограничных местностях, от нападения хунхузов […]. 5) Для охраны чинов путей сообщения во время производства ими изысканий в Маньчжурии. 6) Для сопровождения экспедиций и рекогносцировочных партий за границу. 7) На топографические работы. 8) Для охраны Российских ИМПЕРАТОРСКИХ Миссии в Пекине и Консульства в Ханькоу. 9) В распоряжение военных агентов в Китае и в Корее». Расход людей по всем этим пунктам в 1897 г. доходил до 1.330 чел. Там же. Л. 23–23 об.

[304] Там же. Л. 24 об.–25.

[305] Представление военному министру о необходимости увеличения этих штатов С.М. Духовской сделал еще 28 февраля 1895 г. рапортом № 3695. Там же. Л. 55.

штатном числе офицеров, в военное время 5 батарей вообще оказывались без офицеров[306].

В 1897 г. существенно расширился круг ставившихся перед офицерами задач, решение которых повышало уровень их боевой подготовки и знания как потенциального ТВД, так и потенциальных противников. Как и в предыдущие годы, офицеры осуществляли рекогносцировки как внутри края, так и в соседних странах. Офицеры Генерального Штаба, зачастую вместе со строевыми, направлялись в первую очередь в Маньчжурию «для изучения этой окраины Китайской Империи, еще недавно бывшей почти недоступной для европейцев, а ныне призванной в близком будущем войти в тесное экономическое общение с Россией». Два офицера были командированы на север Кореи, для исследования производительных сил страны и 2 офицера – в распоряжение военных агентов в Японию и Китай[307].

Принципиально новым стало три мероприятия. Во-первых, привлечение офицеров к обучению корейских войск, составляющих личную охрану императора Кореи. В 1897 г. с этой целью было командировано 3 офицера и 10 унтер-офицеров[308]. Во-вторых, на основании Высочайшего повеления от 14 июня 1897 г., командирование «400 стрелков и линейцев и 30 казаков с 5-ю офицерами, под общим начальством офицера Генерального Штаба» в Маньчжурию для охраны изысканий на трассе будущей железной дороги[309] и в помощь инженерам КВЖД[310]. В-третьих, в 1897 г. в Приам. в.о. в качестве специальных занятий офицеров Генерального Штаба впервые состоялась полевая поездка, имевшая целью изучение в военном отношении Посьетского участка Южно-Уссурийского края. Более того, за лето этого года, под руководством офицеров Генерального Штаба, были произведены с чисто учебной целью в разных местностях округа полевые поездки, в которых участвовало 78 строевых офицеров[311]. В дальнейшем, *полевые поездки офицеров Генерального Штаба*, зачастую с привлечением строевых офицеров, стали ежегодными (за исключением 1900–1901 и 1904–1905 гг.) и проводились в осенне-летний сезон вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. Более того, с этого же года офицеры Генерального Штаба стали

---

[306] Там же. Л. 54–55.
[307] Там же. Л. 26–27.
[308] Там же. Л. 25 об.–26. Подробнее об этом см.: Афанасьев 1-й [Л.В.], Грудзинский Н. Русские военные инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1898. 42 с.; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 138–165; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 42–43; Пак Б.Д. Россия и Корея… С. 263–286; 295–306; Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2… С. 203–211; Хохлов А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) //Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб., 2013. С. 172–202; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 145–161.
[309] Приказ войскам Приам. в.о. № 113 от 10 апреля 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897.
[310] «С прибытием постоянной охраны названной дороги, временная, от войск округа, сменена их возвращается к своим частям. На некоторых участках приходилось при 30-ти градусных морозах спать у костров, по 12-ти часов в день прорубать просеки или работать в поле и ежедневно передвигаться с вьючным обозом», – докладывал С.М. Духовской императору. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 26 об.–27; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 122–122 об.
[311] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 27 об., 32; Росписание сборов войск Приам. в.о. для летних занятий в 1897 г. Приложение к Приказу войскам Приам. в.о. № 43 от 18 февраля 1897 г., Приказ войскам Приам. в.о. № 205 от 28 июня 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897; Ведомость состава партий, распределения офицеров, сборных пунктов и времени полевых поездок в 1897 г. Приложение к Приказу войскам Приам. в.о. № 205 от 28 июня 1897 г. // Там же; Приказ войскам Приам. в.о. № 221 от 5 июля 1897 г. // Там же.

принимать широкое участие в зимних и полевых тактических занятиях (тоже ставших регулярными) со строевыми офицерами, а также в лагерных сборах войск[312].

В 1897 г. С.М. Духовской отмечал, что состояние воинского образования в частях войск округа может быть признано удовлетворительным, хотя, «по местным условиям, ведение правильных, систематических занятий крайне затруднительно и достигается путем значительных усилий». Говоря о причинах, он ставил на первое место именно привлечение больших масс войск к железнодорожному строительству[313].

В 1897 г. начал давать результаты и рост внимания к *стрелковой подготовке* войск округа, наметившийся после мобилизации 1895 г. На смотрах стрельбы, произведенных частям округа с 12 июня по 28 августа командированным по Высочайшему повелению состоящим для поручений при Инспекторе стрелковой части в войсках генерал-майором К.А. Добржинским, «5 частей дали результаты выше отличного; 19 – выше очень хорошего; 4 – ниже хорошего; а остальные – хорошего». Это очень порадовало С.М. Духовского: «Состояние стрелкового дела благодаря серьезному вниманию, обращенному на эту важную отрасль военного образования, сравнительно с прежними годами, улучшилось, но желательно добиться еще более солидных результатов»[314].

Удалось сохранить положительную динамику и в подготовке арт. частей. Занятия по *практической стрельбе артиллерии* с 1896 г. впервые велись в Южно-Уссурийском отделе на общем полигоне, у с. Барановского[315], в Забайкальской области – у п. Шишкинского, в остальных частях – в местах их расположения (Нерчинск, Благовещенск, Хабаровск)[316]. Результаты стрельбы показали, что дело поставлено хорошо. На смотрах групповой стрельбы при с. Никольском результаты были очень хорошие. Предложенные задачи выполнили точно, маневрирование на пересеченной местности производилось стройно, без замедлений. Стрельба у г. Благовещенска дала отличные результаты. Трудное движение по местности, близко подходящей к болоту, не повлияло на стройность маневрирования батарей; отсталых орудий и ящиков не было[317].

Из-за удаленности округа и отсутствия устойчивого транспортного сообщения с Европейской Россией накладки в 1897 г. получились с фронтовым учением и гимнастикой, преподавание которых велось в войсках «на основании точного выполнения уставов и

---

[312] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 27 об.–28, 32.
[313] Там же. Л. 28 об.–29.
[314] Там же. Л. 29 об., 35 об.–36. В «не подлежащем оглашению» приказе С.М. Духовской был более категоричен в формулировках: «Судя по результатам стрельбы на смотрах нынешнего года, я убеждаюсь, что стрелковое дело в войсках вверенного мне округа улучшается, но далеко еще до того, чтобы я был доволен настоящим состоянием дела». Приказ войскам Приам. в.о. № 344 от 12 октября 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897.
[315] Прообраз будущего специально-артиллерийского лагерного сбора на Барановском полигоне, проводившегося в 1906–1913 гг. Подробнее о нем см.: РГВИА. Ф. 9734. Оп. 1. Д. 1–2.
[316] Росписание сборов войск Приам. в.о. для летних занятий в 1897 г. Приложение к Приказу войскам Приам. в.о. № 43 от 18 февраля 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897.
[317] Приказ войскам Приам. в.о. № 126 от 26 апреля 1897 г. // Там же; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 30–30 об.;

наставлений», но, вследствие позднего получения нового проекта «Устава строевой пехотной службы» (изд. 1897 г.), не все части были обучены по этому уставу.

Существенно затрудняло обучение нижних чинов качество поступающих в округ новобранцев. «Состояние грамотности оставляет желать весьма многого, – сетовал С.М. Духовской Николаю II, – так как число грамотных среди новобранцев, особенно сибиряков, очень незначительно, а обучение грамоте в частях, […] еще не достигает желаемых результатов. Незначительный процент грамотных, поступающих в войска, также вредно отражается на общем успехе занятий в учебных командах, и состояние последних в округе может быть признано только удовлетворительным». Менее всего эта проблема отражалась на учебных командах специальных войск округа (саперы, минеры, железнодорожные войска, артиллеристы), куда отбирали наиболее грамотных, и где занятия были поставлены хорошо, а также охотничьих командах, где занятия велись успешно. Последние занимались охотой на диких зверей и исполняли различные поручения, в т.ч. по борьбе с хунхузами[318].

Войска продолжали обучать саперному, подрывному, телеграфному и гелиографическому делу, для чего нижние чины и офицеры пехотных и кавалерийских частей прикомандировывались к сап. частям. Результат занятий признавался удовлетворительным, хотя и парадоксальным – нижние чины учились охотнее и лучше офицеров. В частях войск обучение саперному делу тоже велось[319]. Обучение личного состава пехотных частей саперному делу, а кавалерийских – подрывному и телеграфному с успехом продолжалось до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.[320], принеся на войне ощутимую пользу.

Весной 1897 г. года предполагалось провести и первые ежегодные учебные сборы для казаков-переселенцев УКВ, прибывших из Донского, Оренбургского и Забайкальского войск в 1895 г. На основании Высочайше утвержденных 3 июня 1894 г. и 17 апреля 1895 г. мнений Государственного Совета[321], эти казаки, в возрасте от 21 до 25 лет, освобождаясь, в течение 5 лет со дня водворения их в крае от службы в первоочередных частях, должны были отбывать ежегодно учебные сборы в течение времени состояния их в первой очереди. Однако в итоге все казаки-переселенцы были освобождены от учебных сборов в виду больших убытков, причиненных их хозяйствам наводнением 1896 г.[322].

---

[318] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 30 об.–32.

[319] Там же. Л. 31 об.; Приказ войскам Приам. в.о. № 81 от 12 марта 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897; Приказ войскам Приам. в.о. № 285 от 20 августа 1897 г. // Там же.

[320] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 47–48 об., 184–184 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1327. Л. 210–210 об.; Приказы войскам Приам. в.о. № 79 от 19 февраля и № 334 от 10 августа 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 96–97.

[321] Высочайше утвержденное 3 июня 1894 г. мнение Государственного Совета О заселении казаками пограничной полосы Приамурского края // ПСЗ РИ III. Т. 14. № 10728; Высочайше утвержденное 17 апреля 1895 г. мнение Государственного Совета Об устройстве казаков Забайкальского казачьего войска, переселившихся в Приморскую область к полотну Уссурийского участка Сибирской железной дороги // ПСЗ РИ III. Т. 15. № 11548.

[322] Приказ Приам. казачьим войскам № 7 от 27 февраля 1897 г. и приложенные к нему Правила для обучения строевой службе казаков-переселенцев УКВ, состоящих по возрасту в 1-й очереди // Приказы Приам. казачьим войскам за 1897

В 1897 г. существенным изменениям подверглась программа летнего периода обучения[323], в которой третьим обязательным компонентом после частных и общих лагерных сборов стал *подвижной сбор – de facto* маневр, проводимый небольшими силами на сравнительно небольшой по площади территории, прообраз больших маневров, которые начнут проводить в Приам. в.о. только с 1909 г.[324]. Общие лагерные сборы войск округа, в которых участвовали: 41 батальон, 7 рот, 25 конных сотен, 14 пеших и 2 конных батареи и 1 арт. команда[325], прошли как обычно в конце лета – начале осени[326]. Подвижные сборы были проведены войсками Южно-Уссурийского отдела и гарнизонами Читы, Нерчинска и Благовещенска, а гарнизоном Владивостока – крепостной сбор. В подвижные сборах Южно-Уссурийского отдела оказались весьма поучительны, как по количеству принимавших в них участие войск (23 батальона, 7 сотен, 52 орудия и команда сапер), так и по числу и разнообразию произведенных маневров, давших большую практику командирам. «Пехота действовала отлично, искусно применяясь к горной и весьма пересеченной местности […]; часто целые батальоны, посланные в обход, пробирались там, где казалось и одному человеку не пройти. Артиллерия не отставала от пехоты и даже от конницы. Наибольшая скорость передвижения легких батарей была 17 в[ерст]. в течение 1¾ часа, что в пору и конной артиллерии. Помимо скорости, батареи обнаружили выносливость и способность к преодолеванию труднодоступной местности: следуя безостановочно, без всякой помощи и с посаженной прислугой, батарея поднялась по крутым горным склонам на возвышенность до 100 сажен высотой. Артиллеристы знают свое дело хорошо. Кавалерия несла разведывательную службу удовлетворительно, но атаки производились не всегда удачно. Пересеченная местность дала возможность применять спешенный строй, который усвоен конницей хорошо». Подвижные сборы потребовали большого напряжения сил людей и лошадей, которым приходилось быть на ногах менее 12 часов. Тем не менее люди имели бодрый вид, а заболевших из 15 тыс. участников за 15 дней было всего 20 чел. Хорошо зарекомендовали себя и взятые на подвижной сбор походные кухни. Хорошо выдержал испытание и двуколочный обоз. Подвижной сбор войск Амурской области выявил некоторые

г. Хабаровск, 1897; Приказ Приам. казачьим войскам № 12 от 7 мая 1897 г. // Там же. История подготовки этих сборов специально исследовалась в: Авилов Р.С. Мероприятия по повышению боеготовности казачьих частей, расположенных в Южно-Уссурийском крае (2-я половина 90-х гг. XIX в.) // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 4. Хабаровск, 2014. С. 98–108.

[323] Приказ войскам Приам. в.о. № 43 от 18 февраля 1897 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1897 г. Хабаровск, 1897; Росписание сборов войск Приам. в.о. для летних занятий в 1897 г. Приложение к Приказу войскам Приам. в.о. № 43 от 18 февраля 1897 г. // Там же.

[324] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 871. Л. 32 об.–35 об.; Там же. Д. 883. Л. 7.

[325] В общих сборах участвовали: 1) Войска Южно-Уссурийского отдела – у с. Никольское и при ур. Новокиевское. 2) Гарнизон кр. Владивосток – под этой крепостью. 3) Войска Хабаровского гарнизона – у г. Хабаровск. 4) Войска Благовещенского гарнизона – под этим городом. 5) Войска Забайкальской области – под г. Чита и г. Нерчинск. В общих сборах участия не принимали: Вост.-Сиб. летучий арт. парк, Подвижной арт. полупарк, 1-й Уссурийский железно-дорожный батальон и местные и конвойные команды. Там же. Д. 871. Л. 32 об.–33.

[326] Там же. Л. 33.

недостатки в их обучении войск. Подвижной сбор в Забайкалье приходилось проводить при «сравнительно слабой культурности страны, при трудности достать часто самое необходимое, при неблагоприятном состоянии путей, а часто и их труднопроходимости, усиленной внезапным разливом р. Ингоды. Все эти тяжелые условия были преодолены и войска показали себя на должной высоте. Сбор прошел в надлежащем порядке и доставил, как войскам, так и начальникам хорошую практику». Запланированный Хабаровский подвижной сбор отменили из-за появления в окрестностях сибирской язвы. Войска гарнизона Владивостока оказали, что «втянуты в совершение больших переходов и достаточно ознакомлены с местностью»[327].

В 1898 г. командованию Приам. в.о. представилась редчайшая возможность проверить на практике результаты поверочной мобилизации. Сначала в 17 частях и 3 учреждениях округа была проведена поверочная мобилизация, результаты которой оказались весьма удовлетворительные, несмотря на некоторые недочеты, а затем пришлось срочно отправлять войска в Порт-Артур на Квантунский полуостров. «Быстрое-же изготовление войск к отправлению на Квантунский полуостров, показало, что и на деле боевая готовность их стоит на должной высоте», – не без гордости докладывал Николаю II Н.И. Гродеков[328].

После переброски частей на Квантун ситуация с обучением и боевой подготовкой войск в регионе заметно осложнилась. С одной стороны, переброшенные войска оказались в пунктах, совершено не подготовленных для длительного квартирования. С другой стороны, работа по созданию минимально приемлемых условий легла на плечи самих войск, которые одновременно использовали и для оборонительного строительства. Все это оставляло мало времени на занятия в рамках стандартного годового цикла и офицерам, и нижним чинам. На крепостные работы войска привлекались не только в Порт-Артуре, но и в Николаевске-на-Амуре, где ситуация с оборонительным строительством тоже была запущена. «В Порт-Артуре войскам пришлось усиленно и непрестанно работать в течение зимних месяцев, при наступивших холодах. В Николаевске работы на укреплениях велись в суровое зимнее время, приходилось передвигаться на лыжах и втаскивать орудия на высокие горы. Не смотря на неблагоприятную обстановку, работы эти не отразились вредно на здоровье войск и не помешали их обучению», – излишне оптимистично докладывал императору Н.И. Гродеков[329].

В этом году войска округа наконец-то освободили, хотя и не до конца, от заготовления всего необходимого для жизни «собственным попечением», передав эти функции местному населению, которое и поставляло теперь в войска за плату сено, дрова, смолу и т.п. Войскам оставалось заботиться о хозяйстве «только в пределах, точно указанных в законе, и главное внимание обращать на строевое дело и на боевую подготовку». В результате, 14 апреля 1898 г.

---

[327] Там же. Л. 33 об.–35 об.
[328] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 28 об.
[329] Там же. Л. 28 об.–29.

был отдан приказ на будущее время, безусловно прекратить так называемые кедровники, дроворубы, смолокурни и заготовку угля нижними чинами[330]. В результате Н.И. Гродеков констатировал, что новые условия благоприятно отразились на успехе воинского образования уже в 1898 г. В особенности благоприятные результаты дало обучение стрельбе: все 35 частей войск округа, вооруженные новыми винтовками обр. 1891 г., успели пройти положенный курс обучения, и средние результаты смотровой стрельбы в стр. частях были выше отличного, в лин. батальонах – выше очень хорошего и в казачьих частях – выше хорошего, а «стрельба с маневрированием в общем очень хороша»[331].

Артиллерия вела занятия практической стрельбой в Южно-Уссурийском отделе на общем полигоне у с. Барановское, где было собрано 11 батарей, причем в этой стрельбе приняли участие и две батареи Вост.-Сиб. стр. арт. дивизиона (бывшая батарея Забайкальского дивизиона), находившиеся в пути следования на Квантун. Остальные батареи практиковались под Благовещенском и у пос. Шишкинский. Положительную динамику в подготовке артиллеристов удалось сохранить и в 1898 г., хотя до идеала было еще далеко. Отличные результаты дали проведенные стрельбы креп. артиллерии в Порт-Артуре и Владивостоке, хотя в Порт-Артуре такая стрельба проводилась впервые и чины крепостной артиллерии все время были заняты тяжелыми работами по вооружению батарей[332]. Во Владивостоке (при Владивостокском креп. пех. полку) и Николаевске (при 6-м Вост.-Сиб. лин. батальоне) были также созданы пехотные креп. арт. команды в 200 и 48 чел. Обучаясь каждый год действиям при орудиях с 1 октября и до окончания практической стрельбы они должны были быть готовы на 4-й год службы, в случае необходимости, восполнить убыль в артиллерийской прислуге на береговых батареях[333].

Доставка в округ в необходимом количестве нового устава изд. 1897 г., позволила в 1898 г. избежать конфуза 1897 г. и вести строевое образование уже во всех военных частях и соединениях по новому уставу, который был основательно изучен и усвоен. Охотничьи команды, по-прежнему, кроме своих специальных занятий, занимались охотой на зверя, поимкой хунхузов и бродяг[334]. По окончании летних занятий 1898 г., перед началом зимних занятий Н.И. Гродеков отдал специальный приказ, дав ряд практических рекомендаций по их ведению, далеко выходящих за пределы требований уставов: «Так как войска округа стоят в передовой линии, то должны быть во всякое время готовы к боевым действиям…»[335].

Годовой цикл занятий с офицерами, включал в себя зимние тактические занятия,

---

[330] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 78, 109–110; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 29–29 об., 43.
[331] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 30–31.
[332] Там же. Л. 31–32; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 115–228, 233–233 об.
[333] Там же. Л. 166–166 об.
[334] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 32.
[335] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 252–255 об.

полевые поездки. Последние были проведены летом–осенью 6-ю партиями. Всего в них приняло участие 89 офицеров под руководством 15 руководителей[336] и 9 главных руководителей. Поездка офицеров на Квантунском полуострове имела целью осветить ближайший район к Порт-Артуру и велась по особой программе. Остальные поездки имели учебный характер. В поездке под крепостью Владивосток приняли участие инженерные офицеры. Под Читой была произведена специальная кавалерийская поездка[337]. В 1898 г. 2 строевых офицера из Приам. в.о. побывали и на больших маневрах в Японии[338].

Показательна в 1898 г. была ситуация с летними лагерными сборами, которые предполагались масштабнее, чем сборы предыдущего года[339]. В общих сборах должны были участвовать все войска округа, за исключением Забайкальского арт. дивизиона, только что прибывшего из Европейской России, и одной роты 6-го Вост.-Сиб. лин. батальона, стоящей в Де-Кастри. Для участия в большом сборе под с. Никольское впервые были переброшены в Южно-Уссурийский край части войск, расположенные на севере Приморской области. «Таковое участие частей, расположенных отдельно, в больших сборах, в смысле поучительности маневров, знакомства с местностью и наконец, для ознакомления между собою, безусловно необходимо», – констатировал Н.И. Гродеков[340]. Однако ситуация достаточно быстро вышла из-под контроля: «К сожалению, развившаяся в конце июля, в войсках Никольского лагерного сбора, эпидемия гастроэнтерита[341] заставила отказаться от предположенных подвижных сборов и прекратить лагерный сбор под Никольском 9го августа». В результате подвижные сборы в 1898 г. состоялись только в Амурской области (2 батальона, 2 батареи и 3 сотни) и в войсках Новокиевского сбора (11 батальонов, 4 батареи и 2 сотни). В Амурской области подвижной сбор проходил в районе Зазейских маньчжур и результаты были «весьма удовлетворительны; войска действовали на совершенно незнакомой местности и выказали хорошую строевую и тактическую подготовку; отношения к туземному населению (маньчжурам) были самые лучшие. Утешительный результат подвижных сборов войск Амурской области, сравнительно с 1897 г.». Маневры войск Владивостокского гарнизона

---

[336] Из офицеров Генерального Штаба и бывших в Академии Генерального Штаба.
[337] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 32–33; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 193–193 об.; Ведомость состава партий, разделения офицеров по группам, сборных пунктов и времени полевых поездок в 1898 г. Приложена к Приказу войскам Приам. в.о. № 291 от 13 августа 1898 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1898 г. Хабаровск, 1898; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1327. Л. 362–362 об.
[338] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 26.
[339] Общие: Читинский, Благовещенский, Хабаровский, Никольский и Зайсановкий; крепостные: Николаевский и Владивостокский; подвижные: Амурской области и Южно-Уссурийского отдела; специально-кавалерийские: Читинский и Никольский; артиллерийские: Шишкинский, Нерчинский, Благовещенский и основной – Барановский. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 33–34; Росписание сборов войск Приам. в.о. для летних занятий в 1898 г. Приложение к Приказу войскам Приам. в.о. № 54 от 19 февраля 1898 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1898 г. Хабаровск, 1898; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1327. Л. 210–210 об.
[340] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 33–34.
[341] Имеется в виду ротавирусный гастроэнтерит.

имели крепостной характер и служили для ознакомления войск с местностью[342].

Для войск, переброшенных на арендованные у Китая территории, формат летних занятий пришлось серьезно скорректировать, в результате чего они в значительной степени перестали быть летними. По климатическим условиям, войска Квантунского полуострова проходили частные сборы, с 5 мая по 5 июля, а затем вследствие наступавшей жары занятия прекращались до сентября. В этот период войска можно было выводить на строевые и тактические занятия только ранним утром. Появившиеся заболевания тифом и дизентерией заставили перенести лагерь некоторых частей на новые места и задержать войска в палатках до наступления морозов. С 1 по 15 октября на Квантуне проведены большие крепостные маневры под Порт-Артуром, в которых приняла участие и креп. артиллерия. Они показали, что тактическая подготовка войск хорошая[343], в чем Н.И. Гродеков убедился лично[344].

Провал подвижных сборов 1898 г. под с. Никольское был с лихвой восполнен в следующем, 1899 г., когда в Южно-Уссурийском крае, в рамках летних сборов войск[345], состоялись не только подвижные сборы, но и небывалые по масштабам маневры частей и соединений Южно-Уссурийского отдела с участием войск Владивостокского гарнизона на п-ове Муравьева-Амурского[346]. Эти маневры представляют большой интерес, поскольку в них были задействованы войска Приам. в.о., участвовавшие впоследствии как в Китайском походе 1900 г., так и в Русско-японской войне 1904–1905 гг. На них не было императора, великих князей и высших должностных лиц Военного министерства как на Курских маневрах 1902 г.[347], и учения действительно носили характер боевой, а не «показной» подготовки. Учения подобного масштаба, потребовавшие достаточно крупных финансовых затрат, проводились в Южно-Уссурийском крае впервые, и наглядно показывали всю серьезность отношения командования Приам. в.о. к японской угрозе. «Подвижные сборы» были назначены 24–29

---

[342] Там же. Л. 34–35.
[343] Там же. Л. 35–36.
[344] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 297, 299–300.
[345] Приказ войскам Приам. в.о. № 62 от 9 февраля 1899 г. и приложенное к нему Росписание сборов войск Приам. в.о. для летних занятий в 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899; Приказы войскам Приам. в.о. № 176 от 27 апреля и № 183 от 4 мая 1899 г. // Там же.
[346] Эти маневры специально исследовались в: Авилов Р.С. «*Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…*»… С. 112–123; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. “Назло надменному соседу”. 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. С. 114–121.
[347] Подробнее о них см.: Всеподданнейший отчет главного посредника о больших в Высочайшем присутствии маневрах в Курской губернии 1902 года. СПб., 1903. 128 с.; Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Южная армия. Киев, 1903. 393 с.; Отчет о большом маневре в Курской губернии в Высочайшем присутствии в 1902 году. Московская армия. М., 1903. 245 с.; Курские маневры // Военная энциклопедия. Т. 14. СПб., 1914. С. 416–419; Драке Л.Л. В период больших Курских маневров 1902 г. (Отрывочные воспоминания) // Военно-исторический вестник (Киев). 1911. № 3–4. С. 31–38; Айрапетов О.Р. Автор, время и события «Дневника» // Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 7–13; Коровин В.В. «Его Величество изволил повелеть, чтобы начальникам маневрирующих армий была предоставлена возможно большая свобода действий» // Воен.-ист. журнал. 2012. № 9. С. 35–38; Он же. Документальные источники о подготовке и проведении больших Курских маневров 1902 г. // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 29–47.

августа[348], когда должен был пройти общий двусторонний маневр в окрестностях Владивостока, под главным руководством Н.И. Гродекова. Однако поскольку он находился в Забайкалье и в район маневров ранее 29 августа прибыть не мог, общее руководство и главное посредничество возложили на Временно Командующего войсками округа генерал-лейтенанта А.С. Беневского. Маневры предполагалось провести в окрестностях ст. Надеждинская и на п-ове Муравьев-Амурского.

Войска были разделены на два отряда: Северный и Южный. По особому распоряжению руководителя, участие в маневре принял и вылазочный отряд из войск Владивостокского гарнизона, под руководством начальника инженеров Владивостокской крепости инженер полковника К.С. Чернокнижников. Сценарий маневра был тщательно разработан, войскам и их командирам даны необходимые указания. Отчет о маневре предписывалось доставить в штаб округа к 1 октября того же года[349]. Учитывая печальный опыт лагерного сбора 1898 г., на устройство санитарной части во время сборов обратили особое внимание, разработав специальный «План устройства санитарной части на время подвижных сборов», которому надлежало следовать неукоснительно[350]. Генерал Н.И. Гродеков докладывал Николаю II: «В этих маневрах приняли участие почти все войска Приморской области и гарнизон крепости Владивосток, всего 25 батальонов, 14 эскадронов и сотен, 9 батарей и 2 роты сапер. Кроме учебного значения маневры эти имели целью выяснить условия движения и действий войск на полуострове Муравьев-Амурский и способы атаки и обороны сухопутного фронта крепости Владивосток. Не смотря на неблагоприятные условия (проливные дожди, испортившие дороги), войска на маневрах показали себя хорошо обученными, стройными и благоустроенными. Люди оказались молодцами, выносливыми и бодрыми»[351].

Кроме существенного прогресса в качестве обучения войск, наметившегося за 4 года прошедшие с Японо-китайской войны 1894–1895 гг., проведенные маневры позволили уже в 1899 г. выявить большую часть недочетов в боевой подготовке войск, которые сыграли свою отрицательную роль в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.: 1) неумение нормально вести наблюдение за противником; 2) неумение соответствующим образом использовать конницу в разведывательных целях; 3) проблемы с организацией связи между частями; 4) неумение как следует распорядиться резервами; 5) низкая способность командиров частей к импровизации в бою; 6) неудовлетворительная логистика; 7) отсутствие должного уровня

---

[348] Приказание по войскам Приам. в.о. № 140 от 25 июня 1899 г. // Приказания по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899. Позднее сдвинуты на 25–30 августа. Приказание по войскам Приам. в.о. № 180 от 11 августа 1899 г. // Там же; Приказ войскам Приам. в.о. № 337 от 12 августа 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899.

[349] Приказ по войскам Приам. в.о. № 337 от 12 августа 1899 г. // Там же.

[350] План устройства санитарной части на время подвижных сборов. Приложение к Приказу по войскам Приам. в.о. № 337 от 12 августа 1899 г. // Там же.

[351] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 8.

навыков в использовании карт и соотнесении их с видимой местностью; 8) проблемы с написанием четких, понятных и хотя бы теоретически выполнимых приказов[352].

В дальнейшем, командным и высшим офицерским составом Приам. в.о. делалось все возможное для ликвидации этих недостатков. При этом нижних чинов по-прежнему продолжали привлекать для ведения железнодорожного строительства. На этот раз, на работы по постройке ветки КВЖД от г. Никольск-Уссурийский до границы и «на постройку соединительной ветки в пределы Забайкалья»[353]. В том же году Н.И. Гродеков лично объехал округ, оценивая состояние и уровень боевой готовности частей и соединений. Осмотрев войска Забайкальской, Амурской и Приморской областей[354] он остался доволен увиденным.

30 сентября 1899 г. он отдал приказ о начале с 15 октября зимних занятий и констатировал: «В настоящее время неблагоприятные условия, препятствовавшие ранее правильному ходу зимних занятий в войсках, во многом изменились к лучшему: за немногими исключениями, войска обеспечены удобными казарменными помещениями и освобождены от посторонних нарядов и работ. […] А потому предлагаю всем с полным вниманием отнестись к предстоящим зимним занятиям, помня, что от успеха их зависит и боевая готовность войск. Особенное внимание предлагаю обратить на подготовительные к стрельбе упражнения, на производство еженедельных военных прогулок войсками всех гарнизонов в полном составе […] и на правильное и целесообразное ведение тактических занятий с офицерами»[355]. Еще в феврале 1900 г. командование Приам. в.о. готовилось в полном объеме провести летний период обучения войск (включая подвижные сборы). 29 февраля Н.И. Гродеков утвердил необходимую документацию, а 5 апреля ее несколько дополнили[356]. Однако вместо плановых летних занятий войскам пришлось принять участие в Китайском походе 1900–1901 гг.

В результате начала строительства КВЖД, занятия Порт-Артура и общей активизации внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке значение Приам. в.о. возросло резко и многократно. Генерал Н.И. Гродеков отмечал: «Возможность политических осложнений в настоящее время гораздо более вероятна на Дальнем Востоке, чем где-бы то ни было в другом месте»[357]. Никакой предварительной подготовки округа к столь резкому росту его значения Петербург не производил. Новые задачи и изменившаяся обстановка заставили совершенно переработать существовавшие ранее предположения и планы на случай войны. Почти все

---

[352] Приказ по войскам Приам. в.о. № 499 от 17 декабря 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899.
[353] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 8.
[354] Приказ войскам Приам. в.о. № 378 от 15 сентября 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899; Приказы Приамурским казачьим войскам № 17 от 15 сентября и № 18 от 23 сентября 1899 г. // Приказы Приамурским казачьим войскам за 1899 г. Хабаровск, 1899; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1318. Л. 35–38, 45–48, Л. 67–69, 81–84.
[355] Приказ войскам Приам. в.о. № 397 от 30 сентября 1899 г. // Приказы по войскам Приам. в.о. за 1899 г. Хабаровск, 1899.
[356] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 55–61 об., 87.
[357] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 10.

работы пришлось начинать заново, имея необработанные, часто неполные материалы. Поэтому, в целях получения необходимой для составления новых планов информации, в 1899 г. осуществлялись не только специальные командировки офицеров Генерального Штаба в Маньчжурию и Корею, но и всем полевым поездкам офицеров Генерального Штаба вместо ознакомительного, было дано сугубо практическое значение – сбор необходимых Окружному штабу данных. Из внутрироссийских, наибольшее значение имела полевая поездка офицеров Генерального Штаба для изучения побережья Уссурийского залива и прилегающей к нему полосы, могущей стать театром военных действий. Командированные офицеры доставили много ценных сведений, легших в основу составляемых планов и предположений[358].

С занятием в 1898 г. Квантунского полуострова с Порт-Артуром и началом активной деятельности в Маньчжурии, в округе снова остро возникла потребность в офицерах, знающих местные языки, и, прежде всего, китайский. Впервые эту проблему осознали еще в 1889 г., однако проект А.Н. Корфа об учреждении курсов восточных языков при штабе Приам. в.о. был отклонен военным министром П.С. Ванновским как преждевременный[359]. В результате, к Японо-китайской войне 1894–1895 гг. округ подошел не имея ни базы подготовки военных переводчиков, ни самих переводчиков. Пришлось вместо заблаговременных и систематических, принимать меры экстренные и импровизированные. «Еще в 1896 году, – докладывали Николаю II в 1898 г. краткую предысторию вопроса, – был возбужден вопрос об открытии курса восточных языков при Владивостокской гимназии[360] и тогда-же установлены денежные премии офицерам, изучившим китайский или японский язык[361]. Позднее, при Штабе Приамурского военного Округа, были открыты частные курсы китайского языка; также разрешено было одному офицеру отправиться в Пекин, для изучения языка на месте. Принятые меры имели свои результаты: учрежденные при Штабе Округа курсы посещаются 8-ю офицерами и 5-ти офицерам выданы премии за основательное изучение языка (две за японский и три за китайский). Наиболее успешной мерой для изучения языка оказалась командировка за границу. До последнего времени Округ в этом отношении был стеснен средствами. Теперь, на отпущенные Главным Штабом суммы, командированы в Пекин три офицера для изучения китайского языка…»[362].

После создания 24 мая 1899 г. Восточного института[363], изучение офицерами

---

[358] Там же. Л. 10.
[359] Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 174–181.
[360] Эта идея Н.И. Гродекова, очередного Командующего войсками округа, тоже не получила одобрение Главного штаба и не была реализована. Подробнее о проекте см.: Там же. С. 198–205.
[361] Эта мера дала русской армии нескольких блестящих специалистов, среди которых В.К. Самойлов, но вскоре была свернута «за недостатком средств», а затем восстановлена премия за изучение японского языка: в 1000 р. за изучение письменного и разговорного языка (1 премия), в 500 р. за изучение разговорного языка (4 премии). Подробнее см.: Там же. С. 194–198.
[362] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 14–15.
[363] Высочайше утвержденное 24 мая 1899 г. Положение о Восточном Институте // ПСЗ РИ III. Т. 19. № 16940.

дальневосточных языков было организовано уже на его базе. Первые 4 офицера были зачислены в институт в сентябре того же года, а первый выпуск состоялся весной 1903 г., незадолго до Русско-японской войны 1904–1905 гг., во время которой выпускники института принесли огромную пользу. В 1901–1903 гг. действовали также созданные по инициативе Д.И. Субботича в 1901 г. курсы переводчиков китайского языка при штабе войск Квантунской области в Порт-Артуре[364].

Вторым образовательным учреждением, созданным в Приам. в.о. накануне Китайского похода 1900–1901 гг., стал Хабаровский кадетский корпус. Вопрос о его создании поднимался неоднократно, но каждый раз решение по финансовым соображениям откладывалось. В 1896 г. эту проблему поднял С.М. Духовской, а после очередного отказа, доложил в 1897 г. Николаю II о настоятельной необходимости учреждения для Приам. в.о. кадетского корпуса в г. Хабаровске. «Возбужденное в минувшем году, перед Его Превосходительством Г. Военным Министром, ходатайство мое об увеличении штата Хабаровской приготовительной школы не имело благоприятного разрешения, чему главнейшими причинами послужили: недостаток средств в военно-учебном ведомстве и невозможность увеличения штата Сибирского Кадетского Корпуса, куда отправляются для дальнейшего образования, воспитанники Хабаровской приготовительной школы. Признавая вполне трудность такого положения, я, тем не менее, не могу не видеть, как тяжело это отзывается на семействах военно-служащих края. Существующие штаты Хабаровской приготовительной школы и раньше не вполне удовлетворяли потребности образования, ныне-же, при значительном увеличении числа военнослужащих, положение становится почти безвыходным. Ничтожное число других учебных заведений в крае отсутствие частных преподавателей и скудность средств, ставит семейных служащих в безотрадное и безвыходное положение. Увеличение штата Хабаровской приготовительной школы решительно необходимо, но его все-таки надо считать полумерой. Дети, оканчивающие курс этого учебного заведения, должны быть отправляемы в Сибирский кадетский Корпус или в другие учебные заведения Европейской России, на много тысяч верст удаления от края. Таким образом дети отрываются от семьи чуть не навсегда… Это одно из самых тяжелых условий службы в крае и одна из главнейших причин стремления уходить из Округа»[365].

18 апреля 1897 г. Н.И. Гродекову сообщили о внесении в ближайшем будущем в Военный Совет представления об учреждении в г. Хабаровск Кадетского корпуса и о том, что преобразование существующей кадетской школы в корпус намечено уже в 1899 г.[366]. 5 мая 1898 г. для выработки плана расширения зданий Хабаровской приготовительной школы под

---

[364] Подробнее см.: Басханов М.К. История изучения восточных языков… С. 206–207, 235–246.
[365] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 11 об.–12.
[366] Там же. Д. 871. Л. 3.

помещения Кадетского корпуса, была создана специальная комиссия под председательством начальника Окружного штаба генерал-майора Н.М. Чичагова[367]. Само преобразование Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса в Кадетский корпус предполагалось начать с осени 1900 г., добавив один класс к существующим, и полностью завершить в 1905 г. «Эта мера благодетельна и полезна для края не только потому, что с учреждением в Хабаровске кадетского Корпуса, явится возможность пополнять войска Округа офицерами – местными уроженцами, но и потому, что вообще в крае вопрос о воспитании детей составляет больное место»[368].

28 декабря 1899 г. Николай II утвердил в виде временной меры, сроком на 5 лет, «Временные правила приема малолетних в Хабаровский кадетский корпус на казенное содержание». В округе они были введены в действие приказом Н.И. Гродекова 24 марта 1900 г. И только 9 мая он отдал приказ, в котором сообщалось: «Главное управление военно-учебных заведений уведомило: Хабаровскую приготовительную школу Сибирского кадетского корпуса разрешено преобразовать в кадетский корпус», занятия в котором должны были начаться уже с осени. Поэтому кадет, оканчивавших в этом году курс в преобразуемой в корпус Хабаровской приготовительной школе Сибирского кадетского корпуса было приказано не отправлять в Сибирский корпус, а оставить в Хабаровске, открыв 3-й класс. На предстоящий учебный год 1900–1901 гг., предполагалось принять 40 кадет казеннокоштными, с постепенным перечислением в казеннокоштные состоящих сверх комплекта своекоштных и приходящих. Для дальнейшего укомплектования корпуса разрешалось принять в течение 4 лет по 40 и в 1905 г. по 50 казеннокоштных. При этом приготовительный класс в корпусе сохранялся[369]. Официально Хабаровская приготовительная школа была упразднена с 1 сентября 1900 г. и с этого же дня был учрежден Хабаровский кадетский корпус. В нем были открыты 4 класса: I, II, III и один приготовительный, с приемом в корпус 40 чел. малолетних. Все кадеты приготовительной школы были переведены в соответствующие классы созданного корпуса[370]. Открытие состоялось 3 сентября. Дети служащих в Забайкальской области по-прежнему подлежали зачислению в Иркутскую приготовительную школу Сибирского кадетского корпуса и в сам Сибирский кадетский корпус[371].

Таким образом, в 1896–1900 гг. активно шел процесс переориентации обучения русских войск на Дальнем Востоке для противодействия новому, более сильному, многочисленному и хорошо обученному противнику – Японии. Это потребовало не только усилий по дальнейшему освобождению войск от решения посторонних задач и активизации

---

[367] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1326. Л. 103–103 об.
[368] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 3–4.
[369] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 82–83 об., 122–122 об.
[370] ПВВ № 146 от 30 апреля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 224–224 об.
[371] Там же. Л. 316–317.

процесса их обучения, но и решения нескольких застарелых проблем, в числе которых реализация в регионе комплекса мер по противодействию текучести офицерских кадров и организация подготовки военных переводчиков.

3.5. Русские войска в 1900 г.: мобилизация, импровизации, выводы

Предсказанные Н.И. Гродековым в записке от 2 июня 1899 г. «осложнения» на Дальнем Востоке, которые «могут возникнуть внезапно»[372], действительно совершенно неожиданно начались весной 1900 г.[373]. Возникшие в мае 1900 г. волнения вынудили командование Квантунской области отправить отряд для охраны Русской миссии в Пекине и прибывающих туда христиан. Однако, при малочисленности группировки русских войск на Квантуне, убыль сразу пришлось пополнять высылкой войск из Приам. в.о. В Маньчжурии ярко выраженных признаков грядущего восстания еще не было, и в округе полагали, что волнения будут лишь в Печилийской (Чжили) провинции. Поэтому в начале июня на Квантун отправили: 4 батальона, 1 батарею и 3 сотни[374]. По мере разрастания восстания, из округа на Квантун и в Печилийскую провинцию отправили в июне–июле в общей сложности: 16 батальонов, 38 орудий, 6 сотен, 2 саперные роты и 2,5 железнодорожные роты[375].

Военные действия развернулись сначала в столичной провинции Чжили. В мае 1900 г. войска союзников, в т.ч. и России, были стянуты к г. Тяньцзинь, откуда на Пекин по железной дороге отправился первый отряд союзников (отряд адмирала Э. Сеймура), остановленный китайскими войсками по пути. 4 (17) июня войска союзников (в т.ч. русский отряд) взяли штурмом форты и укрепления Дагу, что привело к нападениям на иностранные посольства в Пекине и концессии в Тяньцзине. 8–11 июня началась Тяньцзинская операция союзников, которой командовал начальник 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг. генерал-майор А.М. Стессель. Россия стремительно втягивалась в неожиданный и неудобный с политической и военной точек зрения конфликт с Китаем[376]. 28 мая 1900 г. начальник Главного штаба телеграфировал Н.И. Гродекову: «По сведениям из Китая, положение дел там ухудшается, и является опасение, что восстание может распространиться, направляясь к Маньчжурии и к нашим границам. Посему благоволите принять соответственные меры к предотвращению столкновений с соседним

---

[372] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96. Л. 7 об.

[373] История Боксерского восстания и Китайского похода 1900–1901 гг. достаточно хорошо описана и изучена. В этой связи, в работе обращено внимание не на ход боевых действий, а на процессы мобилизационного развертывания и усиления войск на российском Дальнем Востоке, а также проблемы, выявленные в ходе военной кампании, и их влияние на дальнейшее повышение обороноспособности региона.

[374] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 1.

[375] Всеподданнейший доклад военного министра от 27 октября 1900 г. // Материалы для описания военных действий в Китае 1900–1901 гг. Отд. I. Кн. 5. СПб., 1904. С. 37; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 2. Динамику отправки войск см.: Справка Азиатской части Главного штаба от 30 июня 1900 г. //Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 87–92.

[376] Подробнее см.: Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. I. Сост. Генерального Штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. СПб., 1904. С. 51–433; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 196–213; Дацышен В.Г. Русско-Китайская война 1900 г. Ч. II. С. 81–100 и др.

китайским населением и бдительному надзору за нашими границами»[377].

В начале июня обострилась ситуация в Маньчжурии, где начались нападения китайцев на русских служащих и охранную стражу КВЖД. Отголоски выступлений ощутили даже в Монголии и Кульдже. Обстановка обострилась почти на всем периметре 9100-верстной русско-китайской границы. Ослабление войск Приам. в.о. высылкой отрядов на юг Китая делало положение в Северной Маньчжурии, и на всех пограничных землях неблагоприятным и даже опасным[378]. Сбылся и прогноз С.М. Духовского об опасности проведения русской стратегической железной дороги по территории сопредельного государства, вне зоны постоянной защиты вооруженных сил империи[379]. В издании Главного штаба, посвященном Китайскому походу 1900 г., отмечалось: «Главною причиною враждебных действий против нас Китая, заменивших продолжительные мирные добрососедские отношения, была предпринятая нами постройка Восточно-Китайской железной дороги и занятие Порт-Артура: в этом китайцы увидели тайное желание России завладеть потом Маньчжуриею»[380].

К началу июня и в Хабаровске, и в Петербурге было очевидно – полномасштабных боевых действий в Маньчжурии не избежать. Это требовало принятия серьезных решений. 8 июня 1900 г. А.Н. Куропаткин отправил начальнику Главного штаба записку в которой указал, что надо подготовить все распоряжения по мобилизации войск Приам. в.о. Было решено, что войска округа должны быть приведены на военное положение по частному росписанию № 5, введенному в действие с 15 апреля 1900 г. По нему полевые войска должны были быть готовы к 14, а резервные и тыловые – к 26 дню мобилизации. Лошадьми части пополнялись полностью из района Приам. в.о., а нижними чинами запаса – как из своего, так и из Сиб. в.о. После этого А.Н. Куропаткин доложил Николаю II: «В виду осложнений, происшедших в последние дни в Китае, представляется необходимым иметь во всякое время наготове достаточные силы для защиты там наших интересов. Одною из наиболее существенных мер для этого является заблаговременное приведение войск Приамурского округа на военное положение», на что было получено разрешение. Телеграмму Н.И. Гродекову отправили в тот же день, приказав считать первым днем мобилизации 12 июня, и поставив об этом в известность МИД[381]. 10 июня 1900 г. это предписание было официально обнародовано, с изменением ряда секретных частностей[382].

---

[377] Телеграмма начальника Главного штаба Н.И. Гродекову в Хабаровск № 1385 от 28 мая 1900 г. // Материалы…Отд. II. Кн. 1. С. 4.
[378] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 2.
[379] Записка Приамурского генерал-губернатора Духовского. 11 января 1896 г. // КА. 1932. № 3 (52). С. 84, 87–88.
[380] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 2.
[381] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 2–4 об., 12–13, 20.
[382] Именной Высочайший указ, данный Сенату 10 июня 1900 г. О призыве на действительную службу чинов запаса из областей и уездов Приам. и Сиб. в.о. для приведения на военное положение войск Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18774; Всеподданнейший доклад военного министра от 9 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 19–20; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 12–13.

Впоследствии пришлось провести мобилизацию войск сразу двух (из трех) военных округов, имеющих границу с Китаем – Приамурского (полную, начата 12 июня)[383] и Сибирского (частичную, начата 8 июля)[384], а также входящей в состав Туркестанского в.о. Семиреченской области (частичную, начата 8 июля, 1-й день мобилизации – 10 июля)[385]. Про Квантунскую область забыли, и инициатива проведения в ней мобилизации исходила снизу от Е.И. Алексеева. После заминки в несколько дней, связанной с выяснением вопроса, как такая оплошность вообще стала возможной, Высочайшее разрешение было получено 17 июня и на следующий день, 18 июня, сообщено в Порт-Артур, где тут же началась частная мобилизация. Распоряжение о налаживании координации между командованием Приам. в.о. и Квантунской области последовало 3 июля 1900 г., когда А.Н. Куропаткин приказал, чтобы все депеши, посылаемые Е.И. Алексееву, одновременно передавались и Н.И. Гродекову для сведения и посылались с первым пароходом Е.И. Алексееву, на случай разрушения телеграфа[386].

Несмотря на неожиданное для командования Приам. в.о. *de facto* начало войны в Маньчжурии в Окружном штабе сориентировались быстро. Готовое к 15 апреля 1900 г. мобилизационное росписание № 5 Приам. в.о. позволило по получении в 9 час. утра (по Хабаровскому времени) 11 июня 1900 г. телеграммы о начале мобилизации[387] и передаче ее в Окружной штаб молниеносно приступить к действию[388]. Ко дню объявления мобилизации на воинском учете в округе всего состояло, а соответственно ожидалось к прибытию на сборные пункты, 22.055 нижних чинов запаса, т.е. на 1.396 нижних чинов более, чем было принято в мобилизационном росписании № 5 Приам. в.о. Из них: 2.654 нижних чинов – на сборных пунктах в г. Хабаровск и г. Николаевск; 9.327 – в г. Никольск-Уссурийский, Владивостокской крепости и ур. Новокиевское; 2.840 – в г. Благовещенск; 3.312 – в г. Чита и станице Стретенской; 3.887 – в г. Верхнеудинск и 35 – в управлении местных войск о-ва Сахалин[389].

После объявления мобилизации явились на сборные пункты: в Приморской области: в

---

[383] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 12–13; Там же. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 3–23, 39–46, 91–94 об., 157–198 об.

[384] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 25–37 об., 71–89. Эта проблема исследовалась Р.С. Авиловым в: Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Воен.-ист. журнал. 2014. № 7. С. 17–18.

[385] Именной Высочайший указ, данный Сенату 8 июля 1900 г. О призыве на действительную службу всех чинов запаса из областей и уездов Сиб. в.о. и из Семиреченской области Туркестанского в.о. // ПСЗ РИ. III. Т. 20. № 19061; Всеподданнейшие доклады военного министра от 7 и 8 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 123–129; Всеподданнейший доклад военного министра от 7 мая 1901 г. О результатах мобилизации войск Семиреченской области и сосредоточении Джаркентского отряда // Материалы … Отд. I. Кн. 8. С. 12.

[386] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 42–42 об., 45–45 об., 47, 143.

[387] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4, 5; Там же. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 22.

[388] Работы в мобилизационном отделении начались в 9 ч. 20 мин утра. Заранее заготовленные литографированные бланки телеграмм и отзывов были заполнены данными, что первым днем мобилизации следует считать 12 июня, подписаны начальником Окружного штаба и разосланы в 10 час. 30 мин. утра. В тот же день, 11 июня, Высочайшее повеление о мобилизации было получено: в городах Чита, Верхнеудинск и Благовещенск – в 12 час. дня, в г. Никольск-Уссурийский – в 12 час. 5 мин., во Владивостокской крепости – в 2 час., в г. Николаевск – в 2 час. 30 мин., в ур. Новокиевское – в 2 час. и на о. Сахалине – в 2 час. 46 мин. дня. В г. Хабаровск все части войск и управления были оповещены о мобилизации к часу дня. РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4.

[389] Подсчет в Окружном штабе производился по числу призывных карт, отправленных в полицейские управления. Там же. Л. 5 об.

г. Хабаровск – 1.288 нижних чинов из 1.960 (66%), в г. Николаевск – 1.059 при ожидаемых 694 (152%), в г. Никольск-Уссурийский – 3.333 из 5.657 (59%), во Владивостокской крепости – 1.749 из 3.260 (54%) и в ур. Новокиевское – 51 из 410 (12%); в Амурской области в г. Благовещенске – 3.054 при ожидаемых 2.840 (107%); в Забайкальской области: в г. Чита – 1.507 при ожидаемых 1.496 (100,7%), станице Стретенской – 2.064 при ожидаемых 1.816 (114%), в г. Верхнеудинск – 3.605 из 3.887 (93%) и на о-ве Сахалин в посту Александровском – 35 из 35 (100%). Таким образом, всего явились: в Приморской области: 7.480 нижних чинов из 11.981 призывавшегося, т.е. 62%[390], в Амурской области: 3.054 при ожидаемых 2.840, т.е. 107% и в Забайкальской области: 7.176 из 7.199, т.е. почти 100%. Итого в Приам. в.о. явилось 17.745 нижних чинов из 22.055 призывавшихся, т.е. явилось 80%[391].

Проблемой для округа было огромное количество освобожденных от призыва на действительную службу из запаса. По закону в их число входили лица, занимающие должности по государственной и гражданской службе, перечисленные в особом списке приложенном к ст. 25 Общего устава о воинской повинности. Однако еще мобилизация 1895 г. показала, что призыв на службу всех имевшихся в округе запасных, кроме указанных в этом списке, приведет к полному параличу в Приамурском генерал-губернаторстве всего и вся, от транспорта до работы государственных учреждений включительно. Поэтому еще в 1897 г. по приказанию Командующего войсками округа была, сверх ст. 25 устава, составлена, а затем и утверждена им еще и специальная «ведомость лицам, освобождаемым временно от призыва в случае мобилизации» в Приам. в.о. 4 июня 1897 г. она была сообщена циркулярно всем военным губернаторам, воинским начальникам, начальникам штабов областей и Владивостокской крепости и в Окружные управления[392].

В мобилизацию 1900 г. изначально было решено освободить от призыва несколько категорий запасных. Затем А.Н. Куропаткин по ходатайству МВД приказал отсрочить до 20 октября 1900 г. призыв врачей, состоящих в запасе армии и занимающих должности в этапных пунктах движения переселенцев. За это время их предполагалось успеть заменить на других, не подлежащих призыву. После этого были полностью использованы возможности инструкции 1897 г., но практика показала, что и этого оказалось недостаточно для того, «чтобы призыв запасных не затормозил на больший или меньший срок необходимую для края

---

[390] Данные по о-ву Сахалин не входили в общие цифры расчетов по Приморской области, производившиеся в Окружном штабе Приам. в.о. Там же. Л. 5 об.

[391] Следует отметить, что приведенная статистика была несколько своеобразная. Из числа 17.745 явившихся запасных нижних чинов 3.198 чел., т.е. 18% явились не на те сборные пункты, где они состояли на учете и откуда призывались. В Окружном штабе констатировали: «Воинские начальники в своих отчетах совершенно правильно показывают таких запасных *у себя неявившимися*, но в действительности это не уклонившиеся запасные, а невыполнившие статей 249, 250 “Общего устава о воинской повинности”, то есть ушедшие весной на заработки и вообще отлучившиеся без заявления полиции. Особенно много таких запасных оказалось в Забайкальской области – 2.147 из числа 7.199, состоявших на учете, т.е. 30%; затем идет Амурская область – 13% и наконец Приморская – 6%». Там же. Л. 5 об.

[392] Там же. Л. 6.

деятельность некоторых казенных учреждений»[393]. Командованию округа пришлось, в отношении еще нескольких категорий запасных, прибегнуть к «особой мере»[394]. Таким образом, все освобожденные от призыва в мобилизацию 1900 г. делились, на 2-е категории: те о ком было известно до объявления мобилизации и те, чьи отсрочки и освобождения были объявлены после. И если точный учет первой категории был налажен (тем более, что при составлении мобилизационного росписания в расчет их не принимали)[395], то людей попавших во вторую категорию не удалось даже точно посчитать[396].

Все призванные нижние чины осматривались на призывном пункте гражданскими врачами (по 2 на пункт). «Подлежащими увольнению в отпуск для поправления здоровья» были признаны в округе 97 чел. из 17.745 явившихся (0,5%). «Подлежащими увольнению от службы» – 862 чел. из 17745 явившихся (5%). Таким образом, из числа явившихся на сборные пункты округа 17.745 чел., были признаны годными к службе 16.786 чел. Сравнение этого показателя с цифрой ожидавшихся к призыву запасных, заложенной в мобилизационное росписание № 5 Приам. в.о. в мирное время (16.885 чел.), указывает что расчетная цифра выше реальной всего на 69 чел., т.е. ошибка в расчетах составила всего 0,4%[397].

Явившиеся на сборные пункты запасные нижние чины, признанные годными к службе, немедленно распределялись воинскими начальниками по частям войск, управлениям и заведениям округа, в соответствии с ведомостями последовательности отправки запасных со сборных пунктов. На сборных пунктах в городах Верхнеудинск, Благовещенск и Николаевск, в станице Стретенская и на посту Александровский (на о. Сахалин) росписание № 5 было выполнено полностью и в срок. Все команды были сданы на месте или отправлены по назначению на основании приведенных в росписании расчетов. На сборных пунктах в городах Хабаровск и Чита было «недослано в части войск такое незначительное число запасных (5 ч.), что росписание можно считать на этих пунктах выполненным. На сборных пунктах в городах Никольске-Уссурийском, Владивостоке и в ур. Новокиевском, вследствие значительного числа запасных нижних чинов, не явившихся на эти сборные пункты, отправление запасных не могло быть выполнено в точности по росписанию № 5. Особенно большой процент неявившихся оказался на Новокиевском сборном пункте – 88%, где явились только 51 чел. из 410 ожидавшихся. На Владивостокском сборном пункте не явилось 46% ожидавшихся запасных, а на Никольском – 41%.

---

[393] Там же. Л. 6–6 об.

[394] Было приказано, «не освобождая некоторых запасных чинов, призвать их на действительную службу, зачислить в части войск округа и откомандировать их затем для продолжения той деятельности, которою они были заняты в мирное время и приостановка которой, вследствие их призыва на службу […], была нежелательна. Там же. Л. 6 об.

[395] По имевшимся в Окружном штабе сведениям, до объявления о мобилизации о своем праве на освобождение от призыва заявили всего 785 чел.: 38 чел. – Хабаровскому местному воинскому начальнику, 539 – местному Приморской области воинскому начальнику, 87 – Амурскому, 94 – Читинскому и 27 – Верхнеудинскому. Там же. Л. 6 об.–7.

[396] Там же. Л. 6 об.–7.

[397] Там же. Л. 7–7 об.

Таким образом, из общего числа в 16.885 чел. запасных, назначенных росписанием № 5, не были своевременно отправлены в части войск лишь 1.319 чел., т.е. менее 8%. Для весьма специфического Приам. в.о. такой результат следует признать более чем хорошим, особенно учитывая что одновременно с мобилизацией, происходило развертывание дислоцировавшихся в округе Вост.-Сиб. лин. батальонов в Вост.-Сиб. стр. полки, и запасные нижние чины из запасных батальонов назначались в первую очередь на развертывание стр. полков, а не на пополнение не досланных по мобилизационному росписанию. С выступлением войск в поход, запасные батальоны должны были нести караульную службу, поэтому «было совершенно необходимо иметь в этих батальонах наличный состав достаточный на три смены караульного наряда», что тоже тормозило пополнение не досланных в военные части нижних чинов[398].

Итак, в отношении призыва запасных Приам. в.о. мобилизация 1900 г. оправдала расчеты мирного времени для Забайкальской и Амурской областей. В Приморской же области, вследствие значительного количества запасных, ушедших без заявления на постройку КВЖД, скидка на не явившихся оказалась недостаточной и при последующих расчетах ее было решено увеличить.

Значительно больше сложностей возникло с укомплектованием воинских частей и соединений реквизируемыми у населения по мобилизации лошадьми. Причиной были не только ошибки в расчетах, вызванные отсутствием достоверных данных о численности в округе лошадей, но и переброска войск на Квантун незадолго до начала мобилизации, повлекшая необходимость исправления росписания буквально накануне нее[399]. Сразу после ее объявления, в виду особенных условий предстоявших военных действий, начальник Окружного штаба представил Н.И. Гродекову предложения о разделении мобилизации военно-врачебных заведений округа и некоторых тыловых частей на две очереди – 1-ю[400] и 2-ю[401], что и было утверждено. Поэтому и ввиду отправки некоторых частей на Квантун, наряд лошадей по росписанию № 5 сначала уменьшили на 3.040 голов, которые решили у населения не брать. В случае необходимости предполагалось произвести дополнительную реквизицию недостающих лошадей. Однако вскоре наряд пришлось срочно увеличивать. Всего, сверх расчетов мобилизационного росписания № 5, у населения было реквизировано 4.356 лошадей. Таким образом, первоначальный наряд в 12.977 лошадей был во время действительной

---

[398] Там же. Л. 7 об.–8.

[399] Там же. Л. 9, 41 об.

[400] В нее вошли: 1. все лазареты: бригадные, большие отрядные и малые отрядные; 2. часть полевых подвижных госпиталей: №№ 1, 3, 6–10, 16; 3. все креп. госпитали; 4. один военно-санитарный транспорт № 3 (в г. Никольск-Уссурийский) и два военно-санитарных полутранспорта (в г. Хабаровск и г. Благовещенск); 5. один обозный транспорт (из пяти предположенных к мобилизации по росписанию № 5); 6. вместо трех отделений конского запаса, намеченных к мобилизации по росписанию № 5 в Благовещенске предполагалось сформировать два отделения, каждое в составе 300, а не 400 лошадей. Там же. Л. 41 об.

[401] Во нее вошли: 1. часть полевых подвижных госпиталей, а именно: №№ 2, 4, 5, 11–15, 17–19; 2. все запасные госпитали, кроме отправленных на Квантун №№ 14 и 18; 3. военно-санитарные транспорты №№ 1, 2, 4, 5, 6; 4. четыре обозных транспорта; 5. одно отделение конского запаса в г. Благовещенск. Там же. Л. 41 об.–42.

мобилизации 1900 г. сначала уменьшен на 3.040 голов, а затем увеличен на 4.356 голов. Всего от населения было взято по реквизиции 14.293 лошади. Сам процесс реквизиции тоже проходил с серьезными затруднениями, вызванными, несоответствием количества годных лошадей, заложенных в росписание, реальной численности таких лошадей. Вследствие этого, на некоторых сдаточных пунктах Приморской области оказался недобор лошадей, восполнять который пришлось посредством открытия новых сдаточных пунктов. Еще одно затруднение было связано с тем, что лошади были собраны населением на сборные пункты не в те сроки, о которых уведомлял при составлении мобилизационного росписания Военный губернатор Приморской области. Имели место трудности связанные со слабым уровнем развития военно-транспортной инфраструктуры и откровенного жульничества со стороны населения[402].

Поскольку ни одна поверочная мобилизация не дает такой проверки мобилизационных расчетов и тренировки личного состава, как реальная, мобилизация 1900 г. имела для округа огромное положительное значение как в плане уточнения и корректировки показателей, заложенных в мобилизационное росписание, а значит и в мобилизационные планы, так и в отношении подготовки округа к Русско-японской войне 1904–1905 гг. Относительно реквизиции лошадей, прошедшая мобилизация наглядно продемонстрировала необходимость скорейшего введения в Приам. в.о. военно-конской повинности и правильно организованных военно-конских переписей, без которых подготовка нового мобилизационного росписания была признана Окружным штабом «совершенно невозможной». Таким образом, трудности с призывом запасных нижних чинов и реквизицией лошадей в Приам. в.о. были вызваны не только спецификой региона, но и просчетами мирного времени.

В Квантунской области, после получения адмиралом Е.И. Алексеевым 17 июня 1900 г. распоряжения Петербурга о предоставлении ему «для скорейшего пополнения, в случае надобности, войск, расположенных в Квантунской области», права призвать запасных области, было призвано до 920 чел. для пополнения расположенных в ней войск[403].

В отличие от призывной кампании, непосредственно процесс мобилизации войск проходил в сложнейших условиях непрекращающегося переформирования и усиления войск, когда подавляющее большинство частей и соединений были либо только переформированы или развернуты, либо подлежали переформированию или развертыванию в рамках очередной военной программы. Шло развертывание Вост.-Сиб. лин. батальонов в 2-батальонные полки и формирование из них 4-й, 5-й и 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг., а часть войск была отправлена на Квантун и выведена из подчинения Хабаровску. Из-за обострения ситуации в Китае все планы

---

[402] Там же. Л. 42–43.

[403] Всеподданнейший доклад военного министра 16 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 33–35; Именной Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату 17 июня 1900 г., о предоставлении начальнику Квантунской области призвать, в случае надобности, на действительную службу чинов запаса, проживающих во всей вверенной ему области // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18908; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 12.

усиления войск округа слились при исполнении в единое целое, поскольку в 1900 г. начали реализовывать даже то, что по последнему плану было отнесено на 1902 г. Сложности при анализе происходивших процессов возникают в связи с тем, что до начала мобилизации успели провести лишь часть мероприятий, запланированных на 1900 г. Остальные, в т.ч. планировавшиеся на 1901–1902 гг., реализовывали уже во время мобилизации, военной кампании и даже после их завершения, во время демобилизации войск Приам. в.о., когда с одной стороны, отпускались на льготу казачьи части, а регулярные избавлялись от излишних по штатам людей и лошадей, а с другой – продолжалось усиление и переформирование войск.

К 1 января 1900 г. штатный состав нижних чинов Приам. в.о. и Квантунской области вместе взятых составлял 64 тыс. чел.[404]. *Запланированных* на 1900 г. мероприятий по штатным изменениям в частях войск округа, по сравнению с тем, что реально пришлось осуществить, было сравнительно немного[405]. Поскольку новобранцы поступали в округ как правило в конце весны–начале лета, то до начала мобилизации из запланированных мероприятий успели осуществить немного. В полевой и крепостной *пехоте* преобразования были в самом разгаре. В *казачьих войсках*, в ЗКВ 1 января 1900 г. 1-й Нерчинский полк был переформирован из 9-сотенного в 6-сотенный, сформирован 1-й Аргунский конный полк 6-сотенного состава, а 2-й Забайкальский казачий батальон (пеший) войска упразднен, чем была завершена начатая еще 24 декабря 1896 г. реформа по ликвидации в войске пеших батальонов с заменой их конными полками[406]. В *регулярной кавалерии* к 15 февраля был сформирован 6-й эскадрон Приморского драгунского полка и окончательно пополнено отделение кадра кавалерийского запаса, чем был завершен процесс формирования полка, начавшийся в 1898 г.[407]. В *артиллерии* к 1 марта 1900 г. сформирована 1-я легкая батарея для 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг. взамен той, которая была взята в Вост.-Сиб. стр. дивизион. К 1 июня сформирован Сиб. резервный арт. дивизион в составе двух легких батарей, разворачивающийся в военное время в 8 батарей[408]. К 1 июня во

---

[404] Следует отметить, что к 1 января следующего, 1901 г. этот показатель возрос до 82 тыс. чел. т.е. на 18 тыс. чел. или 28%. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–1об.

[405] В пехоте предполагалось образовать во Владивостокском креп. пех. полку 6-й батальон и к 1 июля разделить полк на 1-й и 2-й Владивостокские креп. пех. полки 3-батальонного состава по 42 ряда в полуроте «в каковом составе и будут полки содержаться». 1-й–8-й Вост.-Сиб. стр. полки, с прибытием новобранцев, довести до 50 рядов в полуроте. 8-й Вост.-Сиб. лин. батальон довести до 50 рядов в полуроте. В 1-м, 5-м, 7-м, 9-м и 11-м Вост.-Сиб. лин. батальонах сформировать к 1 июля 6-е роты. Читинский резервный пех. (кадровый) батальон усилить с прибытием новобранцев до состава 50 младших унтер-офицеров, 90 ефрейторов и 910 рядовых. В коннице завершить формирование Приморского драгунского полка, сформировав в нем 6-й эскадрон и окончательно пополнив отделение кавалерийского запаса. В артиллерии – дополнить все роты Владивостокской креп. арт. новобранцами. В казачьих войсках, к 1 января 1900 г., расформировать 2-й Забайкальский казачий пеший батальон ЗКВ, из чинов которого сформировать 3 сотни в 1-м Нерчинском полку ЗКВ, доведя таким образом его став до 12 сотен, после чего выделить из него 6 сотен, образовав из них 1-й Аргунский полк ЗКВ. Также 25 апреля 1900 г. было решено увеличить количество выставляемых от ЗКВ в военное время строевых частей с этого года на одну льготную казачью батарею – 4-ю Забайкальскую казачью. Предполагалось также сформировать в г. Никольск-Уссурийский отдельную Южно-Уссурийскую кадровую обозную роту. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 13–14; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1901. Л. 190.

[406] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 2; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1901. Л. 179, 182–182 об.; ЦГШ № 12 от 15 января 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.

[407] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 63.

[408] Там же. Л. 65; ЦГШ № 59 от 14 марта и № 143 от 27 июня 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.

Владивостокской креп. арт. ввели новый штат управления, а из строевого состава рот сформировали 2 батальона военного состава: 1-й и 2-й батальоны Владивостокской креп. артиллерии. Был изменен и штат управления Владивостокской креп. арт.[409], а в Квантунской креп. арт. сформированы 7-я и 8-я роты (в военном составе) – 7-я из роты Варшавской и 8-я – Новогеоргиевской креп. арт. были отправлены для этого из Одессы в Порт-Артур 4 июля 1900 г.[410]. К 10 марта 1900 г. сформирована Южно-Уссурийская кадровая *обозная* рота[411].

De facto[412] к 12 июня 1900 г., т.е. к 1-му дню мобилизации в Приам. в.о. находились следующие части и соединения, которые и были мобилизованы: 1-я Вост.-Сиб. стр. бриг. (управление, 1-й и 3-й Вост.-Сиб. стр. полки) – к 18 июня; 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг. (управление, 5-й, 6-й и 8-й полки) – к 18 июня (8-й полк – к 20 июня); 5-я Вост.-Сиб. стр. бриг.[413] (управление, 18-й, 19-й и 20-й полки) – к 17 июня (19-й полк – к 18 июня); 2-й и 4-й Вост.-Сиб. лин. батальоны – к 15 июня; 6-й Вост.-Сиб. лин. батальон – к 16 июня; Стретенские резервные полк и батальон – к 4 июля; управление Уссурийской конной бриг. – к 15 июня; Приморский драгунский полк – к 21 июня; 1-я Вост.-Сиб. арт. бриг.: управление, 1-я и 2-я легкие и 1-я мортирная батареи – к 16 июня, 4-я легкая, 5-я и 6-я горные и 2-я мортирная батареи – к 18 июня; 2-я Вост.-Сиб. арт. бригада: 3-я и 4-я легкие батареи – к 17 июня; Отдельный Забайкальский арт. дивизион: управление и 1-я легкая батарея – к 18 июня и 2-я легкая батарея – к 19 июня; 1-я Вост.-Сиб. легкая парковая арт. бриг. – к 23 июня; Вост.-Сиб. сап. батальон – к 16 июня; Уссурийский ж.д. батальон – к 17 июня; Малый отрядный лазарет – к 15 июня; Подвижной № 6 госпиталь – к 17 июня; 3 крепостных госпиталя – к 25 июня, 2 отделения конского запаса в г. Благовещенск – к 18 июня; ЗКВ: 1-й Аргунский полк – к 5 июля, 3-й Верхнеудинский полк – к 29 июня, 3-й Забайкальский пеший батальон – к 23 июня, 4-й и 6-й – к 27 июня и 5-й – к 21 июня, 1-я Забайкальская казачья батарея – к 20 июня, 2-я – к 23 июня, 3-я – к 5 июля; АКВ: Амурского казачьего полка 1-я и 2-я сотни – 15 июня, 3-я сотня – 21, 4-я – 25, 5-я – 26, Амурского казачьего дивизиона штаб и 1-я сотня – 24 июня, 2-я сотня – 21 и 3-я – 24; УКВ: штаб, 1-я и 3-я сотни Уссурийского казачьего дивизиона – к 19 июня, 2-я

---

[409] Высочайше утвержденное 7 февраля 1900 г. положение Военного Совета о введении батальонной организации и хозяйства во Владивостокской креп. арт. и о присвоении нового штата ее управлению // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18126; ЦГШ № 133 от 10 июня и № 163 от 27 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ПВВ № 61 от 24 февраля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.

[410] Высочайше утвержденное 28 апреля 1900 г. положение Военного Совета о выделении из Варшавской и Новогеоргиевской креп. арт. по одной роте военного состава, со включением их в состав Квантунской креп. арт. и о сформировании, взамен выделяемых, новых рот из наличного состава поименованных креп. арт. // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18490; ПВВ № 167 от 10 мая 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; Всеподданнейший доклад военного министра от 5 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 113.

[411] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 106; ЦГШ № 103 от 4 мая 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ПВВ № 303 от 30 октября 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899.

[412] *De jure* многие из них были «официально сформированы» значительно позднее, т.к. документы просто не успели до начала мобилизации доставить в столицу.

[413] Бывшая 1-я Вост.-Сиб. лин. бриг.

сотня – к 21 июня[414]. Всего в Приам. в.о., по первоначальным планам, было мобилизовано: 53 батальона (стр., лин., креп., резервных, казачьих, сап.), 48 эскадронов и сотен и 18 пеших и конных батарей. Из них, в связи с отправкой 17 батальонов, 2 эскадронов, 6 сотен и 6 батарей в Китай и Квантунскую область, в округе осталось: 36 батальонов, 40 эскадронов и сотен и 12 пеших и конных батарей[415]. Далее начались импровизации.

Что касается Квантунской области, то по данным на 1 августа 1900 г. в распоряжение ее Командующего из Приам. в.о. отправили: штаб 1-го Сиб. АК, управление 1-й Вост.-Сиб. стр. бриг. с бригадным лазаретом, 1-й, 2-й и 3-й Вост.-Сиб. стр. полки, 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг. в полном составе, 15-й Вост.-Сиб. стр. полк, 1-й Читинский казачий полк ЗКВ (без 2-й сотни), 5-я сотня 1-го Нерчинского казачьего полка ЗКВ, 1-я, 2-я и 3-я мортирные батареи 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг., 3-я и 4-я батареи 2-й Вост.-Сиб. арт. бриг., 1-я Забайкальская казачья батарея ЗКВ, Вост.-Сиб. сап. батальон без сап. и телеграфной полурот, 2½ роты Уссурийского ж.д. батальона, 1-й подвижной, а также 14-й и 18-й запасные госпитали[416].

Войска на Дальнем Востоке, и, в первую очередь, в Приам. в.о., продолжали переформировывать и реформировать на протяжении всего 1900 г. одновременно как с мобилизацией, так и с демобилизацией. Центров принятия решений оказалось три: столица, где проработкой вопроса занимался Главный штаб, а решения принимал А.Н. Куропаткин, периодически получавший указания лично от Николая II, Хабаровск, где находился Командующий войсками округа Н.И. Гродеков и Порт-Артур, где решения принимал начальник Квантунской области Е.И. Алексеев. Гродеков и Алексеев принимали срочные решения на местах, и забрасывали столицу ходатайствами об отправке подкреплений и снабжения. В Военном министерстве знакомились с ходатайствами, но в большинстве случаев сильно перерабатывали предложенные меры, после чего военный министр принимал решения уже на основе выкладок Главного штаба, периодически внося в них собственные исправления ни с кем не советуясь. Более того, А.Н. Куропаткин бесконечно вмешивался в решение всех, даже самых малозначимых вопросов на низовом уровне, окончательно доводя царивший из-за сбоев телеграфной связи и сложности ситуации сумбур до состояния откровенного хаоса[417].

Развертывание в округе частей регулярной пехоты оказалось реализацией за один 1900 г. планов преобразования пехотных частей, рассчитанных на период по 1902 г.; тоже – с артиллерией. Формирование созданных за время мобилизации запасных батальонов было предусмотрено планами лишь отчасти. В казачьих войсках были развернуты по военному

---

[414] Всеподданнейший доклад военного министра от 22 июля 1900 г. Ведомость готовности войсковых частей Приам. в.о. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 15–19. См. также: РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 154–157 об., 200–202; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 8–11.

[415] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 13–14.

[416] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1318. Л. 383.

[417] Яркий пример такого «управления» приводил в воспоминаниях очень осведомленный Н.А. Епанчин, бывший в тот период директором Пажеского корпуса. Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 310.

времени второлинейные части и сформировано несколько частей, никакими планами не предусмотренных. Формирование инженерных и креп. частей тоже было лишь ускоренной реализацией имевшихся планов. Было и значительное количество формирований, созданных по решению Н.И. Гродекова, и носивших ярко выраженный импровизационный характер.

В целом этот процесс выглядел следующим образом. 23 июня 1900 г. Н.И. Гродеков предписал сформировать немедленно 9 запасных батальонов, из которых 5 следовало сформировать в тех пунктах и тем порядком, как это было предусмотрено мобилизационным росписанием № 5. «Добавляемые же вновь четыре батальона развернуть: один – в г. Верхнеудинске, один – в г. Благовещенске, один в г. Хабаровске и один – в г. Никольск-Уссурийском. Из перечисленных трех батальонов первые три (т.е. Верхнеудинский, Благовещенский и Хабаровский) сформировать при местных командах: Верхнеудинской, Благовещенской и Хабаровской, для чего команды укомплектовать до штатов батальонов запасными нижними чинами»[418]. Недостающие чины запаса на формирование остальных батальонов должны были прибыть из Сиб. в.о. Так, в Приам. в.о. было развернуто 9 запасных батальонов: Верхнеудинский, Читинский, 1-й и 2-й Благовещенские, 1-й и 2-й Хабаровские, 1-й, 2-й и 3-й Никольские[419]. 27 июня он же предписал Посьетскую креп. арт. команду переформировать в нештатную батарею в составе 8 орудий, 1 запасного лафета и 8 зарядных ящиков[420]. 26 июня все чины охранной стражи КВЖД, за исключением находящихся на участке от Порт-Артура до Мукдена включительно, «по боевому их употреблению» были подчинены Н.И. Гродекову. 30 июня начальник штаба корпуса пограничной стражи генерал-майор В.В. Сахаров был назначен Командующим войсками в северной Маньчжурии с правами командира неотдельного корпуса в военное время и началось формирование его штаба. 1 июля уже самому Н.И. Гродекову были Высочайше предоставлены «на время настоящих осложнений в Китае» права командира отдельного корпуса в военное время, а начальникам отделов окружного управления Приам. в.о. – права начальников отделов управления отдельного корпуса. Развертывание органов управления округом для военного времени началось. 5 июля права командиров неотдельного корпуса в военное время были предоставлены командующим войсками Амурской (генерал-лейтенант К.Н. Грибский) и Забайкальской (генерал-майор Е.О. Мациевский) областей[421].

Началось и постепенное объявление территорий на военном положении. 4 июля – 1-й участок Хабаровской округи, Уссурийская казачья и Южно-Уссурийская округи и города:

---

[418] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 164–164 об.
[419] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 369; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 164–164 об.
[420] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 169–170; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 305–305 об.
[421] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 175–176, 179, 194.

Благовещенск, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Владивосток[422]; 11 июля: Акшинская, Нерчинско-Заводская, Нерчинская, Читинская, Троицкосавская округи[423].

В отношении *реорганизации частей регулярной пехоты* и создания высших тактических соединений, важнейшим стало проведенное через Военный совет еще во 2-ой половине 1899 г. преобразование войск Южно-Уссурийского военного отдела, с формированием на его базе Сиб. АК[424]. Для этого из состава 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг. вывели 1-й Вост.-Сиб. лин. батальон, саму бригаду переименовали в 4-ю Вост.-Сиб. стр., а оставшиеся в ее составе 5-й, 7-й, 9-й и 11-й Вост.-Сиб. лин. батальоны были переименованы и развернуты в 2-батальонные 14-й, 13-й, 15-й, 16-й Вост.-Сиб. стр. полки[425]. Сформирование управления 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и переформирование батальонов в полки состоялось 15 июня 1900 г.[426]. До начала мобилизации 10 июня 1900 г., развертывание 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг. в стрелковую шло точно по 5-летнему плану на 1899–1903 гг., по которому лин. батальоны переформировали в стрелковые, саму бригаду – тоже, а вот развертывание их в стр. полки «изначально было отложено по финансовым соображениям» до 1901 г. Однако, «в виду ослабления войск» Приам. в.о. отправлением подкреплений в Квантунскую область и в Китай решили безотлагательно завершить все переформирования одновременно с мобилизацией. Аналогичная ситуация была с 17-м Вост.-Сиб. стр. батальоном (бывшим 1-м Вост.-Сиб. лин. батальоном). Так же поступили с запланированным развертыванием Владивостокского креп. пех. полка 5-батальонного состава в два таких же полка 3-батальонного состава, образовав штаб полка в 1900 г.[427]. Что касается 1-го Вост.-Сиб. лин. батальона, выведенного из состава 2-й Вост.-Сиб. лин. бриг., то его подчинили коменданту Владивостокской крепости и переформировали к 15 июня в 2-батальонный 17-й Вост.-Сиб. стр. полк[428]. 25 июня Н.И. Гродеков обнародовал Высочайшее соизволение на немедленное развертывание 3-го, 8-го и 10-го Вост.-Сиб. лин. батальонов 1-й Вост.-Сиб. лин. бриг. в стр. полки 2-батальонного состава и сформирование из них и 17-го Вост.-Сиб. стр. полка 5-й Вост.-Сиб. стр. бриг.

5 июля в округе была получена телеграмма начальника Главного штаба, с разрешением на создание 5-й Вост.-Сиб. стр. бриг., управления которой следовало развернуть на базе

---

[422] Там же. Л. 178; Приказ по 1-му Уссурийскому ж.д. батальону № 187 от 5 июля 1900 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1649.
[423] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 202 об.
[424] В его состав предполагалось включить: Уссурийскую конную бриг., 1-ю Вост.-Сиб. арт. бриг. с мортирными батареями, 1-й Вост.-Сиб. летучий арт. парк, 1-ю конную батарею ЗКВ, Южно-Уссурийскую обозную кадровую роту, Новокиевскую креп. минную роту, Посьетскую креп. арт. команду, а также 1-ю, 2-ю и 4-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. Причем, если первые две уже существовали, то последнюю еще предстояло сформировать.
[425] Высочайше утвержденное 9 мая 1900 г. положение Военного Совета о переустройстве управления войсками Южно-Уссурийского отдела и некоторых добавлениях к штатам управлений Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18573; ПВВ № 171 от 13 мая 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.
[426] ЦГШ № 135 от 19 июля 1900 г. и № 288 от 5 декабря 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; Всеподданнейший доклад военного министра от 16 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 37.
[427] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 36; Там же. Л. 37–39.
[428] Высочайше утвержденное 9 мая 1900 г. положение Военного Совета о переустройстве управления войсками Южно-Уссурийского отдела… // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18573; ПВВ № 171 от 13 мая 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; Всеподданнейший доклад военного министра от 16 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 37.

существовавшего управления 1-й Вост.-Сиб. лин. бриг., с упразднением последнего. В состав новой бригады включить: 17-й Вост.-Сиб. стр. полк, а также 3-й, 8-й и 10-й Вост.-Сиб. лин. бат., с переформированием трех последних в 2-батальонные полки и с переименованием их: 3-го – в 18-й, 8-го – в 19-й и 10-го в 20-й Вост.-Сиб. стр. полки[429].

Другой телеграммой, полученной в тот же день, сообщалось, что 4 июля Николай II одобрил переформирование в стр. полки 2-го, 4-го и 6-го Вост.-Сиб. лин. батальонов, с наименованием их в составе 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг. 21-м, 22-м и 23-м Вост.-Сиб. стр. полками. Последний полк в бригаде – 24-й, сформировать в Европейской России и отправить в Хабаровск. Там же сформировать и креп. 2-батальонный полк и поставить его в г. Николаевск, на место 6-го Вост.-Сиб. лин. батальона, который притянуть в г. Хабаровск для последующего развертывания в стр. полк. Резервные пех. полки: Читинский и Стретенский свести в 1-ю Сиб. резервную бриг. Сформировать корпусное управление 2-го Сиб. АК, в состав которого назначить 5-ю и 6-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. и 1-ю Сиб. резервную бриг. Штаб корпуса предполагалось формировать в г. Хабаровск[430]. Далее на базе 1-й Вост-Сиб лин. бриг. была сформирована 5-я Вост.-Сиб. стр. бриг. Входившие в состав лин. бриг. 3-й, 8-й и 10-й Вост.-Сиб. лин. батальоны переименовали и развернули в 2-батальонные 18-й, 19-й и 20-й Вост.-Сиб. стр. полки и, вместе с 17-м Вост.-Сиб. стр. полком свели в 5-ю Вост.-Сиб. стр. бриг.[431]. Сформирование управления 5-й Вост.-Сиб. стр. бриг. состоялось 9 июля 1900 г., 17-го полка – 14 июля, 18-го полка – 4 августа, 19-го полка – 28 июля и 20-го полка – 31 июля[432].

Затем последние остававшиеся в округе 2-й, 4-й и 6-й Вост.-Сиб. лин. батальоны были переименованы и развернуты в 2-батальонные 21-й, 22-й и 23-й Вост.-Сиб. стр. полки. 21-й полк сформирован 23 сентября 1900 г., 22-й – 17 августа, 23-й – 1 ноября[433]. Затем 12 августа 1900 г. был сформирован (в Европейской России) 24-й Вост.-Сиб. стр. полк, после чего все 4 полка сведены в 6-ю Вост.-Сиб. стр. бриг., управление которой было сформировано в г. Хабаровск 14 октября того же года[434]. Характерно, что сформированный в Европейской России 24-й Вост.-Сиб. стр. полк прибыл во Владивосток только 23 ноября и был включен в состав 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг., а 22-й Вост.-Сиб. стр. полк, 23 сентября, на время

---

[429] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 172, 189–189 об.
[430] Там же. Л. 202.
[431] Высочайшее повеление от 24 июня 1900 г., объявленное военным министром о сформировании 5-й Вост.-Сиб. стр. бриг. // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18945; ПВВ № 303 от 30 октября 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899; ПВВ № 235 от 4 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.
[432] ЦГШ № 288 от 5 декабря 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 356.
[433] Высочайшее повеление от 11 июля 1900 г., объявленное военным министром, о сформировании 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и Николаевского креп. пех. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19078; ЦГШ № 26 от 22 января 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; ПВВ № 274 от 27 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 356.
[434] Высочайшее повеление от 11 июля 1900 г., объявленное военным министром, о сформировании 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и Николаевского креп. пех. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19078; Всеподданнейший доклад военного министра от 10 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 138–141; ЦГШ № 26 от 22 января 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2045. Л. 192–193; ПВВ № 274 от 27 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 403.

пребывания в Маньчжурии, был прикомандирован к 5-й Вост.-Сиб. стр. бриг.[435].

11 июля 1900 г. был принципиально решен вопрос правильной организации войск, уже имевшихся и перебрасываемых на Дальневосточный ТВД, создании для них управлений, определении главных операционных направлений, баз снабжения и т.д. Тогда же решили создать 2-й, 3-й и Десантный АК, сформировав для них управления[436]. Управление 1-го Сиб. АК было создано ранее, из управления Сиб. АК, в основе которого лежало развернутое управление Южно-Уссурийского военного отдела[437]; управление начальника артиллерии 1-го Сиб. АК было сформировано в г. Никольск-Уссурийский 1 марта 1901 г. 4 августа в округе началось формирование в г. Хабаровск – 2-го[438], в г. Чита – 3-го Сиб. АК[439] и во Владивостоке – Десантного[440] АК[441]. На основании распоряжений Н.И. Гродекова, Высочайше утвержденных 24 января 1901 г.[442], штаб 2-го Сиб. АК в г. Хабаровск был сформирован 5 сентября 1900 г.[443] штаб и управление 3-го Сиб. АК (г. Нерчинск) было сформировано и открыло свои действия 1 октября[444]. К 13 сентября во Владивостоке сформировали управление Десантного АК. В Приам. в.о. (г. Чита) 29 сентября 1900 г. было сформировано управление 1-й Сиб. пех. бриг.; в Сиб. в.о.: 2-й Сиб. пех. бриг. – 6 октября, 3-й – 1 октября[445].

Были развернуты в Приам. в.о. и *резервные части*. На базе Стретенского и Читинского резервных кадровых батальонов – одноименные пех. полки, при этом батальоны продолжали функционировать параллельно как резервные части[446]. В дальнейшем, развитие в округе резервных войск продолжилось уже после объявления демобилизации. Китайский поход 1900

---

[435] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 382, 475.
[436] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 177–182 об.
[437] Высочайше утвержденное 9 мая 1900 г. положение Военного Совета о переустройстве управления войсками Южно-Уссурийского отдела… // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18573; ПВВ № 171 от 13 мая 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2045. Л. 192–193.
[438] 2-й Сиб. АК в составе: 5-й и 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг., 3-й стр. бриг., 1-й Сиб. резервной бриг. из Читинского и Стретенского пех. полков, Амурского казачьего полка АКВ, 2-го и 3-го Верхнеудинских казачьих полков ЗКВ, двух мортирных батарей 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг., двух легких батарей 2-й Вост.-Сиб. арт. бриг., отдельного Забайкальского арт. дивизиона, 3-го стр. арт. дивизиона, 3-й Забайкальской конной казачьей батареи ЗКВ, 17 сап. батальона, одной роты 7-го сап. и одной роты 13-го сап. батальонов.
[439] 3-й Сиб. АК в составе: 2-й Сиб. резервной бригады из Красноярского и Иркутского пех. полков, 3-й Сиб. резервной бриг. из Барнаульского и Томского пех. полков, 4-й Сиб. резервной бригады из Тобольского и Омского пех. полков, Забайкальской пешей казачьей бригады ЗКВ из 3-го, 4-го, 5-го и 6-го Забайкальских казачьих пеших батальонов, Сиб. казачьей дивизии из 4-го, 5-го, 7-го и 8-го Сиб. казачьих полков, арт. бригады из 8 легких батарей, трех рот 7-го сап. батальона и одной роты 13-го сап. батальона.
[440] Десантный АК в составе: 1-й, 2-й и 5-й стр. бриг., 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг., четырех эскадронов Приморского драгунского полка, трех сотен Читинского казачьего полка ЗКВ, трех сотен Нерчинского казачьего полка ЗКВ, Уссурийского казачьего дивизиона УКВ, 1-го, 2-го и 5-го стр. арт. дивизионов, 2-й скорострельной батареи гвардейского стр. арт. дивизиона, 1-й Забайкальской казачьей батареи ЗКВ, 3-го сап. батальона и одной роты понтонного батальона.
[441] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2045. Л. 192–193; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 97. Л. 101–102 об.; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 239–239 об.
[442] ЦГШ № 129 от 12 мая 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.
[443] ЦГШ № 48 от 9 февраля 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2045. Л. 192–193.
[444] ЦГШ № 231 от 11 октября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ПВВ № 269 от 26 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; Всеподданнейший доклад военного министра от 10 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 148; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 362.
[445] ЦГШ № 27 от 22 января 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; ПВВ № 269 от 26 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ЦГШ № 241 от 20 октября и № 288 от 5 декабря 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2045. Л. 192–193.
[446] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 198.

г. наглядно показал А.Н. Куропаткину недостаточность войск Приам. в.о., в связи с чем 27 сентября 1900 г. было принято решение о формировании на его территории Нерчинского и Верхнеудинского, а в Сиб. в.о. – Енисейского резервных батальонов[447], которые, с учетом ситуации в регионе, на месте формировали сразу развернутыми по военному времени. 7 ноября Н.И. Гродеков распорядился выделить на формирование Нерчинского и Верхнеудинского резервных батальонов по одной роте 84-рядного состава при ротных командирах и двух офицерах: в Верхнеудинский – от 14-го и 16-го, а в Нерчинский – от 18-го и 20-го Вост.-Сиб. стр. полков. К 4 февраля 1901 г. был сформирован Нерчинский резервный полк, к 20 февраля 1901 г. – Верхнеудинский резервный полк, 18 декабря 1900 г. – Енисейский резервный батальон[448], а также 2-й Вост.-Сиб. сап. батальон (из находящихся в Приам. в.о. рот 13-го и 17-го сап. батальонов), включенный в состав 2-го Сиб. АК. Уже существующий в округе Вост.-Сиб. сап. батальон получил наименование 1-й[449].

Развитие *крепостной пехоты* происходило, в целом, по плану, но в значительно более сжатые сроки. К 15 июня 1900 г. существовавший Владивостокский креп. пех. полк стал называться 1-м и был сформирован 2-й такой же полк, оба – 3-батальонного состава[450]. К 1 сентября 1900 г. сформировали Порт-Артурский креп. пех. полк 4-батальонного состава[451], переформированный 1 декабря 1900 г. в 2-батальонный[452]. 10 ноября во Владивосток прибыл сформированный в Европейской России Николаевский креп. батальон, предназначенный для обороны устья р. Амур, оставшийся до открытия весенней навигации по Амуру 1901 г., на Имане, в «штабе графа Муравьева-Амурского» и включенный в 6-ю Вост.-Сиб. стр. бриг.[453].

Подверглись изменениям *конвойные команды*[454]. Новации в составе *артиллерийских* частей и соединений были следствием ускоренной реализации плановых мероприятий, формирования отдельных частей по мобилизации, а также импровизаций командования Приам. в.о. К 23 ноября 1900 г. был сформирован Вост.-Сиб. летучий мортирный арт. парк

---

[447] Всеподданнейший доклад военного министра от 25 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 28–38; Высочайшее повеление от 27 сентября 1900 г., о сформировании в Приам. и Сиб. в.о. некоторых частей войск // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19248; ПВВ № 378 от 27 сентября 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.

[448] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 496; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 316, 794.

[449] Всеподданнейший доклад военного министра от 25 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 28–38; Высочайшее повеление от 27 сентября 1900 г., о сформировании в Приам. и Сиб. в.о. некоторых частей войск // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19248; ПВВ № 378 от 27 сентября 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.

[450] ЦГШ № 135 от 19 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ПВВ № 303 от 30 октября 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899; Всеподданнейший доклад военного министра от 16 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 37.

[451] Сформирован в Европейской России, путем выделение по одной роте из Измаильского и Очаковского резервных батальонов и из Керченского и Севастопольского креп. пех. батальонов, и затем отправлен на Квантун. РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 116, 119–122; Высочайшее повеление от 27 июня 1900 г., объявленное военным министром о сформировании Порт-Артурского креп. пех. полка // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18947; ЦГШ № 126 от 12 мая 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; ПВВ № 247 от 11 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.

[452] ЦГШ № 127 от 12 мая 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[453] Высочайшее повеление от 11 июля 1900 г., объявленное военным министром, о сформировании 6-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и Николаевского креп. пех. батальона // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19078; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 97. Л. 103; Всеподданнейший доклад военного министра от 16 ноября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 6. С. 2; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 430, 445.

[454] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 296.

для 1-й и 2-й мортирных батарей 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг.[455], а в мортирных батареях этой бригады образованы запасные взводы. По мобилизации сформированы управление 2-й Вост.-Сиб. летучей парковой бриг. – 1 августа 1900 г. и входящие в ее состав летучие арт. парки: 1-й – 12 июля, 2-й – 21 июля и 3-й – 7 августа. Кроме того, 6 июля последовало распоряжение Н.И. Гродекова сформировать две нештатные батареи: одну легкую (6 легких орудий, 6 зарядных ящиков, запасной лафет) и одну горную (6 горных орудий, 6 парных зарядных ящиков, запасной лафет), 17 июля – сформировать во Владивостоке нештатный Осадный арт. парк в составе 30 орудий; 10 августа – сформировать в Хабаровске нештатную запасную легкую батарею (6 орудий, 2 зарядных ящика, с горным при ней взводом); 20 августа – нештатную креп. арт. команду в Хунчуне[456].

По мобилизации в Приам. в.о. до составов военного времени были развернуты все три казачьих войска, сформированы второлинейные части. В 1900 г. были сформированы в ЗКВ *конные*: 2-й Верхнеудинский Забайкальский казачий полк (г. Троицкосавск) – к 2 июля 1900 г.[457], 2-й Читинский конный полк (г. Чита) – 26 августа[458], 3-й Верхнеудинский Забайкальский казачий полк (г. Акша) – к 29 июня; *пешие*: 3-й Забайкальский казачий батальон (г. Нерчинск) – к 23 июня, 4-й (ст. Олочинская) и 6-й (Больше-Зерентуйская станица) – к 25 июня или 27 июня, 5-й (г. Стретенск) – к 22 июня[459] или 21 июня; *конные батареи*: 1-я Забайкальская казачья конная батарея (г. Никольск-Уссурийский) – 20 июня, 2-я (г. Чита) – 23 июня[460], 3-я (г. Чита) – к 5 июля и 4-я (г. Чита) – к 28 июля[461]. 12 июля в Окружном штабе получили телеграмму Главного управления казачьих войск с разрешением сформировать в г. Чита из 3-го, 4-го, 5-го и 6-го Забайкальских казачьих пеших батальонов Забайкальскую казачью пешую бриг., причем ее управление и обоз формировать по штату Кавказской туземной стрелковой

---

[455] На его формирование, с последующей перевозкой на Дальний Восток, был обращен весь состав 6-го летучего мортирного арт. парка, а сам парк был снова сформирован в г. Херсон 6 декабря 1901 г. ЦГШ № 58 от 27 февраля 1902 г. // ЦГШ за 1902 г. СПб., 1902; ПВВ № 287 от 31 июля и № 317 от 15 августа 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; Высочайшее повеление от 26 июля 1900 г., о сформировании для 1-й и 2-й мортирных батарей 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг. летучего мортирного парка военного времени // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19111. В военное время парк должен был разворачиваться в Вост.-Сиб. мортирную парковую бриг. из 2 летучих мортирных парков военного времени, а из боевых припасов, предназначенных для пополнения этой парковой бриг., в военное время должен был формироваться Местный Вост.-Сиб. мортирный парк. Высочайшее повеление от 13 августа 1900 г., о сформировании Вост.-Сиб. летучего мортирного арт. парка и местного Вост.-Сиб. мортирного парка // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19172.

[456] ПВВ № 213 за 1899 г. // ПВВ за 1899 г. СПб., 1899; ЦГШ № 29 от 22 января 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 191–193 об., 231–213 об., 258–259, 277–278; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 305–305 об.

[457] ЦГШ № 165 от 29 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.

[458] Высочайшее повеление от 11 июля 1900 г., о сформировании 2-го Читинского Забайкальского казачьего полка // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19077; ЦГШ № 216 от 29 сентября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.

[459] ЦГШ № 165 от 29 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; Всеподданнейший доклад военного министра от 22 июля 1900 г. Ведомость готовности войсковых частей Приам. в.о. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 15–19; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 200–202; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 10; Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 278.

[460] Всеподданнейший доклад военного министра от 22 июля 1900 г. … // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 15–19; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 200–202; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 10; Васильев А.П. Забайкальские казаки… Т. 3. С. 278.

[461] Высочайше утвержденное 23 марта 1900 г. положение Военного Совета об установлении штата Забайкальской казачьей льготной батареи // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18331; ПВВ № 116 от 6 апреля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ЦГШ № 113 от 23 мая, № 165 от 29 июля и № 216 от 29 сентября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.

бриг.[462]. 28 июля 1900 г. было принято решение о сформировании «ныне же» при ЗКВ для обеспечения пополнения убыли в мобилизованных частях одной пешей и одной конной запасных сотен. К формированию приступили немедленно: в г. Чита – конной запасной сотни и в Нерчинском заводе – пешей запасной сотни, что и было завершено в указанных пунктах к 20 и 27 августа 1900 г.[463]. В АКВ 1-й Амурский казачий полк развернули из 3-сотенного в 6-сотенный состав – к 6 июля и к 24 июня сформировали Амурский казачий дивизион. В УКВ первоочередную Уссурийскую казачью сотню к 22 июня развернули в Уссурийский казачий дивизион[464].

Кроме того, 9 июля 1900 г. в Южно-Уссурийском крае и Хабаровском округе Приморской области была организована «народная охрана» в числе 30 пеших русских и 2 корейских сотен с конными взводами, общей численностью в 4.131 чел. В сотне было от 170 до 370 чел., поступление в них было добровольным. Принимали мужчин в возрасте от 21 до 45 лет. Оружием и патронами их обеспечивали от казны, начальниками назначались отставные нижние чины. По степени удаленности от границы, сотни составили 3 района размещения: 1-й приграничный – 20 сотен (из них 2 корейских), 2-й средний – 8 сотен и 3-й дальний – 4 сотни. «Обязанности сотен: охрана спокойствия и безопасности населения, защита его от нападения злоумышленников, наблюдение за приникающими, тем или другим путем, в наши пределы китайцами»[465]. Для их выполнения в приграничном районе сотни выставляли дневные и ночные караулы, наблюдательные посты и высылали разъезды. Свободные от нарядов люди могли отлучаться на полевые работы, но только днем и в пределах надела, собираясь на ночь в селения. В праздничные дни проводились строевые учения и упражнения в стрельбе. К началу сентября служба сотен была облегчена, а в ноябре и вовсе сошла на нет[466]. Усиление инженерных войск округа ограничилось тем, что к осени 1900 г. из присланных на Дальний Восток двух рот 13-го и 18-го сап. батальонов и одной роты 4-го понтонного батальона был сформирован 2-й Вост.-Сиб. сап. батальон, а уже существовавший в округе Вост.-Сиб. сап. батальон был переименован в 1-й, а также формированием на время мобилизации Полевого инженерного парка из 3-х корпусных

---

[462] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 210–210 об.; Высочайшее повеление от 8 июля 1900 г., объявленное Военным министром О сформировании Забайкальской казачьей пешей бриг. // ПСЗ РИ. III. Т. 20. № 19068; ПВВ № 254 от 13 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.

[463] Высочайше утвержденное 28 июля 1900 г. положение Военного Совета о сформировании в Забайкальском казачьем войске одной конной и одной пешей запасных сотен // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19078; ЦГШ № 216 от 29 сентября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 238, 315–315 об.

[464] ЦГШ № 165 от 29 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; Росписание сухопутных войск. Исправленное по 25 августа 1900 г. СПб., 1900. С. 245–246; Всеподданнейший доклад военного министра от 22 июля 1900 г. … // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 15–19; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 200–202; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 11.

[465] Всеподданнейший доклад военного министра от 10 января 1901 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 7. С. 10.

[466] «Местное население отнеслось к созыву охраны в высшей степени сочувственно и дружинники несли свою службу охотно и добросовестно. Хотя значение сотен ограничивалось, главным образом, обеспечением собственных пределов и селений, но некоторым из них пришлось принять участие и в военных делах с неприятелем». Там же. С. 10–11.

отделений для 2-го Сиб. АК и Десантного АК в Хабаровске и Никольске-Уссурийском[467].

Поскольку формирование многих частей производилось в Европейской России, Военному министерству пришлось решать проблему где взять нижних чинов, чтобы не ослабить при этом войска в сердце империи. В результате была произведена более-менее равномерная разверстка назначенных укомплектований по войскам сразу 4 военных округов: Варшавского, Виленского, Киевского и Одесского[468]. С началом мобилизации и боевых действий, пришлось в срочном порядке развивать и слабую на Дальнем Востоке систему обеспечения и снабжения войск. Для лечения больных и раненых расширяли имевшиеся в округе лазареты (Стретенский, Читинский)[469], формировали новые военно-медицинские заведения[470]. Для решения проблемы нехватки медицинских кадров пришлось в срочном порядке менять для Дальнего Востока правила приема на временную службу почти на все военно-медицинские и военно-ветеринарные должности[471]. Столкновение русских войск с реалиями ведения боевых действий в Маньчжурии с бесконечными эпизоотиями, вызванными почти полным отсутствием ветеринарии, привело к тому, что в штат управлений 1-й, 2-й и 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг. пришлось экстренно вводить должности ветеринарных врачей[472].

Для удобства обеспечения войск Н.И. Гродеков 8 августа приказал сформировать перволинейные склады огнестрельных припасов в городах: Благовещенск, Никольск-Уссурийский и Хабаровск[473]. 19 августа – сформировать аналогичный склад и в г. Хайлар. 4 августа было наконец Высочайше утверждено положение Военного Совета о преобразовании Окружного штаба Приам. в.о. по образцу штабов пограничных военных округов. 7 сентября 1900 г., в связи с отбытием Н.И. Гродекова к действующим в Маньчжурии войскам, в должность Временно-Командующего войсками Приам. в.о., начальника военно-окружных

---

[467] ПВВ № 378 от 27 сентября 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 304–304 об.

[468] Справка Канцелярии Комитета по мобилизации войск от 29 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 32–34.

[469] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 197; Приказ войскам Приам. в.о. № 285 от 12 июля 1900 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1900 г. Хабаровск, 1900.

[470] К 31 июля в округе уже были сформированы подвижные госпитали: 19 июня – № 1 (г. Никольск-Уссурийский), 20 июня – № 3 (там же), 17 июня – № 6 (г. Хабаровск), 2 июля – № 7 (г. Никольск-Уссурийский), 9 июля – № 8 (ур. Новокиевское), 11 июля – № 9 (г. Чита), 18 июля – № 10 (там же), 19 июня – № 16 (г. Благовещенск); полевые запасные госпитали: 11 июня – № 14 и № 18 (г. Хабаровск); лазареты: 18 июня – бригадный лазарет приданный 1-й Вост.-Сиб. стр. бриг. (г. Никольск-Уссурийский), 18 июня – бригадный лазарет 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. (ур. Новокиевское), 2 июля – бригадный лазарет 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг. (пос. Посьет), 17 июля – малый отдельный лазарет приданный 1-й Вост.-Сиб. лин. бриг., переформировываемой в 5-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. (г. Хабаровск) и 15 июня – малый отрядный лазарет Амурской области (г. Благовещенск), а также 25 июня – 1-й Владивостокский креп. госпиталь. 6 августа был сформирован полевой запасной № 5 госпиталь в г. Хабаровск. 16 сентября – полевой запасной № 16 госпиталь в г. Хабаровск, 23 сентября – полевой запасной № 21 госпиталь в г. Никольск-Уссурийский, 13 сентября – полевой запасной № 19 госпиталь г. Благовещенск и 4 октября полевой запасной № 20 госпиталь в г. Никольск-Уссурийский. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 233–235 об., 353–353 об., 399–399 об., 275; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 215–215 об.

[471] Высочайше повеление от 23 июня 1900 г., о приеме на временную службу на медицинские должности в войска и врачебные заведения Приам. в.о. и Квантунской области отставных, гражданских и вольнопрактикующих врачей, фармацевтов и ветеринаров и о допущении таковых же лиц к исполнению медицинских обязанностей взамен командированных в названные округ и область // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18944.

[472] Высочайше утвержденное 17 декабря 1900 г. положение Военного Совета о введении в штат управлений 1-й, 2-й и 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг. должностей ветеринарных врачей // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19424.

[473] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 249–250; РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 305–305 об.

управлений и Приамурского генерал-губернатора вступил А.С. Беневский, который находился в г. Хабаровск и отдавал все распоряжения по округу до возвращения Н.И. Гродекова[474].

Огромную роль в успехе обеспечения военных действий в Маньчжурии сыграло открытие 3 января 1900 г. временного движения на последнем участке Забайкальской железной дороги от г. Верхнеудинск до г. Чита. С этого момента дорога была открыта для временного движения на всем своем протяжении в 1.034 версты от станции Мысовая до г. Стретенск. Тогда же было открыто «правильное пассажирское и товарное движение» на участке Никольское–станция Гродеково (91 верста) Уссурийской железной дороги. С 1 июля 1900 г. Забайкальская железная дорога с веткой от г. Иркутск к оз. Байкал перешла в ведение Управления железных дорог, по ней открыли правильное пассажирско-товарное движение[475].

Наибольшие трудности были с отрядом войск на Квантунском полуострове. 27 мая 1900 г. для него, из-за особых климатических условий пришлось изменить правила ношения летней одежды[476], затем учредить санитарно-гигиеническую станцию на 50 мест для нижних чинов, работающую ежегодно в течение 5-ти летних месяцев, с 1 мая по 1 октября[477]. 12 июня 1900 г. на его чинов распространили права и преимущества, установленные «для наиболее отдаленных местностей»[478]. Затем в Порт-Артуре создали и арт. магазин[479], а 2 декабря 1900 г. и полевую аптеку[480]. 1 декабря 1900 г. был сформирован и открыл свои действия Порт-Артурский № 3-й прод. магазин, а 30 ноября 1900 г. в Приам. в.о. был упразднен Староцурухайтуевский прод. магазин 1 класса[481].

В авральном порядке пришлось формировать и Владивостокское креп. интендантское управление 2-го класса, открывшее свои действия 19 августа 1900 г.[482]. Областное интендантское управление Квантунской области «на время настоящих военных обстоятельств на Дальнем Востоке» было приказано содержать по усиленному штату[483]. Увеличили штаты Хабаровского вещевого склада и интендантской части по денежному довольствию войск Забайкальской области. Было решено также создать Никольский отдел Хабаровского арт.

---

[474] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 257, 274–275, 305.
[475] ЦГШ № 13 от 15 января, № 18 от 21 января и № 156 от 13 июля 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900.
[476] Высочайшее поведение от 27 мая 1900 г., объявленное военным министром, о правилах ношения летней одежды в Квантунской области // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18680.
[477] Высочайше утвержденное 2 июня 1900 г. положение Военного Совета об учреждении в Квантунской области санитарно-гигиенической станции // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18727.
[478] Высочайше утвержденное 12 июня 1900 г. мнение Государственного Совета о предоставлении чинам военного ведомства, служащим на Квантунском полуострове преимуществ, установленных для наиболее отдаленных местностей // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 18880.
[479] Высочайшее утвержденное 14 июля 1900 г., Положение Военного Совета об учреждении Порт-Артурского арт. магазина // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19086.
[480] Всеподданнейший доклад военного министра от 12 марта 1901 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 7. С. 86.
[481] ЦГШ № 35 от 27 января и № 54 от 17 февраля 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.
[482] Высочайшее утвержденное 9 июля 1900 г. положение Военного Совета об учреждении в крепости Владивосток креп. интендантского управления // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19071; ЦГШ № 247 от 25 октября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900; ПВВ № 250 от 12 июля 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900.
[483] Высочайше утвержденное 11 сентября 1900 г. положение Военного Совета о временном увеличении штата областного интендантского управления Квантунской области // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19227.

склада с арт. мастерской и Владивостокский арт. магазин, ликвидировав отдел нештатного имущества при Владивостокской креп. арт.[484].

Роль Военного министерства в принятии решений по изменению состава и численности русских войск на Дальнем Востоке в 1900 г., системы их обеспечения, снабжения и т.п. вопросах, в отличие от вопросов внешнеполитических, была большой, но не решающей. Многие решения принимались Н.И. Гродековым непосредственно на месте, после чего А.Н. Куропаткин лишь утверждал их у Николая II задним числом, иногда – с большим опозданием[485]. Большая часть решений, принимавшихся в Петербурге были лишь прямым результатом ходатайств командования округа и представляли собой дальнейшее развитие (часто в сторону ухудшения) предложенных местными властями мер и последующее распоряжение об их реализации. Роль Петербурга оставалась ведущей лишь в вопросе о направлении в регион подкреплений из других в.о., в том числе Европейской России.

Еще 13 июня «в виду ослабления технических средств» Приам. в.о. отправлением части саперных и железнодорожных войск в Китай, решено было соответственно мобилизационным потребностям, немедленно отправить в Приам. в.о. сухим путем из Европейской России один саперный батальон, снабженный обозом местного типа из двуколок, 1 железнодорожный батальон и понтонный полубатальон. Последний должен был послужить кадром для ожидавшегося со временем развертывания его в понтонный батальон. «Вместе с тем, в видах успешного выполнения мобилизации войск Приамурского военного округа, полагалось бы необходимым предоставить генералу Гродекову фрахтовать частные суда и пароходы, плавающие в водах Амурского бассейна, и придавать им военную организацию, для более успешной перевозки войск и грузов»[486].

1 июля 1900 г. было принято решение о скорейшей отправке на Дальний Восток 4-й стр. бриг. с летучим парком, 3-х батареей и одной сап. ротой, всего около 10 тыс. чел., с войсковым обозом и всеми мобилизационными запасами[487], а также о начале переброски на Дальний Восток войск, с целью формирования особого Десантного корпуса, который должен был составить главный резерв войск действующих на Дальнем Востоке и находиться в подчинении либо Н.И. Гродекова, либо Е.И. Алексеева – в зависимости от итогового места

---

[484] Высочайше утвержденное 8 декабря 1900 г. положение Военного Совета об увеличении штатов Хабаровского вещевого склада и интендантской части по денежному довольствию войск Забайкальской области // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19329; Высочайше утвержденное 8 декабря 1900 г. положение Военного Совета об учреждении Никольского отдела Хабаровского арт. склада с арт. мастерской и Владивостокского арт. магазина // ПСЗ РИ III. Т. 20. № 19332.

[485] Высочайшее повеление от 24 января 1901 г., объявленное Военным министром, об утверждении распоряжений Командующего войсками Приам. в.о. о сформировании на время военных действий частей, учреждений и команд // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 19605; ЦГШ № 99 от 12 апреля 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[486] Всеподданнейший доклад военного министра от 13 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 16–27.

[487] Всеподданнейший доклад военного министра от 30 июня 1900 г. // Там же. С. 82–83.

его сосредоточения[488]. Причин столь резкой смены курса А.Н. Куропаткина было две. Во-первых, разрастание восстания в Китае вызывало все большие опасения, а во вторых, 27 июня с ним совещался министр финансов С.Ю. Витте, заявивший, что по имеющимся у него сведениям, силы, назначенные для подавления беспорядков в Китае, недостаточны, особенно предназначенные для действий на Маньчжурском театре, в связи с чем «следовало бы безотлагательно приступить к усилению войск несколькими десятками батальонов, причем расход, произведенный на этот предмет», даже в размере 30–40 млн руб., «не может считаться непроизводительным»[489]. Экономия на обороноспособности Дальнего Востока при странной и непродуманной внешней политике привела к тому, что при возникновении кризиса пришлось «заливать пожар деньгами», тратя на экстренные военные мероприятия значительно большие суммы, чем требовались на планомерное и своевременное усиление Приам. в.о.

4 июля решили 4-ю стр. бриг. с артиллерией и сап. ротой направить сразу в Порт-Артур, а сводный корпус сосредоточить во Владивостоке, «с тем, чтобы своевременно изменить это направление, если обстоятельства потребуют подкрепления этим корпусом войск на Чжилийском театре военных действий». 9 июля командиром Десантного корпуса, формируемого из 1-й, 2-й и 5-й стр. бригад назначили командира 11-го АК генерал-лейтенанта В.Н. Филиппова[490].

Немедленный ввод русских войск в Маньчжурию, на котором Н.И. Гродеков настаивал еще в 14 июня 1900 г.[491], из-за позиции инженера А.И. Юговича и вмешательства С.Ю. Витте[492], категорически не доверявшего местным властям, и нежелания А.Н. Куропаткина настоять на своем, был отложен на полторы недели. Время было упущено, что имело катастрофические последствия как для КВЖД и ЮМЖД, так и для русских в Маньчжурии.

---

[488] На Дальний Восток, кроме 3-й и 4-й стр. бригад (одну морем, другую – по суше), которые «должны составить частные резервы войск округа со стороны Забайкалья и Никольска-Уссурийского», отправляли морем еще 1-ю, 2-ю и 5-ю стр. бригады с их артиллерией, в числе 9 полевых батарей и 1 скорострельной батареей Гвардейского стр. дивизиона, с 1 сап. батальоном, тремя арт. парками, 10 запасными и двумя подвижными госпиталями (Там же. С. 84–87). Из Европейской России на Дальний Восток отправляли и формируемые для Квантунской области и Приам. в.о. 2 креп. и 5 полевых батальонов Всеподданнейший доклад военного министра от 27 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 5. С. 42.

[489] Всеподданнейший доклад военного министра от 30 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 86.

[490] Всеподданнейшие доклады военного министра от 3 и 8 июля 1900 г. // Там же. С. 101–102, 108–131.

[491] Гродеков переслал начальнику Главного штаба фрагмент телеграммы А.И. Юговича от 13 июня 1900 г. писавшего о формировании в Петербурге нового отряда для охранной стражи в 2 тыс чел. с 5 горными батареями, отметив: «Верное обеспечение нашего положения в Маньчжурии, может быть достигнуто только немедленным движением отряда наших войск в Маньчжурию для прочного занятия Харбина и вообще среднего течения Сунгари откуда можно будет своевременно направиться для действительного прикрытия южной ветки Харбин – Порт-Артур. Охранная стража сослужила службу при обыкновенном течение дел, теперь же настает время возложить охрану на войска». Телеграмма Н.И. Гродекова начальнику Главного штаба № 643 от 14 июня 1900 г. // Материалы… Отд. III. Кн. 1. С. 73–74.

[492] Эта телеграмма Н.И. Гродекова, предварительно доклада Николаю II, была послана А.Н. Куропаткиным на заключение министра финансов, который 15 июня 1900 г. ответил, что знает об этом от А.И. Юговича: «Главный инженер до настоящего времени держится того мнения, что введение войск в пределы северных частей Китайской Восточной железной дороги может иметь крайне вредные последствия для дела сооружения дороги. Покуда китайские власти и народ в этих пределах не оказывают нам никакого недоброжелательства. Посему я усердно прошу вас протелеграфировать генералу Гродекову, чтобы он отнюдь не вводил войска в Маньчжурию, покуда сие не будет разрешено вашим превосходительством, по моему требованию». Письмо С.Ю. Витте А.Н. Куропаткину № 168 от 15 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 31–32.

Осознание ситуации пришло к А.И. Юговичу только 25 июня, после начала массового восстания непосредственно на дороге и телеграммы к нему Цицикарского цзянь-цзюня «чтобы русские оставили постройку железной дороги, сдали имущество китайским чиновникам и выселились за границу». Тогда он стал просить у Н.И. Гродекова уже «неотложной помощи»[493]. В результате 26 июня 1900 г., уже С.Ю. Витте, направил Николаю II паническую депешу, в которой находил «необходимым возможно поспешно послать отряд из Хабаровска в Харбин и одновременно хотя бы одним батальоном занять линию от границы Уссурийского края до реки Мудан-цзян, так как в противном случае, дорога, охрана и служащие могут быть поставлены в безвыходное положение», при этом требуя подчинения этого отряда начальнику Охранной стражи КВЖД[494]. Куропаткин констатировал, что эта депеша «к сожалению, вполне подтвердила правильность мнения генерала Гродекова, адмирала Алексеева и Военного Министра о неизбежности ввода наших войск в Маньчжурию для подавления беспорядков, направленных к уничтожению строящейся железной дороги и избиению русско-подданных и чинов охранной стражи, расположенных на протяжении 2.000 верст малыми группами», доложил предложенный Н.И. Гродековым план ввода войск и разъяснил, что «с признанием бессилия охранной стражи справиться с выпавшей на нее задачею и с посылкою войск в Маньчжурию» все чины охранной стражи должны быть подчинены генералу Н.И. Гродекову или кому-либо из рекомендованных им лиц, а не наоборот. Чинов стражи, расположенных на линии от Порт-Артура до Мукдена, для удобства подчинили Е.И. Алексееву[495].

26 июня 1900 г. последовало Высочайшее повеление на вступление русских войск в Маньчжурию, однако исполнять его начали лишь 1 июля, за день до того, как 2 июля 1900 г. сами китайцы обстреляли г. Благовещенск и попытались атаковать его форсировав р. Амур[496]. 4 июля Н.И. Гродековым были объявлены на военном положении Амурская область, 1-й участок Хабаровской округи, Уссурийская казачья и Южно-Уссурийская округи и города: Благовещенск, Хабаровск, Никольск-Уссурийский и Владивосток; 11 июля – Акшинский, Нерчинско-заводской, Нерчинский, Читинский и Троицкосавский округа Забайкальской области, а адмиралом Е.И. Алексеевым – вся территория вдоль линии КВЖД[497]. При отсутствии готового плана развертывания войск на случай войны с одним Китаем было принято решение в максимальной степени использовать наработки весны 1895 г., по которым

---

[493] Всеподданнейшие доклады военного министра от 1 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 95–96.
[494] Всеподданнейшая депеша ст.-секр. Витте Государю Императору из Петербурга в Белосток № 20759 от 26 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 60.
[495] Всеподданнейший доклад военного министра 26 июня 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 1. С. 61–63.
[496] Телеграммы Н.И. Гродекова А.Н. Куропаткину №№ 2110, 2114, 2117, 2118, 2123, 2134–2137 от 1 июля 1900 г. // Материалы… Отд. 3. Кн. 1. С. 201–205; Всеподданнейший доклад военного министра от 22 июля 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 12–14; Кирхнер А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Благовещенск, 1900. С. 19–27.
[497] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 164, 203–203 об., 222–222 об.

и производилось сосредоточение войск, а отчасти и ведение военных операций. В результате ввод войск с территории Приам. в.о. в Северную Маньчжурию *de facto* происходил по планам 1895 г., рассчитанным на войну с Японией. К этому времени военные действия в Печилийской провинции шли уже больше месяца и 30 июня 1900 г., после ночного штурма союзниками, китайцы оставили Тяньцзинь. Начались волнения в Монголии и Кульдже, что привело к принятию ряда превентивных оборонительных мер. В самой Маньчжурии к этому времени под контролем китайцев уже находилась вся линия железной дороги, за исключением Харбина, которая планомерно разрушалась. Таким образом требовалось в кратчайшие сроки деблокировать г. Харбин, вернуть контроль над КВЖД и обезопасить русскую границу, не допустив переноса военных действий на территорию Российской империи.

Задачу по выручке г. Харбин выполнил отправленный из Хабаровска по рекам Амуру и Сунгари отряд генерал-майора В.В. Сахарова, достигший города 21 июля и успешно снявший его блокаду. Почти одновременно из Забайкалья на г. Хайлар и далее по линии КВЖД на г. Цицикар был отправлен отряд генерал-майора Н.А. Орлова, который взял первый город 21 июля и 20 августа соединился в г. Фулярди с войсками генерал-майора П.К. Ренненкампфа, уже занявшими г. Цицикар. Для действий на китайской территории, лежащей напротив г. Благовещенск, почти одновременно с высылкой отрядов Н.А. Орлова и В.В. Сахарова, вышли: отряд полковника А.Н. Сервианова из г. Хабаровск и генерал-майора П.К. Ренненкампфа – из г. Стретенск. Первый отряд успел взять китайскую крепость Сахалянь, а после подхода второго, отряды были объединены в один, под командованием Ренненкампфа. Взяв 22 июля г. Айгун, отряд двинулся на г. Цицикар. 4 августа был взят г. Мергень, 16 августа – Цицикар. Далее отряд вышел на КВЖД и соединил ее телеграфом с г. Благовещенск. 23 августа была установлена связь между отрядами Н.А. Орлова и В.В. Сахарова, и линия КВЖД снова перешла под русский контроль. Станции постепенно занимались охранной стражей, были начаты работы по восстановлению дороги. Занятие Гирина тем же П.К. Ренненкампфом 10 сентября 1900 г. состоялось уже после взятия союзными войсками Пекина (1 августа). Северная Маньчжурия перешла под русский контроль.

Параллельно оперировали два отряда, направленные в Северную Маньчжурию из Южно-Уссурийского края для обеспечения безопасности последнего. По линии КВЖД из г. Никольск-Уссурийский отправили Никольский отряд генерал-майора Н.М. Чичагова, который столкнулся с превосходящими силами китайцев у крепости Эхо. В результате ему пришлось дожидаться выступившего из ур. Новокиевское отряда генерал-майора Н.А. Айгустова, более сильного и многочисленного. Последний, 17 июля взял г. Хунчун, вышел на встречу с Никольским отрядом у д. Эхо, где соединился с ним, и 16 августа занял г. Нингута.

Действия в Южной Маньчжурии велись войсками Квантунской области, усиленными

подкреплениями из Приам. в.о., и тоже шли в основном вдоль линии железной дороги – ЮМЖД. Двигавшиеся из г. Инкоу русские войска заняли г. Хайчен, г. Ляоян, а затем 19 сентября 1900 г. и Мукден. 23 сентября оперировавшие в Северной и Южной Маньчжурии отряды встретились в г. Телин, завершив тем самым очищение от противника линий железных дорог. Основная задача русских войск в Маньчжурии была выполнена. Оставалось ликвидировать действовавшие разрозненно военные отряды и банды хунхузов, осуществить «умиротворение страны» и как можно быстрее восстановить власть китайских чиновников, к чему и были направлены все усилия[498].

Еще 10 сентября в округе получили телеграмму военного министра, предписывавшую немедленно уволить со службы всех запасных нижних чинов, которые еще не прибыли к местам назначения, отправляя их партиями в места постоянного жительства, а «желающих остаться на жительстве в Приамурском крае, оставлять здесь установленным порядком», а также немедленно расформировать все нештатные арт. части «расположенные в пределах округа, обратив лошадей из этих частей, кои находятся в Амурской и Приморской областях, на пополнение конского состава батарей стрелковых дивизионов»[499].

18 сентября 1900 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал Н.И. Гродекову: «Ныне боевая задача вверенных вам войск окончена. Надо, не медля ни одного дня, пользоваться лучшим временем года, чтобы возвратить запасных домой и продать лишних лошадей с возможною пользою для населения»[500]. В условиях Дальнего Востока демобилизация была не менее, если даже не более сложной задачей, чем мобилизация. Тем более, что начиналась осень – время распутицы. Положение облегчало то, что отношение в Петербурге к внезапно возникшему на Дальнем Востоке военному конфликту постоянно менялось, от серьезных опасений вначале, до почти эйфории от столь быстрого занятия Маньчжурии в конце конфликта. Менялся и взгляд на необходимое количество войск, которые сначала принялись экстренно отправлять из Европейской России, а затем вынуждены были обратить этот процесс вспять[501]. Поэтому далеко не все направленные в Приам. в.о. войска успели реально прибыть, что избавило командование округа от дополнительных проблем.

20 сентября 1900 г. Николай II одобрил доклад военного министра, который констатировал, что «в начале октября вся линия Маньчжурской железной дороги, вместе с Гирином и Мукденом, будет в наших руках», сообщал о необходимости немедленно, после

---

[498] Всеподданнейший доклад военного министра от 27 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 5. С. 36–64. Подробнее см.: Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 170–223; Дацышен В.Г. Война в Приамурье // Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск, 2008. С. 254–260; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 343–403; Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги… С. 221–237; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны… С. 331–357 и др.

[499] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 315.

[500] Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. … С. 158.

[501] Всеподданнейший доклад военного министра от 4 августа 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 48–49.

занятия этих пунктов и установлении связи между войсками Н.И. Гродекова и Е.И. Алексеева, приступить к проведению демобилизации русских войск на Дальнем Востоке в две очереди[502]. Некоторые части к этому времени уже были демобилизованы как в Приам. и Сиб. в.о., так и в Европейской России[503]. В полной готовности должны были остаться войска на Печилийском театре, а также 3-я, 4-я и 5-я Вост.-Сиб. стр. бриг. На северо-маньчжурском операционном направлении в военном составе предполагалось оставить лишь те части, которые Командующие войсками признают крайне необходимыми. Остальные войсковые части и учреждения, в т.ч. запасные части не перешедшие границы, следовало привести в составы мирного времени. Из казачьих войск – немедленно демобилизовать 3-очередные полки, льготные батареи и пешую казачью бриг.; полки 2-й очереди могли быть задержаны в крайней необходимости. В результате, численность русских войск на Дальнем Востоке должна была сократиться на 50–60 тыс. чел. Дальнейшая демобилизация и вывод войск из Китая зависели уже от политической ситуации[504].

16 сентября Н.И. Гродеков приказал демобилизовать Верхнеудинский запасной батальон, выделив из его состава Верхнеудинскую местную команду по штату мирного времени, и 1-й Благовещенский запасной батальон. Расформировать Хабаровский запасной батальон, оба Никольских запасных батальона (для чего немедленно отправить на смену им, распоряжением командира Десантного корпуса, 1 батальон 17-го стр. полка в г. Никольск-Уссурийский и 1 батальон 18 стр. полка – в г. Хунчун). Уволить всех запасных из Благовещенской местной команды, демобилизовать все находящиеся в пределах округа отделения конского запаса и парки. Окружному штабу, начальнику военных сообщений

---

[502] В 1-ю очередь, по занятии войсками всей линии КВЖД «объявить демобилизацию всех войск, приведенных в Азиатских округах на военное положение, с теми исключениями, которые по военным соображениям будут признаны крайне необходимыми», и во 2-ю – «когда то по ходу переговоров с Китайским правительством и в зависимости от успокоения Китая по политическим обстоятельствам будет признано возможным – демобилизовать все части, оставшиеся еще затем в военных составах и перевезти в Европейскую Россию все прибывшие оттуда войска». Всеподданнейший доклад военного министра от 17 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 1–2.

[503] Демобилизовали части: 4-й Сиб. бриг. и семи запасных батальонов Сиб. в.о., 3-го сап. батальона, 6-ти резервных батарей Казанского в.о., Сиб. летучего парка, формировавшегося в Оренбурге и 4-й и 5-й стр. летучие парки (Всеподданнейший доклад военного министра от 17 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 2). В Приам. в.о. к 1 сентября расформировали 2-й Читинский казачий полк ЗКВ (Приказ войскам Приам. в.о. № 419 от 31 августа 1900 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 293; ЦГШ № 215 от 29 сентября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900), 7 сентября – 2 запасные сотни (Забайкальскую конную и пешую казачьи) (Всеподданнейший доклад военного министра от 3 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 47–47; ЦГШ № 215 от 29 сентября 1900 г. // ЦГШ за 1900 г. СПб., 1900. Приказ об этом Временно Командующего войсками округа А.С. Беневского последовал только 13 сентября, т.е. задним числом, когда сотни уже были расформированы. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 315–315 об.), 5 сентября – 2 парка (1-й и 3-й) 2-й Вост.-Сиб. летучей парковой арт. бриг. и 2-й Благовещенский запасной батальон. Из состава последнего выделили Благовещенскую местную команду, а офицеров и чиновников, командированных в этот батальон из частей войск округа, возвратили в свои части. Прочих офицеров и нижних чинов переменного состава, кроме находящихся в долговременных командировках, назначили на укомплектование развертываемого 21-го Вост.-Сиб. стр. полка, а находящихся в долговременных командировках перевели в 1-й Благовещенский запасной батальон. 6 сентября приказали демобилизовать Читинский запасной батальон, покрыв его чинами некомплект в войсках Забайкальской области; 9 сентября – 2-й Хабаровский запасной батальон, выделив из числа наличных нижних чинов Хабаровскую местную команду, а остальных – назначив на развертывание 6-го Вост.-Сиб. лин. батальона в 23-й Вост.-Сиб. стр. полк. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 298 об.–299, 304, 308.

[504] Всеподданнейший доклад военного министра от 17 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 1–4.

округа, командиру 3-го Сиб. АК и командующему войсками Забайкальской области было приказано сделать распоряжения по возвращению «теперь же» всех частей 3-го Сиб. АК в Сиб. в.о., в пункты формирования. При этом, прибывшие из Европейской России в Приморскую область, и оставшиеся на ее территории части 3-й стр. бриг. с ее артиллерией, как и входившие в состав Десантного корпуса части 5-й стрел. бриг. подчинялись командиру корпуса генерал-лейтенанту В.Н. Филиппову[505].

18 сентября Н.И. Гродеков приказал немедленно расформировать нештатный осадный арт. парк, уволив большую часть нижних чинов в запас, а из оставшихся сформировать Харбинскую креп. арт. команду. 20 сентября А.Н. Куропаткин телеграфировал, что «никакой задержки запасных для зимовки допущено быть не может», в связи с чем запасных нужно было отправлять на родину как можно быстрее. 22 сентября А.С. Беневский приказал из всех демобилизованных частей округа уволить от действительной службы офицеров запаса Сиб. и Приам. в.о.[506]. 21 сентября военный министр направил в округ еще одну телеграмму, требуя, тотчас по овладении Мукденом и всей линией ЮМЖД начать демобилизацию войск, управлений и учреждений[507], а 24 сентября он телеграфировал в Хабаровск: «Наши войска под начальством Генерал-Лейтенанта Суботича, разбив в нескольких боях китайские войска, заняли 18 сентября Мукден. ВЫСОЧАЙШЕ повелено приступить к демобилизации войск Приамурского округа согласно с указаниями, изложенными в депеше 21 сентября № 314. Управление первой Сибирской бригады не расформировывать, так как оно будет обращено в управление первой резервной Сибирской бригады»[508].

«Высочайшее повеление о демобилизации, – докладывал императору Н.И. Гродеков, – было получено в округе 29 сентября, после чего немедленно приступили сначала к обратному отправлению запасных чинов, не зачисленных еще в части, а затем и всех остальных. В виду закрытия, с начала октября, навигации, пришлось в срочном порядке приступить к оборудованию этапных линий, как вдоль рек Амура и Шилки, так и через Маньчжурию». Работа была проведена настолько оперативно, что к началу ноября удалось начать отправку запасных через Маньчжурию. Движение же запасных вдоль Амура вообще не прекращалось – с плавучих средств они переходили на берег и сразу же продолжали движение вверх по реке. Всего, вследствие демобилизации, было отправлено из пределов округа: по р. Амуру – 15.710 (7.978 – на пароходах, 7.732 – «сухопутно») и через Маньчжурию – около 14.000 чинов запаса. Кроме того, с территории округа были выведены части 3-го Сиб. и Десантного корпусов,

---

[505] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 320–321 об.–331.
[506] Там же. Л. 339–340, 370.
[507] Телеграмма военного министра Командующему войсками в Хабаровск (копия генерал-лейтенанту А.С. Беневскому) № 314 от 21 сентября 1900 г.; генерал-лейтенанту Карпову в Омск // Материалы… Отд. II. Кн. 4. С. 25–26.
[508] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 346; Телеграмма военного министра Командующему войсками в Хабаровск (копия генерал-лейтенанту А.С. Беневскому) № 343 от 24 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. II. Кн. 4. С. 45.

причем последние пришлось отправить морем обратно в Одессу[509].

Параллельно шел не менее сложный процесс приведения частей и соединений к составам мирного времени и отпуск на льготу второочередных частей ЗКВ, АКВ и УКВ, растянувшийся до осени 1901 г.[510]. В итоге большую часть все-таки приказали расформировать. Начали с многочисленных полевых подвижных и полевых запасных госпиталей[511]. Затем принялись за войсковые части и соединения, периодически меняя для удобства последующего переформирования или расформирования систему их подчинения[512].

В связи с демобилизацией были *расформированы*: 13 октября – нештатная 6-орудийная легкая батарея, сформированная по приказу Н.И. Гродекова. Запасные (пехотные) батальоны были демобилизованы: 1-й Хабаровский – 2 октября 1900 г., 2-й Хабаровский – 20 сентября, 1-й Благовещенский – 14 октября (по данным ЦГШ – 16 сентября), 2-й Благовещенский – 18 сентября, Читинский – 16 октября (по данным ЦГШ – 13 сентября), Верхнеудинский – 20 октября, 1-й Никольский – 30 сентября, 2-й Никольский – 6 ноября, а также отделение кадра Приморского драгунского полка – 5 октября. Отделение полевого инженерного парка 3-го Сиб. АК было демобилизовано 10 ноября; управление 2-й Вост.-Сиб. летучей парковой арт. бриг. – 24 декабря, летучие парки этой бриг.: 3-й – 27 октября, 2-й – 5 декабря 1900 г., 1-й – 4 января 1901 г.; 1-й и 2-й Владивостокские креп. пех. полки – 11 октября 1900 г., Николаевская креп. арт. рота – 24 сентября и Амурская минная рота – 20 сентября 1900 г.[513].

1 октября Н.И. Гродеков приказал уволить из Читинского и Стретенского отдельных резервных батальонов 50% нижних чинов призванных из запаса армии[514]. В дальнейшем Стретенский батальон был расформирован 5 февраля 1901 г., Читинский батальон – 1 февраля, осадный арт. парк – 18 сентября 1900 г.[515]. 26 ноября было приказано расформировать корпусное интендантство 3-го Сиб. АК, 23 ноября расформировали штаб и управления этого корпуса. 9 декабря во Владивостоке расформировали управление Десантного корпуса, всех

---

[509] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 6.

[510] Наличие трех центров принятия решений привело к тому, что в Военном министерстве еще долго, после официального объявления демобилизации, пытались разобраться во всех экстренно сформированных штатных и нештатных частях и формированиях, и ответить на вопрос: по линии какого органа (Главный штаб, Азиатская часть Главного штаба, Мобилизационный комитет Главного штаба, Главные управления) они были сформированы, где находятся и что с ними дальше делать. Переписку по этому вопросу см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 303–311.

[511] Так, например, 23 сентября полевой запасной № 5 госпиталь переименован в полевой подвижной № 6 госпиталь, а последний – в полевой запасной № 5 госпиталь. 22 октября расформировали полевой подвижной № 16 госпиталь. 23 ноября полевой подвижной № 17 госпиталь был переименован в полевой запасной № 17 госпиталь, после чего его обоз и лошади были направлены в г. Чита в распоряжение штаба Забайкальской области – обоз и упряжь для хранения, а лошади – на продажу (ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 417, 429, 479 об.). 28 ноября Временно Командующий войсками округа приказал расформировать прибывшие из Европейской России полевые запасные №№ 110, 113, 114, 115, 116, 117, 118 и 119 и подвижные №№ 175 и 176 госпитали. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1318. Л. 681.

[512] Так, например, 21 октября в виду предстоящего вскоре расформирования 3-го Сиб. АК, 7-й сап. батальон, роту 13-го сап. батальона, подвижной № 9 госпиталь и полевую хлебопекарню прикомандировали ко 2-му Сиб. АК. ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 446.

[513] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 435, 472, 479; ЦГШ № 42 от 31 января и № 100 от 12 апреля 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[514] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 401.

[515] ЦГШ № 61 от 25 февраля и № 100 от 12 апреля 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

чинов которого отправили обратно в Европейскую Россию[516].

В ЗКВ по возвращении из Маньчжурии были расформированы: управление Забайкальской казачьей пешей бриг. – 10 ноября 1900 г., Забайкальские пешие казачьи батальоны: 3-й батальон – 23 декабря, 4-й батальон – 3 декабря, 6-й батальон – 30 декабря 1900 г., 5-й батальон – 17 января 1901 г.; 2-го Верхнеудинского казачьего полка: 5-я и 6-я сотни – 3 октября 1900 г., 3-я сотня – 2 июня 1901 г., 1-я – 8 июня 1901 г., 2-я – 9 июня 1901 г., 4-я сотня – 1 сентября 1901 г.; 3-й Верхнеудинский полк ЗКВ – 12 февраля 1901 г.[517].

В АКВ к 18 ноября 1900 г. Амурский казачий полк переформировали из 6-сотенного в 4-сотенный состав, а уже на следующий год, были расформированы: Амурский казачий дивизион и льготная 3-я сотня Амурского казачьего полка – 17 июня 1901 г., 4-я сотня Амурского казачьего полка – 17 июля 1901 г.[518].

В связи с демобилизацией были *переформированы*: обратно в кадровые резервные батальоны: Стретенский пех. полк – 5 февраля 1901 г. и Читинский пех. полк – 7 февраля 1901 г.; в АКВ Амурский казачий дивизион из 3-сотенного в 2-сотенный состав – 9 октября 1900 г., Амурский казачий полк – в 4-сотенный состав – 18 ноября 1900 г. К 20 ноября вернулась в г. Чита из Маньчжурии 4-я Забайкальская казачья конная батарея ЗКВ, после чего она была расформирована 6 декабря 1900 г. и того же числа сформирован штаб 4-й льготной батареи ЗКВ. 3 декабря Уссурийский казачий дивизион УКВ переформировали в 2-сотенный состав[519].

3 октября 1900 г. было окончательно решено, что 4-я и 5-я Вост.-Сиб. стр. бриг. останутся зимовать в Северной Маньчжурии, занимая в т.ч. Цицикарский район, а 6-я Вост.-Сиб. стр. бриг. будет возвращена в Приам. в.о. Впоследствии к ним добавилась 1-я Вост.-Сиб. стр. бриг., тоже остающаяся в Маньчжурии и 2-я Вост.-Сиб. стр. бриг., которую некуда было вывозить с Печилийского театра[520]. Причем к 9 октября 1900 г. в Военном министерстве исходили из того, что войска остаются в Китае «не столько по военным соображениям, сколько от неимения в Приам. в.о. средств для расквартирования войск». Казарменного фонда в округе и так не хватало для размещения резко возросшего количества войск, так еще и часть казарм была занята переброшенными из Европейской России 3-й и 5-й стр. бриг. (4-я стр. бриг. была к этому времени уже отправлена морем в Одессу)[521].

Уже в конце лета 1900 г., по Высочайшему повелению от 24 августа, было преступлено

---

[516] ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 479, 495, 500.

[517] Приказ Приамурским казачьим войскам № 22 от 8 ноября и № 26 от 7 декабря 1900 г. // Приказы Приамурским казачьим войскам за 1900 г. Хабаровск, 1900.; ЦГШ № 42 от 31 января, № 62 от 25 февраля, № 164 от 27 июня и № 232 от 8 октября 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 312, 500, 535.

[518] ЦГШ № 133 от 18 мая, № 170 от 7 июля и № 232 от 8 октября 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[519] ЦГШ № 1 от 4 января, № 42 от 31 января, № 61 от 25 февраля и № 133 от 18 мая 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; Приказ Приамурским казачьим войскам № 24 от 25 ноября 1900 г. // Приказы Приамурским казачьим войскам за 1900 г. Хабаровск, 1900; ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1319. Л. 564.

[520] Всеподданнейшие доклады военного министра от 2, 9 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 45–46, 81–83.

[521] Всеподданнейший доклад военного министра от 11 сентября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 3. С. 98–99; Всеподданнейший доклад военного министра от 9 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 84.

к демобилизации войск Сиб. в.о., проведенной в 3 этапа и окончательно завершенной к 18 ноября[522]. Докладывая Николаю II о событиях 1900 г. Н.И. Гродеков писал: «Войска Вашего Императорского Величества, начав военные действия 1 июля, 23 сентября, т.е. на 85 сутки, заняли всю страну и соединились с войсками Квантунской области, рассеяв по пути войска противника. 26 сентября последовало поведение Вашего Императорского Величества о демобилизации и войска округа разошлись по гарнизонам, откуда до сей поры производят экспедиции вглубь страны, для умиротворения края и уничтожения мелких и крупных шаек, разбежавшихся по стране при нашем наступлении минувшей осенью»[523].

Это процесс затянулся до 1902 г.[524], причем, несмотря на демобилизацию, даже снятие военного положения на сопредельных российских территориях началось только в 1901 г.: 31 января – в Нерчинском и Троицкосавском округах, а также в Приморской области, за исключением Уссурийской казачьей округи и Новокиевского, Каменьрыболовского и Раздольнинского участков; 24 апреля – в Акшинском, Читинском и Нерчинско-заводском округах Забайкальской области, за исключением пограничной с Китаем полосы, в которой оставили на военном положении некоторые станицы и волости Акшинского и Нерчинско-заводского округов, 2 октября – в Забайкальской области, а с 30 октября – в Уссурийском казачьем округе и Новокиевском, Камень-Рыболовском и Раздольнинском участках Приморской области, чем было снято военное положение со всего района Приморской области, и лишь 5 января 1902 г. – с Амурской области, т.е. со всей территории Приам. в.о. 23 октября 1901 г. было снято военное положение в Квантунской области. Юридически «Срок окончания боевых действий в Маньчжурии» был продлен до 26 марта 1902 г.[525], а фактически из-за разгула бандитизма (хунхузов), недовольства иностранцами и поставок оружия в Китай, русским войскам пришлось в той или иной мере принимать участие в жизни страны вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Анализ результатов Китайского похода 1900 г. в Окружном штабе, с т.з. оценки боевой готовности войск и практики их боевого применения позволил прийти к следующим выводам:

1. Войска обучены прекрасно, переходы совершают без отсталых по любой местности и в любое время года.

2. Полевая артиллерия, благодаря хорошей боевой подготовке и прекрасному составу офицеров, нижних чинов и лошадей и отработала превосходно.

---

[522] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 г. СПб., 1902. С. 1–2, 7, 8; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 82 об., 84 об.–87; Всеподданнейший доклад военного министра от 3 октября 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 4. С. 47–48.
[523] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 3 об.
[524] Всеподданнейший доклад военного министра от 23 сентября 1901 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 8. С. 125–138.
[525] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 535. Л. 382–382 об., 386, 389, 392–392 об., 400, 404, 406–406 об., 408, 414, 416, 425–426.

3. Главным родом оружия была именно пехота. В то же время, ружейный огонь пехотных частей был малоэффективен. Во-первых, в частях оказалось много запасных, первый раз видевших новую 3-лин. винтовку системы Мосина обр. 1891 г. и не умевших с ней обращаться. В результате обращению с новым оружием приходилось учить прямо в походе. Во-вторых, «китайцы на позициях тщательно окапывались или прятались за стены импаней». Превосходен был только штыковой удар, до которого китайцы доводили дело очень редко.

4. Конные охотничьи команды, образованные при Вост.-Сиб. стр. полках, в виду недостатка конницы не соответствовали своему назначению.

5. Огромная работа легла на плечи инженерных частей и, в первую очередь, саперов и телеграфистов. При этом оказалось, что «иногда военные инженеры строили укрепления в несоотвествии с числом войск, которые могли быть назначены для их занятия, также иногда профили укреплений не соответствовали слабому оружию противника и отсутствию у него артиллерии». Что показывало отсутствие нормального взаимодействия войск и правильно поставленной работы войсковой разведки.

6. Превосходно зарекомендовали себя казачьи части, «неустрашимые» и «сметливые».

7. Форменный двуколочный обоз и реквизиционные телеги отлично выдержали поход. Телеги получили транспорты и Вост.-Сиб. лин. батальоны при развертывании в полки, поскольку обоз интендантского образца был у них только на батальон. Двуколка оказалась «в высшей степени удобна, прочна и легка на ходу». Однако и неудобства двуколочного обоза были значительны: даже на небольшую часть требовалось слишком много повозок и обозных нижних чинов[526]. В результате складывалось общее впечатление, что «если часть следует с полным обозом, что это не войска с обозом, а обоз с прикрытием к нему». Таким образом, с обозом в войсках Приам. в.о. нужно было срочно что-то делать[527]. Много хуже было с форменным телеграфным и понтонным обозом, который «дорогам Маньчжурии не соответствовал», и мог спокойно передвигаться там только зимой, когда все дороги замерзали и становились легко проходимыми. В результате, было предположено в понтонной роте заменить обоз существующего образца вьючным, т.е. использовать опыт Японской армии.

8. Недостаток практики в командовании отрядами в мирное время, на войне привел к тому, что иногда «начальники даже крупных отрядов, пристраивали себя к роду оружия по их специальности, не заботясь о руководстве остальными родами оружия отряда» и далеко не все начальники отрядов «усвоили догмат *неотступного преследования* противника».

9. Генеральный Штаб работал отлично и «в работе был неутомим».

---

[526] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 3 об.–4.

[527] Н.И. Гродеков решил, для начала, собрать специальную войсковую комиссию, которой предстояло решить, сколько можно в действительности иметь в частях. Недостаток подвижности при увеличении груза на двуколку он предлагал ликвидировать путем применения запряжки парой. Там же. Л. 4 об.

10. По официальной версии «снаряжение и одежда войск были удовлетворительны». *De facto* же оказалось, что в имевшейся у войск одежде воевать зимой в Маньчжурии невозможно. Например, части 1-й Сиб. пех. бриг. пришлось одеть в теплую одежду китайского образца. «Вообще пользование китайскими шубами, шапками и сапогами было распространено сильно; конница употребляла сверх того, китайские теплые наколенники и штаны. Практика показала, что в Маньчжурии зимой для всех войск необходим длинный полушубок, с отложным воротником, и теплые штаны», – докладывал Н.И. Гродеков царю[528].

11. Служба охранной стражи КВЖД «была выдающейся по храбрости и выносливости; однако, недостаток обоза и слабый состав частей, не позволял пользоваться этим богатым подспорьем во всем объеме». Этим было подтверждено, что при существовавших штатах, составе и организации она не может считаться полноценной военной силой, пригодной для использования против регулярной армии противника.

Состав Окружного штаба Приам. в.о. оказался слишком слабым для нормального ведения работ по мобилизации – на момент ее начала там оказалось лишь 4 офицера Генерального Штаба, на которых и легла вся работа по мобилизации и сосредоточению войск, а также переписка по движению и действию отрядов. К началу августа Окружной штаб был значительно усилен и развернут по штату штабов пограничных военных округов. Второй раз в истории Приам. в.о. Окружной штаб и военно-окружные управления были развернуты в полевой штаб, т.е. было сделано то, что изначально закладывалось в военно-окружную систему еще Д.А. Милютиным. Часть Окружного штаба и управлений образовала полевой штаб, находясь вместе с Н.И. Гродековым в г. Харбин с сентября 1900 по март 1901 г. Поскольку все чины служили в системе окружного управления еще с довоенных времен, то втягивания в работу не потребовалось, «делали свое дело без отказа, скоро и хорошо»[529].

Телеграмма с Высочайшим повелением о мобилизации была получена в Хабаровске 11 июня 1900 г. в 8 часов утра по местному времени. В тот же день все части войск, управления и заведения округа оповестили о мобилизации, производившейся по действовавшему в округе с 15 апреля 1900 г. мобилизационному росписанию № 5. По данным на день ее объявления, на учете в управлениях воинских начальников округа состояло 22.055 чинов запаса, из которых к призыву явились 17.745 чел., т.е. явка составила около 80%. Показатель в 20% неявившихся, теоретически, считался большим, однако в условиях российского Дальнего Востока объяснялся «целым рядом освобождений от призыва, допущенных при минувшей мобилизации», поскольку призвать всех запасных было в принципе невозможно – в округе остановилось бы все от почты, до пароходного сообщения по рекам. Лошади в мобилизацию

---

[528] Там же. Л. 4 об.
[529] Там же. Л. 6.

1900 г. были взяты по реквизиции, на основаниях, принятых для военной повинности. Всего было «принято на службу» 14.293 головы, на сумму 1.737.705 руб.

С ходом демобилизации, войска, оставшиеся в Маньчжурии, сохранили запряжку обоза по штатам военного времени[530]. Однако, много лошадей попало вновь в руки населения вследствие продажи лошадей от демобилизации частей 3-го Сиб. и Десантного корпусов, 4-й Стр. бриг., парков, госпиталей и обозных транспортов, однако определить, сколько после этого у населения оказалось лошадей, без новой военно-конской переписи было невозможно. Поэтому все расчеты по пополнению частей в случае новой мобилизации становились «гадательными», о чем 17 февраля 1901 г. и было сообщено военному министру.

С началом мобилизации потребовалась и массовая *перевозка войск*, в т.ч. водой, на китайскую территорию. «Несмотря на недостаток пароходов в это время вообще[531], работа перевозки была выполнена блестяще и за время с 30 мая по 1 августа 1900 г., из пределов округа отправлено морем в распоряжение Командующего войсками Квантунской области, 20.759 чел., 44 орудия, 5.980 лошадей, 2.963 повозки и 223.726 пуд. военного груза». Одновременно в г. Стретенск производилась экстренная отправка разного рода запасов, новобранцев и переселенцев, застрявших там из-за мелководья. С началом военных действий по р. Шилка пришлось перебрасывать на ТВД еще и чинов запаса, подкрепления сначала из Забайкалья, потом из Европейской России, а также предметы интендантского и арт. довольствия. Положение было спасено только природой – с началом мобилизации уровень воды в Шилке поднялся, что позволило «спустить многое по назначению, но все таки часть запасов пришлось оставить зимовать в Забайкалье, до навигации 1901 года, а часть двинуть через Маньчжурию, гужом. Для перевозки приходилось употреблять все возможные средства: войска шли на пароходах, шаландах, лодках и плотах». Лодки, плоты и шаланды экстренно строились там же, в г. Стретенске. Огромные проблемы возникли со снабжением и довольствием перевозимых войск и людей – продукты пришлось срочно доставлять из Восточной Сибири[532]. «Вообще окончание Забайкальской дороги, прочно связавши Забайкалье с центром Европейской России, сильно облегчило работу тыла, так как для нужд последнего можно было черпать средства не только из одного бедного средствами Забайкалья, но и изо всей Сибири», – резюмировал успехи, достигнутые в строительстве военно-транспортной, инфраструктуры Н.И. Гродеков. Проблемы начинались там, где этих успехов не было, а именно с транспортировкой грузов по рекам Сунгари и нижнему Амуру, но там ситуацию отчасти спасли специализированные пароходы КВЖД.

---

[530] Там же. Л. 5.
[531] Всем правительствам сразу потребовались транспорты, почему последние фрахтовались по телеграфу по всем портам Тихого океана. – Прим. док.
[532] Там же. Л. 5 об.

Огромная работа выпала на долю *интендантства*, поскольку с объявлением мобилизации потребовалось обеспечить запасами довольствия огромное, сравнительно со штатами мирного времени, число войск, что можно было сделать только путем его подвоза из остальных военных округов империи, и лишь отчасти закупкой на месте. Хотя Н.И. Гродеков ходатайствовал, чтобы отправляемые войска везли запасы довольствия с собой, однако этому помешала малая провозоспособность Сибирской железной дороги. В результате эти запасы прибывали в Стретенск отдельно от эшелонов, поскольку в первую очередь на ТВД отправлялись сами войска, да еще и после закрытия навигации по водным артериям региона. В таких условиях оперативно доставить их каким-либо образом в Маньчжурию не представлялось возможным – перевозка их по еще неустроенным путям КВЖД или на подводах порождала массу затруднений, требовала много времени (груз от Никольска до Харбина шел несколько недель) и денег (вначале пришлось платить за перевозку около 2 коп. с пуда и версты). «Однако, благодаря местным средствам Маньчжурии, а, главное, быстрому окончанию военных операций, вследствие чего большая часть сил до театра военных действий не дошла, войска округа нужды в довольствии не терпели», – отмечал Н.И. Гродеков[533]. «Наличие же сосредоточенных в пределах Маньчжурии запасов настолько велико сравнительно с горстью войск по Маньчжурии разбросанной, что нужды в запасах эти войска и впредь терпеть не будут». В итоге к 1 января 1901 г. в магазинах округа и Маньчжурии находилось около 1.740 тыс. пудов муки, 275 тыс. пудов сухарей, 1.200 тыс. пудов овса – 9-месячный запас довольствия на 100.000 чел. и 20.000 лошадей.

Таким образом, из-за недостроенности КВЖД и отсутствия железнодорожной линии, да и просто нормальной дороги, на территории собственно России (результат политики С.Ю. Витте), доставка в действующую армию интендантского довольствия из глубокого тыла была провалена практически на 100%. Войска от голодной смерти спасли богатые запасы неплохо развитой в сельскохозяйственном отношении территории северо-восточного Китая, а запасных чинов то обстоятельство, что большая их часть застряла с закрытием навигации в г. Стретенск, т.е. там, где всю зиму продолжали скапливаться отправленные интендантством запасы, которые не могли следовать дальше по той же причине.

Работа Окружного интендантства осложнялась еще и кадровым голодом. Вначале оно вынуждено было работать в составе $^1/_3$ штатного состава мирного времени, т.к. многие чины были командированы для выполнения разного рода поручений. Со временем, недостаток чинов пополнили присылкой из Европейской России, но пока эти чины не начали прибывать в начале августа, наличному составу приходилось работать по 18 час. в сутки, прекратив при этом всю текущую переписку. Положение осложнялось еще и отсутствием корпусных

[533] Там же. Л. 6 об.

интендантств, по причине отсутствия в округе корпусов и Владивостокского крепостного интендантства с соответствующими задачам штатами.

В части работы интендантства выводы Командующего войсками округа сводились к 5 основным пунктам, 4 из которых, по сути, представляли собой проблемы, которые необходимо было решать на министерском уровне: 1. Ходатайства на имя Главного интенданта о своевременной высылке теплой одежды для войск были возбуждены еще 16 июня, «но доставка теплой одежды, не смотря на то, что производилась поездами большой скорости, не была выполнена своевременно…». 2. Части 3 стр. бриг. прибыли вообще без теплой одежды, несмотря на то, «что шли в конце лета в холодную страну, на путь куда требуется больше 1½ месяцев», в результате прибыли в Маньчжурию в середине ноября. 3. «Полушубки просил присылать длиною ниже колен, прислали же много недомерков». 4. «Истинным благодеянием для войск было Высочайшее пожалование сапог, белья, мундирной одежды и фуфаек не в зачет, равно офицерских вещей для офицеров новых стрелковых полков», т.е. без ручного управления интендантством достаточное и своевременное обеспечение войск вещевым довольствие вообще бы не состоялось. 5. Сухари и консервы интендантского ведомства оказались отличного качества[534]. «Дабы не переживать впредь периода импровизации в мерах по обеспечению войск продовольствием, что не надежно, и стоит дорого[535], необходима самая тщательная подготовка продовольственного плана на случай войны», – мрачно констатировал Н.И. Гродеков. На основании этих данных он доложил императору о необходимости устроить базисный магазин в Забайкалье, о чем безуспешно ходатайствовал перед военным министром А.Н. Куропаткиным еще в 1899 г. Там, кроме запасов довольствия держать еще и запасы обмундирования и снаряжения, чтобы не ставить в строй запасных в той одежде, в какой поступили на сборные пункты[536].

В отношении *артиллерии*, опыт Китайского похода 1900–1901 гг. и прошедшей мобилизации наглядно указывал на необходимость ее усиления. Полевую пехоту в округе за год увеличили на 13 батальонов, а вот количество артиллерии осталось то же, т.е. теперь на 1 тыс. штыков стр. частей приходилось всего 2,2 легких орудия. До начала военных действий в округе на 1 тыс. полевой пехоты приходилось 3,4 легких орудия, т.е. был достигнут показатель стр. частей Европейской России. Гродеков считал необходимым распространить эту норму и на стр. части Приам. в.о., в пользу чего свидетельствовал опыт только что завершенной кампании: «Опыт войны с Китаем показал, что в китайцах страх к пушкам развит необычайно и часто дела с противником решались у нас одной артиллерией; напротив,

---

[534] Там же. Л. 6 об.–7.
[535] В Стретенск пришлось *большой скоростью* выслать 28 тысяч пудов сухарей, 1½ миллиона консервов, 194 тысячи пудов овса и 4 тысячи пудов зелени. – Прим. док.
[536] Там же. Л. 7.

одна пехота или одна конница, иногда достигали успеха ценою тяжких потерь, под толстыми стенами китайских импаней, из-за того, что у нас в тот момент не было пушек»[537].

В 1900 г. настоятельная необходимость в сильной артиллерии заставила командование прибегнуть к спешному (одна батарея была сформирована за сутки, а конно-горный арт. дивизион – за несколько часов) формированию нештатных батарей (1 легкая батарея, 1 конно-горная батарея, 1 батарейная батарея и конно-горный взвод), обладавших недостатками, свойственными импровизированным формированиям. «Если, при борьбе с Китаем такой прием достигал желаемых результатов, то с противником, лучшее вооруженным и подготовленным, эти части могли бы дать результат отрицательный. Поэтому опыт войны настоятельно требует увеличения полевой артиллерии в округе»[538].

Большая работа в ходе мобилизации выпала и на *Окружное инженерное управление*: сооружение и оборудование в Маньчжурии этапных линий, постройка лазаретных бараков, устройство и приспособление зимних помещений для войск в Маньчжурии и Урге, а также сооружение подрядным способом телеграфной линии вдоль р. Сунгари, от Харбина до Лохасусу. Причем, несмотря на трудные условия и недостаток на месте самых необходимых материалов (лес, стекла, печи и железо приходилось привозить за сотни верст) и предметов (свечи, для освещения этапов от Хайлара до Хингана покупались в г. Стретенске), работы были выполнены достаточно быстро и, в основном, хорошо. В целом, на постройки на ТВД вызванные военными обстоятельствами в 1900 г. им было израсходовано 918.815 руб. из ассигнованных на эти цели 2.040.000 руб.[539].

Окружному военно-медицинскому управлению пришлось бороться с эпидемией брюшного тифа, вспышка которого возникла сначала в ст. Стретенской, куда начали массово прибывать запасные. Затем она вместе с запасными, распространилась вниз по р. Амуру и территории северной Маньчжурии. Пик эпидемии пришелся на сентябрь–октябрь 1900 г., после чего заболеваемость быстро пошла на спад. Заболеваемость действующих войск была сравнительно невысокой: как во время боевых действий, так и после их окончания, когда войска встали по квартирам, увеличения процента заболеваемости относительно показателей мирного времени почти не было, и санитарное состояние войск признавалось блестящим. Из «острозаразных болезней», на долю которых приходилось до 20% заболеваний, преобладал все тот же брюшной тиф. В октябре во 2-й сотне 1-го Аргунского полка ЗКВ, расположенного близ ст. Мурень КВЖД, была вспышка сибирской язвы, но ее удалось быстро локализовать и ликвидировать. Из 11 заболевших казаков умерло 7, а лошадей пало и было уничтожено – 8. «Болезнь быстро прекращена и приняты меры к оздоровлению долин рек Муреня и

---

[537] Там же. Л. 7 об.
[538] Там же. Л. 7 об.
[539] Там же. Л. 9.

Муданцзяна, составляющих гнездо сибирской язвы»[540], – констатировал Н.И. Гродеков. Поскольку боевые действия пришлось вести в первую очередь против различных группировок и лишь в малой степени против регулярных китайский войск, в числе которых процент европейски обученных частей был совсем мал, а артиллерия практически не использовалась, русские войска понесли «весьма незначительны потери» от оружия неприятеля. Раненых было всего около 6% всех поступивших в лечебные заведения, из них $^1/_3$ – тяжело. Хирургическую помощь организовали отлично во многом благодаря врачам-хирургам, командированным из Императорской военно-медицинской академии и сотрудникам Красного Креста.

Впрочем, в первое время мобилизации ощущался крайний недостаток во врачах, фармацевтах и фельдшерах, которых на лицо оказалось в несколько раз менее потребности в них по военному времени. Призыв запасных в Приам. и Сиб. в.о. мало повлиял на ситуацию, и недостаток медицинского персонала миновал только в августе, когда стали прибывать врачи и фельдшеры командированные из внутренних округов. В конце 1900 г., с прибытием во Владивосток 10-ти хорошо снаряженных запасных госпиталей и с уменьшением потребностей в медицинском персонале на этапной линии, медицинских чинов оказался даже некоторый избыток. «Настоящая кампания показала, что при быстром развитии военных действий и существующих в Приамурье путях сообщения, мобилизация врачебных частей войск округа может быть выполнена успешно только при условии содержания в Приамурском военном округе постоянного и при том значительного резерва медицинских чинов»[541].

Большую роль сыграл и Красный Крест, который существенно помог со снабжением теплой одежной, в т.ч. и здоровых. Пригодились и запасы медикаментов, поскольку, хотя войска и военно-врачебные заведения выступили в поход с полными запасами медицинского имущества, «но таковые скоро истощились и не могли быть пополнены своевременно из имеющихся в Хабаровске и Иркутске аптечных складов, как вследствие быстроты движения отрядов, так и за отсутствием путей сообщения и дальностию расстояний». Что же касается полевой аптеки, имущество которой было отправлено из Владивостока в Харбин только в конце октября, то она не смогла своевременно начать работу. Именно тогда ситуацию в Маньчжурии и спасли запасы Красного Креста, которые и использовались войсками и военно-врачебными заведениями «в минуту наибольшей нужды в медикаментах»[542].

Хорошо зарекомендовала себя система «народной охраны» из *дружин самообороны* в Южно-Уссурийской и Хабаровской округах Приморской области, причем настолько, что Н.И.

---

[540] Там же. Л. 9 об.–10.
[541] Там же. Л. 10.
[542] Там же. Л. 10 об.–11. Аптека смогла открыть свои действия в г. Харбин только 19 декабря 1900 г., т.е. уже после окончания основных боевых действий. Всеподданнейший доклад военного министра от 29 марта 1902 г. Об утверждении распоряжения генерала от инфантерии Гродекова о сформировании в гор. Харбине полевой аптеки // Материалы… Отд. I. Кн. 8. С. 178.

Гродеков ходатайствовал перед военным министром уже в январе 1901 г. «и впредь сохранить организацию самообороны населения в той форме, как она сложилась под давлением необходимости. Вызываемая этим потребность обучать население в праздничные дни стрельбе составит для жителей скорее развлечение, чем обязанность». Эти соображения были полностью одобрены А.Н. Куропаткиным и 3 февраля утверждены Николаем II[543].

На протяжении всей кампании у русских войск превалировал т.н. отрядный способ действия, когда операции велись не полками, дивизиями и корпусами, а отрядами, собранными из батальонов, эскадронов, сотен и батарей, а иногда даже отдельных орудий, разных частей и соединений[544]. В условиях борьбы с восставшим населением Китая, поддержанным правительственными войсками, лишь незначительная часть которых были по-европейски обучены, такая вынужденная импровизация дала быстрые и хорошие результаты. Однако даже единичные случаи операций против хорошо обученных китайских войск приводили к значительным трудностям, показывая, абсолютную неприменимость такого способа действий против хорошо обученной армии даже азиатского противника, какой себя зарекомендовала в ходе боевых действий армия Японии.

Еще 12 августа 1900 г. Николай II по ходатайству А.Н. Куропаткина, «в видах скорейшего восстановления дружеских, соседних отношений к Китаю, соизволили решить не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям, а ограничиться принятием мер, необходимых для спокойного и прочного пользования железными дорогами, проводимыми нами через Маньчжурию, *и для свободного плавания наших судов по реке Амуру*»[545]. При этом в официально опубликованном 19 августа правительственном сообщении была сделана оговорка, «о выводе со временем наших войск из Маньчжурии, если образ действий других держав не послужит к тому препятствием»[546]. Практическая реализация этих мер воплотилась впоследствии в оставлении значительного контингента русских войск в Маньчжурии и, как следствие, обострении отношений с Китаем и Японией, что существенно повышало опасность возникновения на Дальнем Востоке нового конфликта.

С военной точки зрения, нахождение русских войск в Маньчжурии имело как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, была создана занятая и частично контролируемая русскими войсками своего рода буферная территория, отделявшая границы Приам. в.о. от основной части Китая, чем достигалось: удаление потенциального ТВД на определенное расстояние от русских границ, обеспечение безопасности перевозок по КВЖД и ЮМЖД и самих дорог, заметное сокращение сроков сосредоточения русских войск

---

[543] Всеподданнейший доклад военного министра от 10 января 1901 г. // Там же. Отд. I. Кн. 7. С. 10–12.
[544] Всеподданнейший доклад военного министра от 24 августа 1900 г. // Там же. Отд. I. Кн. 3. С. 30–53.
[545] Всеподданнейший доклад военного министра от 11 августа 1900 г. // Материалы… Отд. I. Кн. 2. С. 59.
[546] Всеподданнейший доклад военного министра от 21 августа 1900 г. // Там же. Отд. I. Кн. 3. С. 59.

на Маньчжурском ТВД, в основных пунктах которого русские части уже находились. С другой, в виду нахождения значительной части войск округа за его пределами, были снижены возможности по отражению удара противника с моря по территории российского Дальнего Востока и, в первую очередь, Южно-Уссурийского края и устья р. Амур. Итак, сложившаяся ситуация давала некоторые военные козыри, но снижала вероятность достижения взаимоприемлемого компромисса между Россией и Японией дипломатическим путем.

Генерал Н.И. Гродеков прекрасно понимал, что успех Китайского похода 1900–1901 гг. был следствием не только чрезвычайного напряжения сил и возможностей Приам. в.о., но и слабостью противника. «Войск в округе оказалось, с началом военных действий, недостаточно. Из 27 полевых батальонов, 16 были назначены в распоряжение Командующего войсками Квантунской области, а для операций в Северной Маньчжурии и по обороне границ на первое время, оставалось всего 11 батальонов. При необычайном напряжении с нашей стороны[547] и неспособности противника к активным действиям, слабые числом батальоны округа, усиленные мобилизованными резервами и казачьими частями, не только отстояли пределы края, но и одолели врага, до прибытия подкреплений из других округов Империи. Однако для достижения успеха пришлось направить в Маньчжурию все полевые войска, а оборону округа против внешних покушений и охрану границ возложить на крепостные и запасные части, равно на само население»[548]. Воевать так с сильным противником, например Японией, не представлялось возможным. Поэтому общий вывод Н.И. Гродекова о ситуации, сложившейся в регионе после подавления Боксерского восстания был пессимистичен: «За демобилизацией и возвращением частей Десантного корпуса в Европейскую Россию, войска округа в составе неполных четырех стрелковых бригад, без достаточного числа конницы, должны занимать Маньчжурию и оборонять Уссурийский край. События на Дальнем Востоке возникают внезапно; поэтому нельзя поручиться, что войскам округа не придется одновременно бороться с Японией на Уссурийском и Маньчжурском театрах и сдерживать поползновения правящих сфер Маньчжурии к борьбе с нами и разрушению Китайской Восточной железной дороги. Недостаточность войск, при подобной обстановке уже нельзя будет заменить переброской их с одного театра на другой и обратно, как это делалось при борьбе с Китаем, ибо пути, связующие Маньчжурский и Уссурийский театры, далеко для этого не приспособлены, а ждать, пока мы, с значительной тратой времени, соберем отряд к угрожаемому пункту, деятельный противник не будет»[549].

---

[547] Например: за недостатком войск одни и те же части перебрасывались с одного угрожаемого пункта к другому за сотни верст железнодорожного и водного пути; для того, чтобы собрать 4 б-на [батальона. – Р.А.] в Харбинский отряд, пришлось брать войска из Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. – Прим. док.

[548] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 1а–1а об.

[549] Там же. Л. 1 об.

Глава 4. Русская армия на Дальнем Востоке в 1901–1904 гг. Второй этап подготовки к войне с Японией

4.1. Создание Дальневосточного Наместничества: проблемы управляемости и координации

Во время Китайского похода 1900–1901 гг., последующего вывода русских войск с территории Маньчжурии, а также сопровождавших оба эти процесса дипломатических переговоров и разного рода консультаций стало понятно, что на Дальнем Востоке требуется какое-то единовластие. Координировать действия Хабаровска и Порт-Артура по каждому, самому мелочному вопросу из Петербурга было затруднительно, при этом Е.И. Алексеев все время тянул одеяло на себя, и договориться двум сторонам становилось все сложнее. Летом 1902 г. Н.И. Гродеков, который был изначально против управления Квантуном из Хабаровска, подал императору прошение об увольнении со службы по «расстроенному здоровью», и 30 августа был назначен членом Государственного Совета. Были ли все чаще беспокоившие его почки единственной причиной этого решения[1] сказать сложно, но то, что он отчетливо понимал всю серьезность складывавшегося на Дальнем Востоке положения и фиксировал полное пренебрежение Петербурга к своим ходатайствам, сомнений не вызывает. Новым Приамурским генерал-губернатором и Командующим войсками Приам. в.о. 2 ноября был назначен Д.И. Субботич[2], ненавидевший Е.И. Алексеева.

В свою очередь император явно склонялся в пользу подчинения последнему управления всем российским Дальним Востоком. Ломка системы управления регионом, неплохо устоявшейся за четверть века (с 1884 г.) и вполне справлявшейся со стоящими перед ней задачами, продолжилась. 4 мая 1903 г. от Николая II Е.И. Алексееву была отправлена телеграмма[3]: «Имеется в виду сосредоточить в Вашем лице под Моим непосредственным руководством высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по всем ведомствам, поручаю Вам подготовиться к этой деятельности и наметить в крупных чертах форму, в которую это Ваше новое положение может быть обличено»[4]. Этим было положено начало процесса формирования Дальневосточного Наместничества. История его к настоящему

---

[1] Приказы войскам Приам. в.о. № 371 от 5 сентября и № 426 от 7 октября 1902 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001. С. 259–263.

[2] Приказ войскам Приам. в.о. № 525 от 3 декабря 1902 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[3] Она была получена в Порт-Артуре только 6 мая, так что в научной литературе используются обе даты, причем, чаще всего без всяких пояснений.

[4] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 869. Л. 2–2 об.; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

времени изучена достаточно хорошо[5], поэтому остановимся лишь на нескольких сугубо военных аспектах. В той же телеграмме Е.И. Алексееву было приказано «в минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами». Правда сами задачи, за исключением «решимости отстоять право России на исключительное влияние в Маньчжурии», так и не были точно сформулированы. Наметить необходимые меры Е.И. Алексеев должен был в Порт-Артуре совместно с А.Н. Куропаткиным[6].

17 июня 1903 г. военный министр прибыл в Порт-Артур, где встретился с Е.И. Алексеевым. Если верить дневниковым записям А.Н. Куропаткина, создания Наместничества адмирал не ожидал и в тот момент еще не был уверен, что готов к этому: «Относительно своей новой роли Алексеев высказал мне, что депеша Государя об объединении в его руках власти на Дальнем Востоке свалилась к нему, как снег на голову. Уже прошел месяц времени, а он все еще не может разобраться с мыслями: что из этого выйдет. […] Является опасение, что ему так много дадут власти в руки и так много дел, самых разнообразных придется ему решать, что он упустит все дела из рук своих, ничего толком не изучит и станет игралищем в руках других. Безобразов говорил ему, что понятие о всех делах Дальнего Востока обнимает собою и подчинение ему дел Приамурского военного Округа и Генерал-Губернаторства. С этим мнением Адмирал Алексеев никак согласиться не может; это будет превыше сил его. Нельзя сознательно руководить делами всех ведомств от Камчатки до Байкала и в другую сторону до Порт-Артура. Это будет более Кавказа, труднее Варшавского военного округа и Генерал-Губернаторства. В Приамурском округе уже 50 лет идет своя важная для России работа, идет успешно. Работа эта совершенно отлична от той, что ему придется вести в Маньчжурии. Нельзя соединять эти работы вместе. Затем его крайне тревожит вопрос: кто же будет у Государя докладчиком по всем делам, кои предполагается вверить ему – Алексееву? Он привык к определенному, законом установленному порядку течения сих дел и не видит надобности делать какую-либо ломку. Между тем то, что происходит, не может не тревожить его. В Зимнем Дворце отводится помещение для какой-то особой канцелярии. Безобразов не скрывает, что он стоит во главе этого нового учреждения. Что это значит? Неужели придется основывать новые Министерства по делам Дальнего Востока? Тревожит его и вторичное появление Безобразова в Порт-Артуре, окруженного свитою из 5 офицеров. Почему не 5-ти

---

[5] Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 507–526; Милежик А.В. Дальневосточное Наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: Дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 212 с.; Милежик А.В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903–1905 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 110–115; Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Дис. … докт. ист. наук. СПб., 2015. С. 327–387; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 358–398; Салогуб Я.Л. Правовой статус Наместника на Дальнем Востоке в законодательстве Российской империи (1903–1905) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 37–42 и др.

[6] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 869. Л. 2–2 об.; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

чиновников? Неужели Безобразов будет докладчиком и по военным делам?»[7]. Сложно сказать, насколько был искренен с военным министром Е.И. Алексеев, и насколько точно сам министр зафиксировал разговор. Важно, что последующие события полностью подтвердили правильность задаваемых будущим Наместником вопросов и высказываемых им опасений.

Возник и вопрос, кто будет председательствовать на предстоящих совещаниях. Сам А.Н. Куропаткин предложил, чтобы это был Е.И. Алексеев, «в виду особых полномочий, кои он получает и ответственности, которую на него возлагает Государь». Однако адмирал категорически отказался, указав, что содержание полученных им депеш секретно, а по закону он находится в подчинении военному министру, который к тому же старше его в чине[8].

Вопросам военного управления на Порт-Артурских совещаниях 18–28 июня внимания почти не уделялось. Лишь однажды А.Н. Куропаткин озвучил собственные планы по реформе системы военного управления в регионе. На заседании 18 июня, после обсуждения невозможности полного соблюдения договора 26 марта 1902 г. о выводе русских войск из Маньчжурии, и самих вопросов этого вывода, участники перешли к рассмотрению возможных последствий, к которым нужно готовиться, а именно: «осложнениям с Японией, Китаем и, может быть другими державами». Тогда, констатировав, что «надо выиграть время. Года два мы будем еще слабы на востоке. Надо особенно опасаться за Порт-Артур», А.Н. Куропаткин прочел участникам совещания из своего дневника предположения об усилении Квантунских войск, и образовании Маньчжурского в.о.[9]. Еще 9 мая 1903 г. он пришел к выводу, что если бы Квантун, Маньчжурию и Приам. в.о. объединили бы в один административный военный район, то главным пунктом этого района явился бы г. Харбин, который и должен был стать центром нового в.о.: «Дальнейшее усиление нашего положения на Дальнем Востоке по моему мнению вызовет необходимость образования нового военного округа, при чем Приамурский военный округ станет второлинейным подобно тому, как 38 лет тому назад стал второлинейным Оренбургский военный округ. Естественным центром сего округа является Харбин. Подходящим названием: Маньчжурский военный округ»[10]. Впрочем, дискуссия быстро ушла в сторону спора о цифре необходимого усиления войск в регионе и к обсуждению проекта создания нового в.о. на территории сопредельного государства участники совещания уже не вернулись. События на Дальнем Востоке развивались столь стремительно, что в военном ведомстве так и не успели приступить к детальной проработке этого проекта, однако Е.И. Алексеев озвученную мысль запомнил.

---

[7] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 245–247.
[8] Там же. Л. 247 об.
[9] Там же. Л. 249 об.–250.
[10] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 59–60.

В последний раз четверо основных действующих лиц Порт-Артурских совещаний[11] собрались 29 июня 1903 г. и адмирал Е.И. Алексеев попросил «обменяться мнениями по вопросу как понимать выражение “Дальний Восток”». По сути же он поднял вопрос о возможности управления из единого центра и сосредоточении в руках одного человека управления Приамурским генерал-губернаторством (с одноименным в.о.), Квантуном и Маньчжурией, что казалось ему самому абсолютно невозможным. Будущий Наместник на ДВ полагал, что это столь различные территории как географически, так и по задачам, стоящим перед администрацией, что «присоединение к новому району и Приамурского Края будет не выгодно для дел Дальнего Востока и особенно не выгодно для Приамурского Края. Особые от Маньчжурии задачи, сложные, требующие настойчивой, мелочной, но авторитетной работы. […]. Деятельность Казачья. Три войска. Очень важна деятельность военная. Нельзя соединить в одном районе пространство от Байкала до Камчатки в одну сторону и до Порт-Артура в другую»[12]. Не нравилось все это Е.И. Алексееву и с т.з. чисто бюрократической: «Личность Главного Начальника будет вся уничтожена. Дел знать не будет. Потребуется создать огромные органы и личность главного Начальника умалится»[13].

Статс-секретарь А.М. Безобразов, продавивший создание Наместничества, тут же заявил, что вопрос этот не подлежит обсуждению, однако был резко осажен Е.И. Алексеевым: «Это не есть совещание. Это обмен мнений. Вопрос бесконечно важный. Мне надо знать ваши мнения. Государь скажет: почему Алексеев не воспользовался случаем знать мнения и по этому вопросу членов Совещания. Журнала, повторяю, не будет. Будет обмен мнений»[14]. Из высказанного А.М. Безобразовым присутствующим стало понятно, что его интересуют главным образом не права Наместника, а свои собственные права «как посредника между Государем и этим Наместником» в рамках создаваемой системы управления, однако как все будет организовано участники совещания так и не поняли[15]. Поэтому какого-то внятного мнения о желательном направлении реформирования не только военного, но даже гражданского управления на Дальнем Востоке на этом совещании сформулировано не было.

В результате, указ Сенату «Об образовании из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области особого наместничества» Николай II подписал только 30 июля 1903 г.[16], причем А.Н. Куропаткин, если верить его дневнику, узнал об этом на следующий день, когда к нему в канцелярию вошел С.Ю. Витте со свежим номером «Правительственного вестника»,

---

[11] А.Н. Куропаткин, Е.И. Алексеев, А.М. Безобразов и К.И. Вогак.
[12] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 272–273.
[13] Там же. Л. 272 об.
[14] Там же. Л. 273. Журнал этого «обмена мнениями» действительно не готовился и не сохранился, см.: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 874.
[15] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 273–273 об.
[16] Именной Высочайший указ от 30 июля 1903 г., данный Сенату Об образовании из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области особого наместничества // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23319.

с публикацией соответствующего указа. Военный министр констатировал, что весь Приамурский край был передан под управление Е.И. Алексеева с изъятием всей гражданской части из ведения министерств. Оба министра понимали, что для «вступления в должность наместника не по существу, а по форме», у Е.И. Алексеева нет ни органов, ни лиц, которые были безусловно необходимы для управления такой огромной территорией[17]. А поскольку в п. 4 указа значилось: «Наместнику вверить командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками»[18], что Николай II решил без обсуждения с военным министром, то первой реакцией А.Н. Куропаткина на произошедшее было «снова поставить вопрос о доверии и, вероятно, оставить пост военного министра»[19]. Тем более, что создание Наместничества определенно ставило крест на озвученной им в Порт-Артуре идее Маньчжурского в.о. с центром в Харбине.

Разговор А.Н. Куропаткина с императором состоялся на следующий день. На вопросы министра о деталях принятия решения по созданию Наместничества Николай II не ответил, приказал подготовить особый приказ по военному ведомству о подчинении Е.И. Алексееву войск Приам. в.о., указав при этом, что военный округ сохранится и что будет отдан приказ и по морскому ведомству, а отставку спустил на тормозах, разрешив А.Н. Куропаткину испрошенный им двухмесячный отпуск[20]. Мнение Командующего войсками Приам. в.о. Д.И. Субботича вообще не запрашивали. Это было одним из принципиальных отличий периода правления Николая II от эпохи Александра II и Александра III, когда при любых обсуждениях вопросов связанных с системой административно-территориального деления и управления территориями Восточной Сибири и Дальнего Востока, сначала запрашивалось мнение с мест, и только после его получения в столице начиналась разработка проблемы. Более того, итоговые проекты предположенных преобразований еще и посылали на места «на заключение». В этом отношении манера управления последнего российского императора была существенным шагом назад, по сравнению с процедурой, принятой при его предшественниках, и способствовала определенной разбалансировке системы управления периферийными территориями империи.

Разговор А.Н. Куропаткина с Николаем II продолжился 19 августа, когда уже стало известно о продолжении конфликта Е.И. Алексеева и Д.И. Субботича[21], который на этот раз, в знак протеста против подчинения Приамурского генерал-губернаторства и одноименного в.о. Наместнику на ДВ, подал в отставку с поста генерал-губернатора и Командующего войсками

---

[17] Запись 1 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17. // КА. 1922. Т. 2. С. 45.
[18] Именной Высочайший указ от 30 июля 1903 г. … // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23319.
[19] Запись 1 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17. // КА. 1922. Т. 2. С. 45.
[20] Запись 4 августа 1903 г. // Там же. С. 46–50.
[21] Запись 19 августа 1903 г. // Там же. С. 57.

округа[22]. Военный министр «попросил указания, какой случай государь признает наиболее желательным: уничтожение Приамурского военного округа и Квантунской области и подчинение всего района Дальнего Востока непосредственно наместнику или оставление Приамурского военного округа и Квантунской области как они есть, с подчинением Командующего войсками наместнику, с придачею ему высших прав за счет Петербурга…». Николай II указал на первый вариант[23], но впоследствии, после консультаций с прибывшим в Петербург Е.И. Алексеевым и благодаря настойчивости А.Н. Куропаткина, был реализован, как меньшее из двух зол, именно второй вариант, тоже санкционированный Николаем II.

23 августа 1903 г. был отдан приказ, по которому «впредь до выработки положения об управлении областями Дальнего Востока, установить подчинение войск и учреждений военного ведомства Приамурского военного Округа Наместнику Его Императорского Величества на Дальнем Востоке»[24]. Этот документ сильно ограничивал права и полномочия командования и штаба Приам. в.о., создав между Хабаровском и Петербургом ненужную промежуточную инстанцию в виде Порт-Артура[25]. Только после этого, 15 сентября 1903 г., в ПВВ была объявлена копия указа о создании Наместничества ЕИВ на ДВ[26]. А поскольку борьба между различными группировками на этом не кончилась, то 21 сентября по военному ведомству было объявлено, что 10 сентября Николай II повелел, «чтобы текущие дела по областям, подведомственным Наместнику Его Величества на Дальнем Востоке, за

---

[22] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 376; Список генералам по старшинству. Составлен по 1 января 1904 г. … С. 387.

[23] Запись 19 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17. // КА. 1922. Т. 2. С. 57.

[24] ПВВ № 318 от 23 августа 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903. Военный министр А.Н. Куропаткин ошибочно указал в дневнике, что Николай II «одобрил приказ о порядке подчинения ген.-адм. Алексееву войск Приамурского военного округа» 30 августа 1903 г., во время последнего перед упомянутым выше отпуском доклада военного министра императору. В этот день Николай II утвердил расположение одной бригады 2-го Сибирского корпуса в Южной Маньчжурии. Запись 31 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18. // КА. 1922. Т. 2. С. 72–73.

[25] «1. Изъять из подчинения Командующему войсками Приамурского военного Округа войска и учреждения военного ведомства, расположенные в пределах Маньчжурии, объединив их в одном военном управлении с войсками Квантунской области. 2. Сохранить Командующему войсками Приамурского военного Округа права и обязанности Войскового Наказного Атамана Приамурских казачьих войск и Главного Начальника неотдаленного военного округа, за изъятиями, указанными в нижеследующих пунктах. 3. К ведению Наместника отнести наиболее важные вопросы, касавшиеся боевой готовности войск Приамурского военного Округа, а именно: численный состав войск, организацию высших войсковых единиц, дислокацию войск и полковых штабов включительно, формирование новых войсковых частей, учреждение новых крепостей и укреплений, утверждение нового мобилизационного росписания Округа, формирования военного времени, оперативные планы и степень обеспечения частей войск по военному времени. 4. По всем вопросам, перечисленным в предыдущем пункте, Командующий войсками Приамурского военного Округа сносится с Военным Министерством не иначе, как через Наместника; по прочим же вопросам Наместнику предоставляется общее наблюдение. 5. Командующий войсками Приамурского военного Округа представляет Наместнику донесения – внесрочные о чрезвычайных происшествиях и срочные по вопросам, перечисленным в пункте третьем, годовой отчет по Округу, все сведения которые Наместник признает нужным потребовать. 6. Всеподданнейшие отчеты по Приамурскому военному Округу и Квантунской области представляются Наместником. 7. Представления о замещении должностей командиров полков и высших, а равно все аттестации и представлении о производстве, наградах, увольнениях в отпуск свыше двух недель на чинов, пользующихся правами начальников дивизий и выше, представляются Командующим войсками Приамурского военного Округа Наместнику…». ПВВ № 318 от 23 августа 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.

[26] Характерно, что в приказе была допущена ошибка – датой Указа Правительствующего сената было указано не 30 июля, а 1 сентября 1903 г. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Военному Министру от 1 сентября 1903 г. (копия). Приложение к ПВВ № 337 от 15 сентября 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.

исключением дел принципиального значения, впредь до утверждения и введения в действие положения о Наместничестве, решались Министерствами и Главными Управлениями на прежнем основании, дела же важного для края значения представлялись местными начальствами Наместнику»[27].

Тем же летом 1903 г. была учреждена должность коменданта крепости Порт-Артур, совмещенная с должностью помощника Командующего войсками Квантунской области[28], 4 октября 1903 г. был наконец сформирован Штаб крепости Порт-Артур[29]. 17 сентября Е.И. Алексеев телеграфировал А.Н. Куропаткину, что настоятельно необходимо усиление состава Штаба Квантунской области который следует преобразовать по образцу штабов пограничных военных округов. «Но принимая во внимание что имевшиеся помещения не допускают сразу такого значительного развития штаба казалось бы возможным ограничиться введением ныне переходного штата с добавлением к прежнему должности Помощника Начальника штаба и военно-дорожного отделения». На этих основаниях в Порт-Артуре был выработан особый проект, который Е.И. Алексеев представил А.Н. Куропаткину с просьбой о содействии, чтобы этот проект как можно быстрее был рассмотрен Военным Советом, а лучше введен в действие «Высочайшим соизволением… впредь до выработки положения об управлении областями Дальнего Востока»[30].

29 октября А.Н. Куропаткин запросил: «В виду ходатайства об усилении штаба Квантунской области и предположения учредить штаб Наместника, благоволите уведомить, когда возможно ожидать внесение общего представления об устройстве военного управления на Дальнем Востоке и не признаете ли возможным рассмотреть одновременно вопрос об усилении штата штаба области, ограничившись пока, по финансовым соображениям, прикомандированием к этому штабу необходимого числа лиц из состава войск и окружных Управлений, находящихся в Наместничестве»[31].

Адмирал Е.И. Алексеев ответил: «Если расширение теперь же областного штаба и учреждение особого штаба при мне по должности Наместника встречает затруднение по финансовым соображениям, я согласен выполнить то и другое путем прикомандирования офицеров из других мест службы, но считаю невозможным ведение переписки по военному управлению Наместничества и по военно-окружному управлению Квантунской области в одном и том же штабе, почему поддерживаю ходатайство об утверждении временного штата штаба Наместника хотя бы без новых расходов для казны. Равным образом считаю

---

[27] Высочайшее повеление 10 сентября 1903 г., объявленное министром внутренних дел О временном порядке решения дел по областям, подведомственным Наместнику Его Императорского Величества на Дальнем Востоке // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23413; ПВВ № 351 от 21 сентября 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.
[28] ПВВ № 236 от 25 июня 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.
[29] ЦГШ № 267 от 1 декабря 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903.
[30] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 114. Л. 8–8 об.
[31] Там же. Л. 38.

совершенно необходимым чтобы отсрочка в расширении штата областного штаба отнюдь не задержала обеспечения его новыми помещениями, надобность в которых во всяком случае возникнет. Составление проекта положения о военном управлении областей Дальнего Востока заканчивается, проект будет внесен не позже начала декабря»[32].

В итоге штат Временного военного штаба Наместника на ДВ был Высочайше утвержден 16 ноября. Документ ввели в действие впредь до окончательной разработки Положения об управлении областями Дальнего Востока[33]. Разработка штата велась в преддверии подготовки впоследствии отмененной поездки Е.И. Алексеева в Петербург, в связи с чем предполагалось предать этому органу «значение походной канцелярии, впредь до утверждения другого, более полного штата, приложенного к проекту временного Положения о военном управлении в Наместничестве Дальнего Востока, что ожидалось в сравнительно непродолжительном времени». Оба документа Е.И. Алексеев собирался лично представить Николаю II. Однако, в связи с резким обострением внешнеполитической ситуации, в столицу он не поехал, а его штаб остался при первоначальном, сокращенном штате[34].

Категорическим противником объединения в одно военно-административное образование Приам. в.о. и Квантунской области был полковник (с 27 августа 1903 г. – генерал-майор) В.Е. Флуг, начальник штаба Квантунской области, а затем и начальник Временного штаба Наместника, автор практически всех планов войны с Японией и Китаем, разработанных в Порт-Артуре с 1898 по 1903 г. Прекрасно понимая, что штаб в Порт-Артуре не может заменить штаб в Хабаровске с его кадрами и обширным архивом, а для командования Приам. в.о. Наместничество, в которое теперь придется посылать все направляемые в Петербург бумаги – это «пятое колесо в телеге», максимум, что он допускал, это включение в состав Наместничества Южно-Уссурийского края, откуда в Порт-Артур должны были перебрасывать подкрепления, и Владивостока[35]. Однако его мнение тоже было проигнорировано, и ему пришлось принять непосредственное участие в создании военной составляющей управления Наместничества на ДВ, и в первую очередь – в разработке проекта «Положения о военном управлении областями Дальнего Востока». «Положение…» разрабатывалось в Порт-Артуре практически одновременно с документацией по созданию нового, Квантунского в.о. Каких-либо данных о возможных консультациях по этому вопросу «квантунцев» с командованием Приам. в.о. в Хабаровске, обнаружить не удалось.

14 декабря А.Н. Куропаткин запросил у Е.И. Алексеева для правильной оценки разрабатываемого «Положения о военном управлении Наместничества», где предполагается

---

[32] Там же. Л. 39.
[33] Высочайшее повеление от 16 ноября 1903 г., объявленное Военным Министром Об учреждении Временного Штаба Наместника на Дальнем Востоке // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23535; ПВВ № 434 от 24 июля 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.
[34] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27305. Л. 123.
[35] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока… С. 376.

расположить резиденцию Наместника и на основании штатов какого округа разрабатываются штаты для Квантунского в.о. Из Порт-Артура ответили, что центром округа должен стать г. Харбин, а место пребывания Наместника «на первое время, принимая во внимание удобство внешних сношений и управления морскими силами, полагал бы оставить в Артуре» для экономии помещений. Штаты нового округа, и предположенного к реформированию Приамурского, в штабе Наместника еще разрабатывались[36]. В итоге, весь проект «Положения…» был целиком подготовлен исходя из одной единственной цели – войны с Японией, с таким расчетом, чтобы еще в мирное время максимально подготовить систему военного управления к развертыванию ее на случай войны и адаптировать к Дальневосточному ТВД, дислокации войск и планам их сосредоточения. В объяснительной записке к проекту прямо указывалось: «В основание проекта положен принцип, что организация мирного времени должна быть приурочена к потребностям военного времени. Потребности же последнего вытекают из политической обстановки Дальнего Востока, по которой нашим наиболее вероятным противником здесь является Япония или коалиция, в которой главная роль будет все-таки принадлежать Японии»[37]. Основным районом расположения и операций русских войск в предстоящей войне считались Квантунская область и Маньчжурия с тяготением к южной ее части, войска Уссурийского края рассматривались как заслон, обеспечивающий безопасность сообщений этой группировки слева, и резерв; «такую же роль стратегических резервов по отношению к действующему Корпусу исполняют войска расположенные в Забайкальской и Амурской областях».

Из этого следовало, что войска расположенные в Квантунской области и вдоль КВЖД, «должны еще в мирное время быть объединены под общим начальством того лица, которое в военное время станет во главе их как командир отдельного корпуса, другими словами, они должны составить один военный округ, который можно назвать Квантунским. Этот проектированный военный округ обладает всеми свойствами передового, пограничного военного округа; по отношению к нему Приамурский является базой или тыловым, резервным округом, который только в исключительных случаях может стать сам театром войны. Такое объединение Квантунской области и Маньчжурии в один военный округ является совершенно естественным и по условиям географическим и политическим; в этот же округ войдет целиком, как основной коммуникационный путь, и вся Китайская Восточная железная дорога с ее охраной, которую дробить в административном отношении было бы неудобно. Оба эти округа, Приамурский и Квантунский, объединяются под властью Наместника, который в военное время вступает в права Главнокомандующего армии».

---

[36] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 12–13 об.
[37] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 250.

Таким образом, вследствие вспомогательного значения Приам. в.о. по отношению к Квантунскому в.о., «казалось бы, что возможно было бы в военное время первый из них подчинить Командующему войсками второго на правах Командующего армией, не создавая особой должности Главнокомандующего и совместив в мирное время должности Главного Начальника Квантунского военного округа с должностью Наместника на Дальнем Востоке. Но такое решение вопроса на практике оказалось бы во многих отношениях неудобным. Если совмещение в одном лице обязанностей 1) Главного Начальника Квантунской Области, 2) Командующего войсками в этой области расположенными и 3) Командующего морскими силами Тихого Океана уже требовало от лица исполняющего одновременно эти должности особой энергии и редкого трудолюбия, соединенных с неутомимостью и крепким здоровьем, то можно с уверенностью сказать, что исполнение одновременно обязанностей Наместника всех областей Дальнего Востока, Командующего войсками проектированного Квантунского военного округа и Командующего Морскими силами, окажется для одного лица совершенно непосильным. А так как от Высочайше возложенных на Наместника обязанностей по гражданской и морской части ничего убавить нельзя, то остается только определить круг прав и обязанностей его по военному управлению таким образом, чтобы на Наместнике означенное управление оставалось лишь в высшем отношении, без обременения его большинством дел восходящих до Главных Начальников военных округов; результатом этого является необходимость сохранения должностей Командующих войсками Приамурского округа и Квантунской области, с соответственным расширением района последнего на счет первого»[38].

В военное время Наместник, в распоряжении которого должно было оказаться в общей сложности 9 армейских корпусов, вступал в права Главнокомандующего. Причем независимо от административных соображений, необходимость в полномочиях Главнокомандующего могла возникнуть и до прибытия на Дальний Восток сибирских и европейских подкреплений, в случае если военные действия начались бы одновременно на Южно-Маньчжурском и Южно-Уссурийском театрах, а также в случае войны против коалиции из Японии, Англии и Китая. Поэтому права и обязанности Наместника в военное время определялись статьями «Положения о полевом управлении войск», касающимися должности Главнокомандующего армией. В мирное время, «имея ввиду изъятие управления наместничеством из ведения министерств, с непосредственным подчинением Верховной власти» его права определялись статьями СВП относительно военного министра. На том же основании при Наместнике должно было состоять особое учреждение с правами Военного Совета. Сверх того, Наместнику оказалось необходимым «предоставить права исключительно присвоенные должности Главного Начальника отдаленного военного округа, каковые права от

[38] Там же. Л. 252–253.

Командующих войсками Приамурского и Квантунского военных округов изъемлются, так как нахождение на месте власти высшей, чем власть Командующего войсками округа делает излишним предоставление последней должности каких-либо исключительных прав»[39].

Должности помощника Наместника по военной части и начальника его штаба предполагалось совместить, поскольку начальник Штаба, как по своему служебному положению, так и близости к делам управления, являлся лицом достаточно авторитетным и компетентным для замещения Наместника в делах военного управления в случае его отсутствия или болезни[40]. Причем в случае отсутствия Наместника, его помощник, для сохранения единства управления, принимал на себя и командование морскими силами, а чтобы он был к этому готов, предполагалось его присутствие при всех докладах начальника Морского штаба Наместнику. «Чтобы не обременять Помощника Наместника (он же Начальник военного штаба Наместника) мелочами штабного делопроизводства, устанавливается правило, что в мирное время доклады Наместнику делаются лично Начальником штаба только в тех случаях, когда Наместник признает это нужным; как общее-же правило установлено, что доклады делаются Начальниками управлений штаба, в присутствии Начальника штаба.

В военное время Помощник Наместника вступает в должность Начальника штаба Главнокомандующего сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, причем согласно с духом Положения о полевом управлении войск, установлено, что в этом случае: 1) в подчинение Начальника штаба переходит и Морской штаб под названием морского управления Штаба Главнокомандующего, 2) что Начальник Штаба является единственным докладчиком Главнокомандующего по вопросам направления военных действий, 3) что доклады по другим делам, восходящим до Главнокомандующего могут быть, с разрешения последнего, делаемы и Начальниками управлений штаба в присутствии Начальника Штаба, но только в тех случаях, когда Начальник штаба сам найдет это нужным».

В военное время Штаб Главнокомандующего формировался по 1 штату объявленному в “Положении о полевом управлении” с некоторыми изъятиями и с добавлением Морского управления. В мирное время Штаб Наместника предполагалось содержать в составе лишь двух управлений: генерал-квартирмейстера и дежурного генерала, причем с значительными сокращениями против военного штата. Железнодорожного отдела, по ограниченному числу имевшихся железнодорожных линий, признано было возможным вовсе не содержать[41].

Вообще же, положение было рассчитано на то, что «военное управление Наместничества, будучи органом власти в высшем отношении, настолько приурочено к

---

[39] Там же. Л. 253.
[40] Там же. Л. 254.
[41] Там же. Л. 255–256.

потребностям военного времени, что при наступлении последнего переходит целиком в штаб Главнокомандующего»[42]. Поэтому никаких импровизаций, вроде прибытия на ТВД постороннего командующего армией со своим штабом, как это было сделано А.Н. Куропаткиным в 1904 г. оно не предусматривало.

По доставлении этих документов в столицу, раздраженный их содержанием военный министр 23 декабря 1903 г. докладывал Николаю II о невозможности изъять войска Дальнего Востока из ведения Военного министерства: «Сочинили там удивительный проект. Говорили, что дела законодательные и дела денежные, сметные должны во всяком случае доходить до Петербурга и проходить через главные управления и Военный совет. Что они не могут на Дальнем Востоке иметь свою смету. Что иначе им придется создать массу учреждений. […] Сегодня же я разбирал в общих чертах присланный адм. Алексеевым проект устройства военного управления на Дальнем Востоке. […] Действительно, и ныне Дальний Восток стоит непомерно дорого, а Алексеев (Флуг, Волков и компания) хотят взвинтить это дело до абсурда. Так, над двумя корпусами войск в настоящее время мы имеем: Приамурский округ, который стоит 510.000 р.; Квантунскую область, которая стоит 260.000. Они хотят Квантунскую область развить в Квантунский военный округ, который будет стоить тоже 510.000 р. и кроме того, штаб наместника будет стоить 412.000. Всего требуют 81 генерала, из коих строевых только 23. По одному генералу будет на каждый батальон. Государь высказал мысль, что может быть, Алексееву можно будет скоро приехать в Петербург, и тогда многие недоразумения рассеются»[43].

О том, что управление столь огромной территорией, при крайне слабо развитой инфраструктуре транспорта и связи, действительно требовало распыления административных органов, а идея создания Квантунского в.о. по сути была адаптацией к реально сложившейся обстановке куропаткинского же проекта создания нового Маньчжурского в.о. с центром в Харбине, предположение о создании которого военный министр озвучил на первом Порт-Артурском совещании 18 июня 1903 г.[44], А.Н. Куропаткин умолчал. В результате, еще раз ломать систему военного управления дальневосточными территориями империи, так толком и не налаженную после 1898 г. (создание Дальневосточного Наместничества в 1903 г. лишь усугубило ситуацию), за несколько месяцев до начала войны все-таки не стали. В то же время штаты военной составляющей Наместничества так и не были усилены.

В результате, в январе 1904 г. объем срочной работы по армейской части был уже такой, что Е.И. Алексеев просто перестал с ней справляться. 12 января он телеграфировал А.Н. Куропаткину: «Настоящее положение на Дальнем Востоке, требующее крайнего напряжения

---

[42] Там же. Л. 254 об.
[43] Запись 23 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19. // КА. 1922. Т. 2. С. 97–98.
[44] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 59 об.–60; ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 249 об.–250.

работы почти по всем отделам управления, вызывает во избежание излишней централизации, необходимость предоставить подчиненным органам управления возможно большую самостоятельность» (с которой он прежде активно боролся), прося разрешение предоставить ему право передавать временное право командования войсками Квантунской области и находящимися в Маньчжурии, своему помощнику генерал-лейтенанту В.С. Волкову. Военный министр запросил мнение Е.И. Алексеева о передаче управления войсками в Маньчжурии Командующему войсками Приам. в.о., чтобы собрать в одних руках управление всей предположенной к развертыванию в случае начала войны с Японией Маньчжурской армией, а В.С. Волкову – только в Квантунской области[45]. Однако Наместник признал это затруднительным, т.к. это приведет к параличу и так едва налаженного управления. «Поэтому, – настаивал Е.И. Алексеев, – сознавая вполне ненормальность настоящего переходного порядка, при котором командование войсками одного округа в военное время переходит к главному начальнику другого, при чем этот последний округ по отношению к первому даже не составляет тылового района, я не вижу другого выхода из этого положения, как оставление существующего порядка с расширением лишь прав генерал-лейтенанта Волкова»[46]. В тот же день был закончен доклад В.Е. Флуга, о том, что «переживаемое ныне нами тревожное время вызвало столь напряженную деятельность Временного Штаба», что она является «почти непосильною настоящему ее составу». Это подтверждалось и данными о штабной переписке за 1903–начало 1904 г. (См. Табл. 4).

Таблица 4

Штабная переписка штаба Квантунской области и временного военного штаба Наместника на ДВ за 1903–начало 1904 г.

1903 г. (с 24 августа)		
Общая переписка	Номеров	
	входящих	исходящих
Областной штаб	6932	6045
Временный Штаб	2012	1685
секретная		
Областной штаб	230	573
Временный Штаб	590	619
1904 г. (до 20 января)		
Общая переписка		
Областной штаб	703	690
Временный Штаб	406	343
секретная		
Областной штаб	178	240
Временный Штаб	314	276

Ист.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27305. Л. 123–124 об.

[45] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 84–85 об.
[46] Там же. Л. 86–86 об.

В связи с этим начальник временного штаба Наместника докладывал Е.И. Алексееву:

«1. уступая по количеству общей переписки, Временный Штаб, при своем весьма ограниченном составе, значительно превышает Областной Штаб по количеству секретной переписки, имеющей наибольшую важность и наиболее трудной в исполнении, так как большинство сношений производится телеграммами, которые по содержанию их необходимо или дешифровать или шифровать.

2. Деятельность Временного Штаба, вообще весьма ответственная и сложная, чрезвычайно развивается, особенно в последнее время (за 20 дней января – 1339 номеров) и есть основание полагать, что в будущем она возрастет еще более.

Изложенные обстоятельства вынуждают меня вновь просить ходатайства Вашего Высокопревосходительства о расширении уже существующего штата Временного Штаба согласно прилагаемого при сем проекта, в основание которого положены следующие соображения:

1) В виду чрезвычайного разнообразия и сложности текущей переписки в настоящее время представляется необходимым образовать в Штабе 2 самостоятельных Управления – Генерал-Квартирмейстера и Дежурного Генерала, деятельность которых объединилась бы общим руководством Начальника Штаба.

2) В силу современных условий Временному Штабу признается необходимым придать организацию, которая допускала бы возможность быстрого переформирования его, в случае надобности, в Штаб Главнокомандующего, тем более, что и в настоящее время характер выполняемой им переписки близко подходит к этой деятельности. При сем докладываю, что детальные данные проектируемого штата заимствованы из штата, приложенного к временному Положению о военном управлении в Наместничестве Дальнего Востока, почему переформирование его […], если таковое удостоится Высочайшего утверждения, также будет значительно облегчено. Переформирование Временного Штаба вызовет дополнительный расход, по расчету на одно полугодие в размере 25.052 руб. 11 коп.»[47]. 23 января Е.И. Алексеев написал на докладе: «Согласен. Снестись с Воен. Министром»[48].

Таким образом, и Наместник Е.И. Алексеев, и начальник его временного штаба В.Е. Флуг фактически признали, что внесенные в систему военного управления на Дальнем Востоке за 1898–1903 гг. колоссальные, но совершенно непродуманные изменения привели к ее полной разбалансировке и работе в режиме постоянной перегрузки и с трудом управляемого хаоса. Наладить же работу до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. уже

---

[47] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27305. Л. 123–124 об. К докладу прилагались: Проект штата Временного Штаба Наместника ЕИВ на ДВ, проект временного штата штаба Наместника на ДВ, список офицерам прикомандированным к Временному штабу Наместника ЕИВ и расчет расходов, вызываемых переформированием Временного штаба Наместника ЕИВ на ДВ. Там же. Л. 125–131.

[48] Там же. Л. 123.

не было ни времени, ни возможностей.

Система была не только не отлажена, но и не сформирована до конца, а значит в принципе не могла работать эффективно. Задач было поставлено множество, но достаточного количества необходимых для их решения специалистов не имелось. Большинство новых органов военного управления в той или иной степени выпадали из существовавшего в империи правового поля и военно-бюрократической традиции. Четкие рамки и правила их взаимодействия со «старой» частью системы военного управления, уже существовавшей к 1898 г. и, прежде всего, Приам. в.о., не были не только четко определены, но и до конца понятны участникам процесса, что усугублялось личными конфликтами. Сформированные и функционировавшие во временном или полувременном варианте, без достаточных и окончательно утвержденных штатов, с нечетко очерченными правами и полномочиями, при постоянном недостатке необходимых для работы ресурсов (как информационных, так и материальных, в т.ч. бумаги), они несли на себе такой же отпечаток противоречивости, как и вся дальневосточная политика Российской империи в 1895–1904 гг. И если Наместник и получил огромные права, то точно – не возможности для их реализации. Ему поручили вести переговоры с Японией, но не прислали достаточного количества сотрудников, имевших необходимый опыт дипломатических переговоров с Азиатскими странами, и не дали разрешения идти на серьезные уступки (решение о которых принималось лично Николаем II), без чего с оппонентом невозможно было договориться. Во Временный штаб Наместника поступали донесения от всех русских военных агентов в Китае, Корее и Японии, а также копии депеш аккредитованных в этих странах русских дипломатов, но не было ни управления, ни даже должности генерал-квартирмейстера, т.е. подразделения и человека, непосредственно отвечающего за систематизацию, анализ и обобщение поступающих разведданных. Более того, сделанным на основе этих данных выводам в Петербурге не верили несмотря на то, что сами получали те же донесения, а практически аналогичные выводы поступали и из штаба Приам. в.о., получавшего в копиях значительную часть той же самой корреспонденции. Наместнику были предоставлены широчайшие полномочия в военной сфере, но все его ходатайства о необходимости усиления войск в регионе и начала непосредственной подготовки к войне с Японией, которая признавалась им неизбежной как минимум с сентября 1903 г., почти полностью блокировались до 3 января 1904 г. А.Н. Куропаткиным. Это дало возможность японцам практически завершить непосредственную подготовку к войне с Россией еще до того, как русский военный министр признал возможным такую подготовку начать. Аналогичным образом, Временному штабу Наместника поручили подготовку плана войны с Японией, хотя большая часть материалов, необходимых для его разработки находилась в архиве Окружного штаба Приам. в.о. в Хабаровске. Использовать этот план для предотвращения возможных

внезапных действий со стороны Японии, т.е. проявить хоть какую-то инициативу, чтобы усложнить жизнь противнику, без разрешения Петербурга тоже было категорически запрещено.

В целом же, создание сначала Квантунской области, а затем и Дальневосточного Наместничества привело к «чудовищной ломке» не только внешней политики (с необратимыми последствиями для русско-японских переговоров), на что неоднократно указывали исследователи[49], но и оборонной политики империи в регионе, частичной потере управляемости, а значит – и обороноспособности российского Дальнего Востока как раз накануне начала войны с Японией.

4.2. Усиление обороноспособности в 1901–ноябре 1903 гг.: стратегические просчеты и тактические ошибки

В период между окончанием Китайского похода 1900–1901 гг. и началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. процесс усиления обороноспособности российского Дальнего Востока проходил в чрезвычайно сложных внешне- и внутриполитических условиях. Из-за войны в Китае все три плана усиления войск слились при исполнении в единое целое, поскольку в 1900 г. начали реализовывать даже то, что по последнему плану было отнесено на 1902 г. До начала мобилизации успели провести лишь часть мероприятий запланированных на 1900 г. Остальные, в т.ч. и планировавшиеся на 1901–1902 гг. реализовывали уже во время мобилизации, военной кампании и демобилизации. В то же время не только усилились дискуссии между командованием Приам. в.о. и Военным министерством, начавшиеся еще в середине 90-х гг. XIX в., но теперь спорили еще и командование Квантунской области, впоследствии Наместничество на ДВ, с Военным министерством и командованием Приам. в.о., а также все три структуры – с группой А.М. Безобразова. Постоянная неопределенность внешнеполитической линии не давала военным возможности прийти к какому-либо решению и проводить его в жизнь, как это делали в Японии[50].

Если в 1898–1899 гг. военный министр А.Н. Куропаткин все время оказывался между двух огней – Командующий войсками Приам. в.о. требовал от него усиления войск, а министр финансов – сокращения военных расходов, то в 1901–1903 гг. ситуация намного усложнилась.

---

[49] Подробнее см.: Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. Т. 4. М., 2018. С. 152–164; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 528–571; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. С. 261–324; Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики. Под. ред. В.А. Золотарева. М., 1994. С. 463–507; Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М., 2012. С. 519–535.

[50] Подробнее о подготовке Японии к войне в военном отношении см.: Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток, 2009. С. 10–54; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне. М., 2003. С. 135–143; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне. Военные аспекты // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 38–61; Он же. По следу эскадры З.П. Рожественского. Японская военно-морская разведка в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Пер. с яп. М.–СПб., 2018. С. 27–44, 54–74.

На Дальнем Востоке нарастали опасения за безопасность и прежних, и новоприобретенных территорий. В результате усиления войск и крепостей от А.Н. Куропаткина требовал не только Командующий войсками Приам. в.о., но и Командующий войсками Квантунской области, а затем Наместник Е.И. Алексеев, а с начала лета 1903 г. – еще и А.М. Безобразов. При этом бюджетные ограничения никуда не делись даже с отставкой С.Ю. Витте в 1903 г.

18 марта 1901 г., в самый разгар переговоров с Японией и Китаем по Маньчжурии[51], русский посланник в Японии А.П. Извольский зафиксировал не только возбуждение общества, но и закупки угля для ВМФ. 28 марта информацию подтвердил русский военный агент в Японии[52]. Еще 25 марта начальник Главного штаба генерал-лейтенант В.В. Сахаров телеграфировал Е.И. Алексееву: «В виду неспокойного отношения Японии к нашему соглашению с Китаем, военный министр приказал передать, чтобы были приняты […] меры для приведения Владивостока в готовность на случай необходимости дать отпор японскому флоту и десанту, но надлежит это сделать с полною осторожностью, дабы какими-либо мерами не усилить возбуждения в Японии. Военный министр находит целесообразным усилить гарнизон Порт-Артура и подготовить к нему сосредоточение всей третьей стрелковой бригады. […] Рекомендуется величайшая осторожность и сдержанность, дабы не обострять отношений». Аналогичную телеграмму отправили в Хабаровск Н.И. Гродекову, который ответил, что Япония к войне уже готова, а мы – нет, и запросил разрешение сосредоточить части 1-го Сиб. АК в районе Никольска для защиты Уссурийского края и Владивостока[53].

28 марта 1901 г. ответил уже Е.И. Алексеев, что «принимая во внимание всегдашнюю значительную боевую готовность ее сухопутных и морских сил, Японии не потребуется больших подготовительных мер, для начатия активных действий, которые могут последовать почти внезапно». На основании этого он признал необходимым принять ряд мер по приведению укреплений Порт-Артура в скорейшую готовность для обороны, изменив для этого порядок производимых на батареях работ. В виду вызываемых таким изменением излишних расходов он испросил указаний А.Н. Куропаткина[54]. В тот же день он телеграфировал о необходимых мерах и управляющему Морским министерством[55].

31 марта Н.И. Гродеков и Е.И. Алексеев, вместо ответа получили от В.В. Сахарова указание, что «общее политическое положение на крайнем Востоке представляется столь мало устойчивым, что каждую данную минуту возможно ожидать каких-либо осложнений; поэтому Военный Министр просил соблюдать самую крайнюю осторожность, не прибегая к

---

[51] Подробнее см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 353–412; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 287–333; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 32–35.
[52] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 43–43 об., 49–49 об.
[53] Там же. Л. 44–45, 51 об.
[54] Там же. Л. 55–55 об.
[55] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 98 об.

преждевременным решительным мероприятиям, дабы нашими действиями не усилить возбуждения в Японии, и вместе с тем зорко следить за событиями и быть настороже…». В тот же день Николай II разрешил предложенное Е.И. Алексеевым изменение порядка оборонительных работ в Порт-Артуре, но 4 апреля, после некоторого улучшения обстановки, вызванного временным отказом России от сепаратных переговоров с Китаем, Е.И. Алексеев получил новый ответ от А.Н. Куропаткина, что в виду «успокоительных известий, полагалось бы возможным не спешить переменой плана работ по укреплению Порт-Артура…»[56].

Поскольку лейтенант А.И. Русин докладывал из Японии, что «в глазах Японского Правительства разрыв с Россиею является не средством, а скорее прямо намеченной целью», В.Н. Ламздорф запросил А.Н. Куропаткина 23 мая: считает ли он военно-сухопутные силы на Дальнем Востоке достаточно подготовленными, чтобы решать задачи не считаясь с господствующим в Японии настроением? 25 мая А.Н. Куропаткин сообщил, «что в военно-сухопутном отношении мы на Дальнем Востоке, вследствие относительной незначительности и в особенности вследствие разброски наших сил, не готовы для борьбы с Японией…»[57].

На Дальнем Востоке были настроены не менее пессимистично. Посланник А.П. Извольский докладывал в МИД о росте влияния в Японии шовинистической воинствующей партии[58]. Вернувшийся из командировки в Порт-Артур и успевший побывать в Токио Генерального Штаба подполковник А.П. Агапеев докладывал 7 июня 1901 г.: «Проект Маньчжурского соглашения и последовавшие затем отказ от него настолько возбудил общественное мнение Японии против России, что разрыв в ближайшем будущем представляется весьма вероятным. […] В случае войны с Японией, мы ей не в силах будем нанести серьезного ущерба: ее островное положение и сильный флот делают ее в известной мере неуязвимой, тогда как нам японцы могут причинить значительный вред высадкой в Маньчжурии, изолированием и осадой Порт-Артура, разрушением Китайской Восточной железной дороги…»[59].

Мнение это разделял и Е.И. Алексеев, телеграфировавший 23 июля 1901 г. А.Н. Куропаткину, что в Японии «не только в общественных сферах, но и среди военных признается и открыто обсуждается неизбежность, в близком будущем, войны с нами. […] Имея ввиду, что Японо-Китайская война и события прошлого года разыгрались для всех совершенно неожиданно и почти внезапно, можно опасаться, что и столкновение наше с Японией возникнет так быстро и неожиданно, что все усилия дипломатии останутся

---

[56] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 52–54, 58, 68.
[57] Там же. Л. 83–83 об., 85–86.
[58] Там же. Л. 96–100 об.
[59] ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–1об., 3. Данные были сразу же направлены В.В. Сахаровым в МИД с пояснением, что в случае столкновения с Японией малочисленные в регионе русские войска будут поставлены в крайне тяжелое положение. Там же. Л. 9.

тщетными и война станет неизбежной. Отсюда вытекает для нас полная необходимость быть всегда готовыми отстоять наши интересы…»[60].

Получавший письма А.П. Извольского в копиях, Н.И. Гродеков, 4 июня в очередной раз ходатайствовал о немедленном усилении войск округа резервной бригадой, с полками 2-батальонного состава, из Европейской России. Ходатайство снова отклонили, но не только по финансовым соображениям, но и по стратегическим. В Главном штабе уже понимали, что даже с предложенным усилением, войск в регионе все равно не хватит для противодействия Японии. Поэтому в Военном министерстве перешли от обсуждения вопросов усиления войск, к обсуждению, какие войска можно в случае начала войны отправить на Дальневосточный ТВД без большого ущерба для Европейского. 17 августа 1901 г. Николай II утвердил доклад А.Н. Куропаткина, что к отправке предназначены XIII и X армейские корпуса[61].

За 1901 г. по усилению войск в регионе было сделано очень мало. 1-ю и 2-ю мортирные батареи 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг. перевооружили легкими пушками, перевели на штат легких батарей и переименовали в 5-ю и 6-ю батареи. Горные батареи этой бриг. переименовали: 5-ю горную – в 7-ю и 6-ю горную – в 8-ю, приказав всю материальную часть, арт. и интендантское имущество и боевой комплект перевооружаемых мортирных батарей хранить в Никольском отделе Хабаровского арт. склада, в полном составе, чтобы из этих мортир ежегодно производилась практическая стрельба[62]. Сформировали к 1 ноября 1901 г. пулеметную роту при предназначенной для Порт-Артура 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг.[63], к 1 октября 1901 г. – 7-ю роту Владивостокской креп. арт.[64], а также к 6 декабря 1900 г. – 4-ю льготную батарею в ЗКВ[65]. В резервных батальонах были сформированы конно-охотничьи команды[66]. 12 мая 1901 г. был сформирован Никольский отдел Хабаровского окружного арт. склада, а отдел нештатного имущества при Владивостокской креп. арт. – наоборот, расформирован. К 1 июля того же года был сформирован и открыл свои действия Порт-Артурский арт. магазин[67]; 15 ноября – Благовещенский магазин Хабаровского окружного арт.

---

[60] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 704. Л. 1–1 об.

[61] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 103–104; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 1; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 68. Л. 128 об.

[62] Высочайше утвержденное 10 августа 1901 г. положение Военного Совета о перевооружении 1-й и 2-й мортирных батарей 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг. легкими пушками и о переименовании их в легкие батареи той же бригады // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20603; ПВВ № 295 от 25 августа 1901 г. // ПВВ за 1901 г. СПб., 1901.

[63] Высочайше утвержденное 10 марта 1901 г. положение Военного Совета о сформировании пяти пулеметных пехотных рот // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 19776; ПВВ № 109 от 23 марта 1901 г. // ПВВ за 1901 г. СПб., 1901; ЦГШ № 277 от 27 ноябри 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[64] Высочайше утвержденное 19 июля 1901 г. положение Военного Совета о сформировании 7-й и 8-й рот Владивостокской креп. арт. // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20571; ПВВ № 261 от 28 июля 1901 г. // ПВВ за 1901 г. СПб., 1901; ЦГШ № 301 от 22 декабря 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[65] Высочайше утвержденное 7 февраля 1901 г. положение Военного Совета о сформировании в мирное время штаба 4-й Забайкальской казачьей льготной батареи // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 19660; ПВВ № 80 от 22 февраля 1901 г. // ПВВ за 1901 г. СПб., 1901; ЦГШ № 1 от 4 января 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901.

[66] Приказание войскам Приам. в.о. № 24 от 21 января 1902 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[67] ПВВ № 258 от 17 июля и № 435 от 29 декабря 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; ЦГШ № 209 от 5 сентября 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2155. Л. 110.

склада[68]. Продолжалось совершенствование системы продовольственных магазинов[69].

На Дальнем Востоке все эти меры считали не отвечающими масштабу угрозы. В мае 1902 г. Н.И. Гродеков докладывал Николаю II: «Еще в 1900 году я представлял, что артиллерийская бригада – единица тяжелая и мало соответствующая организации пехоты в Округе. Поэтому сформирование отдельных стрелковых артиллерийских дивизионов, приданных в каждой из пяти стрелковых бригад, как это имеет место[70] в войсках Европейской России, не только было бы желательно в смысле более тесной связи между пехотой и артиллерией, но и одновременно увеличило бы числительность последней, что крайне важно. В настоящее время в Округе, на 1.000 штыков приходится от 1,7 до 2,3 орудия (без резервных войск), между тем как в войсках Европейской России и в прочих иностранных армиях, не исключая и Японской, это отношение выражается цифрой 3,5. Резервные войска не имеют своей артиллерии. Отсутствие запасных батарей в мирное время утяжеляет полевые батареи, при которых содержатся пятые взводы. Поэтому сформирование в мирное время одной запасной и двух резервных батарей, развертываемых в военное время в три дивизиона, пополнило бы этот недостаток и содействовало бы боевой готовности Округа. Военные действия на театрах Кореи, Маньчжурии и Южно-Уссурийского края, представляющих большие трудности для передвижений, вызывают потребность в легкой, подвижной конно-горной артиллерии, которая, как показал опыт минувшей кампании, могла бы сопутствовать повсюду коннице или конным охотничьим командам. Наконец, нам недостаточно регулярной кавалерии и необходимо сформировать драгунскую бригаду. Наш ближайший противник – Япония слаб в кавалерии количественно и качественно, а потому нам крайне выгодно иметь значительный перевес над ним в этом отношении. […] Одним словом как в 1895 году мы не были достаточно подготовлены к встрече неожиданных событий, так не были готовы и в 1900 году; в таком же положении легко можем очутиться и в будущем»[71].

В 1902 г. поток ходатайств с мест в Военное министерство не сокращался. В начале года там получили от Е.И. Алексеева «Записку о боевой готовности крепостных сооружений Порт-Артура и обороне Квантуна. К 1му января 1902 г.», в которой давался обзор современного состояния данных защиты Порт-Артура и делался вывод, что он «далеко не может быть назван крепостью» и «пока представляет собой только временно укрепленную позицию, причем левый фланг его вообще крайне слабой сухопутной линии – остается совершенно необороняемым». Поэтому необходимо ускорить работы по постройке уже

---

[68] Высочайше утвержденное 30 апреля 1901 г. положение Военного Совета об учреждении Благовещенского магазина Хабаровского арт. склада // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20017; Приказ войскам Приам. в.о. № 17 от 15 января 1902 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2155. Л. 93. Л. 112.

[69] ЦГШ № 226 от 29 сентября и № 267 от 13 ноября 1901 г. // ЦГШ за 1901 г. СПб., 1901; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2155. Л. 93, 108; ЦГШ № 10 от 6 января 1902 г. // ЦГШ за 1902 г. СПб., 1902;

[70] Напротив первых двух строк этого абзаца резолюция Николая II: «Вполне одобряю».

[71] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 875. Л. 4 об.–5 об.

начатых укреплений сухопутной линии и построить еще несколько новых[72].

Войск, необходимых для защиты хотя бы этой оборонительной позиции, тоже не имелось. Еще на совещании в марте 1900 г. в столице, минимальная численность гарнизона была определена в 20 батальонов пехоты и 11 рот креп. арт., независимо от находящейся на Квантуне 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг., предназначенной для действий вне крепости. Однако в силу экономических соображений и с учетом предполагавшейся в будущем возможности усиливать войска на Квантунском полуострове сибирскими подкреплениями, перебрасываемыми по КВЖД, цифру снизили до 10 батальонов и 11 рот, но при условии полного строительства запланированных фортификационных сооружений. К моменту подготовки записки КВЖД не была достроена, а оборонять Порт-Артур должны были 2 батальона пехоты при 8 ротах креп. арт. Даже при учете остальных 8 батальонов из Квантунской области, маневры 1901 г. показали что этого совершенно недостаточно даже для пассивной обороны крепости, не говоря уже о наиболее важных рубежах Квантунского полуострова: Цзинь-чжоусском перешейке и Нангалинских высотах. Потому Е.И. Алексеев категорически настаивал на усилении войск области по крайней мере в 2 раза, т.е. до 20 батальонов пехоты, как это и было первоначально решено и гарнизона Порт-Артура – на 8 батальонов креп. пехоты и 3 роты креп. арт. (до нормы, определенной совещанием), или же взамен этого, усилить войска Квантунской области, по крайней мере одной стр. бриг. с необходимым числом артиллерии и конницы. Усилить Цзинь-чжоусскую позицию долговременным фортом-заставой, с промежуточными батареями для креп. орудий, т.к. тогда «мы можем надолго задержать вторжение противника в южную часть Квантуна, а следовательно и осаду, и блокаду Порт-Артура». Причем сделать все это немедленно, «ибо разрыв с Японией может случиться внезапно и возможность его имеет больше вероятности именно теперь, когда эскадра наша уступает численности японской и когда сообщение Квантуна с Сибирью и Европейской Россией далеко не обеспечены»[73]. Доработанный вариант этой записки с теми же выводами еще раз отправили в министерство 4 февраля 1903 г.[74], поскольку внимание А.Н. Куропаткина было приковано к угрозам на Европейском ТВД, а усиление войск на Дальнем Востоке весь 1902 г. шло планомерно, т.е. было незначительным[75].

---

[72] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 49–55.
[73] Там же. Л. 49–55.
[74] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 379–383.
[75] Так, сформировали лишь 8-ю роту Владивостокской креп. артиллерии включив ее к 1 октября 1902 г., в состав 2-го батальона Владивостокской креп. артиллерии, нештатную конно-горную батарею к 12 сентября переформировали в нештатный конно-горный арт. взвод, а 4 июля Николай II, по ходатайству военного министра, утвердил новую «особую» нумерацию для резервных батальонов Сиб. и Приам. в.о., которые были теперь сведены в 3 Сиб. резервные пех. бриг. (1-я Сиб. резервная пех. бриг.: 1-й Стретенский, 2-й Читинский, 3-й Нерчинский и 4-й Верхнеудинский резервные батальоны; 2-я Сиб. резервная пех. бриг.: 5-й Иркутский, 6-й Енисейский, 7-й Красноярский и 8-й Томский резервные батальоны; 3-я Сиб. резервная пех. бриг.: 9-й Тобольский, 10-й Омский, 11-й Семипалатинский и 12-й Барнаульский резервные батальоны). Был также введен в действие новый штат 2-го Вост.-Сиб. сап. батальона. Высочайше утвержденное 19 июля 1901 г. положение Военного Совета о сформировании 7-й и 8-й рот

Более того, в этом году число рядов в ротах Вост.-Сиб. стр. полков, по указанию военного министра, было сокращено (!) со 100 до 84[76]: «Всюду надо перейти к 84-х-рядному составу, иначе мы с денежной стороною совершенно не справимся», гласила его резолюция от 17 марта, на докладе Главного штаба от 3 марта 1900 г.[77]. Расформировали к 17 августа и конно-охотничью команду 21-го Вост.-Сиб. стр. полка[78]. Итак, в 1902 г. войска на Дальнем Востоке не усиливали, а ослабляли.

5 марта 1902 г. Николай II утвердил новое распределение войск Приам. в.о. по корпусам: *1-й Сиб. АК*: 1-я, 2-я и 6-я Вост.-Сиб. стр. бриг., 1-я Вост.-Сиб. арт. бриг., Уссурийская конная бриг. (в составе Приморского драгунского полка, 1-го Читинского казачьего полка ЗКВ и Уссурийского казачьего дивизиона), 1-я Забайкальская казачья батарея ЗКВ и 1-й Вост.-Сиб. сап. батальон. *2-й Сиб. АК*: 4-я и 5-я Вост.-Сиб. стр. бриг., 2-я Вост.-Сиб. арт. бриг., Забайкальский арт. дивизион, Амурский казачий полк АКВ, 1-й Аргунский казачий полк ЗКВ, 1-й Нерчинский казачий полк ЗКВ, 2-я Забайкальская казачья батарея ЗКВ и 2-й Вост.-Сиб. сап. батальон. Остальные части в состав корпусов не вошли, причем Южно-Уссурийская кадровая обозная рота подчинялась начальнику военных сообщений округа, Новокиевская креп. минная рота – начальнику инженеров округа и Посьетская креп. арт. команда – начальнику артиллерии округа[79].

Уже в ноябре 1902 г. хаос с усилением войск на российском Дальнем Востоке и их кадровым обеспечением был такой, что, периодически принимались крайне неудачные решения[80]. В этом же году был отдан приказ содержать в УКВ с 1902 г. в мирное время вместо сотни Уссурийский казачий дивизион и развертывать его в военное время в 6-сотенный полк. 6 июня последовало Высочайшее соизволение увеличить с этого года число строевых частей, выставляемых ЗКВ в мирное время на один второочередной конный полк, присвоив ему наименование 2-го Нерчинского Забайкальского казачьего полка[81]. Установили

Владивостокской креп. арт. // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20571; ПВВ № 261 от 28 июля 1901 г. // ПВВ за 1901 г. СПб., 1901; ЦГШ № 231 от 15 ноября 1902 г. // ЦГШ за 1902 г. СПб., 1902; Приказание войскам Приам. в.о. № 252 от 3 октября и № 281 от 24 октября 1902 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 1 а об.; ПВВ № 266 от 9 июля и № 401 от 12 ноября 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[76] В 5-м Вост.-Сиб. стр. полку – к 20 мая 1902 г., 15-м Вост.-Сиб. стр. полку – 28 июля, 19-м Вост.-Сиб. стр. полку – 1 августа, 1-м Вост.-Сиб. сап. батальоне – 7 августа и т.д. Приказание войскам Приам. в.о. № 217 от 26 августа 1902 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[77] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 2; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 371; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Д. 78.

[78] Приказание войскам Приам. в.о. № 288 от 28 октября 1902 г. // Приказания войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[79] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 64. Л. 124–125. В приказе Н.И. Гродековым было сделано красноречивое дополнение: «Объявляя об изложенном, присовокупляю, что части войск, непоименованные здесь, остаются в своем прежнем подчинении, а находящиеся в Маньчжурии и на Квантуне считать временно откомандированными от своих корпусов. Приказ войскам Приам. в.о. № 300 от 30 июля 1902 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[80] Например, 5 ноября, на основании телеграммы Главного штаба, 58 нижних чинов 1-го Уссурийского ж.д. батальона были переведены… на пополнение некомплекта Сахалинских местных команд. Приказание войскам Приам. в.о. № 305 от 5 ноября 1902 г. и приложенный к нему Список чинам 1-го Уссурийского ж.д. батальона, отправленным на укомплектование Сахалинских местных команд // Приказания войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902.

[81] ПВВ № 117 от 30 марта и Штат Уссурийского казачьего полка и Уссурийского казачьего дивизиона и № 216 от 13 июня 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

и смешанный порядок комплектования льготных частей АКВ и УКВ, предусматривавший, что в случае одновременного призыва на службу в этих войсках льготных сотен 2-й и 3-й очереди, «составлять эти сотни безразлично как из казаков, числящихся в мирное время в составе частей 2-й очереди, так и из казаков, числящихся в составе частей 3-й очереди»[82], затем в УКВ реформировали медицинскую часть[83], и, наконец, создали Амурско-Уссурийскую казачью флотилию. Ее назначением было определено: «а) для обеспечения безопасного плавания всякого рода судов по рекам Амуру и Уссури и притокам Амура от китайских речных разбойников (хунхузов); б) для охраны от хунхузов же прибрежных жителей левого берега Амура и правого Уссури; в) для наблюдения за Маньчжурским берегом рек Амура и Уссури; г) для поддержания правильного и срочного сообщения между казачьими поселениями по рекам Уссури и Сунгаче и на озере Ханка; д) в военное время всеми имеющимися перевозочными средствами способствовать к скорейшему сбору в определенных еще в мирное время сборных пунктах казаков, запасных нижних чинов, лошадей, повозок и разного рода предметов довольствия, необходимых для военных целей. Независимо сего, пароходами флотилии могут пользоваться для поездок войсковой и наказные атаманы и лица, командируемые ими»[84]. Флотилия составляла войсковую собственность АКВ и УКВ, и состояла из двух пароходов с баржами и парового катера. Предусматривалось, что в особо важных случаях, по усмотрению войскового наказного атамана, суда флотилии группируются для совместной службы где-либо в одном месте или же перемещаются в отдельности из одного войска в другое[85]. Иные меры, рекомендованные местным командованием для усиления УКВ, были «зарезаны» в столице по финансовым соображениям[86].

Ликвидировали Квантунское креп. арт. управление, заменив его управлением Квантунской креп. артиллерии[87]. 25 августа 1902 г. был сформирован и открыл свои действия Владивостокский арт. магазин; были приняты новые штаты Квантунского областного интендантского управления[88]. 28 ноября 1902 г. была утверждена Николаем II табель

---

[82] Высочайше утвержденное 5 июля 1902 г. положение Военного Совета об установлении смешанного порядка укомплектования льготных частей Амурского и Уссурийского казачьих войск // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21873.

[83] Высочайше утвержденное 28 октября 1902 г. положение Военного Совета об устройстве медицинской части в УКВ // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 22071.

[84] Высочайше утвержденное 28 октября 1902 г. Временное положение об Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 22070; ПВВ № 430 от 28 ноября 1902 г. и приложенное к нему Временное положение об Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902; Черников И.И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907–1917 гг.). СПб., 1999. С. 91; Его же. Энциклопедия мониторов. Защитники речных границ России. СПб., 2007. С. 391–393.

[85] Высочайше утвержденное 28 октября 1902 г. Временное положение об Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 22070; ПВВ № 430 от 28 ноября 1902 г. и приложенное к нему Временное положение об Амурско-Уссурийской казачьей флотилии // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[86] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2155. Л. 117.

[87] Высочайше утвержденное 24 июля 1902 г. положение Военного Совета об упразднении Квантунского областного арт. управления // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21908.

[88] ПВВ № 435 от 29 декабря 1900 г. // ПВВ за 1900 г. СПб., 1900; Приказ войскам Приам. в.о. № 482 от 31 октября 1902 г. // Приказы войскам Приам. в.о. за 1902 г. Хабаровск, 1902; ЦГШ № 242 от 30 ноября 1902 г. // ЦГШ за 1902 г. СПб., 1902; ПВВ № 32 от 20 января 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

материального имущества Владивостокского креп. военного телеграфа 1-го разряда[89]. В этом же году при штабе 2-го Сиб. АК появился переводчик с китайского языка[90]. 5 декабря приняли решение открыть в виде временной меры, в г. Никольск-Уссурийский, для лечения нижних чинов Квантунской области, больных дизентерией, две санитарные станции: лечебную на 200 мест и гигиеническую на 100 мест[91].

К 1 января 1903 г., как докладывал Николаю II Н.И. Гродеков, в войсках округа, кроме находящихся в распоряжении Командующего войсками Квантунской области, состояло: батальонов – 43, эскадронов и сотен – 18, батарей – 13, нештатных арт. батарей – 2 (позиционных) и взвод 1 (конно-горный), летучих арт. парков – 3, креп. арт. рот – 9 и команд – 1, сап. батальонов – 2, ж.д. батальон – 1, креп. сап. и минных рот – 4, телеграфная команда – 1, местных команд – 19 и обозных рот – 1. По спискам в них числилось: штаб- и обер-офицеров – 1.479 (некомплект 6 человек) и нижних чинов – 55.773 (некомплект 1.493)[92] (Подробнее см. Прил. 4).

За 1902 г. командование округа сделало несколько новых представлений, опять оставшихся неудовлетворенными: Сформирование 2-й Приамурской конной бригады и переименование существовавшей Уссурийской конной бригады в «1-ю Уссурийскую»; учреждение должности начальника Приамурской местной бригады и учреждение должности Харбинского воинского начальника»[93]. Первые две меры были отклонены по отсутствию средств, а третью, 9 декабря 1903 г., разрешили проработать[94]. В том же отчете Н.И. Гродеков писал: «Переформирование полевой артиллерии в стрелковые артиллерийские полки, ожидаемое в скором времени, исправит недостатки организации полевой артиллерии округа, но относительная числительность ее останется по прежнему недостаточной. […] Было бы крайне желательно довести будущие Восточно-Сибирские артиллерийские полки все до 3-батарейного состава[95]. Не утратили своего значения и все еще неразрешенные вопросы: 1) о сформировании резервных батарей для резервной пехоты, в настоящее время не имеющей своей артиллерии и 2) о выделении из полевых батарей пятых взводов, сформированием из них в военное время двух отдельных запасных батарей[96]».

---

[89] Высочайше утвержденное 28 ноября 1902 г. положение Военного Совета об утверждении табели материального имущества Владивостокского креп. военного телеграфа I разряда // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 22160; ПВВ № 451 от 21 декабря 1902 г. и Табель материального имущества Владивостокского креп. военного телеграфа // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[90] Высочайше утвержденное 26 апреля 1902 г. положение Военного Совета об учреждении в составе штаба 2-го Сиб. АК должности переводчика китайского языка // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21352; ПВВ № 173 от 9 мая 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[91] Высочайше утвержденное 5 декабря 1902 г. положение Военного Совета об учреждении в городе Никольске-Уссурийском санитарных станций // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 22206; ПВВ № 460 от 28 декабря 1902 г. // ПВВ за 1902 г. СПб., 1902.

[92] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 1 а.

[93] Там же. Л. 1 а–2.

[94] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 348–348 об.

[95] Николай II отчеркнул этот абзац и наложил рядом резолюцию: «Да».

[96] Напротив этого абзаца Николай II поставил большой вопросительный знак.

Также Н.И. Гродеков жаловался императору, что в запасе боевого комплекта 3-лин. боевых винтовочных патронов к 1 января 1903 г. в округе недоставало 33 млн. штук, однако ГАУ уведомило, что в 1903 г. они будут высланы не полностью, а лишь в количестве 12 миллионов. Это был последний всеподданнейший отчет, который в штабе округа успели подготовить до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., причем Николай II ознакомился с ним только 7 ноября 1903 г.[97].

30 декабря 1902 г. на заседании Государственного Совета, где С.Ю. Витте читал речь по поводу бюджета на предстоящий год, А.Н. Куропаткин в очередной раз заявил, «*что нам надо с востока возвратиться опять на запад*, что там мы сильно отстали…»[98]. 5 января 1903 г. он записал в дневнике: «Вчера был у меня первый доклад у государя в этом году и первый доклад во второе пятилетие моего министерского служения. […]. Усиленно доказывал государю, что политическое положение Европы за это пятилетие стало тревожнее, что возможность европейской войны стала вероятнее и что нам надо спешить *возвратиться* на забытый за делами Дальнего Востока *запад*». Характерно, что в числе 7 причин, делающих положение более тревожным, он поставил на первое место «ослабление России на западе вследствие расхода огромных средств на Дальний Восток», а на второе, «активную политику на Дальнем Востоке, которая может привести к европейской войне». При этом ни словом не обмолвился о том, что на Дальнем Востоке война вот-вот начнется, явно не осознавая всей сложности ситуации. «По всем этим причинам я доказывал *необходимость перенести наше главное* внимание от Дальнего Востока на запад. Государь формулировал это предварительно так: *что нам, будучи бдительными на востоке, обратить главное внимание на запад*»[99].

В самом же докладе на большом фактическом материале, при умелом жонглировании статистикой, доказывалась полная обеспеченность безопасности дальневосточных владений империи. Указывалось, что за 5-летний период 1898–1902 гг. вооруженные силы Приам. в.о. увеличились на: 32 батальона (110%), 10 эскадронов и сотен (40%) и 28 орудий (23%) в мирное время и на 40 (98%) батальонов, 12 (21%) эскадронов и сотен и 34 орудия (27%) в военное. Данные о росте численности за это же время армии Японии и сравнительный анализ показателей по двум армиям в докладе отсутствовал, хотя по армиям европейских государств подобные показатели были приведены[100]. 1 февраля А.Н. Куропаткин, в разговоре с Николаем II, снова выражал оптимизм по поводу возможной войны с Японией, указывая, «что мы от Японии отстоимся и сухопутными силами, и чем дальше на материк по Маньчжурии заберется к нам Япония, тем поражение ее будет решительнее. Что Порт-Артур уже в сем году

---

[97] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 1а, 8 об.
[98] Запись 30 декабря 1902 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 16 // КА. 1922. Т. 2. С. 17.
[99] Запись 5 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 16 // Там же. С. 20.
[100] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 68. Л. 119 об., 129 об.–130.

будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду 1½ года. Что пока собирается наша сух(опутная) рать, может прибыть на Дальний Восток и наш флот из Балтийского моря»[101].

Внешнеполитическая ситуация продолжала ухудшаться и в 1903 г. в неизбежности войны с Японией уже мало кто сомневался и в России и в Японии[102]. Вопрос был только в сроках[103]. Поэтому после своего путешествия на Дальний Восток в декабре 1902–марте 1903 гг. на усилении войск в регионе стал активно настаивать и А.М. Безобразов, доводя до императора те же идеи, что Е.И. Алексеев и Н.И. Гродеков. Еще 18 февраля 1903 г. он писал Николаю II, что чрезвычайная слабость российского Дальнего Востока может послужить для Японии соблазном к нападению, а значит войска в Южной Маньчжурии нужно усиливать. Последнее он считал еще и залогом успеха продолжавшихся русско-японских переговоров: «Все сводится к тому, чтобы быть как можно скорее готовым и очевидно сильным, чтобы с успехом начать с японцами полезный, для обоюдного положения, обмен мнений. Без этого положения разговаривать, кажется, не стоит»[104]. Он открыто указывал и на опасность строительства Дальнего, о котором А.Н. Куропаткин в тот момент еще не знал. Эти идеи были развиты А.М. Безобразовым во всеподданнейшем докладе Николаю II, представленном в апреле 1903 г., по возвращении в столицу[105].

Не менее настойчив был и Е.И. Алексеев, пославший 4 февраля 1903 г. А.Н. Куропаткину очередной рапорт[106], в котором повторял свою аргументацию о возможности «возникновения серьезных осложнений, которые под влиянием извне и давлением внутреннего порядка вещей, могут внезапно перейти в открытое столкновение» и указывал на ухудшение положения русских войск в Маньчжурии с оставлением Мукденской и Гиринской провинций, замедление мобилизации войск Приам. в.о. из-за «куропаткинского» сокращения числа рядов в ротах со 100 до 84, недостаточность оборудования КВЖД. Причем в это время Е.И. Алексеев еще допускал достижение неприятелем господства на море. Все это давало возможность противнику еще до сосредоточения русских войск в Гиринской провинции прервать сообщение Приам. в.о. с Квантуном и Порт-Артуром, направив против последнего

---

[101] Запись 1 февраля 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 16 // Там же. С. 28.
[102] Полутов А.В. Десантная операция… С. 18–28.
[103] 6 марта 1903 г. русский посланник в Токио А.П. Извольский телеграфировал в МИД: «Здешняя печать, в том числе и официальная, по мере приближения второго срока эвакуации Маньчжурии, принимает все более тревожный тон и, не доверяя исполнению обязательств, высказывается, что Япония должна оказать Китаю поддержку. Начинается опять агитация при участии бывшей национальной лиги. В военно-сухопутном отношении пока незаметно никаких приготовлений. По случаю больших морских маневров, флот находится в состоянии близком к требованиям военного времени и до конца текущего месяца будет держаться в районе Сасебо–Цусима преимущественно». О чем В.Н. Ламздорф немедленно поставил в известность А.Н. Куропаткина. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 29–30.
[104] ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 185. Л. 39 об.–40, 42; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 446–447.
[105] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 436.
[106] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 370–373.

основные силы, противостоять которым еще недостроенная крепость[107] с минимальным гарнизоном не могла. «В этом отношении продолжающееся развитие портовых сооружений г. Дальнего и его полная беззащитность является в руках неприятеля важным подспорьем, так как в нем он приобретет превосходную базу для действий против Артура с близкого расстояния». Очевидно, что «…происходящее с большою энергиею и последовательностью развитие наших морских сил в Тихом океане могло бы приобрести грозное значение только в том случае, когда параллельно ему развивались бы такие служащие ему естественным дополнением оборонительные средства его базы, Квантунской области и крепости Порт-Артур. К сожалению, эта параллельность отсутствует и развитие оборонительных средств Квантуна […] далеко отстает от развития морских сил»[108].

Поэтому Е.И. Алексеев предлагал: 1) Немедленно усилить гарнизон Порт-Артура до 8–10 батальонов креп. пехоты и 10–11 рот креп. арт. 2) Увеличить кредиты отпущенные в этом году на оборонительные постройки. 3) Учредить должность Порт-Артурского коменданта и сформировать креп. штаб по штату крепостей 2-го класса, а поскольку произвести это усиление быстро не представлялось возможным, то в качестве временной меры – усилить войска области 3–4 Вост.-Сиб. стр. полками, подлежащими эвакуации из Мукденской провинции до 26 марта 1903 г.[109].

Практически аналогичный документ был отправлен им в Петербург с А.М. Безобразовым непосредственно Николаю II. При докладе этого документа, у А.Н. Куропаткина возникли с царем серьезные расхождения: «Я доложил государю свои соображения, – записал в дневнике военный министр, – что, уступая свободу действий Японии в Корее, мы уже не можем ожидать разрыва с Японией; что, имея сильный флот и желая еще усилить его, мы тоже уменьшаем опасность для Порт-Артура. Наконец, что в случае нужды мы успеем подвезти подкрепления, что оставление в Квантуне еще других частей увеличит расходы и болезненность. Потребуется увеличить и крепостные запасы. Теперь их на 1½ года. На это государь с большим основанием возразил мне, что какая польза в этих запасах, если японцы быстро обложат и отрежут Порт-Артур от Приамурья при недостаточном гарнизоне. Что, усилив гарнизон, он хотя и менее будет обеспечен запасами, например, на 6 месяцев, но будет в силах дать отпор». А поскольку 10 батальонов действительно было недостаточно для защиты линия сухопутных укрепления Порт-Артура А.Н. Куропаткин пошел навстречу просьбе Е.И. Алексеева и доложив императору о добавлении к войскам на Квантуне: 5-го или 15-го Вост.-Сиб. стр. полка, 1-го Читинского полка ЗКВ и 2-й Забайкальской конной батареи. Тогда же Николай II одобрил развертывание

---

[107] Строившиеся сухопутные укрепления даже вчерне могли быть окончены не ранее конца 1903 г.
[108] Там же. Л. 370–372.
[109] Там же. Л. 372 об.

Порт-Артурского крепостного полка в 4-батальонный и сказал министру, что «признает положение на Дальнем Востоке тревожным не столько из-за японцев, сколько из розни, которая существует на месте между представителями военного и финансового ведомств. Что он полностью присоединяется к военному ведомству. Государь несколько раз повторил о необходимости мне ехать возможно безотлагательно на Дальний Восток»[110].

В начале марта военному министру пришлось докладывать уже по результатам визита А.М. Безобразова на Дальний Восток[111]. Предусмотренное же очередными ходатайствами Н.И. Гродекова преобразование Уссурийской конной бриг. с переименованием ее в 1-ю Приамурскую конную бриг. и о формировании 2-й Приамурской конной бриг., А.Н. Куропаткин в апреле 1903 г. приказал «отложить в виду оставления некоторых частей в Маньчжурии, но теперь же временно прикомандировать 1-й Нерчинский полк Забайкальского Казачьего войска к 1-му Сибирскому корпусу в состав Уссурийской Конной бригады»[112].

4 мая 1903 г. Николай II указал Е.И. Алексееву, что собирается сосредоточить в его лице высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по всем ведомствам и приказал «в минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами». Однако сами задачи, за исключением «решимости отстоять право России на исключительное влияние в Маньчжурии» так и не были точно сформулированы. Наметить необходимые меры Е.И. Алексеев должен был в Порт-Артуре совместно с А.Н. Куропаткиным[113], который 15 апреля выехал из Петербурга на Дальний Восток «с целью ближайшего ознакомления во всех отношениях с положением и состоянием наших войск, и со всеми вопросами по Дальнему Востоку, имеющими отношение к Военному Ведомству»[114].

27 мая Е.И. Алексееву телеграфировали, о предполагаемом распоряжении, об усилении

---

[110] Запись 16 февраля 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 16 // КА. 1922. Т. 2. С. 30–31.

[111] «Неделю тому назад, – записал А.Н. Куропаткин, – государь передал мне для доклада ему записку Безобразова, носящую название “Расценка положений”, и приказал доложить по ней. Какой сумбур. Набор разных слов из курса стратегии и придуманных лично: операционная база, коммуникационные и операционные пути, стратегические авангарды и проч. В результате признается необходимым усилить наши войска на Дальнем Востоке еще 35.000 человек. Затем полагается необходимым наши силы расположить в предвидении войны с Японией так: 25.000 на Квантуне, 5.000 конных стрелков с горными орудиями в Северной Корее, “стратегический авангард” в Гирине и главные силы в Харбине. Разбросав так наши силы, выражается надежда, что наш 5-тысячный отряд в Корее будет так искусно действовать, что “нравственно” размотает японцев еще до начала военных действий». Последствий эта записка не имела. Запись 16 марта 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17 // Там же. С. 37–38.

[112] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2155. Л. 126.

[113] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 869. Л. 2–2 об.; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

[114] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 1; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 31–31 об. Эта поездка достаточно хорошо исследована: См., напр.: Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.). Публикация Е.Ю. Сергеева и И.В. Карпеева // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 393–444; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 449–453; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. С. 240–261; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. “Назло надменному соседу”. 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. С. 204–208; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин Владивостокская крепость… Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток, 2014. С. 339–343; Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания. Владивосток, 2017. С. 284–289; Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина на Дальний Восток в 1903 г. – Владивосток, Порт-Артур, Япония – и ее результаты // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 19–40.

постоянного состава войск на Дальнем Востоке путем развертывания стр. бригад. «Для проверки же провозоспособности Сибирской железной дороги и временно, под видом маневров предполагалось перевезти из Европейской Росси в Забайкалье две пехотных бригады с соответствующей артиллерией и обозом»[115]. В силу полученных ранее указаний, первое он признал мерой весьма своевременной, констатировав, что для осуществления ее в кратчайший срок удобнее осуществить ее путем перевода из войск Европейской России целых строевых единиц по возможности к весне будущего года». Второе – весьма важным «если бы оказалось возможным по состоянию помещений в области, не возвращая эти части в Европейскую Россию, оставить их на зиму в Забайкалье, как кадр для будущих формирований на Дальнем Востоке. Такое существенное усиление наших вооруженных сил вероятно не замедлило бы оказать должное влияние на переговоры, связанные с эвакуациею Маньчжурии и тем более, если бы оно могло состояться к сентябрю этого года, ко времени наступления третьего срока, установленного соглашением 26-го марта»[116].

Ко 2 июня 1903 г. в Порт-Артуре была подготовлена записка о необходимых военных мероприятиях на Дальнем Востоке, обосновывавшая необходимость усиления войск и предлагавшая конкретные меры. В ней, с опорой на данные разведки, указывалось, что Япония для действий в поле могла выставить: 156 батальонов пехоты, 13 инженерных батальонов, 55 эскадронов и 114 батарей (684 орудия) полевых войск – всего 162.763 чел., не считая войск резервных и территориальных, точных данных о которых не имелось. Расчетное время сосредоточения этой армии определялось в 3 месяца, а еще через 6 японцы могли усилить ее еще и резервными войсками. У России же, в пределах Приам. в.о., Квантунской области и Маньчжурии было всего: 70 батальонов, 69 эскадронов и сотен и 160 орудий (не считая гарнизонов двух крепостей и пограничной стражи). Сибирские подкрепления – 32 батальона, 42 сотни и 64 орудия, могли подойти в район сосредоточения только в конце 4-го месяца войны, а, намеченные к отправке из Европейской России 128 батальонов и 352 орудия – лишь в конце 6-го месяца. Следовательно, только к этому сроку удавалось сосредоточить в регионе армию в 230 батальонов, 111 эскадронов и сотен и 576 орудий[117].

Основываясь на быстроте мобилизации японской армии и ее явном численном превосходстве в начале войны, чтобы противопоставить ей достаточные силы и препятствовать ее высадкам вблизи района сосредоточения, составители записки признавали необходимым иметь под рукой, близ предполагаемого района высадки неприятеля, не менее 50 тыс. войск, для чего сформировать два новых корпуса: один из наличных сил Квантунской области с добавлением 12 батальонов из Приам. в.о. (взамен которых сформировать новые), а

---

[115] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 654. Л. 1–1 об., 4–4 об.
[116] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 82–82 об.
[117] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 35–46 об.

другой – одинакового с ним состава (24 батальона с конницей и артиллерией) сформировать с нуля, под видом 2-го корпуса Пограничной стражи. Сверх того признавалось необходимым увеличить численность гарнизона Порт-Артура до 12 батальонов[118], учредить при всех Вост.-Сиб. стр. полках конно-охотничьи команды и сформировать в Порт-Артуре некоторые артиллерийские и инженерные части. Следовательно, всего требовалось сформировать, кроме войск других родов оружия, 44 новых батальона пехоты, а также «закончить в самый непродолжительный срок строившиеся в Порт-Артуре укрепления и возвести целый ряд новых, образовать в Харбине обширную продовольственную базу», увеличить провозоспособность КВЖД и ввести на ней военную эксплуатацию[119]. В подготовленном к 11 июня 1903 г. дополнении к этой записке, подчеркивалось, что быстрое усиление войск на Дальнем Востоке необходимо даже если начало кампании будет идеальным для русских войск и японцы начнут высадку в Фузане[120].

17 июня в Порт-Артур прибыл А.Н. Куропаткин, успевший по пути осмотреть войска Забайкальской области, Владивостокскую крепость, укрепления на р. Амур у Николаевска, побывать на о. Сахалин и в Японии. На территории Квантунской области он оставался до 1 июля. За это время он успел не только поучаствовать в Порт-Артурских совещаниях 18–28 июня, но и детально ознакомиться с городом, портом, крепостью, гарнизоном и окрестностями, благо заседания занимали только половину дня[121]. Активное изучение Порт-Артурских совещаний началось еще в Российской империи[122] и с успехом продолжается в настоящее время. Лучше всего оказалась изучена дипломатическая[123], несколько менее – военная сторона дискуссии[124]. И если принятые в Порт-Артуре внешнеполитические решения в значительной степени не были реализованы, а дискуссия по наиболее острым вопросам, и политическая борьба вокруг вариантов их решения, начавшись еще до Порт-Артурских совещаний, продолжились сразу после их окончания, то принятые там решения по вопросам усиления группировки русских войск на Дальнем Востоке, и последующее отношение к этим решениям, во многом определили характер и темпы подготовки империи к войне с Японией.

Одним из первых, с кем встретился военный министр в Порт-Артуре, стал Е.И. Алексеев. Записывая в дневнике суть разговора с ним, А.Н. Куропаткин отметил: «В общем Адмирал Алексеев высказал мне следующее. Положение дел ему представляется тревожным.

---

[118] На момент подготовки записки гарнизон Порт-Артура составляли четыре батальона.
[119] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3 об.–4 об. Подробнее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 35–46 об.
[120] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 47–59.
[121] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 31–31 об. Эта поездка была описана им в дневниках: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. 66 л.; Там же. Д. 1931. 67 л.; Там же. Д. 1935. 70 л.; Там же. 67 л.; ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 240–282.
[122] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 453–459.
[123] Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906)… С. 430–446; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 460–467; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны 1903–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 128–166.
[124] Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина на Дальний Восток в 1903 г. – Владивосток, Порт-Артур, Япония – и ее результаты // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 23–37.

Если когда Японии и выгодно атаковать нас, то только теперь, потом будет поздно»[125]. Однако во время дальнейших обсуждений их участники исходили не из степени реальной опасности, которую сами же и констатировали, а в первую очередь из возможностей, что для предвоенного периода представляется ошибочным. Основные дискуссии завершились к 28 июня, когда в Совещании составили телеграмму Николаю II (состояла из двух частей, политической и военной) с донесением об окончании работы Совещания[126].

Выводы по военной части сводились к следующему: «В военном отношении, при возросшей опасности разрыва с Японией, Совещанием признано необходимым прежде всего усилить гарнизон Порт-Артура и принять меры к ускорению сосредоточения наших войск на случай войны в Южной Маньчжурии. Государь Император уже разрешил передвинуть на Квантун два стрелковых полка, один саперный батальон и две батареи, что ныне приводится в исполнение. Одновременно необходимо принять меры к поднятию в возможно короткое время провозоспособности железной дороги, особенно в участке Харбин–Порт-Артур. Затем из мероприятий, требующих времени и значительных непредвиденных расходов, признаны, при сложившейся ныне политической обстановке, необходимыми следующие: 1. Для усиления нашего военного положения на Квантуне сформировать одну стрелковую бригаду, саперный батальон, три батареи. Довести крепостные войска в Порт-Артуре до 12 батальонов. Снабдить все эти части крепостными запасами и ускорить крепостные работы. По мере формирования новых частей войск, части, командированные в П.Артур из состава 2-го Сибирского корпуса, возвращать в состав корпуса. 2. Для усиления нашего военного положения в Приамурском Крае довести гарнизон крепости Владивосток до 12 батальонов, дать еще большее развитие формированию дружин из местного населения и этим освободить 1 Сибирский корпус полностью для сосредоточения в Южной Маньчжурии. 3. Для усиления охраны Китайской восточной железной дороги переформировать войска Пограничной Стражи,

---

[125] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 245–245 об. В Генеральном Штабе Японии это понимали и заметно нервничали, относительно реального и мнимого усиления русских войск в регионе. Так, 19 мая (1 апреля) 1903 г. японский посол в Пекине Я. Учида, ссылаясь на данные, полученные от Цинского двора (который пытался использовать Японию против России), сообщал совершенно невероятные данные о переброске Россией целого корпуса на берег р. Ялуцзян. После этого телеграммы о продвижении России на корейском направлении стали в большом количестве поступать в Токио уже от посла в Сеуле Хаяси Гонсукэ. Проверив достоверность полученной информации, заместитель начальника Генерального Штаба И. Тамура, в начале мая, приказал подчиненным ему начальникам отделов обдумать ответные меры. 27 апреля (10 мая) 1903 г. были составлены «Соображения о необходимости обеспечения полной боевой готовности империи». 29 апреля (12 мая) начальник Генерального Штаба Ояма Ивао доложил их императору. 16 (29) мая на совместном собрании, где присутствовали начальники отделов Генерального Штаба и Морского Генерального Штаба, начальник общего отдела Генерального Штаба и ответственные политики МИДа, было принято решение «пресечь произвол России на Дальнем Востоке, даже если придется вступить в войну». 26 мая (8 июня) на совещании Генерального Штаба тоже царила антирусская атмосфера, а шансы на успех в войне оценивались как достаточно неплохие. 9 (22) июня Ояма представил императору уже «Соображения относительно решения Корейской проблемы». Они были основаны на проекте Тамура, заместителя начальника Генерального Штаба, предлагавшего передать Маньчжурию России, а Корею считать всецело в сфере интересов Японии. Однако министр военно-морского флота Ямамото Гомбэй настаивал на том, что территорию до Корейского полуострова оборонять не следует, поэтому доклад представлял собой видение проблемы только со стороны армейских кругов. Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 260–261; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 41.

[126] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 270–271; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 874. Л. 68–69 об.; 77–78 об., 144–146 об.

состоящие ныне из 54 рот и 55 сотен соединенных в отряды и бригады, в корпус войск в составе двух стрелковых и трех конных бригад силою в 16 батальонов, 9 конных полков шестисотенного состава и 7 батарей. В состав сего корпуса включить и формируемую ныне железнодорожную бригаду. В военное время каждый пехотный полк сего корпуса удваивать. Всего таким образом предположено сформировать вновь, 23 батальона, 10 батарей, кроме пехотных и конных полков Пограничной стражи». Мероприятия эти вызывали новые и значительные единовременные и постоянные расходы, отнесение которых на предельный бюджет неизбежно ослабляло готовность на Европейском ТВД и так сильно отставшую от немецкой и австрийской. Поэтому все чины Совещания неоднократно подчеркивали, что расходы на дальнейшее усиление на Дальнем Востоке могут быть покрыты только из особых средств Государственного Казначейства[127].

В последний раз основные действующие лица Порт-Артурских совещаний (А.Н. Куропаткин, Е.И. Алексеев, А.М. Безобразов и К.И. Вогак) собрались 29 июня 1903 г., когда военный министр публично разобрал записку А.М. Безобразова «подсчет вооруженных сил для выяснения стратегической обстановки на Дальнем Востоке»[128]. 24 июля, уже по возвращении в столицу, А.Н. Куропаткин отправил Николаю II «свою записку по Дальнему Востоку с разбором безобразовских фантазий и знаменитого “заслона” на Ялу»[129]. Последующие события показали, что оценка А.Н. Куропаткиным многих выводов А.М. Безобразова, как «ошибки и натяжки», не выдерживала критики. Так, военный министр негодовал: «Силы Японцев увеличены вдвое, силы наши уменьшены вдвое. Расстояние извращены в пользу Японцев невероятно. Быстрота их движений поразительна и поразительна медленность нашего движения. Флот наш в расчет не принят. Движение по Амуру в расчет не принято, идут грунтовыми путями. Разные “стратегические” сведения изумительны: так советуется не вступать в бой “до сосредоточения всех наших сил”»[130]. Одной «из наиболее серьезных ошибок» А.Н. Куропаткин считал утверждение А.М. Безобразова, что «Японцы могут выставить 330.000 при 1.134 орудиях». В ходе дискуссии они оба опирались на одно и то же издание Главного штаба[131], но трактовали приведенные там данные по-разному. И если Безобразов считал, что в приведенных им цифрах «принята в расчет только боевая сила», то А.Н. Куропаткин настаивал: «В этом труде находим, что дабы выставить 330.000 Японцы должны взять в экспедицию все полевые войска, все запасные и большую часть территориальной армии!! Между тем в Японской армии не существует кадров

---

[127] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 874. Л. 77 об.–78 об.
[128] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 273–274.
[129] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 876. Л. 7–22 об., 24–40 об.; Запись 24 июля 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17 // КА. 1922. Т. 2. С. 44–45.
[130] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 274.
[131] Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Япония. СПб., 1903. 54 с.

для территориальных и запасных войск и первые соответствуют нашим дружинам ополчения. Число орудий увеличено даже свыше всего, что выставляют японцы»[132]. Впоследствии оказалось, что приведенные в этом издании цифры на момент Порт-Артурских совещаний были уже безнадежно устаревшими, а новые, полученные в Главном штабе к моменту подготовки сборника – признаны настолько «фантастическими», что в печать не пошли. Реальные возможности японской армии оказались намного ближе к «ошибкам и натяжкам» А.М. Безобразова, чем трезвому расчету военного министра[133]. Например, в записке А.М. Безобразов требовал прибавить 67 тыс. войск на Дальнем Востоке, что А.Н. Куропаткин интерпретировал как укор в свой адрес: «Таким образом Военный Министр просмотрел эту потребность в 67.000 и за это на нем и лежит ответственность»[134].

Порт-Артурские совещания выявили дилемму, стоявшую перед властью. С одной стороны, сосредоточение всех сил, в т.ч. военных, на дальневосточном направлении, могло привести к успеху в этом регионе, но вызывало ослабление на других направлениях, которые считались более важными. С другой стороны, продолжение подготовки исключительно к «большой Европейской войне» и восприятие европейского и турецкого направлений в качестве приоритетных, при складывавшейся на Дальнем Востоке обстановке, неизбежно должны были привести к серьезным осложнениям. Эта дилемма разрешилась в Петербурге достаточно быстро: МИД и иные круги, ответственные за внешнюю политику сосредоточились на Дальнем Востоке, в то время как военное ведомство продолжало воспринимать Дальневосточный ТВД как второстепенный и ограничивалось полумерами, чтобы не снизить боеготовность армии на западных границах.

Завершив с заседаниями, А.Н. Куропаткин получил возможность съездить 29 июня посмотреть на Дальний – готовую военно-морскую базу для противника, построенную по указанию С.Ю. Витте. Относительно этого пункта военный министр еще 27 мая записал в своем дневнике: «Но пусть лучше Дальний будет занят, чем и там возводить такие же укрепления, как и в Порт-Артуре»[135], однако после личного посещения города констатировал: что «Дальний выиграет, если мы поставим туда хороший гарнизон. […] Ведь мы и бригаду формируем только потому, что без совещания с Военным Министром вырос Дальний. Теперь это база для противника. Придется ее защищать»[136]. На обратном пути он провел 5 июля

---

[132] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 274–274 об.

[133] Подробнее см.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. С. 401–404, 409–454; Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. С. 194.

[134] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 275 об.–276. Через 3 года, к концу Русско-японской войны 1904–1905 гг., численность одного только гарнизона Владивостокской крепости достигала свыше 50 тыс. чел., и при этом не считалась достаточной. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. … С. 271–272.

[135] Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.)… // Российский архив. Вып. VI. 1995. С. 404.

[136] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1932. Л. 27.

совещание сначала с начальником КВЖД Д.Л. Хорватом, на котором основное внимание было обращено на оптимизацию дислокации ж.д. батальонов и увеличение пропускной способности КВЖД и ЮМЖД. Затем – уже с начальником ЗО ОКПС генерал-лейтенантом Н.М. Чичаговым, обсуждая организацию и задачи корпуса[137].

За время поездки А.Н. Куропаткин посетил два военных округа – Сибирский и Приамурский, Квантунскую область, Северную Маньчжурию и Японию, т.е. увидел русские войска, которым предстояло выдержать первый удар неприятеля, два наиболее вероятных ТВД и страну – вероятного противника[138]. Личные «заключения» по поездке А.Н. Куропаткин изложил дневнике. Они представляли собой набор частных мер по усилению обороноспособности империи на Дальнем Востоке, рассчитанный на реализацию в течение 2–3 лет (в зависимости от финансирования и скорости работ на КВЖД и ЮМЖД)[139]. Родившиеся в разговорах с Е.И. Алексеевым, командованием Приам. в.о., штабными офицерами и командирами отдельных частей и соединений, а также полемике с А.М. Безобразовым на Порт-Артурских совещаниях, они представляли собой ярко выраженный компромисс между необходимостью парировать «грозу с Востока» и потребностью быть постоянно готовыми к «большой Европейской войне»; компромисс между нуждами Военного министерства, возникшими в результате крайне противоречивой внешней политики, и финансовыми возможностями империи, частично растрачиваемыми С.Ю. Витте на строительство военно-транспортной инфраструктуры для потенциального противника. Как метко заметила И.С. Рыбаченок, характеризуя весь «новый курс» дальневосточной политики, прорабатывавшийся на Порт-Артурских совещаниях: «Этот план, как и всякая авантюра, не учитывал того, что противник вряд ли согласится ждать, пока другая сторона хорошо подготовится»[140]. Японцы ждать действительно не стали. Поэтому большую часть этих мер так и не успели реализовать до начала войны.

Впрочем, в силу неточности данных о составе, численности и силе японской армии, которыми оперировали участники заседаний, реальное соотношение сил России и Японии на Дальнем Востоке, даже после реализации этих мер все равно получилось не таким, как планировалось. О том, насколько запоздали предложенные меры, наглядно свидетельствует

---

[137] Там же. Л. 52 об.–56.

[138] Всего им были осмотрены: в Сиб. в.о., из числа расположенных там 9 батальонов, 8 сотен и 2 батарей – 7 батальонов, 4 сотни и 2 батареи. В Приам. в.о. и Северной Маньчжурии из 47 батальонов, 23 сотен, 17 батарей, 10 арт. рот и 4 батальонов инженерных войск – 33¼ батальона пехоты, 19 сотен, 13½ батарей, 10 арт. рот и 3 батальона инженерных войск, т.е. 72% пехоты, 83% конницы, 80% полевой артиллерии, 75% инженерных войск и 100% креп. арт. В Квантунской области и Южной Маньчжурии из 14 батальонов, 12 сотен, 4 батарей, 8 креп. и 1 сап. рот – 12¾ батальонов, 6 сотен, 4 батареи и все креп. и сап. роты, т.е. 90% пехоты, 50% конницы и 100% артиллерии. Кроме того, по пути он видел части 31-й и 35-й пех. див. и 31-й и 35-й арт. бриг., перебрасываемых в Забайкальскую область, и тщательно осмотрел все 3 русские крепости на Дальнем Востоке: Владивосток, Николаевск-на-Амуре и Порт-Артур. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 32 об.–33.

[139] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1932. Л. 48–52 об.

[140] Рыбаченок И.С. Закат великой державы… С. 523.

решение «довести гарнизон крепости Владивосток до 12 батальонов»[141], т.е. исполнить наконец то, что С.М. Духовской предлагал еще в 1897 г.

Результатами Порт-Артурских совещаний остались недовольны все: Е.И. Алексеев и А.М. Безобразов – тем, что не удалось добиться от А.Н. Куропаткина согласия на усиление обороноспособности региона в необходимых масштабах, представители МИД – сохранением неустойчивости внешнеполитической линии и отсутствием единого центра принятия решений, А.Н. Куропаткин – линией внешней политики и тем, что войска на Дальнем Востоке все-таки придется усиливать, а Николай II – тем, что Совещания так и не привели к согласию их участников по ключевым военным и внешнеполитическим вопросам. В результате, вместо четкой и слаженной подготовки к надвигающейся войне с Японией, велось вялое переформирование войск, на фоне активной внутриполитической борьбой. Более того, все военные решения Порт-Артурских Совещаний по сути носили рекомендательный характер, и на реализацию каждой меры или группы мер впоследствии испрашивалось отдельное Высочайшее соизволение. А поскольку исполнительная власть в военной сфере была в руках военного министра, то с их реализацией до сентября 1903 г. не торопились.

По возвращении в Петербург А.Н. Куропаткин доложил Николаю II в конце июля 1903 г. парадные выводы, представлявшие собой смесь фактов, подтасовок и откровенных фальсификаций. Официальный вывод о состоянии войск, помещенный в отчете, был весьма оптимистичен[142]. Еще более оптимистичной была его всеподданнейшая записка от 24 июля: «Ныне в Приамурском военном округе состоит: 51 батальон, 23 сотни, 16 батарей, 2¼ саперных батальона, 2¼ крепостных артиллерийских батальона. В Квантунской области (кроме временно командированных состоит: 11 батальонов, 12 сотен, 4 батареи, 1 рота сапер, 2 крепостных артиллерийских батальона. Если сюда прибавить 55 рот и 55 сотен пограничной стражи и 7 батарей, приняв их за 14 батальонов, 55 сотен и 4 батареи, то общее число войск, коими мы ныне располагаем в военное время на Дальнем Востоке (в Приамурском военном округе, в Маньчжурии и на Квантуне), составит: 76 батальонов, 90 сотен и эскадронов, 24 батареи, 2½ саперных батальона и 1¼ креп. арт. батальона. В военное время надо прибавить еще 16 резервных, 4 казачьих батальона, 12 казачьих сотен и 2 казачьи батареи, что составит: 96 батальонов, 102 сотни и эскадрона, 26 батарей, 2½ саперных батальона и 4¼ креп. арт. батальона. В эти […] 10 лет Дальний Восток связан рельсовым путем со всею остальною Россиею. […] За эти же 10 лет закончено укрепление Владивостока и выстроен Порт-Артур. Общее количество войск на Дальнем Востоке за последние 10 лет увеличилось почти в 4 раза.

---

[141] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 874. Л. 77 об.–78 об.

[142] «В результате можно с отрадным чувством отметить, что войска Дальнего Востока успешно воспользовались недавним боевым опытом и ныне, под руководством своих доблестных и авторитетных высших начальников, продолжают с успехом совершенствоваться в деле боевой подготовки. Молодые войска Приамурского военного округа и Квантунской области с честью могут выдержать какое угодно боевое испытание». РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 107 об.

[…] Уже два года тому назад мы признали себя в силах, в случае войны, не только отстоять Приамурский край, но и Северную Маньчжурию. Мы даже сделали смелое предположение, удостоившееся Высочайшего одобрения, о сборе части наших войск в Южной Маньчжурии. Ныне вопрос об обороне в пределах России на Дальнем Востоке стоит еще прочнее. Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского Края, мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию. Приведенные данные наглядно свидетельствуют, что нами на Дальнем Востоке в военном отношении достигнут огромный результат»[143].

Вернувшийся же в столицу А.М. Безобразов представил Николаю II всеподданнейший отчет с выводами полностью противоположными. Он отмечал, что в регионе «мы слабы и находимся в положении критическом»; концепция военного министра о возможности вести войну с Японией путем переброски войск из Приам. в.о. на Квантун и из Сибири и Европейской России в Маньчжурию не выдерживает критики, т.к. расчеты времени переброски войск неправильны, железные дороги в Сибири и Забайкалье не приспособлены для перевозки большого количества войск, а увеличить их провозоспособность до необходимой будет стоить дорого и займет много времени. Поэтому дислокацию войск он считал неправильной, не обеспечивающей их своевременного сосредоточения. При этом еще и Порт-Артур не был оборудован как база ВМФ. «Все это указывает, на желательность иного образа действий, в основание которого должно быть положено непосредственное усиление находящихся в Маньчжурии войск, как головных сил, могущих успешно действовать и в первый период кампании; силы же из Сибири и Европейской России должны служить подкреплениями и вливаться постепенно в головные действующие части». По его прикидкам было достаточно отправить 50 тыс. чел., т.е. корпус в 3 дивизии с артиллерией, кавалерией и войсками обеспечения, и расположить его так, чтобы он мог успеть к любому из угрожаемых пунктов[144]. Практически тоже предлагал и Е.И. Алексеев со своим штабом – безотлагательное и значительное усиление войск, т.е. реально готовиться к войне с Японией, а не изображать подготовку, в надежде, что японцы подождут[145]. Особенно с учетом того, что данные разведки

---

[143] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 879. Л. 13 об.–14. Военный министр целенаправленно врал императору, ни Владивостокская крепость, ни крепость Порт-Артур к этому времени не были достроены, в чем посетивший их менее месяца назад А.Н. Куропаткин убедился лично.

[144] Всеподданнейший отчет статс-секретаря Безобразова по совещаниям, бывшим в Порт-Артуре в июне 1903 г., с приложением военной записки // Цит. по: Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 330–331.

[145] Адмирал Е.И. Алексеев впоследствии жаловался Николаю II, что все обоснованные в его записке требования по усилению войск «на совещаниях 24-го и 25-го июня подверглись значительному сокращению и было предположено вместо 44-х батальонов сформировать лишь 22, из коих: 14 батальонов для гарнизона Порт-Артура и Владивостока и 8 – на увеличение полевых войск; формирование же нового корпуса Пограничной стражи было признано ненужным. Проектированное “Запиской” усиление Порт-Артура в фортификационном отношении подверглось значительным сокращениям…». ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 3 об.–4 об.

становились все тревожнее[146].

О необходимости «скорее усилить войска на месте» А.Н. Куропаткин заговорит только 4 месяца спустя, 18 декабря, когда время будет уже безнадежно упущено. В июле он доложил императору, что предположенного на Порт-Артурских Совещаниях усиления войск будет достаточно, оборону нужно обеспечивать в первую очередь на Западных границах, поскольку на второстепенных можно «поправить дела» при любых неудачах, а угнаться за развитием Японской армии все равно невозможно[147]. Эту же мысль он изложил Р.Р. Розену в Японии 5 июня 1903 г.[148], а затем повторял всем, кто имел хоть какой-то политический вес и влияние вплоть до декабря 1903 г.[149].

Таким образом, единственным существенным усилением русских войск в регионе до сентября 1903 г. стало прибытие в Забайкалье, в г. Чита, вторых бригад 31-й и 35-й пех. див. вместе с артиллерией от 31-й и 35-й арт. бриг. (6 батарей – вторые дивизионы)[150]. Поскольку изначально оставлять бригады на зимовку в Приам. в.о. не собирались, полки[151] были отправлены в составе мирного времени (всего 328 офицеров и 7.223 нижних чинов), налегке и с самым ограниченным обозом – по 8 патронных двуколок с укладкой боевых патронов и без остального имущества необходимого для выступления в поход или передислокации. В местах постоянного квартирования были оставлены даже постельные принадлежности, пособия для обучения стрельбе и занятий в учебных командах, зимняя одежда и т.д. Все это пришлось досылать осенью 1903 г. Батареи прибыли в 4-орудийном составе мирного времени, со старыми орудиями, при 4 патронных ящиках и с запряжкой мирного времени. К началу боевых действий их успели перевооружить новыми скорострельными пушками, но не укомплектовали ни личным составом, ни лошадьми[152]. Доведением бригад до военного состава озаботились только 30 декабря 1903 г.[153].

12 августа 1903 г. начальник Главного штаба В.В. Сахаров приказал приступить к разработке плана перевозки этих бригад обратно, а А.Н. Куропаткин запросил согласие Е.И.

---

[146] Военный агент в Китае К.Н. Десино докладывал в Главный штаб 5 (18) июля: «Я слышал от нескольких лиц разных национальностей, только что прибывших из Японии, что ее население очень воодушевлено против России и желает немедленной войны с нами, и что вообще японцы высказывают полную уверенность, прежде всего, в победе над нашим флотом, а затем и над нашими войсками, хотя последнее считается делом более трудным». 26 июля об этом доложили В.В. Сахарову. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 40.

[147] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 879. Л. 14 об.–17 об.

[148] Запись 5 июня 1903 г. Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.). // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 423.

[149] См.: напр.: Запись 24 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 66–67.

[150] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 5; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1932. Л. 59 об.–65 об.

[151] 139-й пех. Моршанский и 140-й пех. Зарайский полки со 2-м дивизионом 35-й арт. бриг., 123-й пех. Козловский и 124-й пех. Воронежский полки со 2-м дивизионом 31-й арт. бриг.

[152] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 654. Л. 1–1 об., 4–4 об. Даже при таком составе операция по перевозке бригад заняла месяц (12 июня–13 июля), причем произвели ее за счет средств, отпущенных на большие маневры в Варшавском в.о., которые из-за этого были сокращены до масштабов обычных, не требующих дополнительных ассигнований. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 327–329.

[153] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 501. Л. 18–21.

Алексеева. 22 августа Наместник ответил, что «принимая во внимание, что формирования, предположенные для усиления войск Дальнего Востока, еще находятся в периоде первоначального исполнения и что для окончательного осуществления их потребуется еще вероятно немало времени», бригады желательно задержать на Дальнем Востоке как минимум до весны 1904 г., на что 28 августа и последовало Высочайшее повеление. Для удобства возможного сосредоточения и, чтобы не мешали подвозу подкреплений из Сибири и Европейской России, бригады перебросили из Забайкальской области в Приморскую[154].

Продолжалось летом–осенью 1903 г. и вялотекущее усиление войск, предусмотренное старыми планами. К 24 апреля 1903 г. был сформирован 3-й батальон Порт-Артурского креп. пех. полка[155]. В начале лета в Уссурийском ж.д. батальоне сформировали 7-я и 8-я роты, что дало возможность к 10 июля выделить из его состава 4 роты и сформировать новый, 2-й Уссурийский ж.д. батальон, а старый переименовать в 1-й. Батальоны свели в Уссурийскую ж.д. бриг., подчиненную начальнику штаба Приам. в.о.[156]. Тогда же была сформирована Заамурская ж.д. бриг. 4-батальонного состава (1-й, 2-й, 3-й и 4-й Заамурские ж.д. батальоны). Изначально 1-й и 2-й батальоны были только 2-ротные, 3-й и 4-й – 4-ротные, а в полный 6-ротный состав их предполагалось разворачивать в течение ближайших 2 лет, постепенно доведя бригаду до штатной численности в 8 тыс. нижних чинов[157]. 23 января 1904 г. 1-й и 2-й Заамурские ж.д. батальоны были доведены до 4-ротного состава, 3-й и 4-й – 5-ротного, 6 мая 1904 г. – 1-й и 2-й батальоны – до 5-ротного состава, 8 мая 1904 все батальоны были доведены до 6-ротного состава[158]. Преобразования казачьих частей ограничились тем, что 9 марта 1903 г. приказали 1-й Читинский полк ЗКВ и 1-ю Забайкальскую казачью батарею передислоцировать на Квантун, где уже находящийся там 1-й Верхнеудинский полк ЗКВ и вновь прибывший 1-й Читинский полк ЗКВ свели в Отдельную Вост.-Сиб. казачью бриг., начальнику которой подчинили и 1-ю Забайкальскую казачью батарею ЗКВ. 13 августа 1903 г. бригаду переименовали в Отдельную Забайкальскую казачью бриг.[159]. 4 октября 1903 г. число строевых частей, выставляемых ЗКВ в военное время увеличили на один второочередной

---

[154] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 328–328, 797; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 110. Л. 1–60.

[155] ЦГШ № 117 от 4 мая 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903.

[156] Штаб бриг. сформировали к 1 сентября 1903 г. ПВВ № 234 от 24 июня 1903 г. и Штат управления Уссурийской ж.д. бриг. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; ПВВ № 272 от 26 июля 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; ЦГШ № 160 от 30 июля и № 232 от 13 октября 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903.

[157] ПВВ № 240 от 25 июня 1903 г. и штат Заамурской ж.д. бриг. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; ЦГШ № 161 от 31 июля 1903 г. и № 231 от 13 октября 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903; Инженерные и железнодорожные войска. 2-е изд. Испр. и доп. под ред. В.К. Шенк. По 20 мая 1909 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1909. С. 111–112; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 333, 798.

[158] ПВВ № 19 от 23 января, № 251 от 6 мая и № 252 от 8 мая 1904 г. // ПВВ за 1904 г. СПб., 1904.

[159] Высочайшее повеление от 9 августа 1903 г. о наименовании казачьей бриг., сформированной на Квантуне, отдельною Забайкальскою казачьею бриг. // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23333; Высочайшее повеление от 18 февраля 1903 г. о перемещении на Квантунский полуостров 1-го Читинского полка ЗКВ и 1-й Забайкальской казачьей батареи и о сформировании отдельной Вост.-Сиб. казачьей бриг. // Там же. № 22559; ПВВ № 92 от 9 марта, № 164 от 5 мая и № 302 от 13 августа 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.

конный полк – 2-й Аргунский полк ЗКВ, а 5-й (льготный) батальон упразднили[160].

Летом 1903 г. было намечено и формирование третьих батальонов для всех 24-х полков шести Вост.-Сиб. стр. бриг., а также усиление бригадных управлений[161]. 11 июля было решено сформировать также в Приам. в.о. и Квантунской области 7 новых скорострельных батарей и заменить горные батареи скорострельными, что должно было дать вместо 120 скорострельных и 16 горных орудий – 192 скорострельных орудия. Получалось 32 орудия на каждую Вост.-Сиб. стр. бриг., т.е. вместо 1,9 орудия на батальон (876 чел.) – $2^2/_3$, при том, что в японской армии, по имевшимся данным было 3 орудия на батальон (864 чел.). Осознание того, что скорострельных батарей на Дальнем Востоке нужно формировать в 1904 г. еще больше в Военном министерстве уже появилось, но возможность этого была оценена как трудновыполнимая как по финансовым соображениям, так и по транспортным. Вооружать же новые батареи орудиями старого образца было признано нецелесообразным, т.к. артиллерию Приам. в.о. и Квантунской области уже полностью перевооружили новыми дальнобойными пушками. В случае же, если ГАУ не успеет произвести достаточное количество орудий даже для 7 батарей, решено отложить на год перевооружение одного из корпусов, намеченных по плану перевооружения на 1904 г.[162].

18 августа 1903 г., А.Н. Куропаткин познакомился с новым министром финансов Э.Д. Плеске, сообщив ему о необходимости добавочного кредита (сверх прибавки к предельному бюджету в 130 млн. руб.) на расходы по формированию и содержанию 16 батальонов, 3 батарей и 1 саперного батальона для обороны г. Дальний. Когда, 19 августа, Э.Д. Плеске принимал его в своем кабинете им принесли депешу, в которой управляющий банком из Владивостока извещал, что «по донесениям военного агента в Японии, японцы готовятся объявить нам очень скоро войну» и просил немедленно прислать в банк наличность[163].

Не менее тревожные сведения поступали от военных агентов в Главный штаб[164] и Наместнику[165], а также были получены в столице в телеграмме Е.И. Алексеева от 5

---

[160] Таким образом, перечень наименования полков ЗКВ теперь выглядел следующим образом: а) первоочередные: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский и 1-й Аргунский полки ЗКВ; б) второочередные: 2-й Верхнеудинский, 2-й Читинский, 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский полки ЗКВ; 3) третьеочередные: 3-й Верхнеудинский полк ЗКВ. Высочайшее повеление от 4 октября 1903 г., объявленное военным министром Об увеличении числа строевых частей, выставляемых ЗКВ в военное время, и о присвоении всем Забайкальским казачьим конным полкам особых наименований // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23441; ПВВ № 388 от 15 октября 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; ЦГШ № 233 от 15 октября 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903.

[161] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 333, 798.

[162] Гвардейского, 1-го, 14-го, 18-го или 20-го корпусов. Там же. 333–434.

[163] Запись 19 августа 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17… // КА. 1922. Т. 2. С. 60–61.

[164] В телеграмме из г. Чифу от 5 сентября 1903 г. К.Н. Десино сообщал: «Здесь большинство примирилось с нашим пребыванием в Маньчжурии и продолжение этого порядка, по видимому, не произведет шума, тогда как каждый наш успех в Корее теперь может вызвать бурю». 13 сентября В.В. Сахаров доложил эту телеграмму Николаю II. РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 40.

[165] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 6–6 об.

сентября[166]. Последний просил немедленно перевезти в Порт-Артур предназначенную туда 7-ю Вост.-Сиб. стр. бриг.[167]. 8 сентября А.Н. Куропаткин обсуждал международную обстановку с В.Н. Ламздорфом, который тревожился за Дальний Восток[168], 15 сентября – с его товарищем, князем В.С. Оболенским, которого это вопрос тоже тревожил все больше: «Всюду против нас общее возбуждение. Придется или со стыдом отступить, или идти на войну». И первое и второе лицо в МИДе отмечали губительное влияние отсутствия единой политики в регионе, которую вело сразу слишком много людей, а государь «не понимает серьезности положения дел и относится к ним оптимистически». Последнее в полной мере относилось и к военному министру, который уехал в отпуск в с. Шешурино[169].

В донесении начальника штаба Квантунской области в Главный штаб от 18 сентября уже констатировалась готовность японского ВМФ к началу войны и возможность начала высадки противника в Корее со дня на день[170]. Обратили внимание на местах и на то, что с осени 1903 г. среди японцев, проживающих во Владивостоке, и в азиатской части России в целом, стали активно распространяться слухи о приготовлениях Японии к нападению на Россию, и часть японцев, в т.ч. из Владивостока и Харбина, решила вернуться на родину[171].

Остававшийся в Петербурге за военного министра начальник Главного штаба В.В. Сахаров[172] уже 21 сентября приказал Главным управлениям Военного министерства и Командующим войсками Киевского, Московского и Сиб. в.о. немедленно провести проверку

---

[166] «Получаемые мною из различных источников сведения, – телеграфировал Наместник А.Н. Куропаткину, – все более подтверждают, что военные приготовления Японии продолжаются с усиленной энергиею, в виду чего и принимая во внимание общую политическую обстановку, которая дает основание ожидать со стороны Японии решительных действий, представляется для меня крайне необходимым быть осведомленным, в каком положении находится вопрос об усилении нашего военного положения на Дальнем Востоке на основаниях, выработанных в совещаниях, бывших в июне месяце в Порт-Артуре. Вследствие изложенного прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать телеграфировать, на формирование каких именно частей уже последовало Высочайшее соизволение и какому конкретно сроку войска эти могут прибыть местам своего назначения». Там же. Л. 84.

[167] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 84.

[168] Запись 8 сентября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 75–76.

[169] Запись 15 сентября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // Там же. С. 76.

[170] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 5. Указанные сведения в целом соответствовали действительности. Составление оперативных планов войны с Россией в японском Генеральном Штабе и Морском Генеральном Штабе было начато еще в июле 1903 г., но к сентябрю они еще не были готовы. Заблаговременная подготовка высадки японских войск в Корее была начата Генеральным Штабом Японии в конце сентября, а Морским Генеральным Штабом и Главнокомандующим Объединенным флотом Японии только к концу года. При этом подготовка флота шла полным ходом. Еще 24 апреля (7 мая) 1903 г. по приказу морского министра флот был развернут по штатам военного времени, во всех военно-морских базах и пунктах базирования был проведен комплекс организационно-мобилизационных мероприятий на случай «внезапного начала войны с Россией», а на кораблях резерва начались работы по вводу их в строй. 1 июля (по н.ст.) состав Эскадры постоянной готовности был увеличен, корабли отбункерованы кардиффским углем и 2 (15) июля морской министр сообщил британским союзникам, что Япония и ее флот готовы вступить в войну. В начале августа на японском флоте были проведены стратегические учения, на которых была произведена проверка его готовности к боевому развертыванию, отработаны тактические приемы и применение оружия. 19 июля (1 августа) главные силы резервной эскадры получили приказ сразу по завершении ремонта отправиться в Сасебо, куда они и прибыли почти в полном составе к 15 (28) августа (Полутов А.В. Десантная операция… С. 21, 28, 47–48; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 49–61). Таким образом, не только заблаговременная, но и непосредственная подготовка к войне с Россией активно велась Японией еще до начала 30 июля (12 августа) 1903 г. русско-японских переговоров.

[171] Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток, 2014. С. 100; Зайцев Д.М. Японская диаспора во Владивостоке и Русско-японская война 1904–1905 гг. Владивосток, 2006. С. 16–20.

[172] ПВВ № 316 от 3 сентября 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903.

мобилизационной готовности всех частей, предназначенных в случае мобилизации к отправке на Дальневосточный ТВД и проработать вопросы проведения такой мобилизации[173]. Началась разработка вопроса мобилизации Сибирских и Приамурских казачьих частей[174], а А.Н. Куропаткину он отправил письмо с приложением копий с двух депеш Е.И. Алексеева[175], которое тот получил 23 сентября. Сахаров считал, что «Японцы по видимому приступают к активным действиям, что подтверждается и полученными сведениями о прибытии части Японского флота к корейским берегам у Мозампо»[176]. Аналогичного содержания депешу Е.И. Алексеев послал 20 сентября 1903 г. и Николаю II[177]. Куропаткин решил окончить отпуск на месяц раньше и возвратиться в Петербург ко 2 октября, о чем и сообщил Николаю II[178].

Впрочем, в Петербурге достаточно быстро успокоились и на записке А.Н. Куропаткина, что вследствие тревожных сведений с Дальнего Востока он прервал свой отпуск, Николай II написал: «Кажется, тревога на Дальнем Востоке начинает улегаться»[179]. Во многом этому способствовала позиция В.Н. Ламздорфа, по наущению которого Е.И. Алексееву была направлена телеграмма в примирительном духе[180]. Понимания того, что недопущение конфликта требует немедленных серьезных уступок Японии, подтвержденных юридически обязывающими договорами ни у кого не было[181]. 28 октября В.Н. Ламздорф сказал А.Н.

---

[173] Подробную переписку об этом см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 10–18.

[174] Там же. Л. 45–47.

[175] Запись 23 сентября 1903 г. // Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 77; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 1–1 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 6–6 об.

[176] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 920. Л. 1–2; Запись 23 сентября 1903 г. // Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 77. Эта информация не соответствовала действительности, хотя за вторую половину 1903 г. Кабинет министров Японии действительно неоднократно обсуждал вопрос об отправке экспедиционного отряда численностью до 1000 чел. для оккупации Сеула, чтобы упредить возможные действия России. Слухи же обуславливались тем, что японский флот действительно подходил к Цусиме и был у Мезампо. Полутов А.В. Десантная операция… С. 28–29; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 486.

[177] Алексеев знал по донесениям военных агентов, что в Японии разрабатываются планы высадки войск для занятия северной части Корейского полуострова, но не знал где точно предполагается высадка. Поэтому запрашивал указаний как поступить, если высадка действительно начнется, и предлагал принять ряд превентивных мер. «Если таковая высадка в составе даже одной бригады последует на западном Корейском побережье в Желтом море, то […] полагаю, что ограничиться одним протестом к Японии за нарушение ею Московского соглашения 1896 года невозможно и было бы соответственным, кроме предъявления протеста, предупредить Японское Правительство, что всякая дальнейшая посылка войск в Корею не может быть допустима и повлечет за собою принятие нами также военных мер для ограждения наших законных и справедливых интересов. Таковые меры […], могли бы заключаться в нижеследующем: в случае высадки в Чемульпо, Циннампо или устье р. Ялу, 1, оказать противодействие открытою силою на море высадке дальнейших эшелонов, 2, немедленно мобилизовать войска Квантунской области и расположенные в Маньчжурии, одновременно подготовив все для их сосредоточения к Мукдену и объявив всю Маньчжурию на военном положении. Следующею мерою могла бы быть требующая значительного времени мобилизация резервных войск Сибирского, Московского и Казанского округов, предназначенных для подкрепления военных сил Дальнего Востока. Что касается остальных войск Приамурского округа, то, в виду их достаточной мобилизационной готовности и во избежание преждевременных крупных расходов, полагал бы возможным их мобилизацию отложить до полного выяснения обстановки». ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 10–11.

[178] Запись 23 сентября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 77.

[179] Запись 14 октября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // Там же. С. 78.

[180] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 11–11 об.

[181] Еще 10 (23) июня 1903 г. в Токио прошло в присутствии императора совещание политического руководства Японии по вопросам о стратегической ситуации на границах империи и угрозам ее безопасности, на котором присутствовали все гэнро (Ито, Ямагата, Мацуката, Иноуэ), премьер министр Кацура, министры Тэраути, Ямамото, Комура и Ояма. На заседании было констатировано, что оккупация Россией Маньчжурии, аренда Квантунского полуострова с портами Порт-Артур и Дальний могут иметь последствием в ближайшем будущем полное доминирование России в Корее, что трактовалось как прямая угроза Японии. «Небольшая полоска воды отделяет Корейский полуостров от Японского

Куропаткину, что говорил тогда Николаю II: «“Нельзя, Ваше Величество, потрясать кулаком без решимости нанести удар. Придется сбавлять тон, – а это очень нежелательно”. Все же Ламздорфу представляется, что немедленного разрыва с Японией не будет»[182]. Последнее военного министра особенно радовало, поскольку «потрясать» ему на Дальнем Востоке было особо нечем.

Результатом августовско-сентябрьской тревоги стала реализация еще нескольких постановлений Порт-Артурских Совещаний. 30 августа 1903 г. Е.И. Алексееву разрешили разместить одну из стр. бриг. 2-го Сиб. АК в полосе отчуждения. В сентябре было начато, а в октябре – завершено сформирование 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. (7-я – 12-батальонного, 8-я – 8-батальонного состава) для крепостей Порт-Артур и Владивосток[183]. Поскольку Военное министерство все еще пыталось экономить деньги и избежать ослабления частей на Европейском ТВД, формирование обеих бригад снова было произведено порядком, предусматривавшим их последующее доукомплектование, что существенно снижало боеспособность как формируемых полков, так и бригад в целом. Не менее сложным был вопрос переброски формируемых в Европейской России 26–32-го Вост.-Сиб. стр. полков на Дальний Восток, где казарменное строительство хронически запаздывало относительно увеличения численности войск[184].

В результате, вместо предложенного в записке Е.И. Алексеева от 2 июня 1903 г. усиления войск Наместничества на 44 батальона, сокращенного затем решениями Порт-Артурских до 22 батальонов, получалось усиление всего на 10 батальонов (40 рот), отправленных из Европейской России на формирование 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг., и еще 8 батальонов, составивших 9-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. Остальное «усиление» было пересоставлением в новые части уже находившихся на Дальнем Востоке батальонов и рот.

острова Цусима. Переход Кореи под власть иностранной державы будет представлять реальную угрозу безопасности Японии», отмечалось в начале констатирующей части принятого по итогам заседания документа. В концовке же говорилось: «Приступая к переговорам чрезвычайно важно быть полностью готовыми к тому, что Россию будет трудно заставить признать японские интересы в Корее, и тем не менее, “во что бы то ни стало” не уступать в этом» (Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 260–261). В случае необходимости признавалось возможным не останавливаться даже перед началом военных действий (Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 41). Эта установка и предопределила провал последующих переговоров, на которых японское правительство пыталось с Россией не договориться, а «заставить признать японские интересы в Корее», полностью проигнорировав при этом интересы русские (Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 135–143). Следовательно, И.С. Рыбаченок при оценке русско-японских переговоров была во многом права, утверждая: «Но несмотря на податливость соперницы, Токио занял непримиримую позицию – там были готовы к войне и ждали только повода ее начать». Рыбаченок И.С. Закат великой державы… С. 528.

[182] Запись 28 октября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 80.

[183] Высочайшее повеление 11 ноября 1903 г., объявленное военным министром О подчинении 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. комендантам крепостей // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23516; ПВВ № 433 от 19 ноября 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 43–43 об.

[184] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 5; ПВВ № 405 от 30 октября 1903 г. и штат Вост.-Сиб. стр. полка // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; ЦГШ № 242 от 3 ноября и № 267 от 1 декабря 1903 г. // ЦГШ за 1903 г. СПб., 1903; Высочайше утвержденный 12 августа 1903 г. штат Вост.-Сиб. стр. полка // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23338; Справка Главного штаба о ходе формирования новых воинских частей для Дальнего Востока № 24 от 14 сентября 1903 г. // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Порт-Артур… Т. 1. С. 128–129.

Получалось, что запланированное минимальное усиление в 44 батальона было, по финансовым соображениям, еще сокращено, до 18, а 8-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. сформировали не 12-ти, а 8-батальонного состава, причем батальоны были не по штатам военного времени, как предусматривалось решениями Совещаний, а на треть слабее[185]. Сам А.Н. Куропаткин честно телеграфировал 19 сентября 1903 г. Е.И. Алексееву, что реализация намеченного Порт-Артурскими совещаниями за счет средств предельного бюджета министерства невозможна. На пятилетие 1904–1908 гг. требовалось дополнительно еще минимум 40 млн. руб., требование об отпуске которых он и просил Наместника поддержать, что тот и сделал[186].

Когда в столице все в очередной раз успокоились, в военном ведомстве снова перешли к обсуждению долгосрочных планов. Одной из проблем оставалось формирование нового 3-батарейного стр. арт. полка для взаимодействия с 7-й Вост.-Сиб. стр. бриг. Сформировать эту часть на Квантуне не представлялось возможным, поэтому и его было решено создавать в Европейской России. При этом в ГАУ полагали, что с учетом сложной внешнеполитической обстановки, целесообразнее назначить в этот полк уже целые батареи с артиллерией и спаянным личным составом. В результате, 2 батареи были назначены из состава полевой артиллерии Петербургского и 1 – Московского в.о. По мысли А.Н. Куропаткина создание 7-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и нового арт. полка требовалось исключительно для организации обороны г. Дальний: по ее создании 7-я бриг. останется в Порт-Артуре, а 3-я Вост.-Сиб. стр. бриг. с тремя батареями – выдвинется к Дальнему, а поскольку пространство между этими двумя пунктами тоже нужно было прикрывать, обеспечивая при этом взаимодействие двух бригад, то возникла необходимость в формировании еще одной, 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг., трех батарей и сап. батальона, формирование которых было отнесено на 1904 г.[187].

После формирования ее и 3-го батальона Порт-Артурской креп. артиллерии, по подсчетам А.Н. Куропаткина получалось, что за 1903–1904 гг. усиление войск Дальневосточного Наместничества составит 19 пех. батальонов, 1 сап. батальон и 24 орудия. Численность пограничной стражи в регионе в 1901–1903 гг. возросла с 17 до 25 тыс., были сформированы 4 Заамурских ж.д. батальона. Поэтому общее усиление войск на Дальнем Востоке за 1901–1904 гг. А.Н. Куропаткин определял в 30 тыс. чел.[188], при указанных в качестве минимально необходимых: Е.И. Алексеевым 60 тыс. чел. и А.М. Безобразовым – 67 тыс. Военный министр считал это вполне достаточным и, игнорируя данные разведки, продолжал волноваться исключительно за Европейский ТВД. Поэтому, в телеграмме от 20 октября 1903 г., он счел возможным поинтересоваться у Наместника, не признает ли он

---

[185] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 5; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 334–335, 799.
[186] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 29–30, 34–33.
[187] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 337–338.
[188] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 172.

возможным при «таком значительном усилении войск» уменьшить состав предназначенных из Европейской России подкреплений на один армейский корпус, т.к. командирование двух чрезмерно ослабляет положение и боевую готовность на Европейском ТВД[189].

Алексеев, относившийся к сообщениям военных агентов в Японии и Китае с большим доверием, резонно возразил ему 28 октября, что «усиление со времени 1901 года наших войск Дальнего Востока уравновешивается развитием за тот же период вооруженных сил наших предполагаемых противников». Поэтому сокращение предполагаемых подкреплений сразу на целый корпус он считал преждевременным, допуская его «только в том случае, если бы после первых боевых столкновений на море или на суше выяснилось, что перевес находится решительно на нашей стороне»[190]. Тогда, было бы возможно сократить отправляемые на Дальневосточный ТВД подкрепления на две дивизии из Казанского в.о., но никак не на корпус, поскольку с переходом войск Приам. в.о. от 100 до 84 рядов в ротах и переходом артиллерии к мирной запряжке, боевая и мобилизационная готовность войск уменьшилась, батальоны формируемых 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. имели очень слабый состав, который при мобилизации нечем было укомплектовать до штатов военного времени[191], а усиление с 17 до неполных 23 тыс. частей ЗО ОКПС привело к резкому падению качества этих частей[192]. О последнем А.Н. Куропаткин сам неоднократно указывал в поездке по Дальнему Востоку[193].

Более того, Е.И. Алексеев не считал процесс усиления обороноспособности региона законченным даже после предположенного формирования 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг., отмечая 19 ноября 1903 г. в письме А.Н. Куропаткину[194] важность принять меры по повышению мобилизационной готовности резервных войск в Сиб. в.о., снабжению их артиллерией и по усилению провозоспособности Сиб. железной дороги, чтобы эти подкрепления можно было на Дальневосточный ТВД перебрасывать если не оперативно, то хотя бы своевременно. Для этого он предлагал сформировать корпус из двух дивизий с артиллерией в Иркутске, включив в него хотя бы те дивизии, две бриг. которых уже прибыли на Дальний Восток летом 1903 г.

Эти дискуссии не помешали Е.И. Алексееву и его штабу совершить еще одну крупную ошибку. 8 октября 1903 г., вопреки позиции командования Приам. в.о., он распорядился исполнить высочайшее повеление от 22 июня 1903 г. об увольнении в запас нижних чинов

---

[189] Там же. Между тем в Японии 18 сентября (1 октября) 1903 г. умер заместитель начальника Генерального Штаба Тамура Иезо и его место занял генерал-лейтенант Г. Кодама – активный сторонник вступления в войну с Россией, что привело к ускорению подготовки к войне. В первой декаде ноября (по н.ст.) «в префектуре Хейго проводились большие маневры сухопутных войск, началась отработка ведения реальных боевых действий», в стране началось поэтапное введение чрезвычайного законодательства. Показательно также, что 30 сентября (1 октября) в Японии морской министр Ямамото распорядился закупить сверх имевшихся запасов еще 1 млн тонн кардифского угля для предстоящих военных действий, на что Министерство финансов согласилось выделить $^{2}/_{3}$ запрошенной суммы из средств следующего, 1904 г. Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 43, 50.

[190] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 501. Л. 1.

[191] Все имевшиеся в Сиб. в.о. запасные были распределены мобилизационными росписаниями по другим частям.

[192] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 501. Л. 2–3 об.

[193] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 53–61 об.; Там же. Д. 1931. Л. 14–29; Там же. Д. 1932. Л. 53 об.–56.

[194] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 86 об.

срока службы 1899 г.[195]. За 3 месяца до начала войны, в условиях недостатка личного состава для развертывания по штатам военного времени уже имевшихся частей и необходимости формировать новые, домой были отправлены наиболее подготовленные солдаты и унтер-офицеры – те, что прошли Китайских поход 1900–1901 гг. и операции по борьбе с хунхузами в Маньчжурии в 1902 г. О том, что во время всех предыдущих внешнеполитических осложнений в регионе (в 1879–1881, 1885 и 1895 гг.) задержание на службе подлежащих увольнению нижних чинов было первой и важнейшей из реализуемых мер по подготовке к возможному конфликту, в Порт-Артуре вероятнее всего не знали.

Параллельно с бесконечной «войной за показатели» с А.Н. Куропаткиным, на Квантуне и в Приам. в.о. был принят ряд мер, которые можно было провести без его санкции. Еще в январе 1902 г. определили места наблюдательных пунктов на побережье Квантунского полуострова, приступив к строительству там помещений и проведению телеграфа. Были заказаны аппараты беспроволочного телеграфа. Были разработаны проекты наблюдения за морскими подступами к Владивостокской крепости и связи Порт-Артурской эскадры с Владивостоком (второй реализован не был). В 1903 г. снова возбужден вопрос о необходимости устройства в Квантунской области военно-голубиной почты, впервые поднятый еще в 1902 г. 6 октября Е.И. Алексеев ходатайствовал перед А.Н. Куропаткиным о заблаговременной подготовке передовой прод. базы в Ляояне[196], 27 октября 1903 г. – перед министром финансов об устранении недостатка подвижного состава на КВЖД и об усилении ее пропускной способности[197]. Снова был поднят перед Военным министерством вопрос об улучшении обороны низовьев и устья р. Амур усилением существующих укреплений и возведением новых, и перед Морским – вопрос о создании канонерской флотилии на р. Амур[198], на необходимость чего указывал еще первый Командующий войсками Приам. в.о. в 1885 г.[199]. Составили соображения для обеспечения района сосредоточения войск занятием р. Ляохэ и наблюдения за районом к западу от нее на случай враждебных действий Китая. Всю осень временный штаб Наместника обсуждал с командованием Приам. в.о. детали формирования в военное время в Приморской области и на о. Сахалин дружин. Была предпринята поездка старших начальствующих лиц и офицеров Генерального Штаба для изучения условий обороны нижнего течения р. Ялу[200]. Всю вторую половину 1903 г. Окружной штаб и штаб Квантунской области согласовывали подробности частной

---

[195] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 821.
[196] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 7; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 339.
[197] Был получен ответ, что необходимые распоряжения сделаны. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 6 об.
[198] Там же. Л. 7; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 339.
[199] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 14–14 об.
[200] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 6 об.–7.

мобилизации войск на случай начала войны с Японией[201].

К концу октября до Петербурга дошли очередные сведения о подготовке японцами высадки в Корее[202]. Русско-японские переговоры к этому времени проскальзывали[203], и Е.И. Алексеев 5 ноября 1903 г. уже откровенно телеграфировал в МИД, сильно нервируя В.Н. Ламздорфа: «Основываясь на энергичной деятельности Японии в Пекине и Сеуле, направленной против России при сочувствии и поддержке представителей Англии и Америки, а также принимая в расчет непрекращающиеся приготовления Японии к усилению ее боевой готовности, – возможно предвидеть, что непринятие ею наших предложений может сопровождаться не только занятием Кореи, как предполагалось прежде, но и обращением к нам по Маньчжурскому вопросу в согласии с Китаем. В виду возможности такого исхода, мне казалось бы более осторожным замедлить передачу нашего проекта, дабы иметь время привести в исполнение некоторые уже начатые, согласно Высочайшим предначертаниям мероприятия, направленные к усилению нашего военного положения на Дальнем Востоке…»[204]. 17 ноября уже К.Н. Десино сообщил, что при отсутствии уступок со стороны России, Япония объявит войну[205], что полностью соответствовало действительности.

К реализации заключений Порт-Артурских совещаний пришлось вернуться. 16 ноября состоялось Высочайшее повеление о формировании 3-го батальона Квантунской креп. арт. (через 2 месяца был отправлен в Порт-Артур), вылазочной батареи, минной роты и креп. военного телеграфа в Порт-Артуре. Как впоследствии докладывал Николаю II Е.И. Алексеев: «Всего же к ноябрю 1903 года войска Наместничества были усилены только прибывшими к этому времени 16-ю батальонами (31-й и 35-й дивизий)»[206].

Состоявшееся 21 ноября 1903 г., по итогам ходатайств А.Н. Куропаткина и Е.И. Алексеева к Э.Д. Плеске, Особое совещание под председательством председателя департамента государственной экономии Государственного Совета статс-секретаря Д.М. Сольского выделило из средств Государственного казначейства еще 12 млн. руб. сверх предельного бюджета, из которых по 3 млн. руб. предполагалось к отпуску в 1903 и 1904 гг. и 6 млн. руб. – в 1905 г. Эти деньги должны были пойти: на формирование 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг., доукомплектование 7-й Вост.-Сиб. стр. бриг., на формирование: арт. полка 3-

---

[201] Переписку об этом см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 117. Л. 1–49 об.
[202] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 486.
[203] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 6 об.–16. Подробнее об истории второго раунда переговоров см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»…С. 544–557; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 480–492; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 276–288; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 135–137.
[204] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 14 об.
[205] Военный агент в Китае К.Н. Десино телеграфировал 17 (30) ноября из Шанхая: «Серьезный источник сообщает, что здешняя таможня получила телеграмму из Пекина, что теперь наступает политический кризис, и если мы не сделаем уступки относительно Маньчжурии, то весьма скоро Япония и Китай объявят нам войну». 3 декабря ее содержание было доложено А.Н. Куропаткиным императору (РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 60–61). Информаторы К.Н. Десино до сих пор неизвестны, однако японские исследователи признают, что он имел доступ даже к японским телеграммам. Инаба Ч. По следу эскадры З.П. Рожественского… С. 69.
[206] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 5 об.–6; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. С. 340, 801.

батарейного состава, арт. парков, сап. батальона, а также на покрытие расходов по содержанию этих частей. Было решено также сформировать в Порт-Артуре две креп. команды: жандармскую и пожарную[207]. Заодно 20 ноября 1903 г. был официально создан временный штаб Наместника[208]. С учетом реакции на предыдущие ходатайства, Е.И. Алексеев 28 ноября 1903 г. с иронией телеграфировал А.Н. Куропаткину «сердечную признательность за все Ваше содействие к выполнению программы усиления войск Дальнего Востока в столь короткий срок»[209]. Вылазочную батарею сформировали прямо в Порт-Артуре за счет сверхкомплекта офицеров и нижних чинов частей полевой артиллерии Приам. в.о. и Квантунской области. Порт-Артурскую креп. минную роту – по принципу «с миру по нитке»[210]. Креп. пожарную команду – в Порт-Артуре, а жандармскую – в Петербурге[211].

К 4 декабря в Военном министерстве вспомнили про о. Сахалин и куропаткинскую идею сформировать там два нормальных пех. батальона вместо четырех имевшихся местных команд. Однако, когда выяснилось, что немедленное формирование батальонов, строительство для них казарм и расформирование уже существующих команд обойдется в 1.537.373 руб. и потребует отправки на остров еще 715 чел. из Европейской России, а постепенное в течение 5 лет посредством добавления в команды необходимого числа новобранцев без отправки людей из Европейской России – 1.309.461 руб., А.Н. Куропаткин распорядился отложить вопрос до появления средств в бюджете или ходатайства Наместника (которого в известность не поставили) и ограничиться формированием 1 батальона.

С сентября 1903 г. велась дискуссия между Военным министерством и Е.И. Алексеевым о времени и способе формирования 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. 5 сентября В.В. Сахаров по поручению А.Н. Куропаткина телеграфировал Е.И. Алексееву, что «в видах быстроты и возможного уменьшения расходов» полагается формирование этой бригады провести весной 1904 г. выделением из каждой Вост.-Сиб. стр. бриг. «по одному батальону, в предположении, что 7-я и 8-я бригады будут сформированы зимой. Взамен выделенных частей бригады должны были сформировать новые батальоны из своего состава, пополнив происшедший некомплект новобранцами призывов 1903 и 1904 годов»[212]. В Порт-Артуре были категорически против такого способа формирования 9-й бриг., требовавшего

---

[207] Высочайшее повеление от 16 ноября 1903 г. О сформировании в Порт-Артурской крепости креп. жандармской и пожарной команд // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23536; ПВВ № 468 от 15 декабря 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 340, 801; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 230.

[208] Высочайшее повеление от 16 ноября 1903 г., объявленное военным министром Об учреждении Временного Штаба Наместника на Дальнем Востоке // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23535; ПВВ № 434 от 20 ноября 1903 г. и Штат временного Штаба Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке по заведыванию делами военного управления // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 230.

[209] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 233.

[210] Из нижних чинов восьми минных рот, и двух речных минных рот. Аналогичным образом для создания Порт-Артурского военного телеграфа были назначены нижние чины из рот 22 сап. батальонов (!) входивших в состав 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й сап. бриг. Формирование этих двух частей проводилось в Москве при 6-й сап. бриг.

[211] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 340–341, 801.

[212] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 37–37 об.

значительного перемещения частей, порождавшего организационные трудности, но дававшего лишь символическое усиление войск на 3–4 тыс. чел. Поэтому Е.И. Алексеев еще 17/18 сентября 1903 г. предлагал вместо такого формирования 9-й бриг. просто развернуть уже имевшуюся 8-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. (во Владивостоке) до изначально предполагавшегося 12-батальонного состава, назначив в нее весь избыток новобранцев. Чтобы при этом не лишиться стратегических выгод расположения частей в Южной Маньчжурии, организовав хоть чем-то оборону района г. Дальний предлагалось вывести всю 2-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. из состава 1-го Сиб. АК и весной будущего года перевести ее из Приам. в.о. на постоянное квартирование на Квантун. Формирование же 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. «с точки зрения местных интересов и ввиду сокращения расходов казны, казалось бы проще всего» произвести на основе зазимовавших на Дальнем Востоке полков 31-й и 35-й пех. див., доведя каждый полк до 2-батальонного состава. Другой вариант, использовать только одну из этих бригад, сформировав из каждого ее полка два стр. полка 2-батальонного состава, «с сохранением названия одному из них», и пополнив некомплект частью переводом нижних чинов из другой бригады», перед ее возвращением в Европейскую Россию, а частью новобранцами призыва 1904 г. В случае если ни один из этих вариантов не признавался возможным, Е.И. Алексеев предлагал отложить формирование бригады до осени 1904 г.[213]. Аналогичным образом он предлагал воспользоваться дивизионами 31-й и 35-й арт. бриг. для формирования арт. частей и, помимо этого, наряду с креп. частями и учреждениями в Порт-Артуре сформировать жандармскую и пожарную команды. Возражений против формирования сап. батальона в Европейской России у Е.И. Алексеева не было[214].

Против использования 31-й и 35-й пех. див. категорически выступил А.Н. Куропаткин («нарушит организацию войск в Европейской России»); против передислокации 2-й Вост.-Сиб. стр. бриг. – командование Приам. в.о., где численность войск и без того признавалась недостаточной. Поэтому 5 октября 1903 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал Е.И. Алексееву, что 9-ю бриг. будут формировать на основе первоначальных предположений, пополнив образующийся в Вост.-Сиб. стр. полках некомплект отправкой личного состава из войск Европейской России. Алексеев 11 октября согласился на это только при условии, что людей отправят немедленно, добавив, что тогда 9-ю бриг. нужно формировать не позднее весны 1904 г., заодно доформировав 8-ю бриг. до 12-батальонного состава из 8-батальонного[215].

Впрочем, шестью днями ранее А.Н. Куропаткин вошел с всеподданнейшим докладом о доформировании 8-й бриг. до указанного состава в течение зимы 1903–1904 гг., расходы были определены в 6 мил. руб. на 5 лет, из которых 1.400.000 руб. предназначались на постройку

---

[213] Там же. Л. 45–46 об.
[214] Там же.
[215] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 6 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 111. Л. 69–69 об., 73.

казарм[216]. «При этом, – записал он в дневнике, – мной ставился вопрос: на какие суммы отнести это формирование, предвиденное на совещании в Порт-Артуре: на предельный бюджет или на особые кредиты, сверх предельного бюджета. В первом случае указывалось, что придется на 6 млн р. сократить наши предположения по усилению Западного фронта империи. Государь 25 октября на этом докладе написал: “Считаю эту меру лишнею, ввиду общего усиления войск на Дальнем Востоке”»[217]. 1 ноября 1903 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал Е.И. Алексееву, что в виду общего усиления числа войск на Дальнем Востоке формировать третьи батальоны в 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. Николай II не разрешил. К середине ноября 7-я и 8-я Вост.-Сиб. стр. бриг. уже были сформированы[218].

23 ноября 1903 г. В.Е. Флуг обреченно писал военному агенту в Японии В.К. Самойлову, от которого поступали основные сведения об активизации подготовки этой страны к войне с Россией: «Мы все время настаиваем на усилении войск Дальнего Востока, но все требования такого рода встречают в Петербурге почти непреодолимое сопротивление, зависящее главным образом от слабости финансовых средств государства»[219]. При этом переговоры с Японией тоже шли «неуспешно», как выразился В.Н. Ламздорф в разговоре с А.Н. Куропаткиным 24 ноября, поскольку ни одна из сторон не желала идти на серьезные уступки, а «Алексеев ставит требования японцам, как будто они побеждены уже»[220], при стабильном одобрении этой позиции императором[221]. Кроме того, министр иностранных дел был убежден, что Е.И. Алексеев, несмотря на запрет, намеренно затягивает переговоры и «озабочен лишь способом выиграть необходимое время для надлежащего приготовления к вооруженной борьбе с Японией». Доложенный В.Н. Ламздорфом 8 ноября 1903 г. Николаю II вывод оказался пророческим: «Трудно, однако, допустить, чтобы подобный план ускользнул от зоркого внимания Токийского Правительства и что бы оно спокойно стало выжидать минуты, когда Наместником будут закончены все мероприятия, направленные к достижению превосходства Русских военно-морских сил в Тихом Океане над Японскими»[222]. Впрочем, сами японцы продолжали работать на опережение, что, в свою очередь, не ускользало от

---

[216] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 343.

[217] «Несколько дней тому назад, – записал А.Н. Куропаткин, – государь возвратил также доклад о порядке объявления мобилизации на Дальнем Востоке, причем испрашивалось указание: будет ли представлено наместнику объявить мобилизацию в пределах наместничества, или это объявление будет совершаться лишь волею государя на общем основании. Государь начертал: “Оставить по прежнему” (т.е. по закону, без особых полномочий наместнику)». Запись 28 октября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18. С 21 августа 1903 г. по 27 ноября 1903 г. // КА. 1922. Т. 2. С. 79–80.

[218] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 343; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 5 об.

[219] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 343.

[220] Запись 24 ноября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18… // КА. 1922. Т. 2. С. 85.

[221] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 6 об.–16; Там же. Ф. 568. Оп. 1. Д. 211. Л. 28–31; Подробнее об истории второго раунда переговоров см.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…»… С. 544–557; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 480–492; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 276–288.

[222] ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 215–216.

внимания Порт-Артура[223]. Военный министр в это время еще пытался убедить Николая II «овладеть Северной Маньчжурией путем добровольного соглашения с Китаем, отдав Китаю Южную Маньчжурию, Квантун с Порт-Артуром, ветвь Южной железной дороги и, кроме Северной Маньчжурии, получить еще вознаграждение в 250 млн р[уб].»[224], а соответственно, всячески тормозил принятие мер по повышению обороноспособности этих территорий[225].

Высочайшее повеление о формировании 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. в срок по ближайшему усмотрению Наместника, но не позднее 1 мая 1904 г., последовало 5 декабря 1903 г. Вместо присылки нормальных частей, бригаду по настоянию А.Н. Куропаткина формировали путем выделения по одной роте от каждого из 32 Вост.-Сиб. стр. полков, и без того очень слабого состава. Образовавшийся в полках некомплект предполагалось пополнить новобранцами призыва 1903 г. по прибытии их на Дальний Восток, и переводом офицеров и нижних чинов из частей Европейской России[226]. Более-менее нормально сформировали для 9-й бриг. только Вост.-Сиб. стр. арт. полк, в составе трех скорострельных батарей, выделив их из состава полевой артиллерии Варшавского и Виленского в.о. В то же время сформировали и 3-й Вост.-Сиб. сап. батальон (4-ротного состава: 3 сап. и 1 телеграфная роты), выделив для этой цели личный состав из инженерных частей Европейской России. Кроме того, предполагалось также сформировать еще один полевой инженерный парк[227].

Продолжалась в военном ведомстве работа и над планом мероприятий на 1904–1908 гг. Министр настаивал на первостепенной важности наращивания сил на Европейском ТВД, как жизненно важном для защиты сердца империи, даже в ущерб безопасности дальневосточной периферии. Это и было закреплено в общем плане мероприятий по Военному министерству

---

[223] К 28 ноября 1903 г., когда барону Комура в Японии Р.Р. Розен передал второй проект русских предложений, в Порт-Артуре констатировали, что «разные признаки указывали на то, что Японское Правительство решило, независимо от переговоров, принять целый ряд подготовительных военных мер как в самой Японии, так и в Корее. Такие меры, в связи с полною боевою готовностью японской армии, внушали серьезные опасения за мирный исход переговоров и указывали на бесполезность дальнейшей передачи неосуществимых проектов соглашений». ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 15 об.–16.

[224] Записи 27 и 28 ноября 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 18…; [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 86–90; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 944. Л. 1–15.

[225] В Японии же подготовка к войне велась планомерно и постепенно активизировалась. 29 ноября (12 декабря) 1903 г. Кодама узнал от своего начальника, Ояма, второй ответ России на очередные предложения Японии. Через 2 дня, 1 (14) декабря он сделал в Генеральном Штабе, перед начальниками отделов, доклад о ходе русско-японских переговоров и «предписал начать серьезные военные приготовления с тем, чтобы не позволить России выиграть время. Было решено вновь и вновь оказывать давление на правительство, чтобы оно изменило русло дипломатических переговоров и они бы велись уже не с целью избежать войны, а исходя из предпосылки таковой. Соответствующим учреждениям было поручено наладить максимально возможное увеличение выпуска оружия и боеприпасов и приступить к пошиву теплой одежды для экспедиционной армии». Продолжалась закупка продовольствия, которое к середине декабря (по н.ст.) начали перебрасывать пароходами в Корею. На флоте 29 ноября (12 декабря) 1903 г. был отдан приказ в срочном порядке отремонтировать все корабли, нуждавшиеся в ремонте; решено сосредоточить все рассеянные по стране корабли резервного флота недалеко от Сасебо, где им следовало ожидать дальнейших приказаний. Крейсеру «Чиеда», отвечавшему за патрулирование Желтого моря, приказали перейти из Чифу в Чемульпо (Инчхон), чтобы вести там наблюдение за временными базами в Корее, в связи с готовившимся Объединенным флотом нападением на Порт-Артур. Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 44–45.

[226] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 180–182; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 14. Подробную переписку о формировании бриг. см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27305.

[227] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 343.

на 1904–1908 гг., где из 130 млн., отпущенных министерству в виде прибавки к предельному бюджету[228], лишь 7 млн. предназначались на Дальневосточный ТВД[229], причем изначально предполагавшиеся по последнему мероприятия были максимально сокращены. Например, кредит на формирование 5-й (в 1906 г.) и 6-й (в 1908 г.) льготных батарей ЗКВ был исключен из сметы по личному приказанию А.Н. Куропаткина, а само формирование батарей отложено до пятилетия 1909–1913 гг. Более того, предельный бюджет Военного министерства тоже был в максимальной степени вычищен от всех мер по усилению дальневосточной окраины[230].

3 декабря 1903 г. А.Н. Куропаткин запишет об этом в дневнике: «Вчера на докладе государю императору наших мероприятий на пятилетие 1904–1908 гг. *мне в значительной мере удалось направить главные усилия наши опять на Запад*. Из 130 млн р. на предельный бюджет взято лишь 7 млн р[уб]. на новые мероприятия на Дальнем Востоке, кроме 30 млн, которые будут отпущены сверх предельного бюджета»[231]; 9 декабря: «Сегодня государь утвердил представленный мною план мероприятий на 1904–1908 гг. на сумму в 130 млн р[уб]. *Удалось перенести наше главное внимание с Дальнего Востока в Европейскую Россию*»[232]. После чего он приказал приступить к выполнению намеченных мероприятий, особо указав: «Мероприятия касающиеся Дальнего Востока осуществлять исключительно в пределах, намеченных планом: выполнение же сверхплановых предположений допускать только в тех случаях, когда вызываемые ими расходы будут обеспечены особыми ассигнованиями из общих средств государственного казначейства, сверх предельного бюджета»[233]. Даже крепость Порт-Артур предполагалось полностью достроить лишь к 1909 г.[234]. В первые дни декабря военный министр, не смотря ни на что, еще не верил в скорую войну с Японией.

4.3. Обучение и боевая подготовка войск

Совершенно неординарная ситуация с обучением и подготовкой войск сложилась на Дальнем Востоке к концу Китайского похода 1900–1901 гг. и сохранялась вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Едва налаженная к 1899 г. единая система обучения войск Приам. в.о., годовой цикл которой завершался в конце лета–начале осени подвижными сборами, куда стягивалось максимальное возможное количество войск, прекратила свое существование в связи с оставлением значительной части войск в Маньчжурии, переброской некоторых из них на Квантун и резкой активизацией казарменного строительств в Южно-Уссурийском крае, которое снова в значительной степени велось руками нижних чинов.

---

[228] Запись 22 марта 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17… // КА. 1922. Т. 2. С. 38–39.
[229] Запись 3 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // Там же. С. 90–91.
[230] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2945. Л. 91–91 об., 127–128 об.
[231] Запись 3 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 90–91.
[232] Запись 9 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина // Там же. С. 93.
[233] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2945. Л. 138–139 об.
[234] Яковлев В.В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995. С. 223.

Командующий войсками округа Н.И. Гродеков докладывал императору о ситуации, имевшей место в 1902 г.: «Расположение большей части войск округа в Маньчжурии послужило одной из причин, вследствие которых дело обучения войск не могло принять вполне нормальный характер. Разбросанные часто небольшими гарнизонами на обширной территории, частью в крае далеко неспокойном и требующем особенного внимания к его населению, войска не могли быть собраны для общих сборов в том количестве, как это было бы желательно. Другая постоянная причина, вследствие которой не все войска округа в отчетном году принимали участие в общих сборах – это дальность расстояний, делающая невозможным сосредоточение для сборов частей, расположенных по Амуру и в Забайкалье. Вследствие перечисленных причин из войск округа должны были принять участие в общих сборах только 10 стрелковых полков, 10 полевых батарей, 1 драгунский и части двух казачьих полков, что составляет около половины всех войск округа. Но большое число строительных работ в Южно-Уссурийском крае по возведению казарм для войск, возвращающихся из Маньчжурии, потребовало привлечения к работам нижних чинов, вследствие чего из числа назначенных в общие сборы стрелковых полков, два участия в них не принимали, а подвижные сборы в Южно-Уссурийском крае были вовсе отменены»[235].

Других серьезных изменений в стандартном годовом цикле обучения в частях и соединениях, не участвовавших в Китайском походе и оставшихся на территории Приам. в.о. не наблюдалось. За исключением того, что этот цикл, впервые в истории округа, в большинстве частей наконец-то сумели уложить в отведенные законом сроки[236]. Причина крылась в том, что с открытием временного движения по КВЖД большая часть новобранцев стала поступать в Приам. в.о. не морским путем, как прежде, а по железной дороге[237]. Уже в 1902 г. более $^{2}/_{3}$ всех назначенных в войска округа новобранцев было перевезено по железной дороге, тогда как еще в 1899 г. – $^{2}/_{3}$ новобранцев доставили морем. «Результатом перехода к перевозке новобранцев по железным дорогам, – отмечал Н.И. Гродеков, – явилось более ранее прибытие их в войска, что дает возможность частям закончить обучение молодых солдат к установленному положением времени. В 1902 году партии новобранцев прибыли в округ по железным дорогам с 20 декабря 1901 года по март, а морем с февраля по апрель; главная масса в январе и феврале месяцах уже была в своих частях»[238]. Кроме того, в округе велось

---

[235] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 5–5 об.
[236] Там же. Л. 5 об.
[237] Вопрос о способах своевременной доставки новобранцев неоднократно поднимался командованием Приам. в.о. Так, по итогам 1898 г. Н.И. Гродеков, писал Николаю II: «Крайне необходимо, чтобы новобранцы, назначаемые в Приамурский военный Округ, прибывали возможно раньше, дабы войска были укомплектованы к весне, наиболее вероятному времени для начала военных действий в крае. Позднее прибытие новобранцев тормозит дело обучения их, ибо курс проходится форсировано, не по положению, чтобы только дать возможность молодым солдатам участвовать в лагерном сборе, после которого их начинают доучивать, и фактически они получают полную подготовку только на второй год своей службы». РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 3 об.
[238] Там же. Д. 876. Л. 5 об.

постепенное внедрение некоторых элементов полученного в походе военного опыта в процесс практического обучения войск.

Иная ситуация была в частях и соединениях, оставшихся на территории Китая и переброшенных на Квантунский полуостров. С одной стороны, из-за сложных условий квартирования (отсутствие или нехватка нормальных помещений, непривычный климат, плохие санитарные условия, недостаток всего необходимого для обучения и т.п.), постоянных переформирований, доукомплектований и непрерывного отвлечения как целых частей, так и отдельных подразделений на хозяйственные нужды, оборонительное строительство, а главным образом – борьбу с шайками хунхузов[239], годовой цикл обучения в подавляющем большинстве частей получился 1901 г. весьма скомканным, а во многих частях – и в 1902–1903 гг. В таких условиях качество прохождения курса зимних занятий и обучения молодых солдат напрямую зависели от талантов и опыта командного и офицерского состава конкретной части и, в меньшей степени, соединения. Один из офицеров 11-го Вост.-Сиб. стр. полка вспоминал, что несмотря на сложности с периодической сменой мест дислокации и помещениями, офицеры делали все возможное, чтобы процесс обучения нижних чинов не был сорван. Описывая ситуацию второй половины 1902 г. он отмечал: «В августе полк не возвратился в Талиенван, а прямо направился в Порт-Артур и стал лагерем в долине между Плоским мысом и высотой батареи № 21. Лагерем мы простояли до середины сентября, а в это время полковое имущество перевозилось из Талиенвана в Порт-Артур, в новые казармы, построенные в Новом городе. […] Перейдя в казармы и устроившись, начались занятия планомерно и систематически. За ходом обучения и воспитания войск неуклонно следил Анатолий Михайлович Стессель, теперь уже командир корпуса и комендант крепости. […] Сам генерал Стессель ежедневно верхом объезжал части крепости и города и наводил порядок, особенно преследовал пьяных матросов и много сажал на “губу”, т.е. гауптвахту»[240].

С другой стороны, оставшиеся в Маньчжурии и на Квантуне войска в течение нескольких лет получали бесценный опыт жизни, службы и, что принципиально важно, ведения боевых действий в условиях совершенно иной географической и цивилизационной реальности, с которой они ранее никогда не сталкивались. Командующий войсками округа Н.И. Гродеков докладывал Николаю II: «Экспедиции 1902 года дали возможность нашим войскам еще раз выказать свои превосходные боевые качества: неутомимость, выносливость, подвижность, всегдашнюю бодрость духа, прекрасную дисциплину. Участие в экспедициях принесло войскам несомненно огромную пользу. Они научились совершать переходы, втянулись, выработали на практике и изучили сноровки походно-боевой жизни,

---

[239] Там же. Д. 875. Л. 1а.
[240] Иванов М.М. Воспоминания генерала Российской армии: 1861–1919. М., 2016. С. 132.

приспособились к условиям довольствия местными средствами в Маньчжурии, изучили одного из возможных будущих противников и огромный театр возможных в будущем военных действий. Боевая, иногда очень суровая, обстановка сплотила части, молодые полки положили начало первым традициям. Военное время подняло дух войск. Разнообразие служебной деятельности войск, перемена обстановки, богатство новых впечатлений – все это благотворно отозвалось на нервной системе офицерского состава, особенно молодежи, утомленной монотонностью службы и условиями жизни на Дальнем Востоке»[241]. Таким образом, пробелы в теоретическом обучении, отсутствие нормальных лагерных и подвижных, а также специальных арт. сборов, с лихвой компенсировались расположением войск в реальных лагерях не в рамках летнего периода обучения, а в силу военной необходимости, перемещениями на большие расстояния (в т.ч. с использованием железнодорожного транспорта) и ведением боевых действий против шаек хунхузов, с применением не только холодного и стрелкового оружия, но даже артиллерии. Именно этот опыт оказался во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. наиболее ценным и поистине незаменимым.

Большое значение в деле подготовки офицерских кадров продолжали играть полевые поездки офицеров Генерального Штаба, которые с 1899 г. имели в округе не ознакомительное, а сугубо практическое значение (сбор и анализ необходимых Окружному штабу сведений о вероятном ТВД). В 1902 г. основное внимание было сосредоточено на изучении Маньчжурии. «Главное место в работах этого рода занимает поездка офицеров Генерального Штаба, которая имела целью ознакомление с предстоящим ныне театром военных действий в пределах Маньчжурии и разрешении на месте тех задач, которые могут выпасть на долю наших войск в случае ведения военных действий при могущей возникнуть борьбе, как с Китаем, так и с Японией. Эта поездка, произведенная тремя группами, выяснила условия военных действий в трех возможных районах столкновений с обоими противниками: Нингутинском, Гиринском и Ляоянском; особо были исследованы свойства реки Сунгари, на ее среднем течении, как оборонительной линии и выработан проект укреплений Харбина, основанный на принципе прикрытия важных железнодорожных сооружений»[242]. Кроме того, офицеры Генерального Штаба лучше ознакомились с театром будущей войны с Японией.

По мере осознания неизбежности войны с Японией, пришлось вернуться и к отработке действий большими массами войск, с привлечением всех трех родов оружия. Наиболее крупные и значимые маневры, имевшие место до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., состоялись в конце лета 1903 г. на Квантунском полуострове. Это были совместные маневры войск Квантунской области с эскадрой Тихого океана. Мероприятие состояло из

---

[241] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 5.
[242] Там же. Л. 6 об.

двух частей. 1-й маневр предполагал следующий сценарий: японцы, пользуясь отсутствием из Порт-Артура русской эскадры, кроме нескольких крейсеров, канонерских лодок и миноносцев, высылают свой боевой флот с десантом для производства высадки на берег Квантуна с целью занятия опорного пункта для обеспечения высадки дальнейшего сухопутного десанта. Обороняющемуся было дано задание: «Не допустить высадку противника на побережье Квантуна от “Deep bay” до Цзиньчжоусской бухты включительно. За побережьем северной части Области установить наблюдение, дабы иметь возможность, в случае высадки там противника, своевременно сосредоточиться к Цзиньчжоусской позиции»[243]. Обороняющийся отряд был разделен на 2 части: гарнизон крепости Порт-Артур (11¼ батальона, 1 сотня, 16 орудий и 2 батальона крепостной артиллерии[244]) и полевой отряд (7 батальонов, 4 сотни, 24 орудия и 8 пулеметов[245]). «Пехота и саперы выступают в составе 64-х рядов в ротах, казаки 12 рядов во взводах, артиллерия – 8 орудий со всеми зарядными ящиками. Обоз иметь по усмотрению начальника отряда»[246]. В тесном взаимодействии с ними должна была осуществляться морская оборона Квантуна возложенная на флот[247]. Общее руководство маневрами и обязанности главного посредника принял на себя Е.И. Алексеев[248].

В основе 2-го маневра лежало предположение, что японская армия, перейдя у г. Вичжю р. Ялу, двинулась главными силами к г. Ляоян, а для овладения Квантуном выделила один корпус на юг. В то же время для облегчения операций этого корпуса, из Японии вышла к берегам Квантуна транспортная эскадра с десантом, под охраной боевого флота[249]. Задание обороняющемуся было то же, что и в 1-м маневре: «Японский корпус двигается от р. Ялу на юг для овладения Квантуном; для содействия ему из Японии направлен особый десантный отряд под охраной боевой эскадры, для высадки на берегах Квантуна. Квантунский полевой корпус расположен большей частью сил у Бицзыво, остальная часть на Квантунском полуострове охраняет побережье и Цзиньчжоусскую позицию. В Порт-Артуре находится свой гарнизон и стоит боевая эскадра». Наступающему было дано задание для облегчения операций корпуса наступающего от р. Ялу на Квантун, произвести высадку на побережье Квантуна с целью овладеть Цзиньчжоуской позицией; обстановка: «По сведениям, на

---

[243] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 113. Л. 8.
[244] 3-я Вост.-Сиб. стр. бриг. – 8 батальонов, Порт-Артурский креп. пех. полк – 3 батальона, две батареи Вост.-Сиб. арт. дивизиона – 16 орудий, Квантунская креп. арт. – 2 батареи, 1 сотня казаков и Квантунская сап. рота с гелиографной командой. Там же. Л. 8.
[245] По одному батальону от 5-го и 15-го Вост.-Сиб. стр. полков, 13-й и 14-й Вост.-Сиб. стр. полки – 4 батальона, пулеметная рота (8 пулеметов), первые батареи Забайкальского арт. дивизиона, Вост.-Сиб. стр. арт. дивизиона и 2-й Вост.-Сиб. арт. бригады – 24 орудия, Верхнеудинского казачьего полка ЗКВ – 4 сотни и 2-й Вост.-Сиб. сап. батальон с гелиографной командой. Там же. Л. 8–8 об.
[246] Там же. Л. 8 об.–9.
[247] «Диана», «Паллада», «Всадник», «Гайдамак», «Забияка», 12 эскадренных миноносцев, 2 лодки 2 минных транспорта. «На эскадре голубиная почта». Оборона порта: «Джигит», «Разбойник» и «Гремящий»; резерв: «Варяг» и «Лейтенант Бураков». Там же. Л. 8–8 об.
[248] Там же. Л. 23–23 об.
[249] Там же. Л. 9.

Квантуне, к югу от Цзиньчжоуского перешейка находится кроме гарнизона Порт-Артура не более 8-ми батальонов, разбросанных по всему полуострову; остальная часть Квантунского корпуса расположена в Бицзыво. В Порт-Артуре стоит боевая эскадра»[250].

Обороняющийся отряд снова был разделен на 2 части: полевые войска (8½ батальона, 3½ сотни, 24 орудия и 8 пулеметов[251]) и гарнизон крепости Порт-Артур (3¼ батальона, 8 орудий, 2 батальона крепостной артиллерии, 1 сотня[252]), в тесном взаимодействии с которыми должна была действовать эскадра[253].

Силы наступающего составили: эскадра и десантный отряд («морской»[254] и «сухопутный»[255] десанты – всего: 8¼ батальона, 16 орудий и ½ сотни).

Программа маневров предполагала: «Для первого маневра войска выступают из лагеря с таким расчетом, чтобы 15-го сентября засветло быть на своих местах. Начало маневра в полночь 16-го сентября, окончание в 8 час. утра 18-го сентября. С 18 по 21-е сентября перерыв, в течение которого войска расходятся для 2-го маневра. 22-го сентября посадка десантного отряда на суда. Посадка происходит в г. Дальнем с 8-ми часов утра по росписанию, составленному Штабом Начальника эскадры. По принятии десанта эскадра, по распоряжению Начальника эскадры в 8 часов вечера уходит в море и должна скрыться из вида Квантунских берегов. С 8-ми часов утра 23-го сентября начало маневра; окончание в 12 часов дня 26-го сентября. 27 сентября парад войскам принимавшим участие в маневре»[256].

Официально заявленными целями маневров были: первого – выяснить возможность быстрого сосредоточения наибольшего числа войск к действительному пункту высадки; второго – выяснить возможность отражения высадки на Квантуне при условии десанта в равных силах с полевыми войсками Квантуна (т.е. не считая гарнизона крепости Порт-Артур). Обоих: а) Дать войскам практику в организации охраны и наблюдения побережья. б) Дать войскам и эскадре практику в посадке и высадке войск. в) Дать десантным средствам практику в производстве десанта[257].

---

[250] Там же. Л. 9–9 об.

[251] 3-я Вост.-Сиб. стр. бриг. без одного батальона – 7 батальонов, сводный батальон 5-го Вост.-Сиб. стр. полка, Пулеметная рота – 8 пулеметов, 2-го Вост.-Сиб. сап. батальона 1 сап. и 1 телеграфная роты с 4-мя гелиографистами, две батареи Вост.-Сиб. стр. арт. и одна батарея Забайкальского арт. дивизиона – всего 24 орудия и 3½ сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка ЗКВ. Там же. Л. 9 об.

[252] Порт-Артурский креп. пех. полк – 3 батальона, батарея Вост.-Сиб. стр. арт. дивизиона – 8 орудий, Квантунская креп. арт. – 2 батальона, 1 сап. рота 2-го Вост.-Сиб. сап. батальона с 4-мя гелиографистами и 1 сотня казаков. Там же. Л. 10.

[253] «Победа», «Севастополь», «Диана», «Паллада», «Новик», «Всадник», «Гайдамак», «Енисей», «Амур», «Забияка», 2 канонерские лодки, 6 эскадренных миноносцев; «Оборона входа в порт и внутреннего рейда»: «Джигит», «Разбойник», «Гремящий»; и резерв: «Варяг» и «Лейтенант Бураков». «На флагманском судне – отделение голубиной почты». Там же. Л. 10.

[254] Пехоты – 2 батальона, артиллерии – 8 орудий.

[255] Сводный полк: 1-й батальон от 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и 13-й Вост.-Сиб. стр. полк – 2 батальона; Сводный полк: 14-й Вост.-Сиб. стр. полк – 2 батальона и 1-й батальон 15-го Вост.-Сиб. стр. полка; 1 батарея 2-й Вост.-Сиб. арт. бриг. – 8 орудий, Квантунская сап. рота с 4-мя гелиографами и ½ казачьих сотни. Там же. Л. 10 об.

[256] Там же. Л. 11.

[257] Там же. Л. 11 об.

В дальнейшем предположения для маневра 23–28 сентября были несколько скорректированы. «I. Атака и оборона Цзиньчжоусской позиции. 23-го сентября. Десантный отряд, произведя высадку в бухте Керр, овладел Цзиньчжоусской позицией. Квантунский отряд сосредоточился к вечеру 22-го сентября у ст. Нангалин для атаки на следующий день Цзиньчжоусской позицией. […] Примечание. К 5 часам пополудни 22 сентября должно быть выставлено охранение и может начаться разведка. Начало наступления не ранее 6 часов утра 23-го сентября.

II. Движение к П.-Артуру, атака и оборона крепости: *24-го сентября*. Квантунский отряд, получив известие о приближении к неприятелю значительных подкреплений, с 6 ч. утра 24 сентября начинает отступление к крепости П.-Артур, с целью избегнуть боя при невыгодных для себя условиях. Десантный отряд выждав подхода конницы, с 8 часов утра переходит в быстрое наступление с целью замедлить отступление противника и вовлечь его в бой, имея в виду приближение своих подкреплений (мнимых). Примечание. На ночлег отряды становятся не ближе 6 верст один от другого. *25-го сентября*. Движение обоих отрядов начинается в 6½ часов утра. Наступающий отряд, дойдя до Волчьих гор (Дундалин), останавливается на ночлег. *26-го сентября*. Дневка. Разрешается делать передвижения обороняющемуся для распределения войск по секторам обороны, а наступающему для сосредоточения войск перед сектором выбранным для атаки. Разведка производится в течение всего дня. *27-го сентября*. Атака крепости Порт-Артур. Наступление начинается не ранее 6-ти часов утра. *29-го сентября*. Парад»[258].

Тщательно проработаны были и действия флота. «Предполагаемое росписание морских маневров» предусматривало следующий график действий русской эскадры: 10 сентября. Выход нападающей эскадры из Владивостока. 15 – Приход к линии Шантунг – о-ва Джемс Холл. 15 – Начало маневров. 16, 17 сентября – дни высадки. 18 сентября в 8 час. утра – конец 1-й задачи. 18, 19, 20 и 21 сентября. Перерыв для переформирования эскадр, пополнения запасов угля. 22 сентября – посадка сухопутных войск. 22 – в 8 час. вечера – уход в море. 23, 24, 25 и 26 сентября – дни для высадки и блокады Порт-Артура. 26 сентября в 12 час. дня. конец маневров. 26, 27, 28 и 29 сентября – соединение эскадры на Артурском рейде и подготовка к смотру. 30 сентября – смотр[259].

Флоту также были поставлены две основные задачи. Первая: а) Нападающая эскадра. Эскадра Тихого океана, находящаяся во Владивостоке, изображает японский флот, который неожиданно выходит из Сасебо с десантным отрядом на судах, чтобы, пользуясь отсутствием в Порт-Артуре русской эскадры, пройти незамеченным к берегам Ялу и Квантуна и высадить

[258] Там же. Л. 43–44.
[259] Там же. Л. 24, 28–29 об.

свой десант для занятия: Цзинджоусской позиции, г. Дальний, или другого, удобного опорного пункта, позиции, обстреливая, для отвлечения противника, Порт-Артур. Сухопутный десант изображается судовым десантом. Предположение: «Эскадра Тихого океана отвлечена демонстрацией к Владивостоку и находится еще в пути, а против нападающего могут действовать только оставшиеся в Артуре суда. б) Обороняющая эскадра. Имеемыми судами стараться отыскать нападающего в море, в районе до линии маяк Шантунг и острова Джемс-Холля и донести в Артур сухопутным силам и в тоже время минными атаками и заграждением препятствовать высадке. На сухопутные войска ложится обязанность своевременно сосредоточения сил у угрожаемого пункта и недопустить высадку».

Вторая задача: а) Нападающая эскадра. Переформировав состав судов, согласно росписанию, и приняв десант из сухопутных войск, она, изображая неприятельскую транспортную и охранную эскадры, повторяет попытку высадки сухопутного и морского десанта, а также блокирует и бомбардирует крепость Порт-Артур и г. Дальний. Предположение: «Нападающая эскадра прошла в Желтое море и подошла незамеченной к Квантуну на расстояние до 50 миль, на которые и удаляется от берегов в море. б) Обороняющая эскадра. Переформировав состав судов и будучи осведомлен, что неприятель, пройдя незамеченными крейсерами линию Шантунг–Джемс-Холл, приблизился к берегам, – обороняющая эскадра выясняет точное его место нахождения и принимает все меры, чтобы воспрепятствовать высадке, замедляя эту операцию как атаками оборонительной эскадры и миноносцев, так и минным заграждением»[260].

Это были первые в истории маневры, когда русская армия и флот отрабатывали на Дальнем Востоке совместные действия. Однако, несмотря на ощутимую пользу для войск, их практическое значение с точки зрения реальной организации обороны Квантунского полуострова и Порт-Артура оказалось невелико. При подготовке маневров опыт действий японской армии в Японо-китайскую войну 1894–1895 гг., в том числе и высадки войск на континент, не учитывался, в связи с чем как задание, так и действия наступающего имели мало общего с японскими планами начала кампании против России. Один из офицеров 11-го Вост.-Сиб. стр. полка, участвовавший в маневрах очень точно охарактеризовал ситуацию: «В августе был интересный маневр с высадкой десанта, но, разумеется, японцы не так высадились в 1904 году»[261].

В целом же, несмотря на сложности с прохождением стандартного годового цикла занятий, проблемы с казарменным обеспечением, не дававшие возможности в полном объеме вести обучение в зимний период, периодические задержки в присылке уставов и разного рода

---

[260] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 113. Л. 25, 26.
[261] Иванов М.М. Воспоминания генерала Российской армии… С. 135.

пособий, различные эпидемии, эпизоотии и отвлечение войск на работы по железнодорожному, оборонительному и необоронительному строительству, благодаря боевому опыту Китайского похода 1900–1901 гг. и последующих операций по уничтожению банд хунхузов в 1902–1903 гг., войска Приам. в.о. и Квантунской области, а затем и Дальневосточного Наместничества оказались гораздо лучше подготовлены к войне на Дальневосточном ТВД, чем войска Европейской России. Последние были совершенно не готовы к войне в условиях непривычной им географической, климатической и цивилизационной реальности, которая в дальневосточных войсках к концу 1903 г. воспринималась уже как вариант нормы, а не что-то из ряда вон выходящее. Все это наглядно проявилось во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

4.4. Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона в 1901–1904 гг.

К моменту окончания Китайского похода 1900–1901 гг. и завершения демобилизации, русские войска на Дальнем Востоке получили бесценный опыт ведения войны в условиях, с которыми им прежде сталкиваться не приходилось. Это существенно повысило боевую и мобилизационную готовность войск, но не решило главной проблемы: в России по-прежнему не было ни одного готового плана ведения войны, а значит – развертывания и сосредоточения войск на Дальнем Востоке. Эту задачу предстояло решить в кратчайшие сроки.

Базовые условия для составления плана, к этому времени изменились мало: уничтожение части линии и имущества КВЖД, слабое развитие военно-транспортной инфраструктуры, недостаточность войск при широте поставленных задач (оборона российского Дальнего Востока и крепости Порт-Артур), необходимость противодействия на начальном этапе кампании многократно превосходящему противнику. Новым было:

1. осознание наличия двух потенциальных противников в регионе (Япония и Китай), а не одного, как считалось после 1895 г., а значит необходимость подготовки нескольких планов или нескольких вариантов планов: война против Японии, против Китая и против обеих стран одновременно;

2. увеличение численности группировки русских войск в регионе, и наличие доставленных для их обеспечения запасов (продовольствие, боеприпасы, амуниция);

3. существенное изменение дислокации войск, которые находились теперь не только в Северной, но и в Южной Маньчжурии, что облегчало, в случае необходимости, возможности их переброски к Порт-Артуру, стягивания к р. Ялу для воспрепятствования возможному наступлению японцев на тот же Порт-Артур с территории Кореи, а также проведения операций непосредственно против Китая в случае возникновения войны с этим государством.

При этом нужно было учесть в максимальной степени и опыт 1900 г. Впоследствии, 1 января 1903 г. А.Н. Куропаткин докладывал Николаю II, что опыт 1900 г. показал: 1) Соображения по мобилизации войск Приам. в.о. составлены были основательно и выполнение всех мобилизационных работ в ранее намеченные сроки не встретило затруднений. 2) И мобилизация, и сосредоточение войск были существенно облегчены тем, что они были произведены в период навигации. 3) Прибытие головных подкреплений началось на 55–60 дни после распоряжений об их отправке. Причиной такого сравнительно быстрого подвоза было использование не только р. Амуром, но и морских перевозок. 4) В случае столкновения с Японией воспользоваться морским путем будет невозможно. 5) По завершении КВЖД возможность выполнения мобилизации и сосредоточения не будет находиться в столь тесной зависимости от навигационного времени года. 6) КВЖД облегчит положение и ускорит прибытие подкреплений лишь в том случае, если она будет иметь соответствующую провозоспособность и будет обеспечена от порчи. Задача эта, даже по доведении состава пограничной стражи до определенной нормы, несомненно потребует назначения полевых войск округа и ослабит их на ТВД[262].

Летом 1901 г. обстановка в регионе оставалась напряженной, МИД затруднялся «вывести заключение об истинных ближайших намерениях Японского Правительства»[263], поэтому Главный штаб запросил командование на Дальнем Востоке относительно готовности против Японии и разработки плана действий. Генерал Н.И. Гродеков телеграфировал свои соображения 28 июня, Е.И. Алексеев – 23–27 июля[264]. После этого в Главном штабе были подготовлены и доложены Николаю II военным министром при всеподданнейшем докладе от 10 августа 1901 г. «Общие основания для действий против Японии». В докладе содержались соображения: 1) об общих основаниях для действий войск в случае разрыва с Японией; 2) о первоначальном распределении войск по отрядам согласно с представлением Н.И. Гродекова; 3) об объединении власти над войсками, сосредотачиваемыми в Приам. в.о. и в Маньчжурии; 4) назначение подкреплений из Европейской России и Сиб. в.о.; и 5) об устройстве в Харбине склада продовольствия на 3 месяца. Император утвердил их 14 августа[265].

Отмечалось, что Командующие войсками Приам. в.о. и Квантунской области единогласно указывают на необходимость быть готовыми к вооруженному столкновению с Японией, при этом «война, как показали события 1895–1900 г.г. может возникнуть почти внезапно». Анализ вооруженных сил Японии и России на Дальнем Востоке однозначно показывал, что Япония, пользуясь выгодами своего военного положения: более ранней боевой

---

[262] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 68. Л. 127 об.
[263] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 200–211.
[264] Там же. Л. 172–173 об., 180–182 об., 196–221.
[265] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 65. Л. 1–6 об.

готовностью и численным превосходством сухопутных и морских сил в начальный период кампании, может поставить себе достаточно широкие задачи:

«1) Ограничиться занятием Кореи, не переходя против нас в наступление. Случай этот представляется наиболее вероятным.

2) Занять Корею и перейти против нас в наступление: а) в Маньчжурии, б) против Порт-Артура, в) в направлении Южно-Уссурийского края (Владивосток).

В первом случае соотношение сил и условий подвоза наших подкреплений подсказывают необходимость на первое время: предоставить Японии распоряжаться в Корее, не переходя против нее в наступление, если только сама она ограничится занятием этой страны, не развивая своих замыслов против Маньчжурии и наших владений. Во втором случае мы вынуждены будем вступить в борьбу и должны поставить себе твердою целью закончить ее только тогда, когда сухопутная армия и флот Японии потерпят решительное поражение. Но первый период борьбы, в виду превосходства сил японцев и большей их боевой готовности, должен принять для нас в общем характер оборонительный. Наличные наши войска должны, по возможности, уклоняться от решительных столкновений, дабы избежать частных поражений до сосредоточения достаточных для поражения японцев сил. Численный перевес японского флота не позволит, вероятно, широко развить активные действия нашего флота и последнему придется ограничиться сравнительно скромною задачею: по возможности замедлить время высадки противника. Оборона собственных владений должна составить задачу особо выделенных для сей цели отрядов: Южно-Уссурийского и Квантунского, опирающихся на крепости Владивосток и Порт-Артур. Все засим остальные войска, за исключением назначенных для охраны тыла и поддержания спокойствия в Маньчжурии, должны быть сосредоточены в районе Мукден–Ляоян–Хайчен. При наступлении японцев, войска эти, замедляя по возможности движение противника, имеют постепенно отходить к Харбину. Если обстановка первого периода кампании укажет что все усилия японцев направлены против наших войск, находящихся в Маньчжурии, то войска, собираемые первоначально в Южно-Уссурийском крае (1-го Сибирского корпуса) должны быть перемещены в Маньчжурию»[266].

Причем действия Южно-Уссурийского и Маньчжурского отрядов должны были находиться в тесной координации между собой. Первый из них являлся ближайшим резервом для войск, сдерживающих наступление японцев в Маньчжурии. В то же время Квантунский отряд имел самостоятельную задачу: оборону Порт-Артура и Квантунской области до Цзиньчжоусской позиции. В видах единства действий, предполагалось объединить командование над всеми войсками, сосредотачиваемыми в Приам. в.о. и в Маньчжурии до

[266] Там же. Л. 1–4.

Цзиньчжоусской позиции, в руках Командующего войсками Приам. в.о. Н.И. Гродекова, возложив на Е.И. Алексеева начальствование над войсками, обороняющими Квантун[267].

В основе документа, как и в более ранних наработках 1895–1900 гг., лежала концепция «активно-оборонительных действий» с целью ведения войны на территории Китая, Кореи и минимизации воздействия противника на российскую территорию. Поскольку недостаточность имевшихся на Дальнем Востоке русских войск была очевидна, «Общие основания…» предполагали затягивание конфликта до подхода подкреплений сначала из Сибири, а затем из Европейской России. Возможность одержать победу под сомнение не ставилась. 26 августа суть «Общих оснований…» была сообщена Н.И. Гродекову и Е.И. Алексееву для дальнейшей разработки[268].

На основе полученных из Петербурга вводных, в штабе Приам. в.о. были разработаны «Общие основания плана стратегического развертывания войск округа и ожидаемых подкреплений в случае столкновения с Японией» от 1 августа 1902 г., одобренные 4 августа Н.И. Гродековым, и направленные в Главный штаб. Документ содержал анализ численности и возможных вариантов действий японской армии. Подчеркивалось, что какую бы цель действий Япония себе ни поставила, первое сопротивление ей должны будут оказать войска Приам. в.о. в составе 42¼ батал., 17 батарей (132 оруд.), 29 эскадронов и сотен полевых войск. На обязанность этих войск выпадает тяжелая задача – одновременно быть готовыми: 1) встретить противника в Южно-Уссурийском крае; 2) не дать ему обрушиться всеми силами на Порт-Артур и 3) удержать за собой Южную Маньчжурию, через которую проходил единственный путь, связывающий Ляодунский полуостров с территорией России[269]. На начальном этапе предполагались лишь оборонительные действия.

Поскольку процесс переформирования и постепенного усиления войск в регионе продолжался, Окружному штабу пришлось уточнить численность, состав отрядов и места их сосредоточения[270]. 14 октября документ поступил в Главный штаб.

---

[267] Там же. Л. 4. Численность Южно-Уссурийского отряда определялась в: 14 батальонов, 6 эскадронов и 54 орудия (с гарнизонами Владивостока и Посьета – 28 тыс. чел.); Квантунского: 8 полевых батальонов, 6 сотен и 24 орудия (с гарнизоном Порт-Артура – 17 тыс. чел.). Для усиления, в случае необходимости, войск Приам. в.о. и Квантунской области были назначены: 1) все войска Забайкальской области (20 батальонов, 18 сотен и 12 орудий) и Сиб. в.о. (32 батальона, 36 сотен и 16 /+64 дополнительно из Европейской России/ орудий); 2) 2 корпуса из Европейской России (XIII-й и X-й) без кавалерии; 3) в виде общего резерва – 4 резервные див. Казанского в.о. (54-я и 61-я пех. див. 1-й очереди, 71-я и 78-я див. 2-й очереди). Таким образом, без учета последних 4 дивизий, креп. и запасных батальонов, вся предназначенная для дальневосточной кампании армия должна была составить: 164 батальона, 96 эскадронов и сотен, 396 орудий и 4 сап. батальона, чего по мнению А.Н. Куропаткина, было достаточно «для ведения энергических наступательных операций». Там же. Л. 2–5, 6.

[268] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 256–256 об., 259–259 об.

[269] Там же. Л. 336–343.

[270] *Южно-Уссурийский отряд*: 12 батальонов, 5 эскадронов, 48 орудий, 5 инженерных рот (18 тыс. чел.); сосредотачивался у Раздольного и Посьета в течение первых двух недель мобилизации (большая часть) для прикрытия Приморской области. *Маньчжурский отряд*: 17¾ батальона, 23 сотни, 84 орудия, 4 инженерные роты (32 тыс. чел.); сосредотачивается к концу первого месяца войны (большая часть – к концу 3-й недели) в районе Ляоян–Хайчен, имея целью «при наступлении противника в Мукденскую провинцию не вступая в решительное столкновение, замедлить, по возможности, наступление Японцев». *Гарнизоны*: Владивостока, усиленный одним стр. полком: 8 батальонов, 1

В докладе Николаю II от 1 января 1903 г. А.Н. Куропаткин признал, что стратегические выкладки Окружного штаба были куда менее оптимистичными, чем Главного: «При высадке японцев в устье р. Ялу головные части их могут подойти к Ляо-яну к концу 4 недели; в середине второго месяца они могут иметь здесь 3–4 дивизии, а в середине третьего месяца – 7 дивизий». Сопоставление сроков сосредоточения показывало, что ко времени появления японцев у Ляояна Маньчжурский отряд будет находиться в полном составе на избранных позициях. Однако отправка значительных подкреплений из Сиб. в.о. и Европейской России исключительно по Сибирской железной дороге и КВЖД встречала значительные затруднения, и полное сосредоточение русских войск в числе, могущем уравновесить шансы с противником, требовало продолжительного времени не смотря на то что временное движение по КВЖД было уже открыто. «При таких средствах, первые подкрепления начнут прибывать к Харбину, примерно, к 25 дню мобилизации (из Забайкалья), а полное сосредоточение на принимаемые в расчет 4ре дивизии Казанского округа, можно было бы закончить к 210–215 дням мобилизации. В действительности едва ли удастся закончить перевозку к указанному сроку, так как кроме войск, нам предстоит перебросить на театр войны значительное количество разного рода запасов, необходимых для текущего довольствия»[271].

В дальнейшем, все подготовленные в период с 14 августа 1901 г. по 1 января 1903 г. в Главном штабе и штабе Приам. в.о. наработки по планам войны на Дальнем Востоке, часто собирательно называли «Соображения на случай военных действий до вывода наших войск из Маньчжурии»[272]. Первый исследователь «Общих оснований…» П.Н. Симанский выделил 5 особенности этого «плана», характерные и для всех подготовленных на их основе до начала 1903 г. документов[273]. Однако была и еще одна, о которой ему пришлось умолчать: в документах этого периода остро встал вопрос координации действий между командованием Приам. в.о. и Квантунской области. На практике же разработку планов начали вести сразу в двух центрах – штабе Приам. в.о. и штабе Квантунской области (затем – временном штабе Наместника). Полученные результаты корректировались лично А.Н. Куропаткиным, что

эскадрон, 3 инженерные роты, 2 креп. арт. батальона; Николаевска-на-Амуре: 1 батальон, 1 инженерная рота и 1 креп. арт. рота – остаются в указанных пунктах для их обороны. *Охрана территории Приам. в.о.* возлагалась на запасные батальоны и местные команды. *Важнейшие пункты Маньчжурии* (Цицикар, Харбин, Гирин, Мукден, Нингута и др.) будут заняты 9 батальонами полевых войск. *Охрана железнодорожной линии* ляжет на Пограничную стражу и Уссурийский железнодорожный батальон (Там же. Л. 338–340 об., 342 об.–343). Оборону Порт-Артура и Квантунского полуострова должны были обеспечить войска Квантунской области: 10 батальонов, 6 сотен, 24 орудия, 1 инженерная рота и 2 креп. арт. батальона. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 68. Л. 128 об.–129.

[271] Там же. Л. 129–129 об.

[272] Там же. Л. 128.

[273] «1) перенос района сосредоточения центрального или Маньчжурского корпуса от Сунгари к югу – к линии Мукден–Ляоян–Хайчен. 2) окончательное торжество мнения, что войска Южно-Уссурийского корпуса не должны быть пришиты к обороне районов у Владивостока, а могут быть двинуты в Маньчжурию. 3) более определенно высказанное предположение, что главнейший удар японских сил будет направлен на Южную Маньчжурию. 4) сосредоточение нашей эскадры к Порт-Артуру. 5) решение отправить на Дальний Восток в подкрепление находившимся там войскам два корпуса и 4 резервных дивизии из состава войск Европейской России». Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 196.

существенно затрудняло работу и все это – при практически нулевой роли Главного штаба, который должен был осуществлять общую координацию процесса военного планирования в империи. Сложившаяся крайне нездоровая ситуация продолжалась вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., став одной из причин существенного замедления всех работ и, как результат, отсутствия итоговых планов кампании к моменту ее начала.

Стратегические соображения штаба войск Квантунской области были отправлены А.Н. Куропаткину за подписью Е.И. Алексеева еще 23 июля 1901 г., т.е. чуть менее чем за месяц, до отправки на Дальний Восток «Общих оснований…». На основе имеющихся в штабе данных сообщалось, что японцы высадятся в Корее, операции их против Владивостока могут быть только демонстрацией, а значит главные операции разыграются в Южной Маньчжурии, а не в Южно-Уссурийском крае. Было высказано и категорическое утверждение: «Что касается предположения [о] возможности базы японцев на Ляодуне, то они едва ли рискнут на это, […] считаю высадку здесь значительных сил противника невозможной, допуская лишь демонстративные его действия»[274]. Возможность выведения из строя русского флота противником еще до начала высадки вообще не рассматривалась.

По сделанным расчетам получалось, что через 3 недели после начала мобилизации японцы смогут высадить в Корее 3 дивизии, а еще через неделю – еще 3 дивизии. Войска эти, высадившись, например, в устье р. Пеньян, через 2 недели вступят в Маньчжурию, а через 6 недель после начала мобилизации японской армии на р. Ялу могло быть сосредоточено 72 батальона. К этому времени удалось бы сосредоточить в районе Мукдена всего 16 батальонов, из числа находящихся в северной и южной Маньчжурии русских войск. Угроза демонстрации на Владивосток не позволяла двинуть в Маньчжурию даже часть войск Приам. в.о. до прибытия подкреплений из Забайкалья, а ненадежность сообщений по КВЖД и почти полная необеспеченность речных путей – не давали возможности рассчитывать на скорое прибытие подкреплений. Поэтому к моменту первого столкновения с противником, в Южной Маньчжурии получалось собрать лишь 16 батальонов против 72 японских. «Поэтому для нас крайне важно отдалить срок первого столкновения с противником, что можно достигнуть если не допустить высадку его на западном берегу Кореи – эта задача и должна быть поставлена нашей эскадре, для этого наши морские силы необходимо сосредоточить к Порт-Артуру, хотя он еще и не отвечает всем требованиям главной морской базы. К сожалению, численный перевес японского флота не позволит широко развить наши активные действия на море настолько, чтобы господствовать на нем», – телеграфировал Е.И. Алексеев[275].

На основе полученных из Петербурга «Общих оснований…» от 14 августа 1901 г.,

---

[274] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 197–198 об.
[275] Там же. Л. 220–221.

должна была начаться разработка плана и в штабе Квантунской области, однако приступили к ней только в начале 1902 г. – чтобы не делать работу дважды ждали запрошенного ранее усиления войск. Последнее так и не состоялось, и разработку плана по обороне области пришлось вести исходя из наличных сил. К этому времени в регионе заметно изменилась внешнеполитическая ситуация – в начале 1902 г. был заключен на 5 лет англо-японский союзный договор[276], в связи с чем в штабе Квантунской области оказались не согласны со стратегическими выкладками сотрудников Главного штаба. Анализ ситуации и возражения были направлены А.Н. Куропаткину 2 марта 1902 г.[277]. В Порт-Артуре полагали, что британский фактор нужно учитывать. Новый союз обеспечивал японскому флоту полную нравственную и информационную поддержку со стороны британского. Это «развяжет руки японскому флоту» и высадка десанта станет возможна не только в Корейском заливе с последующим наступление в Южную Маньчжурию, как то указывалось в «Общих основаниях…» и ранее доказывалось самим Е.И. Алексеевым (23 июля 1901 г.), но и в Ляодунском заливе у Цинвандао, с наступлением со стороны Печили. Причем, с учетом роста японского влияния в Китае допускалось присоединение этой страны к кампании против России. Не исключалось и вторжение японской армии в Маньчжурию с обоих указанных направлений, с последующим или даже одновременным ударом по Порт-Артуру.

Одобряя оборонительный образ действий на первое время, Е.И. Алексеев сомневался в неизбежности отхода Южно-Маньчжурского отряда к Харбину, «предоставляя Квантун его собственной участи, а железную дорогу разрушению», признавая возможным этому отряду удержаться на линии Мукден–Ляоян–Хайчен. Для чего следовало занять в Южной Маньчжурии стратегические позиции[278]. Сосредоточив войска Южно-Маньчжурского отряда к Ляояну и выдвинув сильные авангарды к Инкоу, Син-минь-тину и Фын-хуан-чэну будет сохранена полная «возможность дать неприятелю отпор при его появлении с запада или с востока», и даже с обеих сторон сразу. Это обеспечит прикрытие Квантунской области, т.к. будет угроза неприятелю с фланга при его наступлении на эту область из Кореи.

Указание о подчинении Южно-Маньчжурского отряда, наравне с Южно-Уссурийским, Командующему войсками Приам. в.о. признавалось ошибочным. Раз Южно-Маньчжурский и Квантунский отряды должны действовать в тесной координации как «не разделенные никакими труднопроходимыми преградами, наоборот, связанные грунтовой дорогой, железнодорожной линией и телеграфом», значит они доложены быть подчинены начальнику Квантунской области, «не предрешая вопроса об общем командовании вообще над всеми

---

[276] Соглашение между Великобританиею и Япониею, подписанное в Лондоне 30/17 Января 1902 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб., 1906. С. 527–530.
[277] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 36–48.
[278] На западе – оборонительную линию на р. Ляохэ на участке между Синь-минь-тином и Инкоу, на востоке – г. Фын-хуан-чэн, запирающий выход из Кореи в Южную Маньчжурию.

войсками, назначенными для действий против Японии»[279]. Дискуссия о том, Хабаровску или Порт-Артуру должно принадлежать первенство в военном управлении и планировании на Дальнем Востоке началась.

Вместе с приведенным рапортом А.Н. Куропаткину отправили новые требования об усиления войск области, активизации работ по строительству крепости Порт-Артур, с вынесением обороны Квантуна на Цзинь-чжоусский перешеек, для чего и было необходимо радикальное увеличение численности гарнизона. 28 марта эти соображения доложили Николаю II, сообщив 2 июня в Порт-Артур, что «центр тяжести обороны лежит в активных действиях полевых войск сосредоточенных в возможно большем числе по обстоятельствам у Ляояна или севернее», «оборона Квантуна не должна отвлекать более необходимого для удержания Порт-Артура числа войск», а значит не допуская усиления войск Квантуна войсками Приам. в.о., необходимо своевременно возвращать их в пределы округа»[280].

Между тем, к 22 марта 1902 г. в Порт-Артуре на совещании под председательством помощника командующего войсками области генерал-лейтенанта В.С. Волкова уже были выработаны основы плана обороны Квантунской области 1902 г., и в тот же день утверждены Е.И. Алексеевым[281]. «Постановления…» совещания от 22 марта 1902 г. из 23 пунктов и стали основой этого плана[282]. Базовые решения сводились к следующему:

1. Необходимость организации «даже при настоящем составе войск области, обороны не только П.-Артура, но и всего Квантунского полуострова до Цзиньчжоуского перешейка включительно». Причем именно на последнем было крайне желательно встретить и остановить неприятеля. Поэтому для обороны Цзинь-чжоусской позиции и противодействия возможному десанту противника в бухтах Дип, Керр, Талиенванской у г. Дальний, у устья р. Мала-хэ и в бух. Ин-чэн-цзы предполагалось назначить 11-й[283] и 12-й Вост.-Сиб. стр. полки с двумя батареями, пулеметной ротой, полуротой 1-го Вост.-Сиб. сап. батальона[284] и сотней 1-го Верхнеудинского полка ЗКВ, формирующие Цзиньчжоуский отряд. «По прибытии на новые места их назначения, этим войскам сейчас же приступить к укреплению позиций – сначала Цзинь-чжоусской, а по окончании ее – Нангалинской». В дальнейшем, при наличии средств и возможности, вооружение позиции предполагалось усилить. Для обеспечения флангов Цзиньчжоуской позиции от огня неприятельского флота следовало поставить

---

[279] Там же. Л. 37–47.
[280] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 49–55, 58.
[281] Там же. Л. 82–87 об. В литературе известен как «план 1902 г., выработанный в Штабе Квантунской области», что не совсем точно, т.к. это были, во-первых, наработки по плану, а не сам план, а, во-вторых, рассматривалась оборона Квантунской области и ее окрестностей, а не Дальнего Востока. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 209.
[282] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 82–87 об.
[283] На момент начала конфликта, в Порт-Артуре имелись бы в наличии только 2 роты этого полка. Остальные 6 рот должны были, по объявлении мобилизации, прибыть из Маньчжурии.
[284] На момент начала конфликта, в Порт-Артуре отсутствовала и должна была прибыть из состава Южно-Маньчжурского отряда наряду с 6 ротами 11-го Вост.-Сиб. стр. полка.

распоряжением морского ведомства минные заграждения в Цзиньчжоуской бухте и у входа в Hand-bay, которые защищать также стрелковым и артиллерийским огнем.

2. Для воспрепятствования десантам в Талиенванской бухте признавалось необходимым, одновременно с укреплением Цзиньчжоуской позиции, построить и вооружить три батареи, которые должны служить также для защиты поставленных в Талиенванской бухте минных заграждений.

3. Все остальные войска Квантунской области, вместе с одной сотней 1-го Верхнеудинского полка ЗКВ, составляли гарнизон крепости Порт-Артур, а рота 9-го Вост.-Сиб. стр. полка, стоявшая в Бицзыво – возвратиться туда «по объявлении мобилизации».

4. «Северную часть области решено вообще не оборонять ввиду недостаточности имеющихся сил, для наблюдения за побережьями и за границей, а равно и для содействия охране железной дороги – признано необходимым выделить летучий отряд». Действовать он должен был самостоятельно, сохраняя связь с Цзиньчжоуским отрядом.

5. Организовать наблюдение за побережьем; соорудить полевые укрепления на Кумирненском холме, на Панлюшане и на холме Белый Волк; вооружить трофейными китайскими орудиями укрепления на Цзиньчжоуской позиции, у Талиенваня и г. Дальний. Организовать охрану находящихся в области телеграфных и железнодорожных линий, а также сформировать в Порт-Артуре милицию из вольнонаемных русских лиц.

6. Тотчас по объявлении мобилизации выслать из крепости и подлежащей обороне части области всех японцев, кроме переводчиков[285].

Поскольку вопрос об оставлении на постоянной основе всей Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре был решен Е.И. Алексеевым еще 30 марта 1901 г.[286], на совещании прорабатывался и вопрос о содействии ВМФ обороне Порт-Артура. Кроме ряда мер и специально выделенных кораблей, предполагалось содействие всей Тихоокеанской эскадры «сообразно числу судов и утвержденному особому плану для препятствия неприятельским высадкам в Желтом море, Печилийском заливе и у берега Квантуна»[287]. Хотя выработанные на этом заседании решения и затрагивали Порт-Артур, как крепость, однако, как такового плана приведения крепости в готовность к обороне и плана обороны крепости выработано не было. Более того, до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. эти важнейшие документы так и не были подготовлены.

4 февраля 1903 г. Е.И. Алексеев направил А.Н. Куропаткину рапорт о переменах в условиях обороны Квантунской области после эвакуации русских войск из Маньчжурии,

---

[285] Там же. Л. 82–87 об.
[286] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Кн. 1. СПб., 1912. С. 62–63.
[287] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 96.

подчеркивая, что не подлежит сомнению, что к весне 1903 г. стратегическое положение в случае войны с Японией будет значительно хуже чем оно было весною 1902 г. и «ухудшение это не уравновешивается приращением сил нашего флота»[288]. В связи с чем требовались изменения в военных планах и усиление войск. В ответ из столицы запросили, что «сделано для вооружения русского населения области, в частности Артура…»[289].

Дальнейшим развитием наработок, сделанных в штабе Приам. в.о. в 1901–1902 гг. стали разработанные к маю 1903 г. «Общие основания плана стратегического развертывания войск округа и ожидаемых подкреплений в случае столкновения с Японией», утвержденные Командующим войсками Приам. в.о. генерал-лейтенантом Д.И. Субботичем 23 июля 1903 г.[290]. Документ включал в себя несколько разделов[291]. Авторы плана констатировали, что хотя некоторые исходные данные по ситуации в регионе, на которые ориентировались при составлении «Общих оснований…», утвержденных 14 августа 1901 г. и последующих стратегических наработок в штабе округа и остались к началу 1903 г. неизменными, но другие в корне изменились. Неизменной осталась двойственная задача, стоящая перед войсками округа: 1. оборонять собственные владения в Приморской области, 2. движением в Южную Маньчжурию содействовать обороне Квантуна. Указывалось, что для первой задачи данные обстановки остались те же, что в 1901–1902 гг., т.е. план разрабатывался исходя из посылок, что «количество вооруженных сил наших и японских не изменилось; время готовности тех и других осталось то же; условия общего сосредоточения наших войск даже улучшились»[292]. Оба тезиса по японской армии оказались ошибочными. Для второй задачи условия резко изменились. В 1901–1902 гг. большая часть войск, предположенных к сосредоточению в районе Мукден–Ляоян–Хайчен, была расположена в Маньчжурии. Часть их и в мирное время занимали намеченный район. Китайские войска в Маньчжурии отсутствовали, запасы оружия и огнестрельных припасов были изъяты из ведения китайской администрации, а потому и импровизация китайских войск была маловероятна, поскольку Маньчжурия была занята достаточно прочно. К началу 1903 г. русские войска частично вывели, и предполагалось, что вывод продолжится. Шло усиление китайской администрации, передача ей имущества и оружия, формирование вооруженных отрядов «китайской милиции» и активизация хунхузов.

---

[288] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 370–373.
[289] Там же. Л. 391.
[290] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
[291] 1) Силы Японии; 2) цели, которые Япония может поставить при борьбе с Россией; 3) пункты, где наиболее вероятна высадка японцев; 4) расчет средств и времени, необходимого для перевозки японского десанта; 5) цель действий войск Приам. в.о., 6) первоначальная группировка войск Приам. в.о.; 7) Южно-Уссурийский отряд; 8) Маньчжурский отряд; 9) расчет средств и времени, необходимых для перевозки войск Маньчжурского отряда; 10) основания для выбора района сосредоточения Маньчжурского отряда; 11) боевое росписание войск Приам. в.о.; 12) устройство артиллерийской части, артиллерийское довольствие при частях войск в тылу; снабжение гарнизонов Маньчжурии артиллерией; 13) санитарная часть; 14) инженерная часть; 15) интендантская часть (провиантское и фуражное довольствие, полевые хлебопекарни, прод. пункты); 16) общие выводы. Там же. Л. 1–26 об.
[292] Там же. Л. 1.

В этой ситуации рассчитывать, что «спокойствие в тылу избранного района сосредоточения обеспечено», и основной дорогой для сосредоточения Маньчжурского отряда может служить линия КВЖД, «пролегающая как бы по собственной территории» было уже невозможно[293].

При составлении плана 1903 г. исходили из того, что Япония может начать войну одна или в союзе с Англией. Во втором случае, при открытом союзе, японская армия может быть усилена британским флотом и незначительными десантными частями. Эти посылки демонстрировали недостаточную информированность Окружного штаба о текущих делах британской внешней политики и состоянии ее сухопутных войск после Англо-бурской войны 1899–1902 гг., хотя полностью пренебрегать возможностью участия британцев в конфликте было нельзя. Более серьезной ошибкой было утверждение, что «в борьбе с Россией Китай тем или другим способом окажет помощь Японии», и хотя «вооруженные силы Китая не страшны в открытом бою, но в нашем обширном тылу, где будут проходить главные военные дороги, они могут причинить нам много затруднений»[294]. Вызванный недостатком в России военных востоковедов[295], экономией на организации разведки в Китае, Корее, Японии[296] и недостаточным уровнем понимания китайско-японских отношений, а также инерцией мышления военных, опасавшихся повторения ситуации 1900 г., этот тезис оказался устойчивым и просуществовал до 1910 г. Опасения же резкого роста численности хунхузов в Маньчжурии, после вывода оттуда русских войск[297] впоследствии полностью подтвердились.

Предполагалось, что Япония в предстоящей войне может иметь две цели действий: 1. В виду постоянного своего стремления утвердиться на материке, она может ограничиться прочным занятием Кореи, не предпринимая дальнейших наступательных операций. 2. Заняв Корею оккупационными частями, перейти в наступление и направить главный удар: а) на Владивосток и Южно-Уссурийский край или б) на Порт-Артур и Ляодунский полуостров[298]. Как и в предыдущих планах более вероятным признавался второй сценарий, при котором японцы откроют кампанию наступлением на Владивосток или Порт-Артур, направив на одну из крепостей главный удар, а против второй организовав демонстрацию. Независимо от выбора направления главного удара, сложность для русских войск оставалась в том, что каждый из этих пунктов был настолько важен и удален от другого, что отделение японцами даже значительных сил для демонстрации окупалось сторицей, т.к. заставляло долгое время

---

[293] Там же. Л. 1–2.
[294] Там же. Л. 2–3.
[295] Подробнее см.: Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М., 2005. 295 с.; Его же. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. 632 с.
[296] См., напр.: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. М., 1998. С. 93–94, 101–102, 131–135, 141–168; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. Дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 262–357; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М., 2010. С. 14–54.
[297] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 2 об.
[298] Там же. Л. 3.

держать русские войска в двух группах, разделенных тысячеверстным расстоянием, связанных единственным и далеко не обеспеченным путем. Поэтому на быструю поддержку одной группы другой рассчитывать не приходилось[299].

Поэтому, для эффективного противодействия японской армии сосредоточение русских войск следовало начинать немедленно по формировании отрядов, не отдавая инициативу противнику в ожидании выяснения направлений главного удара и демонстрации. Учитывая опыт Японо-китайской войны 1894–1895 гг., в штабе Приам. в.о. были по-прежнему убеждены, что основной удар будет нанесен по Порт-Артуру, т.к. во-первых, стратегически он для Японии важнее Владивостока, а, во-вторых, не является русской землей в полном смысле этого слова; «против же Владивостока надо ожидать только демонстрации»[300]. Относительно пункта высадки войск в Окружном штабе уверены не были, но исходили из того, что после очищения русскими войсками Маньчжурии японцы постараются высадиться поближе к Порт-Артуру и к железной дороге. В качестве наиболее вероятного места высадки в плане указывался г. Инкоу[301]. Однако, важнее другое. В разработанном в штабе Приам. в.о. плане отсутствовало даже упоминание расположенного на том же Ляодунском полуострове гражданского порта Дальний, который впоследствии на протяжении всей Русско-японской войны служил базой снабжения японских армий. Именно там разгружалась большая часть транспортов противника, и были выгружены на берег и 11-дюйм. гаубицы, решившие судьбу Порт-Артура[302]. Почему он не фигурирует в плане остается неясным, поскольку уже во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. этот порт активно использовался японской армией для быстрой выгрузки боеприпасов, снаряжения и осадной артиллерии для штурма Порт-Артура[303]. К моменту составления плана, вся первоочередная инфраструктура, необходимая японцам для возможной высадки войск и грузов в Дальнем была уже готова, о чем знали японцы, и не могли не знать в Хабаровске.

Весь план был составлен из расчета, что для борьбы с Россией Япония, до окончательного устройства своей территориальной армии, может назначить из имеющихся 13 дивизий 10 в составе: 120 пех. батальонов, 10 батальонов инженерных войск, 46 эскадронов и

---

[299] Там же. Л. 3.
[300] Там же. Л. 3–4 об.
[301] Там же. Л. 5–6. На самом деле, в Японском Генеральном Штабе решили максимально использовать опыт Японо-китайской войны 1894–1895 гг., в результате из семи разработанных Генеральным Штабом Японии к середине декабря 1903 г. оперативных планов войны с Россией, 4 предусматривали высадку войск на восточном побережье Корейского полуострова, и 3 – на западном. Полутов А.В. Десантная операция… С. 20–28.
[302] Дальний // Военная энциклопедия. СПб., 1912. С. 583.
[303] Табохаси Киеси Дипломатическая история Японо-китайской войны (1894–1895 гг.) Пер. с японского. М., 1956. С. 361–362. Русское Министерство финансов начало активно отстраивать Дальний с 1899 г. и уже с 1901 г. туда, как и на всей линии ЮМЖД, было открыто временное движение поездов. К осени 1902 г. там уже была построена не только большая часть города с канализацией, водопроводом и электростанцией, но и первая очередь портовых сооружений (сухой док, частично молы и набережные), о чем посетивший город во время поездки на Дальний Восток в июне–сентябре 1902 г. министр финансов С.Ю. Витте доложил Николаю II. «Судя по нынешнему положению работ, можно ожидать окончательного оборудования Дальнинского порта приблизительно через год», т.е. к осени 1903 г. – делал вывод С.Ю. Витте. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 44, 65–68.

96 батарей (576 орудий) оставив 3 дивизии для обороны страны. В нем был произведен, базировавшийся на неполных данных разбор средств и времени, необходимого японцам для перевозки десанта, проведен анализ тоннажа огромного по численности японского торгового флота. Поскольку пункты высадки японского десанта были определены не верно (вероятность высадки в Корее даже не просчитывалась), расчеты времени большой ценности не имели[304].

Не менее сложным был и вопрос о количестве и времени сосредоточения собственных войск. Проведенные при составления плана расчеты показали, что первое сопротивление противнику и поддержку Квантунской области должны будут оказать войска Приам. в.о. в составе: 38 батальонов (36 стр. и 2 сап.), 16 батарей (126 орудий), 23 эскадронов и сотни[305]. Войскам этим были поставлены 2 задачи: 1. Встретить противника в Южно-Уссурийском крае. 2. Наступлением в Южную Маньчжурию не дать возможности противнику всеми силами обрушиться на Порт-Артур. «Короче говоря, задачи, намеченные войскам округа, требуют распределения их на две группы, разделенные тысячеверстным пространством», без гарантированно безопасной коммуникационной линии[306].

Проведенный расчет скорости сосредоточения русских и японских (при условии высадки в Инкоу) войск к Ляояну, показал, что старый район сосредоточения Южно-Маньчжурского отряда (Мукден–Ляоян–Хайчен) «не удовлетворяет условию безопасности, так как японцы могут занять его превосходными силами раньше, чем Маньчжурский отряд (25¾ батальонов, 20 сотен, 11 батарей) закончит свое сосредоточение». В связи с чем отряд было решено сосредотачивать севернее – у Телина, куда можно было безопасно закончить перевозку войск, и обеспечить подход дальнейших подкреплений, если против этого отряда будет направлен обсервационный корпус японцев (предположительно 3 дивизии). Если же японцы предпримут наступление главными силами (7 дивизий) вглубь Маньчжурии, ограничившись наблюдением за Порт-Артуром (3 дивизии), то все таки Маньчжурский отряд ко времени подхода этих дивизий не только успеет закончить свое сосредоточение, но к нему подойдет уже большая часть подкреплений из Забайкалья[307]. Таким образом, для сосредоточения Маньчжурского отряда, которому в первый период кампании, до прибытия подкреплений из Сиб. в.о. и из Европейской России, пришлось бы держаться оборонительного образа действий, не вступая в решительное столкновение с превосходящими силами японцев, был выбран район Каюань–Телин–Илу. «Сосредоточившись здесь мы имеем полную возможность преградить наступление японцев вглубь Маньчжурии как от Инкоу, так и от

---

[304] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 6–8.
[305] Не считая 5-го и 15-го Вост.-Сиб. стр. полков, «оставленных на неопределенное время в распоряжении Командующего войсками Квантунской области», 1-го Читинского полка ЗКВ и 1-й Забайкальской казачьей батареи ЗКВ, включенной в состав Вост.-Сиб. казачьей бриг., находящейся в составе войск Квантунской области.
[306] Там же. Л. 8–8 об.
[307] Там же. Л. 11–12.

пунктов возможной высадки их на восточном берегу Ляодуна и из Кореи. Если же Маньчжурскому отряду придется под давлением превосходных сил противника отступить, то отступать он будет к Харбину – навстречу своим подкреплениям. Поэтому, в то время как силы японцев при наступлении будут расходоваться на обеспечение сообщений с тылом, Маньчжурский отряд с каждым днем будет усиливаться подходящими подкреплениями из Сибирского округа и из Европейской России; кроме того, когда выяснится, что Южно-Уссурийскому краю и Владивостоку не угрожает никакой опасности, тогда можно будет Маньчжурский отряд усилить Южно-Уссурийским – всем или только частью, смотря по обстоятельствам. Таким образом, всякий выигрыш во времени выгоден для нас и не выгоден для японцев». Расчеты основывались на предположении о возможности бесперебойной переброски войск по КВЖД, уверенности в которой в Окружном штабе не было[308].

В соответствии с боевым росписанием войск Приам. в.о., предусматривалось формирование двух отрядов: 1) Южно-Уссурийского (подотряд в с. Раздольное и в ур. Посьет), всего 10¼ (¼ – сап.) батальонов, 6 эскадронов, 5 батарей (40 орудий)[309]. 2) Маньчжурский отряд, всего 24¼ (1¼ – сап.) батальона, 20 эскадронов, 11 батарей (86 орудий)[310]. Как и в наработках 1901–1902 гг., прибытие подкреплений (всего 181 батальон, 67 эскадронов и сотен, 46 батарей, т.е. 364 орудия) ожидалось из 4 источников поочередно. Уточнили лишь сроки прибытия и количество перебрасываемых войск[311].

Гарнизон Владивостокской крепости должны были составить: 22-й Вост.-Сиб. стр. полк, 1-й и 2-й Владивостокские креп. пех. полки, Владивостокская креп. арт., Владивостокская креп. минная рота, 1-я и 2-я Владивостокские креп. сап. роты, Владивостокский креп. военный телеграф, а также две конно-охотничьи команды. При этом Владивостокские креп. пех. полки, креп. арт. и минная рота предполагалось при мобилизации развернуть вдвое, однако на момент окончания работ по плану стратегического развертывания, план развертывания этих частей еще не был утвержден. В результате гарнизон крепости в военное время составил бы: 14 пех. батальонов, 4 арт. батальона, 2 сап. роты, 2 минные роты, креп. телеграф и 2 конно-охотничьи команды. В случае уверенности в демонстративном характере действий японцев против Владивостока, 22-й Вост.-Сиб. стр.

---

[308] Там же. Л. 12 об.–13 об.

[309] Начальник – командир 1-го Сиб. АК. Цель отряда – прикрыть Приморскую область и служить подвижным резервом для крепости Владивосток, а, в случае надобности, и для Маньчжурского отряда. Выделение части отряда в Посьет считалось безусловно необходимым в виду важности этого пункта для японцев: высадка десанта в нем была удобна. В Посьете японцы приобретали центральную базу, откуда могли развить операции и против Владивостока, и на сообщения Южно-Уссурийского отряда с войсками, действующими в Маньчжурии. Там же. Л. 13 об.–14 об.

[310] Начальник – командир 2-го Сиб. АК. Первоначальная цель – принять меры к задержанию наступления японцев вглубь Маньчжурии, не упуская из виду возможности содействия войскам Квантунской области. Там же. Л. 14 об.–15.

[311] Из Забайкалья – 19 батальонов, 31 эскадронов и сотен, 2 батареи, т.е. 12 орудий (около 18 тыс. штыков и шашек); Сиб. в.о. – 32 батальона, 36 эскадронов и сотен, 8 батарей, т.е. 64 орудия (около 36 тыс. штыков и шашек); из Европейской России – 2 АК и 4 дивизии Казанского в.о. (130 батальонов, 36 батарей т.е. 288 орудий – около 63 тыс. штыков и шашек). Там же. Л. 15–15 об., 23 об.

полк предполагалось отправить к своей бригаде. Усиление гарнизона г. Николаевска (Николаевских укреплений), состоящего из Николаевского креп. батальона, Николаевской креп. арт. роты и Амурской минной роты не предполагалось.

Была предусмотрена охрана тыла[312]. Вся оборона о. Сахалин ограничивалась 4 местными командами (Дуйская, Александровская, Тымовская, Корсаковская – 1.397 чел.) при 6 орудиях. Охрана железнодорожных линий ложилась на плечи ЗО ОКПС и Уссурийского ж.д. батальона, развертываемого при мобилизации в 2-батальонную бриг. Предполагалось также формирование 4-батальонной Заамурской ж.д. бригады[313].

Неплохо была разработана система продовольственного, интендантского и арт. снабжения сосредотачиваемых в Маньчжурии отрядов. Расчет времени их сосредоточения показал те же проблемы, что были выявлены еще в 1901–1902 гг.: возможности КВЖД и ЮМЖД по перевозке войск были сильно ограничены (5 пар укороченных поездов в сутки, но на нужды военного ведомства – только 4!), переброска войск из Забайкальской, Амурской и Приморской областей в период навигации (при отсутствии засухи) была значительно быстрее, зимой – крайне медленна, а в период распутицы – вообще едва ли возможна. Таким образом, сроки сосредоточения частей, а уж тем более прибытия подкреплений были не только с трудом вычисляемы, но для некоторых сезонов носили «гадательный характер»[314].

Авторы плана излишне оптимистично оценивали возможность противодействия японской агрессии: «Подводя итоги и беря также только боевую численность японской десантной армии, оказывается, что против 122 т[ыс]. штыков и сабель, 576 орудий японских мы можем выставить в конце концов больше 217 т[ыс]. штыков и шашек с 490 ор., т.е. на нашей стороне будет почти двойное превосходство сил. Но в начале кампании наше положение будет не столь благоприятное. Неизвестность намерений японцев и необходимость прежде всего подать помощь Порт-Артуру заставляет нас разделить те немногочисленные силы, которые мы могли противопоставить японцам в первую очередь, на две группы, соединенные такой хрупкой связью, как единственная железная дорога, пролегающая по чужой территории». Подчеркивалось, что «в то время, как японцы через два месяца могут иметь у Порт-Артура уже все 10 дивизий 122 т[ыс]. – мы для помощи Квантунской области можем дать только 46 т[ыс]. Следовательно, первый период кампании на стороне японцев может быть сразу двойное превосходство сил. Но с течением времени обстоятельства будут

---

[312] Для этого предполагалось оставить: 2 запасных батальона в Хабаровске; 1¾ запасных батальона при 2 орудиях (учет опыта 1900 г.) – в Благовещенске; ¼ роты с батареей (4 орудия) в посту Марии Магдалины (г. Айгун); 2 запасных батальона – в Никольске-Уссурийском; ¼ роты с батареей (4 орудия) в посту Илинский (о. Сахалин); 6 батальонов (3 резервных и 3 запасных), 2 местные команды и 2 казачьи сотни – в Забайкальской области; а также гарнизонами в Маньчжурии: батальон при 2 орудиях в г. Хайлар; батальон ½ сотни при 2 орудиях – в г. Цицикар; батальон и ½ сотни – в г. Нингута; батальон и сотню – в г. Харбин; 2 батальона и 1 сотню при 2 орудиях – в Гирине.

[313] Там же. Л. 16–18.

[314] Там же. Л. 9 об.–11, 18–22 об., 25 об.

складываться все более и более благоприятно для нас. Так, через 6 месяцев могут подойти 2 корпуса из Европейской России и, имея около 145 т[ыс]. (не считая 13 т[ыс]. полевых войск Квантунской области) против 122 т[ыс]. японцев, мы уже будем в состоянии перейти от оборонительного образа действий к наступательному. Приведенное соотношение сил наших и японских определяет и характер наших действий: именно, в первый период кампании мы должны будем употребить все усилия, чтобы отвлекая, по возможности, более японских войск от Порт-Артура на Маньчжурский отряд, не дать разбить себя до подхода подкреплений […]. Но зато во второй период кампании получается полная возможность решительным наступлением разбить японскую десантную армию»[315].

Общий вывод плана гласил, что при условии своевременного прибытия подкреплений, войска Приам. в.о., пользуясь КВЖД, могут «успешно выполнить выпадающие на их долю задачи, т.е. встретить противника в Южно-Уссурийском крае и наступлением в Южную Маньчжурию не дать возможности противнику обрушиться всеми силами на Порт-Артур»[316]. Как потом выяснилось, Япония оказалась в состоянии выставить войск в разы больше, а высадка состоялась не в Инкоу. Принципиальных отличий у плана Окружного штаба начала 1903 г. от наработок Окружного штаба образца 1901–1902 гг. было несколько:

1. Он был рассчитан не на войну исключительно с Японией, а исходя из возможности совместных действий последней с Китаем (армия, хунхузы), Великобританией (ВМФ) или, при наихудшем сценарии развития событий, с обоими указанными государствами.

2. В плане рассматривались только действия войск Приам. в.о. и прибывающих подкреплений. Действия Квантунского отряда, а также вопросы координации действий Южно-Уссурийского, Маньчжурского и Квантунского отрядов не поднимались.

3. Перенос района сосредоточения с линии Мукден–Ляоян–Хайчен на север в район Каюань–Телин–Илу, в связи с чем сосредотачиваемый там отряд был переименован из Южно-Маньчжурского в Маньчжурский.

4. Достаточно детально были разработаны предполагаемые действия японской стороны: подробно, хотя и ошибочно, прописаны численность и предполагаемые места высадки японских сил, характер их последующих операций.

5. В плане появился тезис (на ошибочность которого указывал еще В.А. Альфтан в 1896 г.), что численный перевес русской конницы даже на начальном этапе кампании позволит успешно действовать против слабых сообщений японцев, давая возможность задержать их наступление.

Это был последний план войны с Японией, все расчеты которого велись без учета

---

[315] Там же. Л. 24–25.
[316] Там же. Л. 26.

«возможностей» русского ВМФ, т.е. исходя из того, что никто не помешает японцам осуществить высадку войск в удобном им месте и в удобное им время[317]. В «Общих выводах» плана подчеркивалось: «Все предыдущие расчеты велись при условии, что наш флот не помешает спокойной перевозке морем японского десанта и что десант этот будет беспрепятственно высажен в Инкоу»[318]. Удивительное совпадение базового тезиса этого плана с реальностью потом вынуждены были признать даже военные моряки[319]. Отход под их давлением от этой концепции в имел катастрофические последствия. 4 сентября 1903 г. документ получили в Главном штабе, 3 октября его копия была направлена в Порт-Артур, а 10 января 1904 г. в Главный штаб поступил итоговый вариант этого документа[320].

Параллельно разработка нового плана должна была вестись и в штабе войск Квантунской области, однако если командование Приам. в.о. вело баталии с военным министром по усилению войск и по военному планированию одновременно, то в Порт-Артуре сначала решили дождаться рассмотрения ходатайств Е.И. Алексеева А.Н. Куропаткину от 15 февраля 1903 г. В ответ получили Высочайшее повеление временно, до окончания укреплений в Порт-Артуре и до сформирования креп. войск, включить в состав войск Квантунской области 5-й и 15-й Вост.-Сиб. стр. полки, 1-й Читинский казачий полк ЗКВ и 1-ю Забайкальскую казачью батарею ЗКВ[321]. Только после этого в штабе области начали разработку плана военных действий[322].

Итоговым планом военных действий, разработанным в штабе Квантунской области стал доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга № 796 «О действиях войск Квантунской области в случае войны с Японией» от 16 апреля 1903 г.[323], представленный Е.И. Алексееву. В стратегических выкладках он мало отличался от еще не доделанного в тот момента плана штаба Приам. в.о. от 8 мая 1903 г. Отмечалось, что твердых оснований судить о намерениях японцев в случае войны нет, но направлением главного удара японской армии была признана Южная Маньчжурия и, в первую очередь, Ляодунский полуостров. Удар по Владивостоку посчитали маловероятным, высадку в Корее – тоже, как ведущую к потере времени. Составители плана оперировали теми же цифрами численности японских войск, что и их коллеги в Хабаровске, что привело к аналогичным недостаткам плана и его излишней оптимистичности. Русские войска на начальном этапе кампании

---

[317] «Первая задача, которую предстоит выполнить японской армии – это произвести десант на материк, что возможно только при полном господстве ее на море, почему, разбирая десантные операции японцев, необходимо принять за совершившийся факт, что активное действие нашего флота тем или другим путем парализовано». Там же. Л. 6.
[318] Там же. Л. 25.
[319] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. С. 93.
[320] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 507. Л. 1–2 об. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 70–92.
[321] Для этого 5-й полк следовало перебросить из Мукдена на Квантун, а остальные части разрешалось по усмотрению Е.И. Алексеева оставить в местах расположения в Ляояне и Фынхуанчэне.
[322] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 214–216.
[323] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 27–34 об.

должны были «не вступая в решительный бой с превосходными силами, стараться при всяком удобном случае задержать и замедлить наступление противника» посредством рейдов конными частями с артиллерией по его тылам[324].

Войска Квантунской области по плану разделялись на две действующие в тесной связи группы: 1-я – для операций вне Квантуна, 2-я – для защиты полуострова, начиная с линии Цзинь-чжоусской позиции. Общая цель – оборона Квантуна. Первоначальная цель действий 1-й группы – заставить противника избрать для высадки пункт возможно удаленный от области. Действия этой группы должны были зависеть от района сосредоточения формируемого из войск Приам. в.о. Маньчжурского отряда, однако точных данных о месте его развертывания на момент составления плана в штабе области не было. Поэтому в качестве рабочих были приняты два варианта (как потом оказалось – оба ошибочные): либо, что Маньчжурский отряд сосредотачивается в районе Мукден–Ляоян, либо – на линии Куанчэнцзы–Гирин или еще севернее. В обоих случаях требовалось в максимально сжатые сроки организовать взаимодействие с Маньчжурским отрядом. Остальные частности зависели от точного места высадки японцев, их действий и района сосредоточения Маньчжурского отряда. 2-я группа должна была первоначально действовать по плану обороны Квантунской области 1902 г., выработанному на совещании под председательством В.С. Волкова, с некоторыми поправками на усиление войск[325].

Таким образом, первоначальные действия войск Квантунской области, в случае войны с Японией, при условии развития ей военных операций в направлении Ляодуна, в общем, формулировались так: «I. Вне пределов Квантуна оперирует особый конный отряд, действия коего должны вытекать из общей идеи обороны всей области. […] II. Для связи с Квантуном и наблюдения за побережьем к отряду придаются конные охотничьи команды и привлекаются части пограничной стражи. III. Цзиньчжоуская позиция, непосредственно преграждающая допуск на Квантун, а также Талиенван и окрестности Дальнего занимаются тремя стрелковыми полками и ротой крепостной артиллерии. IV. Остальные войска области сосредотачиваются в Порт-Артуре, как гарнизон последнего, могущий частью быть употребленным для действий вне крепости в зависимости от обстановки»[326].

Эти наработки были представлены 17 апреля 1903 г. Е.И. Алексееву, который направил доклад В.Е. Флуга в комиссию по обороне Квантунской области с участием генерал-майора П.И. Мищенко[327]. По рассмотрении 26 апреля в комиссии, в доклад большинством голосов были внесены несколько поправок. 5 мая Е.И. Алексеев наложил на доклад новую

---

[324] Там же. Л. 27–30.
[325] Там же. Л. 31–34.
[326] Там же. Л. 34–34 об.
[327] Там же. Л. 27.

пространную резолюцию из 4 пунктов, указав, что если допускается достижение японцами господства на море, то они «высадку десанта могут произвести не только на западном корейском и Ляодунском побережьях, но и в пределах Квантуна», а значит не следует разбрасывать силы. Поэтому «оборона Квантуна должна строго ограничиться преподанными Высочайшими указаниями, а именно эта оборона должна сосредоточиваться от Артура до Цзинь-чжоу. Для действий же за этими пределами может быть выделена лишь вновь сформированная казачья бригада, но с меньшим заданием, чем указано в докладе, и тем более, что назначение конных частей от пограничной стражи существенно ослабит охрану железнодорожного пути»[328]. С мнением комиссии Е.И. Алексеев 25 мая согласился, после чего доклад переработали под его указания, ограничив внешний периметр обороны Квантунской области Цзинь-чжоусской позицией. 12 июня 1903 г. доклад был утвержден[329]. Одна из немногих разумных идей этого плана указывала на необходимость охраны от десантов побережий, находящихся в тылу Цзиньчжоусской позиции и, прежде всего, г. Дальний, портовые сооружения которого при необходимости, подлежали разрушению[330].

Вскоре после окончания основных работ по этому докладу, в штабе области, под руководством того же В.Е. Флуга, начали подготовку еще двух планов: на случай войны с Китаем и на случай одновременной войны с Китаем и с Японией.

План войны с Китаем был оформлен как Доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга № 901 от 24 мая 1903 г.[331], и был рассчитан, главным образом на пресечение возможного рецидива событий 1900 г., т.к. полноценная русско-китайская война считалась почти невозможной. Рассматривалось 3 сценария возможного развития событий: очередное восстание «сектантов» негласно поддержанное войсками, восстание неподконтрольное цинской династии и попытка напасть на железную дорогу в условиях начавшейся русско-японской войны. Районом операций была признана Южная Маньчжурия. Силы Китая определены: до 16 тыс. войск цзянь-цзюня (слабая «милиция») в Мукденской провинции, до 20–25 тыс. войск генералов Юань Шикая и Ма провинции Чжили, при поддержке хунхузов неизвестной численности. Предполагалось, что Печилийские войска будут действовать против отрядов ЗО ОКПС, пытаться уничтожить железнодорожную линию, а также занять г. Мукден[332].

Первоначальных задач в этом случае ставилось 5: «1) Оборона линии железной дороги. 2) Поддержание порядка в стране, по крайней мере в той ее части, которая прилагает непосредственно к железнодорожной линии. 3) Изолирование или, […], затруднение

---

[328] Там же. Л. 27–34 об.
[329] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 20–69.
[330] Этот вопрос специально прорабатывался в мае 1903 г.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27304. Л. 28–32.
[331] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 7–20.
[332] Там же. Л. 7–11 об.

сношений Чжили с Мукденской провинцией вообще, и передвижений китайских войск в особенности. 4) Наблюдение за нижним Ялу и за путями отсюда к линии железной дороги на случай возможных осложнений с Японией. 5) Сохранение спокойствия в области». Решать их предстояло частям ЗО ОКПС, усиленным небольшими отрядами русских войск, направленными в наиболее важные пункты вдоль линии КВЖД и ЮМЖД, поскольку в случае разрыва с Китаем «осложнения с Японией» считались «весьма возможными», выделение больших отрядов из состава войск Квантунской области посчитали невозможным[333].

Таким образом, были установлены следующие основания для действий в случае столкновения в Китаем: 1) Занять линию железной дороги, привлечь к охране население и поддерживать порядок и спокойствие на равнине к востоку от Ляохэ. 2) Образовать местами по возможности сильные резервы для отражения неприятельских отрядов и для воздействия на местное городское население. 3) Занять и укрепить Инкоу. 4) Занять Шанхай-гуань и Синминтин для перерыва сообщений противника и заблаговременного определения мест его пребывания. 5) Установить крейсерство по морю, нижнему течению рек Ляохэ, Хуньхэ и Тайцзыхэ с целью воздействовать на население и препятствовать переправам. 6) Охранять спокойствие в Квантунской области преимущественно полицейскими мерами[334]. «В общих чертах согласен – в подробностях требует дальнейшей разработки», – написал на докладе Е.И. Алексеев 31 мая[335], после чего 12 июня ему было представлено дополнение[336].

План войны с Китаем и с Японией одновременно был оформлен как Доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга № 914 «Соображения для действий войск Квантунской области и 4-ой бригады пограничной стражи на случай войны с Японией и Китаем одновременно» от 28 мая 1903 г.[337] и, по сути, был вариантом доклада В.Е. Флуга от 16 апреля 1903 г. № 796 «О действиях войск Квантунской области в случае войны с Японией», дополненным рядом мер из проанализированного выше плана борьбы с Китаем[338]. Идеальным признавалось разбить каждого из противников по отдельности, устранив китайскую угрозу до высадки японцев, но, в силу очевидной недостаточности войск для решения даже одной из этих задач, от активного сценария пришлось отказаться. Гарнизон Квантуна должен был бороться с японцами, дождавшись их прибытия в срок не ранее трех

---

[333] Там же. Л. 11 об.–14.
[334] Там же. Л. 14–14 об.
[335] Там же. Л. 7.
[336] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 21–21 об.
[337] Там же. Л. 24–26 об.
[338] Предполагалось, что «при одновременном […] нашем разрыве с обоими государствами обстановка для нас усложняется тем обстоятельством, что Китай из положения выжидательного и тайно сочувствующего открыто станет на сторону японцев. При таком положении дела, вероятнее всего предположить, что при распределении задач между союзниками, японцы, как сильнейшие, возьмут на себя труднейшую – нападение на Квантун и борьбу с нашими войсками, предоставив китайцам второстепенную задачу – нападение на нашу железнодорожную линию, может быть, с помощью японских отрядов. Кроме того, китайцы, вероятно, окажут возможную поддержку своему союзнику материальными средствами: главным образом, доставлением продовольствия, перевозочных средств, выставлением отрядов кули и т.п.». Там же. Л. 24–24 об.

недель с начала мобилизации, за который следовало приготовить область к обороне и насколько возможно ослабить одного из союзников – Китай, очистив прилегающую к железной дороге полосу от китайских войск, а 4-я бригада ЗО ОКПС – оборонять железную дорогу от станции Кайюань до границ Квантунской области[339].

31 мая 1903 г. доклад был утвержден Е.И. Алексеевым, однако в столицу ни доклад В.Е. Флуга (№ 796 от 16 апреля 1903 г.), ни доклад И.В. Холщевникова (№ 247 от 8 мая 1903 г.) отправлять не стали[340], поскольку 17 июня в Порт-Артур прибыл сам А.Н. Куропаткин[341], где ему эти планы и отдали. Он одобрил оба, но если план, составленный в штабе Квантунской области, без изменений, то в план от 8 мая 1903 г., разработанный в штабе Приам. в.о. он приказал внести два изменения (пунктом сосредоточения Маньчжурского отряда назначить не Телин, а находящийся южнее Ляоян и усилить состав этого отряда), учет которых требовал переработки плана[342]. Неразбериху, царившую тогда в военном ведомстве, лучше всего характеризует то, что параллельно начальник Главного штаба В.В. Сахаров, настаивал на необходимости сосредоточить те же войска еще севернее г. Телин, в районе среднего течения р. Сунгари[343].

Разработанные В.Е. Флугом планы обороны Квантунской области на случай войны с Японией, несмотря на утверждение их Е.И. Алексеевым, на протяжении лета 1903 г. пришлось корректировать. Сначала их дорабатывали под новую численность войск после прибытия в область 13-го и 14-го Вост.-Сиб. стр. полков, двух батарей и сап. батальона. Завершили к 23 июля[344], но вскоре было принято решение, что область будут оборонять полки не только 4-й Вост.-Сиб. стр. бриг., но и 7-й, а по мобилизации в Порт-Артуре, Дальнем и Талиенване сформируют по 1 запасному батальону, что доводило суммарную численность войск в области до 23,5 батальона, 16 орудий, 6 сотен и 2 батальонов креп. арт.[345].

В результате новый проект плана обороны Квантунской области был готов только к 8 октября 1903 г. (по прибытии 7-й Вост.-Сиб. стр. бриг.)[346]. Именно на стадии подготовки этого плана и произошел роковой отход от отстаиваемой ранее как штабом Приам. в.о., так и штабом войск Квантунской области концепции, по которой все «расчеты велись при условии, что наш флот не помешает спокойной перевозке морем японского десанта и что десант этот

---

[339] Там же. Л. 24–26 об.
[340] Там же. Л. 24; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 228.
[341] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 31–31 об.
[342] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 228.
[343] Он указывал, что в своевременной помощи Маньчжурского отряда Порт-Артур (единственная выгода более южного сосредоточения) вообще не нуждается, поскольку крепость хорошо укреплена и имеет не только собственный гарнизон, но и части полевых войск, что обеспечивает ее форты от любого захвата. Эти соображения были изложены во всеподданнейшей записке от 16 марта 1903 г., посвященной окончательному выводу русских войск из Маньчжурии, но никакого влияния на ход разработки планов войны на Дальнем Востоке не оказали. Там же. С. 229–230, 777.
[344] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 56.
[345] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 230–231, 777.
[346] Там же. С. 230–231, 777.

будет беспрепятственно высажен»[347]. 25 сентября 1903 г. начальник временного штаба Наместника В.Е. Флуг, под давлением своего непосредственного начальника, адмирала Е.И. Алексеева, обратился к начальнику временного морского штаба Наместника контр-адмиралу В.К. Витгефту с двумя запросами «“капитальными и отправными при разработке плана сосредоточения”: а) можем ли мы считать себя обеспеченными от высадки неприятеля в Инкоу, хотя бы в течение первого месяца со дня объявления мобилизации и б) если для высадки неприятель изберет берега Корейского залива, то на сколько времени действия нашего флота, если они даже не будут сопровождаться решительным успехом над морскими силами противника, – могут замедлить производство высадки в означенном районе»[348]?

Витгефт ответил через день, 27 сентября, категорично и исключительно оптимистично: «На отношение за № 94 уведомляю, что лично я считаю, пока наш флот не разбит: 1) высадку десанта неприятелем в Инкоу, кроме судовых десантных партий крейсеров – немыслимой; 2) высадка в Корейском заливе также немыслима. Если же наш флот будет предварительно разбит, то задержать высадку, или же значительно замедлить ход ее операций, уже немыслимо, и роль остатков флота будет лишь производить тревогу и частные нападения на его морские сообщения единичными судами и миноносцами; но возможности разбития нашего флота японским в районе Желтого моря и Корейского залива, даже при теперешнем соотношении сил – лично я не допускаю»[349]. 29 сентября В.Е. Флуг доложил об этом ответе Е.И. Алексееву и, получив 1 октября его письменное согласие, был вынужден безусловно принять как при доработке старого плана, так и при составлении нового, что господство японского флота в окрестностях Квантуна невозможно, а высадка японских войск может состояться лишь в Корее и то никак не севернее линии Гензан–Цинампо[350].

К 1 октября 1903 г. уже было создано Дальневосточное Наместничество во главе с тем же Е.И. Алексеевым и теперь временному штабу Наместника предстояло подготовить новый, единый план стратегического развертывания русских войск на Дальневосточном ТВД. Для решения этой задачи во временный штаб передали все необходимые материалы по военному планированию из штаба войск Квантунской области и штаба Приам. в.о. Работу возглавил В.Е. Флуг[351]. При этом еще 12 сентября 1903 г. в Порт-Артуре получили телеграмму из Главного штаба «составить соображения по всему Дальнему Востоку и по утверждении Наместником представить в Главный штаб для всеподданнейшего доклада главные основания такового». В

---

[347] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 25.
[348] Цит. по: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. С. 96–97; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 233.
[349] Цит. по: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. С. 96–97; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 233. Впоследствии, в морском бою 28 июля 1904 г. в Желтом море В.К. Витгефт расстался с жизнью во время опровержения этого заявления. Подробнее см.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 3. С. 1–159.
[350] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 230–233, 777–778.
[351] Там же. С. 230–232, 777.

представлении требовалось поместить сравнительную оценку положения с бывшим при составлении соображений, сообщенных Е.И. Алексееву в августе 1901 г.[352].

Поскольку напряжение в русско-японских отношениях продолжало нарастать, Наместник телеграфировал 17 сентября 1903 г. Командующему войсками Приам. в.о., что впредь до выработки и утверждения императором нового плана, он предписывает Окружному штабу руководствоваться старым планом от 8 мая 1903 г., но с изменениями, часть которых обусловливалась указаниями А.Н. Куропаткина, а часть – корректировками состава и дислокации войск: «1) Район сосредоточения перенести от Телина в Ляоян–Хайчен; 2) направить сюда по железной дороге части 2-го корпуса, за исключением оставляемых в тылу, затем весь 1-й корпус и войска Забайкальской области; 3) оборону Владивостока и Южно-Уссурийского края возложить на 8-ю стр. бригаду и европейские части с добавлением к ним нескольких сотен или эскадронов и 4) оставленные в тылу части 2-го корпуса по смене их казачьими пешими батальонами и резервными частями направить на присоединение к своему корпусу». Оборону Квантуна возложить на 7-ю стр. бригаду и 5-й стр. полк, а в район сосредоточения отправить 3-я стр. бригада. Если выяснится, что главный удар направлен не на Порт-Артур, то туда же будут направлены еще 3 полка 4-й стр. бригады[353].

Итоговый «План стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией» во временном штабе Наместника подготовили к 5 ноября 1903 г.[354]. Он представлял собой объединенные и доработанные по новым вводным (господство русского флота, невозможность высадки японцев в Инкоу и Корейском заливе) и изменившимися условиями (численность и дислокация войск) план штаба Приам. в.о. от 8 мая 1903 г. и доклад начальника штаба Квантунской области В.Е. Флуга от 16 апреля 1903 г. № 796 «О действиях войск Квантунской области в случае войны с Японией». Обе особенности плана были оговорены на его первой странице, где было указано, что «большинство данных относительно мобилизационной готовности войсковых частей и новых формирований военного времени взяты, в виду спешности работы», из плана Окружного штаба[355].

Практически все расчеты численности японских войск, их целей, задач, сроков мобилизации, данные о соотношении русских и японских сил на разных этапах кампании, о снабжении всеми видами довольствия тоже были взяты из вышеуказанных документов. Итак, «Объявив войну России, Япония может: 1) Ограничиться прочным занятием Кореи. 2) Заняв Корею попутно, для приготовки там базы, направить главный удар на наши войска в Южной Маньчжурии и кр. Порт-Артур. 3) Главный удар направить на кр. Владивосток и Южно-

---

[352] Цит. по: Там же. С. 232.
[353] Там же. С. 247–248, 780.
[354] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–31.
[355] Там же. Л. 1.

Уссурийский край. Одновременно с одной из этих главных операций, может быть предпринята диверсия с целью овладения о-вом Сахалином, устьями Амура и т.п.»[356]. Первый и третий вариант считались маловероятными, т.к. влекли за собой лишь временные успехи, не гарантируя их закрепления в случае сохранения основной группировки русских войск и военно-морской базы в Порт-Артуре. Второй – наиболее вероятным. Новым, по сравнению предыдущими планами, стало появление тезиса о возможности удара по низовьям р. Амур и о. Сахалин – результат визита в эти районы А.Н. Куропаткина и продолжительных дискуссий местных начальников с командованием Приам. в.о.[357].

После полученных от В.К. Витгефта заверений и санкции Е.И. Алексеева, от определения пунктов высадки неприятеля отказались, указав, что она «может последовать на западном берегу Корейского полуострова, не ближе Цзи-нам-пхо, или же на юго-восточном и восточном берегах этого полуострова». Поэтому весь расчет сроков сосредоточения японских войск оказался далеким от реальности, а выводы, что вся японская армия может подойти: к линии КВЖД «не ранее как в середине третьего месяца; к Порт-Артуру не ранее конца третьего месяца; а несколько более половины армии – на пол месяца раньше» – ошибочными. В этом отношении, план стал шагом назад по сравнению с планом Окружного штаба от 8 мая 1903 г.[358]. В нем подчеркивалось, что удар Японии по Ляодунскому полуострову или по Южно-Уссурийскому краю – это в любом случае удар по флангам более чем 1000-верстного фронта, которые связаны единственным слабо обеспеченным рельсовым путем, почему на быструю поддержку одного фланга другим рассчитывать не приходится[359]. При том, что с объявлением мобилизации войска на Дальнем Востоке могли выставить полевых войск всего: 56 батальонов пехоты (если принять, что переброшенные в Приам. в.о. полки 31-й и 35-й пех. див. будут сведены в бриг. из 8 батальонов военного состава), 2 сап. батальона, 172 орудия и 35 эскадронов и сотен, а также резервных войск и льготных частей: 19 батальонов, 12 орудий и 40 сотен. Вопрос об источниках подкреплений решили также, как и в предыдущих планах.

Так как наиболее вероятным ТВД признавалась Южная Маньчжурия и Ляодунский полуостров, а в Южно-Уссурийском крае и у Владивостока ожидали только демонстраций, то планом предполагалось:

«1) Оборону Южно-Уссурийского края основать на Владивостокской крепости и затем для охраны побережья Амурского залива и Посьетского района назначить сводную бригаду из частей 31-й и 35-й пехотных дивизий – 8 батальонов; 6 – четырех орудийных батарей 31-й и 35-й артиллерийских бригад 24 орудия; 6 эскадронов Приморского драгунского полка, а

---

[356] Там же. Л. 1–1 об.
[357] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 31–63 об.; РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 403. Л. 1–30 об.
[358] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 2 об.–4.
[359] Там же. Л. 4.

также Посьетскую нештатную батарею и Новокиевские минную роту и крепостную команду.

2) Все остальные полевые и льготные войска Дальнего Востока (за выделением необходимых частей на усиление Порт-Артурского гарнизона и для охраны тыла […]), – 60 батальонов, 2 саперных батальона, 160 орудий, 64¾ сотен сосредоточить в районе Ляоян–Хайчен, так как:

1/ В этот район выходит лучшее и кратчайшее направление Японцев от реки Ялу к линии Китайской восточной железной дороги.

2/ Занимая этот район, мы становимся на фланге операционного направления Японцев от р. Ялу на Порт-Артур. Раз у Ляо-яна будут своевременно сосредоточены достаточные силы, наступление всей Японской армии к Порт-Артуру немыслимо, почему

3/ Для обороны Порт-Артура можно назначить только его крепостной гарнизон с самыми незначительными добавлениями.

Назначенные подкрепления – 162 батальона, 352 орудия, 36 сотен, головные части которых могут подойти не ранее начала 3-го месяца, из Харбина в зависимости от выяснившейся обстановки, направить или на Южно-Маньчжурский театр или в Южно-Уссурийский край»[360].

Расчет времени сосредоточения войск на Южно-Маньчжурском ТВД, как и в предыдущих планах, был полон допущений, связанных с провозоспособностью железных дорог, ведением войны в период или вне сезона речной навигации. В целом же, приведенное в плане «сопоставление сил и сроков сосредоточения наших сил и подхода Японцев к намеченному району сосредоточения показывает, что Японцы не могут рассчитывать предупредить нас превосходными силами в районе Ляо-ян–Хайчен, почему сосредоточение всех сил Дальнего Востока здесь может быть выполнено с достаточною безопасностью. Более того, вышеприведенное соотношение сил и сроков сосредоточения первых эшелонов позволяет нам рассчитывать на своевременное занятие передовыми частями сильной оборонительной линии р. Ялу», для чего с первых дней мобилизации за этим районом предполагалось установить тщательное наблюдение. «Владея рекой Ялу, мы можем рассчитывать значительно задержать здесь наступление Японцев, а затем воспользоваться труднопроходимым горным хребтом Фэн-шуй-лин, который пересекает все пути от нижнего течения р. Ялу в намеченный район сосредоточения. Все изложенное дает право рассчитывать, – при отсутствии господства Японцев на море, – безопасно и своевременно сосредоточить у Ляо-яна–Хайчена все войска Дальнего Востока, назначенные на Южно-Маньчжурский театр: 62 батальона, 64¾ сотни, 160 орудий»[361].

---

[360] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 4 об.–5 об.
[361] Там же. Л. 5 об.–7.

На начальном этапе кампании русские войска должны были, избегая решительных столкновений, действовать исключительно оборонительно, стараясь выиграть время. Составители плана были убеждены, что время будет играть на руку русской армии, которая, по приходе на исходе 7 месяца последних запланированных подкреплений из Европейской России, должна была составить 160 батальонов, 100¾ сотни и 448 орудий, в то время как японская армия, «по сформировании территориальной армии, может быть усилена только тремя полевыми дивизиями, всего до 156 батальонов, 55 эскадронов, 684 орудий, 13 инженерных батальонов, так как территориальная армия, в следствие незаконченности ее организации, едва ли может быть привлечена к главным операциям»[362]. Русско-японская война 1904–1905 гг. наглядно показала, насколько эти оценки были ошибочными.

Боевое расписание, предусмотренное планом, было существенно скорректировано относительно версии штаба Приам. в.о. Вместо формирования Маньчжурского и Южно-Уссурийского отрядов предусматривалось формирование одного отдельного корпуса штаты и система управления которым остались неразработанными, и Южно-Уссурийского отряда, причем сила первого была предельно увеличена за счет ослабления второго. I-й Отдельный корпус в составе 1-го, 2-го и 3-го Сиб. АК с некоторыми усилениями (всего: 60 батальонов, 64¾ сотен, 160 орудий, 2 сап. батальона) оперировал на Южно-Маньчжурском театре. Южно-Уссурийский отряд (всего: 8 батальонов, 6 эскадронов, 32 орудия и 1 минная рота) оперировал на одноименном ТВД сосредотачиваясь в районе Раздольное–Посьет. Несмотря на имевшееся в документе примечание, что цифры состава подкреплений взяты из плана Окружного штаба от 8 мая 1903 г., на самом деле они иные: всего 164 батальона, 36 сотен и 352 орудия. Остальные показатели боевого расписания, цели действий отрядов и гарнизонов, лишь незначительно скорректированы по сравнению с планом Окружного штаба. Принципы стратегического развертывания войск на Южно-Маньчжурском ТВД отличались лишь бóльшим вниманием к необходимости максимально задержать противника в районе р. Ялу и ближайших окрестностях. Более того, позиции на р. Ялу предполагалось даже укрепить[363].

Завершался план тем, что В.Е. Флуг испрашивал, в случае его утверждения, приказания на дальнейшую разработку соответствующими отделами военно-окружных управлений Квантунской области и Приам. в.о. «В виду того, что в настоящее время запасы военного времени по артиллерийской и медицинской частям сосредоточены в Приамурском военном округе, разработку вопросов по части артиллерийской и санитарной на Южно-Маньчжурском театре полагал-бы возложить на соответствующие Окружные Управления Приамурского округа. Равно разработку вопросов по устройству военных сообщений этого театра возложить

[362] Там же. Л. 7 об., 11.
[363] Там же. Л. 11–22 об.

на Начальника Военных Сообщений Приамурского военного округа. Вопрос-же довольствия войск на Южно-Маньчжурском театре предоставить разработать Областному интенданту Квантунской области». Завершение плана требовало составления нового мобилизационного росписания для войск Дальнего Востока[364], что тоже должны были делать в Приам. в.о.

Таким образом, несмотря на создание Дальневосточного Наместничества с временным штабом Наместника, эффективной централизации деятельности военного управления, из этого так и не получилось. Получилась лишь «чудовищная… ломка существующих порядков ведения дел»[365] и, как следствие – хаос, сумбур и замедление в решении всех вопросов в предвоенный момент, когда требовалось работать качественно и в максимально сжатые сроки. Даже при разработке плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока, возможностей Порт-Артура, при всех переведенных туда специалистах и отправленных в срочном порядке материалах, хватило только на разработку общей концепции. План более чем на половину представлял собой переработку, а местами и просто пересказ плана Окружного штаба от 8 мая 1903 г. Оказалось, что вести дальнейшую разработку этих общих оснований можно было только в штабе Приам. в.о., где имелись необходимые материалы и специалисты хорошо знавшие Дальневосточный ТВД. Для командования Приам. в.о. Наместничество стало лишней, крайне неудобно расположенной инстанцией, которая в вопросах разработки сухопутных операций без помощи Хабаровска оказывалась не только абсолютно беспомощна, но и крайне вредна. Зато туда требовалось посылать все важнейшие документы на согласование и утверждение перед отправкой их в Петербург.

Основные соображения, положенные в основу этого плана, были доложены Е.И. Алексеевым в столицу 11 октября 1903 г., т.е. почти за месяц до окончания работы над планом. 18 октября их утвердил Николай II, и 1 ноября А.Н. Куропаткин телеграфировал Е.И. Алексееву. Сам план был отослан в Петербург лишь при письме от 21 ноября и лег на стол военному министру только 14 декабря. В тот же день А.Н. Куропаткин распорядился спешно рассмотреть его в Главном штабе. Утром 19 декабря у него состоялось специальное совещание по этому вопросу[366], после чего он представил Николаю II обширный доклад, с разбором недостатков плана[367]. Основное замечание А.Н. Куропаткина – все соображения по сосредоточению войск и вопросам оперативного характера приурочены «к наиболее

---

[364] Там же. Л. 1, 30 об.–31.

[365] ОР РГБ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 278.

[366] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 248–249, 780; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 191, 194–194 об.

[367] Он указал на разделение управления, вместо одного – 3 крупных управления: штаб Главнокомандующего и два управления отдельных корпусов, которые лучше было заменить единым штабом Командующего Маньчжурской армией. Предположенное формирование 3-го Сиб. АК было нежелательно, т.к. разрушало уже сложившуюся организацию войск, в т.ч. арт. бригад и дивизионов и требовало еще финансовых ассигнований. 31-ю и 35-ю пех. див. было нежелательно назначать на второстепенный ТВД и уж тем более сводить в одну бригаду, что нарушало организацию уже существующих полков. Выступил он и против отвлечения частей ЗО ОКПС на различные командировки, что неизбежно ослабляло охрану важнейших стратегических линий КВЖД и ЮМЖД.

благоприятной для нас обстановке». «На Дальнем Востоке от недавнего крайнего пессимизма перешли по отношению к нашим силам к крайнему оптимизму», – резюмировал он[368].

Он распорядился телеграфировать Наместнику о необходимости «упростить проектированное на Дальнем Востоке нагромождение властей по командованию в случае войны войсками», разработать вопросы тыла армии, довести пропускную способность ЮМЖН до 14 пар поездов в сутки. 16 января 1904 г. Куропаткин телеграфировал Е.И. Алексееву, что Николай II план утвердил, но все сосредотачиваемые в Южной Маньчжурии силы должны образовать одну Маньчжурскую армию, а не два отдельных корпуса, и обратил внимание на малую пропускную способность ЮМЖД[369].

В дальнейшем во временном штабе Наместника в большей степени занимались не корректировкой и доработкой общего плана сосредоточения войск и ведения боевых действий, а проработкой вопроса: какие действия предпринимать в случае высадки японских войск в Корее (в близости этой операции к середине декабря 1903 г. в Порт-Артуре уже мало кто сомневался), и согласованием этих действий с Петербургом[370]. Таким образом, разработанный во временном штабе Наместника к 5 ноября 1903 г. «План стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией»[371], стал последним планом кампании, разработанным до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Был еще один план, подготовленный лично военным министром А.Н. Куропаткиным и представленный им Николаю II 2 февраля 1904 г.[372] – уже после начала войны: «План кампании должен быть очень простой:

I. Борьба флотов за главенство на море.

II. Десант со стороны японцев и противодействие ему.

III. Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил.

IV. Переход в наступление:

а) вытеснение[373] японцев из Маньчжурии. б) вытеснение японцев из Кореи.

V. Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восстанием. Овладение столицами и особою императора»[374].

---

[368] Там же. Л. 195–200 об., 205–211 об.; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 248–249, 780.
[369] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 79.
[370] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 267–275, 784–785. Первый доклад о перевозке десанта на р. Ялу был подготовлен еще 23 октября 1903 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 1–6 об.
[371] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–31.
[372] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–5 об.
[373] На полях пометка Николая II: «уничтожение». Там же. Л. 5 об.
[374] Там же. Л. 5 об. В этой цитате, частично опубликованной впервые еще в 1910 г. последние два предложения были П.Н. Симанским опущены (Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 277). Аналогичным образом поступили и сотрудники комиссии при МГШ по описанию действий флота (Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. С. 99–100). Опубликован также пересказ перевода этой записки с немецкого языка на русский, но 5-й пункт там заметно отличается: «Высадка наших войск в Японии.

В другом месте этой записки будущий Главнокомандующий отмечал: «Вдумываясь в сложную и трудную обстановку, при которой придется на Дальнем Востоке сосредоточиваться и действовать нашим войскам, мне представляется, что в первый период кампании мы должны главною целью своих действий поставить: не допустить разбить наши войска по частям. Никакие местности, никакие пункты[375] не должны иметь такое значение, чтобы отстаивая их[376] мы могли доставить противнику победу над головными частями наших войск. Постепенно усиливаясь и подготовляясь к переходу в наступление наших сил, мы должны совершить таковой с достаточными силами и при том снабженными всем необходимым для непрерывного наступления в течение довольно продолжительного времени». Указывал «беречь снаряды», «сберечь конницу», у которой «тактика должна быть та же, что и в 1812 году», рассчитывал, что со временем «дух японцев будет подорван»[377].

Эффект от столь оптимистичного плана проявился прямо во время доклада императору 3 февраля, по итогам которого Николай II записал в своем дневнике: «За докладом сказал Куропаткину, что назначаю его командующим Маньчжурскою армиею»[378]. Вопрос о том, когда же все-таки следовало начать переходить в наступление и уж тем более каким образом делать «десант в Японию» при полном отсутствии на Тихом океане необходимого для этого транспортного флота, о чем в Главном штабе прекрасно знали, остался открытым, поскольку А.Н. Куропаткину не удалась даже программа минимум.

Несмотря на то, что Наместник был адмиралом и объединял в своем лице все ветви власти в регионе, какой-либо координации в разработке планов предстоящей кампании между армией и флотом, а равно регулярного обмена разведывательной информацией между военным и морским ведомствами не было. Оперативная передача таких сведений по административной лестнице сверху вниз, наиболее нуждавшимся в них штабам и лицам тоже не была нормально налажена[379]. Единственным прецедентом попытки координации действий временного штаба Наместника и временного морского штаба Наместника стала описанная выше переписка между В.Е. Флугом и В.К. Витгефтом о роли флота и месте предполагаемой высадки японского десанта. «Сухопутные» планы делались для армии, «морские» – для флота,

---

Подавление территориальных японских войск. Овладение городами Японии и взятие в плен Микадо». Теттау Э. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из Русско-японской войны. Ч. I. СПб., 1913. С. 28–34.

[375] Кроме крепостей. – Прим. док.

[376] С недостаточными силами. – Прим. док.

[377] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–2 об.

[378] Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2011. С. 788.

[379] Анализ подготовленных под руководством В.Е. Флуга планов показывает, что о донесениях русского военно-морского агента в Японии капитана 2-го ранга А.И. Русина, представившего еще в марте 1903 г. в МГШ достаточно подробные и правдивые данные о текущем состоянии японского плана войны с Россией, он не знал. Военный агент в Китае полковник К.Н. Десино еще в 1899 г. в записке «Стратегическое значение Квантуна» писал: «В случае войны, при лучших для нас обстоятельствах, Тихоокеанская эскадра будет или отогнана от Ляодуна, – чем, разумеется, отвлечет для наблюдения за собою соответствующее число неприятельских судов, – или же заперта в своей базе – точке в Порт-Артуре, причем, вследствие легкости морской блокады этого пункта, деятельность ее низведется до нуля (если, конечно, не считать, что запертые суда могут дать людей и орудия для сухопутной обороны укреплений базы, против высадившегося неприятеля)» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 1). В морском ведомстве об этом не знали.

составление единого плана с четко сформулированными взаимосвязанными задачами и указанием способов их достижения даже не предполагалось. Вопросы координации и взаимодействия на начальном этапе кампании не прорабатывались и в планах не отразились[380]. Распоряжений на случай внезапного объявления войны и уж тем более начала боевых действий без такого объявления не было предусмотрено и в планах ВМФ. Более того, «в то время как все, что выработано было для действий на суше сообщалось в Петербург на рассмотрение Главного Штаба, Военного Министра и, наконец, на Высочайшее утверждение, таковые же планы действий морских сил созидались, решались и утверждались одной лишь властью Наместника… […] Вопрос о планах войны с Японией подымался Главным Морским Штабом еще в 1902 году, когда в ответ на англо-японский союз, состоялось дипломатическое соглашение между Францией и Россией относительно общих действий на Дальнем Востоке. Главному Морскому штабу по этому поводу было сообщено Командующим Морскими Силами на Дальнем Востоке, что план военных действий у него имеется. Предположенный план военных действий флота однако не был сообщен в Петербург»[381].

В ГМШ работа по составлению плана войны шла самостоятельно. Завершена она, из-за диаметрального расхождения во взглядах членов штаба на соотношение сил русского и японского флотов не была, и о ней, в свою очередь, ничего не знали в Порт-Артуре[382]. Не знали там и о морских стратегических играх «война с Японией», проведенных в Николаевской Морской Академии на курсе военно-морских наук в 1896, 1900 и 1902–1903 учебных годах[383].

Многие территории, которые считались труднодоступными или не представляющими интереса для противника (п-ова Камчатка и Чукотка, Охотское побережье, о. Сахалин) долгое время вообще не предполагалось оборонять. Хотя вопрос об обороне о. Сахалин периодически и поднимался, но реально ни в одном плане обороны российского Дальнего Востока проблема защиты острова всерьез не рассматривалась. В 1900 г. его снова поднял Командующий войсками Приам. в.о. Н.И. Гродеков, опасавшийся, что беззащитный остров

---

[380] При этом в Японии все было в точности до наоборот – вся подготовка войны с Россией велась при теснейшем взаимодействии Военного и Морского министерств и, соответственно, Генерального Штаба и Морского Генерального Штаба. Начиная с 1900 г. Генеральный Штаб и Морской Генеральный Штаб ежегодно представляли императору оперативные планы борьбы с Россией, а координационные совещания этих органов в декабре–феврале 1904 г. проводились регулярно. Полутов А.В. Десантная операция… С. 19–40, 54.

[381] Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. С. 60–92, 100–101.

[382] Там же. С. 101–107.

[383] Игра 1896 г. закончилась полным поражением русского флота. Игра 1900 г. доведена до конца не была, т.к. русская сторона так и не решилась вступить в бой с превосходящей эскадрой противника до прибытия подкреплений из Средиземного моря (З.П. Рожественский участвовал в этой игре). Игра 1902–1903 гг. на тему «Война с Японией в 1905 г.» рассматривала начало военных действий Японией без объявления войны, в результате чего получилось, что русские суда, оказавшиеся в иностранных портах, были разоружены (в Чемульпо – 1 крейсер и 1 лодка), после чего большая часть русского флота была уничтожена в нескольких морских сражениях, а русским крейсерам не удалось помешать осуществлению японцами десантной операции. Все 3 игры показали неудобство и опасность Порт-Артура как базы для ВМФ, в военное время, явные преимущества Владивостока, где и следовало базировать основные силы флота. Там же. С. 107–121.

может представлять интерес для Японии в виду его каменноугольных и рыбных богатств. Началась проработка этого вопроса на уровне Окружного штаба и военного губернатора острова М.Н. Ляпунова, сопровождавшаяся активной перепиской и двумя (в 1901 и 1902 гг.) командировками на о. Сахалин генерала для поручений при Н.И. Гродекове Генерального Штаба генерал-майора А.А. Трусова. При недостатке средств военного бюджета, каких-либо существенных мер по усилению обороноспособности острова принято не было[384]. Некоторые соображения по обороне о. Сахалина высказал непосредственно на месте А.Н. Куропаткин, посетивший его 22–23 мая 1903 г., приказав послать особого офицера Генерального Штаба, «который выработал бы планы: 1) мобилизацион[ный] сил на Сахалине и 2) планы действий при различных предположениях о высадке», поскольку ни первого ни второго просто не существовало. Однако практического эффекта эти меры оказать уже не успели[385] – до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. план обороны о. Сахалин так и не был разработан. Мобилизационного плана не было, командование округа продолжало спорить с М.Н. Ляпуновым о параметрах этого документа, а специальная комиссия разрабатывала вопросы фортификационного укрепления Александровского и Корсаковского постов, переделывая проект в третий раз по приказанию Командующего войсками округа Н.П. Линевича[386].

* * *

На весь процесс подготовки планов предстоящей кампании существенное отрицательное влияние оказал низкий уровень компетентности сотрудников центрального аппарата Военного министерства и лично А.Н. Куропаткина не только в делах Японии и Дальнего Востока в целом, но и оборонной политики России в регионе при предыдущем составе ведомства. Например, 29 декабря 1903 г. А.Н. Куропаткин сначала запросил Главный штаб: «Какие меры приняты были нами в 1895 году […]: когда была объявлена мобилизация? до или после объявления Японией войны с Китаем»[387]? Затем приказал подготовить ему справку «по следующим вопросам: 1) производила ли Япония мобилизацию армии до объявления войны Китаю; 2) не атаковали ли Японцы Китайский флот до объявления войны и 3) в чем заключались переговоры между сими державами и не сосредоточивала ли Япония войска до объявления войны»[388]. Таким образом, военный министр заинтересовался опытом

---

[384] РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 403. Л. 1–30 об.

[385] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1935. Л. 50 об.–63 об. Эта поездка специально исследовалась в: Авилов Р.С. Военный министр Алексей Николаевич Куропаткин на о. Сахалине (1903 г.) // Вестник Сахалинского музея. 2020. № 1. С. 69–91.

[386] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 9. С. 91–93. Переписку об этом см., напр.: РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 402.

[387] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 217–217 об.

[388] Там же. Л. 239. На это был получен из ответ Главного штаба, что «1) Во время Японо-Китайской войны 1894–1895 гг. Япония мобилизовала всего 7 дивизий, из коих до объявления войны (декларация от 1-го Августа 1894 года) приведены были на военное положение три дивизии, а именно 3-я, 5-ая и 6-ая. 2) В Июле месяце, во время дипломатических переговоров, когда Китай направлял в Асан (Корею) на пароходе “Коушенг” свои первые подкрепления (1100 чел.), три японских военных судна 25 июля напали на китайский транспорт и не взирая на то, что война не была объявлена спустили мину Уайтхеда и потопили китайское судно. 3) До формального объявления войны Япония вела переговоры с Китаем, в коих указывала на свои торговые интересы в Корее и настаивала на введении

предыдущей проведенной Японией войны только в последних числах декабря 1903 г., когда большая часть работ по военному планированию уже была завершена. 30 декабря документ доложили императору, и состоялось очередное совещание[389]. Далее началась лихорадочная, но безнадежно опоздавшая деятельность по серьезной подготовке к войне с Японией.

В работе над планами обороны российского Дальнего Востока, проводившейся в 1901–январе 1904 гг. имели место существенные упущения, что привело к наличию ошибок в подготовленных документах и серьезным стратегическим и тактическим просчетам, сыгравшим на руку японцам. Основные сводились к следующему:

1. Отказ в последний момент под давлением моряков от тезиса штаба Приам. в.о. о том, что при планировании предстоящей кампании нужно полностью пренебречь возможностями русского ВМФ, и исходить из того, что он безусловно примет участие в противодействии японскому ВМФ, но предсказать заранее результаты этого противодействия невозможно, а значит рассчитывать на них бессмысленно.

2. Полное отсутствие проработки взаимодействия армии и флота на уровне военного и военно-морского планирования, обмена разведывательной информацией между Военным и Морским министерствами, а также игнорирование необходимости строжайшей координации действий армии и флота на начальном этапе кампании.

3. Игнорирование опыта Японо-китайской войны 1894–1895 гг., о которой были собраны обширные сведения, хранившиеся в Главном штабе и штабе Приам. в.о., а также имелась литератора, в т.ч. опубликованная на русском языке[390].

4. Вероятность, скрытой мобилизации противника и открытия им военных действий до официального объявления войны в планах не рассматривалась[391].

5. Неверное определение пункта предстоящей высадки основных сил противника. В разных версиях планов и стратегических наработок рассмотрели практически все сценарии возможной переброски японских войск на континент и перебрали почти все удобные для

реформ по всем отраслям государственной жизни. Во время переговоров Япония отправила пятидесятитысячный оккупационный отряд в Корею, заняла столицу Сеул, овладела особой Короля и до официального объявлении войны разбила китайцев 29 июля под Асаном». Там же. Л. 240.

[389] Там же. Л. 240, 256–262 об.

[390] Ржевуский И.В. Японско-китайская война 1894–1895 гг. СПб., 1896. 79 с.; Сборник материалов по военно-морским вопросам. Вып. 1. Японско-Китайская война / сост. под ред. кап. 1-го ранга Доможирова. СПб., 1896. 442 с.; Симанский П.Н. Японско-Китайская война. 1894–1895: Пер. с нем. [брош. Мюллера “Der Krieg zwischen China und Japan”], доп. новыми главами и примечаниями, сделанными по другим источникам. / Сост. Ген. штаба кап. Симанский. СПб., 1896. 284 с.; Кладо Н.Л. Военные действия на море во время Японо-китайской войны. СПб., 1896. 66 с.; Война между Китаем и Японией в 1894–95 гг. Пер. с фр. Новгород, 1896. 137 с. и др.

[391] При этом все расчеты японского военного и военно-морского командования, а также политиков на успех в войне с Россией, строились исключительно на проведении подготовки к непосредственному началу войны в условиях максимальной секретности, внезапном нападении на главные силы русской Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре, что давало возможность быстро завоевать господство на море, а затем или одновременно с этим успеть перебросить на континент армию, превышающую по численности группировку русских войск на Дальнем Востоке и разбить ее до прибытия в Маньчжурию подкреплений из Европейской России. Подробнее см.: Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 38–58; Полутов А.В. Десантная операция… С. 21–54, 152–350.

высадки бухты от Владивостока до оконечности Ляодунского полуострова… кроме тех, которые использовались японцами во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг., сценарий которой они в значительной степени в 1904 г. просто повторили. Более того, из-за утверждения В.К. Витгефта и Е.И. Алексеева о господстве русского флота и невозможность высадки японцев в Инкоу и Корейском заливе, рассмотрение этого вопроса в планах стало двигаться от сравнительно близких к истине прикидок ко в корне неправильному постулату, что высадка «может последовать на западном берегу Корейского полуострова, не ближе Цзинам-пхо, или же на юго-восточном и восточном берегах этого полуострова».

6. Неверное определение численности армии противника – прямой результат экономии финансовых средств на разведке в Китае, Корее и Японии.

7. На основании неверных данных о численности японской армии был сделан ошибочный вывод, что противник будет вести операции только на одном направлении, поставив на другом лишь сильный заслон. Вероятность того, что противник будет в состоянии вести операции на 2–3 направления, в планах вообще не рассматривалась.

8. Проблема координации действий войск, подчиненных командованию Приам. в.о. и командованию Квантунской области, а также оперативного управления ими окончательно так и не была решена.

9. Отсутствие важнейших документов по организации обороны крепости Порт-Артур: «плана приведения крепости в готовность к обороне» и «плана обороны крепости».

10. Практически полное игнорирование стратегической роли г. Дальний, где Министерство финансов рекордными темпами возводило глубоководный торговый порт – идеальное место для высадки больших масс войск с обозом и артиллерией, в т.ч. осадной. Отсутствие каких-либо серьезных планов его защиты.

11. Недооценка значения о. Сахалин и ошибки в расчетах численности войск, необходимых для его эффективной обороны даже от одной японской дивизии.

12. Вопросы организации тыла сосредотачиваемых в Маньчжурии войск были разработаны лишь в самых общих чертах.

13. Вообще не был разработан вопрос организации и деятельности на Дальнем Востоке разведки (на всех уровнях) с открытием боевых действий.

* * *

Параллельно с разработкой планов войны, на Дальнем Востоке шло и развитие мобилизационных росписаний. Мобилизация 1900 г. в Приам. в.о. была произведена по мобилизационному росписанию № 5 для войск Приам. в.о., введенному в действие 15 апреля 1900 г.[392]. Вскоре после окончания Китайского похода и демобилизации, в Окружном штабе

[392] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 4–5.

Приам. в.о. и штабе войск Квантунской области были начаты работы над составлением новых частных мобилизационных росписаний. Для Квантунской области такая работа велась впервые, т.к. в 1900 г. мобилизация там была произведена без всякого росписания. Выполнена она была сравнительно быстро и уже при отзыве № 77 от 5 июня 1901 г. «Мобилизационное росписание Квантунской области № 1» было доставлено в Главный штаб[393].

27 апреля 1902 г. Николай II утвердил и распорядился ввести в действие к 1 января 1903 г. новое «мобилизационное росписание № 18» (общее), в которое были включены войска и учреждения всех военных округов, за исключением Приамурского и Квантунской области. «Войска-же и учреждения Квантунской области, так же как и Приамурского военного округа, по прежнему будут мобилизоваться по особым росписаниям, составляемым местными штабами». Командующему войсками Квантунской области приказали приступить к составлению для войск области нового частного мобилизационного росписания, которое могло с 1 января 1903 г. заменить мобилизационное росписание Квантунской области № 1[394].

На основании этих указаний, после выработки 22 марта 1902 г. в Порт-Артуре, на совещании под председательством генерал-лейтенанта В.С. Волкова, основ плана обороны Квантунской области 1902 г.[395], под руководством В.Е. Флуга в штабе Квантунской области были разработаны и «Соображения для приведения войск Квантунской области на военное положение» с «Мобилизационным росписанием Квантунской области № 2», утвержденные Е.И. Алексеевым 1 октября 1902 г. Срок введения их в действие – 1 января 1903 г. Документы в максимальной степени учитывали опыт развертывания войск во время мобилизации 1900 г., и изменение численности и состава войск области[396]. 16 ноября 1902 г. документы были направлены в Главный штаб и получены там 9 декабря. 1 января 1903 г. мобилизационное росписание № 2 было введено в действие[397].

После того, как 22 февраля 1903 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал в Порт-Артур о Высочайшем повелении «до окончания укреплений Порт-Артура и окончания развертывании крепостных войск», перебросить на Квантун еще несколько частей[398], пришлось разработать «Дополнение к “Соображению для приведения войск Квантунской области на военное положение”», утвержденное Е.И. Алексеевым 12 мая 1903 г.[399]. 1 июня 1903 г. его направили

---

[393] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 1.
[394] Там же. Л. 1–2.
[395] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27281. Л. 82–87 об.
[396] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 215. Л. 1–3, 5–7.
[397] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 15–15 об., 37.
[398] Включить в состав войск Квантунской области 5-й и 15-й Вост.-Сиб. стр. полки, 1-й Читинский полк ЗКВ и 1-ю Забайкальскую казачью батарею ЗКВ, а также формирования из 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского полков ЗКВ Отдельной Вост.-Сиб. казачьей бриг. с подчинением ее начальнику Забайкальской казачьей батареи ЗКВ и включением бригады в состав войск Квантунской области. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 215. Л. 4.
[399] Там же. Л. 4.

в Главный штаб, где и получили 23 июня[400].

В Приам. в.о. ситуация была несколько иная. После мобилизации 1900 г. Командующему войсками округа было предоставлено право «ежегодно составлять, в случае надобности, новое частное мобилизационное росписание для пополнения чинами запаса войск и учреждений округа, – новое общее росписание № 18[401] составлено без включения в таковое войск Приамурского военного округа. В этом росписании предусмотрена лишь потребность для сих последних в запасных Сибирского военного округа, из числе коих и назначено в Приамурский округ 42.475 человек…», причем это назначение должно было оставаться неизменным все время действия мобилизационного росписания № 18[402].

В округе предоставленным правом активно пользовались и за период с 1901 г. по первую половину 1902 г. успели последовательно разработать мобилизационные росписания (частные) № 6 и № 7[403]. Теперь в округ был направлен экземпляр мобилизационного росписания № 18, с приказанием о составлении для войск округа нового частного мобилизационного росписания с таким расчетом, чтобы его можно было ввести в действие одновременно с росписанием (общим) № 18, т.е. к 1 января 1903 г. Основные руководящие указания были направлены с тем же документом[404].

Работы постоянно задерживались процессом переформирования и возвращения в округ войск из Маньчжурии, что заметно нервировало Главный штаб[405]. Однако качество документа было существенно выше, чем предшествующих, т.к. за время его подготовки в Приам. в.о. сумели наконец провести военно-конскую перепись: в 1901 г. – опытную в Забайкальской области[406], а в 1902 г. – в Амурской и Приморской областях, что дало точные цифры численности лошадей[407]. Разработанное с учетом опыта мобилизаций 1895 г. и 1900 гг. и данных опытных военно-конских переписей 1901–1902 гг., «Мобилизационное росписание № 8 Приамурского военного округа» со всеми необходимыми приложениями, было утверждено И.д. Командующего войсками округа генералом от инфантерии А.С. Беневским 22 октября

---

[400] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 63–69, 82–106.

[401] Следует подчеркнуть, что все приведенные выше мобилизационные росписания были частными, т.е. рассчитанными только на войну на Дальнем Востоке. Отправка войск на Европейский ТВД из Приам. в.о. и Квантунской области, в случае начала войны в Европе не предполагалась и не планировалась. Показательно, что при составлении планов перевозки войск для их сосредоточения на ТВД по мобилизационному росписанию № 18 (общему), Главный штаб запросил сведения «о сроках боевой готовности всех без исключения войсковых частей и тыловых учреждений» со всех военных округов, кроме Приамурского и Квантунской области. РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 541. Л. 1.

[402] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 1–1 об.

[403] № 7 изначально должно было действовать до 30 апреля 1903 г. Там же. Л. 14.

[404] Там же. Л. 1 об.–6.

[405] Там же. Л. 40; Там же. Л. 41.

[406] Высочайшее повеление от 29 мая 1901 г., объявленное военным министром, о производстве в 1901 г. опытной военно-конской переписи в Забайкальской области Приам. в.о. // ПСЗ РИ III. Т. 21. № 20170.

[407] Высочайшее повеление от 18 февраля 1902 г., объявленное военным министром, о производстве военно-конских переписей в Европейской и Азиатской России // ПСЗ РИ III. Т. 22. № 21110.

1902 г., и вступало в действие с 1 января 1903 г.[408]. В Главный штаб оно было направлено только 16 апреля 1903 г., причем вместе с изменениями этого росписания на время оставления некоторых войсковых частей округа в Маньчжурии[409]. В дальнейшем, начальник штаба округа должен был вносить в него необходимые изменения и дополнения[410], что регулярно и производилось[411].

Таким образом, получилось, что мобилизационное росписание № 8 было подготовлено в Окружном штабе даже раньше «Общих оснований плана стратегического развертывания войск округа и ожидаемых подкреплений в случае столкновения с Японией», завершенных лишь к маю 1903 г. и утвержденных Д.И. Субботичем 23 июля 1903 г. План предусматривал использование именно этого мобилизационного росписания[412]. Более того, оно стало последним росписанием, разработанным до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку, хотя завершение работы над «Планом стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией» от 5 ноября 1903 г., разработанным во временном штабе Наместника и требовало составления нового мобилизационного росписания для войск Дальнего Востока[413], но составить его уже не успели.

Шаткость положения России на Дальнем Востоке в полной мере отражали основные показатели всех мобилизационных росписаний: длительность мобилизации и сосредоточения (слабое развитие военно-транспортной инфраструктуры в регионе при огромных пространствах, на которых были разбросаны части), некомплект запасных нижних чинов (предполагалось пополнять, как и в 1900 г. запасными из Сиб. в.о.), а главное то, что «при составлении соображений по укомплектованию при мобилизации *офицерским составом* частей войск Приам. и Сиб. в.о. и Квантунской области, представилось необходимым предназначить на офицерские должности чинов запаса не только из района этих округов, но, по недостаточности местных источников укомплектования, также из числа запасных чинов соответственных категорий, проживающих вне… округов»[414]. В итоге, по мобилизации полагалось отправлять на Дальний Восток офицеров, военных чиновников и священников практически со всех военных округов империи, что с началом войны и было сделано[415].

* * *

После Китайского похода 1900–1901 гг. на российском Дальнем Востоке впервые началась разработка боевого росписания – оперативного документа, определяющего

---

[408] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 215. Л. 8–87.
[409] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 45–52 об.
[410] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 215. Л. 10, 11.
[411] См., напр.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 540. Л. 107–136.
[412] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 2. Д. 25. Л. 1, 23.
[413] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 1.
[414] РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 636. Л. 1–3.
[415] Варшавского, Киевского, Одесского, Петербургского, Московского, Казанского, Сибирского. Переписку об этом см.: Там же. Л. 7–153.

распределение войсковых частей и соединений в боевом порядке армии при ее развертывании. Первым таким документом стало разработанное в 1901 г. в рамках подготовки «Общих оснований для действий против Японии» «Первоначальное боевое росписание войск Приамурского округа и Квантунской области»[416]. Единственный комплексный документ такого рода, подготовленный до Русско-японской войны 1904–1905 гг. В дальнейшем, все боевые росписания, так же как и военные планы, разрабатывались уже в разных штабах. Боевое росписание войск Приам. в.о. – в Окружном штабе, а Боевое росписание сухопутных войск Наместничества – во Временном штабе Наместника.

Первый вариант боевого росписания войск Приам. в.о. был разработан в г. Хабаровск к 1 августа 1902 г. в рамках «Общих оснований плана стратегического развертывания войск округа и ожидаемых подкреплений в случае столкновения с Японией»[417]. Новый вариант был завершен в Окружном штабе к 8 мая 1903 г., как составной элемент следующий «Общих оснований плана стратегического развертывания войск округа и ожидаемых подкреплений в случае столкновения с Японией» и направлен Е.И. Алексееву[418]. Следующее боевое росписание войск Приам. в.о. было разработано на основе «Плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией», подготовленного во временном штабе Наместника к 5 ноября 1903 г.[419]. Впоследствии именно оно было исправлено А.Н. Куропаткиным, и затем утверждено Николаем II 14 января 1904 г., о чем сразу же уведомили Е.И. Алексеева. Документ переделывали несколько раз. Поскольку предполагалось, что против Южно-Уссурийского края, Владивостока и Николаевска противник ограничится лишь демонстрациями, большая часть войск Приам. в.о. по нему направлялась в Маньчжурский отряд, а оставшиеся формировали сравнительно малочисленный Южно-Уссурийский отряд, с задачей прикрыть Приморскую область и служить подвижным резервом для Владивостокской крепости, а при необходимости – Маньчжурского отряда. Владивостокская крепость считалась настолько сильной, что благодаря ее существованию признавалось возможным оставить для обороны Южно-Уссурийского края лишь минимально необходимое количество войск[420].

Работу над «Боевым росписанием сухопутных войск Наместничества Его Императорского Величества на Дальнем Востоке»[421] во временном штабе Наместника завершили уже после начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и назначения А.Н. Куропаткина командующим Маньчжурской армией. Поэтому оно предусматривало

---

[416] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 65. Л. 10–11 об.
[417] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 336–343.
[418] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27303. Л. 77–82.
[419] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–31.
[420] Подробнее см.: РГИА ДВ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–29; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 9. С. 16–17.
[421] Документ не датирован. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 535. Л. 1–8.

формирование не двух отрядов (Маньчжурского и Южно-Уссурийского), а полноценной Маньчжурской армии, и двух отрядов минимальной численности: Южно-Уссурийского и Квантунского. Главнокомандующим был назначен Наместник Е.И. Алексеев. Маньчжурская армия, под командованием А.Н. Куропаткина, в составе: Сибирской, Оренбургской и Забайкальской казачьих див., Кавказской конной бриг., 4-го и 5-го Уральский казачьих полков, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Сиб. АК, 10-го и 17-го АК, 1-й Сиб. пех. див., а также ряда отдельных арт. и инженерных частей. В распоряжении Главнокомандующего также находились: 4-я Донская казачья див., 1-й АК, 5-й и 6-й Сиб. АК, а также ряд арт. и инженерных частей и соединений, не входящих в состав корпусов. Южно-Уссурийский отряд, под командованием Н.П. Линевича, в составе которого числились: гарнизон Владивостокской крепости, три полка конницы, 2-я и 8-я Вост.-Сиб. стр. див., а также части, не входящие в состав дивизий. Квантунский отряд, под командованием А.М. Стесселя, в составе которого числились: гарнизон Порт-Артура, 4-я и 7-я Вост.-Сиб. стр. див., а также 5-й Вост.-Сиб. стр. полк. Минимальное количество войск было выделено и для охраны тыла[422]. В дальнейшем было создано единое «Боевое росписание войск Дальнего Востока», в которое в штабе Приам. в.о. вносили правки уже непосредственно по ходу мобилизации[423].

Наиболее точно складывавшуюся с военным планированием на Дальневосточном ТВД ситуацию характеризовал во Всеподданнейшем отчете Командующего войсками Приам. в.о. за 1901 г., завершенном лишь 25 мая 1902 г., Н.И. Гродеков: «До войны Японии с Китаем мы не допускали мысли о возможности попасть в оборонительное положение; теперь же слишком заметен переход инициативы в руки Японии»[424]. Таким образом, если к началу мобилизации 1900 г. русские войска на Дальнем Востоке не имели готового плана сосредоточения и ведения боевых действий, но имели по крайне мере тщательно разработанное и утвержденное мобилизационное росписание, то накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. не имелось ни итогового плана сосредоточения войск и ведения войны, ни готового мобилизационного росписания, завершить работы над которыми вовремя не представилось возможным как в силу наличия нескольких центров военного планирования и принятия решений (Хабаровск и Порт-Артур), так и в силу постоянных изменений в составе, дислокации и системе подчинения русских войск в регионе. Последние, наряду с импровизациями Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина, помешали на начальном этапе войны использовать в полной мере даже то, что действительно было завершено – боевые росписания.

---

[422] Там же. Л. 1–8.
[423] РГИА ДВ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–13 об.–19 об.
[424] РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 875. Л. 5 об.

4.5. Провал непосредственной подготовки к войне с Японией

11 декабря 1903 г. военный министр получил депешу от военного агента в Шанхае К.Н. Десино, что «японские министры решили объявить России войну и что японский флот уже отплыл»[425]. Однако В.Н. Ламздорф принялся успокаивать А.Н. Куропаткина, что переговоры еще идут, хотя сам был встревожен, беспокоясь за неопределенность политики в Маньчжурии и Корее, и веру Николая II «о возможности ему лично не допустить до войны». Военный министр уже успел предупредить императора, что «может случиться так, что вопрос о войне и мире уйдет из его, государя, руки и нас втянут в войну»[426]. 13 декабря, когда переговоры с Японией практически застопорились, Е.И. Алексеев рекомендовал, пользуясь имевшимся для ответа Японии промежутком времени, снова всесторонне обсудить интересы в Корее в связи с Маньчжурским и другими вопросами, определив дальнейший образ действий, поскольку «было очевидно, что дальнейшие переговоры бесполезны, и что настало время принять одно из двух решений – или прекратить переговоры и готовиться к немедленному начатию военных действий, или же во всем уступить Японии»[427]. Данные разведки тоже становились тревожнее[428], и высшие сановники в столице начали осознавать, что война может разразиться не через 2–3 года, а заметно раньше. Понимания того, что в запасе нет даже 2–3 месяцев на тот момент кроме В.К. Самойлова, В.Е. Флуга, К.Н. Десино, нескольких офицеров Приам. в.о. и командования Владивостокской крепости не было ни у кого.

15 декабря состоялось совещание[429] у Николая II, вызванное телеграммой Е.И. Алексеева от 13 декабря с советом прекратить переговоры с Японией ввиду их отказа от русских предложений по корейскому вопросу. «Государь открыл заседание… Говорил, что

---

[425] Запись 11 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 93. Эта информация верно отражала лишь динамику развития ситуации, но не конкретные события (хотя русский военный агент верно заметил отплытие японского резервного флота, сосредотачиваемого в Сасебо), поскольку в высших сферах Японии все еще продолжалась борьба т.н. мирной и военной партий, и окончательного решения принято не было. При этом русские предложения характеризовались не иначе, как «абсолютно неприемлемые», и росло понимание того, что продавить свое мнение на переговорах с Россией без применения военной силы не удастся (Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 286–292; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 135–139). В результате, японский кабинет министров в декабре 1903 г. неоднократно обсуждал вопрос об отправке экспедиционного отряда численностью до 1000 чел. в Корею для оккупации Сеула. К середине декабря (по н.ст.) Генеральный Штаб Японии завершил разработку 7 вариантов оперативного плана войны с Россией на Корейском полуострове, а в конце (по н.ст.) – Морской Генеральный Штаб подготовил 4 варианта оперативного плана войны с Россией на море. С декабря 1903 г. японский Генеральный Штаб действительно постоянно настаивал на необходимости ускорить подготовку флота к военным действиям против России и проведении высадки войск в Корее в кратчайшие сроки. Начались координационные совещания Генерального Штаба и Морского Генерального Штаба об организации предстоящей кампании. Затем – совещания Правительства и гэнро, в результате чего началась непосредственная подготовка к войне с Россией. Подробнее см.: Полутов А.В. Десантная операция… С. 23–26, 29; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 49–61; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 139.

[426] Запись 11 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 93–94.

[427] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 15–16 об. Через несколько дней в Японии, на заседании Правительства 17 (30) декабря 1903 г., пришли к аналогичному выводу относительно перспектив продолжения переговоров, с той лишь разницей, что в Токио собирались не уступать (эта возможность даже не рассматривалась), а воевать. Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 291–292; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 45, 51; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 135–143.

[428] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 7 об.

[429] В составе: императора, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа, великого князя Алексея Александровича и А.М. Абазы.

настоящие события напоминают ему бывшие 8 лет тому назад после японо-китайской войны. Тогда Россия твердо сказала Японии “назад”, и она послушалась. Теперь японцы становятся все более требовательными. Все же это варварская страна. Что лучше: идти на риск войны или продолжать уступчивость?»[430]. Ламздорф настаивал на продолжении переговоров, но просил определиться: чего добиваться в Маньчжурии. С ним согласился Алексей Александрович и, в целом, А.Н. Куропаткин. По его мнению, воевать стоило только за Северную Маньчжурию, но никак не за Южную и не за Корею: «Самое опасное в настоящем положении это: 1) то, что мы не готовы к войне с Японией в железнодорожном отношении: три поезда в сутки не такая сила, чтобы можно было своевременно собрать армию в 300 т[ыс]. человек и, главное, питать ее: надо выиграть время, 2) трудно представить, чем окончится и как разовьется начавшаяся на востоке война. Быть может, война охватит все границы». Курьезное мнение высказал А.М. Абаза, твердо убежденный, что «войны с Японией не будет, ибо Россия не желает войны, а Япония ее боится». В итоге Николай II решил переговоры продолжать, оставшись при своем мнении: «Война безусловно невозможна. Время – лучший союзник России. Каждый год нас усиливает»[431]. Это и сообщили Е.И. Алексееву для передачи Р.Р. Розену в Токио[432].

После таких известий с Дальнего Востока даже А.Н. Куропаткин понял, что «запахло порохом». С этого момента все решения Военного министерства разрабатывались и принимались в «пожарном» режиме, не позволявшем, однако, наверстать безнадежное отставание в подготовке к войне[433]. Было решено не только активизировать выполнение решений Порт-Артурских совещаний, но и принять ряд экстренных мер, которые изложили во всеподданнейшем докладе от 19 декабря 1903 г.[434]. Доклад был представлен императору на

---

[430] Запись 15 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 95.

[431] Там же. С. 95–97.

[432] Именно в этот день, когда в Петербурге проходило совещание, японские ВМС начали переход к организации военного времени. Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 51.

[433] Япония к этому времени уже вовсю вела непосредственную подготовку к кампании, как дипломатическую, так и военную. К концу декабря (по н.ст.) 1903 г. в Морском Генеральном Штабе Японии завершили разработку «Общего плана действий флота» и 4 приложенных к нему оперативных планов, предусматривавших различные варианты войны с Россией на море (от наступательного до оборонительного – в зависимости от дислокации и степени боевой готовности русской Тихоокеанской эскадры). Документ был и утвержден морским министром 6 (29) декабря. Началась отработка скрытой погрузки войск на пароходы, которые вскоре были законтрактованы. Резко активизировалось взаимодействие армии флота. Полутов А.В. Десантная операция… С. 29–30, 40–41.

[434] 1. Сформировать 9-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. не весной 1904 г., а немедленно, отправив необходимые для этого укомплектования из Европейской России с винтовками, комплектом патронов и обмундированием. 2. Укомплектовать уже находящиеся в Приам. в.о. полки вторых бриг. 31-й и 35-й пех. див. до состава 84 рядов в ротах, тоже отправив необходимое количество офицеров и нижних чинов из войск Европейской России. Обоз бриг. создать «из местных средств», лошадей закупить на месте, а патронные двуколки отправить из Европейской России. 3. Довести находящиеся уже в Приам. в.о. вторые дивизионы 31-й и 35-й арт. бриг. до 8-орудийного (т.е. военного) состава. 4. Отправить на Дальний Восток из Европейской России еще одну полевую батарею, чтобы при семи Вост.-Сиб. стр. бриг. (т.е. всех, за исключением 7-й и 8-й, предназначенных для обороны крепостей Порт-Артур и Владивосток) находилась 21 батарея (было 20). 5. Сформировать в Сиб. в.о. одну резервную батарею, развертываемую при мобилизации в бриг. 4-батарейного состава, для обеспечения артиллерией 1-й Сиб. пех. див. 6. С объявлением мобилизации развертывать 2-батальонные полки 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг., дислоцировавшейся во Владивостокской крепости, в 3-батальонные, что увеличивало бы состав бриг. до 12 батальонов. 7. За счет упразднения пятых взводов в Приамурских батареях сформировать в пределах Наместничества два новых летучих парка. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 344 «Придется послать 6.000–11.000 укомплектований с ружьями и теплою одеждою.

следующий день. «Государь все еще надеется, – отмечал А.Н. Куропаткин, – что войны не будет. Я докладывал подробно соображения адм. Алексеева о сосредоточении наших сил на Дальнем Востоке на случай войны. Много оптимизма после прежнего пессимизма. Надеется, что флот наш не может быть разбит. *Я докладывал, что положение дел на Дальнем Востоке стало так тревожно, что требуются новые усиления войск*. […] Государь все это одобрил. Затем я его предупредил, что уже сделал распоряжение, дабы составляли расчет сформировать при каждом полку третьи батальоны. Это прибавит еще 32 батальона. Тогда придется прибавить и по четвертой батарее к каждому дивизиону. Государь сказал, что это *дешевейший* способ усилить войска на Дальнем Востоке; что если бы я не доложил Ему о необходимости новых усилений, то ему пришлось бы самому напомнить мне о необходимости сего»[435]. Впоследствии для Вост.-Сиб. стр. бриг. решено было отправить не 1, а 3 скорострельные батареи, т.к. бывшие в составе 1-й Вост.-Сиб. арт. бриг. 2 горные батареи не принимались в расчет. Этим предполагалось увеличить число скорострельных батарей до 21, т.е. по три батареи в стр. бригаде и одну – резервную, разворачиваемую в четыре. «Всего будет по три орудия на батальон, а у японцев приходится 4½ орудия на батальон»[436].

Не знавший о частичной перемене во взглядах А.Н. Куропаткина и его докладе Николаю II 20 декабря, Е.И. Алексеев, более полугода боровшийся с ним за необходимость усиления русских войск на Дальнем Востоке, 23 декабря 1903 г. отправил новую тревожную телеграмму, и на этот раз напрямую императору. Он указывал, что Япония приступила к завершающей стадии подготовки операции по занятию Кореи и займет ее независимо от позиции России[437], что в целом соответствовало действительности[438]. В связи с этим он снова доводил до сведения Николая II соображения о необходимости «предприятия предохранительных мер», о которых он уже докладывал 20 сентября 1903 г.: 1. «Объявление

Придется покупать лошадей», – отметил А.Н. Куропаткин. Запись 20 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 97.

[435] Запись 20 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 97.

[436] Там же. С. 97; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 344.

[437] «На основании только что полученных сведений с прибывшим из Чемульпо крейсером, – телеграфировал Е.И. Алексеев, – повидимому нельзя более сомневаться в намерении Японии занять Корею и установить над нею протекторат при вынужденном согласии Корейского правительства. Ряд фактов, сообщаемых Посланником и Военными Агентами, как то: прибытие в Сеул и Чемульпо японских офицеров, доставка боевых припасов, продовольствия и фуража, отказ в приеме телеграмм иностранных представителей и наконец зафрахтование Японским правительством значительного количества транспортных судов, указывает на то, что Япония вероятно решила действовать самостоятельно, вне всякой зависимости от дальнейших переговоров с Россией. […] Опасность заключается в том, что мы в этом случае можем быть предупреждены японцами на р. Ялу и на путях, ведущих оттуда к Китайской Восточной железной дороге, что совершенно расстроит все наши расчеты по сосредоточению войск в Южной Маньчжурии и заставит отнести район его значительно далее на север с предоставлением Артура его собственной участи». РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 225–227.

[438] Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 260–261; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 138–140. 8 (26) января 1904 г. морской и военный министры Японии провели координационное совещание, на котором было согласовано, что Морской Генеральный Штаб оповестит Генеральный Штаб о точной дате и времени выхода в море Объединенного флота за 24 часа с тем, чтобы экспедиционный отряд мог своевременно произвести посадку на транспортные суда. После этого прорабатывались уже чисто технические детали операции. Полутов А.В. Десантная операция… С. 32.

подобно тому, как было в 1895 году, мобилизации в областях Дальнего Востока, а также по возможности и в Сибирских губерниях и введение в Маньчжурии военного положения для подготовки сосредоточения войск, удержания стратегического спокойства и обеспечения целости железной дороги. Одновременно передовыми войсками занять нижнее течение Ялу, или 2. довести до военного состава и тотчас же начать перевозку в Иркутск 10 и 17 армейских корпусов, предназначенных для усиления войск Дальнего Востока, с одновременным принятием мер по подготовке мобилизации остальных подкреплений и с объявлением Маньчжурии, также как и в первом случае, на военном положении. Равным образом в виду незаконченности оборонительных работ в крепостях Артура и Владивостока, полагал бы во всяком случае, необходимым объявить эти Приморские крепости на военном положении для немедленного приведения их в полную боевую готовность. Наиболее действительным из представленных мероприятий следует признать первое, то есть объявление мобилизации, так как оно одно обеспечивает должную боевую готовность наших войск Дальнего Востока, вторая же из этих мер на успех кампании, если бы таковая стала неизбежной, может оказать лишь довольно слабое и отдаленное влияние. Посему приемлю смелость доложить Вашему Императорскому Величеству, что в случае, если бы Японское Правительство после посылки первого экспедиционного отряда в Корею тотчас же не приостановило отправки дальнейших эшелонов, то применение первой из представленных мною мер, полагал бы неотложно необходимым», – докладывал Е.И. Алексеев, испрашивая указаний[439].

Куропаткин получил эту телеграмму от императора только 28 декабря, а всеподданнейший доклад по предложенным в ней мерам состоялся 30 декабря. «Его Величество одобрил мой проект ответа адм. Алексееву… – записал в дневнике А.Н. Куропаткин, – […] В общих чертах государь одобрил объявление крепостей на военном положении, лишь *подготовление* к мобилизации и выставлению отряда на Ялу и одобрил ассигнование 3 млн р[уб]. на вызываемые чрезвычайными обстоятельствами расходы по заготовлению разных запасов, формированию транспортов, разработке дорог, устройству укреплений, увеличению готовности войск наместничества. Государь лично вписал, чтобы отряд на Ялу не посылался, а только “подготовился”»[440].

В тот же день, 30 декабря 1903 г., Е.И. Алексеев получил ответ от А.Н. Куропаткина на свою телеграмму, в котором говорилось, что Николай II разрешил в случае начала высадки

---

[439] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 225–227.

[440] Тогда же А.Н. Куропаткину удалось добиться от Николая II приказа, чтобы несмотря на все происки А.М. Абазы «только военный министр являлся докладчиком перед государем по делам военного ведомства». Там же. Л. 228–228 об.; Запись 31 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 99–100; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1940. Л. 10 об.–17; Правда уже 7 января 1904 г. А.Н. Куропаткин получил письмо от А.М. Абазы «с извещением, что 5 января государю императору благоугодно было “предоставить” адм. Алексееву сноситься по делам военным “общего и принципиального характера” с ним, Абазою. Опять пойдет путаница», – заключил военный министр. Запись 7 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 101–102.

японских войск в Корее: 1. Объявить крепости Порт-Артур и Владивосток на военном положении; 2. приготовиться к мобилизации всех войск Наместничества; 3. «вместе с сим делается распоряжение об ассигновании в Ваше распоряжение 3-х миллионов рублей на непредвиденные, вызываемые чрезвычайными военными обстоятельствами, расходы по… возведению укреплений и увеличению боевой готовности войск, расположенных в Наместничестве, без объявления мобилизации»; 4. подготовиться выдвинуть отряд войск к Корейской границе для прикрытия предположенного сосредоточения русских войск в Южной Маньчжурии. «Переход на Корейскую территорию даже отдельных чинов должен быть запрещен под строгою ответственностью начальников частей. Необходимо принять все меры, чтобы не произошли мелкие столкновения на границе, ибо таковые могут сделать войну неизбежною»[441]. Следом ушла телеграмма о немедленном формировании 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и высылке укомплектования для бригад 31 и 35-й пех. див.[442]. На следующий день Наместник получил очередное подтверждение неизбежности войны. Военный губернатор Приморской области телеграфировал, что 2 парохода, выполнявшие субсидируемые японским правительством регулярные рейсы между Владивостоком и Чифу, задержаны в японском порту Модзи, а отправляющихся домой японцев возьмет на борт английское судно[443].

В конце декабря до столицы добралось и письмо Е.И. Алексеева от 5 декабря, в котором отмечалось, что состоявшиеся уже и предстоящие еще формирования войск в Приам. в.о. и в Квантунской области «несомненно значительно улучшили наше военное положение на Дальнем Востоке, но […] они все таки не дают основания считать вполне законченной организацию войск Дальнего Востока, в коей остаются еще существенные пробелы», в т.ч. крайняя слабость и неудовлетворительная организация полевой и горной артиллерии[444]. Поэтому он считал необходимым срочно сформировать в войсках Дальнего Востока: 1) две новые горные батарей, 2) 3-батарейный полевой дивизион (сверх предполагавшегося к

---

[441] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 9–10. К этому времени политическое решение о начале войны с Россией в Японии уже было принято, и дальнейший ход русско-японских переговоров лишь укреплял во властных элитах мнение о правильности принятого 17 (30) декабря 1903 г. на заседание Правительства решения (Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 291–292; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 139–142). Отсрочка начала кампании была вызвана только запаздыванием приготовлений флота относительно готовности армии, которое заключалось в том, что в Морском Генеральном Штабе ждали, когда закупленные в Италии и следовавшие в Японию броненосные крейсера «Ниссин» и «Касуга» выйдут из зоны досягаемости сил русского флота и, в первую очередь – отряда под командованием контр-адмирала А.А. Вирениуса. Полутов А.В. Десантная операция… С. 26–27, 29–30; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 46.

[442] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 11.

[443] Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937… С. 100–101.

[444] «В настоящее время для полевых действий, […] мы можем располагать всего 168 полевыми и 16 горными старых образцов орудиями, с вступлением же на театр военных действий Сибирских и Европейских подкреплений, прибывающих только в течение 5-го и 6-го месяцев по объявлении мобилизации, – 456 полевыми и 16 горными орудиями. Между тем японцы будут иметь в первое время, считая в десантной армии 10 дивизий и всю артиллерию, не входящую в состав дивизий – 396 полевых и 180 горных орудий, а вскоре после этого, когда будут сформированы части территориальной армии и последние три дивизии перевезены на театр военных действий, – японская армия будет числить в своем составе 468 полевых и 198 горных орудий. Из сопоставления этих данных видно, что японцы имеют подавляющий перевес в артиллерии, особенно в первое время, при чем горная их артиллерия, состоящая из новейших образцов, превосходит нашу числом орудий в 11–13 раз». РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 245–246 об.

формированию при 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг.), 3) 2-батарейный резервный дивизион (разворачивающийся в военное время в 6 полевых батарей), а также переформировать 4 Забайкальских казачьих батареи в конно-горные, с вооружением всех горных и конно-горных батарей современными орудиями[445].

В ответ Е.И. Алексееву сообщили о принятом решении перевести дивизионы 31-й и 35-й арт. бриг. на военный состав, отправить на Дальний Восток 3 скорострельные батареи для образования дивизионов при первых шести Вост.-Сиб. стр. бриг., 1 резервную батарею (для развертывания при мобилизации в 4 батареи вместо 6 как предполагалось ранее) – в Сиб. в.о. для 1-й Сиб. пех. див. и 3 батареи для формируемой 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг.[446].

В 1903 г. еще успели начать формировать Вост.-Сиб. стр. арт. полк при 9-й Вост.-Сиб. стр. арт. бриг.[447], для усиления артиллерии при первых шести Вост.-Сиб. стр. бригадах было направлено 3 батареи[448], для переформировании в кадровую батарею Дальнего Востока была назначена 3-я батарея 30-й арт. бриг. (Виленский в.о.), а батареи Вост.-Сиб. стр. полков еще до отправки на Дальний Восток, в местах прежнего квартирования, были укомплектованы до положенных штатов людьми и лошадьми[449] и снабжены всей материальной частью скорострельной артиллерии с арт. обозом[450].

30 декабря 1903 г. состоялось совещание по вопросам подготовки войны на Дальнем Востоке[451]. Уже 3 января 1904 г. военный министр доложил Николаю II указания, которые предполагал отдать начальнику Главного штаба: «Прошу разработать в Главном Штабе общий план мероприятий, кои нам предстоит принимать: А) В ожидании войны с Японией. Б) Если война вспыхнет. В этом плане все наши приготовления должны получить определенное значение и помещены в строгом порядке. Необходимо для сего, чтобы по всем мероприятиям, кои принимались в других Главных Управлениях, были доставлены сведения и затем доставлялись немедленно вновь, когда такие будут приниматься. Все депеши, посылаемые мною Наместнику из Главных Управлений, а также и секретарской при мне части, должны немедленно, в копиях, доставляться в Главный Штаб»[452]. Основное внимание в документе было обращено на координацию различных уровней власти, необходимость достаточной для условий военного времени организации железнодорожного сообщения с Дальним Востоком, организацию финансирования будущей кампании и подготовки к ней, разработку вопроса об устройстве тыла армии, а также проработку вопроса возможного отступления русской армии

---

[445] Там же. Л. 246–246 об.
[446] Там же. Л. 252–255; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 502. Л. 6–12.
[447] На его формирование были назначены: 1-я батарея 10-й арт. бриг. (Варшавский в.о.) и 5-я батарея 6-й арт. бриг. (Виленский в.о.).
[448] 4-я и 6-я батареи 4-й арт. бриг. (Варшавский в.о.) и 6-я батарея 29-й арт. бриг. (Виленский в.о.).
[449] За счет других арт. частей Варшавского и Виленского в.о.
[450] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 345.
[451] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 256–262 об.
[452] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 44.

из Южной Маньчжурии[453]. Непосредственная подготовка к войне с Японией началась.

Параллельно продолжалась реализация ранее намеченных мер по усилению русских войск на Дальнем Востоке. Так, 7 января, для устранения указанного Е.И. Алексеевым недостатка в горной артиллерии было Высочайше повелено в кратчайший срок изготовить 48 новых 3-дюймовых горных орудий[454], о чем Наместнику сообщили 10 января. На первую половину января пришлось и начало формирования 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг., для чего из каждого, уже существующего, Вост.-Сиб. стр. полка было выделено по одной роте, доведенной собственным же полком до 100-рядного состава. Однако роты эти были временно оставлены при своих частях[455]. Непосредственное формирование полков предполагалось провести в Южной Маньчжурии в пунктах вдоль линии железной дороги: г. Мукден – 33-го и 34-го Вост.-Сиб. стр. полков, г. Ляоян – 35-го и г. Хайчен – 36-го Вост.-Сиб. стр. полка. Проблема была в том, что в этих городах уже находились полки 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг., а других помещений, где можно было разместить еще одну бриг. на тот момент просто не имелось. Поэтому перевозка в эти пункты рот, предназначенных на формирование полков 9-й бриг., началась только после принятия решения об отправке 3-й бриг. к Фынхуанчену. В результате к началу Русско-японской войны формирование бриг. завершить не успели, и оно продолжалось до середины февраля 1904 г.[456].

Для восстановления ослабленных этим выделением Вост.-Сиб. стр. полков изначально предполагалось сформировать взамен выделенных рот новые за счет новобранцев. Впоследствии от этого отказались по причине их нехватки – назначить нужно было не менее 8 тыс. чел, а имелось – не более 2 тыс., т.е. процесс доукомплектования частей растянулся бы на два года, 1904–1905 гг. В результате 6 тыс. нижних чинов при 41 офицере отправили из войск Европейской России[457]. Наместник просил направить их прямо в места квартирования доукомплектовываемых 32 Вост.-Сиб. стр. полков, но Главный штаб, для собственного удобства, отправил все 6 тыс. чел в Харбин, откуда их следовало распределить по войскам. Далее отправили 4.700 чел. для укомплектования вторых бригад 31-й и 35-й пех. див.[458].

3 января 1904 г. в Порт-Артуре по приказанию Е.И. Алексеева образовали, независимо от постоянно существовавшей, особую комиссию под председательством и.д. коменданта крепости генерал-лейтенанта А.М. Стесселя для рассмотрения вопросов реализации Высочайших указаний от 30 декабря, т.е. о приведении крепости на военное положение.

---

[453] Там же. Л. 44–47 об.

[454] Высочайшее повеление 7 января 1904 г., объявленное военным министром О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока // ПСЗ РИ III. Т. 24. № 23859; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 502. Л. 100–101 об.

[455] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 9 об.

[456] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 346, 802. При этом официально о завершении создания бриг. было объявлено 30 января 1904 г. ПВВ № 32 от 30 января 1904 г. // ПВВ за 1904 г. СПб., 1904.

[457] Нижние чины были равномерно взяты из всех гренадерских и армейских дивизий, стр. и резервных пех. бриг., а также креп. пех. частей Европейской России. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 346–347, 802.

[458] Там же. С. 345–347.

Комиссия признала необходимым усилить фортификационные сооружения Порт-Артура, увеличить гарнизон и принять ряд мер для поднятия мобилизационной готовности войск, особенно 3-й Вост.-Сиб. стр. бриг., предназначенной в случае надобности к отправке на р. Ялу[459]. 8 января 1904 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал Наместнику, и о разрешении Николая II расходовать отпущенные ему 3 млн руб.[460].

3/4 января 1904 г. Е.И. Алексеев снова прислал в столицу тревожную телеграмму о военных приготовлениях Японии, предлагая немедленно привести в боевую готовность 3-ю Вост.-Сиб. стр. бриг., Вост.-Сиб. стр. арт. дивизион, сап. роту и Забайкальскую казачью бриг. и выдвинуть их по железной дороге к границе с Кореей в район Сюянь–Фынхуанчен–Дагушань. Доложивший ее 7 января А.Н. Куропаткин[461] записал: «Сегодня государь прислал мне депешу адм. Алексеева, в которой *он снова* настаивает на высылке к Ялу отряда из 3[-й] В[ост.-]С[иб.] стр. и казачьей бригады». Там же он отметил, что «японские дела по-прежнему тревожат всех», а внешнеполитическая ситуация под их влиянием неуклонно обостряется[462].

В столице не только согласились на предложенные меры[463], но и начали исполнение ходатайства Е.И. Алексеева от 3 января 1904 г. о доведении всей 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. до 12-батальонного состава путем перевода 3 батальонов из Европейской России[464]. Правда вместо целых батальонов, для Дальнего Востока снова решили набрать нижних чинов и офицеров из множества частей[465], однако сами батальоны на этот раз было решено «собрать» в Европейской России и отправить на Дальневосточный ТВД уже полностью укомплектованными, с оружием, носимым комплектом боевых патронов, новым снаряжением и походными кухнями. 6 рот из 16 были готовы к 19, еще 2 роты – 22 января[466].

Еще не зная о принятом в Петербурге решении, Е.И. Алексеев своей властью разрешил, в виду слабости владивостокского гарнизона, в случае объявления крепости на военном

---

[459] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 8 об.–9.
[460] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 232.
[461] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 33–34 об.
[462] Запись 7 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 102.
[463] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 35–35 об. В связи с этим 10 января Е.И. Алексеев распорядился 3-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. привести в полную боевую готовность, организовать доставку продовольствия в Фынхуанчен, «обрекогносцировать перевалы и правый берег р. Ялу для выбора и заблаговременного укрепления позиций и крепость Порт-Артур подготовить к переходу на военное положение». ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.
[464] В Военном министерстве положение 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. при мобилизации признавалось крайне неблагоприятным, но решающим доводом в пользу сокращения ее состава стали финансовые соображения. Поэтому 11 августа 1903 г. было решено доведение полков бригады с 2-батальонного до 3-батальонного состава обязательно включить в план на следующее бюджетное 5-летие, т.е. на 1904–1908 гг. До этого времени третьи батальоны в полках 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг. должны были формироваться только по мобилизации за счет запасных, направляемых из Сиб. в.о. 29 октября 1903 г. Е.И. Алексеев телеграфировал А.Н. Куропаткину, что это невозможно в виду истощения запасов нижних чинов округа и при мобилизации 7-я и 8-я Вост.-Сиб. стр. бриг. останутся неукомплектованными. Дискуссии продолжались до 3 января 1904 г., когда Е.И. Алексеев повторил свое ходатайство, а 7 января решение было утверждено. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 94–94 об.; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 347–348.
[465] Для отправки на Дальний Восток были взяты по жребию по 1 роте от 16 войсковых частей Европейской России – из 5 военных округов. Формируемые для 29-го, 30-го и 31-го Вост.-Сиб. стр. полков 3 батальона должны были иметь состав по 100 рядов в роте, а батальон для 32-го Вост.-Сиб. стр. полка – 72 ряда в роте. Довести этот батальон до 100-рядного состава рот предполагалось лишь весной 1904 г., т.е. одновременно с самим полком. Там же. С. 348–349.
[466] Там же. С. 349, 803.

положении, формировать третьи батальоны в полках 8-й Вост.-Сиб. стр. бриг., как это было предположено еще в октябре 1903 г. Так как местных запасных нижних чинов для этих формирований могло не хватить, то одновременной с этим был послан запрос в Военное министерство о немедленном усилении владивостокского гарнизона переводом 4 батальонов пехоты и 1 батальона креп. арт. из Европейской России, на что и последовало разрешение[467].

Тогда же Е.И. Алексеев запросил министерство о времени формирования для Порт-Артура 3-го батальона креп. арт., вылазочной батареи, минной роты и креп. телеграфа, разрешенных к формированию еще 16 ноября 1903 г. В ответе Главный штаб обнадежил, что части эти будут готовы к отправке к 15 января. 7 января 1904 г. А.Н. Куропаткин телеграфировал Наместнику, о разрешении немедленно сформировать для Владивостока 3-й креп. арт. батальон и разработать соображения о формировании из ополченцев креп. пех. дружин[468]. 9 января им же было приказано немедленно закончить формирование для Наместничества нового сап. батальона и креп. минной роты и телеграфа для Порт-Артура[469] и как можно скорее отправить их в места назначения[470].

10 января 1904 г. Е.И. Алексеев приказал Командующему войсками Приам. в.о. Н.П. Линевичу «разработать соображения по формированию в Южно-Уссурийском крае пеших дружин, подготовить Владивосток к переходу на военное положение, принять подготовительные меры к мобилизации, усиленно наблюдать морские подступы к Владивостоку и снабдить бригады 31-й и 35-й пех. див. двуколочным обозом из запасов Округа»[471], а также запросить Петербург о безотлагательной высылке недостающего имущества для медицинских заведений военного времени[472].

В тот же день (Е.И. Алексееву телеграфировали 13 января) было Высочайше повелено: 1) развернуть в 3-батальонный состав все остававшиеся в 2-батальонном составе Вост.-Сиб. стр. полки, доформировав по одному батальону на полк, и перейти к дивизионной организации, т.е. переименовать Вост.-Сиб. стр. бриг. в одноименные дивизии[473]. 2) Добавить еще 11 батарей и сформировать для семи будущих дивизий по одному арт. полку 4-батарейного состава (всего 7 полков), а для 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. див. – по 2 вылазочные

---

[467] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 9.
[468] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 90, 94; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 9 об.
[469] Первоначально предполагалось сформировать к 1 марта 1904 г., а роту и телеграф снабдить имуществом только в течение 1904 г.
[470] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 93.
[471] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 9–9 об.
[472] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 356.
[473] Примечательно, что разработка вопроса о развертывании Вост.-Сиб. стр. бриг. до 3-батальонного состава была санкционирована императором еще в июне 1903 г., когда А.Н. Куропаткин находился в отъезде и в столице его обязанности исполнял начальник Главного штаба В.В. Сахаров (ПВВ № 134 от 15 апреля 1903 г. // ПВВ за 1903 г. СПб., 1903). Однако поскольку это развертывание не было предусмотрено решениями Порт-Артурских совещаний 1903 г., то по возвращении в Петербург, А.Н. Куропаткин остановил реализацию проработанных В.В. Сахаровым мер. Вернулись к ним лишь пол года спустя, в январе 1904 г., когда завершить их реализацию до начала войны было уже физически невозможно. Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 350.

батареи. Все арт. части подчинить начальникам дивизий. 3) «если окажется безусловно необходимым, то сформировать» 3-й Сиб. АК. 4) в каждом корпусе, если будет сформирован третий, иметь по одному сап. батальону с расчетом по одной роте на дивизию и по одной роте или по две роты в распоряжении штаба корпуса. 5) для о. Сахалин сформировать 2 отдельных батальона. 6) формируемые части обеспечить помещениями не постоянного, а временного типа. 7) «по сформировании этих частей, по разрешении кризиса [с] Японией» возвратить в Европейскую Россию вторые бриг. 31-й и 35-й пех. див.[474]. При этом А.Н. Куропаткин попросил Е.И. Алексеева телеграфировать: 1. «признаете ли Вы эти мероприятия необходимыми и какие находите нужным сделать изменения»; 2. «возможно ли разместить вновь добавляемые части, если отправка их Дальний Восток будет произведена в феврале и марте настоящего года»; 3. «ввиду более удобного размещения войск не признаете ли соответственным после улажения затруднений [с] Японией» расквартировать 9-ю Вост.-Сиб. стр. дивизию в Сиб. в.о. в виде ближайшего резерва войск Дальнего Востока; 4. признается ли безусловно необходимым формирование 3-го Сиб. АК из войск Наместничества, имея в виду, что 9-я дивизия может быть переведена в Сиб. в.о., а 7-я и 8-я дивизии будут находиться в непосредственном подчинении комендантам Порт-Артура и Владивостока[475]?

Наместник ответил на эти вопросы только 20 января, так что до этого времени в столице успели принять еще ряд запоздалых мер, и тоже с ним не посоветовавшись. Теперь меры по усилению войск на Дальнем Востоке принимались в течение нескольких дней почти после каждого совещания по внешнеполитическим вопросам, в которых принимал участие А.Н. Куропаткин, и утверждались почти на каждом докладе военного министра императору. 12 января у него было совещание с В.Н. Ламздорфом по поводу предполагавшегося ответа на последние требования Японии и ходе переговоров. Разговор с Николаем II на следующий день показал военному министру, что «государь продолжает верить в мирный исход конфликта и продолжает быть настроенным миролюбиво. Но несомненно и то, что в нем все растет и растет вообще враждебное чувство к Японии»[476]. При этом сам А.Н. Куропаткин, в мирный исход переговоров уже не верил, хотя, как и император с министром иностранных дел, не догадывался, что японские дипломаты уже просто тянули время до подхода броненосных крейсеров «Ниссин» и «Касуга» и окончания военных приготовлений[477]. В результате, на следующий день Николай II утвердил, «чтобы войска и управления Дальнего Востока оставались в ведении Военного министерства и чтобы присланный наместником проект нового устройства военного управления был рассмотрен по докладу Главному штабу

---

[474] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 82–82 об.
[475] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 92.
[476] Запись 13 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 102–103.
[477] Полутов А.В. Десантная операция… С. 30; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 46; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 140–141.

Военным советом»[478]. В тот же день В.Н. Ламздорф предельно откровенно запросил мнение Е.И. Алексеева по сложившейся ситуации, который 15 января ответил, что не видит «в чем именно могло бы заключаться дальнейшее обсуждение и по каким статьям можно было бы достигнуть взаимной уступчивости» и вполне разделил «мнение о предпочтительности, чтобы разрыв последовал со стороны Японии и она явилась бы, как это в действительности и есть, – нарушительницей мира на Дальнем Востоке»[479]. Иными словами, Наместник сам того не подозревая, полностью разделил взгляд на ситуацию японской стороны[480].

В свою очередь в Петербурге 15 января А.Н. Куропаткин участвовал в совещании под председательством великого князя Алексея Владимировича по составлению ответа на контрпредложения Японии, где так и не удалось прийти к мнению единому, и уж тем более приемлемому для Японии[481]. Окончательно расставшийся с иллюзиями военный министр откровенно высказался что «если война неизбежна, то нам надо оттянуть ее на 1 год и 4 месяца (окончание Круго-Байкальской железной дороги и усиление Восточно-Китайской дороги). Если же этого нельзя, то хотя бы на 4 месяца, пока мне удастся послать все подкрепления»[482]. В реальности у него оставалось 12 дней, но данным разведки не верили[483].

17 января 1903 г. (телеграфировано Е.И. Алексееву 23 января) последовало Высочайшее повеление все Вост.-Сиб. стр. полки переформировать в 3-батальонные, для чего сформировать в Европейской России 28 батальонов для 1-й–6-й и 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и подготовке их к отправке на Дальний Восток в 3-недельный срок. Этой же телеграммой

---

[478] Запись 13 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 103.

[479] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 20 об.–22 об.

[480] Еще на императорском собрании 31 декабря 1903 (12 января 1904 г.) в Японии было решено, что переговоры с Россией безнадежны. Однако, поскольку сосредоточение флота в Сасебо требовало времени, было решено предоставить России последний пакет предложений, которые были переданы в Токио Р.Р. Розену. Однако ответ на них уже мало интересовал Токио (Россия и Япония на заре XX столетия… С. 499; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 301; Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 140–142). К 31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) подготовка японских сухопутных сил к войне была полностью завершена. Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 46.

[481] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 514. Л. 14–21 об.

[482] Запись 15 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 103–105. Примерно тогда же японский военный атташе в Лондоне передал в Токио со слов одного из сотрудников английской разведки, что ее начальник Луис Баттенберг полагает, что «Россия еще не готова к войне с Японией в полной мере. Но через три месяца она завершит полную комплектацию и готовность своих войск». Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 299.

[483] 3 (16) января 1904 г. русский военный агент в Японии В.К. Самойлов докладывал Е.И. Алексееву про японский ответ: «Ответ этот если и не назван ультиматумом, то во всяком случае имеет характер ультиматума и вслед за ним можно ожидать решительных действий Японии». Наместник этому не поверил (Россия и Япония на заре XX столетия… С. 500, 554). 7 (20) января 1904 г. Николай II получил телеграмму от Вильгельма II, предупреждавшего, что по совершенно достоверным сведениям Япония убеждена в неизбежности войны, все к этому подготовила и ожидает открытия враждебных действий в конце месяца. Немецкому кайзеру, т.е. данным немецкой разведки, тоже не поверили (Рыбаченок И.С. Закат великой державы… С. 533). 15 января морской агент в Японии А.И. Русин отправил из Иокагамы в Порт-Артур адмиралу В.К. Витгефту телеграмму: «Всего зафрахтовано 60 пароходов, сверх того задержано много. Флот в Сасебо, куда подвозят много кардифу. Близ Сасебо поставлено заграждение. В порта Удзино, Симоносеки подвозят по железной дороге большие военные запасы, чем нарушена правильность движения поездов. В Корею отправляются несколько тысяч человек на постройку дороги. Размеры приготовлений и их стоимость, достигшая 50 миллионов, указывают на широкие планы Японии. Возбуждение сильное. Мой переводчик арестован по подозрению в передаче мне важных военных секретов, улик нет. Прошу телеграфировать начальнику Главного Морского Штаба. Прошу уведомить о получении». Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. СПбГУ. СПб. 1996. С. 86–87.

Наместнику было приказано переформировать управления всех бригад в штабы дивизий[484].

19 января В.Н. Ламздорф сказал А.Н. Куропаткину, что «у него был японский посол Курино и умолял поспешить ответом на последние предложения Японии. Он говорил, что настроение в Японии дошло до такой степени возбуждения, что дорог каждый час. Просил ради возможности сохранить мир умерить наши требования, написать ответ в приемлемом для Японии смысле. Ламздорф ответил, что наше миролюбие Японии известно, что и Японии надо знать, что есть предел и этому миролюбию. Поэтому-то от Японии будет зависеть умерить свои требования»[485]. Последнее было уже невозможно[486].

20 января последовало Высочайшее повеление о формировании Вост.-Сиб. понтонного батальона, Вост.-Сиб. полевого инженерного парка и доформировании в 1-м и 3-м (еще формировался) Вост.-Сиб. сап. батальонах по 1 сап. и 1 понтонной роте и для 2-го Вост.-Сиб. сап. батальона – 2 сап. рот. 22 января – о выделении из состава артиллерии Европейской России еще 12 скорострельных батарей (в т.ч. 1 резервной кадровой для резервной пехоты). В результате при каждой из семи Вост.-Сиб. стр. див. должна была состоять 1 4-орудийная бриг. и 1 парковая бриг., при 7-й и 8-й Вост.-Сиб. стр. див. – по одному 3-батарейному дивизиону и при резервных частях – 1 резервная кадровая батарея. Эти батареи предписывалось подготовить к отправке за 3–4 недели. После их прибытия на Дальний Восток, к уже имевшимся там 16 полевым скорострельным батареям[487] добавлялись, считая и ранее назначенные 7 батарей, еще 19 батарей. Отправляемая в регион резервная кадровая батарея в военное время должна была разворачиваться в 4 батареи, а находящиеся в процессе перевооружения 6 батарей 31-й и 35-й арт. бриг. переводились в 8-орудийный состав. В результате в военное время на Дальнем Востоке должно было оказаться 44 полевых скорострельных батареи (в сумме 352 орудия), а также 24 конных и 16 горных батарей[488].

20 января по Порт-Артурскому времени Е.И. Алексеев отправил А.Н. Куропакину ответ на его телеграмму от 13 января, в котором сообщал, что план развертывания Вост.-Сиб. стр. полков в 3-батальонные был подготовлен к представлению Николаю II и в Наместничестве, но «представление проекта было задержано сначала необходимостью

---

[484] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 73.

[485] Запись 20 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 105; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 318–319.

[486] С. Курино не знал, что решение о начале войны с Россией уже приняли, а сообщенные ему инструкции были лишь прикрытием непосредственной подготовки к открытию военных действий. Еще 17 (30) января 1904 г. в резиденции премьер-министра встретились Ито, Ямагата, Кацура, Комура, Ямамото и приняли составленный Ито Хиробуми меморандум, что пришло время для Японии принять твердое решение. 20 января (2 февраля) глава Генерального Штаба Японии И. Ояма доложил императору «Оценку ситуации в русской армии», и настаивал, что Япония должна нанести удар первой. Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 136–137, 141; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 260–261; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 46–47.

[487] 1-я Вост.-Сиб. арт. бриг. – 6 батарей, 2-я – 4 батареи, Забайкальский арт. дивизион – 2 батареи, Вост.-Сиб. арт. дивизион – 3 батареи, а также разрешенная к формированию Порт-Артурская вылазочная батарея.

[488] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 11; РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 502. Л. 134–144, 171–172; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 350–351.

выработки, в связи с усилением войск, подробной их дислокации, а затем наступившим кризисом в отношениях наших с Японией»[489]. Проект мало чем отличался от уже утвержденного в Петербурге, кроме большего внимания к дислокации формируемых и переформируемых войск, поэтому Е.И. Алексеев был с ним в целом согласен, а равно и на придание каждой дивизии пулеметной роты, о чем 14 января 1904 г. запрашивали отдельно. Возражения вызвала лишь идея расположить одну из дивизий в Сиб. в.о., что было неудобным вследствие большой удаленности от района сосредоточения в военное время (настаивал на сохранении предложенной им дислокации). Наместник продолжал настаивать и на необходимости сформирования управления 3-го Сиб. АК со штабом в Талиенване, а также полагал полезным сформировать еще один драгунский полк, соединить его с имеющимся Приморским полком и Уссурийским казачьим дивизионом в Уссурийскую драгунскую бриг., выведя из состава этой бригады Нерчинский казачий полк, который соединить с Аргунским и Амурским полками в особую бригаду, придаваемую 2-му Сиб. АК.

Сюрпризом для военного министра стала рекомендация Наместника отложить реализацию всех этих мер «до улажения настоящих затруднений с Японией», особенно с учетом нерешенности вопроса казарменного размещения войск, а «усиление вооруженных сил Дальнего Востока произвести путем присылки из Европейской России одного армейского корпуса двух-дивизионного состава, что количественно почти соответствовало бы предположенному усилению 28 стрелковых полков третьими батальонами, но позволило бы избежать сопряженных с спешным переформированием частей затруднений. Для размещения этого корпуса по квартирам, если осложнения с Японией ранее его прибытия сюда не устранятся, окажется необходимым объявить полную военную оккупацию Маньчжурии»[490]. Последнее власти в Петербурге решительно не устраивало, поэтому советами Наместника о присылке целых частей и соединений снова пренебрегли.

20 января 1904 г. началась и эвакуация английскими пароходами японских жителей из Владивостока, что сильно обеспокоило русские власти, включая коменданта Владивостокской крепости и Командующего войсками округа[491], а 23 января приказ МИДа своей страны о немедленной эвакуации получил и японский коммерческий агент во Владивостоке Каваками Тосицунэ[492]. В тот же день, 23 января (5 февраля) 1904 г. очередной пароход с японскими жителями ушел и из Порт-Артура, который японцы начали активно покидать 31 декабря 1903

---

[489] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 71–72 об.

[490] Там же.

[491] «20 и 22 января были получены в Порт-Артуре депеши из Хабаровска, в которых Командующий войсками округа извещал Наместника о поспешном выезде японцев из Хабаровска и Никольска-Уссурийского во Владивосток, а оттуда на родину». Россия и Япония на заре XX столетия… С. 508.

[492] Телеграмма японского МИДа, полученная Каваками в 22 час. по местному времени 23 января (5 февраля) гласила: «С оставшимися японцами уходите из Владивостока. Ответ дать обязательно». Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937… С. 104–108; Зайцев Д.М. Японская диаспора во Владивостоке… С. 19–25.

г. (13 января 1904 г.)[493]. Еще остававшихся в городе японских обывателей вывез утром 26 января японский консул из Чифу на своем пароходе[494]. 22 января 1904 г. японцы пропустили последнюю телеграмму морского агента А.И. Русина, сообщавшего о призыве во флот всех специалистов и части запасных нижних чинов. В середине января командир русского стационера «Забияка», находившегося в Чифу, узнал от знакомого английского офицера, что в ближайшее время японцы проведут минную атаку на русскую эскадру. Он немедленно прибыл в Порт-Артур, чтобы сообщить эти сведения Е.И. Алексееву лично, за что был обвинен в паникерстве и получил выговор за уход со стоянки без разрешения[495].

22 января 1904 г. состоялось и Высочайшее повеление об отправке из Европейской России 3 летучих парков и о формировании, по распоряжению Наместника, 2 скорострельных запасных батарей за счет упразднения запасных взводов во всех Приамурских полевых батареях[496]. К этому времени все разрозненные меры по усилению русской артиллерии на Дальнем Востоке, разработанные в Военном министерстве, утвержденные императором за период с ноября 1903 г. по январь 1904 г.[497] и отчасти уже реализовывавшиеся, собрали в единую программу «О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока», утвержденную Николаем II в тот же день[498]. Она предусматривала: I. Присвоить полевой артиллерии Дальнего Востока организацию в соответствии с пехотой, имея на каждую стр. дивизию, полевую – по одной арт. бригаде 4-батарейного состава и по одной парковой бригаде из трех стр. арт. парков военного времени, а на каждую стр. дивизию крепостных районов – по одному 3-батарейному арт. дивизиону. Для резервных частей иметь одну кадровую резервную скорострельную батарею, разворачиваемую в арт. бриг. 4-батарейного состава. Для пополнения в военное время убыли людей и лошадей в действующих пеших батареях иметь на Дальнем Востоке две запасных скорострельных батареи.

II. Для этого: *а)* сформировать, на местах, избранных Наместником, одну действующую скорострельную пешую батарею, две скорострельных запасных пеших батареи и два стр. арт. парка, и *б)* выделить и отправить по назначению 19 скорострельных пеших батарей, из состава арт. бригад: 1-й гренадерской – 3-ю и 5-ю батареи, 4-й – 4-ю и 6-ю батареи,

---

[493] Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М., 2015. С. 190.
[494] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 26.
[495] Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. … С. 190–191.
[496] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 350–351.
[497] Высочайшее повеление 16 ноября 1903 г., объявленное военным министром О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23537; Высочайшее повеление 5 декабря 1903 г., объявленное военным министром О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23642; Высочайше утвержденные: I. Временный штат Вост.-Сиб. стр. (отдельного) арт. парка военного времени и II. Расчет числа чинов и лошадей в Вост.-Сиб. стр. арт. парке военного времени // ПСЗ РИ III. Т. 23. № 23800; Высочайшее повеление 7 января 1904 г., объявленное военным министром О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока // ПСЗ РИ III. Т. 24. № 23859.
[498] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 502. Л. 134–144; Высочайшее повеление 22 января 1904 г., объявленное военным министром «О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока» // ПСЗ РИ III. Т. 24. № 23908.

5-й – 4-ю, 6-й – 5-ю, 10-й – 1-ю, 15-й – 1-ю, 19-й – 4-ю, 23-й – 2-ю, 25-й – 3-ю, 29-й – 6-ю, 30-й – 3-ю, 32-й – 5-ю, 33-й – 5-ю, 34-й – 4-ю, 36-й – 4-ю и 37 – 1-ю и 6-ю батареи, и три летучих арт. парка – 6-й, 29-й и 30-й.

III. Артиллерийские бригады и дивизионы Дальнего Востока подчинить во всех отношениях начальникам соответственных стр. дивизий, оставляя за начальниками артиллерии корпусов и округов обязанности по наблюдению за их специально-технической артиллерийской подготовкой и за исправным содержанием в них материальной части.

IV. Частям скорострельной артиллерии Дальнего Востока присвоить:

а) Управлениям арт. бригад – штат управления существующей 2-й Вост.-Сиб. арт. бриг; *б)* Управлениям арт. дивизионов – штат объявленный в приказе по военному ведомству 1895 г., № 96, и 1898 г. № 82; *в)* Скорострельным пешим батареям:

1) входящим в состав бригад – штат легких батарей Приам. в.о., с заменой 8-зарядных ящиков и 24-х снарядных двуколок с легкими снарядами – 12-зарядными ящиками с 3-дюйм. патронами, с исключением двух взводных двуколок из шести, с добавлением одной походной кухни и с заменой двух арт. лошадей двумя обозными;

2) входящим в состав дивизионов – штат легких батарей Европейской России, с заменой в их обозе одной парной повозки интендантского обоза походной кухнею;

3) кадровой резервной батарее в военное время – общий штат управления и батарей Вост.-Сиб. стр. арт. бриг.;

4) запасным батареям – высочайше утвержденный 22 января 1904 г. временный штат;

5) стр. арт. паркам, в мирное время: 1-му – уже присвоенный ему штат, остальным – штат существующего 2-го Вост.-Сиб. летучего арт. парка, а в военное время – всем стр. паркам высочайше утвержденный 27 декабря 1903 г. временный штат.

V. Упразднить пятые запасные взводы во всех пеших скорострельных батареях Дальнего Востока, определенных ныне по штату легких батарей Приам. в.о.

VI. В мирное время содержать:

а) Управления и батареи Вост.-Сиб. стр. арт. бриг. и дивизионов, расположенных на Квантуне и в составе 3-го Сиб. АК – в полном военном составе и таковой же запряжке, а расположенных в остальных пунктах – по военному же составу, но с незапряженным интендантским обозом, при шести обозных лошадях в каждой батарее; *б)* Вост.-Сиб. запасные батареи – в мирном составе, с четырьмя запряженными орудиями в каждой; *в)* Вост.-Сиб. стр. арт. парки – в мирных составах.

VII. Сформировать во Владивостокской и Квантунской креп. артиллериях третьи батальоны, содержа их в военном составе. На сформирование этих батальонов выделить из состава крепостных артиллерий: Варшавской – 2-ю, 13-ю и 23-ю роты, Новогеоргиевской – 3-

ю и 24-ю роты, Ивангородской – 9-ю роту, Севастопольской – 6-ю и Керченской – 4-ю роты. Роты эти переименовать: 13-ю Варшавской – в 9-ю, 9-ю Ивангородской – в 10-ю и Новогеоргиевские: 3-ю – в 11-ю и 24-ю – в 12-ю Квантунской креп. артиллерии; 6-ю Севастопольской – в 10-ю, 4-ю Керченской – в 10-ю и Варшавские: 2-ю – в 11-ю и 23-ю – в 12-ю Владивостокской креп. арт.

VIII. Взамен выделенных батарей, парков и рот, указанных во II и VII пунктах, немедленно сформировать новые такие же части, с присвоением им номеров убывших частей и с содержанием их в составах, которые были им присвоены до выделения[499].

Программа носила комплексный характер, и с учетом необходимости производства и доставки артиллерии на другой конец страны, требовала не менее полугода на реализацию. Ее слабым местом было полное отсутствие мер по усилению горной (наиболее необходимой в условиях войны на Дальнем Востоке и наиболее многочисленной у японцев) и осадной артиллерии, т.е. Военное министерство, вопреки многочисленным ходатайствам с мест, в очередной раз усиливало то, что было проще и дешевле усиливать, а не то, что нужно в первую очередь. Однако даже в таком виде, в случае своевременного принятия и выполнения (крайний срок – сразу после Порт-Артурских совещаний 1903 г.), она кардинально меняла бы ситуацию с обеспечением русских войск в регионе артиллерией, существенно нивелируя преимущества японской армии на начальном этапе кампании. Однако, будучи принятой за 4 дня до начала войны, никакого влияния на ее ход эта программа оказать уже не могла.

24 января Николай II удовлетворил ходатайства Е.И. Алексеева о формировании из 3-й, 4-й и 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг., Забайкальской казачьей бриг. и 3-го Вост.-Сиб. сап. батальона нового 3-го Сиб. АК[500]. Сам Е.И. Алексеев к этому времени уже несколько раз телеграфировал о необходимости создания этого корпуса, а в плане развертывания войск, подготовленном во Временном штабе Наместника к 5 ноября 1903 г. этот корпус вообще значился как существующий[501]. Тем не менее еще 26 декабря 1903 г. решение о создании корпуса было в очередной раз заблокировано А.Н. Куропаткиным, считавшим что разделение войск в регионе на 3 армейских корпуса «не представляется существенно необходимым в военное время» и не нужно в мирное время, поскольку создание 3-го корпуса потребует нового постоянного расхода примерно в 200 тыс. руб. в пятилетие[502]. В результате о создании корпуса официально объявили только 28 января 1904 г., т.е. уже после начала войны[503].

Попытка А.Н. Куропаткина провести в несколько месяцев большее усиление войск

---

[499] РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 502. Л. 134–144; Высочайшее повеление 22 января 1904 г., объявленное военным министром О реорганизации полевой артиллерии Дальнего Востока // ПСЗ РИ III. Т. 24. № 23908.
[500] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 11; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 350–351.
[501] РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 120. Л. 11–16.
[502] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 351–352.
[503] ПВВ № 28 от 28 января 1904 г. // ПВВ за 1904 г. СПб., 1904.

Дальнего Востока, чем за предыдущие несколько лет вывела на первое место вопрос о перевозках. Большую часть личного состава и имущества утвержденных частей предстояло отправить на Дальний Восток по единственной и уже перегруженной Сибирской железной дороге, а далее – по КВЖД и ЮМЖД, не только перегруженным, но и не работавшим на полную мощность. В Главном штабе разработали специальный график отправки подкреплений на Дальний Восток, достаточно подробный, но ориентированный на «отчетную», а не реальную ситуацию на железных дорогах. 22 января 1904 г. предполагалось отправить из Челябинска последний эшелон с новобранцами[504], окончить тем самым их перевозку в регион и разгрузив железную дорогу. Далее предполагалось отправить: 1) Пополнения для Вост.-Сиб. стр. полков, участвовавших в формировании 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. – до 6 тыс. чел., перевозимых на 8 поездах. 2) Укомплектования для вторых бригад 31-й и 35-й пех. див. – до 7 тыс. чел. – на 11 поездах. 3) Семь первых по времени назначения на Дальний Восток батарей (для 9-й Вост.-Сиб. стр. бриг. и для развертывания 1-й Вост.-Сиб. стр. арт. бриг. и кадровая резервная) – на 14 поездах. 4) Укомплектования для дивизионов 31-й и 35-й арт. бриг. – на 4 поездах. 5) Сап. части для пополнения 1-го и 2-го Вост.-Сиб. сап. батальонов – на 5 поездах. 6) 700 повозок – на 6 поездах. 7) 2 подвижных госпиталя – на 2 поездах. Всего получалось 50 поездов, которые предполагалось отправлять начиная с 1 февраля. При пропускной способности Сибирской железной дороги в 3 пары сквозных поездов в сутки они рассчитывали завершить отправку за 20 дней и с 20 февраля начать следующий этап перевозок, предусматривавший: 1) 28 стр. батальонов (третьи батальоны для Вост.-Сиб. стр. полков) – на 56 поездах. 2) 12 батарей – на 24 поездах. 3) 3-й Вост.-Сиб. сап. батальон и инженерные части для Порт-Артура – на 6 поездах. Всего 86 поездов и 30 суток. Таким образом, при времени движения от Челябинска до Ляояна в 21–22 суток, получалось, что последние эшелоны этих пополнений могли добраться до Харбина не ранее первой половины апреля[505], т.е. через те самые 3 месяца, которые в качестве минимального срока, необходимого для подготовки к войне называл А.Н. Куропаткин.

Основным минусом этого плана было то, что он совершенно не учитывал возможность начала войны с Японией до прихода в Харбин последнего эшелона. Пока железная дорога была загружена этими перевозками, ни о каком подвозе в Приам. в.о. запасных из Сиб. в.о., на что были рассчитаны все мобилизационные планы, не могло быть и речи, а без этого нормальная мобилизация войск Дальневосточного Наместничества была невозможна. В случае начала войны пришлось бы либо приостановить переброску подкреплений и

---

[504] Под эти перевозки в день занимали по 1 поезду, всего потребовалось 69 поездов. Из внутренних губерний России было перевезено 22.405 чел., из Сибири – 11.015 чел., всего 33.420 чел. Из них для войск Приам. в.о. и Квантунской области предназначалось 24.376 чел., для Тихоокеанской эскадры, Сибирского и Квантунского флотских экипажей – 4.044 и ЗО ОКПС – 5 тыс. чел.

[505] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 352.

использовать дорогу для подвоза запасных, либо продолжать переброску подкреплений, пожертвовав подвозом запасных, т.е. сорвать мобилизационное развертывание войск Наместничества. Одним из немногих, кто понимал весь трагизм ситуации, был начальник Временного штаба Наместника генерал-майор В.Е. Флуг, доложивший Е.И. Алексееву о безвыходности положения и предложивший, в случае внезапного начала войны пожертвовать подкреплениями и немедленно отправить по железной дороге запасных, чтобы не встречать японскую армию неотмобилизованными частями и соединениями. Прекрасно понимая, что войны уже не избежать, он 14 января 1903 г. представил Наместнику записку, в которой предлагал не отдавать всю инициативу в руки Японии и: 1) немедленно объявить мобилизацию Наместничества и Сиб. в.о., дабы успеть перевести запасных еще до подхода к Сибири идущих из Европейской России эшелонов; 2) вообще поставить на первую очередь именно перевозку запасных из Сиб. в.о., а не подкреплений из Европейской России.

Принять на себя столь ответственное решение Е.И. Алексеев не решился и передал эти предложения на обсуждение Особого совещания, которое состоялось 15 января. Результат получился абсурдным. Предложенную В.Е. Флугом меру совещание признало преждевременной, после чего с одной стороны, было признано, что задерживать и тем более останавливать уже начатые перевозки нельзя, т.к. это впоследствии приведет к громадной путанице и вместо ускорения мобилизации даст обратный эффект, с другой, совещание не признало возможным перевозить в район сосредоточения части, не укомплектованные запасными. А поскольку данные положения были взаимоисключающими, то был сделан вывод о возможности задержать сосредоточение войск даже на месяц, лишь бы дождаться прибытия запасных. Заодно было рекомендовано ускорить перевозку как подкреплений, так и запасных, завершив ее к 20 февраля. Каким образом – не понятно. Иными словами, было предложено полностью отдать Японии инициативу действий на ТВД и каким-то образом повысить провозоспособность железных дорог[506].

19 января, через 4 дня после этого совещания, Е.И. Алексеев получил очередные данные о военных приготовлениях Японии из которых явствовало, что ждать окончания переброски русской армией всех подкреплений и запасных в японском Генеральном Штабе не собираются, что было для войск Наместничества чревато серьезными трудностями[507]. Поэтому 20 января он просил в Николая II разрешить ему принять решительные меры для усиления боевой готовности войск и флота, т.е. выполнить рекомендации В.Е. Флуга, и на

---

[506] Там же. С. 353.

[507] Адмирал Е.И. Алексеев телеграфировал, что «если разрыв с Японией произойдет ранее, чем прибудут на Дальний Восток и дойдут по назначению все высылаемые из Европейской России укомплектования, подкрепления и запасы, а также раньше, чем будет закончено формирование в Южной Маньчжурии новой бригады, то вследствие малой провозоспособности железных дорог Дальнего Востока, планы перевозок по мобилизации и сосредоточению будут сильно нарушены…». РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 24–25 об.

случай внезапного начала войны, и как последнее средство предотвратить войну, а также испрашивал указаний[508].

Избежать войны к этому времени было уже невозможно. 19 января (1 февраля) начальник Генерального Штаба Японии Ояма Ивао доказывал императору, что Страна восходящего солнца должна нанести удар первой[509]. 20 января (2 февраля) 1904 г. в японском Генеральном Штабе закончили составление общего плана операций на начальный период войны с Россией. По нему ТВД включал в себя Маньчжурию и Приморскую область: «1. Силами трех дивизий оккупировать Корею раньше, чем это сделает противник. В случае, если господство на море еще полностью не перешло в наши руки, силами одной дивизии оккупировать Сеул. 2. Основным театром военных действий станет Маньчжурия, где основные силы императорской армии должны будут атаковать полевую армию противника, для чего необходимо прежде всего действовать на ляоянском направлении. 3. Второстепенным театром военных действий станет Приморский край, где силами одной дивизии будут вестись отвлекающие действия. Для реализации указанных выше операций устанавливаются пункты высадки войск и выделяются ниже перечисленные силы: 1. Выполнение задач, указанных в п. 1, возлагается на 1-ю армию, которая должна действовать в соответствии с оперативными планами военных действий в Корее, принятыми в 1903 г. 2. Выполнение задач, указанных в п. 2, возлагается на 2-ю армию в составе 9-й, 10-й, 11-й дивизий, кавалерийской и артиллерийской бригады, для которой пунктом высадки определен Дагушань. 3. Выполнение задач, указанных в п. 3, на 8-ю отдельную дивизию, для которой пунктом высадки определены бухта Наджиман [бух. Корнилова. – Р.А.] или же залив Чосанман [бух. Гашкевича. – Р.А.]»[510]. 21 января (3 февраля) в Японии состоялось последнее координационное совещание Генерального Штаба и Морского Генерального Штаба, на котором обсуждалось 10 наиболее принципиальных вопросов, касавшихся 1-го этапа предстоящей кампании, в т.ч. по десантным операциям на Корейском полуострове[511]. В тот же день – собрание гэнро. 22 января (4 февраля) прошло собрание у императора Японии, на котором участники сошлись на том, что «Япония, как бы плохо она ни была подготовлена, должна начать войну сейчас же, поскольку дальнейшее промедление нанесет Японии только вред»[512]. Подготовка к ней была завершена[513].

---

[508] Там же. 24–25 об.
[509] Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 141.
[510] Полутов А.В. Десантная операция… С. 27–28.
[511] Там же. С. 39–40.
[512] Окамото С. Японская олигархия в Русско-японской войне… С. 141–142; Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 319–320; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 47.
[513] Еще 7 (20) октября в Генеральном Штабе было подготовлено 2 плана военных операций в Корее. 3 (16) января 1904 г. начальник японского Генерального Штаба, на основании директивы военного министра № 141, утвердил 2 варианта плана высадки войск в Инчхоне (Корея), которые в запечатанных пакетах были вручены командиру 12-й дивизии генерал-лейтенанту Иноуэ Хикару, а их копии переданы в Морской Генеральный Штаб. Одновременно на Иноуэ было

24 января (6 февраля), когда японский флот уже получил приказ о выходе в море[514], Николай II обсуждал депешу Е.И. Алексеева от 20 января с А.Н. Куропаткиным: «Вчера государь выразил первый раз тревогу по поводу возможности войны с Японией. Вместо обычной уверенности, что войны не будет, с некоторым раздражением сказал мне: “Надо скорее выяснить вопрос о войне, воевать так воевать; мир так мир, а эта неизвестность становится томительною”. Представил по моему докладу наместнику объявить мобилизацию и другие меры»[515]. В тот же день А.Н. Куропаткин ответил Е.И. Алексееву, что МИД только что передал Японии ответ, мобилизация японской армии еще не начата и высадка войск в Корее пока не производится, в связи с чем немедленное объявление мобилизации в Сибири признается нежелательным. Тем более, что мера эта приостановит перевозку на Дальний Восток 200 скорострельных орудий. В заключение военный министр телеграфировал уже совершеннейшую бессмыслицу, указав, что «призыв Сибирских запасных, если он потребуется, желательно произвести с таким расчетом, чтобы не задержать значительно направленные на Дальний Восток подкрепления». Таким образом он рекомендовал сделать то, что уже было признано и В.Е. Флугом, и совещанием 15 января 1904 г. невозможным. Телеграмма эта дошла в Порт-Артур только 27 января (уже после начала войны), при том, что уже на следующий день после ее отправки, 25 января, объявление мобилизации все-таки передали в компетенцию Наместника, но не разрешили использовать, поставив его в зависимость «от хода переговоров с Японией и образа действий собранных японцами и приведенных в боевую готовность вооруженных сил»[516]. Впоследствии, с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг., пришлось поступить именно так, как советовал В.Е. Флуг – предпочтение было отдано перевозке запасных, а при совпадении движения запасных с перевозками пополнений, было жесточайше приказано задерживать грузы на станциях и передавать эшелоны пополнений в те поезда, которые не были заняты перевозкой запасных[517].

возложено формирование, в срок до 7 (20) января 1904 г., из частей 12-й дивизии экспедиционного отряда для высадки в Корее. Весь январь (по н.ст.) Главнокомандующий Объединенным флотом и его штаб занимались разработкой планов операций и подготовкой проектов приказов, в т.ч. и по десантной операции на Корейском полуострове и организацией разведки в пунктах, определенных для предстоящей высадки. План действий против России включал 4 варианта операций. Его суть сводилась к следующему: Объединенный флот (1-я и 2-я эскадры) внезапно нападает на главные силы русского флота в Порт-Артуре. 3-я эскадра, патрулируя Корейский пролив, предотвращает возможное нападение русских кораблей, базировавшихся на Владивосток. Военные базы в Корее создаются вне зависимости от позиции Корейского правительства. Одновременно с выходом флота из Сасебо на Инчхон, под прикрытием, двинутся транспортные суда с сухопутными силами. Окончательный выбор варианта оперативного плана должен был зависеть от действий России и от успешности развития военных действий на море. К концу месяца (по н.ст.), в Морском Генеральном Штабе, на основе решений координационных совещаний с Генеральным Штабом, предложений командования Объединенного флота и сведений, поступивших по каналам военной и военно-морской разведки и МИДа, был принят к исполнению оперативный план № 1. Полутов А.В. Десантная операция… С. 35–42; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 45–46, 52–53.

[514] Полутов А.В. Десантная операция… С. 43–46.

[515] Запись 25 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 106. РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 18–23.

[516] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 26–28; Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 804.

[517] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 804.

К середине января 1904 г. ситуация в отношениях Петербурга и Порт-Артура была диаметрально противоположной той, что имела место на протяжении всего 1903 г. Попытка А.Н. Куропаткина и Николая II провести в несколько месяцев большее усиление войск Дальнего Востока, чем осуществленное за предыдущие несколько лет, вызвала резкий протест со стороны Е.И. Алексеева, а точнее, его Временного штаба. В Петербурге тем временем, было принято решение о доведении семи Вост.-Сиб. стр. бригад до 3-батальонного состава. Телеграмма А.Н. Куропаткина о состоявшемся об этом Высочайшем повелении была получена в Порт-Артуре 13 января 1904 г. Поэтому еще 20 января Е.И. Алексеев просил А.Н. Куропаткина, вместо всех этих «усилений» отправить на Дальний Восток готовый корпус в две дивизии, что давало не только те же 28 батальонов, но реальные полки, боеспособные и со слаженным личным составом. Однако заключение Е.И. Алексеева на эту меру было отправлено в столицу только 25 января, т.е. после того, как военный министр разъяснил ему телеграммой от 23 января, что 28 новых батальонов для развертывания полков в бригадах, не только уже предназначены к отправке, но и будут готовы в 3-дневный срок[518]. Наместник выражал сожаление, что А.Н. Куропаткин провел Высочайшим повелением утверждение этой меры ранее получения его заключения, особенно с учетом того, что Е.И. Алексеев остался при мнении, что «такое коренное преобразование войск Дальнего Востока, производимое спешно, при настоящем политическом положении, слабой провозоспособности и неисправности дорог Дальнего Востока, а равно отсутствия в настоящих местах стоянок полков каких бы то ни было помещений для добавляемых батальонов может привести к большим затруднениям административного характера, а главное к нарушению расчетов по мобилизации и сосредоточению войск». Он просил А.Н. Куропаткина доложить обе телеграммы Николаю II и «ввиду состоявшегося уже Высочайшего повеления о сформировании третьих батальонов и штабов дивизий испросить соизволение Его Величества, чтобы по прибытии вновь сформированных батальонов на Дальний Восток не присоединять их к своим полкам», а образовать из них временно сводные 3-х и 4-батальонные полки и 4-полковые бригады, и расположить их, впредь до выяснения обстановки, в Харбине и ближайших пунктах по железной дороге[519], с принятием экстренных мер по обеспечению их помещениями[520].

Эта телеграмма была отправлена 25 января 1904 г.[521] – за 2 дня до начала войны, и никаких последствий уже не имела. Переброска батальонов началась, а при повторном ходатайстве 27 января о приостановке этого движения Е.И. Алексееву было отказано[522]. Таким образом, реализация задуманного А.Н. Куропаткиным «усиления» должна была

---

[518] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 93 об.–95 об.
[519] Откуда их можно было оперативно перебросить на Маньчжурское или на Южно-Уссурийское направление.
[520] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 95–95 об.
[521] Там же. Л. 95–95 об.
[522] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 355.

привести к существенному изменению дислокации частей, что нарушало расчеты по мобилизации и сосредоточению войск, или размещению пребывающих подкреплений на территории Китая лагерным порядком в январе месяце.

Вечером 24 января (в 12 часов ночи) А.Н. Куропаткин «получил письмо Ламздорфа с извещением, что им получена нота японского посланника о том, что ему приказано со всею миссиею покинуть Петербург. Государь приказал отозвать и нашу миссию из Токио»[523]. На следующий день В.Н. Ламздорф письмом[524] и лично убеждал военного министра, «что отозвание посольств не означает еще, что война неизбежна. Опасается, чтобы, как он пишет, *наши герои* на Дальнем Востоке не увлеклись внезапно каким-нибудь инцидентом и не вызвали войну», полагая при этом, что сама «война может начаться без торжественного объявления ее»[525]. Таким образом, когда японский флот уже двигался к Порт-Артуру и Чемульпо[526], первые лица МИДа все-таки вспомнили про исторический опыт начала Японо-китайской войны 1894–1895 гг. В тот же день управляющий Морским министерством Ф.К. Авелан с начальником ГМШ З.П. Рожественским одновременно говорили А.Н. Куропаткину о превосходстве русского флота над японским, что «силы наши достаточны, чтобы атаковать японский флот», и… выражали сомнения, что в Порт-Артуре есть адмиралы, способные вести этот флот в бой[527].

Для Японии же война к этому времени уже началась. Еще 21 января (3 февраля) в 16.25 в Морском Генеральном Штабе получили отправленное в 15.40 срочное сообщение от капитана 2-го ранга Мори Ёситаро, резидента японской военно-морской разведки в Чифу (Яньтай): «По сведениям, полученным из Порт-Артура, в период до 10 часов утра 3 февраля шесть русских броненосцев: “Ретвизан”, “Победа”, “Петропавловск”, “Полтава”, “Пересвет”, “Цесаревич”, шесть крейсеров: “Баян”, “Паллада”, “Диана,” “Аскольд”, “Боярин”, “Новик”, два минных заградителя: “Амур” и “Енисей” и канонерская лодка “Гиляк” вышли из Порт-Артура в море в неизвестном направлении»[528]. Получив от моряков это сообщение, Генеральный Штаб направил директиву командиру охранного отряда в Сеуле, командиру сторожевого отряда на о. Цусима, командующим военно-морскими крепостями в Хакодатэ, Майдзуру, Симоносэки, Сасебо и Нагасаки, командирам 10-й и 12-й див. о переводе их сил в полную боевую готовность и с требованием усилить бдительность.

Морской министр, находившийся в это время в резиденции премьер министра Кацура

---

[523] Запись 25 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 106. См. также: Саркисов К.О. Россия и Япония… С. 319–321; Рыбаченок И.С. Закат великой державы… С. 534–535; Россия и Япония на заре XX столетия… С. 519–520.
[524] ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 182. Л. 21.
[525] Запись 25 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 106.
[526] Подробнее об этой операции см.: Полутов А.В. Десантная операция… С. 151–348.
[527] Запись 25 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 107.
[528] Цит. по: Полутов А.В. Десантная операция… С. 42–43.

Таро вместе с Ито Хиробуми, министром иностранных дел Комура Дзютаро и военным министром Тэраути Масатака, в 17.10 изложил свое видение возможных целей выхода русской эскадры в море: «Есть четыре варианта развития событий: 1. Русская эскадра намерена атаковать Сасебо. 2. Русская эскадра собирается произвести высадку войск в заливе Тэдонман и Инчхоне. Русская эскадра намерена оккупировать бухту Чинхэман. 4. Русская эскадра вышла в море для проведения учений»[529]. Правильным был именно последний вариант[530], однако именно он показался японцам наименее вероятным, и после обсуждения было решено обратиться к императору с ходатайством провести на следующий день совещание по вопросам разрыва отношений с Россией и открытию против нее военных действий, т.к. «в сложившейся ситуации любое промедление, когда Россия затягивает с ответом, сказывается на нашем боевом духе и порождает опасность потерять время»[531].

Далее было еще экстренное совещание командования флота на котором прияли 2 решения: 1) приказать всем силам ВМФ занять позицию полной боевой готовности, 2) приказать заминировать основные порты для предотвращения нападения противника, а именно: Токийский залив, Хакодатэ, Ооминато, Сасебо, Такэсики и Майдзуру. Кроме того, в 17.35 морской министр и начальник Морского Генерального Штаба приняли решение отправить запечатанный пакет с Оперативным приказом № 1 главнокомандующему Объединенным флотом и командующему 3-й эскадры.

22 января (4 февраля) сначала был отдан приказ нанести встречный удар по русской эскадре, в случае, если она приблизится к японским портам или попытается напасть на них. Специальному экспедиционному отряду, находящемуся недалеко от Сасебо и предназначенному для высадки в Корее, было приказано погрузиться на транспортные суда и быть наготове[532]. В 10.30 утра (по Токийскому времени) началось заседание Кабинета министров, на котором было решено прекратить переговоры, разорвать дипломатические отношения с Россией и немедленно начать военные действия. Закончилось оно в 13.30, а в 14.25 началось совещание у императора, утвердившего принятые решения. Вечером состоялось уже совместное совещание высшего руководства армии и флота, на котором были окончательно согласованы планы совместных действий. В 21.30 военный министр телеграфировал командиру 12-й дивизии приказ о начале операции по высадке в Корее[533].

23 января (5 февраля) в 11.00 утра японский император принял морского министра,

---

[529] Цит. по: Там же. С. 43.

[530] Действительно, 21 января по указанию Наместника, русская эскадра вышла в море «для упражнения личного состава в эскадренном плавании и маневрировании» пройдя от Порт-Артура, до Талиенвана и обратно. Россия и Япония на заре XX столетия… С. 516. Подробнее см.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота… Кн. 1. СПб., 1912. С. 162–166.

[531] Цит. по: Полутов А.В. Десантная операция… С. 43.

[532] Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 52–53.

[533] Там же. С. 53; Полутов А.В. Десантная операция… С. 43.

начальника Морского Генерального Штаба с заместителем и утвердил представленный ими Оперативный приказ морского министра № 1[534]. Приказом морского министра японский флот был переведен на военное положение по мобилизационному плану 1903 г.[535], а находящийся в Сеуле морской атташе Есида перерезал телеграфную линию, нарушив русское сообщение с Кореей, чтобы русские дипломаты и военные моряки не смогли узнать о планировавшемся на следующий день разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией[536].

24 января (6 февраля) в 14.00 корабли вышли в море из порта Сасебо. 25 января (7 февраля) японский флот провел в море, а 26 января (8 февраля) успешно осуществил запланированные операции по атаке русских кораблей на рейде Порт-Артура и в корейском порту Чемульпо (Инчхон), с последующей высадкой передового экспедиционного отряда на Корейском полуострове[537]. Одновременно с этим японцы начали и крейсерские операции против русского торгового флота[538].

В России же продолжали совещаться. 25 января военный министр получил от Николая II записку: «Завтра, 26 января, у меня соберется совещание в 11½ ч. по вопросу относительно того, следует ли нам разрешить высадку японцев в Корее или принудить их силою к отказу от замысла»[539]. Аналогичные записки получили великий князь Алексей Александрович, В.Н. Ламздорф[540], Ф.К. Авелан и А.М.Абаза. Председательствовал сам Николай II. «Государь открыл заседание краткой речью, в которой высказал, что он желает знать наше вполне откровенное мнение, какого образа действий нам держаться. Воспретить ли нам силою высадку японцев в Корею, и если воспретить, то в каком районе? Так ли, как я давал ранее указания наместнику, чтобы он смотрел сквозь пальцы, если японцы высадятся к югу,

---

[534] «С учетом того, что действия России по отношению к нам имеют враждебные намерения, флот Империи должен предпринять нижеследующее: 1. На Главнокомандующего Объединенным флотом и командующего 3-й эскадры возлагается планирование полного уничтожения эскадры России на Дальнем Востоке. 2. Главнокомандующий Объединенным флотом должен незамедлительно выйти в море и, прежде всего, атаковать и уничтожить эскадру России, находящуюся в Желтом море. На него также возлагается командование действиями корейского экспедиционного отряда во время его перевозки морем. 3. Командующий 3-й эскадры должен незамедлительно оккупировать бухту Чинхэман и обеспечить боевое охранение Корейского пролива». Цит. по: Полутов А.В. Десантная операция… С. 44–45.

[535] Полутов А.В. Десантная операция… С. 44–46.

[536] Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 53.

[537] Подробнее об этой операции см.: Там же. С. 43–46, 151–348.

[538] За 5 часов до встречи Р.Р. Розена с японским министром иностранных дел, 24 января, в 9 час. утра, японцы уже захватили в Корейском проливе, в 3 милях от берега и в 6 милях от Фузана, пароход Доброфлота «Екатеринослав». Когда Р.Р. Розен сидел в кабинете барона Комура, японцы взяли в самом Фузане пароход КВЖД «Мукден». В тот же день, 24 захватили русское судно на рейде Нагасаки, а вечером по корейскому телеграфу русский представитель в Сеуле получил известие о высадке в Мозампо значительного количества японских войск и о занятии японцами корейской телеграфной станции. 25 января в Корейском проливе японцы захватили русские суда – в 7 час. утра «Россия»", а в 7 час. 30 мин. вечера – «Аргунь». 26 – заняли русские почтовые учреждения в Фузане и в Мозампо. Россия и Япония на заре XX столетия… С. 521; Nagao Ariga. La guerre Russo-Japonaise au point du vue continentale et le droit international d'après les document officiels du grand état-major japonais (selection historique de la guerre de 1904–1905). Paris, 1908. P. 20–24; 25–29; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 38–39, 55–58.

[539] Запись 25 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19. // КА. 1922. Т. 2. С. 107.

[540] ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 182. Л. 29.

начиная от Чемульпо, или иначе. Не следует ли решиться атаковать севернее Чемульпо?»[541]. После чего дал слово военному министру, который изложил мнение местного начальства о совместном действии флота и сухопутных сил, если Япония объявит войну, а затем «в кратких словах очертил, как осторожно действовали японцы 10 лет назад с китайцами в Корее, как высадку в Ялу предприняли, лишь разбив китайский флот 17 сентября. Ранее высадили в Цинампо и в Генсане лишь по бригаде, чтобы атаковать Пеньян. Будут осторожны и теперь. У них должны быть два плана. Один – занять Корею и по возможности избежать с нами войны, другой – объявить нам войну и, не ограничиваясь Кореею, перенести войну в Маньчжурию[542]. В первом случае будет невыгодно, если мы сами откроем военные действия и этим ввяжемся в войну из-за Кореи… Во втором случае надо принять все меры, дабы использовать наши морские средства. Помешать десанту на восточном берегу у Генсана мы не можем. Не надо и мешать. Выгоды большие. Вероятно, там сделают высадку. Оттуда до Пеньяна 130 верст. Выгадают много. Не уверен, могут ли наши моряки помешать высадке в Чемульпо. Очень удобная местность для обороны, очень неудобная для атаки: много случаев действовать миноносцами. Это дело моряков. Но надо во что бы то ни стало помешать высадке севернее Чемульпо»[543].

Следующим высказался В.Н. Ламздорф, заметивший, что «если только есть какая-либо возможность избежать войны, то этим надо воспользоваться», и закончивший исключительно точным прогнозом: «Мы имеем право всего ожидать от японцев. Они должны иметь свой план. Вероятно, на этих днях они выкинут что-либо очень необычайное. Но все же надо принять все меры, чтобы избежать войны, чтобы войну начали сами японцы»[544]. Алексей Александрович согласился с мнением А.Н. Куропаткина, что допускать десант севернее Чемульпо нельзя, а «японцы задаются целью не только захватить Корею, но и имеют виды на Маньчжурию». Говоря о флоте, он сомневался, чтобы японцы пошли на морское сражение, считал опасным «разбрасываться», невозможным – помешать высадке на восточном берегу, а «если пойдут на Сеул (Чемульпо), то можно выдержать. Государь перебил его словами “От Чемульпо к югу – пускать”» и считал необходимым – если сделают высадку в Корейском проливе – атаковать. Авелан сказал «о трудности противиться высадке на восточном берегу», а А.М. Абаза лишь 2 раза вмешивался с неудачными комментариями.

Куропаткин просил «запретить Алексееву начинать военные действия южнее 38-й параллели. Предложили редакцию: “Если японцы сами не начнут военных действий флотом

---

[541] Запись 26 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 108.
[542] Это мнение было ошибочным, т.к. в Японии изначально не было плана минимум, ограничивающего ТВД предстоящей войны только Корейским полуостровом. Полутов А.В. Десантная операция… С. 21–28; Инаба Ч. Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне… С. 40–54.
[543] Запись 26 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 107–108.
[544] Там же. С. 108–109.

или десантом, Алексеев не должен допускать высадки японцев на западном берегу Кореи севернее 38-й параллели. Высадку в Южной Корее и в Чемульпо допускать. На восточном берегу допускать. Если войска японские будут продвигаться в Северную Корею, то это не считать за начало военных действий и их туда допускать". Государь приказал телеграфировать категорично, к исполнению. Мнения наместника не запрашивать. Государь в заключение выразил мнение, что если бы наш флот разбил японский, то этот урок, вероятно, прекратил бы возможность войны, ибо прекратил бы возможность высадки»[545]. Возможность обратной ситуации Николаем II не рассматривалась. Совещание продемонстрировало, что в столице так и не поняли, что произошло, кардинально переоценили возможности русской дипломатии, армии и флота на Дальнем Востоке, недооценили возможности противника и, даже ознакомившись, наконец, с данными о начале Японо-китайской войны 1894–1895 гг. не верили в возможность повторения подобного сценария, продолжая спорить о деталях реализации мер, уже в принципе неосуществимых. Пока в Петербурге заседали, японские корабли на всех парах шли к Порт-Артуру и Чемульпо.

Итоги совещания Николай II очень лаконично и очень точно сформулировал в дневнике: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим»[546], о чем и было телеграфировано в Порт-Артур Е.И. Алексееву[547]. По сути, вся инициатива действий на начальном этапе Русско-японской войны 1904–1905 гг. была отдана в руки Японии, чем та не преминула воспользоваться в полной мере в ночь с 26 на 27 января по местному времени. Так что телеграмму Е.И. Алексеева об атаке японских миноносцев на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура Николай II получил в тот же день, только вечером[548]. Военный министр узнал об этом в 10.30 вечера от С.Ю. Витте, а тот – от одного из коммерческих агентов Министерства финансов. На следующий день, 27 января 1904 г., на докладе военного министра «государь был бледен, но спокоен», а когда они остались с А.Н. Куропаткиным наедине – «возмущался поведением японцев»[549].

«Как японцы точно выполнили Высочайшее повеление!», – язвил уже утром 27 января, читая посланную Е.И. Алексееву по итогам последнего совещания в Петербурге телеграмму, начальник дипломатической канцелярии при Наместнике Г.А. Плансон. Возмущены и удивлены поведением японцев были все, поскольку японское посольство еще находилось в Петербурге и должно было выехать как раз 28 января (10 февраля), а русский посол Р.Р. Розен

---

[545] Там же. С. 109.
[546] Запись 16 января 1904 г. // Дневники императора Николая II (1894–1918)… Т. 1. С. 787.
[547] «Желательно, чтобы японцы, а не мы открыли военные действия. Поэтому, если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в Южную Корею или на восточный берег, до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без оного перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их атаковать, не дожидаясь первого выстрела сих стороны. Надеюсь на Вас. Помоги Вам Бог». Рыбаченок И.С. Закат великой державы… С. 535; ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 212. Л. 41.
[548] Запись 16 января 1904 г. // Дневники императора Николая II (1894–1918)… Т. 1. С. 787.
[549] Запись 28 января 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // КА. 1922. Т. 2. С. 109–110.

из Японии вообще только в пятницу 30 января 1904 г. Не спавший всю ночь с 26 на 27 января Г.А. Плансон отметил: «Японское нападение было полным сюрпризом для всех. Вообще никто не ожидал такого нахальства: посланники еще не выехали – японский из Петербурга, наш из Токио»[550]. Адмирал Е.И. Алексеев был мрачен. «Если бы готовились воевать, то давно усилились бы здесь. А теперь мы едва держимся. Где уж нам наступать в Корее. Дай Бог удержаться как-нибудь», – подвел он итог произошедшему в Порт-Артуре[551].

* * *

Заметно активнее чем в Петербурге к войне готовились непосредственно на Дальнем Востоке. Уже 18 (31) декабря 1903 г. японский коммерческий агент во Владивостоке Каваками Тосицунэ писал своему начальству в Японии: «Количество войск в Порт-Артуре и Владивостоке увеличивается, интенсивно ведутся фортификационные работы. Ледокол каждый день чистит бухту ото льда для того, чтобы, в случае необходимости, корабли могли быстро выйти в море». Он же сообщал, что Владивостокский отряд крейсеров готовится к началу боевых действий, на корабли грузятся боезапасы и, жаловался: «Русская разведка перехватывает все поступающие и исходящие сообщения из торгпредства. В настоящее время спецслужбы проверяют даже сообщения, приходящие в японские компании. Полиция проводит обыски во всех японских магазинах. Все японцы находятся под подозрением»[552].

1 и 7 января 1904 г. на заседаниях специальной комиссии в Порт-Артуре было решено: «1) усиленно продолжать крепостные работы и начать в войсках подготовительные работы по мобилизации, 2) сосредоточить, где возможно, части войск, квартирующие отдельно, по своим штаб-квартирам[553], 3) приступить к подготовке в инженерном и интендантском отношении будущего театра военных действий в Маньчжурии, 4) привести в возможно большую боевую готовность полки 3-й В.-С. стр. бриг., 5) произвести в Забайкалье формирование 3-го и 4-го В.-С. стр. арт. парков и 6) выписать 500 тыс. пудов прессованного сена из Америки и 10 тыс. пудов из Омска»[554].

9 января Наместник смог получить разрешение военного министра привести в возможно большую боевую готовность, но без объявления мобилизации 3-ю Вост.-Сиб. стр. бриг. и Вост.-Сиб. стр. дивизион, роту саперов и Забайкальскую казачью бриг. ЗКВ (т.е. провести опытную мобилизацию 4 льготных полков и 2 льготных батарей ЗКВ) и передислоцировать их к пунктам, находящимся в Южной Маньчжурии близ железной дороги,

---

[550] ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 212. Л. 38 об.–39, 41, 44.

[551] Там же. Л. 41 об. Адмирал Е.И. Алексеев так и остался при своем мнении, что единственным реальным способом предотвратить войну с Японией было к ней готовиться, о чем он впоследствии и доложил Николаю II. ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 186. Л. 28–28 об.

[552] Зайцев Д.М. Японская диаспора во Владивостоке… С. 18–19; Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937… С. 100.

[553] Именно поэтому в январе 1904 г. 5-й Вост.-Сиб. стр. полк был собран в Цзинь-чжоу, 1-я Забайкальская казачья батарея ЗКВ – в Фынхуанчене и 28-й Вост.-Сиб. стр. полк – в Порт-Артуре.

[554] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 355–356.

выбранным Е.И. Алексеевым в качестве исходных для дальнейшего движения к границе Кореи. С 15 января началась перевозка по железной дороге полков 3-й Сиб. стр. бриг. из Порт-Артура к линии Ляоян–Гайчжоу[555]. Командованию бриг. было указано, что она направляется в Южную Маньчжурию, в виду непрекращающихся военных приготовлений Японии и ее агрессивной деятельности в Корее, чтобы заняв исходное положение на линии Ляоян–Гайчжоу, иметь возможность при необходимости выдвинуться к р. Ялу, оказавшись там раньше японцев. Параллельно началось создание продовольственного магазина в Фынхуанчене, в Ляоян отправлена рота 2-го Вост.-Сиб. сап. батальона для производства инженерных работ, а в Порт-Артур из Ляояна и Хайчена на присоединение к остальным полкам 7-й бриг. перевозился 28-й Вост.-Сиб. стр. полк. Затем было получено разрешение на дальнейшее движение 3-й бриг. на линию Сюян–Дагушан–Фынхуанчен. 18 января 1904 г. 4 льготным полкам и 2 льготным батареям ЗКВ была объявлена мобилизация[556].

С этого времени Е.И. Алексеев и его штаб фактически начали перевод Наместничества на военные рельсы. Доступ в Маньчжурию иностранцев без разрешения русских властей был прекращен. На ЗО ОКПС возложена усиленная охрана железнодорожных сооружений, для чего его начальнику дано разрешение формировать из русских жителей дружины и вооружать русское население в полосе отчуждения. В виду возможности объявления мобилизации были сделаны все предварительные распоряжения. С целью облегчения перевозок по железной дороге приказали укомплектования для бригад 31-й и 35-й пехотных дивизий, высланные из России, задержать в Харбине до подхода туда бригад, которые предполагалось выдвинуть из Приморской области в Маньчжурию для сближения с намеченным районом сосредоточения. Бригады эти Наместник приказал привести в готовность к походу и составить план их перевозок. Неполная боевая готовность Владивостока и Порт-Артура, особенно последнего, – делала вероятною попытку противника напасть на них неожиданно, поэтому было приказано: усилить наблюдение за морскими подступами, усилить меры охранения крепости Порт-Артур, установить еще не поставленные в ней орудия и наблюдать побережье. «В это время некоторые признаки не оставляли никакого сомнения в неминуемости решительных действий со стороны Японии: число зафрахтованных Японским Правительством судов дошло до 70-ти, спешно производились последние приготовления для мобилизации; в Корее среди Японцев замечалось сильное возбуждение; японский телеграф перестал принимать депеши. Поэтому нашим агентам в Китае предписано было принять все меры к получению сведений о происходившем в Японии»[557].

---

[555] В бригаде в тот момент было: 111 офицеров, 7.866 нижних чинов, 1.027 лошадей и 764 повозки. Отправку производили 1–2 поездами в сутки. Полностью завершить перевозку планировалось за 12 дней.
[556] Русско-японская война 1904–1905 гг. … Т. 1. С. 356; ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 135. Л. 11 об.
[557] Там же. Л. 11 об.–12.

Военный агент в Японии полковник В.К. Самойлов до последнего снабжал и Главный штаб в Петербурге, и Временный штаб Наместника в Порт-Артуре всеми сведениями о подготовке Японии к войне, какие только удавалось достать. Знакомство с ними не оставляло сомнений в неизбежности войны. 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 г.) «издано формальное запрещение печатать в газетах всякие сведения, касающиеся передвижения судов, транспортов и войск. Приняты строгие меры относительно телеграфной корреспонденции – телеграммы сколько-нибудь подозрительные не принимаются»[558]. 25 декабря 1903 г. (7 января 1904 г.): «По сведениям, 2 января в Куре стояло 6 транспортов, 10 ушли на запад»; 29 декабря (11 января): «Транспорты стоят в Екосоо, Куре, Удзина и Сасебо. Много воинских грузов перевозится в Удзине. Нанимают много кули. По-видимому, в Сасебо ставят мины»; 1 (13) января 1904 г.: «Опасный признак: в армии сильное возбуждение, открыто говорят о близкой войне»; 2 (14) января: «В Удзине подвозка больших запасов. Обычные занятия в некоторых дивизиях прекращены. Можно ожидать общей мобилизации. Обширные приготовления указывают на весьма серьезные намерения Японии»[559]. Последняя развернутая телеграмма с анализом ситуации пришла от военного агента в Японии 27 декабря 1903 г. (9 января 1904 г.)[560]. С 15 января (28 января) 1904 г. телеграммы от В.К. Самойлова стали совсем отрывочными, но и их было достаточно для понимания и оценки ситуации: «15-го (28): Слух: будет внутренний заем – 100 миллионов; 16-го (29) – 86 транспортов; 17-го (30) – тридцать пароходов для флота, тридцать для перевозки войск водой; 21-го (3 февраля) – открыт прием заявлений пожертвований для войны, но деньги еще не принимают, того же числа 21-го (3 февраля) – из Чифу сообщают подробное передвижение наших войск; 22-го (4) – слух – 80 транспортов, более достоверно – 70. Наконец 24 января из Порт-Артура запросили самого военного агента: “Отчего не телеграфируете”?»[561].

Получали депеши В.К. Самойлова и во Владивостоке, где, как вспоминал начальник штаба крепости А.П. Будберг: «Неготовность крепости, представлявшей из себя вороха начатых укреплений, заставила коменданта напрячь все усилия по специальной подготовке войск; было приказано перенести все саперные работы на линию сухопутной обороны и практиковать войска постройкой настоящих боевых окопов там, где это требовалось планом

---

[558] Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. … С. 157.
[559] Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. … С. 177–178.
[560] Подробно изложив всю добытую информацию он заключал: «Во всяком случае в Корею будут отправлены войска и с этим надо считаться как бы с фактом совершившимся с нашего или без нашего согласия. Раз же в Корею будут введены войска в таком большом количестве, то, по моему мнению, наше соперничество с Японией на Дальнем Востоке за преобладание не может разрешиться без ущерба достоинству России иначе как войной. В этом не может быть теперь никакого сомнения, ибо японцы без боя из Кореи не уйдут, а в наши интересы не может входить пребывание японских войск в Корее в таком значительном количестве и преобладание их во всех отношениях. Поэтому мне кажется, что, упуская теперь случай потопить две дивизии или разбить конвоирующую эскадру (случай редкий), мы должны тем не менее самым усиленным образом готовиться к войне, которая может разразиться каждую минуту. Здесь почему-то господствует мнение, что война разразится в марте, когда потеплеет. Я не берусь предсказывать когда это случится, но уверен, что это будет». Цит. по: Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. … С. 157–158.
[561] Россия и Япония на заре XX столетия… С. 508.

обороны; равным образом все стрельбы были перенесены на боевые участки, с расстановкой мишеней в разных положениях осадной войны и с особенным развитием ночных упражнений»[562]. Здесь, в отличие от Порт-Артура, приняли все возможные меры предосторожности: «К началу зимы положение стало совсем тревожным. […] Комендант крепости уже в начале января приказал тайно проверить и изготовить к действию все береговые батареи, подготовить боевые снаряды и дальномеры, а на батареях Уссурийского фронта, доступного нападению и в зимнее время, было приказано расширить своими средствами караульные помещения и иметь всегда, днем и ночью, готовые взводы со всей прислугой и командным составом. Такие же меры предосторожности… были приняты и в крейсерском отряде, и, несмотря на то, что наши крейсера стояли во льду, их кормовые орудия были всегда наведены на вход в Золотой Рог и готовы к действию (ночью прислуга спала у дежурных орудий). Комендант особенно тревожился за никем не охраняемое и никем не наблюдаемое южное побережье Русского Острова, которое могло быть захвачено внезапным десантом неприятеля, причем не исключалась возможность, что мы могли узнать об этом уже после того, как факт совершился. Ввиду этого, вначале января он приказал передвинуть на южное побережье острова пехотную роту с 2 полевыми орудиями и провести туда телеграфную линию…»[563].

Таким образом, непосредственная подготовка к войне с Японией и усиление войск на Дальнем Востоке всерьез начались лишь с декабря 1903 г. и продолжались вплоть до начала войны. Однако, время было безнадежно упущено. «Пожарные» меры лишь усиливали путаницу, умножая количество войск на бумаге, но не боевых единиц в действительности, путая и без того незаконченные и содержавшие серьезные просчеты мобилизационные планы, организацию снабжения, внося хаос в транспортные перевозки по Сибирской железной дороге, КВЖД и ЮМЖД. Русские войска на Дальнем Востоке вступили в войну с Японией, как и четырьмя годами ранее в противоборство с Китаем, в стадии усиления, переформирования, доукомплектования и перевооружения.

При формировании новых войск Военным министерством и лично военным министром А.Н. Куропаткиным было сделано все возможное, чтобы максимально сохранить боеспособность военных частей и соединений Европейской России, а значит снизить силу и боеготовность формируемых частей. Вместо целых спаянных корпусов, дивизий, бригад, полков или хотя бы батальонов, на Дальний Восток в лучшем случае посылались целые, спаянные роты (батальоны крайне редко), но и те в большинстве своем в сокращенном составе рядов. Все это фактически сводило на нет военный потенциал большинства частей и

---

[562] Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. 1935. № 110. С. 24.
[563] Там же. С. 27.

соединений 1902–1903 гг. годов формирования, т.к. при невозможности в условиях постоянных переформирований и дислокации в неприспособленных помещениях заниматься систематическим обучением и боевой подготовкой, подобные меры увеличивали количество единиц структурных, но не боевых.

В складывавшейся ситуации, решение о временном отказе от усиления Европейского ТВД в пользу полноценной, качественной, а главное – своевременной подготовки к назревавшей войне с Японией на Дальнем Востоке, и категорическое указание МИДу о дипломатическом обеспечении реализации этого решения, должно было приниматься не позднее сентября 1903 г., и не на уровне военного министра А.Н. Куропаткина, а на уровне верховной власти, которая в Российской империи принадлежала императору Николаю II. Однако такого решения принято не было, а военный министр на нем не настаивал.

Заключение

Проведенное исследование истории русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. позволяет сделать следующие выводы. Период 1865–1881 гг. характеризовался стремлением власти к большей интеграции территорий Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в общеимперское пространство в плане организации военного управления, состава войск и системы их обеспечения. Подписание Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, закрепивших территории Приамурья и Приморья в составе Российской империи, и последовавшее вскоре окончание «муравьевского века» на Амуре (1861 г.), а впоследствии и продажа Аляски (1867 г.), вывели на первый план проблему удержания и постепенного развития этих территорий, а значит – формирования устойчивой системы обеспечения их безопасности.

Проведение на этих территориях общероссийских военных реформ 1860–1870 гг. во многом было призвано решить именно эту проблему. Однако, в силу специфики региона, реализация преобразований здесь запаздывала относительно Европейской России, поскольку всю нормативно-правовую базу приходилось существенно адаптировать к местным условиям. Более того, значительная часть реформы вообще не коснулась Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. Создание в 1865 г., в рамках 3-го этапа военно-окружной реформы, Вост. Сиб. в.о., система управления которым была заметно изменена по сравнению с первоначальным положением, и преобразование в том же году местных войск стали единственными из комплекса «милютинских» военных реформ, в полной мере затронувшими российский Дальний Восток. Введение 1 января 1874 г. всесословной воинской повинности долгое время оказывало на русские регулярные войска в регионе минимальное влияние, поскольку население Приморской и Амурской областей было от нее освобождено (норма отменена только в 1909 г.). Реформа военно-учебных заведений Дальний Восток не затронула из-за отсутствия этих заведений. Изменение численности, штатов и состава войск в большей степени определялось местными потребностями, чем ходом общероссийской военной реформы. Действие же принятого 15 мая 1867 г. военно-судебного устава было распространено уже на Иркут. в.о. и Приам. в.о. только с 1 октября 1889 г., т.е. 22 года спустя после начала военно-судебной реформы.

При незавершенности дискуссии по новому административно-территориальному делению Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, военно-окружную систему на этих территориях ввели единственным способом, который позволял избежать многолетних

дискуссий между ведомствами военным, морским и внутренних дел, а именно: наложив территориально новую систему военно-окружного управления на уже существовавшую систему управления через генерал-губернаторов и военных губернаторов. Это обстоятельство, а также постепенное изменение внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе, и рост численности войск, предопределили длительный процесс постоянной корректировки военного управления, который удалось завершить только в 1884 г., в связи с окончанием дискуссии по общим вопросам административно-территориального деления на Дальнем Востоке и ликвидацией Вост. Сиб. в.о. Принципиальным моментом было то, что при создании как Вост. Сиб. в.о. при Александре II, так и Приам. в.о. при Александре III неукоснительно соблюдался принцип обязательного учета мнения местных властей и тщательного обсуждения предстоящих военно-административных преобразований, отход от которого при Николае II имел самые пагубные последствия.

К моменту формирования в 1865 г. Вост. Сиб. в.о. внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке практически не вызывала опасений ни местных, ни центральных властей. Крымская война 1853–1856 гг. и Вторая опиумная (англо-франко-китайская) война 1856–1860 гг. к этому времени уже завершились. Основной проблемой было находившееся на территории Южно-Уссурийского края и практически неподконтрольное ни русским, ни китайским властям китайское население, отказывавшееся признать российский суверенитет над этой территорией и соблюдать новые законы, а также банды хунхузов, периодически проникавшие в край из сопредельной Маньчжурии, что в комплексе привело к Манзовской войне 1868 г. Во 2-й пол. 70-х XIX в. влияние «Восточного вопроса» на политику в регионе начало расти, а затем активизировалась политика Китая на его северо-восточных границах. В результате, в 1878 г. ситуация на Дальнем Востоке чуть не переросла в боевые действия с Британской империей, поскольку в случае ее вступления в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. удар по тихоокеанскому побережью России был неизбежен, а в 1879 г. – в войну с Китаем.

Тем не менее, до 1879 г. систематического военного планирования на случай возникновения конфликтов на Дальневосточном ТВД в России не велось ни в центральном аппарате Военного министерства, ни на уровне Вост. Сиб. в.о. В результате, каждый раз в угрожаемый период или, как в случае с Манзовской войной 1868 г., уже непосредственно во время конфликта, решения приходилось принимать сходу, в зависимости от развития ситуации. Даже подготовка к войне с Англией в 1876–1878 гг., сопровождавшаяся разработкой планов противодействия возможному удару флота противника по Владивостоку и высадке десанта в районе Владивостока или зал. Посьета, носила ярко выраженный импровизационный характер. Причем уже тогда проявилась проблема координации деятельности военного и морского ведомств при обеспечении безопасности региона.

Остановка русских войск в непосредственной близости от Константинополя, усилия дипломатов и подписание 19 февраля (3 марта) 1878 г. Сан-Стефанского мира, позволили предотвратить повторение сценария Крымской войны 1853–1856 гг. с вмешательством Британской империи в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и последующим ударом по тихоокеанскому побережью России. Только Кульджинский кризис 1879–1881 гг. и осознание наличия постоянной угрозы русским владениям на Дальнем Востоке со стороны Китая привели к зарождению систематического военного планирования для Дальневосточного ТВД.

Аналогичная ситуация была с развитием русских войск и военной инфраструктуры в регионе. Как только наступал внешнеполитический кризис, и появлялась реальная угроза дальневосточным владениям империи, внимание к ним росло, местное командование направляло в столицу программы усиления войск. Там их длительное время рассматривали и обсуждали, а поскольку кризисная ситуация успевала разрешиться, то реализовывали в итоге не программу целиком, а лишь отдельные меры – либо те, которые казались неотложными, либо те, на которые хватало денег. Уровень информированности центральных и, отчасти, местных властей о регионе в целом, соседних странах и потенциальных угрозах оставался достаточно низким, что при осознании отсутствия угрозы с Дальнего Востока сердцу империи приводило к финансированию Вост. Сиб. в.о. по остаточному принципу. В результате, именно в это время сложился догоняющий характер процесса развития обороноспособности российского Дальнего Востока по сравнению с потенциальными угрозами, впоследствии сохранявшийся до начала Первой мировой войны.

Войска при этом использовали в первую очередь как движущую силу хозяйственного освоения региона, а не инструмент его защиты при необходимости. Это делало невозможным полноценное и систематическое обучение войск, полное прохождение всего годового цикла обучения. В результате, уровень выучки и боевой подготовки русских войск на Дальнем Востоке в то время стабильно уступал аналогичным показателям войск Европейской России.

Кульджинский кризис 1879–1881 гг. и непосредственная угроза войны с Китаем стали толчком к разработке новых программ усиления русских войск и началу систематических работ по военному планированию для Дальневосточного ТВД. Однако, если увеличение численности войск удалось провести быстро, то по плану возможной военной кампании мнения местных и центральных властей разошлись, а после заключения Петербургского договора 12 февраля 1881 г. внимание к проблеме ослабло. В результате, к началу в 1882 г. Савеловского кризиса Российская империя опять подошла без четкого и утвержденного плана ведения войны на Дальневосточном ТВД с Китаем или какой-либо иной страной.

Период 1882–1895 гг. характеризовался резким повышением внимания центральных властей к Дальнему Востоку в связи с последовательным возникновением внешних угроз со

стороны Китая (Савеловский кризис 1882–1886 гг.), Британской империи (Афганский кризис 1885–1887 гг.) и Японии (Японо-китайская война 1894–1895 гг.). Первые два кризиса стали катализатором многих процессов в регионе. Осознание невозможности нормально осуществлять военное управление Дальним Востоком из Иркутска не только во время войны, но и в условиях ее подготовки, а также разрешения кризисных ситуаций на границе, привели к окончанию многолетних дискуссий об оптимальной модели административно-территориального устройства региона и созданию Приам. в.о. и Приамурского генерал-губернаторства. При этом положение о военно-окружном управлении снова пришлось серьезно дорабатывать с учетом специфики региона. Поскольку реформу проводили экстренно в условиях военной угрозы, в ходе нее были допущены те же ошибки, что и при создании в 1865 г. Вост. Сиб. в.о., а именно, наложение части новых структур военного управления на уже существовавшие. Кроме того, все штаты органов управления были, по финансовым соображениям, предельно сокращены. И если первую проблему до начала Японо-китайской войны 1894–1895 гг. удалось решить, то со второй из-за нехватки денег не справились и до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Существенное влияние оказали бюджетные проблемы и на динамику роста численности русских войск в регионе. Подготовленная в 1885 г. по инициативе первого Командующего войсками Приам. в.о. А.Н. Корфа программа «неотложных» мер по усилению войск округа, после 2 лет дискуссий, была заметно сокращенна, растянута на 6 лет и полностью реализована лишь накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Несоразмерная потенциальным угрозам даже в первоначальном варианте, к 1894 г. она совершенно не отвечала требованиям времени и не обеспечивала даже в минимально необходимой степени безопасность российского Дальнего Востока. Когда Япония, имея армию военного времени в 4.721 офицеров и 166.671 нижних чинов, готова была выставить в поле 7 дивизий с артиллерией (80 батальонов, 20 эскадронов и 40 батарей), в Приам. в.о. имелось всего 817 офицеров и 32.885 нижних чинов, что позволяло в пределе противопоставить противнику в поле 10 стрелковых и 10 линейных батальонов регулярной пехоты, одну артиллерийскую бригаду 6-батарейного состава, драгунский полк и несколько казачьих частей.

Отрицательно на обороноспособность региона влияло и продолжение использования войск для хозяйственного освоения. Процесс постепенного освобождения их от выполнения непрофильных задач, из-за отсутствия у государства альтернативных трудовых ресурсов, шел медленно. Войска по-прежнему привлекались к масштабной хозяйственной деятельности, включая казарменное строительство, в ущерб летнему периоду обучения. С 1891 г. войска начали привлекать еще и на работы по строительству Уссурийской железной дороги.

События 1882–1887 гг. оказали большое влияние и на военное планирование для

Дальневосточного ТВД. Хотя оба кризиса были успешно разрешены мирным путем, в сознании представителей военного, морского и дипломатического ведомств Британская империя и Китай надолго закрепились в качестве основной и наиболее вероятной угрозы российскому Дальнему Востоку. Это предопределило недостаточное внимание к военным реформам, внешней и внутренней политике Японии, а значит – и непонимание целей, задач и возможностей реализации этой политики, как на текущий момент, так и в перспективе, в т.ч. отдаленной. В результате, основная деятельность по военному планированию в Окружном штабе Приам. в.о. была сосредоточена на подготовке планов войны с Китаем и выработке операционных направлений. Последнее требовало хорошего знания территории сопредельного государства. А поскольку численность войск округа недотягивала до утвержденной в столице в качестве минимально необходимой для войны с Китаем цифры в 50 тыс. чел. почти вдвое, с 1887 г. вся деятельность штаба Приам. в.о. сосредоточилась в большей степени на исследовании территории потенциального противника (Китая) и своей собственной, чем на военном планировании. Военно-исследовательскую задачу, в связи с критическим недостатком финансирования, до весны 1895 г. в полной мере не решили, детальный план войны с Китаем – не разработали, но собранный обширный фактический материал позволил весной 1895 г. в считанные дни сымпровизировать в штабе Приам. в.о. план войны с Японией на территории Маньчжурии, положив в его основу значительную часть наработок 1882–1894 гг.

Неготовность России к переходу Японии к активной внешней политике в 1894 г., ошибки в оценке целей, задач и военного потенциала Японии и Китая на всех этапах Японо-китайской войны 1894–1895 гг., и последующее вмешательство Российской империи, наряду с Германией и Францией, в ход Симоносекских мирных переговоров, сопровождаемое военной и военно-морской демонстрацией, мобилизацией войск Приам. в.о. и подготовкой к войне со Страной восходящего солнца, в случае ее отказа принять «дружеский совет» трех держав, поставили Россию на грань войны с Японией. Однако последняя не имела тогда ни сил, ни желания вступать в конфликт с коалицией европейских держав, суммарный военный потенциал которых на Тихом океане намного превосходил возможности островного государства. Японская армия в Маньчжурии заметно превосходила войска Приам. в.о. по численности и имела солидный боевой опыт, однако не имела обоза и страдала от развивавшейся эпидемии холеры, подавить которую при слабом медицинском обеспечении не удавалось. Поэтому спрогнозировать результат конфликта с Россией было затруднительно и японское правительство пошло на отказ от части требований, согласившись вернуть Китаю Ляодунский полуостров с Порт-Артуром, где японцы планировали построить военно-морскую базу. Необходимость отказаться под давлением России от «законных плодов победы»,

последующая аренда в 1898 г. Россией Квантунского полуострова с Порт-Артуром и начало строительства там уже русской военно-морской базы, т.е., по сути, реализация японских планов страной-конкурентом, означали для Японии двойную потерю лица на международной арене и сделали войну с Россией лишь вопросом времени. О том, что в Японии начали готовиться к войне с северным соседом, и японское правительство запросило в парламенте резкое увеличение военных и военно-морских расходов уже в конце 1895 г., в Петербурге узнали 3 января 1896 г. Это оставляло российскому военному, морскому и внешнеполитическому ведомствам достаточно времени, чтобы скорректировать военную политику империи в регионе и приготовиться к большой войне на Востоке.

В период 1896–1900 гг. было уже очевидно – Японо-китайская война 1894–1895 гг. стала поворотным пунктом как в истории Дальнего Востока, так и в истории русских войск в регионе. Появление сильного противника с выраженными экспансионистскими устремлениями, осознание новой внешнеполитической и военно-стратегической ситуации начали оказывать влияние на оборонную политику Российской империи практически сразу, положив начало первому этапу подготовки к войне с Японией. Управленческие итоги мобилизации 1895 г. свелись к осознанию нескольких проблем, так или иначе связанных с системой военного управления, которые нужно было решить до начала серьезного конфликта в регионе.

Во-первых, проблема предельно сокращенных штатов практически всех органов системы военного управления, находящихся на территории Приам. в.о. Из-за хронической нехватки финансовых средств численность служащих и самих органов всегда рассчитывалась исходя из минимально возможного, а не достаточного или необходимого на перспективу. В условиях, когда нужно было приступить к серьезной и систематической работе по подготовке к войне с сильным и хорошо обученным противником, оставлять военную администрацию в подобном состоянии было невозможно. При существовавшей штатной численности, личный состав всех окружных управлений и штаба был сильно перегружен, и управления с большим трудом справлялись даже с решением текущих задач. При этом мобилизационного и казачьего отделов в Окружном штабе не было вообще, а система воинского учета запасных оставалась крайне слабой и не соответствовала стоящим перед ней задачам. Меры по усилению штатов, доформированию всех необходимых органов военного управления и развитию системы воинского учета были приняты. Однако процесс снова затянулся по финансовым соображениям, и так и не был полностью завершен до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Во-вторых, систему управления приходилось корректировать под новые реалии, учитывающие необходимость обеспечения безопасности одновременно на всем протяжении

границ империи в Азии, а также возрастающую группировку войск. В этой связи возобновился поиск оптимальной модели военно-административного разделения Сибири и российского Дальнего Востока. С 1897 по 1899 г. было разработано и проведено преобразование военно-окружной системы в Сибири – объединение Омск. в.о. и Иркут. в.о. в единый Сиб. в.о. В результате, в Азиатской части империи получилось два боевых округа: Приамурский – против Китая и Японии, Туркестанский – обращенный широким фронтом к Персии, Афганистану и Британской Индии, а также «резервный» Сибирский, откуда предполагалось по необходимости перебрасывать подкрепления в оба округа. Однако последний оказался слишком громоздким, что выяснилось уже во время мобилизации 1900 г., и после войны с Японией его пришлось снова разделить. Аналогичными причинами были вызваны организационные преобразования в управлении АКВ и УКВ.

В-третьих, на систему военного управления начали оказывать пагубное влияние результаты непродуманного и неподготовленного перехода империи к активной внешней политике на Дальнем Востоке. В 1899 г. на арендованной у Китая за год до этого территории пришлось создать Квантунскую область, однако включение ее в устоявшуюся с 1884 г. систему военного управления регионом оказалось невозможным. Дискуссии по данной проблеме выявили серьезные разногласия не только между морским и военным ведомством, но и между центральным аппаратом Военного министерства и командованием Приам. в.о. В результате область сначала подчинили Командующему войсками Приам. в.о. в Хабаровске, а в 1899 г. – по временной схеме напрямую военному министру, ликвидировав тем самым единство военного руководства всем Дальневосточным ТВД, изначально заложенное в концепцию создания Приам. в.о. Это привело к частичной разбалансировке в регионе системы военного управления. Результаты сказались отрицательным образом уже во время мобилизации 1900 г. и Китайского похода 1900–1901 гг.

Японская угроза заставила вернуться и к вопросу об усилении русских войск, в необходимости которого командование Приам. в.о., русский посол в Японии и лучшие знатоки Дальнего Востока не сомневались. Однако экстренно ликвидировать отставание оборонительного потенциала России в регионе от наступательно потенциала Японии оказалось невозможным как по финансовым соображениям, так и в связи с воззрениями военного министра А.Н. Куропаткина, не верившего в силу японской армии и считавшего обеспечение безопасности российского Дальнего Востока задачей глубоко вторичной по сравнению с обороной Европейского (противники: Германия и Австро-Венгрия), Кавказского (Турция) и Туркестанского (Британская империя) ТВД.

Поэтому все поступающие с мест ходатайства продолжали радикально сокращаться в министерстве при составлении программ усиления русских войск в регионе, а их реализация

растягивалась на длительный срок. После продолжительного обсуждения расчетное время реализации комплекса мер по усилению военного положения в военных округах Сибири и Дальнего Востока (программа Главного штаба 1895 г.) было растянуто на 4 года – 1896–1900 гг. Программа не учитывала не только динамику развития японской армии, но и изменения в русской политике – начало строительства в 1896 г. КВЖД и занятие Квантуна с Порт-Артуром, которые тоже необходимо было оборонять. Однако, это был вообще единственный, после программы А.Н. Корфа, комплексный план, который не только начали реализовывать, но даже приводили в жизнь целых два года, в 1896 и 1897. Все последующие планы, которые успели принять до Русско-японской войны 1904–1905 гг., начинали пересматривать, дополнять и перерабатывать в течение максимум полугода после Высочайшего утверждения.

Следующий комплекс мер был сведен в проект плана усиления войск Приам. в.о. на 1899–1903 гг., подготовленный к маю 1900 г. проект всеподданнейшего доклада об усилении военного положения России на Дальнем Востоке – в 5-летний план, рассчитанный на 1902–1906 гг., а возведение крепости Порт-Артур по утвержденному в 1900 г. проекту должно было завершиться к 1909 г. Однако планомерность реализации этих мер была прервана событиями 1900 г., когда все 3 плана смешались в один, запланированное на 1901–1902 гг. пришлось приводить в исполнение уже во время мобилизации, военной кампании и даже после завершения последней. Процесс продолжался и во время демобилизации войск Приам. в.о., когда, с одной стороны, отпускались на льготу казачьи части, регулярные – избавлялись от излишних по штатам людей и лошадей, а с другой – продолжалось усиление и переформирование войск округа.

Сложности возникали и с военным планированием. Предполагаемый ТВД (Корея, Маньчжурия) был изучен достаточно слабо, знаний о политических процессах в Корее, Китае и Японии было недостаточно, работа по сбору сведений об армиях этих государств отставала от насущной необходимости. В этой связи все документы этого времени, связанные с военным планированием, содержали большое количество допущений и откровенных ошибок в тех случаях, когда речь шла о силах, возможностях, планах, да и самих потенциальных противниках. Ситуацию усугубляли постоянные изменения во внешней политике России, структуре и численности войск, т.е. в исходных посылках военного планирования.

После 1895 г. основным и наиболее вероятным противником была признана Япония (одна или в союзе с Британской империей), к войне с которой и начали готовиться, полностью прекратив планирование военных операций против Китая, который в качестве самостоятельного военного противника России ни в одном из документов периода 1895–1900 гг. вообще не фигурировал. В результате, Китайский поход 1900–1901 гг. пришлось начинать при полном отсутствии плана войны с Китаем, используя для этого элементы плана

противодействия японской армии в Маньчжурии, разработанного весной 1895 г. При этом итогового плана войны с Японией разработать тоже не успели. Все плановые и мобилизационные документы того времени носили ярко выраженный оборонительный характер. Основные дискуссии между А.Н. Куропаткиным, Главным штабом и командованием Приам. в.о. шли по вопросам о направлении возможного удара противника и районе сосредоточения русских войск для отражения этого удара. Только после 1901 г., когда был накоплен определенный объем сведений, военное планирование стали вести более сбалансировано, ориентируясь на все потенциальные угрозы. Несравненно лучше была поставлена работа по проведению в округе «поверочных мобилизаций» (4 за 1896–1899 гг.) и подготовке мобилизационных росписаний, в результате чего мобилизационное росписание № 5 для войск Приам. в.о. было введено в действие 15 апреля 1900 г., т.е. буквально за 2 месяца до начала мобилизации. Это позволило войскам успешно отмобилизоваться и, несмотря на весь импровизационный характер Китайского похода 1900–1901 гг., провести операцию эффективно и в сравнительно короткие сроки.

Во время этой операции в полной мере проявился положительный эффект от активизации обучения и боевой подготовки войск Приам. в.о. после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Показали свою практическую значимость освобождение войск от решения хозяйственных задач и многие нововведения, внедренные за предшествующее пятилетие в обучение офицеров и нижних чинов: полевые поездки офицеров под руководством офицеров Генерального Штаба, активное привлечение офицеров к проведению рекогносцировок в Корее и Китае, бóльшее внимание к стрелковой подготовке, введение с осени 1899 г. в войсках зимних занятий на свежем воздухе, организация обучения арт. частей в специальных арт. сборах (с 1896 г.), а главное – внедрение 3-го этапа летних сборов, «подвижных сборов» или маневров (с 1897 г.), крупнейшие из которых состоялись летом 1899 г. В результате был получен опыт управления в поле большими массами войск, отработано взаимодействие различных родов оружия в условиях, максимально приближенных к боевым. Сыграл свою положительную роль и имевшийся у войск опыт борьбы во время летних лагерных сборов с эпидемическими и эпизоотическими заболеваниями, практические навыки охотничьих команд по ведению боевых действий против хунхузов в труднодоступной местности, и привлечение войск для охраны изыскательских партий в Маньчжурии на линии будущей КВЖД (около 500 чел.).

Для подавления Боксерского восстания пришлось провести мобилизацию войск сразу двух (из трех) военных округов, имевших границу с Китаем – Приамурского и Сибирского, входящей в состав Туркестанского в.о. Семиреченской области, а также Квантунской области. И это несмотря на то, что большая часть китайской армии была уничтожена японцами во

время предшествующей войны. Основной проблемой для Приам. в.о. в ходе мобилизации, как и в 1895 г., стал недостаток запасных и большое количество лиц, которых необходимо было освободить от призыва из-за невозможности замещения их на гражданских должностях, транспортные перевозки, а также проблема взаимодействия с командованием Квантунской области. Сама же операция была проведена сравнительно быстро (85 суток, с 1 июля по 26 сентября) и успешно, но успех этот объяснялся слабостью противника. Командование Приам. в.о. отчетливо понимало, что при имевшей место численности войск в 1.654 офицера и 51.868 нижних чинов (к 1 января 1899 г.) против расчетной численности японской армии военного времени к апрелю 1901 г. в 6.392 офицера, 191.017 нижних чинов, 169 тыс. чел. запасных частей и территориальной армии, а также подавляющем превосходстве в артиллерии, противостоять такому противнику на Дальнем Востоке Россия не сможет как минимум до завершения строительства КВЖД. Однако военный министр, наоборот, склонялся к выводу, что так же успешно можно будет воевать с любым азиатским противником. Наиболее значимым результатом похода стало получение войсками бесценного опыта ведения боевых действий в Китае, т.е. на театре будущей войны с Японией.

В период 1901–1904 гг. оставление значительной части русских войск в Маньчжурии, работа по созданию военно-морской базы в Порт-Артуре, торгового порта в Дальнем и активность в Корее резко повысили вероятность военного столкновения с Японией. Это в полной мере понимало командование Приам. в.о. и руководство Квантунской области, в очередной раз подняв вопрос о необходимости повышения обороноспособности российского Дальнего Востока. В связи с этим 1901–1904 гг. целесообразно рассматривать как второй этап подготовки к войне с Японией.

Сложности с координацией действий Хабаровска и Порт-Артура во время Китайского похода 1900–1901 гг., осознание необходимости единства действий при дальнейшей разработке планов обороны дальневосточных территорий империи и их защиты в случае начала полномасштабной войны, привели к осознанию необходимости воссоздания единства военного управления на всем Дальневосточном ТВД. Наиболее простым решением казалось формирование единого центра управления непосредственно на Дальнем Востоке, с приданием ему широких полномочий, необходимых для военного управления регионом и организации его обороны на случай начала войны с Японией. Однако, вместо тщательно продуманной и согласованной со всеми ведомствами реформы, в 1903 г., в экстренном порядке по указу Николая II, появилось Дальневосточное Наместничество, которое, вопреки ожиданиям, не улучшило, а ухудшило ситуацию. В военном отношении, при его создании была повторена одна из ключевых ошибок предыдущих лет – все органы военного управления создавались по временным, а значит максимально сокращенным штатам, т.е. заведомо не могли в полной

мере решать поставленные перед ними задачи. Более того, придание Наместнику еще и функций по управлению флотом на Тихом океане, – попытка наладить в регионе нормальное взаимодействие армии и флота – привело к перегрузке самого Наместника и имеющихся в его распоряжении органов управления, в т.ч. военного. Задачи по координации действий армии и флота так и не были решены, в то время как существенная разбалансировка системы управления регионом привела к частичной потере управляемости, и снижению обороноспособности российского Дальнего Востока как раз накануне начала войны с Японией, что признавали как сам Наместник Е.И. Алексеев, так и начальник его временного военного штаба В.Е. Флуг. Параллельно продолжалась разработка вопроса о создании сначала Маньчжурского в.о., а затем – Квантунского в.о., однако до начала войны эти работы не вышли за рамки подготовки проектов.

В этих условиях, при решении вопроса об усилении в регионе группировки русских войск, было допущено несколько крупных стратегических просчетов и тактических ошибок. При этом нужно учитывать, что в 1901–1904 гг. процесс повышения обороноспособности российского Дальнего Востока проходил в чрезвычайно сложных внешне- и внутриполитических условиях. Из-за войны в Китае все три плана усиления войск слились при исполнении в единое целое, поскольку в 1900 г. начали реализовывать даже то, что по последнему плану было отнесено на 1902 г. До начала мобилизации успели провести только часть мероприятий, запланированных на 1900 г. Остальные, в т.ч. планировавшиеся на 1901–1902 гг., реализовывали уже в экстренном порядке после начала мобилизации.

Начавшаяся еще в середине 90-х гг. XIX в. дискуссия между командованием Приам. в.о. и Военным министерством в это время не только усилилась, но и приобрела новых участников. Теперь спорили еще и командование Квантунской области, впоследствии Дальневосточное Наместничество, с Военным министерством и командованием Приам. в.о., а также все три упомянутые структуры с группой А.М. Безобразова. В то же время постоянная неопределенность внешнеполитической линии империи в регионе не давала возможности военным прийти к какому-либо решению и неуклонно проводить его в жизнь, как это делалось в Японии. В результате, большую часть не предусмотренных уже утвержденными планами мер приходилось проводить исходя из текущей внешне- и внутриполитической конъюнктуры, как это было, например, с решениями Порт-Артурских совещаний. К лету 1903 г. понимание сложности ситуации было практически у всех, кто имел отношение к определению политической линии, но понимания степени реальности войны с Японией в ближайшем будущем – до середины декабря 1903 г. – практически ни у кого.

Нарастание в Хабаровске и Порт-Артуре опасений за безопасность как прежних, так и новоприобретенных территорий вело к тому, что усиления войск и крепостей от А.Н.

Куропаткина требовал не только Командующий войсками Приам. в.о., но и Командующий войсками Квантунской области, а затем Наместник вице-адмирал Е.И. Алексеев, а с начала лета 1903 г. – еще и А.М. Безобразов. При этом бюджетные ограничения никуда не делись даже с отставкой в 1903 г. С.Ю. Витте. В этих условиях позиция А.Н. Куропаткина, который до декабря 1903 г. категорически отказывался верить данным о непосредственной подготовке Японии к войне с Россией, поступающим в министерство как напрямую от военных агентов в Японии и Китае, так и через посредство штабов в Хабаровске и Порт-Артуре, где эти данные тщательно анализировались и обобщались, повлекла за собой катастрофические последствия. При этом в центральном аппарате министерства в 1902 г. не было ни одного человека, знавшего японский язык, в связи с чем японо-язычные материалы всегда отсылались в штаб Приам. в.о. До 11 декабря 1903 г. военный министр просто блокировал практически все поступавшие с мест ходатайства о повышении обороноспособности региона, ссылаясь на необходимость оставаться сильными на западных границах.

Единственно возможного к сентябрю 1903 г. решения о временном отказе от усиления Европейского ТВД в пользу полноценной, качественной, а главное – своевременной подготовки к назревавшей войне с Японией, с категорическим указанием МИДу о дипломатическом обеспечении реализации этого решения, Николаем II принято так и не было. В результате, непосредственная подготовка к войне всерьез началась лишь с декабря 1903 г. и продолжалась вплоть до ее начала, тогда как в Японии аналогичная работа была уже практически завершена. Время было безнадежно упущено. Попытка А.Н. Куропаткина провести в несколько месяцев бóльшее усиление войск Дальнего Востока, чем за предыдущие несколько лет, стала огромным стратегическим просчетом и почти полностью провалилась. Более того, военный министр в очередной раз настоял на максимальном сохранении боеспособности военных частей и соединений Европейской России. Поэтому на Дальний Восток вместо целых спаянных корпусов, дивизий, бригад, полков или хотя бы батальонов, в лучшем случае посылались целые, спаянные роты (батальоны – крайне редко), но и те в большинстве своем в сокращенном составе. Все это фактически сводило на нет боевую ценность большинства частей и соединений 1902–1903 гг. годов формирования. При невозможности в условиях постоянных переформирований и дислокации в неприспособленных помещениях заниматься систематическим обучением и боевой подготовкой частей, подобные меры увеличивали количество единиц структурных, но не боевых. При слабости транспортной инфраструктуры своевременно перевести на Дальний Восток все разрешенные подкрепления с необходимым имуществом и запасами было в принципе невозможно. «Пожарные» меры путали и без того незаконченные и содержавшие серьезные просчеты мобилизационные планы, организацию снабжения, внося хаос в

транспортные перевозки по Сибирской железной дороге, КВЖД и ЮМЖД.

Серьезнейшую ошибку совершил и Наместник Е.И. Алексеев со своим штабом, распорядившись 8 октября 1903 г., вопреки позиции командования Приам. в.о., уволить в запас нижних чинов срока службы 1899 г. В результате, за 3 месяца до начала войны, в условиях недостатка личного состава для развертывания по штатам военного времени уже имевшихся частей и необходимости формировать новые, домой были отправлены наиболее подготовленные солдаты и унтер-офицеры на Дальнем Востоке – те, что прошли Китайских поход 1900–1901 гг. и операции по борьбе с хунхузами в Маньчжурии в 1902 г. О том, что во время всех предыдущих внешнеполитических осложнений в регионе (в 1879–1881, 1885 и 1895 гг.) задержание на службе подлежащих увольнению нижних чинов было первой и важнейшей из реализуемых мер по подготовке к возможному конфликту, в Порт-Артуре просто не знали. Таким образом, русским войскам на Дальнем Востоке предстояло вступить в войну с Японией, не только, как и тремя годами ранее в противоборство с Китаем, в стадии усиления, переформирования, доукомплектования и перевооружения, но и в составе, ослабленном увольнением в запас наиболее опытных нижних чинов.

Сложившаяся на Дальнем Востоке к концу Китайского похода 1900–1901 гг. совершенно неординарная ситуация с обучением и подготовкой войск тоже сохранялась вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Едва налаженная к 1899 г. система обучения войск Приам. в.о., прекратила свое существование в связи с оставлением значительной части войск в Маньчжурии, переброской некоторых из них на Квантун и резкой активизацией казарменного строительства в Южно-Уссурийском крае, которое снова велось руками нижних чинов. В частях и соединениях, оставшихся на территории Китая и переброшенных на Квантунский полуостров, из-за сложных условий квартирования (отсутствие или нехватка нормальных помещений, непривычный климат, плохие санитарные условия, недостаток всего необходимого для обучения и т.п.), постоянных переформирований, доукомплектований и непрерывного отвлечения как целых частей, так и отдельных подразделений на хозяйственные нужды, оборонительное строительство, а главным образом – борьбу с шайками хунхузов, годовой цикл обучения в подавляющем большинстве частей получился 1901–1903 гг. скомканным. Поэтому качество прохождения курса зимних занятий и обучения молодых солдат напрямую зависели от талантов и опыта командного и офицерского состава каждой конкретной части. В то же время эти войска за несколько лет получили бесценный опыт жизни, службы и, что принципиально важно, ведения боевых действий в условиях совершенно иной географической и цивилизационной реальности, с которой они ранее никогда не сталкивались. В этих же условиях прошли и маневры на Квантунском полуострове летом 1903 г. И хотя действия японцев оказались в итоге далеки от

их сценария, отработка действий большими массами войск, с привлечением всех трех родов оружия и флота, несомненно, пошла вооруженным силам на пользу.

Таким образом, пробелы в теоретическом обучении, отсутствие нормальных лагерных и подвижных, а также специальных арт. сборов, с лихвой компенсировались расположением войск в реальных лагерях в силу военной необходимости, перемещениями на большие расстояния (в т.ч. с использованием железнодорожного транспорта) и ведением боевых действий против шаек хунхузов, с применением не только холодного и стрелкового оружия, но даже артиллерии. Именно этот опыт оказался во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. наиболее ценным и поистине незаменимым.

Существенные ошибки были допущены в 1901–1904 гг. как при организации военного планирования, так и непосредственно при подготовке планов кампании против Японии. Из-за отсутствия после окончания Китайского похода 1900–1901 гг. на Дальнем Востоке единого центра военного управления, разработку планов начали вести сразу в двух центрах – штабе Приам. в.о. (Хабаровск) и штабе Квантунской области (Порт-Артур). Полученные результаты направлялись в Петербург, где корректировались лично А.Н. Куропаткиным, что существенно затрудняло работу. При этом практически нулевой была роль Главного штаба, который вообще-то и должен был осуществлять общую координацию всего процесса военного планирования в империи. С созданием в 1903 г. Дальневосточного Наместничества ситуация только осложнилась, т.к. *de jure* центром военного управления регионом стал Порт-Артур, но *de facto* во временном штабе Наместника не было ни кадров, ни необходимых военно-статистических материалов не только для организации военного планирования для Дальневосточного ТВД в целом, но даже для качественного анализа поступавших из сопредельных стран данных разведки. В результате, подготовленные в Окружном штабе Приам. в.о. документы посылались не в Главный штаб, а в Порт-Артур, где на их основе готовили общие планы, которые затем посылали обратно в Хабаровск, т.к. данных для расчета всех необходимых приложений во временном штабе Наместника просто не было. Сложившаяся крайне нездоровая ситуация продолжала существовать вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., став одной из причин серьезного замедления всех работ и, как результат, отсутствия итоговых планов кампании к моменту ее начала.

В развитии непосредственно военного планирования прослеживается несколько противоречивых тенденций. С одной стороны, оно стало более выверенным, чем в предшествующий период. Пришло осознание наличия двух потенциальных противников в регионе (Япония и Китай), а не одного, как считалось после 1895 г., а значит – необходимости подготовки нескольких планов или нескольких вариантов планов рассчитанных на войну: против Японии (одной или в союзе с Британской империей), Китая и обеих стран

одновременно. И действительно такие планы были подготовлены. В большей степени стали учитываться данные разведки, что дало возможность осознать важность Корейского полуострова как основного плацдарма японцев для начала войны с Россией. С другой стороны, опыт Японо-китайской войны 1894–1895 гг. игнорировался на всех уровнях, включая лично А.Н. Куропаткина, заинтересовавшегося обстоятельствами начала этой войны только 29 декабря 1903 г. Это не позволило правильно интерпретировать поступавшие данные о месте вероятной высадки неприятеля.

Крупнейшими ошибками военного планирования стали: допущенный Е.И. Алексеевым отход, под давлением моряков, от базового тезиса штаба Приам. в.о. о том, что при планировании предстоящей кампании нужно полностью пренебречь возможностями русского ВМФ, переоценка возможностей флота, полное отсутствие проработки взаимодействия армии и флота на уровне военного и военно-морского планирования, отсутствие важнейших документов по организации обороны крепости Порт-Артур («плана приведения крепости в готовность к обороне» и «плана обороны крепости»), игнорирование стратегической роли г. Дальний, недооценка значения о. Сахалин, ошибки в определении численности армии противника, повлекшие за собой ошибочный вывод, что противник будет вести операции только на одном направлении, поставив на другом лишь сильный заслон.

Русское военное планирование для Дальневосточного ТВД сильно запаздывало по сравнению с подготовкой планов ведения войны в Японии. В результате, накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. не имелось ни итогового плана сосредоточения войск и ведения войны, ни готового мобилизационного росписания, завершить работы над которыми вовремя не представилось возможным как в силу наличия нескольких центров военного планирования и принятия решений (Хабаровск и Порт-Артур), так и в силу постоянных изменений в составе, дислокации и системе подчинения русских войск в регионе. Последние, наряду с импровизациями Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина, помешали на начальном этапе войны использовать в полной мере даже то, что действительно было завершено – боевые росписания.

При таких исходных посылках удачно начать, успешно провести и победоносно завершить войну с Японией становилось практически невозможно. Исправлять большинство допущенных в 1894–1904 гг. в обеспечении безопасности российского Дальнего Востока ошибок пришлось уже в 1906–1914 гг., накануне Первой мировой войны. Исследование именно этого периода является наиболее перспективным для дальнейшей разработки темы, поскольку позволит выявить, в какой степени был учтен опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг. при последующем преобразовании военного управления, совершенствовании обучения войск и организации военного планирования для Дальневосточного ТВД.

Список сокращений

АК – армейский корпус

АКВ – Амурское казачье войско

арт. – артиллерийский

ВМФ – военно-морской флот

ВМС – военно-морские силы

Вост. Сиб. в.о. – Восточный Сибирский военный округ

Вост.-Сиб. арт. бриг. – Восточно-Сибирская артиллерийская бригада

Вост.-Сиб. лин. бриг. – Восточно-Сибирская линейная бригада

Вост.-Сиб. стр. бриг. – Восточный Сибирский военный округ

Вост.-Сиб. стр. див. – Восточно-Сибирская стрелковая дивизия

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАУ – Главное артиллерийское управление Военного министерства

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

ГУГШ – Главное управление Генерального штаба

дер. – деревня

ж.д. – железнодорожный

Зап.-Сиб. в.о. – Западный Сибирский военный округ

ЗКВ – Забайкальское казачье войско

Иркут. в.о. – Иркутский военный округ

Казан. в.о. – Казанский военный округ

КВЖД – Китайская Восточная железная дорога

креп. – крепостной

лин. – линейный

МГШ – Морской Генеральный штаб

МИД – Министерство иностранных дел

МОЭИ – «Международные отношения в эпоху империализма»

НСБ – научно-справочная библиотека

ОИАК – ПКО РГО – Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества

Омск. в.о. – Омский военный округ

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПВВ – Приказ(ы) по военному ведомству

пех. див. – пехотная дивизия

Приам. в.о. – Приамурский военный округ

прод. – продовольственный

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РГБ – Российская государственная библиотека

РНБ – Российская национальная библиотека

сап. – саперный

СВП – Свод военных постановлений

СГО – Совет Государственной обороны

Сиб. АК – Сибирский армейский корпус

Сиб. в.о. – Сибирский военный округ

СКВ – Сибирское казачье войско

стр. – стрелковый

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ТВД – театр военных действий

УКВ – Уссурийское казачье войско

ур. – урочище

ЦГШ – Циркуляр(ы) Главного штаба

ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога

Список использованных источников и литературы

I. Источники:

неопубликованные:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва:

Фонд 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца.

Опись 1. Д. 20, 28, 37, 48, 59, 63, 67, 68, 68а, 73, 74, 75, 76, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 144, 145, 146, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 193, 194, 195, 298, 299, 300, 302, 303, 304, 403, 404 (ч. 3, 5), 489.

Ф. 555. Гучков Александр Иванович, член Государственного Совета, председатель III Государственной Думы (1910–1911 гг.), председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.); основатель газеты «Голос Москвы», министр Временного правительства, уполномоченный общества «Красный крест», лидер партии «Союз 17 Октября».

Оп. 1. Д. 83, 84, 86, 87, 132, 159, 160, 161, 162, 163, 211, 212, 213, 217, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 244, 245, 246, 249, 250, 432, 433, 460, 461, 462, 575, 576, 1123.

Ф. 559. Извольский Александр Петрович, дипломат, министр иностранных дел (1906–1910 гг.), посол в Париже (1910 г.), помещик Тульской губернии.

Оп. 1. Д. 1, 3, 7, 9, 15, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 36, 39, 52, 66.

Ф. 568. Ламсдорф Владимир Николаевич, граф, министр иностранных дел.

Оп. 1. Д. 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 89, 90, 91, 92, 93, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 166, 167, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212.

Ф. 601. Николай II.

Оп. 1. Д. 285, 286, 434, 435, 441, 445, 446, 449, 450, 457, 468, 470, 474, 514, 531, 532, 533, 535, 536, 537, 736, 737, 738, 757, 2421, 2422, 2426.

Ф. 677. Александр III.

Оп. 1. Д. 397, 402, 495, 497.

Ф. 678. Александр II.

Оп. 1. Д. 461, 618, 623, 627, 658.

Ф. 730. Игнатьев Николай Павлович граф, директор Азиатского департамента МИД,

посол в Турции, министр государственных имуществ, министр внутренний дел, член Государственного Совета, председатель Славянского благотворительного общества.

Оп. 1. Д. 315, 350, 351, 373, 374, 375, 380, 381, 382, 383, 386, 390, 396, 398, 402, 404, 1665.

Ф. 818. Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, Генеральный консул в Сеуле, Начальник дипломатической канцелярии Наместника на Дальнем Востоке.

Оп. 1. Д. 7, 9, 12, 14, 16, 17, 19, 20, 35, 39, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 153, 154, 156, 157, 159, 161, 162, 163, 164, 168, 169, 170, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 180, 182, 184, 186, 187, 189, 211, 212, 213, 214, 215, 216.

Ф. 918. Дмитриевский Павел Андреевич, консул в Китае и Корее.

Оп. 1. Д. 2, 3.

Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.

Оп. 3. Д. 249.

Ф. Р-6683. Флуг Василий Егорович, генерал, начальник штаба 2-й Маньчжурской армии (1904 г.), военный губернатор Приморской области и Наказной Атаман Уссурийского казачьего войска (1905–1910 гг.), помощник Туркестанского генерал-губернатора и Командующего войсками Туркестанского военного округа (1910–1914 гг.), Командующий 10-й армией (1914 г.), 2-м Армейским корпусом (1915–1917 гг.).

Оп. 1. Д. 1в, 2, 3, 4, 5.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), г. Хабаровск:

Ф. И-39. Хабаровский окружной арсенал Приамурского военного округа (1900–1922 гг.).

Оп. 1. Д. 4, 5, 6.

Оп. 2. Д. 1.

Ф. И-199. Амурский Казачий Генерала Графа Муравьева-Амурского полк (1909–1918 гг.).

Оп. 1. Д. 1.

Ф. И-206. Никольск-Уссурийский уездный воинский начальник.

Оп. 1. Д. 1.

Ф. И-286. Органы управления Амурского, Забайкальского и Уссурийского казачьих

войск (1851–1922 гг.).

Оп. 1. Д. 13, 17, 19.

Ф. Р-768. Документы по истории армии на Дальнем Востоке.

Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 5а, 6, 7, 8, 9.

Приказы и приказания по войскам Приамурского военного округа за 1885 г. // НСБ. Ед. хр. 1346.

Приказы и приказания по войскам Приамурского военного округа за 1887 г. // НСБ. Ед. хр. 1344.

Приказы и приказания по войскам Приамурского военного округа за 1888 г. // НСБ. Ед. хр. 1343.

Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1890 г. // НСБ. Ед. хр. 1342.

Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1892 г. // НСБ. Ед. хр. 1333.

Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1893 г. // НСБ. Ед. хр. 1334.

Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1894 г. // НСБ. Ед. хр. 1335.

Приказы и приказания по войскам Приамурского военного округа за 1895 г. // НСБ. Ед. хр. 1336.

Приказы и приказания войскам Приамурского военного округа за 1896 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1337.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1898 г. // НСБ. Ед. хр. 1326.

Приказания войскам Приамурского военного округа за 1898 г. // НСБ. Ед. хр. 1327.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1900 г. // НСБ. Ед. хр. 1319.

Приказания войскам Приамурского военного округа за 1900 г. // НСБ. Ед. хр. 1318.

Приказы Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (с 3 февр. 1906 г. – командующий войсками на Дальнем Востоке) за 1906 г. // НСБ. Ед. хр. 1610.

Приказания войскам Приамурского военного округа за 1904 г. // НСБ. Ед. хр. 1322.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1908 г. // НСБ. Ед. хр. 1299.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1910 г. // НСБ. Ед. хр. 1331.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1911 г. // НСБ. Ед. хр. 1557.

Приказания войскам Приамурского военного округа за 1911 г. // НСБ. Ед. хр. 1549.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1913 г. // НСБ. Ед. хр. 1533.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914 г. // НСБ. Ед. хр. 1530.

Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914 г. // НСБ. Ед. хр. 1531.

Приказы Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии // НСБ. Ед. хр. 3061.

Приказы Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке за 1904 г. // НСБ. Ед. хр. 1622.

Приказы Начальника и Командующего войсками Квантунского полуострова за 1898 г. // НСБ. Ед. хр. 1627.

Приказы по 1-му Уссурийскому железнодорожному батальону за 1900 г. // НСБ. Ед. хр. 1649.

Приказы начальника военно-окружных управлений и Временно Командующего войсками Гиринской и Хейлунцзянской провинций и Забайкальской области за 1904 г. // НСБ. Ед. хр. 1632.

Приказы начальника военно-окружных управлений и Временно Командующего войсками Гиринской и Хейлунцзянской провинций и Забайкальской области за 1904 г. // НСБ. Ед. хр. 1633. Кн. 1–7.

Приказы, приказания и объявления по Хабаровскому гарнизону; Приказы и Приказания Приамурским казачьим войскам за 1901 г. // НСБ. Ед. хр. 1617.

Приказы по Хабаровскому гарнизону за 1908 г. // НСБ. Ед. хр. 1639.

Приказания по Хабаровскому гарнизону за 1908 г. // НСБ. Ед. хр. 1616.

Приказы по Хабаровскому гарнизону за 1911 г. // НСБ. Ед. хр. 1640.

Приказания по Хабаровскому гарнизону за 1912 г. // НСБ. Ед. хр. 1644.

Приказы, приказания и объявления по Хабаровскому гарнизону; приказы и приказания по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам; объявления войскам Приамурского военного округа за 1912 г. // НСБ. Ед. хр. 1642.

Приказы войскам Маньчжурской армии (февраль 1904–май 1905 гг.) // НСБ. Ед. хр. 1634. 341 л.

Приказы войскам Маньчжурской армии (февраль 1904–май 1905 гг.) // НСБ. Ед. хр. 1635. 148 л.

Приказы Главного начальника тыла Маньчжурских армий // НСБ. Ед. хр. 1637. Листы не нумерованы.

Приказы Главного начальника тыла Маньчжурских армий за 1905 г. // НСБ. Ед. хр. 1694. Листы не нумерованы.

Приказы Главного Начальника и Командующего войсками Кванунской Области и Морскими силами Тихого океана (ноябрь 1900–август 1901 гг.) // НСБ. Ед. хр. 3053. Листы не нумерованы.

Приказы Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии за апрель–май 1905 г. // НСБ. Ед. хр. 3049. Листы не нумерованы.

Приказы по войскам Квантунской области (январь–сентябрь 1901 г.) // НСБ. Ед. хр. 1629. Листы не нумерованы.

Приказы и Приказания по Квантунскому полуострову и войскам на оном расположенным за 1899 г. // НСБ. Ед. хр. 1619. Листы не нумерованы.

Приказания по войскам Квантунской области за 1903 г. // НСБ. Ед. хр. 1621. Листы не нумерованы.

Приказы по войскам Квантунской области и приказы Главного начальника и Командующего войсками Квантунской области и Морскими силами Тихого океана за 1903 г. // НСБ. Ед. хр. 2310. 811 л.

Систематический указатель приказов, приказаний и объявлений войскам Приамурского военного Округа и по казачьим войскам его с 1884 по 1900 гг. включительно. Составил бывший Старший Адъютант Штаба Приамурского военного Округа Полковник Валуев. Издание неофициальное. Печатано с разрешения Начальника Окружного Штаба Приамурского воен. Округа, от 19 Февраля 1902 г. за № 826. – Николаевск-на-Амуре: Тип. Т-ва «Восточное Поморье», 1902. – 222+40 с. // НСБ. Ед. хр. 1350. Л. 1–145 об.

Российская государственная библиотека (РГБ), г.Москва. Отдел рукописей (ОР).

Ф. 68. Генеральный штаб.

Ед. хр. 123-1, 123-3, 123-4, 123-5, 123-6, 123-7, 280 (М. 6781).

Ф. 137. Корсаковы.

Картон 203. Ед. хр. 3, 15.

Картон 204. Ед. хр. 13.

Картон 205. Ед. хр. 10, 17.

Картон 206. Ед. хр. 29, 30.

Картон 208. Ед. хр. 7, 8, 10, 11, 12, 15, 31.

Картон 209. Ед. хр. 4, 9, 11, 13, 14, 19, 24, 25, 26, 27, 31, 39, 44, 45.

Картон 210. Ед. хр. 2, 3, 5, 9, 10, 11, 12, 13.

Ф. 169. Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912 гг.)

Картон 35. Ед. хр. 6.

Картон 37. Ед. хр. 4, 7, 9, 11.

Картон 44. Ед. хр. 29.

Картон 47. Ед. хр. 7, 54.

Картон 82. Ед. хр. 32.

Ф. 218. Собрание отдела рукописей.

Ед. хр. 122, 303-1, 1304-13.

Ф. 271. Симанские, архив (1745–1917 гг.).

Картон 11. Ед. хр. 1, 2, 3.

Картон 12. Ед. хр. 1, 2, 3.

Картон 13. Ед. хр. 1, 2.

Ф. 363. Венюков Михаил Иванович.

Картон 3. Ед. хр. 15.

Картон 6. Ед. хр. 32, 33.

Картон 7. Ед. хр. 10.

Ф. 855. Архив Алексеева Михаила Васильевича, Борели (материалы 1890-е – 2003 гг.).

Картон 2. Ед. хр. 31, 32, 33.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), г. Москва:

Ф. 1. Канцелярия Военного министерства.

Оп. 2. Д. 756, 757, 758, 759, 760, 761, 764, 765, 766, 848, 849, 851, 853, 854, 856, 857, 858, 859, 861, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 893, 895, 896, 1026.

Ф. 38. Департамент Генерального Штаба.

Оп. 4. Д. 1184, 1625.

Оп. 5. Д. 839, 928, 969.

Оп. 8. Д. 29, 35, 46, 49, 63, 91.

Ф. 88. Пантелеев Александр Ильич, генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

Оп. 1. Д. 5.

Ф. 99. Унтербергер Павел Федорович (1868–1917 гг.).

Оп. 1. Д. 83, 86.

Ф. 165. Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925 гг.)

Оп. 1. Д. 485, 503, 596, 673, 695, 698, 699, 702, 704, 720, 758, 759, 773, 842, 844, 856, 857, 867, 869, 870, 872, 874, 876, 877, 879, 881, 883, 884, 885, 889, 897, 900, 919, 920, 944, 956, 957, 958, 964, 966, 968, 969, 991, 1069, 1070, 1071, 1074, 1085, 1325, 1327, 1332, 1887, 1930, 1931, 1932, 1935, 1936, 1938, 1939, 1940, 1941, 1942, 1943, 2250, 2257, 2908, 4187, 4188, 4612, 4804, 5436, 5437.

Ф. 400. Главный Штаб Военного министерства.

Оп. 1. Д. 83, 84, 118, 119, 122, 123, 134, 158, 162, 178, 218, 226, 249, 257, 258, 264, 290, 299, 354, 387, 393, 413, 414, 425, 440, 454, 470, 496, 572, 581, 598, 623, 625, 626, 635, 653, 687, 757, 759, 769, 783, 844, 845, 853, 856, 891, 893, 967, 1048, 1049, 1050, 1051, 1052, 1053, 1112, 1338, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1908, 2045, 2118, 2119, 2153, 2154, 2155, 2157, 2399,

2400, 2401, 2411, 2412, 2576, 2617, 2618, 2781, 2801, 2945, 3281, 3283, 4715, 4948, 4949, 4972.

Оп. 2. Д. 88, 371, 613, 1066, 1619, 1655, 3387, 4069.

Оп. 3. Д. 2363.

Оп. 4. Д. 7, 60, 62, 64, 65, 66, 95, 107, 108, 110, 317, 319, 321, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 451, 481, 490, 500, 501, 502, 507, 528, 630, 632, 636, 644, 654.

Оп. 6. Д. 535, 540, 541, 575, 636.

Ф. 447. Коллекция Военно-ученого архива «Китай».

Оп. 1. Д. 2, 3, 69, 70.

Ф. 448. Коллекция Военно-ученого архива «Корея».

Оп. 1. Д. 27, 31.

Ф. 451. Коллекция Военно-ученого архива «Япония».

Оп. 1. Д. 6.

Ф. 486. Коллекция Военно-ученого архива «Военные действия в Китае в 1900–1901 гг.».

Оп. 1. Д. 53, 54, 117.

Ф. 487. Коллекция Военно-ученого архива «Русско-японская война 1904–1905 гг.».

Оп. 1. Д. 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 673, 1002, 1005, 2340, 2342, 2372, 2373, 2380, 2381, 2382.

Ф. 830. Совет Государственной обороны.

Оп. 1. Д. 18, 48, 49, 50, 72, 99, 100, 114, 138, 169, 170.

Ф. 846. Военно-ученый архив (коллекция).

Оп. 1. Д. 75, 83, 93, 94, 132, 134, 137, 138, 141.

Оп. 2. Д. 1, 2, 21, 26, 27, 28, 92, 94, 95, 96, 98, 111, 133, 134, 136.

Оп. 3. Д. 10, 11, 12, 14, 36, 37, 40, 43, 44, 45, 53, 58, 64, 65, 71, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 95, 96, 97, 101, 102, 103, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 122, 123, 124, 125, 126, 131, 135, 137.

Оп. 5. Д. 5, 10, 11, 34, 35, 10, 11, 34, 35.

Оп. 6. Д. 4, 5.

Оп. 8. Д. 3, 5, 6, 7, 8.

Оп. 16. Д. 26397, 26856, 26857, 26858, 26859, 27281, 27303, 27304, 27305, 27306, 27307, 27850, 27851, 27852, 27858, 27882, 27883, 27942, 27943, 27946, 27949, 27950, 27951, 29185.

Ф. 1096. Управление войсками Приморской области.

Оп. 1. Д. 5, 7.

Ф. 1110. Управление войск Амурской области.

Оп. 1. Д. 43.

Ф. 1447. Штаб Восточно-Сибирского военного округа.

Оп. 1. Д. 30, 38.

Оп. 2. Д. 31.

Ф. 1468. Штаб Иркутского военного округа.

Оп. 2. Д. 174.

Ф. 1472. Управление инспектора инженерной части Иркутского военного округа.

Оп. 1. Д. 14.

Ф. 1558. Штаб Приамурского военного округа.

Оп. 2. Д. 25, 34, 40, 46, 47.

Оп. 4. Д. 18.

Оп. 5. Д. 6, 10.

Оп. 6. Д. 1, 2, 3.

Ф. 1560. Окружное интендантское управление Приамурского военного округа.

Оп. 1. Д. 3.

Ф. 1561. Окружное артиллерийское управление Приамурского военного округа.

Оп. 1. Д. 6.

Ф. 1565. Окружное военно-ветеринарное управление Приамурского военного округа.

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 2000. Главное Управление Генерального Штаба.

Оп. 1. Д. 90, 103, 114, 118, 220, 252, 351, 353, 354, 355, 362, 363, 368, 401, 432, 433, 450, 451, 538, 1039, 1050, 1054, 1056, 1062, 1125, 1130, 1131, 1132, 1138, 1140, 1141, 1152, 1837, 1854, 1931, 2387, 2393, 2394, 2395, 2447, 3942, 3943, 3945, 3947, 3948, 3949, 3951, 3952, 3953, 3958, 3959, 3964, 3965, 3966, 3967, 3970, 3971, 3974, 3976, 3977, 3978, 3981, 3996, 3997, 3998, 3999, 4005, 4008, 4009, 4016, 4022, 4023, 4024, 4025, 4042, 4044, 4045, 4056, 4057, 4067, 4070, 4371, 6640, 6646, 7000, 7018, 7025, 7757, 7759, 7763, 7764, 7770.

Оп. 2. Д. 599, 600, 632, 988, 989, 990, 991, 992.

Оп. 3. Д. 215, 216, 324.

Ф. 9734. Специально-артиллерийский лагерный сбор на Барановском полигоне.

Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. 14982. Специальный инженерный лагерный сбор при штабе Муравьева Амурского.

Оп. 1. Д. 1.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), г. Владивосток:

Ф. 1. Приморское областное правление.

Оп. 1. Д. 885.

Оп. 5. Д. 1541.

Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора.

Оп. 1. Д. 1, 57, 58, 90, 147 (ч. 1–3), 168а, 185, 206, 274, 303, 349, 352, 383, 2037.

Оп. 3. Д. 33, 39.

Оп. 5. Д. 506, 578, 734.

Ф. 1615. Штаб Приамурского военного округа.

Оп. 1. Д. 1, 4.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, г. Москва:

Коллекция документов и материалов генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга.

Музей русской культуры г. Сан-Франциско (Калифорния, США):

Рукопись воспоминаний генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга «Из Сибирских воспоминаний: Постройка Владивостокской крепости».

Семейный архив Анны Владимировны Веселовской (г. Москва).

Документы и материалы о военном инженере Евгении Андреевиче Яковлеве (1884–1951 гг.)

Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).

Рукопись «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев». Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера).

опубликованные:

1. Алфавитные указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1895 гг. – СПб.: Военная типография, 1865–1895.

2. Алферьев, Н.П. Записная книжка 12-го Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка / Н.П. Алферьев. – Брянск: Тип. Л.И. Итина, б.г. – 33 с.

3. Алябьев, Г. Далекая Россия. Уссурийский край. С картою и рисунками / Г. Алябьев. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1872. – 116 с.

4. Амурские губернаторы 1856–1971. Сб. док. и матер. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2006. – 152 с.

5. Амурские казаки. Приамурье из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. В 2-х т. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2008.

6. Артиллерия. По 20 марта 1909 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры / Сост. В.В. Квадри; испр. и доп. под ред. В.К. Шенк. – СПб., 1909. – 474 с.

7. Афанасьев, [Л.В.]. Русские военные инструкторы в Корее в 1896–1898 гг. / [Л.В.] Афанасьев, Н. Грудзинский. – Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1898. – 42 с.

8. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885. Ч. I–II. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1886.

9. Бадмаев, П.А. Россия и Китай / П.А. Бадмаев. – СПб.: Паровая скоропечатня Г.П. Пожарова, 1900. – 89 с.

10. Барсуков, И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: в 2 кн. / И.П. Барсуков. – М.: Синодальная типография, 1891.

11. Блиох, И.С. Финансы России XIX столетия. В 4 т. / И.С. Блиох. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882.

12. Богаевский. Сан-Синское фудутунство / Богаевский. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 74 с.

13. Богуславский, Н.Д. Япония. Военно-географическое и статистическое обозрение / Н.Д. Богуславский. – СПб.: Военная типография, 1904. – 415 с.

14. Бодиско, А.М. Из жизни Хабаровска: Ист. справка о муницип. жизни города / А.М. Бодиско. – Хабаровск: Тип. т-ва «Общ. труд», 1913. – 285 с.

15. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сб. архив. док. / Сост. Т.Н. Загородникова. – М.: Новый хронограф, 2014. – 358 с.

16. Будберг, А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) / А.П. Будберг. //

Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (ОРВВВ). – 1930. – № 54–55. – С. 25–28; 1931. – № 56. – С. 14–20; № 57. – С. 14–17; № 58. – С. 12–17; № 59–60. – С. 28–33; № 61–62. – С. 17–23; № 63. – С. 25–29; № 64. – С. 13–18; № 65–66. – С. 23–31; № 67. – С. 24–29; 1932. – № 68–69. – С. 28–34; № 70. – С. 18–21; № 71–72. – С. 29–33; № 73. – С. 19–23; № 74. – С. 14–18; № 75. – С. 18–22; № 76. – С. 19–22; № 77. – С. 20–24; 1933. – № 80. – С. 16–22; № 81–82. – С. 30–36; № 83. – С. 21–25; № 85. – С. 14–20; № 86. – С. 18–27; № 87–88. – С. 21–31; № 89–90. – С. 24–31; № 91. – С. 19–24; 1934. – № 92. – С. 15–22; № 93–94. – С. 27–36; № 95–96. – С. 37–46; № 98–99. – С. 26–35; № 101–103. – С. 48–55; 1935. – № 104–105. – С. 26–34; № 109. – С. 17–24; № 110. – С. 23–28; № 111–112. – С. 31–38; № 113–115. – С. 51–55.

17. Будберг, А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1905) / А.П. Будберг. // Вестник ОРВВВ. – 1936. – № 116–117. – С. 35–41; № 118–119. – С. 28–36; № 121–122. – С. 40–42; № 125–127. – С. 42–50; 1937. – № 128–129. – С. 26–31; № 130–132. – С. 50–56; № 137–139. – С. 38б–48; 1938. № 140–142. – С. 27–42; № 143–144. – С. 25–36; № 147–149. – С. 36–51.

18. В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона / пред. А. Попова // Красный архив. – 1930. – Т. 4–5 (41–42). – С. 148–204.

19. Васильев, А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. В 3 т. / А.П. Васильев. – Чита: Тип. Войскового Хозяйственного Правления ЗКВ. 1918. – Т. 3. – 348 с.

20. Венюков, М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии / М.И. Венюков. – СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1873. – 79 с.

21. Венюков, М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии / М.И. Венюков. – Хабаровск: Кн. изд., 1970. – 235 с.

22. Верещагин, А. В Китай. Воспоминания и рассказы. 1901–1902 гг. / А. Верещагин. – СПб.: Издание В. Березовского, 1903. – 223 с.

23. Витте, С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. / С.Ю. Витте 2-е изд. – Минск: Харвест, 2017.

24. Витте, С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. / С.Ю. Витте. – М.: Наука, 2004. – Т. 1. – Кн. 2. – Ч. 1. – 647 с.

25. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. / С.Ю. Витте. – М.: Наука, 2003.– Т. 2. – Кн. 2. – 490 с.

26. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-Календаря г. Владивостока и проч. – СПб.: Типо-Литография Н.Н. Стефанова, 1891. – 38 с.

27. Владивосток. Сборник исторических документов. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1960. – 219 с.

28. Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Док. и матер. / Под общ. ред.

В.Ф. Некрасова. – М.: «Издательство “ЭКЗАМЕН”», 2002. – 576 с.

29. Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. I. / Сост. генерального штаба генерал-майор А.З. Мышлаевский. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1904. – 433 с.

30. Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. / Сост. генерал-майор Овсяный. – СПб.: Военная типография, 1910. – 300 с.

31. Военные события в Китае (1900–1901 гг.) Редактировано во 2-м бюро французского Генерального штаба. – СПб.: Т-во худож. печати, 1902. – 179 с.

32. Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. – 1882. – Т. 1 (93). – С. 5–35.

33. Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за 1858–1912 гг. – СПб.: Военная типография, 1861–1916.

34. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – 95 с.

35. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. – СПб.: Государственная типография, 1911. – 474 с.

36. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Интендантское ведомство. Том второй. Приамурское окружное интендантство. – СПб.: Государственная типография, 1911. – 328 с.

37. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб.: Государственная типография, 1896. – 187 с.

38. Галкин-Враской, М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского / М.Н. Галкин-Враской. // Русская старина. – 1901. – Т. 105. – № 1. – С. 147–196.

39. Галкин-Враской, М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. / М.Н. Галкин-Враской. – СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1901. – 50 с.

40. Гантимуров, М. Памятка стрелка 21 Восточно-Сибирского стрелкового Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка / М. Гантимуров. – Благовещенск, 1907. – 103 с.

41. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX–начала XX веков / Сост. В.И. Сахаров, Л.В. Манькова. – М.: Русское слово, 2002. – 470 с.

42. Глушков, В.В. Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии / В.В. Глушков, К.Е. Черевко. – М., ИДЭЛ, 2006. – 576 с.

43. Гримм, Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Э.Д. Гримм. – М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. – 219 с.

44. Грулев, М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне / М. Грулев. – СПб.: Изд. В. Березовского, 1908. – 367 с.

45. Грулев, М.В. Записки генерала-еврея / М.В. Грулев. – М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. – 272 с.

46. Дальний Восток в материалах законодательства 1862–1870 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. – 224 с.

47. Дальний Восток в материалах законодательства 1871–1880 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. – 404 с.

48. Дальний Восток в материалах законодательства 1881–1889 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2005. – 260 с.

49. Дальний Восток в материалах законодательства 1890–1895 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2006. – 320 с.

50. Дальний Восток в материалах законодательства 1896–1899 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. – 344 с.

51. Дальний Восток в материалах законодательства 1900–1902 гг. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. – 320 с.

52. Дальний Восток. Пути сообщения. В 2 т. – СПб.: Тип. ГУГШ, 1911. – 2 т.

53. Дальний Восток России: из истории системы управления. Док. и матер. К 115-летию Приамурского генерал-губернаторства. – Владивосток: РГИА ДВ, 1999. – 233 с.

54. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. – 1922. – Т. 2. – С. 9–117; 1924. – Т. 5. – С. 82–101; 1924. – Т. 7. – С. 55–69; 1925. – № 1 (Т. 8). – С. 70–100; 1935. – № 1 (Т. 68). – С. 65–96; 1935. – № 2 (Т. 69–70). – С. 101–126.

55. Дневник Д.А. Милютина. Т. 1–4. – М., 1947–1950.

56. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2013.

57. Доброловский, И.А. Хейлунцзянская провинция Маньчжурии. Краткий очерк географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения / И.А. Доброловский. – Харбин: Типо-Лит. Штаба Заамурск. Округа Погран. Стражи, 1906. – 195 с.

58. Дуров, [Н.Н.]. Цицикарское фудутунство / [Н.Н. Дуров]. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 93 с.

59. Духовская, В.Ф. Из моих воспоминаний / Духовская В.Ф. Ч. I–II. – СПб.: Печатня Р. Голике, 1900.

60. Епанчин, Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания / Н.А. Епанчин. – М.: издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ. «Полиграфресурсы», 1996. – 573 с.

61. Ермилов, Н. Японская армия и флот / Н. Ермилов. – СПб.: Тип. Ц. Крайз, 1904. – 47 с.

62. Забайкалье: свод материалов высочайше учрежденной Комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина / Сост. Н.И. Разумов. – СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1899. – 373 с.

63. Завалишин, Д.И. Воспоминания / Д.И. Завалишин. – М.: Захаров, 2003. – 608 с.

64. Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги. Док. и матер. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 156 с.

65. Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. док., воспоминаний статей и писем. – 2-е изд. доп. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-ние, 1989. – 270 с.

66. Звегинцов, А.И. Описание Желтого и Японского морей и Корейского пролива, как районов военных действий / А.И. Звегинцов. – СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904. – 24 с.

67. Звегинцов, А.И. Алфавитный указатель к карте Северной Кореи / А.И. Звегинцов, Н.А. Корф. – 3-е изд., доп. – СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1904. – 19 с., 1 л. карт.

68. Зигель. Гиринское фудутунство / Зигель. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 194 с.

69. Золотарев, А.М. Записки военной статистики России. Курс старшего класса Николаевской академии Генерального штаба. В 2 т. / А.М. Золотарев. – 2-е изд. – СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1894.

70. Иванов, И.Е. Военно-походные впечатления от Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Ляояна командира роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка / И.Е. Иванов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. – 348 с.

71. Иванов, М.М. Воспоминания генерала Российской армии: 1861–1919 / М.М. Иванов. – Предисл. и коммент. А.В. Марыняка. – М.: Кучково поле, 2016. – 448 с.

72. Иванов, Р. Краткая история Амурского казачьего войска / Р. Иванов. – Благовещенск: Тип. Войскового Правления Амурского казачьего войска, 1912. – 221 с.

73. Игнатьев, А.А. Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев. В 2-х т. М.: Правда, 1989.

74. Из истории заселения Анучинского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. – 220 с.

75. Из истории заселения Дальнереченского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2005. – 136 с.

76. Из истории заселения Кировского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. – 164 с.

77. Из истории заселения Ханкайского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. – 242 с.

78. Из истории заселения Чугуевского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2018. – 180 с.

79. Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Порт-Артур. Т. 1–2. Сб. док. / Под ред. В.П. Козлова; сост. И.В. Карпеев и др. – М.: «Древлехранилище», 2008.

80. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сб. материалов к столетию со дня окончания войны. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 470 с.

81. Из истории сел Посьетского района: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. – 104 с.

82. Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский: Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 192 с.

83. Инженерные и железнодорожные войска. По 20 мая 1909 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. – Изд. 2-е. – / Испр. и доп. под ред. В.К. Шенк. – СПб., 1909. – 116 с.

84. Исии, Кикудзиро. Дипломатические комментарии / Кикудзиро Исии. – М.: Госполитиздат, 1942. – 236 с.

85. Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг.: в 6 т. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879–1881. – 6 т.

86. Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). По 1 июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. – Изд. 3-е. – / Под ред. В.К. Шенк; перераб. Н.К. Модзалевский. – СПб., 1914. – 518 с.

87. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. / Под ред. В.К. Шенк; сост. В.Х. Казин. – СПб., 1912. – 480 с.

88. Калинин, В.А. Исторический очерк города Никольска-Уссурийского / В.А. Калинин. – Никольск-Уссурийский: Электро-типография С.К. Гурского, 1913. – 86 с.

89. Карликов, К. Нингутинское фудутунство / К. Карликов. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 325 с.

90. Кирхнер, А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна / А.В. Кирхнер. –

Благовещенск: Тип. Амурской Газеты, 1900. – 206 с.

91. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары / В.Н. Коковцов. – Мн.: Харвест, 2004. – 896 с.

92. Корсаков, В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май–август 1900 г. / В.В. Корсаков – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. – 394 с.

93. Корф, Н.А. Военный обзор Северной Кореи / Н.А. Корф, А.И. Звегинцов. – СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904. – 256 с., 5 л. карт.

94. Корф, Н.А., Звегинцов А.И. Северная Корея: Сборник описаний позиций (Труды Осенней экспедиции 1898 г.) / Н.А. Корф, А.И. Звегинцов. – СПб.: Экономическая типолитография, 1901. – 89 с.

95. Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. – СПб.: Военная типография, 1892. – 64 с.

96. Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Сев. Манчжурии и Сев. Кореи. Военно-географический и статистический обзоры в 3-х отделах. – Хабаровск: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1912.

97. Краткие росписания сухопутных войск. – СПб.: Военная типография, 1892–1914.

98. Куломзин, А.Н. Пережитое. Воспоминания / А.Н. Куломзин; сост., вступ. ст., коммент. и примеч. К.А. Соловьева. – М.: Росспэн, 2016. – 1038 с.

99. Куропаткин, А.Н. Задачи русской армии / А.Н. Куропаткин. – В 3-х т. – СПб.: Склад В.А. Березовского, 1910.

100. Куропаткин, А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны / А.Н. Куропаткин. – Берлин: J. Ladyschnikow Verlag, 1909. – 557 с.

101. Ламздорф, В.Н. Дневник. 1886–1890. Воспоминания. Мемуары / В.Н. Ламздорф. – Минск: Харвест, 2003. – 400 с.

102. Ламздорф, В.Н. Дневник. 1891–1892. Воспоминания. Мемуары / В.Н. Ламздорф. – Мн.: Харвест, 2003. – 416 с.

103. Ламздорф, В.Н. Дневник. 1894–1896 / В.Н. Ламздорф. – М.: Международные отношения, 1991. – 456 с.

104. Леер, Г.А. Метод военных наук (Стратегии, тактики и военной истории) / Г.А. Леер. Печатано по распоряжению начальника Николаевской Академии Генерального Штаба. – СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1894. – 102 с.

105. де-Ливрон, В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. / В. де-Ливрон. –СПб.: Военная типография, 1880. – 130 с.

106. Люпов, [С.Н.] Хуланьское фудутунство Хей-лун-цзянской провинции / [С.Н.

Люпов]. Ч. 1–2. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903.

107. Макаров, С.О. Документы / С.О. Макаров. Т. 1. – М.: Военмориздат, 1953 – 575 с.; Т. 2. – М.: Воениздат, 1960. – 783 с.

108. Маковкин, А.Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк / А.Е. Маковкин. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1907. – 212 с.

109. Маршрутами губернаторов: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. – 104 с.

110. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. / Н.П. Матвеев. – Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева 1910. – 192 с.

111. Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 1. Всеподданнейшие доклады Военного министра. Т. 1–8. – СПб., 1902–1908.

112. Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 2. Депеши, отправленные Военным министром и Главным штабом. Т. 1–6. – СПб., 1902–1907.

113. Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 3. Депеши, полученные Военным министром и Главным штабом. Т. 1–8. – СПб., 1902–1908.

114. Материалы относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. Казачья колонизация Приамурского края. – СПб.: Издание Канцелярии Комитета Министров. 1902. – 267 с.

115. Матусовский, З. Географическое обозрение Китайской империи / З. Матусовский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. – 471 с.

116. Мокринский. Памятка 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (1890–1907 гг.) / Мокринский. – Никольск-Уссурийский: Тип. газеты «Восточная Русь», 1907. – 76 с.

117. Невельской, Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России / Г.И. Невельской – Хабаровск: Кн. изд. 1969. – 419 с.

118. Никольск-Уссурийский: страницы истории. Док. и матер. – Владивосток: РГИА ДВ, 2003. – 180 с.

119. Никольский, Е.А. Записки о прошлом / Е.А. Никольский. – Сост. и подог. текста Д.Г. Браунса. – М.: Русский путь, 2007. – 288 с.

120. О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; Под ред. В.Н. Лобова. – 2-е изд. М.: Воениздат, 1991. – 368 с.

121. Общий состав управлений Восточного Сибирского военного округа. Исправлено по 25 октября 1876 г. – Иркутск: Тип. Окружного Штаба, 1876. – 34 с.

122. Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 января 1892 г. – Хабаровка: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1892. – 25 с.

123. Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 января 1893 г. – Хабаровка: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1893. – 25 с.

124. Общий состав управлений Приамурского военного округа. Исправлено по 1 июля 1901 г. – Хабаровск: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1901. – 107 с.

125. Отчет Военного Министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. Ч.1. Осмотры войск, военных учреждений и заведений. – СПб.: Военная типография, 1903. – 154 с.

126. Отчет Начальника штаба Восточного Сибирского военного округа, об осмотре частей войск, учреждений и заведений в областях: Забайкальской, Амурской и Приморской в 1879 году. – Б.м., б.г. – 46 с.

127. Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича. 1881–1890. – СПб.: Военная типография, 1892. – 323 с.

128. Памятка русской конной артиллерии. 1911. Сост. С.Ф. Зубовским. – Царское Село: Царскосельская Центральная типография С.М. Боровкова. 1911. – 112 с.

129. Памятные книжки Амурской области за 1896–1905 гг. Издания Амурского областного статистического комитета. – Иркутск, 1896–1905.

130. Памятные книжки и адрес-календари Приморской области за 1896–1905 гг. Издания Приморского областного статистического комитета. – Владивосток, 1896–1905.

131. Памятные книжки Забайкальской области за 1871–1905 гг. Издания Забайкальского областного статистического комитета. – Иркутск, 1871–1905.

132. Памятные книжки Квантунской области за 1900–1903 гг. – Порт-Артур, 1900–1903.

133. Подробные алфавитные указатели приказов по военному ведомству с циркулярами Главного штаба. – СПб.: Военная типография, 1881–1904.

134. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. Под ред. А.М. Зайончковского. Т. 1. – М., 1924. – 240 с.

135. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. Т. 25–55. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1850–1881.

136. ПСЗ РИ III: в 33 т. Т. 1–15. – СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1881–1895.

137. Половцов, А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. / А.А. Половцов. – М.: Центрполиграф, 2005.

138. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сб. док. / Сост. авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 522 с.

139. Прей, Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930) / Э.Л. Прей. Под ред. Б. Ингермансон. Пер. с англ. А.А. Сапелкина. – Владивосток: Рубеж, 2008. – 448 с.

140. Пржевальский, Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. / Н.М. Пржевальский. – СПб.: Тип. Н. Неклюдова, 1870. – 297 с.

141. Приказы военного министра за 1865–1869 гг. – СПб.: Военная типография, 1865–1869.

142. Приказы по войскам Восточного Сибирского военного округа за 1865–1884 гг. – Иркутск: Тип. Штаба Восточного Сибирского военного округа, 1865–1884.

143. Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. – Хабаровска (Хабаровск): Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1884–1904.

144. Приказания по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. – Хабаровска (Хабаровск): Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1884–1904.

145. Приказы по войскам сухопутным и морским Восточного Сибирского военного округа за 1865 г. – Иркутск: Тип. Штаба Восточного Сибирского военного округа, 1865.

146. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россиею и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. МИД. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1906. – 1906 с.

147. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. Издание МПС. – СПб.: Т-во художественной печати, 1900. – 600 с.

148. Рагоза, А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа / А.Ф. Рагоза. – Хабаровка: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1891. – 153 с.

149. Редигер, А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра / А.Ф. Редигер. В 2-х т. – М.: «Кучково поле», 1999.

150. Росписания сухопутных войск. – СПб.: Военная типография, 1866–1914.

151. Российский императорский Дом и Дальний Восток. Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2007. – 150 с.

152. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под. ред. В.А. Золотарева. – М.: Арбизо, 1994. – 583 с.

153. Из предыстории русско-японской войны: Донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. – Кн. 6. – СПб.: СПбГУ, 1996. – С. 53–87.

154. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны: в 9 т. Т. 1–9. – СПб., 1910.

155. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Кн. 1–7. –

СПб.–Петроград, 1912–1917.

156. Савицкий, А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска / А.Ю. Савицкий. – Хабаровск: Тип. войскового правления УКВ, 1908. – 20 с.

157. Самойлов, [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове / [В.К.] Самойлов. – СПб.: Военная типография, 1898. – 347 с.

158. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Издается по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. – Т. I. Вып. I–II; Т. VIII. – Иркутск: Тип. Штаба Вост. Сибирского военного округа, 1884.

159. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Издано по распоряжению г. Министра иностранных дел. – Т. II. 2-е изд. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. – 675 с.

160. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров по заключению рыболовной конвенции между Россией и Японией. Август 1906–июль 1907. МИД. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907 – 259 с.

161. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. – СПб.: Тип. А.М. Менделевича, 1906. – 763 с.

162. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – 470 с.

163. Сборник договоров России с Китаем 1869–1881. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1889. – 271 с.

164. Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Япония. – СПб.: Военная типография, 1903. – 54 с.

165. Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам. Издание Главного Управления иррегулярных войск (с 1879 г. – Главного Управлении казачьих войск). Т. 1–40. – СПб.: Военная типография, 1870–1905.

166. Сборник штатов строевых частей и учреждений иррегулярных войск подведомственных военному министерству. По 1 января 1879 г. – СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1879. – 410 с.

167. Сведения о вооруженных силах Японии и Кореи. СПб.: Военная тип., 1904. –76 с.

168. Свиягин, Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения / Н.С. Свиягин. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. – 94 с.

169. Свод военных постановлений 1869 г. – СПб.: Военная типография, 1869–1911. Ч. 1–6.

170. Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам, составленный в военном министерстве. – СПб.: Тип. И. Маркова и К^0, 1862. – 380 с.

171. Северная Корея. Сборник маршрутов. Труды Осенней экспедиции 1898 г. / Под ред. подполковника барона Корф. – СПб.: Экономическая типолитография, 1901. – 314 с.

172. Симанский, П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.) / П.Н. Симанский. Ч. I–III. – СПб.: Военная типография, 1910.

173. Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, за время с 1 января 1869 г. по 1 января 1887 г. / Сост. генерал-майор В.Д. Коссинский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. – 1987 с.

174. Скальковский, К. Внешняя политика России и положение иностранных держав / К. Скальковский. 2-е изд. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. – 682 с.

175. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1906. – 585 с.

176. Соловьев, Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922 / Ю.Я. Соловьев. – М.: Соцэклит, 1939. – 415 с.

177. Списки высшим чинам государственного, губернского и епархиального управлений. 1865–1914 гг. – СПб., 1865–1895.

178. Списки генералам по старшинству. 1865–1914 гг. – СПб.: Военная тип., 1865–1914.

179. Списки Генерального Штаба. 1864–1914. – СПб.: Военная тип., 1864–1914.

180. Списки подполковникам по старшинству. 1865–1914 гг. – СПб.: Военная тип., 1865–1914.

181. Списки полковникам по старшинству. 1865–1914 гг. – СПб.: Военная тип., 1865–1914.

182. Статистические данные по переселенческому делу, собранные статс-секретарем Куломзиным в поездку по Сибири в 1896 г. – СПб.: Государственная тип., 1897. – 151 с.

183. Столетие Военного министерства 1802–1902. Ч. 1–13. – СПб., 1902–1914.

184. Стрелковая памятка 12-го Сибирского Стрелкового Е.И.В. Наследника Цесаревича полка. – Владивосток: Электро-тип. Т-ва «Печатное дело», 1911. – 8 с.

185. Стрелковые части. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. – 2-е изд. Испр. и доп. под ред. В.К. Шенк по 10 февраля 1910 г. – Б.м., 1910. – 101 с.

186. Субботич, Д.И. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке: с прил. копии письма к ген. А.Н. Куропаткину в окт. 1903 г. / Д.И. Субботич. – СПб: Т-во Худож. печати, 1908. – 32 с.

187. Сухомлинов, В.А. Воспоминания. Мемуары / В.А. Сухомлинов. – Ред., предисл., коммент. А.М. Лукашевича. – Мн. Харвест, 2005. – 624 с.

188. Тихменев, [Н.М.] Чань-чунь-фу и фудутунство Бодунэ–Хайлар / Н.М. Тихменев. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 198 с.

189. Унтербергер, П.Ф. Приамурский край. 1906–1910: очерк / П.Ф. Унтербергер. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 428, 53 с.; карт.

190. Унтербергер, П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. / П.Ф. Унтербергер. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1900. – 324 с.

191. Учебник для солдата-охотника / Сост. Вл. Данилов и В. Ползиков охотники Лейб-Гвардии Егерского полка. – 2-е изд. – СПб.: Издание В. Березовского, 1897. – 54 с.

192. Хроника батарей пешей и конной артиллерии и артиллерийских парков. Ч. I–III. Издано по распоряжению ГАУ. – СПб.: Паровая скоропечатня Я.И. Либермана, 1896.

193. Хроника рот крепостной и осадной артиллерии. Издание ГАУ. Сост. Я.Я. Вакар. – СПб., 1908. – 167 с.

194. Хронологические указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1904 гг. – СПб.: Военная тип., 1865–1904.

195. Циркуляры Главного штаба за 1865–1905 гг. – СПб.: Военная тип., 1865–1905.

196. Цитович, Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. В 2 т. / Г.А. Цитович. – Пятигорск: Типо-литография А.П. Нагорова, 1913. – 2 т.

197. Цихович, [Я.К.] Военный обзор Гиринской провинции и Северной Маньчжурии / [Я.К.] Цихович. – СПб.: Военная тип., 1904. – 282 с.

198. Шрейдер, Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае) / Д.И. Шрейдер. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1897. – 468 с.

199. Щедрин. Айгунское фудутунство (западная часть) / Щедрин. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1903. – 41 с.

200. Эпов, Н.И. Забайкальское казачье войско / Н.И. Эпов. – Нерчинск: Тип. М.Д. Бутина, 1889. – 75 с.

201. Янчевецкий, Д. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового времени» на театре военных действий в Китае в 1900 г. / Д. Янчевецкий. – СПб.–Порт-Артур: издание П.А. Артемьева, 1903. – 617 с.

202. Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.) // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв). – Вып. VI. – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив», 1995. – С. 393–444.

203. Bishop, I.B. Korea and Her Neighbors / I.B. Bishop. – London: John Murray, 1898. – 261 p.

204. Brandt, M. von. Dreiunddreissig Jahre in Ost-Asien. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten / M. Brandt. – Band I–III. – Leipzig: Verlag von Georg Wigand, 1901.

205. Brandt, M. von. Drei Jahre ostasiatischer Politik 1894–1897. Beitrage zur Geschichte des Chinesisch-Japanischen Krieges und seiner Folgen / M. Brandt. – Stuttgart: Verlag von Strecker & Moser, 1898. – 263 s.

206. Cordier, H. Le Conflit entre la France et la Chine. Étude d'histoire coloniale et de droit international / H. Cordier. – Paris: Librarie Léopold Cerf, 1883. – 48 p.

207. Document diplomatiques français, relatifs aux origine de la guerre de 1914. 1871–1914. – 1ère Série (1871–1900), 17 volume; 2ème Série (1901–1911), 15 volume; 3ème Série (1911–1914), 11 volume / Ministère des affaires étrangères. – Paris: Imprimerie national, 1929–1959.

208. Fifty years of new Japan. Completed by Count Shigenobu Okuma, late Prime Minister and Minister for Foreign Affairs. English version ed. by Marcus B. Huish. Vol. I. – London: Smith, Elder, & Co, 1909. – 646 p.

209. Foster, J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. / J.W. Foster. – Boston and New York: The Riverside Press Cambridge, 1909.

210. Gérard, A. Ma mission en Chine, 1894–1897 / A. Gérard. – Paris: Librairie Plon, 1918. – 347 p.

211. Gérard, A. Ma mission au Japon (1907–1914) / A. Gérard. – Paris: Librairie Plon, 1919. – 410 p.

212. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1874–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1–19. – Berlin, 1922–1927.

213. Gundry, R.S. China and her neighbours / R.S. Gundry. – London: Chapmen and Hall Ltd., 1893. – 408 p.

214. Korea and Manchuria between Russia and Japan 1895–1904. The observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906). / Selected and edited with a historical introduction by G.A. Lensen. – Tokyo: Sophia university, 1968. – 296 p.

215. Korea, treaties and agreements. – Washington: Published by the Endowment, 1921. – 68 p.

216. L'Affaire du Tonkin. Histoire diplomatique de l'etablissement de notre protectorat sur l'Annam et de notre conflit avec la Chine. 1882–1885. – Paris: J. Hetzel, 1888. – 430 p.

217. Morse, H.B. The international relations of the Chinese empire. – Vol. III. 1894–1911. – New York, Bombay, Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1918. – 530 p.

218. Nagao, Ariga. La guerre Russo-Japonaise au point du vue continentale et le droit international d'après les document officiels du grand état-major japonais (selection historique de la guerre de 1904–1905) / Nagao Ariga. – Paris: A. Pedone, 1908. – 587 p.

219. Nagao, Ariga. La guerre Sino-Japonaise au point du vue du droit international / Nagao

Ariga. – Paris: A. Pedone, 1896. – 310 p.

220. Norman, H. The peoples and politics of the Far East / H. Norman. – London: T. Fisher unwin, 1895. – 608 p.

221. The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910: The Observations of Baron Albert d'Anethan, Belgian Minister Plenipotentiary and Dean of the Diplomatic Corps / Ed. by G.A. Lensen. – Tokyo: Sophia University Press, 1967. – 272 p.

222. The secret memoirs of count Tadasu Hayashi / Ed. by A.M. Pooley. – New York, London: The Knickerbocker Press, 1915. – 331 p.

223. Treaties and agreements with and concerning China. 1894–1919. – New York: Oxford University Press, 1921. – Vol. I. – 928 p.

224. Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. – Shanghai: "North-China Herald" Office, 1902. – 332 p.

225. Treaties &c., between Great Britain and China; and between China and Foreign Powers; and orders in council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, and notifications affecting British and China. In force on the 1st January, 1896. – London: Harrison & Sons, 1896. – Vol. II. – P. 423–764.

издания военной периодической печати:

<u>газеты:</u>

1. Русский инвалид. 1869–1890 гг.

<u>журналы:</u>

1. Артиллерийский журнал. 1888–1892 гг.
2. Военно-статистический ежегодник армии. 1910–1911 гг.
3. Военный сборник. 1858–1908 гг.
4. Ежегодник Русской армии. 1870–1881 гг.
5. Морской сборник. 1848–1914 гг.
6. Разведчик. 1892–1917 гг.

<u>сборники:</u>

1. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Военная типография, 1883–1914. Вып. 1–87.
2. Труды Приамурского отдела ИРГО.

издания периодической печати:

газеты:

1. Байкал. 1897–1906 гг.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900–1917 гг.
3. Владивосток. 1885 г.
4. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903–1917 гг.
5. Иркутские губернские ведомости. 1858–1865 гг.
6. Камчатские епархиальные ведомости. 1894–1898 гг.
7. Новое время. 1897–1912 гг.

журналы:

1. Вестник Европы. 1866–1900 гг.
2. Исторический вестник. 1880–1917 гг.
3. Красный архив. 1922–1940 гг.
4. Нива. 1901, 1905 гг.
5. Русский архив. 1863–1892 гг.
6. Русский вестник. 1886–1901 гг.

картографические материалы:

1. 10-ти верстная карта Южно-Уссурийского края и пограничных районов Северной Маньчжурии и Северной Кореи составленная в 1905 г. Военно-Топографическим Отделом Штаба Приамурского воен. Округа из материалов прежних мест и дополненная по рекогносцировкам 1905 г. офицеров: Генерального Штаба, Корпуса Военных Топографов и строевых. Масштаб 1:420000 вер.

2. Атлас Азиатской России. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. – СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914.

3. Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями. Составлена при военно-топографическом отделе Главного штаба. 1884 г. Масштаб 100 верст в дюйме.

4. Карта Азиатской России. Составлена по сведениям Генерального Штаба полковником Ильиным. Исправлена по 1 апреля 1868 г. Масштаб в английском дюйме 250 верст; 1:10500000.

5. Карта Дальнего Востока. Составил Л. Бородовский. 1904 г. Масштаб в одном дюйме 80 верст.

6. Карта линий Китайской Восточной железной дороги. 1903 г.

7. Карта Маньчжурии с нанесением административных границ и месторождений полезных ископаемых. Сост. горным инженером геологом Э.Э. Анерт. Масштаб 40 верст в 1

английском дюйме. – Издание Исторической комиссии при правлении Об-ва КВЖД, 1922.

8. Карта путей сообщения Азиатской России. Издание Министерства путей сообщения. 1901 г. Масштаб 1:4200000. В дюйме 100 верст.

9. Карта Уссурийского края. Составлена по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изданной в Иркутске чинами Генерального Штаба, в 1866 г.

10. Новая карта театра военных действий. Маньчжурия и Корея. С алфавитным указателем и с дополнительными картами 1) Квантунской области, 2) Порт-Артура и 3) Владивостока. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1904.

11. Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов. 70 карт. – СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1871. – 73 с.

II. Исследования:

1.Айрапетов, О.Р. Автор, время и события «Дневника» / О.Р. Айрапетов. // Дневник генерала А.Н. Куропаткина. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. С. 3–75.

2.Айрапетов, О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914) / О.Р. Айрапетов. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 668 с.

3.Айрапетов, О.Р. Генерал-Адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи / О.Р. Айрапетов. – М.: Русская книга, 2017. – 496 с.

4.Айрапетов, О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. / О.Р. Айрапетов. – М.: Кучково поле, 2017–2018.

5.Айрапетов, О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история / О.Р. Айрапетов. – М.: ООО «Торговый дом Алгоритм», 2015. – 496 с.

6.Александровская, Л.В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане: Документально-историческое повествование / Л.В. Александровская. – Владивосток: Издательство ПИППКРО, 2007. – 334 с.

7.Алексеев, А.И. Геннадий Иванович Невельской (1813–1876) / А.И. Алексеев. – М.: Наука, 1984. – 192 с.

8.Алексеев, А.И. Как начинался Владивосток / А.И. Алексеев. – Владивосток: Дальневост. книжн. изд-во, 1985. – 224 с.

9.Алексеев, А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. / А.И. Алексеев – М.: Наука, 1982. – 287 с.

10. Алексеев, А.И. Сподвижники Г.И. Невельского / А.И. Алексеев. – Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1967. – 143 с.

11. Алексеев, М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II / М. Алексеев. Кн. I–II. – М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразя+», 1998.

12. Алпеев, О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода на Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. / О.Е. Алпеев // Русский Сборник: Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга / Русский сборник. Т. 26. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 320–387.

13. Алпеев, О.Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. / О.Е. Алпеев // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность). Сб. ст. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. – С. 120–136.

14. Анисимов, А.Л. Дальневосточная политика США в 30–60 гг. XIX века / А.Л. Анисимов. – Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2002. – 346 с.

15. Анисимов, А.Л. Позиция генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова о перемещении линейных батальонов в Южно-Уссурийский край для обеспечения его безопасности / А.Л. Анисимов // Третьи архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: Материалы межрегион, науч.-практ. конф. «История развития региона в документальных источниках». – Хабаровск, 2008. – С. 78–80.

16. Анисимов, А.Л. Проблемы сохранения за Россией Дальнего Востока и обеспечение его безопасности с точки зрения Администрации Восточной Сибири / А.Л. Анисимов // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: Материалы междунар. науч. конф. (доклады и сообщения), состоявшейся 18–20 июня 1996 года. – Владивосток, 1997. – С. 111–118.

17. Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И.С. Рыбаченок. – М.: Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 368 с.

18. Артемьев, А.Р. Традиции казачьего самоуправления и организации воинской службы на Дальнем Востоке: история и современность / А.Р. Артемьев // Казачество Дальнего Востока: проблемы современности и перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. – Владивосток, 1996. – С. 63–64.

19. Аюшин, Н.Б. Обзор публикаций по истории Владивостокской крепости / Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин // Вопросы истории Дальнего Востока России дооктябрьского периода в историографии и источниковедении. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 64–80.

20. Барсуков, Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.) / Е.З. Барсуков. Т. 1–4. – М.: Воениздат, 1948.

21. Басханов, М.К. Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Макгрегора / М.К. Басханов // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 86–126.

22. Басханов, М.К. История изучения восточных языков в русской императорской

армии / М.К. Басханов. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 632 с.

23. Баяндин, В.И. Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны / В.И. Баяндин // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения (Новосибирск, 1 января–31 декабря 1984 г.): межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Миненко. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 1984. – С. 150–159.

24. Баяндин, В.И. Государственное ополчение в Сибири в годы русско-японской войны и первой российской революции (1904–1906 гг.) / В.И. Баяндин // Революция и общественноедвижение в Сибири в конце XIX–начале XX в. / отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 96–106.

25. Баяндин, В.И. Попытка использования военнослужащих маньчжурской армии в земледельческом освоении Сибири / В.И. Баяндин, И.В. Островский // Участие крестьянства в освоение восточных окраин России (конец XVII–нач. XX вв.): межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: НГПИ, 1990. – С. 141–148.

26. Баяндин, В.И. Новобранцы Томской губернии в начале XX века / В.И. Баяндин // Новосибирская область в контексте российской истории / отв. ред. А.А. Беспаликов. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. – С. 70–74.

27. Баяндин, В.И. Питание русского солдата во второй половине XIX–начале XX вв. / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 69–75.

28. Баяндин, В.И. Российская армия в конце XIX–начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. –С. 24–29.

29. Баяндин, В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны / В.И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 7–12.

30. Баяндин, В.И. Военное управление в Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. / В.И. Баяндин // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX веков: Материалы региональной научной конф. 18–19 декабря 1997 г. / отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Институт истории СО РАН. – 1997. – С. 39–43.

31. Безугольный, А.Ю. История военно-окружной системы в России. 1862–1918 / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Ковалевский, В.Е. Ковалев. – М.: Центрполиграф, 2012. – 463 с.

32. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1977. – 615 с.

33. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1986. – 238 с.

34. Беспрозванных, Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII–середина XIX в. / Е.Л. Беспрозванных. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986. – 336 с.

35. Болгурцев, Б.Н. К неизвестным берегам. / Б.Н. Болгурцев. – Л.: Лениздат, 1990. – 191 с.

36. Болгурцев, Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке (1860–1861 гг.). Пекинский договор и Цусимский инцидент / Б.Н. Болгурцев. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 136 с.

37. Виноградов, В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова / В.Н. Виноградов. – М.: Наука, 2005. – 302 с.

38. Виноградский, А.П. Причины войны. [Р-я в] Подготовка театра военных действий / А.П. Виноградский // История российского флота. – М.: Эксмо, 2007. – С. 427–465.

39. Вишняков, О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX–начало XX века (начало) / О.В. Вишняков // Воен.-ист. журнал. – 2007. – № 1. – С. 55–57.

40. Вишняков, О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX–начало XX века (окончание) / О.В. Вишняков // Воен.-ист. журнал. – 2007. – № 2. – С. 51–53.

41. Владивостокская Крепость / Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин, С.А. Воробьев, Н.В. Гаврилкин. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 336 с.

42. Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX век. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 410 с.

43. Военные события в Приамурье 1900–1902 / Серия «Приамурье. Из века в век». – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2008. – 311 с.

44. Волчек, В.А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета / В.А. Волчек. – Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. – 420 с.

45. Волынец, А.Н. Деревянные пушки Китая. Россия и Китай – между союзом и конфликтом / А.Н. Волынец. – М.: Эксмо, Яуза, 2017. – 448 с.

46. Воскресенский, А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. / А.Д. Воскресенский. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 441 с.

47. Воскресенский, А.Д. «Илийский кризис» в русско-китайских отношениях II пол. XIX в.: новое время – новые оценки / А.Д. Воскресенский // Новое в изучении Китая. Ч. 5. Китай в системе международных отношений (прошлое и настоящее). – М.: 1990. – С. 16–25.

48. Галлямова, Л.И. Освоение Дальнего Востока России в контексте государственной политики на Тихом океане (вторая половина XIX–начало XX в.) / Л.И. Галлямова // Россия на дальневосточных рубежах (к 200-летию со дня рождения Г.И. Невельского). – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2014. – С. 29–37.

49. Галлямова, Л.И. Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане / Л.И. Галлямова // Россия и АТР. – 2012. – № 4. – С. 29–41.

50. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова и др. – СПб.: Фонд «Университет», 2018. – 370 с.

51. Глушков, В.В. Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф / В.В. Глушков. – М.: Наука, 2007. – 144 с.

52. Головин, Н.Н. Наука о войне: избранные сочинения / Н.Н. Головин; сост. И.А. Вершинина. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.

53. Горев, Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. / Л. Горев. – М.: Воениздат, 1955. – 519 с.

54. Горелов, Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века: науч. изд. / Ю.П. Горелов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.– 386 с.

55. Границы Китая: история формирования. / Под ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 469 с.

56. Грибовский, В.Ю. Российский флот Тихого океана 1898–1905. История создания и гибели / В.Ю. Грибовский. – М.: Военная книга, 2004. – 140 с.

57. Гуревич, Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы / Б.П. Гуревич // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М.: Мысль, 1982. – С. 427–459.

58. Дацышен, В.Г. Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй пол. XIX–нач. XX вв. / В.Г. Дацышен. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Сб. науч. ст. – Вып. 1. – Владивосток, 2010. – С. 113–130.

59. Дацышен, В.Г. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. / В.Г. Дацышен. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 336 с.

60. Дацышен, В.Г. Война в Приамурье / В.Г. Дацышен // Военные события в Приамурье 1900–1902. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2008. – С. 160–280.

61. Дацышен, В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX–начале XX веков / В.Г. Дацышен. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 593 с.

62. Дацышен, В.Г. Очерки Истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX–начале XX веков / В.Г. Дацышен. – Кызыл: Республиканская тип., 2000. –215 с.

63. Дацышен, В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте / В.Г. Дацышен. – СПб.: Галлея Принт, 1996. – 144 с.

64. Дацышен, В.Г. Русско-китайская война 1900 г.: Поход на Пекин / В.Г. Дацышен. – СПб.: Галлея Принт, 1999. – 157 с.

65. Дашкуев, М.Д. Побеждает тот, кто лучше умеет думать (Н.Н. Обручев) / М.Д. Дашкуев. – М.: Кучково поле, 2007. – 432 с.

66. Дворников, И.Н. Военная реформа 60–70 гг. и введение военно-окружной системы в России / И.Н. Дворников // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2011. – № 1–2 (5). – С. 13–19.

67. Дворников, И.Н. Приамурский военный округ в системе управления, освоения и обороны Дальнего Востока (1884–1903 гг.) / И.Н. Дворников // Власть и управление на Востоке России. – 2008. – № 2 (44). – С. 167–172.

68. Дворников, И.Н. Специфика подготовки военных переводчиков в Приамурском военном округе в конце XIX–начале XX века / И.Н. Дворников // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. – № 1–2 (1).– С. 12–14.

69. Двухсотлетие военного министерства. 1802–2002. Очерки истории Военного министерства. – М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. – 696 с.

70. Деег, Л. Кунст и Альберс. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.) / Лотар Деег; пер. с нем. Елены Крепак. – 2-е изд., испр. и доп. – Владивосток: Изд. дом Дальневост. федерал ун-та, 2012. – 396 с.

71. Деревянко, А.П. Открытие и освоение русскими Приамурья и Приморья (XVII в.– 1860 г.) / А.П. Деревянко // Из истории российско-китайских отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: 1999. – С. 14–28.

72. Деревянко, И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны / И.В. Деревянко. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – 416 с.

73. Добровольский, С.К. Русско-японская война 1904–1905 гг. Исследование операций на отдалённом своеобразном театре военных действий / С.К. Добровольский – М.: Военная академия РККА им. М.В. Фрунзе, 1930. – 114 с.

74. Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. / Отв. ред. и авт. вступ. статьи С.Л. Тихвинский. – М.: Мысль, 1982. – 511 с.

75. Дубинина, Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк / Н.И. Дубинина – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. – 352 с.

76. Дубинина, Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.И. Дубинина. – Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. – 208 с.

77. Дубинина, Н.И. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Док.-ист. повествование / Н.И. Дубинина. – Хабаровск: РЕОТИП, 2008. – 400 с.

78. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России:

учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение» / Н.П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.

79. Елизарьев, В.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. и ее последствия для освоения и заселения острова Сахалина / В.Н. Елизарьев. – Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2005. – 135 с.

80. Ершов, Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке / Д.В. Ершов. – М.: Центрполиграф, 2010. – 254 с.

81. Ефимов, Г. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. / Г. Ефимов – М.: Госполитиздат, 1958. – 423 с.

82. Железнодорожные войска с 1851 по 1941 год. Материалы к истории железнодорожных войск Советской Армии. – М.: Воениздат, 1957. – 200 с.

83. Забровская, Л.В. Историки КНР о дальневосточной политике России в период японо-китайской войны (1894–95 гг.) / Л.В. Забровская // Новое в изучении Китая. Ч. 5. Китай в системе международных отношений (прошлое и настоящее) – М.: 1990. – С. 26–34.

84. Забровская, Л.В. Историографические проблемы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. / Л.В. Забровская. – Владивосток, 1993. – 124 с.

85. Забровская, Л.В. Политика Цинской империи в Корее 1876–1910 гг. / Л.В. Забровская. – М.: Наука, 1987. – 132 с.

86. Завоевание Средней Азии. Очерк Генерального штаба полковника А.Д. Шеманского // История русской армии и флота. – М.: Кн. Т-во «Образование», 1913. – Т. 12. – С. 115–195.

87. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. [Текст] / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. – Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. – 241с.

88. Зарина, Л.Л. Британский империализм в Китае (1896–1901 гг.) / Л.Л. Зарина, С.Г. Лившиц. – М.: Наука, 1970. – 247 с.

89. Зайцев, Д.М. Японская диаспора во Владивостоке и Русско-японская война 1904–1905 гг. / Д.М. Зайцев. – Владивосток: Приморская краевая организация общества «Знание» России, 2006. – 38 с.

90. Зайцев, Д.М. Японцы во Владивостоке накануне Русско-японской войны / Д.М. Зайцев // Россия и АТР. – 2007. – № 2. – С. 125–129.

91. Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России / П.А. Зайончковский. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1952. – 361 с.

92. Зайончковский, П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903 / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1973. – 351 с.

93. Золотарев, В.А. Военная безопасность Государства Российского / В.А. Золотарев. – М.: Кучково поле, 2001. – 484 с.

94. Золотарев, В.А. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. / В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов. – Кн. I–II. – М.: Animi Fortitudo, 2004.

95. Зуев, В.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. в советской и зарубежной историографии (некоторые итоги и перспективы изучения) / В.Н. Зуев // Вопросы истории Дальнего Востока России в отечественной и зарубежной историографии. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1992. – С. 134–150.

96. Зуев, В.Н. Линейные батальоны – вид пехоты на Дальнем Востоке / В.Н. Зуев // Губернаторское управление в России: история, современность, будущность: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток: 1997. – С. 142–145.

97. Зуев, В.Н. Линейные батальоны – фактор освоения Дальнего Востока России / В.Н. Зуев // Исторический опыт освоения восточных районов России: материалы междунар. науч. конф. (тезисы докл. и сообщ.). – Владивосток: 1993. – С. 38–40.

98. Игнатьев, А.В. С.Ю. Витте – дипломат / А.В. Игнатьев. М.: Междунар. отношения, 1989. – 336 с.

99. Илюшечкин, В.П. Крестьянская война тайпинов / В.П. Илюшечкин. – М.: Наука, 1967. – 394 с.

100. Инаба, Ч. По следу эскадры З.П. Рожественского. Японская военно-морская разведка в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Инаба Чихару. – Пер. с яп. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 226 с.

101. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исследования и материалы. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 448 с.

102. История Благовещенска. 1856–1917 гг. (в 2-х томах) / Серия «Благовещенск: Из века в век». – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2009.

103. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). – М.: Междунар. отношения, 1997. – 384 с.

104. История внешней политики России. Конец XIX–начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – М.: Междунар. отношения, 1997. – 672 с.

105. История Востока: В 6 т. / Гл ред.: Р.Б. Рыбаков (пред.) и др.; Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII–начало XIX в.): Кн. 2. – М.: Вост лит., 2005. – 574 с.

106. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с.

107. История дипломатии. – Т. I–II. – М.: Госполитиздат, 1959–1963.

108. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. – СПб., 1994.

– 336 с.

109. История русской армии. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.

110. История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. – М.: Наука, 1977. – 381 с.

111. История Северо-Восточного Китая. XVII–XX века: в 2 т. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987.

112. Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке. Сб. науч. ст. – Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2009. – 412 с.

113. Кабанов, П.И. Амурский вопрос / П.И. Кабанов. – Благовещенск: Амурск. кн. изд-во, 1959. – 256 с.

114. Кабузан, В.М. Дальневосточный край в XVII в. начале XX вв. (1640–1917) Историко-демографический очерк / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1985. – 260 с.

115. Кабузан, В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII–начало XX вв.) / В.М. Кабузан. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1973. – 192 с.

116. Казанцев, В.П., Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е гг.– 1905 г.) / В.П. Казанцев, Я.Л. Салогуб. – СПб.: Наука, 2012. – 288 с.

117. Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX вв.: сб. науч. ст. – Хабаровск: ИИАЭ ДВО РАН; Хабаровский краевой краеведческий музеи им. Н.И. Гродекова, 2006. – 204 с.

118. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. – Вып. 2–5. – Хабаровск, 2009–2016.

119. Калинин, В.И. Губернатор инженер-генерал П.Ф. Унтербергер / В.И. Калинин, Н.Б. Аюшин // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 112–121.

120. Кальмина, Л.В., Курас, Л.В. На случай войны с «заклятым другом» (проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX вв.) / Л.В. Кальмина, Л.В. Курас // Вестник томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 152–161.

121. Калюжная, Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.) / Н.М. Калюжная. – М.: Наука, 1978. – 363 с.

122. Калюжная, Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). Историография / Н.М. Калюжная. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

123. Карпеев, В.И. Соединения конницы русской армии. 1810–1917 гг. / В.И. Карпеев. – М.: Рейтар, 2007. – 164 с.

124. Каширин, В.Б. «Русский Мольтке» смотрит на восток. Дальневосточные планы Главного Штаба Российской империи во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. / В.Б.

Каширин // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Междунар. ист. сб. под ред. О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – С. 150–182.

125. Керсновский, А.А. История русской армии / А.А. Керсновский. Т. 2–3. – М.: Голос, 1993–1994.

126. Ким, Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг.: монография / Ким Чжон Хон. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 224 с.

127. Киреев, А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX–начало XXI вв.) / А.А. Киреев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 474 с.

128. Киселев, Д.В. «Шитоулинское дело»: действия русских войск в Маньчжурии в период до 1900 г. / Д.В. Киселев // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 2. – С. 144–153.

129. Клименко, Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. / Н.П. Клименко. – М.: Наука, 1976. – 308 с.

130. Кожевников, В.В. Российско-японские отношения в XVIII–XIX веках / В.В. Кожевников. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 111 с.

131. Коляда, А.С. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету / А.С. Коляда, А.М. Кузнецов. – Уссурийск, 1997. – 224 с.

132. Кондратенко, Р.В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. / Р.В. Кондратенко. – СПб.: «Издательство Остров», 2004. – 143 с.

133. Кондратенко, Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века / Р.В. Кондратенко. – СПб.: Издательство «ЛеКо», 2006. – 344 с.

134. Кондратенко, Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX–начале XX века / Р.В. Кондратенко // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – С. 56–75.

135. Константинов, А.В. Забайкалье: Ступени истории (с древнейших времен до 1917 года) / А.В. Константинов, Н.В. Константинова. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – 272 с.

136. Копылов, В.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милюхин, Ю.А. Фабрика. – Новосибирск, 1995. – 266 с.

137. Краснознаменный Дальневосточный. Военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. – 4-е изд. испр. и доп. – Хабаровск: Хехцыр, 2003. – 400 с.

138. Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. – 3-е изд., испр., доп. – М.: Воениздат, 1985. – 348 с.

139. Крепость Владивосток / Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин, С.А. Воробьев, Н.В.

Гаврилкин. – СПб.: Остров, 2001. – 264 с.

140. Крылов, В.М. О преобразованиях в отечественной артиллерии в годы военных реформ второй половины XIX века / В.М. Крылов. // Воен.-ист. журнал. – 2005. – № 8. – С. 50–53.

141. Кузнецов, М.Ю. Иркутская дисциплинарная рота в 1879–1884 гг. / М.Ю. Кузнецов // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Т. 1. Иркутск, 2019. – С. 58–63.

142. Кузнецов, М.Ю. Красноярский и Иркутский резервные батальоны. Организация, подготовка и служебные функции (1882–1900 гг.) / М.Ю. Кузнецов // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 44–58.

143. Кузнецов, М.Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. / М.Ю. Кузнецов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 136–149.

144. Курас, Л.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. / Л.В. Курас, Л.В. Кальмина, А.В. Михалев. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 112 с.

145. Кутаков, Л.Н. Россия и Япония / Л.Н. Кутаков. – М.: Наука, 1988. – 383 с.

146. Латышев, В.М. Государственный канцлер А.М. Горчаков и решение Сахалинского вопроса / В.М. Латышев, Г.И. Дударец. – Южно-Сахалинск: ГУК «Сахалинский областной краеведческий музей», 2015. – 316 с.

147. Левицкий, Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. / Н.А. Левицкий. – М.: Гос. воен. изд-во, 1935. – 383 с.

148. Лукоянов, И.В. Великая Сибирская железная дорога / И.В. Лукоянов // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. М., 2004. – Т. 1. – Кн. 2. – Ч. 1. – С. 123–158.

149. Лукоянов, И.В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. / И.В. Лукоянов. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 668 с.

150. Лысунец, В.А. Дальневосточные версты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах / В.А. Лысунец, А.М. Фокин. – Хабаровск: Хабаровские вести, 2014. – 200 с.

151. Макарова, Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в.–70-е гг. XIX) / Р.В. Маркова. – М.: Б.и., 1982. – 110 с.

152. Матханова, Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: проблемы социальной стратификации / Н.П. Матханова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 250 с.

153. Матханова, Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков / Н.П. Матханова. – Новосибирск: Изд.

СО РАН, 1998. – 428 с.

154. Международные отношения на Дальнем Востоке: в 2 кн. Кн. 1 (с конца XVI в. до 1917 г.) – М.: Мысль, 1973. – 323 с.

155. Мелихов, Г.В. Маньчжурия далекая и близкая / Г.В. Мелихов. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. – 317 с.

156. Милежик, А.В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903–1905 гг.) / А.В. Милежик // Вестник ДВО РАН. – 2007. – № 3. – С. 110–115.

157. Моисеев, В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.). / В.А. Моисеев. – Барнаул: АзБука, 2003. – 346 с.

158. Молодяков, В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929) / В.Э. Молодяков. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель», 2005. – 369 с.

159. Молодяков, В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945) / В.Э. Молодяков. – М.: АСТ, Астрель, Хранитель, 2006. – 447 с.

160. Моргун, З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры) / З.Ф. Моргун. – Владивосток: ПКГМ им. В.К. Арсеньева, 2014. – 310 с.

161. Мясников, В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). / В.С. Мясников. – Хабаровск: Краевая типография, 1997. – 544 с.

162. Мясников, В.С. Третья дальневосточная война 1894–95 гг. и эволюция политики России в регионе / В.С. Мясников // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 5. – С. 81–94.

163. Наволочкин, Н.Д. Главное дело капитана Дьяченко / Н.Д. Наволочкин. – Хабаровск: Част. коллекция, 2007. – 64 с.

164. Наволочкин, Н. Тринадцатый линейный батальон и его командир / Н. Наволочкин // Дальневосточные путешествия и приключения. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1979. – Вып. 9. – С. 278–306.

165. Нарочницкий, А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860–1895 / А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1956. – 895 с.

166. Нестерова, Е.И. Южно-Уссурийское пограничное комиссарство: от проекта до реализации (конец 60-х–начало 70-х годов XIX века) / Е.И. Нестерова // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 5. – С. 118–126.

167. Нилус, Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги / Е.Х.

Нилус. – Т. 1. 1896–1923. – Харбин, Тип. КВЖД, 1923. – 690 с.

168. Нозиков, Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. / Н. Нозиков. – М.: Воениздат, 1939. – 104 с.

169. Новиков, П.А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. / П.А. Новиков. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2008. – 275 с.

170. Новиков, П.А. Гарнизоны Сибирских стрелков в 1906–1914 гг. / П.А. Новиков // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. – № 8 (80). – С. 301–308.

171. Новиков, П.А. Казарменный фонд Иркутского военного округа: государственные затраты в 1906–1917 гг. / П.А. Новиков // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 2008. – С. 142–146.

172. Новиков, П.А. Местные команды Иркутского военного округа: офицерский состав и бытовые условия по состоянию на 1912 / П.А. Новиков // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. – Иркутск, 2017. – С. 195–215.

173. Новиков, П.А. Развитие местных войск Восточной Сибири / П.А. Новиков // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития силовых структур. – Иркутск, 2014. – С. 101–108.

174. Окамото, С. Японская олигархия в Русско-японской войне / С. Окамото. – М.: Центрполлиграф, 2003. – 320 с.

175. Осипова, М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин / М.Н. Осипова. – М.: Animi Fortitudo, 2005. – 320 с.

176. Павлов, Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. / Д.Б. Павлов // Российская история. – 2016. – № 2. – С. 139–161.

177. Павлов, Д.Б. Д.В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае / Д.Б. Павлов // Труды института Российской истории РАН. – 2019. – № 15. – С. 120–154.

178. Павлов, Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море / Д.Б. Павлов. – М.: Материк, 2004. – 464 с.

179. Павлов, Д.Б. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и дальневосточная политика Росси: взгляд российских военных / Д.Б. Павлов // В поисках истины. Сборник статей и воспоминаний памяти профессора Н.В. Блинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 236–255.

180. Павлов, Д. Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее / Д. Павлов, Н. Павлова // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 5. – С. 118–126.

181. Пак, Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 1. 1860–1888 / Б.Б. Пак. – М. –

Иркутск – СПб: Институт востоковедения РАН, 2004. – 244 с.

182. Пак, Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 2. 1888–1897 / Б.Б. Пак. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 272 с.

183. Пак, Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея / Б.Б. Пак. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 400 с.

184. Пак, Б.Б. Строительство Амурской железной дорожной магистрали (1891–1916) / Б.Б. Пак. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1995. – 132 с.

185. Пак, Б.Д. Россия и Корея / Б.Д. Пак. – 2-е изд., доп. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 250 с.

186. Пак, Б.Д. Существовал ли в России реальный проект раздела Кореи на рубеже XIX и XX веков? / Б.Д. Пак // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – № 3. – С. 108–115.

187. Пак, Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898 гг. / Пак Чон Хё. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Международный центр корееведения, 1993. – 181 с.

188. Пак, Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея / Пак Чон Хё. – М.: Восточная литература, 1997. – 278 с.

189. Панченко, И.А. Поверочные сборы нижних запасных чинов в Сибирском и Приамурском военных округах в 1896, 1897 и 1899 гг. / И.А. Панченко, Н.Д. Ростов // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 2 (15). – С. 143–148.

190. Петренко, В.М. Развитие русских сухопутных сил на Дальнем Востоке (конец 40-х – середина 80-х годов XIX в. / В.М. Петренко // Воен.-ист. журнал. – 2009. – № 5. – С. 10–15.

191. Петренко, В.М. Развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX века / В.М. Петренко // Воен.-ист. журнал. – 2007. – № 7. – С. 3–9.

192. Петренко, В.М. Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903 гг.) / В.М. Петренко // Воен.-ист. журнал. – 2010. – № 2. – С. 3–9.

193. Петренко, В.М. Изменения в организации и составе русских сухопутных сил на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903) / В.М. Петренко // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX век. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – С. 308–319.

194. Петров, А.И. Военный губернатор Приморской области Иосиф Гаврилович Баранов / А.И. Петров. // Вестник ДВО РАН. – 2000. – № 2. – С. 51–60.

195. Петров, А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. / А.И. Петров – СПб.: Береста, 2003. – 960 с.

196. Петухова, Н.В. Деятельность востоковедов Д.Д. Покотилова и Д.М. Позднеева в Китае в 1895–1901 гг. / Н.В. Петухова // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 147–

152.

197. Пискулова, Ю.Е. Российско-корейские отношения в середине XIX–начале XX веков / Ю.Е. Пискулова. – М.: Вост. лит., 2004. – 150 с.

198. Погребной, Г.М. Образование гарнизона «Штаб графа Муравьева-Амурского» на Уссури / Г.М. Погребной // Записки общества изучения Амурского края. Третьи Муравьевские чтения: сб. докладов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – Т. XXXIX. – С. 108–112.

199. Полутов, А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне / А.В. Полутов. – Владивосток: Русский Остров, 2009. – 472 с.

200. Попов, И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И.М. Попов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 511 с.

201. Поповичева, Ю.Н. Специфика управления на Дальнем Востоке России (1850–1870-е годы) / Ю.Н. Поповичева // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX–начале XX века. (Вторые Крушановские чтения, 2001 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2003. – С. 35–37.

202. Ращупкин, Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность / Ю.М. Ращупкин. – Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. – 207 с.

203. Ремнев, А.В. Анатолий Николаевич Куломзин / А.В. Ремнев // Вопросы истории. – 2009. – № 8. – С. 26–46.

204. Ремнев, А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков / А.В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

205. Ржевуский, И.В. Японско-китайская война 1894–1895 гг. / И.В. Ржевуский. – СПб., 1896. – 79 с.

206. Романов, Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 / Б.А. Романов. – М.–Л.: Наука, 1947. – 475 с.

207. Романов, Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Б.А. Романов. – Л.: Изд-во Лен. вост. инст., 1928. – 606 с.

208. Романов, Г.И. Иркутское казачество (2-я половина XVII–начало XX вв.) / Г.И. Романов, П.А. Новиков. – Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. – 352 с.

209. Ростов, Н.Д. Земли алтайской верные сыны… Из истории доблести и чести воинской сибирских полков / Н.Д. Ростов. – Изд. 2-е доп. и перераб. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – 304 с.

210. Ростов, Н.Д. Мобилизация людских ресурсов Омского военного округа в 1914

году / Н.Д. Ростов // Материалы науч.-практ. конф. «Алтай и Первая мировая война». 14–15 октября 2014. г. Барнаул: сб. материалов науч.-практич. конф., к 100-летию нач. Первой мировой войны. – Барнаул: Алт. дом печати, 2014. – С. 24–34.

211. Ростов, Н.Д. Общественно-политическая жизнь сибирской провинции в годы Первой мировой войны / Н.Д. Ростов // Материалы науч.-практ. конф. «Алтай и Первая мировая война». 14–15 октября 2014. г. Барнаул: сб. материалов науч.-практич. конф., к 100-летию нач. Первой мировой войны. – Барнаул: Алт. дом печати, 2014. – С. 35–46.

212. Ростов, Н.Д. Отмобилизование и отправка на фронт сибирских воинских частей в годы Первой мировой войны / Н.Д. Ростов // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Материалы Всерос. науч.–практ. конф. 31 октября 2014. – Кемерово: КузГТУ, 2014. – С. 228−233.

213. Ростов, Н.Д. Поверочные сборы нижних запасных чинов в Сибирском и Приамурском военных округах в 1896, 1897 и 1899 гг. / Н.Д. Ростов // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 2 (15). – С. 143–148.

214. Ростов, Н.Д., Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX века / Н.Д. Ростов, Ю.П. Горелов // Ползуновский вестник. – 2003. – № 3 – 4. – С. 96–104.

215. Ростов, Н.Д. Иркутск и русско-китайский конфликт 1900 г. (по материалам Известий Иркутской городской думы) / Н.Д. Ростов, И.Я. Панченко // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 4. – С. 137–147.

216. Ростов, Н.Д. Влияние пьянства на состояние воинской дисциплины в воинских частях Сибирского военного округа в годы русско–японской войны 1904–1905 гг. / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Евразийская интеграция и безопасность». 7 июня 2018. г. Новосибирск // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 2 (15). – С. 160–165.

217. Ростов, Н.Д. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы русско–японской войны 1904–1905 гг. / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов // Воен.-ист. журнал. – 2019. – № 9. – С. 53–60.

218. Ростов, Н.Д. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов / Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 177–185.

219. Ростов, Н.Д. IV Сибирский армейский корпус в русско-японской войне 1904–1905 гг. / Н.Д. Ростов, М.А. Ширшов. – Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2019. – 224 с.

220. Ротштейн, Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. / Ф.А. Ротштейн – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 705 с.

221. Рудаков, И.С. Амурская речная флотилия / И.С. Рудаков // Россия и АТР. – 2008. – № 3. – С. 5–13.

222. Рудаков, И.С. Начало формирования воинских подразделений в областях Дальнего Востока России во второй половине XIX в. / И.С. Рудаков // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 3–4. – С. 151–155.

223. Рудаков, И.С. Создание структур управления и военной организации Дальнего Востока России / И.С. Рудаков // Власть и управление на Востоке России. – 2007. – № 4(41). – С. 141–149.

224. Рудковский, Н.П. Приамурье: люди, судьбы, память. Исторические очерки / Н.П. Рудковский. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2006. – 160 с.

225. Русско-японская война. – М.: Эксмо, Изографус; 2003. – 672 с.

226. Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – 656 с.

227. Рыбаченок, И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы / И.С. Рыбаченок. – М.: РОССПЭН, 2012. – 582 с.

228. Салогуб, Я.Л. Правовой статус Наместника на Дальнем Востоке в законодательстве Российской империи (1903–1905) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 1 (30). – С. 37–42.

229. Самойлов, Н.А. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения / Н.А. Самойлов, Е.О. Старовойтова, М.В. Ходяков, Д.Г. Янченко // Новейшая история России. – 2016. – № 3 (17). – С. 205–210.

230. Саркисов, К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917) / К.О. Саркисов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 704 с.

231. Светлов, Р. «Полицейские войны» / Р. Светлов // Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 358–397.

232. Свечин, А.А. Военные действия в Манчжурии в 1904–1905 гг. / А.А. Свечин // История российского флота. – М.: Эксмо, 2007. – С. 500–584.

233. Свечин, А.А. Эволюция военного искусства: с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. / А.А. Свечин. М.–Л.: Госиздат, 1927–1928.

234. Сенченко, И.А. Сахалин и Курилы – история освоения и развития / И.А. Сенченко. – М.: Моя Россия; Кучково поле, 2006. – 512 с.

235. Сергеев, Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Е.Ю. Сергеев. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 454 с.

236. Сергеев, Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. / Е.Ю. Сергеев. – М. Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 219 с.

237. Сергеев, Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. / Е.Ю. Сергеев. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 230 с.

238. Сергеев, О.И. Из истории Амурско-Уссурийской казачьей флотилии / О.И. Сергеев // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода Д.В. Пояркова на Амур). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1993. – С. 46–50.

239. Сергеев, О.И. Из истории казачьей службы на реках Дальнего Востока / О.И. Сергеев // Российский флот на Тихом океане: История и современность: материалы конф. – Владивосток, 1996. – Вып. 1. – С. 56–60.

240. Сергеев, О.И. Из истории поселений Уссурийского казачьего войска (1858–1922 гг.) / О.И. Сергеев, С.И. Лазарева // Катанаевские чтения-98: материалы докл. II Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1998. – С. 218–221.

241. Сергеев, О.И. Казаки Дальнего Востока и обеспечение безопасности России (вторая половина XIX–начало XX в.) / О.И. Сергеев // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности (Шестые Крушановские чтения, 2009). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. С. 241–249.

242. Сергеев, О.И. Казачество на русском дальнем Востоке в XVII–XIX вв. / О.И. Сергеев. – М.: Наука, 1983. – 327 с.

243. Сергеев, О.И. Освоение Дальнего Востока России и японского острова Хоккайдо (военно-политический аспект) / О.И. Сергеев // Проблемы исторического образования в Восточной Азии: диалог преподавателей и ученых: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток: 1999. – С.128–130.

244. Сергеев, О.И. Роль и место казачества в заселении и обороне приграничных районов Дальнего Востока России во второй половине XIX в. / О.И. Сергеев // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2000. – С. 73–79.

245. Сергеев, О.И. Роль местного казачества в заселении и обороне приграничных районов Дальнего Востока России во второй половине XIX в. / О.И. Сергеев // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 73–79.

246. Сергеев, О.И. Система образования в Уссурийском казачьем войске во второй половине XIX–начале XX в. / О.И. Сергеев // Образовательный потенциал Тихоокеанской России XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – С. 123–132.

247. Сергеев, О.И. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX–начале XX в.: очерки истории / О.И. Сергеев, С.И. Лазарева, Г.А. Тригуб. – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 296 с.

248. Смирнов, Н.Н. Забайкальское казачество / Н.Н. Смирнов. – М.: Вече, 2008. –544 с.

249. Сорокин, А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. / А.И. Сорокин. – М.: Воениздат, 1952. – 272 с.

250. Старовойтова, Е.О. Русско-китайские отношения в 1891–1896 гг. и деятельность российского посланника в Пекине А.П. Кассини / Е.О. Старовойтова // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 137–146.

251. Старовойтова, Е.О. Современная российская и зарубежная историография о колонизации Сибири в конце XIX – начале XX в. / Е.О. Старовойтова, Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков // Новейшая история России. – 2021. – № 2. С. 252–265.

252. Старый Владивосток. – Владивосток: Утро России, 1992. – 211 с.

253. Стратиевский, О.Б. Русский остров (страницы истории) / О.Б. Стратиевский. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 488 с.

254. Строков, А.А. История военного искусства: в 5 т. / А.А. Строков – СПб.: Омега-Полигон, 1994. – Т. 5. – 710 с.

255. Схиммельпенник Ван дер Ойе, Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Д. Схиммельпенник Ван дер Ойе. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.

256. Табохаси, Киеси. Дипломатическая история Японо-китайской войны (1894–1895 гг.) / Табохаси Киеси. – Пер. с яп. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 607 с.

257. Тимофеев, О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX–нач. XX вв.) / О.А. Тимофеев. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2003. – 302 с.

258. Тихомиров, М.Н. Присоединение Мерва к России / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 240 с.

259. Ткаченко, Б.И. Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков / Б.И. Ткаченко. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 160 с.

260. Ткаченко, Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах / Б.И. Ткаченко. – Владивосток: Уссури, 1999. – 376 с.

261. Троицкая, Н.А. Военные Губернаторы Амурской области: к вопросу о кадровом обеспечении / Н.А. Троицкая // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2001. – С. 94–96.

262. Ульянов, Э.И. Регулярная пехота 1855–1918 / Э.И. Ульянов, О. Леонов. – М.:

ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 288 с.

263. Умрихин, А.В. Российское Приамурье: проблемы и особенности административного управления краем на рубеже XIX–XX в. / А.В. Умрихин // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы междунар. науч. конф. (доклады и сообщения), состоявшейся 18–20 июня 1996 г. – Владивосток, 1997. – С. 11–15.

264. Уссурийское казачье войско: история и современность (К 110 годовщине образования УКВ) / Сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. – Владивосток, 1999. – 120 с.

265. Уткин, А.И. Русско-японская война: в начале всех бед / А.И. Уткин. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2005. – 493 с.

266. Фабрика, Ю.А. Пример служения России. Сибирский военный округ в русско-японской войне 1904–1905 гг. / Ю.А. Фабрика. – Новосибирск: ГАУ НСО ИД «Советская Сибирь», 2015. – 464 с.

267. Фабрика, Ю.А. Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо...: (к 100-летию русско-японской войны 1904–1905 гг.) / Ю.А. Фабрика // Новосибирский архивный вестник. – 2004. – № 14. – С. 129–134.

268. Федосеев, С.Л. Пулеметы русской армии в бою / С.Л. Федосеев. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 368 с.

269. Хидоятов, Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.) / Г.А. Хидоятов. – Ташкент: Изд-во «ФАН» Узбекской ССР, 1981. – 212 с.

270. Хисамутдинов, А.А. Владивосток. Этюды к истории старого города / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 328 с.

271. Хисамутдинов, А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 352 с.

272. Ходжаев, А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX в.) / А. Ходжаев. – М.: Наука, 1979. – 127 с.

273. Ходяков, М.В. Желтороссия конца XIX–начала XX века в геополитических планах русской военной элиты / М.В. Ходяков // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 880–897.

274. Хохлов, А.Н. Д.В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) / А.Н. Хохлов // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – С. 172–202.

275. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков (отв. ред.), А.А. Иванов, А.Э.

Котов, В.Л. Степанов, А.В. Мамаев, Э.О. Сагинадзе, Е.О. Старовойтова, Б.А. Алимджанов, Г.М. Слободзян. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 660 с.

276. Чан Цзюн. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908 / Чан Цзюн. Пер. с англ. С.А. Белоусова. – М.: Центрполиграф, 2016. – 575 с.

277. Черников, И.И. Русские речные флотилии за 1000 лет (907–1917 гг.) / И.И. Черников. – Под ред. В.Н. Щербакова. – СПб.: Б.С.К., 1999. – 122 с.

278. Черников, И.И. Энциклопедия мониторов. Защитники речных границ России / И.И. Черников. – СПб.: Судостроение, 2007. – 696 с.

279. Чой, Док Кю. Россия в Корее 1893–1905 гг.: (Политика Министерства финансов и Морского министерства) / Чой, Док Кю. – СПб.: Зеро, 1996. – 159 с.

280. Шацилло, К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика / К.Ф. Шацилло. – М.: РОССПЭН, 2000. – 399 с.

281. Шацилло, В.К. Русско-японская война. 1904–1905 / В.К. Шацилло, Л. Шацилло. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 468 с.

282. Шеманский, А.Д. Бой на Кушке и его 25 летний юбилей 18/III 1885–18/III 1910 г. / А.Д. Шеманский. – СПб.: Изд-во В. Березовского, 1910. – 80 с.

283. Шиловский, Д.М. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI–XXI в.) / Д.М. Шиловский, М.В. Шиловский. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 347 с.

284. Шиловский, М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / М.В. Шиловский. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

285. Шиндялов, Н.А. История Благовещенска 1856–1907. Очерки, документы, материалы / Н.А. Шиндялов. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2006. – 168 с.

286. Шиндялов, Н.А Образование Амурского казачьего войска / Н.А. Шиндялов // Исторический опыт освоения восточных районов России: материалы междунар. науч. конф. (тезисы докл. и сообщ.). – Владивосток: 1993. – С. 36–38.

287. Шулатов, Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. /Я.А. Шулатов.– Хабаровск–М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2008. –320 с.

288. Янченко, Д.Г. Вопросы обороны, внутреннего управления и статуса Китайско-Восточной железной дороги в правительственной политике в начале XX в. / Д.Г. Янченко // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2018. – № 50 (4). – С. 1712–1724.

289. Ясько, Т.Н. Вклад военных моряков в освоение изучение Дальнего Востока России (конец XIX–начало XX вв.) / Т.Н. Ясько // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 26–29.

290. A.N. La guerre russo-japonaise. Par le comm. / A.N. Vol. 1–3. – Paris: Fournier, 1907–

1908.

291. Asakawa, K. The Russo-Japanese conflict. Its causes and issues / K. Asakawa. – Westminster: The Riverside Press Cambridge, 1904. – 383 p.

292. Aubert, F. Der russisch-japanische Krieg. Bd. 1–2 / F. Aubert. – Berlin: Mittler, 1905–1906.

293. Bilof, E.G. China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887 / E.G. Bilof // Military Affairs. 1982. – Vol. 46. – No. 2. – P. 69–75.

294. Brunker, H.M.E. Story of the russo-japanese war 1904–1905 / H.M.E. Brunker. – Part 1–2. – London: Groom, 1909–1911.

295. Bujac, E. La guerre russo-japonaise / E. Bujac. – Paris: Charles-Lavauze'le, 1907. – 496 p.

296. von Bulow, H. Das russisch-japanische Konflikt / H. von Bulow. – Wien, 1904. – 96 s.

297. Cassell's History. History of Russo-Japanese War. Vol. 1–3. – London: Cassel, 1904–1905.

298. Edwards, M. Playing the Great Game: A Victorian Cold War / M. Edwards. – London: H. Hamilton, 1975. – 167 p.

299. Einzelschriften über den russisch-japanischen Krieg. Bd. 1–8. – Wien: Streffleurs Österreichischen militärischen Zeitschrift, 1906–1913.

300. von Freytag-Loringhofen, H. Betrachtungen über den russisch-japanischen Krieg / H. von Freytag-Loringhofen. H. 1–2. – Berlin, 1913. – 154 s.

301. Gädke, R. Japans Krieg und Sieg. Politisch-militärische Beschreibung des russisch-japanischen Kriegs / R. Gädke. – Berlin: Alfred Schall, 1907. – 347 s.

302. Galli. la guerre en Extrême-Orient. Russes et japonais / Galli. Vol. 1–2. – Paris: Garnier, 1904–1905.

303. Gillard, D. The struggle for Asia, 1828–1914. A study in British and Russian Imperialism / D. Gillard. – London: Methuen, 1977. – 214 p.

304. Grew, E. Sharpe. War in the Far East. A history of the Russo-Japanese struggle / E. Grew. Vol. 1–4. – London: Virtue, 1911–1913.

305. Guionic, G. Réflexions sur la guerre de Mandchourie / G. Guionic. – Paris: Charles-Lavauzelle, 1907. – 116 p.

306. Gundry, R.S. China and her neighbours / R.S. Gundry. – London: Chapman and Hall, Ltd, 1893. – 408 p.

307. Hake, A.E. Events in the Taeping rebellion / A.E. Hake. – London: W.A. Allen and Co. Publishers to the India Office, 1891. – 531 p.

308. Hamilton, A.W. The Kŏmundo Affair / A.W. Hamilton // Korea Journal. – 1982. – No.

6. – P. 20–33.

309. Hamilton, A.W. British interest in Korea, 1866–1884 / A.W. Hamilton // Korea Journal. – 1982. – No. 1. – P. 24–41.

310. Hoare, J.E. Britain and Korea: 1883–1983 / J.E. Hoare // Korea Journal. – 1984. – No. 4. – P. 4–8.

311. Hoare, J.E. Komundo–Port-Hamilton / J.E. Hoare // Asian affairs. – 1986. – No. 3. – P. 298–308.

312. Höcker, C. Russland und Japan im Kampf um die Macht in Ostasien / C. Höcker. Bd. 1–2. – Liepzig: Swinna, s.a.

313. Hopkirk, P. The Great Game: On Secret Service in High Asia / P. Hopkirk. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 562 p.

314. Hsü, C.Y. The Ili crisis. A study of Sino-Russian diplomacy 1871–1881 / C.Y. Hsü. – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 230 p.

315. Immanuel, F. Der russisch-japanische Krieg. In militärischer und politischer Beziehung dargestellt / F. Immanuel. H. 1–6. – Berlin: Schrōder, 1904–1906.

316. von Kalinowski, W.E. Der Krieg zwischen Russland und Japan. Auf Grund Zuverlässiger Quellen bearb. von Walter Erdmann von Kalinowsky / W.E. von Kalinowski. H. 1–6. – Berlin: Lieber, 1904–1905.

317. Keep, J.L.N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874 / J.L.N. Keep. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 432 p.

318. Kent, P.H. Railway enterprise in China. An account of its origin and development / P.H. Kent. – London: Edward Arnold, 1907. – 304 p.

319. Kiernan, E.V.G. British Diplomacy in China: 1880–1885 / E.V.G. Kiernan. – Cambridge: Cambridge University Press, 1939. – 327 p.

320. Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. H. 11, 37–49. – Berlin: Mittler, 1906–1913.

321. Lensen, G.A. The Russo-Chinese war / G.A. Lensen. – Tallahassee: Diplomatic Press, 1967. – 315 p.

322. von Lignitz, F. Der japanisch-russische Krieg. Mit kriegsgeschichtlichen Vergleichen und Betrachtungen über den Krieg / F. von Lignitz. Bd. 1–4. – Berlan: Vossische Buchhandl., 1908–1911.

323. Lin-le. Ti-ping tien-kwoh; the history of the Tie-ping revolution / Lin-le. – London: Day & sons (limited), Lithographers & publishers, 1866. – Vol. II. – 842 p.

324. Meister, J. Der russisch-japanische Krieg. Ein Studienbehelf / J. Meister. 2 Aufl. – Wien: Seidel, 1911. – 410 s.

325. Menning, B.W. “Bayonets before bullets”. The Imperial Russian army, 1861–1914 /

B.W. Menning. – Bloomington: Indiana University Press, 1992. – 334 p.

326. Meunier, R. La guerre russo-japonaise. Historiques enseignement / R. Meunier. – Paris–Nancy: Berger–Levrault, 1906. – 686 p.

327. Morgan, G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895 / G. Morgan. – London: F. Cass, 1981. – 264 p.

328. Nahm, A.C. Korea and the Tsarist Russia: Russian interests, and involvement in Korea, 1884–1904 / A.C. Nahm // Korea Journal. – 1982. – No. 6. – P. 4–19.

329. Nish, J. Politics, trade and communications in the East Asia: thoughts on Anglo-Russian relations, 1861–1907 / J. Nish // Modern Asian Studies. – 1987– Vol. 21. – No. 4. – P. 667–678.

330. Official history (naval and military) of the Russo-Japanese War. Vol. 1–3. – London, 1910–1920.

331. Paine, S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy / S.C.M. Paine. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 412 p.

332. Reports of military observers attached to the armies in Manchuria during the Russo-Japanese War. Part. 1–5. – Washington, 1906–1907.

333. Reventlow, E. Der russisch-japanische Krieg. Nebst einer Beschreibung von Japan, Korea, Russisch-Asien und einer Geschichte dieser Länder von Dr. H. Döring / E. Reventlow. Bd. 1–3. – Berlin–Schöneberg: Internationaler Welt-Verlag, 1905–1906.

334. de Saligny. Essai sur la guerre russo-japonaise / de Saligny. – Paris: Berger-Levrault, 1913. – 480 p.

335. Sedgweek, F.R. The Russo-Japanese War on the Land. A brief account of the strategy and major tactics of the war / F.R. Sedgweek. – London: Forster Groom, 1906. – 170 p.

336. Seung Kwon Synn. The Russo-Korean Relations in the 1880s / Seung Kwon Synn // Korea Journal. – 1980. – No. 9. – P. 26–39.

337. The official history of the Russo-Japanese War. Prepared by the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. Part. 1–5. – London: Harrison, 1904.

338. The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. / Ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpennick van der Oye, D. Wolf, Shinji Yokote. – Leiden–Boston: Brill, 2005. – 671 p.

339. The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. Vol. II / Ed. by D. Wolf, S.G. Marks, B.W. Menning, D. Schimmelpennick van der Oye, J.W. Steinberg, Shinji Yokote. – Leiden–Boston: Brill, 2007. – 583 p.

340. Unger, F.W. Russia and Japan. A complete history of the war in the Far East / F.W. Unger. – Washington, 1905.

341. Wilson, A. The “Ever-victorious army”. A history of the Chinese Campaign / A. Wilson.

– London and Edinburgh: William Blackwood and sons, 1868. – 395 p.

342. Wolseley, G.J. Narrative of the war with China in 1860 / G.J. Wolseley. – London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. – 415 p.

III. Энциклопедические и справочные издания

1. Алфавитный список периодических изданий Российской империи. (За исключением выходящих в Финляндии). – СПб.: Издание Русского общества книгопродавцев и издателей, 1899. – 48 с.

2. Басханов, М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь / М.К. Басханов. – М.: Вост. лит., 2005. – 295 с.

3. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под. ред. С.Н. Южакова и проф. П.Н. Милюкова. Т. II, V, XX. – СПб.: Типография т-ва. «Просвещение», 1902.

4. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. – 768 с.

5. Военная энциклопедия. – СПб.: Т-во. И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. 1–18.

6. Военный энциклопедический лексикон издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 1–14. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1837–1850.

7. Высшие и центральные государственные учреждения в России. 1801–1917: в 4 т. – СПб.: Наука, 2000–2004.

8. Гольмдорф, М. Указатель-сборник распоряжений по артиллерии за 20 лет. Приказы, приказания и циркуляры с 1855 по 1875 год / М. Гольмдорф. – СПб.: Тип. Штаба Войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1875. – 205 с.

9. Господа офицеры… Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Биографический справочник. – Благовещенск: Амурская ярмарка, 2016. – 480 с.

10. Дипломатический словарь. В 3 т. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Наука, 1986.

11. Каталог журнала «Вестник Европы» за 25 лет (1866–1890) с алфавитным указателем имен авторов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. – 166 с.

12. Каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие 1896–1900 с алфавитным указателем имен авторов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 55 с.

13. Кириллов, А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. Кириллов. – Благовещенск: Тип. т-ва Д.О. Мокин и Ко, 1894. – 541 с.

14. Кохно, П.А. Указатель распоряжений по артиллерии за семь лет (приказы и

циркуляры) с 1881 по 1888 год / П.А. Кохно. – СПб.: Тип. В.А. Березовского, 1888. – 176 с.

15. Красный архив. Исторический журнал 1922–1941 гг. Аннотированный указатель содержания / Сост. Р.Я. Зверев. Под ред. проф. В.В. Максакова. М., 1960. – 252 с.

16. Лучинин, В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках / В. Лучинин. – М.: Воениздат, 1939. – 144 с.

17. Мау. Полный систематический указатель приказов по военному ведомству 1869–1873 гг. / Мау. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1873. – 160 с.

18. Мартьянов. Указатель Высочайших повелений и распоряжений Военного министерства, воспоследовавших в дополнение, изменение и отмену свода штатов военно-сухопутного ведомства. С 1 января 1870 г. по 1 марта 1872 г. / Мартьянов. – СПб.: Тип. М. Хана, 1872. – 239 с.

19. Морской биографический справочник Дальнего Востока и Русской Америки: XVII–начало XX вв. / Сост. Б.Н. Болгурцев. – Владивосток: Уссури, 1998. – 232 с.

20. Настольный хронологический указатель постановлений относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550–1890 / Сост. генерал-лейтенант барон В. Штейнгель. – СПб.: Военная типография, 1890. – 206 с.

21. Н.Б. Указатель приказов военного министра с 1859 г. по 1 июня 1867 г. / Н.Б. – СПб.: Тип. Артиллерийского журнала, 1867. – 330 с.

22. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 596 с.

23. Советская Военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1976.

24. Патин, К. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного Штаба и прочих Главных Управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам за 52 года, с 1859 по 1911 г.: в 2 кн. / К. Патин. – 3-е изд. доп. – СПб.: Тип. В.А. Березовского, 1911.

25. Роспись содержанию «Русского архива» издаваемого П.И. Бартеневым за первые тридцать лет (1863–1892). С азбучным указателем. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1894. – 239 с.

26. Систематический указатель Военного сборника за 1858–1890 гг. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1891. – 304 с.

27. Систематический указатель Военного сборника за 1868–1874 гг. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1874. – 32 с.

28. Систематический указатель Военного сборника за 1875–1879 гг. – СПб.: Тип. В.А. Полетики, 1879. – 60 с.

29. Систематический указатель Русского инвалида за 1869–1890 гг. – СПб.: Тип.

Департамента уделов, 1891. – 292 с.

30. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 25 лет (1880–1904). Сост. Б.М. Городецкий. – СПб.: Тип. А.С. Суворова, 1908. – 744 с.

31. Указатель статей Морского сборника 1848–1872 гг. Сост. И. Петров. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1875. – 767 с.

32. Указатель статей помещенных в Артиллерийском журнале за 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 гг. Сост. А.Л. Иванов. – Киев: Тип. Петра Барского, 1893. – 32 с.

33. Хисамутдинов, А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока. (Материалы к биобиблиографии исследователей) / А.А. Хисамутдинов. – Вып. 1 (1639–1939). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 667 с.

34. Штейнгель, В. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550 до 1890. / В. Штейнгель. – СПб.: Тип. Департамента Уделов, 1890. – 255 с.

35. Энциклопедия военных и морских наук: 8 т. / Гл. ред. генерал-лейтенант Г.А. Леер. – СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1883–1895. – 8 т.

IV. Диссертации и авторефераты

1. Баяндин, В.И. Армейские части в Сибири в годы Первой русской революции: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Баяндин Владимир Ильич. – Новосибирск. 1987. – 256 с.

2. Белозерова, О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны 1903–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Белозерова Ольга Александровна. – СПб., 2015. – 354 с.

3. Вишняков, О.В. Деятельность Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Вишняков Олег Владимирович. – Хабаровск, 2006. – 248 с.

4. Гладких, С.А. Русский военно-морской флот на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Гладких Сергей Александрович. – Сыктывкар, 1999. – 234 с.

5. Голик, А.А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Голик Андрей Александрович. – СПб., 2015. – 209 с.

6. Голято, В.Н. Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX–начале XX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Голято Валерий Николаевич. – Иркутск, 2007. – 251 с.

7. Горелов, Ю.П. Вклад сибиряков в защиту Отечества в воинах начала XX века:

дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Горелов Юрий Павлович. – Кемерово, 2003. – 502 с.

8. Добычина, Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Добычина Елена Викторовна. – М., 2003. – 213 с.

9. Жабицкий, А.К. Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае: конец XIX–начало XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Жабицкий Андрей Константинович. – Улан-Удэ, 2012. – 238 с.

10. Захаренко, И.А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая: середина XVII–начало XX в.: дис. … д-ра геогр. наук: 07.00.10 / Захаренко Игорь Антонович. – М., 2009. – 424 с.

11. Казанцев, В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в.–февраль 1917 г.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Казанцев Виктор Прокопьевич. – СПб., 2015. – 601 с.

12. Кузнецов, М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузнецов Михаил Юрьевич. – Иркутск, 2020. – 339 с.

13. Кунжаров, Е.М. Подготовка офицерских кадров в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве в XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кунжаров Евгений Михайлович. – Иркутск, 2008. – 220 с.

14. Лисицын, А.А. Деятельность инженеров путей сообщения по реализации железнодорожной транспортной политики на Дальнем Востоке России (конец XIX в.–1917 г.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Лисицын Алексей Александрович. – Хабаровск, 2011.–269 с.

15. Макаренко, А.И. Политика России на Дальнем Востоке по закреплению Тихоокеанского побережья (середина XVII–начало XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Макаренко Андрей Иванович. – Хабаровск, 2009. – 211 с.

16. Мартыненко, Ю.А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Мартыненко Юрий Александрович. – М., 2001. – 215 с.

17. Милежик, А.В. Дальневосточное Наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Милежик Алексей Викторович. – Хабаровск, 2007. – 212 с.

18. Новиков П.А. Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX в.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Новиков Павел Александрович. – Иркутск, 2009. – 584 с.

19. Османов Е.М. История становления японской императорской армии и флота (1868–1894): дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Евгений Магомедович Османов. – СПб., 2005. – 306 с.

20. Пак, Б.Б. Российская дипломатия и Корея: 1876–1898.: дис. … д-ра ист. наук:

07.00.15 / Пак Бэла Борисовна. – М., 2007. – 622 с.

21. Пестушко Ю.С. От военной конфронтации к политическому союзу: японо-российские отношения в 1905–1917 гг.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03 / Пестушко Юрий Сергеевич. – Хабаровск, 2012. – 392 с.

22. Петренко, В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Петренко Валерий Михайлович. – Хабаровск, 2009. – 216 с.

23. Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке: 1895–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Пименов Павел Сергеевич. – Самара, 2006. – 205 с.

24. Полутов, А.В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Полутов Андрей Вадимович. – Владивосток, 2011. – 272 с.

25. Ращупкин, Ю.М. Иркутский военный округ, 1884–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ращупкин Юрий Михайлович. – Иркутск, 1999. – 305 с.

26. Рудаков, И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Рудаков Игорь Степанович. – Хабаровск, 2010. – 200 с.

27. Сергеев, О.И. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII–XIX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сергеев Олег Игорьевич. – Владивосток, 1979. – 254 с.

28. Смагин, Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX–начале XX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Смагин Роман Юрьевич. – Новосибирск, 2015. – 366 с.

29. Фролов, И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Фролов Иван Александрович. – М., 2018. – 294 с.

30. Чистый, А.В. Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Чистый Алексей Валерьевич. – СПб, 2002. – 200 с.

31. Ширшов, М.А. Воинские формирования Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ширшов Михаил Александрович. – Барнаул, 2019. – 326 с.

Приложение 1

Дислокация русских войск на Дальнем Востоке в 1866–1904 гг.

Таблица 1

Дислокация войск и расположение учреждений Восточного Сибирского военного округа к 25 января 1866 г.

ПЕХОТА	
1-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Хабаровка
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Благовещенск
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон	В следовании в южные порты Восточного океана
4-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Николаевск
5-й Восточно-Сибирский линейный батальон	с. Мариинско-Успенское
6-й Восточно-Сибирский линейный батальон	мыс. Чныррах
72-й пехотный резервный батальон	г. Иркутск
№ 52-й Красноярский губернский батальон, при нем: местные команды: Ачинская, Енисейская, Канская, Минусинская; этапные команды: Ачинская, Козульская, Малокемчугская, Кускунская, Уярская, Ключевская, Каинская, Малоингамская и Ключинская	г. Красноярск
№ 53-й Иркутский губернский батальон, при нем: местные команды: Нижнеудинская, Киренская; этапные команды: Бирюсинская, Разгонная, Алгашедская, Уковская, Нижнеудинская, Худоелаинская, Курзанская, Шарагульская, Кишильтейская, Тыретская, кутуликская, Половинная, Билькутайская, Тальцинская и Лиственничная	г. Иркутск
Местные команды: Читинская, Верхнеудинская, Троицкосавская, Нерчинская	В одноименных пунктах Забайкальской области
Этапные команды: 1-я, 2-я и 3-я Забайкальские	Забайкальская область
Николаевская крепостная команда	г. Николаевск
Постовые команды в Приморской области:	
Дуйская	пост Дуэ на о. Сахалин
Новгородская	пост Новгородский
Александровская	пост Александровский на о. Сахалин
Ольгинская	пост в зал. Св. Ольги
Владивостокская	пост Владивосток
АРТИЛЛЕРИЯ	
Забайкальская линейная артиллерийская бригада:	
штаб	г. Верхнеудинск
батарейная батарея	
горный дивизион	порт Владивосток
легкая батарея	г. Благовещенск
Подвижной артиллерийский полупарк Восточного Сибирского военного округа	г. Верхнеудинск
Николаевская крепостная артиллерийская рота	мыс Чныррах
КАЗАЧЬИ ВОЙСКА	
Забайкальское казачье войско:	
а) конные полки[1]:	
1-я бригада:	станица Кударинска
1-й полк	станица Харацайская
2-й полк	станица Кударинская
2-я бригада	станица Чиндантская
3-й полк	станица Акшинская

[1] От этих 6 полков состоит на службе разными командами 17 сотен.

4-й полк	станица Ново-Цурухайтуевская
3-я бригада	г. Селенгенск
5-й полк	г. Селенгенск
6-й полк	завод Михайло-Семеновский
б) пешие батальоны[2]:	
1-я бригада	дер. Олочи
батальон № 1	с. Донинское
батальон № 2	дер. Олочи
батальон № 3	сел. Аргунское
батальон № 4	с. Богдатское
2-я бригада	сел. Шелапугинское
батальон № 5	сел. Красноярское
батальон № 6	сел. Шелапугинское
батальон № 7	сел. Ундинское
батальон № 8	сел. Ново-Троицкое
3-я бригада	станица Стретенская
батальон № 9	с. Торгинское
батальон № 10	с. Кайдаловское
батальон № 11	с. Стретенское
батальон № 12	с. Ломовское
в) конно-артиллерийская бригада	г. Селенгенск
1-я Забайкальская батарея	
2-я Забайкальская батарея	г. Чита
Амурское казачье войско:	
Амурская конная бригада[3]:	г. Благовещенск
1-й Амурский полк	
2-й Амурский полк	
Пешие батальоны[4]:	
Амурский пеший батальон	станица Михайло-Семеновская
Уссурийский пеший батальон	станица Казакевичева
Бригада Иркутского и Енисейского казачьих конных полков[5]:	г. Иркутск
Иркутский казачий конный полк	
Енисейский казачий конный полк	г. Красноярск
Казачьи войска в ведении гражданского ведомства:	
Якутский городовой пеший полк (2½ сотни на службе)	г. Якутск
Камчатская 2-сотенная казачья команда (1 сотня)	Петропавловский порт (п-ов Камчатка)
Артиллерийские учреждения:	
Восточно-Сибирский окружной арсенал	г. Чита
Читинский местный парк	
Верхнеудинский местный парк	г. Верхнеудинск
Иркутский местный парк	г. Иркутск
Интендантские учреждения:	
Иркутский вещевой склад	г. Иркутск.
Провиантский магазин Приамурского края	
Провиантский магазин Забайкальской области	
Военно-медицинские учреждения:	
Иркутская рецептурная аптека	г. Иркутск
Иркутский 1-го класса военный госпиталь	
Читинский военный полугоспиталь	г. Чита

Ист.: Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1866 г. СПб.: Военная типография, 1866. С. 64, 70, 85, 86,94, 129, 138, 143, 179–185, 227–228, 255, 264, 269, 273, 278, 279, 286.

---

[2] От этих 12 пеших батальонов состоит на службе Забайкальский сводный казачий пеший батальон, находящийся на Карийских золотых приисках.

[3] От двух конных полков бригады на службе состоит 5 сотен.

[4] От двух пеших батальонов на службе состоит 3 роты.

[5] Команды от этих полков находятся в разных местах Иркутской и Енисейской губерний для содержания караулов и препровождения арестантов.

Таблица 2

Дислокация войск и расположение учреждений Восточного Сибирского военного округа к 25 октября 1879 г.

ПЕХОТА	
1-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Владивосток
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Троицкосавск
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон	с. Никольское
4-й Восточно-Сибирский линейный батальон	пост Корсаков на о. Сахалин
5-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Софийск
6-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Николаевск
Красноярский местный батальон	г. Красноярск
Иркутский местный батальон	г. Иркутск
Благовещенский местный батальон	г. Благовещенск
Местные команды	
Ачинская, Енисейская, Канская, Минусинская	Енисейская губерния
Нижнеудинская, Киренская, Балаганская, Верхоленская, Александровская и Усть-Карская	Иркутская губерния
Якутская	Якутская область
Читинская, Верхнеудинская, Нерчинская, Нерчинско-Александровская и Стретенская	Забайкальская область
Николаевская, Дуйская, Новгородско-Уссурийская, Александровская, Ольгинская и Хабаровская.	Приморская область
Конвойные команды:	
Ачинская, Козульская, Малокемчугская, Кускунская, Уярская, Ключевская, Каинская, Малоингашевская, Ключинская и Красноярская	Енисейская губерния
Бирюсинская, Разгонная, Алгашедская, Уковская, Нижнеудинская, Худоеланская, Курзанская, Шарагульская, Куйтунская, Кимильтейская, Тыретская, Кутуликская, Половинная, Билькутайская, Иркутская и Лиственничная	Иркутская губерния
Боярская, Курбинская, Ильинская, Онинская, Укырская, Шакшинская, Турино-Поворотная, Размахнинская, Нерчинская, Стретенская, Шелопугинская и Тайнинская	Забайкальская область
АРТИЛЛЕРИЯ	
Восточно-Сибирская артиллерийская бригада:	
штаб	г. Благовещенск
1-я батарея	
2-я батарея	с. Никольское
горная батарея	ур. Новокиевское
Подвижной артиллерийский полупарк Восточного Сибирского военного округа	г. Чита
ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА	
Амурская инженерная дистанция 1-го класса	г. Хабаровка
КАВАЛЕРИЯ	
Уссурийская казачья конная сотня	пост Камень-Рыболов
КАЗАЧЬИ ВОЙСКА	
Забайкальское казачье войско:	
а) конные полки:	
1-й полк	г. Чита
2-й и 3-й полки	на льготе
б) пешие батальоны:	
1-й	г. Чита
2-й	Карийские промыслы
3-й, 4-й, 5-й и 6-й	на льготе
в) конно-артиллерийские батареи	

1-я Забайкальская батарея	г. Селенгенск
2-я Забайкальская батарея	г. Чита
3-я Забайкальская батарея	на льготе
Амурское казачье войско:	
Амурская конная бригада[6]:	г. Благовещенск
1-й Амурский полк	
2-й Амурский полк	
Пешие батальоны[7]:	
Амурский пеший батальон	станица Михайло-Семеновская
Уссурийский пеший батальон	станица Казакевичева
Казаки Иркутской и Енисейской губерний:	
Иркутская казачья сотня	г. Иркутск
Красноярская казачья сотня	г. Красноярск
УЧРЕЖДЕНИЯ	
Военно-учебные заведения	
Иркутское юнкерское училище	г. Иркутск
Иркутская военная прогимназия	
Иркутская начальная военно-фельдшерская школа	
Артиллерийские учреждения:	
Хабаровский окружной артиллерийский склад	
Читинский окружной артиллерийский склад	г. Хабаровка
Интендантские учреждения:	г. Чита
Иркутский вещевой склад	
Продовольственные магазины:	г. Иркутск.
Иркутский 1-го класса, Киренский 4-го, Нижнеудинский 4-го	
Красноярский 2-го класса, Ачинский 4-го, Енисейский 4-го, Каннский 4-го, Минусинский 4-го	Иркутская губерния
Читинский 1-го класса, Стретенский 2-го, Верхнеудинский 3-го, Нерчинский 3-го, Селенгинский 3-го, Троицко-Савский 3-го, Нерчинско-Александровский 4-го	Енисейская губерния
Якутский 3-го класса, Вилюйский 4-го, Олекминский 4-го	Забайкальская область
Благовещенский 1-го класса	Якутия
Николаевский 1-го класса, Новгородский 1-го, Хабаровский 1-го, Чныррахский 2-го, Владивостокский 1-го, Корсаковский 2-го, Де-Кастринский 3-го, Камень-рыболовский 3-го, Софийский 3-го, Суйфунский 1-го, Дуйский 4-го, и в гавани Св. Ольги 4-го	Амурская область
Военно-медицинские учреждения:	Приморская область
Иркутская рецептурная аптека	г. Иркутск
Иркутский 1-го класса военный госпиталь	
Читинский военный полугоспиталь	г. Чита
Хабаровский военный полугоспиталь	г. Хабаровск

Ист.: Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 октября 1879 г. СПб.: Военная типография, 1879. С. 69, 94–95, 157, 179, 192, 212–215, 245–246, 303–304, 309, 310, 321–322, 324, 333, 340, 346, 351–353, 358, 361.

[6] От двух конных полков бригады на службе состоит 2 сотни.
[7] От двух пеших батальонов на службе состоит $^{2}/_{5}$ батальона.

Таблица 3

Дислокация войск и расположение учреждений Приамурского военного округа к 1 июля 1885 г.

Штаб Приамурского военного округа с военно-Топографическим отделом	г. Хабаровка
А) ПЕХОТА	
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
Бригадное управление	с. Никольское
1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	с. Раздольное
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	ур. Анучино (временно: Лагерем на Первой речке под г. Владивостоком)
1-я рота	
2-я рота	ур. Анучино
3-я рота	ур. Анучино (временно в госпитальной пади под г. Владивостоком)
4-я рота	ур. Анучино
3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	с. Никольское
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	с. Никольское (временно: на Русском острове близ г. Владивостока)
4-я рота	
4-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	с. Никольское (временно: в г. Владивостоке на м. Басаргина близ бухты Соболь)
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	с. Никольское (временно: на Русском острове близ г. Владивостока)
4-я рота	
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
Бригадное управление	ур. Новокиевское
5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	ур. Новокиевское
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон:	
Штаб	п. Новгородский
1-я рота	д. Савеловка
2-я рота	п. Новгородский
3-я рота	
4-я рота	ур. Новокиевское
7-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон :	
Штаб	ур. Славянка
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	

8-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон :	
Штаб	ур. Барабаш
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
Линейные батальоны:	
1-й Восточно-Сибирский Его Императорского ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА линейный батальон:	
Штаб	г. Владивосток
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон:	
Штаб	г. Благовещенск
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон:	
Штаб	г. Хабаровка
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
4-й Восточно-Сибирский линейный батальон:	
Штаб	г. Троицкосавск (временно 4-я рота в г. Верхнеудинск)
1-я рота	
2-я рота	
3-я рота	
4-я рота	
Местные команды	
Читинская	г. Чита
Верхнеудинская	г. Верхнеудинск
Нерчинская	г. Нерчинск
Нерченско-Александровская	г. Александровский завод (временно на Карийских промыслах при тюрьме государственных преступников)
Сретенская	с. Стретенское
Дуйская	п. Дуэ
Александровская (на о-ве Сахалин)	с. Александров.
Тымовская	с. Тымов.
Корсаковская	с. Корсаковское
Сучанская	В долине р. Сучан, близ дер. Владимировка
Александровская (де-Кастри)	п. Александровс. в заливе де-Кастри От команды выставлены отряды: в посту Константиновском (при Императорской гавани) 10 чел., в г. Софийске 21 человек
Ольгинская	посту Св. Ольги
Николаевская	г. Николаевск
Конвойные команды	
Боярская	с. Боярское
Ильинская	с. Ильинское
Курбинская	с. Курбинское
Онинская	с. Кульское
Укырская	с. Укыр

Шакшинская		с. Беклемишев
Турино-Поворотная		с. Турино-Поворотное
Размахнинская		с. Размахнинское
Нерчинская		г. Нерчинск
Стретенская		с. Стретенское
Шелопугинская		с. Шелопугинское
Тайнинская		г. Нерчинск (временно на Карийских промыслах при тюрьме государственных преступников)
Б) Кавалерия:		
Заведывающий конными сотнями, расположенными в Южно-Уссурийском крае		ур. Атамановское (временно в п. Раздольном)
1-я Уссурийская конная сотня	1-я полусотня	ур. Атамановское; от 1-й полусотни содержатся караулы Молодецкий и Комиссаровский,
	2-я	караул Полтавский; от 2-й полусотни содержатся пограничные караулы: Утесный, Ушагоуский и Надеждинский
2-я Уссурийская конная сотня		ур. Новокиевское; от сотни содержатся караулы и отряды: в дер. Ханци, Савеловке, Красном селе, Хунчунском и Фаташинском караулах.
В) Артиллерия		
Восточно-Сибирская артиллерийская бригада:		
Бригадное управление		г. Хабаровка
1-я батарея (кроме горного дивизиона)		г. Благовещенск
Горный дивизион 1-й батареи		г. Хабаровка
2-я батарея (с горным дивизионом)		с. Никольское
3-я горная батарея		ур. Новокиевское
4-я горная батарея		ур. Барабаш
Управление Владивостокской крепостной артиллерии		г. Владивосток
Владивостокская крепостная артиллерийская рота		
Николаевская крепостная артиллерийская команда		на мысе Чныррах
Подвижной Артиллерийский полупарк		г. Чита
Г) Инженерные войска:		
Восточно-Сибирская Сапёрная рота		г. Владивосток
Д) Казачьи войска:		
1) Забайкальское:		
а) Пешее		
№ 1-й Пеший батальон:		
Штаб		г. Чита (временно лагерем при ст. Засопочной близ г. Читы)
1-я сотня		г. Чита
2-я сотня		
3-я сотня		
4-я сотня		
5-я сотня		Нерчинско-Александровский завод
№ 2-й Пеший батальон		
Штаб		Средне-Карийских промысах
1-я сотня		Амурских промыслах
2-я сотня		Верхн. Карийский
3-я сотня		Сред. Карийский
4-я сотня		Нижн. Карийск
5-я сотня		Усть-Кара
б) Конное		
№ 1-й Конный полк:		
Штаб		г. Чита
1-я сотня		г. Чита (временно в ст. Стретенской выставляя караулы в ст. Покровская, Игнашинская и

	Свербеевская
2-я сотня	дер. Домно (временно лагерем при г. Чита)
3-я сотня	кар. Полтавский (временно в с. Никольское)
4-я сотня	ур. Барабаш (в ур. Анучино одна полусотня, другая в командировке на р. Сучан)
5-я сотня	п. Камень-Рыболов (в Хабаровке при Управлении войск 20 чел.)
6-я сотня	д. Верхнечитинская (лагерем при г. Чита)
в) Артиллерия:	
№ 1-й Конная батарея	г. Верхнеудинск
№ 2-й Конная батарея	г. Чита
1) Амурское:	
а) Пешее:	
Амурский пеший полубатальон:	
Штаб	ст. Михайло-Семеновская
Первоочередная сотня	
Уссурийский пеший полубатальон:	
Штаб	п. Камень-Рыболов
Первоочередная сотня	
б) Конное	
Амурский Конный полк:	
Штаб	г. Благовещенск
1-я сотня	ур. Анучино
2-я сотня	г. Благовещенск
Е) Военные Управления, заведения и учреждения	
а) Военно-окружные управления:	
Окружное артиллерийское	г. Хабаровка
Окружное инженерное	
Окружное интендантское	
Окружное Военно-Медицинское	
б) Местные военные управления:	
Штаб войск Забайкальской области	г. Чита
Управление войск Амурской области	г. Благовещенск
Управление войск Приморской области	г. Хабаровка
Амурская Инженерная дистанция	г. Хабаровка
Владивостокская Инженерная дистанция	г. Владивосток
в) Продовольственные магазины:	
Читинский 2-го класса	г. Чита
Стретенский 3-го	с. Стретенск.
Троицкосавский 3-го	г. Троицкосавск
Верхнеудинский 3-го	г. Верхнеудинск
Благовещенский 1-го	г. Благовещенск
Николаевский 1-го	г. Николаевск
Новгородский 1-го	п. Новгородский
Хабаровский 1-го	г. Хабаровка
Раздольный 2-го	с. Раздольное
Славянский 2-го	ур. Славянка
Монгугайский 1-го	ур. Барабаш
Владивостокский 1-го	г. Владивосток
Никольский 1-го	с. Никольское
Камень-Рыболовский 1-го	п. Камень-Рыболов
Анучинский 2-го	ур. Анучино
Дуйский 2-го	п. Дуэ
в) Артиллерийские склады:	
Читинский Окружной Артиллерийский склад	г. Чита г. Хабаровка
Хабаровский Окружной Артиллерийский склад	
г) Военно-учебная:	

Читинская военно-фельдшерская школа	г. Чита
Читинская ветеринарная школа	
г) Военно-Врачебная:	
Полугоспитали:	
Читинский	г. Чита
Хабаровский	г. Хабаровка
Местные войсковые лазареты:	
Благовещенский на 100 кроватей	г. Благовещенск
Никольский на 115 кроватей	с. Никольское
При Уссурийском пешем казачьем полубатальоне	п. Камень-Рыболов
При Амурском пешем казачьем полубатальоне	ст. Михало-Семеновская
Войсковые больницы:	
Забайкальского казачьего войска:	
Для умалишённых	г. Чита
Кударинская	ст. Кударинская
Акшинская	г. Акша
Шелопугинская	г. Шелопугинск

Ист.: Квартирное росписание войск Приамурского военного округа. К 1 июля 1885 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1. Л. 85–87 об.

Таблица 4

Дислокация войск и расположение учреждений

Приамурского военного округа к 15 мая 1895 г.

Штаб округа	г. Хабаровск
Военно-Топографический отдел	
Окружное Интендантское Управление	
Окружное Артиллерийское Управление	
Окружное Инженерное Управление	
Окружное Медицинское Управление	
Канцелярия Заведывающего передвижением войск округа	
ЮЖНО-УССУРИЙСКИЙ ОТДЕЛ	
Штаб отдела	с. Никольское
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
Управление	с. Никольское
1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	п. Раздольный
2-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	ур. Анучино
3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	с. Никольское
4-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	
5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
Управление	ур. Новокиевское
6-я Восточно-Сибирский стрелковый батальон	ур. Посьет (п. Новг.)
7-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	ур. Новокиевское
8-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	ур. Барабаш
9-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	ур. Новокиевское
10-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	
Уссурийская конная бригада:	
Управление бригады	с. Никольское
Приморский конный дивизион: Штаб, 1-я и 2-я сотни (штаб формируется, сотни переходят из	ур. Славянка

мест прежнего квартирования)	
1-й Забайкальский казачий полк	
Штаб	с. Никольское
1-я сотня	ур. Барабаш
2-я сотня	ур. Анучино
3-я сотня	кар. Полтавский
4-я сотня	п. Камень-Рыболов, д. Астраханка
5-я сотня	ур. Атамановское (формируется)
Восточно-Сибирская артиллерийская бригада:	
Управление	с. Никольское
2-я легкая батарея	
Горная полубатарея при 2-й батарее	
3-я легкая батарея	ур. Новокиевское
Горная полубатарея при 3-й батарее	
4-я легкая батарея	с. Никольское
5-я легкая батарея	ур. Новокиевское
Части не входящие в состав Южно-Уссурийского отдела	
Штаб войск Забайкальской области	г. Чита
Управление войск Амурской области	г. Благовещенск
Штаб кр. Владивосток	кр. Владивосток
Управление местных войск о-ва Сахалин	п. Александровский
Военная канцелярия при Военном губернаторе Приморской области	кр. Владивосток
Линейные батальоны:	
1-й Восточно-Сибирский линейный батальон	кр. Владивосток
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Благовещенск
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Хабаровск
4-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Благовещенск (в пути следования из Забайкалья)
5-й Восточно-Сибирский линейный батальон От него команда в с. Владимировке (на р. Сучан)	кр. Владивосток
6-й Восточно-Сибирский линейный батальон Штаб, 1-я, 3-я и 4-я роты 2-я рота	г. Николаевск п. Александровский в зал. Де-Кастри
7-й Восточно-Сибирский линейный батальон	кр. Владивосток
8-й Восточно-Сибирский линейный батальон от него команда в п. Св. Ольги.	кр. Владивосток (Русский остров)
9-й Восточно-Сибирский линейный батальон	кр. Владивосток
10-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Хабаровск
Артиллерия:	
1-я легкая батарея	г. Благовещенск
6-я легкая батарея	г. Хабаровск
Подвижной артиллерийский полупарк и склад	г. Чита
Владивостокское крепостное артиллерийское управление	
Владивостокская крепостная артиллерия 1-я, 2-я и 3-я роты	кр. Владивосток
Николаевская крепостная артиллерийская команда	г. Николаевск (м. Чныррах)
Инженерные войска:	
Амурская инженерная дистанция	г. Хабаровск
Владивостокское крепостное инженерное управление	кр. Владивосток
Восточно-Сибирская саперная рота	
Владивостокская крепостная минная рота	
Резервные и местные войска:	
Стретенский резервный (кадр.) батальон	
Штаб, 1-я, 2-я, 4-я и 5-я роты	ст. Стретенская
3-я	г. Нерчинск
Местные войска:	
Хабаровская	г. Хабаровск
Благовещенская	г. Благовещенск
Дуйская	п. Дуэ (о. Сахалин)

Александровская	п. Александровский (о. Сахалин)
Тымовская	с. Рыковское (о. Сахалин)
Корсаковская	п. Корсаковский (о. Сахалин)
Читинская	г. Чита
Верхнеудинская	г. Верхнеудинск
Нерченско-Александровская	рудн. Акатуй
Конвойные команды:	
Боярская	с. Боярское
Ильинская	с. Ильинское
Курбинская	с. Курбинское
Онинская	с. Онинское
Укырская	с. Укыр
Шакшинская	с. Шакшинское
Турино-Поворотная	с. Турино-Поворотное
Размахнинская	с. Размахнинское
Нерчинская	г. Нерчинск.
Шелопугинская	ст. Шелопугинск.
Газимурская	с. Кавыкучи – Газимурская
Управления Воинских Начальников :	
Управление Забайкальского воинского Начальника	г. Чита
Управление местного Приморской области воинского Начальника	с. Никольское
Управление Амурского воинского Начальника	г. Благовещенск
Казачьи войска:	
Забайкальское: Войсковое Хозяйственное Правление с межевым отделением	г. Чита
Управление I-го Отдела	г. Троицкосавск
Управление II-го	г. Акша
Управление III -го	г. Нерчинск
1-й Забайкальский казачий батальон	
Штаб, 1-я, 2-я и 5-я сотни	г. Чита
3 сотня	с. Кенон
4-я сотня	п. Засопочный
2-й Забайкальский казачий батальон	
Штаб	Нерчинский завод
1-я сотня	руд. Зерентуйский
2-я сотня	руд. Алгачинский
3-я сотня	Александр. завод
4-я сотня	с. Олочинская
5-я сотня	руд. Кадаинский
2-й Забайкальский казачий полк	
Штаб и 1-я сотня	г. Чита
2-я сотня	с. Верхняя Чита
3-я и 4-я сотни	г. Троицкосавск
5-я (формируется)	п. Шишкин
6-я (формируется)	п. Застепный
1-я Забайкальская казачья батарея	г. Верхнеудинск
2-я Забайкальская казачья батарея	г. Чита
Амурское:	
Войсковое правление Амурского казачьего войска	г. Благовещенск
Амурский казачий полк:	
Штаб, 1 и 2 сотни	
Амурский казачий полубатальон: Штаб и первоочередная сотня	ст. Екатерино-Никольская
Уссурийское:	
Управление Уссурийского каз. войска	кр. Владивосток
Уссурийский казачий дивизион	
Штаб	п. Камень-Рыболов
Первоочередная сотня	п. Марковский и п. Ильинский
Военные заведения и учреждения:	

А) Военно-учебные:	
Хабаровская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса	г. Хабаровск
Б) Интендантские:	
Заведывающий интендантской частью Южно-Уссурийского края	кр. Владивосток
Заведывающий интендантской частью по денеж. довольствию войск Забайкальской области	г. Чита
Хабаровский вещевой склад	г. Хабаровск
Завозный магазин Хабаровского вещевого склада	кр. Владивосток
Продовольственные магазины:	
1-го класса:	
Хабаровский	г. Хабаровск
Благовещенский	г. Благовещенск
Николаевский	г. Николаевск
Владивостокский	кр. Владивосток
Никольский	с. Никольское
Монгугайский	с. Богословка
Александровский	п. Александровский
2-го класса:	
Стретенский	с. Стретенское
Читинский	г. Чита
Раздольнинский	п. Раздольный
Анучинский	ур. Анучино
3-го класса:	
Троицкосавский	г. Троицкосавск
Верхнеудинский	г. Верхнеудинск
Камень-Рыболовский	п. Камень-Рыболов
Нерчинский	г. Нерчинск
Славянский	ур. Славянка
Паровые мукомольни :	
Владивостокская	кр. Владивосток
Новгородская	ур. Посьет
Черниговская	с. Черниговское
В) Артиллерийские:	
Хабаровский артиллерийский склад	г. Хабаровск
Читинский артиллерийский склад	г. Чита
Г) Военно-Врачебные:	
Хабаровский военный полугоспиталь на 100 кроватей	г. Хабаровка
Читинский военный полугоспиталь на 100 кроватей	г. Чита
Местные лазареты:	
Благовещенский – на 100 кроватей	г. Благовещенск
Никольский – на 115кроватей (Временно до устройства помещения до 160 кроватей)	с. Никольское
Владивостокский – на 70 кроватей (Временно до устройства помещения до 115 кроватей)	г. Владивосток
Войсковые казачьи больницы:	
Кударинская	ст. Кударинская
Акшинская	г. Акша
Шелопугинская	ст. Стретенская
Читинская для умалишенных	г. Чита
Д) Войсковые казачьи школы:	
Читинская военно-фельдшерская	г. Чита
Читинская повивальная	
Е) Военно-судебные:	
Приамурский военно-окружной суд	кр. Владивосток

Ист.: Краткое квартирное росписание войск Приамурского военного округа. К 15 мая 1895 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6–8.

Таблица 5

Дислокация русских войск на Дальнем Востоке к 1 ноября 1899 г.

ПЕХОТА	
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	г. Никольск-Уссурийский
1-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Величества полк	пос. Раздольный
2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Никольск-Уссурийский
3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	ур. Новокиевское
5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
7-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	ур. Барабаш
3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	Порт-Артур
9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Талиенван
12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
1-я Восточно-Сибирская линейная бригада:	
штаб	г. Хабаровск
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон	
6-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Николаевск
8-й Восточно-Сибирский линейный батальон	Штаб графа Муравьева-Амурского
10-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Хабаровск
2-я Восточно-Сибирская линейная бригада:	
штаб	пост Новгородский
1-й Восточно-Сибирский линейный батальон	крепость Владивосток
5-й Восточно-Сибирский линейный батальон	ур. Славянка
7-й Восточно-Сибирский линейный батальон	крепость Владивосток
9-й Восточно-Сибирский линейный батальон	пост Новгородский
11-й Восточно-Сибирский линейный батальон	ур. Зайсановка
линейные батальоны не входящие в состав бригад:	
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон	г. Благовещенск
4-й Восточно-Сибирский линейный батальон	
резервные батальоны:	
Стретенский резервный батальон	г. Стретенск
Читинский резервный батальон	г. Чита
КАВАЛЕРИЯ	
Уссурийская конная бригада:	
управление	г. Никольск-Уссурийский
Приморский драгунский полк	с. Раздольное
1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Никольск-Уссурийский
В ведении начальника штаба войск Квантунского полуострова:	
1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Талиенван
Уссурийская казачья сотня	г. Хабаровск
АРТИЛЛЕРИЯ	
1-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	г. Никольск-Уссурийский
2-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	г. Благовещенск
Забайкальский артиллерийский дивизион	г. Нерчинск
Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион	Порт-Артур
1-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Никольск-Уссурийский
2-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Нерчинск
ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА	
Восточно-Сибирский саперный батальон	г. Хабровск
Квантунская саперная рота	Порт-Артур

1-й Уссурийский железнодорожный батальон	крепость Владивосток
КАЗАЧЬИ ВОЙСКА	
Забайкальское казачье войско:	
1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Талиенван
1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Никольск-Уссурийский
1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Чита
2-й забайкальский казачий батальон	
1-я Забайкальская казачья батарея	г. Верхнеудинск
2-я Забайкальская казачья батарея	г. Чита
Амурское казачье войско:	
Амурский казачий полк	г. Благовещенск
Уссурийское казачье войско:	
Уссурийская казачья сотня	г. Хабаровск

Ист.: Краткое росписание сухопутных войск. Исправлено по 1 ноября 1899 г. СПб.: Военная типография, 1899. С. 62–63, 68–69, 83, 104–105, 126–127, 142, 149–151, 158–159.

Таблица 6

Дислокация русских войск на Дальнем Востоке к 1 июня 1901 г.

ПЕХОТА	
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	временно Мукден
1-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Величества полк	временно Ляоян
2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Цзинь-чжоу-фу
3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Мукден
4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Кобанци
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	г. Никольск-Уссурийский
5-й Восточно-Сибирский стрелковый Его Величества полк	временно Шанхай-гуань
6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	ур. Новокиевское
7-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Никольск-Уссурийский
8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	ур. Барабаш
3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	Порт-Артур
9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Талиенван
12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	Порт-Артур
4-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	временно Гирин
13-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
14-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
15-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Мукден
16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	ур. Зайсановка
5-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	временно Харбин
17-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	
18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Талай-Джао
19-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Кай-нань-сян
20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	временно Цицикар
6я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	
штаб	г. Хабаровск
21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Благовещенск

22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Благовещенск (на пути из Харбина в г. Никольск-Уссурийский)
23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Николаевск
24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Хабаровск
резервные батальоны:	
Стретенский резервный батальон	г. Стретенск
Читинский резервный батальон	г. Чита
Нерчинский резервный батальон	временно Хайлар
Верхнеудинский резервный батальон	г. Верхнеудинск
КАВАЛЕРИЯ	
Уссурийская конная бригада:	
управление	г. Никольск-Уссурийский
Приморский драгунский полк	с. Раздольное (на пути из Итунджоу)
1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Никольск-Уссурийский
1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска	временно Мукден
Уссурийский казачий дивизион	временно Харбин
В ведении начальника штаба войск Квантунской области:	
1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Талиенван
АРТИЛЛЕРИЯ	
1-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	г. Никольск-Уссурийский
2-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	временно Куанценцзы
отдельный Забайкальский артиллерийский дивизион	времени Цицикар
Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион	Порт-Артур
1-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Никольск-Уссурийский
2-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Нерчинск
КАДРОВЫЕ ОБОЗНЫЕ ЧАСТИ	
Южно-Уссурийская кадровая обозная рота	г. Никольск-Уссурийский
ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА	
1-й Восточно-Сибирский саперный батальон	г. Хабровск
2-й Восточно-Сибирский саперный батальон	
Квантунская саперная рота	Порт-Артур
1-й Уссурийский железнодорожный батальон	крепость Владивосток
3-й железнодорожный батальон	временно в Приам в.о.
КАЗАЧЬИ ВОЙСКА	
Забайкальское казачье войско:	
1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	временно Ляоян
2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	г. Троицкосавск
3-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска	н/д
1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска	временно Шанхай-гуань
1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска	временно Мукден
1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска	временно Нингута
1-я Забайкальская казачья батарея	г. Никольск-Уссурийский
2-я Забайкальская казачья батарея	временно Итунджоу
Амурское казачье войско:	
Амурский казачий полк	г. Благовещенск
Амурский казачий дивизион	н/д
Уссурийское казачье войско:	
Уссурийский казачий дивизион	г. Хабаровск

Ист.: Краткое росписание сухопутных войск. Исправлено по 1 ноября 1901 г. СПб.: Военная типография, 1901. С. 19–20, 60, 70–73, 89–90, 111–112, 133–134, 149, 156–157, 165–167.

Таблица 7

Дислокация войск Приамурского военного округа и Квантунской области в марте–апреле 1903 г.

ПРИАМУРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ	
1-й Сибирский армейский корпус	
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	г. Никольск-Уссурийский
1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	п. Раздольный
2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Никольск-Уссурийский
3-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Никольск-Уссурийский
4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Никольск-Уссурийский
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	ур. Новокиевское
5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	ур. Новокиевское
6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов кв. 2 бат., 3 роты шт. 1-го бат., 2 роты 1 рота 1 рота	ур. Новокиевское ур. Новокиевское кр. Хунчун Посьет Китасо
7-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	ур. Новокиевское
8-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	ур. Барабаш
6-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	г. Никольск-Уссурийский
21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 бат. шт. 2-го бат. 2 роты 1 рота 1 рота	г. Благовещенск порт Марии Магдалины ст. Покровск
22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Никольск-Уссурийский
23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1, шт. 2 бат. и 3 роты 1 роты	г. Никольск-Уссурийский Санчагоу
24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	г. Хабаровск
Приморский драгунский полк кв. 1–6 эскадронов	с. Раздольное
Уссурийский казачий дивизион кв. шт. и 1 сотни 1 сотни	г. Никольск-Уссурийский г. Владивосток
1-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	
Штаб	г. Никольск-Уссурийский
1-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
2-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
3-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
4-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
5-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
6-я батарея (8 легких пушек)	ур. Новокиевское
7-я батарея (8 легких пушек)	г. Никольск-Уссурийский
8-я батарея (8 легких пушек)	ур. Новокиевское
1-я Забайкальская казачья батарея (6 орудий)	г. Никольск-Уссурийский[8]
1-й Восточно-Сибирский саперный батальон кв. 1, 2, 3 и телеграфной роты	ур. Славянка
2-й Сибирский армейский корпус	
Штаб	г. Хабаровск

[8] Этот пункт в документе вычеркнут.

4-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	с. Спасское
13-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	ст. Иман
14-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	ст. Харбин
15-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	с. Спасское
16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	с. Спасское
5-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	г. Хабаровск
17-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Благовещенск
18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Хабаровск
19-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Хабаровск
20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Хабаровск
Амурский конный казачий полк кв. 1 и 2 сотен 1 сотни	г. Благовещенск Екатерино-Никольское
1-й Аргунский конный казачий полк ЗКВ штаб и 3 сотни 1 сотня 1 сотня 1 сотня	с. Спасское г. Хабаровск Камень-рыболов г. Харбин
1-й Нерчинский конный казачий полк ЗКВ	ст. Гродеково
2-я Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	
Штаб	г. Хабаровск
1-я батарея (8 легких пушек)	г. Харбин
2-я батарея (8 легких пушек)	г. Благовещенск
3-я батарея (8 легких пушек)	г. Хабаровск
4-я батарея (8 легких пушек)	г. Хабаровск
Забайкальский артиллерийский дивизион	
Штаб	г. Нерчинск
1-я батарея (8 легких пушек)	г. Нерчинск
2-я батарея (8 легких пушек)	г. Нерчинск
2-я Забайкальская казачья батарея (6 орудий)	с. Спасское
2-й Восточно-Сибирский саперный батальон 1-я и 2-я саперные, 1 понтонная и 1 телеграфная роты	г. Хабаровск
Части не входящие в состав корпусов	
1-я Сибирская пехотная резервная бригада	
Управление	г. Чита
1-й Стретенский резервный батальон кв. 2, 3, 4, 5 рот 1 роты	ст. Стретенск г. Нерчинск
2-й Читинский резервный батальон кв. 1, 2, 3, 4, 5 рот	г. Чита
3-й Нерчинский резервный батальон кв. 1, 2, 3 и 4 рот	г. Хайлар
4-й Верхнеудинский резервный батальон кв. штаба, 1, 2 и 4 рот 3 роты	г. Верхнеудинск г. Троицкосавск
Южно-Уссурийская обозная кадровая рота	г. Никольск-Уссурийский
1-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Никольск-Уссурийский
2-й Восточно-Сибирский летучий артиллерийский парк	г. Нерчинск
Инженерные войска	
Уссурийский железнодорожный батальон кв. штаба, 1 и 2 рот 3 и 4 рот 6 роты 5 роты	г. Никольск-Уссурийский ст. Иман г. Хабаровск ст. Вяземская
Владивостокская крепостная саперная рота	г. Владивосток
Амурская крепостная минная рота	г. Николаевск
Владивостокская крепостная мина рота	г. Владивосток
Новокиевская крепостная минная рота	ур. Посьет
Крепостной телеграф	г. Владивосток
Местные команды	
Читинская	
Верхнеудинская	

Благовещенская	
Хабаровская На Сахалине: Дуэ, Александровск, Тымовск и Корсаковский пост	
Крепостные пехотные части:	
1-й Владивостокский крепостной пехотный полк кв. 1, 2, и 3 батал.	г. Владивосток
2-й Владивостокский крепостной пехотный полк кв. 1, 2, и 3 батал.	г. Владивосток
Николаевский крепостной пехотный батальон	г. Николаевск
Крепостная артиллерия:	
Владивостокская (2 батальона)	
Николаевская (1 рота)	
Посьетская крепостная артиллерийская команда	
ВОЙСКА В КВАНТУНСКОЙ ОБЛАСТИ	
3-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада	
Штаб	Порт-Артур
9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	Порт-Артур
10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	Порт-Артур
11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	г. Талиенван
12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк кв. 1 и 2 батальонов	Порт-Артур
Отдельная Сибирская казачья бригада	
Управление	?
1-й Верхнеудинский полк ЗКВ	?
1-й Читинский полк ЗКВ	?
1-я Забайкальская казачья батарея	?
Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион кв. 1, 2 и 3 батарей (по 3 легкие полевые пушки)	Порт-Артур
Квантунская саперная рота	Порт-Артур
Порт-Артурский крепостной пехотный полк кв. 1 и 2 батальонов	Порт-Артур
Квантунская крепостная артиллерия кв. 1-й и 2-й батарей	Порт-Артур

Ист.: Войска Приамурского военного округа. К 1 марта/апреля 1903 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 33–34 об.

Таблица 8

Гарнизон укрепленного района Порт-Артур – Цзинь-чжоу к 27 января 1904 г.

Места квартирования	Наименования частей	Части, составляющие постоянный гарнизон крепости		Части, случайно оказавшиеся на Квантуне	
		Число батальонов, рот, сотен, орудий	Наличный состав части (число нижних чинов)	Число батальонов, рот, сотен, орудий	Наличный состав части (число нижних чинов)
Порт-Артур	**7-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада**				
	25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	3 батал.	8.200	–	–
	26-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	3 батал.		–	–
	27-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	3 батал.		–	–
	28-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	3 батал.		–	–
	3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады				
	10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	–	–	2 батал	2.000

	Конно-охотничья команда 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка	–	–	1 ком.	150
	Команды для охраны имущества	2 роты	450	–	–
	9-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады	–	–	7 рот	1.400
	Квантунской крепостной артиллерии	2 батал.	3.000	–	–
	1-я батарея Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона	–	–	8 оруд.	250
	Квантунская саперная рота	1 рота	300	–	–
	Телеграфная рота 2-го Восточно-Сибирского саперного батальона	–	–	1 рота	100
	4-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка ЗКВ	1 сотня	150	–	–
	Итого	14¾ батал. 1 сотня	12.100	4 батал., 1 ком., 8 пол. ор.	3.900
		16.000			
Талиенван	**4-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады**				
	13-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	2 батал.	2.000	–	–
	15-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	3 роты	800	–	–
	9-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады	–	–	1 рота	200
	1-я батарея 2-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады	8 оруд.	300	–	–
	1-я батарея Забайкальского артиллерийского дивизиона	8 оруд.	300	–	–
	1-го Верхнеудинского казачьего полка ЗКВ	–	–	4 сотни	600
г. Дальний	14-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	2 батал.	2.000	–	–
	9-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады	–	–	1 рота	200
Цзинь-чжоу	5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк	1 ½ батал.	1.600	–	–
	9-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады	–	–	1 рота	200
Бицзыво	5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка	1 рота	200	–	–
	1-го Верхнеудинского казачьего полка ЗКВ	–	–	1 сотня	150
	Итого вне Порт-Артура	6 ½ батал., 16 пол. ор.	7.200	3 роты, 5 сотен	1.350
		8.550			
	Всего в укрепленном районе	21 ¼ батал., 1 сотня, 16 пол. ор.	19.300	5 батал. 5 сотен, 8 пол. ор.	5.250
		24.550			

Ист.: Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 8. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Приложение № 10. С. 46.

Приложение 2

Списочный состав русских войск в Восточном Сибирском военном округе в 1865–1883 гг.

		1865	1867	1868	1869
регулярных войсках	генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чиновников	294	–	395	–
	нижних чинов строевых и нестроевых	10.071	–	12.163	–
казачьих	штаб- и обер-офицера и классных чиновника	326	–	297	–
	нижних чинов строевых и нестроевых	41.449	–	41.740	–

	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883
генерал	11	12 (+1)	10 (-2)	9 (-1)	7	7	7	9 (+2)	7 (-2)	7	8 (+1)	9 (+1)	9	10 (+1)
штаб- и обер-офицеров	326	313 (-13)	318 (+5)	320 (+2)	311	331 (+20)	350 (+19)	354 (+4)	367 (+13)	339 (-28)	358 (+19)	463 (+105)	483/477 [1] (+20)	466 (-11)
классных чиновников	112	118 (+6)	152 (+34)	131 (-21)	152	178 (+26)	202 (24)	208 (+6)	213 (+5)	217 (+4)	221 (+4)	221	227 (+6)	250 (+23)
нижних чинов	10.965	12.886 (+1.921)	13.128 (+242)	–[2]	13.219	13.514 (+295)	12.169 (-1.345)	12.179 (+10)	12.528	12.616 (+88)	12.852 (+236)	16.435 (+3.583)	16.019 (+416)	15.616 (-403)

Цифры приведены по данным на 1 января каждого года.

[1] Первая цифра – данные из отчета за 1881 г., вторая – за 1882 г.

[2] Цифра «ушла под переплет» дела при неправильной архивной сшивке.

Сост. по: Отчет по управлению Восточной Сибири за 1865 г. (список) // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 618. Л. 62 об.–63;

Отчет по управлению Восточной Сибири за 1867 г. (список) // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 623. Л. 54–58;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1868 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 757. Л. 2;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1869 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 758. Л. 1–1 об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1870 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 759. Л. 1а–1а об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1871 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 760. Л. 1–2;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1872 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 761. Л. 1–1 об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1874 г. // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 2. Д. 461. Л. 1–1 об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1875 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 764. Л. 1–1 об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1876 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 765. Л. 1–1 об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1877 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 766. Л. 1а–1а об.;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Издается по распоряжению Генерал-Губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. Т. I. Вып. II. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками округа за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления военного. Иркутск, 1884. С. 1;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1880 г. // Там же. С. 64;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1881 г. // Там же. С. 208;

Всеподданнейший отчет по управлению Вост. Сиб. в.о. за 1882 г. // Там же. С. 273.

Приложение 3

Списочный состав русских войск в Приамурском военном округе в 1884–1903 гг.

	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894
генерал	10	11 (+1)	13	13	15 (+2)	16 (+1)	16	16	17 (+1)	17	18/17[1]
штаб- и обер-офицеров	334	354/519[2] (+20)	536	645/475[3]	477 (+2)	472 (-5)	503 (+31)	505 (+2)	578 (+73)	613 (+35)	669/775[1]
классных чиновников	165	156/177[2] (-9)	220	235/190[3]	186 (-4)	191 (+5)	197 (+6)	197	200 (+3)	210 (+10)	212/210[1]
нижних чинов	11.601	13.827/ 17.815[2] (+2.226)	19.114	23.642/ 19.948[3]	20.804 (+956)	21.825 (+1.021)	23.395 (+1.570)	24.092 (+697)	24.721 (+629)	26.311 (+1.590)	26.871/ 31.596[1]

	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
генерал	18	21 (+3)	26 (+5)	30 (+4)	29 (+3)	–	–	–	–
штаб- и обер-офицеров	809	1.060 (+251)	1.312 (+252)	1.372 (+60)	1.625 (+253)	–	–	–	1.479
классных чиновников	241/192[4]	202 (+10)	205 (+3)	216 (+11)	206 (-10)	–	–	–	–
нижних чинов	32.885	29.594 (+3.291)	37.669 (+8.075)	40.450 (+2.781)	51.868 (+11.418)	–	–	–	55.773

Цифры приведены по данным на 1 января каждого года. Официальные данные за 1900–1902 гг. в отчетах отсутствуют.

[1] Первая цифра – данные из отчета за 1893 г., вторая – за 1894 г.
[2] Первая цифра – данные из отчета за 1884 г., вторая – за 1885 г.
[3] Первая цифра – данные из отчета за 1886 г., вторая – за 1887 г.
[4] Первая цифра – данные из отчета за 1894 г., вторая – за 1895 г.

Сост. по: Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1884 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 1–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1885 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 1–1 об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1886 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 853. Л. 1–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1887 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 854. Л. 1–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1888 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 856. Л. 1–1 об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1889 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 858. Л. 1–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1890 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 859. Л. 1–1 об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1891 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 861. Л. 1–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1892 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 864. Л. 1–1 об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1893 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 865. Л. 1;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1894 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 866. Л. 1а–1а об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1895 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 867. Л. 1–1а;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1896 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 1–1 об.;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1897 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 868. Л. 1а–2;
Всеподданнейший отчет по управлению Приам. в.о. за 1898 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 872. Л. 1а–3;
Всеподданнейший отчет Командующего войсками Приам. в.о. за 1900 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 874. Л. 1–11;
Всеподданнейший отчет Командующего войсками Приам. в.о. за 1901 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 875. Л. 1–6;
Всеподданнейший отчет Командующего войсками Приам. в.о. за 1902 г. // РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 876. Л. 1 а.

Приложение 4

Сравнительный анализ динамики изменения штатного состава войск на российском Дальнем Востоке и в Варшавском военном округе в 1883–1902 гг.

Таблица 1

Штатный состав войск Варшавского военного округа и Дальнего Востока (с 1884 г. – Приамурский военный округ; с 1898 г. вместе с Квантунской областью) в 1883–1902 гг.

Год	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Штатный состав нижних чинов в тыс.	Возрастание		Штатный состав нижних чинов в тыс.	Возрастание	
		в тыс.	в %		в тыс.	в %
1883	107,3	–	–	17,4	–	–
1884	112,6	5,2	4,9	18,7	0,8	4,0
1885	114,8	2,2	2,1	18,6	0,1	0,5
1886	118,2	3,4	3,0	18,6	0	0
1887	120,4	2,2	1,8	22,8	4,2	23,3
1888	129,8	9,4	7,8	23,1	0,3	1,1
1889	153,2	23,4	18,0	24,2	1,1	4,1
1890	157,5	4,3	2,9	24,5	0,3	1,0
1891	161,4	3,9	2,5	24,5	0	0
1892	187,7	21,3	17,0	27,5	3,0	12,0
1893	195,4	8,2	4,0	28,9	1,4	5,0
1894	196,6	0,7	0,4	30,0	1,1	3,8
1895	232,2	35,6	18,1	32,1	2,1	7,0
1896	241,3	9,1	4,0	38,2	6,1	19,1
1897	248,8	7,5	3,1	44,8	6,6	17,4
1898	258,5	9,7	3,4	48,3	3,5	7,8
1899	259,9	1,4	0,5	61,3	13,0	29,2
1900	259,9	0	0	64,0	2,7	4,5
1901	258,4	1,5	0,6	82,0	18,0	28,1
1902	259,1	0,7	0,3	80,9	1,1	1,4

Показатели приведены по данным на 1 января каждого года, без пограничной стражи, находящейся вне юрисдикции военного ведомства.

Таблица 2

Рост численности нижних чинов войск Варшавского военного округа и Дальнего Востока (Приамурский военный округ; с 1898 г. вместе с Квантунской областью) в 1883–1902 гг. по пятилетиям

Среднее за пятилетие	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Численность нижних чинов в тыс.	Рост по сравнению с прошедшим 5-летием		Численность нижних чинов в тыс.	Рост по сравнению с прошедшим 5-летием	
		в тыс.	в %		в тыс.	в %
1883–1887	114,7	–	–	19,3	–	–
1888–1892	157,9	43,2	37,5	24,8	5,5	29,0
1893–1897	227,4	69,5	43,8	34,8	10,0	40,1
1898–1902	259,1	31,4	13,4	67,8	32,5	92,9

Таблица 3

Изменение соотношения численности войск, дислоцировавшихся в Варшавском военном округе и Дальнем Востоке в 1883–1902 гг. по пятилетиям (суммарная численность войск принята за 100%)

Пятилетие	Варшавский округ	Дальний Восток
1883–1887	85,5%	14,5%
1888–1892	85,8%	14,2%
1893–1897	87,5%	13,5%
1898–1902	79,5%	20,5%

Таблица 4

Соотношение численности войск и населения в Варшавском военном округе и на российском Дальнем Востоке

Год	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Численность в тыс.		На 1 тыс. жителей приходится нижних чинов	Численность в тыс.		На 1 тыс. жителей приходится нижних чинов
	население	нижние чины		население	нижние чины	
1883	7.043	107	15	495	18	34
1892	8.267	188	23	695	27	40
1902	9.456	252	26	1.002	81	81

Ист.: Записка полковника А.А. Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке». 14 марта 1903 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–1 об., 2, 3, 4 об.

Приложение 5

Сравнительный анализ государственных доходов и расходов на оборону российского Дальнего Востока и Варшавского военного округа в 1883–1902 гг.

Таблица 1

Соотношение обыкновенных расходов Военного министерства, производимых в Варшавском округе и на Дальнем Востоке (в млн руб)[1].

Год	Варшавский округ	Дальний Восток
1893	34,8	6,6
1894	30,9	6,1
1895	33,4	9,1
1896	36,3	10,7
1897	37,6	11,9
1898	40,8	16,6
1899	42,2	18,9
1900	44,2	19,5
1901	44,2	20,0
Всего	**345,4**	**109,4**
В среднем в год	**38,4**	**12,2**
Рост расходов в 1894–1901	**13,3 млн. руб. (43%)**	**13,9 млн. руб. (288%).**

Таблица 2

Показатели обыкновенных расходов Военного и Морского министерства, производимых на оборону Дальнего Востока (учтены расходы морского ведомства, произведенные в Приморской и Квантунской областях; в млн руб)

Год	Обыкновенные расходы в мил. руб.		
	Военного министерства	Морского министерства	Всего
1893	6,6	1,9	8,5
1894	6,1	2,1	8,2
1895	9,1	2,7	11,8
1896	10,7	3,2	13,9
1897	11,9	3,7	15,6
1898	16,6	3,6	20,2
1899	18,9	5,8	24,7
1900	19,5	8,3	27,8
1901	20,0	10,4	30,4
Всего	**109,4**	**41,7**	**161,1**

[1] Сост. в 1903 г. А.А. Гулевичем по данным Приложений к отчетам Государственного Контроля, где начиная с 1893 г., размещались сведения о распределении расходов по губерниям и ведомствам. За Варшавский округ были приняты условно губернии бывшего царства Польского, а за Дальний Восток области: Приморская, Амурская, Забайкальская и Квантунская и остров Сахалин. В 1900 и 1901 гг. включены на Дальний Восток обыкновенные расходы, произведенные полевыми казначействами через Русско-Китайский банк.

Таблица 3

Затраты на обеспечение внешней безопасности (т.е. суммарный обыкновенный расход Военного и Морского министерств) Варшавского военного округа и российского Дальнего Востока в расчете на одного жителя обороняемой территории

Год	Варшавский округ	Дальний Восток
1893	4 руб. 21 коп.	12 руб. 13 коп.
1901	4 руб. 65 коп.	30 руб. 28 коп.

Таблица 4

Государственные расходы на местности Варшавского военного округа (10 польских губерний) и российского Дальнего Востока (4 области и о. Сахалин) в 1893–1901 гг.[2] (в млн руб.)

Год	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Обыкновенный расход	Чрезвычайный расход	Всего	Обыкновенный расход	Чрезвычайный расход	Всего
1893	66,5	2,3	68,3	15,5	5,0	20,5
1894	64,0	1,4	65,4	15,1	5,7	20,8
1895	67,5	3,1	70,6	19,0	6,0	25,0
1896	73,3	3,8	77,1	23,4	8,5	31,9
1897	78,3	3,7	82,0	26,8	7,5	34,3
1898	92,4	1,7	94,1	34,2	3,0	37,2
1899	97	1,4	98,4	41,0	1,2	42,2
1900	101,5	3,9	105,4	43,9	25,6	69,5
1901	106,4	5,1	111,5	48,1	21,6	69,7
Всего	**746,7**	**26,2**	**773,3**	**267**	**64,1**	**351,1**

[2] До 1893 г. такие данные в Отчетах Государственного Контроля не публиковали. За 1900 и 1901 гг. включены и расходы, произведенные из полевых казначейств и через Русско-Китайский банк.

Таблица 5

Соотношение государственные расходов на местности Варшавского военного округа (10 польских губерний) и российского Дальнего Востока (4 области и о. Сахалин) и получаемых с этих территорий доходов в 1893–1901 гг.[3] (в млн руб.)

Год	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Доходы	Превышение доходов над расходами		Доходы	Превышение расходов над доходами	
		Обыкновенные расходы	Обыкновенные и чрезвычайные расходы		Обыкновенные расходы	Обыкновенные и чрезвычайные расходы
1893	94,9	28,4	26,1	5,4	10,5	15,1
1894	114,3	50,4	48,9	5,1	10,0	15,7
1895	109,0	41,4	38,4	5,9	13,1	19,1
1896	109,0	35,7	31,3	7,3	16,1	24,6
1897	108,4	30,1	26,4	8,2	18,6	26,1
1898	122,3	24,9	28,5	8,7	25,5	28,5
1899	135,0	38,2	36,6	9,4	31,6	32,8
1900	125,2	27,7	19,8	11,8	32,9	58,5
1901	126,0	19,6	14,5	12,8	35,4	55,1
Всего	**1.044,1**	**297,3**	**270,8**	**73,8**	**193,5**	**275,3**

Таблица 6

Соотношение государственные расходов на местности Варшавского военного округа (10 польских губерний) и российского Дальнего Востока (4 области и о. Сахалин) и получаемых с этих территорий доходов в расчете на одного жителя этих территории в 1893–1901 гг. (в млн руб.)

Год	Варшавский округ			Дальний Восток		
	Доходы	Всего расхода	Чистого расхода	Доходы	Всего расхода	Чистого расхода
1899	11 р. 49 к.	8 р. 33 к.	3 р. 16 к.	7 р. 71 к.	29 р. 28 к.	21 р. 57 к.
1901	19 р. 93 к.	11 р. 79 к.	1 р. 54 к.	12 р. 62 к.	67 р. 74 к.	55 р. 12 к.

Ист.: Записка полковника А.А. Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке». 14 марта 1903 г. // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 6 об.–9.

[3] До 1893 г. такие данные в Отчетах Государственного Контроля не публиковали. За 1900 и 1901 гг. включены и расходы, произведенные из полевых казначейств и через Русско-Китайский банк.

Приложение 6

Готовность частей войск Приамурского военного округа к выступлению в поход во время мобилизации 1895 г.

Название частей	Сроки готовности	Примечания
Войска Южно-Уссурийского отдела		Первый день мобилизации 20 Апреля
1-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	Апреля	
1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	28	
2-й – // –	28	
3-й – // –	28	
4-й – // –	28	
5-й – // –	28	
2-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада:	Мая	
6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон	4	
7-й – // –	4	
8-й – // –	2	
9-й – // –	8	
10-й – // –	8	
Приморский конный дивизион	29 апреля	
1-й Забайкальский казачий полк	29 апреля	
Восточно-Сибирская артиллерийская бригада	Мая	
2-я легкая батарея	3	
Горная полубатарея при 2-й легкой батарее	3	
Горна полубатарея при 3-й батарее	3	
4-я легкая батарея	3	
5-я легкая батарея	3	
Гарнизон кр. Владивосток	Апреля	
1-й Восточно-Сибирский линейный батальон	29	
5-й – // –	29	
7-й – // –	29	
8-й – // –	29	
9-й – // –	29	
Крепостная артиллерия	29	
Владивостокская минная рота	29	
Восточно-Сибирская саперная рота	29	
Войска Забайкальской области		
1-й Забайкальский казачий батальон	2 мая	
2-й – // –	14 мая	

3-й – // –	1 мая	
4-й – // –	6 мая	
5-й – // –	30 апреля	
6-й – // –	3 мая	
2-й Забайкальский казачий полк	29 апреля	
3-й – // –	2 мая	
4-й – // –	12 мая	
1-я Забайкальская казачья батарея	6 мая	
2-я	8 мая	
3-я	10 мая	
1-й Стретенский резервный батальон	10 мая	
2-й – // –	10 мая	
3-й – // –	10 мая	
4-й – // –	10 мая	
5-й – // –	11 мая	
Войска Амурской области		
2-й Восточно-Сибирский линейный батальон	15 мая	
4-й – // –		Был на походе из Забайкальской области
Казачий пеший полубатальон	15 мая	
1-я легкая батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады	15 мая	
Амурский конный казачий полк	15 мая	
Войска Приморской области не входящие в состав Южно-Уссурийского отдела		
3-й Восточно-Сибирский линейный батальон	2 мая	
6-й – // –	4 мая	
10-й – // –	1 мая	
6-я легкая батарея Восточно-Сибирской артиллерийской бригады	3 мая	
Николаевская крепостная артиллерийская команда	4 мая	

Ист.: Отчет о мобилизации войск Приамурского военного округа весною 1895 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 86. Л. 20 об.–22.

Приложение 7

Командующие войсками Восточного Сибирского и Приамурского военных округов

Восточный Сибирский военный округ:

1. Корсаков Михаил Семенович (06.08.1865–21.01.1871)
2. Синельников Николай Петрович (21.01.1871–14.12.1873)
3. Фредерикс Платон Александрович (14.12.1873–10.08.1879)
4. Анучин Дмитрий Гаврилович (07.12.1879–14.07.1884)

Приамурский военный округ:

1. Корф Андрей Николаевич (14.07.1884–07.02.1893)
2. Духовской Сергей Михайлович (09.03.1893–28.03.1898)
3. Гродеков Николай Иванович (28.03.1898–30.08.1902)
4. Субботич Деан Иванович (02.11.1902–07.09.1903)
5. Линевич Николай Петрович (02.10.1903–22.10.1904)
6. Хрещатицкий Ростислав Александрович (14.11.1904–8.11.1905)
7. Унтербергер Павел Федорович (8.11.1905–06.12.1910)
8. Лечицкий Платон Алексеевич (23.12.1910–09.08.1914)
9. Нищенков Аркадий Никанорович (10.11.1914–31.05.1917)